

Евразийский юридический журнал

№ 5 (120) 2018

Редакционный совет журнала

Председатель

МАЦКЕВИЧ Игорь Михайлович, д.ю.н., профессор (Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина – МГЮА)

Заместитель председателя

БЕКЯШЕВ Камил Абдулович, д.ю.н., профессор (Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина – МГЮА)

Члены редакционного совета

АБАШИДЗЕ Аслан Хусейнович, д.ю.н., профессор (Российский университет дружбы народов)

БАТХИЕВ Рашид Хусейнович, к.ю.н., судья верховного суда Российской Федерации в отставке

БИРЮКОВ Павел Николаевич, д.ю.н., профессор (Воронежский государственный университет)

БОНДАРЕНКО Виктор Николаевич, д.ф.н., профессор (Уфимский государственный нефтяной технический университет)

БУРЕНИНА Ирина Валерьевна, д.э.н., профессор (Уфимский государственный нефтяной технический университет)

БЫСТРОВ Григорий Ефимович, д.ю.н., профессор (Российский государственный аграрный университет –

Московская сельскохозяйственная академия им. К. А. Тимирязева – РГАУ-МСХА)

ВАЛЕЕВ Револь Миргалимович, д.ю.н., профессор (Казанский (Приволжский) федеральный университет – КФУ)

ГРАЧЕВА Елена Юрьевна, д.ю.н., профессор (Московский государственный юридический университет

ГУСЕЙНОВ Абдусалам Абдулкеримович, д.ф.н., академик РАН (Институт философии РАН)

ЗОПОТОВ Александр Владимирович, д.э.н., профессор (Нижегородский государственный университет

им. Н.И. Лобачевского – ННГУ)

ИСМАИЛОВ Шавкат Махмудович, д.ю.н., профессор, государственный советник юстиции Республики Таджикистан

КРИВЕНЬКИЙ Александр Иванович, д.и.н., профессор (Московский городской педагогический университет)

КОЧАРЯН Виген Владимирович, к.ю.н., доцент (Ереванский государственный университет)

ЛЕШКЕВИЧ Татьяна Геннадьевна, д.ф.н., профессор (Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону)

ЛУКОВ Валерий Андреевич, д.ф.н., профессор (Московский гуманитарный университет – МосГУ)

МАУЛЕНОВ Касым Сырбаевич, д.ю.н., профессор (Международный университет информационных технологий,

г. Алматы, Республика Казахстан)

МИШАЛЬЧЕНКО Юрий Владимирович, д.э.н., профессор (Санкт-Петербургский государственный университет)

МУХАМЕТШИН Фаим Баязитович, д.ю.н., профессор (Уфимский юридический институт МВД России)

НЕЧЕВИН Дмитрий Константинович, д.ю.н., профессор (Московский государственный юридический университет

им. О.Е. Кутафина – МГЮА)

НИГМАТУЛЛИН Ришат Вахидович, д.ю.н., профессор (Уфимский юридический институт МВД России)

РОМАНОВСКАЯ Вера Борисовна, д.ю.н., профессор (Нижегородский государственный университет

им. Н.И. Лобачевского – ННГУ)

САЛИХОВ Гафур Губаевич, д.ф.н., профессор (Башкирский государственный университет)

СИНЕЛЬНИКОВА Валентина Николаевна – д.ю.н., профессор (Высшая школа экономики)

СИНЮКОВ Владимир Николаевич, д.ю.н., профессор (Московский государственный юридический университет

им. О.Е. Кутафина – МГЮА)

СМАГУЛОВ Асылбек Айжарыкович, д.ю.н., профессор (Институт законодательства Республики Казахстан)

СМИРНОВ Андрей Вадимович, д.ф.н., академик РАН (Институт философии РАН)

СТЕПИН Вячеслав Семенович, д.ф.н., академик РАН (Институт философии РАН, Президент Российского философского

общества)

ТИТОВ Вадим Александрович, д.ф.н., профессор (Российская экономическая академия им. Г.В. Плеханова – РЭА)

ФАРХУТДИНОВ Инсур Забирович, д.ю.н. (Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва),

Председатель редакционной коллегии (Главный редактор)

ФАТКУДИНОВ Зуфар Максумович, д.ю.н., профессор (Университет управления «ТИСБИ», г. Казань)

ФАХРУТДИНОВА Елена Валерьевна, д.э.н., профессор (Казанский (Приволжский) федеральный университет – КФУ)

ХАЙКИН Марк Михайлович, д.э.н., профессор (Национальный минерально-сырьевой университет «Горный»,

г. Санкт-Петербург)

ХАРЛАМОВ Андрей Викторович, д.э.н., профессор (Санкт-Петербургский государственный экономический университет)

ЧИБИНОВ Анатолий Михайлович, д.э.н., профессор (Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный

университет)

ЧУМАКОВ Александр Николаевич, д.ф.н., профессор (Финансовый университет при Правительстве РФ,

Первый вице-президент Российского философского общества)

ШУВАНОВ Станислав Александрович, Председатель МОД Российской службы мира, ветеран Дипломатической службы России

ЯСТРЕБОВ Олег Александрович, д.ю.н., д.э.н., профессор (Российский университет дружбы народов – РУДН)

Издается при содействии Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). Международный научный и научно-практический юридический журнал. Свободная трибуна по обмену мнениями по теории и практике права в Российской Федерации, странах Содружества Независимых Государств (СНГ) и дальнего зарубежья.

С 1 марта 2010 международный научно-практический журнал «Евразийский юридический журнал» был включен в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по юридическим наукам.

С 1 декабря 2015 года «Евразийский юридический журнал» включен в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по трем специальностям:
12.00.00 Юридические науки
08.00.00 Экономические науки
09.00.00 Философские науки
(список Высшей аттестационной комиссии при Министерстве образования и науки Российской Федерации).

Издается с октября 2007 г.
Выходит ежемесячно с января 2009 г.

Все права защищены и охраняются законодательством Российской Федерации об авторском праве.

Ни одна из частей настоящего издания и весь журнал в целом не могут быть воспроизведены, переведены на другой язык, сохранены на печатных формах или любым другим способом обращены в иную форму хранения информации без предварительного согласования и письменного разрешения редакции. Ссылки на настоящее издание обязательны.

За содержание опубликованной рекламы редакция ответственности не несет. Точка зрения авторов статей, иных материалов, опубликованных в «Евразийском юридическом журнале», может не совпадать с точкой зрения редакции.

Идея проекта и его осуществление принадлежит Фархутдинову И.З. с 2007 года.

© Евразийский юридический журнал, 2018

Подписано в печать 28.05.2018
Формат 62x84 1/8. Усл. печ. л. 21,11.
Тираж 1500 экз.

Руководитель интернет-проектов – Фархутдинов Д. И.,
Компьютерная верстка – Брылев С. О.
Адрес редакции: 119034, г. Москва, ул. Пречистенка, д. 10,
тел.: (499) 766-91-92,
+7 (917) 40-10-889
email: eurasiainlaw@mail.ru,
eurasianoffice@yandex.ru
http://www.eurasiainlaw.ru,
www.eurasiainlegal.info
www.eurasia-allnews.ru

Eurasian Law Journal

Editorial council

Chairman

MATSKEVICH Igor Mikhailovich, Ph.D. in Law, Professor (O.E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL))

Vice-Chairman

BEKYASHEV Kamil Abdulovich, Ph.D. in Law, Professor (O.E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL))

Editorial council members

ABASHIDZE Aslan Huseynovich, Ph.D. in Law, Professor (People's Friendship University of Russia)

BATKHIEV Rashid Huseynovich, Ph.D. in Law, ex-judge of the Supreme Court of the Russian Federation

BIRYUKOV Pavel Nikolaevich, Ph.D. in Law, Professor (Voronezh State University)

BONDARENKO Victor Nikolaevich, Ph.D. in Philosophy, Professor (Ufa State Petroleum Technological University)

BURENINA Irina Valerjevna, Ph.D. in Economics, Professor (Ufa State Petroleum Technological University)

BYSTROV Grigory Efimovich, Ph.D. in Law, Professor (Russian State Agrarian University – K.A. Timiryazev Moscow Agricultural Academy (RSAU-MAA))

CHIBINEV Anatoliy Mikhailovich, Ph.D. in Economics, Professor (Sankt-Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering)

CHUMAKOV Alexandr Nikolaevich, Ph.D. in Philosophy, Professor (Financial University under the Government of the Russian Federation, First Vice-Chairman of the Russian Philosophical Society).

FAKHRTDINOVA Elena Valerjevna, Ph.D. in Economics, Professor (Kazan (Volga region) Federal University)

FARKHUTDINOV Insur Zabirovich, Ph.D. in Law (Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow),
Chairman of the Editorial Board (Editor-in-Chief)

FATKUDINOV Zufar Maksimovich, Ph.D. in Law, Professor (University of Management «TISBI», Kazan)

GRACHEVA Elena Yurjevna, Ph.D. in Law, Professor (O.E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL))

GUSEINOV Abdusalam Abdulkerimovich, Ph.D. in Philosophy, Academician of the RAS (Institute of Philosophy of the RAS).

ISMAILOV Shaukat Makhmudovich, Ph.D. in Law, Professor, State Counselor of Justice of the Republic of Tajikistan

KHARLAMOV Andrey Victorovich, Ph.D. in Economics, Professor (Sankt-Petersburg State Economical University)

KHAYKIN Mark Mikhaylovich, Ph.D. in Economics (National Mineral Resources (University of Mines, Saint-Petersburg))

KOCHARYAN Vigen Vladimirovich, Ph.D. in Law, Associate professor (Yerevan State University)

KRIVENKIY Alexander Ivanovich, Ph.D. in History, Professor (Moscow City Pedagogical University)

LESHKEVICH Tatjana Gennadjevna, Ph.D. in Philosophy, Professor (South Federal University, Rostov-on-Don)

LUKOV Valery Andreevich, Ph.D. in Philosophy, Professor (Moscow University for the Humanities)

MAULENOV Kasim Syrbaevich, Ph.D. in Law, Professor (International University of Information Technologies, Almaty, Republic of Kazakhstan)

MISHALCHENKO Yuriy Vladimirovich, Ph.D. in Economics, Professor (Saint-Petersburg State University)

MUKHAMETSHIN Faim Bayazitovich, Ph.D. in Law, Professor (Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia)

NECHEVIN Dmitriy Constantinovich, Ph.D. in Law, Professor (O.E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL))

NIGMATULLIN Rishat Vakhidovich, Ph.D. in Law, Professor (Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia)

ROMANOVSKAYA Vera Borisovna, Ph.D. in Law, Professor (Nizhny Novgorod State University of N.I. Lobachevsky)

SALIKHOV Gafur Gubaevich, Ph.D. in Philosophy, Professor (Bashkir State University, Ufa)

SHUVANOV Stanislav Aleksandrovich, Chairman of the Russian Peace Service, a veteran of the Diplomatic Service of Russia

SINELNIKOVA Valentina Nikolaevna – Ph.D. in Law, Professor (Higher School of Economics)

SINYUKOV Vladimir Nikolaevich, Ph.D. in Law, Professor (O.E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL))

SMAGULOV Asylbek Yarymowich, Ph.D. in Law, Professor (Institute of the legislation of the Republic of Kazakhstan)

SMIRNOV Andrey Vadimovich, Ph.D. in Philosophy, Academician of the RAS (Institute of Philosophy of the RAS)

STEPIN Vyacheslav Semenovich, Ph.D. in Philosophy, Academician of the RAS (Institute of Philosophy of the RAS,
President of the Russian Philosophical Society)

TITOV Vadim Aleksandrovich, Ph.D. in Philosophy, Professor (Russian Economic Academy of G.V. Plekhanov (REA))

VALEEV Revol Mirgalimovich, Ph.D. in Law, Professor (Kazan (Volga region) Federal University)

YASTREBOV Oleg Aleksandrovich, Ph.D. in Law, Ph.D. in Economics, Professor (People's Friendship University of Russia)

ZOLOTOV Alexandr Vladimirovich, Ph.D. in Economics, Professor (Nizhny Novgorod State University of N.I. Lobachevsky)

№ 5 (120) 2018

Journal is published with support of the O. E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL). International scientific and practical law journal. A free forum for exchange of views on the theory and practice of law in Russia, the Commonwealth of Independent States (CIS) and other countries.

On December 1, 2015 international scientific and practical journal «Eurasian Law Journal» is included to the list of leading reviewed scientific journals and editions in which the basic scientific results of dissertations for scientific degrees of the Ph.D. have to be published, in the fields of:
12.00.00 Legal sciences
08.00.00 Economic sciences
09.00.00 Philosophical sciences
(a List of the Higher Attestation Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation).

Published since October 2007.

Monthly Law Journal since January 2009.

All rights reserved and protected by copyright legislation of the Russian Federation. No part of this publication and the entire journal as a whole may be reproduced in any form, translated, stored in a retrieval system, or transmitted in any way or by any means of electronic, mechanical, photocopying, recording, or otherwise without prior consent and written permission of the publisher. References to this edition are required.

Editorial Board is not responsible for the content of the advertisements. The opinions of the members of the Editorial Board may not coincide with the opinions of the authors of the articles and other materials published in the "Eurasian Law Journal".

The project and its implementation are the work of Farkhutdinov I. Z. since 2007

© Eurasian law journal, 2018

Signed for printing 28.05.2018

Format 62x84 1/8.

Conv. print. sh. 21,11.

Issue 1500 copies.

Head of the Internet projects –

Farkhutdinov D. I.

Desktop publishing – Brylev S. O.

Address of the Editor's Office:

10, Prechistenka Str., Moscow, 119034

Phone: (499) 766-91-92,

+7 (917) 40-10-889

e-mail: eurasialaw@mail.ru,

eurasianoffice@yandex.ru

<http://www.eurasialaw.ru>,

www.eurasialegal.info

www.eurasia-allnews.ru

Редакционная коллегия

Главный редактор

ФАРХУТДИНОВ Инсур Забирович, д.ю.н.
(Российская академия наук)

Члены редакционной коллегии

заместитель главного редактора:

СОЛНЦЕВ Александр Михайлович, к.ю.н., доцент
(Российский университет дружбы народов – РУДН)

заместитель главного редактора:

БОНДАРЕНКО Александр Викторович, к.ф.н., доцент
(Уфимский государственный нефтяной технический университет)

ответственный редактор:

ЛУКИЯНОВ Михаил Юрьевич, к.п.н.
(Уфимский государственный нефтяной технический университет)

помощник главного редактора:

АБАНИНА Елена Николаевна, к.ю.н., доцент
(Саратовская государственная юридическая академия)

научный редактор:

ЕРМОЛИНА Марина Анатольевна, к.ю.н., доцент
(Санкт-Петербургский государственный университет)

литературный редактор:

СОРОКИНА Юлия Викторовна, к.ю.н., доцент
(Саратовская государственная юридическая академия)

БЕКЯШЕВ Дамир Камильевич, к.ю.н., доцент

ГАБДРАХМАНОВ Фарит Вадутovich, к.ю.н., доцент

ГУЛИЕВ Игбал Адиль оглы, к.э.н.

ЖУРАВЛЕНКО Николай Иванович, к.ю.н., доцент

ИВАНОВА Светлана Владимировна, к.п.н., доцент

КОПЫЛОВ Станислав Михайлович, к.ю.н.

ЛЫСЕНКО Владлена Владимировна, к.ю.н., доцент,

представитель ЕврАзЮж в г. Тирасполе

ОСТАПОВИЧ Игорь Юрьевич, к.ю.н., доцент

ПАНЧЕНКО Владислав Юрьевич, д.ю.н., доцент

САФРОНОВ Константин Юрьевич

ТАКМАКОВА Елена Валерьевна, к.э.н., доцент

ФАЙЗУЛЛИН Гаяз Габдельисламович, к.ю.н., доцент

ХАРКЕВИЧ Максим Владимирович, к.п.н., доцент

ЧАТТАЕВ Азамат Русланович, к.ю.н.

руководитель интернет-проектов:

ФАРХУТДИНОВ Динар Инсурович

Идея проекта и его осуществление принадлежат Фархутдинову И.З.

Учредитель:

ФАРХУТДИНОВ Инсур Забирович
(Свидетельство ПИ № ФС77-46472 от 2.10.2011 г.)

Editorial board

Editor-in-Chief

FARKHUTDINOV Insur Zabirovich, Ph.D. in Law
(Russian Academy of Sciences)

Editorial board members

deputy Editor-in-Chief:

SOLNTSEV Alexander Mikhaylovich, Ph.D. in Law, Associate Professor
(Peoples Friendship University of Russia – PFUR)

deputy Editor-in-Chief:

BONDARENKO Alexandr Viktorovich, Ph.D. in Philosophy, Associate Professor
(Ufa State Petroleum Technological University)

executive editor:

LUKIYANOV Mikhail Yurevich, Ph.D. in Political Science
(Ufa State Petroleum Technological University)

assistant Editor-in-Chief:

ABANINA Elena Nikolaevna, Ph.D. in Law, Associate Professor
(Saratov State Law Academy)

scientific editor:

ERMOLINA Marina Anatolyevna, Ph.D. in Law, Associate Professor
(Saint-Petersburg State University)

literary editor:

SOROKINA Yulia Viktorovna, Ph.D. in Law, Associate Professor
(Saratov State Law Academy)

BEKYASHEV Damir Kamilevich, Ph.D. in Law, Associate Professor

GABDRAHMANOV Farit Vadutovich, Ph.D. in Law, Associate Professor

GULIYEV Igbal Adil ogly, Ph.D. in Economics

ZHURAVLENKO Nikolay Ivanovich, Ph.D. in Law

IVANOVA Svetlana Vladimirovna, Ph.D. in Psychological Sciences, Associate Professor

KOPYLOV Stanislav Mikhailovich, Ph.D. in Law

LYSENKO Vladlena Vladimirovna, Ph.D. in Law, Associate Professor, repre-

sentative of ELJ in Tiraspol

OSTAPOVICH Igor Yuryevich, Ph.D. in Law, Associate Professor

PANCHENKO Vladislav Yuryevich, Ph.D. in Law, Associate Professor

SAFRONOV Konstantin Yuryevich

TAKMAKOVA Elena Valerjevna, Ph.D. in Economics, Associate Professor

FAIZULLIN Gaiaz Gabdelislamovich, Ph.D. in Law, Associate Professor

KHARKEVICH Maxim Vladimirovich, Ph.D. in Political Science, Associate Professor

CHATTAEV Azamat Ruslanovich, Ph.D. in Law

head of the internet-projects:

FARKHUTDINOV Dinar Insurovich

The project and its implementation are the work of Farkhutdinov I. Z.

Founder:

FARKHUTDINOV INSUR ZABIROVICH
(Certificate PI № FS77-46472 of 2.10.2011)

PERSONA GRATA

Н. А. Фролова:

Диалектическое единство развития и безопасности – платформа будущего

Интервью с доктором юридических наук, профессором

Натальей Алексеевной Фроловой 12

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

Гонтарь Л. О.

Право международной информационной (кибер)

безопасности как подотрасль права международной

безопасности: понятие, источники, векторы развития 16

Вороненков Н. Д.

Особенности ратификации Римского статута

Международного уголовного суда на примере Франции

и Великобритании 21

Джалилова А. М.

Двойные стандарты в противодействии экстремизму

и терроризму в рамках реформирования

Совета Безопасности ООН 23

Алиева Г. В.

Ключевые аспекты концептуального характера,

подлежащие анализу при исследовании

международно-правового режима охраны

нематериального культурного наследия 26

Костин С. А.

«Дорожная карта» России и ЕС по общему пространству

внешней безопасности: анализ реализованных совместных

мероприятий и практическая «правовая» ценность 32

Крымская К. В.

Вопросы толкования положений Конвенции ООН

по морскому праву, определяющих статус искусственных

островов, установок и сооружений 36

Шайбакова К. Д.

Экстрадиция и нестандартные ее виды 40

Шамсутдинов М. К.

Защита прав национальных меньшинств:

международный аспект 42

Лелётина А. В.

Соотношение компетенции Всемирной организации

интеллектуальной собственности и Всемирной торговой

организации в области регулирования

интеллектуальной собственности 45

Покровская Н. В.

К вопросу о результатах присоединения России к ВТО

и перспективах развития иных форм

торговой интеграции 52

ЕВРОПЕЙСКОЕ ПРАВО

Квачахия Р. Г.

Проблемы в правовом регулировании вынужденной

миграции в Европейском Союзе 54

Баженова В. А.

Правовые аспекты деятельности Европейского

комитета по системным рискам 58

Лихошва А. О.

Принцип самостоятельности в Европейской хартии

местного самоуправления 61

МЕЖДУНАРОДНОЕ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЕ ПРАВО

Гулиев И. А., Шевченко Л. И.

Вопросы совершенствования правовой системы мировой

торговли энергетическими ресурсами 64

СРАВНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

Кесиди С. Р.

Правовое обеспечение освоения земельных участков

в отдельных зарубежных странах (сравнительно-правовая

характеристика) 69

ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Дробышевский С. А., Ростомашвили М. Н.

О связанности государственных органов правом 73

Панченко В. Ю., Андрейчук А. А.

О психическом феномене проекции

в правотворчестве 77

Кириллова Т. А.

Совершенствование законодательства с точки

зрения языковых норм как одна из ступеней

на пути к правовому государству в России 80

Бегларян К. С.

Право и права человека: соотношение понятий 82

Беляева Ю. Н.

Функция содействия занятости населения

в социальном государстве: понятие,

структура и ее содержание 86

Грачёв Н. К.

Исполнение энергосервисного договора:

проблемы теории и практики 90

Кириллова Т. А.

Регламентация языка и языковых норм в праве 93

Панченко В. Ю., Макаров В. А.

Провокации в правовых взаимодействиях:

к вопросу о понятии 95

Омарова Р. М.

Взаимосвязь правового государства

и принципа верховенства права 97

Грачёв Н. К.

Корпоративная социальная ответственность

энергосервисных компаний 99

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Александров И. Ф.

Источники становления российского семейного права 102

Пинигин М. Г.

Реорганизация городской полиции в России

в первой половине XIX века 106

Сергеев А. В.

Специфика трансформации правосознания крестьянства

Вятской губернии в конце XIX–начале XX века 108

Чалова Ю. А.

Историко-правовой взгляд на государственные закупки

как механизм реализации государственных задач

в связи с принятием Крыма в состав Российской Империи 111

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО

Магомедова П. Р.

Некоторые проблемы реализации конституционного

права граждан на жилище 115

Магомедова П. М.

К вопросу о конституционно-правовых основах социального

государства в Российской Федерации 118

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО

Кулагин Р. С.

Административно-правовой режим обеспечения

общественного порядка 120

Арбузова С. А., Азархин А. В.

К вопросу о целелеполагании в сфере

антимонопольного регулирования 122

Комарова О. Н.

Административно-правовые меры противодействия

потреблению наркотиков несовершеннолетними 126

Щербаков И. С.

Экспертное исследование маркировочных обозначений

транспортных средств производства Республики Корея 129

МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО

Корнев Г. П., Денисова А. К.

К вопросу о национальном статусе муниципальных образований 132

Михеев Д. С.

Местное самоуправление и общественный контроль 139

Коновалюк О. В.

Внедрение института городских округов с внутригородским делением 142

ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРАВО

Сидоров С. А., Данилов Н. Ф., Пинчук О. В.

Правоприменительная деятельность подразделений береговой охраны как форма реализации государственной функции по государственному контролю в сфере охраны морских биологических ресурсов 145

ЗЕМЕЛЬНОЕ ПРАВО

Власенко В. Н., Муравьева М. С.

Нормативная основа правового регулирования возникновения прав на землю для размещения линейных объектов: состояние и направления развития 149

ЖИЛИЩНОЕ ПРАВО

Рамазанова Р. М., Ахмедова З. А.

Преимущества и недостатки способов формирования фондов капитального ремонта многоквартирных домов 155

Степанов В. В.

Система материальных регулятивных правоотношений с участием гражданско-правового сообщества собственников помещений в многоквартирном доме 158

Шушпанов К. С.

О нормативном закреплении ограничений жилищных прав человека 161

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

Краснова Т. В., Трухин Н. В.

Ответственность родителей при применении труда несовершеннолетних в сети интернет: стратегии преодоления социальных рисков в законодательстве 163

Маннапова М. В.

Гражданско-правовое положение нотариуса и медиатора по российскому законодательству: сравнительная характеристика 167

Игбаева Г. Р., Шакирова З. Р.

Институты необходимой обороны и крайней необходимости в гражданском и уголовном законодательстве 169

Паксимади Е. Э.

Досрочное прекращение прав на товарный знак: сроки и использование товарного знака 171

Кузнецова М. А.

Условия применения статьи 333 ГК РФ. Положительные и отрицательные последствия уменьшения размеров неустойки 174

Андрейчук А. А.

Уставный капитал не есть имущество, гарантирующее права кредиторов 177

Дыдымова Н. М., Ахмедова З. А.

Защита прав несовершеннолетних собственников жилья 179

Желанова А. С.

Становление арбитрабельности корпоративных споров об оспаривании решений общих собраний участников в Германии: ключевые решения Верховного Суда Германии 182

Морин А. В.

Проблемные аспекты участия граждан в охране общественного порядка 185

Семенчук И. Ю.

Возбуждение дела о несостоятельности (банкротстве): о некоторых правовых аспектах подачи заявления по инициативе должника 187

ТРУДОВОЕ ПРАВО

Делегеоз Е. Г.

Правовая природа минимального размера оплаты труда в Российской Федерации 190

Кутарова М. А.

Правовое регулирование обеспечения занятости инвалидов на региональном уровне (на примере Владимирской области) 193

ФИНАНСОВОЕ ПРАВО

Игбаева Г. Р.

Перспективные направления правового регулирования новейших финансовых технологий 196

Любаненко А. В.

Проблемы и перспективы правового регулирования договора инвестиционного товарищества 199

Неменова Д. Л.

С. А. Котляревский о бюджетном праве РСФСР и СССР 202

НАЛОГОВОЕ ПРАВО

Саттарова Н. А., Шинкарев В. В.

Переложение налога как системообразующее явление косвенного налогообложения 206

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

Баженов О. Н.

Актуальные вопросы законодательного регулирования института примирения: уголовно-правовой и уголовно-процессуальный аспекты 208

Каблуков И. В.

Усмотрение при принятии решений по уголовному делу 210

Корепанова Е. А.

К вопросу о способе хищения безналичных, электронных денежных средств 212

Гольберг К. А.

Понятие и особенности целей наказаний, не связанных с изоляцией от общества 217

Дегтерев А. А.

Воспрепятствование осуществлению избирательных прав или работе избирательной комиссии: спорные вопросы толкования основного состава преступления 220

Макаров В. А.

Провокация преступления как обстоятельство, исключающее преступность деяния 229

Мантарджиев М. В.

Предмет проверки сообщения о преступлении в стадии возбуждения уголовного дела 231

Черноусова А. В.

Значительный ущерб как конструктивный признак состава умышленного уничтожения или повреждения имущества 235

Мантарджиев М. В.

О некоторых особенностях и проблемах доказывания в стадии возбуждения уголовного дела 239

Ракишев К. Х.

Сравнительный анализ норм уголовного закона СНГ, связанных с нарушением авторских и смежных прав в сети «Интернет» 243

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

Марианов А. А., Алиев Х. К., Магомедова М. М.

Присмотр за несовершеннолетним подозреваемым или обвиняемым как мера пресечения в уголовном процессе 246

Аршинов А. С. Порядок назначения меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа.....	249	Мусалаев К. С. Перспектива внедрения адвокатской монополии в гражданском судопроизводстве.....	298
Винокуров Л. В. Сотрудничество обвинения и суда на стадии предварительного расследования: взаимодействие или взаимоотношение?.....	251	Магомедова М. А., Ибрагимов Ф. Э. Упрощенное производство как форма осуществления правосудия в арбитражном процессе: проблемы и перспективы развития	301
УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО		АНТИКОРРУПЦИОННОЕ ПРАВО	
Ежова О. Н. Деструктивное поведение сотрудников уголовно-исполнительной системы: причины возникновения и пути профилактики.....	253	Зайцева Е. В. Отдельные аспекты организации правоохранительного обеспечения борьбы с коррупционными проявлениями	304
Головастова Ю. А. Альтернативно-наказательное и постпенитенциарное право: миф или реальность	256	НОТАРИАТ Блохина О. А. Правовой статус нотариуса: проблемы и пути совершенствования.....	307
Пономарёва В. В., Запуниди К. Н., Орлова С. В. Политико-правовая категория «достоинство личности» и право на достоинство несовершеннолетнего, осужденного к лишению свободы.....	259	ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР Максютов М. Ф. Особенности организации прокурорского надзора за исполнением законов в сфере корпоративных закупок.....	309
КРИМИНАЛИСТИКА Еремин С. Г., Васильев Д. В. Следы нефти и нефтепродуктов как предмет экспертного исследования	262	Кострова Н. М., Сулейманов М. Ю. Проблемы реализации прокурорского надзора в сфере землепользования в Республике Дагестан	313
Романовская И. В., Журавленко Н. И. Использование психологических знаний в условиях неочевидности вины подозреваемых	265	ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫЕ ОРГАНЫ Джамалова В. Р. Место и роль Следственного комитета РФ в системе правоохранительных органов	316
Позий В. С. Криминалистическое мышление при осмотре места происшествия	268	Полевщикова С. Г. Актуальные проблемы применения мер обеспечения по делам об административных правонарушениях, рассматриваемых должностными лицами органов внутренних дел	318
Петрухина О. А., Черенков А. В., Шурухнов Н. Г. Концепция расследования определенного рода преступлений: сущность, назначение, взаимосвязь с криминалистическими методиками (в порядке постановки проблемы).....	271	Самусевич А. Г., Васильева Е. А. Деятельность транспортной полиции в механизме обеспечения авиационной безопасности: проблемы правового регулирования.....	321
Магомедова Н. А. Роль оперативно-розыскной деятельности в раскрытии и расследовании преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков.....	274	ПРАВА ЧЕЛОВЕКА Панченко В. Ю., Шушпанов К. С. Ограничения прав человека: телеологический аспект	324
КРИМИНОЛОГИЯ Левашова О. В., Горичева В. Л., Зиборов М. М. Обстоятельства, способствующие совершению транспортного преступления: криминологическая характеристика.....	276	Столбова Л. А. Право быть ребенком. Отсутствие механизма защиты прав ребенка, родитель которого был незаконно осужден или подвергнут уголовному преследованию.....	326
Федоров А. Ф., Пивоваров В. Н., Клочков Р. В. Особенности территориального распределения преступности в регионе (на примере Алтайского края).....	279	ЯЗЫК И ПРАВО Бозиев А. Т. О некоторых закономерностях перевода цепочки N+N+N в английском юридическом тексте	328
СУДОПРОИЗВОДСТВО Колба В. В. Особенности правоприменительной практики по рассмотрению дел о лицензировании.....	282	Петрова Е. А. Взаимосвязь языковой и научной картины мира в лингвистическом пространстве (философские и филологические аспекты).....	330
Мутулов С. Б., Боджаев Б. В., Эрднеев Н. Н. Законные представители несовершеннолетних участников уголовного судопроизводства	285	ГОСУДАРСТВО И ПРАВО Нефедова М. Б. Государства и образования, часто объявляемые государствами. Часть 2. Образования, схожие с государствами или объявляемые государствами, но таковыми не являющиеся	333
Аббасов Н. Ш., Гамидов А. М. Особенности возникновения и развития судопроизводства с участием присяжных заседателей.....	287	Михеева Т. Н. Субъектный состав общественного контроля: пробелы и перспективы	340
Алиев Х. К., Марианов А. А., Магомедова М. М. Особенности правового положения и правового статуса переводчика в уголовном судопроизводстве.....	290	Тимофеев В. А., Курилкина О. А., Самойлова И. Н., Зуева Ю. А. Перспективы развития и проблемы становления транзитивного гражданского общества в современной России	343
Гамзаева А. И., Гаджирамазанова П. К. Проблемные вопросы поддержания прокурором государственного обвинения в суде	292		
Готыжева З. М. Злоупотребление судьями процессуальными правами в арбитражном процессе	295		

Кузнецов С. А. О романском и германском понимании нации в контексте современной российской государственности.....	346	Набиева А. А., Даллакян Г. Р., Расулева Ю. В., Баймуратов Р. Ф. Архитектура в контексте постапокалипсиса (философский аспект)	409
ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ		Ляшенко О. В. Роль религии в духовной культуре современного человека	412
Брынза Н. С., Хайруллина Н. Г., Кинчагулова М. В., Бойко Д. А., Сунгатуллина Л. А. Социально-экономические аспекты реформирования учреждений здравоохранения	349	Кульжанова Г. Т. К вопросу истории развития и формирования понятия «человеческий капитал»	415
Хайкин М. М., Чимэддорж У. Организационно-экономические аспекты развития механизмов рационального использования угольных месторождений	352	Попов В. В., Музыка О. А., Коженко Я. В. Роль флуктуаций в трансформирующемся обществе	418
Толикова Е. Э., Синельников Б. А. Особенности анализа потребительской ценности таможенной услуги	355	Чайка А. В., Кузьмин А. В. Терроризм и моральный ригоризм	421
Брынза Н. С., Кинчагулова М. В., Бойко Д. А., Сунгатуллина Л. А., Ларионова Н. П. Организационный механизм реформирования сельского здравоохранения	359	Халирахманов Д. К. Глобализация как фактор эндоразвития мусульманского сообщества (уммы) и толерантизации ее внутренних отношений	424
Киселева Н. П. Методологические подходы к типологизации регионов.....	362	Шарипов А. Р. Отдельные аспекты авраамических конфессий христианства и ислама в эпоху глобализации и локализации	427
Крохмаль Л. А., Маслей О. А. Эволюция моделей государственной поддержки высшего образования.....	365	Шаров К. С. Хилиастическое учение Ньютона: краткий анализ	429
Рахматуллина Ю. А., Юнусова Р. Ф. Оценка финансовой устойчивости коммерческого банка: правовой аспект	371	Шуралёв А. В. Социально-экономическая обусловленность характера внутри- и межконфессиональных отношений в странах Западной Европы в современных условиях.....	431
Сорокина О. Г. Формирование интеллектуально-информационных технологий крупных корпораций	374	Фусу Л. И. Гражданский брак как лиминальное состояние	435
Шаповалова М. А., Эглит Я. Я. Актуальные вопросы предварительного информирования на морском транспорте	376	Чайка А. В. «Эффект неожиданности» исламского государства: миф и реальность	437
Гаврилова Н. Г. Современное состояние экономики Нигерии.....	380	Зейтунян А. З. Манипулятивные приемы в информационных программах на российском телевидении	440
Гущин Л. В. Организация контроля за деятельностью органов государственного и муниципального управления	385	Нигматзянова А. А. Концептуальный анализ конфликтогенности в российском обществе	443
Гукова Е. Г. Формирование стоимости активов с учетом инфляционных ожиданий	388	Панова Ю. В. Религиозный фактор в становлении американского этоса и его отражение во внешней политике США	445
Иванов А. В. Последствия внедрения страновых сведений в рамках Плана BEPS в России и возможности для российских налогоплательщиков.....	391	Тайгунова Т. В. Жизнь через призму смерти	448
Исмагилова И. М., Гареева З. А. Совершенствование системы контроля материально-производственных запасов газотранспортного предприятия.....	393	Харитонов Е. В., Абраров И. И. Общество как организационная форма социокультурной деятельности людей.....	451
Матвеева Н. Б., Бикметова З. М. Проблемы инвестирования в реальный сектор экономики.....	395	Газизов Р. Р. Правовые и интеллектуальные доминанты социального пространства-времени	453
Могильный Н. К. Актуальные вызовы мировой экономики в борьбе с легализацией преступных доходов и финансированием терроризма	398	ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ	457
Фролов А. П. Расчёт экономической эффективности в социалистической производственной модели	401		
ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ			
Попов В. В., Музыка О. А., Коженко Я. В. Правовой нигилизм и сервисная трансформация как угроза разрушения духовно-нравственной основы и правопорядка Российской государственности	403		
Виноградова Н. В. Истина в социокультурном и политическом измерении: высшая ценность или несбыточный идеал?	406		

PERSONA GRATA

N. A. Frolova:

Dialectical unity of development and security—a platform for the future

Interview with Ph.D. in Law, professor Natalya Alekseevna Frolova..... 12

INTERNATIONAL LAW

Gontar L. O.

The international information (cyber) security

law as a sub-sector of the law of international security:

concept, sources, vectors of development 16

Voronkov N. D.

Legal aspects of the ratification of the Rome Statute

of the International Criminal Court by France and Great Britain 21

Jalilova A. M.

Double standards in countering extremism and terrorism

in the framework of the reform of the

UN Security Council 23

Alieva G. V.

Key conceptual aspects that should be analyzed

in the study of the international legal regime of the

protection of the intangible cultural heritage 26

Kostin S. A.

The Russia and the EU «Road map» on the common

space of external security: implemented joint activities analysis

and practical "legal" value 32

Krymskaya K. V.

Issues concerning interpretation of provisions

set forth in the UN Convention on the Law of the Sea regarding

the status of artificial islands, installations and structures 36

Shaybakova K. D.

Extradition and its irregular types 40

Shamsutdinov M. K.

Protection of the rights of national minorities:

the international aspect 42

Leletina A. V.

Correlation between competence of the World Intellectual

Property Organization and competence of the

World Trade Organization in the field of intellectual

property regulation 45

Pokrovskaya N. V.

On the issue of the results of Russia's accession

to the WTO and the prospects for the development

of other forms of trade integration 52

EUROPEAN LAW

Kvachakhiya R. G.

Issues of the legal regulation of forced migration

in European Union 54

Bazhenova V. A.

Legal aspects of the European systemic risk

board's activities 58

Likhoshva A. O.

The principle of independence in the European Charter

of Local Self-Government 61

INTERNATIONAL ENERGETICAL LAW

Guliyev I. A., Shevchenko L. I.

Issues of improving the legal system

of world trade in energy resources 64

COMPARATIVE LAW

Kesidi S. R.

Legal support for the reclamation of land in some foreign

countries (comparative-legal characteristic) 69

THEORY OF STATE AND LAW

Drobyshevskiy S. A., Rostomashvily M. N.

On state organs being bounded by law 73

Panchenko V. Yu., Andreychuk A. A.

On the psychological phenomenon

of projection in lawmaking 77

Kirillova T. A.

Perfection of legislation in terms of language standards

as one of the steps to the legal state in Russia 80

Beglaryan K. S.

Law and human rights: the relationship

between the concepts 82

Belyaeva Yu. N.

Function of promoting employment in the social state:

the concept, structure and content 86

Grachev N. K.

Execution of energy performance contracts: problems

of theory and practice 90

Kirillova T. A.

Regulation of the language and language norms in the law 93

Panchenko V. Yu., Makarov V. A.

Provocations in legal interactions: the concept 95

Omarova R. M.

Relationship between the rule-of-law state and the rule of law 97

Grachev N. K.

Corporate social responsibility of energy service companies 99

HISTORY OF STATE AND LAW

Aleksandrov I. F.

Sources of establishment of the Russian family law 102

Pinigin M. G.

The reorganization of the city police in Russia

in the first half of the nineteenth century 106

Sergeev A. V.

The specifics of the transformation of legal consciousness

of peasants of the Vyatka province in the

late XIX – early XX century 108

Chalova Yu. A.

Historical and legal view on public procurement as

a mechanism for implementing state tasks in connection with

the adoption of the Crimea into the Russian Empire 111

CONSTITUTIONAL LAW

Magomedova P. R.

Some problems of realization of the constitutional right

of citizens to housing 115

Magomedova P. M.

To the question of constitutional and legal bases

of the social state in the Russian Federation 118

ADMINISTRATIVE LAW

Kulagin R. S.

Administrative and legal regime

for ensuring public order 120

Arbuzova S. A., Azarkhin A. V.

On the issue of goal-setting in the field

of antimonopoly regulation 122

Komarova O. N.

Administrative and legal measures against drug

use by minors 126

Shcherbakov I. S.

Expert study of marking designations of vehicles manufactured

in the Republic of Korea 129

MUNICIPAL LAW

Kornev G. P., Denisova A. K.

To the question of the national status of municipal formations 132

Mikheev D. S. <i>Local self-government and public control</i>	139	FINANCIAL LAW	
Konovalyuk O. V. <i>Introduction of institute of city districts with intracity division</i>	142	Igbaeva G. R. <i>Perspectives of legal regulation of the new financial technologies</i>	196
ECOLOGICAL LAW		Lyubanenko A. V. <i>Problems and prospects of legal regulation of the limited partnership agreement</i>	199
Sidorov S. A., Danilov N. F., Pinchuk O. V. <i>Law enforcement units of the coast guard as a form of realization of the state function of state control in the sphere of protection of sea biological resources</i>	145	Nemenova D. L. <i>S. A. Kotlyarevsky about budget law of RSFSR and the USSR</i>	202
LAND LAW		TAX LAW	
Vlasenko V. N., Muravyeva M. S. <i>The normative framework of legal regulation of the accrual of land rights for the placement of linear objects: the state and direction of development</i>	149	Sattarova N. A., Shinkarev V. V. <i>Arrangement of tax as a system phenomenon of indirect taxation</i>	206
HOUSING LAW		CRIMINAL LAW	
Ramazanova R. M., Ahmedova Z. A. <i>The advantages and disadvantages of methods of formation of funds of capital repairs of apartment houses</i>	155	Bazhenov O. N. <i>Actual issues of legislative regulation of the institute of reconciliation: criminal-legal and criminal-procedural aspects</i>	208
Stepanov V. V. <i>Material regulative legal relationships with a civil society of property owners</i>	158	Kablukov I. V. <i>Examination in making decisions in a criminal case</i>	210
Shushpanov K. S. <i>On formal reclamation of restrictions on housing rights</i>	161	Korepanova E. A. <i>On the issue of the theft of non-cash, electronic money</i>	212
CIVIL LAW		Golberg K. A. <i>Concept and features of the purposes of punishments not connected with isolation from society</i>	217
Krasnova T. V., Trukhin N. V. <i>Parental responsibility in the use of juvenile labour in the Internet: strategies for overcoming social risks in legislation</i>	163	Degterev A. A. <i>Victims of the implementation of electoral rights or work of the electoral commissions: dispute issues of interpretation of the basic composition of crime</i>	220
Mannapova M. V. <i>Civil status of a notary and a mediator under Russian law: a comparative characteristic</i>	167	Makarov V. A. <i>Provocation as a circumstance excluding criminality of offence</i>	229
Igbaeva G. R., Shakirova Z. R. <i>Institutes of necessary defense and urgent necessity in civil and criminal law</i>	169	Mantrazhiev M. V. <i>Verification of a crime report in the stage of initiation of criminal case</i>	231
Paximadi E. E. <i>Trademark's early termination: periods and the usage of the trademark</i>	171	Chernousova A. V. <i>Significant damage as a constructive sign of the composition of intentional destruction or damage to property</i>	235
Kuznetsova M. A. <i>Conditions of application of article 333 of the Civil Code (GK) of the Russian Federation. Positive and negative consequences of reducing the amount of the penalty</i>	174	Mantrazhiev M. V. <i>On some peculiarities and problems of proof under the criminal case</i>	239
Andreychuk A. A. <i>Authorized capital is not the property guaranteeing creditors' rights</i>	177	Rakishev K. Kh. <i>Comparative analysis of the norms of the CIS criminal law related to violation of copyright and related rights in the Internet</i>	243
Dydyмова N. M., Ahmedova Z. A. <i>Protection of the rights of minor residents of housing</i>	179	CRIMINAL PROCESS	
Zhelanova A. S. <i>The formation of the arbitrability of corporate disputes challenging decisions of general meetings of participants in Germany: key decisions of the Supreme Court of Germany</i>	182	Marianov A. A., Aliev Kh. K., Magomedova M. M. <i>The supervision of a minor suspect or accused as a measure of restraint in criminal proceedings</i>	246
Morin A. V. <i>The problematic aspects of citizens' participation in the protection of public order</i>	185	Arshinov A. S. <i>The procedure for assigning a measure of a criminal-legal nature in the form of a judicial fine</i>	249
Semenchuk I. Yu. <i>Procedure for initiating a bankruptcy case on the initiative of the debtor: special legal aspects</i>	187	Vinokurov L. V. <i>Cooperation between the prosecution and the court at the preliminary investigation stage: interaction or relationship?</i>	251
LABOUR LAW		CRIMINAL-EXECUTIVE LAW	
Delegeoz E. G. <i>Legal nature of Russian Federation minimum wage</i>	190	Ezhova O. N. <i>Destructive behavior of the penal system employees: causes and preventive measures</i>	253
Kutarova M. A. <i>Legal regulation of employment of disabled people at the regional level (on the example of the Vladimir region)</i>	193	Golovastova Yu. A. <i>Alternative-punitive and post-penitentiary law: myth or reality</i>	256

Ponomareva V. V., Zapunidi K. N., Orlova S. V. <i>Political and legal category of human dignity and the right to dignity of a minor prisoner</i>	259	PROSECUTOR'S SUPERVISION Maksyutov M. F. <i>Features of the organization of prosecutor's supervision for the implementation of laws in the field of corporate procurement</i>	309
CRIMINALISTICS Eremin S. G., Vasiljev D. V. <i>Tracks of oil and petroleum products as a subject of expert research</i>	262	Kostrova N. M., Suleymanov M. Yu. <i>Problems of implementation of prosecutor's surveillance in the sphere of land use in the Republic of Dagestan</i>	313
Romanovskaya I. V., Zhuravlenko N. I. <i>Use of psychological knowledge in conditions of suspects' unobvious guilt</i>	265	LAW ENFORCEMENT AGENCIES Dzhamalova V. R. <i>Place and role of the Investigative Committee of the Russian Federation in the system of law enforcement bodies</i>	316
Poziy V. S. <i>Investigative mindset at the crime scene inspection</i>	268	Polevshikova S. G. <i>Actual problems of application of measures to ensure in administrative cases considered by the agencies of internal affairs (Police)</i>	318
Petrukhina O. A., Cherenkov A. V., Shurunov N. G. <i>The concept of investigation of certain crimes: the nature, purpose, relationship with forensic techniques (in the order of setting the problem)</i>	271	Samusevich A. G., Vasiljeva E. A. <i>Activity of transport police in the mechanism of ensuring aviation safety: problems of legal regulation</i>	321
Magomedova N. A. <i>The role of operational-search activity in the detection and investigation of crimes related to drug trafficking</i>	274	HUMAN RIGHTS Panchenko V. Yu., Shushpanov K. S. <i>Restrictions of human rights: teleological aspect</i>	324
CRIMINOLOGY Levashova O. V., Goricheva V. L., Ziborov M. M. <i>The circumstances promoting commission of transport crime: criminological characteristic</i>	276	Stolbova L. A. <i>Right to be a child. The absence of a mechanism of protection of the rights of the child, whose parent was wrongfully convicted or subjected to criminal prosecution</i>	326
Fedorov A. F., Pivovarov V. N., Klochkov R. V. <i>Features of territorial distribution of crime in the region (by the example of Altai Region)</i>	279	LANGUAGE AND LAW Boziev A. T. <i>On some regularities of a N+N+n chain translation in an English legal text</i>	328
JUDICIARY Kolba V. V. <i>Specialties of law enforcement practice in the consideration of cases on licensing</i>	282	Petrova E. A. <i>The interdependence of the language and scientific picture of the world in the linguistic space</i>	330
Mutulov S. B., Bodgaev B. V., Erdneev N. N. <i>Legal representatives of minors in criminal proceedings</i>	285	STATE AND LAW Nefedova M. B. <i>States and entities frequently claimed to be states. Part 2. Entities similar to states or claimed to be them, while not being actual states</i>	333
Abbasov N. Sh., Khamidov A. M. <i>Features of the origin and development of legal proceedings with participation of jurymen</i>	287	Mikheeva T. N. <i>The subject structure of social control: omissions and prospects</i>	340
Aliev Kh. K., Marianov A. A., Magomedova M. M. <i>Features of the legal position and legal status of an interpreter in criminal proceedings</i>	290	Timofeenko V. A., Kurilkina O. A., Samoylova I. N., Zueva Yu. A. <i>Prospects of development and problems of formation of the transitive civil society in modern Russia</i>	343
Gamzaeva A. I., Khadzhiramanova P. K. <i>Problematic issues of supporting the state accusation in the court by the prosecutor</i>	292	Kuznetsov S. A. <i>On the Romanesque and German understanding of the nation in the context of modern Russian statehood</i>	346
Gotyzheva Z. M. <i>Abuse of procedural rights by judges in arbitration proceedings</i>	295	ECONOMICAL SCIENCES Brynza N. S., Khayrullina N. G., Kinchagulova M. V., Boyko D. A., Sungatullina L. A. <i>Social and economic aspects of reform in the healthcare institutions</i>	349
Musalaev K. S. <i>Prospects for the introduction of a lawyer's monopoly in civil proceedings</i>	298	Khaykin M. M., Chimeddorj U. <i>Organizational-economic aspects of development of mechanisms of rational use of coal deposits</i>	352
Magomedova M. A., Ibragimov F. E. <i>Simplified proceeding as a form of implementation of justice in the arbitration process: problems and prospects of development</i>	301	Tolikova E. E., Sinelnikov B. A. <i>Features of the analysis of customs service consumer value</i>	355
ANTICORRUPTION LAW Zaytseva E. V. <i>Selected aspects of law-enforcement support organization in fighting corrupt practices</i>	304	Brynza N. S., Kinchagulova M. V., Boyko D. A., Sungatullina L. A., Larionova N. P. <i>The organizational mechanism of reforming of rural public health</i>	359
NOTARIATE Blokhina O. A. <i>The legal status of notary public: problems and ways of improvement</i>	307		

Kiseleva N. P.	
<i>Methodological approaches to the typology of the regions</i>	362
Krohmal L. A., Masley O. A.	
<i>Evolution of models of state support of higher education</i>	365
Rakhmatullina Yu. A., Yunusova R. F.	
<i>Assessment of financial stability of commercial bank: legal aspect</i>	371
Sorokina O. G.	
<i>Formation of intellectual-information technologies of large corporations</i>	374
Shapovalova M. A., Eglit I. I.	
<i>Topical issues of preliminary information on maritime transport</i>	376
Gavrilova N. G.	
<i>Current state of economy of Nigeria</i>	380
Guschin L. V.	
<i>Organization of control over the activities of state and municipal authorities</i>	385
Gukova E. G.	
<i>The formation of the cost of assets based on inflationary expectations</i>	388
Ivanov A. V.	
<i>The consequences of introduction of country-by-country reporting within BEPS plan and opportunities for the Russian taxpayers</i>	391
Ismagilova I. M., Gareeva Z. A.	
<i>Improved control of inventories of gas transportation company</i>	393
Matveeva N. B., Bikmetova Z. M.	
<i>Some aspects of investing in the real economy</i>	395
Mogilny N. K.	
<i>Current challenges of the world economy in the fight against the legalization of criminal proceeds and the financing of terrorism</i>	398
Frolov A. P.	
<i>Calculation of economic efficiency in the socialist production model</i>	401
PHILOSOPHICAL SCIENCES	
Popov V. V., Muzyka O. A., Kozhenko Ya. V.	
<i>Legal nihilism and service transformation as a threat of the destruction of the spiritual and moral basis and the legal order of the Russian statehood</i>	403
Vinogradova N. V.	
<i>Truth in socio-cultural and political measurement: high value or unreliable ideal?</i>	406
Nabieva A. A., Dallakian G. R., Rasuleva Yu.V., Baymuratov R. F.	
<i>Architecture in the context of postapocalypse (philosophical aspect)</i>	409
Lyashenko O. V.	
<i>The role of religion in the spiritual culture of modern man</i>	412
Kulzhanova G. T.	
<i>To the question of the history of development and formation of the "human capital" concept</i>	415
Popov V. V., Muzyka O. A., Kozhenko Ya. V.	
<i>The role of fluctuations in a transforming society</i>	418
Chayka A. V., Kuzmin A. V.	
<i>Terrorism and moral rigorism</i>	421
Khalirakhmanov D. K.	
<i>Globalization as a factor of endo-development of Muslim community (Ummah) and toleranzation of its inner relations</i>	424
Sharipov A. R.	
<i>Separate aspects of the Abrahamic denominations of Christianity and Islam in the era of globalization and localization</i>	427
Sharov K. S.	
<i>Newton's chiliaric theory: A brief analysis</i>	429
Shuralev A. V.	
<i>Socio-economic conditionality of the nature of intra- and interconfessional relations in Western Europe in the modern world</i>	431
Fusu L. I.	
<i>Civil marriage as a liminal state</i>	435
Chayka A. V.	
<i>"Effect of unexpected" of the Islamic State: myth and reality</i>	437
Zeytunyan A. Z.	
<i>Manipulative devices in the information programs on Russian television</i>	440
Nigmatzyanova A. A.	
<i>Conceptual analysis of conflict in Russian society</i>	443
Panova Yu.V	
<i>Religious factor in American ethos formation and its reflection in external policy of the USA</i>	445
Taygunova T. V.	
<i>Life through the prism of death</i>	448
Kharitonov E. V., Abrarov I. I.	
<i>Society as organizational form of social and cultural activities of people</i>	451
Gazizov R. R.	
<i>Legal and intellectual dominants of social space-time</i>	453
INFORMATION FOR AUTHORS	457

**Н. А. ФРОЛОВА:
ДИАЛЕКТИЧЕСКОЕ ЕДИНСТВО РАЗВИТИЯ И БЕЗОПАСНОСТИ –
ПЛАТФОРМА БУДУЩЕГО**

Интервью с доктором юридических наук, профессором Натальей Алексеевной Фроловой

**N. A. FROLOVA:
DIALECTICAL UNITY OF DEVELOPMENT AND SECURITY –
A PLATFORM FOR THE FUTURE**

Interview with Ph.D. in Law, professor Natalya Alekseevna Frolova

Фролова Н. А.

Визитная карточка:

Фролова Наталья Алексеевна – доктор юридических наук, кандидат исторических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации. Научно-преподавательская и педагогическая деятельность осуществляется в должности профессора на Юридическом факультете им. М. М. Сперанского Института права и национальной безопасности Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, а также профессора кафедры международного права Дипломатической академии МИД России.

Круг научных интересов и исследовательской тематики – история зарубежной и российской политической и правовой мысли, государственно-правовая история зарубежных стран, вопросы философско-юридического знания, проблемы социальной безопасности и правовой реальности.

В качестве действительного члена Академии проблем безопасности и международного эксперта в области антинаркотической политики в формате деятельности научно-экспертного сообщества осуществляет организационное, научное и методологическое сопровождение проектов по правовой антинаркотической политике в контексте общегосударственной системы национальной безопасности России.

Имеет более 150 опубликованных учебных и научных трудов, в том числе ряд монографий, посвященных теории и практике антинаркотической деятельности, включая научно-практическое издание на английском языке, а также правовой политике России в сфере социальной безопасности.

Общественная работа связана с реализацией деятельности Международного фонда поддержки социальных, духовно-культурных и научных программ и проектов «Дорога мира».

– Уважаемая Наталья Алексеевна, Вами обозначено важнейшее направление предметного, организационно-функционального характера – достижение диалектического единства развития и безопасности как явлений современного и будущего мира. В данной связи, что для этого особенно необходимо, отталкиваясь от принципа диалектического мышления?

– Сегодня значимые для современной России вопросы теории и практики государственно-правовой сферы убедительно отражают осмысление актуальности безопасного развития всех жизнеобеспечивающих систем, необходимых для личности и общества в целом. Я имею в виду осознание востребованности социальной безопасности как качественно новой реальности в существующей действительности, как института, взаимосвязанного с развитием государственно-правовой системы. Достижению и обеспечению этой реальности безопасной социальной жизни должен отвечать комплексный подход к формированию основ правовой политики государства, создающих правовые условия развития личности и всего социума. Обращенность к безопасности и развитию как важнейшим категориям подчеркивает ту диалектическую содержательность вопроса, направленность которого требует соотносить реальную взаимосвязь между внедрением новых технологий и инноваций с позиции развития и обеспечением безопасности практической деятельности государственных и общественных институтов в контексте опережающего и своевременного влияния на вызовы и источники различных угроз Российскому государству и социуму. При этом следует четко представлять, что социальная форма развития – это наиболее сложная форма, поэтому, чтобы отвечать усиливающейся конкуренции, необходимо повышать результативность государственной правовой и социальной политики, выстраивать систему социальной безопасности в качестве функционирующей реальности.

– Эта реальность системы социальной безопасности должна иметь качественные приоритеты. Какие ее элементы, на Ваш взгляд, требуют от общества и современного государства особого внимания?

– Вы совершенно правы, обозначая с методологических позиций потребность в знании содержательной сущности сложного явления социальной безопасности, которая практически пронизывает все сферы жизнедеятельности общества. Надежный уровень как социальной, так и национальной безопасности зависит от характера отношений в сферах собственности и труда, от качества жизни, возможности удовлетворять потребности в образовании, культуре, семье, творчестве, от уровня социальной защиты граждан и решения государством и обществом социальных проблем, от общественного порядка, общегражданской и правовой культуры. Но я бы обратила особое внимание на элементы, которые сохраняют высокую степень значимости для перспективного развития отечественной государственности и укрепления ее цивилизационных основ.

Во-первых, хочу отметить объективную необходимость включенности социальной практики, реальной активности людей в демократические преобразования. Опора на нравственные ценности, проверенные тысячелетним опытом народа, его более широкое участие в позитивных изменениях в регулировании экономических, политических, культурных процессов способны создать прочную основу, позволяющую исключить противоречие между заявленной стратегией реформ и существующим человеческим измерением в практической деятельности.

Во-вторых, на социальную обусловленность права, конструирование предметной области законодательства влияет социальное мышление. При осознании его в качестве важной функции познания становится возможным развитие новых подходов к гармонизации общественных отношений. А это, в свою очередь, способствует активизации ответственной, по-

Профессор Н.А. Фролова - эксперт "круглого стола" по проблемам правовой политики

лезной деятельности институтов гражданского общества, экономических субъектов хозяйствования, увеличивая их вклад в социальную политику и развитие государства.

В-третьих, для поддержания целостности и устойчивости современной социальной системы особо необходимо при проработке концепций, программ, принимаемых решений учитывать известные законы социального управления и действовать с опорой на них. Сегодня ввиду динамики протекающих процессов особую важность приобретает экономия времени, которая характеризует эффективность управления, а также приоритетность социальных целей, позволяющих непрерывно совершенствовать образ жизни человека. Все это достижимо, если в сфере управления возрастает интеллектуальный потенциал.

В-четвертых, остаются актуальными вопросы социализации личности, в том числе ее правовой социализации, поскольку взаимодействие индивида и общества носит сложный характер. Поэтому обеспечение принципа обратной связи в управлении социальными процессами через институт социального контроля сохраняет свою значимость. Действенность данного института, выполняющего стабилизирующую функцию, особенно необходима для результативного противодействия преступности в разных ее формах, девиантному поведению, асоциальным проявлениям.

– Наталья Алексеевна, Вы подчеркиваете важность именно взаимодействия индивида и общества в вопросах обеспечения безопасности. Каково, на Ваш взгляд, место индивида в этом взаимодействии?

– Вопрос о взаимодействии индивида и социума в укреплении безопасности как базового состояния не только развития, но и существования вообще, очень сложен и многогранен, здесь проявляются закономерности диалектики общего и единичного. На мой взгляд, очень важно найти баланс между государственным обеспечением безопасности и самостоятельной деятельностью каждого человека в отдельности по обеспечению своей личной безопасности. Безусловно, задача обеспечения безопасности общества – приоритетная задача любого государства, без решения которой остальные цели и функции государства попросту не имеют смысла. Однако эффективное решение этой задачи вряд ли возможно без «встречного» движения, без осознания ценности безопасности каждым гражданином.

– На вопросы безопасности в настоящее время обращается пристальное внимание на самом высоком уровне политического управления нашей страны, прежде всего, на необходимость совершенствования контроля и надзора со стороны государственных органов.

Да, вы правы. К примеру, в совсем недавнем Указе Президента Российской Федерации в области безопасности дорожного движения (май 2018) дана установка на снижение

смертности в результате дорожно-транспортных происшествий в 3,5 раза по сравнению с 2017 годом – до уровня, не превышающего четырех человек на 100 тыс. населения, а к 2030 году – стремление к нулевому уровню смертности. Возможно ли реализовать ее только путем ужесточения административных и уголовных наказаний за нарушение правил дорожного движения, управление транспортным средством в нетрезвом состоянии, использования иных мер государственно-правового принуждения? Полагаю, что параллельно необходима система просветительских мероприятий, разъяснительной работы, начиная с дошкольных учреждений, направленных на формирование у каждого человека ответственности за собственную безопасность, безопасность своей семьи, близких. Более того, односторонние ожидания обеспечения безопасности со стороны государства при безответственности самих людей способны давать противоположные результаты: как известно, пешеход, не убедившийся в безопасности на пешеходном переходе, может быть прав, но, к сожалению, мертв! Здесь необходим баланс: государственная система обеспечения безопасности, в данном случае дорожного движения, равно как и в других сферах общественной жизни, способна быть результативной только при наличии у граждан достаточно высокого уровня *культуры безопасности*! Перефразируя надпись к популярному в советское время плакату «Трезвость – норма жизни!», причем без всякой иронии, нам всем надо усвоить: «Безопасность – норма жизни». При этом, если мы посмотрим значение термина «норма» вообще, применительно к любым процессам и явлениям общества и природы, то увидим, что норма – это такие границы, в рамках которых явление сохраняется как таковое, если эти пределы будут преодолены, оно либо видоизменяется, либо исчезает. Любые исходящие от государства правила безопасности, предписания, запреты, санкции дадут свои позитивные плоды, если будут ложиться на благодатную почву культуры безопасности граждан, когда правила безопасности восприняты, становятся нормой жизни, а не просто остаются текстами юридических документов.

– Наталья Алексеевна, если мы нацелены на развитие, то в его механизм должны быть включены соответствующие инструменты, благодаря которым будет достигаться определенное качество системы социальной безопасности Российской Федерации. Как Вы полагаете, что в данном аспекте будет играть ключевую роль в формировании теоретической и правовой основы платформы перспективного и цивилизационного развития нашего социума?

– В спектре инструментария заслуживают внимания научно-методологический, функциональный, юридический инструментарий. По большому счету научно-методологический инструментарий, помимо доктрины социальной безопасности, утвержденной Президентом Российской Федерации,

Профессор Н.А. Фролова в кругу студентов

должен включать разработки прогнозного развития процессов в трудовой, демографической, духовно-гуманитарной сферах. Разработка моделей социальной деятельности, правовых технологий дает возможность эффективно реагировать и влиять на социальные и правовые явления. В качестве функционального инструментария должна выступать социальная политика. Ее направленность на защиту всего общества от деструктивных процессов сопрягается с функциями, затрагивающими сохранение и совершенствование личного и общественного потенциала, формирование достойного положения народа. Юридический инструментарий нацелен на развитие социального права, нормами которого регулируется обширный круг общественных отношений в сфере социальной защиты, на установление единого социального пространства на всей территории страны.

Полагаю, что обозначенный инструментарий в своей целевой направленности по активизации механизма позитивного социально-правового развития отвечает не только интересам России, но имеет определяющее значение и для стран-членов Евразийского экономического союза.

– Вы подчеркнули важный тезис, затрагивающий вопросы согласованного расширения формата взаимодействия государств, входящих в ЕАЭС.

– Да, действительно, обращенность столь авторитетного издания как Евразийский юридический журнал к вопросам развития экономического пространства, межгосударственного сотрудничества стран ЕАЭС позволяет рассматривать более расширенную тематику, связанную с динамикой и механизмами взаимодействия стран-членов Союза. В данном контексте видится значимой активизация аналитического, экспертного обсуждения не только проблем, связанных с правовой, торгово-экономической, транспортной сферами, с областью обеспечения безопасности, но и вопросов, касающихся более углубленных образовательных, научных, культурных, информационных контактов. Цивилизационное содействие государств Евразийского экономического союза формированию гуманитарного сотрудничества особо значимо в современных условиях, когда велика вероятность процессов социальной и территориальной мобильности, урбанизации, ускоренных технологических изменений, а также появления новых предпочтений и потребностей, зачастую умаляющих традиционные ценности семьи, религии, морали, высокой культуры.

– Наталья Алексеевна, многие Ваши научные исследования затрагивают правовые аспекты, касающиеся социальной безопасности, ее аксиологического измерения. В связи с этим какие, по Вашему мнению, направления в

государственной и общественной практической деятельности стран-членов ЕАЭС способны действенно формировать площадку общих заинтересованных обсуждений, решений и их реализации?

– Это проектный подход по развитию постоянных контактов студенческой, творческой, научной молодежи с тем, чтобы максимально раскрыть ее интеллектуальный, научный и духовный потенциал. Сбережение, укрепление, совершенствование способностей молодых поколений наших сообществ всемерно отвечает достижению целевого результата в формировании устойчивого, бесконфликтного евразийского пространства перспективного сотрудничества и взаимообогащения.

Кроме этого, деятельность культурных, творческих, гражданских институтов в рамках ЕАЭС позволяет создавать территории культуры, осуществлять культурное взаимодействие, расширять пространство городов-побратимов, совместными усилиями развивать туризм, проводить Евразийские спортивные и национальные игры. Обогащение культурой, познание исторических и национальных традиций, презентация культурных брендов регионов – все это способствует взаимопониманию, уважению, укреплению евразийского пространства на основе широкого партнерства, народной дипломатии, диалоговых научных, экспертных, аналитических площадок.

Полагаю целесообразным отметить ту важную доминанту, которая затрагивает мировоззренческо-правовую подготовку будущих специалистов. Продолжающаяся динамика модернизационных процессов диктует потребность в комплексном анализе проблем в сферах управления, информации, административных процедур, материального обеспечения, экологической среды. При этом приоритеты дальнейшего развития ЕАЭС актуализируют изучение национальных правовых школ, подготовку современных правовых технологов, законодателей и правоприменителей, которые будут ориентированы на обеспечение безопасности личности, общества, государства формировать и осуществлять согласованную промышленную, торговую, транспортную политику, а также социальное, гуманитарное, информационное и другие направления сотрудничества стран-членов Союза.

– Это потребует серьезной междисциплинарной подготовки юристов, экономистов, социологов и выпускников других направлений и специальностей?

– Да, безусловно. Как никогда своевременно звучат слова Михаила Васильевича Ломоносова о том, что «...паче же всего должно юристу, яко знающему довольно философию, всякому юридическому термину изобретать и составлять точные дефиниции, полные, без излишеств, ибо употребление слов

Профессор Н.А. Фролова со студентами Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации в Московской городской Думе

неограниченных и сомнительных и двузначительных производит в суде великие беспорядки...».

Позитивным примером такой междисциплинарной интеграции является создание в Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации Института права и национальной безопасности, который включил в себя три факультета – юридический факультет имени М. М. Сперанского, факультет национальной безопасности и факультет таможенного дела.

Помимо традиционного направления подготовки бакалавров юриспруденции Институт реализует во многом уникальные образовательные программы специалитета: «Экономическая безопасность», которая направлена на подготовку высококвалифицированных специалистов в области обеспечения экономической безопасности, личности, общества и государства, субъектов экономической деятельности, законности и правопорядка в сфере экономики; «Правовое обеспечение национальной безопасности», в рамках которой студенты имеют возможность получить государственно-правовую, гражданско-правовую, уголовно-правовую, международно-правовую специализации, но стать не просто квалифицированными юристами, нацеленными на разработку и применение юридических норм, а получить глубокие знания и умения в области обеспечения правовой безопасности личности, общества и государства. Востребованы и междисциплинарные по своему содержанию и крайне актуальные для современного этапа общественного развития программы магистратуры: «Государственное управление и национальная безопасность», «Государственное управление и внешнеполитическая деятельность России», «Стратегическое управление в сфере международной безопасности», «Миграционная политика и демографическая безопасность», «Конфликты и национальная безопасность в условиях функционирования гражданского общества».

Коллектив института под руководством заслуженного юриста Российской Федерации, доктора юридических наук, профессора Станислава Дмитриевича Могилевского умело заботится об обеспечении качественного образования по всей вертикали образовательных ступеней. При этом основное внимание уделяется тому, чтобы в процессе обучения академизм и фундаментальные знания сочетались с приобретением навыков их практического применения, а также межвузовским контактам, международному сотрудничеству с Европейской организацией публичного права.

Выпускники Института успешно работают в органах государственной власти и управления, в том числе в силовых ми-

нистерствах и ведомствах, а также в федеральных и региональных учреждениях.

– Большое спасибо, уважаемая Наталья Алексеевна! Уверены, что Ваши идеи найдут действенную поддержку у читателей ЕвразЮж, ученых, общественных и государственных деятелей стран нашего Евразийского экономического союза.

– Считаю, что, только прилагая совместные интеллектуальные усилия мы сможем обеспечить диалектическое единство развития и безопасности как платформы будущего для нашей страны и нашего Содружества.

Позвольте пожелать Евразийскому юридическому журналу и всем коллегам успехов и процветания!

– Уважаемая Наталья Алексеевна, от себя лично и от имени ЕвразЮж поздравляем Вас с наступающим Юбилеем, желаем крепкого здоровья, творческого долголетия и всех благ!

Интервью брали:

Фархутдинов И. З.,
доктор юридических наук,
профессор, главный редактор
Евразийского юридического журнала,
ведущий научный сотрудник
Института государства и права
(сектор международно-правовых
исследований) Российской
академии наук

Панченко В. Ю.,
доктор юридических наук,
профессор Сибирского
федерального университета,
член редакционной коллегии
Евразийского юридического
журнала

ГОНТАРЬ Людмила Олеговна

магистрант Института Законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, председатель Научного общества аспирантов и магистрантов Института законодательства и сравнительного правоведения

ПРАВО МЕЖДУНАРОДНОЙ ИНФОРМАЦИОННОЙ (КИБЕР) БЕЗОПАСНОСТИ КАК ПОДОТРАСЛЬ ПРАВА МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: ПОНЯТИЕ, ИСТОЧНИКИ, ВЕКТОРЫ РАЗВИТИЯ

В статье предпринята попытка теоретизации положений международной информационной (кибер) безопасности. Обоснование необходимости такой теоретизации проистекает именно из природы международных информационных (кибер) отношений и их глобального характера. Однако сложность заключается в стадийности процесса информатизации и ее элементов, а именно невозможности представить, чем является международное информационное общество. В этой связи затруднителен процесс проведения границ предмета международного правового регулирования. В статье приводятся источники, регулирующие международную информационную (кибер) безопасность с целью дать представление о том, что направление международного правового регулирования должно отдавать приоритет международной информационной (кибер) безопасности. Именно регулирование международной информационной (кибер) безопасности способно не только создать гарантии защиты для субъектов международного права, но и гарантии для дальнейшего развития международной информационной (кибер) безопасности. В конце статьи приводится определение права международной информационной (кибер) безопасности.

Ключевые слова: право международной информационной (кибер) безопасности, подотрасль международного права, информационное/кибер пространство.

Гонтарь Л. О.

GONTAR Lyudmila Olegovna

magister student of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Chairman of the Scientific Society of graduate students and graduate of the Institute of Legislation and Comparative Law

THE INTERNATIONAL INFORMATION (CYBER) SECURITY LAW AS A SUB-SECTOR OF THE LAW OF INTERNATIONAL SECURITY: CONCEPT, SOURCES, VECTORS OF DEVELOPMENT

The article attempts to theorize the provisions of international information (cyber) security. The rationale of the necessity of such theorization comes from the nature of international information relations and their global character. The difficulty lies in the phases of the process of informatization and its elements, namely the inability to imagine international information society. In this regard, the process of conduction the boundaries of the subject of international legal regulation is complicated. The article presents the sources which are regulating international information. The main idea of the direction of international legal regulation should give priority to international information (cyber) security. The regulation of international information (cyber) security can not only create guarantees of protection for subjects of international law, but also guarantees for the further development of international information security. At the end of the article I gave the definition of the international information (cyber) security law.

Keywords: international information security law, sub-sector of international law, information / cyber space.

Право международной информационной (кибер) безопасности в условиях развития информационных отношений становится актуально и востребовано практически во всех сферах жизни (торговли, обороны, менеджмента и т.д.). Главным фактором развития являются международные информационные отношения, особенностью которых является объект регулирования. Объектом регулирования в этом случае выступают информация, информационные ресурсы, кибератаки, вирусоносители, кибероружие, все новые разработки, которые потенциально могут быть использованы в военных целях и в целях безопасности. В статье будет предпринята попытка рассмотреть право международной информационной (кибер) безопасности как подотрасли международного права (дать определение) и кратко рассмотреть доктринальные подходы, охарактеризовать источники и рассмотреть некоторые практические казусы по информационной безопасности.

В теории права не раз подчеркивалась значимость объединения правовых институтов в подотрасли как структурных

подразделений права¹. В качестве подотрасли права понимается совокупность однородных институтов определенной отрасли права, крупных подразделений системы права, занимающих промежуточное состояние между институтами права и отраслью². Действительно рассуждения об отрасли международного информационного права преждевременны, потому как в объективной реальности международные отношения акцентируют внимание на международной информационной (кибер) безопасности, также это объясняется отсутствием каких-либо универсальных международных договоров. Потому мы полагаем рассматривать данную подотрасль в отрасли

- 1 Например, Иоффе О. С. Структурные подразделения системы права (на материалах гражданского права) // Ученые записки ВНИИСЗ. – М., 1968; Нерсесянц В. С. Общая теория права и государства. – М.: Инфра-М, 1999; Теория государства и права: курс лекций / под ред. Н. И. Матузова, А. В. Малько. – М.: Юрист, 1997.
- 2 Комаров С. А., Малько А. В. Теория государства и права: учебно-методическое пособие. Краткий учебник для вузов. – М.: Норма, 2003.

права международной безопасности, так как отношения в области информации в большей мере связаны с обеспечением защищенности от внешних угроз и возможностей борьбы с ними в международном пространстве.

Объективная реальность в области международных отношений все больше уделяет внимание отношениям по информационному обмену и передаче информации. Так, на специальных сайтах технологических новшеств и разработок мы видим такие новости как: в Америке разрабатывается оборонная программа «Perfectcitizen», испытание гипер звукового оружия, создание умных винтовок, развитие экзоскелета и т.д.³ Все эти социальные факторы говорят о бурном развитии технологий и их применения в военно-оборонительной политике государств. Потому мы полагаем, что предложение доктринального обоснования международно-правового регулирования данных отношений будет практичным и поможет разрешить множество пробелов, как на национальном, так и международном уровнях.

Рассуждения в теоретической литературе по этому вопросу не многочисленны, ввиду того, что большинство ученых стараются рассуждать именно о становлении международного информационного права. Так Дятлов С.А. полагает, что международное информационное право представляет собой совокупность правовых норм регулирующих информационно-правовые отношения между отдельными государствами, межгосударственными образованиями и глобальным мировым сообществом⁴. Другие ученые стараются дать определение такому термину как информационное противоборство. Предлагает такой термин Федоров А.В., выделяя следующие направления этого явления:

- защита от систем управления (сетевая война, децентрализованная командная система);
- специализированные информационно-разведывательные операции (приспособление оперативной разведки);
- осуществление психологической борьбы;
- борьба с международным информационным терроризмом и др.⁵

Любопытна статья Кохтюлиной И. Н. (НИИГлоб член корр. РАЕН), где не предлагается дать какое-то определение подотрасли, а предлагается разработать новую проблематику исследования вопросов информационного влияния, информационного управления и информационного противоборства (с использованием социальных сетей) на межгосударственном, национальном, региональном, территориальном, отраслевом и корпоративном уровнях⁶. Последние три элемента (приведенные Кохтюлиной И. Н.), также являются, на наш взгляд, объектом изучения права международной информационной (кибер) безопасности.

Если обратиться к зарубежной доктрине, то здесь подходы более систематизированы и приведены в некоторую закономерность (развития международного информационного права). Одной из первых работ по международному информационному праву (киберправу) был комментарий-эссе Д.

Н. Беркмана и Л. Р. Беркман «Лошадиное право: чему может научить киберправо»⁷. В работе приводится анализ термина «лошадиное право» (т.е. кибер право), который был впервые дан судьей Франком Истербуком, который утверждает, что подобного права не существует, так как полностью изменяется природа права и его сущность (настолько же бесполезно, как и лошадиное право)⁸. По мнению судьи, в кибер праве регулирование сводится к регулированию кибер пространства по своим техническим нормам и это создает вопрос о замене юридических норм, тем самым исчерпанию правового элемента (речь идет о регулировании техническими нормами). В самом комментарии эссе приводится иная точка зрения (в ответ на утверждение Истербука), подчеркивается, что начнется процесс разложения права интеллектуальной собственности и невозможности саморегулирования данного процесса (имеется ввиду исчезновение частной собственности). Главной проблемой станет бездействие права в отношении процесса копирования и единственный способ контроля, который будет возможен – публично-правовой (с помощью гарантий и т.д.). По итогу анализа о разложении интеллектуального права, автор делает вывод о коренном изменении традиционного права ввиду осложнения общественных отношений кибер элементом. Многие авторы О. А. Халфавэй, Р. Кроотоф, Ф. Левитц, Д. Спиджел полагают, что вернее выделять право кибератак, но при этом правовое регулирование должно обеспечиваться на международном уровне⁹.

Вышеприведенные рассуждения относительно определения подотрасли права международной информационной (кибер) безопасности в проекции международного информационного права пишутся в тезисной форме, либо авторы предпочитают перечислять признаки информационного и кибер пространства. Право международной информационной (кибер) безопасности, безусловно связано с информационным обществом и понятием информационного права. Но, на наш взгляд, заявлять о данном обществе и предлагать правовое регулирование тем отношениям, которые до конца не сформировались является преждевременным. Объясняется этот вывод постановкой вопроса и ответом на вопрос «Что такое информационное общество?». Единственного верного ответа, к сожалению, не существует. Объективно мы не можем увидеть информационное общество, так как это результат всех информационных процессов. На сегодняшний день заметны лишь первичные информационные процессы качественного изменения общественных отношений. Вопрос о безопасности развития информационных процессов является ключевым.

На международном уровне в международно-правовых актах уделяется особое внимание международной информационной (кибер) безопасности. Условно их можно поделить на следующие:

- акты ООН;
- акты международных организаций;
- акты по итогам всемирных встреч, конференций саммитов.

3 Например: <3 Cybersecurity Threats SMB Etailers Should Not Ignore>. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.technewsworld.com/perl/section/cyber-security/> (дата обращения: 01.02.2018 г.).

4 Дятлов С. А. Информационное право в системе отношений электронного правительства и институтов гражданского общества. Спб. // «Интернет и современное общество». – 2008.

5 Фёдоров А. В. Информационная безопасность в мировом политическом процессе. Учеб. пособие. – М.: МГИМО-Университет, 2006.

6 Кохтюлина И. Н. Международная информационная безопасность: основные угрозы // Ежегодник ИМИ. – 2015. – Выпуск 3 (13).

7 <Jack N. and Lillian R. Berkman The Law of the horse: what cyberlaw might teach>. Stanford Technology Law Review. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://stlr.stanford.edu> (дата обращения: 20.03.2018 г.).

8 Frank H. Easterbrook Cyberspace and the law of the horse. U Chi Legal F 207. 1996.

9 Oona A. Hathaway, Rebecca Crootof, Philip Levitz, Haley Nix, Aileen Nowlan, William Perdue, Julia Spiegel The law of cyber attack. California Law Review, 2012. – P. 1-3.

Говоря об актах ООН можно выделить следующие Резолюция от 4 января 1999 «Достижения в сфере информатизации и телекоммуникации в контексте международной безопасности»¹⁰; резолюция от 23 декабря 1999 «Достижения в сфере информатизации и телекоммуникации в контексте международной безопасности»¹¹; резолюция от 7 ноября 2002 года Доклад 1-го комитета «Достижение в сфере информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности»¹²; резолюция от 16 декабря 2013 года доклад «Право на неприкосновенность личной жизни в цифровой век»¹³; резолюция Генеральной Ассамблеи от 16 декабря 2015 года «Итоговый документ совещания высокого уровня Генеральной Ассамблеи посвященный общему обзору хода осуществления решений Всемирной встречи на высшем уровне по вопросам информационного общества»¹⁴ др. Общий анализ резолюций демонстрирует следующие векторы международно-правового сотрудничества:

- общая оценка информационной безопасности, разработка понятийного аппарата;
- становление информационного общества;
- укрепление безопасности глобальных информационных и телекоммуникационных систем;
- первоочередность норм международного права в регулировании.

Акты международных организаций постепенно приходят к подробному регулированию данных отношений. Так, ШОС предлагает следующий вариант регулирования в форме договора.

Договор о сотрудничестве в области обеспечения международной информационной (кибер) безопасности от 16 июня 2009 г., (вступил в силу с 5 января 2012 года)¹⁵. Договор крайне удобен тем, что в нем даются общий понятийный аппарат, применяемый в сфере информационной безопасности. На наш взгляд, одно из важнейших определений – международная информационная безопасность, т.е. состояние международных отношений, исключающее нарушение мировой стабильности и создание угрозы безопасности государств и мирового сообщества в информационном пространстве (объект международных правоотношений информационное пространство). Очевидно, что договор предлагает более подробный анализ регулирования. Важной особенностью явля-

ется попытка формулирования терминов в сфере информационной безопасности. Но нужно признать, что термины в большей мере отражают общее понятие международной безопасности. А специфические черты информационной (кибер) среды не получили должного внимания.

В Будапештской Конвенции Совета Европы принятой 23 ноября 2001 года «О киберпреступности», где особое внимание уделяется вариациям киберпреступлений и процессуальным нормам относительно уголовного процесса, а именно сохранности данных при расследовании. Также решаются вопросы относительно компетенции государств в отношении киберпреступлений¹⁶. Россия не участвует в данной конвенции, тем не менее, к Конвенции на сегодняшний день присоединилось 67 стран. Однако конвенция дает узкий подход как к определению кибер преступлений, при этом большее внимание уделяется организационным компонентам (таким как осуществление юрисдикции и уголовному процессу)¹⁷.

Также следует обратить внимание на акты Международного Союза Электросвязи. Международный союз электросвязи посредством рекомендаций и гайдов формулирует ключевые особенности международных информационных угроз. Так, вышла рекомендация под названием «Глобальный индекс кибербезопасности»¹⁸, которая была принята резолюцией № 130 Международного союза электросвязи. Данная рекомендация создана с целью поддержки инициативы международного сотрудничества в области кибербезопасности в целях содействия обмену информации и информационной защите на международном уровне. Данный индекс объединяет 25 индикаторов в один показатель для мониторинга и сравнения уровня выполнения обязательств членов международной организации. Основными объектами индекса выступают:

- 1) тип, уровень и эволюция обязательств по информационной/кибербезопасности;
- 2) прогресс в обеспечении кибербезопасности стран;
- 3) прогресс в обеспечении кибербезопасности с региональной точки зрения;
- 4) разрыв в обязательствах по кибербезопасности (индекс разницы между странами по участию в программных мероприятиях).

Также, в документе назван не менее значимый момент, который заключается в структурных компонентах индекса. Их (компонентов) всего пять:

1. Правовой (правовые институты и структуры);
2. Технический (технические учреждения);
3. Организационный (координация политики и стратегии развития кибербезопасности);
4. Потенциал (исследование и разработки, образование, кадры);
5. Сотрудничество (сеть обмена информацией).

Глобальный индекс выполняет функцию мониторинга законодательств участников и на основании показателей, задает базу для международного правового регулирования новых на-

10 <Developments in the field of information and telecommunications in the context of international security>. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ccdcoe.org/sites/default/files/documents/UN-981204-ITIS.pdf> (дата обращения: 21.03.2018 г.).

11 <Developments in the field of information and telecommunications in the context of international security>. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.un.org/en/ga/search/view_doc.asp?symbol=A/RES/54/49 (дата обращения: 21.03.2018 г.).

12 <World Summit on the Information Society>. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.itu.int/net/wsis/docs/background/resolutions/56_183_unga_2002.pdf (дата обращения: 21.03.2018 г.).

13 <The right to privacy in the digital age>. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ccdcoe.org/sites/default/files/documents/UN-131218-RightToPrivacy.pdf> (дата обращения: 20.03.2018 г.).

14 <Outcome document of the high-level meeting of the General Assembly on the overall review of the implementation of the outcomes of the World Summit on the Information Society>. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://unctad.org/en/PublicationsLibrary/ares70d125_en.pdf (дата обращения: 03.02.2018 г.).

15 <Соглашение между правительствами государств-членов Шанхайской организации сотрудничества о сотрудничестве в области обеспечения международной информационной безопасности>. Информационная система ШОСС. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rus.sectsc.org/documents/> (дата обращения: 03.02.2018 г.).

16 <Документы Совета Европы>. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.wipo.int/wipolex/ru/details.jsp?id=15547> (дата обращения: 11.01.2018 г.).

17 <Защита прав пользователей: 15-я годовщина Конвенции о киберпреступности>. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.coe.int/de/web/portal/-/Protecting-you-and-your-rights-the-budapest-convention-on-cybercrime-fifteen-years-on> (дата обращения: 27.02.2018 г.).

18 <GlobalCybersecurityIndex>. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.itu.int/dms_pub/itu-d/opb/str/D-STR-GCI-01-2017-PDF-E.pdf (дата обращения: 12.02.2018 г.).

правлений международной информационной/кибербезопасности.

Также, на уровне источников выделяются акты всемирных встреч. Они отражаются в двух документах:

- Окинавской хартии от 21 июля 2000 года;
- Тунисской программе от 15 ноября 2005 года.

Окинавская хартия предлагает поэтапную реализацию концепции информационного общества по следующим направлениям:

- проведение экономических и структурных реформ в целях создания обстановки открытости, эффективности, конкуренции и использования нововведений, которые дополнялись бы мерами по адаптации на рынках труда, развитию людских ресурсов и обеспечению социального согласия;

- рациональное управление макроэкономикой, способствующей более точному планированию со стороны деловых кругов и потребителей и использования преимуществ новых информационных технологий;

- разработка информационных сетей;
- развитие людских ресурсов (в области получения знаний о концепции «информационного общества»);

- активное использование ИКТ в государственном секторе и содействие предоставлению в режиме реального времени услуг, необходимых для повышения уровня доступности власти для всех граждан¹⁹.

Также, включено важное условие использования лицензированного программного обеспечения, развития трансграничной электронной торговли (ее налогообложения), криптографии.

В Тунисской программе дается представление о пунктах сотрудничества государств и направлений деятельности в сфере информационного общества. Главной задачей выступает преодоление «цифрового разрыва». Всего выделено четыре направления сотрудничества:

- содействие развитию технического потенциала в развивающихся странах;

- оценка влияния ИКТ;

- разработка специальных показателей в целях количественной оценки цифрового разрыва в разных странах;

- разработка общего свода показателей в области ИКТ, увеличение количественных показателей²⁰.

Особо отметим новый термин «ассистивные технологии», однако термин не получил какого-либо детального описания. Можно предположить, что именно данные технологии позволяют поэтапно переходить к информационному обществу.

Вышеприведенный анализ доктрины и международных документов позволяет сделать вывод о том, что международное сообщество не имеет четкой стратегии регулирования международной информационной (кибер) безопасности. В настоящее время международное регулирование представляет собой отражение или взгляд на будущее, которое обеспечивается технологическим фундаментом. Полагается верным начать с доктринального анализа. Отсутствие определенного ответа в доктрине объясняется, тем, что крайне много научных направлений и большинство из них посвящено «краткому» прогнозу, а не изучению темы. Полагается, что отдельные про-

явления информационного общества уже наступили, это прослеживается через призму вопросов безопасности. Потому, важно определить к какой подотрасли права международной безопасности относится данный объект правового регулирования.

На практике тема международной информационной (кибер) безопасности прослеживается через соответствующие реальные казусы. Например, масштабная атака «RedOctober»²¹. На протяжении последних пяти лет против дипломатических ведомств, государственных структур и научно-исследовательских организаций разных стран мира проводилась операция кибершпионажа, во время которой собирались данные и секретная информация с мобильных устройств, компьютеров и сетевого оборудования атакованных организаций. Несколько месяцев эксперты Лаборатории Касперского анализировали вредоносные файлы, использованные в атаке, которая была нацелена на конкретные организации в Восточной Европе, странах бывшего Советского Союза и Центральной Азии, а также Западной Европы и Северной Америки²². Под данной операцией понимается серия целевых атак, которые происходили как минимум на протяжении последних пяти лет. Объектами атаки являлись правительственные структуры, дипломатические ведомства/посольства, исследовательские институты, ядерные базы, военные ведомства и компании. Основными задачами выступали кража стратегической информации и геополитических данных. Механизм работы выглядел следующим образом. После открытия файла (скачанного/пересланного), машина жертвы инфицируется с помощью вредоносной программы. Основной компонент устанавливается и коммуникация между командующим и контролируемым сервером осуществляется с помощью «задней двери» или бэкдор модуля²³. Бэкдор дает злоумышленникам доступ к компьютеру. Далее, устанавливается связь (зашифрованная) между машиной и сервером. Более чем 60 различных доменов, жестко закодированных кодом вредоносной программы коммуницируют с сервером. Вредоносная программа компонента, которой инфицируют машину без инициации фишинга (т.е. интернет мошенничества – получение доступа к конфиденциальным данным).

21 <Данные Лаборатории Касперского>. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://usa.kaspersky.com/about/press-releases/2013_kaspersky-lab-identifies-operation--red-october--an-advanced-cyber-espionage-campaign-targeting-diplomatic-and-government-institutions-worldwide (дата обращения: 22.03.2018 г.).

22 <SecureList>. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://securelist.com/red-october-diplomatic-cyber-attacks-investigation/36740/> (дата обращения: 17.02.2018 г.).

23 Под бэкдором понимается буткит, похищающий конфиденциальную информацию пользователя. Буткит это вредоносная программа осуществляющая модификацию загрузочного сектора. Вредоносная программа – любое программное обеспечение, предназначенное для получения несанкционированного доступа к вычислительным ресурсам самой ЭВМ или к информации на ней хранимой. См. <Vitaliy Kamlyuk, Sergey Belov, Anibal Sacco Absolute Backdoor Revisited>. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.blackhat.com/docs/us-14/materials/us-14-Kamlyuk-Computrace-Backdoor-Revisited-WP.pdf> (дата обращения: 16.02.2018 г.); Sparks S., Embleton S., and Zou C. C. A Chipset Level Network Backdoor: Bypassing Host-Based Firewall & IDS. In Symposium on Information, Computer, and Communications Security, pages 125–134, Sydney, Australia, 2009. ISBN 978-1-60558-394-5. K. Thompson. Reflections on Trusting Trust. Communications of the ACM, 27(8):761–763, 1984. ISSN 0001-0782.

19 <Окинавская Хартия глобального информационного общества>. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.unesco.org/fileadmin/MULTIMEDIA/FIELD/.../pdf/Okinawa_charter_ru.doc (дата обращения: 01.02.2018 г.).

20 <Тунисская программа для информационного общества>. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/events/pastevents/pdf/agenda_wsis.pdf (дата обращения: 24.02.2018 г.).

Также, на практике имеется казус, связанный с компанией Telegram²⁴. Дело в том, что компания не раз была заподозрена в террористических атаках, однако доказательств по этому вопросу не имеется. Сложность заключается в просмотре переписки пользователей мессенджера, так как переписка частных лиц охраняется законом. Федеральная служба безопасности Российской Федерации издала приказ № 432 от 19 июля 2016 г. «Об утверждении порядка представления организаторами распространения информации в интернете данных, необходимых для декодирования электронных сообщений пользователей сети, недействующим и противоречащим требованию закона о необходимости судебного решения для доступа к переписке граждан»²⁵. Компания Telegram подала административный иск о признании вышеназванного правового акта недействующим в Верховный суд РФ. Компания Telegram ссылалась на спектр противоречий, мы условно их выделим в три группы:

- проблема правосубъектности в сфере информационных отношений;
- проблема доступа к переписке граждан;
- проблема коррупции при экспертизе нормативно-правовых актов.

В итоге Верховный суд признал законным приказ ФСБ²⁶.

В данных кейсах прослеживается важный момент, что в первом невозможно применить национальное законодательство. Во втором возможно применение национального законодательства, но частично. Объясняется понятие «частичности» тем, что причастность компании Telegram к террористическим операциям не была доказана, а было установлено, что требуется предоставить спецслужбе ключи для расшифровки сообщений в интернет-мессенджере. Подобные попытки будут малоэффективными. Дело в том, что интернет-мессенджером пользуется множество пользователей во всем мире, если одному государству подобное можно осуществлять, то можно и другим государствам и это может спровоцировать международный конфликт.

Такие практические казусы показывают, что проблема международной информационной (кибер) безопасности является глобальной и искать решение нужно на международном уровне.

Нам полагается ответ содержится в праве международной информационной (кибер) безопасности. Сформулируем определение данной подотрасли. Право международной информационной (кибер) безопасности подотрасль права международной безопасности- совокупность международных норм безопасности, регулирующая международные отношения, связанные с информационным обменом, информационными технологиями (пригодными для кибер атак или психологического воздействия, информационного вмешательства), а также отношения связанные с технологическим разрывом (порождающим технологическое преимущество одного государства над другим) и пределами разработки/внедрения информационных и кибернетических технологий.

Исходя из определения, можно сделать вывод, что право международной информационной (кибер) безопасности ак-

центрирует внимание не только на информационном обмене (как потенциальной сфере воздействия со стороны, например, хакеров), но и самих технологий. Раскрытие понятие международной информационной (кибер) безопасности через призму регулирования международной информационной (кибер) безопасности позволит по-иному взглянуть на проблему становления аспекта безопасности «информационного общества» и решить многие другие задачи.

Пристатейный библиографический список

1. Дятлов С. А. Информационное право в системе отношений электронного правительства и институтов гражданского общества. Спб.//«Интернет и современное общество». – 2008.
2. Иоффе О. С. Структурные подразделения системы права (на материалах гражданского права) // Ученые записки ВНИИСЗ. – М., 1968.
3. Комаров С. А., Малько А. В. Теория государства и права: учебно-методическое пособие. Краткий учебник для вузов. – М.: Норма, 2003.
4. Кохтюлина И. Н. Международная информационная безопасность: основные угрозы// Ежегодник ИМИ. – 2015. – Выпуск 3 (13).
5. Нерсисянц В. С. Общая теория права и государства. – М.: Инфра-М, 1999.
6. Теория государства и права: курс лекций / под ред. Н. И. Матузова, А. В. Малько. – М.: Юристъ, 1997
7. Фёдоров А. В. Информационная безопасность в мировом политическом процессе. Учеб. пособие. – М.: МГИМО-Университет, 2006.
8. Jack N. and Lillian R. Berkman *The Law of the horse: what cyberlaw might teach*. Stanford Technology Law Review. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://stlr.stanford.edu>.
9. Frank H. Easterbrook *Cyberspace and the law of the horse*. U Chi Legal F 207. 1996.
10. Oona A. Hathaway, Rebecca Crootof, Philip Levitz, Haley Nix, Aileen Nowlan, William Perdue, Julia Spiegel *The law of cyber attack*. – California Law Review, 2012.
11. Sparks S., Embleton S., and Zou C. C. *A Chipset Level Network Backdoor: Bypassing Host-Based Firewall & IDS*. In Symposium on Information, Computer, and Communications Security. – Sydney, Australia, 2009. – P. 125-134.
12. Vitaliy Kamlyuk, Sergey Belov, Anibal Sacco *Absolute Backdoor Revisited*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.blackhat.com/docs/us-14/materials/us-14-Kamlyuk-Computrace-Backdoor-Revisited-WP.pdf>.

24 <СМС по закону>. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rg.ru/2018/03/20/Sud-obiazal-messendzher-telegram-predostavit-kliuchi-fsb.html> (дата обращения: 24.03.2018 г.).

25 «Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти». – № 36. – 05.09.2016.

26 <СМС по закону>. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rg.ru/2018/03/20/sud-obiazal-messendzher-telegram-predostavit-kliuchi-fsb.html> (дата обращения: 24.03.2018 г.).

БОРОНЕНКОВ Николай Денисович

студент Международно-правового факультета МГИМО (У) МИД России

ОСОБЕННОСТИ РАТИФИКАЦИИ РИМСКОГО СТАТУТА МЕЖДУНАРОДНОГО УГОЛОВНОГО СУДА НА ПРИМЕРЕ ФРАНЦИИ И ВЕЛИКОБРИТАНИИ

В статье рассматриваются особенности ратификации Римского статута Международного уголовного суда, которые способствовали принятию поправок в конституции некоторых европейских государств. Статут является полноценным международным договором открытым для подписания и присоединения любого государства. Необходимость в создании системы международной юстиции зародилась давно. Однако наиболее успешным образом была реализована только с принятием Статута МУС на дипломатической конференции в Риме в 1998 году. Существуют некоторые особенности имплементации государствами Статута в свои национальные системы, которые рассмотрены в статье.

Ключевые слова: Римский статут, Международный уголовный суд, нормы международного права, имплементация, ратификация.

VORONENKOV Nikolay Denisovich

student of the International Law Faculty of the MGIMO (U) of the MFA of Russia

LEGAL ASPECTS OF THE RATIFICATION OF THE ROME STATUTE OF THE INTERNATIONAL CRIMINAL COURT BY FRANCE AND GREAT BRITAIN

This article provides some considerable aspects of the ratification of the Rome statute of the International Criminal Court, which contributed to the adoption of the amendments to the Constitutions of several European countries. The Statute is an integral treaty, which can be signed and ratified by any state. The necessity of creation of a system of international justice appeared long time ago. But the most successful accomplishment of it was the adoption of the Rome statute of ICC in 1998 during the diplomatic conference. There are various aspects of the implementation of the Statute by state-members, which will be examined in this article.

Keywords: Rome statute, International criminal court, rules of international law, implementation, ratification.

Международный уголовный суд (далее – МУС) был образован в наиболее значимом для международного права городе – Гааге 1 июля 2002 года. Причиной основания данной организации стала необходимость в подтверждении верховенства гуманитарного законодательства и потребности утверждения прав человека. Отличие Международного уголовного суда от иных подобных организаций состоит в том, что его юрисдикция имеет место только в тех государствах, которые ратифицировали Римский Статут, и то, что впервые международная организация получила право привлекать к ответственности индивидов.

Проблема юрисдикции стала центральной в ходе создания МУС. Сторонники критической позиции в отношении юрисдикции Международного уголовного суда аргументировали свою точку зрения опасениями того, что МУС подменит собой национальные судебные органы.

Статья 1 Статута, устанавливает, что Суд является постоянным органом, уполномоченным осуществлять юрисдикцию в отношении лиц, ответственных за самые серьезные преступления, вызывающие озабоченность международного сообщества, указанные в настоящем Статуте, и дополняет национальные органы уголовной юстиции. Таким образом, Римский Статут утвердил принцип «комплементарности», содержание которого заключается в том, что МУС действует в тех случаях, когда внутринациональная система бессильна в плане осуществления правосудия по отношению к жителям своего государства или же, когда попросту национальная система не желает такое правосудие осуществлять, поскольку граждане такого государства бывают представителями правящих кругов¹.

Указанный принцип МУС стал серьезным препятствием на пути ратификации Римского Статута, так как данный принцип в большинстве случаев входит в противоречие с нормами национального законодательства, особенно с Конституциями государств. Эта острая проблема и до настоящего времени стоит перед многими государствами, в том числе перед Россией, в связи с чем, Российская Федерация так и не ратифицировала Статут. Проблема такого плана остро стоит и перед многими другими государствами.

Необходимым для деятельности Международного уголовного суда является сотрудничество с государствами, которые уже являются или могут стать ее участниками после выполнения соответствующих внутригосударственных процедур по ратификации Статута. Однако, стоит заметить, что далеко не все государства признают положения Римского Статута правильными и соответствующими внутренним законам того либо иного государства. И все же, даже после того, как определенные положения Римского Статута были признаны противоречащими конституции какого-либо государства, данное государство прибегало к изменению положений своей конституции с целью ратифицировать Римский Статут².

В частности, так поступило правительство Франции, а именно, Конституционный совет Франции пришел в свое время к заключению, что ратификация Римского Статута МУС вызывает необходимость пересмотра Конституции Франции, что и было сделано в последующем. Изменение Конституции Франции заключалось во включении в нее статей, устанавливающих, что «Республика может признать юрисдикцию Международного уголовного суда, как это предусматривается договором, подписанным 18 июля 1998 г.». Римский Статут был ратифицирован Францией 9 июня 2000 года.

Серьезной проблемой конституционного характера для Франции в процессе ратификации Статута стали внутригосударственные иммунитеты, правом пользования которых наделяются отдельные должностные лица. В частности это касается:

- лиц, обладающих иммунитетом, утвержденным Конституцией Франции;
- передачи государством в юрисдикцию МУС граждан Франции по его запросу и др.³

Согласно части 1 статьи 27 Статута, нормы Статута одинаково (на равной основе) применимы ко всем лицам, не зависимо от их должностного положения. Статут не освобождает от уголовной ответственности даже главу государства или пра-

1 Ведерникова О. Н. К вопросу о ратификации римского статута международного уголовного суда // Уголовное судопроизводство. - 2010. - № 4. - С. 13-19.

2 Подшибякин А. С. Римский статут и решение проблем его ратификации отдельными государствами // Вестник МГИМО. - 2008. - № 3. - С. 10-14.

3 Кадырова Н. Н. Об институте соучастия в международном и национальном уголовном праве // Вестник Челябинского государственного университета. - 2013. - № 17 (308). - С. 60-64.

вительства, будь то член правительства или парламента. Такое положение указанных лиц так же не может быть обстоятельством смягчающим приговор.

Часть вторая указанной статьи устанавливает, что иммунитет, которыми обладает лицо в силу своего должностного положения по нормам национального или международного права, не должны быть препятствием для осуществления МУС правосудия в отношении таких лиц.

Вопрос о совместимости национального законодательства и положений Статута предполагает три пути к своему решению.

Первый подход заключается в принятии таких поправок к конституции государства, решившего ратифицировать Статут, которые бы обеспечили точное соответствие конституции государства Статуту.

Второй подход видится в принятии такого толкования норм конституционного характера, которые соответствовали бы Статуту. Это позволяет избежать процесса принятия поправок к конституции.

И третий подход указывает на то, что, если противоречие Статута и конституции не представляет проблемы для ратификации, возможно не принимать во внимание наличие правовых коллизий на этапе ратификации. Такие коллизии могут решаться в дальнейшем непосредственно при возникновении.

В рамках первого подхода, связанного с принятием конституционных поправок самыми распространенными являются те поправки, которые определяют факт нераспространения иммунитета на преступления, указанные в Римском Статуте. Это дает возможность государству реализовать преследование в рамках своей национальной судебной системы, и сотрудничать с Судом. Данный подход и был применен Францией в процессе имплементации Римского Статута. Как уже было указано, Конституционный Совет Франции определил, что норма, предоставляющая иммунитет президенту, образует конституционное препятствие для введения в действие Римского Статута⁴.

В процессе рассмотрения Конституционным Советом Франции вопроса о том, имеются ли в Римском Статуте нормы, которые находятся в противоречии с положениями конституции Франции, можно сделать вывод о том, что такие нормы имеют место быть, в связи с тем, что было вынесено Конституционным Советом Франции постановление от 1 января 2001 г. В нем было обращено особое внимание на следующие проблемы.

Статья 27 Статута содержит отказ в иммунитете главе государства, что напрямую противоречит трем статьям Конституции Французской Республики: 26, 68 и 68-1. Правительство Франции не посчитало данное противоречие важным и существенным и пришло к выводу о том, что устраняется такое противоречие посредством включения дополнительной статьи в Конституцию, что и было сделано в виде статьи 53-2: «Французская Республика признает юрисдикцию Международного уголовного суда в соответствии с договором, подписанным 18 июля 1998 г.». Хотя французское решение предусматривает возможность сотрудничества с Судом, это решение не означает, что иммунитет аннулирован и в отношении внутрисударственного судебного преследования преступлений, перечисленных в Статуте. Франция, таким образом, продолжает оставаться «не желающей или не способной» уголовно преследовать внутри страны преступления, совершенные президентом. Если возникнет дело против президента, Суд сможет, таким образом, осуществить свою юрисдикцию, а Франция не будет иметь возможности утверждать свою юрисдикцию как основную по отношению к дополняющей юрисдикции Суда. Ввиду неспособности осуществить уголовное преследование внутри страны, Франция не будет иметь возможности избежать юрисдикции МУС, отстаивая первичность своей юрисдикции. Однако она и не нарушит своих международных обязательств, определенных в Римском Статуте.

По завершению ратификации Статута, Франция перешла к принятию дополнительного законодательства, которым, например было установлено, что у военных преступлений отсутствует статутное ограничение, в Уголовный Кодекс были включены такие

преступления, как принудительная беременность и стерилизация.

Великобританией Римский статут был ратифицирован 30 ноября 1998 года. В 2001 году Парламент Великобритании принял закон, касающийся Международного уголовного суда, что дало возможность Великобритании принять на себя обязательства по договору. Данный закон стал важным шагом Великобритании на пути принятия на себя международных обязательств⁵.

В данном законе Великобритании из Римского статута была взята дефиниция преступления, устанавливающая условия уголовной ответственности командиров и старших начальников. При этом следует особо подчеркнуть, что данным законом все преступления, ответственность за которые предусмотрена статьей 5 Статута сводятся в единый нормативный акт без изменения их содержания. Это дает возможность расследовать данные преступления на территории в Великобритании⁶.

Следует отметить, что даже признание универсальной юрисдикции МУС не снимет определенных правовых проблем при ее осуществлении на практике. В частности, это касается вопросов передачи Международному уголовному суду лиц, обвиняемых в совершении международных преступлений государствами, не являющимися участниками Римского Статута, а также привлечения к международной уголовной ответственности должностных лиц данного государства, наделенных иммунитетом. Однако это поставит компетенцию Международного уголовного суда в данном вопросе на один уровень с компетенцией первичных субъектов международного права – государств и будет способствовать повышению роли международного уголовного правосудия в противодействии безнаказанности, защите прав человека и предотвращению нарушения норм международного гуманитарного права.

Отсутствие собственной системы исполнения наказаний и того, что МУС полагается на национальные правоохранительные органы приводит к тому, что фактического осуществления правосудия не происходит и вынесенные решения не позволяют привлечь к ответственности виновных лиц.

В результате можно сделать вывод, о том что, несмотря на то, что МУС и имеет несколько противоречивый характер и ряд проблем, требующих скорейшего решения, его создание, несомненно, имеет большое значение для международного уголовного права. Представляется целесообразным расширить представительство и влияние в Суде определенных регионов, а также приложить усилия, чтобы избежать излишней политизированности данного международного судебного органа. Эффективную работу Суда обеспечит лишь сплоченность и сотрудничество государств в сфере международного уголовного права.

Пристатейный библиографический список

1. Ведерникова О. Н. К вопросу о ратификации римского статута международного уголовного суда // Уголовное судопроизводство. - 2010. - № 4.
2. Кадырова Н. Н. Об институте соучастия в международном и национальном уголовном праве // Вестник Челябинского государственного университета. - 2013. - № 17 (308).
3. Международный уголовный суд // Вестник международного уголовного правосудия. - М.: Вестник международного уголовного правосудия, 2015. [Электронный ресурс] - Режим доступа: <http://mur-info.com/mur/international-court>.
4. Оганесян А. С. Международно-уголовный суд, его юрисдикция и вопросы, связанные с ратификацией и имплементацией римского статута // Вестник Московского государственного лингвистического. - 2008. - № 550.
5. Печегин Д. А. Становление международной уголовной юстиции: история вопроса // Вестник Тамбовского университета. Серия: гуманитарные науки. - 2014. - № 12 (140). -
6. Подшибякин А. С. Римский статут и решение проблем его ратификации отдельными государствами // Вестник МГИМО. - 2008. - № 3.

4 Оганесян А. С. Международно-уголовный суд, его юрисдикция и вопросы, связанные с ратификацией и имплементацией римского статута // Вестник Московского государственного лингвистического. - 2008. - № 550. - С. 40-45.

5 Кадырова Н. Н. Об институте соучастия в международном и национальном уголовном праве // Вестник Челябинского государственного университета. - 2013. - № 17 (308). - С. 60-64.

6 Ведерникова О. Н. К вопросу о ратификации римского статута международного уголовного суда // Уголовное судопроизводство. - 2010. - № 4. - С. 13-19.

ДЖАЛИЛОВА Айшат Муртазалиевна

аспирант кафедры международного права факультета международных отношений и международного права Дипломатической академии МИД России

ДВОЙНЫЕ СТАНДАРТЫ В ПРОТИВОДЕЙСТВИИ ЭКСТРЕМИЗМУ И ТЕРРОРИЗМУ В РАМКАХ РЕФОРМИРОВАНИЯ СОВЕТА БЕЗОПАСНОСТИ ООН

Целью статьи является проведение анализа антитеррористической и антиэкстремистской деятельности Совета Безопасности ООН на предмет наличия двойных стандартов на примере различных прецедентов, выявить модели реформирования этого органа для повышения эффективности и политического авторитета этого органа. Автор считает, что наиболее обоснованным является модель реформирования Совета Безопасности ООН, предложенная Российской Федерацией, которая позволяет учесть интересы стран-участников (постоянных и непостоянных членов) при принятии важных резолютивных решений без ущерба общей эффективности и оперативности деятельности этого органа.

Ключевые слова: Совет Безопасности ООН, реформирование Совета Безопасности ООН, Лига Наций, МТБЮ, МУТЮ, суды ad-hoc, НАТО, международное гуманитарное право.

JALILOVA Ayshat Murtazaliyeva

postgraduate student of International law sub-faculty of the Faculty of International Relations and International Law of the Diplomatic Academy of the MFA of Russia

DOUBLE STANDARDS IN COUNTERING EXTREMISM AND TERRORISM IN THE FRAMEWORK OF THE REFORM OF THE UN SECURITY COUNCIL

The purpose of the article is to analyze the anti-terrorist and anti-extremist activities of the UN Security Council for the presence of double standards in several precedents, to identify models of reforming of this body to improve the effectiveness and political credibility of this body. The author believes that the most reasonable is the model of reform of the UN Security Council proposed by the Russian Federation, which allows to consider the interests of the participating countries (permanent and non-permanent members) when making important operative decisions without compromising the overall effectiveness and efficiency of the activities of this body.

Keywords: The UN Security Council, reforming the UN Security Council, the League of Nations, ICTY, ICTY, the courts ad-hoc, NATO, international humanitarian law.

Согласно Уставу Организации Объединенных Наций, ООН была создана чтобы «избавить грядущие поколения от бедствий войны, дважды в нашей жизни принесшей человечеству невыразимое горе, вновь утвердить веру в основные права человека, в достоинство и ценность человеческой личности, в равноправие мужчин и женщин и в равенство прав больших и малых наций»¹. Главная ответственность за поддержание международного мира и безопасности была возложена на Совет Безопасности ООН.

Согласно ст. 23 Устава ООН, Совет Безопасности ООН состоит из пятнадцати Членов Организации. Особый статус предоставлен пятерке стран, являющихся постоянными членами Совета Безопасности. По меткому выражению исследователей «ООН, в отличие от Лиги Наций, признавала, что все государства являются равными, но некоторые – «более равные»².

Право вето применяется постоянными членами Совета Безопасности ООН для блокирования резолюций, которые вызывают у них явное несогласие. Вето постоянного члена Совета Безопасности нельзя преодолеть ни простым, ни квалифицированным большинством голосов. На сегодняшний день

Российская Федерация применила право вето 15 раз, в отдельных случаях – совместно с Китаем³.

Деятельность Совета Безопасности ООН как политико-правового регулятора вызывает различные споры в среде экспертов и ученых-исследователей. После нескольких резонансных прецедентов, мировая общественность усомнилась в эффективности Совета Безопасности. Правовые проблемы, решаемые Советом Безопасности, очень важные и острые, часто имеют политическую подоплеку и затрагивают проблемы расового, национального, конфессионального характера.

На сегодняшний день ученые не пришли к единому выводу о правовой природе Совета Безопасности ООН, его компетенции и полномочиях. В международном праве существуют различные подходы к определению компетенции международных организаций. Как отмечает И. Н. Лебединец, «когда компетенция международной организации определена неоднозначно, возникают сложности при установлении ее пределов. В данном случае объем компетенции обычно определяется либо путем толкования отдельных положений Устава международной организации (так называемая *подразумеваемая компетенция*), либо исхо-

1 Преамбула Устава ООН от 26 июня 1945 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.un.org/ru/sections/un-charter/preamble/index.html>.

2 Беленкова Е. Ю. Современные дискуссии о реформировании организации Объединенных Наций // Власть. 2011. № 12. С. 115-117.

3 Вето в Совете Безопасности. Проекты резолюций, не принятые в результате голосования постоянных членов против них на открытых заседаниях Совета Безопасности. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/sc/meetings/veto/ussr_russia.shtml.

дя из общих целей, зафиксированных в ее Уставе (так называемая *имманентная компетенция*)»⁴.

Ярким примером реализации подразумеваемой компетенции Совета Безопасности ООН является Международный трибунал по бывшей Югославии (МТБЮ или МУТЮ) для уголовного преследования лиц, ответственных за серьезные нарушения международного гуманитарного права. Одним из громких судебных процессов стало дело Д. Тадича.

В ходе разбирательства сторона Д. Тадича выступила с заявлением о том, что трибунал неправомочен рассматривать его дело, так как был создан с нарушением положений Устава ООН. Совет Безопасности ООН не мог создать суд *ad-hoc*, так как:

1. Подобные суды создаются на основе международного договора (как, например, Нюрнбергский трибунал) либо закона (как это отмечено в Международном пакте о гражданских и политических правах 1966г.).

2. Проведение МТБЮ не будет способствовать установлению мира на территории бывшей Югославии, вследствие чего не будут достигнуты цели, ради которых был создан трибунал.

3. До случая с бывшей Югославией преступления против человечности многократно имели место, однако никакого суда не было создано и т.д.⁵

Апелляционная палата МТБЮ отвергла эти аргументы, как и возражения о том, что приоритет международного суда над национальным нарушает принцип суверенитета независимого государства⁶. Что касается других аргументов, то «Совет Безопасности уполномочивается решать, какие меры, не связанные с использованием вооруженных сил, должны применяться для осуществления его решений, и он может потребовать от Членов Организации применения этих мер»⁷.

Многие правовые проблемы, связанные с деятельностью Совета Безопасности ООН связаны с тем, что устройство этого органа, структура и принципы функционирования значительно устарели. Позиционирование сил на мировой геополитической карте после II Мировой войны значительно изменилось, что побудило к тому, что отдельные страны все настойчивее стали заявлять о необходимости проведения реформы ключевых органов ООН, в том числе и Совета Безопасности. На сегодняшний день наибольшую активность проявляют страны «четверки» – Бразилия, ФРГ, Япония и Индия. По мнению исследователей, проблема реформирования Совета Безопасности ООН включает три ключевых аспекта:

1) «расширение членского состава Совета Безопасности;

2) рабочие методы, используемые Советом Безопасности в своей деятельности;

3) механизм исполнения решений Совета Безопасности»⁸.

Необходимо признать, что предложения о реформировании Совета Безопасности ООН участились в связи с последними политическими событиями. В международно-правовом пространстве назрел кризис в области поддержания мира и

международной безопасности, соблюдения положений международного гуманитарного права по отношению к воюющим сторонам конфликта и мирному населению. В условиях затяжных вооруженных конфликтов значительно усиливают свое влияние террористические и экстремистские организации⁹.

При этом проблема кроется не только в правоприменении, но и в существующих международно-правовых нормах, которые оставляют пробелы и пространство для двойного толкования принципов международного права. Одним из ярких примеров такого диссонанса является соотношение права наций на самоопределение и принципа территориальной неприкосновенности суверенного государства. В свете известных событий на территориях бывшей Югославии, Ирака, Ливии, Сирийской Арабской Республики можно воочию убедиться, что эти политико-правовые события трактуются разными членами ООН и Совета Безопасности ООН неоднозначно. Как показала практика, если США, Великобритания и другие страны считали, что внутригосударственный политический кризис необходимо было решать военно-силовым воздействием, то Россия и КНР придерживались принципа невмешательства во внутренние дела суверенного государства до принятия соответствующей резолюции Совбеза ООН, запроса самого государства о помощи и др. факторов, объективно обосновывающих необходимость такого вмешательства.

Как справедливо отметил Я. Юйхэн «несанкционированные ООН действия США и Великобритании спровоцировали войну с суверенным государством Ирак. В качестве надуманного предлога было выдвинуто обвинение в существовании в Ираке оружия массового уничтожения. Восьмилетняя война (с 20 марта 2003 по 15 декабря 2011 г.) – после свержения режима Саддама Хусейна – не только унесла жизни более 116 тысяч мирных граждан страны¹⁰, но и причинила большой урон авторитету ООН в деле поддержания международного мира. США и Великобритания обошли полномочия ООН и нанесли сокрушительный удар суверенному государству, нарушив тем самым Устав Организации»¹¹. Тем не менее, конкретных доказательств существования оружия массового уничтожения коалиция не представила. Бывший госсекретарь США К. Пауэлл был вынужден признать тот факт, что когда он «делал доклад в феврале 2003 года, то опирался на самую лучшую информацию, которую предоставило ЦРУ. ... К сожалению, со временем выяснилось, что источники были неточными и неверными, а в ряде случаев преднамеренно вводили в заблуждение»¹².

Подобная проблема коснулась и Ливии. Автор поддерживает точку зрения И. Н. Щербака, согласно которой «ставка на применение принудительных мер и вооруженной силы не только не способствует устранению первоначальных конфликтных ситуаций, а, наоборот, ведет к рас-

4 Там же. С. 197.

5 Лебединец И. Н. К вопросу о подразумеваемой компетенции международных организаций // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 2 (63). С. 200.

6 Там же. С. 201.

7 Устав ООН. Глава VII: действия в отношении угрозы миру, нарушений мира и актов агрессии. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.un.org/ru/sections/un-charter/chapter-vii/index.html>.

8 Мустафаева Н. И-К. Совет Безопасности ООН как приоритет реформы ООН // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 2 (63). С. 207.

9 Чернядьева Н. А. Роль резолюций Совета безопасности ООН в совершенствовании антитеррористического права // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2015. № 2 (28). С. 176-184.

10 The Telegraph. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.telegraph.co.uk/news/worldnews/middleeast/iraq/9932214/Iraq-war-10-years-on-at-least-116000-civilians-killed.html>.

11 Юйхэн Я. К вопросу о сотрудничестве КНР и РФ в ООН в XXI в // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. № 8. С. 101-110.

12 TheIraqiwar.[Электронныйресурс].–Режимдоступа:http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%98%D1%80%D0%B0%D0%BA%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F_%D0%B2%Do%BE%Do%B9%Do%BD%Do%Bo%cite_note-130%.

ширению зон конфликтов, неконтролируемой эскалации внутренних противоречий, втягиванию в них соседних регионов и государств, к ослаблению систем глобального и регионального управления»¹³. После того, как внутренняя инфраструктура Ливии была разрушена, были подорваны важнейшие скрепы, удерживающие страну от нового витка межклановых войн. Ликвидация режима М. Каддафи не только не принесла объективных улучшений в плане социально-экономического развития страны, но и способствовала нарастанию социальной напряженности, росту безработицы и уровня криминогенной обстановки. Подобная ситуация продолжается по сей день, не случайно в декабре 2016 г. Совет Безопасности ООН выразил «глубокую обеспокоенность по поводу стремительно ухудшающейся гуманитарной ситуации в Ливии», а также призвал «правительство национального согласия возглавить усилия по стабилизации ситуации ... и вести борьбу с угрозой терроризма»¹⁴.

Борьба с международным терроризмом – это важнейшая задача, к решению которой необходимо подходить комплексно, совместными усилиями стран, международных организаций. Несоблюдение первооснов и принципов международного права может привести к еще более глубокой проблеме, и стать благодатной почвой для распространения влияния террористических и экстремистских организаций.

Многие эксперты признают, что одним из самых успешных случаев консолидированного компромиссного принятия решения по кризисному вопросу стала резолюция 2118¹⁵ по Сирии, что стало возможным благодаря достижению рамочной договоренности между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки в 2013 году по ликвидации химического оружия и их прекурсоров¹⁶.

Автор считает, что ситуацию в Сирии следует воспринимать как гуманитарную катастрофу, что подтверждается объективными данными, представленными в документах Совета Безопасности ООН¹⁷.

Нельзя не согласиться с М. С. Ходынской-Голенищевой, что «необходимо также, чтобы Россия продолжала последовательную линию на недопущение задействования СБ ООН для реализации силового сценария в отношении САР»¹⁸.

Затрагивая нарушения международного гуманитарного права, нельзя также не упомянуть о ситуации на Украине, где до сих пор продолжается вооруженный конфликт

между ВС Украины и воинскими формированиями самопровозглашенных Донецкой Народной Республики (ДНР) и Луганской Народной Республики (ЛНР). Одним из основополагающих решений в этой области стала резолюция Совета Безопасности ООН № 2202 (2015), принятая на 7384-м заседании 17 февраля 2015 года. В соответствии с этим документом, СБ ООН призывает все стороны обеспечить полное выполнение «Комплекса мер по выполнению Минских соглашений», включая предусмотренное в нем всеобъемлющее прекращение огня¹⁹.

С точки зрения международного гуманитарного права, любой вооруженный конфликт – это необходимость обеспечения защиты и безопасности в первую очередь мирного населения, потом уже комбатантов и иных участников конфликта. Совет Безопасности ООН был создан как гарант обеспечения мира и безопасности в общепланетарном масштабе, в пределах компетенции, которой его наделил Устав ООН. СБ ООН не является застоявшимся и догматическим явлением, реформирование имеет место быть. В этом процессе Россия поддерживает заявки Индии и Бразилии на членство в Совете Безопасности ООН на постоянной основе, с присутствием в этой структуре и представителей африканского континента. Главное, чтобы такое расширение не пошло в ущерб эффективности и оперативности Совета Безопасности ООН.

Пристатейный библиографический список

1. Устав ООН от 26 июня 1945 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.un.org/ru/sections/un-charter/preamble/index.html>.
2. Чернядьева Н. А. Роль резолюций Совета безопасности ООН в совершенствовании антитеррористического права // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2015. № 2 (28).
3. Щербак И. Н. О деятельности Совета Безопасности ООН на современном этапе // Вестник МГИМО. 2013. № 6 (33).
4. Юйхэн Я. К вопросу о сотрудничестве КНР и РФ в ООН в XXI в // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. № 8.
- 13 Щербак И. Н. О деятельности Совета Безопасности ООН на современном этапе // Вестник МГИМО. 2013. № 6 (33). С. 9-14.
- 14 Резолюция 2323 (2016), принятая Советом Безопасности на его 7832-м заседании 13 декабря 2016 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N16/435/92/PDF/N1643592.pdf?OpenElement>.
- 15 Резолюция 2118 (2013), принятая Советом Безопасности на его 7038-м заседании 27 сентября 2013 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N13/489/25/PDF/N1348925.pdf?OpenElement>.
- 16 Письмо постоянных представителей Российской Федерации и Соединенных Штатов Америки при Организации Объединенных Наций от 19 сентября 2013 года на имя Генерального секретаря. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://undocs.org/ru/S/2013/565>.
- 17 Резолюция 2332 (2016), принятая Советом Безопасности на его 7849-м заседании 21 декабря 2016 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N16/457/13/PDF/N1645713.pdf?OpenElement>.
- 18 Ходынская-Голенищева М. С. Подготовка «Женевы-2» в свете актуальных аспектов развития сирийского кризиса // Вестник МГИМО. 2013. № 5 (32). С. 33-38.
- 19 Резолюция 2202 (2015), принятая Советом Безопасности на его 7384-м заседании 17 февраля 2015 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N15/043/74/PDF/N1504374.pdf?OpenElement>.

АЛИЕВА Гюнай Видади кызы

аспирант кафедры международного права Российского университета дружбы народов

КЛЮЧЕВЫЕ АСПЕКТЫ КОНЦЕПТУАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА, ПОДЛЕЖАЩИЕ АНАЛИЗУ ПРИ ИССЛЕДОВАНИИ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОГО РЕЖИМА ОХРАНЫ НЕМАТЕРИАЛЬНОГО КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

Статья посвящена исследованию вопросов, имеющих концептуальное значение для международно-правового режима охраны нематериального культурного наследия, которые в незначительной степени исследованы в отечественной международно-правовой науке. Прежде всего, изучаются основания (причины) для охраны нематериального культурного наследия. Проводится международно-правовой анализ таких базовых терминов, как «культурное наследие», «нематериальное культурное наследие», «всемирное наследие» и другие. Рассматривается соотношение и взаимосвязь международно-правовых режимов охраны материального культурного наследия и нематериального культурного наследия. Рассматривается проблема «принадлежности» культурного наследия, когда такое наследие может рассматриваться как относящееся к определённым сообществам, этническим группам и т.п., или когда возникают ситуации «присвоения» такого наследия, например, отдельными лицами или медиакорпорациями. Среди вопросов концептуального характера рассматриваются позитивные и негативные стороны «коммерциализации» нематериального культурного наследия.

Ключевые слова: культурное наследие, всемирное наследие, материальное культурное наследие, нематериальное культурное наследие, международно-правовой режим охраны нематериального культурного наследия, коммерциализация нематериального культурного наследия.

ALIYEVA Gunay Vidadi kyzy

postgraduate student of International law sub-faculty of the Peoples' Friendship University of Russia

KEY CONCEPTUAL ASPECTS THAT SHOULD BE ANALYZED IN THE STUDY OF THE INTERNATIONAL LEGAL REGIME OF THE PROTECTION OF THE INTANGIBLE CULTURAL HERITAGE

The article is devoted to the study of conceptual issues of the international legal regime of the protection of the intangible cultural heritage, which are poorly researched in the international legal science. First of all, the grounds (reasons) for the protection of the intangible cultural heritage are studied. There is an international legal analysis of such basic terms as "cultural heritage", "intangible cultural heritage", "world heritage" and others. The correlation and interrelation of international legal regimes of the protection of the material cultural heritage and the intangible cultural heritage are considered. Also the article considers the problem of the "belonging" of the cultural heritage, when such heritage can be regarded as belonging to certain communities, ethnic groups, etc., or when arise situation of "appropriation" of such heritage, for example, by individuals or media corporations. Among the issues of a conceptual nature, the article considers positive and negative aspects of the "commercialization" of the intangible cultural heritage.

Keywords: cultural heritage, world heritage, material cultural heritage, non-material cultural heritage, international legal regime of the protection of the intangible cultural heritage, commercialization of the intangible cultural heritage.

Алиева Г. В.

На пути исследования существующего международно-правового режима охраны нематериального культурного наследия как части культурного наследия в целом возникают вопросы концептуального характера, многие из которых слабо изучены или вообще не затронуты в отечественной науке международного права. Вместе с тем, квалифицированное всестороннее разъяснение ключевых из этих вопросов имеет актуальное значение с точки зрения теории и практики современного международного права, которое динамично расширяет сферу своего регулирования.

Анализ следует начинать с выяснения базового термина «культурное наследие», относящегося к материальным и нематериальным объектам. Придавая этому термину правовую нагрузку, т.е. рассматривая его на уровне правовой концепции, мы не можем уложиться в правовые рамки из-за его многоплановости, что требует междисциплинарного подхода к его исследованию, особенно учёта достижений антропологии и культурологии. Определение термина «культурное наследие» на уровне правовой концепции логически диктует необходимость прояснения таких родственных терминов, как «на-

циональное достояние», «этническое наследие», «всемирное наследие», в основе которых лежит слово «наследие», которое как историко-социальное явление не укладывается в какие-то заранее определённые нами методологические рамки исследования из-за того, что любой вид «наследия» предполагает наличие собственника и, следовательно, учёт юридических последствий, вытекающих из права собственности владельца культурного наследия.

Вопросы понятийного характера применительно к «культурному наследию» ещё больше усложняются на международно-правовом уровне. В частности, сам международно-правовой режим охраны «культурного наследия» выходит за рамки охраны конкретных объектов и людей; оно, как принадлежащее конкретным сообществам и, нередко, всему человечеству, охраняется в их интересах в целом. Более того, дело международно-правовой охраны вдвойне усложняется применительно к нематериальному культурному наследию, исходя из специфики охраны самого объекта, под которым подразумеваются традиционные формы культурного самовыражения, составляющие важный элемент самобытности определённого сообще-

ства людей. Хотя основная Конвенция по данному вопросу, принятая в рамках ЮНЕСКО, обозначена ныне общепринятым термином¹, но всё же на практике широко используются различные термины для обозначения объекта нематериального культурного наследия, такие как: «фольклор», «традиционные выражения культуры», «культура коренных народов» и другие. Данные термины можно употреблять при надобности, однако, в научных исследованиях следует опираться на единый термин, закреплённый в Конвенции ЮНЕСКО 2003 г. – «нематериальное культурное наследие».

В контексте международно-правовой охраны нематериального культурного наследия прояснению подлежат вопросы чисто ненормативного характера, однако имеющие прямое отношение к режиму международно-правовой охраны, а именно: каким интересам служит международно-правовая охрана нематериального культурного наследия и какая основная цель преследуются уже действующим международно-правовым режимом охраны материального культурного наследия? При выяснении этих вопросов следует иметь в виду тот факт, что мы имеем дело с режимом многоуровневой охраны как в предметном, так и в институциональном плане, что в идеальном варианте должно базироваться на отлаженной системе, а не на фрагментарном состоянии, что подтверждается практикой.

Учитывая наличие двух режимов в позитивном международном праве, самым приемлемым методом является сравнительный анализ существующих международно-правовых режимов охраны материального культурного наследия и нематериального культурного наследия, которые в научных исследованиях нередко противопоставляются, несмотря на очевидность их взаимодополняемости.

В целом следует признать режим международно-правовой охраны нематериального культурного наследия в качестве подтверждения прогрессивного развития позитивного международного права в целом и активности государств в этом деле.

Проявление инновационного в режиме международно-правовой охраны нематериального культурного наследия выражается в отходе от традиционного подхода позитивного международного права, когда охрана осуществлялась, прежде всего, и преимущественно в пользу государства. Постепенно и заметно в этом режиме на первый план выходит охрана интересов соответствующих сообществ (например, этнических групп, коренных народов²). При подготовке Конвенции ЮНЕСКО об охране нематериального культурного наследия были попытки закрепить вышеупомянутый традиционный подход, однако, в конечном счете, в ней был сделан акцент в сторону обеспечения интересов сообществ, а также, как отмечается специалистами, в пользу «человеческого измерения культурного наследия»³.

На доктринальном уровне⁴ выделяется ряд оснований (причин) для охраны нематериального культурного наследия, которые в конечном счёте сводятся к важности наследия (например, как общего прошлого человечества) и возможно-

стям его использования (например, в качестве эстетической ценности, обогащающей жизнь людей). Приводятся и другие основания (например, социальная интеграция), однако, при переводе всех подобных оснований в международно-правовой режим для охраны нематериального культурного наследия самобытность выходит на первый план, а остальные упомянутые основания выступают в качестве дополнительных для сохранения культурной самобытности.

Это нашло отражение в определении «нематериального культурного наследия», данном в ст. 2 Конвенции ЮНЕСКО 2003 г., где, в частности, сказано: «нематериальное культурное наследие ... постоянно воссоздаётся сообществами и группами в зависимости от окружающей их среды, их взаимодействия с природой и их истории и формирует у них чувство самобытности и преемственности, содействуя тем самым уважению культурного разнообразия и творчеству человека»⁵.

В действующих международно-правовых актах, прежде всего, в источниках международного гуманитарного права, например, Гаагской конвенции о защите культурных ценностей 1954 г., защите подлежат предметы культуры в качестве объекта собственности⁶, т.е. охраняется ценность объекта собственности. В случае международно-правовой охраны нематериального культурного наследия защите подлежат, прежде всего, социальные цели. По наблюдению специалистов, именно это обстоятельство сыграло решающую роль для перехода от защиты индивидуальных интересов с помощью защиты ценности объекта собственности к охране интересов общества в целом в сохранении культурных ценностей⁷. Такой подход привёл к преобладанию в используемой терминологии понятия «культурное наследие» над понятиями «культурные ценности» и «предметы культуры». В этом случае владельцем объекта культурного наследия выступает общество в целом, которое при этом сохраняет все прерогативы, вытекающие из права собственности. Однако, следует иметь в виду, что этот подход не одобряется всеми, прежде всего представителями правовой антропологии, на том основании, что эта наука не признаёт собственность как социальную возможность, а её сторонники утверждают, что не людям принадлежит что-то, а они сами принадлежат природе. Отсюда, в частности, непризнание владения кем-то предметом религиозного поклонения⁸.

В понятии «культурного наследия» обе составляющие – «культура» и «наследие» – трудно поддаются правовому измерению. При этом слово «наследие», обращённое к чувствам и эмоциям людей, непостижимо и, следовательно, трудно определимо.

Культурное наследие выражается как в материальном, так и нематериальном состоянии. К материальному культурному наследию относятся статуи, памятники, архитектурные произведения, и другие материализованные формы культурного самовыражения. Нематериальное культурное наследие специалисты обычно определяют двумя способами: как зависимое от материального культурного наследия, и, следовательно, оно выражает отношение людей преимущественно к материальному культурному наследию, или как самостоя-

1 Конвенция об охране нематериального культурного наследия 2003 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/cultural_heritage_conv.shtml (дата обращения: 01.04.2018 г.). Была принята в Париже 17 октября 2003 г., вступила в силу 20 апреля 2006 г.

2 Абашидзе А.Х., Ананидзе Ф.Р., Солнцев А.М. Права коренных народов в глобализирующемся мире (обеспечение в соответствии с международным и национальным правом): курс лекций. – М.: РУДН, 2017.

3 Francioni F. The Human Dimension of International Cultural Heritage Law: An Introduction // European Journal of International Law. – 2011. – No. 22 (1). – P. 9–16.

4 See: Merryman J.H. Thinking about the Elgin Marbles // Michigan Law Review. – 1985. – Vol. 83. – No. 8. – P. 1880–1923.

5 Конвенция об охране нематериального культурного наследия 2003 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/cultural_heritage_conv.shtml (дата обращения: 01.04.2018 г.).

6 Blake J. On defining the cultural heritage // International & Comparative Law Quarterly. – 2000. – No. 49 (1). – P. 61–62.

7 Prott L., O'Keefe P.J. "Cultural heritage" or "cultural property"? // International Journal of Cultural Property. – 1992. – Vol. 1. – P. 307–320.

8 See: Sax J.L. Playing Darts with a Rembrandt: Public and Private Rights in Cultural Treasures. – Ann Arbor: University of Michigan Press, 1999. – 245 p.

тельный тип наследия в виде повествования, песен, танцев и других форм выражения, которые не могут быть обычно сохранены материальными способами выражения.

Во время разработки Конвенции ЮНЕСКО об охране нематериального культурного наследия в рамках международного круглого стола было представлено исследование в виде доклада по различным вопросам, включая вопросы, связанные с определением понятия «нематериальное культурное наследие». В докладе допускалась возможность охраны «нематериальных» объектов с помощью права интеллектуальной собственности, однако при этом подчёркивалось отличие между режимами охраны нематериального культурного наследия и защиты интеллектуальной собственности: последняя нацелена на результат творческого процесса, тогда как охрана нематериального культурного наследия – на сам процесс⁹.

Элемент взаимосвязи нашёл отражение в определении «нематериального культурного наследия», данном в ст. 2 Конвенции ЮНЕСКО 2003 г. Под ним понимаются «обычаи, формы представления и выражения, знания и навыки, – а также связанные с ними инструменты, предметы, артефакты и культурные пространства, – признанные сообществами, группами и, в некоторых случаях, отдельными лицами в качестве части их культурного наследия»¹⁰.

В цитируемом положении нашло закрепление несколько материальных элементов, которые зависят от нематериального выражения, из которого они происходят.

Заметными положениями в Конвенции ЮНЕСКО являются закрепление в ней приоритета охраны коллективных прав сообществ в виде нематериального культурного наследия и охраны только тех из них, которые «согласуются с существующими международно-правовыми актами по правам человека и требованиями взаимного уважения между сообществами, группами и отдельными лицами, а также устойчивого развития»¹¹.

В международно-правовом режиме охраны нематериального культурного наследия заложен потенциал его динамичного развития за счёт того, что он призван охранять проявления культурного наследия, необходимые для продолжения самобытности соответствующих сообществ. Если материальное культурное наследие в целом обращено к прошлому в первую очередь из-за связи с археологией, где объект обязательно предшествовал его открытию, то нематериальное культурное наследие имеет связь и с прошлым, и с будущим. Это отражено в Конвенции ЮНЕСКО: «нематериальное культурное наследие, передаваемое от поколения к поколению, ... формирует у них чувство самобытности...». Именно потому, что нематериальное культурное наследие обеспечивает чувство самобытности, оно обуславливает его охрану. Нематериальное культурное наследие связывает каждого человека с сообществом, к которому он принадлежит, и создаёт ощущение сопричастности и, таким образом, самобытности. Защита этой общей самобытности, в конечном счёте, общечеловеческой, является самым важным основанием охраны нематериального культурного наследия.

Понятие «наследие» – многогранное, обладающее связью со многими другими явлениями социального порядка. Поэтому не без оснований специалисты говорят о «клубе наследий»,

состоящем из разных типов наследия, и о различных «уровнях самобытности»¹². Очевидно, что в этой многогранности сложным является, например, выявление всех причастных к культурному наследию и их интересов, которые подлежат международно-правовой охране¹³.

Среди других вопросов концептуального характера выделяется проблема определения того, кто имеет право «контролировать» культурное наследие и определять целесообразность его охраны в ситуации, когда оно воспринимается в качестве предрассудков сообществ, или же оно превращается в часть сепаратистской политики?

Чрезвычайно острой остаётся и дискуссия по проблеме сочетания охраны местной самобытности и обеспечения интереса международного сообщества в целом в контексте международно-правовой охраны нематериального культурного наследия¹⁴.

Сторонники культурного интернационализма указывают на то, что национализм концентрируется на значении наследия для национальной политики и защищает то, за счёт чего оправдывается преобладание местных интересов по сравнению с интересами международного сообщества. По их убеждению, такой подход губительный, в подтверждение чего зачастую ссылаются на разрушение Бамианских статуй Будды в Афганистане¹⁵. Следует заметить, что и культурный интернационализм подвергается критике, прежде всего, за то, что он используется в качестве инструмента, позволяющего музеям западных государств – бывших метрополий, обладающим богатыми культурными артефактами благодаря колониальной политике, оставаться их владельцами. По вопросу принадлежности исторических культурных артефактов нередко ведутся споры¹⁶.

В дискуссии между сторонниками культурного национализма и культурного интернационализма применительно к нематериальному наследию чаша весов склоняется в пользу интересов местных сообществ и охраны самобытности. Более того, бытует мнение о том, что международные подходы не способны обеспечить всеобщее понимание нематериального культурного наследия в качестве «универсального наследия человечества»¹⁷, хотя при этом признаётся за международными усилиями преимущество в деле предотвращения политических эксцессов под видом охраны местной самобытности¹⁸.

Культурный интернационализм также создаёт условия соответствующим сообществам для защиты своей самобытности с помощью международных правозащитных механизмов¹⁹.

12 See: Howard P. *Heritage: Management, Interpretation, Identity*. – Leicester and New York: Leicester University Press, 2003.

13 Boylan P.J. *The Intangible Heritage: A Challenge and an Opportunity for Museums and Museum Professional Training* // *International Journal of Intangible Heritage*. – 2006. – No. 1. – P. 54–65.

14 Smith L. *The Uses of Heritage*. – New York: Routledge, 2006. – P. 50.

15 Sljivic A. *Why Do You Think It's Yours? An Exposition of the Jurisprudence Underlying the Debate between Cultural Nationalism and Cultural Internationalism* // *George Washington Journal of International Law and Economics*. – 1997–1998. – Vol. 31. – P. 401–402.

16 См., например: Джеффри Дж. *Выставка артефактов, украденных из Эфиопии, возобновляет споры* / Jeffrey J. *Exhibition of Artifacts Stolen From Ethiopia Revives Controversy* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ipsnews.net/2018/04/exhibition-artifacts-stolen-ethiopia-revives-controversy/> (дата обращения: 23.04.2017 г.).

17 Harding S.K. *Value, Obligation and Cultural Heritage* // *Arizona State Law Journal*. – 1999. – Vol. 31. – No. 2. – P. 300.

18 Kearney A. *Intangible Cultural Heritage: Global Awareness and Local Interest* // Smith L., Akagawa N. (eds.) *Intangible Heritage*. – London, New York: Routledge, 2009. – P. 222.

19 Merryman J. H. *Cultural Property, International Trade and Human Rights* // *Cardozo Arts and Entertainment Law Journal*. – 2001. – Vol. 19. – P. 51–68.

9 UNESCO, *International Round Table “Intangible Cultural Heritage, Working Definitions”*. Turin (Italy), 14–17 March 2001. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ich.unesco.org/en/events?meeting_id=00057 (дата обращения: 01.04.2018 г.).

10 Конвенция об охране нематериального культурного наследия 2003 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/cultural_heritage_conv.shtml (дата обращения: 01.14.2018 г.).

11 Там же.

Следующий вопрос концептуального характера, на который обращают пристальное внимание западные учёные, это так называемая «коммерциализация» культурного наследия и её негативные последствия. В случае с нематериальным культурным наследием опасность коммерциализации выше, поскольку она в некоторых случаях может привести к его гибели. По данному вопросу среди исследователей преобладает мнение о том, что всё должно рассматриваться в качестве товаров на рынке со всеми вытекающими отсюда последствиями. Исходя из этого, задача правоведа состоит в том, чтобы ответить на вопрос: в какой мере тенденция перевода всего в категорию товара должна быть юридически ограничена применительно к нематериальному культурному наследию?²⁰ Дискуссия по данному вопросу проходит в условиях чётко обозначенных противоположных тенденций: с одной стороны, экономика пытается постоянно расширять охват коммерциализации, включая материальные и нематериальные культурные объекты, а, с другой стороны, культура пытается ограничить этот процесс по отношению к культурному наследию. Здесь мы имеем аналогичную ситуацию, сложившуюся в противодействии экономического роста и устойчивого экологического развития, предполагающего определённые ограничения²¹. Нередко процесс коммерциализации культурного наследия проходит в нарушение чувств людей, включая религиозные чувства. Поэтому в случае, когда речь идёт о правовых инструментах охраны культурного наследия, особенно нематериального культурного наследия, важность приобретает выяснение вопроса о том, следует ли использовать определённое культурное наследие как товар. Дело в том, что последствием коммерциализации может быть обезличивание культуры, которое можно рассматривать как полезное для создания общей самобытности и как губительное для уникального характера самобытности²². Таким образом, как отмечают специалисты, мы имеем дело со своеобразной палкой о двух концах²³.

В целом коммерциализация культурных объектов рассматривается как неизбежный процесс²⁴, представляющий сообществам возможность повысить ценность своего культурного наследия²⁵. Следовательно, основная задача охраны заключается в определении того, что и как должно защищаться²⁶, наподобие Списка объектов всемирного наследия, который содержит перечень объектов культурного наследия, нуждающихся в защите, и также даёт чёткое описание каждого объекта, подлежащего защите, и содержащиеся в нём

элементы²⁷. То же самое следует сказать в отношении действующих международных конвенций об охране культурных ценностей и наследия²⁸.

В условиях коммерциализации при оценке ценности материального и нематериального культурного наследия наблюдается разница: при оценке нематериального культурного наследия основное внимание уделяется социальным и культурным признакам проявления наследия, которые динамичны и, следовательно, не могут находиться в, так сказать, «застывшем» виде, как это имеет место по отношению к материальному культурному наследию. В связи с этим обстоятельством в отношении нематериального культурного наследия возникает чисто правовой вопрос: как охранять то, что не имеет чётко очерченного формата? Получается, что нематериальное культурное наследие по своей сути и проявлению не будет иметь какой-то «подлинный» вид, а при коммерциализации подлинность становится важным связующим звеном между идеей наследия как опыта и его ценности на рынке²⁹.

В случае широкого использования в охране нематериального культурного наследия механизмов права интеллектуальной собственности будет усиливаться тенденция его коммерциализации.

Если коммерциализация в какой-то степени уже становится приемлемой, возникают дополнительные вопросы к её пределам распространения применительно к нематериальному культурному наследию. В этом случае возникает дилемма: если слишком интенсивная коммерциализация может «очерствить» культуру и препятствовать полноценному приобщению к ней, в то же время недостаточная коммерциализация может сделать нематериальное культурное наследие «лёгкой добычей», например, для медиакорпораций, и привести к контролю над ним посторонних. Специалисты признают кризис культуры постмодерна в качестве фактора, провоцирующего коммерциализацию наследия, а также и то, что коммерциализация неизбежно идёт на пользу как широкой общественности, так и сообществам, хранящим наследие³⁰.

В этом деле на современном этапе развития основной задачей становится определение того, каким образом контролировать процесс коммерциализации, чтобы гарантировать высокую степень международно-правовой охраны соответствующему нематериальному культурному наследию, обладающему несоизмеримой ценностью³¹.

Взаимодополняемость материального культурного наследия и нематериального культурного наследия в достаточной степени исследована на доктринальном уровне и не раз являлась одним из основных вопросов, обсуждённых на уров-

20 Ertman M. M., Williams J.C. *Rethinking Commodification: Cases and Readings in Law and Culture*. – New York, London: New York University Press, 2005. – P. 10–11.

21 См.: Abashidze A., Solntsev A., Kiseleva E., Koneva A., Kruglov D. *Achievement of Sustainable Development Goals (2016-2030): International Legal Dimension* // *Indian Journal of Science and Technology*. – 2016. – Vol. 9(37). – P. 1–9.

22 Radin M.J., Sunder M. *Introduction: The Subject and Object of Commodification* // *Rethinking Commodification: Cases and Readings in Law and Culture* / Ertman M. M., Williams J. C. (eds.). – New York, London: New York University Press, 2005. – P. 12.

23 Howard P. *Heritage: Management, Interpretation, Identity*. – Leicester and New York: Leicester University Press, 2003. – P. 203–204.

24 Appadurai A. *Introduction: Commodities and the Politics of Value* // *The Social Life of Things: Commodities in Cultural Perspective* / Appadurai A. (ed.). – Cambridge: Cambridge University Press, 1986. – P. 13.

25 Harding S.K. *Culture, Commodification and Native American Cultural Patrimony* // *Rethinking Commodification: Cases and Readings in Law and Culture* / Ertman M., Williams J. (eds.). – New York: New York University Press, 2005. – P. 151–152.

26 См., например: Лабуть Д. А. *Международно-правовое регулирование временного вывоза культурных ценностей: дискуссионные вопросы* // *Московский журнал международного права*. – 2017. – № 3. – С. 52–60.

27 World Heritage List. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://whc.unesco.org/en/list> (дата обращения: 01.04.2018 г.).

28 Конвенция о защите культурных ценностей в случае вооружённого конфликта 1954 г. // *Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключённых СССР с иностранными государствами*. Вып. XIX. – М., 1960. – С. 114–142; Конвенция о мерах, направленных на запрещение и предупреждение незаконного ввоза, вывоза и передачи права собственности на культурные ценности 1970 г. // *Сборник международных договоров СССР*. Вып. XLIV. – М., 1990. – С. 506–513; Конвенция об охране подводного культурного наследия 2001 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/underwater_heritage.shtml (дата обращения: 01.04.2018 г.).

29 Harrison R. *Heritage: Critical Approaches*. – Abingdon, New York: Routledge, 2013. – P. 88.

30 Scafidi S. *Who Owns Culture?: Appropriation and Authenticity in American Law*. – New Brunswick, London: Rutgers University Press, 2005. – P. 10–11.

31 См.: Видинеев Д.И. *Прогрессивное развитие института международно-правовой защиты культурных ценностей*. Автореферат дис. ... канд. юрид. наук. 12.00.10. – М.: РУДН, 2017.

не научных форумов³². Очевидно, что общие элементы культурного наследия присущи к обоим видам – материальному и нематериальному культурному наследию, что делает их в определённой степени и взаимосвязанными. Наряду с этим нематериальное выражается с помощью материального, а последнее содержит смысловое значение только из-за нематериальных элементов в нём. Эта взаимосвязь подтверждается, в частности, ролью музеев в охране обоих видов культурного наследия³³.

Следует констатировать, что на доктринальном уровне не наблюдается жёсткое противопоставление материального и нематериального культурного наследия. Однако разнятся подходы по их подчинению друг другу в зависимости от специалистов и сфер их исследований: у тех, кто занимается материальным культурным наследием, нематериальные культурные элементы выступают как вспомогательные средства в их исследовании; у исследователей нематериального культурного наследия материальное культурное наследие рассматривается в качестве воплощения нематериального культурного наследия.

Очень важным вопросом является проявление наследия, т.е. формы наследия, которые применительно к нематериальному культурному наследию целиком физически трудно зафиксировать, например, музыка или танец (некоторые их элементы физически фиксируются в виде, например, костюма или музыкального инструмента). Сказанное подтверждается Конвенцией ЮНЕСКО об охране нематериального культурного наследия, которая включает в своё определение нематериального наследия предметы и артефакты как части культурного наследия.

В целом следует отметить, что понимание проявлений культурного наследия связано со значимостью, которая придаётся наследию, а также обоснованию необходимости его охраны. К примеру, если считать наследие важной частью охраны культурной самобытности, то необходимо акцентировать внимание в большей степени на нематериальном аспекте, и наоборот, если рассматривать охрану наследия для возможностей развития, которые оно может предоставить, то стоит ориентироваться на материальные аспекты. Учитывая все эти обстоятельства, на одном научном форуме было отмечено, что указанная взаимосвязь влияет на целостность и подлинность проявлений наследия и, следовательно, обладает прикладным значением³⁴.

Для специалистов в области материального культурного наследия важной является, образно говоря, «материальная сторона» наследия, которая, по их мнению, достаточна и, следовательно, не требует дополнительного изучения их нематериальной природы. Другими словами, для признания предмета культуры не обязательно наличие связи с определённым сообществом. Более того, у них бытует мнение о том, что нематериальная культура обречена быть потерянной или изменённой, и, следовательно, бессмысленно её сохранять, а нужно сосредоточиться именно на охране материальных элементов. По их убеждению, предметы культуры обладают нематери-

альной ценностью лишь в той мере, в какой она увеличивает степень признания определённого предмета.

Очевидно, что нематериальное культурное наследие проигрывает материальному наследию тем, что первое может применяться только в отношении ныне существующего наследия, а материальное наследие способно быть связанным с культурами, которые больше не существуют. Более того, материальное наследие рассматривается как придающее наследию в целом больше убедительности.

Исследователи, внимание которых сосредоточено на нематериальном культурном наследии, чаще всего рассматривают нематериальное наследие как единственную по-настоящему важную цель для изучения, а предметы культуры и другие физические проявления наследия – не что иное, как проявление нематериального наследия, которое они пытаются понять и воссоздать посредством исследования этих предметов.

Имеется и крайний взгляд: всё наследие в действительности нематериально, поскольку проявления наследия имеют смысл только с учётом конкретного контекста, в котором они были созданы. Без этого контекста предмет культуры носит только эстетическую ценность, а затем становится скорее произведением искусства, а не проявлением культурного наследия. Поскольку всё наследие считается нематериальным, можно не учитывать различия между материальным и нематериальным, а просто сосредоточиться на создании подлинности и памяти, которые могут проявляться только через нематериальные ценности наследия³⁵.

Следует иметь в виду ещё одно преимущество: материальность наследия помогает разрешать юрисдикционные вопросы, поскольку объекты наследия подчиняются территориальной юрисдикции конкретного государства. Нематериальные же проявления сложно охранять, так как они могут вовсе не подпадать под какую-либо юрисдикцию.

При наличии двух режимов международно-правовой охраны материального и нематериального культурного наследия можно ожидать возникновения проблем в результате пересечения этих режимов и вероятность подмены одного режима другим. Отсюда возникает необходимость провести границу между материальным и нематериальным наследием для практических целей выбора режима их международно-правовой охраны. При таком выборе нужно учитывать ограничения этих режимов, защищающих исключительно материальное наследие. Эти режимы, по мнению специалистов, чрезмерно концентрируются на «монументальном» аспекте защищаемых проявлений и, таким образом, не учитывают менее эстетически впечатляющие проявления наследия³⁶.

Все вышеперечисленные вопросы концептуального и прикладного характера в совокупности обуславливают необходимость не только наличия в позитивном международном праве режима охраны нематериального культурного наследия, но и его постоянного совершенствования.

32 См., например: Andrews C., Viejo-Rose D., Baillie B., Morris B. Conference Report: Tangible-Intangible Cultural Heritage: A Sustainable Dichotomy? The 7th Annual Cambridge Heritage Seminar // International Journal of Intangible Heritage. – 2007. – Vol. 2. – P. 124–129.

33 Burden M. Museums and the Intangible Heritage: the Case Study of the Afrikaans Language Museum // International Journal of Intangible Heritage. – 2007. – Vol. 2. – P. 82–91.

34 Zhan G. Setting Factors and Judging Standards of World Cultural Heritage / ICOMOS 14th General Assembly and Scientific Symposium, 2003. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.international.icomos.org/victoriafalls2003/papers.htm> (дата обращения: 01.04.2018 г.).

35 Nuti G. Cultural Values: Intangible Forms and Places / ICOMOS 14th General Assembly and Scientific Symposium, 2003. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.international.icomos.org/victoriafalls2003/papers.htm> (дата обращения: 01.04.2018 г.).

36 Fu Chao-Ching. Cultural sensitivity towards intangible values in monuments and sites – A comparison between Eastern Asian and Western countries / ICOMOS 15th General Assembly and International Symposium, 2005. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.icomos.org/xian2005/papers/1-12.pdf> (дата обращения: 01.04.2018 г.).

Пристатейный библиографический список

1. Абашидзе А. Х., Ананидзе Ф. Р., Солнцев А.М. Права коренных народов в глобализирующемся мире (обеспечение в соответствии с международным и национальным правом): курс лекций. – М: РУДН, 2017. – 330 С.
2. Видинеев Д. И. Прогрессивное развитие института международно-правовой защиты культурных ценностей. Автореферат дис. ... канд. юрид. наук. 12.00.10. – М.: РУДН, 2017.
3. Джеффри Дж. Выставка артефактов, украденных из Эфиопии, возобновляет споры / Jeffrey J. Exhibition of Artifacts Stolen From Ethiopia Revives Controversy . [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ipsnews.net/2018/04/exhibition-artifacts-stolen-ethiopia-revives-controversy/> (дата обращения: 23.04.2017 г.).
4. Лабуть Д. А. Международно-правовое регулирование временного вывоза культурных ценностей: дискуссионные вопросы // Московский журнал международного права. – 2017. – № 3. – С. 52–60.
5. Abashidze A., Solntsev A., Kiseleva E., Koneva A., Kruglov D. Achievement of Sustainable Development Goals (2016-2030): International Legal Dimension // Indian Journal of Science and Technology. – 2016. – Vol. 9 (37). – P. 1–9.
6. Andrews C., Viejo-Rose D., Baillie B., Morris B. Conference Report: Tangible-Intangible Cultural Heritage: A Sustainable Dichotomy? The 7th Annual Cambridge Heritage Seminar // International Journal of Intangible Heritage. – 2007. – Vol. 2. – P. 124–129.
7. Appadurai A. Introduction: Commodities and the Politics of Value // The Social Life of Things: Commodities in Cultural Perspective / Appadurai A. (ed.). – Cambridge: Cambridge University Press, 1986. – 329 p.
8. Blake J. On defining the cultural heritage // International & Comparative Law Quarterly. – 2000. – No. 49 (1). – P. 61–85.
9. Boylan P.J. The Intangible Heritage: A Challenge and an Opportunity for Museums and Museum Professional Training // International Journal of Intangible Heritage. – 2006. – No. 1. – P. 54–65.
10. Burden M. Museums and the Intangible Heritage: the Case Study of the Afrikaans Language Museum // International Journal of Intangible Heritage. – 2007. – Vol. 2. – P. 82–91.
11. Ertman M.M., Williams J.C. Rethinking Commodification: Cases and Readings in Law and Culture. – New York, London: New York University Press, 2005. – 466 p.
12. Francioni F. The Human Dimension of International Cultural Heritage Law: An Introduction // European Journal of International Law. – 2011. – No. 22 (1). – P. 9–16.
13. Fu Chao-Ching. Cultural sensitivity towards intangible values in monuments and sites – A comparison between Eastern Asian and Western countries / ICOMOS 15th General Assembly and International Symposium, 2005. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.icomos.org/xian2005/papers/1-12.pdf> (дата обращения: 01.04.2018 г.).
14. Harding S. K. Culture, Commodification and Native American Cultural Patrimony // Rethinking Commodification: Cases and Readings in Law and Culture / Ertman M., Williams J. (eds.). – New York: New York University Press, 2005. – P. 137–155.
15. Harding S. K. Value, Obligation and Cultural Heritage // Arizona State Law Journal. – 1999. – Vol. 31. – No. 2. – P. 291–354.
16. Harrison R. Heritage: Critical Approaches. – Abingdon, New York: Routledge, 2013. – 268 p.
17. Howard P. Heritage: Management, Interpretation, Identity. – Leicester and New York: Leicester University Press, 2003. – 288 p.
18. Kearney A. Intangible Cultural Heritage: Global Awareness and Local Interest // Smith L., Akagawa N. (eds.) Intangible Heritage. – London, New York: Routledge, 2009. – P. 209–226.
19. Merryman J. H. Cultural Property, International Trade and Human Rights // Cardozo Arts and Entertainment Law Journal. – 2001. – Vol. 19. – P. 51–68.
20. Merryman J. H. Thinking about the Elgin Marbles // Michigan Law Review. – 1985. – Vol. 83. – No. 8. – P. 1880–1923.
21. Nuti G. Cultural Values: Intangible Forms and Places / ICOMOS 14th General Assembly and Scientific Symposium, 2003. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.international.icomos.org/victoriafalls2003/papers.htm> (дата обращения: 01.04.2018 г.).
22. Prott L., O’Keefe P.J. “Cultural heritage” or “cultural property”? // International Journal of Cultural Property. – 1992. – Vol. 1. – P. 307–320.
23. Radin M. J., Sunder M. Introduction: The Subject and Object of Commodification // Rethinking Commodification: Cases and Readings in Law and Culture / Ertman M.M., Williams J.C. (eds.). – New York, London: New York University Press, 2005. – P. 8–29.
24. Sax J.L. Playing Darts with a Rembrandt: Public and Private Rights in Cultural Treasures. – Ann Arbor: University of Michigan Press, 1999. – 245 p.
25. Scafidi S. Who Owns Culture?: Appropriation and Authenticity in American Law. – New Brunswick, London: Rutgers University Press, 2005. – 203 p.
26. Sljivic A. Why Do You Think It’s Yours? An Exposition of the Jurisprudence Underlying the Debate between Cultural Nationalism and Cultural Internationalism // George Washington Journal of International Law and Economics. – 1997–1998. – Vol. 31. – P. 394–438.
27. Smith L. The Uses of Heritage. – New York: Routledge, 2006. – 351 p.
28. Zhan G. Setting Factors and Judging Standards of World Cultural Heritage / ICOMOS 14th General Assembly and Scientific Symposium, 2003. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.international.icomos.org/victoriafalls2003/papers.htm> (дата обращения: 01.04.2018 г.).

КОСТИН Сергей Андреевич

соискатель кафедры международного и европейского права Казанского (Приволжского) Федерального Университета

«ДОРОЖНАЯ КАРТА» РОССИИ И ЕС ПО ОБЩЕМУ ПРОСТРАНСТВУ ВНЕШНЕЙ БЕЗОПАСНОСТИ: АНАЛИЗ РЕАЛИЗОВАННЫХ СОВМЕСТНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ И ПРАКТИЧЕСКАЯ «ПРАВОВАЯ» ЦЕННОСТЬ

В девяностые годы прошлого столетия международно-правовым драйвером в отношениях России и ЕС принято было считать Соглашение о партнерстве и сотрудничестве (СПС), вступившее в силу в 1997 г. Данное Соглашение устанавливает основы сотрудничества в социальной, финансово-экономической и культурной областях. СПС не затрагивает области взаимодействия, связанные с вопросами обеспечения безопасности на региональном уровне, и уже в начале двухтысячных годов, в условиях изменяющихся реалий, стало ясно, что в этой части Соглашение требует модернизации и расширения сферы регулирования.

В 2005 году, на саммите Россия – ЕС были утверждены «дорожные карты» четырех общих пространств: «дорожная карта» по общему экономическому пространству; «дорожная карта» по общему пространству свободы, безопасности и правосудия; «дорожная карта» по общему пространству внешней безопасности; «дорожная карта» по общему пространству науки и образования, включая культурные аспекты.

Направление сотрудничества России и ЕС в вопросах укрепления и повышения эффективности работы ООН и смежных региональных организаций, таких как ОБСЕ и СЕ, а также в вопросах по установлению режимов и договоров, вносящих вклад в установление более справедливого и безопасного мира, было закреплено в «дорожной карте» по общему пространству внешней безопасности. В частности, согласно этой «дорожной карте» предполагалось расширить сотрудничество в следующих приоритетных областях: укрепить сотрудничество на международной арене, в области борьбы с терроризмом, в области нераспространения оружия массового уничтожения (ОМУ) и в направлении экспортного контроля и разоружения, в области кризисного регулирования и гражданской защиты.

В том же 2005 году, на саммите Россия – ЕС в Лондоне лидеры стран пришли к консенсусу о необходимости подписания нового базового соглашения между Россией и ЕС, с целью заменить действующее.

С момента этих двух событий прошло приблизительно равное количество времени. Однако, нового базового соглашения между Россией и ЕС в настоящее время нет и не предвидится, а ряд совместных консультаций России и ЕС в этом направлении не привели к нужному результату. Формат «дорожной карты», напротив, приносит практические результаты, хотя также является заложником политических обстоятельств. В существующих реалиях, анализ совместных мероприятий России и ЕС, реализованных за этот период, очевидно, будет полезен с точки зрения понимания эффективности форматов взаимодействия в условиях геополитической турбулентности.

Ключевые слова: Общее пространство внешней безопасности, Россия - ЕС, Дорожная карта, Соглашение о партнерстве и сотрудничестве, Договор о европейской безопасности, Международная безопасность, Региональная безопасность, Европейская безопасность.

KOSTIN Sergey Andreevich

competitor of International and European law sub-faculty of the Law Faculty of the Kazan (Privolzhie) Federal University

THE RUSSIA AND THE EU «ROAD MAP» ON THE COMMON SPACE OF EXTERNAL SECURITY: IMPLEMENTED JOINT ACTIVITIES ANALYSIS AND PRACTICAL «LEGAL» VALUE

In the nineties of the last century, it was considered that The Partnership and Cooperation Agreement (PCA) was an international legal driver between Russia and the EU. PCA entered into the force in 1997. This Agreement establishes the base of legal cooperation in social, financial, economic and cultural areas. PCA does not specify interaction in regional security issues. So, at the beginning of the 2000s, in changing realities came the comprehension that the PCA need to be modernized and its regulation area is to be enlarged.

During the Moscow summit 2005 were approved the «road maps» of four common spaces: the «road map» for the common economic space; the «road map» on the common space of freedom, security and justice; the «road map» on the common space of external security; the «road map» for the common space of research and education, including cultural aspects.

In strengthening and enhancing the effectiveness of the United Nations and such regional organizations as the OSCE and the Council of Europe, as well as in cases related to the establishment of regimes and treaties contributing the «safe world», cooperation of the Russia and EU was specified in the «road map» on the common space of external security. According to this «road map», it was planned to expand cooperation in the following priority areas: to strengthen the international cooperation against the terrorism, in non-proliferation of weapons of mass destruction (WMD) area, in the export control and disarmament areas, in the crisis management and civil protection spheres.

In the same 2005, during the Russia-EU summit in London, the leaders reached a consensus to sign a new basic agreement between Russia and the EU, in order to replace the PCA.

It passed an approximately equal period since these two events. However, today we don't have a new basic agreement and we don't expect that it would be signed soon. The list of joint consultations between Russia and the EU in this case did not bring the result. On the contrary, the «road map» format brings the practical results, although it's also a «hostage» of the political circumstances. In such realities, the analysis of the implemented joint activities of Russia and the EU during this period will obviously be useful for understanding the interaction formats effectiveness in present geopolitical turbulence.

Keywords: common space of external security, Russia – EU, road map, Partnership and Cooperation Agreement (PCA), European security treaty, international security, regional security, European security.

Костин С. А.

В девяностые годы прошлого столетия и в начале нулевых международно-правовым драйвером в отношении России и ЕС приятно было считать Соглашение о партнерстве и сотрудничестве (СПС). Данное соглашение было подписано 24 июня 1994 года, между Российской Федерацией, с одной стороны и Европейскими сообществами, и их государствами – членами, с другой. Статьей 112 Соглашения, предусматривалась необходимость его «одобрения Сторонами в соответствии с их процедурами»¹, т.е. для того, чтобы Соглашение вступило в силу, его необходимо было ратифицировать в национальных парламентах участников. У сторон Соглашения на это ушло более трех лет. В частности, Российская Федерация ратифицировала Соглашение в ноябре 1996 года². СПС вступило в силу 1 декабря 1997г.

СПС предусматривает сотрудничество в социальной, финансово-экономической и культурной областях. Согласно условиям СПС, в части взаимодействия сторон в сфере торговли ядерными материалами приоритет имеют нормы Соглашения между СССР и Европейским экономическим сообществом и Европейским сообществом по атомной энергии о торговле и коммерческом и экономическом сотрудничестве от 18 декабря 1989 года. СПС не затрагивает области взаимодействия, связанные с вопросами обеспечения безопасности на региональном уровне и уже в начале двухтысячных годов, в условиях изменяющихся реалий, стало ясно, что в том числе, в этой части Соглашение требует модернизации и расширения сферы регулирования.

К моменту, когда срок действия СПС истек, российские исследователи успели подготовить Концепцию модернизации Соглашения и предложили три возможных сценария, в частности, ежегодное продление до момента, когда стороны согласуют новый формат соглашения, модификацию Соглашения до уровня создания ассоциации России и ЕС, и подписание нового соглашения, заменяющего существующее СПС. Российский исследователь, профессор МГИМО М.Л. Энтин, отдает предпочтение третьему варианту, полагая, что «просто дополнять СПС новыми договорами не получится. Отжившие статьи СПС будут отягощать двусторонние отношения, вызывать разногласия и раздражение, тянуть стороны в прошлое»³. В этом направлении был запущен процесс двухсторонних консультаций. На уровне Постоянных представителей было проведено 12 переговорных раундов, но на фоне событий в Украине, по инициативе ЕС, переговоры в этом направлении были заморожены.

В конце нулевых и вплоть до начала развития украинского кризиса, Российской Федерацией предпринимались попытки радикально обновить архитектуру европейской безопасности через подписание Договора о европейской безопасности (ДЕБ). В 2008 году, в Берлине Президент Российской Федерации Д.А. Медведев предложил заключить всеобъемлющий Договор о европейской безопасности, в котором бы участвовали все государства Европы, как самостоятельные субъекты международного права⁴. Продвижение этой инициативы осу-

ществлялось на самом высоком уровне, в различных инстанциях: в рамках Конференции по мировой политике в Эвиане (2008г.)⁵, в рамках ОБСЕ (Корфу, июнь 2009 г.), где Министр иностранных дел С.В. Лавров предложил отдельно создать заседания в рамках НАТО, ЕС и ОДКБ по данному вопросу⁶. Отдельные тезисы выступления Президента России Д.А. Медведева на 64-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН также были посвящены вопросу необходимости заключения ДЕБ⁷.

Проект Договора о европейской безопасности был обнародован в ноябре 2009 года⁸ и по мнению профессора Е.Г. Моисеева, содержание проекта Договора говорит о том, что «он проработан достаточно полно, отвечает всем требованиям международных договоров и является добротной основой для обсуждения и внесения в него дополнений и уточнений»⁹. Однако, данная инициатива не получила своего юридического развития, поскольку встретила активное сопротивление со стороны Североатлантического Альянса, а в результате эскалации все того же украинского кризиса, была заморожена на неопределенный срок.

Партнерство России и ЕС, в силу ряда объективных обстоятельств, имеет стратегическое значение для каждой из сторон, по этой причине отношения государств развиваются как в юридически обязывающей плоскости, так и с использованием механизмов «soft law». Так, в рамках Московского саммита Россия – ЕС, 10 мая 2005 года, были подписаны «дорожные карты» четырех общих пространств: «дорожная карта» по общему экономическому пространству; «дорожная карта» по общему пространству свободы, безопасности и правосудия; «дорожная карта» по общему пространству внешней безопасности; «дорожная карта» по общему пространству науки и образования, включая культурные аспекты¹⁰. Направление сотрудничества России и ЕС в вопросах укрепления и повышения эффективности работы ООН и смежных региональных организаций, таких как ОБСЕ и СЕ, а также в вопросах по установлению режимов и договоров, вносящих вклад в установление более справедливого и безопасного мира, было закреплено в «дорожной карте» по общему пространству внешней безопасности (ОПВБ)¹¹.

Согласно Дорожной карте ОПВБ предполагалось расширить сотрудничество в следующих приоритетных областях: укрепить сотрудничество на международной арене, в области борьбы с терроризмом, в области нераспространения ОМУ и в направлении экспортного контроля и разоружения, в области кризисного регулирования и гражданской защиты.

1 Официальный сайт Постоянного Представительства Российской Федерации в Европейском Союзе - Соглашение о Партнерстве и Сотрудничестве, Учреждающее Партнерство между Российской Федерацией, с одной Стороны, и Европейскими Сообществами и их Государствами-Членами, с другой Стороны от 24.07.1994 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://russiaeu.ru/userfiles/file/partnership_and_cooperation_agreement_1997_russian.pdf> (дата обращения: 28.04.2018 г.).

2 Федеральный Закон № 135-ФЗ от 25 ноября 1996г. «О ратификации Соглашения о партнерстве и сотрудничестве, учреждающего партнерство между Российской Федерацией, с одной стороны, и Европейскими сообществами и их государствами-членами, с другой стороны. Собрание законодательства РФ от 20.04.1998, № 16, ст. 1802.

3 Энтин М.Л. В поисках партнерских отношений: Россия и Европейский союз в 2004–2005 годах: Монография. СПб.: СКФ «Россия-Нева», 2006. — 504 с. ISBN 5-88336-039-4. С. 317.

4 Официальный визит Президента России Д.А. Медведева в Германию, Берлин, 5 июня 2008 года. О встрече Дмитрия Медведева с представителями политических, парламентских и общественных кругов Германии // Министерство иностранных дел Российской Федерации. Департамент информации и печати. 6 июня 2008 года. Информационный бюллетень. С. 10-15.

5 Официальный сайт Президента Российской Федерации – Выступление на конференции по вопросам мировой политики, 8 октября 2008 г. Эвиан. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/transcripts/1659> (дата обращения: 20.04.2018 г.).

6 Официальный сайт ОБСЕ - Restoring trust: the Corfu Process. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.osce.org/tc/87193> (дата обращения: 20 апреля 2018 г.).

7 Официальный сайт Организации Объединенных Наций // Выступление Президента Российской Федерации Д. А. Медведева на 64 сессии Генеральной ассамблеи ООН, Нью-Йорк, 24 сентября 2009 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.un.org/ru/ga/pdf/64russia.pdf> (дата обращения: 29 апреля 2018 г.).

8 Официальный сайт Президента Российской Федерации // Проект Договора о европейской безопасности. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/news/6152> (дата обращения: 30 апреля 2018 г.).

9 Моисеев Е. Г. Международно-правовые основы обеспечения европейской безопасности // Евразийский юридический журнал, 2010. № 2 (21). С. 15-19 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.eurasialaw.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=522:-2-21-2010&catid=82:-2-21-2010&Itemid=355> (дата обращения: 22 апреля 2018г.).

10 Европейское право: учебник и практикум для бакалавриата / под ред. А. И. Абдуллина, Ю. С. Безбородова. М.: Издательство Юрайт, 2016. С. 213. С. 202-203.

11 Официальный сайт Министерства Иностранных Дел Российской Федерации - «Дорожные карты» четырех общих пространств, утвержденных на саммите Россия-ЕС, Москва, 10 мая 2005 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.mid.ru/evropejskij-souz-es/-/asset_publisher/60iYovt2s4Yc/content/id/439524> (дата обращения: 30 апреля 2018 г.).

По мнению признанного авторитета в этой области, профессора М.Л. Энтина, «очевидное достоинство дорожных карт заключается в том, что их реализация во многом выведена из-под влияния общего контекста политических отношений между Россией и ЕС. На ней политическая конъюнктура, политические игры, проблемы и сложности в двусторонних отношениях, естественно сказываются, но не критическим образом. Делать что-то или не делать в двусторонних отношениях превращается в инструмент политического давления. Иногда даже в инструмент шантажа. С дорожными картами такое поведение априори неразумно. В их политизации нет никакого смысла»¹². Именно по этой причине сторонам удалось добиться существенных практических результатов, поскольку деструктивные элементы в форме жестких обязательств на фоне эскалации политического кризиса в двусторонних отношениях были исключены. Стороны руководствовались лишь взаимовыгодными интересами.

В сфере борьбы с терроризмом и в области кризисного регулирования российской стороной¹³ была подписана и ратифицирована Международная конвенция ООН о борьбе с актами ядерного терроризма¹⁴. В июне 2010 года, было подписано Соглашение между Правительством Российской Федерации и Европейским союзом о защите секретной информации¹⁵. Согласно статье 10 указанного Соглашения координаторами сторон выступают Федеральная Служба Безопасности и Служба безопасности Генерального секретариата Совета. Соглашение вступило в силу 1 сентября 2010 года.

В области кризисного регулирования, профессор П.А. Калинин обращает внимание еще на два соглашения между Россией и ЕС, в частности, на Соглашение относительно участия России в Полицейской миссии ЕС в Боснии и Герцеговине (2004г.) и на Соглашение об участии России в военной операции ЕС в Чаде и в ЦАР (2008г.)¹⁶.

По линии сотрудничества связанного с нераспространением оружия массового уничтожения и усиления режимов экспортного контроля и разоружения, российская сторона заняла активную позицию в деле мирного урегулирования иранской ядерной программы. Направление этой работы по линии СБ ООН и МАГАТЭ было также отражено в Дорожной карте ОПВБ, где стороны добились определённого успеха. В момент, когда прямой двусторонний политический диалог между Россией и ЕС был фактически заморожен, активное сотрудничество между сторонами в деле обеспечения мирного урегулирования иранской ядерной программы было продолжено по линии СБ ООН, в формате «шестерки международных посредников» (пять постоянных членов СБ ООН и Германия)¹⁷. В решении данного вопроса был также успешно

применен механизм «дорожной карты»¹⁸, в рамках которого был зафиксирован Совместный всеобъемлющий план действий (СВПД) по ядерной программе в политическом формате «5+1», который в последующем, по предложению российской стороны, был одобрен резолюцией СБ ООН (2231/2015)¹⁹. В декабре 2015 года в рамках МАГАТЭ сторонами был утвержден план действий по осуществлению проверки и мониторинга СВПД²⁰, а уже в январе 2016 года началась его практическая реализация. Действия российской стороны в этом направлении, нашли высокую поддержку со стороны ЕС.

Сейчас Россия и государства ЕС продолжают активно взаимодействовать в рамках международных договоров, связанных с ОМУ, а именно, по линии Договора о нераспространении ядерного оружия 1968г. (ДНЯО) и Договора о запрещении ядерного оружия 2017г. (ДЗЯО). В частности, по линии ДНЯО на постоянной основе, каждые пять лет проводятся Конференции, в рамках которых осуществляется мониторинг соблюдения действий положений Договора и вырабатываются конкретные рекомендации, с целью не допустить его ослабления. В настоящее время идет активная подготовка к проведению Конференции в 2020 году²¹. По линии ДЗЯО, идет активное обсуждение условий, на которых Россия и ведущие ядерные державы будут готовы его подписать и впоследствии ратифицировать²².

Оценивая вышеизложенные факты и обстоятельства, можно прийти к выводу, что в существующей геополитической реальности, именно механизм «мягкого права», в частности, «дорожная карта по общему пространству внешней безопасности», позволяет государствам координировать свои действия в нужном направлении, находить иные формы и форматы взаимодействия, а также наращивать международно-правовую основу для сотрудничества в отдельных областях. В случае с отношениями России и ЕС, именно формат «дорожной карты» приносит положительные практические результаты и доказывает свою эффективность, в то время, когда прямой политический диалог, связанный с международно-правовым оформлением стратегических партнерских отношений, фактически приостановлен.

Прагматичная точка зрения наблюдается и со стороны наших европейских партнеров, она была изложена в Глобальной стратегии ЕС 2016, где сказано, что «отношения с Россией представляют собой ключевую стратегическую задачу. Поэтому мы будем привлекать Россию к обсуждению разногласий и сотрудничеству, если и когда наши интересы будут пересекаться»²³. В такой ситуации, возможно, как справедливо отмечают авторы аналитического исследования «Россия и

12 Энтин М. Л. В поисках партнерских отношений II: Россия и европейский союз в 2006-2008 годах: (Монография) / Марк Энтин. - М. Зebra E, 2009 — 786с. ISBN 978-594663-930-9. С. 394-395.

13 Федеральный Закон № 185-ФЗ от 02 октября 2006г. «О ратификации Международной конвенции о борьбе с актами ядерного терроризма». Собрание законодательства РФ от 09.10.2006, № 41, ст. 4205.

14 Официальный сайт Организации Объединенных Наций // Международная конвенция о борьбе с актами ядерного терроризма, принятая Резолюцией ГА ООН (A/RES/59/290) 13 апреля 2005 г. URL: «<https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/No4/494/55/PDF/No449455.pdf?OpenElement>» (дата обращения: 29 апреля 2018 г.).

15 Официальный сайт Постоянного Представительства Российской Федерации в Европейском Союзе – Соглашение между Правительством Российской Федерации и Европейским Союзом о защите секретной информации от 01.07.2010 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: «https://russiaeu.ru/sites/default/files/user/files/Agreement%20on%20classified%20information_2010_Russian.pdf» (дата обращения: 30 апреля 2018 г.).

16 Калинин П. А. Россия и Европейский Союз: двусторонняя нормативная база взаимоотношений: монография. — М.: ООО «Изд-во Элит», 2011. — С. 151-153.

17 В. В. Евсеев. Перспективы иранской ядерной программы при Президенте Хасане Роухани. — М., 2013. 226 с. ISBN 978-5-89394-248-4 С. 77, 182.

18 IAEA. Road-map for the Clarification of Past and Present Outstanding Issues regarding Iran's Nuclear Programme, (GOV/INF/2015/14, 14 July 2015, [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.iaea.org/sites/default/files/gov-inf-2015-14.pdf> (дата обращения: 20 апреля 2018 г.).

19 Официальный сайт Организации Объединенных Наций // Резолюция СБ ООН (S/RES/2231 2015) от 20 июля 2015 года // Совместный всеобъемлющий план действий, Вена, 14 июля 2015 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N15/225/30/PDF/N1522530.pdf?OpenElement> (дата обращения: 20 апреля 2018 г.).

20 IAEA. Board of Governors (GOV/2015/72) 15 December 2015 // Joint Comprehensive Plan of Action implementation and verification and monitoring in the Islamic Republic of Iran in light of United Nations Security Council Resolution 2231 (2015). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.iaea.org/sites/default/files/gov-2015-72-derestricted.pdf> (дата обращения: 20 апреля 2018 г.).

21 Официальный сайт Министерства Иностранных Дел Российской Федерации – Договор о нераспространении ядерного оружия (Справка). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.mid.ru/adernoe-nerasprostranenie/-/asset_publisher/JrcRGi5UdnBO/content/id/1138817 (дата обращения: 20 апреля 2018 г.).

22 РБК. «Лавров объяснил отказ от подписания договора о запрете ядерного оружия». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: «<https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5aad4e799a79479fd56b6abe>» (дата обращения: 20 апреля 2018 г.).

23 Shared Vision, Common Action: A Stronger Europe. A Global Strategy for the European Union's Foreign And Security Policy 2016 - Official website of the European Union. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://europa.eu/globalstrategy/en> (дата обращения: 30 апреля 2018 г.).

Европейский Союз: три вопроса о новых принципах отношений», самым верным решением было бы определить повестку дня для сотрудничества на среднесрочную перспективу в рамках нового, адаптированного текущего реалиям «политического документа с возможностью дальнейшей работы над секторальными соглашениями. Именно такой подход, неоднократно предлагавшийся президентом России, позволил бы более четко выделить и конкретизировать интересы по каждому аспекту сотрудничества»²⁴.

Пристатейный библиографический список

1. Федеральный Закон № 135-ФЗ от 25 ноября 1996г. «О ратификации Соглашения о партнерстве и сотрудничестве, учреждающего партнерство между Российской Федерацией, с одной стороны, и Европейскими сообществами и их государствами-членами, с другой стороны. Собрание законодательства РФ от 20.04.1998, № 16, ст. 1802.
2. Федеральный Закон № 185-ФЗ от 02 октября 2006г. «О ратификации Международной конвенции о борьбе с актами ядерного терроризма». Собрание законодательства РФ от 09.10.2006, № 41, ст. 4205.
3. Европейское право: учебник и практикум для бакалавриата / под. ред. А. И. Абдуллина, Ю. С. Безбородова. М.: Издательство Юрайт, 2016.
4. Евсеев В. В. Перспективы иранской ядерной программы при Президенте Хасане Роухани. – М., 2013. – 226 с. ISBN 978-5-89394-248-4
5. Калининченко П. А. Россия и Европейский Союз: двусторонняя нормативная база взаимоотношений: монография. – М.: ООО «Изд-во Элит», 2011.
6. Моисеев Е. Г. Международно-правовые основы обеспечения европейской безопасности // Евразийский юридический журнал. 2010. № 2 (21). С. 15-19. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.eurasialaw.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=522:-2-21-2010&catid=82:-2-21-2010&Itemid=355.
7. Официальный визит Президента России Д. А. Медведева в Германию, Берлин, 5 июня 2008 года. О встрече Дмитрия Медведева с представителями политических, парламентских и общественных кругов Германии // Министерство иностранных дел Российской Федерации. Департамент информации и печати. 6 июня 2008 года. Информационный бюллетень. С. 10-15.
8. Официальный сайт Министерства Иностранных Дел Российской Федерации - «Дорожные карты» четырех общих пространств, утвержденные на саммите Россия-ЕС, Москва, 10 мая 2005 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.mid.ru/evropejskij-souz-es/-/asset_publisher/6OiYovt2s4Yc/content/id/439524.
9. Официальный сайт Министерства иностранных дел Российской Федерации – Договор о нераспространении ядерного оружия (Справка). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.mid.ru/adernoenegasprostranenie/-/asset_publisher/JrcRGi5UdnBO/content/id/1138817.
10. Официальный сайт ОБСЕ - Restoring trust: the Corfu Process. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.osce.org/mc/87193>.
11. Официальный сайт Организации Объединенных Наций // Выступление Президента Российской Федерации Д. А. Медведева на 64 сессии Генеральной ассамблеи ООН, Нью-Йорк, 24 сентября 2009 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.un.org/ru/ga/pdf/64russia.pdf>.
12. Официальный сайт Организации Объединенных Наций // Международная конвенция о борьбе с актами ядерного терроризма, принятая Резолюцией ГА ООН (A/RES/59/290) 13 апреля 2005 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N04/494/55/PDF/N0449455.pdf?OpenElement>.
13. Официальный сайт Организации Объединенных Наций // Резолюция СБ ООН (S/RES/2231 2015) от 20 июля 2015 года // Совместный всеобъемлющий план действий, Вена, 14 июля 2015 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N15/225/30/PDF/N1522530.pdf?OpenElement>.
14. Официальный сайт Постоянного Представительства Российской Федерации в Европейском Союзе - Соглашение о Партнерстве и Сотрудничестве, Учреждающее Партнерство между Российской Федерацией, с одной Стороны, и Европейскими Сообществами и их Государствами-Членами, с другой Стороны от 24.07.1994 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://russiaeu.ru/userfiles/file/partnership_and_cooperation_agreement_1997_russian.pdf.
15. Официальный сайт Постоянного Представительства Российской Федерации в Европейском Союзе - Соглашение между Правительством Российской Федерации и Европейским Союзом о защите секретной информации от 01.07.2010 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://russiaeu.ru/sites/default/files/user/files/Agreement%20on%20classified%20information_2010_Russian.pdf.
16. Официальный сайт Президента Российской Федерации – Выступление на конференции по вопросам мировой политики, 8 октября 2008 г. Эвиан. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/transcripts/1659>.
17. Официальный сайт Президента Российской Федерации // Проект Договора о европейской безопасности. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/news/6152>.
18. РБК. «Лавров объяснил отказ от подписания договора о запрете ядерного оружия». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5aad4e799a79479fd56b6a6e>.
19. Россия и Европейский Союз: три вопроса о новых принципах отношений – Доклад международного дискуссионного клуба «Валдай», Москва 2016. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ru.valdaiclub.com/a/reports/rossiya-i-evropeyskiy-soyuz/>.
20. Энтин М. Л. В поисках партнерских отношений II: Россия и европейский союз в 2006-2008 годах: (Монография). – М.: Зебра Е, 2009. – 786 с. ISBN 978-594663-930-9.
21. Энтин М. Л. В поисках партнерских отношений: Россия и Европейский союз в 2004–2005 годах: Монография. – СПб.: СКФ «Россия-Нева», 2006. – 504 с. ISBN 5-88336-039-4.
22. IAEA. Board of Governors (GOV/2015/72) 15 December 2015 // Joint Comprehensive Plan of Action implementation and verification and monitoring in the Islamic Republic of Iran in light of United Nations Security Council Resolution 2231 (2015) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.iaea.org/sites/default/files/gov-2015-72-derestricted.pdf>.
23. IAEA. Road-map for the Clarification of Past and Present Outstanding Issues regarding Iran's Nuclear Programme, (GOV/INF/2015/14, 14 July 2015. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.iaea.org/sites/default/files/gov-inf-2015-14.pdf>.
24. Shared Vision, Common Action: A Stronger Europe. A Global Strategy for the European Union's Foreign And Security Policy 2016 - Official website of the European Union. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://europa.eu/globalstrategy/en>.

²⁴ Россия и Европейский Союз: три вопроса о новых принципах отношений – Доклад международного дискуссионного клуба «Валдай», Москва 2016. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ru.valdaiclub.com/a/reports/rossiya-i-evropeyskiy-soyuz/> (дата обращения: 30 апреля 2018г.).

КРЫМСКАЯ Ксения Владимировна

аспирант кафедры международного права МГИМО (У) МИД России

ВОПРОСЫ ТОЛКОВАНИЯ ПОЛОЖЕНИЙ КОНВЕНЦИИ ООН ПО МОРСКОМУ ПРАВУ, ОПРЕДЕЛЯЮЩИХ СТАТУС ИСКУССТВЕННЫХ ОСТРОВОВ, УСТАНОВОК И СООРУЖЕНИЙ

Данная статья посвящена существующему современному международно-правовому режиму сооружаемых на континентальном шельфе конструкций. Актуальность настоящего исследования обусловливается малой степенью изученности в российской юридической литературе статуса искусственно-сооруженных морских объектов. Значительное внимание уделяется положениям Конвенции ООН по морскому праву 1982 г., а также взглядам зарубежных специалистов по вопросу определения терминов «искусственный остров», «установка», «сооружение». Дискуссионным продолжает оставаться вопрос о классификации искусственных островов, установок и сооружений.

Ключевые слова: зоны безопасности, исключительная экономическая зона, искусственные острова, установки и сооружения, Конвенция ООН по морскому праву 1982 г., континентальный шельф, остров, судно.

KRYMSKAYA Kseniya Vladimirovna

postgraduate student of International law sub-faculty of the MGIMO (U) of the MFA of Russia

ISSUES CONCERNING INTERPRETATION OF PROVISIONS SET FORTH IN THE UN CONVENTION ON THE LAW OF THE SEA REGARDING THE STATUS OF ARTIFICIAL ISLANDS, INSTALLATIONS AND STRUCTURES

This article covers the modern international legal regime of offshore installations. The issue is becoming even more relevant due to insufficient research on that topic done by Russian lawyers. The article gives analysis of relevant stipulations set forth in the UN Convention on the Law of the Sea 1982, and definitions of artificial islands, installations, structures drawn by foreign specialists, as it's considered to be a matter of great importance. However, a question of how to classify all the offshore artificial installations is still up for discussion.

Keywords: artificial islands, installations and structures, continental shelf, exclusive economic zone, international maritime law, island, safety zones, ship, UN Convention on the Law of the Sea 1982.

Крымская К. В.

С развитием науки и технологий, а также попытками прибрежных государств «присвоить» себе все большие морские пространства, проблема сооружения искусственных островов и их международно-правового определения приобретает актуальность. В статье рассматриваются правовые вопросы, возникающие ввиду отсутствия международно-правовых терминов «искусственные острова», «установки» и «сооружения».

В литературе обращено внимание на бесспорность того, что искусственные острова, установки и сооружения (далее – ИОУС) – дело рук человека. Тем не менее, в международном праве остается ряд важных вопросов касательно терминов и правового статуса ИОУС, а также упоминаемого в Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. (далее – Конвенция 1982 г.) термина «искусственно сооруженные в море конструкции».

Первоначальные идеи, лежащие в основе кодификации норм международного морского права, не включали в себя вопросы об отличии естественных островов от искусственных. До недавнего времени в проведении такого отличия не было необходимости ввиду того, что строительство такого рода объектов было невозможно из-за отсутствия соответствующих технологий, о которых раньше даже и не думали.

В доктрине международного права было высказано мнение, что ИОУС обладают признаками, присущими и естественным островам, и судам, но было бы неверным юридически квалифицировать ИОУС как суда или естественные острова. Ж. Жидель указывал, что искусственные острова следует рассматривать как естественные, если им присущи следующие

характеристики: 1) это окруженный водой некий участок, 2) находящийся над уровнем воды в момент прилива и 3) пригодный для жизни на нем людей¹. Кроме того, он полагал, что искусственные острова должны быть образованы в результате человеческой деятельности путем преобразования созданного природой участка суши. Примером может быть искусственный остров, образованный в результате наноса.

Согласно Конвенции ООН 1982 г., «остров – естественно образованное пространство суши, окруженное водой, которое находится выше уровня воды при приливе»². Важным отличием естественного острова от искусственного заключается в том, что вокруг последнего может быть установлена только зона безопасности. Территориальное море и другие морские пространства присущи исключительно естественным островам. Данное отличие статуса естественных островов от искусственно созданных морских объектов имело целью предотвращение возможностей злоупотребления сооружением ИОУС, иначе бы государства повсеместно стали строить такие объекты в целях установления морских пространств вокруг них, изменения границ уже существующих морских пространств и своего суверенитета или юрисдикции.

1 Galea F. Artificial islands in the Law of the Sea: dissertation presented by in partial fulfilment of the requirement for the Degree of Doctor of Laws. - Faculty of Laws, University of Malta, 2009. – P. 25.

2 Статья 121 Конвенции ООН по морскому праву 1982 г.

Что касается присвоения искусственному острову статуса судна, данная точка зрения была обоснована еще в 1927 г. в докладе Совета Лиги Наций, где указывалось, что в качестве судов должны рассматриваться «фиктивные» острова, созданные в результате человеческой деятельности и находящиеся на морском дне, не будучи физически прикрепленными к нему, но используемые как база для предприятия по развитию авиации³. Следует обратить внимание, что термин «судно» в Конвенции 1982 г. не раскрыт, однако его определение есть в других международных договорах. Например, согласно Международной конвенции по предотвращению загрязнения с судов 1973 г. (далее – МАРПОЛ), «судно» означает «эксплуатируемое в морской среде судно любого типа и включает суда на подводных крыльях, суда на воздушной подушке, подводные суда, плавучие средства, а также стационарные или плавучие платформы»⁴. Согласно Афинской конвенции о перевозке морем пассажиров и их багажа 1974 г., к судам относятся только «морские суда за исключением судов на воздушной подушке»⁵. Международная конвенция о гражданской ответственности за ущерб от загрязнения нефтью 1969 г. в понятие «судно» включает «любое морское судно и морское плавучее средство любого типа, построенное или приспособленное для перевозки нефти наливом в качестве груза, при условии, что судно, способное перевозить нефть и другие грузы, рассматривается в качестве судна только тогда, когда оно фактически перевозит нефть наливом в качестве груза, а также в течение любого рейса, следующего за такой перевозкой, если не доказано, что на борту не имелось остатков от такой перевозки нефти наливом»⁶; а Конвенция о Международной организации спутниковой связи 1976 г. (ИНМАРСАТ) – «эксплуатируемое в морской среде судно любого типа, в частности, непостоянно закрепленные платформы»⁷. Так, определения судов, содержащиеся в конвенциях МАРПОЛ и ИНМАРСАТ, включают в себя также «стационарные или плавучие платформы» и «непостоянные платформы», которые можно классифицировать как ИОУС. Это не позволяет однозначно отнести некоторые объекты либо к ИОУС, либо судам, поскольку они могут обладать признаками, присущими обеим категориям. Поэтому вопрос о юридической квалификации плавучей платформы как судна не может быть исчерпан только введением конвенциями вышеперечисленных терминов.

Рассмотрев некоторые аспекты, связанные с терминами «судно» и «остров», следует обратиться непосредственно к особенностям правовой природы искусственных островов. Хотя вопрос о статусе искусственных островов стоял на повестке в ходе работы Третьей конференции по морскому праву, многие предложения, касающиеся их правового статуса, так и не были включены в текст Конвенции 1982 г., а существующие положения не раскрывают сущность того, что именно является «искусственным островом», «установкой», «сооружением».

Помимо режима, установленного Конвенцией 1982 г., к ИОУС применяются и другие акты международного-правового характера, более детально регулирующие некоторые аспекты

современного статуса ИОУС. Однако в большей степени такие документы касаются сооружения ИОУС в целях разведки и разработки природных ресурсов. Тем не менее, необходимо упомянуть, что немалая часть норм международного права окружающей среды касается вывода ИОУС из эксплуатации и вопросов загрязнения морской среды, так как ИОУС в большей степени сооружаются для разработки нефтегазовых месторождений и существует большая вероятность возникновения серьезных аварий. Применимыми в данной сфере международно-правовыми актами являются: Конвенция об охране окружающей среды Северных стран 1974 г., Международная конвенция о гражданской ответственности за ущерб от загрязнения нефтью 1976 г., Конвенция по защите морской среды Северо-Восточной Атлантики (ОСПАР) 1992 г.

Важным документом, регулирующим вопрос безопасности ИОУС, является Протокол о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности стационарных платформ, расположенных на континентальном шельфе, от 1988 г. (далее – Протокол 1988 г.) Согласно терминологии Протокола 1988 г. стационарной платформой является «искусственный остров, установка или сооружение, постоянно закрепленные на морском дне»⁸. Содержащиеся в нем положения регулируют вопросы, связанные с защитой стационарных платформ от захватов, актов насилия, разрушения, нанесения ранений лицам, убийств. Несмотря на то, что принятие Протокола 1988 г. является большим шагом в попытке более детально урегулировать правовой статус ИОУС и раскрыть все аспекты международно-правового режима, сфера его применения ограничена исключительно стационарными ИОУС, сооруженными в целях осуществления работ по разведке и разработке ресурсов.

Несмотря на отсутствие в Конвенции 1982 г. определения ИОУС, в науке международного права такое определение предложено. Энциклопедия Международного публичного права определяет искусственный остров как «временно или постоянно установленную платформу, сооруженную человеком и окруженную водой, а также находящуюся выше уровня воды при приливе»⁹. Зарубежными и российскими специалистами были предложены иные определения ИОУС. Согласно А. Сунсу термин «искусственный остров» определяет объекты, созданные при помощи естественного материала (например, гравий, песок, рифы, скалы); в то время как «искусственные установки» – это конкретные сооружения, находящиеся в море и соединенные с морским дном при помощи балок и свай¹⁰. Тем не менее, данные доктринальные определения не охватывают все виды ИОУС. С. Уокер в понятие искусственного острова включал искусственно созданное стационарное сооружение, окруженное водой и всегда находящееся над ее уровнем¹¹. Однако наиболее распространенным в иностранной литературе определением искусственного острова является следующее определение: «созданное человеком сооружение, окруженное со всех сторон водой, физически связанное с морским дном, находящееся всегда над уровнем воды во время прилива, по-

3 Mouton M. V. The continental shelf. – Hague, Martinius Nijhoff, 1952. – P. 235.

4 ч. 4 ст. 2 Международной конвенции по предотвращению загрязнения с судов от 02.11.1973.

5 ч. 3 ст. 1 Афинской конвенции о перевозке морем пассажиров и их багажа от 13.12.1974.

6 ч. 1 ст. 2 Протокола 1992 г. об изменении Международной конвенции о гражданской ответственности за ущерб от загрязнения нефтью от 29.11.1969.

7 ст. 1 (f) Конвенции о Международной организации спутниковой связи от 03.09.1976.

8 ч. 3 ст. 1 Протокола о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности стационарных платформ, расположенных на континентальном шельфе, от 10.03.1988.

9 Bernhardt R. Encyclopedia of Public International Law, Volume 11. Amsterdam, North-Holland Publishing Company, 1989 – P. 38.

10 Soons A. Artificial Islands and Installations in International Law, Occasional Paper Series (Occasional Paper No. 22). Law of the Sea Institute, University of Rhode Island, 1974. – P. 2.

11 Walker C. Jurisdictional problems created by artificial islands // San Diego Law Review, Vol. 10 No. 3, 1973. – P. 639.

стоянно закрепленное, теряющее свое назначение при передвижении, удаление которого не представляется возможным без потерь для его целостности»¹². С. О. Герайбеков предлагает понимать под искусственным островом «любое искусственно созданное пространство, окруженное водой и расположенное над линией наибольшего прилива»¹³.

Образовавшийся в международном праве пробел, который касается определения ИОУС, пытаются восполнить в своем национальном законодательстве и прибрежные государства. Так, например, Закон Канады «О морских пространствах» от 18.12.1996 понимает под искусственным островом любое созданное человеком «увеличение» морского дна или его рельефа вне зависимости от того, находится ли такое «увеличение» выше уровня воды прилегающих к нему вод или нет (статья 2)¹⁴. Та же статья устанавливает, что к морским установкам и сооружениям относятся: а) любое судно и якорь, якорная цепь или платформа для бурового устройства, используемого вместе с ним; б) любая морская буровая установка, платформа для разработки месторождений, подводная установка, насосная станция, жилые и складские помещения, погрузочная или разгрузочная платформа, земснаряд, плавучий кран, баржа для прокладки подводных трубопроводов или другая баржа или трубопровод, а также любой якорь, якорная цепь или платформа для бурового устройства, используемые вместе с ним¹⁵. Пункт 1 (1) канадского Регламента «О бурении и добыче нефти и газа» 2009 г. понимает под искусственным островом «остров, сооруженный человеком с целью обеспечить место для разведки и бурения, а также производства, хранения, транспортировки, распределения, перекачки и переработки нефти и газа»¹⁶. Раздел 13 части II закона Великобритании «О нефти» 1998 г. вводит определение установки, под которой понимается «любое плавучее сооружение или средство, поддерживаемое в неподвижном состоянии любым способом»¹⁷.

Несмотря на то, что Конвенция 1982 г. не закрепляет определение ИОУС, в ней все-таки содержатся некоторые положения, которые формируют режим ИОУС в его нынешней форме.

Во-первых, Конвенция 1982 г. наделяет прибрежное государство правом сооружения искусственных островов и юрисдикцией, которой соответствующее государство обладает в отношении ИОУС¹⁸. Очевидно, что прибрежное государство вправе сооружать искусственные острова, установки и сооружения в пределах своего территориального моря. В пределах исключительной экономической зоны (далее – ИЭЗ) прибрежное государство обладает исключительным правом сооружать, а также разрешать и регулировать создание, эксплуатацию и использование: а) искусственных островов; б) установок и сооружений для целей, предусмотренных в статье 56, и для других экономических целей; в) установок и сооружений, кото-

рые могут препятствовать осуществлению прав прибрежного государства в зоне¹⁹. В то время как прибрежное государство обладает исключительной юрисдикцией касательно ИОУС, включая юрисдикцию по вопросам таможи, налогообложения, здравоохранения и миграции, такое государство обязано предоставлять надлежащее уведомление о сооружении ИОУС и постоянно поддерживать средства предупреждения об их наличии²⁰.

Прибрежное государство может в случае необходимости устанавливать разумные зоны безопасности вокруг таких ИОУС, в пределах которых такое государство может принимать надлежащие меры обеспечения безопасности как навигации рядом с ИОУС, так и самих ИОУС²¹. Тем не менее, такие зоны не могут превышать 500 метров, что измеряется от каждой точки внешней части сооружения, за исключением того, что разрешено в соответствии с общепринятыми международными стандартами или рекомендовано компетентной международной организацией²². Данные положения также применяются к ИОУС на континентальном шельфе. В дополнение, как прибрежные государства, так и государства, не имеющие выхода к морю, вправе возводить искусственные острова и другие установки в открытом море, что указано в статье 87 Конвенции 1982 г. в качестве одной из свобод открытого моря.

Во-вторых, четко закрепленное Конвенцией 1982 г. определение острова прямо исключает их отождествление с ИОУС. Согласно статье 60 (8) искусственные острова, установки и сооружения не обладают статусом островов, вокруг них не устанавливается территориальное море, и их наличие не влияет на делимитацию морских пространств.

Необходимо отметить и то, что правовой статус ИОУС в открытом море требует уточнения. Очевидно, что ввиду отсутствия в открытом море суверенитета и юрисдикции прибрежных государств, к ИОУС должен применяться другой подход. Статья 174 Конвенции 1982 г. не использует формулировку «искусственные острова, установки и сооружения», а часть XI Конвенции 1982 г. упоминает только «установки», которые могут использоваться в целях осуществления деятельности в Районе. Однако, и термин «установки» указанная статья не раскрывает. «Вокруг таких установок создаются зоны безопасности с надлежащими знаками», но ширина таких зон безопасности точно Конвенцией 1982 г. не устанавливается, в отличие от зон безопасности вокруг ИОУС, сооружаемых в ИЭЗ и на континентальном шельфе. Таким образом, можно прийти к выводу, что необходимо проводить четкое различие между терминами «искусственный остров», «установки» и «сооружения». «Искусственные острова, установки и сооружения» – это не собирательный термин, так как каждой его составляющей присуща разница, о чем свидетельствует упоминание только «установок» в ст. 147 Конвенции 1982 г. Но в таком случае встает вопрос: если в ст. 147 Конвенции 1982 г. речь идет только об установках, то для осуществления деятельности в Районе могут использоваться только они? А сооружения и искусственные острова не отвечают признакам объектов, которые могут устанавливаться для осуществления деятельности в Районе? Тогда стоит острая необходимость разработки четкого понятийного аппарата, определяющего термины «искусственный остров», «установка» и «сооружение», и его закрепление в качестве нормы международного морского права.

12 Мохова Е. М. Некоторые вопросы правового регулирования искусственных островов, установок и сооружений // Международное морское. Статьи памяти А. Л. Колодкина = International law of the Sea. Essays in memory of A. L. Kolodkin / Сост. Р. А. Колодкин, С. М. Пунжин. – М.: Статут, 2014. – С. 396.

13 Проблема определения статуса искусственных островов, установок и сооружений в современном международном морском праве: Дис. ... канд. юрид. наук / С. О. Герайбеков – М.: Академия наук СССР. Институт государства и права, 1977. – С. 8.

14 Oceans Act, Canada, 1996.

15 Там же.

16 Canada Oil and Gas Drilling and Production Regulations, 2009. SOR/2009-315

17 Petroleum act, 1998.

18 Ст. 60 и 80 Конвенции ООН по морскому праву 1982 г.

19 Там же.

20 Там же.

21 Там же.

22 Там же.

Ввиду отсутствия единого понятийного аппарата для четкой классификации объектов как ИОУС возникает следующий вопрос: могут ли искусственные острова, возведенные на естественном основании (риффы, скалы и др.) юридически квалифицироваться как острова *sui generis*? Практика прибрежных государств свидетельствует о том, что некоторые государства очень широко толкуют понятие «остров» и ранее пытались соорудить искусственные острова и такого рода объекты, используя природно образованные формирования (скалы и коралловые рифы).

Отсутствие в Конвенции 1982 г. определения ИОУС не позволяет выделить четкую классификацию объектов и признаки, присущие только ИОУС. Тем не менее, изучив положения Конвенции 1982 г., такие объекты можно классифицировать в зависимости от целей их создания: 1) ИОУС для разведки и разработки природных ресурсов; 2) ИОУС для осуществления экономической деятельности, не касающейся разведки и разработки природных ресурсов; 3) ИОУС, сооружаемые в военных целях, а также в целях проведения государственной деятельности (англ. *state activities*); 4) ИОУС, сооружаемые для проведения научных исследований. Поскольку сооружение ИОУС не ограничено исключительно целями, указанными в Конвенции 1982 г., в юридической литературе предлагаются альтернативные критерии классификации. Так, А. Сунс считает необходимым классифицировать ИОУС с технической точки зрения: 1) самоходные, 2) несамоходные, 3) используемые в качестве хранилищ для нефти и газа и 4) сооружения, созданные насыпным способом и предназначенные для разнообразных видов деятельности (стройка отелей, взлетно-посадочных полос, военных баз)²³. Также до принятия Конвенции 1982 г. ученые предлагали классифицировать ИОУС в зависимости от цели их сооружения²⁴. К первой группе относят сравнительно небольшие сооружения (до 50 га), используемые исключительно для конкретных целей: переработка отходов добычи углеводородов; хранения (плавучий склад) опреснения морской воды²⁵. Ко второй – искусственные сооружения площадью до 300 га, которые используются как нефтяные терминалы или причальные сооружения для подхода или стоянки судов; и к третьей – сооружения площадью до 1000 и более, используемые как глубоководные порты, аэродромы и отели²⁶. Как было замечено Н. Пападакисом, существует следующие виды ИОУС: 1) морской город; 2) искусственные острова для использования в экономических целях; 3) искусственные установки для связи и транспортировки; 4) установки для проведения научных исследований и прогнозирования погоды; 5) места отдыха и развлечения; и 6) военные установки²⁷. Отечественная литература также предлагает разделения ИОУС на группы, используя различные критерии. А. С. Скаримов предлагает в качестве критерия классификации ИОУС использовать степень обеспечения безопасности мореплавания²⁸.

Рассмотрев соответствующие статьи Конвенции 1982 г., можно заключить, что существующая универсальная нормативно-правовая основа в большей степени касается ИОУС, сооружаемых для проведения работ по разведке и разработке природных ресурсов, в то время как всего лишь несколько положений Конвенции 1982 г. касаются сооружения ИОУС для других целей. Сооружение ИОУС для не раскрываемых Конвенцией 1982 г. целей напротив регулируется принятием актов регионального характера или же актов национального законодательства прибрежных государств.

Подводя итог, хотелось бы отметить, что действующие международно-правовые нормы в сфере сооружения ИОУС до сих пор не предоставляют искусственным морским объектам особый и четкий международно-правовой режим. Существующий правовой механизм в отношении ИОУС с каждым годом продолжает доказывать свою несостоятельность и необходимость разработки более детального правового режима, применимого к ИОУС в различных морских пространствах.

Пристатейный библиографический список

1. Герайбеков С. О. Проблема определения статуса искусственных островов, установок и сооружений в современном международном морском праве: Диссертация выполнена на русском языке: Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. – М.: Академия наук СССР, 1977. – Институт государства и права. – 18 с.
 2. Мохова Е. М. Некоторые вопросы правового регулирования искусственных островов, установок и сооружений // Международное морское. Статьи памяти А. Л. Колодкина = International law of the Sea. Essays in memory of A. L. Kolodkin / Сост. Р. А. Колодкин, С. М. Пунжин. – М.: Статут, 2014. – С. 394-413.
 3. Скаримов А. С. Морское право. СПб.: Academus, 2006. – 934 с.
 4. Bernhardt R. Encyclopedia of Public International Law, Volume 11. Amsterdam, – North-Holland Publishing Company, 1989. – 353 p.
 5. Galea F. Artificial islands in the Law of the Sea: dissertation presented by in partial fulfilment of the requirement for the Degree of Doctor of Laws. – University of Malta, 2009. – 145 p.
 6. Mouton M. W. The continental shelf. Hague, – Martlnus Nijhoff, 1952. – 367 p.
 7. Papadakis N. The International Legal Regime of Artificial Islands, Leyden: A. W. Sijthoff, 1977. 276 p.
 8. Soons A. Artificial Islands and Installations in International Law, Occasional Paper Series (Occasional Paper No. 22). – Law of the Sea Institute, University of Rhode Island, 1974. – 43 p.
 9. Walker C. Jurisdictional problems created by artificial islands. Vol. 10. No. 3. – San Diego Law Review, 1973. – P. 638-663.
- 23 Soons A. Artificial Islands and Installations in International Law, Occasional Paper Series (Occasional Paper No. 22). Law of the Sea Institute, University of Rhode Island, 1974. – P. 1-2.
- 24 Мохова Е. М. «Некоторые вопросы правового регулирования искусственных островов, установок и сооружений» // Международное морское. Статьи памяти А. Л. Колодкина = International law of the Sea. Essays in memory of A. L. Kolodkin / Сост. Р. А. Колодкин, С. М. Пунжин. – М.: Статут, 2014. – С. 395.
- 25 Там же.
- 26 Там же.
- 27 Nikos Papadakis, The International Legal Regime of Artificial Islands. – Leyden: A. W. Sijthoff, 1977 – P. 16-34.
- 28 Скаримов А. С. Морское право. – СПб.: Academus, 2006. – С. 287.

ШАЙБАКОВА Камила Даниловна

аспирант кафедры уголовного права Юридического факультета Казанского (Приволжского) федерального университета

ЭКСТРАДИЦИЯ И НЕСТАНДАРТНЫЕ ЕЕ ВИДЫ

Представленная статья рассматривает вопросы нестандартных видов выдачи лиц (экстрадиции) и их легальности. Автор указывает основные причины существования данных видов выдачи. Статья подробно останавливается на выманивании и экстраитерриториальном похищении лиц, ввиду частоты их использования на практике. Используя практику международных органов, некоммерческих организаций, правозащитных органов, законодательство зарубежных государств, автор дает ответы на вопросы легальности указанных способов осуществления выдачи лиц, а также рекомендации по усовершенствованию уголовного законодательства РФ. Статья подробно рассматривает дела, которые имеют значение для заявленной темы. В заключении, автором делается вывод о несоответствии данных видов выдачи уголовному и международному праву, в особенности, праву прав человека. Также делается вывод о необходимости законодательного запрещения использования нестандартных видов выдачи под угрозой уголовного наказания. Для внесения изменений в уголовный закон РФ представляется возможным использовать модель Швейцарской нормы уголовного закона.

Ключевые слова: выдача лиц, экстрадиция, чрезвычайная выдача, нестандартная выдача, выманивание, экстраитерриториальное похищение, права человека, уголовное право, Россия, Европейский суд по правам человека, Швейцария.

Шайбакова К. Д.

SHAYBAKOVA Kamila Danilovna

postgraduate student of Criminal law sub-faculty of the Law Faculty of the Kazan (Privolzhie) Federal University

EXTRADITION AND ITS IRREGULAR TYPES

The article presents the different types of irregular extradition and considers the questions of its legality. The author highlights the main reasons for the existence of irregular extradition procedures. The article considers luring and extraterritorial abduction in detail due to frequency of their application. The author gives the answer to the question concerning the legality of luring and abduction based on the jurisprudence of the international organs, human rights organizations, non-governmental organizations reports and the legislation of foreign states. In addition, the recommendations concerning the criminal legislation of the Russian Federation are presented. The article uses the relevant and significant examples in order to make the analysis. Author makes the conclusion that the aforementioned types of irregular extradition are not compatible with the criminal and international law and precisely with the human rights law. Furthermore, the conclusion about the necessity of the criminal law prohibition concerning the irregular extradition has been made. The Swiss criminal provisions concerning the question at stake can be considered to be a model for the Russian Federation.

Keywords: extradition, surrender, irregular extradition, luring, extraterritorial abduction, human rights, criminal law, Russia, European Court of Human Rights, Switzerland.

Выдача лиц является чрезвычайно популярным институтом права и используется все чаще на современном этапе. Несмотря на то, что применение института экстрадиции не вызывает сложностей на практике, зачастую государства или отдельные должностные лица стремятся обойти процедуры, установленные законом по различным причинам. Так, выдача не может быть осуществлена, например, при наличии угрозы пыток, бесчеловечного и унижающего обращения¹. Более того, при конкуренции экстраитерриториальных запросов, запрашивающее государство может не получить первоочередную возможность принять запрашиваемое лицо. Зачастую, такие экстрадиционные «уступки» используются для получения более выгодного торгового режима или же ввиду того, что запрашивающее государство является более могущественным государством². Amnesty International, в частности, указала, что практика такой «взаимопомощи» стран Центральной Азии может объясниться бывшим советским прошлым, общей культурой, языком³. Коррупция также является одной из причин обхода процедур⁴.

Данный вопрос является актуальным для теоретических и практических вопросов. Так, рассмотрение легальности применения нестандартной выдачи важно для развития как уголовного, так и международного права. Прежде всего, потому что незаконное задержание или арест ставят под угрозу отправление правосудия в другом государстве.

Следует отметить, что в литературе данное явление носит различные названия: нестандартные виды выдачи, похищение, тайная выдача, тайное перемещение, выманивание, неформальная правоприменительная операция.

Выманивание – это действия, направленные на то, чтобы убедить, заставить лицо покинуть территорию государства, на которой он находится и по каким-либо причинам не может быть выдан, используя хитрость или обман. Практика показывает, что зачастую используются хитрости, связанные с болезнью или смертью близкого человека, экономические выгоды, угрозы и т.д.

Примером выманивания является дело гражданина РФ, Виктора Бута. Бельгия выдала ордер на арест Бута, который покинул место своего пребывания, ОАЭ, вернулся в Россию и перестал выезжать в другие государства. Правоохранительные органы США, оценив сложность легальной выдачи, разработали план по выманиванию Бута. Так, власти притворились представителями колумбийских повстанцев, ФАРК, которые желали совершить закупку оружия на сумму более 20 миллионов долларов. Бут согласился на сделку и прилетел в Бангкок, где был схвачен и передан США.

Как можно заметить, зачастую при осуществлении такого рода операций, задействуется третье государство, которое в последствии согласится передать лицо в нужную страну. В приведенном примере, таким государством выступил Таиланд.

Данный способ выдачи вызывает ряд вопросов. Является ли выманивание легальным видом выдачи? Сложность данного вопроса заключается в том, что человек покидает «безопасную страну» и прибывает в страну, из которой он может быть выдан по собственной воле. Кроме того, нарушают ли какие-либо нормы власти, которые осуществляют тайную операцию?

Международный Трибунал по бывшей Югославии в деле *Прокурор против Славко Докмановича* выразил свое мнение о данном вопросе. Трибунал, в данном деле, отметил, что существуют

1 Soering v. the United Kingdom, 1/1989/161/21, 1989, para. 111.

2 David A. Sadoff, *Bringing International Fugitives to Justice: Extradition and Its Alternatives*, New York: Cambridge University Press, 2016. P. 456.

3 Amnesty International, *Возвращение к пыткам: экстрадиция, принудительное возвращение и выдворение лиц в страны Центральной Азии*, EUR 04/001/2013 Russian, 2013, стр.8.

4 David A. Sadoff, *supra* note 2. P. 457.

два вида нестандартной выдачи: похищение и выманивание. Далее, Трибунал указал, что при выманивании принцип права не нарушается⁵. Тем не менее, даже мнение авторитетного органа не положило конец дебатам о легальности указанных методов. Майкл Сарф, считает, что право не будет нарушаться только если для выманивания использовались телекоммуникационные связи.

Более того, Сарф считает, что решение покинуть территорию, принятое на основании ложных фактов, не может быть воспринято, как легальное и добровольное⁶. Мы вынуждены согласиться с данным мнением. Современное уголовное право, например, расценивает обман и (или) злоупотребление доверием способом совершения преступления⁷. Схожий подход был принят и Международной ассоциацией уголовного права. Ассоциация отметила, что принуждение лица прибыть в государство, совершенное путем обмана или злоупотребления доверием, является нарушением и такое лицо не может быть преследовано по закону в получившей его стране⁸.

Отдельные государства, такие как Швейцария, внесли запрет на выманивание в уголовное законодательство⁹. Стоит согласиться с таким подходом к данной проблеме.

Экстерриториальное похищение является еще одним видом нестандартной выдачи. Рассмотрение данного вида вызывает не так много вопросов, так как похищение лица на территории одного государства и его перевозка на территорию другого государства, объективно, понимается как нарушающее права данного лица.

На сегодняшний день права человека играют важнейшую роль не только в общем, но и в частности в развитии современного этапа института выдачи лиц. *Amnesty International* указала, что ввиду невозможности обеспечить защиту прав человека в запрашивающем государстве ведет к тому, что государства прибегают к похищениям¹⁰. Органы по защите прав человека, на современном этапе развития, умеют эффективно ставить барьеры для осуществления выдачи, которая даже потенциально может нанести вред выдаваемому лицу. ЕСПЧ, например, использует обеспечительные меры (в соответствии с которыми выдача временно запрещается) в соответствии с правилом 39 Правил Суда, может наложить до вынесения окончательного решения.

Доклад *Amnesty International* приводит огромное количество примеров похищений лиц. Так, дело Савридина Джураева вызвало широкий резонанс. Савридин Джураев, гражданин Таджикистана, бежал в Россию по причине предъявленных ему обвинений в Таджикистане. Россия разрешила выдачу. Джураев подал заявление в ЕСПЧ, который применил правило 39. Несмотря на запрет, Джураев в скором времени оказался под арестом на территории Таджикистана. Джураев к тому времени не имел паспорта, что привело ЕСПЧ к выводу, что Россия содействовала тайному вывозу Джураева на территорию Таджикистана. «Суд пришел к выводу, что, подобно так называемой «чрезвычайной выдаче», операция с участием должностных лиц в деле Савридина Джураева проходила вне закона и, будучи совершенной в обход надлежащей правовой процедуры, явилась полным отрицанием принципа верховенства права и защищенных Конвенцией ценностей»¹¹.

Несмотря на однозначную позицию правозащитных органов, все еще существует принцип *male captus bene detentus*, согласно которому незаконное задержание не влияет на ле-

гальность отправления правосудия. Данного подхода придерживается США, а также МТБЮ в деле Докмановича. Великобритания, например, категорично отвергла данную практику¹². Рабочая группа по произвольным задержаниям также не согласилась с легальностью данного принципа также, как и ЕСПЧ¹³ и Совет по правам человека¹⁴.

Следует отметить, что основные международные документы по правам человека запрещают произвольные задержания и предоставляют гарантии справедливого судебного разбирательства. Статья 9 Международного пакта о гражданских и политических правах закрепляет, что «никто не может быть подвергнут произвольному аресту или содержанию под стражей. Никто не должен быть лишен свободы иначе, как на таких основаниях и в соответствии с такой процедурой, которые установлены законом». Статья 5 Европейской конвенции по правам человека закрепляет аналогичные положения.

Таким образом, лицо, похищенное или полученное другим незаконным способом не может быть преследовано по закону ввиду нарушения его конвенционных прав.

Подытоживая, стоит отметить, что использование нестандартных (чрезвычайных) видов выдачи является незаконным, в особенности при наличии юридических оснований для выдачи (договоров).

Для того, чтобы избежать нарушения процедуры экстрадиции и прав выдаваемых лиц, мы считаем необходимым законодательно закрепить запрет в подготовке, участии, пособничестве в таких незаконных операциях.

Законодательство Швейцарии является оптимальным примером того, что такое запрещение может эффективно существовать в уголовном законодательстве. Сходное законодательное положение необходимо включить в уголовное законодательство РФ. Тем не менее, нормы швейцарского закона являются недостаточно разработанными и узкими, так как закрепляют ответственность непосредственно исполнителя. Данная статья, введенная в уголовное законодательство РФ должна включать также организацию похищения и пособничество в его осуществлении.

Пристатейный библиографический список

1. Prosecutor v. Slavko Dokmanovic, Decision on the Motion for Release by the Accused Slavko Dokmanovic, No. IT-95-13a-PT, T.Ch. II, 22 October 1997, para. 77.
2. Michael P. Scharf, Case Analysis: The Prosecutor v. Slavko Dokmanovic. Irregular Redention and the ICTY, Leiden Journal of International Law 11(2), 1998. P. 374.
3. Уголовный кодекс РФ от 13.06.1996 № 63-ФЗ в ред. 03.03.2015 // СПС КонсультантПлюс. Ст. 159, (дата обращения: 21.05.2018).
4. Mutual Assistance in Criminal Matters: XVth Congress of International Penal Law Association Adopts Resolutions, 10 International Enforcement Law Reporter, 1998. P. 386.
5. SCHWEIZERISCHES STRAFGESETZBUCH, CODE PENAL SUISSE, CODICE PENALE SVIZZERO (Swiss Criminal Code in English), Art. 271(2).
6. Amnesty International, Возвращение к пыткам: экстрадиция, принудительное возвращение и выдворение лиц в страны Центральной Азии, EUR 04/001/2013 Russian, 2013. С. 9.
7. Пресс-релиз Секретаря Суда (неофициальный перевод) ECHR 132 (2013) 25.04.2013. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://hudoc.echr.coe.int/webservices/content/pdf/003-4338637-5201898>.

1. Amnesty International, Возвращение к пыткам: экстрадиция, принудительное возвращение и выдворение лиц в страны Центральной Азии, EUR 04/001/2013 Russian, 2013. С. 8.
2. David A. Sadoff, Bringing International Figutives to Justice: Extradition and Its Alternatives, New York: Cambridge University Press, 2016.
3. Michael P. Scharf, Case Analysis: The Prosecutor v. Slavko Dokmanovic. Irregular Redention and the ICTY, Leiden Journal of International Law 11(2), 1998.
4. Mutual Assistance in Criminal Matters: XVth Congress of International Penal Law Association Adopts Resolutions, 10 International Enforcement Law Reporter, 1998.
5. U.S. Attorneys' Manual, Title 9: Criminal, 9-15.000 - International Extradition and Related Matters, 9-15.630 - Lures. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: al-extradition-and-related-matters.
6. Views of Human Rights Committee Under Article 5(4) of the Optional Protocol to the International Covenant on Civil and Political Rights, UNDoc A/36/40, 1981, pp. 176-185.
7. Пресс-релиз Секретаря Суда (неофициальный перевод) ECHR 132 (2013) 25.04.2013. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://hudoc.echr.coe.int/webservices/content/pdf/003-4338637-5201898>.

- 12 Regina v. Horseferry Road Magistrates' Court (Ex parte Bennett), 1994, 1 App. Cas. 42 (eng. HL 1993).
- 13 Stocke v. Germany, Judgment of 19 March 1991, ECtHR, No. 199 (Annex, Opinion of the Commission, para. 167).
- 14 Views of Human Rights Committee Under Article 5(4) of the Optional Protocol to the International Covenant on Civil and Political Rights, UNDoc A/36/40, 1981. P. 176-185.

ШАМСУТДИНОВ Магомед Каландарович

магистрант кафедры конституционного и международного права Юридического факультета Дагестанского государственного университета

ЗАЩИТА ПРАВ НАЦИОНАЛЬНЫХ МЕНЬШИНСТВ: МЕЖДУНАРОДНЫЙ АСПЕКТ

В статье рассматривается проблема международной защиты национальных меньшинств, а также первые попытки создания международной системы защиты меньшинств. Актуальность темы статьи обусловлена тем, что проблема защиты меньшинств развивалась вместе со становлением самой системы международного права и продолжает влиять на ее формирование. В статье дается определение национальных меньшинств. Выявляются особенности реализации права на самоопределение и права на самобытность национальных меньшинств. Обращается внимание на необходимость доработки механизма контроля над исполнением международных норм о защите национальных меньшинств.

Ключевые слова: национальные меньшинства, международное сообщество, Рамочная конвенция, право на самоопределение, право на самобытность.

SHAMSUTDINOV Magomed Kalandarovich

magister student of Constitutional and international law sub-faculty of the Law Faculty of the Dagestan State University

PROTECTION OF THE RIGHTS OF NATIONAL MINORITIES: THE INTERNATIONAL ASPECT

The article examines the problem of international protection of national minorities, as well as the first attempts to create an international system for the protection of minorities. The relevance of the topic of the article is due to the fact that the problem of minority protection has developed along with the formation of the very system of international law and continues to influence its formation. The article defines national minorities. The peculiarities of the realization of the right to self-determination and the right to the identity of national minorities are revealed. Attention is drawn to the need to refine the mechanism of control over the implementation of international norms on the protection of national minorities.

Keywords: national minorities, international community, Framework Convention, right to self-determination, right to identity.

На сегодняшний день одними из основных признаков демократичности государства являются уважение и защита прав проживающих на его территории национальных меньшинств. Проблема защиты национальных меньшинств, несмотря на то, что речь идет о меньшинствах в пределах отдельных государств, имеет глобальный характер. Она является актуальной, так как развивалась вместе со становлением самой системы международного права и продолжает влиять на ее формирование. Международная защита национальных меньшинств сыграла определяющую роль в становлении всей системы защиты прав человека в том виде, в котором она существует в современном международном праве. Особое значение проблема меньшинств приобрела в XX веке, и сохраняет его до настоящего времени¹. Усилия международного сообщества по улучшению ситуации направлены на интеграцию меньшинств в политические структуры, повышение безопасности, возвращение перемещенных лиц и беженцев на места прежнего проживания, восстановление и возврат незаконно занятой недвижимости, доступ к рабочим местам, образованию и здравоохранению и, в то же время, на сохранение их как наций².

Прежде всего, определим, что такое национальные меньшинства. Под национальными меньшинствами ученые «понимают часть представителей нации, проживающей в инонациональной среде за пределами традиционного поселения,

но продолжающей сохранять свою самобытность, язык и культуру»³.

Первые попытки создания международной системы защиты меньшинств потерпели неудачи. По причине того, что новые государства, после Первой мировой войны противостояли соглашениями по этому вопросу, данная система развалилась вместе с Лигой Наций. С течением времени все более выдвигался вопрос о национальных меньшинствах на передний план, что требовало создания единого механизма решения проблем национальных меньшинств. Главную роль в этом процессе взяла на себя ООН. С созданием Организации Объединенных Наций был принят совершенно иной подход к вопросу прав национальных меньшинств - индивидуальные права человека и принцип недискриминации являются надлежащими средствами защиты всех и каждого, включая представителей меньшинств.

Защита прав лиц, принадлежащих к меньшинствам, предусмотрена всеми известными международными документами. В частности, к таким можно причислить Всеобщую декларацию прав человека (1948), Международные пакты о правах человека (1966), Конвенцию о предупреждении преступления геноцида и наказания за него (1948) и другие. Эти международные акты решают проблемы национальных меньшинств либо в общем контексте прав человека, либо посредством признания специальных прав лиц, которые принадлежат к национальным меньшинствам⁴.

1 Турчина К. А. Международные правовые аспекты защиты прав национальных меньшинств. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.konspekt.biz/index.php?text=56352> (дата обращения: 29.03.2018).

2 Мачинский В. М., Мачинский А. В. Защита прав национальных меньшинств // XII Державинские чтения в Республике Мордовия: сб. материалов всерос. науч.-практ. конф. Средне-Волжский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России). - 2016. - С. 25.

3 Тэпс Д. Соотношение понятий национальных меньшинств и коренных малочисленных народов // Государство и право. - 2006. - №1. - С. 7.

4 Грохотова В. В. Международно-правовое регулирование и защита прав национальных меньшинств // Вестник НовГУ. - 2012. - № 69. - С. 16.

В начале 1990 гг. различными международными организациями были снова приняты подробные положения по проблемам меньшинств в международных документах, в том числе Организацией по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ), Организацией Объединенных Наций и Советом Европы.

В этом отношении следует особо отметить принятие 18 декабря 1992 года Генеральной Ассамблеей ООН «Декларации о правах лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам». Как представляется, данный документ следует рассматривать как знаковый в процессе развития защиты прав меньшинств на универсальном уровне, своего рода связующее звено между механизмами защиты прав человека, существовавших до создания ООН, положений о защите прав меньшинств, существующих в рамках ООН и положениями о защите индивидуальных прав. И сегодня декларация продолжает оставаться наиболее полным, всеобъемлющим международным документом в деле регламентации прав меньшинств и обязанности государств в их отношении.

1 февраля 1995 года Советом Европы была принята Рамочная Конвенция о защите прав национальных меньшинств. В ней защита национальных меньшинств относится к сфере международного сотрудничества, что, бесспорно, наложило особую ответственность на все государства, включая Россию, в силу многонациональности которой проблема прав национальных меньшинств является наиболее актуальной. Конвенция закрепляет политические, культурные, социальные и экономические права национальных меньшинств. Права меньшинств являются правами человека, доступными всем людям, которые принадлежат к этим меньшинствам. В Конвенции запрещается дискриминация, гарантируется право на равенство перед законом, право поддержки и развития своей культуры, сохранения элементов своей самобытности, право свободы мирных собраний и свободы ассоциаций, свободы выражения мнений, свободы мысли, совести, религии и пр.

Надо сказать, что зарождение международной защиты национальных меньшинств произошло «с целью защиты дискриминируемых групп, в частности, религиозных меньшинств, причем с упором на необходимость проявлять терпимость, а не выдвигать права»⁵. Тем не менее, первые международно-правовые нормы, направленные на защиту прав человека относились именно к защите прав национальных (религиозных) меньшинств и таким образом они имели фундаментальное значение не только для процесса становления международно-правовой защиты прав национальных меньшинств, но и для формирования современной концепции международно-правовой защиты прав человека в целом.

В настоящее время созданы специальные международно-правовые механизмы защиты прав меньшинств и приняты необходимые меры для закрепления недискриминационного подхода к меньшинствам⁶. Принцип недискриминационного подхода включен в основные международные документы, а

особые права национальных меньшинств устанавливаются все новыми и новыми международно-правовыми инструментами.

Государства как основные субъекты международного права несут особую ответственность за предотвращение дискриминации и защиту прав меньшинств.

Национальные меньшинства существенно ограничены в возможностях оказания влияния на политику своих государств как в смысле законодательного регулирования, так и в плане проведения фактической политики по отношению к ним, и их положение не должно целиком зависеть от доброй воли или же произвола соответствующих правительств. Этим и объясняется необходимость международно-правового регулирования вопросов национальных меньшинств; они должны иметь надежного защитника своих прав в лице международного права и соответствующего его механизма, а если подойти шире - в лице международного правопорядка и мирового сообщества в целом. На сегодняшний день общепризнанно, что защита национальных меньшинств является неотъемлемым компонентом защиты прав человека и как таковая не может считаться исключительно внутренним делом соответствующего государства, а является предметом законной международной озабоченности и сотрудничества государств⁷.

Однако, по мнению А. К. Кадралиевой, с которой мы солидарны, «обеспечить защиту национальных меньшинств от дискриминации недостаточно. Меньшинства должны иметь средства и возможности для сохранения и развития своей этнической специфики. Более того, они должны иметь свою долю власти и должны принимать реальное участие в принятии решений на общегосударственном уровне»⁸. Каждая этническая группа уникальна по-своему и не может, да и не должна жить в условиях, навязываемых большинством.

Какова же ситуация с защитой прав национальных меньшинств сегодня? События, происходящие в настоящее время в различных регионах мира, обнаруживают существование проблем, затрагивающих права национальных меньшинств. Один из ключевых вопросов в сфере защиты прав меньшинств – соотношение их прав и права народов на самоопределение. Основной проблемой является нестыковка следующих правовых норм: констатация права каждой нации на самоопределение и гарантия каждому государству его целостности и неделимости, что привело к множеству разногласий, обернувшихся кровавыми конфликтами. Общеизвестно, что конфликтные ситуации, касающиеся национальных интересов, проявились в таких государствах, как Руанда, Судан, бывшая Югославия, Южная Африканская Республика, Армения и Азербайджан.

Несмотря на то, что право народов на самоопределение считается императивным принципом международного права, касательно меньшинств его применение нередко ставят под сомнение. Признавая право народов на самоопределение и автономию, государства, тем не менее, весьма отрицательно относятся к праву на самоопределение меньшинств, потому, что оно может угрожать территориальной целостности и приводить к внутренним и внешним конфликтам. Помимо этого, ни один международный документ непосредственно за меньшинством это право не признает.

Согласно положениям Декларации о принципах международного права, Декларации принципов Заключительного

5 Царев А. В. международно-правовая защита прав национальных меньшинств // Перспективы государственно-правового развития России в XXI веке: сб. материалов всерос. науч.-теорет. конф. курсантов и слушателей вузов МВД России, студентов гуманитарных вузов, адъюнктов, аспирантов и соискателей. - 2017. - С. 137.

6 Кадралиева А. К. Мировой опыт применения международно-правовых основ защиты национальных меньшинств // Вестник Кыргызского национального университета имени Жусуна Баласагына. - 2016. - № 3 (S). - С. 340.

7 Багенц Д.С. Международно-правовые проблемы защиты национальных меньшинств // Студенческий научный форум 2015: VII междунар. студ. электрон. науч. конф. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.scienceforum.ru/2015/> (дата обращения: 29.03.2018).

8 Кадралиева А. К. Указ. раб. - С. 337.

акта СБСЕ 1975 года, Парижской хартии для новой Европы, право на самоопределение принадлежит всем народам, которые проживают под иностранным господством, а также независимых суверенных государствах. В государствах, которые нарушают это право, народы имеют право на внешнее и на внутреннее самоопределение, а в суверенном демократическом государстве – на внутреннее самоопределение, не нарушающее территориальной целостности и политического единства государства, т.е. его конституции»⁹.

В то же время распространена позиция, согласно которой «права лиц, принадлежащих к меньшинствам, отличаются от прав народов на самоопределение... Право на самоопределение... не применяется к лицам, принадлежащим к меньшинствам»¹⁰.

Рассмотрим также право сохранения национальными меньшинствами своей самобытности. Надо подчеркнуть, что данное право является коллективным и не может быть реализовано одним человеком. К примеру, С. С. Юрьева подчеркивает следующее: «многие обязанности государств направлены на поддержку культуры, религии, языка, т.е. таких форм проявления самобытности, которые реализуются исключительно в относительно устойчивой социальной группе. В связи с этим представляется, что отсутствие в международных актах характеристики тех или иных прав как принадлежащих именно этнической общности, а не индивиду, обусловлено, скорее, политическими..., чем правовыми соображениями»¹¹.

Почти во всех государствах в пределах их национальных границ проживает один или несколько этносов, характеризующихся этнической, языковой или религиозной самобытностью, которая отличает их от большинства населения. Поддержание гармоничных отношений между меньшинствами, а также между меньшинствами и большинством населения, уважение самобытности каждой группы имеют важное значение для развития этнического и культурного многообразия международного сообщества.

Рамочная конвенция Совета Европы способствует сохранению меньшинствами своей самобытности. В соответствии с данным актом отношение к чужой культуре должно быть хотя бы терпимым. Также Конвенция закрепляет право пользования языком меньшинства. Как представляется, это право является как одним из самых охраняемых прав, так и самых нарушаемых. Лицам, которые принадлежат к этническим меньшинствам, разрешено изучение языка своей национальности и получение образования на этом языке. Однако данная норма является декларативной. Существует множество примеров ее нарушения, и, подчеркнем, что практически все страны не несут ответственности за них (в частности, события в Литве, Украине, Казахстане).

Существующий на сегодняшний день механизм регулирования недостаточен для полного разрешения данного вопроса. Это обусловлено тем, что не существует и не может существовать типичных общественных отношений, подлежащих урегулированию.

Таким образом, международное право не только признает факт наличия разных национальных, этнических и языковых

меньшинств, но и осуществляет активные действия по обеспечению недискриминации и защиты этих групп, сохранению их самобытности. Целями разработки международных норм в сфере регулирования прав национальных меньшинств являются следующие: обеспечить надлежащие условия проживания меньшинств в каждой стране, совершенствовать демократические институты государства и общества, расширить права человека. Однако, несмотря на существование международных документов, в которых действительно на достаточно высоком уровне закреплены права национальных меньшинств, они все равно нарушаются на практике, а к ответственности государства и их представители привлекаются редко. Поэтому, на наш взгляд, необходимо разработать механизм контроля над исполнением предписанных норм, а также выработать надежный, крепкий и всесторонний механизм защиты прав национальных меньшинств со стороны международного сообщества.

Пристатейный библиографический список

1. Багенц Д. С. Международно-правовые проблемы защиты национальных меньшинств // Студенческий научный форум 2015: VII междунар. студ. электрон. науч. конф. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.scienceforum.ru/2015/> (дата обращения: 29.03.2018).
2. Грохотова В. В. Международно-правовое регулирование и защита прав национальных меньшинств // Вестник НовГУ. - 2012. - № 69. - С. 16-21.
3. Кадралиева А. К. Мировой опыт применения международно-правовых основ защиты национальных меньшинств // Вестник Кыргызского национального университета имени Жусупа Баласагына. - 2016. - № 3 (S). - С. 336-340.
4. Мачинский В. М., Мачинский А. В. Защита прав национальных меньшинств // XII Державинские чтения в Республике Мордовия: сб. материалов всерос. науч.-практ. конф. Средне-Волжский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России). - 2016. - С. 24-38.
5. Мочалов А. Н. территориальная автономия и права национальных меньшинств: международные стандарты // Журнал российского права. - 2017. - № 10 (250). - С. 121-132.
6. Пунжин С. М. Проблемы международно-правовой защиты прав меньшинств // Права человека и межнациональные отношения. - М.: Изд-во ИГиП РАН, 1994.
7. Турчина К. А. Международные правовые аспекты защиты прав национальных меньшинств. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.konspekt.biz/index.php?text=56352> (дата обращения: 29.03.2018).
8. Тэпс Д. Соотношение понятий национальных меньшинств и коренных малочисленных народов // Государство и право. - 2006. - №1. - С. 7-9.
9. Царев А. В. международно-правовая защита прав национальных меньшинств // Перспективы государственно-правового развития России в XXI веке: сб. материалов всерос. науч.-теорет. конф. курсантов и слушателей вузов МВД России, студентов гуманитарных вузов, адъюнктов, аспирантов и соискателей. - 2017. - С. 136-141.
10. Юрьев С. С. Правовой статус национальных меньшинств (теоретико-правовые аспекты). - М., 2000.
- 9 Пунжин С. М. Проблемы международно-правовой защиты прав меньшинств // Права человека и межнациональные отношения. - М.: Изд-во ИГиП РАН, 1994. - С. 128.
- 10 Мочалов А. Н. территориальная автономия и права национальных меньшинств: международные стандарты // Журнал российского права. - 2017. - № 10 (250). - С. 126.
- 11 Юрьев С. С. Правовой статус национальных меньшинств (теоретико-правовые аспекты). - М., 2000. - С. 234.

ЛЕЛЁТИНА Анастасия Валентиновна

соискатель, член Российской ассоциации международного права

СООТНОШЕНИЕ КОМПЕТЕНЦИИ ВСЕМИРНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ И ВСЕМИРНОЙ ТОРГОВОЙ ОРГАНИЗАЦИИ В ОБЛАСТИ РЕГУЛИРОВАНИЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

В статье рассматриваются вопросы соотношения компетенции Всемирной организации интеллектуальной собственности (ВОИС) и Всемирной торговой организации (ВТО) в области регулирования интеллектуальной собственности. Анализируются правовые проблемы, связанные с влиянием регулирования интеллектуальной собственности в рамках ВТО на отдельные международные договоры, администрируемые ВОИС, а также правовые проблемы, обусловленные влиянием процесса администрирования ВОИС отдельных международных договоров на регулирование в рамках ВТО. Делается вывод о необходимости актуализации Соглашения между ВОИС и ВТО 1995 г. или заключения нового договора между организациями с обоснованием того, какие вопросы, касающиеся пересечения компетенции и взаимосвязи между ВОИС и ВТО и соответствующими договорами, должны найти отражение в нём.

Ключевые слова: интеллектуальная собственность, Всемирная торговая организация (ВТО), Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (ТРИПС), Всемирная организация интеллектуальной собственности (ВОИС), Бернская конвенция, Парижская конвенция, Римская конвенция, соотношение компетенции международных организаций, Орган по разрешению споров ВТО.

LELETINA Anastasiya Valentinovna

competitor, member of the Russian Association of International Law

CORRELATION BETWEEN COMPETENCE OF THE WORLD INTELLECTUAL PROPERTY ORGANIZATION AND COMPETENCE OF THE WORLD TRADE ORGANIZATION IN THE FIELD OF INTELLECTUAL PROPERTY REGULATION

The article analyzes correlation between competence of the World Intellectual Property Organization (WIPO) and competence of the World Trade Organization (WTO) in the field of intellectual property regulation. Legal issues related to the impact of intellectual property regulation within the WTO on some international treaties administered by WIPO, as well as legal issues arising from the influence of the WIPO administering process of some international treaties on the WTO regulation, are examined. The author concludes that it is necessary to actualize the Agreement between WIPO and the WTO of 1995 or to conclude a new agreement between the organizations, and to include in it particular matters concerning overlapping of competence and the relationship between WIPO and the WTO and the relevant treaties.

Keywords: Intellectual Property, the World Trade Organization (WTO), the Agreement on Trade-Related Aspects of Intellectual Property Rights (TRIPS), the World Intellectual Property Organization (WIPO), the Bern Convention, the Paris Convention, the Rome Convention, correlation between competence of international organizations, the WTO Dispute Settlement Body.

Созданная и функционирующая в рамках Всемирной торговой организации (далее – ВТО) система охраны интеллектуальной собственности учитывает особенности регулирования торгово-экономических отношений и основывается на отдельных международных договорах в сфере охраны интеллектуальной собственности, администрируемых Всемирной организацией интеллектуальной собственности (далее – ВОИС). При этом установление основ правового регулирования и организационного обеспечения охраны интеллектуальной собственности, связанной с торговлей, в рамках международной организации, ориентированной на регламентацию международных торгово-экономических отношений, а не профильной организации, специализирующей на охране интеллектуальной собственности, привело к появлению ряда правовых проблем, которые сохраняются до сих пор, по прошествии более чем двадцатилетнего периода существования ВТО.

Ряд важных правовых проблем касается соотношения компетенции и конкуренции между ВТО и ВОИС по предметной сфере деятельности, которая возникла в связи с тем, что регулирование интеллектуальной собственности в рамках ВТО оказывается шире, чем вопросы, относящиеся к «торговым аспектам», не проводится чёткая грань между «торговыми» и «неторговыми» аспектами. При этом ВТО идёт дальше ВОИС, а в некоторых вопросах не затрагивает деятельность ВОИС.

Сфера деятельности ВТО часто касается не только вопросов охраны интеллектуальной собственности, напрямую или косвенно связанных с торгово-экономическими отношениями, но также общих вопросов охраны интеллектуальной собственности и «специальных» сфер регулирования, среди которых можно назвать следующие: права человека, здравоохранение, сельское хозяйство, охрана окружающей среды, биологическое разнообразие, инвестиции, образование, наука и культура, что одновременно может относиться к компетенции других универсальных международных организаций.

Неудивительно появление в зарубежной литературе специального термина “forum proliferation” – пролиферация (в перев. с англ. – рост, распространение, увеличение, быстрое разрастание) форумов (или даже “forum shopping”, что не вполне корректно), используемого в данном контексте в качестве характеристики ситуации, складывающейся с распространением международных организаций, сферы деятельности которых пересекаются, и возможности выбора наиболее подходящей для решения тех или иных вопросов¹. Другой

1 См. подробнее об этом в отношении ВТО и ВОИС: May C. The World Intellectual Property Organization: Resurgence and the Development Agenda. New York, 2007. P. 96-98.

используемый термин – “*international institutional competition*”² – международная институциональная конкуренция.

Ситуация осложняется тем, что в Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности от 15 апреля 1994 г.³ (далее – ТРИПС), регулирующее охрану интеллектуальной собственности в рамках ВТО, включены положения отдельных конвенций, администрируемых ВОИС. Фактически прослеживается конкуренция по предметной сфере деятельности между ВТО и ВОИС в части отдельных направлений охраны интеллектуальной собственности. Выявляется наличие конкуренции в том числе в отношении актуальной повестки деятельности обеих организаций (например, по вопросам охраны интеллектуальной собственности, касающимся здравоохранения, биологического разнообразия, традиционных знаний, электронной коммерции).

Кроме того, до настоящего времени не решены вопросы, связанные с влиянием регулирования в рамках ВТО на отдельные международные договоры, администрируемые ВОИС, а также правовые проблемы, обусловленные влиянием процесса администрирования ВОИС отдельных международных договоров на регулирование в рамках ВТО. Рассмотрим данные вопросы более подробно.

После появления ВТО и соответственно ТРИПС согласно положениям Преамбулы и ст. 68 ТРИПС 22 декабря 1995 г. было заключено, а 1 января 1996 г. вступило в силу Соглашение между Всемирной организацией интеллектуальной собственности и Всемирной торговой организацией (далее – Соглашение между ВОИС и ВТО 1995 г.), для того чтобы «*установить отношения взаимной поддержки между ними, а также с целью создания надлежащих механизмов для сотрудничества между ними*»⁴.

Данный документ предусматривает сотрудничество по трём основным направлениям:

а) предоставление документов и информации, собранных обеими организациями (в частности, речь идёт о национальных законах и иных актах) (ст. 2, а также п. 3 ст. 3 и п. 3 ст. 4);

б) процедура защиты эмблем (в соответствии со ст. 6ter Парижской конвенции по охране промышленной собственности от 20 марта 1883 г. (с учетом изменений, внесённых Стокгольмским актом 1967 г.)⁵ (далее – Парижская конвенция (в ред. 1967 г.)) (ст. 3);

в) нормативно-техническая помощь и взаимодействие в области нормативно-технического сотрудничества, касающегося ТРИПС (ст. 4).

Из текста Соглашения между ВОИС и ВТО 1995 г. видно, что документ направлен на регулирование только нормативно-технических сторон деятельности организаций. В нём не содержится чёткого определения взаимосвязи между ВОИС и ВТО, нет положений о разграничении компетенции.

Одним из наиболее важных вопросов, выходящих на первый план при рассмотрении имеющихся проблем взаимосвязи между ВОИС и ВТО, является вопрос о том, как процесс администрирования ВОИС международных договоров влияет на регулирование в рамках ВТО.

Конвенцией, учреждающей Всемирную организацию интеллектуальной собственности от 14 июля 1967 г. (с учётом

изменений от 28 сентября 1979 г.)⁶ (далее – Конвенция, учреждающая ВОИС) перед ВОИС были поставлены две весьма амбициозные цели: во-первых, содействовать охране интеллектуальной собственности во всём мире и, во-вторых, обеспечивать административное сотрудничество Бернского, Парижского и специальных союзов (ст. 3).

Для достижения указанных целей ВОИС выполняет в том числе административные функции Бернского и Парижского союзов (п. ii ст. 4 Конвенции, учреждающей ВОИС). Что означает выполнять административные функции, и как этот процесс может влиять на регулирование в рамках ВТО?

Выполнение административных функций в отношении союзов и соответствующих международных договоров предполагает в первую очередь проведение конференций по пересмотру таких договоров и принятие рекомендаций по вопросам, касающимся сферы их регулирования и применения. Оба эти процесса могут оказывать влияние на регулирование в рамках ВТО. В чём такое влияние заключается?

Принятие рекомендаций опосредованно воздействует на регулирование в рамках ВТО. Рекомендации, не имея обязательного характера, тем не менее могут влиять на формирование международных обычаев и национальной практики государств, а в дальнейшем через них и на регулирование интеллектуальной собственности на универсальном уровне, включая ВТО.

Что касается пересмотра соглашений, то важно следующее. В рамках ВТО действуют определённые редакции международных договоров, администрируемых ВОИС. Особую актуальность данный вопрос имеет для Бернской конвенции по охране литературных и художественных произведений от 9 сентября 1886 г. (с учетом изменений, внесённых Парижским актом 1971 г.)⁷ (далее – Бернская конвенция (в ред. 1971 г.)) и Парижской конвенции, действующих в рамках ВТО в редакциях 1971 г. и 1967 г. соответственно и являющихся в настоящее время предметом для пересмотра.

Данное обстоятельство имеет серьёзное значение для регулирования в рамках ВТО потому, что международные договоры, администрируемые ВОИС, могут изменяться, но в ВТО будут действовать в определённом виде. Изменения возможны только в том случае, если в ТРИПС будет внесено и принято в качестве поправок всеми членами ВТО соответствующее изменение о распространении действия новых редакций международных соглашений, администрируемых ВОИС, на регулирование в рамках ВТО⁸.

Что может последовать в том случае, если внесённые изменения будут противоречить установленным нормам ТРИПС? Вопрос не имеет однозначного решения, и ответ на него не содержится в документах ВТО.

В настоящее время между ТРИПС и международными договорами, администрируемыми ВОИС, не может быть установлено какой-либо иерархии. На них не распространяются правила ст. 30 Венской конвенции о праве международных договоров от 23 мая 1969 г.⁹ (далее – Венская конвенция 1969 г.) о применении последовательно заключённых договоров, относящихся к одному и тому же вопросу.

Вместе с тем для тех членов ВТО, которые одновременно являются участниками международных соглашений, администрируемых ВОИС (их большинство), важное значение имеет норма п. 2 ст. 2 ТРИПС, в соответствии с которой ничто в частях

2 См. подробнее: Okediji R.L. WIPO–WTO Relations and the Future of Global Intellectual Property Norms // *Netherlands Yearbook of International Law*. Vol. 39. 2008. P. 69-125.

3 СЗ РФ. 2012. Приложение к № 37 (ч. VI). Ст. 2818-2849.

4 Agreement between the World Intellectual Property Organization and the World Trade Organization of 22 December 1995 (официальный сайт ВТО. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.wto.org/english/tratop_e/trips_e/wtowip_e.htm (дата обращения: 07.04.2018).

5 Ведомости СССР. 1968. № 40.

6 Официальный сайт ВОИС: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.wipo.int/wipolex/ru/treaties/text.jsp?file_id=283837 (дата обращения: 07.04.2018).

7 БМД. 2003. № 9. С. 3-34.

8 В том числе в упрощённом порядке, предусмотренном п. 2 ст. 71 ТРИПС.

9 Ведомости Верховного Совета СССР. 1986. № 37. Ст. 772.

I–IV ТРИПС не должно умалять права членов ВТО, имеющиеся в связи с их участием в Бернской и Парижской конвенциях, а также в Международной конвенции об охране прав исполнителей, производителей фонограмм и вещательных организаций от 26 октября 1961 г.¹⁰ (далее – Римская конвенция). Причём в данном положении не содержится указаний на редакции документов, что предполагает последние редакции.

В практике разрешения споров данная норма интерпретируется как указывающая на обязательство сторон по международным договорам, администрируемым ВОИС, и предполагает, что в связи со вступлением в ВТО «например, участники Бернского союза не могут отступать от существующих между ними обязательств в соответствии с Бернской конвенцией», е.г. не гарантировать личные неимущественные права, предусмотренные ст. 6bis¹¹.

Аналогичное высказывается и в научной литературе: «Цель этого положения – обеспечить, чтобы стороны этих договоров не использовали ТРИПС в качестве предлога, чтобы больше не исполнять свои обязательства, не относящиеся к участию в ВТО, которые выходят за рамки минимальных норм ТРИПС»¹².

В практике разрешения споров сложилась позиция, согласно которой проблему устранения противоречий между действующими международными договорами в рамках ВТО, в том числе ТРИПС и других международных соглашений в сфере интеллектуальной собственности, предлагается разрешать путём «согласованной интерпретации», т.е. такой, которая позволит согласовывать тексты интерпретируемых актов. Например, в одном из дел группа по разрешению спора обратила внимание на «необходимость интерпретировать Бернскую конвенцию и ТРИПС таким образом, который согласует тексты этих двух договоров и позволит избежать конфликтов между ними, учитывая, что они образуют общую структуру многосторонней защиты авторских прав»¹³. Кроме того, указывается на то, что «это общий принцип интерпретации принимать такое значение, которое согласовывает тексты различных договоров и позволяет избежать конфликта между ними»¹⁴. Данное предложение находится в соответствии с презумпцией международного права в отношении избежания противоречий, которая применялась Органом по разрешению споров ВТО (далее – ОРС) (группами по разрешению споров и Апелляционным органом) в ряде дел¹⁵.

Таким образом, ОРС играет ключевую роль в становлении и применении концепции «согласованной интерпретации» ТРИПС и международных договоров, администрируемых ВОИС (а также ряда других международных договоров, в том числе в сфере охраны интеллектуальной собственности). Посредством использования данной концепции возможно обеспечение согласованного действия и применения ТРИПС и других международных договоров в сфере интеллектуальной собственности, что позволит избежать противоречий и

создать согласованную работающую систему международных соглашений, регулирующих определённый блок вопросов.

При этом концепция «согласованной интерпретации» действует и применяется только в рамках ВТО, что является очевидно недостаточным и должно быть распространено и на действие и применение договоров в рамках ВОИС и соответствующих государств-участников. В связи с этим данный способ согласования международных договоров должен найти отражение в Соглашении между ВОИС и ВТО 1995 г. или новом договоре между данными организациями.

Возвращаясь к вопросу о возможных последствиях пересмотра международных конвенций, администрируемых ВОИС, необходимо обратить внимание на следующее. В случае возникновения ситуации, при которой последующие пересмотры международных договоров, администрируемых ВОИС, могут привести к различиям между существующими обязательствами членов ВТО согласно ТРИПС и появившимися в соответствии с пересмотренным международным договором (при одновременном участии в ТРИПС и в принятом акте), также должен быть сделан акцент на применении концепции «согласованной интерпретации». Вместе с тем не все противоречия между договорами могут быть разрешены подобным образом, и вопрос об их разрешении сохраняется. Что делать при возникновении несоответствий между ТРИПС и новыми редакциями, не указывается. Должно ли будет пересматриваться ТРИПС? Вопрос в настоящее время остаётся открытым.

С учётом того что большинство членов ВТО являются также участниками Бернской, Парижской и Римской конвенций, представляется оптимальным разрешить этот вопрос в соглашении между ВОИС и ВТО и предусмотреть при проведении переговоров о пересмотре того или иного акта необходимость учитывать его взаимосвязь с ТРИПС и, таким образом, уже изначально в принимаемом тексте специально определять, как он будет связан и соотноситься с положениями ТРИПС.

В связи с интерпретацией международных договоров в рамках ВТО необходимо также обратить внимание на то, что в соответствии с п. 2 ст. IX Марракешского соглашения об учреждении Всемирной торговой организации от 15 апреля 1994 г.¹⁶ (далее – Соглашение об учреждении ВТО) Конференция министров и Генеральный совет имеют исключительное право принимать решения о толковании ТРИПС на основе рекомендаций Совета по торговому аспектам прав интеллектуальной собственности (далее – Совет по ТРИПС).

Кроме того, интерпретацию положений ТРИПС может осуществлять ОРС (группы по разрешению споров и Апелляционный орган) при разрешении конкретных спорных ситуаций (п. 2 ст. 3 Договора о правилах и процедурах, регулирующих разрешение споров от 15 апреля 1994 г.¹⁷ (далее – ДСУ)).

Важно подчеркнуть, что в процессе толкования ТРИПС могут интерпретироваться как положения непосредственно ТРИПС, так и положения Бернской (в ред. 1971 г.), Парижской (в ред. 1967 г.) и Римской конвенций.

При этом полномочиями разрешать споры о толковании или применении Бернской, Парижской и Римской конвенций наделён Международный суд Организации Объединённых Наций (далее – Международный суд ООН) (ст. 33 Бернской конвенции (в ред. 1971 г.), ст. 28 Парижской конвенции (в ред. 1967 г.)), ст. 30 Римской конвенции). Между тем механизм обращения в Международный суд ООН оказался недействующим. Кроме того, в отношении этих норм предусмотрена возможность сделать оговорку о нераспространении действия данного положения на того или иного участника соглашения.

10 БМД. 2005. № 7. С. 11–20.

11 Decision of the Arbitrators по делу European Communities – Regime for the Importation, Sale and Distribution of Bananas – Recourse to Arbitration by the European Communities under Article 22.6 of the DSU, para. 149 (WT/DS27/ARB/ECU, 24.03.2000).

12 Resource Book on TRIPS and Development (UNCTAD-ICTSD). New York, 2005. P. 50.

13 Panel Report по делу United States – Section 110(5) of the US Copyright Act, para. 6.70 (WT/DS160/R, 15.06.2000). – Представляется, что аналогичным образом должны интерпретироваться Парижская конвенция (в ред. 1967 г.), Римская конвенция и соответствующие положения ТРИПС.

14 Panel Report по делу United States – Section 110(5) of the US Copyright Act, para. 6.66 (WT/DS160/R, 15.06.2000).

15 Ibid. – См. следующие дела: Appellate Body Report по делу Canada – Certain Measures Concerning Periodicals, p. 19 (WT/DS31/AB/R, 30.06.1997), Appellate Body Report по делу European Communities – Regime for the Importation, Sale and Distribution of Bananas, para. 219–222 (WT/DS27/AB/R, 09.09.1997).

16 СЗ РФ. 2012. Приложение к № 37 (ч. VI). Ст. 2514–2523.

17 СЗ РФ. 2012. Приложение к № 37 (ч. VI). Ст. 2850–2873.

При этом попытка создания в рамках ВОИС самостоятельного механизма разрешения споров между государствами не завершилась успехом¹⁸ в отличие от реализованного механизма разрешения споров между невластными субъектами¹⁹.

Иных конкретных вариантов осуществления толкования этих договоров в них не предусмотрено, есть только общие формулировки о возможности выбора другого способа урегулирования спора.

Можно ли считать таким «другим способом» толкование в рамках ВТО? При ответе на этот вопрос представляется необходимым исходить из того, что толкование договоров, администрируемых одной международной организацией, не может осуществляться органами другой международной организации без наличия специального полномочия.

Какую юридическую силу будет иметь такого рода толкование, осуществлённое органами ВТО, в рамках ВОИС? В связи с отсутствием урегулирования этого вопроса в документах ВОИС юридической силы результаты толкования в рамках ВОИС иметь не будут. Такая интерпретация будет действовать только в рамках ВТО.

Если процедура обращения в Международный суд ООН по поводу разрешения споров о толковании начнёт действовать или будет реализован план по созданию в рамках ВОИС собственного механизма разрешения споров между государствами, то похвально и другой вопрос: как члены обеих организаций должны будут руководствоваться интерпретациями, данными органами ВОИС и ВТО в отношении положений Бернской (в ред. 1971 г.), Парижской (в ред. 1967 г.) и Римской конвенций в том случае, если между толкованием не будет согласованности, будут противоречия? Ни в документах ВТО, ни в актах ВОИС данный вопрос не разрешается. Представляется необходимым в будущем урегулировать его в рамках Соглашения между ВОИС и ВТО 1995 г. или нового соглашения.

В настоящее время органы ВОИС готовят руководства и разъяснения по применению администрируемых организацией договоров, включая Бернскую, Парижскую и Римскую конвенции. Данные руководства и разъяснения не являются актами официального толкования и не имеют обязательной юридической силы, вместе с тем влияют на формирование международных обычаев и могут использоваться государствами и их органами при реализации договорных норм на внутригосударственном уровне.

Важно также обратить внимание на следующее основное полномочие Совета по ТРИПС – наблюдение за действием ТРИПС и, в частности, за исполнением членами своих обязательств, включая обязательства, вытекающие из положений Бернской (в ред. 1971 г.), Парижской (в ред. 1967 г.) и Римской конвенций (ст. 68 ТРИПС), что не предусмотрено в рамках ВОИС. Это главная и исключительная функция Совета по ТРИПС, которая опирается на процедуру нотификации, предусмотренную п. 2 ст. 63 ТРИПС.

В ходе данной процедуры могут выявляться несоответствия национального регулирования того или иного члена ВТО обязательствам, предусмотренным ТРИПС, включая положения международных договоров, администрируемых ВОИС. В связи с отсутствием специальных полномочий у Совета по ТРИПС выявление несоответствий не может привести к каким-либо последствиям для члена ВТО, в отношении которого обнаружены несоответствия. Такой член организации не обязан на основании результатов мониторинга изменять

своё национальное регулирование в связи с выявлением несоответствий внутригосударственных мер правилам ВТО. Единственный возможный вариант побудить к изменениям – это использование механизма разрешения споров²⁰.

Другой важный вопрос – возникающая проблема при приостановлении исполнения обязательств по ТРИПС в отношении какого-либо члена ВТО другим членом ВТО в качестве меры, принимаемой при неисполнении тем или иным членом ВТО решения ОРС.

Согласно п. 1 ст. 19 ДСУ в случае признания в ходе рассмотрения конкретного спора той или иной национальной меры, противоречащей «охваченному соглашению»²¹, член ВТО должен привести эту меру в соответствие с данным соглашением.

При невыполнении решения в отношении члена-нарушителя могут быть предприняты такие временные меры, как компенсация и приостановление уступок или других обязательств (ст. 22 ДСУ). Это не является более предпочтительным, чем выполнение в полном объёме решения о приведении меры в соответствие с охваченным соглашением, но вместе с тем часто применяется в практике ВТО и не ограничено во времени конкретными сроками, лишь указанием на применение до тех пор, пока мера, рассматриваемая как несоответствующая охваченному соглашению, не будет отменена, или член ВТО, который должен выполнить решение, не предложит решение, касающееся аннулирования или сокращения выгод, или не будет достигнуто взаимодовлетворяющее решение (п. 8 ст. 22 ДСУ).

Общим правилом выступает приостановление уступок или других обязательств в том же секторе, в котором выявлено нарушение либо другое аннулирование или сокращение выгод (пп. «а» п. 3 ст. 22 ДСУ). Допустимо приостановление уступок или других обязательств как в иных секторах в рамках того же охваченного соглашения (пп. «b» п. 3 ст. 22 ДСУ), так и в рамках другого охваченного соглашения (пп. «с» п. 3 ст. 22 ДСУ). Под «сектором» в данном контексте в отношении интеллектуальной собственности понимается «каждая из категорий прав интеллектуальной собственности, охваченных разделами 1, 2, 3, 4, 5, 6 или 7 части II, или обязательства, предусмотренные частью III или частью IV ТРИПС» (пп. «f» п. 3 ст. 22 ДСУ).

Так, разрешая приостановление обязательств, вытекающих из ТРИПС, ОРС может автоматически допускать то же самое и в отношении отдельных положений Бернской (в ред. 1971 г.), Парижской (в ред. 1967 г.) и Римской конвенций. Имеет ли ОРС на это право? Действуя буквально, в соответствии с правилами ДСУ, да, имеет, в связи с тем что отдельные нормы этих конвенций являются обязательствами членом ВТО. Вместе с тем как орган одной международной организации может принимать решения в отношении норм договоров, администрируемых другой международной организацией, и не быть наделённым полномочиями на подобные действия? Получается, что в самом ДСУ изначально заложено данное противоречие.

Разрешение в отношении неисполнения обязательств, вытекающих из одного международного договора, в таком случае не должно освобождать от исполнения обязательств по другому договору. Тем не менее это может происходить.

В ходе рассмотрения спора Антигуа и Барбуда (далее – Антигуа) против США меры США, влияющие на трансграничную поставку услуг в игорном бизнесе, были признаны несоответствующими положениям Генерального соглашения по

18 См. подробнее: Introduction to Intellectual Property Theory and Practice. London; the Hague; Boston, 1997. P. 626–635.

19 См. подробнее: Талимончик В. П. Механизм разрешения споров в рамках Всемирной организации интеллектуальной собственности // Интеллектуальная собственность в России и ЕС: правовые проблемы: сб. статей / под ред. М. М. Богуславского, А.Г. Светланова. М., 2008. С. 263–284.

20 Resource Book on TRIPS and Development (UNCTAD-ICTSD). P. 749.

21 В соответствии с Дополнением 1 к ДСУ к «охваченным соглашениям» относятся: Соглашение об учреждении ВТО, Многосторонние торговые соглашения (Многосторонние соглашения по торговле товарами, Генеральное соглашение по торговле услугами, ТРИПС, ДСУ), Торговые соглашения с ограниченным кругом участников.

торговле услугами от 15 апреля 1994 г.²² В связи с неисполнением США принятого решения ОРС предоставил Антигуа решение приостановить уступки и обязательства по ТРИПС в отношении США в определённом объёме (в частности, приостановление обязательств, предусмотренных разделами 1, 2, 4, 5, 7 части II ТРИПС)²³.

В деле *European Communities – Regime for the Importation, Sale and Distribution of Bananas* арбитраж, рассматривая обстоятельства спора в соответствии с п. 6–7 ст. 22 ДСУ и планирующееся Эквадором приостановление обязательств по ТРИПС в отношении Европейских Сообществ, занял такую позицию о взаимосвязи приостановления обязательств по ТРИПС и конвенций, администрируемых ВОИС: «Это не в нашей юрисдикции в качестве Арбитров, действующих в соответствии с п. 6 ст. 22 ДСУ, выносить решение о том, будет ли Эквадор, путём приостановления, после получения разрешения от ОРС, определённых обязательств по ТРИПС действовать несовместимо с его международными обязательствами, вытекающими из договоров, кроме охваченных соглашений ВТО (е.g., Парижской, Бернской и Римской конвенций, которые Эквадор ратифицировал)»²⁴. И далее обращено внимание на то, что это всецело дело Эквадора и других сторон таких соглашений решать, создаёт ли выбранная Эквадором форма реализации приостановления обязательств по ТРИПС разногласия в части юридических и практических условий в соответствии с этими договорами²⁵.

Указанная позиция не лишена разумного начала, вместе с тем согласно ст. 26 Венской конвенции 1969 г. каждый действующий договор обязателен для его участников и должен ими добросовестно выполняться. В ДСУ же изначально заложен механизм, подрывающий возможность добросовестно исполнить обязательства по международным договорам, администрируемым ВОИС, в случае приостановления определённых обязательств по ТРИПС.

Другой сходной ситуацией является процедура принятия Конференцией министров или Генеральным советом (в случае осуществления функций Конференции министров в перерывах между её заседаниями) решения об освобождении члена ВТО в исключительных случаях от исполнения обязательств, предусмотренных ТРИПС (п. 3–4 ст. IX Соглашения об учреждении ВТО) (так называемые “waivers”). Данная процедура позволяет члену ВТО отступать от исполнения какого-либо существующего обязательства в рамках участия в ВТО на определённый период и также может затрагивать положения международных договоров, администрируемых ВОИС.

Освобождение от обязательств в соответствии с п. 3–4 ст. IX Соглашения об учреждении ВТО не является широко распространённой процедурой в отношении ТРИПС, хотя и имеет место. В течение длительного периода времени в связи с ТРИПС действует решение, касающееся освобождения от исполнения обязательств, предусмотренных п. “f” и “h” ст. 31 ТРИПС, в связи с участием в так называемой системе пара-

графа 6 (“Paragraph 6 System”) (решение Генерального совета «Имплементация параграфа 6 Дохийской декларации о Соглашении ТРИПС и здравоохранении»²⁶). Кроме того, на основании п. 3–4 ст. IX Соглашения об учреждении ВТО в части наименее развитых стран – членов ВТО принято решение об освобождении от исполнения обязательств, предусмотренных п. 8 и 9 ст. 70 ТРИПС в отношении фармацевтической продукции, действующее до 1 января 2033 г.²⁷

Очень близкой к данному механизму, но имеющая иные правовые основания и процедуру принятия решения, является предусмотренная ТРИПС возможность освобождения от исполнения обязательств, установленных ТРИПС (за исключением ст. 3–5 ТРИПС о национальном режиме и режиме наибольшего благоприятствования) (согласно п. 1 ст. 66 ТРИПС)²⁸.

Такие разрешения не исполнять определённые обязательства в соответствии с ТРИПС затрагивают и исполнение положений Бернской (в ред. 1971 г.), Парижской (в ред. 1967 г.) и Римской конвенций. Что это означает? Могут ли отдельные члены ВТО по разрешению Конференции министров (Генерального совета) или Совета по ТРИПС не исполнять те же самые обязательства согласно Бернской, Парижской и Римской конвенциями? В рамках участия в ВТО в соответствии с ТРИПС могут, но в случае одновременного участия в Бернской, Парижской и Римской конвенциях – нет. В ВОИС не предусмотрено аналогичного механизма освобождения от исполнения обязательств в соответствии с указанными международными договорами по решению какого-либо из органов организации.

В связи с разрешением споров неоднозначным является вопрос участия ВОИС в процедуре разрешения споров по интеллектуальной собственности в рамках ВТО.

ВТО и ВОИС имеют особый статус по отношению друг к другу. С одной стороны, отдельные международные договоры, администрируемые ВОИС, регулируют охрану интеллектуальной собственности в рамках ВТО, и ТРИПС опирается на них. С другой стороны, ВОИС имеет лишь статус наблюдателя

22 СЗ РФ. 2012. Приложение к № 37 (ч. VI). Ст. 2785–2817. – См.: Panel Report и Appellate Body Report по делу United States – Measures Affecting the Cross-Border Supply of Gambling and Betting Services (WT/DS285/R, 10.11.2004 и WT/DS285/AB/R, 07.04.2005).

23 Decision by the Arbitrator по делу United States – Measures Affecting the Cross-Border Supply of Gambling and Betting Services, para. 5.6, 6.1 (WT/DS285/ARB, 21.12.2007); Recourse by Antigua and Barbuda to Article 22.7 of the DSU по делу United States – Measures Affecting the Cross-Border Supply of Gambling and Betting Services (WT/DS285/25, 13.12.2012); Minutes of Meeting of the DSB held on 28.01.2013, para. 6.12 (WT/DSB/M/328, 22.03.2013).

24 Decision of the Arbitrators по делу European Communities – Regime for the Importation, Sale and Distribution of Bananas – Recourse to Arbitration by the European Communities under Article 22.6 of the DSU, para. 152 (WT/DS27/ARB/ECU, 24.03.2000).

25 Ibid.

26 Decision of the General Council of 30 August 2003 “Implementation of Paragraph 6 of the Doha Declaration on the TRIPS Agreement and Public Health” (WT/L/540, 02.09.2003 (совместно с документом WT/L/540/Corr. 1, 29.07.2005)). Данное Решение по параграфу 6 связано с поправкой к ТРИПС, которая вступила в силу 23 января 2017 г. после принятия двумя третями членов ВТО (см. Decision of the General Council of 6 December 2005 “Amendment of the TRIPS Agreement” (WT/L/641, 08.12.2005) (поправка действует только для принявших её членов ВТО, другие члены организации могут прибегать к использованию waiver).

27 Decision of the General Council of 30 November 2015 “Least Developed Country Members – Obligations Under Article 70.8 and Article 70.9 of the TRIPS Agreement with Respect to Pharmaceutical Products” (WT/L/971, 02.12.2015). – Данное решение тесно связано с решением Совета по ТРИПС о продлении переходного периода для наименее развитых стран – членов ВТО, в течение которого к таким членам ВТО не будут предъявляться требования о применении положений ТРИПС в отношении фармацевтической продукции: Decision of the Council for TRIPS of 6 November 2015 “Extension of the Transition Period under Article 66.1 of the TRIPS Agreement for Least Developed Country Members for Certain Obligations with Respect to Pharmaceutical Products” (IP/C/73, 06.11.2015).

28 В настоящее время не предъявляются требования о применении положений ТРИПС (за исключением ст. 3–5 о национальном режиме и режиме наибольшего благоприятствования) только в отношении наименее развитых стран – членов ВТО – до 1 июля 2021 г. в общем и до 1 января 2033 г. – в отношении фармацевтической продукции (разделы 5 и 7 части II ТРИПС). Decision of the Council for TRIPS of 12 June 2013 “Extension of the Transition Period under Article 66.1 for Least Developed Country Members” (IP/C/64, 12.06.2013), Decision of the Council for TRIPS of 6 November 2015 “Extension of the Transition Period under Article 66.1 of the TRIPS Agreement for Least Developed Country Members for Certain Obligations with Respect to Pharmaceutical Products” (IP/C/73, 06.11.2015).

в ВТО и, наоборот, ВТО обладает только статусом наблюдателя в ВОИС, что позволяет принимать участие в процессе консультаций и обсуждений, проходящих в обеих организациях, но не предполагает участие в принятии решений. Возникает предположение о попытке дистанцироваться, которая тем не менее не создаёт «чистую» институциональную автономию обеих организаций по отношению друг к другу по уже указанным выше причинам. И проявляется это в первую очередь в процессе разрешения споров в ВТО.

Договорами и иными документами ВТО не предусмотрено участие ВОИС в рассмотрении споров. Вместе с тем при разрешении конкретных дел, возникающих в связи с ТРИПС, затрагиваются и положения международных договоров, администрируемых ВОИС, что приводит к ситуациям интерпретации группами по разрешению споров и Апелляционным органом, в том числе положений данных договоров. При этом интерпретация такого рода действует только в рамках ВТО.

Группы по разрешению споров и Апелляционный орган нередко обращаются к ВОИС при рассмотрении конкретных дел. Так, запрашивалась и впоследствии использовалась при разрешении конкретных споров фактическая информация о некоторых положениях Бернской конвенции (в ред. 1971 г.)²⁹ и Парижской конвенции (в ред. 1967 г.) (включая выдержки из документов конференций по заключению и пересмотру Парижской конвенции)³⁰; использовались также Руководство к Бернской конвенции, изданное ВОИС в 1978 г.³¹, и документ переговорного процесса по ТРИПС³², содержащий информацию, подготовленную ВОИС в качестве непосредственного участника этого процесса (в соответствии со ст. 32 Венской конвенции 1969 г.)³³, а также публикация ВОИС по Парижской конвенции³⁴.

Кроме того, при ответе на один из запросов ВОИС была произведена собственная оценка статуса организации в рамках процедуры разрешения спора, которая может рассматриваться как общая позиция в отношении участия в механизме разрешения споров ВТО, вытекающих из ТРИПС. Это выразилось в указании на то, что запрос охватывает огромное количество материала, который не доступен в систематизированной форме, в связи с чем любой выбор материала, касающегося рассматриваемого дела, «подразумевает риски интерпретации

материала, которая была бы несовместима с нейтральным статусом ВОИС в отношении спора»³⁵.

Несмотря на такую позицию о нейтральном статусе, ВОИС в одном из дел тем не менее формулирует комментарий о положениях Парижской конвенции, который в научной литературе рассматривается как «юридическая оценка»³⁶ положений конвенции, утверждая, что «хотя некоторые положения Парижской конвенции относятся к концепции собственности на товарный знак..., ни одно положение не решает вопрос, как владелец товарного знака должен быть определен в соответствии с внутренним законодательством государств – участников Парижской конвенции»³⁷.

Из приведённых примеров видно, что группы по разрешению споров ограничивались запросом только фактической информации, а определение собственного статуса ВОИС как «нейтрального» по отношению к механизму разрешения споров ВТО не закреплено ни в одном нормативном документе и носит весьма условный характер.

Ни ДСУ, ни какой-либо иной документ ВТО не обязывает группы по разрешению споров и Апелляционный орган запрашивать информацию или мнения ВОИС, а также учитывать их при разрешении конкретных дел. Вместе с тем участие ВОИС в разрешении споров, связанных с ТРИПС и затрагивающих положения международных договоров, администрируемых ВОИС, могло бы положительно повлиять на процедуру разрешения споров и повысить эффективность реализации положений международных договоров. Однако это будет возможно только в случае создания условий и подходящего механизма в рамках ВОИС для участия организации в разрешении споров в ВТО.

В дополнение к вышесказанному о конкуренции между ВТО и ВОИС необходимо обратить внимание на то, что далеко не по всем вопросам, входящим в предметную сферу деятельности организаций, между ВТО и ВОИС существует конкуренция.

Так, большую роль в обеспечении международной охраны объектов интеллектуальной собственности играет деятельность ВОИС, связанная с функционированием международных систем регистрации некоторых объектов интеллектуальной собственности, создание которых предусмотрено отдельными договорами, администрируемыми ВОИС. Речь идёт о таких системах, как: международная патентная система; Мадридская система международной регистрации знаков; Гагская система международной регистрации промышленных образцов; Лиссабонская система международной регистрации наименований мест происхождения товаров.

Что же касается ВТО, то в рамках организации устанавливается регулирование в отношении прав на изобретения, товарные знаки, промышленные образцы и географические указания, но вопросы их регистрации, за исключением некоторых аспектов, не затрагиваются. ТРИПС регулируются только отдельные аспекты, связанные с регистрацией (см., например, ст. 15, 18–19, п. 3 ст. 22, ст. 38 ТРИПС и др.).

29 Panel Report по делу United States – Section 110(5) of the US Copyright Act, p. 245 (Letter from the Chair of the Panel to the Director General of WIPO), p. 246–258 (Letter from the Director General of WIPO to the Chair of the Panel) (WT/DS160/R, 15.06.2000); Panel Report по делу China – Measures Affecting the Protection and Enforcement of Intellectual Property Rights, para. 2.7–2.9 (WT/DS362/R, 26.01.2009).

30 Panel Report по делу United States – Section 211 Omnibus Appropriations Act of 1998, para. 6.1–6.49 (WT/DS176/R, 06.08.2001); Panel Reports по делу European Communities – Protection of Trademarks and Geographical Indications for Agricultural Products and Foodstuffs, para. 2.16–2.18 (USA) (WT/DS174/R, 15.03.2005), para. 2.16–2.18 (Australia) (WT/DS290/R, 15.03.2005).

31 Panel Report по делу United States – Section 110(5) of the US Copyright Act. – См., напр., para. 6.22, fn 33 (WT/DS160/R, 15.06.2000); Guide to the Berne Convention for the Protection of Literary and Artistic Works (Paris Act, 1971). WIPO Publication No. 615 (E). Geneva, 1978.

32 Note prepared by the International Bureau of WIPO “Existence, Scope and Form of Generally Internationally Accepted and Applied Standards/Norms for the Protection of Intellectual Property” (MTN.GNG/NG11/W/24/Rev.1, 15.09.1988).

33 Panel Report по делу United States – Section 110(5) of the US Copyright Act, para. 6.64 (WT/DS160/R, 15.06.2000).

34 Paris Centenary 1983. The Paris Convention for the Protection of Industrial Property from 1883 to 1983. Geneva, 1983. WIPO Publication No 875 (E).

35 Panel Report по делу United States – Section 110(5) of the US Copyright Act, p. 254 (Note on Certain Questions Regarding the Berne Convention raised by the World Trade Organization (attached to the Letter from the Chair of the Panel to the Director General of WIPO), para. 18) (WT/DS160/R, 15.06.2000).

36 Foltea M. International Organizations in WTO Dispute Settlement: How Much Institutional Sensitivity? New York, 2012. P. 216–217, 218–220.

37 Panel Report по делу United States – Section 211 Omnibus Appropriations Act of 1998, para. 6.41 (WT/DS176/R, 06.08.2001); Appellate Body Report по делу United States – Section 211 Omnibus Appropriations Act of 1998, para. 189 (WT/DS176/AB/R, 02.01.2002).

В связи с деятельностью ВОИС по обеспечению функционирования указанных выше систем регистрации особое место среди норм ТРИПС, относящихся к аспектам регистрации, занимает положение п. 4 ст. 23 ТРИПС, которым в целях облегчения охраны географических указаний для вин (позже к ним добавились и крепкие спиртные напитки) предусматривается проведение переговоров об учреждении многосторонней системы уведомлений и регистрации географических указаний для вин и крепких спиртных напитков. После создания этой системы может возникнуть вопрос о том, как будут соотноситься системы регистрации в рамках ВОИС и ВТО (если этот вопрос не будет разрешён ранее).

По результатам проведённого анализа можно сделать следующие выводы:

1. При последующих пересмотрах международных договоров, администрируемых ВОИС, могут возникнуть различия между существующими обязательствами членом ВТО согласно ТРИПС и обязательствами, появившимися в соответствии с пересмотренным международным договором (при одновременном участии в ТРИПС и принятом акте). В случае возникновения несоответствий между ТРИПС и новыми редакциями должны действовать правила, установленные ст. 30 Венской конвенции 1969 г. При этом с учётом того, что большинство членом ВТО являются также участниками Бернской, Парижской и Римской конвенций, представляется оптимальным разрешить данный вопрос в соглашении между ВОИС и ВТО и предусмотреть при проведении переговоров о пересмотре того или иного акта необходимость учитывать его взаимосвязь с ТРИПС и, таким образом, уже изначально в принимаемом тексте определять, как он будет связан и соотноситься с положениями ТРИПС.

2. Процедуры приостановления обязательств по ТРИПС в соответствии со ст. 22 ДСУ в случае неисполнения решения ОРС, а также принятия решения Конференцией министров (Генеральным советом) об освобождении члена ВТО в исключительных случаях от исполнения обязательств, предусмотренных ТРИПС (п. 3–4 ст. IX Соглашения об учреждении ВТО), и решения Советом по ТРИПС о продлении периода освобождения наименее развитых стран – членом ВТО от исполнения обязательств, установленных ТРИПС (за исключением ст. 3–5 ТРИПС о национальном режиме и режиме наибольшего благоприятствования) (п. 1 ст. 66 ТРИПС), затрагивают и исполнение положений Бернской (в ред. 1971 г.), Парижской (в ред. 1967 г.) и Римской конвенций. Таким образом, органы ВТО могут принимать решения в отношении исполнения положений договоров, администрируемых другой международной организацией, не будучи наделёнными полномочиями на подобные действия. Данные процедуры могут негативно влиять на возможность государств добросовестно исполнять свои обязательства по международным договорам, администрируемым ВОИС.

3. В процессе толкования ТРИПС, которое может осуществляться как Конференцией министров и Генеральным советом, так и группами по разрешению споров и Апелляционным органом, могут интерпретироваться любые положения ТРИПС, включая положения Бернской (в ред. 1971 г.), Парижской (в ред. 1967 г.) и Римской конвенций. При этом толкование договоров, администрируемых одной международной организацией, не может осуществляться органами другой международной организации без наличия специального полномочия. Результаты такой интерпретации будут действовать только в рамках ВТО и не будут иметь юридической силы в рамках ВОИС.

4. Договорами и иными документами ВТО не предусмотрено участие ВОИС в рассмотрении споров. Вместе с тем при разрешении конкретных дел, возникающих в связи с ТРИПС, затрагиваются и положения международных договоров, администрируемых ВОИС, что приводит к ситуациям

интерпретации группами по разрешению споров и Апелляционным органом в том числе положений этих договоров. Ни ДСУ, ни какой-либо иной документ ВТО не обязывает группы по разрешению споров и Апелляционный орган запрашивать информацию или мнения ВОИС, а также учитывать их при разрешении конкретного дела. Вместе с тем участие ВОИС в разрешении споров, связанных с ТРИПС и затрагивающих положения международных договоров, администрируемых ВОИС, могло бы положительно повлиять на процедуру разрешения споров и повысить эффективность реализации положений международных договоров, особенно с учётом того, что собственный механизм обращения в Международный суд ООН оказался недействующим.

5. Из текста Соглашения между ВОИС и ВТО 1995 г. следует, что документ направлен на регулирование только нормативно-технических сторон деятельности организаций. В нём не содержится чёткого определения взаимосвязи между ВОИС и ВТО. Анализ взаимоотношений между двумя организациями и международными договорами, регулирующими сферу охраны интеллектуальной собственности в рамках ВТО, позволяет выявить ряд актуальных проблем, которые требуют решения путём внесения изменений в существующее Соглашение между ВОИС и ВТО 1995 г. или заключения нового договора, в котором должны быть решены следующие вопросы: соотношение компетенции и конкуренции по предметной сфере деятельности, содержательное сотрудничество организаций в отношении развития международно-правового регулирования интеллектуальной собственности, влияние процесса администрирования ВОИС соответствующих международных договоров на ТРИПС, влияние ТРИПС на международные договоры, администрируемые ВОИС (включая вопросы интерпретации международных договоров, администрируемых ВОИС, группами по разрешению споров и Апелляционным органом; влияние решений органов ВТО на международные договоры, администрируемые ВОИС), участие ВОИС в процедуре разрешения споров, в которых затрагиваются положения международных договоров, администрируемых ВОИС, и юридическое значение информации и иных материалов, которые могут быть получены от ВОИС в ходе рассмотрения споров. Все эти вопросы имеют важное значение для функционирования и развития как системы охраны интеллектуальной собственности в рамках ВТО, так и международных договоров, администрируемых ВОИС, а также эффективного и согласованного сотрудничества между ВТО и ВОИС.

Пристатейный библиографический список

1. Талимончик В. П. Механизм разрешения споров в рамках Всемирной организации интеллектуальной собственности // Интеллектуальная собственность в России и ЕС: правовые проблемы: сб. статей / под ред. М. М. Богуславского, А. Г. Светланова. М., 2008. С. 263-284.
2. Foltea M. International Organizations in WTO Dispute Settlement: How Much Institutional Sensitivity? New York, 2012.
3. Introduction to Intellectual Property Theory and Practice. London; the Hague; Boston, 1997.
4. May C. The World Intellectual Property Organization: Resurgence and the Development Agenda. New York, 2007.
5. Okediji R.L. WIPO–WTO Relations and the Future of Global Intellectual Property Norms // Netherlands Yearbook of International Law. Vol. 39. 2008. P. 69-125.
6. Resource Book on TRIPS and Development (UNCTAD-ICTSD). New York, 2005.

ПОКРОВСКАЯ Наталья Владимировна

аспирант кафедры международного права Всероссийской Академии Внешней Торговли

К ВОПРОСУ О РЕЗУЛЬТАТАХ ПРИСОЕДИНЕНИЯ РОССИИ К ВТО И ПЕРСПЕКТИВАХ РАЗВИТИЯ ИНЫХ ФОРМ ТОРГОВОЙ ИНТЕГРАЦИИ

В статье подводятся некоторые итоги присоединения России к ВТО, оцениваются изменения в национальном законодательстве, регулирующие вопросы внешней торговли, и рассматриваются перспективы формирования права ЕАЭС как альтернативы праву ВТО.

Ключевые слова: ВТО, Евразийский экономический союз, международная торговля, интеграция, международный договор.

POKROVSKAYA Natalya Vladimirovna

postgraduate student of International law sub-faculty of the Russian Foreign Trade Academy

ON THE ISSUE OF THE RESULTS OF RUSSIA'S ACCESSION TO THE WTO AND THE PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF OTHER FORMS OF TRADE INTEGRATION

The article summarizes some results of Russia's accession to the WTO, assesses changes in the national legislation regulating foreign trade issues, and examines the prospects for the formation of the EAEC rights as an alternative to the WTO law.

Keywords: WTO, Eurasian Economic Union, international trade, integration, international treaty.

Покровская Н. В.

По истечении пяти лет с момента присоединения России к ВТО можно констатировать, что, во-первых, скептические прогнозы относительно негативного изменения состояния национальной экономики не оправдались¹, а во-вторых, что признание России членом ВТО опосредованно воздействовало на международный экономический правопорядок². В условиях действия «экономических санкций» со стороны ряда иностранных государств Россия активно способствует развитию иных интеграционных объединений, в частности, Евразийского экономического союза, с помощью чего существенно минимизируются отрицательные последствия введенных ограничений доступа отечественных товаров на зарубежные рынки.

Как известно, переговоры относительно присоединения России к ВТО, заняли длительный период, и это способствовало постепенному приведению национального законодательства в соответствие нормам права ВТО. Например, еще в 2003 г. отношения в области государственного регулирования внешнеторговой деятельности получили новую регламентацию, т.е. законодательство подверглось кардинальной переработке³ (в общей сложности было пересмотрено более ста федеральных законов и огромное количество подзаконных актов). Существенные изменения вносились в законодательство, регулирующее порядок оказания услуг, инвестиционную деятельность, особенности функционирования рынка труда. Вследствие этого созданные нормы кардинально не пересма-

тривались после ратификации Протокола о присоединении России к ВТО.

В то же время, корректировки российского законодательства производились с учетом более значимых целей, нежели приведение в соответствие с нормами права ВТО. Такими целями, бесспорно, стали масштабное обновление системы действующего правового регулирования и создание эффективно работающего механизма управления национальной экономикой. Присоединение к ВТО играло при их достижении роль одного из катализаторов.

После ратификации Протокола о присоединении России к ВТО произошла имплементация пакета соглашений ВТО в национальное законодательство. С учетом этого были произведены дальнейшие корректировки законодательства (например, об осуществлении закупок для государственных нужд). Из этого можно заключить, что присоединение России к ВТО сопровождалось процессом гармонизации национальной правовой системы. С другой стороны, необходимая степень самостоятельности, проявленная в ходе многолетних переговоров с ВТО, позволила не только отстаивать экономический суверенитет, но и создать правовые способы асимметричных мер, предпринимаемых в ответ на современную практику установления «санкций» иностранными государствами в отношении российских товаропроизводителей или граждан.

Например, ст. 3 Федерального закона «О специальных экономических мерах»⁴ допускает временное применение специальных экономических мер, необходимых для обеспечения интересов и безопасности страны, устранения или минимизации угрозы нарушения прав и свобод граждан. Эти меры носят исключительный характер и могут быть отменены в случае устранения обстоятельств, в связи с которыми они вводились. Этот закон соответствует нормам права ВТО, а именно ст. XX ГАТТ; более того, за десять лет с момента его принятия он ни

1 Завгородний А. Ф., Лукинова Н. Н., Полянина А. И. Экономические и социальные последствия присоединения России к ВТО // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. – 2016. – № 1. – С. 42-47.

2 Шумилов В. М. Эволюция современного международного экономического правопорядка // Евразийский юридический журнал. – 2016. – № 3. – С. 63-71.

3 Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности: Федер. закон от 08.12.2003 № 164-ФЗ [принят Гос. Думой 21.11.2003] (по сост. на 13.07.2015) // Рос. газ. – 2003. – 18 дек.

4 О специальных экономических мерах: Федер. закон от 30.12.2006 № 281-ФЗ [принят Гос. Думой 22.12.2006] // Рос. газ. – 2007. – 10 янв.

разу не подвергался корректировке, в том числе, и после ратификации Протокола о присоединении России к ВТО. Кроме того, в 2014-2017 гг. был принят целый ряд подзаконных актов, ограничивающих доступ товаров импортного производства на российский рынок (например, указ Президента РФ от 6 августа 2014 г. № 560 «О применении отдельных специальных экономических мер в целях обеспечения безопасности РФ»). Все они отвечают принципу взаимности и являются адекватным ответом на недружественные действия иностранных государств, имеющие не экономическую, а откровенно политическую подоплеку. При этом их правомерность не может быть поставлена под сомнение с помощью норм права ВТО. Иными словами, присоединение России к ВТО не только способствовало совершенствованию национального законодательства, но и предоставило некоторые новые возможности для утверждения государственного суверенитета.

В контексте дальнейшего развития отношений с ВТО и странами, являющимися ее членами, имеет значение еще одно обстоятельство. В современный период существует определенный диссонанс между процессом унификации правил, регулирующих вопросы международной торговли, и их дифференциации, возникающей вследствие развития иных интеграционных объединений⁵. Для России таковым стал, в первую очередь, Евразийский экономический союз. Исходя из ст. 6 Договора о ЕАЭС (определение «права Союза»), Протокол о присоединении России к ВТО является составной частью «права ЕАЭС» – как международный договор, заключенный членом Союза с третьей стороной. В силу ч. 3 ст. 6 Договора о ЕАЭС решения и распоряжения органов ЕАЭС не должны противоречить нормам Протокола, однако это обстоятельство в целом не исключает формирования права ЕАЭС как альтернативы праву ВТО. Кроме того, членство в ВТО не лишает возможности участия в иных интеграционных объединениях.

В Договоре о ЕАЭС указаны источники права Союза: Договор о ЕАЭС, международные договоры в рамках Союза (заключенные между государствами-участниками Союза), международные договоры Союза с третьей стороной (в качестве которой могут выступать государства, присоединяющиеся к Союзу в будущем, а также, как представляется, и международные организации, в том числе, ВТО, и государства-члены ВТО в случае заключения международных договоров с ЕАЭС), а также решения и распоряжения органов Союза. При этом стройность и непротиворечивость права Евразийского Союза обеспечивается признанием верховенства Договора о ЕАЭС над иными источниками правового регулирования, указанными в ст. 6 Договора.

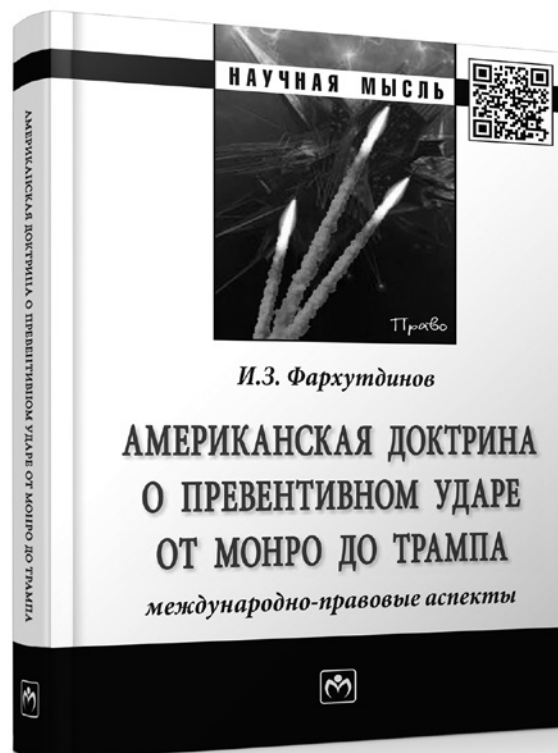
Договор о ЕАЭС вобрал в себя правопонимание, которое положено и в основу права ВТО, в том, что касается регулирования международной торговли. И в этом смысле Договор кодифицировал и унифицировал нормативную базу международной торговли в рамках ЕАЭС так же (или адекватно тому), как это было сделано в праве ВТО и нашло отражение в Протоколе о присоединении России к ВТО. При этом по ряду позиций правовое регулирование, установленное Договором о ЕАЭС, выглядит более полным и совершенным (например, в приложениях к Договору раскрыты вопросы фитосанитарного, технического и иного характера, касающиеся качества и безопасности продукции).

Очевидно, что ЕАЭС играет роль экономической, институциональной и правовой основы для интеграции на пост-

советском пространстве на основе общих цивилизационных ценностей и интересов. В этом качестве ЕАЭС призван стать одной из опор «пророссийского полюса» в новом – многополярном – мироустройстве. С использованием ЕАЭС (и некоторых других организаций/параорганизаций) предстоит переформатировать систему международных отношений и векторы глобализации. Не исключено, что через посредство ЕАЭС рано или поздно удастся воздействовать на дальнейшее развитие системы ВТО.

Пристатейный библиографический список

1. Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности: Федер. закон от 08.12.2003 № 164-ФЗ [принят Гос. Думой 21.11.2003] (по сост. на 13.07.2015) // Рос. газ. – 2003. – 18 дек.
2. О специальных экономических мерах: Федер. закон от 30.12.2006 № 281-ФЗ [принят Гос. Думой 22.12.2006] // Рос. газ. – 2007. – 10 янв.
3. Завгородний А. Ф., Лукинова Н. Н., Полянина А. И. Экономические и социальные последствия присоединения России к ВТО // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. – 2016. – № 1. – С. 42-47.
4. Шумилов В. М. Эволюция современного международного экономического правопорядка // Евразийский юридический журнал. – 2016. – № 3. – С. 63-71.
5. Шумилов В. М. Глобальная нормативная система и ее составляющие // Государство и право. – 2017. – № 4. – С. 72-78.

5 Шумилов В. М. Глобальная нормативная система и ее составляющие // Государство и право. – 2017. – № 4. – С. 72-78.

КВАЧАХИЯ Рональд Гиевич

начальник отдела жилищно-коммунального хозяйства и благоустройства управы района Печатники города Москвы, аспирант кафедры международного права Российского университета дружбы народов

ПРОБЛЕМЫ В ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ ВЫНУЖДЕННОЙ МИГРАЦИИ В ЕВРОПЕЙСКОМ СОЮЗЕ

В статье рассматриваются вопросы правового регулирования вынужденной миграции в Европейском союзе на фоне продолжающегося миграционного кризиса (European refugee crisis), который в последнее время испытывает Европа. Миграционный кризис обострил и без того бурные дискуссии и привел к необходимости рассмотреть возможные пути реформирования институциональных основ единства ЕС. На основе исследования предпринятых Европейским союзом мер по преодолению последствий массовой вынужденной миграции, автор обобщает правовые документы, которыми сегодня регулируется сфера вынужденной миграции в ЕС и приходит к выводу об их неэффективности.

Ключевые слова: вынужденная миграция, убежище, правовое регулирование вынужденной миграции в странах Европейского союза, миграция в Европе, миграционный кризис Европейского союза.

KVACHAKHIYA Ronald Gievich

Head of the Department of housing and communal services and improvement of the administration of the Pechatniki district of Moscow, postgraduate student of International law sub-faculty of the People's Friendship University of Russia

ISSUES OF THE LEGAL REGULATION OF FORCED MIGRATION IN EUROPEAN UNION

The article deals with the legal regulation of forced migration in the European Union against the background of the ongoing migration crisis (European refugee crisis) which Europe recently experienced. The migration crisis has exacerbated the already heated debate and has led to the need to consider possible ways of reformatting the institutional foundations of EU unity. Based on the study of measures on overcoming the consequences of mass forced migration undertaken by the European Union, the author summarizes the legal documents which today regulate the field of forced migration to the EU and comes to the conclusion about their ineffectiveness.

Keywords: forced migration, asylum, legal regulation of forced migration in the European Union, migration in Europe, the migration crisis of the European Union.

Правовое регулирование миграционных процессов в Европейском союзе в современных условиях становится, как никогда актуальным. Особо остро миграционный кризис в Европе проявился в 2015 году, когда более одного миллиона человека были вынуждены покинуть свои дома и искать убежища в странах Европейского союза. Следует отметить, что это был не первый кризис для объединенной Европы, однако, он выделяется среди других числом вынужденных мигрантов, которые при этом обратились за статусом беженцев. Статистика говорит о следующем: количество ходатайств с просьбой предоставить убежище в 2013 году, составляло 431 тыс. человек, в 2014 году этот показатель составил 627 тыс. человек, а уже в 2015 году, число лиц обратившихся за убежищем составило 1,3 млн. человек¹, что, безусловно, не могло не вызвать беспокойства со стороны государств-членов ЕС.

Общее увеличение вынужденных мигрантов было причиной таких конфликтов, как «арабская весна» и конфликта в Сирии. Также на рост миграции влияние оказали до сих пор нерешенные конфликты в Иране, Бурунди, Ливии, Йемене, Нигерии и других странах. Самое большое число вынужденных мигрантов было сконцентрировано в Турции, что сделало данную страну первой в мире по числу принятых беженцев. Собственно Турция и стала транзитным коридором для ми-

грантов, следовавших в Европу в 2015 году, что составило порядка 80 % от общего числа вынужденных мигрантов².

Вопросы миграции поднимались в праве Европейского союза с момента его создания. Первоначально основу правового регулирования вынужденной миграции, и миграции, вообще, составили Договор о функционировании Европейского союза от 25.03.1957 года³, где были сформулированы общие цели политики ЕС в отношении третьих стран по вопросам убежища и временной защиты мигрантов из третьих стран, которые в таковой нуждаются. В Женевской Конвенции о статусе беженцев 1951 года о статусе беженцев⁴ и Протоколе, касающемся статуса беженцев 1967 года⁵, в основу был положен принцип о необходимости защиты беженцев и перемещенных лиц, которые не могут по тем или иным причинам

Квачахия Р. Г.

1 Eurostat. Asylum Statistics 20 April 2016. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php/Asylum_statistics (дата обращения: 03.03.2018 г.).

2 Over One Million Sea Arrivals Reach Europe in 2015. UNHCR. 30.12.2015. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.unhcr.org/5683dob56.html> (дата обращения: 03.03.2018 г.).

3 Договор о функционировании Европейского Союза от 25.03.1957 года (в редакции Лиссабонского договора 2007 года) (2016/C 202/01). Консолидированная версия Договора о функционировании Европейского Союза (2016/C 202/01) (1). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://base.garant.ru/71715364/> (дата обращения: 04.03.2018 г.).

4 Конвенция о статусе беженцев от 28.07.1951 года // Действующее международное право. Сборник документов в 3-х томах. Т. 1. Сост. Ю. М. Колосов, Э. С. Кривчикова. М. 1996. С. 283-299.

5 Протокол, касающийся статуса беженцев от 31.01.1967 года // Бюллетень международных договоров. 1993. № 9. С. 28-31.

вернуться в свою страну как по политическим, так и по иным мотивам.

Позднее, в 1985 году принимаются Соглашение о постепенной отмене проверок на общей границе 1985 года⁶ и Конвенция о применении Шенгенского соглашения о постепенной отмене проверок на общих границах в 1990 году⁷. А в 1997 году был принят Амстердамский договор о внесении изменений в Договор о Европейском союзе и Договор об учреждении Европейского сообщества 1997 года⁸, в котором вопросы убежища, виз и пр., были положены в основу раздела IV договора, где вопросы миграции были отнесены к общему ведению ЕС и государств-членов ЕС.

С принятием Лиссабонского договора о внесении изменений в Договор о Европейском союзе и Договор об учреждении Европейского сообщества 2007 года⁹ политика по вопросам границ, миграции и убежищ была решена посредством указания на необходимость принятия решений квалифицированным большинством голосов. Была обозначена и необходимость постепенного учреждения единой политики в области миграции.

С 1999 года регулярно принимались программные документы, которые легли в основу вторичного права ЕС по вопросам миграции, например, Пятилетние планы, принятые в Тампере в 1999 году¹⁰ и в Гааге в 2004 году¹¹, Сообщение «Общая иммиграционная политика для Европы: принципы, действия и инструменты» 2008 года¹² (были обозначены десять принципов, механизмы мониторинга, оценки и усиления управления миграцией всеми странами-участниками ЕС), План деятельности «Убежище»: интегрированный подход к защите по всей Европе» 2008 г.¹³, а также Европейский пакт об иммиграции и убежище 2008 года¹⁴.

С 2005 года были разработаны документы глобального подхода в отношении отдельных регионов мира, например, Глобальный подход к миграции 2005 года в отношении Африки и Средиземноморья,¹⁵ Сообщение Европейской Комиссии 2007 года «Применение глобального подхода к миграции к

регионам, граничащим с ЕС с Востока и Юго-Востока»¹⁶, обновленный «Глобальный подход к миграции и мобильности» 2011 года¹⁷.

Среди актов вторичного права особый интерес представляет Директива ЕС № 2004/83 о минимальных стандартах квалификации беженцев из третьих стран в качестве беженцев 2004 года¹⁸, в которой установили не просто минимальные стандарты квалификации граждан третьих стран и апартеидов в качестве беженцев, но и ввели различие между данными лицами и лицами, которые нуждаются в международной защите. Так, понятие беженец данная директива определяет в полном соответствии с Женевской конвенцией о статусе беженцев 1951 года и Протоколом, касающемся статуса беженцев 1967 года, а лица, нуждающиеся в международной защите, таким критериям не отвечают. К таковым в директиве относят лишь тех лиц, которым на родине угрожает смертный приговор, пытки, бесчеловечное отношение, насилие при международных либо внутренних конфликтах. При этом определили, что статус беженца можно прекратить в случае отсутствия угрозы преследования и, если в стране гражданства лицу гарантируется защита¹⁹.

Подобные цели преследует и Директива ЕС № 2003/920 о статусе лиц, ищущих убежище 2003 года (следует обратить внимание, что от исполнения данной Директивы отказалась Ирландия). К основному принципу этого документа отнесли гарантию достоинства человека на всей европейской территории. Для этого государство-член ЕС, которым предоставляется убежище тому или иному лицу, принимает на себя обязательство предоставить ему еду, жилье, одежду и медицинскую помощь.

Немаловажное значение в правовом регулировании вынужденной миграции в ЕС имеет Регламент Совета Европейского союза № 343/2003 ЕС от 18.02.2003 года, устанавливающий критерии и механизм определения государств-членов ЕС, ответственных за проверку запросов о предоставлении убежища, поданных гражданами третьих стран²¹. В документе установили механизмы и критерии по определению государства, которое компетентно в рассмотрении запроса гражданина третьей страны о предоставлении убежища в одном из государств-членов ЕС.

Регулирование миграционных процессов постепенно становится приоритетным направлением деятельности ЕС и значимым пунктом политической повестки дня. ЕС взял курс на формирование всеобъемлющей миграционной политики, что привело к значительному увеличению объема законодательства в области регулирования миграционных процессов, в том числе и вопросов вынужденной миграции. С 2013 года европейские государства начинают придавать вынужденной миграции настолько большое значение, что это привело к снижению внимания даже к внутренним проблемам ЕС в части налогов, пенсионного обеспечения и образования²².

6 Конвенция о применении Шенгенского Соглашения от 14 июня 1985 года между правительствами государств экономического союза Бенилюкс, Федеративной республики Германии и Французской республики «О постепенной отмене проверок на общих границах» (Шенгенская конвенция) от 19.06.1990 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 04.03.2018 г.).

7 Конвенция о применении Шенгенского соглашения от 14 июня 1985 года между правительствами государств Экономического союза Бенилюкс, Федеративной Республики Германии и Французской Республики о постепенной отмене проверок на общих границах» (Шенгенская конвенция) 19.06.1990 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 04.03.2018 г.).

8 Protocol (№ 2) integrating the Schengen acquis into the framework of the European Union (1997) // OJ C 321 E/191, 29.12.2006.

9 Лиссабонский договор о внесении изменений в Договор о Европейском союзе и Договор об учреждении Европейского сообщества от 13 декабря 2007 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://eulaw.ru/treaties/lisbon> (дата обращения: 04.03.2018 г.).

10 Presidency conclusions, Tampere European Council, 15-16 October 1999 // SN 200/99. Brussels, 1999.

11 The Hague Programme: strengthening freedom, security and justice in the European Union, 4 November 2004 // OJ C 53/1, 3.3.2005(a).

12 Сивопляс А. В. Правовые основы иммиграционной политики Евросоюза. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.eurasialegal.info/index.php?option=com_content&view=article&id=5245:2017-04-27-06-15-34&catid=281:2014-02-18-05-06-17&Itemid=1 (дата обращения: 04.03.2018 г.).

13 Шапиев К. А. Международно-правовые основы миграционной политики в Европейском Союзе. Диссертация ... кандидата юридических наук. М., 2011. 155 с.

14 European pact on immigration and asylum // Presidency Conclusions, document 14368/08. The Pact itself is in document 13440/08.

15 Скопич О. А. Миграционная ситуация в южном и восточном средиземноморье на 2006-2007 годы. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.iimes.ru/?p=6642> (дата обращения: 04.03.2018 г.).

16 Биссон Л. Миграционный кризис в ЕС два года спустя, что дальше? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/migratsionnyy-krizis-v-es-dva-goda-spustya-chto-dalshe/> (дата обращения: 05.03.2018 г.).

17 Там же.

18 Директива ЕС № 2004/83 о минимальных стандартах квалификации беженцев из третьих стран в качестве беженцев. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://bezhenecssr.livejournal.com/12930.html> (дата обращения: 04.03.2018 г.).

19 Киселева Е. В. Международно-правовое регулирование миграции: учебное пособие для бакалавриата и магистратуры. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2018.

20 Директива ЕС № 2003/9/ от 27 января 2003 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/22211> (дата обращения: 05.03.2018 г.).

21 Регламент Совета Европейского союза № 343/2003 ЕС от 18.02.2003 года, устанавливающий критерии и механизм определения государств-членов ЕС, ответственных за проверку запросов о предоставлении убежища, поданных гражданами третьих Стран. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://base.garant.ru/70417686/> (дата обращения: 26.03.2018 г.).

22 Standard Eurobarometer 80 Autumn 2013. Public Opinion in the European Union. European Commission. Brussels, 2013. P. 12.

В соответствии с данными Международной организации по миграции (МОМ) в 2013 году порядка 3 тысяч мигрантов, среди которых были, в том числе и вынужденные мигранты, погибли, пытаясь попасть в страны ЕС через Средиземное море²³. Трагедия оказала сильное влияние на все мировое сообщество, что и стало отправной точкой для изменения всей миграционной политики.

В оперативном порядке стали предпринимать меры для предотвращения повторения трагедии. На Саммите ЕС в Брюсселе 25.10.2013 года главы государств-членов ЕС сделали заявление, в частности, отметив, что «мы должны предпринять решительные действия, чтобы люди не погибали в море и подобные трагедии больше не повторялись»²⁴. В 2013 году принимается Декларация по итогам диалога на высоком уровне по вопросу о международной миграции и развитии от 03.10.2013 года²⁵, где была обозначена необходимость эффективной работы в отношении международной миграции с учетом соблюдения прав человека за счет улучшения деятельности уже существующих институтов и структур.

В этот же период времени на сессии в Страсбурге принимаются новые правила спасения мигрантов в воде и на суше в рамках операций, координируемых Фронтекс (Европейское агентство по охране внешних границ ЕС) 2013 года²⁶. В соответствии с указанным документом мигранта до выяснения его личности нельзя высылать из той или иной страны ЕС, если его жизни угрожает какая-либо опасность. Ответственность за жизнь и судьбу мигранта возлагается на государство, которое взяло мигранта на борт своего судна, при этом Фронтекс может пользоваться помощью координационного центра для определения места высадки мигранта.

В мае 2014 г. Европейское бюро по оказанию поддержки просителям убежища (ЕБПУ) начало сотрудничество с Иорданией, Тунисом и Марокко, которые приняли решение помогать Фронтекс по патрулированию границ ЕС на море.

В июле 2014 года были опубликованы данные статистики о предоставлении убежища в странах ЕС, в частности, в докладе указали, что больше всего просителей убежища было зарегистрировано из Сирии, а именно: в 2013 г., на 109 % больше, нежели в 2012 году²⁷.

В целом политика ЕС в отношении миграции, в том числе и вынужденной, является составной частью формирования пространства свободы, безопасности и правосудия на континенте. Принципы и направления развития процессов миграции обсуждались на саммитах в разные годы, на которых принимались программы совместных действий. В то же время, как верно отмечает О. Ю. Потемкина, важной причиной того, что сегодня нет взаимопонимания между институтами ЕС и странами-участницами, является разрыв между концептуальными и практическими воплощениями программ²⁸. А ведь именно отсутствие единства в позициях и привело в последнее время к обострению кризиса вынужденной миграции в страны ЕС.

ЕС на протяжении всего анализируемого периода пытается выработать сколь-нибудь действенные положения в отношении вынужденной миграции. В апреле 2015 года был принят антикризисный план, был расширен мандат Фронтекс в проведении операций Европейским бюро по вопросам предоставления убежища и Евроекста по борьбе с организаторами

перевозок мигрантов. В Варшаве на саммите НАТО в 2016 году, обсудили вопросы контроля потока беженцев с Ближнего Востока и вопросы противодействия терроризму, угрозе, которая пришла в ЕС вместе с потоками вынужденных мигрантов.

В Марте 2016 года ЕС заключил соглашение с Турцией по вопросам урегулирования кризиса с беженцами²⁹. Согласно этому положению было позволено часть вынужденных мигрантов депортировать из Греции в Турцию, взамен Турции была обещана финансовая помощь, обещание безвизового режима и возобновление переговоров относительно членства Турции в ЕС³⁰.

Как представляется, такое решение вовсе не решает вопроса вынужденной миграции и миграции, вообще, тем самым ЕС чужими руками, в данном случае посредством Турции, решил избавиться от части мигрантов, тем самым оградив себя и от необходимости решать их проблемы. Таким образом, ЕС на территории Турции создает своего рода буферную зону, где будут накапливаться потоки мигрантов, а что с ними делать далее, по всей видимости, решать в конечном итоге придется Турции.

Нет единства в отношении вынужденной миграции и в самом ЕС. Например, еще в 2014 году отдельные страны ЕС отказались финансировать операцию *More Nostrum*, которая предназначена для сдерживания миграции в страны ЕС у границ Африки. Также следует обратить внимание на отказ выполнять Дублинское соглашение 2013 года³¹ со стороны Германии, в которых предусмотрено, что ответственность за предоставление убежища лежит на той стране, чью границу изначально пересек беженец. Данные соглашения предусматривали две цели, во-первых, лишить возможности мигранта претендовать несколько раз на получение убежища в ЕС, а во-вторых, блокировать перемещение мигрантов, в другие страны, если они получили отказ в убежище³².

Интересно, что рассматриваемые соглашения изначально были приняты всеми странами ЕС, также к ним присоединилась Норвегия и Швейцария. Однако данные соглашения неоднократно критиковались, так как основное бремя в данном случае по принятию к себе беженцев ложилось на приграничные страны. Как результат, в 2015 году Венгрии перегруженная просьбами об убежище объявила, о приостановке действий Дублинских соглашений. Однако Правительства Чехии и Германии добровольно согласились принять к себе выходцев из Сирии. Другие страны выступили против каких-либо изменений в Дублинских соглашениях 2013 года, опасаясь того, что Еврокомиссия введет новые квоты для стран ЕС по приему вынужденных мигрантов.

Таким образом, сформировавшееся правовое регулирование вынужденной миграции в ЕС оказалось непригодным в современных условиях. Проблемы вынужденной миграции в страны ЕС за последние годы так и не получилось решить. Кроме того, у европейских государств не получается выработать общий курс политики в отношении миграции. Брюссель оказывает все большее давление на страны-участницы, требуя от них размещать все больше мигрантов, отчего одна за одной европейские страны отказываются.

2017 год показал, что правовое регулирование процессов вынужденной миграции в ЕС не оказывает сколь-нибудь существенного влияния на волну миграции. Например, 26.06.2017 года, группа мигрантов в количестве 400 человек предприняли попытку прорваться на территорию Италии через Францию, в связи с чем власти Франции были вынуждены направить на

23 Bulletin Quotidian Europe 11165. 30.09.2014.

24 European Council. 24-25 October 2013. Conclusions. Brussels. 25 October 2013. P. 17-18.

25 Декларация по итогам диалога на высоком уровне по вопросу о международной миграции и развитии. Принята резолюцией 68/4 Генеральной Ассамблеи от 3 октября 2013 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/migrationdevelop.shtml (дата обращения: 04.03.2015 г.).

26 Дрожжина Е. В., Грачёва М. Л. Миграционные проблемы в Европе и пути их решения // Под ред. Н. Б. Кондратьевой (отв. ред.), О. Ю. Потемкиной. М.: Институт Европы РАН, 2015. 144 с.

27 European Asylum Support Office. Annual Report. Situation of Asylum in the European Union 2013. EASO 2014. P. 7.

28 Кондратьева Н. Б. Миграционные проблемы в Европе и пути их решения // Отв. ред. Потемкина О. Ю. М.: Институт Европы РАН, 2015. С. 126.

29 Филатова И. Соглашение ЕС и Турции по беженцам: спорные вопросы остаются. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.dw.com> (дата обращения: 05.03.2018 г.).

30 Право европейского союза: учебник и практикум для бакалавриата и магистратуры / под ред. А. Х. Абашидзе, А. О. Иншаковой. М.: Издательство Юрайт, 2017.

31 Dublin III Regulations (Regulation (EU) No 604/2013 of the European Parliament and of the Council of 26 June 2013). Official journal of the European Union, L (180/31), 2013.

32 Reforming the Common European Asylum System: The New European Refugee Law. V. Chetail, P. De Bruycker, F. Maiani, eds. Boston, Brill/Nijhoff, 2016. 541p. // DOI:10.163/9789004308664.

границу жандармерию, что позволило рассеять мигрантов при помощи применения слезоточивого газа, однако, такие меры, по нашему мнению, не согласуются с установленными правилами о необходимости оказывать мигрантам всеческое содействие, в том числе и посредством предоставления еды и жилья. Тем самым сегодня ЕС вынужден нарушать свои же правила. Растет число прибывающих вынужденных мигрантов в Италию, по сравнению с 2016 годом, их стало больше на 20 %, при этом мигранты не остаются в Италии, а пытаются попасть на территорию Франции и Германии, в связи с тем, что последние установили довольно щедрые социальные гарантии³³.

Тем самым сегодня наблюдается тенденция углубления внутренних противоречий между государствами-членами ЕС, продолжается противостояние Западной и Восточной Европы по миграционным вопросам³⁴. В ближайшее время европейским лидерам придется найти ответ на вопрос, что для них будет важнее свое, собственное развитие, сохранение культурной и национальной идентичности или же выполнение общеевропейских обязательств, что сегодня больше напоминает шантаж со стороны Брюсселя.

Таким образом, можно сделать следующий вывод:

Сегодня, когда основную массу мигрантов в ЕС составляют вынужденные мигранты, беженцы из стран Африки и Азии, которые массово прибывают в Европу в последние годы, действующие правовые нормы оказываются неспособными противостоять данному процессу и попросту не работают. Дальнейшая попытка ЕС реализовать данные меры миграционной политики приведет исключительно к кризису на рынке труда, снизятся доходы населения, еще больше вырастит преступность, в том числе и в таком ее проявлении как терроризм, значительно увеличится нагрузка на системы социального обеспечения.

По нашему мнению, следует предложить ЕС прекратить решать вопросы вынужденной миграции ситуативно, применительно к возникающим отдельным миграционным проблемам в той или иной стране ЕС. Не могут давать положительных результатов и точечные соглашения с отдельными Африканскими странами. Представляется, что проблема вынужденной миграции – это, прежде всего, проблема обеспечения безопасности в масштабе всего мира. Для решения вопросов вынужденной миграции следует идти не по пути ужесточения законодательства в данной области, а по пути сотрудничества между государствами, в том числе и не входящими в ЕС в части урегулирования возникающий в разных точках мира конфликтов. Если будет решен внутренний конфликт, в той же Сирии, это как следствие приведет и к значительному снижению вынужденных мигрантов из этой страны. Однако сегодня в данных вопросах ЕС занимает неконструктивную позицию. Например, в кризисе с Сирией значительно содействие в преодолении вынужденной миграции из этой страны может оказать Россия, посредством установления мира в данном регионе, однако, Европейский Союз занимается санкционными вопросами против России, которая в одиночку пытается справиться с сирийским кризисом, что, как следствие, не дает положительных результатов.

Таким образом, в правовом регулировании вынужденной миграции в Европейском Союзе накопилось очень много проблем, для решения которых достижения более весомых результатов в данной области жизнедеятельности ЕС, как нам представляется, предстоит предпринимать более решительных шагов в этом направлении, в том числе:

Вступить в конструктивный диалог с Россией в отношении решения кризиса в Сирии;

- начать диалог с ведущими странами мира, в том числе в рамках ООН и других международных межправительственных организаций, включая региональные международные организации, по урегулированию ситуации в Ливии, Ираке, Афганистане и Эритрее;

- прекратить решать вопросы миграции, в том числе и вынужденной ситуативно (точечно), применительно к перманентно возникающим миграционным проблемам;

- приступить к разработке и принятию единого нормативно-правового акта в отношении миграции, который будет учитывать интересы всех без исключения стран, входящих в ЕС, для чего Брюсселю следует отказаться от роли «плохого полицейского»;

- оказывать невоенную поддержку в конфликтах, возникающих на территории Африки и Ближнего Востока;

- значительно уменьшить размеры пособий, которые сегодня предоставляются мигрантам, что даст возможность стимулировать их быстрее интегрироваться в европейское сообщество и поможет уменьшить потоки миграции в страны ЕС;

- в содружестве третьими государствами в полной мере содействовать мерам по борьбе с новыми угрозами безопасности, такими, как терроризм, религиозный экстремизм и сепаратизм.

Только комплекс мер и конструктивный диалог могут привести к сколь-нибудь видимым результатам в борьбе с вынужденной миграцией, в противном случае недалек тот день, когда мы будем наблюдать еще не один «Брексит» о выходе из ЕС.

Пристатейный библиографический список

1. Дрожжина Е. В., Грачёва М. Л. Миграционные проблемы в Европе и пути их решения. // Под ред. Н. Б. Кондратьевой (отв. ред.), О. Ю. Потемкиной. М.: Институт Европы РАН, 2015. 144 с.
2. Киселева Е. В. Международно-правовое регулирование миграции: учебное пособие для бакалавриата и магистратуры. — 3-е изд., испр. и доп. М.: Издательство Юрайт, 2018.
3. Кондратьева Н. Б. Миграционные проблемы в Европе и пути их решения // Отв. ред. Потемкина О. Ю. М.: Институт Европы РАН, 2015.
4. Право международных организаций. Региональные, межрегиональные, субрегиональные межправительственные организации: учебник для бакалавриата и магистратуры / под ред. А. Х. Абашидзе, А. М. Солнцева. М.: Издательство Юрайт, 2018.
5. Сивопляс А. В. Правовые основы иммиграционной политики Евросоюза. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.eurasialegal.info/index.php?option=com_content&view=article&id=5245:2017-04-27-06-15-34&catid=281:2014-02-18-05-06-17&Itemid=1 (дата обращения: 04.03.2018 г.).
6. Филатова И. Соглашение ЕС и Турции по беженцам: спорные вопросы остаются. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.dw.com> (дата обращения: 05.03.2018 г.).
7. Шапиев К. А. Международно-правовые основы миграционной политики в Европейском Союзе // Диссертация ... кандидата юридических наук. М.: РУДН, 2011. 155 с.
8. Reforming the Common European Asylum System: The New European Refugee Law. V. Chetail, P. De Bruycker, F. Maiani, eds. Boston, Brill/Nijhoff, 2016. 541p. // DOI:10.163/9789004308664.

33 Полонский И. Миграционная политика развалит Евросоюз. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://topwar.ru/119088-migracionnaya-politika-razvalit-evrosyuz.html> (дата обращения: 05.03.2018 г.).

34 Право международных организаций. Региональные, межрегиональные, субрегиональные межправительственные организации: учебник для бакалавриата и магистратуры / под ред. А. Х. Абашидзе, А. М. Солнцева. М.: Издательство Юрайт, 2018.

БАЖЕНОВА Вероника Александровна

студент кафедры европейского права международно-правового факультета МГИМО (У) МИД России

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЕВРОПЕЙСКОГО КОМИТЕТА ПО СИСТЕМНЫМ РИСКАМ

Глобальный финансовый кризис 2008-2009 гг. застал Европейский союз врасплох: финансовые регуляторы Европейского союза оказались не в состоянии эффективно реагировать на возникшую кризисную ситуацию. Был начат новый этап реформы, который выразался в том числе в реформировании существующей системы финансового регулирования. Реформа предполагала создание нового органа – Европейского комитета по системным рискам, анализу деятельности которого посвящена данная статья.

Ключевые слова: Европейский союз, европейское финансовое право, европейский финансовый рынок, Европейский комитет по системным рискам, интеграция, системный риск.

BAZHENOVA Veronika

student of European law sub-faculty of the International Law Faculty of the MGIMO (U) of the MFA of Russia

Баженова В. А.

LEGAL ASPECTS OF THE EUROPEAN SYSTEMIC RISK BOARD'S ACTIVITIES

The global financial crisis of 2008-2009 caught the European Union by surprise: the reform of the EU financial sector undertaken a few years earlier did not prove itself sufficient. Despite some positive changes, the European Union faced the new crisis unprepared. It was therefore decided to begin the next stage of EU's reformation by changing the established system of financial regulation. One of the central points of the new reform is the creation of the European Systemic Risk Board – the subject of this article.

Keywords: European Union, European financial law, European financial market, European Systemic Risk Board, integration, systemic risk.

На уровне Европейского союза (далее – ЕС) изначально не существовало конкретного плана по развитию собственного финансового рынка, поскольку государства-члены ЕС на протяжении долгого времени противились интеграции в данной сфере. В учредительных актах ЕС до сих пор не содержится какого-либо специального раздела, посвященного рынку финансовых услуг.

Ситуация начала меняться в 2000 году, когда Европейская комиссия подготовила «План действий в сфере финансовых услуг» (далее – План)¹. Данный документ был нацелен на создание единого рынка финансовых услуг в ЕС, что предполагало реализацию трёх стратегических целей: установить единый рынок финансовых услуг для осуществления оптовой торговли; обеспечить доступность и надежность финансовых рынков для розничной торговли; усилить надзорные правила. План предполагал проведение 42 конкретных мероприятий для достижения вышеперечисленных целей. В последующие пять лет реализация указанных целей позволила заложить фундамент для дальнейшего совершенствования регулирования рынка финансовых услуг. В 2005 году был принят новый программный акт – «Белая книга Европейского союза по политике финансовых услуг на период 2005-2010 гг.». Основная цель данного документа сводилась к дальнейшему продолжению реформы, начатой в 2000 году².

В момент начала мирового экономического и финансового кризиса (2008-2009 гг.) ЕС все еще не имел всеохватывающей правовой базы в области рынка финансовых услуг, и это несмотря на уже достигнутые серьезные позитивные результа-

ты. Кризис выявил также несостоятельность существующей финансовой системы регулирования и надзора, которая была создана в 2001 году по инициативе А. Ламфалусси. Особенно остро проявила себя необходимость создания новых подходов к раннему выявлению и реагированию на кризисные ситуации. Требовался новый проект реформы, так как ЕС не был готов вновь столкнуться с масштабными экономическими и финансовыми проблемами и не быть к этому в полной мере готовым. Важно напомнить, что после кризиса 2008-2009 гг. общий ВВП ЕС сократился на 4,4%, а на восстановление экономики была выделена колоссальная сумма в 4,5 триллиона евро³.

Главные итоги реализации реформы А. Ламфалусси выразились в создании профильных комитетов (рынок ценных бумаг, страховой и банковский сектора), которые, как оказалось, были мало подготовлены к кризисным ситуациям и ни один из них не был уполномочен выявлять макроэкономические риски. В конце 2008 года для разработки проекта реформы по улучшению надзора в европейском финансовом секторе была учреждена специальная группа под руководством Жака де Ларозьера. Итоги деятельности этой группы были сформулированы в специальном докладе, который включал анализ причин кризиса, а также содержал предложения по реформе (авторы представили 31 рекомендацию)⁴. По мнению авторов доклада, на остроту кризиса повлияли три фактора: отсутствие действенной системы регулирования на ма-

1 Касьянов Р. А. Общие тенденции правового регулирования рынка ценных бумаг в Европейском союзе // Законы России: опыт, анализ, практика. 2013. №4. С. 94.

2 Касьянов Р. А. Указ. соч. С. 94.

3 Официальный сайт Евростата / National accounts and GDP. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php/National_accounts_and_GDP.

4 Официальный сайт ЕС / Доклад Группы высокого уровня по финансовому надзору в ЕС (2009). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ec.europa.eu/internal_market/finances/docs/de_larosiere_report_en.pdf.

кроэкономическом уровне; неэффективность механизмов мер раннего предупреждения; недейственность трансграничного надзора и недостаточность сотрудничества между финансовыми регуляторами (имеются в виду как неопределенность их полномочий, так и нежелание сотрудничать друг с другом). В результате был подготовлен проект реформы, который в 2010 году был утверждён Европейской комиссией и Европейским советом.

Регулирование европейского финансового рынка в посткризисный период

При реализации реформы Ларозьера была сохранена заложенная реформой Ламфалусси вертикальная модель регулирования финансовых рынков, при которой за каждый сегмент рынка ответственен отдельный орган⁵. Новая европейская система финансового надзора берет свое начало в 2011 году и включает в себя 4 составляющие:

- 1) Европейский банковский орган;
- 2) Европейский орган в области страхования и трудовых пенсий;
- 3) Европейский орган в области рынка ценных бумаг;
- 4) Европейский комитет по системным рискам.

Реформа 2011 года стала важным шагом вперёд в развитии финансового надзора ЕС, поскольку новые специализированные органы обладают реальной компетенцией для эффективного осуществления своих функций⁶. Особое внимание здесь следует уделить Европейскому комитету по системным рискам, на который хоть и не возложена прямая ответственность за регулирование конкретного сегмента финансового рынка, но на котором, по сути, и замыкается европейский финансовый надзор в области предупреждения кризисных ситуаций.

Специфика деятельности Европейского комитета по системным рискам

Макропруденциальный надзор направлен на предотвращение дестабилизации экономики, а также на смягчение эффекта процикличности экономики⁷. Одно из наиболее удачных определений системного риска дано в 2009 году – в совместном докладе Совета финансовой стабильности, Международного валютного фонда и Банка международных расчетов председателям центральных банков и финансовым министрам стран группы G-20 2009⁸. В соответствии с данным документом системный риск – это «риск сбоя в оказании финансовых услуг, который (i) причиняется нарушением экономики полностью или частично и (ii) обладает потенциалом повлечь за со-

бой существенные отрицательные последствия для реальной экономики»⁹.

Для предотвращения и реагирования на системные риски в ЕС был учрежден специализированный орган Европейский комитет по системным рискам (далее – Комитет). Его право-устанавливающий акт Регламент ЕС № 1092/2010 Европейского парламента и Совета Европейского союза от 24 ноября 2010 года. Приведённое выше определение системного риска является одним из наиболее подробных среди существующих. В силу того, что легальной дефиниции этого термина не существует до сих пор¹⁰, точно определить компетенцию Комитета достаточно сложно. Регламент ЕС № 1092/2010 лишь описывает некие общие черты системного риска, но не раскрывает того, какие именно события в экономике могут быть сочтены факторами системного риска. Возможно, что это и логично: трудно перечислить все ситуации, результатом которых может стать финансовый кризис. По всей видимости, авторы Регламента ЕС № 1092/2010 решили ограничиться созданием некоторой общей концепции, оставив её толкование на усмотрение Суда ЕС. За уже почти 8 лет существования Европейского комитета по системным рискам, он до сих пор не сформулировал собственного определения понятия «системный риск».

Для раскрытия специфики деятельности Комитета, важно отметить, что он не обладает полномочиями издавать нормативно-правовые акты обязательного характера, то есть основывает свою деятельность на механизмах «мягкого права»¹¹. По мнению Европейской комиссии, подобные ограничения деятельности Комитета необходимы для избежания его чрезмерного усиления. Комитет занимается оценкой очень непростых экономических ситуаций, которые потенциально могут привести к политическим конфликтам¹². Именно поэтому он наделён лишь полномочием давать рекомендации или выносить предупреждения, но не разрешать ситуации по существу и не вправе принимать общеобязательных решений.

Функции Комитета достаточно разнообразны. Во-первых, он ответственен за макропруденциальный надзор за финансовой системой ЕС. Во-вторых, Комитет должен способствовать беспрепятственному функционированию внутреннего рынка и гарантировать постоянное содействие экономическому росту. Конкретные механизмы реализации таких задач включают: сбор, определение и анализ необходимой информации; идентификация и установление приоритетности системных рисков; дача рекомендаций и вынесение публичных предупреждений (предупреждения могут носить конфиденциальный характер в экстренной ситуации и направляться Совету ЕС); контроль реализации рекомендаций и мер, принятых в ответ на предупреждения; сотрудничество с другими органа-

5 Касьянов Р. А. Европейский опыт правового регулирования финансовых рынков и возможности его применения в России // Вестник МГИМО-Университета. 2013. № 4 (31). С. 269.

6 Касьянов Р. А. Общие тенденции правового регулирования рынка ценных бумаг в Европейском союзе // Законы России: опыт, анализ, практика. 2013. № 4. С. 96.

7 Булатов А. С., Рогатых Е. Б., Волков Р. Ф. и др. Мировая экономика: Учебник для вузов / Под ред. А. С. Булатова. М.: Юрист, 1999. С. 452.

8 Официальный сайт Международного валютного фонда / Отчёт финансовым министрам стран G-20 и председателям центральных банков (2009). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.imf.org/external/np/g20/pdf/100109.pdf>.

9 Официальный сайт Международного валютного фонда / Отчёт финансовым министрам стран G-20 и председателям центральных банков (2009). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.imf.org/external/np/g20/pdf/100109.pdf>.

10 Gianni De Nicolò and Marcella Luccheta (2010). IMF Working Paper - Systemic Risks and the Macroeconomy. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.bis.org/bcbsevents/sfrworkshopprogramme/denicolo.pdf>.

11 Ferran Ellis; Alexander, Kern (2011). Can soft law bodies be effective? The special case of the European systemic risk board. European law review. № 37 (6). P. 751-777.

12 Официальный сайт Международного валютного фонда / Руководство по оценке системной значимости финансовых учреждений, рынков и инструментов: предварительные рекомендации. Доклад финансовым министрам стран Группы двадцати и председателям центральных банков (2009). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.imf.org/external/np/g20/pdf/100109.pdf>.

ми системы финансового надзора ЕС; координация действий с международными финансовыми организациями и выполнение других задач в соответствии с правом Союза.

В Регламенте ЕС № 1092/2010 особо подчеркивается связь между Европейским центральным банком и Европейским комитетом по системным рискам, поскольку последний опирается на аналитическую, статистическую, административную и логистическую поддержку первого. Весьма сомнительным является указание Регламента на существующую якобы при этом политическую независимость Комитета от Европейского центрального банка. Независимость членов Генерального совета Комитета напоминает по своей форме независимость членов управляющих структур национальных центральных банков¹³. Формально они не подвержены влиянию внешних факторов, фактически абсолютная их независимость всегда была и остаётся под вопросом. Характерно, что Председатель Европейского центрального банка одновременно является Председателем Комитета¹⁴, но на слушаниях Европейского парламента, посвящённых деятельности Комитета, он должен выступать исключительно в качестве Председателя Комитета. На практике это правило часто нарушается, что, по сути, демонстрирует тесную взаимосвязь двух органов.

Из вышесказанного следует заключить, что Европейский комитет по системным рискам, один из 4 новых органов учреждённой в 2011 году финансовой надзорной системы, является примером эффективного органа, использующего механизмы «мягкого права». Комитет опирается на поддержку важнейших институтов ЕС – в первую очередь Европейского парламента и Европейской Комиссии. Вместе с тем Комитет часто – и обоснованно – подвергается критике в связи со слишком тесной его взаимосвязью с Европейским центральным банком, отсутствием собственного определения понятия «системный риск» и в целом функционально ограниченной самостоятельностью. Тем не менее, автор полагает, что такой узкоспециализированный и компетентный регулятор, как Европейский комитет по системным рискам, безусловно необходим в финансовом секторе ЕС.

Пристатейный библиографический список

1. Регламент ЕС 1092/2010 Европейского парламента и Совета ЕС от 24 ноября 2010 года о макропруденциальном надзоре финансовой системы Европейского союза и создании Европейского комитета по системным рискам. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.esrb.europa.eu/shared/pdf/101216_ESRB_establishment.en.pdf?20c8cadce98d21eb005aad871b87fa6f.
2. Проект регламента Европейского Парламента и Совета ЕС о макропруденциальном надзоре над финансовой системой Союза и учреждении Европейского комитета по системным рискам (2009). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ec.europa.eu/internal_market/finances/docs/committees/supervision/20090923/com2009_499_en.pdf.
3. Буторина О. В. Причины и последствия кризиса в зоне евро // Вопросы экономики. 2012. № 12.
4. Касьянов Р. А. Европейский опыт правового регулирования финансовых рынков и возможности его применения в России // Вестник МГИМО-Университета. 2013. № 4 (31).
5. Касьянов Р. А. Общие тенденции правового регулирования рынка ценных бумаг в Европейском союзе // Законы России: опыт, анализ, практика. 2013. № 4.
6. Булатов А. С., Рогатых Е. Б., Волков Р. Ф. и др. Мировая экономика: Учебник для вузов / Под ред. А.С.Булатова. М.: Юрист, 1999.
7. Официальный сайт Европейской комиссии European Commission (2016) / Public hearing on the Review of the EU Macro-Prudential Framework – Panel Discussion. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.bundesbank.de/Redaktion/EN/Stellungnahmen/2016_11_07_review_eu_macro_prudential_framework.html.
8. Официальный сайт Европейского комитета по системным рискам European Systemic Risk Board (2017) / Members of the General Board of the European Systemic Risk Board. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.esrb.europa.eu/pub/pdf/other/Perm_memb_GB_2017.pdf
9. Официальный сайт Евростата / National accounts and GDP. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php/National_accounts_and_GDP.
10. Ferran Ellis; Alexander, Kern (2011). Can soft law bodies be effective? The special case of the European systemic risk board. *European law review*. № 37 (6).
11. Gianni De Nicolò and Marcella Luccheta (2010). IMF Working Paper - Systemic Risks and the Macroeconomy. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.bis.org/bcbs/events/sfrworkshopprogramme/denicolo.pdf>.
12. Официальный сайт Международного валютного фонда /Guidance to Assess the Systemic Importance of Financial Institutions, Markets and Instruments: Initial Considerations. Report to the G-20 Finance Ministers and Central Bank Governors (2009). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.imf.org/external/np/g20/pdf/100109.pdf>.
13. Keller A 2017, 'Independence, accountability and transparency: are the conventional accountability mechanisms suitable for the European Systemic Risk Board?' *International Company and Commercial Law Review*, vol.28, №5.
14. Официальный сайт Европейского комитета по системным рискам European Systemic Risk Board (2017). Members of the General Board of the European Systemic Risk Board. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.esrb.europa.eu/pub/pdf/other/Perm_memb_GB_2017.pdf.

ЛИХОШВА Артем Олегович

аспирант кафедры конституционного и административного права Марийского государственного университета

ПРИНЦИП САМОСТОЯТЕЛЬНОСТИ В ЕВРОПЕЙСКОЙ ХАРТИИ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

Важнейшим принципом местного самоуправления является самостоятельность. Он получил закрепление в российской правовой системе и международных правовых актах, регулирующих местное самоуправление. В статье с этих позиций анализируется Европейская хартия местного самоуправления.

Ключевые слова: местное самоуправление, правовое регулирование, Европейская хартия местного самоуправления.

LIKHOISHVA Artem Olegovich

postgraduate student of Constitutional and administrative law sub-faculty of the Mari State University

THE PRINCIPLE OF INDEPENDENCE IN THE EUROPEAN CHARTER OF LOCAL SELF-GOVERNMENT

The most important principle of local self-government is independence. It was consolidated in the Russian legal system and international legal acts governing local self-government. In this article, the European Charter of Local Self-Government is analyzed from these positions.

Keywords: local self-government, legal regulation, European Charter of Local Self-Government.

Лихошва А. О.

Становление современного местного самоуправления является одной из ключевых проблем российского государства¹. Каков будет вектор его развития во многом зависит от принципов, положенных в основу организации местной власти. Д. С. Михеев считает, что в системе принципов местного самоуправления нет однородности, отсутствует четкость в их регулировании², хотя именно муниципальная власть по своей природе, в отличие от государственной, наиболее приближена к населению и непосредственно с ним связана³, следовательно, должна получить и надлежащую правовую регламентацию.

Учеными отмечается активизация непосредственного участия населения и его органов в осуществлении местного самоуправления в ряде европейских стран, что указывает на их самостоятельность в этой сфере. Представляет научный интерес с позиций закрепления принципа самостоятельности местного самоуправления оценка Европейской хартии местного самоуправления. Она, являясь центральным для стран Европы правовым актом, регулирующим местное самоуправление, получила обширный анализ в юридической литературе. Вместе с тем характеристика с точки зрения закрепления в ее нормах доминирующего принципа местного самоуправления – самостоятельности, отсутствует. Хотя самоуправление населения по своему содержанию неразрывно связано с самостоятельностью, а в русском языке эти термины вообще являются однокоренными.

По мнению А. Н. Дементьева обращает на себя внимание, что во многих нормах Европейской хартии местного само-

управления делается акцент не на само местное самоуправление, а на один из институтов, осуществляющих властные полномочия, каким являются органы местного самоуправления. Подобный подход значительно отличается от российских конституционных положений, в которых решение вопросов местного значения относится не напрямую к органам местного самоуправления, а, чаще всего, ко всему институту местного самоуправления⁴.

Эти особенности Европейской хартии местного самоуправления отразились и на принципе самостоятельности, который тоже, главным образом, обращен не ко всему институту местного самоуправления, а лишь к органам местного самоуправления. Т. Н. Михеева, Е. И. Белоусов объясняют данное явление тем, что муниципальные органы, являясь носителями публично-властных полномочий, одновременно выступают формой реализации права на осуществление местного самоуправления и находятся в представительной-правовой связи с жителями муниципальных образований⁵.

В Преамбуле Хартии нашел закрепление принцип автономии местного самоуправления в системе публичной власти государств, присоединившихся к Европейской хартии местного самоуправления. Очень убедительно об этом говорят заключительные положения преамбулы Хартии, согласно которым демократически созданные органы местного самоуправления пользуются широкой самостоятельностью в отношении полномочий, порядка их осуществления и средств, необходимых им для выполнения своих функций. Это положение свидетельствует о том, что важный правовой акт в области местного самоуправления обязывает страны – члены

1 Михеева Т. Н. О некоторых проблемах института муниципальной службы // Государственная служба. – 2002. – № 4 (18). – С. 102.

2 Михеев Д. С. Регулирование принципа гласности местного самоуправления в законодательстве Российской Федерации // Евразийский юридический журнал. – 2014. – № 2 (69). – С. 120.

3 Михеева Т. Н., Михеев Д. С. Формы взаимодействия общественных институтов с органами местного самоуправления // Правовое государство: теория и практика. – 2011. – № 1 (23). – С. 9.

4 Дементьев А.Н. Принципы местного самоуправления // Право и образование. – 2006. – № 5. – С. 135-136.

5 Михеева Т. Н., Белоусов Е. И. Общественный контроль на муниципальном уровне: анализ новелл законодательства // Актуальные проблемы экономики и права. – 2015. – С. 178.

Совета Европы, подписавшие Хартию, обеспечивать организационную, компетенционную, финансовую самостоятельность органов местного самоуправления.

А. Н. Дементьев по поводу названной правовой нормы замечает, что органы местного самоуправления:

– обладают значительной самостоятельностью в части полномочий, т.е. являются автономными в части компетенции;

– наделены правом самостоятельно определять порядок осуществления названных полномочий, что свидетельствует об автономии в вопросах определения целесообразного способа действия;

– могут самостоятельно выбирать средства, необходимые для реализации данных полномочий и осуществления своих функций⁶.

Данные принципиальные положения получили дальнейшую конкретизацию и развитие во многих статьях Хартии.

Так, принцип компетенционной самостоятельности получил свое закрепление в статье 4 Европейской хартии местного самоуправления, определяющей сферу полномочий органов местного самоуправления. Органы местного самоуправления в пределах, установленных законом, обладают полной свободой действий для реализации собственной инициативы по любому вопросу, который не исключен из сферы их компетенции и не находится в ведении какого-либо другого органа власти (часть 2).

Другая норма анализируемой статьи закрепила ограничительные барьеры от безмерного увеличения полномочий органов местного самоуправления, свидетельством чему стало положение о том, что предоставляемые органам местного самоуправления полномочия, как правило, должны быть полными и исключительными. Они могут быть поставлены под сомнение или ограничены каким-либо другим центральным или региональным органом власти только в пределах, установленных законом (часть 4).

При делегировании полномочий каким-либо центральным или региональным органом власти органы местного самоуправления должны, насколько это возможно обладать свободой адаптировать эти полномочия к местным условиям (часть 5). Вышестоящие органы власти обязаны консультироваться с органами местного самоуправления в процессе планирования или принятия любых решений, непосредственно их касающихся (часть 6).

Приведенные нормы свидетельствуют, что полномочия органов местного самоуправления являются не безграничными, равно как и их самостоятельность. Данные органы выступают автономными лишь в объеме полномочий, законодательно закрепленных за ними, а вот при реализации названных полномочий органы местного самоуправления имеют полную свободу действий, то есть свободу выбора форм, средств и способов реализации. По сравнению с российскими конституционно-правовыми нормами в упомянутых положениях предусматриваются возможности центральных или региональных государственных органов власти делегировать часть полномочий органам местного самоуправления. При принятии подобных решений государственная власть обязана провести необходимые согласования, консультации, обсуждения с органами местного самоуправления. Согласимся с исследователями, считающими, что должный уровень свободы в современном

правовом государстве определяется эффективной реализацией принципа верховенства права⁷.

В. И. Васильев положительно оценивает нормы Европейской хартии местного самоуправления о возможности делегирования органам местного самоуправления некоторых государственных дел, и это, как он замечает, осуществляется не в ущерб местным делам⁸.

Статья 6 Европейской хартии местного самоуправления закрепляет организационную самостоятельность муниципальных органов власти, что выражается в возможности самостоятельного определения своих внутренних административных структур. Главным условием для создания таких структур является соответствие местным потребностям и обеспечение эффективного управления. При разработке своих организационных структур органы местного самоуправления не связаны более никакими иными условиями. Данное положение с точки зрения автономности местных органов представляется логичным и правильным. Отсутствие условий в виде необходимости каких-либо предварительных согласований или оценки разработанной структуры органов местного самоуправления свидетельствует о достаточной степени свободы в определении собственных административных средств для эффективного решения задач, стоящих перед местными органами власти.

Следует в этом контексте сравнить статью 131 Конституции Российской Федерации, которая, на первый взгляд, выглядит более демократичной, поскольку закрепляет определение структуры органов местного самоуправления за населением. Вместе с тем каких-либо механизмов для принятия населением такого решения не предусмотрено, и норма, по сути, остается декларацией. Можно согласиться с А. Широковым и С. Юрковой, полагающими, что самостоятельность населения в определении структуры органов местного самоуправления утрачена⁹.

Материальную основу самостоятельности местных органов власти в соответствии со статьей 9 Европейской хартии местного самоуправления составляют собственные финансовые средства, необходимых для осуществления своих полномочий, о чем свидетельствуют следующие положения. Органы местного самоуправления имеют право в рамках национальной экономической политики на обладание достаточными собственными финансовыми ресурсами, которыми они могут свободно распоряжаться при осуществлении своих полномочий. При этом финансовые ресурсы органов местного самоуправления должны быть соразмерны полномочиям, предоставленным им конституцией или законом.

Необходимо отметить независимость муниципальных органов власти при формировании доходов местного бюджета. На это направлены нормы, защищающие органы местного самоуправления от безмерного расширения органами государственной власти полномочий в финансовой сфере местного самоуправления. К ним следует отнести положения, закрепленные в части 3 статьи 9 Европейской хартии местного самоуправления о том, что часть финансовых ресурсов ор-

7 Михеева Т. Н. О принципе верховенства права на современном этапе развития правового государства // Закон и право. – 2013. – № 9. – С. 29.

8 Васильев В. И. Муниципальная реформа: состояние и перспективы // Журнал российского права. – 2014. – № 6. – С. 6.

9 Широков А., Юркова С. Трансформация российской модели местного самоуправления // Муниципальная власть. – 2017. – № 2. – С. 57.

6 Дементьев А. Н. – Указ. соч. – С. 136.

ганов местного самоуправления должна пополняться за счет местных сборов и налогов, ставки которых органы местного самоуправления вправе определять самостоятельно в пределах, установленных законом.

Финансовый суверенитет местных органов власти, как полагает С. Исупова, состоит в самостоятельном регулировании финансового хозяйства в соответствии с установленными законодательными предписаниями. Автор под финансовым суверенитетом муниципалитетов понимает их право как на получение доходов, так и на принятие решений по использованию данных доходов, то есть различных выплат¹⁰.

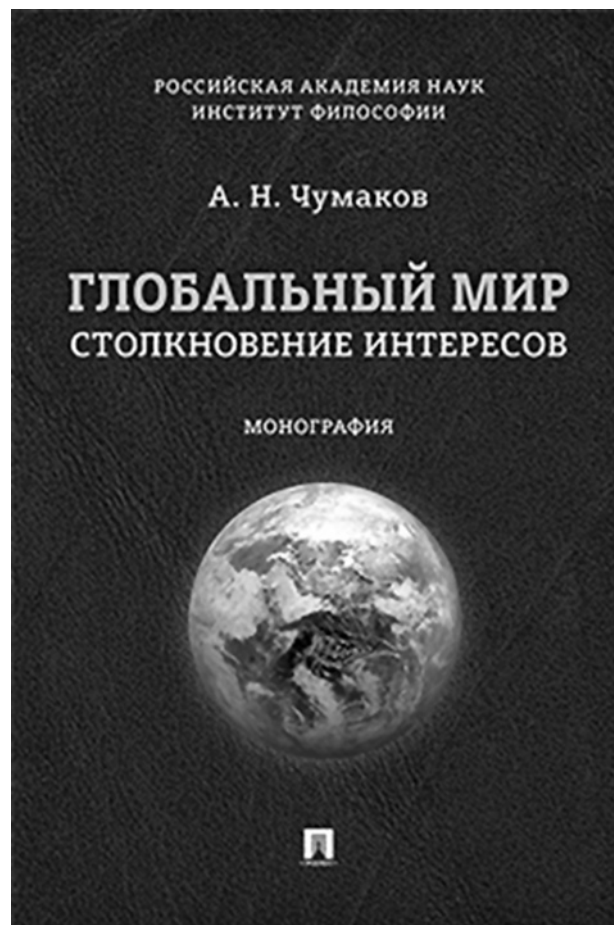
В числе финансовых источников, обеспечивающих деятельность местных органов, следует отметить также предоставление им субсидий государства. Они по возможности не должны предназначаться для финансирования конкретных проектов. Предоставление субсидий не должно наносить ущерба основополагающему принципу свободного выбора органами местного самоуправления политики в сфере их собственной компетенции. Здесь прослеживается независимость муниципальных органов власти от государственных структур в части использования по своему усмотрению для реализации собственных задач финансовой помощи государства, поступающей в местные бюджеты.

Анализ Европейской хартии местного самоуправления с точки зрения регламентации в ней одного из ключевых принципов местного самоуправления – самостоятельности убеждает, что в ней получили отражение все основные характеристик исследуемого принципа. Самостоятельность органов местного самоуправления в системе публичной власти государств – членов Совета Европы подкреплена организационными, компетенционными и финансово-экономическими гарантиями. Повторимся, что Европейская хартия местного самоуправления при этом делает акцент на регламентацию правовых условий самостоятельности (автономности) именно органов местного самоуправления, тогда как для российского законодательства характерной является самостоятельность всего института местного самоуправления или непосредственно населения муниципального образования.

Пристатейный библиографический список

1. Васильев В. И. Муниципальная реформа: состояние и перспективы // Журнал российского права. – 2014. – № 6. – С. 5-14.
2. Дементьев А. Н. Принципы местного самоуправления // Право и образование. – 2006. – № 5. – С. 131-151.
3. Исупова С. Финансовые основы местного самоуправления в Германии и России // Муниципальная власть. – 2012. – № 4. – С. 86-96.
4. Михеев Д. С. Регулирование принципа гласности местного самоуправления в законодательстве Российской Федерации // Евразийский юридический журнал. – 2014. – № 2 (69). – С. 120-121.
5. Михеева Т. Н. О некоторых проблемах института муниципальной службы // Государственная служба. – 2002. – № 4 (18). – С. 102-107.

6. Михеева Т. Н., Михеев Д. С. Формы взаимодействия общественных институтов с органами местного самоуправления // Правовое государство: теория и практика. – 2011. – № 1 (23). – С. 9-11.
7. Михеева Т. Н., Белоусов Е. И. Общественный контроль на муниципальном уровне: анализ новелл законодательства // Актуальные проблемы экономики и права. – 2015. – С. 177-182.
8. Михеева Т. Н. О принципе верховенства права на современном этапе развития правового государства // Закон и право. – 2013. – № 9. – С. 29-31.
9. Широков А., Юркова С. Трансформация российской модели местного самоуправления // Муниципальная власть. – 2017. – № 2. – С. 52-59.

¹⁰ Исупова С. Финансовые основы местного самоуправления в Германии и России // Муниципальная власть. – 2012. – № 4. – С. 87.

ГУЛИЕВ Игбал Адиль оглы

кандидат экономических наук, заместитель директора Международного института энергетической политики и дипломатии МГИМО (У) МИД России

ШЕВЧЕНКО Любовь Ивановна

доктор юридических наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой правового регулирования ТЭК Международного института энергетической политики и дипломатии МГИМО (У) МИД России, Заслуженный юрист РФ России

ВОПРОСЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ МИРОВОЙ ТОРГОВЛИ ЭНЕРГЕТИЧЕСКИМИ РЕСУРСАМИ

Основные особенности развития мировой экономики в XXI веке определяются возрастанием роли внешнеэкономических связей как основы экономического развития всех стран мира. В этих условиях возрастает значимость международного энергетического сотрудничества, необходимости формирования ее более устойчивой модели, адекватной складывающимся условиям мировой системы энергообеспечения. Стратегия международного энергетического сотрудничества во многом определяется правовыми актами, посредством которых обеспечивается механизм действия рыночных инструментов в этой сфере. В данной статье дается характеристика правовой основы мировой торговли энергетическими ресурсами, включающей в себя как нормы национального права, так и международно-правовые источники. Переосмысление имеющейся правовой основы мировой торговли энергетическими ресурсами способствует решению задач по ее радикальному совершенствованию.

Ключевые слова: международное сотрудничество, энергетические ресурсы, внешнеторговые сделки, международные соглашения.

GULIYEV Igbal Adil ogly

Ph.D. in Economics, Deputy Head of the International Institute of Energy Policy and Diplomacy of the MGIMO (U) MFA of Russia

SHEVCHENKO Lyubov Ivanovna

Ph.D. in Law, professor, Deputy Head of Law regulation of fuel and energy complex sub-faculty of the International Institute of Energy Policy and Diplomacy of the MGIMO (U) MFA of Russia

ISSUES OF IMPROVING THE LEGAL SYSTEM OF WORLD TRADE IN ENERGY RESOURCES

The main features of the development of the world economy in the 21st century are determined by the growing role of foreign economic relations as the basis for economic development of all countries of the world. In these conditions, the importance of international energy cooperation, the need to form its more stable model, is adequate to the emerging conditions of the world energy supply system. The strategy of international energy cooperation is largely determined by legal acts, through which a mechanism of action of market instruments in this area is provided. This article describes the legal basis for the world trade in energy resources, which includes both national legal norms and international legal sources. Rethinking the existing legal basis for world trade in energy resources contributes to solving problems on its radical improvement.

Keywords: international cooperation, energy resources, foreign trade transactions, international agreements.

Гулиев И. А.

Шевченко Л. И.

Энергетическая Стратегия России на период до 2030 года к основной цели современной энергетической политики России относит максимально эффективное использование природных энергетических ресурсов, укреплению ее внешнеэкономических позиций. Российская Федерация, как одно из ведущих энергетических государств мира, занимая первые места в мире по добыче газа и нефти, объему их экспортных поставок, заинтересована в совершенствовании единой правовой системы мировой торговли энергетическими ресурсами. В этих целях Россия осуществляет деятельность по разработке национальных нормативных правовых актов в сфере энергетики, активно участвует в совершенствовании международно-правовой базы осуществления международного энергетического сотрудничества, обеспечении механизмов его реализации. Немаловажное значение для регламентации договоров в сфере международ-

ного энергетического сотрудничества имеют федеральные законы и иные нормативные правовые акты Российской Федерации, обновление которых осуществляется с учетом мировой практики.

Например, в Федеральном законе 1992 г. «О недрах» (в новой редакции от 28.12.2013 г.) широко использован зарубежный опыт регулирования недропользования, при котором взаимоотношения между государством и недропользователями, из административных, доминирующих ранее, становятся гражданско-правовыми.

Важнейшее место в системе нормативных правовых актов, определяющих основу правовой регламентации международной купли-продажи газа, нефти и нефтепродуктов, занимает Федеральный закон РФ от 21 ноября 2003 г. № 164-ФЗ «Об основах государственного регулирования внешнеторговой

деятельности». Посредством указанного закона российское законодательство увязывается с положениями более чем 50 соглашений, входящих в «пакет ГАТТ-ВТО», посредством чего интегрируется в правовую систему ВТО¹. Закон определяет основы государственного регулирования внешнеторговой деятельности, полномочия Российской Федерации, ее субъектов в области внешней торговли в целях обеспечения благоприятных условий для данной сферы деятельности и защиты экономических и политических интересов государства.

В целях защиты интересов Российской Федерации при осуществлении внешнеэкономической деятельности Президентом России был принят Указ от 11 сентября 2012 г. № 1285 «О мерах по защите интересов Российской Федерации при осуществлении российскими юридическими лицами внешнеэкономической деятельности». Основанием для принятия данного акта явилось инициированное Еврокомиссией в 2012 г. формальное антимонопольное расследование деятельности Группы Газпром на рынке «импортных поставок» в восьми государствах Центральной и Восточной Европы (Болгария, Венгрия, Латвия, Литва, Польша, Словакия, Чехия, Эстония), подозреваемой в злоупотреблении доминирующим положением в форме раздела рынков, их закрытия и применения несправедливых цен².

Указ Президента № 1285 обязал Газпром получать предварительное согласие Минэнерго России на выполнение требований иностранных органов власти о предоставлении информации, изменения условий коммерческой деятельности по отчуждению активов. В согласии должно быть отказано, если указанные действия нарушают экономические интересы Российской Федерации.

Федеральным законом РФ от 18 июля 1999 г. № 183-ФЗ «Об экспортном контроле» предусмотрен комплекс мер, обеспечивающих реализацию установленного настоящим Законом, другими Федеральными законами и иными нормативными правовыми актами, порядка осуществления внешнеэкономической деятельности в отношении экспортируемых российских товаров. Основными целями экспортного контроля являются: защита интересов Российской Федерации; реализация требований международных договоров РФ, и самое важное - создание условий для интеграции экономики РФ в мировую экономику³.

Для осуществления деятельности по экспорту газа немаловажное значение имеет Федеральный закон от 18.07.2006 № 117-ФЗ «Об экспорте газа», которым определены основы государственного регулирования экспорта газа исходя из необходимости защиты экономических интересов Российской Федерации, исполнения международных обязательств по экспорту газа.

Важнейшее значение для правового регулирования отношений по экспорту энергоресурсов имеют международные договоры, заключаемые с соответствующими государствами.

Большинство заключенных двусторонних договоров о сотрудничестве, например, с США, Германией, Италией,

Францией, Швецией, Китаем, Республикой Корея, Грецией, Венесуэлой и др., зачастую носят рамочный характер и закрепляют направления, сферы и формы энергетического сотрудничества⁴. Указанные договоры, как правило, не направлены на обеспечение осуществления конкретных взаимоотношений, а служат основой формирования конкретных энергетических проектов. Однако в отдельных случаях рамочные соглашения послужили основой для дальнейшей детализации взаимоотношений в областях топливно-энергетического комплекса, например, международные соглашения, заключенные с Венесуэлой в 2004 и 2008 г.

Международные договоры в нефтегазовой сфере заключены с государствами Содружества Независимых Государств. Так, на поставку газа международные договоры заключены с Беларусью, Киргизией, Молдовой, Арменией; в газовой сфере - с Казахстаном, Украиной, Туркменистаном, и др.

Указанный процесс продолжается, как по пути заключения общих международных договоров рамочного характера (например, с Индией в 2010г.), так и предусматривающих конкретные энергетические проекты (например, с Австрией в 2010 г.).

Следует отметить, что энергетическое законодательство предусматривает возможность совершения внешнеторговых сделок не только в нефтегазовой сфере. Например, анализ действующих нормативных правовых актов в сфере электроэнергетики позволяет сделать вывод о том, что в настоящее время не существует ограничений для совершения любыми юридическими лицами (российским и иностранным) операций по экспорту и импорту электрической энергии⁵.

Стремление ряда развивающихся нефтедобывающих стран получить контроль над своими ресурсами и их эксплуатацией с учётом национальных интересов привело к созданию в 1960г. межправительственной организации стран-экспортёров нефти ОПЕК (Organization Exporting Countries – OPEC). В настоящее время она включает 12 нефтедобывающих стран – участников, на долю которых приходится 40% мирового производства этого сырья (Иран, Ирак, Кувейт, Саудовская Аравия, Венесуэла, Катар, Ливия, Объединённые Арабские Эмираты, Алжир, Нигерия, Эквадор и Ангола). Целью ОПЕК является путём выработки общей политики в отношении добычи нефти поддержать стабильные цены на нефть и обеспечить поставки на зарубежные рынки. Решения об изменении объёма добычи нефти в соответствии с изменением спроса на рынке принимаются на конференциях ОПЕК. Инновационный ценовой механизм ОПЕК - цена «корзины ОПЕК», определяется как средний арифметический показатель физических цен 12 сортов нефти, добываемых странами картеля.

Определенную значимость для международно-правового регулирования торговли и транзита энергоресурсов из России, а также трансграничных инвестиций из России в энергетику других стран, имеет Договор к Энергетической хартии (в дальнейшем - ДЭХ), целью которого является установление правовых рамок для оказания содействия долгосрочному сотрудничеству в области энергетики на основе взаимодополняемости и взаимной выгоды, в соответствии с принципами

1 Баранов В. Д. Основы правового регулирования внешнеторговой деятельности России М.: Издательство РАГС, 2009. С. 30-31.

2 Гудков И. В. Газовый диалог России и ЕС: взаимодействие и конфликт международного и европейского права // Научный журнал Российского газового общества. 2014. № 1.

3 Федеральный закон от 18 июля 1999г. № 183-ФЗ «Об экспортном контроле»[Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.zakonbase.ru>.

4 Гликман О. В. Международные договоры России, регулирующие сотрудничество в нефтегазовом секторе// Газовый бизнес. 2012. Октябрь.

5 Грищенко А. И. Правовое регулирование экспорта-импорта электроэнергии в Российской Федерации. Энергетика и право / Под ред. П. Г. Лакно. М.: Юрист, 2008. С. 458-474.

Хартии⁶. В 1994 г. Российской Федерации подписала Договор к Энергетической хартии, который был призван служить международно-правовой основой для энергетического сотрудничества Востока и Запада. Однако ею, также как рядом иных, подписавших ДЭХ государств, она ратифицирована не была, поэтому ее применение осуществляется на временной основе. В настоящее время, как показывает практика международного сотрудничества, среди государств, подписавших ДЭХ (государства - члены Европейского Союза, включая Россию) стали возникать расхождения в подходах к регулированию энергетических взаимоотношений и применению положений ДЭХ.

Субъекты внешнеторговых сделок по снабжению энергоресурсами в своих взаимоотношениях должны учитывать общепризнанные принципы и нормы международного права. Унификацией права международной торговли занимается специально учрежденная в 1966 г. ООН Комиссия по праву международной торговли (ЮНСИТРАЛ). Принятая в 1980 г. Венская Конвенция ООН о договорах международной купли-продажи представляет собой международную унификацию правовых норм, регулирующих самый распространенный вид договоров – куплю-продажу (и как ее разновидность – поставку). Именно этот договор имеет специфику, отражающую особенности социально-экономического развития того или иного государства. Международная унификация правового регулирования торговых сделок купли-продажи (поставки) способствует разрешению этого объективного противоречия между национальным регулированием и международным характером внешнеторговых контрактов. Значение Венской Конвенции состоит в том, что ее участниками являются многие государства (более 60), значительное их число - основные торговые партнёры Российской Федерации по нефтегазовому бизнесу⁷.

В правовую основу обеспечения международного энергетического сотрудничества входят также Принципы международных коммерческих договоров (одобренные УНИДРУА в 1994г.), которые содержат свод правил, применимых во всём мире независимо от правовых традиций, а также экономических и политических условий государств. При этом важно, что какого-либо приоритета той или иной правовой системе в данном документе не было отдано, поскольку разрабатывались в целях сближения национальных правовых систем государств в сфере международного торгового сотрудничества. Содержащиеся в Принципах УНИДРУА положения не носят юридически обязательного значения для сторон по международным коммерческим контрактам, т.е. имеют для них рекомендательный характер⁸.

Принципы международных коммерческих договоров включают в себя развернутые положения, касающиеся ведения переговоров, формирования содержания контрактов, могут иметь решающее значение при рассмотрении возника-

ющих между сторонами споров. Отмечается, что сфера охватываемых Принципами вопросов регулирования договорных отношений шире, чем в Венской Конвенции, при этом данный документ включает в себя положения по вопросам, которые были предметом обсуждения при разработке Венской конвенции, но не нашли в ней отражения. В этой связи на практике рекомендуется включать в договор условия о том, что Принципы будут применяться по вопросам, которые не нашли отражения в Конвенции..

Принципы достаточно гибки для того, чтобы учитывать постоянные изменения в практике международной торговли. В 2010 г. вышла третья редакция Принципов УНИДРУА, раскрывающая современные тенденции выявления противоречий условий договоров основным принципам и императивным нормам права (гл. 3), обязательств под условием (гл. 5), реституции неисполненных договоров (гл. 7), множественности лиц на стороне должника и кредитора (гл. 11) и др. Особое внимание в новом издании Принципов УНИДРУА уделено содержанию понятия «императивная норма», которое «должно пониматься в широком смысле и охватывать как специальные нормативные положения, так и общие принципы публичного порядка». Принципы УНИДРУА имеют неформальный характер и не являются источником права в традиционном смысле, поскольку не представляют собой непосредственного проявления воли государства, хотя данный документ принят международной правительственной организацией. Опубликованные практически на всех языках мира, Принципы приобретают всё большую популярность среди профессиональных участников мирового торгового оборота, позволяя преодолеть языковой барьер, сориентироваться в основных правовых вопросах, пользоваться ими в качестве модели при разработке отдельных положений международного договора. Принципы УНИДРУА часто рассматривают как обычаи делового оборота, оказывающие существенное влияние на гармонизацию и сближение национального законодательства стран, относящихся к разным правовым системам. А. С. Комаров, оценивая Принципы УНИДРУА, подчёркивает, что они «имеют неформальный характер и не являются источником права в традиционном смысле, поскольку не представляют собой непосредственного проявления воли государства, хотя данный документ принят международной правительственной организацией»⁹.

Наряду с традиционными методами правового регулирования международных экономических отношений в последние десятилетия разрабатываются новые, так называемые неформальные (негосударственные) правовые формы и способы унификации. К ним относятся Принципы международных коммерческих договоров (одобренные УНИДРУА в 1994г.) и Принципы европейского договорного права (Европейские принципы). Содержащиеся в них положения взаимосвязаны с действующими унифицированными актами, но охватывают, как правило, более широкий круг вопросов. Не являясь юридически обязательными для сторон по международному договору и имея рекомендательный характер, Принципы создают более развёрнутую правовую базу и могут иметь решающее значение при рассмотрении возможных споров, «они представляют собой руководство при составлении контрактов,

6 Договор к энергетической хартии и связанные с ним документы / Секретариат Энергетической хартии. Брюссель, 2004. Экономико-правовой анализ положений ДЭХ содержится в монографии Договор к Энергетической хартии: путь к инвестициям и торговле для Востока и Запада / Под ред. М. Конопляника. М.: Международные отношения, 2002.

7 Венская конвенция ООН 1980 г. «О договорах международной купли-продажи товаров». К 10-летию её применения Россией. Составитель М. Г. Розенберг. М.: Статут, 2001. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.consultant.ru.

8 Принципы международных коммерческих договоров УНИДРУА 2010. Пер. с англ. Комарова А. С. М.: Статут, 2013.

9 Комаров А. С. Новеллы в регулировании международных коммерческих договоров: Принципы УНИДРУА 2004 // Хозяйство и право. 2006. № 11.

что особенно полезно при ведении переговоров партнёрами, говорящими на разных языках; на Принципы стороны могут ссылаться при переговорах в ходе исполнения контрактов при возникновении спорных вопросов или взаимных претензий»¹⁰. Опубликованные практически на всех языках мира, Принципы приобретают всё большую популярность среди профессиональных участников мирового торгового оборота, позволяя преодолеть языковой барьер, сориентироваться в основных правовых вопросах, пользоваться ими в качестве модели при разработке отдельных положений международного договора. Принципы УНИДРУА часто рассматривают как обычаи делового оборота, оказывающие существенное влияние на гармонизацию и сближение национального законодательства стран, относящихся к разным правовым системам. А.С.Комаров, оценивая Принципы УНИДРУА, подчёркивает, что они «имеют неформальный характер и не являются источником права в традиционном смысле, поскольку не представляют собой непосредственного проявления воли государства, хотя данный документ принят международной правительственной организацией»¹¹.

Принципы УНИДРУА и Европейские принципы, содержащие элементы договорных норм, международного обычая, совпадающих норм и принципов национального законодательства, обыкновений, типовых контрактов и общих условий и, наконец, арбитражной практики, не сводимы ни к одной из этих субстанций. Считается, что в ходе развития унификационного процесса и поиска его оптимальных форм эмпирическим путём был найден особый механизм обеспечения единообразного регулирования международных торгово-экономических отношений¹².

В практике международной торговли сложился ряд обычаев, регулирующих вопросы доставки товара от продавца к покупателю, его погрузке, страхованию, оплате таможенных пошлин и т.п. Сложившиеся и широко применяемые на практике обычаи выражены определенными терминами, унифицированные правила толкования которых, даны Международной торговой палатой в документе «Инкотермс». Основу «Инкотермс» составил свод международных правил в толковании торговых терминов, принятых Международной Торговой Палатой в 1936 г. с дальнейшими дополнениями и уточнениями в 1953, 1967, 1976, 1980, 1990, 2000 и 2010. Действующий в настоящее время «Инкотермс» 2010 года, вступил в силу с 1 января 2011 г. Основная цель принятия «Инкотермс» в последней редакции состоит в необходимости избежания разногласий и разночтений при заключении международных торговых контрактов с учётом современных условий международного торгового оборота.

Базисные условия договора внешнеторговой купли-продажи имеют большое значение, т.к. вместе с определением обязанностей продавца и покупателя по доставке товара устанавливается момент перехода права собственности на товар от продавца к покупателю, а также риска его случайной гибели и повреждения. От базисного условия в целом зависит конкретная цена контракта.

Действующая редакция «Инкотермс» 2010 г. содержит 11 торговых терминов, которые разделены на две группы. Первая группа – термины, применяемые при доставках товаров любым видом транспорта (EXW, FCA, CPT, CIP, DAP, DAT и DDP); вторая группа – термины, используемые при доставках морским или речным транспортом (FAS, FOB, CFR и CIF). Указанная редакция «Инкотермса» включает два новых положения: DAP (delivered at place) – поставка до пункта; DAT (delivered at terminal) – поставка до терминала. Четыре наименее используемых на практике термина (DAF, DES, DEQ, DDU) отменены¹³. Термин DAT заменяет собой термин DEQ: товар предоставляется в распоряжение покупателя неразгруженным с прибывшего транспортного средства. Термин DAP является общим положением, при котором важно точно указать место назначения. Указанный термин заменяет собой три термина: DAF, DES, DDU и предусматривает, что товар предоставляется покупателю уже готовым для разгрузки, перегрузки или растаможивания. Новые расходы и риски появились в условиях FOB, CFR, CIF. В «Инкотермс» 2000 г. при этих трёх условиях поставки риск переходил после доставки до борта судна, в «Инкотермс» 2010 переход рисков осуществляется после полной погрузки груза на борт судна. Следует отметить, что на практике отсутствие ссылки на действующую редакцию «Инкотермс» может привести к разногласиям и спорам между участниками, во избежание таких последствий в контракте рекомендуют делать ссылку на «Инкотермса» 2010 г.

К международным правовым договорам в сфере по снабжению энергоресурсами можно также отнести Международную конвенцию о гражданской ответственности за ущерб от загрязнения нефтью (1992 г.), участниками которой являются 130 государств, предусматривающую гражданскую ответственность судовладельца за загрязнение моря, в целях обеспечения надлежащей компенсации ущерба от танкеров, перевозящих нефть. Конвенция распространяет свое действие на инциденты, повлекшие ущерб на территории государства – участника Конвенции, включая территориальное море.

Таким образом, отношения России в сфере международного энергетического сотрудничества обеспечивается комплексом нормативных правовых актов национального значения, нормами международного права, международными договорами, обычаями.

Вместе с тем, как отмечено в Концептуальных подходах к новой правовой базе международного энергетического сотрудничества в сфере энергетики (цели и принципы) существующие двусторонние договоренности и многосторонние юридически обязательные нормы в области международных энергетических отношений оказались не способны предупредить и разрешать конфликтные ситуации. В этих условиях целесообразно создание нового универсального международного юридически обязывающего документа, сторонами которого, в отличие от существующей системы, построенной вокруг Энергетической хартии, станут все основные страны-производители (экспортеры), транзитеры и потребители (импортеры) энергоресурсов, и который будет охватывать все аспекты глобального энергетического взаимодействия.

Дальнейшее совершенствование системы правовых актов в сфере международного энергетического сотрудничества должно осуществляться на основе следующих принципов:

10 Вилкова Н. Г. Договорное право в международном обороте. М.: Статут, 2004.

11 Комаров А. С. Новеллы в регулировании международных коммерческих договоров: Принципы УНИДРУА 2004 // Хозяйство и право. 2006. № 11.

12 Бахнин С. В. Субправо // Внешняя торговля. 1993. № 11. С. 28-29.

13 Инкотермс 2010 (incoterms 2010). Таможенный компьютерный сервис. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Таможня.ру.

универсальности - применимости к отношениям между любыми странами; открытости – возможности присоединения к ней любых третьих стран; всесторонности - охватывать все аспекты энергетического взаимодействия; согласованности - не противоречить соответствующим обязательствам, содержащимся в иных международных документах и соглашениях; эффективности - должна включать действенный общий механизм реализации.

Пристатейный библиографический список

1. Баранов В. Д. Основы правового регулирования внешнеторговой деятельности России М.: Издательство РАГС, 2009.
2. Бахнин С. В. Субправо // Внешняя торговля. 1993. № 11. С. 28-29.
3. Венская конвенция ООН 1980 г. «О договорах международной купли-продажи товаров». К 10-летию её применения Россией. Составитель М. Г. Розенберг. М.: Статут, 2001. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.consultant.ru.
4. Вилкова Н. Г. Договорное право в международном обороте. М.: Статут, 2004.
5. Гликман О. В. Международные договоры России, регулирующие сотрудничество в нефтегазовом секторе // Газовый бизнес. 2012. Октябрь.
6. Грищенко А. И. Правовое регулирование экспорта-импорта электроэнергии в Российской Федерации. Энергетика и право / Под ред. П. Г. Лахно. М.: Юрист, 2008. С. 458-474.
7. Гудков И. В. Газовый диалог России и ЕС: взаимодействие и конфликт международного и европейского права // Научный журнал Российского газового общества. 2014. № 1.
8. Гулиев И. А., Литвинюк И. И. Биржевая торговля: возможности экспорта нефти и нефтепродуктов из РФ ТЭК России // Нефтегазодобывающая и нефтеперерабатывающая промышленность. 2016. № 12. С. 8-12.
9. Договор к энергетической хартии и связанные с ним документы / Секретариат Энергетической хартии. Брюссель, 2004. Экономико-правовой анализ положений ДЭХ содержится в монографии Договор к Энергетической хартии: путь к инвестициям и торговле для Востока и Запада / Под ред. М. Конопляника. М.: Международные отношения, 2002.
10. Инкотермс 2010 (incoterms 2010). Таможенный компьютерный сервис. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Таможня.ру.
11. Комаров А. С. Новеллы в регулировании международных коммерческих договоров: Принципы УНИДРУА 2004 // Хозяйство и право. 2006. № 11.
12. Комаров А. С. Новеллы в регулировании международных коммерческих договоров: Принципы УНИДРУА 2004 // Хозяйство и право. 2006. № 11.
13. Кравченко С. А., Салыгин В. И. Риски магистрального нефтепроводного транспорта: востребованность опыта США и ЕС по управлению ими // Управление риском. 2015. № 3 (75). С. 41-48.
14. Мехдиев Э. Т., Гулиев И. А. Анализ технологии последовательной перекачки по трубопроводам нефти и нефтепродуктов, применяемой в ведущих странах Европы // Экономика и предпринимательство. 2016. № 10-2 (75-2). С. 679-684.
15. Принципы международных коммерческих договоров УНИДРУА 2010. Пер. с англ. Комарова А. С. М.: Статут, 2013.
16. Салыгин В. И. Энергетическая стратегия России. Пути реализации // Бурение и нефть. 2006. № 1.
17. Салыгин В. И. Энергетические проблемы в мировой политике // В книге: Современные международные отношения и мировая политика Торкунов А. В., Мельвиль А. Ю. и др. учебник для вузов. М., 2004. С. 381-407.
18. Салыгин В. И., Вылегжанина Е. Е., Селиверстов С. С. Международный институт энергетической политики и дипломатии МГИМО (У) МИД России: научно-исследовательская деятельность в области международно-правового регулирования энергетического сотрудничества // Энергетическое право. 2008. № 1. С. 10-15.
19. Салыгин В. И., Гулиев И. А., Хубаева А. О. Зарубежный опыт применения принципа «качай или плати» в сфере трубопроводного транспорта // Вестник МГИМО Университета. 2015. № 4 (43). С. 46-52.
20. Федеральный закон от 18 июля 1999г. № 183-ФЗ «Об экспортном контроле». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.zakonbase.ru>.
21. Шиловская А.А., Шевченко Л.И. Договор энергоснабжения в современном законодательстве и проблемы его применения // В сборнике: Кодификация российского законодательства на современном этапе. Сборник статей по итогам круглого стола. 2016. С. 124-129.

КЕСИДИ Самсон Русланович

аспирант Российского государственного университета правосудия

ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ОСВОЕНИЯ ЗЕМЕЛЬНЫХ УЧАСТКОВ В ОТДЕЛЬНЫХ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ (СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА)

В статье дается характеристика правовому обеспечению освоения земельных участков в отдельных зарубежных странах. Автор приходит к выводу, что правовое регулирование данного понятия имеет как сходства, так и значительные различия по сравнению с российской правовой системой. При этом в проанализированных материалах абсолютные аналоги исследуемой категории не встречаются, поэтому выводы сделаны по результатам содержательного сопоставления явлений и понятий.

Ключевые слова: земля, земельный участок, правовое обеспечение, зарубежные страны, освоение земельных участков.

KESIDI Samson Ruslanovich

postgraduate student of the Russian State University of Justice

LEGAL SUPPORT FOR THE RECLAMATION OF LAND IN SOME FOREIGN COUNTRIES (COMPARATIVE-LEGAL CHARACTERISTIC)

The article describes the legal support for the development of land in certain foreign countries. The author comes to the conclusion that the legal regulation of this concept has both similarities and significant differences in comparison with the Russian legal system. However, in the analyzed materials, absolute analogues of the investigated category are not found, therefore, the conclusions are drawn from the results of a meaningful comparison of phenomena and concepts.

Keywords: land, legal support, foreign countries, development of land plots.

Кесиди С. Р.

Правовое регулирование освоения земельных участков в различных государствах существенным образом отличается, находясь в зависимости от множества факторов, включая географические и климатические особенности, уровень экономического развития, специфику политико-правового устройства и пр.

Несмотря на то, что говорить о единстве понятийного аппарата и основ построения системы земельного права едва ли возможно, анализ зарубежных и международных источников показывает многообразие существующих подходов к регулированию освоения земельных участков.

В целом освоение земельных участков рассматривается в трех основных аспектах.

Во-первых, освоение земельных участков характеризуется в контексте масштабных процессов вовлечения в гражданский оборот новых земель, ранее не подвергавшихся воздействию человека. В основном данный вопрос обсуждается в исторической перспективе, поскольку, думается, на сегодняшний момент большинство территорий, особенно в континентальной Европе, так или иначе уже стали частью национальной экономики.

Ярким примером является опыт Соединенных Штатов Америки в сфере освоения земельных участков западных регионов в начале 20 века. Как отмечают исследователи, «во все времена населенность отдельных географических районов напрямую зависела от наличия надежных источников пресной воды. Преимущественным образом на территории США проблемы с удовлетворением данной потребности отсутствуют. В северо-восточных регионах Америки, где проживает наибольшее количество граждан, подобных вопросов не возникает. Если не вдаваться в обсуждение таких нюансов, как уровень загрязненности водоемов, доступности воды и реальности фактического пользования ее источниками, вполне уверенно можно гово-

рить об обеспеченности северо-востока США водными ресурсами. Однако картина не столь радужна в западных штатах и никогда таковой не была. Поэтому нехватка воды продолжает оставаться наиболее серьезным препятствием к покорению запада <...> Следовательно, нетрудно представить, с какими вызовами столкнулись там столетия назад многие поселенцы»¹.

Описанная ситуация привела к тому, что в конечном итоге «ответственность за обеспечение водоснабжения была переложена на плечи федерального правительства с принятием в 1902 году Закона об освоении новых земель («Newlands Reclamation Act 1902»). На протяжении двадцатого столетия органы государственной власти на уровне федерации под руководством вновь созданного Бюро по освоению земель инициировали ряд проектов, направленных на бесперебойное снабжение указанных территорий пресной водой»².

Соответственно, в описанном случае освоение земель выразилось в возведении силами публичной власти ирригационных систем, позволивших создать условия для привлечения граждан на новые места.

Другой обсуждаемый случай в практике зарубежных стран – освоение земель в Египте, поскольку именно «Египет является одним из государств с наименьшей долей земель, пригодных для ведения сельского хозяйства. Доля освоенных территорий составляет лишь около 3 процентов от общей площади страны <...> При этом в условиях демографического

1 Panny M. The Origins of Federal Reclamation. Ideology and Irrigation in the American West. 2010. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://aquadoc.typepad.com/files/origins-of-reclamation.pdf> (дата обращения: 15.04.2017).

2 Op. cit.

роста средняя площадь сельскохозяйственных земель на душу населения сокращается»³,

Учеными отмечается, что «подобный дисбаланс между темпами демографического роста и скоростью увеличения площадей сельскохозяйственных угодий сам по себе выступает важным индикатором необходимости расширения границ земель, подходящих для проживания и хозяйственной деятельности, посредством их горизонтального освоения <...> с целью гарантировать удовлетворение пищевые потребности возрастающего населения. Кроме того, это поможет создать дополнительные рабочие места, уменьшить загруженность старых городов и снизить число земель, передаваемых для развития населенных пунктов в ущерб сельскому хозяйству»⁴.

При помощи правильного подхода к освоению новых земель разрешается целый комплекс проблем, включая: недостатки текстуры и состава, сложности в выравнивании поверхностного слоя, отсутствие удобрений, недостаток макро- и микроэлементов, засушливость, повышенный уровень содержания соли, перемещения поверхностного слоя из-за сильных ветров, наличие вредных компонентов, неспособность к поддержанию влажности, сохранению питательных веществ⁵.

Важно подчеркнуть, что освоение таких «проблемных» участков осуществляется при обязательном участии и содействии государства. При этом на протяжении истории египетская аграрная политика менялась: если в 1952-1975 деятельность по подготовке новых земель к использованию в полной мере возлагалась на государственные структуры Египта, а уже освоенные земли передавались в аренду гражданам, то с 1980-х начинается привлечение к этой трудоемкой работе представителей частного сектора на условиях последующей передачи участков в собственность⁶.

В последнее время в зарубежных источниках достаточно широко обсуждается вопрос освоения так называемых «маргинальных земель» (marginal lands), имеющих «потенциал в укреплении продовольственной безопасности и поддержке производства энергии из биотоплива. Маргинальные земли, как правило, характеризуются низкой продуктивностью и незначительной экономической отдачей либо вовсе не пригодны для ведения сельскохозяйственной деятельности. Зачастую такие участки имеют хрупкую экосистему и находятся в зоне экологического риска. На сегодняшний момент возрастает интерес к глобализации использования маргинальных земель в целях формирования биологических масс, пригодных для выработки энергии даже в условиях ограниченности площадей пахотных земель»⁷.

Исследователи обращают внимание на деятельность по освоению маргинальных земель не только в засушливых местностях, но и там, где содержание влаги в структуре почв, напротив, повышено: «в 2000 году Международная комиссия по динамике развития отстающих и критических регионов (International Commission on Dynamics of Marginal and Critical Regions) опубликовала сборник работ, в котором обосновывается, что самым главным обстоятельством, ограничивающим освоение второстепенных по своим характеристикам земель,

включая заболоченные территории, являются высокие риски того, что такое освоение в результате не окупится. На прибыльность проектов по освоению таких участков влияют многие факторы: от состояния рынка до себестоимости работ. В ряде статей на примере отдельных стран показано, как государственная поддержка позволяет снизить предпринимательские риски, в результате чего возрастает уровень развития низкосортных земель по всему миру.

Кроме того, теория роста городов также наглядно демонстрирует, как увеличение стоимости земли предопределяет снижение рисков осуществления невыгодных вложений с точки зрения инвесторов. Согласно этому подходу, цены на участки возрастают пропорционально повышению плотности населения. Тогда как стоимость земли становится больше, затраты на освоение остаются относительно стабильными. Следовательно, потенциальная прибыльность освоения новых земельных участков находится в пропорциональной зависимости от цен на землю. Таким образом, руководствуясь обеими теориями, можно сделать вывод о том, что повышение плотности населения повышает заинтересованность инвесторов в развитии заболоченных местностей для их введения в экономический оборот»⁸.

При этом наибольшая вероятность ведения деятельности по освоению неблагоприятных земельных участков имеется в пределах территорий с высоким уровнем экономического развития, поскольку в экономически слабых регионах нет возможности для достаточных вложений в инфраструктуру, необходимую для освоения таких участков и получения доходов от их перепродажи в последующем⁹.

Иной вариант расширения полезных площадей, который также именуется освоением земель, появился в Европе в 1970-х, когда «порт Роттердам в Нидерландах был увеличен при помощи насыпей из морского песка <...> Это обеспечило дальнейшее развитие порта и улучшение его вместимости по количеству кораблей, а также строительство новых терминалов для хранения, превратив Роттердам в крупнейший порт Европы, создав дополнительные рабочие места и стимулируя экономику без ущерба уже густо населенному городу»¹⁰.

Положительный опыт Голландии положил начало новой эры «отвоения» земель у моря и их последующего освоения и использования: «в 1975 году правительство Сингапура приняло решение о строительстве нового аэропорта на восточном мысе страны. Хорошо известный сегодня аэропорт Чанги был построен на более чем 40 млн кубометрах песка, извлеченного с морского дна с использованием 7 единиц специальной техники, работавших 24 часа в сутки»¹¹.

Во-вторых, освоение земельных участков упоминается при обсуждении *использования земель*.

Так, в одном из изданий Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН использование земель определяется как проведение *подготовительных мероприятий*, осуществление активной деятельности и внесение инвестиционных вложений в отношении участка определенной катего-

3 Hanna F., Abdel-Ghani Osman M. Agricultural Land Resources and the Future of Land Reclamation and Development in Egypt // Egyptian Agriculture Profile. Montpellier : CIHEAM, 1995. P. 16.

4 Op. cit. P. 18.

5 Op. cit. P. 20.

6 Op. cit. P. 28.

7 Kang Sh., Post W. M., Nichols J. A., Wang D., West T. O., Bandaru V., Izaurralde R. C. Marginal Lands: Concept, Assessment and Management // Journal of Agricultural Science. 2013. Vol. 5. P. 129.

8 Taylor R. W. Federalism of Wetlands. Abingdon, New York : Routledge, 2014. P. 132.

9 Op. cit.

10 Kolman R. New Land by the Sea: Economically and Socially, Land Reclamation Pays. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.iadc-dredging.com/ul/cms/fck-uploaded/documents/PDF%20Articles/article-new-land-by-the-sea.pdf> (дата обращения: 15.04.2017).

11 Op. cit.

рии в целях его эксплуатации, преобразования или недопущения деградации¹².

Особенности правового обеспечения освоения земельных участков в контексте использования земель можно проанализировать на примере *Японии*, о которой подробно пишет Б. Шибата: «Центральное правительство Японии обладает суверенной властью по регулированию использования земельных участков. Хотя наиболее широкие полномочия принадлежат Парламенту страны и Кабинету министров, главным административным органом в этой сфере выступает Министерство земельных отношений, инфраструктуры и транспорта. При этом другие министерства также компетентны принимать правовые акты по вопросу землепользования, если определенный вид использования земельных участков относится к их подведомственности. <...> В целом регулирование осуществляется как в общенациональном масштабе, так и на уровне префектур и муниципалитетов»¹³.

В Японии сформировалась значительная законодательная база в сфере землепользования и освоения земельных участков: «часть нормативных правовых актов регулируют специальные вопросы как, например, Закон о прибрежных территориях, Закон о землях сельскохозяйственного назначения, Закон о городском озеленении, Закон о государственном жилищном строительстве, Закон о благоустройстве населенных пунктов. Другие акты являются более фундаментальными и общими по сфере действия, в число которых входят Основы земельного законодательства и Закон о государственном планировании использования земель <...> Основы земельного законодательства имеют несколько целей: уточнение обязанностей государства и граждан; установление базовых принципов для более специфических направлений правовой политики в сфере регулирования земельных отношений; требование осуществления планирования территорий; упорядочивание соотношения спроса и предложения в сделках в отношении земельных участков и обеспечение разумных цен; формирование корректного налогообложения; содействие стабильности жизненного уклада и охране здоровья граждан Японии»¹⁴.

Интересно обратить внимание на принципы японского земельного законодательства, которые аналогично российскому праву конкретизируются применительно к регулированию освоения земельных участков: приоритет публичных интересов над частными; использование земельных участков по их целевому назначению, определяемому в соответствии с природными, социальными, экономическими и культурными особенностями территории; ограничение спекулятивных инвестиций; справедливое обременение лиц, получающих прибыль от повышения цен на землю¹⁵.

Тогда как большинство принципов не противоречат началам российского земельного права, принцип приоритета публичных интересов над частными требует дополнительных пояснений. Как указано в статье 2 Основ земельного законодательства, «земля является ограниченным и жизненно необходимым ресурсом для всех граждан и формирует фунда-

ментальный базис для всех видов деятельности. Кроме того, цены на землю влияют на тенденции развития населения, промышленности, землепользования, социальных фондов и инфраструктуры и могут привести к изменению социальных и экономических условий в стране. Следовательно, ценовая политика в земельной сфере напрямую затрагивает публичные интересы. Публичные интересы, в свою очередь, имеют приоритет над частными»¹⁶.

Вероятно, указанный вариант регламентации освоения и использования земельных участков вытекает из территориальной специфики Японии, на протяжении всей истории испытывающего тяготы пространственных ограничений и вынужденного придерживаться централизованного управления в отношении столь ценного земельного ресурса.

Существенные отличия в правовом обеспечении освоения и использования земельных участков наблюдаются в государствах англо-саксонской правовой традиции.

В частности, практически с момента зарождения системы общего права «частное землевладение было неприкосновенно. В 1782 году Уильям Блэкстон, один из первых специалистов по общему праву, характеризовал право собственности как «единоличное и своевластное господство индивидов над материальными объектами, полностью исключая наличие у кого-либо еще во вселенной прав на них». Хотя регулирование земельных отношений практически отсутствовало, Блэкстон подчеркивал, что даже при таком толковании право собственности должно осуществляться «без какого-либо контроля со стороны или ограничений, за исключением тех, что установлены земельным правом» <...> Широкие правомочия собственников в сфере использования земельных участков по общему праву уравнивались посредством доктрины злоупотребления правом, согласно которой частным землевладельцам запрещалось использование своей собственности таким способом, который может причинить вред имуществу других лиц»¹⁷.

Дж. Нолон приводит детальный исторический экскурс в развитие земельного законодательства *Великобритании*, указывая, что описанный подход привел к негативным последствиям: «к моменту появления городов в Англии частные собственники земельных участков осваивали принадлежащие им участки в черте населенных пунктов по собственному усмотрению, возводя постройки в соответствии с рыночным спросом. Неупорядоченное землепользование в пределах городских территорий, однако, стало причиной опасного перенаселения, появления неразрешимых перебоев в работе транспорта и катализатором распространения болезней и пожаров. Такой способ регулирования не обеспечил защиту публичных интересов в безопасности жителей городов от угрозы возгорания и эпидемий. В Англии градостроительное регулирование застройки земельных участков, установившее нормы о возведении кирпичных ограждений, расширении улиц и сохранении открытых пространств вдоль реки Темза для гарантирования доступности воды при прибытии пожарных отрядов, появилось после Великого пожара 1666 года в Лондоне»¹⁸.

Указанный пример еще раз подтверждает тот факт, что деятельность по освоению земельных участков, основываясь на требованиях сочетания интересов общества и отдельно взятых граждан,

12 Gregorio A. D. Land Cover Classification System. Classification Concepts and User Manual. Rome: Food and Agriculture Organization of the United Nations, 2005. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.fao.org/docrep/008/y7220e/y7220e06.htm> (дата обращения: 15.04.2017).

13 Shibata B. Land-Use Law in the United States and Japan: A Fundamental Overview and Comparative Analysis // Washington University Journal of Law and Policy. 2002. Vol. 10. P. 167-168.

14 Op. cit. P. 171-173.

15 Op. cit. P. 173.

16 Op. cit. P. 174.

17 Nolon J. R. Historical Overview of the American Land Use System. A Diagnostic Approach to Evaluating Governmental Land Use Control. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://lawweb.pace.edu/files/landuse/Land_Use_System.pdf (дата обращения: 15.04.2017).

18 Op. cit.

не может осуществляться вне системы соответствующих правил, разрабатываемых, в том числе, для предотвращения или минимизации вредных последствий наступления чрезвычайных ситуаций.

Так, в США, более детальная регламентация порядка освоения и использования земельных участков началась с города Нью-Йорк, где обеспокоенность увеличением плотности застройки привело к созданию в 1913 году «специальной комиссии, которой было поручено изучение кардинально новой идеи: разделение города на районы в зависимости от видов разрешенного использования земельных участков. Рекомендации комиссии легли в основу разработки первой в Америке схемы территориального зонирования города Нью-Йорк в 1916 году. Населенный пункт был разделен на несколько землепользовательских районов или зон. В данных районах собственникам земельных участков разрешалось использовать землю только в тех целях, которые допустимы в конкретной зоне <...> Данная концепция быстро получила распространение. К середине 1920-х более чем в 500 муниципалитетах были приняты полноценные законы о территориальном зонировании. Полномочия для этого были переданы на локальный уровень посредством принятия специальных актов законодательными органами штатов. В США практически все штаты воспользовались данным способом, закрепив на законодательном уровне схожие нормы о зонировании, делегировавшие муниципалитетам право установления порядка использования земельных участков частными лицами <...> В каждой зоне установлены различные правила застройки. Например, ими ограничивается допустимая высота и площадь зданий и сооружений, а также этажность»¹⁹.

Тем самым, сравнительный анализ позволил выявить существенное обстоятельство, состоящее в том, что правовое обеспечение освоения земельных участков осуществляется не только на уровне земельного законодательства, но и посредством градостроительных норм, технических, строительных, санитарных и иных правил.

Наконец, в-третьих, освоение земельных участков изучается с точки зрения их *подготовки к дальнейшему использованию* по целевому назначению.

Например, такой раздел имеется в документе, подготовленном Продовольственной и сельскохозяйственной организацией ООН, по вопросу выращивания финиковых пальм.

Согласно указанным рекомендациям, «при возведении новой финиковой плантации, необходимо предпринять определенные действия для того, чтобы гарантировать ее успешную культивацию на долгосрочную перспективу. Одно из таких мероприятий предполагает первичную подготовку земель, которая должна проводиться до того, как будет произведена высадка растений»²⁰.

В документе говорится о том, что «подготовка земель проводится в целях обеспечения необходимого качества почв, что повышает шансы выживаемости новых растений. Биологические особенности финиковых пальм не позволяет пропустить этот шаг по освоению земельного участка и надеяться на долгосрочную устойчивость плантации. Цель заключается в том, чтобы позволить фермерам спланировать и структурировать процесс заранее, обеспечив успешное прорастание деревьев на плантации. Планирование составляет часть первичной подготовки и помогает сократить количество ненужных заминок в ходе реализации задуманных мероприятий. Важнейшими

факторами, которые необходимо учитывать при планировании подготовки земельного участка к высадке растений, являются следующие: доступность и качество ирригационного водоснабжения; выбор поля; механическая обработка; химические вещества, необходимые для улучшения состояния почвы; инструменты и оборудование для проведения посадки; потребности в трудовых ресурсах»²¹.

Подводя итог, следует отметить, что определение содержания понятия «освоение земельных участков», его места в системе категорий российского земельного права, рассмотрение принципов правового регулирования соответствующей деятельности и их сопоставление с зарубежными правовыми порядками образуют необходимую методологическую базу для более детального анализа конкретных юридических механизмов обеспечения реализации сформулированных в отечественном законодательстве требований к подготовке земельных участков для дальнейшего использования разрешенным способом по целевому назначению.

Пристатейный библиографический список

1. Date Palm Cultivation. Rome, 2002. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.fao.org/docrep/006/Y4360E/y4360e0a.htm> (дата обращения: 15.04.2017).
2. Gregorio A. D. Land Cover Classification System. Classification Concepts and User Manual. Rome: Food and Agriculture Organization of the United Nations, 2005. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.fao.org/docrep/008/y7220e/y7220e06.htm> (дата обращения: 15.04.2017).
3. Hanna F., Abdel-Ghani Osman M. Agricultural Land Resources and the Future of Land Reclamation and Development in Egypt // Egyptian Agriculture Profile. Montpellier: CIHEAM, 1995.
4. Kang Sh., Post W. M., Nichols J. A., Wang D., West T. O., Bandaru V., Izaurrealde R. C. Marginal Lands: Concept, Assessment and Management // Journal of Agricultural Science. 2013. Vol. 5. P. 129.
5. Kolman R. New Land by the Sea: Economically and Socially, Land Reclamation Pays. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.iadc-dredging.com/ul/cms/fck-uploaded/documents/PDF%20Articles/article-new-land-by-the-sea.pdf> (дата обращения: 15.04.2017).
6. Nolon J. R. Historical Overview of the American Land Use System. A Diagnostic Approach to Evaluating Governmental Land Use Control. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://lawweb.pace.edu/files/landuse/Land_Use_System.pdf (дата обращения: 15.04.2017).
7. Panny M. The Origins of Federal Reclamation. Ideology and Irrigation in the American West. 2010. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://aquadoc.typepad.com/files/origins-of-reclamation.pdf> (дата обращения: 15.04.2017).
8. Shibata B. Land-Use Law in the United States and Japan: A Fundamental Overview and Comparative Analysis // Washington University Journal of Law and Policy. 2002. Vol. 10. P. 167-168.
9. Taylor R. W. Federalism of Wetlands. Abingdon, New York : Routledge, 2014. P. 132.

¹⁹ Op. cit.

²⁰ Date Palm Cultivation. Rome, 2002. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.fao.org/docrep/006/Y4360E/y4360e0a.htm> (дата обращения: 15.04.2017).

²¹ Op. cit.

ДРОБЫШЕВСКИЙ Сергей Александрович

доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории государства и права Юридического института Сибирского федерального университета

РОСТОМАШВИЛИ Мэри Нугзаровна

аспирант Юридического института Сибирского федерального университета

О СВЯЗАННОСТИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОРГАНОВ ПРАВОМ

В статье проанализированы теоретические позиции о наличии и отсутствии связанности государственных органов правом. Показано, что государственные органы связаны формулируемыми ими юридическими нормами, то есть правом: государство есть вид всякой социальной организации. В любой из них ее управляющие структуры связаны сформулированными ими нормами. Причина проста. Эти нормы не могут действовать, если ими не руководствуются установившие их органы.

Ключевые слова: государственный орган, право, обязательность юридической нормы.

DROBYSHEVSKIY Sergey Aleksandrovich

Ph.D. in Law, professor, Head of Theory and history of state and law sub-faculty of the Institute of Law of the Siberian Federal University

ROSTOMASHVILY Mary Nugzarovna

postgraduate student of the Institute of Law of the Siberian Federal University

ON STATE ORGANS BEING BOUNDED BY LAW

The paper deals with the opposite theoretical positions that state organs are bound or are not bound by the law. It is revealed by the next fact. State organs are bound by its own legal norms or the law: the state is a kind of any social organization. The ruling organs of each social organization are bound by the norms formulated by such structures. The reason is simple. These rules fail if they are ignored by the mentioned organs.

Keywords: state organ, law, obligatory character of legal norm.

В научной литературе указанная связанность либо признается, либо отрицается. Как в первом, так и во втором случае это имеет практические последствия относительно пределов усмотрения государственных органов. Вот почему является актуальным попытаться понять, какая из отмеченных противоположных теоретических позиций заслуживает поддержки

Если государство не может быть связано создаваемым им правом, то для суверенной власти не существует каких-либо юридических пределов ее свободы. Например, по утверждению Ж. Бодена, «суверен не связан ни нормами права своих предшественников, ни юридическими правилами, которые конституированы им самим»¹.

Т. Гоббс подчеркивал, что «свобода суверена носит надзаконный характер»². Р. Филмер также понимал суверенитет как «неограниченную власть»³ в рассматриваемом отношении.

Был убежден в этом и Б. Спиноза. Как он писал, «верховная власть не связывается никаким законом»⁴. Другое дело, что «верховным властям принадлежит право приказывать все, что они хотят, только до тех пор, пока они действительно имеют верховную власть»⁵.

1 Дробышевский С. А. История политических и правовых учений: основные классические идеи: учеб. пособие. М., 2007. С. 69.

2 Нерсесянц В. С. Право и закон. М., 1983. С. 230-231.

3 Нерсесянц В. С. История политических и правовых учений. М., 1989. С. 38.

4 Дробышевский С. А. История политических и правовых учений: основные классические идеи: учеб. пособие. М., 2007. С. 74.

5 Спиноза Б. Избранные произведения. М., 1957. Т. 2. С. 208.

Как отмечал В. С. Нерсесянц, в России Петр I оформил неограниченность власти монарха. Этот суверен считал, что «царь никому на свете о своих делах ответа дать не должен, но и силу и власть имеет своими государствами и землями, яко христианский государь, по своей воле и благонамерению управлять»⁶.

Позже в Англии И. Бентам сделал отчасти подобный вывод. Этот мыслитель утверждал, что «... суверен свободен от правовых ограничений. Он не связан законами, изданными как им самим, так и его предшественниками»⁷.

Аналогична теоретическая позиция Г. Шершеневича. По его мнению, «государственной власти не могут быть установлены никакие границы ее деятельности»⁸.

Б. Н. Чичерин также отмечал, что в государстве верховная власть неограниченна. Это полновластие существует при всяком образе правления, ибо неразлучно с самим «существом государства как верховного союза»⁹.

Как полагал Д. Остин, «суверен не был бы таковым, если бы был связан предыдущей нормой права, изданной им самим, или же нормой права, изданной тем сувереном, преем-

6 Нерсесянц В. С. История политических и правовых учений. М., 1989. С. 304.

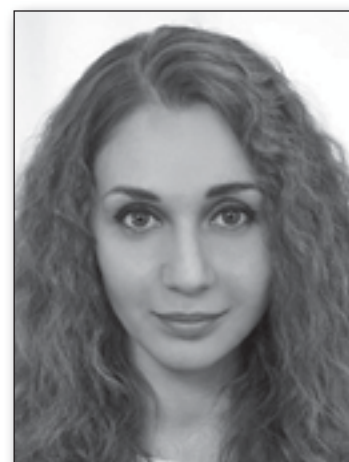
7 Марченко М. Н., Мачин И. Ф. История политических и правовых учений. М., 2010. С. 265.

8 Марченко М. Н., Мачин И. Ф. Указ. соч. С. 347.

9 Дробышевский С. А. История политических и правовых учений: основные классические идеи: учеб. пособие. М., 2007. С. 244.

Дробышевский С. А.

Ростомашвили М. Н.

ником суверенных полномочий которого он является»¹⁰. По его мнению, «каждое верховное правительство свободно от правовых ограничений... иначе говоря, верховное правительство всегда является юридически деспотическим»¹¹.

О подобных вещах писал и Г. Харт. По его представлению, «сам суверен по привычке никому не подчиняется. Он создает право для подданных, сам находясь за пределами права. При этом суверен не ограничен по определению»¹², хотя «правовое ограничение может возникнуть, если законодатель будет выполнять приказы другого законодателя, которому он подчиняется по привычке. Однако в этом случае первый законодатель перестанет быть сувереном. Если он является сувереном, то не должен подчиняться другому законодателю, а значит, его законодательная власть не ограничена законными средствами»¹³.

С. С. Митин полагает, что у государственной власти отсутствуют юридические ограничения. Это он обосновывает тем, что «в каждый момент существования государства невозможно представить, какие задачи будут стоять перед ним в будущем»¹⁴.

Согласно приведенной точке зрения Ж. Бодена, Т. Гоббса, Р. Филмера, Б. Спинозы, Петра I, И. Бентама, Г. Шершеневича, Б. Н. Чичерина, Д. Остина, Г. Л. А. Харта, и С. С. Митина государственная власть устанавливает право для подданных. Каждый из них должен подчиняться этим правилам. Причем, по мнению С. С. Митина, «для самой же государственной власти право юридически необязательно»¹⁵. Как заметил В. В. Ивановский, «здесь можно только говорить об обязанности нравственной»¹⁶. И относительно последней возможно допустить верность идеи. Нравственно для государства то, что способствует его самосохранению и прогрессу.

Иной позиции придерживается Д. Финнис. По представлениям этого ученого, «так же, как очевидно, что каждый член правящего собрания связан его императивными постановлениями, поскольку они оговаривают, что он должен (не должен) делать, очевидно и то, что единоличный правитель может постановить, что он сам должен (не должен) делать, и в таком случае будет связан этим постановлением. Если мы называем его постановление «законами», а их обязательную силу «юридической» постольку, поскольку они затрагивают и связывают всякого подвластного, почему бы нам не называть их законами, а их обязательную силу юридической постольку, поскольку они затрагивают человека, который к тому же и управляет? Неуместно будет возражать, что монарх, возможно, властен освободиться от своих обязанностей через поправку или смягчение требований, – ведь вопрос имеет отношение к позиции, которую он занимает, оценивая разумом закон, а между тем в закон, на него распространяющийся, при этом не вносится поправка или смягчение. Нет смысла и в заявлении, что обязанности монарха должны быть только «политическими» или «моральными», но не юридическими, – ведь обычно это обязанности, вытекающие не из того или иного политического «фактора» или (прямо) из какого-либо общего мораль-

ного правила, а прямо и определенно из того способа и той формы действия, которые в данном обществе в данное время считаются императивным установлением закона»¹⁷.

М. Н. Марченко также отмечал, что «право есть один из видов социальных норм, а государство – существующий в обществе социальный организм. Поэтому право является социальной нормой, определяющей поведение государства. Отсюда следует, что подчинение государственной власти праву не должно вызывать никаких сомнений. Ограничения власти правом вытекают из характера взаимодействия между властью и обществом. Ограничения эти зависят от эволюции общественного сознания. Культурное развитие общества выдвигает принцип абсолютной ценности человеческой личности, признание которого совместимо с закономерным повиновением индивидов государственной власти и с обязательной правомерностью в проявлениях последней»¹⁸.

В юридической литературе указывается, что социотригистская правовая культура характеризуется тем, что для органов государственной власти не свойственны какие-либо ограничения. «Это такой государственно-правовой режим, где государственным органам и их представителям дозволено все, где поэтому господствует государственная вседозволенность»¹⁹. Это власть без пределов, то есть беспредел, возведенный в ранг государственной политики в крайне деспотических, тиранических и тоталитарных режимах. В частности, заявляет А. П. Семитко, «государственная власть в тоталитарном варианте осуществляет всеобщий, не имеющий практически никаких границ контроль»²⁰.

Вместе с тем автор излагаемой концепции А. П. Семитко выделяет и противоположную правовую культуру – персонотригистскую. В последней государственная власть устанавливает для себя правовые ограничения. В результате этого обеспечивается режим господства права.

Отсюда ясно, что теоретическая позиция А. П. Семитко предполагает два варианта действий государственной власти, которая либо устанавливает для себя правовые ограничения, либо нет. Однако это означает, что, по мнению А. П. Семитко, объективно государственной власти не свойственны юридические ограничения. Ведь она сохраняет свое существование, обходясь без них.

Впрочем, такая позиция свойственна и ряду других теоретиков права. Так, например, А. В. Малько утверждает, что государство само себя никогда не ограничит, ограничить власть может только другая власть. «Прежде всего власть государства можно ограничить правами человека и гражданина, которые выступают своеобразным проявлением власти личности, волей гражданского общества»²¹.

Подобные взгляды были широко распространены еще в начале XX в. Г. Еллинек характеризовал их так. Исходя из положения, что государство вправе изменить всякую правовую норму, многие полагают, что само государство не может быть связано его собственным правом. Так, «в публичном праве существуют императивы по отношению к органам государства, но государство само не может ничего предписывать самому

10 Austin John. Lectures on jurisprudence or the philosophy of positive law. London, 1869. P. 270-273.

11 Дробышевский С. А. Политическая организация общества и право как явление социальной эволюции. Красноярск, 1995. С. 125.

12 Харт Г. Понятие права. СПб., 2007. С. 72.

13 Харт Г. Указ. соч. С. 72.

14 Митин С. С. Государственная власть: понятие и закономерности организации. Дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2004. С. 42.

15 Митин С. С. Указ. соч. С. 42.

16 Ивановский В. В. Учебник государственного права. Казань, 1913. С. 76.

17 Финнис Дж. Естественное право и естественные права. М., Мысль 2012. С. 316-317.

18 Философия права. Курс лекций: учебное пособие: в 2 т., Т. 1. отв. ред. М. Н. Марченко М., Проспект, 2013. С. 546-547.

19 Права человека. Энциклопедический словарь / под общ. ред. С. С. Алексеева. М., 2009. С. 37.

20 Семитко А. П. Развитие правовой культуры как правовой прогресс. Екатеринбург, 1996. С. 168.

21 Малько А. В. Стимулы и ограничения в праве. М., 2003. С. 233.

себе»²². Следовательно, «то, что для подданного является правом, для самого государства не есть право. Всякое право для государства... – правовое ничто, чуждое для него, но навязываемое им его подданным и таким образом возвышаемое для них на степень права»²³.

С этой теоретической позицией согласиться нельзя. В государстве, которое Д. Остин именовал независимым политическим обществом, суверен связан создаваемым им правом. Такая связанность существует объективно. Причем она характерна не только для любого независимого политического общества. Ее наличие вытекает из существа нормативного регулирования во всякой социальной организации, видом которой является государство.

И. И. Михайлов отметил по этому поводу следующее. «Ограничивая других, можно одновременно ограничивать и себя и быть элементом общей системы социальных ограничений, ограничивающей все общество в целом»²⁴.

В самом деле, как ранее отмечалось, любая социальная организация есть совместная деятельность ряда людей, преследующих определенную общую цель. Для этого в организации устанавливаются социальные нормы и органы управления, их формирующие.

Принцип здесь прост. Если человек вне социальной организации нарушает закономерности своей деятельности, то есть свои личные правила, то в результате этого отрицательные последствия несет лишь он сам. В объединении же людей имеет место другая ситуация. Здесь нарушение его правил, то есть закономерностей данной совместной деятельности, любым участником наносит вред всем им. Отсюда социальная организация вынуждена устанавливать органы управления, от ее имени формулирующие правила и проводящие их в жизнь, в том числе принудительно, налагая взыскания на нарушителей.

При этом формулирование отдельных социальных норм любой социальной организации означает следующее. Всякое такое правило вводится как обязательное для всех участников организации, включая орган управления, который формулирует указанную норму. В противном случае социальная организация просто не состоялась бы. Ведь цель, ради которой она создается, не была бы достигнута.

Действительно, если соблюдение ведущих к достижению цели организации закономерностей, выраженных в социальных нормах, не является уделом органа управления, то его поведение будет мешать рассматриваемому коллективу достигать указанного устремления, по крайней мере, не меньше, чем подобное деяние любого другого члена объединения. По этой причине последнее не может позволить своим органам управления быть не связанными формулируемыми ими для организации правилами.

Обязательность социальной нормы для органа управления объединения означает, что рассматриваемая норма связывает его с остальными членами вполне определенным образом. Субъективные права и обязанности, из которых состоит социальная норма, действуют для всех ее адресатов, в том числе и для органа управления. Иными словами, последний не только имеет права, установленные анализируемой нормой, но и подчинен обязанностям, которые она включает. Притом без реализации указанных прав и обязанностей органом управ-

ления социальная организация прекратит существование не с меньшей вероятностью, чем в другой ситуации. Речь идет о случае, когда свои права и обязанности согласно рассматриваемой норме не осуществляют иные члены объединения.

Сказанное позволяет понять, что орган управления всякой социальной организации связан вырабатываемыми ею нормами независимо от своего желания. Таково обязательное условие нормального функционирования любого общественного объединения.

Разумеется, описанная закономерность свойственна и для всякого независимого политического общества, то есть государства. Как известно, независимое политическое общество – вид социальной организации. Поэтому на него распространяются ее обязательные закономерности функционирования.

Вот почему во всяком государстве любой его орган связан действующими здесь юридическими нормами. Без упомянутой связанности государство не может функционировать. Поддержку данной мысли можно встретить у Б. Спинозы, который заявлял, что «если бы государство не было подчинено никаким законам или правилам, то на государство следовало бы смотреть не как на естественную вещь, а как на химеру»²⁵.

По существу, описанная закономерность предполагается в сочинениях Р. Иеринга «Цель в праве» и Г. Еллинека «Общее учение о государстве». По крайней мере в упомянутых работах содержится немало теоретических положений, отчасти ее формулирующих, разъясняющих и иллюстрирующих.

Как подчеркивал Т. Гоббс, «обладая властью издавать и отменять законы, суверен может, если ему угодно, освободить себя от подчинения отменой стесняющих его законов и изданием новых, следовательно, он уже заранее свободен»²⁶. Однако следует заметить, что связанность суверена правом все же имеет место до изменения или отмены юридического правила, равно как и при новой норме, которую он создал. Ведь последнее установление, как и предыдущее, определяет деятельность издавшего его государственного органа не в меньшей степени, чем поведение остальных своих адресатов.

Эту идею прекрасно выразил Г. Еллинек. По его мнению, когда «деятельность государства регулируется прочными правовыми нормами, возникающими и подлежащими изменению только в установленных формах, такие правила обязательны для органов государства. Вместе с тем является связанной и деятельность самого государства. Деятельность органов государства и есть сама государственная деятельность, другой же деятельности государства, кроме осуществляемой через посредство его органов, вообще не существует. В такой норме заключается гарантия для подданных, что органы государства обязаны соблюдать ее»²⁷.

Верной является и еще одна мысль Г. Еллинека. «Всякая норма дает право ожидать, что она ненарушимо будет применяться до тех пор, пока не будет правомерного основания к ее отмене. Эта уверенность является необходимым условием культурного непрерывного развития, так как только она создает социальное доверие, без которого взаимные отношения между людьми были бы возможны лишь в самых элементарных, зачаточных формах»²⁸.

Таким образом, продолжает Г. Еллинек, «в каждом правоположении заключается гарантия для подчиненных этому

22 Еллинек Г. Общее учение о государстве. СПб., 2004. С. 359.

23 Еллинек Г. Указ. соч. С. 359.

24 Михайлов И. И. Социальные ограничения. Структура и механика подавления человека. М., 2006. С. 23.

25 Антология мировой правовой мысли в 5т / под ред. О. А. Жидкова. Т. 3. М., 1999. С. 81.

26 Марченко М. Н., Мачин И. Ф. История политических и правовых учений. М., 2010. С. 101.

27 Еллинек Г. Общее учение о государстве. СПб., 2004. С. 360.

28 Еллинек Г. Указ. соч. С. 360.

праву, что пока оно действует, оно обязывает и само государство. Если государство требует от своих органов, чтобы они в своей деятельности руководствовались правом, то это зависит не от произвольного его усмотрения»²⁹, как утверждает противоположная точка зрения, «а является только исполнением его юридической обязанности. В акте правосозидания государство принимает на себя обязанность применять и осуществлять это право»³⁰.

Следовательно, по мнению Г. Еллинека, государство связано создаваемым им правом. Причем эта связанность в его представлении имеет именно правовой, а не этический характер. «Право не зависит от государства в такой мере, чтобы государство могло освободить себя от самого права. В его власти - как в фактической, так и в юридической - придать тот или другой характер правопорядку, но не решать вопрос о его существовании»³¹.

Данной позиции придерживался и Р. Иеринг. По его мнению, «устанавливая обязательность юридических норм не только для отдельных граждан, но и для своих органов, государственная власть вместе с тем получает правильную организацию и тем самым экономизирует свои силы»³².

Вдобавок, полагал Р. Иеринг, государственная власть, ограничивая себя правом, тем самым устанавливает в обществе чувство законности, которое является главным основанием ее силы. Ведь это чувство побуждает людей за пределами государственного аппарата «добровольно подчиняться его велениям»³³.

В самом деле, подданные берут пример со структур суверенной власти. Если государственные органы следуют юридическим нормам, то так поступают и подчиненные им субъекты права.

Приведенная аргументация позволяет сделать вывод о том, что государственные органы любого государства связаны формулируемыми ими юридическими нормами. Именно из этого заключения следует исходить при рассмотрении вопроса о том, каковы пределы усмотрения системы государственных органов применительно к решению практических задач государства.

Пристатейный библиографический список

1. Антология мировой правовой мысли в 5 т. / под ред. О. А. Жидкова. Т. 3. М., 1999.
2. Дробышевский С. А. История политических и правовых учений: основные классические идеи: учеб. пособие. М., 2007.
3. Дробышевский С. А. Политическая организация общества и право как явление социальной эволюции. Красноярск, 1995.
4. Еллинек Г. Общее учение о государстве. СПб., 2004.
5. Ивановский В. В. Учебник государственного права. Казань, 1913.
6. Коркунов Н. М. Лекции по общей теории права. СПб., 2003.
7. Малько А. В. Стимулы и ограничения в праве. М., 2003.

29 Еллинек Г. Указ. соч. С. 360.

30 Еллинек Г. Указ. соч. С. 362.

31 Марченко М. Н., Мачин И. Ф. История политических и правовых учений. М., 2010. С. 388.

32 Коркунов Н. М. Лекции по общей теории права. СПб., 2003. С. 319.

33 Коркунов Н. М. Указ. соч. С. 319.

8. Марченко М. Н., Мачин И. Ф. История политических и правовых учений. М., 2010.
9. Митин С. С. Государственная власть: понятие и закономерности организации. Дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2004.
10. Михайлов И. И. Социальные ограничения. Структура и механика подавления человека. М., 2006.
11. Нерсесянц В. С. История политических и правовых учений. М., 1989.
12. Нерсесянц В. С. Право и закон. М., 1983.
13. Права человека. Энциклопедический словарь / под общ. ред. С. С. Алексеева. М., 2009.
14. Семитко А. П. Развитие правовой культуры как правовой прогресс. Екатеринбург, 1996.
15. Спиноза Б. Избранные произведения. М., 1957. Т. 2.
16. Философия права. Курс лекций: учебное пособие: в 2 т., Т. 1. / Отв. ред. М. Н. Марченко. М., Проспект, 2013.
17. Финнис Дж. Естественное право и естественные права. М.: Мысль 2012.
18. Харт Г. Понятие права. СПб., 2007.
19. Austin John. Lectures on jurisprudence or the philosophy of positive law. London, 1869.

ПАНЧЕНКО Владислав Юрьевич

доктор юридических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права Юридического института Сибирского федерального университета

АНДРЕЙЧУК Артем Анатольевич

стажер-исследователь кафедры теории и истории государства и права Юридического института Сибирского федерального университета

О ПСИХИЧЕСКОМ ФЕНОМЕНЕ ПРОЕКЦИИ В ПРАВОВОТВОРЧЕСТВЕ*

В статье выдвигается гипотеза о том, что многие неоднозначные законодательные инициативы на деле не имеют объективных достаточных оснований. Согласно положениям психологии, человеческой личности свойственно приписывать окружающей среде (отдельным людям, организациям людей) содержание собственного бессознательного (феномен проекции), и от этой закономерности человеческой психики не избавлены правотворцы. Проекция людей, занимающихся правотворчеством, оформленные в виде формальных источников права, могут преобразовывать общество таким образом, что послужившие поводом для принятия закона мнимые проблемы отдельных людей становятся общественным достоянием – общество впитывает предложенную модель поведения. Избежать данного опасного следствия возможно благодаря использованию исключительно научного подхода в правотворчестве.

Ключевые слова: правотворчество, проекции, правовое регулирование, правовая психология.

PANCHENKO Vlasidislav Yurjevich

Ph.D. in Law, professor of Theory and history of state and law sub-faculty of the Institute of Law of the Siberian Federal University

ANDREYCHUK Artem Anatoljevich

intern-researcher of Theory and history of state and law sub-faculty of the Institute of Law of the Siberian Federal University

ON THE PSYCHOLOGICAL PHENOMENON OF PROJECTION IN LAWMAKING

The article proposes a hypothesis that many ambiguous legislative initiatives have in fact no objective and sufficient grounds. According to psychological findings, human personality tends to attribute the content of its own unconscious (phenomenon of projection) to external surroundings (particular individuals, communities), and this pattern of human mental state is typical for lawmakers as well. Projections of lawmakers embodied in formal sources of law may transform the society in such a way that underlying putative problems of particular persons turn into a public good. It is possible to avoid these harmful consequences by application of a purely scientific approach to lawmaking.

Keywords: lawmaking, projections, legal regulation, legal psychology.

Панченко В. Ю.

Андрейчук А. А.

В настоящее время в российской правовой жизни немало примеров неоднозначных правотворческих инициатив, как воплощенных в действующем законодательстве, так и не реализованных. Так, депутат А. Чуев с 2003 по 2009 годы трижды вносил на обсуждение парламента законопроект о дополнении УК РФ статьей, устанавливающей уголовную ответственность для «пропагандирующих гомосексуальный образ жизни» лиц¹. Законопроект не был принят². В июле 2012 года депутаты Магаданской областной думы обратились в Государственную Думу Федерального Собрания с требованием «ужесточить ответственность» за пропаганду гомосексуализма

на федеральном уровне после того, как соответствующий закон был принят на областном уровне³. Законодательное собрание Новосибирской области 28 марта 2012 года внесло в федеральный парламент законопроект, устанавливающий административную ответственность за «пропаганду гомосексуализма» среди несовершеннолетних⁴, который был принят 11 июня 2013 года практически единогласно: «за» проголосовали 436 депутатов, и только один воздержался⁵.

Вполне закономерно возникают вопросы о соответствии такого закона принципу соразмерности (пропорциональности) и сбалансированности при ограничении субъективных

* Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта Президента Российской Федерации № МД-721.2018.6.

1 Шкель Т. Еще раз про любовь (неправильную, с точки зрения некоторых депутатов) // Российская газета. 2006. № 4061 (о). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rg.ru/2006/05/05/duma.html> (дата обращения: 10.03.2018).

2 См.: Паспорт проекта Федерального закона № 311625-4 «О внесении дополнения в Уголовный кодекс Российской Федерации, предусматривающего уголовную ответственность за пропаганду гомосексуализма» (внесен депутатом Государственной Думы ФС РФ А. В. Чуевым). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3 Магаданская облдума просит Госдуму ужесточить ответственность за пропаганду гомосексуализма // Радио «Свобода» (17 июля 2012 г.). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.svoboda.org/a/24647284.html> (дата обращения: 10.03.2018).

4 Новикова И., Луганская Д. «Единую Россию» взволновала однополая любовь // Московские новости (30 марта 2012). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.mn.ru/politics/law/79746> (дата обращения: 10.03.2018).

5 Госдума приняла закон о «нетрадиционных отношениях» // BBC Russia (11 июня 2013 г.). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.bbc.com/russian/russia/2013/06/130611_duma_gay_propaganda.shtml?print=1 (дата обращения: 10.03.2018).

прав — и не только в отношении людей, чьи непосредственные права ограничил закон. Неужели в России «гомосексуальная пропаганда» действительно обладает «особой опасностью» (как об этом говорится в пояснительной записке к законопроекту) и действительно может грозить здоровью, нравственному и духовному развитию детей, потенциально формируя у них искаженные представления о социальной равноценности традиционных и нетрадиционных брачных отношений (см. Определение Конституционного суда Российской Федерации от 19 января 2010 г. № 151-О-О)? Ранее российское общество вполне обходилось без законодательного запрета гомосексуальной пропаганды. Неужели сейчас наше Отечество раздвигает гомосексуальность?

«Право, функция которого сводится к упорядочению общественных отношений, — пишет Ж.-Л. Бертель, — соединяет данные реальности с наблюдениями психологического, морального, религиозного, экономического, политического порядка и конструирует на такой основе желаемые социальные отношения». Юридическое конструирование предполагает отвлечение от реальности, «возвышение» над личным бытием и устремление к совершенству. Но в этом стремлении любая юридическая конструкция должна все-таки выполнять свое основное назначение — стать регулятором реально существующих общественных отношений⁶. Юриспруденция, по сути, строится на фикции о релевантности законодательной модели общественных отношений социальной жизни (по крайней мере, государство с помощью аппарата принуждения обеспечивает это соответствие), которая строится на другой фикции, согласно которой парламентский пул осуществляющих законодательство людей репрезентативен всему обществу. Однако юридическая наука начинается там, где она говорит законодателю «нет», поэтому мы в настоящей статье отказываемся следовать указанным фикциям и попытаемся найти научное объяснение инициативам парламентариев.

В юриспруденции распространены квазимеханистические представления о правовом регулировании, в которых законодатель лишен человеческого и низведен до абстрактно-функционального нечто. Но не всегда правильно поддаваться этому профессиональному стереотипу, ведь все делается людьми, и ничему рукотворному не чужды пороки его создателей. Человек — мера всех вещей, и искать их причинность, их недостатки нужно в нас же, не исключая правовое регулирование.

Для целей настоящей статьи начать стоит с отрицания тезиса о исходящей от ЛГБТ-сообщества опасности основанной государственной и общественной — это тезис не рассматривается: сколько государств в мировой истории балансировало на грани стабильности из-за подрывной работы ЛГБТ-сообщества? Полагаем, таковых нет. В то же время имеет значение, что для людей, ставящих данный вопрос на общественно-политическую повестку, эта тема актуальна. В итоге, хотя политика объективно не обременена некоторой проблемой, определенный пул людей искренне верит в обратное и пытается вынудить остальную часть общества думать так же. Но почему?

В психологии есть термин «проекция». Он обозначает «естественный процесс, в котором бессознательная характеристика самого человека воспринимается им как качество внешнего объекта или другого человека»⁷. Благодаря этому психологическому механизму, «собственное содержание бессознательного приписывается другому лицу. Мы склонны считать, что мир таков, каким мы его видим, что и люди таковы, какими мы их себе воображаем. Собственные мысли, чувства переживания люди переносят на других людей. Проекцию в этом случае можно рассматривать как переложение субъективного внутреннего содержания на внешний объект. Этот процесс имеет бессознательный характер. Он обнаруживает себя как спонтанный, а не во-

левой акт»⁸. «Когда проектор говорит «оно» или «они», он, как правило, имеет в виду «я» ... Чрезмерно осторожный, мнительный человек, который говорит вам, что хотел бы иметь друзей, хотел бы быть любимым, но в то же время добавляет, что «никому нельзя верить, все только и ждут, как бы ухватить у вас что-нибудь», — типичный пример проекции»⁹.

Механизм проецирования занимает важное место в отношении субъекта к окружающему миру: «авторы английской школы психоанализа утверждают, что в первые месяцы жизни ... ребенок уже проецирует свои первые агрессивные импульсы и что этот процесс чрезвычайно важен для формирования у ребенка представления об окружающем мире и для направления, в котором развивается его личность»¹⁰. В конце концов, люди рефлексируют только на основе моделей, приобретенных или врожденных. П. С. Гуревич утверждает, что «Фрейд рассматривал механизм переноса (перенос — более общее понятие по отношению к проекции — В. П., А. А.) как феномен, присущий всем человеческим отношениям»¹¹. «Юнг напоминает нам о повсеместном присутствии проекций: «Основной психологической причиной проецирования всегда становится активизированное бессознательное, которое ищет свое выражение». Об этом же он пишет и в другой работе: строго говоря, проекция никогда никем не создается; она просто возникает. Во мраке всего, существующего вне меня, я нахожу свою внутреннюю жизнь или жизнь своей психики, но этого не осознаю»¹².

«Проекция, перенос и контрперенос возникают неизбежно, так же неизбежно возникают в нашем сознании ожидания в отношении Другого, ибо нам никогда не хватало ни мужества, ни осознания, чтобы избавиться от проекций и покончить с ожиданиями. Мы остаемся людьми, пребывающими в глубокой тоске по сверхчеловеку-Другому. Следует лишь выяснить, в какой мере мы все это осознаем. Мы можем проецировать на другого свой образ Идеального Возлюбленного или/и принимать на себя такую же проекцию. В таких случаях мы временно подвергается воздействию психоза, то есть сознание поработается содержанием бессознательного. То, что обычно называется «влюбленностью», по существу является таким временным психозом»¹³.

Вследствие несоответствия проекции действительности у проектора может возникать желание исправить внешний объект: субъект «не только проецирует внутренние объекты, но и вынуждает человека, на которого он их проецирует, вести себя подобно этим объектам»¹⁴. Это называется проективной идентификацией. «Механизм проективной идентификации может быть приблизительно представлен следующим образом: субъект не просто проецирует в объект некоторые собственные психические содержания, но при этом бессознательно взаимодействует с последними так, что заставляет объект реально измениться вплоть до соответствия проекциям»¹⁵. «Анна Фрейд описывала пациентку, которая долго и настойчиво упрекала аналитика в чрезмерной скрытности. При этом она задавала ему весьма личные вопросы, на которые он не полагал возможным отвечать; в результате у аналитика и впрямь появилось ощущение, что он крайне скрытен»¹⁶. «Примером

6 Ивашевский С. Л. Юридическая конструкция как модель общественных отношений // Юридическая техника. 2013. № 7 (ч. 2). С. 266.

7 Холлис Д. Грезы об Эдеме: В поисках доброго волшебника / пер. с англ. М.: Когито-Центр, 2009. С. 217.

8 Гуревич П. С. Защитные механизмы личности — от переноса до проекции // Психологический навигатор. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://psynavigator.ru/publikacii/zaschitnyemechanizmy-lichnosti-ot-perenosa-do-proekcii> (дата обращения: 10.03.2018).

9 Перлз Ф. Гештальт-подход и свидетель терапии / пер. с англ. М. Папуша. М.: Изд-во Института Психотерапии, 2001. С. 51.

10 Фрейд А. Психология Я и защитные механизмы / пер. с англ. М. Р. Гинзбург. М.: Педагогика, 1993. С. 97.

11 Гуревич П. С. Указ. соч.

12 Холлис Д. Указ соч. С. 72.

13 Там же.

14 Нэнси М.-В. Психоаналитическая диагностика: понимание структуры личности в клиническом процессе / пер. с англ. М.: Независимая фирма «Класс», 2001. С. 68.

15 Рождественский Д. С. В пространстве переноса. СПб.: ИП Седова Е. Б., 2011. С. 102.

16 Там же. С. 108.

крайнего случая проекции может служить паранойя, клинически характеризуемая наличием у пациента хорошо организованной системы бреда. Параноик как правило оказывается в высшей степени агрессивной личностью; неспособный принять на себя ответственность за собственные иллюзии, желания и чувства, параноик приписывает их объектам или людям в своей среде. Его убежденность, что его преследуют, фактически является утверждением о том, что он хотел бы преследовать других»¹⁷.

Необходимо тщательно различать продумывание предположений (которое может быть нормальным и здоровым) и проекцию как патологический процесс. Шахматный игрок делает осознанные предположения о ходе мысли своего оппонента, литератор примеряет на своих героев маску собственных рефлексий и одновременно осознает, где кончается он сам и начинается Другой. Но «в отличие от этого, скованная сексуальными запретами женщина, которая жалуется на то, что все к ней пристаёт, или холодный, отчужденный, высокомерный мужчина, обвиняющий людей в том, что они враждебно к нему относятся, – примеры невротической проекции. В этих случаях люди делают предположения, основанные на собственной фантазии, не сознавая, что это только лишь предположения. Кроме того, они не сознают происхождения собственных предположений»¹⁸.

При проекции Другими могут выступать не только конкретные люди, но и человеческие коллективы. П. С. Гуревич рассуждает о таком историческом примере: «американский президент Р. Рейган, искавший социальную базу для неоконсервативной программы в период первого президентского марафона, объявил носителями зла безработных. В самом деле, безработный в Америке той поры жил неплохо и вовсе не перебивался с хлеба на кока-колу. В результате в американском обществе сложился определенный социальный слой людей, которые сошли с дороги потребительской гонки. Обращаясь к избирателям, которым приходилось вести на себе бремя социальных расходов, Р. Рейган изобличал тех, кто, пользуясь общественным пирогом, не участвовал в процессе его создания. А ведь такое поведение противно духу капиталистического общества, где ценность представляют инициативны, предприимчивые. Телевидение США мгновенно подхватило эту установку политического лидера. В спектаклях появились персонажи безработных, воплощающих в себе все пороки бездельников. Обозревая телевизионную продукцию тех лет, американские политологи подчеркивали: Америка не может обеспечить былую динамичность развития из-за безработных... Так работал механизм проекции. Политическому деятелю удалось переключить психическую энергию и пустить ее по ложному руслу. Режим объявил войну социальной среде»¹⁹.

С позиции того, что «проекция – это тенденция сделать среду ответственной за то, что исходит из самого человека»²⁰, вполне очевидно причина неоднозначных законодательных инициатив: получается, что по-настоящему вредная гей-пропаганда исходит от российского парламента. Не депутаты ли сделали свои внутренние неосознанные гомосексуальные проблемы общественно-политическим достоянием всей нации? «То, что мы не знаем о себе, будет проецироваться на Другого»²¹.

Понимая парламентарии истинную причину своих желаний, наверняка можно было бы избежать принятия многих неадекватных законов и, как следствие, распространения внутренних проблем отдельных людей на все общество. «Так как все отношения начинаются с проекции, развитие любых отношений включает в себя постепенный распад проекции и вызывает удивление, смятение, страх, а иногда и гнев. Затем начинаются неприятности. Лишь люди, способные обратиться к своим страхам, жить в атмосфере амбивалентности и неоднозначности, могут обрести уверенность в себе, необходимую для того, чтобы по-

любить Другого»²², то есть самих себя. «Только выстрадав устранение проекций на Другого или найдя первопричину своим симптомам, человек может прийти к осознанию того, что его враг находится у него внутри»²³.

Любому обществу нужна борьба с психическими пороками. И вполне разумно начать именно с той малой части общества, которая уполномочена транслировать свое мировоззрение на остальных. Ведь у суверена есть возможности воплотить в жизнь любой клинический случай.

Наверняка подобная идея может показаться неприемлемой некоторым народным избранникам, но законодательная система должна быть тверда и непреклонна в главном: «очень важно постоянно иметь в виду, по крайней мере, саму возможность существования проекции. Это приведет к тому, что наше эго-сознание станет значительно скромнее, а мы сможем всегда осознанно проверять свои взгляды и чувства и не тратить свою психическую энергию на преследование иллюзорных целей»²⁴. «Механизм проекции нарушает наши человеческие отношения, когда мы проецируем нашу собственную ревность и приписываем другим людям наши собственные агрессивные действия. Но он также может действовать и другим образом, позволяя нам формировать дружеские привязанности и тем самым укреплять наши отношения друг с другом»²⁵. При этом применение научного подхода не должно ограничиваться психической сферой обладающих политическим влиянием людей. Научность должна быть решающим критерием на пути приобретения силы закона любой инициативой. Обоснованность с рациональных позиций, основанность на знании – единственно верные и неподвзятые ориентиры для любой деятельности. Г. В. Лейбница «первый в истории философии произнес, что ни одно явление, ни одно утверждение не может быть истинным, действительным, справедливым, без достаточного основания. Иначе говоря, чтобы достигнуть истины, эффективного результата в любом деле, в том числе и в правовом регулировании, необходимы достаточные основания. Если их нет, по мысли философа, то не следует этого и делать, результата или действительности не будет. Современный закон логики достаточного основания, выросший из этого утверждения Лейбница, говорит, что любая идея, в том числе и закон, приобретает реальность, если становится достоянием многих, если он ожидаем, нужен или востребован большинством. Правовое регулирование строго основано на этом, в противном случае оно теряет свою действительность и, в конечном итоге, утрачивает и эффективность, и ценность»²⁶.

Пристатейный библиографический список

1. Магаданская облдума просит Госдуму ужесточить Ответственность за пропаганду гомосексуализма // Радио «Свобода» (17 июля 2012 г.). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.svoboda.org/a/24647284.html> (дата обращения: 10.03.2018).
2. Новикова И., Лутанская Д. «Единую Россию» взволновала однополая любовь // Московские новости (30 марта 2012). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.mn.ru/politics/law/7974> (дата обращения: 10.03.2018).

22 Там же. С. 100.

23 Там же. С. 43.

24 Там же. С. 80.

25 Фрейд А. Указ соч. С. 97.

26 В кризисе юридической науки во многом виноваты сами ученые: интервью с Власенко Николаем Александровичем, доктором юридических наук, профессором, заслуженным юристом Российской Федерации // Евразийский юридический журнал. 2017. № 9. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.eurasialaw.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=9030:2017-11-01-11-13-40&catid=572:---91122017-----&Itemid=926.

17 Перлз Ф. Указ соч. С. 48.

18 Там же. С. 49.

19 Гуревич П. С. Указ. соч.

20 Перлз Ф. Указ соч. С. 48.

21 Холлис Д. Указ. соч. С. 111.

КИРИЛЛОВА Татьяна Александровна

аспирант кафедры теории государства и права Башкирского государственного университета

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ЯЗЫКОВЫХ НОРМ КАК ОДНА ИЗ СТУПЕНЕЙ НА ПУТИ К ПРАВОВОМУ ГОСУДАРСТВУ В РОССИИ

Верховенство естественных и позитивных прав, осознание гражданским обществом ценности человека, а также надлежащий уровень развития правовой культуры и «правового» закона, четкие и ясные нормы права – обязательные условия установление правового государства в какой бы то ни было стране. В данной статье рассматриваются основные проблемы действующего законодательства на примере Конституции Российской Федерации, а также обосновывается необходимость совершенствования правовых норм как обязательное условие установления правового государства в России.

Ключевые слова: языковые нормы, законодательство, верховенство права, правовое государство, права человека и гражданина

KIRILLOVA Tatyana Aleksandrovna

postgraduate student of Theory of state and law sub-faculty of the Bashkir State University

PERFECTION OF LEGISLATION IN TERMS OF LANGUAGE STANDARDS AS ONE OF THE STEPS TO THE LEGAL STATE IN RUSSIA

The rule of natural and positive rights, the awareness of civil society of the value of the person, as well as the appropriate level of development of legal culture and the "legal" law, clear and evident rules of law – a prerequisite for the establishment of the legal state in any country. This article discusses the main problems of the current legislation on the example of the Constitution of the Russian Federation, as well as proves the need to improve the legal norms as a prerequisite for the establishment of the legal state in Russia.

Keywords: language norms, legislation, the rule of law, legal state, human and civil rights.

Кириллова Т. А.

Нелеп и опасен такой порядок жизни, когда смысл права выражается слишком сложно, запутанно и непонятно.
Ильин И. А.¹

«Российская Федерация - Россия есть демократическое федеративное правовое государство с республиканской формой правления», – гласит статья 1 Конституции Российской Федерации.

На наш взгляд, данное положение в части, касающейся правового государства, является не столько констатацией факта, сколько законодательным закреплением вектора развития страны на установление правового государства, т.к. в действительности такое государство в России пока находится в стадии зарождения.

С момента принятия Конституции РФ в 1993 году прошло уже немало времени, но и сейчас реальный процесс формирования в нашей стране правового государства вряд ли можно признать удовлетворительным².

Одной из причин торможения данного процесса мы видим несовершенство действующего законодательства.

«Правовой» закон призван защитить и обеспечить права и интересы всех граждан страны, не допустить злоупотребления правом конкретным человеком или группой людей, установить «золотую середину». Ведь там, где права и обязанности людей (граждан, лиц без гражданства, иностранцев) не определены, не может быть ни равенства, ни свободы, ни справедливости³. А значит, для установления справедливости любой

член общества должен иметь возможность самостоятельно, с помощью закона, уяснить границы собственных прав, определить обязанности, а также иметь возможность защитить свои права с помощью правовой нормы.

Конституция РФ года как нельзя лучше отражает смысл и назначение правового государства, закрепляя в статье 2 положение о том, что человек является высшей ценностью, а обязанность государства – признание, соблюдение и защита прав и свобод. И если с признанием прав и свобод государство справляется довольно неплохо, то обеспечить их соблюдение и защиту в полной мере силами только государства попросту невозможно. Соблюдение прав и свобод – это ежедневный процесс, который зависит от каждого члена общества, от уровня его правосознания и правовой культуры, от того, осознает ли человек границы своих прав, может ли защитить свои интересы или хотя бы понять, что произошло нарушение, и обратиться за защитой. Зачастую по причине незнания собственных прав человек вовсе не осознает факт их нарушения и вынужден мириться со сложившейся действительностью.

На сегодняшний день не каждый человек может обратиться к правовой норме самостоятельно, и верно её истолковать без посредника – юриста. Законы и подзаконные акты в нашей стране с лингвистической точки зрения имеют достаточно громоздкие, сложные конструкции, тяжелые для восприятия термины, что приводит к невозможности понимания сути и смысла правовой нормы. Для того, чтобы убедиться в этом вовсе не обязательно углубляться в изучение материального и процессуального законодательства, достаточно взглянуть на основной закон страны.

Выше мы уже привели две статьи Конституции, а потому обратимся к статье 3: «Носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ». Во-первых, сама по себе формулировка статьи вызывает немало вопросов. Например, что

1 Ильин И. А. О сущности правосознания // Соч. в 10 т.м., 1994. Т.4 С.160-161.

2 Раянов Ф. М. Правовое государство и современный мир. ООО «Юридический центр-Пресс», 2012.

3 Раянов Ф. М. Теория правового государства: проблемы модернизации. – Уфа: АН РБ, Гилем, 2010.

подразумевается под словосочетанием «источник власти» и «носитель суверенитета». Если найти Конституцию в правовой системе «КоснультантПлюс», то программа сама предложит перейти по ссылке и ознакомиться с «расшифровкой» термина «суверенитет».

Итак, в Постановлении Конституционного Суда РФ от 07.06.2000 г. №10-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Конституции Республики Алтай и Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» суверенитет, предполагающий, по смыслу статей 3, 4, 5, 67 и 79 Конституции Российской Федерации, означает верховенство, независимость и самостоятельность государственной власти, полноту законодательной, исполнительной и судебной власти государства на его территории и независимость в международном общении, представляет собой необходимый качественный признак Российской Федерации как государства, характеризующий ее конституционно – правовой статус.

К сожалению, указанное постановление не дает разъяснения о том, каким образом, народ должен быть носителем качественного признака страны и его конституционно-правового статуса. На наш взгляд, данное выше описание больше подходит суверенитету как одной и характеристик государства и его власти.

Мы прекрасно понимаем общую мысль законодателя, и более того, поддерживаем её – в правовом государстве власть должна исходить от народа, и устанавливать нормы именно в интересах гражданского общества страны и общества в целом, «ограничивая» государство, возлагая на него обязанности по защите интересов и прав гражданина, но всё же очень сомневаемся в том, что суть данной нормы будет понятна хотя бы половине дипломированных юристов, не говоря о людях иной профессиональной деятельности.

А потому на наш взгляд, лингвистическое оформление данной статьи основного закона государства не является идеальным.

В радиожурналистике есть понятие «типового слушателя» – когда контент радиостанции подбирается под определенную категорию населения, формируется некий образ слушателя, устанавливается его средний возраст, интересы.

То есть радиостанция, перед тем, как поставить ту или иную музыку или пустить в эфир программу анализирует тот факт, насколько это будет понятно, уместно и принято. На наш взгляд, органам законодательной власти в момент утверждения очередного нормативного правового акта «для людей» и во их благо стоило бы по тому же принципу проанализировать проект на предмет его принятия людьми и задать себе те же вопросы, что и редактор радиостанции – для кого мы это делаем, зачем и какой хотим получить результат.

Например, если принимается нормативный акт в области экологии необходимо при его разработке провести предварительную оценку профессиональным и научным сообществом, уточнить терминологию проекта акта, согласовать вопросы ясности и корректности определений.

В случае создания нормативного акта в сфере здравоохранения – обеспечить его анализ не только при непосредственном обсуждении в законодательном собрании, но и среди будущих правоприменителей, которыми будут выступать в том числе и обычные врачи, медсестры, не обладающие широкими познаниями в области юриспруденции.

Автор ни коем случае не говорим о том, что в процессе обсуждения нормативных актов не принимают участие представители профессионального или научного сообщества. Речь идет в большей степени о том, что любая норма права должна быть понятна каждому, а использование большого количества терминов (порой объективно обусловленное) требует их обязательной расшифровки, смысл же норм должен быть ясным и четким, позволяющим сделать однозначный вывод. Для того чтобы добиться такого понимания необходимо при создании нормы обратиться к лингвисту – для общей оценки текстовых

конструкций, стилистики, грамматики, орфографии и пунктуации, а также обеспечить обсуждение нормы среди профессионалов конкретной сферы регулирования. При этом данная необходимость, на наш взгляд, должна быть нормативно закреплена.

Основная идея правового государства такова, что законы в государстве принимаются для народа. Происходит не только своеобразное «самоограничение» государства, но и четкое установление прав и свобод человека, их гарантия и защита.

А если закон – это способ установления и защиты законных интересов человека, то наша позиция такова, что использовать данный способ должен иметь возможность в равной степени любой член гражданского общества в любой момент времени по мере необходимости.

Закон должен действовать правильно вне зависимости от субъекта правоприменения, от его юридической подготовки.

Закон – един для всех, справедлив и легитимен, и на наш взгляд, должен быть понятен для каждого.

Отношение государства к правам человека – важнейший показатель уровня развития, ступени на пути к установлению правового государства, призванного обеспечить права и свободы человека. Именно в данной формулировке как нельзя лучше отражается смысл установления правового государства, государства, в котором царит справедливость.

Конституция РФ провозгласила человека и его права главной ценностью государств. Однако закреплением данного положения проблемы с реальным состоянием прав и свобод человека гражданина в нашей стране не завершились⁴.

Связано это не только с неполным пониманием изложенной выше мысли, но и с практической реализацией данного положения.

Мы приняли новую Конституцию (хотя уместно ли сейчас называть её «новой», всё же срок действия уже 25 лет), провозгласили во всех законах верховенство прав человека и гражданина, приняли отдельные нормативные акты, касающиеся языкового регулирования норм права, мы можем даже привести в полное соответствие с данными требованиями все нормативные акты страны, но только ли в этом заключен смысл правового государства?

Разве речь идет лишь о нормативном закреплении «правильных» положений позиций? О соответствии закона формальным признакам однозначности и определенности? Представляется, что всё же смысл заключается в ином, - в реальной возможности применения закрепленных положений и идей.

Мы полагаем, что «заставить законы работать» можно только предоставив возможность каждому члену общества самостоятельно и с помощью компетентных органов осуществлять защиту и реализацию своих прав и свобод.

Добиться этого можно только одним способом – сделать законы понятными для людей и одновременно повысить уровень правовой культуры, только таким образом действующее законодательство России можно будет считать достойным правового государства.

Пристатейный библиографический список

1. Ильин И. А. О сущности правосознания // Соч. в 10 т. М., 1994. Т. 4.
 2. Мальцев Г. В. Понимание права. Подходы и проблемы. М., 1999.
 3. Раянов Ф. М. Теория правового государства: проблемы модернизации. Уфа: АН РБ, Гилем, 2010.
 4. Раянов Ф. М. Правовое государство и современный мир. ООО «Юридический центр-Пресс», 2012.
 5. Раянов Ф. М. Философия права: дискурсивный анализ и новые выводы: монография. М.: Юрлитинформ, 2017.
 6. Шершеневич Г. Ф. Общая теория права. М., 1911. Т. 2.
- 4 Раянов Ф. М. Философия права: дискурсивный анализ и новые выводы: монография. М.: Юрлитинформ, 2017. С. 223.

БЕГЛАРЯН Кристина Степановна

преподаватель кафедры теории и истории государства и права Российско-Армянского (Славянского) университета, г. Ереван (Республика Армения)

ПРАВО И ПРАВА ЧЕЛОВЕКА: СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙ

Актуальность статьи обусловлена необходимостью теоретического осмысления взаимосвязи и взаимозависимости категорий «право» и «права человека»; четкого разграничения в плоскости поставленной проблемы категории «право» от иных явлений действительности; определения значения и соотношения различных регуляторов общественных отношений и их влияния на юридическую практику.

Право как социальное явление представляет собой закономерный результат эволюции человеческой цивилизации. На современном этапе общественного развития право занимает центральное место в сфере регулирования общественных отношений. Вместе с тем иные социальные регуляторы, в частности, мораль, нравственность, религия имеют столь существенное значение в жизни общества, что в определенном смысле и в ряде случаев могут доминировать над правом. В этой связи при реализации в юридической практике такой важнейшей правовой категории как права человека, необходимо учитывать её имманентную связь и взаимозависимость с нормами морали, нравственности, традициями, обычаями, обрядами и религиозными нормами.

Ключевые слова: Право, правопонимание, права человека, мораль, нравственность, религия.

BEGLARYAN Kristina Stepanovna

lecturer of Theory and history of state and law sub-faculty of the Russian-Armenian (Slavic) University, Yerevan (Republic of Armenia)

LAW AND HUMAN RIGHTS: THE RELATIONSHIP BETWEEN THE CONCEPTS

The relevance of the article is due to the need for theoretical understanding of the relationship and interdependence of the categories of "law" and "human rights"; a clear distinction in the plane of the problem of the category of "law" from other phenomena of reality; determining the value and ratio of various regulators of social relations and their impact on legal practice.

Law as a social phenomenon is a natural result of the evolution of human civilization. At the present stage of social development, law occupies a central place in the regulation of social relations. At the same time, other social regulators, in particular, morality, religion, are so essential in the life of society that in a certain sense and in some cases may dominate the law. In this regard, when implementing in legal practice such an important legal category as human rights, it is necessary to take into account its inherent relationship and interdependence with the norms of morality, traditions, customs, rites and religious norms.

Keywords: Law, legal understanding, human rights, morality, religion.

Правопонимание – ключевой вопрос юридической науки. От понимания права, четкого представления о том, что есть право, зависит не только перспектива развития и определение путей повышения эффективности юридической науки, но и юридической практики. Вместе с тем, «любое определение права относительно, поскольку не может охватить всего многообразия различных его свойств и характеристик»¹.

Не удивительно в связи с этим, что на протяжении уже не одного столетия продолжается поиск наиболее точного определения такой многогранной категории, как право, что приводит к появлению различных подходов в исследовании его понимания.

Еще более ста лет назад Б. А. Кистяковский подметил, что «ни в какой другой науке нет столько противоречащих друг другу теорий, как в науке о праве. При первом знакомстве с нею получается даже такое впечатление, как будто она только и состоит из теорий, взаимно исключающих друг друга»².

Указанная проблема остается актуальной: на сегодняшний день, к сожалению, не выработан единый подход к пониманию права в юриспруденции, не сформирована достаточно

авторитетная и общепризнанная позиция, что негативно сказывается на состоянии правовой практики³.

Как правило, ученые-правоведы говорят о трех основных подходах к пониманию права. Так, Р. З. Лившиц выделяет нормативный, из которого следует, что право представляет собой нормативные акты, закрепляющие правила поведения; нравственный подход, где право понимается как определенные нравственные, гуманные идеи; социологический подход, представляющий право как сложившиеся в обществе отношения⁴. О схожих концепциях правопонимания говорит О. Э. Лейст⁵, а так же ряд других ученых⁶.

Однако, представляется наиболее перспективным мнение ученых, согласно которому все существующие подходы к пониманию права в сущности сводятся к двум: нормативному и широкому, который к категории права относит также правоотношение, правосознание, субъективное право⁷.

1 Байтин М. И. Вопросы общей теории государства и права. Саратов: Изд-во ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», 2006. С. 99.

2 Кистяковский Б. А. Социальные науки и право. М., 1916. С. 374.

3 Кученев А. В. Правопонимание – основа формирования правосознания личности // Человек: преступление и наказание. № 2. 2017. С. 164-327.

4 Лившиц Р. З. Государство и право в современном обществе: необходимость новых подходов // Советское государство и право. 1990. № 10. С. 18.

5 Лейст О. Э. Три концепции права // Советское государство и право. 1991. № 12. С. 3.

6 См., напр.: Бабаев В. К. Общая теория права: курс лекций. Н. Новгород, 1993. С. 112.

7 См.: Байтин М. И. Сущность права (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков). М., 2005. С. 56-57; Аверин

По мнению ученых, придерживающихся широкого подхода к пониманию права, необходимо различать право и закон, причем право в этом соотношении имеет приоритетное значение. По утверждению В. А. Четвернина, «законы должны быть правовыми, должны содержать правовые нормы, но в действительности законы, по содержанию, могут быть и неправовыми, произвольными»⁸.

Различать право и закон предлагает также В. С. Нерсесянц, утверждая, что «право – это формальное равенство... всеобщая и необходимая форма свободы в общественных отношениях людей... это всеобщая справедливость»⁹.

Профессор М. И. Байтин, критикуя взгляды В. С. Нерсесянца, указывает, что «В. С. Нерсесянц понимает под нормами права то, что в реальной жизни не может быть ничем иным, как обычаями, принципами, нравственными, корпоративными, религиозными и иными возможными правилами поведения людей», тем самым В. С. Нерсесянц включает в понятие права «неправовые явления»¹⁰.

Отношение к праву, как к совокупности моральных, нравственных норм, справедливости, то есть, как категориям, не имеющим конкретной, фиксированной формы выражения, может привести к произвольному толкованию законов каждым членом общества, который в каждом конкретном случае будет использовать соответствующие его представлениям о свободе, равенстве и справедливости субъективные критерии и параметры оценки существующих правил.

Вопрос о возникновении, значении и соотношении различных регуляторов общественных отношений исключительно важен. Однако необходимо учитывать не только признаки, характеризующие сходство, но и фундаментальные различия, существующие между правом и иными видами социальных норм.

Право как социальное явление представляет собой закономерный результат эволюции человеческой цивилизации. Одной из особенностей, отличающей человека от животного, является то, что помимо законов природы его поведение регулируется нормами, сформулированными им самим.

Можно с достаточной степенью вероятности утверждать, что первые нормы – правила поведения были справедливыми, то есть соответствующими закономерностям существования живой природы. Природная закономерность сводится не к приведению популяции к гибели, а к созданию условий для ее существования и развития¹¹. Человек всегда осознавал, что «за всяким порядком стоят законы и закономерности бытия, действующие в природе и обществе... Положение вещей в мире долгое время ассоциировалось у людей с совершенным естественным правом, источниками ненормативных, а потом нормативных требований к обществу, общественной жизни и человеку»¹².

Несомненно, на современном этапе развития человеческой популяции норма права в сфере регулирования общественных отношений занимает важнейшее место. Однако иные социальные регуляторы, и, в первую очередь, нормы морали, нравственности, религиозные нормы имеют столь существенное значение в жизни общества, что в некотором смысле (на психологическом уровне) могут, а, нередко, и доминируют над правом. Связано это в большей мере с тем, что указанные социальные регуляторы возникли в историческом плане задолго до появления права, они пронизывают все грани связей и отношений индивида с окружающими его людьми, они более доступны и понятны человеку. Этот факт необходимо учитывать, поскольку норма права, противоречащая базовым характеристикам других регуляторов общественных отношений (представлениям о должном с позиций морали, религии или устоявшихся обычаев и традиций) обречена на непринятие ее обществом и, как следствие, на неисполнение, что может привести к таким негативным явлениям, как правовой нигилизм, снижение уровня правопорядка¹³.

Вместе с тем необходимо четко разграничивать понимание категории право от иных явлений действительности.

Наиболее полно и четко, на наш взгляд, сущность и основные признаки права отражает современный нормативный подход к пониманию права, согласно которому право – это такой властно-официальный регулятор общественных отношений, который представляет собой систему общеобязательных, формально определенных норм, выражающих государственную волю общества, ее общечеловеческий и классовый характер; которые издаются или санкционируются государством и охраняются от нарушений возможностью государственного принуждения. Соответственно, выделяются следующие признаки права: государственно-волевой характер, нормативность, властно-регулятивная природа¹⁴.

Государство при помощи закона призвано поддержать баланс интересов различных социальных групп, противоречивых и конфликтующих между собой. Данная задача была бы невыполнимой при отсутствии названных признаков права.

Одним из важнейших сущностных свойств права является его регулятивная природа. Право является особым государственным регулятором общественных отношений. Оно регулирует отношения между людьми соответственно воплощенной в нем государственной воле общества. Посредством права проводится в жизнь политика государства, осуществляются его задачи и функции, кроме того, регулирующее воздействие права на общественные отношения проявляется в том, что для участников правоотношений возникают юридические последствия, предусмотренные правом.

Значимость решения вопросов, связанных с пониманием права невозможно переоценить, и важны они не только с точки зрения развития науки, но и правоприменительной практики. Данное обстоятельство подчеркивает В. В. Ершов, отмечая, что правопонимание, правотворчество и правореализация взаимосвязаны и находятся во взаимозависимости, что влечет взаимную ответственность законодателя, научных и практических работников за качество права¹⁵.

13 См.: Гроза Ю. А. Вопросы возникновения и значения социальных норм – регуляторов общественных отношений // Вестник Владимирского юридического института. 2015. № 2(35). С. 128-131.

14 Байтин М. И. Указ. Соч. С. 59-80.

15 Ершов В. В. Правопонимание, правотворчество и правореализация: современные теоретические и практические проблемы //

А. В. Судебная достоверность (Постановка проблемы). Владимир: Транзит-ИКС, 2004. С. 10-11.

8 Четвернин В. А. Понятия права и государства. Введение в курс теории права и государства. М., 1997. С. 11-12.

9 Нерсесянц В. С. Философия права. М., 2005. С. 32-35.

10 Байтин М. И. Указ. соч. С. 49.

11 См.: Аверин А. В. Правоприменительная деятельность суда и формирование научно-правового сознания судей. Проблемы теории и практики. Саратов, 2003. С. 22-23.

12 Актуальные проблемы теории государства и права: учеб. Пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / М. М. Рассолов и др.; под ред. А. И. Бастрыкина. 3-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2014. С. 140-141.

Общепризнанные естественные права человека должны занимать приоритетное место в системе национального права, а противопоставлять эти явления так же опасно, как и отрицать значимость каждого из них. Прямое закрепление прав человека в основном законе страны еще не является гарантией их реализации, равно как и отсутствие в законе перечня естественных прав и свобод не свидетельствует об их правовой незащищенности. Так, в соответствии с Конституцией Российской Федерации ратифицированные нормы и принципы международного права обладают высшей юридической силой, что гарантирует гражданам возможность защиты нарушенных прав в суде.

Категория прав человека неразрывно связана с понятием свободы, естественных, прирожденных, а потому неотчуждаемых прав. Такое понимание прав человека складывается в эпоху Просвещения, связано с буржуазными революциями, основной идеей которых была борьба за свободу.

Идея прав человека оформилась в XVII-XVIII вв. в виде научной концепции, благодаря таким ученым, как Г. Гроций, Т. Гоббс, Б. Спиноза, Д. Локк, Ж.-Ж. Руссо, Ш. Монтескье.

Идея свободы человека явилась основой для оформления теории общественного договора, определяющей место и роль публичной государственной власти в обществе и взаимоотношения между властью и обществом на основе взаимных прав и обязанностей. Обязанность повиновения людей по отношению к государству являлась обоснованной лишь тогда, когда обязательство принимается добровольно. Таким образом, государство не является единственным источником прав человека, не «дарует» их в законах своим гражданам, а закрепляет и гарантирует уже принадлежащие с рождения человеку права и свободу. В этой связи, как утверждал Шарль Луи Монтескье, законодателем должна быть учтена вся совокупность положительных законов, моральных, религиозных и естественных норм, регулирующих отношения индивидов¹⁶.

Идеи естественных неотчуждаемых прав впервые были юридически закреплены в Декларации независимости (1776) и Конституции (1787) Соединенных штатов Америки, Французской Декларации прав человека и гражданина 1789 года, Биле о правах 1789-1791 гг. Однако потребовалось еще не одно столетие, прежде чем современная концепция понимания прав и свобод человека была окончательно оформлена и признана в качестве всеобщего международного правового принципа, найдя свое закрепление в основных международных правовых документах: Всеобщей декларации прав человека 1948 года, Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 года, Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах 1966 года, Международном пакте о гражданских и политических правах 1966 года.

Указанные международные акты явились основой для закрепления принципа конституционно-правового статуса человека и гражданина в Конституциях современных государств. Так, в ч. 2 ст. 17 Конституции РФ говорится: «Основные права и свободы человека неотчуждаемы и принадлежат каждому от рождения».

Рассматривая историю становления прав и свобод человека, правоведы называют три поколения, этапа их развития, в зависимости от уровня цивилизации, культуры общества.

Первое поколение прав человека, которые были закреплены в XVII-XVIII вв.: неприкосновенность личности, свобода слова, равенство перед законом и т.п., когда человек традиционного общества, всецело подчиненный государству, приобретает независимость, право на невмешательство государства в личную сферу жизни.

Второе поколение – экономические и социальные права, для реализации которых недостаточно их провозглашения и закрепления, а необходимы определенные действия государства. Это право на труд, социальное обеспечение, образование, здравоохранение и др., которые на первый план выводят обязанность государства перед личностью, определяя особую сущность и назначение его в обществе. В соответствии со ст. 7 Конституции Российской Федерации «Российская Федерация – социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека». Данный принцип закреплен в Основных законах большинства современных государств.

Третье поколение прав – это так называемые «коллективные» или «солидарные» права: на мир, здоровую окружающую среду, право народов на самоопределение, которые были сформулированы в 70-х гг. XX в. Так, в п. 2 ст. 1 Устава ООН одной из важнейших целей организации названо развитие дружественных отношений между нациями на основе уважения принципа равноправия и самоопределения народов...; Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 1970 года провозгласила: «все народы имеют право на самоопределение; в силу этого права они свободно устанавливают свой политический статус и осуществляют свое экономическое, социальное и культурное развитие».

В конце XX в. стали говорить о так называемых «новых» правах – четвертом поколении, которые появились в результате трансформации традиционных прав, в связи с новыми реалиями общественной жизни. К ним относят, например, право на эвтаназию, на возможность создавать семью людьми одного пола, на отказ от воинской службы, права различных категорий лиц: больных СПИДом, лиц с психическими отклонениями и другие¹⁷.

В связи с тем, что понимание категории прав человека, а также перечень этих прав неизбежно расширяется, и тем самым может быть при определенном стечении обстоятельств доведен до абсурда, необходимо обозначить важнейшую сторону реализации на практике категории прав и свобод человека, проявляющуюся во взаимосвязи и взаимозависимости их с общественной моралью и нравственностью. Значительный интерес в этой связи имеет теологическое представление о связи права с моралью, поскольку важнейшими социальными регуляторами на современном этапе развития общества, влияющими на формирование основ коммуникации, являются (помимо иных) нормы морали, религии и права. Этот аспект подробно раскрывается в «Основах учения Русской Православной Церкви о достоинстве, свободе и правах человека», принятых РПЦ в 2008 г.: «С точки зрения Православной Церкви, политико-правовой институт прав человека может служить благим целям защиты человеческого достоинства и содействовать духовно-нравственному развитию личности. Для этого реализация прав человека не должна вступать в противоречие с

Российское правосудие. 2017. № 8. С. 5-24.

16 Азаркин Н. М. Монтескье. М., 1988. С. 91.

17 Конституционное право зарубежных стран: учебник для академического бакалавриата / Г. Н. Комкова, Е. В. Колесников, О. В. Афанасьева. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Изд-во Юрайт, 2014. С. 61-63.

богоустановленными нравственными нормами и основанной на них традиционной моралью. Индивидуальные права человека не могут противопоставляться ценностям и интересам Отечества, общины, семьи. Осуществление прав человека не должно быть оправданием для посягательства на религиозные святыни, культурные ценности, самобытность народа. Права человека не могут служить поводом для нанесения непоправимого урона природному достоянию»¹⁸.

Та же мысль отражена в ежегодном послании Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации. В. В. Путин высказался о защите традиционных семейных ценностей, назвав их разрушение антидемократичным: «Сегодня во многих странах пересматриваются нормы морали и нравственности, стираются национальные традиции, различия наций и культур. От общества теперь требуют не только здравого признания права каждого на свободу совести, политических взглядов и частной жизни, но и обязательного признания равноценности добра и зла – противоположных по смыслу понятий»¹⁹.

Вместе с тем, размышляя о неприкосновенности, неотчуждаемости, многообразии прав и свобод человека, признавая их и оставляя перечень прав открытым в Конституции РФ (ч. 1 ст. 55), необходимо не забывать о том, что без ограничения свобода может выродиться в анархию и вседозволенность, а вместо эволюционного развития общество придет к упадку и деградации. Государство, законодательно закрепляя и гарантируя права и свободы, не должно таким образом разрушать традиционную систему ценностей, исторически сложившуюся в данном обществе. Как справедливо отмечает А. С. Пиголкин, «эффективность законодательства будет несравненно выше, если его предписания будут опираться не только на власть, но и на общечеловеческие моральные постулаты и принципы»²⁰.

Таким образом, в интересах каждой конкретной личности, находящейся в обществе, должно иметь место такое соотношение индивидуальных прав и свобод, с одной стороны, и общесоциальных прав и свобод, с другой, при котором на основе существующего уровня социально-экономического развития данного конкретного общества личность могла иметь возможность максимально полно пользоваться благами цивилизации в своих интересах, а также в интересах своих родных и близких (микросоциум), в том время как всё общество (макросоциум) могло иметь возможность наиболее гармоничного развития, опираясь на составляющих его индивидов, находящихся в разнообразных формах личной и общественной коммуникации.

Пристатейный библиографический список

1. Аверин А. В. Правоприменительная деятельность суда и формирование научно-правового сознания судей. Проблемы теории и практики. Саратов, 2003.
2. Аверин А. В. Судебная достоверность (Постановка проблемы). Владимир: Транзит-ИКС, 2004.
3. Азаркин Н. М. Монтескье. М., 1988.
4. Актуальные проблемы теории государства и права: учеб. Пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / М. М. Рассолов и др.; под ред. А. И. Бастрыкина. 3-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2014.
5. Бабаев В. К. Общая теория права: курс лекций. Н. Новгород, 1993.
6. Байтин М. И. Вопросы общей теории государства и права. Саратов: Изд-во ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», 2006.
7. Байтин М. И. Сущность права (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков). М., 2005.
8. Гроза Ю. А. Вопросы возникновения и значения социальных норм – регуляторов общественных отношений // Вестник Владимирского юридического института. ФКОУ ВО «ВЮИФСИН». № 2(35)/2015.
9. Ершов В. В. Правопонимание, правотворчество и правореализация: современные теоретические и практические проблемы // Российское правосудие. № 8 (136). 2017.
10. Кистьяковский Б. А. Социальные науки и право. М., 1916.
11. Конституционное право зарубежных стран: учебник для академического бакалавриата / Г. Н. Комкова, Е. В. Колесников, О. В. Афанасьева. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Издательство Юрайт, 2014.
12. Кученев А. В. Правопонимание – основа формирования правосознания личности // Человек: преступление и наказание. № 2. 2017.
13. Лейст О. Э. Три концепции права // Советское государство и право. 1991. № 12.
14. Лившиц Р. З. Государство и право в современном обществе: необходимость новых подходов // Советское государство и право. 1990. № 10.
15. Нерсесянц В. С. Философия права. М., 2005.
16. Четвернин В. А. Понятия права и государства. Введение в курс теории права и государства. М., 1997.

18 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.patriarchia.ru/db/text/428616> (дата обращения: 01.12.2017 г.).

19 Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию 12 декабря 2013. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/news/> (дата обращения: 01.12.2017 г.).

20 Теория государства и права: учебник / А. С. Пиголкин, А. Н. Головицкова, Ю. А. Дмитриев; под ред. А. С. Пиголкина, Ю. А. Дмитриева. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Высшее образование, 2008. С. 448.

БЕЛЯЕВА Юлия Николаевна

младший научный сотрудник отдела теории законодательства Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации

ФУНКЦИЯ СОДЕЙСТВИЯ ЗАНЯТОСТИ НАСЕЛЕНИЯ В СОЦИАЛЬНОМ ГОСУДАРСТВЕ: ПОНЯТИЕ, СТРУКТУРА И ЕЕ СОДЕРЖАНИЕ

Статья посвящена исследованию функции содействия занятости населения в современном российском социальном государстве как одной из конституционно заявленных целей социального государства, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека. Автором были выявлены особенности реализации функции содействия занятости населения в современной России, ее содержание с применением научного метода структурно-функционального анализа и деятельностного подхода. В результате исследования предложено авторское определение «содействия занятости населения» и «функции содействия занятости населения в социальном государстве».

Ключевые слова: государство, занятость населения, содействие занятости населения, социальное государство, функция социального государства, функция содействия занятости населения.

Беляева Ю. Н.

BELYAIEVA Yuliya Nikolaevna

junior researcher of the Department of the Law theory of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation

FUNCTION OF PROMOTING EMPLOYMENT IN THE SOCIAL STATE: THE CONCEPT, STRUCTURE AND CONTENT

The article is devoted to the study of the function of promoting employment of the population in the modern Russian social state as one of the constitutionally stated goals of a social state whose policy is aimed at creating conditions that ensure a decent life and free development of a person. The author has revealed the features of the function of promoting the employment of the population in modern Russia, its content using the scientific method of structural and functional analysis and activity approach. As a result of the research, the author's definition of «promoting employment of the population» and «functions of promoting employment in the social state» is introduced.

Keywords: state, employment of population, promotion of employment of population, social state, function of social state, function of assistance to employment of population.

Функция содействия занятости населения как основное направление социального государства, обусловлена его реалиями общественной жизни, поскольку качественное совершенствование существующего уклада жизни, различных ее сторон возможно только с помощью труда и благодаря труду человека, его непосредственного участия в экономических социальных процессах.

Установление места и роли функции содействия занятости населения в социальном государстве предполагает необходимость выявления и раскрытия ее содержания.

Философский энциклопедический словарь определяет содержание того или иного объекта как философскую категорию, под которой понимается единство всех составляющих частей, элементов объекта, его свойств, внутренних процессов, связей, противоречий и тенденций¹.

Содержание также характеризуется как определенным образом упорядоченная совокупность элементов и процессов, образующих предмет или явление².

Слово «содействие» имеет несколько значений: 1) деятельное участие в чьих-нибудь делах с целью облегчить, помочь, поддержка в какой-нибудь деятельности; 2) совместное действие; соучастие.

Труд в экономической науке понимается двояко: во-первых, как процесс целесообразной деятельности людей в национальной экономике и на конкретном предприятии; во-вторых, труд рассматривается как экономический ресурс общества, который может выступать в качестве товара на соответствующем рынке.

Общепринятое определение труда как процесса состоит в том, что труд – это «процесс целесообразной деятельности людей, с помощью которой они видоизменяют предметы природы и приспособливают их для удовлетворения своих потребностей»³.

С точки зрения А. В. Кашепова, *труд как процесс* – это деятельность человека в экономике по созданию общественно полезного (рыночного) продукта. При этом формальная (зарегистрированная) и неформальная (незарегистрированная, но и не преступная) деятельность в равной мере являются трудом. Также в равной степени относятся к категории труда деятельность работодателя, бизнесмена и деятельность наемного работника – любого субъекта современной рыночной экономики⁴.

1 См.: Философский энциклопедический словарь / Л. Ф. Ильичев [и др.]; под ред. Л. Ф. Ильичева. М.: Советская энциклопедия, 1983. С. 584.

2 Философский словарь. Под ред. М. М. Розенталя. Изд. 3-е. М., Политиздат, 1975. С.372.

3 Социальная политика: учебник; под общ. ред. Н. А. Волгина. М., 2008. С. 19.

4 Экономика труда: рыночные и социальные аспекты : учебно-методический комплекс для подготовки магистров ; под общ. ред. Н. А. Волгина. М.: Изд-во РАГС, 2010. С. 230.

Автор полагает, что в основе функции содействия занятости населения лежит определенное направление деятельности государства и исследование ее содержания требует применения метода структурно-функционального анализа и деятельностного подхода для ее понимания.

В качестве элементов содержания функции социального государства содействия занятости необходимо выделить следующие составляющие:

- 1) субъекты;
- 2) объекты;
- 3) цель;
- 4) механизм реализации (формы и методы);
- 5) правовые основания;
- 6) социально-экономические и правовые результаты.

Функции социального государства реализуются профессиональными субъектами государственного управления – лицами, занимающими государственные должности Российской Федерации, и лицами, замещающими государственные должности субъектов Российской Федерации, государственными и муниципальными служащими. Таким образом, в круг профессиональной принадлежности субъектов функции содействия занятости населения входят лица, занимающие государственные должности Российской Федерации, и лица, замещающие государственные должности субъектов Российской Федерации, государственные и муниципальные служащие. Субъекты функции содействия занятости населения по функциональному признаку это органы государственной власти федерального и регионального уровня, а также органы местного самоуправления, а также созданные для реализации полномочий в сфере содействия занятости населения бюджетные учреждения, государственные компании различной учредительной формы, принимающие нормативные правовые акты, нормы которых направлены на реализацию функции содействия занятости населения.

В качестве субъектов функции социального государства содействия занятости населения в Российской Федерации выступают:

- 1) Президент Российской Федерации;
- 2) Правительство Российской Федерации;
- 3) федеральные органы исполнительной власти Российской Федерации;
- 4) органы законодательной власти Российской Федерации на федеральном уровне (Федеральное Собрание Российской Федерации);
- 5) законодательные (представительные) органы государственной власти субъектов Российской Федерации;
- 6) исполнительные органы государственной власти субъектов Российской Федерации;
- 7) органы местного самоуправления.

Осуществление комплексного государственно-правового и управленческого воздействия на процессы направленные на содействие занятости населения, сокращению безработицы, активная экономическая политика по созданию рабочих мест предполагает создание, наличие взаимосвязанных мер на всех уровнях государства и общества. Качество государственно-правового воздействия напрямую определяется от качества организации работы органов власти, участвующих в реализации государственной политике на рынке труда и занятости населения.

До провозглашения России социальным государством уже были намечены предпосылки для его создания, в том числе выработки государственной политики в сфере труда и исполнения полномочий путем образования в 1992 г. Мини-

стерства труда РФ, в 1996 г. Министерство труда и социального развития РФ на базе упраздненных Министерства труда РФ, Министерства социальной защиты населения РФ и Федеральной службы занятости России. В 2004 г. Министерства труда и социального развития РФ было упразднено и его функции были переданы Министерству здравоохранения и социального развития РФ.

Автор полагает, что именно в целях реализации майских Указов Президента Российской Федерации от 07.05.2012 г. №№ 596, 597 «О долгосрочной государственной экономической политике», «О мероприятиях по реализации государственной социальной политики», централизации управления социально-трудовой сферой и эффективному распределению бюджетных средств Министерству труда и социальной защиты Российской Федерации (далее – Минтруд России) (Указ Президента РФ от 21.05.2012 г. № 636 «О структуре федеральных органов исполнительной власти») были переданы функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере демографии, труда, уровня жизни и доходов, оплаты труда, пенсионного обеспечения, включая негосударственное, социального страхования, условий и охраны труда, социального партнерства и трудовых отношений, занятости и безработицы, трудовой миграции, альтернативной гражданской службы, государственной гражданской службы (кроме вопросов оплаты труда), социальной защиты и социального обслуживания населения, в том числе социальной защиты семьи, женщин и детей, опеки и попечительства в отношении совершеннолетних недееспособных или не полностью дееспособных граждан, а также оказания протезно-ортопедической помощи, реабилитации инвалидов, проведения медико-социальной экспертизы.

Отсутствие в течение восьми лет органа исполнительной власти на федеральном уровне непосредственно осуществляющего государственную политику на рынке труда и имеющего для этих целей адресное финансирование не могло не сказаться на занятости населения, способствовало расширению форм занятости, в том числе увеличению теневой занятости, безработице.

Организационное и правовое обеспечение функции содействия занятости населения предполагает, что регулирование процессов, направленных на активную занятость населения должно осуществляться в комплексе, определять какие тенденции происходят в обществе, экономике на основе чего определять к компетенции какого уровня власти федерального или регионального должно быть отнесено организационно-правовое обеспечение функции содействия занятости населения.

Объектом функции социального государства содействия занятости населения выступают общественные отношения, которые складываются в процессе достижения конституционной закрепленной цели социального государства – свободное развитие человека на основе реализации права граждан на труд, продуктивную и свободно избранную занятость, которая обеспечивает достойную жизнь человеку.

Цель функции социального государства содействия занятости населения – создание условий для реализации прав граждан на свободную и эффективную занятость гражданина в экономике по созданию общественно полезного продукта, которая обеспечивает экономический рост, самореализацию и свободное развитие трудовых ресурсов, их достойную жизнь, при которой у граждан отсутствует нуждаемость в государственной помощи для удовлетворения минимальных (базовых) человеческих потребностей, к которым относятся:

1) оплата жилищно-коммунальных услуг; 2) оплата аренды за жилое помещение, если у граждан нет возможности приобрести недвижимое имущество в собственность; 3) оплата кредитных продуктов на приобретение недвижимого имущества; 4) оплата продуктов питания и товаров первой необходимости; 5) оплата медицинских услуг и лечения, которые не входят в программу обязательного медицинского страхования (далее – ОМС); 6) возможность обеспечивать семью в которой трое детей.

Цель функции содействия занятости населения при реализации ее субъектами функции, использовании механизма, правовых форм и методов формируют систему функции социального государства содействия занятости населения.

Механизм реализации функции социального государства содействия занятости населения включает в себя систему форм и методов реализации данной функции на территории России. Среди правовых форм реализации нашей функции следует выделить правовые и организационные.

К правовым формам реализации функции содействия занятости населения относятся: правотворческая, правоприменительная и правоохранительная.

К организационным формам реализации функции содействия занятости населения относятся: организационная, научно-просветительская, образовательная.

Реализуя функцию содействия занятости населения государство использует следующие методы: экономические, административные, культурно-просветительские, духовные, идеологические.

Цель данной функции государства в совокупности с общими правовыми формами и методами ее реализации на действующие в обществе процессы, позволяют с уверенностью говорить о том, что данная функция имеет свою специфику и особенность, которые выделяют ее среди других функций социального государства, делая ее основополагающей и ведущей на уровне других функций социального государства, поскольку развитая эффективная экономика, крепкое политическое и экономически независимое государство неотделимы от людей, которые их создают.

В качестве *правовых оснований функции социального государства содействия занятости населения* выступают нормативные правовые акты, в том числе международные правовые акты, которые содержат правовые нормы, связанные с реализацией и стимулированием функции содействия занятости населения. Кроме того, в качестве правовых оснований указанной функции могут выступать и отдельные правоприменительные акты (например, решение о праве заниматься предпринимательской деятельностью, аудиторской деятельностью и др.), локальные акты (например, приказы образовательных учреждений различного уровня образования о выдаче диплома, который дает гражданину право на осуществление профессиональной деятельности и др.).

Среди международных правовых актов, выступающих в качестве правовых оснований функции социального государства содействия занятости населения следует отметить ряд актов, регламентирующих на международном уровне основы занятости населения, ее содействие и защиту от безработицы. В частности, Хартия социального обеспечения, Конвенция Международной организации труда «О содействии занятости и защите от безработицы», Рекомендация Международной организации труда «О политике в области занятости» и др.

Главное правовое основание для реализации функции социального государства содействия занятости населения в России было закреплено в статье 7 Конституции Российской Фе-

дерации, провозгласившее Россию социальным государством политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека, об охране труда и здоровье людей, государственной поддержке граждан, установлении пенсий, пособий и иных гарантий социальной защиты, право на свободное распоряжение своими способностями к труду, выбирать род деятельности, использовать способности и имущество для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности, защиту от безработицы.

В связи с тем, что именно человек, его права и свободы являются высшей ценностью, конституционные нормы в полной мере ориентированы на создание благоприятных условий для предпринимательской деятельности, поступления на государственную гражданскую службу, что имеет прямое значение для реализации функции содействия занятости населения и участия граждан в этом процессе.

В этой связи, рыночный тип развития экономики, экономики знаний, инновационный тип развития государства создают благоприятные условия для развития каждой своей профессиональной, творческой и иной деятельности и поддержкой гражданских инициатив со стороны государства.

Помимо Конституции РФ правовые основания функции содействия занятости населения нашли свое закрепление в Трудовом кодексе РФ, Гражданском кодексе РФ, Законе № 1032-1, документах программно-целевого характера (Государственная программа «Содействие занятости населения»), в подзаконных нормативных правовых актах, законах и иных нормативных актах субъектов Российской Федерации.

Сформировавшиеся правовые основания функции социального государства содействия занятости населения, в главной степени на основе Конституции РФ, являются основополагающим фактором для обеспечения ее ведущей роли и сохранения стабильности.

Основными *социально-экономическими результатом функции социального государства содействия занятости населения* являются создание государством такого качества экономики, образования, благоустройства общества, включения граждан в трудовой процесс, при участии в котором у граждан отсутствует нуждаемость в государственной помощи для удовлетворения минимальных (базовых) человеческих потребностей, к которым относятся: 1) оплата жилищно-коммунальных услуг; 2) оплата аренды за жилое помещение, если у граждан нет возможности приобрести недвижимое имущество в собственность; 3) оплата кредитных продуктов на приобретение недвижимого имущества; 4) оплата продуктов питания и товаров первой необходимости; 5) оплата медицинских услуг и лечения, которые не входят в программу ОМС; 6) возможность обеспечивать семью в которой трое детей.

Основными правовыми результатами реализации *функции социального государства содействия занятости населения* будет являться, во-первых, качество существующего законодательства о занятости населения, трудового, налогового, гражданского, социального законодательства, об образовании и иного, направленного на реализацию функции содействия занятости населения в государстве; во-вторых, соблюдение этого законодательства участниками правоприменения; в-третьих, возможность легальной занятости и получение дохода, которые обеспечивают гражданину удовлетворения минимальных (базовых) человеческих потребностей.

Е. Е. Орлова предлагает следующее определение содействию занятости – это предусмотренные законодательством меры, которые способствуют не только получению работы

по трудовому договору (в том числе и временной), но и организацию общественных работ, получение необходимой профессиональной подготовки, переподготовки, повышение квалификации, профориентационные услуги, информационные услуги о положении на рынке труда, вакансиях, а также меры материальной поддержки во время поиска работы⁵.

С. Х. Джиоев к содействию трудовой занятости, основанной на трудовом договоре (имеющему целью заключение такого), относит все, что более или менее непосредственно способствует ее достижению или, в конечном итоге, заключению данного договора, другими словами, совокупность (комплекс) разных вышеперечисленных мероприятий. Это содействие в узком (собственном) значении в широком смысле содействие трудовой занятости – все, что способствует не только достижению, но и сохранению и поддержанию уже достигнутой трудовой занятости, возникшей на основе заключенного трудового договора⁶.

В виду отсутствия в теории государства и права понятия «содействие занятости населения» в научной литературе и законодательстве автором предлагается следующее определение «содействия занятости населения» - это система мер, направленная на координацию деятельности участников отношений в сфере занятости с участниками иных видов деятельности (экономической, социальной, кадровой, образовательной политики и др.), целью которых является сбалансированное формирование и развитие конкурентоспособных трудовых ресурсов для рынка труда национального и международного уровня, а также система мероприятий по комплексной социальной поддержки граждан испытывающих трудности в реализации права на эффективную и свободно избранную занятость.

Применительно к государственной функции, автор полагает, что «функция содействия занятости населения в социальном государстве» – это такая функция государства предметом которой является направления деятельности государства в сфере воспроизводства рабочей силы, развития трудовых ресурсов, координации деятельности в области занятости населения с деятельностью при осуществлении иных функций государства, с целью реализации права граждан на эффективную и свободно избранную занятость, благодаря которым в экономике формируется стандарт качества жизни населения и повышения качества жизни, когда у граждан отсутствует нуждаемость в государственной помощи для удовлетворения минимальных потребностей, к которым относятся: 1) оплата жилищно-коммунальных услуг; 2) оплата аренды за жилое помещение, если у граждан нет возможности приобрести недвижимое имущество в собственность; 3) оплата кредитных продуктов на приобретение недвижимого имущества; 4) оплата продуктов питания и товаров первой необходимости; 5) оплата медицинских услуг и лечения, которые не входят в программу ОМС; 6) возможность обеспечивать семью в которой трое детей.

Пристатейный библиографический список

1. Джиоев С. Х. Правовые проблемы трудовой занятости в России: Дис. ... докт. юрид. наук / МГЮА, 2006.
2. Орлова Е. Е. О соотношении понятий содействие занятости и обеспечение занятости населения // Политика и общество. 2013. № 9 (105).
3. Социальная политика: учебник; под общ. ред. Н. А. Волгина. М., 2008.
4. Философский словарь. Под ред. М. М. Розенталя. Изд. 3-е. М., Политиздат, 1975.
5. Философский энциклопедический словарь / Л. Ф. Ильичев [и др.]; под ред. Л. Ф. Ильичева. М.: Советская энциклопедия, 1983.
6. Экономика труда: рыночные и социальные аспекты : учебно-методический комплекс для подготовки магистров ; под общ. ред. Н. А. Волгина. М.: Изд-во РАГС, 2010.

5 Орлова Е. Е. О соотношении понятий содействие занятости и обеспечение занятости населения // Политика и общество. 2013. № 9 (105). С. 1097-1102.

6 Джиоев С. Х. Правовые проблемы трудовой занятости в России: Дис. ... докт. юрид. наук / МГЮА, 2006. С. 46.

ГРАЧЁВ Никита Кириллович

аспирант кафедры теории и истории государства и права Юридического факультета Санкт-Петербургского государственного экономического университета

ИСПОЛНЕНИЕ ЭНЕРГОСЕРВИСНОГО ДОГОВОРА: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Неадекватное исполнение энергосервисного договора исполнителем зачастую может повлечь для заказчика крайне существенные убытки. В судебной практике встречаются примеры дел, в которых доказывание возникших убытков становится труднореализуемой задачей для заказчика, что порождает сомнения в эффективности энергосервисных договоров и снижает их востребованность, а, соответственно, тормозит реализацию государственных мер по обеспечению энергоэффективности. Детальное правовое обеспечение договорных отношений сторон энергосервисного договора, а также конкретизация обычных условий о распределении финансовых рисков необходимы в целях создания правовой стабильности и привлекательности деятельности по энергосбережению.

Ключевые слова: энергоэффективность и энергосбережение, энергосервисный договор, энергетические ресурсы, убытки, реальный ущерб, упущенная выгода, обязательства, надлежащее исполнение обязательств, бремя доказывания.

GRACHEV Nikita Kirillovich

postgraduate student of Theory and history of state and law sub-faculty of the Law Faculty of the St. Petersburg State University of Economics

EXECUTION OF ENERGY PERFORMANCE CONTRACTS: PROBLEMS OF THEORY AND PRACTICE

Improper performance of the energy service contract by the contractor can often lead to extremely significant losses for the customer. In judicial practice, there are examples of cases in which the proof of damages becomes a difficult task for the customer, which raises doubts about the effectiveness of energy service contracts and reduces their relevance, and therefore hinders the implementation of state measures to ensure energy efficiency. Detailed legal support of contractual relations of the parties to the energy service contract, as well as specification of the usual conditions on the distribution of financial risks are necessary in order to create legal stability and attractiveness of energy saving activities.

Keywords: energy efficiency and energy saving, energy service contract, energy resources, losses, actual damages, lost profits, obligations, proper fulfillment of obligations, burden of proof.

Из п. 1 Ст. 307 Гражданского кодекса РФ (далее – «ГК РФ») следует, что под обязательством понимается определенное действие, которое одно лицо (должник) обязано совершить в пользу другого лица (кредитора). В качестве примера в указанной статье приведены следующие действия: передача имущества, выполнение работы, оказание услуги, внесение вклада в совместную деятельность, уплата денег и т.п., либо воздержание от определенного действия. В той же статье отмечается, что кредитор имеет право требовать от должника исполнения его обязанности.

В широком смысле, обязательства заключаются в целях получения определенного результата, достигаемого посредством реализации должником и кредитором прав и обязанностей, составляющих содержание обязательства. Как уже было отмечено, содержание обязательства составляет совершение определенных действий либо наоборот, воздержание от их совершения. Подлежащие исполнению действия напрямую зависят от конкретного содержания обязательственного правоотношения. В то же время, несмотря на вариативность действий, совершаемых должником, их выполнение регулируется общими правилами. Общие правила исполнения обязательств в науке принято определять, как принципы исполнения обязательств.¹

Существует два основных принципа исполнения обязательств – принцип надлежащего исполнения и принцип реального исполнения. Ст. 309 ГК РФ закрепляет принцип надлежащего исполнения, в соответствии с которым, обязательства должны исполняться надлежащим образом в соответствии с условиями обязательства и требованиями закона, иных правовых актов, а при отсутствии таких условий и требований – в соответствии с обычаями делового оборота или иными обычно предъявляемыми требованиями. Ст. 396 ГК РФ

установлен принцип реального исполнения. Согласно данному принципу, по общему правилу, должник должен исполнить свою обязанность в натуре, то есть осуществить именно предусмотренное обязательством действие. В то же время, п. 1 ст. 396 ГК РФ предусмотрено, что в случае ненадлежащего исполнения обязательства, уплата неустойки и возмещение убытков не освобождают должника от исполнения обязательства в натуре. В свою очередь, согласно п.2 названной статьи, в случае неисполнения обязательства, возмещение убытков и уплата процентов освобождают должника от исполнения обязательства в натуре. Нужно отметить, что принцип реального исполнения является диспозитивным, поскольку он действует, если соглашением сторон не установлено иное.

При заключении энергосервисного договора, исполнитель принимает на себя обязательство по совершению определенных действий, направленных на сбережение энергии, а также на повышение энергетической эффективности на объекте заказчика. Если иное не предусмотрено договором, исполнитель обязуется совершать указанные действия лично. Кроме того, существенным условием энергосервисного договора является условие об обеспечиваемой в результате исполнения договора величине экономии энергоресурсов. Поскольку действия исполнителя по энергосервисному договору, как правило, предполагают комплекс энергосберегающих мероприятий, исполнитель считается надлежащим образом исполнившим обязательства по договору в момент окончания исполнения всех мероприятий и достижения заказчиком необходимого уровня энергопотребления. В энергосервисный договор могут быть включены дополнительные условия, в частности, обязанность исполнителя установить и ввести в эксплуатацию приборы учета потребления энергии (п. 2 ч. 3 Ст. 19 ФЗ «Об энергосбережении») или обязанность исполнителя обеспечивать согласованные сторонами режимы, условия использования энергоресурсов, и иные условия при исполнении

1 Гражданское право: учебник. Том 1. – С. 620.

договора (п. 1 ч. 3 Ст. 19 ФЗ «Об энергосбережении»). В случае включения в договор указанных условий, исполнитель будет считаться исполнившим принятые на себя обязательства в полном объеме при надлежащем выполнении указанных действий.

Положениями ФЗ «Об энергосбережении» не предусматриваются конкретные обязанности, которые принимает на себя заказчик по энергосервисному договору. В то же время, обязанности заказчика могут быть предусмотрены договором, заключаемым сторонами. В этом случае, заказчик должен исполнять обязательства принятые на себя в соответствии с договором. В частности, в договор может быть включена обязанность заказчика оплатить услуги исполнителя в соответствии с их стоимостью, и в определенном договором порядке, а также обязанность совершить иные необходимые действия, например передать исполнителю необходимую документацию, организовать постоянный доступ исполнителя на объект, предоставить в случае необходимости данные по расходу энергоресурсов за предыдущие периоды и др. Заказчик по энергосервисному договору считается исполнившим свои обязательства в полном объеме при надлежащем выполнении условий договора.

Действующим законодательством не предусмотрена специальная ответственность за неисполнение сторонами энергосервисного договора своих обязанностей, в связи с чем следует обращаться к условиям заключенного договора и общим нормам гражданского законодательства об ответственности за неисполнение обязательства. Согласно ст. 401 ГК РФ, лицо, не исполнившее обязательства либо исполнившее его ненадлежащим образом, несет ответственность при наличии вины (умысла или неосторожности), кроме случаев, когда законом или договором предусмотрены иные основания ответственности. По общему правилу, отсутствие вины доказывается лицом, нарушившим обязательство. Согласно п. 3 указанной статьи, если иное не предусмотрено законом или договором, лицо, не исполнившее или ненадлежащим образом исполнившее обязательство при осуществлении предпринимательской деятельности, несет ответственность и при отсутствии вины, кроме неисполнения обязательств в результате действия непреодолимой силы. В основном, сторонами энергосервисного договора являются субъекты предпринимательской деятельности, в связи с чем исполнитель и заказчик, как правило, несут повышенную ответственность за неисполнение обязательств из энергосервисного договора – то есть отвечают и при отсутствии вины. В том случае, когда сторонами (одной из сторон) энергосервисного договора являются некоммерческие организации, они несут ответственность за неисполнение обязательств по договору согласно п. 1 Ст. 401 ГК РФ, то есть при наличии вины, если иное не предусмотрено договором. Таким образом, обязательства сторон по энергосервисному договору должны исполняться в соответствии с принципом надлежащего исполнения.

В случае неисполнения/ненадлежащего исполнения обязательств по энергосервисному договору, его стороны несут ответственность в соответствии с реальным принципом исполнения, сформулированным в ст. 396 ГК РФ, если иное не предусмотрено договором.

В судебной арбитражной практике с каждым годом появляется все больше рассмотренных дел, связанных со спорами по поводу исполнения энергосервисных договоров. По мере развития института энергосервисного договора на российском рынке, растет и количество проблем, разрешение которых приходится искать правоприменителям.

С этой точки зрения представляется достаточно интересным проанализировать дело № А41-31254/2017, рассмотренное АС Московской области, Десятым арбитражным апелляционным судом и затем АС Московского округа в третьей инстанции.

Как усматривается из материалов дела и установлено судом, между МУП «Теплосеть» (далее – «Заказчик») и ООО «ЦИРТИ» (далее – «Исполнитель») был заключен энергосер-

висный договор, предметом которого являлось осуществление Исполнителем мероприятий, направленных на энергосбережение и повышение энергетической эффективности использования Заказчиком энергетических ресурсов при производстве тепловой энергии объектами энергосервиса. В связи с существенной просрочкой исполнения принятых на себя обязательств со стороны Исполнителя, Заказчик направил Исполнителю предложение о расторжении энергосервисного договора, на что последний ответил отказом.

Заказчик обратился в арбитражный суд с иском о взыскании с Исполнителя убытков от недостижения экономии энергетических ресурсов, которые составили 14.267.305 рублей 28 копеек. Кроме того, Заказчик полагал, что в результате неосуществления Исполнителем предусмотренных энергосервисным договором мероприятий Заказчик был лишен возможности высвобождения денежных средств вследствие сокращения штата обслуживающего персонала модернизированных котельных в сумме 11.646.640 рублей 28 копеек, а также был вынужден понести дополнительные затраты по снабжению объектов электроэнергией на сумму 4.021.944 рубля 07 копеек.

Удовлетворяя заявленные требования, суд первой инстанции указал, что они были обоснованы по праву и документально подтверждены. Постановлением суда апелляционной инстанции вышеназванное решение было отменено и принято новое решение об отказе в удовлетворении заявленного иска в полном объеме. АС Московского округа поддержал суд апелляционной инстанции и указал на следующие основные причины, по которым в заявленных исковых требованиях должно быть отказано:

– Заказчик не представил доказательств того, что в случае своевременного осуществления модернизации объектов Исполнителем реальная экономия соответствовала бы запланированным показателям и имела бы место;

– Заказчик не доказал, что после реновации он бы провел сокращения в штате, в результате чего не нес бы расходы на выплату заработной платы;

– Заключение между сторонами энергосервисный договор расторгнут по инициативе Заказчика, модернизация объектов не произведена, что не позволяет определить их реальную производительность после реновации и возможность работы без участия обслуживающего персонала;

– Заказчик не предоставил первичные документы (акты приема-передачи электрической энергии, счета на оплату, платежные поручения), подтверждающие расходы на электроснабжение объектов в спорный период. При этом доказательств того, что в случае исполнения Исполнителем принятых на себя обязательств в установленный срок энергоснабжение котельных истца не потребовалось бы, не было представлено².

В целом, выводы суда, приведенные в Постановлении представляются достаточно спорными. Суд возложил на Заказчика бремя доказывания всех обстоятельств, связанных с возникновением у него убытков в результате действий (бездействия) Исполнителя. При этом суд руководствовался общей нормой п. 1 Ст. 65 АПК РФ, согласно которой каждое лицо, участвующее в деле, должно доказать обстоятельства, на которые оно ссылается как на основание своих требований и возражений, поэтому на первый взгляд позиция суда может показаться обоснованной.

В то же время, как следует из материалов дела, между сторонами был заключен энергосервисный договор, условия которого позволяли установить объем электроэнергии, которая должна была быть сэкономлена в результате действий Исполнителя. При заключении договора Исполнитель гарантировал Заказчику именно такой положительный эффект от оказываемых им услуг.

Более того, согласно императивному требованию статьи 19 ФЗ «Об энергосбережении и повышении энергетической

2 Постановление Арбитражного суда Московского округа по делу Дело № А41-31254/2017 от 28 февраля 2018 г. // СПС «КонсультантПлюс».

эффективности», энергосервисный договор должен содержать условие о величине экономии энергетических ресурсов (в том числе в стоимостном выражении), которая должна быть обеспечена исполнителем в результате исполнения энергосервисного договора. Таким образом, данное условие является существенным, на что прямо указывает законодатель.

Представляется, что при заключении энергосервисного договора, Исполнитель должен оценить инфраструктуру Заказчика, в том числе провести обследование его объектов для формирования реалистичных прогнозов от предлагаемых им энергосервисных мероприятий. В случае недостижения согласованных сторонами результатов услуга не может считаться оказанной надлежащим образом, следовательно Исполнитель может быть привлечен к ответственности, предусмотренной законом и (или) договором.

Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 N 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств»³ установлены общие положения об ответственности и о возмещении убытков.

Как следует из п.1 указанного Постановления Пленума ВС РФ, должник обязан возместить кредитору убытки, причиненные неисполнением или ненадлежащим исполнением обязательства. Если иное не предусмотрено законом или договором, убытки подлежат возмещению в полном размере: в результате их возмещения кредитор должен быть поставлен в положение, в котором он находился бы, если бы обязательство было исполнено надлежащим образом.

С учетом разъяснений, данных Пленумом ВС РФ, представляется, что требования Заказчика о компенсации убытков за ненадлежащее исполнение энергосервисного договора должно было быть удовлетворено. Так, в случае, если бы Исполнителем были надлежащим образом и в срок исполнены обязательства, предусмотренные энергосервисным договором – Заказчик получил бы согласованную экономию электроэнергии.

Таким образом, выводы суда кассационной инстанции, приведенные в рассматриваемом Постановлении представляются достаточно спорными.

Отметим, что энергосервисный договор является относительно новым инструментом и судебная практика, связанная с его применением не является многочисленной. В доктрине также встречаются споры относительно природы данного договора и особенностей его регулирования.

Как видно из обстоятельств вышеуказанных дел, ненадлежащее исполнение энергосервисного договора исполнителем может повлечь крайне существенные убытки для заказчика. В то же время процедура доказывания факта возникновения убытков и их размера является весьма сложной. Безусловно, при таком положении дел, у заказчика могут возникать обоснованные сомнения в эффективности конструкции энергосервисного договора, что сказывается на его востребованности и как следствие негативно влияет на реализацию государственных мер по обеспечению энергоэффективности.

Анализ представленной арбитражной практики подсказывает совершенно очевидные меры совершенствования действующего законодательства в плане обеспечения надлежащего исполнения обязательств, возникающих из энергосервисных договоров. Полагаем, что в данном случае необходимо не только детальное правовое обеспечение договорных отношений сторон энергосервисного договора, но и конкретизация обычных условий о распределении финансовых рисков в целях создания правовой стабильности и привлекательности деятельности по энергосбережению.

Полагаем, что Федеральный закон «Об энергосбережении и повышении энергетической эффективности» от 23.11.2009 №

261-ФЗ необходимо дополнить положением о том, что исполнитель энергосервисного договора, в момент его заключения гарантируя заказчику достижение определенного положительного эффекта, принимает на себя риск возникновения у последнего убытков в результате ненадлежащего исполнения договора исполнителем. Данное положение должно быть диспозитивным, поскольку стороны должны иметь возможность согласовать иное распределение рисков по собственному усмотрению в зависимости от стоимости услуг, сроков их оказания и иных факторов.

Полагаем, что предложенные меры направлены на создание правовой стабильности в рассматриваемой сфере и представляются весьма актуальными для обеспечения реализации государственной политики по энергоэффективности и энергосбережению.

Пристатейный библиографический список

1. Гражданский кодекс Российской Федерации: Часть первая. ФЗ от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 29.12.2017) // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации: Часть вторая. ФЗ от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 05.12.2017) // СЗ РФ. 1996. № 5. Ст. 410, 411.
3. Федеральный закон от 23.11.2009 №261-ФЗ «Об энергосбережении и о повышении энергетической эффективности и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (ред. от 29.07.2017) // Российская газета. № 226. 27.11.2009.
4. Федеральный закон от 26.03.2003 № 35-ФЗ «Об электроэнергетике» (ред. от 29.12.2017) // «Российская газета», № 60, 01.04.2003.
5. Постановление Арбитражного суда Московского округа по делу Дело № А41-31254/2017 от 28 февраля 2018 г. // СПС «КонсультантПлюс».
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 N 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» // СПС «КонсультантПлюс».
7. Агарков М. М. Обязательство по советскому гражданскому праву. Электронное издание «Классика российской цивилистики». СПС «Консультант Плюс».
8. Городов О. А. Введение в энергетическое право: учебное пособие. – М.: Проспект, 2012. – 224 с.
9. Городов О. А. Договоры в сфере электроэнергетики. – М.: Волтерс Клувер, 2007. – 256 с.
10. Гражданское право: Учебник: в 3 т. Т. 1. / отв. ред. Ю. К. Толстой. -7-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2010. – 784 с.
11. Иоффе О. С. Обязательственное право. – М.: Госюриздат, 1975. – 603 с.
12. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. В 2 т. Т. 1. Части I, II ГК РФ / под ред. Т. Е. Абовой, А. Ю. Кабалкина; Ин-т государства и права РАН. – 6-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2011. – 926 с. – Серия: Профессиональные комментарии.
13. Комментарий к Федеральному закону от 23 ноября 2009 г. № 261-ФЗ «Об энергосбережении и о повышении энергетической эффективности и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (постатейный) (Петрусева Н. А., Коржов В. Ю.) (Подготовлен для системы КонсультантПлюс. - 2014).
14. Энергоэффективность и энергетический менеджмент: учебно-методическое пособие / Т. Х. Гулбрандсен, Л. П. Падалко, В. Л. Червинский. – Минск: БГАТУ, 2010. – 240 с.

3 Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» // СПС «КонсультантПлюс».

КИРИЛЛОВА Татьяна Александровна

аспирант кафедры теории государства и права Башкирского государственного университета

РЕГЛАМЕНТАЦИЯ ЯЗЫКА И ЯЗЫКОВЫХ НОРМ В ПРАВЕ

В данной статье рассматриваются взаимоотношения языка и правовых норм, влияние права на формирование, соблюдение и употребление языковых норм, а также проблема употребления термина «государственный язык» в действующем законодательстве.

Ключевые слова: языковые нормы, государственный язык, государство.

KIRILLOVA Tatyana Aleksandrovna

postgraduate student of Theory of state and law sub-faculty of the Bashkir State University

REGULATION OF THE LANGUAGE AND LANGUAGE NORMS IN THE LAW

This article discusses the relationship between language and legal norms, the influence of the law on the formation, observance and use of language norms, as well as the problem of the use of the term "state language" in the current legislation.

Keywords: language norms, official language, state.

Кириллова Т. А.

«В начале было слово»
Евангелие от Иоанна 1:1

Возникновение государства неразрывно связано и обусловлено возникновением и развитием права и его норм. Для координации общества, установления общих правил и требований закрепленные нормы были просто необходимы. Кроме того, неоспорим и тот факт, что без языка как такового создание государства и норм права попросту не произошло бы.

Таким образом, изначально язык, государство и право были просто неотделимы и взаимозависимы. Все три ветви государственной власти, будь то законодательная (подготовка и издание нормативных правовых актов), судебная (решение вопросов, возникающих в процессе правоотношений) или исполнительная (управление государством, применение правовых норм) – используют языковые нормы для самовыражения и осуществления собственных функций. В то время, как государство активно используя языковые нормы, функционирует и продолжает развиваться, язык как самостоятельный живой организм также не стоит на месте. И если использование языка в жизни государства не вызывает особых вопросов, то проследить обратное явление – влияние государства на язык не так уж просто.

Языковые нормы используются практически во всех сферах жизнедеятельности человека, а потому правовой статус языка – это очень важный момент отражения уровня развития государства.

В статье 26 Конституции РФ закреплено положение о том, что «каждый имеет право на пользование родным языком, на свободный выбор языка общения, воспитания и творчества».

С учетом многонациональности нашей страны эта правовая норма как нельзя лучше отражает позицию России в области языковой политики.

Возможность самоопределения и самореализации в комфортных условиях для каждого человека – основная гарантия и цель государства.

И, несмотря на то, что государственным языком признан русский, это не слишком отразится на жизнедеятельности людей, которые пользуются в обыденной жизни иным языком именно по той причине, что им гарантирована возможность использования собственного языка.

Хотя, безусловно, некоторые неудобства всё же возникнут. Невозможно в одной стране обеспечить равные условия всем языковым группам населения. Равные права на пользование языком при общении, на отстаивание своих прав в суде или при ином разбирательстве, на возможность читать и писать на выбранном языке – да, но например издать имеющиеся законы или установить по всей стране вывески и объявления на всех языках – попросту нереально.

Тем не менее, это не говорит об ущемлении прав отдельно взятых народов, а скорее отражает объективную картину действительности. Сама по себе гарантия свободы выбора языка коммуникации уже является показателем достаточно развитого государства. А выбор единого «общего» государственно-языка – это обусловленная множеством причин необходимость. При этом в статье 3 Федерального закона от 01.06.2005 г. № 53-ФЗ «О государственном языке Российской Федерации» (далее – федеральный закон № 53-ФЗ) четко регламентируются сферы обязательного применения государственного языка в деятельности органов государственной власти и местного самоуправления, организаций, в их наименованиях и наименованиях географических объектов, в процессе осуществления избирательного процесса и референдумов, при осуществлении судопроизводства, при составлении различного рода документов, в процессе правоотношения, в средствах массовой информации, в трудовых отношениях и в иных сферах. Полагается, что установление государственного языка должно способствовать взаимопониманию в процессе осуществления межнациональных связей всех народов страны.

Интересен и тот факт, что в ряде субъектов Российской Федерации устанавливается несколько государственных языков. Например, в Республике Башкортостан наряду с русским в качестве «государственного» установлен и башкирский язык.

На наш взгляд, присвоить статус государственному языку либо любому иному явлению возможно всё же только на уровне всего государства. То есть назвать второй язык Республики «государственным» – юридически необоснованно, хотя бы потому, что второй язык используется только на территории одного субъекта и не является обязательным для остальных. На Республиканском уровне, разумеется, введение второго языка, с учетом доминирующей группы населения, для которого такой язык является родным и приоритетным в общении, – это крайне обоснованное и правильное решение. Хотя формулировка для закрепления статуса такого языка не является столь удачной. Законодательного установления понятия государственного языка в настоящее время нет.

Думается, что порой законодатель не достаточно точен в формулировках, называя государственным языком официальным. Последний представляет собой более широкое понятие и не всегда может быть государственным, тогда как государственным язык признается только в момент использования его в качестве официального в четко установленных сферах. Ведь использование русского языка в процессе межличностного общения не подразумевает его государственной составляющей, здесь он выступает как и любой иной язык – способом коммуникации.

Стоит отметить, что выбор второго языка Республики обусловлен историческими и социальными факторами, нацио-

нальной принадлежностью. А выбор единого государственного языка страны связан с острой необходимостью нахождения социального компромисса. Для нашей многонациональной страны соблюсти баланс употребления всех используемых народами языков было бы просто невозможно, а потому было принято единственное верное решение – об установлении общего языка для всех с сохранением права на пользование иными языками.

Языки народов России признаны национальным достоянием государства путем установления соответствующего положения в Законе РФ от 25.10.1991 г. № 1807-1 «О языках народов Российской Федерации» (далее – Закон РФ № 1807-1). Кроме того, государство берет на себя обязанность по развитию национальных языков и гарантирует равноправие языков народов России.

Разграничение «сфер применения» между государственным языком и языками народов также установлено в Законе РФ № 1807-1.

Например, в отношениях Российской Федерации с субъектами Российской Федерации используется государственный язык, тогда как при осуществлении международной коммуникации используется как государственный язык России, так и язык соответствующей страны, которая выступает вторым субъектом коммуникации – в данном случае это является необходимым элементом взаимного уважения. В момент же разграничения сфер деятельности России и её субъектов, очевидно, главенствующую роль занимает государство, что и транслирует факт употребления именно государственного языка.

Однако при написании наименований географических объектов допускается использование языка республик наряду с государственным. Это свидетельствует также об уважении государства к традициям и культуре субъекта Российской Федерации и народа проживающего на его территории.

Следует отметить, что принцип уважения и развития языка и культуры этнических общностей установлен Федеральным законом от 17.06.1996 г. № 74-ФЗ «О национально-культурной автономии».

Государство гарантирует защиту национальных языков на социальном, экономическом и правовом уровне. Интересно, что расшифровку всех вышеизложенных способов защиты можно найти как раз в Законе РФ № 1807-1, хотя даже в этих двух нормативных актах нет единства терминологии, т.к. последний говорит уже не о правовой, а о юридической защите, видимо, предполагая синонимичность данных понятий.

На наш взгляд, термин «правовая защита» в данной ситуации более уместен и обоснован. Под юридической защитой языка подразумевается установление ответственности за нарушение законодательства о языках народов России. Правовая же защита языка, в отличие от юридической, на наш взгляд, может обеспечить защиту языка не только путем установления ответственности, но и путем установления соответствующих гарантий в иных нормативных актах.

Так, Федеральный закон № 53-ФЗ направлен на обеспечение использования государственного языка Российской Федерации на всей территории Российской Федерации, обеспечение права граждан Российской Федерации на пользование государственным языком Российской Федерации, защиту и развитие языковой культуры.

Кроме того, на основании постановления Правительства РФ от 23.11.2006 г. № 714 «О порядке утверждения норм современного русского литературного языка при его использовании в качестве государственного языка Российской Федерации, правил русской орфографии и пунктуации» и Приказа Минобрнауки РФ от 08.06.2009 г. № 195 «Об утверждении списка грамматик, словарей и справочников, содержащих нормы современного русского литературного языка при его использовании в качестве государственного языка Российской Федерации» был установлен список грамматик, словарей и справочников, содержащих нормы современного русского литературного языка при его использовании в качестве государственного языка Российской Федерации.

Согласно вышеуказанному постановлению Правительства РФ под нормами современного русского литературного языка при его использовании в качестве государственного языка Российской Федерации понимается совокупность языковых

средств и правил их употребления в сферах использования русского языка как государственного языка Российской Федерации.

Таким образом, полагаем возможным сделать вывод, о том, что установленные вышеназванным списком литературные нормы будут использоваться в процессе правотворческой деятельности, т.к. нормативные правовые акты должны быть составлены именно на государственном языке.

К сожалению, на практике не всегда текст нормативного правового акта составлен на грамотном литературном языке. Кроме того, неизбежно вводится использование в данных актах юридических терминов и понятий, которые порой непросты для восприятия населением и понятны только профессиональным юристам.

Федеральный закон № 53-ФЗ имеет ряд недостатков – так, в статье 6 говорится о том, что «при использовании русского языка как государственного языка Российской Федерации не допускается использование слов и выражений, не соответствующих нормам современного русского литературного языка (в том числе нецензурной брани), за исключением иностранных слов, не имеющих общеупотребительных аналогов в русском языке». Само по себе выражение «нецензурная брань» уже подпадает под такую лингвистическую категорию как плеоназм (многословие), т.е. использование в одном словосочетании синонимичные понятия. Для понимания поставленной проблемы достаточно лишь задать себе вопрос о том, может ли брань быть цензурной, и если да, то может ли брань, будь то цензурная или нецензурная, применяться при использовании государственного языка.

На наш взгляд, ни одно нецензурное выражение, включая какую бы то ни было брань, не может и не должно использоваться в официальном общении с использованием государственного языка.

Подводя итог, можно сказать о том, что взаимоотношения языка и государства с точки зрения влияния последнего на языковые нормы в настоящее время не слишком развиты. Действующие правовые нормы регламентируют в достаточной мере разве что сферы употребления государственного языка и языков субъектов РФ, тогда как сами языковые нормы в большей степени предоставлены сами себе на пути своего развития. Нельзя сказать, что это однозначно негативный момент. Обеспечить полную и четкую регламентацию языковых норм невозможно объективно хотя бы потому, что развивается язык ежеминутно, вместе с развитием общества появляются неологизмы, новые значения прежних слов, и государство попросту не может и не должно отражать каждый подобный момент в законодательстве.

На наш взгляд, введение всеобъемлющей правовой регламентации употребления языковых элементов будет приравнено к жесткой цензуре, а потому в этом попросту нет необходимости. Однако анализ действующего законодательства в сфере применения языка наглядно показывает несовершенство действующих правовых норм. Законы о языках требуют доработки, как минимум, с точки зрения языковых норм и правил.

Пристатейный библиографический список

1. Конституция Российской Федерации // Собрание законодательства РФ. 17.06.1996. № 25. С. 2965.
2. Федеральный закон от 01.06.2005 г. № 53-ФЗ «О государственном языке Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 06.06.2005. № 23. Ст. 2199.
3. Федеральным законом от 17.06.1996 г. № 74-ФЗ «О национально-культурной автономии» // Собрание законодательства РФ. 17.06.1996. № 25. Ст. 2965.
4. Закон РФ от 25.10.1991 г. № 1807-1 «О языках народов Российской Федерации» // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 12.12.1991. № 50. Ст. 1740.
5. Постановление Правительства РФ от 23.11.2006 г. № 714 «О порядке утверждения норм современного русского литературного языка при его использовании в качестве государственного языка Российской Федерации, правил русской орфографии и пунктуации» // Собрание законодательства РФ. 27.11.2006. № 48. Ст. 5042.
6. Приказ Минобрнауки РФ от 08.06.2009 г. № 195 «Об утверждении списка грамматик, словарей и справочников, содержащих нормы современного русского литературного языка при его использовании в качестве государственного языка Российской Федерации» // Российская газета. 21.08.2009. № 156.

ПАНЧЕНКО Владислав Юрьевич

доктор юридических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права Юридического института Сибирского федерального университета

МАКАРОВ Виктор Александрович

стажер-исследователь кафедры теории и истории государства и права Юридического института Сибирского федерального университета

ПРОВОКАЦИИ В ПРАВОВЫХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯХ: К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ

В статье анализируются подходы к понятию провокации в различных социальных науках (истории, философии, политологии, лингвистике, психологии). На этой основе авторы формулируют понятие провокации в правовых взаимодействиях и проводят его соотношение с представлениями о провокации в нормативных правовых актах, постановлениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации и работах ученых-юристов в сфере уголовного, уголовно-процессуального права, криминологии и теории оперативно-розыскной деятельности.

Ключевые слова: правовое взаимодействие, провокация, правовое регулирование, теория права.

PANCHENKO Vladislav Yurjevich

Ph.D. in Law, professor of Theory and history of state and law sub-faculty of the Institute of Law of the Siberian Federal University

MAKAROV Viktor Aleksandrovich

intern-researcher of Theory and history of state and law sub-faculty of the Institute of Law of the Siberian Federal University

PROVOCATIONS IN LEGAL INTERACTIONS: THE CONCEPT

The article analyzes approaches to the concept of provocation in different social sciences (history, philosophy, political science, linguistics, psychology). On this basis, the authors formulate the concept of provocation in legal interactions and compare it to those definitions that are used in legislation, judgements of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation and works of legal scholars in the field of criminal law, law of criminal procedure, criminology and theory of criminal investigation.

Keywords: legal interaction, provocation, legal regulation, theory of law.

Панченко В. Ю.

Макаров В. А.

В европейской рационалистической философии провокация рассматривается как действие, направленное на ослабление контроля разума над чувствами, а значит ведущее от социального порядка к хаосу¹. Для того, чтобы блокировать или сильно ограничить контролируемую инстанцию провокационное действие должно стать серьезным вызовом: оскорблять, унижать, приводить в негодование, преступать принятые нормы. В этом случае результатом провокации будут сильные аффекты (злость, гнев, ярость, унижение, обида), которые сложно поставить под контроль сознания.

В исторической науке провокацию рассматривают как исключительно негативное явление, обязательными признаками которого выступают политические мотивы и определенные цели², провокация есть политическая акция, нацеленная на то, чтобы подтолкнуть оппонента на заведомо проигрышные для него действия, приписать их ему.

В политологии встречается схожая негативная оценка провокаций. Е. И. Пашенцев, анализируя недавние события в Украине, отмечает, что все, что там происходит является частью провокации стратегического порядка. Под провокацией автор понимает проецирование в массовое создание государством определенных стратегических ценностей, интересов и целей путем адекватной синхронизации разносторонней деятельности во всех областях общественной жизни и ее профессиональным коммуникационным сопровождением. Такое проецирование имеет место и в рамках международной провокации, истинные

цели которой не провозглашаются, а, наоборот, всячески маскируются отвлекающими действиями и соответствующей коммуникационной поддержкой, поскольку ее инициаторы не заинтересованы в выявлении своих истинных намерений³.

В лингвистике провокацию понимают как речевое воздействие, побуждающее партнера к речевым реакциям (действиям) влекущим нежелательные для него последствия⁴ или как «целенаправленное, мотивированное, преимущественно контролируемое коммуникативное поведение, направленное на получение информации, которую собеседник не желает сообщать добровольно, либо дестабилизацию его эмоционального состояния⁵». По сути, лингвисты в рамках своего предмета изучения рассматривают провокацию как некое побудительное высказывание, направленное на достижение указанных выше целей.

В психологии провокация считается одной из форм манипуляции, т. е. воздействия на человека, преследующего какую-либо цель⁶.

Обобщая изложенное, провокацию можно определить как вид манипуляции, представляющий собой мотивирован-

1 Дмитриев А. В. Понятие провокации // Провокация: сферы коммуникативного проявления: сборник статей. 2016. С. 11.

2 Там же. С. 10. Так, власти Третьего рейха использовали поджог Рейхстага наемным провокаторм для масштабных акций против коммунистов, социалистов и евреев. Провокация была использована и для развязывания Второй мировой войны (см. подр.: Ширер У. Фашизация Германии: 1933-1934 годы // Взлет и падение Третьего рейха М., 1991. Т. 1.; Мельтюхов М. И. Советско-польские войны. Военно-политическое противостояние. М., 2001. С. 57).

3 Пашенцев Е. Н. Провокация как элемент стратегической коммуникации США: опыт Украины / Государственное управление. Электронный вестник. Выпуск № 44. 2014. С. 149.

4 Варлакова Т. В. Речевая провокация как объект судебной лингвистической экспертизы // Научный вестник Омской академии МВД России. 2013. № 4. С. 35.

5 Иссерс О. С. Стратегия речевой провокации в публичном диалоге // Русский язык в научном освещении. М., 2009. № 2. С. 93.

6 Сюева Н. А. Провокативные приемы при формировании антикоррупционного сознания // Образование и наука. 2013. № 3. С. 50. Так, в психотерапии провокацию используют как способ активации ресурсов клиента. (Фарелли Ф., Брандема Д. Провокационная терапия. Екатеринбург, 1996. С. 40)

ное действие одной стороны, направленное на вызов выгодной для нее прогнозируемой реакции другой стороны.

Провокация характеризуется следующими признаками:

– представляет собой действие или совокупность определенных действий (политическая акция, речевое воздействие – высказывание побудительного характера, карикатура, подстрекательство, демонстрация, физическое воздействие и т. д.);

– совершается с целью вызвать выгодную для субъекта провокации реакцию провоцируемого. Применительно к различным социальным ситуациям эта цель конкретизируется (конкретными целями провокации могут быть, в частности, активация ресурса клиента (больного) для его эффективного лечения, получение информации, которую провоцируемый не желает сообщить добровольно, дестабилизация эмоционального состояния провоцируемого, подталкивание оппонента к совершению заведомо проигрышных для него действий и т. д.);

– осуществляется осознанно, провокатор желает получить определенный результат. Провокация влечет наступление определенных последствий, которые напрямую зависят от начальных целей провокатора (если цели условно отрицательные, например, дестабилизировать эмоциональное состояние провоцируемого, то и последствия провокации, скорее всего, будут также отрицательными: злость, гнев, унижение, обида – однако возможны и исключения, например, если психотерапевт, используя вышеописанный метод Ф. Фарелли, ошибается в выборе форм провокации и, насмехаясь над больным, приводит его в еще более пагубное состояние). Возможны, правда, и ситуации, когда провоцируемый не поддается на провокацию и действия провокатора не приносят результата;

– используется в ситуации, когда необходимо изменить существующее положение вещей. При использовании провокаций действия, которые предпринимает провокатор для достижения своей цели, могут быть альтернативны. Например, провокатор хочет, чтобы провоцируемый применил к нему физическое насилие. Провокатор может осуществить провокацию путем речевого воздействия или путем физического воздействия и теоретически может получить одинаковый результат.

Указанные признаки позволяют рассматривать провокацию как определенное средство социального взаимодействия⁷, видом (формой) которого выступают и взаимодействия правовые⁸, отличающиеся тем, что попадают в рамки действия нормативно-регулятивных средств, в них учувствуют субъекты права, а предметом выступает юридически значимая деятельность или ее результаты.

Провокация в правовых взаимодействиях следует понимать как действие одного субъекта права, направленное на вызов выгодной для него, прогнозируемой юридически значимой реакции другого субъекта права, как правило, влекущее наступление юридических последствий.

Среди специфических признаков провокации в правовых взаимодействиях (провокации в праве) можно выделить следующие: действие не любого субъекта социальных взаимодействий, а именно субъекта права; действие, направленное на вызов юридически значимой реакции провоцируемого; наступление в результате провокации определенных юридических последствий (как правило).

В науке уголовного права под провокацией понимают: 1) вовлечение другого лица в совершение преступления с целью вызвать впоследствии наступление неблагоприятных для него последствий⁹; 2) умышленную одностороннюю деятельность, направленную на моделирование такого поведения другого лица, которое имело бы все внешние признаки преступления с целью дискредитации, шантажа либо создания искусственных доказательств обвинения, если при этом деяние провоци-

руемого фактически не обладает признаками виновности¹⁰; 3) умышленные односторонние действия виновного, направленные на склонение другого лица к совершению преступления с целью его последующего изобличения в совершенном преступлении правоохранительными органами¹¹.

В теории уголовного процесса провокацию понимают как оказание на лицо влияния с целью подстрекать его к совершению преступления (которое иначе не было бы совершено) с тем, чтобы можно было собрать доказательства и осуществить уголовное преследование¹².

В виктимологии провокацию определяют как отрицательное поведение жертвы, которое вызывает противоправные действия возможного преступника. При этом в зависимости от психического отношения жертвы к своему поведению различают сознательную и несознательную, а с позиции ее внутреннего отношения к действиям провоцируемого лица активную (прямую и косвенную) и пассивную провокацию¹³.

Так, в ст. 304 УК РФ установлена уголовная ответственность за провокацию взятки или коммерческого подкупа. Законодатель понимает под провокацией попытку передачи должностному лицу, иностранному должностному лицу, должностному лицу публичной международной организации либо лицу, выполняющему управленческие функции в коммерческих или иных организациях, без его согласия денег, ценных бумаг, иного имущества или оказания ему услуг имущественного характера, предоставления иных имущественных прав в целях искусственного создания доказательств совершения преступления либо шантажа».

Такое определение вполне соответствует общему определению провокации в праве.

Свой подход к интерпретации понятия провокации и его правового значения сложился в практике Европейского суда по правам человека (далее – ЕСПЧ). По его мнению, провокация преступления со стороны полиции имеет место там, где задействованы должностные лица – сотрудники служб безопасности или лица, действующие по их распоряжению – не ограничивающиеся фактически необходимой пассивной следственной деятельностью, а оказывающие такое влияние на рассматриваемое лицо, как подстрекательство к совершению преступления, которое в ином случае не было бы совершено, с целью получения возможности установить факт совершения преступления, то есть обеспечить доказательства и начать уголовное преследование¹⁴. Подход ЕСПЧ к определению провокации не противоречит данному нами выше определению провокации в правовых взаимодействиях.

Пленум Верховного Суда Российской Федерации в постановлении от 9 июля 2013 г. «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» высказал свою позицию по поводу одной из видов провокаций в праве¹⁵. Исходя из п. 34 данного постановления следует, что провокация коррупционного преступления – это действия сотрудников правоохранительных органов по склонению лица к получению взятки, в результате которых провоцируемое лицо получило взятку, при условии, что без вмешательства сотрудников правоохранительных органов умысел на преступления у лица бы не возник.

Таким образом, общее определение провокации в правовых взаимодействиях, сформулированное нами, не противоречит взгляду на провокацию Европейского суда по правам человека, Пленума Верховного суда Российской Федерации и Уголовного кодекса Российской Федерации. Необходимо отметить, что данное нами определение имеет общий характер и охватывает провокации во всех правовых взаимодействиях, а приведенные выше легальные дефиниции провокации говорят о ней только в контексте провокации преступления или его видов, подчеркивая их особенности

7 Парсонс Т. О структуре социального действия. М.: Акад. Проект. 2002. С. 93-97.

8 Под правовым взаимодействием нами понимается вид и форма социальных взаимодействий, особый обладающий специфическими закономерностями способ осуществления общественных связей через взаимный обмен субъектов права юридически значимой деятельностью и (или) ее результатами, посредством которого осуществляется взаимное влияние субъектов права на сознание и поведение (деятельность) друг друга, носящий информационный характер, протекающий в правовой ситуации и направленный на изменение последней (см. подр.: Панченко В. Ю. Правовое взаимодействие как вид социальной коммуникации: теоретико-правовое исследование дис. ... докт. юрид. наук. М., 2016. С. 54).

9 Мастерков А. А. Уголовно-правовые и криминологические аспекты провокационной деятельности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владивосток, 2000. С. 9.

10 Кулгушева С. В. Провокация преступления: проблемы уголовно-правовой квалификации // Уголовное право. 2005. № 10. С. 25.

11 Тищенко А. В. Разграничение провокации преступления от института соучастия // Бизнес в законе. Экономико-юридический журнал. 2014. № 1. С. 90.

12 Головкин Л. В. Курс уголовного процесса. М., 2017. С. 261.

13 Мастерков А. А. Указ. соч. С. 53.

14 Пункт 37 Постановления ЕСПЧ от 4 нояб. 2010 г. по делу «Банникова (Bannikova) против Российской Федерации» (жалоба № 18757/06) // Российская хроника Европейского суда. 2011. № 4.

15 Пункт 34 Пленума Верховного суда Российской Федерации от 9 июля 2013 г. «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ОМАРОВА Рукият Магомедрасуловна

магистрант Юридического института Дагестанского государственного университета

ВЗАИМОСВЯЗЬ ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА И ПРИНЦИПА ВЕРХОВЕНСТВА ПРАВА

В статье рассматриваются наиболее характерные особенности и взаимосвязь правового государства и принципа верховенства права. Автор исследует вопросы определения природы и сущности принципа верховенства права, акцентируется внимание на сущность принципа верховенства права посредством анализа его основных показателей, которые определяют особенности и условия формирования правового государства. Основными методами достижения результатов являются формально-юридический, системный, функциональный, логические приемы анализа и синтеза.

Ключевые слова: правовое государство, право, принцип верховенства права, правовой закон, права и свободы человека и гражданина.

OMAROVA Rukiyat Magomedrasulovna

magister student of the Law Institute of the Dagestan State University

RELATIONSHIP BETWEEN THE RULE-OF-LAW STATE AND THE RULE OF LAW

The article deals with the most characteristic features and relationship of the rule of law rule-of-law state and the rule of law. The author examines the issues of determining the nature and essence of the rule of law, emphasizes the essence of the rule of law by analyzing its main indicators that determine the features and conditions for the formation of the rule of law rule-of-law state. The main methods of achieving results are formal legal, system, functional, logical methods of analysis and synthesis.

Keywords: legal state, law, rule of law principle, legal law, human and civil rights and freedoms.

В связи с происходящими изменениями в современном обществе политическая и экономическая системы Российской Федерации претерпевают существенные изменения. На этом фоне возникают такие проблемы как формирование эффективного механизма обеспечения прав, свобод, законных интересов человека и гражданина, верховенства права, а также учет интересов личности и государства. Для этого необходимо уделить особое внимание теоретическому осмыслению концепции правового государства и проблемам практического осуществления верховенства права как основополагающего принципа правового государства.

В XX веке в России понятие «правовое государство» имело глубокое историческое содержание. Ученые, юристы прошлого века изучали его как наилучший государственный строй. Например, основоположник конституционного права России Ф. Ф. Кокошкин понимал сущность правового государства как «связанность государства правом». Он видел специфику конституционного государства в гарантировании его подчинения праву и считал главной гарантией законности соответствие закона первоисточнику права. Первоисточнику права присуще народное правосознание, представляющее собой форму общественного сознания, в целом совокупность идей и эмоций, где выражается отношение людей к законам, праву, обязанностям и т. д. И только такое конституционное государство может являться правовым, то есть государством, которое пронизано правом¹. Также российский ученый В. М. Гессен отмечал, что подчинение праву есть подчинение нормам, установленным законом. С одной стороны государство законодательствует, с другой стороны, управляет и действует². Как отметил В. С. Нерсесянц: «Правовой закон и правовое государство взаимосвязаны между собой: в обоих случаях речь идет о различных формах выражения (нормативных и институциональных формах) идеи и принципа верховенства права»³.

Сам термин «верховенство права» возник в английской правовой традиции в XVII в. Длительный период в английской литературе термин «rule of law» в известной мере считался эквива-

лентом термина «правовое государство»⁴. В России само понятие «верховенство права» возникло при принятии Конституции 1993 года, при том, что в самой Конституции данного термина нет. Российской Федерации как демократическому правовому государству присущ такой важнейший принцип как принцип «верховенства права», который лежит в основе правовой системы государства⁵.

В исследовании принципа верховенства права как принципа правового государства можно выделить ряд теоретических и практических проблем.

Имеются разные точки зрения на соотношение понятий «верховенства права» и «правового государства»⁶. Некоторые авторы считают, что «верховенство права» и «правовое государство» взаимосвязаны, являются взаимодополняющими, тогда как другие объединяют их через общность конституционно-правовых субпринципов, таких как юридическое равенство граждан пред законом и судом, уважение достоинства личности и другие. При этом имеются и такие авторы, которые считают, что эти две концепции не являются тождественными. Существует научная позиция, согласно которой верховенство права и правовое государство не только различаются между собой, но и верховенство права развивается как судебная доктрина и находится в современной России в стадии становления⁷. В настоящей статье «верховенство права» рассматривается как основной принцип правового государства.

Следует отметить, что верховенство права есть не просто формальная законность, обеспечивающая единообразие и последовательность в осуществлении и обеспечении функционирования демократической системы, но и справедливость, основанная на полном признании и принятии высшей ценности человеческой личности и гарантированная институтами, обеспечивающими основу ее полнейшего выражения⁸. Властные

1 Волков Д. В., Красильников С. В. Развитие подходов к пониманию верховенства права как основополагающей идеи правового государства в российской правовой мысли начала XX века // *BaikalResearchJournal*. 2016. Т. 7. № 3. С. 22.
2 Гессен В. М. О правовом государстве // Исаев И. А., Золотухина Н. М. История политических и правовых учений России: хрестоматия. М., 2003.
3 Нерсесянц В. С. Конституционная модель российской правовой государственности: опыт прошлого, проблемы и перспективы // *Правовое государство, личность, законность*. М., 1997. С. 32.

4 Бекишиева С. Р. Историческое развитие идеи верховенства права // *Политика и общество*. 2016. № 12. С. 1700-1707.
5 Зорькин В. Д. Право в условиях глобальных перемен. М., Норма, 2013. С. 496.
6 Бекишиева С. Р. Правовое государство и верховенство права: проблемы соотношения и практического воплощения в российской правовой системе // *Юридический вестник ДГУ*. 2017. Т. 23. № 3. С. 18-25.
7 Гаджиев Г. А. Судебная доктрина верховенства права в России // *Международные правовые доктрины: поиск взаимопонимания*. М., ЛУМ, 2013. С. 13-44.
8 Морозов Д. Г. О верховенстве права и верховенстве закона // *Ленинградский юридический журнал*. 2011. № 3. С. 200-209.

структуры должны быть наделены компетенцией на основе права и действовать в пределах своих полномочий⁹.

Важнейшим условием реализации принципа верховенства права является обеспечение охраны и защиты прав и свобод человека и гражданина. К таким условиям можно отнести экономические, политические, идеологические, а также социальные. Особое внимание следует уделить социальным условиям, так как в государстве должна обеспечиваться социальная стабильность, уверенность граждан в охране и защите своих прав и свобод.

В свою очередь, сердцевинной изучения принципа «верховенства права» в Российской Федерации выступает человек, его права и свободы. Верховенство права является основным принципом правового государства, раскрывающим его важные стороны функционирования. То есть все государственные решения непосредственно основываются на согласии свободного гражданского общества. Отсюда следует, что есть необходимость защищать и гарантировать основные права и свободы граждан. Но на сегодняшний день мы видим, что данная необходимость пока должным образом не реализуется. И это является огромной проблемой в становлении правового государства и реализации принципа верховенства права. Работа российской судебной системы по защите прав и свобод граждан не является эффективной, а различные органы, которые должны быть задействованы в реализации прав человека, не в полной мере включены в правозащитный процесс. Огромное количество людей на практике сталкиваются с нарушениями своих прав и свобод, гарантированных государством.

Перед российским юридическим образованием стоит задача формирования профессионального правосознания современных юристов, ориентированного на верховенство права и прав человека, поскольку принцип верховенства права не может быть реализован вне практической деятельности юристов – судей, адвокатов, прокуроров, должностных лиц государственных органов, деятельность которых должна быть направлена на утверждение прав и свобод граждан¹⁰.

Немаловажную роль здесь играет правосознание граждан правового государства. Исследуя социологические данные, более трети опрошенных – люди с низким уровнем правосознания». «Обычный человек не в состоянии знать всех законов, но он должен знать, где их найти и как себя защитить, и оставаться в рамках закона. Поэтому правовое воспитание, формирование современного правового правосознания является сейчас важнейшей задачей, – отмечает председатель Конституционного суда РФ В. Зорькин. – Если Россия не справится с этой задачей, она не возьмёт правовой барьер, а значит, и не станет правовым государством»¹¹.

Государство, в свою очередь, несет пред народом юридическую, политическую и моральную ответственность за свои действия, в то время как гражданин государства подотчетен государству за выполнение своих обязанностей и соблюдение законов. Однако, исходя из практики, мы можем отметить, что все это не всегда соблюдается. Не существует равной ответственности государства и личности друг перед другом, и это обусловлено тем, что отсутствует социальная защита населения, государство не способно обеспечивать права и свободы граждан. И это в первую очередь сказывается негативно на самом населении страны, вследствие чего порождается правовой нигилизм. Для этого необходимо в первую очередь разработать и принять меры по соблюдению требований законодательства, притом всеми участниками правоотношений.

К большому сожалению, в современном российском законодательстве имеются законодательные пробелы, которым необходимо уделить особое внимание для реализации принципа верховенства права. Система законодательства направлена в первую очередь на обеспечение прав человека, поэтому она должна быть согласована с народным правосознанием. Для этого соответствующие законодательные органы должны быть сформированы путем народного представительства. В современном российском законодательстве обеспечивается соблюдение таких формальных условий как: установление в нормативном право-

вом акте общеобязательных правил поведения; соблюдение иерархичности нормативных правовых актов; улучшение качества действующих нормативных правовых актов и тех, которые будут приниматься при учете потребностей юридической практики и юридической техники. Однако в системе законодательства необходимо обеспечение юридического равенства всех субъектов перед законом и судом, право на справедливое судебное разбирательство, неуклонное исполнение всеми лицами требований, содержащихся в нормативно-правовых актах.

Таким образом, рассмотрев взаимосвязь правового государства и принципа верховенства права, можно сформулировать следующие выводы:

1. Верховенство права определяется как наличие законов с преобладанием правового содержания, а также сама связь государственной власти с правовыми законами и правом. Здесь важным элементом является связанность государства правом, то есть в правовом государстве государственные решения основываются на согласии свободного гражданского общества. Вследствие этого проясняется необходимость защищать основные права и свободы граждан, которые заложены в правосознании граждан страны, и зафиксированы в Основном законе государства.

2. Верховенство права выступает не только в качестве формальной законности, обеспечивающей единообразие и последовательность в осуществлении и обеспечении функционирования демократической системы, но и в качестве справедливости, которая основана на полном признании и принятии высшей ценности человеческой личности и гарантированная институтами, обеспечивающими основу ее полнейшего выражения.

3. Необходимо тщательно изучить деятельность государственных органов и должностных лиц, так как принцип верховенства права должен осуществляется в рамках четкой законодательной консолидации системы государственных органов, их поведения и компетенции, прав и обязанностей должностных лиц. Это отражается на безусловном верховенстве Конституции и законов страны. Так же государству следует стремиться создать четкую и согласованную систему законов, прочную конституционную власть в стране, всем правообладателям необходимо соблюдать законодательство, создать эффективные судебные органы.

Пристатейный библиографический список

1. Бекишиева С. Р., Рамазанова И. М. Принцип верховенства права в профессиональном правосознании юристов // Юридический вестник ДГУ. 2015. № 3.
2. Бекишиева С. Р. Историческое развитие идеи верховенства права // Политика и общество. 2016. № 12.
3. Бекишиева С. Р. Правовое государство и верховенство права: проблемы соотношения и практического воплощения в российской правовой системе // Юридический вестник ДГУ. 2017. Т. 23. № 3.
4. Волков Д. В., Красильников С. В. Развитие подходов к пониманию верховенства права как основополагающей идеи правового государства в российской правовой мысли начала XX века // Baikal Research Journal. 2016. Т. 7. № 3.
5. Гаджиев Г. А. Судебная доктрина верховенства права в России // Международные правовые доктрины: поиск взаимопонимания. М., ЛУМ, 2013.
6. Гессен В. М. О правовом государстве // Исаев И. А., Золотухина Н. М. История политических и правовых учений России: хрестоматия. М., 2003.
7. Зорькин В. Д. Правовой барьер // Российская газета. 15.03.2006.
8. Зорькин В. Д. Право в условиях глобальных перемен. М., Норма, 2013.
9. Липкина Н. Н. Толкование конвенции о защите прав человека и основных свобод Европейским Судом по права человека и верховенство права // Журнал российского права. 2015. № 4 (220).
10. Морозов Д. Г. О верховенстве права и верховенстве закона // Ленинградский юридический журнал. 2011. № 3.
11. Нерсисянц В. С. Конституционная модель российской правовой государственности: опыт прошлого, проблемы и перспективы // Правовое государство, личность, законность. М., 1997.

9 Липкина Н. Н. Толкование конвенции о защите прав человека и основных свобод Европейским Судом по права человека и верховенство права // Журнал российского права. 2015. № 4 (220). С. 130-142.

10 Бекишиева С. Р., Рамазанова И. М. Принцип верховенства права в профессиональном правосознании юристов // Юридический вестник ДГУ. 2015. № 3. С. 12-15.

11 Зорькин В. Правовой барьер // Российская газета. 15.03.2006.

ГРАЧЁВ Никита Кириллович

аспирант кафедры теории и истории государства и права Юридического факультета Санкт-Петербургского государственного экономического университета

КОРПОРАТИВНАЯ СОЦИАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЭНЕРГОСЕРВИСНЫХ КОМПАНИЙ

Энергоэффективность и энергосбережение – важнейшая часть стратегии устойчивого развития корпоративной социальной ответственности. Особая роль в реализации энергосбережения принадлежит энергосервисным компаниям. На практике реализация концепции КСО обеспечивается заключением энергосервисных договоров.

Ключевые слова: энергоэффективность и энергосбережение, энергосервисная компания, энергосервисный договор, международное право, практика применения норм российского и европейского законодательства об энергетике, ответственность энергетических компаний.

GRACHEV Nikita Kirillovich

postgraduate student of Theory and history of state and law sub-faculty of the Law Faculty of the St. Petersburg State University of Economics

CORPORATE SOCIAL RESPONSIBILITY OF ENERGY SERVICE COMPANIES

Energy efficiency and conservation is an essential part of sustainable development strategy – corporate social responsibility. A special role in the implementation of energy saving belongs to energy service companies. In practice, the implementation of the CSR concept is ensured by the conclusion of energy service contracts.

Keywords: energy efficiency and energy saving, energy service company, energy service contract, international law, practice of application of the norms of Russian and European legislation on energy, the responsibility of energy companies.

Концепция **корпоративной социальной ответственности** (далее – «КСО») предполагает, что организации, придерживающиеся данной концепции при осуществлении своей деятельности, учитывают интересы общества и возлагают на себя ответственность перед ним.

Отметим, что возложение организацией на себя дополнительных обязательств в рамках КСО, является добровольным и как правило выходит за рамки установленных законом требований в отношении деятельности компании. В свою очередь меры, принимаемые компанией в рамках КСО являются дополнительными и имеют своей целью повышение качества жизни работников компании и их семей, а также местного общества и общества в целом.

Концепция КСО начинает свое активное развитие с середины XX века. Именно в этот период времени КСО начинает применяться в практике компаний Западной Европы и США, а позднее и других стран с быстроразвивающейся экономикой, включая Россию. В то же время происходит повышение интереса к КСО со стороны юристов, экономистов, социологов, а также других представителей научного сообщества, заинтересованных данным явлением.

Одним из первых шагов в области применения концепции КСО стало создание в 2000 г. Глобального договора ООН, направленного на поощрение социальной ответственности бизнеса и предоставлении отчетов об осуществлении такой политики. В настоящий момент Глобальный договор ООН является наиболее известной инициативой корпоративной социальной ответственности во всем мире.

Как правило, КСО включает в себя несколько различных составляющих: 1) Ответственность организации перед работниками; 2) Экологическую ответственность организации; 3) Ответственность организации перед контрагентами; 4) Ответственность организации перед обществом.

Говоря о развитии КСО на Западе в 1960-1970 гг., нужно отметить, что основными предпосылками для его появления стало создание новых движений общественных групп, выступавших с жесткой критикой решений и действий бизнеса, отказ граждан от приобретения товаров и услуг компаний, не проявляющих должный уровень социальной ответственности, а также развитие профсоюзных движений. Одновременно с развитием концепции КСО в США и странах Западной

Европы происходило реформирование законодательства, направленное на ужесточение регулирования в области труда и экологии.

Развитие КСО в России началось с 2000-х годов, и число организаций постепенно начинающих применение данной концепции ежегодно увеличивается. Применение концепции КСО безусловно благоприятно сказывается на российском бизнесе. Он становится более прозрачным, а также улучшает свои показатели и репутацию для контрагентов и потенциальных инвесторов¹.

Распоряжением Правительства РФ от 05 мая 2017 г. № 876-р была утверждена Концепция развития публичной нефинансовой отчетности, а также план мероприятий по ее реализации (далее – «Концепция»)². Данная Концепция, направлена на совершенствование системы стимулирования российских организаций к повышению информационной открытости и прозрачности результатов воздействия их деятельности на общество и окружающую среду.

При разработке Концепции были приняты во внимание положения «Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года», утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 17 ноября 2008 г. № 1662-р, основной целью которой является определение путей и способов обеспечения в долгосрочной перспективе (2008-2020 годы) устойчивого повышения благосостояния российских граждан, национальной безопасности, динамичного развития экономики, укрепления позиций России в мировом сообществе³.

Действие Концепции распространяется в том числе на государственные компании, государственные корпорации, публично-правовые компании, государственные унитарные

1 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://csrjournal.com/189-kso-i-ustojchivoe-razvitie-biznesa-v-rossii.html> (Деловой журнал «Устойчивый Бизнес»).

2 Распоряжение Правительства РФ от 05.05.2017 № 876-р «Об утверждении Концепции развития публичной нефинансовой отчетности и плана мероприятий по ее реализации».

3 Распоряжение Правительства РФ от 17.11.2008 № 1662-р «О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года».

предприятия и хозяйственные общества с государственным участием, соответствующие критериям, установленным разделом V Концепции. Иные коммерческие и некоммерческие организации, а также органы власти различных уровней могут руководствоваться положениями Концепции в добровольном порядке⁴.

Говоря о Европейской модели КСО, нужно отметить, что она предполагает установление государством императивных норм, обязывающих организации четко следовать принципам социальной ответственности. Наиболее развитое правовое регулирование в сфере КСО можно рассмотреть на примере законодательства Великобритании и Франции. Указанные государства являются лидерами в сфере социальной ответственности бизнеса перед обществом с позиции соответствия букве и духу международных и европейских соглашений.

В Великобритании в марте 2000 года Правительством была введена должность министра по КСО. Начиная с этого момента, роль Правительства Великобритании в сфере КСО значительно возросла и стала включать в том числе повышение осведомленности о КСО, обеспечение защиты окружающей среды за счет содействия бизнесу в сфере применения КСО во внутренних и международных проектах, а также поддержку и поощрение компаний за выполнение международных стандартов делового поведения. В том числе Правительство определило минимальный уровень КСО по наиболее значимым вопросам, таким как, здравоохранение и безопасность. Кроме того, Правительство Великобритании участвует во многих международных проектах и внедряет КСО в различные сферы бизнеса, используя авторитет политических лидеров и современные технологии.

Говоря про развитие концепции КСО во Франции, нужно сказать, что для данной страны наиболее характерно активное законодательство в указанной области. Так например, в 2001 году во Франции был принят закон «О новом экономическом регулировании». Данный закон стал первым нормативно-правовым актом в Евросоюзе, содержащим подробные положения о применении обязательной корпоративной нефинансовой отчетности. Повышение популярности концепции КСО осуществлялось также за счет призыва первых лиц государства к ее применению. Так, в 2003 году президент Франции обратился к компаниям, присоединившимся к Глобальному Договору ООН с призывом о создании общей сети для представления страны в международном пространстве, а также для обмена опытом в сфере применения принципов КСО. Во Франции за популяризацию КСО одновременно отвечают различные органы государственной власти: Премьер-министр, Министерство экологии и устойчивого развития, Национальный совет по устойчивому развитию, а также ряд других органов власти⁵.

Отметим, что использование международного опыта применения концепции КСО эффективно применяется и в российских энергетических компаниях, осуществляющих деятельность в области энергосервиса.

Данный факт объясняется в том числе тем обстоятельством, что 30.04.2012 г. Президентом РФ были утверждены Основы государственной политики в области экологического развития Российской Федерации на период до 2030 года» (далее – «Основы»). Согласно тексту Основ, их разработка обусловлена необходимостью обеспечения экологической безопасности при модернизации экономики и в процессе инновационного развития. Кроме того, в Основах отмечается, что Стратегической целью государственной политики в области экологического развития является решение социально-экологических задач, обеспечивающих экологически ориентированный рост экономики, сохранение благоприятной окружающей среды, биологического разнообразия и природных ресурсов для удовлетворения потребностей нынешнего и

будущих поколений, реализации права каждого человека на благоприятную окружающую среду, укрепления правопорядка в области охраны окружающей среды и обеспечения экологической безопасности⁶.

Не нуждается в доказывании тот факт, что компании, осуществляющие деятельность в области энергетики, в т.ч. энергосервисные компании традиционно играют ключевую роль в развитии регионов (также с помощью участия в социальных и благотворительных программах) и оказывают непосредственное воздействие на качество жизни населения, реализуя функцию общественной инфраструктуры.

КСО энергосервисных компаний как правило направлена на:

- 1) Разработку специальных программ по охране труда сотрудников;
- 2) Создание программ по развитию территории деятельности компании в зависимости от потребностей и нужд местного населения;
- 3) Осуществление программ, направленных на минимизацию негативного воздействия на экологию и состояние экосистем;
- 4) Образование прозрачной и эффективной системы корпоративного управления с целью привлечения инвесторов.

Активное применение российскими энергетическими компаниями принципов КСО подтверждается многочисленными примерами из практики.

Так, например, в ноябре 2013 года представители профсоюзных организаций филиалов «МРСК Юга» и руководство компании подписали единый «Коллективный договор на 2013-2015 годы», обеспечивающий единый подход к деятельности сотрудников всех филиалов компании⁷. В договоре сформированы единые социальные гарантии, а также перечень наиболее востребованных льгот. Среди льгот указываются: обеспечение сотрудников полисами ДМС; материальная помощь молодым семьям сотрудников; компенсации за приобретение путевок в детские оздоровительные лагеря; выплаты материальной помощи ветеранам. При разработке указанного коллективного договора учитывались положения Отраслевого тарифного соглашения (ОТС) в электроэнергетике Российской Федерации на 2013-2015 г. При этом, по отдельным выплатам социальный пакет превышает нормы ОТС. Применение данного договора было эффективным, была повышена мотивация сотрудников за счет предоставления дополнительных гарантий социальной защищенности их семей.

На примере практического опыта вышеуказанной компании, можно сделать вывод о том, что одним из способов применения концепции КСО в организации является заключение с сотрудниками коллективного договора, предоставляющего им дополнительные гарантии, что разрешается действующим трудовым законодательством РФ.

В качестве еще одного способа успешного применения концепции КСО рассматривается опыт компании АО «ТВЭЛ» в рамках публикации публичной отчетности о деятельности компании. В опубликованных компанией отчетах подробно раскрывается информация о составляющих надежности поставок топливной компании на этапах проектирования и разработки продукции, производства и хранения, поставки и научно-технической поддержки потребителя; взаимодействие с предприятиями цепочки поставок. Отмечается, что размещение публичной отчетности происходит не только в отношении головной компании корпорации, но и в отношении ключевых дочерних обществ, расположенных в разных регионах России. Для эффективного формирования публичной отчетности компанией была разработана система внутренней нормативной документации, а также регулярно проводится дополнительное обучение сотрудников отвечающих за формирование (размещение) отчетности, в том числе и с помощью видеоконференцсвязи.

4 Распоряжение Правительства РФ от 05.05.2017 № 876-р «Об утверждении Концепции развития публичной нефинансовой отчетности и плана мероприятий по ее реализации».

5 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://csrjournal.com/189-kso-i-ustojichivoe-razvitie-biznesa-v-rossii.html> (Деловой журнал «Устойчивый Бизнес»).

6 «Основы государственной политики в области экологического развития Российской Федерации на период до 2030 года» (утв. Президентом РФ 30.04.2012).

7 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.nvgazeta.ru/news/12373/491580/>.

Необходимо также отметить, что с 01.01.2016 г. по 31.12.2018 г. в Российской Федерации действует «Соглашение о порядке, условиях и продлении срока действия Отраслевого тарифного соглашения в электроэнергетике Российской Федерации на 2013-2015 годы на период 2016-2018 годов». Данное соглашение подписано 48 организациями в интересах работодателей и работников, в целях поддержания социальной стабильности в электроэнергетике, с учетом необходимости сохранения единого правового поля регулирования социально-трудовых отношений в отрасли. Данное соглашение предусматривает дополнительные гарантии в сфере оплаты труда работников указанной области. Как следует из п.5 указанного соглашения, организации электроэнергетики, в отношении которых не действует данное соглашение, вправе присоединиться к нему⁸.

Важным шагом на пути развития концепции КСО стала также разработка Всероссийской организацией качества стандарта ВОК-КСО-2007, который охватывает все составляющие социальной ответственности, кроме добросовестной практики ведения бизнеса и финансовой прозрачности. Пунктом 6.5 данного стандарта предусмотрен модуль Д: Экономное расходование ресурсов. Согласно положениям данного модуля организация должна: 1) улучшать процессы и инфраструктуру с целью экономного расходования ресурсов; 2) проводить работу по экономному расходованию электрической и тепловой энергии, воды, топлива, материалов и других ресурсов путем внедрения ресурсосберегающих технологий, использования возобновляемых источников энергии, рециркуляции воды, сокращения отходов; 3) сотрудничать с партнерами в части сокращения расходов ресурсов по всей цепочке производства, закупок, поставок и использования продукции и услуг; 4) изыскивать возможности утилизации отходов собственного производства; 5) обеспечивать уменьшение расхода энергии и материалов за счет снижения количества дефектной продукции и отходов производства.

Делая вывод по результатам сравнительно-правового анализа применения концепции КСО в России и зарубежом, полагаем необходимым отметить, что на данный момент КСО более активно применяется зарубежом, в то же время в России в настоящий момент происходит весьма успешное внедрение принципов КСО в деятельность крупных компаний, в том числе и энергетических. Рост популярности идеи КСО в России во многом связано с развитием этики бизнеса. Увеличение вовлеченности малого и среднего бизнеса в данную проблематику без сомнения приведет к положительным социальным результатам. Эффективная государственная поддержка малого бизнеса в данном случае может стать серьезным стимулом для осознания им своей роли в сфере КСО.

Отсутствие у предпринимателей и части населения четко сформулированных представлений о культуре энергопотребления не позволяет в кратчайшие сроки организовать высокий уровень энергосбережения в большинстве организаций. По мнению большинства работодателей, забота о состоянии энергосбережения за пределами экономической выгоды не относится к их обязанностям. Работодатели не видят в этом краткосрочной экономической выгоды, на которую нацелено большинство организаций.

Между тем, внутренняя и внешняя корпоративная ответственность в плане энергосбережения обладает огромным потенциалом. На уровне нормативного регулирования реализация данного потенциала может быть достигнута путем локального регулирования. Мы предлагаем внедрить в предпринимательскую деятельность в качестве обычных требований к её осуществлению требования о КСО в части энергоэффективности и энергосбережения. Такие нормативные требования уже сейчас содержатся в локальном регулировании ведущих отечественных компаний, таких как группы компаний Газпром и Газпром нефть. Все дочерние компании, входящие в данные группы, неуклонно следуют установленным нормам.

Однако данная образцовая практика тем, не менее должна широко внедряться повсеместно.

Понятно, что среднему, а тем более, малому бизнесу достаточно трудно самостоятельно разработать подобное локальное регулирование. Полагаем, что для данных целей подобным компаниям должны быть предоставлены для неограниченного копирования и адаптации для специфики конкретных предпринимательских задач типовые нормы КСО об энергосбережении и энергоэффективности.

В то же время, отметим, что сама сфера применения КСО по своей правовой природе предполагает самостоятельную инициативу предприятий в данной области. Безусловно, участие государства в данной сфере может принести пользу, однако это участие должно быть выражено в предоставлении компаниям, применяющим КСО дополнительных льгот (гарантий), но не в введении публично-правовой ответственности за отказ от применения КСО. Представляется, что сама степень применения компаниями концепции КСО связана в первую очередь с уровнем правосознания и текущим уровнем развития общества в определенной стране. Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что у российского бизнеса есть все шансы достичь высоких результатов в данной области.

Наличие определенных проблем в данной сфере подтверждает актуальность проведения научных исследований тенденций развития концепции КСО в Российских компаниях, возможностей применения успешного российского и международного опыта с учетом специфики российского бизнеса и выработке полноценной, научно обоснованной государственной стратегии повышения социальной ответственности российских компаний, в том числе в сфере энергосбережения и энергоэффективности.

Пристатейный библиографический список

1. Распоряжение Правительства РФ от 05.05.2017 № 876-р «Об утверждении Концепции развития публичной нефинансовой отчетности и плана мероприятий по ее реализации».
2. Распоряжение Правительства РФ от 17.11.2008 № 1662-р «О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года».
3. Глобальный договор ООН: [сайт]. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.unglobalcompact.org/docs/news_events/8.1/ATS_RU.pdf.
4. «Основы государственной политики в области экологического развития Российской Федерации на период до 2030 года» (утв. Президентом РФ 30.04.2012).
5. Соглашение о порядке, условиях и продлении срока действия Отраслевого тарифного соглашения в электроэнергетике Российской Федерации на 2013-2015 годы на период 2016-2018 годов.
6. Кремлёва О. К. Корпоративная социальная ответственность как вид юридической ответственности // Журнал правовых и экономических исследований. 2014. № 4. С. 48-53.
7. Пашковская И. Г. Правовые основы взаимодействия России и Европейского Союза в энергетической сфере // Право и политика. – 2011. – № 7. – С. 83-86.
8. Образ России как мировой энергетической державы. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://konservativizm.org/konservativizm/ident/209.xhtml>.
9. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://csrjournal.com/189-kso-i-ustojchivoe-razvitie-biznesa-v-rossii.html> (Деловой журнал «Устойчивый Бизнес»)
10. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.nvgazeta.ru/news/12373/491580/>.
11. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://interactive-plus.ru/e-articles/290/Action290-116330.pdf>.

8 «Соглашение о порядке, условиях и продлении срока действия Отраслевого тарифного соглашения в электроэнергетике Российской Федерации на 2013 - 2015 годы на период 2016-2018 годов».

АЛЕКСАНДРОВ Иван Феокистович

кандидат юридических наук, доцент кафедры правового регулирования экономической деятельности Самарского государственного экономического университета

ИСТОЧНИКИ СТАНОВЛЕНИЯ РОССИЙСКОГО СЕМЕЙНОГО ПРАВА

Статья посвящена истории становления семейного права России и анализу законодательных актов, регулирующих семейные отношения в период IX - XVI веков.

Ключевые слова: брачные отношения, семейные отношения, Русская Правда, Кормчие книги, расторжение брака, Соборное Уложение 1551 года, Соборное Уложение царя Алексея Михайловича 1649 года, права женщин.

ALEKSANDROV Ivan Feoktistovich

Ph.D. in Law, associate professor of Legal regulation of economic activity of the Samara State University of Economics

SOURCES OF ESTABLISHMENT OF THE RUSSIAN FAMILY LAW

The article is dedicated to the history of the Russian family law and to the analysis of legislative acts, regulating family relationships in the period of IX – XVI centuries.

Keywords: marital relationships, family relationships, Russkaya Pravda, Kormchaya kniga, dissolution of marriage, Sobornoye Ulozheniye (Council Code) of 1551, Sobornoye Ulozheniye (Council Code) of 1649 of tsar Alexey Mikhailovich, women's rights.

Александров И. Ф.

О происхождении семьи в юридической литературе существуют различные теории и мнения. Так, К. П. Победоносцев указывает на две группы мнений о возникновении семейных отношений¹.

Исходной точкой исследований семейных отношений до середины XIX в. обыкновенно принималась эпоха патриархального быта. Считалось, что семья появилась вместе с возникновением общества, и первоначальным ее типом была семья патриархальная.

Существует и другое мнение, основанное на сравнительном изучении быта диких племен Австралии и Америки (исследователи Мак-Лениан и Люббок – Англия, 1870). Так, например, Люббок доказывает, что патриархальному устройству предшествовали еще два периода общественной организации: а) первобытные люди жили в беспорядочном половом общении, и дети знали только мать (стадная семья); б) дальнейшее развитие семьи заключается в постоянном упорядочении полового сожительства: возникают многожество и многоженство, устанавливается связь детей не только с матерью, но и с отцом.

Исследуя происхождение семьи, Г. К. Матвеев и В. А. Рясенцев², ссылаясь на труд Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства», выделяют следующие периоды (стадии) брачных отношений.

1. На стадии становления человеческого общества отношения между полами носили неупорядоченный характер. Это был племенной период и внутри племени половые связи людей строились без разбора степени родства.

2. С началом регулирования отношений между полами общество вводит в них ограничения, исключающие брачные связи между близкими родственниками, вначале по вертикали, а затем по горизонтали. Общераспространенной формой

в это время является **групповой брак**, который, по мнению Льюиса Моргана, в свою очередь, пережил две основные стадии: кровнородственной семьи и семьи «пуналуа».

При групповом браке происхождение ведется по материнской линии, женщина занимает в обществе ведущее положение, что соответствовало периоду матриархата.

3. На последнем этапе существования родового строя на смену групповому браку приходит **парный брак**, решающая роль в переходе к которому принадлежит женщине, поскольку она как мать была более заинтересована в относительной устойчивости брачных отношений. Парный брак позволял зафиксировать происхождение уже и по отцовской линии, но он носил еще неустойчивый характер и не привел к образованию постоянной семьи.

4. Развитие производительных сил, углубление общественного разделения труда способствовали появлению предпосылок для эксплуатации чужого труда, возникновению частной собственности, родства, государства и права.

В указанный исторический период образовалась устойчивая семья, выполняющая функции не только продолжения человеческого рода, но и основной хозяйственной ячейки, базирующейся в противовес роду на частной собственности. Семья разрушила род, и он прекратил свое существование.

Возникновение семьи сопровождалось переходом от парного брака к новой форме брачных отношений к моногамии, для которой характерны, во-первых, единобрачие и, во-вторых, устойчивость брачно-семейной связи. Именно моногамия позволяет мужчине, используя экономическую и юридическую зависимость женщины, привязать ее к себе как мать своих детей, которых отец теперь может отделить от чужих и передать им по наследству накопленную собственность. От мужчины отныне ведется линия родства. Мужчина становится обладателем собственности семьи, к нему переходит и власть главы семьи.

Таким образом, начальные юридические черты семейных отношений стали проявляться задолго до патриархального

¹ Победоносцев К. П. Курс гражданского права: в 3 т. / под ред. В. А. Томсинова. М.: Зерцало, 2003. Т. 2. С. 15.

² Матвеев Г. К. Советское семейное право. Советское семейное право / под ред. В. А. Рясенцева. М., 1969. С. 28-33.

быта, и семья как таковая прошла значительный путь развития от беспорядочного полового общения в первобытном обществе до моногамии (единобрачия) и нерасторжимого брачного союза в патриархальной семье.

В дальнейшем историческом развитии брака наблюдается закрепление единобрачия, женщина признается подругой мужчины в нравственном и юридическом смысле; постепенно исключается конкубинат (сожитительство) при браке; устанавливаются религиозное освящение брака и юридическая организация брачного союза.

Первые признаки очищения идеи брака отмечаются в греческом мире. Греческий брак есть единоженство; но наряду с ним стоит еще конкубинат, а женщина сидит еще дома в заключении, занимаясь хозяйством.

Несравненно выше стоит **римский брак**. Римлянин уважает женщину, более того – доверяет ей и дает ей больше свободы. Римская женщина – гражданка, она жена и мать римского гражданина, она законная жена и мать. Появляется первое определение брака: «Брак есть мужево и жене сочетание, сбытие во всей жизни, божественныя и человеческия правды общение». Но рядом с этим пониманием присутствуют взгляды, противоречащие коренному понятию о союзе и общении. Древнее римское право давало мужу безусловную власть над женой (*manus*) как над собственностью. Однако в новом римском более свободном браке исчезает понятие о строгой власти мужа. Жена привязана к месту жительства мужа и лишена власти над детьми, но имеет свое имущество и управляет им. Гражданский элемент брака и форма берут верх над религиозным элементом и внутренним значением, правовому регулированию подвергались имущественные отношения, поэтому брак рассматривается как гражданский договор.

В отличие от римских понятий в браке у древних германцев, представление о браке было более чистое. Брак у них, по словам Тацита, был общением целой жизни и имел нравственные свойства любви, чистоты и верности.

По мнению К. П. Победоносцева, в развращенном императорском Риме заглохло древнее понятие о браке, но в эту развращенную среду христианство внесло свой чистый и возвышенный идеал. Понятие брака стало вновь слагаться юридически в течение Средних веков под влиянием римско-гражданских, церковно-канонических законов и германских представлений и обычаев.

Исследуя историю семейных отношений в работе «Курс гражданского права» К. П. Победоносцев отмечает, что семья происходит от соединения мужчины и женщины, в котором присутствуют две составляющие части: физическая и духовная. Начиная с бессознательного действия, это соединение постепенно проникается сознанием, присущим всякому человеческому общению. Высшая цель таких отношений – потребность общения всех органических, внутренних и внешних сил, дарованных человеку для развития, труда и наслаждения в жизни. Вследствие этого утверждается понятие о супружеском союзе как постоянном сожительстве мужчины и женщины, о союзе родителей и детей, продолжающемся целую жизнь, о союзе семейном, о роде.

Определяя понятие семьи и семейных отношений, К. П. Победоносцев выделяет и их характерные особенности, указывая, что эти отношения, по существу своему, личные, непередаваемые, в отличие от гражданских. Подобно общественным и государственным, семейные отношения касаются в целом человека, а не одной стороны быта. Эти отношения цельные, постоянные между отдельными, частными лицами, они всегда сохраняют общественный характер.

Вполне обоснованным является тот факт, что в последние годы в работах, посвященных семейному праву, появляются разделы, освещающие его историю. Это относится к работам таких известных ученых как: А. М. Нечаева, М. В. Антокольская, С. А. Муратова, Н. Н. Тарусина, Л. А. Тищенко, Н. С. Нижник и др. Исторический аспект позволяет лучше уяснить смысл действующих и вновь принимаемых законодательных актов, наличие преемственности в их содержании с учетом того, что отрасль семейного права, по сути, является консервативным.

На Руси до принятия христианства **семейные отношения** регулировались **обычаями**, связанными с языческим культом, которые в последующем стали называться обычным правом. С X в. существовало и княжеское законодательство, например, Уставы Владимира Святославовича, Ярослава, внесшие важные нововведения в финансовое, уголовное и **семейное право**, которые появились в ярко выраженной форме в **Русской Правде**. Большинство современных исследований связывают древнейшую Правду с именем Ярослава Мудрого, а время его происхождения относят к VII в. Известно, что сыновья Ярослава во второй половине XI в. существенно дополнили и изменили его, создав так называемую Правду Ярославичей. Объединенные затем переписчиками Правда Ярослава и Правда Ярославичей составили основу Краткой редакции Русской Правды. После переработки закона Владимиром Мономахом сложилась Пространственная редакция. В последующие века создавались новые редакции Русской Правды (тексты Академический, Троицкий, Карамзинский и др.)³.

О семье и браке в IX – X вв. достаточно подробно говорит первоначальная летопись. Согласно летописи, у полян ранее других народов сложилась моногамная семья, а у племен вятичей, родичей продолжали существовать полигамные семьи. Летописи свидетельствуют (Лаврентьевская летопись 859 г.), что одним из способов установления брака у славян являлось похищение невесты (умыкание). Похищали невест обычно на игрищах во время праздника в честь дня Ивана Купалы. У протских людей этот обряд сохранялся и после принятия христианства на многие столетия.

Другой формой заключения брака была покупка невесты, что подтверждается содержанием свадебных обрядов. У полян эта форма брака получила название приведения невесты к жениху с передачей при этом жениху приданого.

Согласно летописи Нестора, по утверждению К. А. Неволина, у полян муж находился в брачном союзе только с одной женщиной. Брак мог расторгаться как по односторонней воле мужа, так и по обоюдному согласию супругов. В некоторых источниках есть свидетельства нерасторжимости брака, когда жены должны были кончать самоубийством и следовать в загробную жизнь за умершим супругом. Личные отношения супругов в IX-X вв. характеризуются полной властью мужа, который имел право наказывать жену.

Относительно имущественных отношений летопись свидетельствует, что в связи с нахождением жены под властью мужа право владения, пользования и распоряжения собственностью принадлежало одному мужу. Однако следует полагать, что в случае покупки невесты с родственниками заключалось соглашение, которое могло ограничивать как имущественные, так и личные права мужа.

Русская Правда достаточно подробно регулирует опеку детей со стороны матери: в случае смерти отца раздела оставшегося после него имущества не производилось. Вдова (мать

3 История отечественного государства и права: учебник в 2 ч. / под ред. О. И. Чистякова. 5-е изд. М.: Юрайт, 2011. Ч. 1. С. 64-69.

его детей) управляла имуществом на правах главы семейства, даже если дети протестовали против ее руководства. Опекун для малолетних детей назначался ближайший родственник, которому публично передавалось имущество опекаемых, которое должно было быть возвращено в последующем.

Наследование осуществлялось по завещанию (ряду) и по закону. Отец мог перераспределить свое имущество между детьми. Также мать могла завещать имущество тому из своих детей (сыну или дочери), который проявлял к ней внимание.

С введением в 988 г. христианства на Руси одним из источников русского права, в корне изменившим регулирование семейно-брачных отношений, становятся **Кормчие книги (Номоканон)**, представляющие собой сборники греко-римского светского и церковного права. Каноническая часть Кормчих книг включала в себя: Законы Моисеевы, постановления церковных соборов, как Вселенских, так и Поместных, апостольские правила и правила некоторых отцов церкви. Светская часть содержала, извлечения из законодательных постановлений византийских императоров и русских князей: Кодекса Юстиниана, Закона судного людям, Эклоги (Краткого извлечения) Льва Исаврянина и Константина Копронима (739-741 гг.), Прохирона (Закона Градского) Василия Македонянина, Льва и Константина, а также Церковных уставов князей Владимира Святославовича и Ярослава Владимировича⁴. С тех пор регулирование семейных отношений стало осуществляться по модели византийского брачно-семейного законодательства и семейные дела были отнесены к компетенции православной церкви.

Согласно Кормчим книгам, на Руси был принят греческий порядок совершения брака, включающий в себя процессы обручения и венчания. Венчанию предшествовало обручение, которое оформлялось стговорной записью. Обручение представляло собой договор между сторонами о последующем заключении брака, которому каноническим и русским обычным правом придавалось разное значение. Каноническое право полагало обручение как самостоятельный акт, освящая его специальным церковным обрядом. Обычное право продолжало рассматривать обручение как формальную сделку имущественного характера по поводу приданого, которая обеспечивала взыскание с недобросовестной стороны неустойки в размере, указанном в «рядной записи». Обручение совершалось в церкви, сопровождалось пением и чтением особых молитв и обменом колец.

Венчание производилось в церкви, а в особых случаях с разрешения архиерея могло быть совершено в частном доме. При венчании должны присутствовать лично жених и невеста, а также два свидетеля. Доказательством брака служили метрические книги, которые велись приходскими священниками, настоятелями церквей. Метрические свидетельства выдавались только из консистории, выданные приходским священником свидетельства могли служить только предохранительным документом. Церковный брак на Руси внедрялся трудно, и долгое время применялся только в среде знати, а широкие массы населения продолжали совершать браки по языческим обычаям, обручение многими не признавалось необходимым.

Важным условием вступления в брак, помимо отсутствия родства до определенного колена, являлось достижение брачного возраста: по Эклоге – 15 лет для мужчин и 13 лет для женщин, по Прохирону – 14 лет для мужчин и 12 лет для женщин.

Согласно канонам греческой церкви и законам византийских императоров, включенным в Кормчие книги (Законы Юстиниана о причинах развода), предусматривались возможность и способы прекращения брака в случаях: а) смерти одного из супругов (а переживший супруг мог вступить в новый брак с соблюдением предусмотренных законом условий); б) заявления о разводе.

Установлено, что на Руси с древних времен супруги могли произвольно оставлять друг друга, хотя церковь была наделена компетенцией по рассмотрению в церковных судах дел о разводе. Согласно Кормчим книгам поводами для развода признавались: прелюбодеяние; неспособность мужа к брачному сожитию; безвестное отсутствие супруга; принятие монашества (постриг); разводы безо всяких поводов.

В сфере имущественных отношений византийское законодательство расширило имущественные права жены и сделало возможным спор между мужем и женою об имуществе, который подлежал рассмотрению церковной юрисдикцией.

Если до принятия христианства особого различия между детьми рожденными от жены и детьми рожденными от наложниц не было или этому различию не придавалось большого значения, то после принятия христианства духовенство вводит византийское законодательство положение о законных и незаконных детях. Незаконными считались дети, прижитые вне брака. Внебрачные дети, прижитые от рабыни, не имели права на получение наследства после своего отца (ст. 88 Троицкой редакции Русской Правды).

Согласно летописи, после принятия христианства несколько смягчилась власть отца над детьми, хотя она оставалась полной до права жизни и смерти.

Важным источником права, оказавшим влияние на развитие семейного права, является «**Стоглав**» – сборник постановлений Земского собора 1551 г., который принял 100 важнейших решений, одобрил и принял Царский судебник 1550 г., дополнил Судебник Ивана III, вместе с нормами гражданского, уголовного и процессуального права принял нормы семейного права, что подтверждает наличие признаков отраслевой самостоятельности у семейного права с давних времен.

Собор 1551 г. разделил светский суд на церковный и мирской. Церковному суду подлежали все дела церковные, в том числе семейные («треховные»), как церковных людей, так и светских.

Семейное право XV – XVI в.в. большей частью основывалось на нормах обычного права и подвергалось сильному воздействию канонического церковного права. Юридические последствия мог иметь только церковный брак, осуществленный путем венчания в приходской церкви по месту постоянного жительства. Собор 1551 г. подтвердил положения Кормчих книг об установлении брачного возраста 15 лет для жениха и 12 лет для невесты. Определялись условия заключения брака: помимо достижения брачного возраста и отсутствия обстоятельств, препятствующих браку, требовалось обязательное согласие на брак родителей жениха и невесты, а для крепостных – согласие их хозяев.

Собор закреплял приоритет власти мужа и отца, что было основой отношений между мужем, женой и детьми в Московском государстве. Власть мужа над женой трактовалась церковью как «жене глава муж, мужу – князь, а князю – бог». Муж являлся бесконтрольным повелителем своего семейства. Женщина была покорной рабой, игрушкой своего мужа-господина, послушание которому было главной ее обязанностью.

4 Тищенко Л. А. Семейное право России и зарубежных стран: история и современность. М.: Изд-во Совр. Гуман. ун., 2001. С. 3-37.

С середины XVI в. на Руси вводятся юридические ограничения владельческих и собственнических прав женщины, запреты дворянкам владеть поместьями, водчинницам – наследовать родовую собственность. Постановлением Собора 1551 г. устанавливалась общность имущества супругов. При этом общее право супругов распространялась на имущество, предназначенное на общие цели семьи, а также на имущество, совместно приобретенное супругами в браке.

«Стоглав» признавал возможность расторжения брака. Поводами для развода кроме перечисленных ранее могли быть бесплодие жены, неизлечимая болезнь одного из супругов.

Исторически сложилось, что только первый брак церковь признавала таинством, и он получал венчание, второй и третий только благословение. Третий брак не одобрялся, налагал на виновника церковную епитимию, а четвертый брак признавался недействительным. В связи с этим в сборнике постановлений Собора 1551 г. («Стоглав») подтверждены слова Григория Великого (записанные ранее в Кормчих книгах): «Первый брак – закон, второй – прощение, третий – законопреступление, четвертый – нечестие, свинское есть житие»⁵.

Важнейшим источником права XVII – XIX вв., имеющим историческое значение и включающим в себя нормы семейного права, является Соборное Уложение царя Алексея Михайловича 1649 г., которое представляет собой памятник права не одной, а нескольких эпох отечественной истории. Соборное Уложение принято Земским собором и подробно освещает, судопроизводство, уголовное, гражданское, административное, семейное и другие отрасли права XVII в. Впервые была сделана попытка создать Свод всех действующих правовых норм. Наметились разделение норм по отраслям и институтам. Источниками Уложения стали: судебники, указные книги приказов, решения Земских соборов «Стоглав», византийское законодательство. Соборное Уложение 1649 г. юридически оформило крепостное право, превратило крепостного крестьянина в товар. Уложение оставалось действующим законом вплоть до издания Полного собрания законов Российской империи 1830 г., так как юристы XVIII – XIX вв. не смогли создать Свод законов, превосходящий Уложение.

Соборное Уложение 1649 г. состоит из 25 глав. Многие главы, посвященные крестьянам, поместным землям, судопроизводству, регулировали и семейные отношения. Утверждалось, что юридические последствия порождает брак, заключенный в церкви и включающий в себя этапы обручения и венчания. Процедуру венчания обязан был произвести священник того прихода, в котором жили жених и невеста. Венчание проходило только в церкви, прилюдно; тайное венчание было запрещено.

Соборным Уложением 1649 г. и Указом «О недействительности четвертого брака» от 27 июля 1651 г. четвертый брак был лишен юридической силы: вдова после четвертого брака и ее дети не получали наследства после смерти мужа и отца. Уложением запрещалось жениться на четвертой жене, а Указ 1651 г. запрещал выходить замуж за четвертого мужа.

Социальный статус жены определялся статусом мужа. Соборное Уложение устанавливало исходным размером штрафа за бесчестье жены сумму, равную предусмотренной за бесчестье мужа.

Супруги были обязаны жить вместе – либо у мужа, либо у жены. Место жительства супруга крепостного устанавливалось по его принадлежности владельцу.

Соборное Уложение запрещало узаконение внебрачных (незаконнорожденных) детей даже в случае брака родителей. Основой отношений родителей и детей продолжала оставаться отцовская власть. Высокий авторитет родителей был подтвержден и Соборным Уложением. Но прав жизни и смерти над детьми родители законодательно никогда не имели.

Родители могли обратиться к публичной власти для наказания своих детей. Одной жалобы родителей было достаточно, чтобы в качестве наказания детей били кнутом. Родители имели право отдавать детей в холоп¹. Дети жаловаться на родителей права не имели.

Проблема прекращения брака всегда оставалась центральной в русском праве. Заключая браки в раннем возрасте, часто по выбору родителей, жених и невеста не отдавали себе отчета о последствиях этого. Ограничение поводов к разводу и сложная процедура не давали возможности развестись даже при невозможности совместного проживания. К указанным ранее поводам для развода добавились обвинение супруга в антигосударственной деятельности, политическая смерть, неспособность жены к деторождению.

Таким образом, становление семейного права России связано с периодом возникновения государственности на территории русских княжеств. На становление семейного права существенное влияние оказало принятие христианства на Руси и внедрение Византийского законодательства. Правовое регулирование семейных отношений присутствовало в законодательстве вместе с нормами гражданского и уголовного права. Наличие законодательных актов по регулированию семейных отношений является одним из признаков отраслевой самостоятельности семейного права.

Пристатейный библиографический список

1. Акты Земских соборов. М., 1985. С. 382-391.
2. История отечественного государства и права: учебник в 2 ч. / под ред. О. И. Чистякова. 5-е изд. М.: Юрайт, 2011. Ч. 1. С. 64-69.
3. Латкин В. Н. Лекции по внешней истории русского права. СПб., 1890. С. 84.
4. Матвеев Г. К. Советское семейное право. Советское семейное право / под ред. В. А. Рясенцева. М., 1969. С. 28-33.
5. Победоносцев К. П. Курс гражданского права: в 3 т. / под ред. В. А. Томсинова. М.: Зерцало, 2003. Т. 2. С. 15.
6. Соборное Уложение. Гл. XIX., XX., XXII // Российское законодательство X-XX веков. Т. 2.
7. Тищенко Л. А. Семейное право России и зарубежных стран: история и современность. М.: Изд-во Совр. Гуман. ун., 2001. С. 3-37.

5 Латкин В. Н. Лекции по внешней истории русского праа. СПб., 1890. С. 84.

ПИНИГИН Максим Геннадьевич

кандидат юридических наук, доцент кафедры теории государства и права и международного права
Институт государства и права Тюменского государственного университета

РЕОРГАНИЗАЦИЯ ГОРОДСКОЙ ПОЛИЦИИ В РОССИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Рассмотрены основные этапы преобразования городской полиции в городах Российской империи в первой половине XIX века. Раскрывается структура полицейских органов, их численность, и основные направления работы. Исследуются причины ликвидации органов полиции, учрежденных Павлом I, и воссоздания екатерининских полицейских учреждений. Перечислены основные нормативные акты, регламентирующие деятельность городской полиции.

Ключевые слова: Российская полиция, XVIII-XIX века, городничий, Управа Благочиния.

PILIGIN Maksim Gennadjevich

Ph.D. in Law, associate professor of Theory of state and law and international law sub-faculty of the Institute of State and Law of the Tyumen State University

Пинигин М. Г.

THE REORGANIZATION OF THE CITY POLICE IN RUSSIA IN THE FIRST HALF OF THE NINETEENTH CENTURY

The main stages of the transformation of the city police in the cities of the Russian Empire in the first half of the XIX century are examined. The structure of police bodies, their number, and the main directions of work are revealed. The causes of the elimination of police, established by Paul I and the reconstruction of Catherine police institutions are explored. The basic normative acts regulating activity of city police are listed.

Keywords: Russian police, XVIII-XIX century, the mayor, the Board of Decency.

К началу XIX века были сформированы основные институты российской полиции. В государстве параллельно функционировало два вида полиции (земская и городская), каждая из которых действовала на своей территории.

Правовую основу деятельности полиции составляли акты екатерининской эпохи – «Учреждения для управления губерний Всероссийской империи»¹ 1775 года и «Устав Благочиния или Полицейский»² 1782 года.

Согласно им полицией в губернских и крупных уездных городах руководили Управы Благочиния или Полицейские, состоящие из полицмейстера, пристава гражданских и уголовных дел и двух ратманов. В небольших городах во главе полиции стоял городничий, а в сельской местности административно-полицейские органы были представлены Нижним земским судом по главе в капитаном-исправником. Полицейские органы имели штат, состоящий из частных приставов, квартальных надзирателей в городах, членов Нижнего земского суда в уездах и подчиненных им военных команд.

Предпринятые Павлом I попытки реформировать полицейский аппарат закончились безуспешно. Во-первых, вся его политика была проявлением высокой степени самостоятельности государства по отношению к обществу, к сословию дворян. Во-вторых, наделив полицию большими возможностями по контролю за поведением подданных Павел I считал, что это наиболее эффективная мера предупреждения социальных недовольств. Однако дворяне считали унижительным для себя такое поведение, что и предопределило убийство императора.

Главным направлением первых лет царствования императора Александра I было возвращение к порядкам Екатерины II. Уже 17 марта 1801 года прекращают действовать Ратгаузы и Ордонанс-гаузы – полицейские органы, учрежденные Павлом I в столицах, а позднее воссоздаются Управы Благочиния «на точном соответствии и пространстве Полицейского Устава»³. Происходила демилитаризация полиция, она изымалась из

ведения генерал-губернаторов и передавалась в распоряжение гражданских губернаторов.

Министерская реформа, начатая в России в 1802 году, существенно не повлияла на работу низовых органов полиции. Изменения коснулись лишь вопросов назначения на должность городничих. С учреждением Министерства внутренних дел, городничие стали назначаться не губернаторами, а Сенатом по представлению министра внутренних дел.

Однако для восстановления, а точнее для исправления дел в городской полиции требовались более радикальные меры, с учетом того, екатерининское право начинало устаревать, а общественные отношения кардинально меняться. 24 октября 1803 года Александр I подписывает Указ о средствах к исправлению полиции в городах⁴, согласно которому все губернские и уездные города были разделены на три разряда в зависимости от способа полицейского управления. Во главе полиции городов первого разряда становился городничий, подчиненный военному или гражданскому губернатору. В таких городах предполагалось заменить городничих полицмейстерами и сформировать штаты полиции в соответствии с Уставом Благочиния. В тех портовых городах, что не подчинялись власти военного ведомства также предлагалось назначать полицмейстеров. В городах второго разряда во главе полиции ставились коменданты (представители военного министерства). На протяжении последующих двух лет в соответствии с данным указом была определена новая штатная численность полиции в большинстве крупных городов.

Усиленным вниманием императорской власти пользовались полицейские органы Санкт-Петербурга. После убийства императора Павла I еще некоторое время действовал Устав столичного города Санкт-Петербурга, который подчинял столичную полицию власти военного губернатора, но спустя несколько месяцев была восстановлена Управа Благочиния.

В июле 1804 года Александром I принимается Указ о разделении Санкт-Петербургской полиции на два отделения⁵. В этом акте прослеживаются идеи М. М. Сперанского, по реформированию полиции, изложенные в «Записке об устрой-

1 Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1. СПб.: Напечатано во втором отделении Собственной ЕИВ канцелярии. 1830 (далее ПСЗ РИ. Собр. 1) Т. XX. № 14392.

2 ПСЗ РИ. Т. XXI. № 15379.

3 ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. XXVII. № 20143.

4 ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. XXVII. № 21007.

5 ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. XXX. № 23216.

стве судебных и правительственных учреждений в России». Согласно указу, столичная полиция была разделена на две части. Первая (внутренняя) занималась следствием, осуществляла розыск людей, исполняла определения судебных мест. В ее состав входили члены Управы Благочиния, частные приставы, квартальные надзиратели и им подчиненные. Вторая часть (внешняя) следила за порядком и благочинием, ведала ночными дозорами и пожарной командой. Она состояла из полицмейстеров, бранд-майона, пожарной команды и воинских полицейских команд. Стоящий во главе Управы Благочиния обер-полицмейстер являлся руководителем обеих отделений.

Проблему накопившихся за долгие годы дел полиция разрешала за счет увеличения штатов или создания временных отделений. Штат Управы Благочиния увеличился на шесть человек; их стали избирать из мещан в помощь уже имеющимся ратманам. В 1809 году в Санкт-Петербурге учреждается Контра адресов, которая имела статус отделения полиции⁶. В ее задачи входило выдача паспортов и видов на жительство, контроль за исполнением указов, касающихся передвижения внутри страны.

Преобразованию подлежала и московская полиция. Москва находилась в центре страны и была окружена большим количеством сел, примыкающих непосредственно к городу. Многие крестьяне, занимаясь отходничеством, селились в Москве, заводили промыслы. Эти обстоятельства требовали улучшения взаимодействия между Московской Управой Благочиния и Нижним земским судом. Для решения этой проблемы Московский уезд был поделен на шесть станов во главе со становым приставом. Действия городской полиции уже не ограничивались чертой города, а продолжались и в уезде. Становой пристав без посредничества своего непосредственного начальника – капитана-исправника должен был выполнять все требования чинов городской полиции. На примере Москвы и Московского уезда шла апробация объединения городской и земской полиции. Аналогично московской, власть городской полиции Кременчуга была распределена на его пригороды.

Полицейские функции в городах осуществляли городские команды, которые с 1811 года были заменены на губернские команды (в крупных городах) и инвалидные роты (в уездных городах). С 1819 года сторожей и полицейских служителей стали назначать из нижних чинов военного ведомства.

Происходят изменения в системе отбытия полицейской повинности горожанами. Представители городских магистратов неоднократно просили губернаторов ликвидировать полицейскую повинность и перевести старост, сторожей и десятников на штатную основу с выплатой денежного содержания⁷, но в большинстве городов данная система сохранялась. В 1806 году Тобольский губернатор Гермес ответил отказом на просьбу Тюменского городского магистрата о замене десятников на наемных караульчиков⁸. Некоторых городах полицейская повинность была ликвидирована. Например, в 1807 году в Симбирске было отменено «осуществление повинности в натуре, как то: наряд сотских, пятидесятских, десятских, освещение улиц и содержание ночной стражи»⁹.

Некоторые слои городского населения были освобождены от натуральной полицейской повинности и обязаны были платить караульные деньги в размере двух рублей «на поправление будок и рогаток»¹⁰. Эта привилегия касалась лиц духовного звания.

В то же время неоднократно подтверждалась полицейская повинность ямщиков. 16 ноября 1829 года принимается указ, согласно которому «профессора и другие лица, состоящие в учебных заведениях» были освобождены от квартирной повинности, но с сохранением полицейской¹¹.

Таким образом, правительством не были сформулированы единые подходы к вопросу привлечения местного населения к несению полицейской службы.

Во второй четверти XIX века не произошло существенных изменений в организации и структуре городской полиции. Московскую полицию продолжал возглавлять обер-полицмейстер, а в штат Управы Благочиния состоял из старшего полицмейстера, пристава уголовных дел, двух приставов гражданских дел, двух ратманов секретарских работников (повытки, секретари, протоколисты и т.д.) в общем количестве 134 человека.¹² Москва состояла из 17 частей (каждая находилась в ведении частного пристава), и 91 квартала (обслуживались квартальным надзирателем и квартальным поручиком). Также территория Москвы включала в себя пять сел и семь деревень. Согласно отчету Московского Обер-полицмейстера за 1846 год численность полиции возросла и составила 184 человека¹³.

Развитие полицейских органов в первой половине XIX века характеризовалось совершенствованием организационной структуры, что было обусловлено острой социальной ситуацией накануне великих реформ. Правовые акты представленной эпохи преследовали цель исправить и уточнить некоторые положения «Учреждений для управления губерний» 1775 года и «Устава Благочиния или Полицейского» 1782 года. Создание министерства внутренних дел, а в 1811 году и Министерства полиции существенно не повлияло на работу низовых органов полиции. Управы Благочиния, городничие и подчиненные им сохраняли прежние задачи и направления деятельности.

Проведение коренных преобразований государственного аппарата в целом и полиции в частности, не входило в планы Александра I. За первые десять лет пребывания на троне он вполне вошёл во вкус самодержавного правления и охладил к преобразованиям. Николая I и вовсе был противником реформ. Как отмечал А. А. Кизеветтер внутренняя политика Николая I была, безусловно, чужда каких-либо преобразовательских начинаний, это была политика застоя пар экселенс¹⁴.

Пристатейный библиографический список

1. Борисов А. В. Полиция самодержавной России в первой четверти XIX века. Дис. ... на соиск. уч. степ. канд. юрид. наук. М., 1982. 190 с.
2. Государственный архив Тюменской области. Ф. И-41. О. 1. Д. 40. Л. 8, 12.
3. Кизеветтер А. А. Внутренняя политика в царствование императора Николая Павловича. Исторические очерки. М., 1912. 457 с.
4. Описание дел Московской Управы Благочиния. Выпуск. 1. Издание Городского Общественного управления. М.: Городская типография, 1909. 167 с.
5. Отчет Московского Обер-полицмейстера за 1839 год. Часть первая. М.: Типография С. Селивановского, 1840. 122 с.
6. Отчет Московского Обер-полицмейстера за 1846 год. М.: Типография С. Селивановского, 1847. 759 с.
7. Приказы Санкт-Петербургского Обер-полицмейстера по Санкт-Петербургской полиции с 1830 год по 1841 год. СПб.: Типография Обер-полицмейстера, 1841. 239 с.
8. Тобольский филиал Государственного архива Тюменской области. Ф. И-31. О. 1. Д. 100. Л. 15.
9. Указ от 24 октября 1803 г. «О средствах к исправлению полиции в городах».
10. Указ от 8 июля 1804 г. «О разделении Санкт-Петербургской полиции на два отделения».
11. «Устав Благочиния или Полицейский» от 8 апреля 1782 г.
12. «Устав Столичного города Санкт-Петербурга» от 12 сентября 1798 г.
13. «Учреждения для управления губерний Всероссийской империи» от 7 ноября 1775 г.
- 12 Отчет Московского Обер-полицмейстера за 1839 год. Часть первая. М.: Типография С. Селивановского, 1840. С. 120.
- 13 Отчет Московского Обер-полицмейстера за 1846 год. М.: Типография С. Селивановского, 1847. С. 750.
- 14 Кизеветтер А. А. Внутренняя политика в царствование императора Николая Павловича. Исторические очерки. М., 1912. С. 419.

6 ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. XXX. № 23911.

7 Государственный архив Тюменской области (далее ГАТО). Ф. И-41. О. 1. Д. 40. Л. 8.

8 ГАТО. Ф. И-41. О. 1. Д. 40. Л. 12.

9 ПСЗ РИ. Т. XXIX. № 22469.

10 Тобольский филиал Государственного архива Тюменской области (далее ТФ ГАТО). Ф. И-31. О. 1. Д. 100. Л. 15.

11 ПСЗ РИ. Собр. 2. Т. IV. № 3280.

СЕРГЕЕВ Александр Валентинович

кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Волго-Вятского института (филиала) Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА)

СПЕЦИФИКА ТРАНСФОРМАЦИИ ПРАВОСОЗНАНИЯ КРЕСТЬЯНСТВА ВЯТСКОЙ ГУБЕРНИИ В КОНЦЕ XIX–НАЧАЛЕ XX ВЕКА

В статье сделана попытка обобщить различные проявления правосознания сельского населения Российской империи начала XX в. на примере одной губернии. В работе показана трансформация правовых представлений крестьян в области хозяйствования, межличностных отношений, оценки властных структур и личности монарха.

Ключевые слова: правосознание, крестьянство, Вятская губерния, правовой обычай, позитивное право.

SERGEEV Aleksandr Valentinovich

Ph.D. in historical sciences, associate professor of Theory and history of state and law sub-faculty of the Volgo-Vyatka Institute (branch) of the O. E. Kutafin Moscow State Law University (MSLA)

Сергеев А. В.

THE SPECIFICS OF THE TRANSFORMATION OF LEGAL CONSCIOUSNESS OF PEASANTS OF THE VYATKA PROVINCE IN THE LATE XIX – EARLY XX CENTURY

The article is an attempt to summarize the various manifestations of legal consciousness of the rural population of the Russian Empire of the early twentieth century on the example of one province. The paper shows the transformation of the legal views of the peasants in the field of management, interpersonal relations, evaluation of power structures and the personality of the monarch.

Keywords: awareness, peasants, Vyatka province, the legal tradition, positive law.

В отечественных историко-правовых исследованиях о крестьянском правосознании написано достаточно много, однако процесс трансформации крестьянского правосознания в условиях буржуазной модернизации рубежа XIX–XX веков, оказывается, изучен не достаточно полно. В указанное время наблюдаются качественные изменения в сельском хозяйстве, характеризующиеся вовлечением крестьянских хозяйств в новую парадигму буржуазных правоотношений. Следствием этого процесса стало противоречие между традиционными формами хозяйствования, основанными на исконных представлениях основной массы крестьянства о праве распоряжения землей и правом земельной собственности, культивируемом политикой правительства. Модернизационные процессы повлекли за собой деформации правоаксиологических установок сознания крестьян и привели к ломке сложившихся стереотипов массового сознания.

Уже в пореформенной России тесная связь крестьянина с общиной начинает ослабевать. Безусловно, большое значение при этом играла практика ухода крестьян на заработки в города, так называемое отходничество, которое давало возможность получения дополнительного источника средств к существованию в течение продолжительного зимнего периода. Распространение отходничества, прежде всего, было характерно для местностей, находящихся в непосредственной близости от городских поселений. Для российской глубинки была свойственна натурально-потребительская модель хозяйствования, связанная с нежеланием уходить на заработки «в отход». Большое значение для устойчивости патриархального мировоззрения оказывала вовлеченность крестьян в дела общины («помочи», «братчина», «микольщина»), сила общественных инстинктов.

Важной составляющей общинного уклада были помочи, которые являлись воспроизведением господствовавшей практики взаимопомощи, и не регулировались нормами позитивного права. Они использовались, как правило, при вывозе навоза, реже при косьбе сена и молотье. Можно выделить две разновидности помочей – «за угощение» и «в отработку». В первом случае пользующийся помочами обязывался лишь к

угощению, во втором, был обязан отработать у каждого помочанина столько же времени, с таким же количеством рабочего скота и инвентаря, с каким тот работал у него. «Помочи бывают двух видов: за угощение и в отвозку (в отработку – А. С.). Первые устраиваются безлошадными и сиротами; помочь же в отвозку – обыкновенно жителями одинаковой зажиточности («ровнями»), чтоб «пицца сходилась»¹. Во втором случае кооперировались равносильные крестьянские хозяйства, каждый получал ровно столько, сколько вкладывал сам; это форма крестьянской взаимопомощи.

В конце XIX в. обычай помочей применялся все реже, на его место приходит личный труд членов семьи или наем рабочей силы. В последнем случае договорные отношения оформлялись в простой устной форме в присутствии свидетелей. Помочи «за угощение» стали приобретать характер подаяния, благотворительности, безвозмездной помощи вдовам и сиротам и устраивались, как правило, в праздничные дни.

На рубеже XIX–XX вв. наблюдается трансформация в осознании ряда хозяйственных и правовых категорий, в том числе, начинает изменяться традиционное представление крестьянства о собственности на землю. Процесс принятия частной собственности на землю, в современном понимании этой категории, чрезвычайно медленно, с большим трудом, проникал в общую картину мировосприятия вятского крестьянина². При относительно низкой плотности сельского населения губернии и наличии большой площади неосвоенных земель преобладал захватный способ приобретения пахотной земли. Кто вспахивал новину, тот и пользовался ей без какого-либо юридического оформления своих прав.

Даже в 1920-е гг., по наблюдению М. Я. Феноменова, господствовал взгляд на собственность как на результат физиче-

- 1 Материалы по статистике Вятской губернии: Том XII: Общая сводка по губернии. Часть 2. Вятка: Скоропеч. Тип. Н. А. Огородникова и К, 1900. 319 с.
- 2 Сергеев А. В. Менталитет российского провинциального общества на рубеже XIX–XX вв. (на материалах Вятской губернии): автореф. дис. канд. ист. наук: 07.00.02. Ижевск, 2007. 16 с.

ского труда³. Хотя краеведческое исследование М. Я. Феноменова посвящено новгородской деревне, тем не менее, можно с уверенностью отнести этот вывод и к правосознанию вятского крестьянства. Прекращение права на землю связывалось с отсутствием трудовых вложений: хозяйственное запустение вело к исчезновению земельных прав. Подобный подход в правовом сознании объясняет тяготение российского крестьянства к перераспределению земли вне поля правового регулирования, путем, так называемого, черного передела.

Несмотря на живучесть традиционных правовых представлений о земельном владении в крестьянское правосознание стали проникать рыночные, буржуазные категории, что было связано с включением крестьянина в новые хозяйственные отношения⁴. Крестьянская община также переживала серьезную трансформацию. «Подел» земли, размежевание полевых угодий, основывавшийся на традиционных началах, можно рассматривать уже как пережиток старины. Община все больше начинала напоминать разновидность паевого товарищества. Фактически владение землей ничем не отличалось от подворного владения, однако в любой момент могло произойти перераспределение земли, что было невозможно при подворном землевладении. Большое распространение получила аренда земель сельскохозяйственного назначения. Помимо денежной и испольной аренды часто встречалась и аренда «за окуп повинностей» – «обыкновенно, отправляющийся в отхожий промысел отдает свою землю односельцам или соседям в окуп всех или части повинностей»⁵. Можно констатировать, что земельный надел зачастую становился для владельца обременителем. Нередки были случаи земельной субаренды или аренды посредником с целью последующей сдачи по завышенной цене.

Обычное право оказывалось тесно переплетено с нормами позитивного права. Сила традиционного правового понимания наиболее явственно проявляется при анализе дел, рассматриваемых в волостных судах. Судьи должны были пользоваться «Руководством волостных судов», составленном министром юстиции Н. М. Муравьевым. Но в подавляющем большинстве случаев к нему не прибегали, а решения выносились с учетом нравственных и хозяйственных качеств человека. Судьи наперечет знали тяжущихся не только по «делу», которое разбирают, но и просто, по-деревенски, когда все друг другу известно так же, как и известны все домашние обстоятельства сторон. Судили, таким образом, не поступок, а личность, отчего решения далеко не всегда оказывались справедливыми. С ними смирялись, полагая, что «против целого общества идти нельзя»⁶. Обращение в волостной суд зачастую воспринималось крестьянами как возможность компромиссного, мирного разрешения возникшего конфликта. При этом нередкими были случаи, когда истец заранее формулировал предпочтительное судебное решение, обращая искомое заявление в просьбу о наказании. Весной 1905 г. в «Вятской газете» были опубликованы записки волостного судьи К. М. Дробинина, в которых автор приводит примеры судебных разбирательств, характеризующих стереотипные образцы крестьянского правосознания. Позитивное право противопоставлялось хозяйственной необходимости. Крестьянка, обратившаяся в суд по факту избиения ее мужем, просила лишь усовестить его. За совершенное правонарушение «кормилец» мог попасть в арестантские роты, но она должна была на время заключения мужа оставаться одной с семерыми детьми, прокормить которых в одиночку ей было не по силам. Зачастую волостные

судьи при разбирательстве крестьянского спора «хором советовали купить «четвертушку» и делу баста! И это прямо из-за судейского стола, на котором стоит зеркало, под портретом Государя и перед образом Христа!»⁷. Такая позиция суда вызвала неприятие передовых крестьян, таких как К. М. Дробинин, который безуспешно ходатайствовал о запрещении винной лавки. Но усилия по борьбе с пьянством после вынесения судебного решения суда оказывались безуспешны. После суда обе стороны зачастую шли в кабаки. Пьянство внутри общины сплачивало крестьян всем миром. «Алкоголь... выполнял ценную социальную функцию – укреплял солидарность, снимал или ослаблял межличностные противоречия», – отмечал Б. Н. Миронов⁸.

В вятской деревне начала XX в. наблюдались изменения в положении индивида и как субъекта права, и как объекта контроля со стороны семейно-родственной группы, круга близких, формальных и неформальных сообществ, социальных институтов и властных структур. В большой степени этому способствовало растущее социальное расслоение в деревне. На сельских и волостных сходах сталкивались интересы бедного и среднего крестьянства с интересами зажиточных соседей. Основная масса крестьянства, являвшаяся выразителем общинной психологии, считала богатство аморальным. Собственность, используемая для накопления, обогащения, эксплуатации неимущих (т.е. капитала) всегда вызвала крайне негативную, осуждающую реакцию крестьян. Такие сельские «капиталисты» получили от мира весьма характерные названия – кулак, коштак, мироед, горлохват, живодер, хопужник, глот и т.п. В крестьянском правосознании закрепляется негативное отношение к зажиточным мужикам, которые верховодили, задавали «форс» на сходках: «Всегда он коштанит на сходе», «Стали делать разверстку, а богатые мужики взбаламутили все общество»⁹.

Однако, при рассмотрении состава сельских старост, волостных старшин и волостных судей, очевидно, что богатые не стремились занять эти должности, будучи озабочены ведением собственного хозяйства. Обычно на них избиралось крестьяне среднего, а подчас и ниже среднего достатка, при этом они неизбежно становились зависимы от «первых людей» на деревне.

Распространение европеизированной одежды, предметов быта оказывали заметное влияние на культуру и стиль поведения представителей крестьянского населения. Расширились границы мира человека, степень свободы, мобильности. Появление различного рода новшеств меняло традиционные представления о выборе модели поведения. Наблюдался рост индивидуализма крестьян, активного стремления к улучшению своего положения, даже если это улучшение выражалось лишь внешне через щегольскую одежду или наличие стульев в крестьянской избе. Как отмечал исследователь сельского быта Н. М. Васнецов, нововведения «как бы уравнивали их потребностей из различных сословий, социальных групп и давали еще один импульс к распространению – через быт, повседневную жизнь – демократических ценностей»¹⁰.

Менялся и нравственный облик крестьянства. Современники отмечали негативное влияние на деревню городов и заводских поселков. Можно говорить о возникновении вакуума в социальном регулировании поведения сельских обывателей. При исчезновении типичных для традиционного общества инструментов родственного и соседского контроля, основанного на обычаях, нормы позитивного права еще не выступали в полной степени в качестве регулятора социальных отношений. Следствием обозначенного выше стали более свободные отношения полов; падение авторитета стариков и старших; незави-

3 Феноменов М. Я. Современная деревня. Опыт краеведческого исследования одной деревни. М., 1925. Ч. 2. 93 с.

4 Слепнев И. Н. Новые рыночные реалии и их преломление в менталитете пореформенного крестьянства // Менталитет и аграрное развитие России (XIX-XXвв.). М.: РОССПЭН, 1996. С. 233.

5 Материалы по статистике Вятской губернии: Том XII: Общая сводка по губернии. Часть 2. Вятка: Скоропеч. Тип. Н. А. Огородникова и К, 1900. 306 с.

6 Стефанова И. И. Эпоха Великих реформ и вятчане // Энциклопедия земли Вятской: в 10 т. Т. 4: История. Киров: Изд. «Городская газета», 1995. С. 203.

7 Дробинин К. М. В волостном суде (Бытовые очерки) // Вятская газета. 1905. № 20. 19 мая.

8 Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): в 2 т. Т. 1. СПб.: «Дмитрий Буланин», 2003. 457 с.

9 Дробинин К. М. В волостном суде (Бытовые очерки) // Вятская газета. 1905. № 20. 19 мая. С. 114.

10 Материалы для объяснительного областного словаря вятского говора Н. М. Васнецова. Издание Губернского Статистического Комитета. Вятка, 1907. 113 с.

симость молодежи; разрушение общих интересов двора; ломка общественно-мировых начал и замкнутости прежней крестьянской морали (ранее она поддерживалась “принудительством” и силой общественной солидарности); разложение единого общественного мнения; противопоставление личности обществу; повышение ощущения своего “я”, личной независимости¹¹.

Обычное течение жизни, так называемая история повседневности, не фиксировалось в официальных источниках, не представляя опасности, а соответственно и интереса для властей. Большая часть крестьянства придерживалась традиционных стереотипов поведения, была чужда революционной пропаганде или вовсе с ней не сталкивалась в повседневной жизни. Подавляющая часть крестьян твердо верила в бога, царя-батюшку и неизбежность существующего миропорядка. Их патриархально-патерналистское мировоззрение было, как бы, разбавлено некоторыми буржуазными ценностями, радикальными идеями отдельных представителей крестьянства, впитавших в себя атеистическую и революционную пропаганду.

Отношение к власти у крестьян, в частности, к сельскому выборному начальству было неоднозначным, в целом недоброжелательным. Н. М. Васнецов приводит следующие примеры реакции крестьян на появление на сельском сходе выборных волостного управления: “На деревню наехали волосные”, “Надо утешить волосных”¹². Крестьяне имели основания не уважать волостное и сельское начальство. Самоуправство, пренебрежение интересами крестьян выражалось в их корреспонденциях для либеральных газет. Внешним выражением правового сознания крестьянства являлись приговоры, принимаемые на сельских и волостных сходах. А. Т. Сенчакова, справедливо видит в них аргументированные жалобы и требования¹³. Э. М. Вернер отмечал, что крестьяне “не только хорошо сознавали свои интересы..., но и отдавали себе отчет в том, кому они пишут”¹⁴.

Крестьянское правосознание продолжало воспринимать местную администрацию как притеснителя интересов сельского населения. Высшая власть традиционно воспринималась принадлежащей царю от Бога и оказывалась в восприятии крестьянства дистанцированной от уровня местного управления. Одновременно следует признать начавшийся процесс инверсии монархического правосознания. Все чаще раздавались критические оценки императорской власти. В Государственном архиве социально-политической истории Кировской области отложились следующие критические оценки императорской власти: “Леший бы унес нашего государя. Он подать увеличил и обратил за собой все кабаки. Вино торгует”; “Царя скоро не будет. Начнется хорошая жизнь, а в мае месяце или ранее возьмем царя за уши и будем на нем пахать. Царь получает 6 000 рублей в день, а ничего не делает”¹⁵.

Несмотря на то, что приведенные выше примеры свидетельствуют о росте политической активности крестьянства, их нельзя признавать типичными для всей массы сельского населения. Нельзя забывать, что официальное делопроизводство фиксировало именно радикальные, оппозиционные высказывания. Социальное напряжение в российской деревне в начале XX столетия было вызвано не только объективными причинами экономического развития и связанной с ними имущественной дифференциацией, но и с причинами субъективного характера,

выразившихся в различии осознания права различными категориями крестьянства. Зажиточные крестьяне, кулаки, стали носителями буржуазного правосознания, соответствующего эпохе экономической и политической модернизации. Представители среднего и беднейшего крестьянства оставались верными традиционным правовым представлениям.

В начале XX в. крестьянство переживало трансформацию социального поведения, отчетливо проявлялись тенденции к индивидуализму и прагматизму. Крестьянское правосознание стало терять свою относительную однородность. Специфика восприятия права вятского крестьянства во многом была обусловлена природой и климатом губернии, удаленностью от промышленных центров. В отличие от крестьян центральных районов России стереотипы поведения, правоаксиологические установки сознания трансформировались медленнее. В Вятской губернии модернизационные процессы протекали неравномерно. Изменения в правосознании почти не коснулись жителей северных отдаленных местностей, в отличие от крестьян центральных и южных уездов, что было обусловлено большей плотностью населения, близостью крупных городов, железных дорог, судоходных рек. Ломка традиционных ценностей сопровождалась падением нравственности, ростом пьянства, хулиганства и преступности и вызывала сознательное, а реже бессознательное сопротивление.

Пристатейный библиографический список

- Вернер Э. М. Почему крестьяне подавали прошения, и почему не следует воспринимать их буквально // Менталитет и аграрное развитие России (XIX – XX вв.). М.: РОССПЭН, 1996. С. 195-209.
- ГАСПИ КО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 14. Л. 5, 6. Эти аттестации адресованы Николаю II. Их неизмеримо больше, нежели негативных отзывов об Александре III, хотя и его народная молва не всегда жаловала: в ответ на слова, что царь думает о народе (1892 г.): “Где ему, жулику, портки-то спадут” (ГАКО. Ф. 33. Оп. 1. Д. 212. Л. 42).
- Дробинин К. М. В волостном суде (Бытовые очерки) // Вятская газета. 1905. № 20. 19 мая.
- Леонов С. В. «Разруха в головах»: К характеристике российского массового сознания в революционную эпоху (1901-1917 гг.) // Ментальность в эпохи потрясений и преобразований. М., 2003. С. 95-172.
- Материалы для объяснительного областного словаря вятского говора Н. М. Васнецова. Издание Губернского Статистического Комитета. Вятка, 1907. 357 с.
- Материалы по статистике Вятской губернии: Том XII: Общая сводка по губернии. Часть 2. Вятка: Скоропеч. Тип. Н. А. Огородникова и К, 1900. 529 с.
- Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): в 2 т. Т. 1. СПб.: «Дмитрий Буланин», 2003. 583 с.
- Сенчакова А. Т. Приговоры и наказания – зеркало крестьянского менталитета 1905-1907 гг. // Менталитет и аграрное развитие России (XIX – XX вв.). М.: РОССПЭН, 1996. С. 174-184.
- Сергеев А. В. Менталитет российского провинциального общества на рубеже XIX-XX вв. (на материалах Вятской губернии): автореф. дис. канд. ист. наук: 07.00.02. Ижевск, 2007. 24 с.
- Слепнев И. Н. Новые рыночные реалии и их преломление в менталитете пореформенного крестьянства // Менталитет и аграрное развитие России (XIX-XX вв.). М.: РОССПЭН, 1996. С. 215-228.
- Стефанова И. И. Эпоха Великих реформ и вятчане // Энциклопедия земли Вятской: в 10 т. Т. 4: История. Киров: Изд. «Городская газета», 1995. С. 183-205.
- Феноменов М. Я. Современная деревня. Опыт краеведческого обследования одной деревни. М., 1925. Ч. 2. 163 с.

11 Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): в 2 т. Т. 1. СПб.: «Дмитрий Буланин», 2003. С. 475 – 476.

12 Материалы для объяснительного областного словаря вятского говора Н. М. Васнецова. Издание Губернского Статистического Комитета. Вятка, 1907. С. 35.

13 Сенчакова А. Т. Приговоры и наказания – зеркало крестьянского менталитета 1905-1907 гг. // Менталитет и аграрное развитие России (XIX – XX вв.). М.: РОССПЭН, 1996. С. 182.

14 Вернер Э. М. Почему крестьяне подавали прошения, и почему не следует воспринимать их буквально // Менталитет и аграрное развитие России (XIX – XX вв.). М.: РОССПЭН, 1996. С. 194.

15 ГАСПИ КО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 14. Л. 5, 6. Эти аттестации адресованы Николаю II. Их неизмеримо больше, нежели негативных отзывов об Александре III, хотя и его народная молва не всегда жаловала: в ответ на слова, что царь думает о народе (1892 г.): “Где ему, жулику, портки-то спадут” (ГАКО. Ф. 33. Оп. 1. Д. 212. Л. 42).

ЧАЛОВА Юлия Александровна

старший преподаватель кафедры экологического и предпринимательского права Юридического факультета Таврической академии Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского

ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ ВЗГЛЯД НА ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ЗАКУПКИ КАК МЕХАНИЗМ РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЗАДАЧ В СВЯЗИ С ПРИНЯТИЕМ КРЫМА В СОСТАВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Статья посвящена изучению научных и законодательных определений понятия государственных (казенных) нужд и государственных (казенных) закупок в правовых актах 18-19 века и исследованиях дореволюционных и современных правоведов. Автор определяет взаимосвязи между политическими задачами в связи с присоединением Крыма к Российской империи в 18 веке, его экономическим развитием и государственными (казенными) закупками. Основная цель исследования – используя герменевтический подход к изучению института государственных закупок, дать необходимые для последующей правоприменительной практики определения понятия государственных нужд и государственных закупок.

Ключевые слова: государственные (казенные) закупки, казенные закупки, государственные нужды, история Крыма, государственные задачи, народное благосостояние, общественные потребности.

Чалова Ю. А.

CHALOVA Yuliya Aleksandrovna

senior lecturer of Environmental and business law sub-faculty of the Law Faculty of the Tavrida Academy of the V. I. Vernadskiy Crimean Federal University

HISTORICAL AND LEGAL VIEW ON PUBLIC PROCUREMENT AS A MECHANISM FOR IMPLEMENTING STATE TASKS IN CONNECTION WITH THE ADOPTION OF THE CRIMEA INTO THE RUSSIAN EMPIRE

The article is devoted to the study of scientific and legislative definitions of the concept of state (government) needs and state (government) purchases in legal acts of the 18-19th century and studies of pre-revolutionary and modern jurists. The author defines the interrelationships between political tasks in connection with the annexation of the Crimea to the Russian Empire in the 18th century, its economic development and state (government) purchases. The main objective of the study is to use the hermeneutic approach to the study of the institution of public procurement to provide the necessary definition for the subsequent law enforcement practice of the concept of state needs and public procurement.

Keywords: public procurement, state needs, history of Crimea, public tasks, people's welfare, social needs.

«...и для того, по долгу предлагающего НАМ попечения о благе и величии отечества, стараясь пользу и безопасность его утвердить, как равно полагая средством навсегда отдаляющим неприятные причины, возмущающие вечный мир между Империями Всероссийской и Оттоманской заключенный, который МЫ навсегда сократить искренно желаем, не меньше же и в замену и удовлетворение убытков НАШИХ решились МЫ взять под державу НАШУ полуостров Крымский, остров Тамань и всю Кубанскую сторону. Возвращая жителям тех мест силою сего НАШЕГО Императорского Манифеста таковую бытия их перемену, обещаем свято и непоколебимо за СЕБЯ и преемников престола НАШЕГО, содержать их наравне с природными НАШИМИ подданными, охранять и защищать их лица, имущество, храмы и природную веру, коей свободно отправление со всеми законными обрядами пребудет неприкосновенно, и дозволить напоследок каждому из них состоянию все те правоты и преимущества, каковыми таковое в России пользуется...»¹.

С присоединением Крыма, Российская Империя не только подтвердила славу русского оружия, создала новый фор-

пост на Черном море и расширила возможности морского судоходства, но и приобрела громадные пустынные пространства плодородной земли, которые предстояло укрепить городами, обустроить дорогами, заселить трудоспособными гражданами, сплотив новых поселенцев с коренными жителями Крыма, образовать систему органов управления и обеспечить ее надежную защиту.

Для осуществления обещания, данного в процитированном Манифесте за себя и потомков от государственной власти, отождествляемой в XVIII веке с волей правящего монарха, требовались не только его воля, организаторские способности, административная структура и значительные финансовые средства, но и правовые нормы, правила поведения, адресованные субъектам права, объединяющие их в единый правовой механизм, успех работы которого мог быть достигнут при условии, если его цели и задачи ясны всем участвующим в нем субъектам, разделяются ими, не содержат излишних бюрократических обременений, и выполнимы при определенном уровне развития технических и информационных сил. Этот механизм есть установленная государством система правил поведения участников государственных закупок (приобретений) различных объектов гражданских прав и административно-организованный процесс управления ею.

Юридическое осмысление цели и задач государственной политики Российской Империи (как в связи с присоединением Крыма так и на всей территории страны в 18-19 веках),

1 Екатерина Великая. Манифест о присоединении Крымского полуострова, острова Тамани и всей Кубанской стороны к России», 8 апреля 1783 года // Полное собрание законов Российской империи. Собрание Первое. 1649-1825 гг. / под ред. М. М. Сперанского: в 45-и томах. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Т. XXI. № 15708.

реализуя которые государство вступало в хозяйственные взаимоотношения с частными лицами с целью приобретения необходимых материальных и нематериальных благ, имеет научную и практическую ценность так как политическая природа этих целей и задач, по мнению автора, определяет их правовую природу и основные принципы и является побуждающей силой к государственным закупкам. Если движущей силой механизма казенных закупок, как и любой объективно выраженной человеческой деятельности, является удовлетворение неких потребностей, необходимо определить их сущность, дать им правовое определение, тем более, что понятие государственных нужд, государственных потребностей в современном законодательстве о государственных закупках не определено, не смотря на то, что сам термин «удовлетворение государственных нужд» используется в наименовании действующего Федерального закона «О контрактной системе закупок для удовлетворения государственных и муниципальных нужд»².

В юридической науке вопрос отсутствия законодательно-определенного понятия государственных и муниципальных нужд применительно к государственным закупкам поднимался неоднократно. Современными исследователями А. Г. Ананьевым, Е. Л. Барыбиной, М. В. Розовенко, Е. И. Акулич³ признавали, что понятие государственных нужд является ключевым элементом системы государственных закупок, отсутствие правовой определенности которого влечет противоречивые толкования норм названного выше Закона. Авторами совершались попытки устранить эту правовую неопределенность и были предложены авторские дефиниции данному термину с использованием формально-юридического и функционального методов юридического познания.

Однако, современными авторами практически не уделено внимания изучению содержания государственных потребностей в эпоху, когда государство начало давать правилам казенных подрядов и поставок первое формальное закрепление в нормах позитивного права, не исследовалась их историческая трансформация, а также не проводилась систематизация взглядов на казенные потребности современных этим правилам правоведов. Автор попытается восполнить этот пробел в настоящей работе.

Некоторые дореволюционные зарубежные и отечественные исследователи вопросов государственного права (Юлиус фон Кирхман, И. Г. Оршанский⁴), придерживались мнения о том, что в начале существования государств главная их деятельность ограничивается защитой от внешних врагов или наступательными войнами. Общие блага, то есть интересы частных лиц – суть последнего времени на что обращается внимание правительств в старинном государственном строе. Законодательная деятельность государства по закреплению

в соответствующих актах норм по вопросам приобретения у последних различных товаров и работ за казенный счет, рассматривалась ими не с точки зрения признания позитивным правом в этих отношениях гражданско-правовых начал, закрепившихся в обществе, а исключительно постольку, поскольку установление или отмена того или иного узаконения интересна и выгодна для казны.

Однако, это утверждение является спорным, так как если казенные закупки всегда предполагали платность и, в большинстве своем, добровольное в них участие, а значит они не могли возникнуть без признания государством права частной собственности частных субъектов на интересующие государство имущество и свободу их волеизъявления в распоряжении принадлежащими им объектами гражданских прав (вещами, результатами производительного труда). Таким образом, казенным закупкам присуще гражданско-правовое начало. О гражданско-правовой сущности договоров казенного подряда, не смотря на преследование в них общественных интересов, пишут и ведущие цивилисты своего времени Г. Ф. Шершеневич⁵ и К. П. Победоносцев. Последний, посвятивший в своем курсе «Гражданское право» вопросам заключения и исполнения договоров подряда с казною несколько отдельных разделов, о природе отношений, побудивших заключение подобных договоров сообщает, что вся цель их правового регулирования заключалась и заключается не только в ограждении казенного интереса от убытков и злоупотреблений, но и в привлечении частной предприимчивости к подрядному делу⁶.

Нет сомнения в том, что законодотворцы 18-19 веков также понимали двойственность правовой природы государственных закупок, которые, с одной стороны являли собой «ненарушимые во всякое время» во имя «укрепления общего кредита и доверия»⁷ гражданско-правовые сделки, где стороны имеют взаимные права и обязанности. С другой стороны, одним из участников этой сделки является публичный субъект – государство, «долженствующее дати всем гражданам надежное содержание, пищу, приличную одежду и род жизни здравую человеческому не вредящий», то есть действующее не в своих интересах, а от имени и во имя всех частных субъектов, которых обязало «защищать и охранять».

Один из первых отечественных исследователей, обратившихся к теме казенных закупок П. Г. Редкин⁸ отмечал, что изначально свои потребности государство удовлетворяло или посредством добровольных со стороны граждан приношений и трудов, трансформирующихся вскоре в постоянную их повинность или обязательный платеж, или хозяйственным образом, то есть своими либо нанятыми на условиях личного найма людьми, из собственного своего имущества. Однако, с включением в сферу государственных задач дополнительных, ранее не занимавших ее предметов, включая, например, заботу о народном продовольствии и здоровье, а также с ростом масштабов самого государства, выполнение государство начинает производить такие личные наймы и покупки, которые по обширности и важности соединяемой с этим хозяйственной операции отделяются от обыкновенных, становясь предметом

2 Федеральный закон от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд». // Информационно-правовая систем «Гарант». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://internet.garant.ru>.

3 Ананьев А. Г. Понятие государственного (муниципального) контракта по действующему законодательству // Гражданское право. 2016. № 5. С 9-13; Барыбина Е. Л. Понятие «государственные (муниципальные) нужды» в предмете государственного контракта как средства самоорганизации гражданских правоотношений по поставке товаров для государственных и муниципальных нужд // Современное право. 2014. № 10; Розовенко М. В. Понятие и порядок определения государственных нужд // Общество и право. 2011. № 5. С. 120-123.

4 Оршанский И. Г. Роль казенного интереса в русском праве. Исследования по русскому праву. Санкт-Петербург, 1892, 539 с.

5 Шершеневич Габриэль (Гавриил) Феликсович. Учебник русского гражданского права. М.: издание Бр. Башмаковых, 1911. С. 244-245.

6 Победоносцев К. П. Курс гражданского права. Тома I-III (воспроизводится по изданию С. Петербург, 1986 г.). М.: Издательство «Зерцало», 2004. (справочно-правовая система «Гарант»)

7 ПСЗРИ (1-е изд.). Т. XX. № 14544.

8 Редкин П. Г. О казенных подрядах до первого их преобразования // Юрид. записки. 1841. С. 161-187.

особенных договорных отношений на казенные подряды и поставки.

Действительно, помимо решения элементарных задач внешней и внутренней безопасности и внутреннего мира, которыми, как пишет А. Д. Градовский, для государства являются: 1) внешние его сношения с другими державами; 2) организация внешней и внутренней безопасности, то есть военно-сухопутных и военно-морских сил; 3) задача финансовых средств, которыми должно располагать государство для своего существования, включая изыскание, упорядочение и употребление всех источников государственных доходов и 4) правосудие, с последующим развитием государство берет на себя ряд задач, которые касаются внутреннего благосостояния, развития умственного, нравственного и экономического благосостояния целого общества, то есть внутреннего управления, к которому относятся предметы: народного просвещения, управления путей сообщения, содействия земледелию, торговле, промышленности и т. д.⁹.

Философско-политические взгляды самой Екатерины II на цели и задачи государственной политики и основы государственного управления мы можем познать из Уложения о государственном устройстве 1667 г.¹⁰, в котором Монархия, по сути формулирует цель государственной власти – сохранение целостности государства. Императрица указывает в статье 346 Уложения: «подавание милостыни нищему на улице не может почтяться исполнением обязательств правления должностного дати всем гражданам надежное содержание, пищу, приличную одежду и род жизни здравую человеческому не вредящий». Последнее утверждение Монархия процитировала из почитаемого ею трактата «О духе законов» французского философа того времени, Шарля Монтескье¹¹.

Для достижения этой цели, Императрица классифицирует отдельные задачи, или как она их именует «государственные надобности», в целях которых государство готово нести соответствующие издержки, являющиеся нужными и полезными: 1) содержание обороны, сухопутных и морских войск, крепостей, артиллерии, и всего, что к тому принадлежит; 2) соблюдение внутреннего порядка, спокойствия и безопасности всякого человека и всего населения вообще; содержанием судейской, полицейской и всякой управленческой и надзорной власти 3) общественно полезные мероприятия, в том числе строительство городов, дорог, каналов, то есть прокопов, очистка рек, учреждение училищ, больниц, и прочие «безчисленные предлоги»; 4) довольство и величие престола. Сами государственные расходы и государственное ими управление Екатерина II именует государственным строительством или камерным правлением.

Принимая на себя и преемников обязанность содержать, охранять и защищать новоприобретенных граждан Российской

Империи, их имущество и храмы, Великая Императрица в своем Манифесте закрепляла попечительство о подданных как одну из обязанностей государства, реализация которой должна была способствовать укреплению интересов самой государственной власти, ее политического самосохранения.

Конкретные цели направления казенных средств в Российской империи в рамках решения государственных задач, зафиксированные в исследованных нами исторических документах, имеют достаточно широкий диапазон.

Так, с целью решения задач обороны и безопасности полуострова в Крыму возводились строились карантинные и таможенные заставы, строился военно-морской флот и фортификационные сооружения. Спектр воинских и адмиралтейских заготовлений включал в 18 – 19 веках не только закупку подрядных работ по строительству крепостей и кораблей, но и обмундирования, провианта и фуража для лошадей. Своими примерами проявления гуманизма в казенных закупках того времени можно привести закупку виноградного вина для улучшения рациона больных в морских госпиталях и лазаретах и бинтов из парусины для обертки железных ошейников, одеваемых на арестантов, материалы которых находятся в архивах Российского государственного архива военно-морского флота¹².

Обеспечение народного продовольствия осуществлялось путем казенных закупок зерна и муки, для пополнения казенных запасных хлебных магазинов¹³, из которых осуществлялись последующие ссуды нуждающимся. К социальным задачам, которые государство решало посредством казенных подрядов, можно отнести строительство на территории Таврической области, а позднее – Таврической губернии общественных сооружений: культовых (собор Александра Невского), образовательных (многочисленные училища, мужские и женские гимназии, богадельни), медицинских учреждений. Развитию экономических сил и заботой об улучшении качества жизни обусловлены подряды на строительство дорог и мостов, содержание почт и возведение фонтанов.

Необходимость осуществления финансовой функции государства на территории Таврической области (в 1784–1796 гг.), а позднее – в XIX в., Таврической губернии предопределила строительство за счет средств казны зданий и сооружений Феодосийского монетного двора, портовых таможенных постов и т. д. Особо хотелось бы выделить такой обособленный вид казенных закупок, как торги на откупы в частные руки монопольных статей доходов государства – соляных и винных промыслов, как разновидность закупки услуг по выполнению государственной фискальной функции.

Наконец, выполняя свою административную функцию Казна прибегала к закупке недвижимого имущества для размещения присутственных мест и отдельных должностных лиц (таких как дом губернатора Таврической губернии).

Анализируя перечисленные предметы казенных подрядов и поставок в Таврической области и позднее – в Таврической губернии Российской Империи в период 18–19 веков, можем сделать вывод о том, что преимущественной целью

9 Градовский Александр Дмитриевич. Начала русского государственного права/ Тома I–III. С.-Петербург, типография М. Стасюлевича, 1875. (том I), 1876. (том II), 1883. (том III). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Система Гарант - Глава 3. Параграф 79.

10 Наказ Ея Императорского Величества Екатерины Вторья Самодержицы Всероссийския данный Комиссии о сочинении проекта нового Уложения / Извлечение из книги Императрица Екатерина Вторая. Наказ, данный Комиссии о сочинении проекта нового Уложения (под редакцией и с предисловием В. А. Томсинова). Библиография: проф. У. Э. Батлер. - «Зерцало», 2008. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Система Гарант.

11 Монтескье. О существе законов / Творение г. Монтескье; Перевел с французскаго Дмитрий Языков, член С. Петербургских обществ: Филантропическаго и любителей наук, словесности и художеств. Издал Василий Сопиков. Москва, 1809–1814.

12 РГАВМФ. Ф. 132. Оп. I. Д. 663, д. 653.

13 Хлебные запасные магазины – склады хлеба, устраиваемые правительством или местными общественными учреждениями на случай голода или дороговизны, для ссуды или продажи по дешевой цене хлеба для продовольствия и посева. [Энциклопедический словарь. / Издатели: Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон; Под ред. И. Е. Андреевского. СПб.: Типо-Литография И. А. Ефрона, 1892. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.vehi.net/brokgauz/index.html>.

казенных закупок того времени являлось удовлетворение общественных, публичных интересов, именуемых государственными потребностями. С учетом исторического опыта и уже отмеченной двойственности правовой природы государственных закупок, автор приходит к выводу, государственные потребности (нужды) следует определить как материальные и нематериальные блага, способные быть объектами гражданских прав, то есть выступать объектом хозяйственного оборота, которые самостоятельно либо опосредовано способствуют исполнению государственной властью своих государственных задач по отношению к своим подданным, включая задачи по обеспечению внутренней и внешней безопасности территории государства, поддержанию своих властных полномочий, увеличению экономического могущества; заботе о жизни, здоровье, благосостоянии, социальном обеспечении, просвещении своих подданных. Отсюда под «государственными закупками» в историческом смысле следует понимать такую государственную деятельность, которая реализуется посредством вступления государства в гражданско-правовые отношения с целью удовлетворения государственных потребностей, определение которым дано выше.

Пристатейный библиографический список

1. Ананьев А. Г. Понятие государственного (муниципального) контракта по действующему законодательству // *Гражданское право*. 2016. № 5. С 9-13.
2. Барыбина Е. А. Понятие «государственные (муниципальные) нужды» в предмете государственного контракта как средства самоорганизации гражданских правоотношений по поставке товаров для государственных и муниципальных нужд // *Современное право*. 2014. № 10.
3. Высочайшая резолюция на доклад Сената О поступлении казенным палатам Тверской, Смоленской, Новгородской и Калужской губернии до издания устава казенной палаты, при заключении контрактов по подрядам, поставкам, откупам по изъясненному в сем докладе правилам от 08 декабря 1776 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание Первое. 1649-1825 г. / под ред. М. М. Сперанского: в 45-и томах. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1876. Т. XX. № 14544.
4. Градовский Александр Дмитриевич. Начала русского государственного права/ Тома I-III. С.-Петербург, типография М. Стасюлевича, 1875. (том I), 1876. (том II), 1883. (том III). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Система Гарант - Глава 3. Параграф 79.
5. Манифест Императрицы Екатерины II о присоединении Крымского полуострова, острова Тамани и всей Кубанской стороны к России», 8 апреля 1783 года // Полное собрание законов Российской империи. Собрание Первое. 1649-1825 г. / под ред. М. М. Сперанского: в 45-и томах. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Т. XXI. № 15708.
6. Монтескье. О существе законов / Творение г. Монтескье; Перевел с французского Дмитрий Языков, член С. Петербургских обществ: Филантропического и любителей наук, словесности и художеств. Издал Василий Сопиков. Москва, 1809 - 1814.
7. Наказ Ея Императорского Величества Екатерины Вторья Самодержицы Всероссийския данный Комиссии о сочинении проекта нового Уложения / Извлечение из книги Императрица Екатерина Вторая. Наказ, данный Комиссии о сочинении проекта нового Уложения (под редакцией и с предисловием В. А. Томсинова). Библиография: проф. У. Э. Батлер. «Зерцало», 2008. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Система Гарант.
8. Оршанский И. Г. Роль казенного интереса в русском праве. Исследования по русскому праву. Санкт-Петербург, 1892, 539 с.
9. Победоносцев К. П. Курс гражданского права. Тома I-III (воспроизводится по изданию С. Петербург, 1986 г.). М.: издательство «Зерцало», 2004. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Система Гарант.
10. Редкин П. Г. О казенных подрядах до первого их преобразования // *Юрид. записки*. 1841. С. 161-187.
11. Розовенко М. В. Понятие и порядок определения государственных нужд // *Общество и право*. 2011. № 5. С. 120-123.
12. Шершеневич Габриэль (Гавриил) Феликсович. Учебник русского гражданского права. М.: Издание Бр. Башмаковых, 1911 г. С. 244-245.
13. Федеральный закон от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://internet.garant.ru>.
14. Энциклопедический словарь. / Издатели: Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон; Под ред. И. Е. Андреевского. СПб.: Типо-Литография И. А. Ефрона, 1892. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.vehi.net/brokgauz/index.html>.
15. РГАВМФ. Ф. 132. Оп. I. Д. 663, д. 653.
16. Kirchmann. Die Grundbegriffe des Rechts und der Moral..., 2 Aufl., Lpz., 1873 (цит. по: Оршанский И. Г. Роль казенного интереса в русском праве. Исследования по русскому праву / [Соч.] И. Г. Оршанского. Санкт-Петербург: типо-лит. А. Е. Ландау, 1892, 539 с.

МАГОМЕДОВА Патимат Расуловна

кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и международного права Дагестанского государственного университета

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА ГРАЖДАН НА ЖИЛИЩЕ

В статье рассматриваются некоторые проблемы гарантированного Конституцией Российской Федерации права граждан на жилище. Перечисляются основополагающие конституционные нормы советского законодательства, регулирующие право на жилище. Излагаются некоторые выводы по реализации конституционного права граждан на жилище.

Ключевые слова: конституционные право на жилище, советское законодательство, договор социального займа, ипотечное кредитование, жилищное строительство.

MAGOMEDOVA Patimat Rasulovna

Ph.D. in Law, associate professor of Constitutional and international law sub-faculty of the Dagestan State University

SOME PROBLEMS OF REALIZATION OF THE CONSTITUTIONAL RIGHT OF CITIZENS TO HOUSING

The article deals with some problems of citizens' right to housing guaranteed by the Constitution of the Russian Federation. The basic constitutional norms of the Soviet legislation regulating the right to housing are listed. Some conclusions are given on the implementation of the constitutional right of citizens to housing.

Keywords: constitutional right to housing, Soviet legislation, social loan agreement, mortgage lending, housing construction.

Право на жилище – это одно из ведущих прав в Российской Федерации, потому что само жилье считается ключевым вещественным условием жизни человека. Это право всякого гражданина владеть помещением, применимым и необходимым для проживания. Поэтому жилищная тематика по-прежнему остается актуальной и наиболее обсуждаемой в различных слоях населения. Потребность человека в жилье проявляется с этапа его рождения и сберегается на всем протяжении его жизни. В статье 40 Конституции РФ закрепляется: «1. Каждый имеет право на жилище. Никто не может быть произвольно лишен жилища. 2. Органы государственной власти и органы местного самоуправления поощряют жилищное строительство, создают условия для осуществления права на жилище. 3. Малоимущим, иным указанным в законе гражданам, нуждающимся в жилище, оно предоставляется бесплатно или за доступную плату из государственных, муниципальных и других жилищных фондов в соответствии с установленными законом нормами»¹.

Данное право предполагает гарантированную государством возможность для каждого человека быть обеспеченным постоянным жильем, постоянно, непрерывно пользоваться имеющимся жильем, неприкосновенность жилища, право на улучшение жилищных условий, обеспечение для граждан, проживающих в жилых помещениях безопасной среды обитания. Включение права на жилище в Конституцию создаёт обязательства для государства: совершенствовать своё внутреннее законодательство и организовывать в соответствии с ним свою деятельность.

В данном контексте представляется уместным подчеркнуть, что впервые право на жилище было закреплено в статье 44 Конституции СССР 1977 г.², в связи с которой основной

формой удовлетворения жилищных потребностей граждан являлось бесплатное предоставление жилья за счет государства нуждающимся в улучшении жилищных условий лицам по установленным действовавшим в то время законодательством нормам. Другими словами, конституционное право на жилище понималось в качестве гарантированной для каждого гражданина возможности быть обеспеченным постоянным жилищем, соответствующим по размеру и качеству установленным требованиям; или как право получения в установленном порядке жилого помещения в домах государственного или общественного жилищного фонда, в домах жилищно-строительных кооперативов, а также иметь в собственности дом согласно действующему законодательству³. Жилищно-строительный кооператив в некотором смысле похож на современную ипотеку, однако с важным отличием – не было грабительского ссудного процента. К тому же всем желающим семьям выдавали в аренду земельные участки под постройку индивидуальных домов. Получить тогда такой участок было несложно, и это поощрялось. Как представляется, в российском законодательстве следует предусмотреть возможность бесплатного предоставления земельных участков гражданам, что окажет значительное содействие в решении жилищных проблем.

Итак, можно сказать, что право на жилище входило в число важнейших социально-экономических прав граждан Советского Союза. Советское государство выступало в роли главного инструмента в решении жилищной проблемы общества.

В отличие от Конституции СССР 1977 года и советского законодательства в Конституции РФ и действующем законодательстве не закрепляется обязанность государства обеспечивать жильем всех граждан, кроме малоимущих и иных указанных в законе граждан. То есть российские граждане за свой счет или с привлечением государственных субсидий должны покупать, менять, арендовать, строить своё жилье. Однако в

1 Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием от 12 дек. 1993 г.: в ред. от 21 июля 2014 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2 Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик: принята Верховным Советом СССР от 7 окт. 1977 г. (утратила силу). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3 Матинская М. Ю. Конституционное право на жилище: становление и развитие в российском конституционном законодательстве // Вестник Бурятского госуниверситета. 2010. № 2. С. 199.

процессе реализации права на жилище граждане сталкиваются, прежде всего, с необходимостью учета собственных финансовых возможностей. Так, совершенно непонятно, каким образом, российские граждане могут реализовать свое право на жилище, если большая часть населения России, в частности бюджетников, имеет заработную плату, размер которой хватает только на самые необходимые нужды, не говоря о том, чтобы делать какие-то сбережения. Так, Л. В. Клявлиная подчеркивает, что «только небольшая часть населения России, может позволить себе купить квартиру сразу, из текущих доходов, без помощи сбережений и заемных средств»⁴.

Как было сказано выше, право на бесплатное жилье имеют только малоимущие и иные указанные в законе граждане. Им жилье предоставляется бесплатно или за доступную плату по договору социального найма в порядке квартирной очереди, но многие считают возможность обрести жильё за государственный счет трудно выполнимой, учитывая все трудности постановки на квартирную очередь. Зачастую граждане более чем по 20 лет стоят в очереди за социальным жильем, которая практически не движется, так как чиновники выдают квартиры в соответствии с родственными связями или за взятки. Каким же образом российский гражданин может улучшить свое жилье, если не занимается воровством, не имеет связей во властных структурах или просто не является мошенником?! Как здесь могут помочь федеральные программы или налоговые льготы?! На эти вопросы никто не дает ответа. К тому же реализация права на жилище малоимущего гражданина зависит лишь от усмотрения государства, а, в конечном итоге, – органов местного самоуправления. Более того, критерии отнесения граждан к малоимущим не совсем четкие, да и сама процедура для работников местных администраций представляется весьма сложной.

Думается, что данная процедура должна быть пересмотрена и стать максимально упрощенной и прозрачной.

Тем не менее, государство заинтересовано в том, чтобы граждане реализовывали данное право, не нарушая права других лиц с целью обеспечения надлежащего использования жилищного фонда⁵. В данном случае граждане могут рассчитывать на помощь государства, которое, в свою очередь, пытается создать благоприятные условия для реализации данного права всеми слоями населения. Для этого разрабатывается множество федеральных программ, таких как «Жилище» на 2015–2020 годы и другие. Действуют целевые программы для нуждающихся в улучшении бытовых условий работников бюджетной сферы, молодых и многодетных семей, вынужденных переселенцев, инвалидов.

В России ко всем этим проблемам добавляется еще и острая нехватка жилища – миллионы семей проживают в ветхих и аварийных домах и нуждаются в улучшении жилищных условий. Если сравнивать темпы строительства в России с Советским Союзом, то здесь наблюдалась совершенно иная картина: объемы жилищного строительства, достигнутые к 1970-м годам, превзошли все ожидания – по числу построенных квартир на тысячу человек населения Советский Союз занимал к этому времени одно из первых мест в мире⁶. Поэтому,

несомненно, что важнейшим условием решения жилищной проблемы в стране является увеличение объемов жилищного строительства. Но на сегодняшний день, если и увеличиваются темпы жилищного строительства, то крайне незначительно⁷.

Помимо вышеназванных проблем, существует проблема выселения граждан из занимаемого ими жилья без предоставления другого жилого помещения в связи с неуплатой жилищных и коммунальных услуг. Думается, что это нарушает конституционное право граждан на жилище, и ст. 90 Жилищного кодекса РФ противоречит ст. 40 Конституции РФ. Вследствие этого многие ученые предлагают исключить институт выселения из жилья без предоставления другого жилого помещения из российского законодательства, как не соответствующий конституционному праву граждан на жилище. По нашему мнению, целесообразнее было бы использование в виде возмещения за неуплату коммунальных платежей мер, которые применяют многие европейские страны, к примеру, применение обязательных работ в жилищно-коммунальном хозяйстве в счет погашения долга.

В конституционном законодательстве имеется еще один существенный, с нашей точки зрения, пробел: в части 3 ст. 40 Конституции Российской Федерации не говорится о наиболее массовом и социально значимом способе бесплатного предоставления жилища гражданам России – приватизации жилища⁸.

В связи с изложенным представляется, что основная доля населения России нуждается в специальных схемах приобретения жилья и в профессиональных посредниках в виде коммерческих банков, агентств недвижимости, кооперативов, застройщиков и т.д. помогающих воплотить в реальность идею покупки недвижимости⁹. Бесспорно, что без существенной поддержки государства обеспечить значительное число семей жильем практически невозможно. Для них получение жилого помещения от государства на льготных условиях является единственно возможным способом реализации конституционного права на жилище.

С вступлением в 2005 года Жилищного кодекса РФ предусматривалось создавать условия для реализации гражданами своего права на жилище путем развития ипотечного кредитования и субсидирования. Однако, как отмечает Т. А. Моховая, с которой мы полностью солидарны, в России это не просто невыгодно, но и создает для граждан многолетнюю кабалу, состоящую из постоянных выплат, конечная сумма которых в несколько раз превышает начальную стоимость жилья¹⁰. Поэтому считать ипотеку институтом, способном переложить заботу об обеспечении условий для реализации конституционного права на жилище с государства на граждан, не представляется возможным. Все еще не разработаны механизмы, позволяющие некоторым категориям граждан, к примеру, работающим в бюджетной сфере, взять банковский кредит, в т.ч. ипотечный.

Полагаем, что требуется совершенствование института ипотечного кредитования, который, даже имея государствен-

4 Клявлиная Л. В. Право граждан на жилище: пробелы в конституционном законодательстве Российской Федерации // Вестник магистратуры. 2016. № 7-1 (58). С. 125.

5 Черникова Л. О., Эрзманов А. Э. Конституционное право граждан на жилище // Образование и наука в современных реалиях: сб. материалов междунар. науч.-практ. конф.: в 2 т. 2017. С. 312.

6 Алексикова О. Е. Исторический опыт становления и развития права на жилище в Российском государстве // Среднерусский вестник

общественных наук. 2011. № 2. С. 109.

7 Смирнова Ю. В. Проблемы реализации малоимущими гражданами конституционного права на жилище в Российской Федерации // Юридическая мысль. 2013. № 4 (48). С. 83.

8 Власов А. В. Жилищная политика в России: состояние и тенденции развития // Научный альманах. 2016. № 1-1(15). С. 69.

9 Клявлиная Л. Р. Указ. соч. С. 125.

10 Моховая Т. А., Попова П. Е. К вопросу о проблеме реализации конституционного права граждан на жилище // Успехи современной науки и образования. 2016. Т. 2. № 5. С. 88.

ную поддержку, не может разрешить проблему обеспечения жильем даже незначительной части нуждающихся граждан.

Новая роль государства и органов местного самоуправления на рынке жилья предполагает следующие формы содействия жилищному рынку и поощрения жилищного строительства: налоговые льготы в отношении средств граждан, вложенных в строительство и приобретение жилья; упрощенный механизм выделения земельных участков для строительства жилья; обеспечение конкуренции на рынке жилищного строительства, имеющее целью удешевление строительства жилья; публичные инвестиционные проекты и бюджетное субсидирование жилищного строительства; правовое регулирование порядка реализации конституционного права на жилище, предполагающее устранение излишних административных барьеров на рынке недвижимости¹¹.

В заключение можно сделать следующие выводы.

Конституционное право на жилище в России не имеет достаточных механизмов реализации, по сравнению с другими гарантированными основными правами. Все граждане не могут получить жилье, просто имея на это право, но, не имея средств, тогда как реализовать, например, право на образование или на здравоохранения можно и не имея их¹². Действительно реализуемой гарантией конституционного права на жилище является лишь недопустимость произвольного лишения жилища.

В советский период нормы конституционного права граждан на жилище создали жилищные условия для большей части населения страны, исключили проблемы недоступности благоустроенного жилья для граждан с более чем скромным доходом и возможность выселения по закону из жилого помещения в связи с неуплатой квартирной платы и использованием коммунальными услугами. Полагаем, что было бы целесообразным использовать этот опыт для современного Российского государства.

Конституционное положение о стимулировании жилищного строительства может быть обеспечено путем введения льготного налогообложения, бесплатного предоставления земельных участков для индивидуального жилищного строительства и т.д. К числу условий также можно отнести обеспечение защиты прав граждан-потребителей коммунальных услуг и услуг по обслуживанию жилищного фонда. Данное положение является актуальным в свете инфляционных процессов и непрерывного роста размера коммунальных платежей.

Необходимо создать условия для совмещения приобретения жилья за счет субсидий и применения ипотечного кредитования, что будет способствовать снижению государственных затрат и повышению уровня благосостояния граждан, а также реализации ими конституционного права на жилище. Для этого в первую очередь требуется совершенствование института ипотечного кредитования, чтобы все категории граждан, в том числе работающие в бюджетной сфере, могли взять ипотечный кредит.

Следует исключить институт выселения из жилья за неуплату коммунальных платежей без предоставления другого жилого помещения из российского законодательства. Разумнее было бы использовать в виде возмещения мер за неуплату применение обязательных работ в жилищно-коммунальном хозяйстве в счет погашения долга.

В связи с тем, что критерии отнесения граждан к малоимущим не совсем четкие, да и сама процедура для работников местных администраций является весьма сложной, данная процедура должна быть пересмотрена и стать максимально упрощенной и прозрачной.

Целесообразным видится увеличение размера субсидий в зависимости от выслуги лет не только для государственных служащих, но и для всех бюджетников. Следовало бы также обеспечить выделение субсидий некоторым категориям граждан при признании их не только «не имеющими жилых помещений», но и «нуждающимися в улучшении жилищных условий».

Пристатейный библиографический список

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием от 12 дек. 1993 г.: в ред. от 21 июля 2014 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик: принята Верховным Советом СССР от 7 окт. 1977 г. (утратила силу). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Алексикова О. Е. Исторический опыт становления и развития права на жилище в Российском государстве // Среднерусский вестник общественных наук. 2011. № 2. С. 106-112.
4. Власов А. В. Жилищная политика в России: состояние и тенденции развития // Научный альманах. 2016. № 1-1(15). С. 67-71.
5. Клявлилина Л. Р. Право граждан на жилище: пробелы в конституционном законодательстве Российской Федерации // Вестник магистратуры. 2016. № 7-1 (58). С. 125-127.
6. Матинская М. Ю. Конституционное право на жилище: становление и развитие в российском конституционном законодательстве // Вестник Бурятского государственного университета. 2010. № 2. С. 197-200.
7. Моховая Т. А., Попова П. Е. К вопросу о проблеме реализации конституционного права граждан на жилище // Успехи современной науки и образования. 2016. Т. 2. № 5. С. 88-89.
8. Пушкина А. В. Наименее затратные для государства способы решения жилищной проблемы // Социальная справедливость и право. 2016. № 2. С. 219-226.
9. Смирнова Ю. В. Проблемы реализации малоимущими гражданами конституционного права на жилище в Российской Федерации // Юридическая мысль. 2013. № 4 (48). С. 91-93.
10. Черникова Л. О., Эрзиманов А. Э. Конституционное право граждан на жилище // Образование и наука в современных реалиях: сб. материалов междунар. науч.-практ. конф.: в 2 т. 2017. С. 311-312.

11 Пушкина А. В. Наименее затратные для государства способы решения жилищной проблемы // Социальная справедливость и право. 2016. № 2. С. 220.

12 Мохова Т. А., Попова П. Е. Указ. соч. С. 88.

МАГОМЕДОВА Патимат Магомедовна

магистрант юридического института Дагестанского государственного университета

К ВОПРОСУ О КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫХ ОСНОВАХ СОЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Целью данной статьи является анализ конституционно-правовых основ социального государства в России путем рассмотрения основных норм в сфере социального регулирования, выявления недостатков и пробелов и внесения предложения по совершенствованию законодательства Российской Федерации и ее субъектов в рассматриваемой сфере. Основными методами достижения результатов являются сравнительно-правовой, системный, отдельные логические приемы, способы интерпретации нормативных документов. Статья носит преимущественно теоретический характер и исследует конституционно-правовых основ социального государства в современных условиях.

Ключевые слова: социальное государство, конституционные основы, Конституция, социальное обеспечение, законодательство субъектов РФ.

MAGOMEDOVA Patimat Magomedovna

magister student of the Law Institute of the Dagestan State University

TO THE QUESTION OF CONSTITUTIONAL AND LEGAL BASES OF THE SOCIAL STATE IN THE RUSSIAN FEDERATION

The purpose of this article is the analysis of constitutional and legal bases of the social state in Russia by consideration of the main norms in the sphere of social regulation, identification of shortcomings and gaps and introduction of suggestion for improvement of the legislation of the Russian Federation and its subjects in the considered sphere. The main methods of achievement of results are comparative and legal, system, separate logical receptions, ways of interpretation of normative documents. Article has mainly theoretical character and investigates constitutional and legal bases of the social state in modern conditions.

Keywords: social state, constitutional bases, Constitution, social security, legislation of territorial subjects of the Russian Federation.

Конституция Российской Федерации провозглашает наше государство социальным. Провозглашение государства социальным осуществляется преимущественно путем конституционного закрепления данного положения. Впервые на конституционном уровне социальным государством себя объявила Германия в 1949 году. Статья 20 Конституции ФРГ провозглашает: «Федеративная Республика Германия является демократическим и социальным федеративным государством»¹. Действующая Конституция РФ в ст. 7 объявляет Российскую Федерацию социальным государством, «политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека». Конституция Испании 1978 года открывает положение о том, что «Испания конституируется как правовое демократическое социальное государство, которое провозглашает высшими ценностями своего правопорядка справедливость, равенство и политический плюрализм»². Сходные положения есть также и в конституциях Турецкой Республики 1982 года (ст. 2), Хорватии 1990 года (ст. 1), Республики Словения 1991 года (ст. 2), Республики Беларусь 1996 года (ст. 1)³ и др.

Принцип социального государства, впервые сформулированный в ст. 7 федеральной Конституции, устанавливает обязанность государства по созданию соответствующих условий, «обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека» (ч. 1. ст. 7 КРФ), таким образом, создание условий для достойной жизни человека и его свободного развития становится ядром социальной политики государства.

В части второй ст. 7 Конституции РФ определен открытый перечень основных социальных гарантий (основных обязанностей социального государства): охрана труда; охрана здоровья; минимальный размер оплаты труда (МРОТ); государственная поддержка семьи, материнства, отцовства и детства; поддержка пожилых граждан и инвалидов; развитие системы социаль-

ных служб; установление государственных пенсий, пособий; иные гарантии социальной защиты.

Следует подчеркнуть, что принцип социального государства отнесен к основам конституционного строя (Глава 1 Конституции РФ) и непосредственно связан с другими положениями российской конституции. Так, к примеру, ст. 19 Конституции РФ устанавливает принцип равенства (в т. ч. гендерного) всех «перед законом и судом» и категорически запрещает любые формы ограничения прав человека по признакам социальной принадлежности. Кроме того, фундаментом для формирования и развития социального государства является демократический режим и своего рода «диктатура права» (правовое государство), провозглашенные в части 1 ст. 1 Конституции РФ.

Вторая глава Конституции РФ («Права и свободы человека и гражданина») конкретизирует, развивает и существенно дополняет перечень основных социальных гарантий, установленных в ст. 7 Конституции РФ. Это право: на жизнь (ст. 20); на свободу труда и его оплату (ч. 1–4 ст. 37); на отдых (ч. 5 ст. 37); на защиту от безработицы (ч. 3 ст. 37); на защиту материнства, детства и семьи (ст. 38); на социальное обеспечение (ст. 39); на жилище (ст. 40); на охрану здоровья и медицинскую помощь (ст. 41); на экологическую безопасность (ст. 42); на образование (ст. 43); на участие в культурной жизни и доступ к ней (ст. 44). Перечисленные (и другие) конституционные нормы являются правовым выражением идеи социального государства⁴.

Воплощение в жизнь конституционных положений о гарантированном социальном обеспечении, несомненно, требует эффективного законодательства. В этой связи большое значение приобретает проблема нормативного закрепления права человека на социальное обеспечение в международно-правовых актах и национальном законодательстве.

Предмет международно-правового регулирования охватывает все основные виды социального обеспечения, которые предназначены для защиты людей от общепризнанных социальных рисков: потребность в медицинской помощи, болезнь, безработица, старость, трудовое увечье и профессиональное заболевание, наличие детей, беременность и роды, инвалидность, потеря кор-

1 Конституции государств Европы: В 3 т. / Под ред. Л. А. Окунькова. М., 2001. Т. 1. С. 587.

2 Конституции государств Европы: В 3 т. / Под ред. Л. А. Окунькова. М., 2001. Т. 2. С. 50.

3 Бутаев Г. Р. Концептуальные основы реформирования конституционно-правового института социального государства на современном этапе // Современное право. 2011. № 1. С. 20.

4 Роцин Б. Е. Современная Россия как социальное государство: конституционно – правовые основы // XIII Международная научная конференция «Государство, общество, церковь в истории России XX ВЕКА» (Иваново, 12-13 марта 2014 г.). С. 210.

мильца. Право каждого члена общества на социальное обеспечение нашло свое закрепление в таких международных актах, как Всеобщая декларация прав человека 1948 г. (ст. 22 и 25), Международный пакт о социальных, экономических и культурных правах 1966 г. (ст. 11). Перечисленные международные акты согласуются и с иными актами международного правотворчества, в котором особая роль принадлежит Международной организации труда. Значение международных актов в первую очередь заключается в том, что в них определен стандарт социального обеспечения, который должен предоставляться каждому человеку как члену общества.

В Конституции Российской Федерации 1993 г. в той или иной форме воспроизведены положения Декларации прав и свобод человека и гражданина, принятой Верховным Советом РСФСР 22 ноября 1991 г., касающиеся прав граждан в сфере социального обеспечения. В ст. 7 Конституции дается определение «социального государства», направления политики «социального государства» определяются в п. 2 ст. 7 Конституции РФ, однако никаких конкретных гарантий в сфере социального обеспечения ст. 7 Конституции не содержит. Речь идет о том, что в настоящее время реализация установленных Конституцией направлений политики социального государства зачастую не обеспечивает «достойную жизнь и свободное развитие человека».

В ст. 39 Конституции провозглашается: «Каждому гарантируется социальное обеспечение по возрасту, в случае болезни, инвалидности, потере кормильца, для воспитания детей и в иных случаях, предусмотренных законом». В отличие от Декларации прав и свобод человека, в ст. 26 которой установлено, что «пенсии, пособия и другие виды социальной помощи должны обеспечивать уровень жизни не ниже установленного законом прожиточного минимума», в Конституции РФ уровень таких гарантий не определен, как не определена и ответственность государства за необеспечение достойного уровня жизни.

Между тем положения ст. 15 и 17 Конституции РФ обязывают Россию привести свое законодательство о социальном обеспечении в соответствие с международными актами о правах человека. Выполнение этих обязательств означает, что Российская Федерация должна гарантировать своим гражданам качество жизни на уровне международных стандартов. При этом отсутствие акта признания конкретных норм международных актов не делает невозможным их включение в федеральные законы или конституции, уставы, другие законы субъектов Российской Федерации.

Из сказанного следует, что минимальные гарантии в области социального обеспечения, не нашедшие отражения в Конституции РФ 1993 г., единые на всей территории Российской Федерации требования к объему и качеству социальных услуг, предоставляемых государством с целью обеспечения конституционных социальных прав человека и гражданина в Российской Федерации, должны быть урегулированы федеральным законом. В одной из первых статей любого федерального закона, регулирующего права граждан в области социального обеспечения, должно быть указано, что эти права устанавливаются в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права и гарантируются на уровне международных стандартов. На этом уровне следует установить и нормативы обеспеченности различных социальных выплат.

Еще один важный вопрос, требующий уточнения, касается определения полномочий и компетенции Российской Федерации и субъектов Российской Федерации в сфере социального обеспечения. Конституция разграничила предметы ведения Федерации и ее субъектов в области прав и свобод человека. В соответствии с п. «ж» ч. 1 ст. 72 Конституции социальная защита, включая социальное обеспечение, находится в совместном ведении Российской Федерации и ее субъектов. Одновременно регулирование прав и свобод человека и гражданина (в том числе и на различные виды социального обеспечения) находится в ведении Российской Федерации (п. «в» ч. 1 ст. 71). Защита прав и свобод человека и гражданина также находится и в исключительном ведении Российской Федерации, и в совместном ведении (п. «в» ч. 1 ст. 71, п. «ж» ч. 1 ст. 72 Конституции РФ).

Таким образом, с одной стороны, у субъектов есть большие возможности для формирования собственной законодательной базы в социальной сфере, отражающей региональную специфику, с другой стороны, зачастую очень сложно определить специфический объект правового регулирования. Некоторые исследователи считают, что если на федеральном уровне принят нормативный

правовой акт, то на региональном уровне в аналогичном документе следует только восполнить неурегулированные отношения, опуская общие положения, понятия, принципы регулирования. Так, в уставах некоторых субъектов Российской Федерации отсутствует глава о правах и свободах человека и гражданина, имеется лишь ссылка на соответствующую статью Конституции Российской Федерации. Например, в ст. 2 Устава Липецкой области устанавливается: «В области признаются и гарантируются права и свободы человека и гражданина, закрепленные в Конституции Российской Федерации и международных договорах, ратифицированных Российской Федерацией. Обеспечение условий для соблюдения и защиты прав человека – обязанность органов государственной власти и органов местного самоуправления».

Следует отметить, что сейчас в России существуют субъекты, в уставах которых вообще отсутствуют правовые нормы о социальных правах. К ним относятся Ленинградская, Брянская, Тюменская области. К субъектам Федерации, в уставах которых гарантируется защита прав и свобод, перечисленных в Конституции, относятся г. Москва, Красноярский край, Белгородская, Волгоградская области. При таком подходе вряд ли может существовать полноценная законодательная база субъекта Федерации в социальной сфере. Кроме того, логичнее, если общие положения, понятия, принципы в аналогичных нормативных актах будут схожими. Представляется, что конституции, уставы субъектов Российской Федерации должны играть более активную роль в реальном гарантировании гражданам защиты их прав, поскольку они отражают обстановку в конкретном регионе, больше приближены к условиям жизни граждан, их интересам и традициям.

Однако сегодня приходится констатировать, что в разных субъектах Российской Федерации конституционное право на социальное обеспечение в разной степени гарантировано и защищено, что, в свою очередь, противоречит принципам социального государства, которые должны в равной степени распространяться на всю территорию страны и на всех ее граждан.

В настоящее время активно формируется законодательство, регламентирующее сложные и многоуровневые вопросы социального обеспечения различных категорий населения. Приняты десятки федеральных законов о ветеранах, беженцах, о статусе военнослужащих, об основах обязательного социального страхования, обязательном пенсионном страховании, о трудовых пенсиях, об инвестировании средств для финансирования накопительной части трудовой пенсии, о дополнительных страховых взносах на накопительную часть трудовой пенсии и государственной поддержке формирования пенсионных накоплений и др.

Россия на современном этапе своего развития реально не является социальным государством, несмотря на конституционные декларации. Становлению подлинного социального государства препятствует ряд объективных факторов, в числе которых несформированность правового государства, отсутствие ряда институтов гражданского общества, без наличия которых невозможно существование социального государства, недостаточность социальных программ, реализуемых в государстве и др.

Пристатейный библиографический список

1. Конституция РФ 1993 г.
2. Бутаев Г. Р. Концептуальные основы реформирования конституционно-правового института социального государства на современном этапе // Современное право. 2011. № 1.
3. Конституции государств Европы: В 3 т. / Под ред. Л. А. Окунькова. М., 2001.
4. Мозолева О. С. Некоторые перспективы развития правового регулирования социального обеспечения в Российской Федерации // Академический юридический журнал. 2009. № 3 (37).
5. Рошин Б. Е. Современная Россия как социальное государство: конституционно – правовые основы // XIII Международная научная конференция «Государство, общество, церковь в истории России XX ВЕКА» (Иваново, 12-13 марта 2014 г.).
- 5 Мозолева О. С. Некоторые перспективы развития правового регулирования социального обеспечения в Российской Федерации // Академический юридический журнал. 2009. № 3 (37). С. 52-55.

КУЛАГИН Роман Сергеевич

магистрант Санкт-Петербургского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)

АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОЙ РЕЖИМ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО ПОРЯДКА

Правовая культура влияет как на правовой порядок, так и на развитие самого государства, глубоко проникает в правоотношения людей, законотворчество и правопорядок, служит регулятором поведения людей и способствует укреплению общественного порядка. С учетом позиций административно-правовой науки в статье анализируется понятие, сущность общественного порядка, раскрывается административно-правовой режим его обеспечения. Автор приходит к выводу, что административно-правовой режим обеспечения общественного порядка отличается множественностью субъектов его реализации, охватывая собой защиту как физических и юридических лиц, так и защиту интересов государства и общества от противоправных административно наказуемых деяний.

Ключевые слова: общественный порядок, правовая культура, правопорядок, обеспечение общественного порядка, административно-правовой режим.

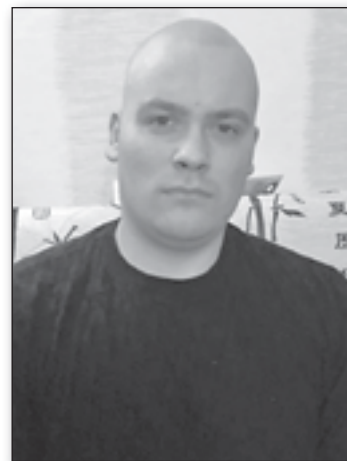
KULAGIN Roman Sergeevich

magister student of the St. Petersburg Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice

ADMINISTRATIVE AND LEGAL REGIME FOR ENSURING PUBLIC ORDER

Legal culture influences both the legal order and the development of the state itself, penetrates deeply into people's legal relationships, law-making and law and order, serves as a regulator of people's behavior and contributes to the strengthening of public order. Taking into account the positions of the administrative and legal science, the article analyzes the concept, the essence of public order, discloses the administrative and legal regime for its provision. The author comes to the conclusion that the administrative and legal regime for ensuring public order is characterized by the plurality of subjects of its implementation, encompassing the protection of both individuals and legal entities, and protecting the interests of the state and society from unlawful administratively punishable acts.

Keywords: public order, legal culture, law and order, maintenance of public order, administrative and legal regime.

Кулагин Р. С.

Одной из особенностей правового порядка является то, что он наитеснейшим образом связан с правовой культурой, и как культурный феномен представляет собой устойчивую совокупность общественных отношений, которые обеспечиваются механизмом правового и социального регулирования и нормирования. Данное положение в полной мере относится и к административно-правовому регулированию¹.

Следует отметить, что сам термин «администрация» относится к действиям, которые связаны с управлением. В переводе с английского слово «administration», означает «управлять», «приводить в исполнение».

Таким образом, понятие «административно-правовое регулирование» является требованием государства, которое необходимо для упорядочивания общественной жизни, осуществляемой посредством управленческой деятельности через соответствующие органы, которые действуют в пределах своей компетенции на основании и во исполнение нормативных правовых актов, содержащих административно-правовые нормы.

В тоже время, следует отметить, что правовая цивилизованность государства, также зависит от уровня правосознания общества. В связи с этим, правовая культура влияет на развитие самого государства, проникая в правосознание людей, в их правоотношения, в законотворчество и в правопорядок,

служит регулятором поведения людей, а также выступает в качестве одного из путей достижения социальной стабильности, интеграции общества. Если граждане имеют высокий уровень правовой культуры, ведут социальную и правовую деятельность и выступают с инициативой, повышается качество законотворчества, увеличивается эффективность реализации норм права, в том числе административно-правовых норм.

Понятие «порядок» в словарях определяется как «состояние благоустроенности, надежности и организованности», которому противопоставляется «беспорядок, хаос»². Если рассматривать общественный порядок в широком смысле, то можно говорить о том, что он в себя включает всю систему общественных отношений, которые складывается вследствие соблюдения не только норм права, но и иных социальных норм, которые реализуются в обществе во всех сферах его жизнедеятельности. Общественный порядок является важнейшей основой для достижения желаемого порядка в социальных и общественных отношениях, формирующихся в процессе их реализации.

Как отмечает С. В. Бубнов, наряду с широким толкованием общественного порядка в законодательстве и правовой литературе, данное понятие также используется в более узком смысле, которое включает только определенные совокупности системы общественных отношений, которые формируются в

¹ «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 30.12.2001 № 195-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 07.01.2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.

² Словарь современного русского литературного языка. Т. 10. М.-Л., 1960. С. 234.

разных областях общественно-политической жизни. Как отмечает данный ученый, такой подход используется при анализе различных областей правоприменения и определения объекта незаконного посягательства. При определении исследуемого понятия в узком смысле, оно имеет практическое значение, например, в работе прокуратуры, судов, органов внутренних дел и других государственных органов, а также общественных групп, участвующих в охране общественного порядка, и имеет целью предотвращения и пресечения конкретных преступлений и административных правонарушений, которые посягают на социальные отношения, которые складываются в этой области.³

С учетом реальных социальных потребностей, а также интересов и определения административно-правовой сущности обеспечения правопорядка, представляется целесообразным сосредоточиться на правоохранительной составляющей этого процесса, что наиболее характерно для деятельности исполнительной власти в целом и полиции в частности.

Исходя из изложенного, представляется, что обеспечение общественного порядка – это деятельность управомоченных субъектов, которые наделены полномочиями, касающимися надзора за соблюдением действующего в рассматриваемой сфере законодательства, а также полномочиями по защите за-

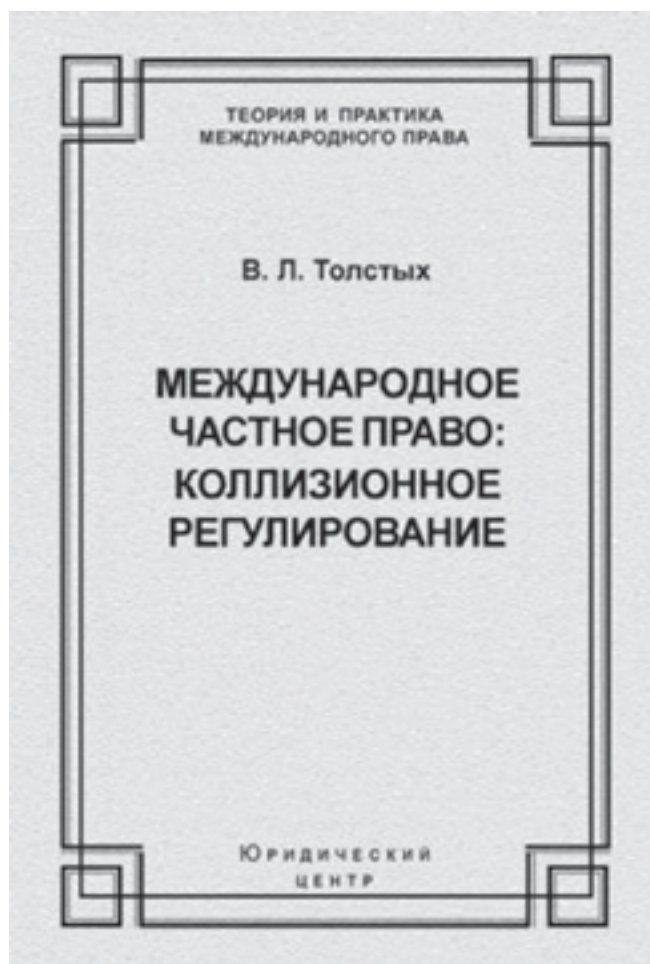
конных интересов граждан, защите их жизни и здоровья, соблюдения интересов как государства, так и самого общества от административно наказуемых посягательств и общественно опасных событий.

Таким образом, административно-правовой режим обеспечения общественного порядка отличается множественностью субъектов его реализации, охватывая собой защиту как физических и юридических лиц, так и защиту интересов государства и общества от противоправных административно наказуемых деяний.

Пристатейный библиографический список

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 30.12.2001 № 195-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 07.01.2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.
2. Бубнов С. В. К вопросу о понятии общественного порядка в административном праве // Административное и муниципальное право. 2009. № 12. С. 34-37.
3. Словарь современного русского литературного языка. Т. 10. М.-Л., 1960.

³ Бубнов С. В. К вопросу о понятии общественного порядка в административном праве // Административное и муниципальное право. 2009. № 12. С. 34-37.

АРБУЗОВА Светлана Анатольевна

кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника по учебной работе Самарского юридического института ФСИН России, полковник внутренней службы

АЗАРХИН Алексей Владимирович

кандидат юридических наук, доцент кафедры профессиональных дисциплин Самарского юридического института ФСИН России, доцент кафедры теории и философии права Института права Самарского государственного экономического университета

К ВОПРОСУ О ЦЕЛЕПОЛАГАНИИ В СФЕРЕ АНТИМОНОПОЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

В статье анализируются сформировавшиеся в науке, а также установленные в законодательстве цели антимонопольного регулирования. Проводится анализ выделенных целей на соответствие установленным критериям. Выделяются проблемы формальных и содержательных характеристик целей антимонопольного регулирования.

Ключевые слова: целеполагание, цель, эффективность цели, антимонопольное законодательство, антимонопольное регулирование, конкуренция.

ARBUZOVA Svetlana Anatoljevna

Ph.D. in Law, associate professor, Deputy Head on educational work of the Samara Law Institute of the FPS of Russia, Colonel of internal service

AZARKHIN Aleksey Vladimirovich

Ph.D. in Law, associate professor of professional disciplines sub-faculty of the Samara Law Institute of the FPS of Russia associate professor of Theory and philosophy of law sub-faculty of the Samara Law Institute of the FPS of Russia

ON THE ISSUE OF GOAL-SETTING IN THE FIELD OF ANTIMONOPOLY REGULATION

The article analyzes the objectives of antimonopoly regulation that have been formed in science, as well as those established in the legislation. The analysis of the allocated purposes on conformity to the established criteria is spent. The problems of formal and content characteristics of the objectives of antimonopoly regulation are highlighted.

Keywords: goal-setting, purpose, effectiveness of the goal, antimonopoly legislation, antimonopoly regulation, competition.

Арбузова С. А.

Азархин А. В.

Значение и результат правового регулирования любой сферы деятельности в первую очередь зависит от тех целей, которые лежат в основе правового регулирования. Прямая формулировка целей в текстах законодательных актов свидетельствует о стремлении к прозрачности и к повышению легитимности права.

Для того чтобы проанализировать вопросы и проблемные стороны целеполагания в сфере антимонопольного регулирования, необходимо обратиться к теоретическим аспектам целеполагания в целом, а именно, к его определению.

Прежде всего, необходимо отметить, что в толковых и энциклопедических изданиях термин «целеполагание», в отличие от термина «цель», не встречается. Этот факт свидетельствует о том, что на сегодняшний день он, как минимум, не является общеупотребительным¹.

Проблематика целеполагания и целей в юридической науке не является новой. Тем не менее, в последнее время к ней обращаются все чаще и чаще, в попытках разрешить наиболее острые проблемы современной правовой политики. Формирование стратегии развития правовой системы российского государства также связывается с эффективным целеполаганием.

Проблема целеполагания в праве имеет важное значение и с теоретической точки зрения. Можно сказать, что самопознание права, равно как и оценка эффективности механизма

правового регулирования общественных отношений, зависят от правильного понимания и степени достижения нормативно установленных целей. Как верно отмечал в свое время Д.А. Керимов, «цель как философская категория лежит в основе познания существа права, процесса его создания и реализации, развития и совершенствования»².

Исходя из этого, под целью правового регулирования мы в данном случае будем понимать лишь тот образ желаемого социального результата, который закреплен юридически.

Проблема целеполагания в антимонопольном законодательстве имеет большую актуальность в связи с тем, что одной из особенностей этого нормативного комплекса является отсутствие четко закрепленных принципов правового регулирования. В этой связи, ключ к пониманию целей антимонопольного законодательства

Ключом к пониманию целей антимонопольного регулирования может служить тот факт, что оно имеет правоограничительную направленность и представляет собой набор императивных правовых мер, с помощью которых регулируются имущественные отношения.

Обратимся непосредственно к анализу целеполагания, которое легально закреплено в антимонопольном законодательстве.

Часть 2 статьи 1 Федерального закона от 26.07.2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции» (далее – ФЗ «О защите конкуренции») закрепляет пять целей:

1 Толстик В. А., Азархин А. В. Некоторые теоретико-методологические проблемы целеполагания в законодательстве // Вестник Саратовской государственной академии права. 2010. № 10. С. 72-75.

2 См.: Макаров М. Г. Категория «цель» в марксистской философии и критика телеологии. Л., 1977. С. 31-32.

1. Обеспечение единства экономического пространства;
2. Обеспечение свободного перемещения товаров;
3. Обеспечение свободы экономической деятельности в Российской Федерации;
4. Защита конкуренции;
5. Создание условий для эффективного функционирования товарных рынков³.

На наш взгляд, необходимо отметить, что первые четыре цели в представленном перечне закреплены в части 1 статьи 8 Конституции Российской Федерации⁴. На наш взгляд, такой подход к целеполаганию неоднозначен, если рассматривать его с точки зрения юридической техники и правовой политики.

С одной стороны, повторное закрепление цели в вышестоящем законодательном акте способствует ее легитимному закреплению. С другой стороны, цели, совпадающие с конституционными, то есть, общеправовыми, приводят к подозрению о том, что у антимонопольного законодательства отсутствуют специфические цели, а именно те цели, которые присущи исключительно антимонопольному законодательству.

Кроме того, необходимо отметить, что единственная цель антимонопольного законодательства (защита конкуренции), не совпадающая с целями, закрепленными в Конституции РФ, вместе с тем, выходит за рамки антимонопольных отношений.

В связи с вышеизложенным, по нашему мнению, необходимо проверить и оценить цели антимонопольного законодательства с точки зрения определенных критериев, а именно:

1. Социальная значимость;
2. Правовая определенность;
3. Реалистичность (имеется в виду возможность достигнуть поставленных целей с помощью правовых средств и инструментов, которые использует законодатель).

Единство экономического пространства - конституционный принцип. Г. А. Гаджиев считает, что данный принцип имеет непосредственную связь с идеей государственного единства, которое сложилось исторически и содержится в Преамбуле Конституции Российской Федерации⁵. По мнению Г. А. Гаджиева, общее экономическое пространство характеризуется динамичностью, эффективностью, гармоничностью отношений, а также, единством правового регулирования.

Вместе с тем, основное содержание антимонопольного регулирования не совсем сочетается с указанным принципом. Основная масса действий хозяйствующих субъектов, которые запрещаются антимонопольным законодательством, на единство экономического пространства не посягают. В качестве единственной меры, которая направлена на поддержание единства экономического пространства, можно рассматривать запреты на установление незаконных требований или преференций, которые адресованы государственным и муниципальным органам (часть 1 статьи 15 ФЗ «О защите конкуренции»).

Следующая цель - свободное перемещение товаров, услуг и финансовых средств. Она также является частью конституционного принципа.

Также, как и предыдущая цель, данная цель относится только к запрету определенных действий федеральных органов исполнительной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления и так далее. То есть, снова мы возвращаемся к части 1 статьи 15 Закона «О защите конкуренции».

Таким образом, несмотря на нормативное закрепление указанной цели в законодательстве, фактически, свою реализацию в отдельных статьях ФЗ «О защите конкуренции» она

не получила, а осталась на уровне нормативного закрепления указанного федерального закона, а также, Конституции РФ.

Следующие две цели – обеспечение свободы экономической деятельности и защита конкуренции, хотелось бы проанализировать в сравнении друг с другом, а если точнее, проанализировать конфликт, который фактически возникает между двумя указанными целями.

Так, согласно части 1 статьи 34 Конституции РФ, каждый имеет право на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности. Часть 2 гласит: «Не допускается экономическая деятельность, направленная на монополизацию и недобросовестную конкуренцию».

Таким образом, защита конкуренции и обусловленная этим борьба с конкуренцией это все же больше не свобода, а ограничение экономической деятельности, так как, хотя часть 1 статьи 34 Конституции РФ позволила нам вести свободную экономическую деятельность, часть 2 той же статьи наоборот запретила.

Для примера, проанализируем институт монопольно высокой и монопольно низкой цены в антимонопольном законодательстве. Систематическое толкование частей 1 статьи 6, 7, и пункта 1 части 1 статьи 10 ФЗ «О защите конкуренции» говорит о том, что хозяйствующий субъект не может устанавливать и поддерживать цену, превышающую сумму необходимых для производства и реализации такого товара расходов и прибыли, а также цену, которая сформировалась в условиях конкуренции на сопоставимом товарном рынке (монопольно высокая цена), так и цену, которая ниже суммы необходимых для производства и реализации такого товара расходов и прибыли и ниже цены, которая сформировалась в условиях конкуренции на сопоставимом товарном рынке (монопольно низкая цена).

Указанные статьи весьма логичны и понятны, ведь монопольно высокая цена не отвечает интересам потребителей, а монопольно низкую цену можно использовать с определенной целью, а именно, для удаления конкурентов с рынка.

Однако, тогда возникает вопрос, как указанные положения могут способствовать свободе экономической деятельности.

Ведь фактически, указанные положения защищают более слабую сторону в указанных отношениях, а доминирующий субъект при этом, не имеет права отступать от цены, которая установилась на рынке. Таким образом, можно сказать, что реальная цель указанных положений все же больше не свобода экономической деятельности, а защита потребителей и субъектов, которые являются по своей сути более слабыми участниками рынка⁶.

Пунктом 3 части 1 статьи 10 ФЗ «О защите конкуренции» запрещено навязывание хозяйствующим субъектом контрагентом невыгодные для них или не относящиеся к предмету договора условия, а именно те условия, которые экономически или технологически не обоснованы, а также прямо не предусмотрены федеральными законами.

Таким образом, законодательно запрещено установление любых условий, которые невыгодны контрагенту. То есть, фактически, на лицо снова не совпадение, и даже конфликт двух целей. Ведь с одной стороны, защищается контрагент, который по своей природе является наиболее слабым участником рынка, а с другой стороны, свобода экономической деятельности в таком ключе не подразумевается. Ведь, если бы хозяйствующий субъект был свободен в условиях заключаемого договора, он бы не заботился о выгоде своего контрагента, что прослеживается в указанных статьях. Следовательно, в данном случае, свобода экономической деятельности и защита конкуренции вряд ли согласуются друг с другом.

Кроме того, в качестве еще одного примера, четко показывающего конфликт указанных двух целей, можно привести многочисленные случаи вмешательства антимонопольного органа в процесс совершения сделок и иную деятельность хозяйствующих субъектов. Это целый блок статей ФЗ «О защите

3 Федеральный закон от 26 июля 2006 г. №135 – ФЗ «О защите конкуренции»//Собр. законодательства Российской Федерации. 2006. № 31. Ч. I. Ст. 3434.

4 Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Собр. законодательства РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.

5 Гаджиев Г. А. Конституционные принципы рыночной экономики (Развитие основ гражданского права в решениях Конституционного Суда Российской Федерации). М., 2004. С. 160.

6 Варламова А. Н. Правовое обеспечение развития конкуренции. М., 2010. С. 54.

конкуренции», а именно, со статьи 26.1 – 35 ФЗ «О защите конкуренции», с помощью которых осуществляется государственный контроль за экономической концентрацией.

То есть, фактически, хозяйствующий субъект свободен в заключении договора, однако, за некоторыми сделками осуществляет свой надзор антимонопольный орган, который, при установлении нарушения определенных положений ФЗ «О защите конкуренции», может применить к антимонопольному органу определенные санкции, в том числе и административные.

Оставшейся цели, а именно, эффективному функционированию товарных рынков, присуща такая характерная черта, как ярко выраженная правовая неопределенность.

Как такового общепризнанного определения понятия эффективность ни в юридической, ни в экономической науке и литературе нет. Однако, можно предположить, что когда конкретное лицо целенаправленно и сосредоточено на том, чтобы достигнуть поставленную цель, путем применения схем (планов), ресурсов, которые соответствуют этим целям, при этом если те средства, которые лицом были применены соответствующим целям, которые были поставлены, то можно говорить об эффективности поставленной цели.

То есть, можно сделать вывод, что цель эффективна тогда, когда средства для ее реализации полностью совпадают с теми целями, которые были поставлены.

Таким образом, для того чтобы говорить об эффективности определенной цели антимонопольного регулирования, необходимо знать ее критерии.

И здесь возникают своего рода проблемы, потому как не ясно, какие критерии входят в цель эффективного функционирования товарных рынков.

Таким образом, из всех целей антимонопольного регулирования, которые сформулированы в антимонопольном законодательстве, фактически, преследуется только одна – защита конкуренции.

Однако, здесь тоже не все так просто, как могло бы показаться. На наш взгляд, указанная цель носит тавтологический характер.

Обратимся к содержанию части 1 статьи 1 ФЗ «О защите конкуренции», в которой определяется предмет регулирования указанного закона.

В соответствии с указанной статьей, настоящий Федеральный закон определяет организационные и правовые основы защиты конкуренции, в том числе предупреждения и пресечения монополистической деятельности и недобросовестной конкуренции, недопущения, ограничения, устранения конкуренции федеральными органами исполнительной власти, органами государственной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления, иными осуществляющими функции указанных органов органами или организациями, а также государственными внебюджетными фондами, Центральным банком Российской Федерации.

При этом в части 2 указанной статьи установлены цели настоящего закона. Таким образом, получается, что в основе защиты конкуренции лежит защита конкуренции. Следовательно, функция целеполагания в указанном случае не выполняется, деятельность становится самоцелью, а ее социальная значимость оказывается под сомнением.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что целеполагание в сфере антимонопольного регулирования имеет определенные проблемы, а именно, цели, которые сформулированы в ФЗ «О защите конкуренции» либо совсем не соответствуют содержанию закона (обеспечение единства экономического пространства, свободного перемещения товаров, свободы экономической деятельности), либо имеют правовую неопределенность (эффективное функционирование товарного рынка), либо имеют тавтологический характер (защита конкуренции).

В связи с вышеизложенным, являясь, по сути, отсылками к Конституции РФ, цели антимонопольного регулирования, которые закреплены в законе, нельзя в полной мере рассматривать в качестве реальных целей правового регулирования, что, конечно, негативно отражается на результативности целей.

Также, в научной литературе выделяются следующие цели антимонопольного регулирования, которые можно назвать общими:

1. Обеспечение и сохранение конкуренции;
2. Контроль над хозяйствующими субъектами – монополистами;
3. Контроль за процессами концентрации капитала (слияния, поглощения и т.п.);
4. Защита интересов потребителей;
5. Защита и поддержание малого и среднего предпринимательства.

Вышеперечисленные цели имеют общую формулировку, однако, являются достаточно емкими по своей сути.

Первая цель, а именно, обеспечение и сохранение конкуренции предполагает следующее. Несомненно, конкуренция это одно из необходимых условий развития предпринимательской деятельности, средство регулирования основных экономических процессов в стране, средство удовлетворения интересов потребителей. То есть, чтобы потребности потребителей удовлетворялись, но при этом, не нарушались их права, чтобы экономические процессы в стране происходили и осуществлялись без нарушения и ущемления прав заинтересованных лиц, необходимо обеспечить регулятор. Таким регулятором и является конкуренция.

Вместе с тем, необходимо признать, что конкуренция не способна к саморегуляции в должной мере. Поэтому и существует специальный орган антимонопольного контроля, который, как раз таки, этот регулятор сдерживает, обеспечивает и сохраняет.

Следующая цель - контроль над хозяйствующими субъектами – монополистами.

Фактически, указанная цель предполагает применение мер воздействия на хозяйствующих субъектов-монополистов, которые, в силу своего положения на рынке, а также стремление к получению чрезмерной экономической власти, как никто другой нуждается в контроле и регулировании.

Здесь подразумевается привлечение к ответственности за нарушение субъектом естественной монополии антимонопольного законодательства. При чем административное воздействие на субъектов-монополистов может быть разных видов (предупреждение, предписание, административный штраф и т.д.).

Третья цель - контроль за процессами концентрации капитала (слияния, поглощения и т.п.). В связи с тем, что предприниматели стремятся увеличить собственную рыночную долю, монополизировать рынок с целью повышения прибыльности хозяйственной деятельности, стремятся объединить капиталы для получения преимущества в конкуренции, необходимо контролировать их поведение на рынке. В ином случае, если процессы слияний и поглощений не будут контролироваться, это может привести к ограничению конкуренции.

Иначе говоря, контроль за процессом концентрации капитала является ничем иным как контролем за прозрачностью ведения предпринимательской деятельности.

Четвертая цель – защита интересов потребителей. Антимонопольное регулирование ведется за предпринимателями и хозяйствующими субъектами не только для того, чтобы конкуренция на рынке была свободной и неограниченной, но также и для того, чтобы права потребителей не нарушались. В основном это касается субъектов естественных монополий, которые, чаще всего нарушают права хозяйствующих субъектов и физических лиц. Таким образом, антимонопольное регулирование направлено в том числе и на недопущение и прекращение нарушения прав потребителей.

Последняя из указанных целей - защита и поддержание малого и среднего предпринимательства. Указанная цель антимонопольного регулирования также является весьма актуальной, в связи с тем, что малому и среднему бизнесу довольно тяжело конкурировать с так называемыми «гигантами» рынка. В связи с чем, антимонопольный контроль за соблюдением законодательства о защите конкуренции осуществляется повсеместно в отношении малого и среднего бизнеса. Кроме того, в отношении субъектов малого и среднего бизнеса в законо-

дательстве предусмотрены определенного рода послабления в применении мер ответственности.

К примеру, антимонопольный орган осуществляет контроль за сетевыми организациями в целях раскрытия ими информации, в соответствии с постановлением Правительства РФ от 21.01.2004 г. № 24 «Об утверждении Стандартов раскрытия информации субъектами оптового и розничных рынков электрической энергии»⁷ (далее - Стандарты). За нарушение указанных Стандартов общество может быть привлечено к ответственности по статье 9.15 КоАП РФ. Однако, согласно части 3 статьи 3.4 КоАП РФ, а также, статьи 4.1.1 КоАП РФ, административное наказание субъекту малого или среднего предпринимательства может быть заменено на предупреждение⁸. И такая замена может быть осуществлена при назначении штрафа за любое административное правонарушение.

Таким образом, нами были проанализированы цели антимонопольного регулирования, закрепленные в ФЗ «О защите конкуренции», а также те, которые сформулированы в научной литературе.

Однако, возвращаясь к ранее выделенным критериям, по которым мы оценивали цели антимонопольного регулирования (социальная значимость, правовая определенность; реалистичность), можно подвести промежуточные выводы.

Если оценивать выделенные цели с позиции указанных критериев, то можно сказать, что цели, закрепленные в ФЗ «О защите конкуренции» меньше всего им соответствуют. Они лишь дублируют Конституцию РФ, фактически не закрепляя цели, которые конкретны для антимонопольного регулирования.

Вторая классификация целей более соответствует выделенным критериям, и больше конкретизирует суть целей антимонопольного регулирования. Однако, на самом деле, нельзя с точностью сказать, что первая или вторая классификация стопроцентно отражают цели антимонопольного регулирования.

Вместе с тем, нельзя не отметить, что выделенные цели являются базовыми, имеют глобальное содержание. Однако факт того, что цели, указанные в ФЗ «О защите конкуренции» дублируют Конституцию РФ, приводит к невозможности оценить степень достижимости этих целей при осуществлении антимонопольного регулирования. Фактически, они провозглашены, но не реализуются.

Необходимо отметить, что одним из недостатков выделенных целей является их крайняя неопределенность, абстрактность и общие формулировки, что также не позволяет оценить их социально-правовой эффект. Но, если для Конституции РФ это оправданно, учитывая ее преимущественно декларативный характер, то для ФЗ «О защите конкуренции», как для основного закона, регулирующего антимонопольные вопросы, указанная декларативность является спорной.

За абстрактными формулировками трудно увидеть реальный социально-правовой эффект целей регулирования. Как можно измерить меру регулирования антимонопольных вопросов и споров, если даже цели антимонопольного регулирования являются абстрактными? На наш взгляд, цели регулирования любой деятельности должны быть конкретны, понятны.

Одной из важнейших задач государственного регулирования является обеспечение сбалансированности интересов всех участников рынка, ведь рыночные отношения должны способствовать максимальному удовлетворению потребностей, росту выпуска продукции, сохранению конкурентоспособности предприятий и т.д. В этой связи важно определиться с целями антимонопольного регулирования.

Итак, если определять целеполагание как деятельность, которая заключается в осмыслении существующей в конкретный момент проблемы, которая предполагает создание целостной структуры целей, задач и функций, которые будут предназначены и пригодны для разрешения сложившейся проблемы, целеполагание в антимонопольном регулировании – осмысление проблем правового регулирования антимонопольных вопросов, которые требуют разрешения и, соответственно, их решение. Под решением, на наш взгляд, понимаются определенные действия по изменению законодательства, изменению регулирования спорных антимонопольных вопросов при помощи определенных инструментов и функций, которые присущи антимонопольному органу.

Соответственно, проанализировав все выделенные цели антимонопольного регулирования, можно сделать вывод о том, что в антимонопольном регулировании явственно назрела проблема целеполагания, ведь в указанной сфере вообще отсутствуют четко закрепленные цели, как в законодательстве, так и в научных трудах.

В связи с вышеизложенным, по нашему мнению, необходимо исключить цели, которые не соответствуют выделенным критериям, а именно, социально незначимые цели, неопределенные цели и нереалистичные цели из ФЗ «О защите конкуренции». Также, на наш взгляд, необходимо выделить четкие конкретные цели, которые будут раскрывать суть антимонопольного регулирования и, кроме того, закрепить указанные цели в антимонопольном законодательстве.

Пристатейный библиографический список

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Собр. законодательства РФ. – 2014. – № 31. – Ст. 4398.
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 03.04.2018) // Собр. законодательства РФ. – 2002. – № 1 (ч. 1). – Ст. 1.
3. Федеральный закон от 26 июля 2006 г. №135 – ФЗ «О защите конкуренции»//Собр. законодательства Российской Федерации. – 2006. – № 31. Ч. I. – Ст. 3434.
4. Постановление Правительства РФ от 21.01.2004 № 24 (ред. от 07.06.2017) «Об утверждении стандартов раскрытия информации субъектами оптового и розничных рынков электрической энергии» (с изм. и доп., вступ. в силу с 29.09.2017) // Собр. законодательства РФ. – 2004. – № 4. – Ст. 282.
5. Варламова А. Н. Правовое обеспечение развития конкуренции: учебное пособие. – М.: Статут, 2010. – 301 с.
6. Гаджиев Г. А. Конституционные принципы рыночной экономики (Развитие основ гражданского права в решениях Конституционного Суда Российской Федерации). – М.: Юристъ, 2004. – 286 с.
7. Макаров М. Г. Категория «цель» в марксистской философии и критика телеологии. – Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1977. – 188 с.
8. Толстик В. А., Азархин А. В. Некоторые теоретико-методологические проблемы целеполагания в законодательстве // Вестник Саратовской государственной академии права. – 2010. – № 10. – С. 72-75.

7 Постановление Правительства РФ от 21.01.2004 № 24 (ред. от 07.06.2017) «Об утверждении стандартов раскрытия информации субъектами оптового и розничных рынков электрической энергии» (с изм. и доп., вступ. в силу с 29.09.2017) // Собр. законодательства РФ. 2004. № 4. Ст. 282.

8 Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 03.04.2018) // Собр. законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.

КОМАРОВА Ольга Николаевна

аспирант кафедры административного и финансового права Тюменского государственного университета, адвокат Свердловской областной коллегии адвокатов

АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВЫЕ МЕРЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПОТРЕБЛЕНИЮ НАРКОТИКОВ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ

Для решения проблемы потребления наркотических средств или психотропных веществ без назначения врача либо новых потенциально опасных психоактивных веществ несовершеннолетними, проанализированы отдельные меры административно-правового воздействия. Обозначена их профилактическая роль. Аргументирована необходимость совершенствования законодательства, определяющего применение административно-принудительных мер воздействия в отношении несовершеннолетних наркопотребителей, посредством установления ограничений и надзора за их исполнением.

Ключевые слова: несовершеннолетний, наркопотребитель, потребление наркотических средств, административная ответственность, административно-принудительные меры.

KOMAROVA Olga Nikolaevna

postgraduate student of Administrative and financial law sub-faculty of the Tyumen State University, lawyer of the Sverdlovsk Regional bar Association

ADMINISTRATIVE AND LEGAL MEASURES AGAINST DRUG USE BY MINORS

In order to solve the problem of consumption of narcotic drugs or psychotropic substances without appointment of a doctor or new potentially dangerous psychoactive substances by minors, separate measures of administrative and legal influence are analyzed. Their preventive role is designated. It justifies a necessity of improving the legislation that regulates the use of administrative coercive measures of the impact of juvenile drug users, establishing restrictions and supervision over their execution.

Keywords: minors, drug users, drug use, administrative responsibility, administrative and enforcement measures.

Комарова О. Н.

Потребление наркотиков на протяжении столетий в Российской Федерации оценивалось как угроза безопасности общества, в связи с чем, предпринимались и предпринимаются в настоящее время меры, законодательно ограничивающие это явление на территории страны. Даже все разработанные и предпринимаемые государством эффективные меры не позволяют искоренить проблему наркотизации населения. Особенно подвержены этому негативному явлению дети и подростки, которые от безделья, ради разнообразия и интереса, в поисках новых впечатлений и по ряду других причин, решают попробовать наркотики.

Довольно давно сформирована и функционирует целая система борьбы с антиобщественным поведением и правонарушениями совершаемыми несовершеннолетними, в том числе связанными с потреблением наркотических средств или психотропных веществ без назначения врача либо новых потенциально опасных психоактивных веществ или одурманивающих веществ (далее – наркотических средств). Однако, законодательство, регулирующее эти проблемы, нацелено главным образом на осуществление комплекса профилактических мер воздействия. К примеру, в соответствии с подпунктами 2, 8, 9 пункта 1 статьи 21 Федерального закона от 24 июня 1999 года № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних»¹ (далее – ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних») действия подраз-

делений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел направлены на обнаружение и ликвидацию причин, обстоятельств благоприятствующих совершению правонарушений и антиобщественных действий несовершеннолетними, в соответствии с подпунктом 1 пункта 1 статьи 21 этого закона – к индивидуальной профилактической работе с самим несовершеннолетним наркопотребителем и его семьей, путем оказания влияния на него через применение к нему и к его родителям или иным законным представителям мер административной ответственности.

Несомненно, в этом направлении проводится огромная работа. Но этот принцип работы не позволяет в корне изменить ситуацию, касающуюся потребления наркотических средств несовершеннолетними. Так как имеющиеся недостатки в законодательстве, сложившаяся правоприменительная практика и организационные сложности в самих юрисдикционных и других органах, не всегда способны достичь нужного результата. Значительный отпечаток на эту ситуацию накладывает также разнообразие совершаемых правонарушений и целый спектр отклонений в поведении несовершеннолетних, Доказательством сложности данной проблемы служит и то, что некоторые науки, такие как психология, педагогика, социология и другие, обращают свое внимание на изучение причин и форм отклоняющегося поведения несовершеннолетних.

Для решения проблем, связанных с потреблением несовершеннолетними наркотических средств необходимо проанализировать последствия от применения административной ответственности.

Административную ответственность предусматривает КоАП РФ в отношении несовершеннолетнего за потре-

1 Федеральный закон от 24.06.1999 № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» // Собр. Законодательства Рос. Федерации. - 1999. - № 26. - Ст. 3177.

ние наркотических средств или в отношении его родителей или законных представителей, в зависимости от возраста несовершеннолетнего и места потребления им наркотических средств. А именно, в соответствии с частью 2 статьи 20.20 КоАП РФ, потребление наркотических средств на улицах, стадионах, в скверах, парках, в транспортном средстве общего пользования, а также в других общественных местах, несовершеннолетним в возрасте согласно части 1 статьи 2.3 КоАП РФ от шестнадцати до восемнадцати лет, установлено административное наказание (наложение административного штрафа в размере от четырех тысяч до пяти тысяч рублей или административный арест на срок до пятнадцати суток). В части 1 статьи 6.9 КоАП РФ такое же административное наказание установлено за потребление наркотических средств несовершеннолетним в возрасте от шестнадцати до восемнадцати лет (согласно части 1 статьи 2.3 КоАП РФ), в местах, кроме, предусмотренных частью 2 статьи 20.20, статей 20.22 КоАП РФ. В соответствии со статьями 20.22 КоАП РФ, установлено наказание несовершеннолетнего в возрасте до шестнадцати лет, за потребление наркотических средств не зависимо от места, при условии, что если он сам находится в состоянии опьянения алкогольного и/или токсического и/или наркотического. В статье 20.21 КоАП РФ предусмотрено наказание несовершеннолетнего в возрасте, согласно части 1 статьи 2.3 КоАП РФ, от шестнадцати до восемнадцати лет за появление на улицах, стадионах, в скверах, парках, в транспортном средстве общего пользования, в других общественных местах в состоянии опьянения, оскорбляющем человеческое достоинство и общественную нравственность. Анализ данных статей КоАП РФ указывает на предупредительный характер применения административной ответственности по ним.

Важно также отметить, что последствия от привлечения по рассматриваемым видам административной ответственности получаются разные, одни не получают желаемый результат, другие излишне жесткие. Для достижения требуемых результатов важно учесть некоторые условия. Например, административные правонарушения несовершеннолетних, связанные с потреблением наркотических средств, обусловлены не только антиобщественным поведением и внешними причинами, но и наркозависимостью, избавление от которой возможно только с помощью проведения комплекса мер по лечению, реабилитации, обращению к психологу, смене окружения и других. Если несовершеннолетний наркоправонарушитель, привлеченный к административной ответственности, продолжает общаться с антиобщественными личностями, то это будет только способствовать продолжению подобного поведения и не обеспечит достижения цели предупреждения дальнейшего потребления наркотиков.

В то же время достижение желаемого результата от административного наказания не всегда реально. Примером является часть 2 статьи 32.2 КоАП РФ, которая позволяет взыскивать с родителей или законных представителей административный штраф, назначенный несовершеннолетнему по санкциям статьи 6.9, части 2 статьи 20.20 КоАП РФ. Возможно, часть 2 статьи 32.2 КоАП РФ задумана изначально, как побуждающий родителей фактор на активизацию воспитания детей, однако практика показывает обратное, так как нет гарантии, что несовершеннолетний откажется потреблять наркотические средства, особенно если у него сформирована наркотическая зависимость.

Подобная ситуация просматривается в отношении применения статьи 20.22 КоАП РФ, которая предусматривает возложение на родителей или законных представителей несовершеннолетнего наркопотребителя обязанности по исполнению административного наказания.

Примером правоограничительного характера последствий от привлечения к административной ответственности за потребление наркотических средств несовершеннолетними являются ограничения к работе с наркотическими средствами или поступлению на государственную службу и другие.

Сложная ситуация возникает при применении пункта 2 статьи 20 Федерального закона от 21 ноября 2011 года № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»², когда перед проведением освидетельствования на наркотическое опьянение несовершеннолетнего, не достигшего восемнадцатилетнего возраста, информированное согласие на него дает один из родителей или законных представителей. Согласно п. 3 данной статьи родитель или законный представитель вправе отказаться от прохождения медицинского освидетельствования, что позволит избежать наступления административной ответственности и привлечения к ней несовершеннолетнего и его родителей или законных представителей. Из этого следует, что процедура выявления признаков наркотического опьянения у несовершеннолетних не способствует достижению цели в борьбе с наркозависимостью населения и в проведении своевременного лечения и реабилитационных мероприятий наркозависимому.

Важно рассмотреть также проблему полноты административных мер, противодействующих потреблению наркотических средств лицами, не достигшими восемнадцати летнего возраста.

Статистика неумолима, по разным источникам, каждый наркоман ежегодно вовлекает в потребление наркотических средств, примерно от четырех до семнадцати человек, в том числе примерно половина из них к моменту возникновения зависимости не достигает возраста четырнадцати лет. Вероятно, одной из причин является дефицит мер административно-правового характера, позволяющих исключить отрицательное влияние антиобщественно направленного окружения на несовершеннолетних, оказавшихся в группе риска.

Большую работу в этом направлении ведут сотрудники органов внутренних дел по делам несовершеннолетних в соответствии с «Инструкцией по организации деятельности подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел Российской Федерации», утвержденной приказом Министерства внутренних дел Российской Федерации от 15 октября 2013 года № 845³ (далее – Инструкция). Согласно п. 49 Инструкции с целью профилактики они ставят несовершеннолетних наркопотребителей на учет и ведут по ним картотеку, а при обнаружении группы лиц антиобщественной направленности - заводят наблюдательное дело, где фиксирую информацию о каждом члене этой группы и профилактических мерах проведенных с ними. Причем законодательно работа ограни-

2 Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // Собр. законодательства Рос. Федерации. - 2011. - № 48. - Ст.6724.

3 Приказ Министерства внутренних дел Российской Федерации от 15 октября 2013 года «Об утверждении Инструкции по организации деятельности подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел Российской Федерации»// Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти - 2014. - № 11.

чивается, только применением метода убеждения сотрудниками по делам несовершеннолетних органов внутренних дел.

Также необходимо обратить внимание на проблему эффективного воздействия административных мер на причины и обстоятельства, способствующие повторному потреблению наркотических средств.

Несомненно, сотрудники по делам несовершеннолетних органов внутренних дел с целью профилактики наркоправонарушений, безнадзорности, проводят большую работу по сбору данных о несовершеннолетнем наркоправонарушителе и его окружении. В их поле зрения попадают условия проживания несовершеннолетнего, состав семьи, круг друзей и места их встреч, а также факторы, способствующие нелегальному приобретению и потреблению наркотических средств несовершеннолетним, при этом законодательно не предусмотрены административно-принудительные меры, позволяющие действенно повлиять на эти факторы. Законодатель дал такие права только органам внутренних дел и комиссиям по делам несовершеннолетних.

Таким образом, комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав на основании части 2 статьи 11 ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» помогают выявлять и пресекать первопричины и обстоятельства, способствующие совершению правонарушений и антиобщественных действий несовершеннолетними. С этой целью они выносят постановления, исполнением которых занимаются учреждения и органы, обеспечивающие профилактику безнадзорности и правонарушений несовершеннолетними. Так же эти комиссии на основании статьи 23.2 КоАП РФ правомочны, рассматривать дела по административным правонарушениям, совершаемым несовершеннолетними, на основании статьи 29.13 КоАП РФ выносить представления о принятии соответствующих мер должностными лицами или организациями по устранению указанных причин и условий.

Из этого следует, что данные правовые меры содержат только предупредительный характер, и не способны возлагать на несовершеннолетнего наркоправонарушителя и на его родителей или законных представителей обязанности или ограничивать их в правах.

Полагаю, для решения проблем, причиной которых является потребление несовершеннолетними наркотических средств, целесообразно расширить набор административно-принудительных мер воздействия на несовершеннолетних наркопотребителей.

Для этого необходимо ввести административные меры принуждения в ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних», позволяющие устанавливать несовершеннолетнему наркоправонарушителю ограничения на контакты с лицами, потребляющими наркотические средства, с лицами, совершающими правонарушения, запретить пользование Интернетом без присутствия родителей или законных представителей, запретить посещение каких-либо мест без присутствия родителей или законных представителей. С целью контроля, за исполнением установленных ограничений следует определить порядок проведения и обеспечения надзора за несовершеннолетним.

Законодательно обозначить и возложить круг обязанностей, которые будет выполнять несовершеннолетний наркоправонарушитель, позволяющие мотивировать его на поведе-

ние, одобряемое в обществе. К примеру, пройти комплексный курс лечения и реабилитации от наркотической зависимости, пройти курс психологических занятий, посетить курс тренинговых техник и упражнений для наркозависимых и другие.

Стимулирующим бонусом при установлении административно-принудительных мер в форме возложения определенных обязанностей на несовершеннолетнего наркоправонарушителя, и при условии их соблюдения, необходимо освобождать его от административной ответственности, законодательно закрепив это условие в КоАП РФ.

Очевидно, что потребление наркотических средств несовершеннолетними несет под собой большую угрозу, как для самого несовершеннолетнего, так и для общества, особенно при возникновении у него наркотической зависимости. К сожалению, только на собственные силы самого несовершеннолетнего и имеющиеся административно-правовые меры, рассчитывать не приходится, поэтому считаю целесообразным установить законодательно и претворить в жизнь предложенные административно-принудительные меры воздействия.

Пристатейный библиографический список

1. Федеральный закон от 24.06.1999 № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» // Собр. Законодательства Рос. Федерации. - 1999. - № 26. - Ст. 3177.
2. Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // Собр. законодательства Рос. Федерации. - 2011. - № 48. - Ст. 6724.
3. Приказ Министерства внутренних дел Российской Федерации от 15 октября 2013 года «Об утверждении Инструкции по организации деятельности подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел Российской Федерации» // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти - 2014. - № 11.

ЩЕРБАКОВ Иван Сергеевич

кандидат технических наук, доцент кафедры автотехнической экспертизы и автоподготовки Восточно-Сибирского института МВД России

ЭКСПЕРТНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ МАРКИРОВОЧНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ ТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ ПРОИЗВОДСТВА РЕСПУБЛИКИ КОРЕЯ

В последние годы ситуация обеспечения безопасности дорожного движения в России остаётся сложной. Также в статистике МВД РФ фиксируются угоны автотранспорта и последующий его сбыт, что наносит экономический ущерб гражданам и государству.

Для противодействия преступности и установления достоверных сведений об автомобиле, проводится автотранспортная экспертиза.

В настоящее время актуальным является вопрос повышения эффективности и точности проведения экспертных исследований автотранспортных средств, для чего необходима организация дальнейшего развития теории, методов и средств судебной автотехнической экспертизы.

Ключевые слова: экспертное исследование, маркировка, транспортные средства, Республика Корея, автопроизводители, техосмотр.

SHCHERBAKOV Ivan Sergeevich

Ph.D. in technical, associate professor of Auto-technical expertise and auto-training sub-faculty of the East Siberian Institute of the MIA of Russia

EXPERT STUDY OF MARKING DESIGNATIONS OF VEHICLES MANUFACTURED IN THE REPUBLIC OF KOREA

In recent years, the situation of road safety in Russia remains difficult. Also in the statistics of the Ministry of Internal Affairs recorded the theft of vehicles and its subsequent sale, which causes economic damage to citizens and the state.

For counteraction of crime and establishment of reliable data on the car, motor transport examination is carried out.

Currently, the issue of improving the efficiency and accuracy of expert studies of vehicles is relevant, which requires the organization of further development of the theory, methods and tools of judicial automotive expertise.

Keywords: expert research, marking, means of transport, Republic of Korea, automakers, vehicle inspection.

Авторынок России каждый ежегодно пополняется автомобилями зарубежного производства, в том числе Республики Корея. Южнокорейские производители выпускают порядка 60 моделей автомобилей. С увеличением автопарка увеличивается и число преступлений, связанных с их незаконным завладением. Согласно статистическим данным за 2017 г. в России было угнано порядка 4 тыс. автомобилей марок корейских автопроизводителей¹.

Владелец транспортного средства при проверке на посту ГИБДД или плановом прохождении техосмотра транспортного средства может столкнуться с проблемой нечитаемости номера маркировочного обозначения на кузове, двигателе и раме, шасси в результате его коррозионного или механического повреждения.

В основном с этой проблемой сталкиваются при регистрации, постановке или снятии автомобиля с учёта, и при обнаружении на агрегатах транспортного средства нечитаемого маркировочного обозначения автомобиль теряет статус транспортного средства и становится объектом проверки сотрудников полиции. Когда возникают сомнения в подлинности маркировки, то установить, изменялись ли номера агрегатов, восстановить подлинные их значения и установить историю появления автомобиля в продаже возможно только по специальной методике, которую используют эксперты автотехники.

Установление экспертом автотехником первичной идентификационной маркировки транспортного средства зависит

от выполнения требований методики, наличия специальных приборов, технических средства и справочной литературы².

Следует иметь в виду, что информированность и «мастерство» лиц, изменяющих маркировки агрегатов транспортных средств, постоянно растёт и совершенствуется³. В подпольном производстве участвуют высокопрофессиональные специалисты по окраске кузовов, ремонту электронного оборудования. Изменение маркировок в таких мастерских поставлено «на поток». Зачастую используются оригинальные заводские таблички и маркируемые панели кузовов, похищенные с предприятий-изготовителей автомобилей. Поэтому необходимо совершенствовать технические средства, проводить более тщательное исследование маркировочных обозначений транспортных средств, привлекать специалистов из других областей.

С целью качественных экспертных исследований идентификационной маркировки автотранспортных средств, экспертам-автотехникам необходимо владеть необходимой информацией об особенностях маркирования поступающих на рынок транспортных средств и способах их идентификации. Эти знания будут способствовать раскрытию преступлений, связанных с незаконным изменением идентификационного номера транспортных средств в целях эксплуатации или сбыта (ст.326 УК РФ)⁴. Достаточно большой популярностью на от-

1 Данные МВД РФ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://мвд.рф/reports/item/11830347/>.

2 Нагайцев А. А. Исследование маркировочных обозначений легковых автомобилей зарубежного производства. – М., 2014

3 Чеснокова Е. В. Экспертное исследование маркировочных обозначений на транспортных средствах по делам, связанным с их незаконным завладением: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2015.

4 См. Там же.

еественном рынке пользуются легковые автомобили таких марок как «Hyundai», «KIA», «Daewoo» и многие другие.

Вышеуказанные марки автомобилей отличаются качеством, соответствующим стоимости, стильным дизайном и от-носительной надежностью.

Маркировка транспортных средств подразделяется на основную и дополнительную. Основная маркировка автомобиля и составных частей является обязательной и наносится автоконцернами. В случае комплексного изготовления автомобиля несколькими предприятиями допускается нанесение основной маркировки конечным производителем. Дополнительная маркировка осуществляется производителями транспортных средств и специализированными предприятиями, такая маркировка является рекомендуемой.

Следует отметить, что основную маркировку выполняют на следующем транспорте:

- грузовых и легковых автомобилях, в том числе специализированных и грузопассажирских;
- автобусах, троллейбусах, прицепах и полуприцепах, а также автопогрузчиках и мототранспортных средствах;
- шасси, двигателях и блоках двигателей внутреннего сгорания, кабинах и кузовах легковых автомобилей.

Маркировка наносится:

1. Непосредственно на изделие (его несъемную часть), в места, наименее подверженные разрушению при дорожно-транспортном происшествии, должен быть нанесен идентификационный номер – VIN. Одно из выбранных мест должно находиться с правой стороны⁵.

Идентификационный номер VIN наносится:

- на кузове легкового автомобиля (в передней и задней частях);
- на кузове автобуса (два разных места);
- на кузове троллейбуса, грузового автомобиля и автопогрузчика (одно место);
- на раме прицепа, полуприцепа и мототранспортного средства (одно место);
- на внедорожниках, троллейбусах и автопогрузчиках VIN допускается указывать на отдельной табличке.

2. Транспортные средства должны иметь табличку, которая содержит следующие данные:

- идентификационный номер – VIN;
- индекс двигателя (от объема свыше 125 см³);
- допустимую полную массу;
- допустимую массу, приходящуюся на каждую ось, начиная с передней оси;
- допустимую массу, приходящуюся на седельно-сцепное устройство.

Под идентификационным номером VIN понимается комбинация цифровых и буквенных условных обозначений, присваиваемых в целях идентификации. VIN является обязательным элементом маркировки и актуален для автомобилей в течение 30 лет.

Идентификационный номер имеет такую структуру: WMI, VDS, VIS.

Первая часть VIN (первые три символа) – международный идентификационный код изготовителя (WMI), позволяет идентифицировать изготовителя авто. Буквы и цифры, ис-

пользуемые в первых двух знаках WMI, закрепляются за страной, контроль за этим осуществляет Общество автомобильных инженеров (SAE), которое подчиняется Международной организации по стандартизации (ИСО).

Согласно стандарту ISO 3779, принятому в США и Канаде в 1977 году, VIN-код он состоит из семнадцати символов с использованием букв латинского алфавита: I, Q, O. Используются именно эти буквы, поскольку они удобны своим визуальным подобием цифрам «1» и «0». На этот же стандарт ориентируется и большинство европейских производителей. Каждая группа символов и отдельный символ вин-кода несут четко определенную информацию:

- первые три символа VIN показывают индекс изготовителя, по которому его могут идентифицировать пользователи всего мира: первый – страна, второй – код изготовителя, третий – тип авто (легковой, грузовой);
 - четвертый – восьмой символы обозначают модель, типы двигателя и кузова, серию и другие технические характеристики;
 - девятый символ – индикатор корректности всего кода, по нему можно определить, не числится ли автомобиль «в угоне»⁶;
 - десятый символ означает год выпуска, хотя у ряда производителей эта информация отражена в одиннадцатом символе.
- одиннадцатый символ – характеристика завода-изготовителя;

Казалось бы, имея VIN – код, указанный в документах, и покупая автомобиль на вторичном рынке, можно проверить автомобиль по всем параметрам. Во-первых, убедиться, что он чист с юридической точки зрения, а во-вторых, узнать все подробности его комплектации, сильные и слабые места. Второй важный момент – приобретение для машины нужных узлов, деталей и тюнинговых элементов. Обычно номера запасных частей зависят от опций, которые установлены на конкретную модель определенного года и даже месяца выпуска. Какие именно опции установлены на автомобиле, изготовленном в Республике Корея, можно определить по VIN-коду.

Однако необходимо отметить, что на практике имеются проблемы, в частности, у корейских автомобилей код, указанный в паспорте транспортного средства, «не пробивается» в Microcat-MARKET, системе, представляющей собой единый онлайн-каталог запасных частей. Не только «Микрокат», но и многие другие автомобильные программы не идентифицируют коды «корейцев». Нужно знать «второй вин», который программа по подбору запчастей сможет опознать.

В качестве примера возьмём Kia Сид (Kia Seed) 2010 года выпуска, который был собран в Словакии и дособран в России. В паспорте технического средства (ПТС) обычно указывается калининградский «вин», который нужно перевести в словацкий. Аналогично дела обстоят и с Kia Спортаж (Kia Sportage). Два VIN имеют и автомобили марки Hyundai, которые собирают в Таганроге Ростовской области: один тагазовский, другой – корейский. У Kia Spectra, соответственно сборке, в ПТС стоит ижевский VIN-код.

Маркировка составных частей ТС предполагает, что двигатели внутреннего сгорания, а также шасси и кабины грузо-

5 Исследование маркировочных обозначений транспортных средств. Единый экспертно-правовой центр. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.burexpert.ru>.

6 Исследование маркировочных обозначений транспортных средств. Единый экспертно-правовой центр. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.burexpert.ru>.

вых автомобилей, кузова легковых автомобилей и блоки двигателей должны иметь маркировку – идентификационный номер составной части (СЧ). Идентификационный номер СЧ состоит из двух структурных частей, количество знаков и правила формирования которых аналогичны VDS и VIS VIN.

Идентификационный номер СЧ на раме шасси и кабине грузового автомобиля должен быть нанесен по возможности в передней части, с правой стороны, в одном месте, позволяющем его видеть, находясь снаружи ТС.

Двигатели маркируют на блоке двигателя в одном месте. Блоки двигателей маркируют в одном месте, при этом первую часть идентификационного номера СЧ, аналогичную VDS, разрешается не указывать. Дополнительная маркировка ТС предусматривает нанесение на него VDS и VIS идентификационного номера ТС, видимого и невидимого глазом (видимая и невидимая маркировка).

Видимую маркировку наносят на наружную поверхность, как правило, следующих составных частей ТС: стекла ветрового окна и задних окон, фар и задних фонарей.

Скрытая маркировка автомобиля – одно из самых эффективных и популярных средств защиты автомобиля от угона. В отличие от видимой маркировки она невидна невооруженным глазом: наносится стойкой ультрафиолетовой краской и видна лишь при ультрафиолетовом излучении.

Скрытая маркировка создаёт значительные трудности для угонщика, так как наносится при помощи специального маркера, и имеется возможность оставить метку на любой детали, меток же может быть неограниченное количество. К тому же современное оборудование позволяет маркировать машину в самых труднодоступных местах. Впоследствии такие метки делают продажу машины невозможной даже по частям.

Скрытая маркировка деталей и узлов по способу нанесения подразделяется на следующие 3 вида:

1. Распылением специального состава, содержащего микродиски с идентификационными данными, на детали салона и кузова, навесные узлы двигателя, трансмиссию, проводку и электронные части.

2. Нанесение люминофорными красками через трафарет на детали салона и кузова.

3. Методом давления наносится на детали кузова.

Таким образом, можно сделать вывод, что выполнение основной и дополнительной видимой маркировки обеспечивает четкость изображения и ее сохранность в течение всего срока эксплуатации транспортного средства.

В целом маркировка транспортных средств Ю. Кореи конкретизирует каждое автотранспортное средство как изделие промышленного производства.

Пристатейный библиографический список

1. Гольчевский В. Ф., Несмеянов А. А., Власов Ф. М. Использование средств компьютерного моделирования при производстве автотехнических экспертиз – «Актуальные вопросы судебных экспертиз». – Иркутск, 2012.
2. Данные МВД РФ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://мвд.рф/reports/item/11830347/>.
3. Исследование маркировочных обозначений транспортных средств. Единый экспертно-правовой центр. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.burexpert.ru>.
4. Нагайцев А. А. Исследование маркировочных обозначений легковых автомобилей зарубежного производства. – М., 2014.
5. Чеснокова Е. В. Экспертное исследование маркировочных обозначений на транспортных средствах по делам, связанным с их незаконным завладением: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2015.

КОРНЕВ Георгий Павлович

доктор философских наук, профессор кафедры права, философии и социальных дисциплин Арзамасского филиала Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского

ДЕНИСОВА Анастасия Кирилловна

магистрант направления «Юриспруденция» Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского

К ВОПРОСУ О НАЦИОНАЛЬНОМ СТАТУСЕ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ

В статье формулируется ряд исследовательских вопросов. Могут ли, в принципе, муниципальные образования быть национальными (этническими), и по каким критериям? Насколько оправдано введение в правовой оборот понятия «национальное муниципальное образование»? Можно ли рассматривать национальные муниципальные образования в качестве особой формы самоопределения этносов, способом оптимальной организации территории с этническим компонентом, средством самоуправления этническими процессами? Вносится предложение о дополнении Федерального закона РФ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» нормой, в соответствии с которой список образований с особым статусом будет расширен за счет включения в него национальных муниципальных образований. Логическим и более радикальным шагом к предыдущему действию предлагается разработка и принятие отдельного федерального закона «О национальном (этническом) статусе муниципального образования», который будет регулировать особенности самоорганизации и самоуправления в местах компактного проживания этносов.

Ключевые слова: административно-территориальная единица, муниципальное образование, национальное (этническое) муниципальное образование, самоопределение, самоуправление, субъекты этнической самоорганизации.

KORNEV Georgiy Pavlovich

Ph.D. in Philosophy, professor of Law, philosophy and social sciences sub-faculty of the Arzamas branch of the N. I. Lobachevskiy Nizhny Novgorod National Research University

DENISOVA Anastasiya Kirillovna

magister student of the direction «Law» of the N. I. Lobachevskiy Nizhny Novgorod National Research University

TO THE QUESTION OF THE NATIONAL STATUS OF MUNICIPAL FORMATIONS

The article formulates a number of research questions. Can, in principle, the municipal formations be national (ethnic), and by what criteria? To what extent is the introduction of the concept of "national municipal formations" in the legal turnover justified? Is it possible to consider national municipal formations as a special form of self-determination of ethnic groups, a way of optimal organization of the territory with an ethnic component, a means of self-government of ethnic processes? It is proposed to supplement the Federal Law «On General Principles of Local Self-Government in the Russian Federation» with the norm, according to which a list of special status will be extended to include the national municipal formations. As a logical and more radical step to the previous step it is proposed to develop and adopt a separate federal law «On the national (ethnic) status of the municipal formations» which will regulate the features of self-organization and self-government in the areas of compact residence of ethnic groups.

Keywords: administrative-territorial unit, municipal formations, national (ethnic) municipal formations, self-determination, self-government, the subjects of ethnic self-organization.

Корнев Г. П.

Денисова А. К.

В настоящее время для сохранения национальной самобытности народов Российской Федерации используются различные территориальные и экстерриториальные формы самоопределения этносов¹. Наиболее разработанной и законодательно оформленной среди экстерриториальных форм является национально-культурная автономия, представляющая собой общественное объединение граждан Российской

Федерации, относящих себя к определенной этнической общности, на основе их добровольной самоорганизации в целях самостоятельного решения вопросов сохранения самобытности, развития языка, образования, национальной культуры, укрепления единства российской нации, гармонизации межэтнических отношений, содействия межрелигиозному диалогу². Национально-культурная автономия выгодно отличается от национально-территориального устройства Российской Федерации как целями и последствиями объединения, в частности, деполитизацией межэтнических отношений и экстерритори-

¹ Не вдаваясь в дискуссию, поясним, что вслед за известным конституционалистом С. А. Авакьяном под самоопределением понимаем в первую очередь право народов на самоорганизацию своей жизни, самоуправление, самостоятельное определение форм своего бытия в Российской Федерации (Авакьян С. А. Конституционное право России. Учебный курс: учебное пособие: в 2 т. - 4-е изд., перераб. и доп. - М.: Норма: ИНФРА-М, 2010. Т. 2. С. 103-104).

² Федеральный закон от 17.06.1996 N 74-ФЗ «О национально-культурной автономии» (ред. от 04.11.2014) // Собрание законодательства РФ. - 1996 - № 25 - Ст. 2965.

альностью, так и следствием – отсутствием претензий на «национальные государственные формы» своего существования³.

Наряду с экстерриториальной формой национального самоопределения не менее значимым является дальнейшее распространение этнического компонента на его низовые административно-территориальные единицы – различного вида муниципальные образования. К сожалению, в этом направлении научные исследования, в том числе правовые, ведутся крайне эпизодично и не решительно. Отсутствуют комплексные (этнологические, правовые, политологические, социологические, экономические) исследования, посвящённые низовым территориальным единицам, их месту и роли в решении вопросов национального самоопределения.

Обобщенным наименованием самоуправляющихся территорий на местном уровне является понятие «муниципальное образование», не имеющее по сей день законодательного определения. Федеральный закон РФ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» фактически ограничивается лишь перечислением видов муниципальных образований, а именно: «муниципальное образование – городское или сельское поселение, муниципальный район, городской округ, городской округ с внутригородским делением, внутригородской район либо внутригородская территория города федерального значения»⁴.

Доктринальное определение понятия «муниципальное образование» исходит из норм упомянутого ФЗ РФ и, по сути, также ограничивается перечислением видов муниципальных образований, но в более развернутом формате. Как правило, под муниципальным образованием подразумевается городское и сельское поселения, несколько поселений, объединенных общей территорией, часть какого-либо поселения и иная населенная территория, в пределах которой осуществляется местное самоуправление, имеется муниципальная собственность, местный бюджет и выборные органы местного самоуправления.

К сожалению, данный Федеральный Закон РФ не предусматривает национальных муниципальных образований, а также не устанавливает этнические особенности статуса для отдельных категорий уже закрепленных видов муниципальных образований, в том числе при определении вопросов местного значения и вытекающих из них полномочий для каких-либо видов муниципальных образований.

О чем говорит исторический опыт российского государства? Обратим внимание на то, что в практике советского национально-государственного строительства в 20–30-е годы XX века учитывалась национальная специфика низовых территориальных единиц («национальное районирование»). Районам и сельсоветам, входящим в низовую иерархию административно-территориального деления СССР, был придан национальный статус, в соответствии с которым они стали называться соответственно «национальные районы» и «национальные сельсоветы». Увлеченность национальным принципом государственного строительства привела к тому, что федерализм

советского образца включал помимо союзных и автономных республик, автономных областей и округов еще и национальные районы (250 – на январь 1933 г., 240 – на июль 1934 г., около 100 – на 1937 г.) и национальные сельсоветы (5300 в 1933–1934 гг., свыше 11 тыс. в 1937 г.). К категории национальных, по данным на 1934 год, были отнесены каждый десятый район и каждый восьмой-девятый сельсовет в стране⁵.

Однако ближе к 40-м годам внимание к этим формам национально-территориального устройства резко ослабло. Как следствие, районы и сельсоветы потеряли свое «национальное лицо» и были преобразованы в обычные административно-территориальные единицы. Ряд национальных районов был расформирован, а национальный статус оставшихся не подчеркивался. По мнению А. И. Вдовина, судьба национальных сельсоветов и районов была предрешена заключением И. В. Сталина о решении национального вопроса в стране и полной ликвидации национальной отсталости в СССР⁶.

Действительно, национальное районирование в тот исторический период сыграло положительную роль в сохранении и выражении национальной самобытности многих малочисленных народностей и национальных меньшинств, в том числе в организации и функционировании государственной власти и управления. Выделение национальных районов и сельсоветов создавало благоприятные условия для разрешения экономических и хозяйственных вопросов, давало импульс поступательному развитию культурных и национально-бытовых традиций национальных меньшинств. Национальные районы и сельсоветы призваны были обеспечить условия для преодоления фактической хозяйственной, политической, культурной отсталости. Следует иметь в виду, что трансформация в конце 30-х гг. национальных образований низового уровня в обычные административно-территориальные единицы отнюдь не привела к ликвидации этнической самобытности народов. Более того, некоторые национальные территориальные образования были сохранены, а другие в дальнейшем были восстановлены, хотя их национальный статус уже не подчеркивался.

Интересно обратить внимание на эволюцию регионального законодательства новой России по вопросу этничности административно-территориального устройства. Конституции ряда республик содержат нормы об особых административно-территориальных единицах с национальным (этническим) компонентом, называя их национальными административно-территориальными образованиями (единицами) или национально-территориальными образованиями. Так, в Конституции Республики Алтай записано: «Административно-территориальным единицам, в зависимости от особенностей национального, этнического состава населения, его компактного проживания и иных обстоятельств, может предоставляться статус национально-территориальных образований в порядке, установленном республиканским законом»⁷.

Возможность образования национальных административно-территориальных образований предусмотрена Консти-

3 Корнев Г. П., Денисова А. К. Проблемы законодательного регулирования субъектного состава Российской Федерации // Современные проблемы права глазами молодых ученых: сборник статей участников Международной научно-практической конференции (7 апреля 2017 г.) / науч. ред.: В. Ю. Толстоуцкий, А. И. Юматов, А. А. Статуев, В. А. Колосова; Арзамасский филиал ННГУ. – Арзамас: Арзамасский филиал ННГУ, 2017. – С. 145–149 с.

4 Федеральный закон от 06.10.2003 N 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (ред. от 06.03.2018) // Собрание законодательства РФ. – 2003. – № 40. – Ст. 3822. – Ст. 2, п.1.

5 Вдовин А. И. Национальная политика 30-х годов: (Об исторических корнях кризиса межнациональных отношений в СССР) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 8. – 1992. – № 4. – С. 36.

6 Там же. – С. 17-38.

7 Конституция (Основной Закон) Республики Алтай от 07.06.1997 г. (в ред. Конституционных законов Республики Алтай от 29.05.2007 № 2-КРЗ, от 27.11.2007 № 5-КРЗ, от 31.05.2010 № 1-КРЗ, от 31.05.2010 № 3-КРЗ, от 03.11.2010 № 6-КРЗ, от 19.10.2011 № 2-КРЗ, от 23.11.2011 № 4-КРЗ, от 25.06.2012 № 1-КРЗ, от 07.07.2015 № 2-КРЗ, от 07.07.2015 № 3-КРЗ). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/304200009>. (дата обращения: 24.03.2018 г.). – Ст. 69.

туцией Республики Саха (Якутия), в которой записано: «На территории компактного проживания коренных малочисленных народов Севера по волеизъявлению населения могут быть созданы национальные административно-территориальные образования, статус которых определяется законом Республики Саха (Якутия)»⁸. При этом Республика Саха (Якутия) является ярким примером «этнического подхода» к административно-территориальному делению, получившим изложение в специальном законе «О статусе национального административно-территориального образования в местностях (на территориях) компактного проживания коренных малочисленных народов Севера Республики Саха (Якутия)»⁹. Данный Закон устанавливает правовые, экономические, финансовые основы административно-территориальных образований в местностях (территориях) компактного проживания коренных малочисленных народов Севера Республики Саха (Якутия), наделяемых статусом «национальный». В Законе закрепляется такое понятие, как «национальный улус» (район). Это – административно-территориальное образование, обладающий статусом «национальный» с целью защиты и сохранения среды обитания и права на традиционное природопользование, национальные промыслы и ремесла, возрождения национальной культуры и языка, удовлетворения духовных запросов и создания условий социально-экономического развития коренных малочисленных народов Севера (эвенов, эвенков, долган, юкагиров, чукчей) в местностях (на территориях) их компактного проживания¹⁰. Другое законодательное понятие – «национальный кочевой совет», представляющий административно-территориальное образование в составе улуса (района), наслега, созданное волеизъявлением граждан, входящих в состав кочевых родовых общин коренных малочисленных народов Севера на территориях традиционного природопользования, переданных во владение государством в целях обеспечения взаимодействия общин с государственной властью и их полномочными представителями на местах, сохранения и развития традиционного уклада жизни, и наделенное статусом «национальный»¹¹.

Законы «первой волны», принятые многими субъектами РФ в 90-е годы, содержали и, некоторые из них, содержат нормы о национальных единицах. Так, в законе Алтайского края «О территориальном устройстве Алтайского края», принятом в 1995 году и утратившим силу в связи с принятием в марте 2008 году нового одноименного закона, было записано: «К категории национальных могут быть отнесены районы, сельсоветы, если проживающие в них граждане, принадлежащие к

малочисленным народам или национальным меньшинствам, составляют большинство населения данной территории»¹². Закон Республики Хакасия «Об административно-территориальном устройстве Республики Хакасия», принятый в 1996 году и утративший силу в мае 2004 года, обозначал в качестве национальных следующие территориальные единицы: национальные районы, национальные сельсоветы, поссоветы с установленной границей в местах компактного проживания коренного населения с целью обеспечения развития культуры, языка и иных национальных особенностей¹³. В законе Томской области «Об административно-территориальном устройстве Томской области» в статье об основных понятиях записано: «Национальное поселение – административно-территориальная единица, включающая в себя территорию городского или сельского поселения, в котором компактно проживает население одной национальности»¹⁴. В более позднем законе Алтайского края «Об административно-территориальном устройстве Алтайского края» от 01.03. 2008 года среди видов административно-территориальных образований называются такие низовые единицы как национальный «сельский район» и «национальный сельсовет», на территории которых проживают граждане Российской Федерации, относящие себя к определенной этнической общности, находящейся в ситуации национального меньшинства¹⁵.

Начиная с 2000 года региональное законодательство претерпевает изменение по вопросу этничности административно-территориального устройства субъектов федерации. Надо сказать, что обновление законодательства имело под собой основание, так как оно во многом устарело и было не способно обеспечить адекватное регулирование территориальной организации субъектов Российской Федерации в современных условиях. Ряд субъектов федерации пошел по пути исключения из своих законов норм об особых национальных административно-территориальных единицах. Так, в новом законе республики Хакасия от 2004 года среди основных понятий, закрепленных законом, уже нет национальных территориальных единиц, а среди принципов административно-территориального устройства отсутствуют этнический¹⁶. Другие субъекты сохранили этнический компонент административно-территориальных единиц, акцентировав внимание не на выделение особых национальных единиц, а на учет этнических особенностей населения при их образовании. В ряде регионов законы устанавли-

8 Конституция (Основной закон) Республики Саха (Якутия) от 04.04.1992 г. (в ред. Конституционных законов РС (Я) от 17 октября 2002 54-3 № 445-II, от 10 июля 2003 40-3 № 81-III, от 25 апреля 2006 332-3 № 675-III, от 14 февраля 2007 423-3 № 859-III, от 22 июля 2008 581-3 № 53-IV, от 18 февраля 2009 647-3 № 183-IV, от 22 апреля 2009 669-3 № 229-IV, от 17 июня 2009 692-3 № 275-IV, от 08 июня 2012 1077-3 № 1035-IV, от 15 июня 2016 1651-3 № 859-V). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/800200771>. (дата обращения: 24.03.2018 г.). – Ст.43.

9 Закон Республики Саха (Якутия) «О статусе национального административно-территориального образования в местностях (на территориях) компактного проживания коренных малочисленных народов Севера Республики Саха (Якутия)» от 27.01.2005 г. № 207-3 № 419-III (в ред. Законов Республики Саха (Якутия) от 27.12.2006 419-3 № 855-III, от 02.04.2014 1292-3 № 139-V, с изм., внесенными решением Верховного суда РС (Я) от 07.06.2006 № 3-30/06). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/802024120>. (дата обращения: 24.03.2018 г.).

10 Там же. – Ст. 1, ч. 1.

11 Там же. – Ст. 1, ч. 1.

12 Закон Алтайского края «О территориальном устройстве Алтайского края» от 31 октября 1995 года № 17-3С. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://zakon-region.ru/altaysiy-kray/29348/>. (дата обращения: 24.03.2018 г.). – Ст. 7 ч. 9.

13 Закон Республики Хакасия «Об административно-территориальном устройстве Республики Хакасия» от 21 мая 1996 г. № 58. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://khakassia.regnews.org/doc/pw/z3.htm>. (дата обращения: 24.03.2018 г.). – Ст. 1 ч. 9.

14 Закон Томской области «Об административно-территориальном устройстве Томской области» от 26 июня 1997 г. № 469 (с изменениями от 9 сентября, 13 октября 2004 г., 28 марта 2005 г., 6 февраля 2006 г.). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://tomsk.regnews.org/doc/pe/b7.htm>. (дата обращения: 24.03.2018 г.). – Ст.3.

15 Закон Алтайского края «Об административно-территориальном устройстве Алтайского края» от 01.03. 2008 № 28-3С (с изменениями на 26.12.2017). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/819043663>. (дата обращения: 24.03.2018 г.). – Ст. 7, пп. 2, 8.

16 Закон Республики Хакасия «Об административно-территориальном устройстве Республики Хакасия» от 05.05. 2004 г. № 20 (с изменениями на 07.12.2017). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/802010138>. (дата обращения: 24.03.2018 г.). – Ст. 1, 2.

ливают общие принципы административно-территориального устройства, среди которых присутствуют «этнически окрашенные принципы»: в Тульской области – развитие национальных культур¹⁷; в Новосибирской области – сохранение и развитие национальной культуры, обычаев и традиций, исконных видов хозяйственной деятельности всех национальных и этнических групп, проживающих в Новосибирской области¹⁸; в законе об административно-территориальном устройстве Республики Карелия в числе основных принципов административно-территориального устройства называются: учет исторических, природно-географических, национальных и других условий расселения жителей на территории республики; сохранение культурно-бытовых традиций, национальных культур¹⁹; в законе Республики Алтай – сохранения и развития национальной культуры, обычаев и традиций, исконных видов хозяйственной деятельности всех национальных и этнических групп, проживающих в Республике Алтай²⁰.

Исключение из региональных законов норм об особом статусе национальных единиц низового уровня аргументировалось тем, что их полномочия урегулированы в Федеральном Законе РФ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации». Согласно этому Закону, органы местного самоуправления вправе: принимать участие в реализации федеральных и региональных программ социально-экономического и культурного развития малочисленных народов и в осуществлении контроля за использованием материальных и финансовых средств, выделяемых в соответствии с указанными программами, а также за использованием и охраной земель в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности малочисленных народов; осуществлять контроль за предоставлением, использованием и охраной лицами, относящимися к малочисленным народам, земель, необходимых для ведения традиционного образа жизни и занятия традиционными промыслами малочисленных народов; устанавливать общие принципы организации и деятельности территориального общественного самоуправления малочисленных народов в местах их традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности; создавать на общественных началах при главах муниципальных образований в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности малочисленных народов советы представителей малочисленных народов для защиты прав и законных интересов указанных народов²¹.

17 Закон Тульской области «Об административно-территориальном устройстве Тульской области» от 27 декабря 2007 года № 954-ЗТО (с изменениями на 11.06.2014). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/801204184>. (дата обращения: 24.03.2018 г.). – Ст. 3, п. 5.

18 Закон Новосибирской области «Об административно-территориальном устройстве Новосибирской области» от 16 марта 2006 года № 4-ОЗ (с изменениями на 03.10.2017). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/5421282>. (дата обращения: 24.03.2018 г.). – Ст. 4, п. 4.

19 Закон Республики Карелия «Об административно-территориальном устройстве республики Карелия» от 29 апреля 2005 года № 871-ЗРК (с изменениями на 02.06.2015). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/919319309>. (дата обращения: 24.03.2018 г.). – Ст. 3.

20 Закон Республики Алтай «Об административно-территориальном устройстве Республики Алтай» от 10 ноября 2008 года № 101-РЗ (с изменениями на 11.03.2016). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/895220971>. (дата обращения: 24.03.2018 г.). – Ст. 3, п. 7.

21 Федеральный закон от 30.04.1999 № 82-ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» (ред. от 13.07.2015) // Собрание законодательства РФ. – 1999. – № 18. – Ст. 2208. – Ст. 7, чч. 2, 3, 6, 7.

Разумеется, административно-территориальное деление субъектов РФ складывается под влиянием естественно-исторических, географических, экономических, демографических факторов, что вполне объяснимо. В то же время при образовании административно-территориальных единиц в регионах с этнокультурной спецификой не могут не учитываться в той или иной мере национальные (этнические) факторы. Причем эти факторы действуют объективно; влияют на формирование особых региональных ячеек, обладающих собственной этнической идентичностью, независимо от желаний и воли государственных и региональных лидеров.

Вместе с тем надо учитывать и то обстоятельство, что многонациональное государство, вполне разумно опасаясь сепаратизма и децентрализации, не желает идти на политические уступки национальным регионам и нередко нейтрализует ситуацию, когда та или иная административная единица пытается создать ареал проживания определенного этноса. При этом подобная позиция распространяется не только на федерацию в целом, но и на её отдельные субъекты, которые также опасаются потерять влияние на законодательно оформленные ими же низовые национальные единицы. Поэтому и возникла тенденция исключения и территориальными, и даже национальными субъектами федерации из своих законов норм об особых национальных административно-территориальных единицах.

Опасения государства перед угрозой сепаратизма имеет основание тогда, когда речь идет о крупных административных территориях, обладающих статусом национально-государственных образований. Поэтому одним из иммунитетов от сепаратизма является централизация федеральной власти, которая, – как вариант, – может быть реализована посредством деэтизации национальных регионов. Сегодня предлагаются различные концепции перехода к федерации территорий. Наиболее разработанной и практически реализуемой можно назвать концепцию укрупнения субъектов федерации на основе объединительных процессов²². Фактическое выравнивание политических и экономических статусов национальных и территориальных субъектов создаст необходимые условия для будущего развития федерализма, не отягощенного элементами особой национальной государственности. Речь идет отнюдь не об исключении национального самоопределения народов и этносов вообще, а освобождении их от государственных форм и дальнейшей реализации их права на самоопределение как самоорганизацию и самоуправление, начиная с низовых территориальных единиц.

В законодательных актах многих субъектов федерации в качестве административно-территориальных единиц рассматриваются только те территории, в границах которых созданы и действуют органы государственной власти или (и) органы местного самоуправления. В административных единицах высшего звена осуществляется государственная власть, поэтому они при переходе к федерации территорий в принципе могут рассматриваться в контексте лишь административно-территориального, но не национального самоопределения. Для них тем самым будет максимально урезана «лазейка» к национальному сепаратизму. В муниципальных образовани-

22 Денисова А. К., Корнева Л. С. Какой федерализм нам нужен? // Единая российская нация: проблемы формирования её идентичности: сборник статей участников Всероссийской научно-практической конференции (25-27 октября 2017 г.) / науч. ред. Е. В. Валеева, С. В. Напалков, отв. ред. С. В. Напалков; Арзамасский филиал ННГУ; Фонд «Русский мир». – Саров: Интерконтакт, 2017. – С. 365–368.

ях осуществляется публичная власть органами местного самоуправления. Там вполне допускается национальное и этническое самоопределение, не представляющее своими малыми территориальными размерами сепаратистской угрозы для государства и регионов.

В связи с интересом к самоопределению (самоуправлению, самоорганизации) этнических общностей в пределах муниципальных образований возникает множество вопросов, которые можно сгруппировать в две группы. Во-первых, могут ли, в принципе, муниципальные образования быть национальными? По каким критериям обычные территориальные единицы получают статус национальных, как происходит такая «этническая» метаморфоза? Насколько оправдано введение в правовой и законодательный оборот понятия «национальное муниципальное образование»? Во-вторых, имеет ли право на существование модель этнической самоорганизации на уровне местного самоуправления? Можно ли вообще рассматривать национальные муниципальные образования в качестве особой формы самоопределения этносов? Могут ли муниципальные образования быть способом оптимальной организации территории с этническим компонентом, средством управления этническими процессами? Существует ли необходимость и возможность учета этнической структуры населения в муниципальных образованиях?

Ответы на эти и другие вопросы, конечно же, требуют совместных усилий юристов, экономистов, демографов, этнографов и других представителей науки и практики по проведению комплексных исследований и на основе их выработки рекомендаций для законодательного оформления на федеральном и региональном уровнях. Не менее важно изучить и обобщить реальную практику создания и воссоздания национальных муниципальных образований в различных регионах России. Данная практика пополняется из года в год и требует к себе пристального внимания.

Так, Эвенкийский автономный округ после вхождения в состав Красноярского края был преобразован в Эвенкийский муниципальный район Красноярского края. На северо-востоке Бурятии был воссоздан (первоначально образован в 1925 году) Баунтовский эвенкийский муниципальный район, население которого на 1 января 2002 года составляло 12,34 тыс. человек. Национальный состав: русские – 76,8 %, буряты – 14,7 %, эвенки – 5,4 %, другие национальности – 3,1 %. Северо-Эвенкийский муниципальный район (образован в 1930 году) вошел в 1953 году в состав вновь образованной Магаданской области.

Алеутский район в составе Камчатского края (до 1 июля 2007 в составе Камчатской области) – административно-территориальная единица и муниципальный район. В состав района входит одно сельское поселение – Никольское сельское поселение с населением 638 человек на 2008 год.

В Хабаровском крае были воссозданы Нанайский муниципальный район (образован в 1934 году), в котором проживает 21700 человек и Ульчский муниципальный район (образован в 1933 году) с населением 23725 человек на 1 января 2008 год. Ульчский район – полиэтничный, в нем проживают представители более 20 национальностей, в том числе и малые народности Севера (ульчи, нивхи, нанайцы, негидальцы, эвенки, удегейцы, эвены, орочи).

В составе Республики Карелия в 1994 году была образована Вепсская национальная волость с населением 3493 человека, из них 1202 вепсов по состоянию на 2002 год. В 2004 году волость была ликвидирована в ходе муниципальной реформы и разделена на 3 вепских поселения в составе Прионежского района Карелии.

В Вологодской области было образовано Куйское национальное муниципальное образование – вепское поселение с населением всего 273 человека. На данной территории компактно проживают вепсы, общая численность которых в пределах Куйского поселения около 200 человек (45 % всего населения).

В составе Карачаево-Черкесской Республики 1 июня 2006 года в результате референдума образован Абазинский муниципальный район в пределах компактного проживания абазин. Население этого района – 13 500 человек на 2008 год. Абазины успешно воспользовались обретенными правами коренного малочисленного народа, не согласившись влиться в укрупненные районы других национальностей и ссылаясь на неприкосновенность среды обитания малочисленных народов.

Сегодняшняя практика создания и воссоздания национальных муниципальных образований с очевидностью демонстрирует, что они в значительной мере могут быть задействованы в сфере местного самоуправления. В обеспечении условий для сохранения традиционного образа жизни, хозяйствования и промыслов коренных малочисленных народов важную роль призваны сыграть органы местного самоуправления, которые наиболее приближены к местам компактного проживания этих народов. Учреждение низовых национальных районов рассматривается как эффективный инструмент учета интересов культурных и языковых сообществ. Считается, что само их существование представляет собой акт признания важности поддержки культур и языков, которые не доминируют на всей территории государства, а также – гарантии их развития. От их деятельности по реализации своих полномочий во многом зависят сохранение исконной среды обитания малочисленных народов, развитие их самобытной культуры, социально-экономическое благополучие.

Практика также подтверждает, что самоопределение по национальному (этническому) признаку может происходить на низовом уровне территориальных единиц и что к категории «национальные» вполне могут быть отнесены муниципальные образования (районы, сельсоветы и прочее). При этом в действие вступают как минимум следующие условия: во-первых, проживающие на территории муниципального образования граждане принадлежат к коренным, коренным малочисленным народам и национальным меньшинствам; во-вторых, составляя большинство населения данной территории или компактно на ней проживают; в-третьих, обнаружили добровольное волеизъявление на предмет своей самоорганизации и самоуправления.

Национальное (этническое) муниципальное образование может быть определено как территориальная единица, созданная в результате самоопределения на низовом уровне территориальной организации населения. Субъектами этнической самоорганизации выступают народы, имеющие различный статус. Во-первых, это обычный коренной народ, например, карелы в республике Карелия, агулы, лакцы – коренное население Дагестана. Во-вторых, и чаще всего, это коренной малочисленный народ, к примеру, вепсы в Вепсской национальной волости Карелии, долганы, эвенки, эвены, юкагиры в эвенкийских национальных районах республики Саха (Якутия), селькупы в Иванкинском национальном сельском поселении Томской области, ненцы в Красноселькупском районе Ямало-Ненецкого автономного округа. В-третьих, это некоренной народ, имеющий государственность за пределами России, например, русские немцы в Омской и Ульяновской областях, в Алтайском крае.

Количественный состав субъектов этнической самоорганизации по отношению ко всему населению администра-

тивно-территориальной единицы может быть различным. Это может быть абсолютное большинство, например, агулы в Агульском районе Дагестана (92,53%) или относительное большинство, к примеру, карелы в Калевальском национальном районе Карелии (45,1%). Этнические и национальные группы могут и не составлять большинства. Так, не составляют этнического большинства вепсы в Вепсской национальной волости Карелии. По состоянию на 2002 год на 3493 человека приходилось 1202 вепса. Немцы в Немецком национальном районе Алтайского края составляли 31,8%, в Азовском национальном районе в Омской области 29,3 %, в Немецком национальном поселении Ульяновской области (немного более 600 человек).

В научной литературе высказывается мнение, что национальные районы и сельсоветы, будучи по своему статусу административно-территориальными единицами, пользовались рядом прав, присущих автономным образованиям²³. Следуя этой точке зрения, получается, что национально-территориальная автономия является не только формой национальных государств, национально-государственных образований внутри отдельного государства, но и системой административно-территориальных единиц, создаваемых для учета интересов отдельных национальных групп населения, этнических общностей с целью обеспечения их самоуправления.

Так ли это на самом деле? На наш взгляд, сегодня, в условиях дифференциации государственного (регионального) управления и местного самоуправления мало перспективно относить национальные территориальные образования к какой-либо из форм национально-территориальной автономии. Во-первых, при образовании таких «единиц» в нормативных актах не говорится о каких-то их автономных правах. Государство не передоверяет им своих полномочий по решению отдельных государственных вопросов, как это делается при создании автономных образований. Во-вторых, органы местного самоуправления во всех однопорядковых, в том числе национальных территориальных единицах, функционируют на базе общего законодательства и имеют одинаковую компетенцию, в то время как автономные единицы должны иметь утверждаемые центральной властью индивидуальные нормативные акты, определяющие их статус. В-третьих, в прежние советские времена национальные районы, сельсоветы создавались в автономных республиках, автономных областях и национальных (автономных) округах, что было вполне оправдано при монополии государственного и регионального управления и законодательном отсутствии местного самоуправления. Если считать их автономными «единицами» сейчас, то автономия получается многозвенной, чего не знает мировая практика, ибо это будет уже не автономия, а что-то иное. Отсюда, национальные районы, сельсоветы и другие территориальные национальные образования являются муниципальными образованиями, своеобразной самостоятельной формой, обеспечивающей свободное развитие национальностей в Российской Федерации, учитывающей их обычаи и традиции.

Вышесказанное подводит к мысли о том, что наметившуюся практику самоопределения (самоорганизации, самоуправления) этнических общностей в пределах муниципальных образований следует оформить на федеральном уровне.

Во-первых, учитывая то обстоятельство, что вышеупомянутый Федеральный закон РФ «Об общих принципах

организации местного самоуправления в Российской Федерации» закрепляет особенности организации местного самоуправления в муниципальных образованиях с особым статусом, а именно: города федерального значения, закрытые административно-территориальные образования, наукограды, приграничные территории²⁴, было бы целесообразно главу 11 «Особенности организации местного самоуправления» дополнить нормой, в соответствии с которой список образований с особым статусом будет расширен за счет национальных единиц муниципального уровня, обладающих дополнительным набором полномочий органов местного самоуправления, в том числе, права на самоопределение (самоорганизацию, самоуправление). Дополнение данного Федерального Закона нормой, допускающей национальные муниципальные образования, вполне соответствует положению, в котором местное самоуправление в Российской Федерации определяется как форма осуществления народом своей власти, самостоятельное и под свою ответственность решение населением непосредственно и (или) через органы местного самоуправления вопросов местного значения исходя из интересов населения с учетом исторических и иных местных традиций²⁵. Можно сказать, что контекстуально закон допускает решение населением вопросов местного значения в пределах муниципального образования, исходя из интересов этносов. И все же дополнение данного Закона конкретной нормой, обращенной на национальную (этническую) компоненту муниципальных образований, позволит «спустить» самоопределение этносов на низовые территориальные единицы и, тем самым, создаст предпосылки для деэтизации национальных субъектов.

Во-вторых, правовое оформление самоопределения (самоорганизации) народов (этносов) в пределах муниципальных образований может быть и более радикальным. Так, дополнение вышеназванного Федерального Закона нормой, допускающей муниципальные образования с особым национальным статусом, неизбежно влечет в соответствии с этим же Законом²⁶ принятия отдельного федерального закона с предположительным названием «О национальном (этническом) статусе муниципального образования», который будет регулировать особенности осуществления местного самоуправления в местах компактного проживания этносов. Следует признать, что местные этнические проблемы эффективнее решать на местах путем активизации самодеятельности местного этноса и избираемых им органов власти. На основе будущего федерального закона этносы смогут самостоятельно решать многие вопросы в интересах населения национального муниципального образования. Закон может создать условия для гибкой системы самоуправления на местах, приспособленной к местным национальным особенностям.

24 Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (ред. от 06.03.2018) // Собрание законодательства РФ. – 2003. – № 40. – Ст. 3822. – Ст. 79-82.

25 Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (ред. от 06.03.2018) // Собрание законодательства РФ. – 2003. – № 40. – Ст. 3822. – Ст. 1, ч. 2.

26 Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (ред. от 06.03.2018) // Собрание законодательства РФ. – 2003. – № 40. – Ст. 3822. – Ст. 79-82.

23 Абдулатипов Р. Г., Болтенкова Л. Ф., Яров Ю. Ф. Федерализм в истории России. Кн. 1. – М.: Республика, 1992. – С. 292.

Пристатейный библиографический список

1. Федеральный закон от 30.04.1999 № 82-ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» (ред. от 13.07.2015) // Собрание законодательства РФ. – 1999. – № 18. – Ст. 2208.
2. Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (ред. от 06.03.2018) // Собрание законодательства РФ. – 2003. – № 40. – Ст. 3822.
3. Конституция (Основной Закон) Республики Алтай от 07.06.1997 г. (в ред. Конституционных законов Республики Алтай от 29.05.2007 № 2-КРЗ, от 27.11.2007 № 5-КРЗ, от 31.05.2010 № 1-КРЗ, от 31.05.2010 № 3-КРЗ, от 03.11.2010 № 6-КРЗ, от 19.10.2011 № 2-КРЗ, от 23.11.2011 № 4-КРЗ, от 25.06.2012 № 1-КРЗ, от 07.07.2015 № 2-КРЗ, от 07.07.2015 № 3-КРЗ). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/304200009>. (дата обращения: 24.03.2018 г.).
4. Конституция (Основной закон) Республики Саха (Якутия) от 04.04.1992 г. (в ред. Конституционных законов РС (Я) от 17 октября 2002 54-3 № 445-II, от 10 июля 2003 40-3 № 81-III, от 25 апреля 2006 332-3 № 675-III, от 14 февраля 2007 423-3 № 859-III, от 22 июля 2008 581-3 № 53-IV, от 18 февраля 2009 647-3 № 183-IV, от 22 апреля 2009 669-3 № 229-IV, от 17 июня 2009 692-3 № 275-IV, от 08 июня 2012 1077-3 № 1035-IV, от 15 июня 2016 1651-3 № 859-V). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/800200771>. (дата обращения: 24.03.2018 г.).
5. Закон Алтайского края «О территориальном устройстве Алтайского края» от 31 октября 1995 года № 17-ЗС. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://zakon-region.ru/altaysiy-kрай/29348/>. (дата обращения: 24.03.2018 г.).
6. Закон Алтайского края «Об административно-территориальном устройстве Алтайского края» от 01.03.2008 № 28-ЗС (с изменениями на 26.12.2017). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/819043663>. (дата обращения: 24.03.2018 г.).
7. Закон Новосибирской области «Об административно-территориальном устройстве Новосибирской области» от 16 марта 2006 года № 4-ОЗ (с изменениями на 03.10.2017). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/5421282>. (дата обращения: 24.03.2018 г.).
8. Закон Республики Алтай «Об административно-территориальном устройстве Республики Алтай» от 10 ноября 2008 года № 101-РЗ (с изменениями на 11.03.2016). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/895220971>. (дата обращения: 24.03.2018 г.).
9. Закон Республики Карелия «Об административно-территориальном устройстве республики Карелия» от 29 апреля 2005 года № 871-ЗРК (с изменениями на 02.06.2015). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/919319309>. (дата обращения: 24.03.2018 г.).
10. Закон Республики Саха (Якутия) «О статусе национального административно-территориального образования в местностях (на территориях) компактного проживания коренных малочисленных народов Севера Республики Саха (Якутия)» от 27.01.2005 г. № 207-3 № 419-III (в ред. Законов Республики Саха (Якутия) от 27.12.2006 419-3 № 855-III, от 02.04.2014 1292-3 № 139-V, с изм., внесенными решением Верховного суда РС (Я) от 07.06.2006 № 3-30/06). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/802024120>. (дата обращения: 24.03.2018 г.).
11. Закон Республики Хакасия «Об административно-территориальном устройстве Республики Хакасия» от 21 мая 1996 г. № 58. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://khakassia.regnews.org/doc/pw/z3.htm>. (дата обращения: 24.03.2018 г.).
12. Закон Республики Хакасия «Об административно-территориальном устройстве Республики Хакасия» от 05.05.2004 г. № 20 (с изменениями на 07.12.2017). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/802010138>. (дата обращения: 24.03.2018 г.).
13. Закон Томской области «Об административно-территориальном устройстве Томской области» от 26 июня 1997 г. № 469 (с изменениями от 9 сентября, 13 октября 2004 г., 28 марта 2005 г., 6 февраля 2006 г.). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://tomsk.regnews.org/doc/pe/b7.htm>. (дата обращения: 24.03.2018 г.).
14. Закон Тульской области «Об административно-территориальном устройстве Тульской области» от 27 декабря 2007 года № 954-ЗТО (с изменениями на 11.06.2014). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/801204184>. (дата обращения: 24.03.2018 г.).
15. Абдулатипов Р. Г., Болтенкова Л. Ф., Яров Ю. Ф. Федерализм в истории России. Кн. 1. – М.: Республика, 1992. – 383 с.
16. Авакьян С. А. Конституционное право России. Учебный курс: учебное пособие: в 2 т. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2010. Т. 2. – 928 с.
17. Болтенкова Л. Ф. Интернационализм в действии. – М.: Мысль, 1988. – 221 с.
18. Вдовин А. И. Национальная политика 30-х годов: (Об исторических корнях кризиса межнациональных отношений в СССР) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 8. – 1992. – № 4. – С. 17-38.
19. Денисова А. К., Корнева Л. С. Какой федерализм нам нужен? // Единая российская нация: проблемы формирования её идентичности: сборник статей участников Всероссийской научно-практической конференции (25-27 октября 2017 г.) / науч. ред. Е. В. Валеева, С. В. Напалков, отв. ред. С. В. Напалков; Арзамасский филиал ННГУ; Фонд «Русский мир». – Саров: Интерконтакт, 2017. – С. 365-368.
20. Корнев Г. П., Денисова А. К. Проблемы законодательного регулирования субъектного состава Российской Федерации // Современные проблемы права глазами молодых ученых: сборник статей участников Международной научно-практической конференции (7 апреля 2017 г.) / науч. ред.: В. Ю. Толстолупский, А. И. Юматов, А. А. Статуев, В. А. Колосова; Арзамасский филиал ННГУ. – Арзамас: Арзамасский филиал ННГУ, 2017. – С. 145-149.

МИХЕЕВ Денис Степанович

доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного и административного права Марийского государственного университета

МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ И ОБЩЕСТВЕННЫЙ КОНТРОЛЬ

Институт общественного контроля на муниципальном уровне представляется наиболее жизнеспособным. Именно здесь деятельность местной власти наиболее приближена к населению и понятна ему. Общественный контроль за решением вопросов местного значения способствует эффективности работы органов местного самоуправления. Статья посвящена правовому регулированию общественного контроля в муниципальных образованиях.

Ключевые слова: местное самоуправление, общественный контроль, общественные советы, общественные палаты.

MIKHEEV Denis Stepanovich

Ph.D. in Law, professor of Constitutional and administrative law sub-faculty of the Mari State University

LOCAL SELF-GOVERNMENT AND PUBLIC CONTROL

The institute of public control at the municipal level seems to be the most viable. The activities of local authorities are closest to the population and understandable to them. Public control over the solution of local issues contributes to the effectiveness of local government. The article is devoted to the legal regulation of public control in municipalities.

Keywords: local self-government, public control, public councils, public chambers.

Мухеев Д. С.

Становление современного местного самоуправления является одной из ключевых проблем российского государства¹. Поскольку данный уровень публичной власти наиболее приближен к гражданам, призван обеспечивать их жизнедеятельность, то вопросы участия населения муниципальных образований в осуществлении местного самоуправления остаются по-прежнему актуальными². В этой связи все более заметной становится роль общественного контроля, который является достаточно новым правовым институтом. Как известно правовую формализацию он приобрел с принятием в 2014 году Федерального закона «Об основах общественного контроля в Российской Федерации»³.

В. В. Гриб, один из ведущих отечественных исследователей общественного контроля, замечает, что на сегодняшний день общественный контроль находится на стадии становления, он составляет основу гражданского общества и правового государства⁴. Солидарен с ним Ф.И. Долгих, когда говорит об интенсивном развитии общественного контроля и рассматривает его в качестве одной из ключевых функций гражданского общества⁵. О необходимости общественного контроля напоминал Президент Российской Федерации В. В. Путин не-

задолго до принятия названного закона: «Общественные инициативы должны стать частью государственной политики и общество должно контролировать их исполнение»⁶.

Идея общественного контроля на местном уровне, как нами отмечалось в одной из работ, не является новой. Она вытекает из самой природы местного самоуправления. Главный носитель властных полномочий – население осуществляет их непосредственно или через создаваемые органы местного самоуправления. Поручая решение вопросов местного значения специально создаваемым органам, граждане вправе получать информацию о деятельности этих органов, что может быть достигнуто посредством контрольных мероприятий. Общественный контроль со стороны населения выступает необходимым атрибутом осуществления муниципальной власти⁷.

Дополним вышеприведенное мнение тем, что любую управленческую деятельность сопровождает контроль, он является, по сути, ее неизменным спутником, позволяющем удерживать систему управления в определенном равновесии. Привлечение населения к управлению на местном уровне предопределяет и контроль с его стороны за решением вопросов местного значения, чем достигается осуществление важной задачи по обеспечению эффективности местного самоуправления⁸.

1 Михеева Т. Н. О некоторых проблемах муниципальной службы // Государственная служба. – 2002. – № 4 (8). – С. 102.

2 Mikheeva T. N., Likhoshva A. O. (2016). Modern approaches to public and independence of local government: experience of American municipalities. Mediterranean Journal of Social Sciences, 7 (1S1). 2016. P. 31-35. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dx.doi.org/10.5901/mjss.2016.v7n1s1p31>.

3 Федеральный закон от 21 июля 2014 года №212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» // СЗ. РФ. – 2014. – № 30 (ч.1). – Ст. 4212.

4 Гриб В. В. Место и роль общественных палат в системе общественного контроля в Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. – 2015. – № 5. – С. 33.

5 Долгих Ф. И. Общественный мониторинг как форма общественного контроля за деятельностью политических партий // Государственная власть и местное самоуправление. – 2018. – № 1. – С. 9.

6 Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации от 12 декабря 2013 года // Российская газета. – 2013. – 13 декабря.

7 Михеев Д. С., Михеева Т. Н. Роль гласности в осуществлении общественного контроля на муниципальном уровне // Вестник Российского университета кооперации. – 2016. – № 1 (23). – С. 120.

8 Mikheev D. S., Mikheeva T. N. and Mokoseeva M. A. (2015). On the experience of legal regulation of the principle of local authorities in German law. Review of European Studies. Vol.7. No 8. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dx.doi.org/10.5539/res.v7n8p23>.

Профессор Г.Н. Чеботарев вообще предлагает рассматривать общественный контроль как одну из форм участия населения в осуществлении местного самоуправления⁹.

Появление специализированного законодательного акта, регулирующего сферу общественного контроля, казалось бы, сняло многие проблемы в реализации данного общественного института в том числе на муниципальном уровне.

Наряду с такими субъектами общественного контроля как общественные палаты (федеральная и региональные) предусмотрено образование муниципальных общественных палат, а также общественных советов муниципальных образований. Для осуществления последними контрольных мероприятий, например, общественной проверки могут привлекаться общественные инспектора, формироваться общественные инспекции или группы общественного контроля.

На муниципальном уровне с успехом могут быть реализованы все предусмотренные законом формы общественного контроля – общественный мониторинг, общественная проверка, общественная экспертиза, общественные обсуждения, общественные (публичные) слушания.

Объект общественного контроля, хотя и не выделен в законе в специальную статью, однако из определения понятия данного института он вполне убедительно просматривается. Если дефиницию статьи 4 рассмотреть применительно к муниципальному уровню, то можно вычленив объект общественного контроля, которым выступают деятельность органов местного самоуправления, муниципальных организаций и иных органов, осуществляющих отдельные публичные полномочия, а также издаваемые ими акты и принимаемые решения.

В общих положениях Федерального закона отражено, что регулирование общественного контроля помимо федеральных и региональных законов осуществляется муниципальными нормативными правовыми актами.

Таким образом, создается впечатление, что для реализации общественного контроля в муниципальных образованиях созданы надлежащие правовые условия. Между тем Федеральный закон «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» далеко не идеален, в нем имеется ряд противоречий и правовых пробелов.

Например, как следует понимать пункт 3 части 1 статьи 9, назвавший в числе субъектов общественного контроля «общественные палаты (советы) муниципальных образований»? Очевидно, что на данном уровне должны быть сформированы либо общественные палаты, либо общественные советы. Два вида названных субъектов не являются взаимозаменяемыми, у них разный статус, который заложен в законе.

Далее в законе статья 12 закрепляет, что общественные палаты муниципальных образований осуществляют общественный контроль в соответствии с порядком, установленным муниципальными нормативными правовыми актами о соответствующих палатах. Что же касается общественных советов на местном уровне, то с ними вообще происходят законодательные метаморфозы. Т.Н. Михеева справедливо указывает на нелогичность части 3 статьи 13 Федерального закона, которая содержит следующую норму: «Общественные советы могут создаваться при органах местного самоуправления». Из данной редакции не следует обязательности формирования общественных советов муниципальных образований, хотя, по сути, на местном уровне полноценных субъектов обществен-

ного контроля всего лишь два – общественные палаты и общественные советы. Создается впечатление о факультативном характере общественных советов на местном уровне¹⁰.

Думается, что наиболее приемлемым и юридически точным было бы разделить два данных субъекта общественного контроля. Во-первых, в таких крупных муниципальных образованиях как муниципальный район, городской округ, городской округ с внутригородским делением, предусмотреть формирование общественных палат соответствующих муниципальных образований. Согласно мнению Т. Н. Михеевой, конечно можно и не ограничивать муниципальные образования в данном вопросе, однако вряд ли целесообразным представляется в сельском поселении иметь свою общественную палату. Ведь в силу малочисленности в некоторых из них даже представительный орган не создается¹¹.

Во-вторых, общественные советы могут быть созданы в небольших по численности сельских и городских поселениях и распространят свою деятельность по общественному контролю на все муниципальное образование. А в городских округах и муниципальных районах дополнительно к создаваемым общественным палатам при органах местного самоуправления целесообразным видится формирование общественных советов, например, общественный совет при представительном органе муниципального района или общественный совет при местной администрации городского округа.

Т. Н. Михеева, Е. В. Маслов, анализируя роль общественных советов муниципальных образований в осуществлении общественного контроля, отмечают их в качестве одной из дополнительных форм взаимодействия общества и органов местного самоуправления, привносящей публичность и открытость в деятельность органов местного самоуправления¹². Общественные советы при муниципальных органах власти являются более мобильными структурами, чем общественные палаты. Они могут оперативно реагировать на недостатки в работе органов местного самоуправления, да и порядок формирования данных советов может быть значительно проще, чем у общественных палат муниципальных образований. Вызывает вопросы опять же правовая неупорядоченность по созданию муниципальных палат и советов. Сегодня не имеется каких-либо типовых положений об их формировании и деятельности, практика представляется довольно пестрой, не всегда укладывающейся в правовое поле.

В ежегодном докладе Общественной палаты Республики Марий Эл о ее деятельности в 2015 году отмечалась общая для многих регионов России тенденция, когда при выдвижении кандидатур в общественные советы отсутствовала альтернативность, сам процесс их выдвижения не основывался на открытости и гласности. В состав некоторых общественных советов включались бывшие сотрудники муниципальных органов (ушедшие на пенсию), было незначительным представительство молодежи, общественных организаций и т.п.¹³. Ситуация

10 Михеева Т. Н. О правовом регулировании общественного контроля в субъектах Российской Федерации // Вестник Марийского государственного университета. – 2016. – № 1 (5). – С. 75.

11 Михеева Т. Н. К вопросу об общественных палатах муниципальных образований // Актуальные проблемы экономики и права. – 2015. – № 1. – С. 90.

12 Михеева Т. Н., Маслов Е. И. О роли общественных советов муниципальных образований в осуществлении общественного контроля // Марийский юридический вестник. – 2016. – № 2 (17). – С. 21.

13 Ежегодный доклад о деятельности Общественной палаты Республики Марий Эл в 2015 году // Интернет-сайт Общественной палаты Республики Марий Эл. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://oprme.gov12.ru>.

9 Чеботарев Г. Н. Общественный контроль в системе местного самоуправления // Конституционное и муниципальное право. – 2017. – № 9. – С. 46.

не изменится к лучшему, пока не будет хотя бы общих правовых контуров регулирующих порядок формирования общественных советов. Необходимо дистанцировать органы местной власти от участия в образовании названной общественной структуры.

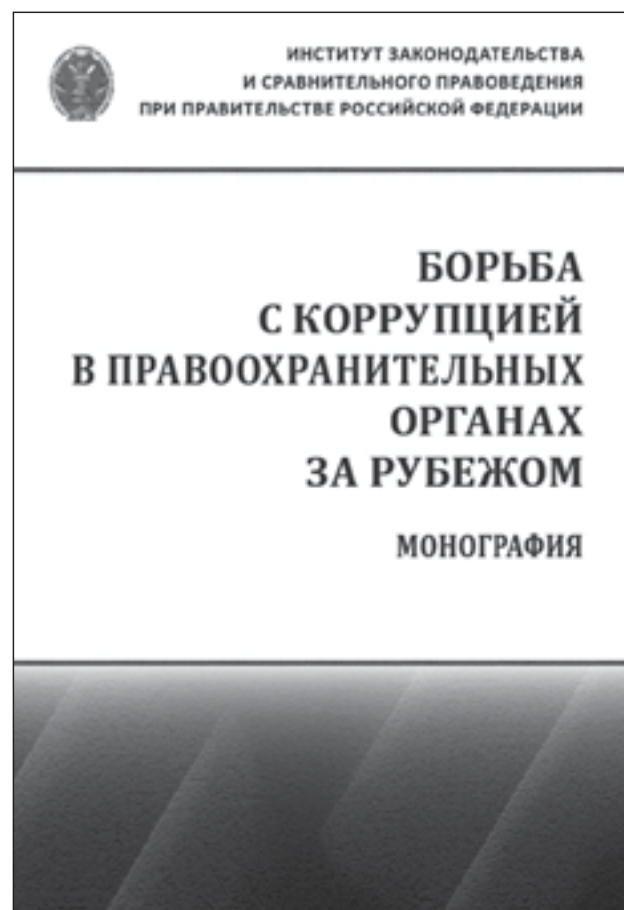
Вместе с тем в части общественного контроля большая нагрузка возлагается на муниципальные общественные палаты, в отношении которых дела также обстоят не столь оптимистично. В ряде муниципальных образований они действуют давно, в других – стали образовываться только после принятия Федерального закона «Об основах общественного контроля», а во многих они по-прежнему отсутствуют. Т.Н. Михеева считает, что активная роль в этом вопросе должна отводиться общественным палатам субъектов Российской Федерации¹⁴. Опять же напрашивается вывод о создании типовых положений о муниципальных общественных палатах. Нас не смущает, что для муниципального уровня власти предлагается разработать названные положения субъектами Федерации либо даже на федеральном уровне. Здесь нет никаких нарушений или ограничений прав муниципальных образований. Наоборот, подобные наработки избавят местное самоуправление от многих ошибок при формировании своих общественных структур. Задача сейчас общая – сделать общественный контроль жизнеспособным институтом, перейти от затянувшихся дискуссий к внедрению общественного контрольного института в практическую плоскость.

Пристатейный библиографический список

1. Гриб В. В. Место и роль общественных палат в системе общественного контроля в Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. – 2015. – № 5. – С. 33-38.
2. Долгих Ф. И. Общественный мониторинг как форма общественного контроля за деятельностью политических партий // Государственная власть и местное самоуправление. – 2018. – № 1. – С. 9-13.
3. Михеев Д. С., Михеева Т. Н. Роль гласности в осуществлении общественного контроля на муниципальном уровне // Вестник Российского университета кооперации. – 2016. – № 1 (23). – С. 120-123.
4. Михеева Т. Н. О некоторых проблемах муниципальной службы // Государственная служба. – 2002. – № 4 (8). – С. 102-107.
5. Михеева Т. Н. О правовом регулировании общественного контроля в субъектах Российской Федерации // Вестник Марийского государственного университета. – 2016. – № 1 (5). – С. 73-77.
6. Михеева Т. Н. К вопросу об общественных палатах муниципальных образований // Актуальные проблемы экономики и права. – 2015. – № 1. – С. 88-91.
7. Михеева Т. Н., Маслов Е. И. О роли общественных советов муниципальных образований в осуществлении общественного контроля // Марийский юридический вестник. – 2016. – № 2 (17). – С. 18-21.
8. Михеева Т. Н. Актуальные проблемы формирования региональных общественных палат // Конституционное и муниципальное право. – 2016. – № 8. – С. 52-55.

¹⁴ Михеева Т.Н. Актуальные проблемы формирования региональных общественных палат // Конституционное и муниципальное право. – 2016. – № 8. – С. 52-54.

9. Чеботарев Г. Н. Общественный контроль в системе местного самоуправления // Конституционное и муниципальное право. – 2017. – № 9. – С. 45-48.
10. Mikheev D. S., Mikheeva T. N. and Mokoseeva M. A. (2015). On the experience of legal regulation of the principle of local authorities in German law. Review of European Studies. Vol.7. No 8. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dx.doi.org/10.5539/res.v7n8p23>.
11. Mikheeva T. N., Likhoshva A. O. (2016). Modern approaches to publicity and independence of local government: experience of American municipalities. Mediterranean Journal of Social Sciences, 7 (1S1). 2016. P. 31-35. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dx.doi.org/10.5901/mjss.2016.v7n1s1p31>.

КОНОВАЛЮК Оксана Владимировна

аспирант кафедры государственного права Института истории и права Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова

ВНЕДРЕНИЕ ИНСТИТУТА ГОРОДСКИХ ОКРУГОВ С ВНУТРИГОРОДСКИМ ДЕЛЕНИЕМ

Исследование посвящено проблемам создания внутригородских районов в городских округах, и, в частности, проведен анализ состояния структуры местного самоуправления в Сибирском федеральном округе на различных исторических этапах ее развития, включая современные состояния административного деления округа. Выявляются как положительные, так и отрицательные последствия внедрения внутригородских районов в городских округах, чем собственно и обосновывается отказ Сибирского федерального округа от внедрения данного административного устройства.

Ключевые слова: городской округ с внутригородским делением, местное самоуправление, муниципальное образование.

KONOVALYUK Oksana Vladimirovna

postgraduate student of State law sub-faculty of the Institute of History and Law of the N. F. Katanov Khakass State University

INTRODUCTION OF INSTITUTE OF CITY DISTRICTS WITH INTRACITY DIVISION

The study is devoted to creation of inner city areas in urban districts and, in particular, the analysis of the structure of local government in the Siberian Federal district on various historical stages of its development, including the current status of administrative division in the County. Both positive and negative consequences of introducing inner city areas in urban districts are revealed, which actually.

Keywords: urban district with intracity division, local government, municipality.

Возможность создания внутригородских районов в городских округах закреплена в Федеральном законе от 27.05.2014 № 136-ФЗ «О внесении изменений в статью 26.3 Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации»¹ и Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»². Данный процесс есть ни что иное, как реформа в муниципальной сфере, причем вполне своевременная и разумная.

Эффективность таких преобразований заключается, по мнению В. Г. Кошкидько, в том, что установление границ городского округа обосновывается критериями финансового и организационного характера, как то: транспортная, социальная, инженерная, экономическая инфраструктуры, которые позволяют органам местного самоуправления принимать решения по вопросам местного значения, установленных Федеральным законом от 06.10.2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления» в отношении городского округа, и реализовывать отдельные полномочия, переходящие к данным органам согласно федерального и регионального законодательства³. В связи с чем, как показывает практика, возникают определенные трудности в процессе ре-

ализации муниципального управления на соответствующей территории.

Справедливости ради, стоит отметить, что все же, несмотря на ряд плюсов, имеющих место быть благодаря внедрению института внутригородских районов в городских округах, вопрос об эффективности такого реформирования местного самоуправления в России, а так же результативности внесения изменений в федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» продолжает оставаться дискуссионным.

Ранее существовавшая система местного самоуправления отличалась простотой структуры в виде гармонично функционирующей модели. Деление территории Российской Федерации подразумевало деление ее на сельские районы и города – областные центры. Районы, одновременно с этим, включали в себя города, поселки и сельские администрации, которые объединяли, главным образом, несколько сельских населенных пунктов. Поселки могли также входить в состав крупных городов. Такова была система местного самоуправления в период существования СССР.

Начало муниципальной реформы было положено принятием Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», которая послужила введению двухуровневой системы организации местного самоуправления в виде поселений и муниципальных районов, объединивших поселения и межселенные территории. Данные преобразования привели к снижению количества городов, некоторые из которых получили статус городских округов, а оставшаяся часть стала городскими поселениями. Сельские поселения по количеству так же подверглись сокращению⁴.

1 Федеральный закон «О внесении изменений в статью 26.3 Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» от 27.05.2014 № 136-ФЗ // Консультант Плюс.

2 Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» от 06.10.2003 № 131-ФЗ // Собрание законодательства РФ. - 2003. - № 40. - Ст. 3822.

3 Кошкидько В. Г. Изменения системы организации органов местного самоуправления в субъектах Российской Федерации в соответствии с Федеральным законом № 136-ФЗ // Государственное управление. Электронный вестник. - 2016. - № 57. - С. 107-108.

4 Ильиных А. В. Реформирование институциональных и территориальных основ местного самоуправления: от законодательных предписаний к опыту регионов // Вестник Челябинского государственного университета. - 2015. - № 17 (372). - С. 78.

Определенные преобразования, в связи с внедрением новых типов муниципальных образований: городские округа с внутригородским делением и внутригородские районы, должны были коснуться и Сибирского федерального округа, в состав которого на современном этапе входят 4 республики (Алтай, Бурятия, Тыва, Хакасия), 3 края (Алтайский, Забайкальский, Красноярский) и 5 областей (Иркутская, Кемеровская, Новосибирская, Омская, Томская). В округе имеется 4 муниципальных образований, в том числе 320 муниципальных районов. Однако, пока такие изменения не коснулись Сибирского федерального округа.

Отметим, что на протяжении 2001 – 2012 года количество территориальных единиц на территории Сибирского федерального округа менялось, преимущественно, в сторону сокращения. Так, в 2002 году в Красноярском и Алтайском краях, Иркутской, Читинской, Кемеровской областях, насчитывалось наибольшее количество территориальных единиц (в частности сельских администраций и поселков городского типа). Для указанного периода времени было характерно отсутствие городских районов (округов) в автономных округах (Эвенкийский, Таймырский, Усть-Ордынский Бурятский и Агинский Бурятский), поскольку автономные округа включали, главным образом, сельские администрации. Данные автономные округа отличались малочисленностью населения и малым количеством муниципальных образований.

По результатам объединения областей (краев) и располагающихся на их территории автономных округов в период с 2009 по 2013 гг., определенное количество субъектов утратило свою самостоятельность. Произошло их объединение и в итоге численность муниципальных образований уменьшилась⁵.

Ильиных обращает внимание на то, что в результате в Сибирском федеральном округе, был разработан перечень вопросов, относящийся к деятельности каждого типа муниципального образования, благодаря ему произошло разграничение полномочий по уровням публичной власти. Кроме того, благодаря реформе системы местного самоуправления, проведенной в Сибирском федеральном округе, были зафиксированы правила делегирования полномочий и принципы их финансового обеспечения.

Наряду с этим имеет место быть доминирование в составе муниципальных образований поселений (городских и сельских) в качестве второго уровня системы местного самоуправления⁶.

Необходимо обратить внимание не только на положительные, но и отрицательные моменты процесса муниципальной реформы в Сибирском федеральном округе, например, касающихся финансовых аспектов. Так, как подтверждает практика, двухуровневая система местного самоуправления, образованная в результате муниципальной реформы, и осуществляемая на базе поселений и муниципальных районов, привела к усилению централизации, и как следствие, повышению заинтересованности районных муниципальных администраций в сосредоточении ресурсов поселений из чего вытекает высокая степень финансовой зависимости муници-

палитетов поселений от вышестоящей власти. Кроме того, муниципальная реформа привела к появлению фактического банкротства многих муниципалитетов, находящихся на большом расстоянии от города, имеющих малую численность населения, и сформированных на основе объединения удаленных населенных пунктов на основании формальных критериев.

Более того, появление двухуровневой системы организации местного самоуправления предусматривает высокий уровень содержания управленческого персонала.

В результате муниципальной реформ в Сибирском федеральном округе, количество и виды муниципальных образований у субъектов округа различимы, однако имеет место быть общая направленность для отдельных типов субъектов (область, республика, край).

Что касается внедрения внутригородских муниципальных образований, то пока они сформированы в трех российских городах, непрочно и крайне слабо обеспечены в финансовом и имущественном отношении, возможно из-за своей неустойчивости данная модель муниципальных образований не нашла своего внедрения в Сибирском федеральном округе (лишь в перспективе). Слабость института городских округов с внутригородским делением отнюдь не говорит о его нежизнеспособности данного института, требующего своего укрепления и доработки.⁷

На данном этапе институт городских округов с внутригородским делением реализован только в трех городах: Челябинске, Самаре и Махачкале.

В целом отметим, что вживление института городских округов с внутригородским делением направлено на достижение цели приближения власти к населению. Однако, как показывает практика, основным итогом вышеобозначенных преобразований явилось повышение уровня управления политическими процессами в административных центрах регионов. Однако имеют место быть ограничения эффективности децентрализации власти.

Практика внедрения института городских округов с внутригородским делением не получила своего широкого распространения в рамках системы местного самоуправления в крупных российских городах, ввиду отсутствия заинтересованности большого количества регионов в реализации этой системы, и тому есть вполне очевидные причины. Первая из них – слабая разработанность и вероятность рисков. У внутригородских районов не имеется собственных финансовых источников. Кроме того, в регионах действует механизм ситуменеджеров, которые поддерживают работу системы контроля крупных городов главам регионов⁸.

Де-юре внутригородским районам на разрешение поставлено 13 вопросов местного значения, но на самом деле компетенция районов ограничена главным образом, решением вопросов благоустройства.

Отсюда следует, что каких-либо больших перемен в разрешении вопросов местного значения непосредственно после процесса образования городских округов с внутригородским делением, не случилось. Однако данный факт не умоляет зна-

5 Петрова Е. В. Проблемы и перспективы развития местного самоуправления в некоторых Сибирских регионах // Власть. - 2015. - № 3. - С. 56-57.

6 Ильиных А. В. Реформирование институциональных и территориальных основ местного самоуправления: от законодательных предписаний к опыту регионов // Вестник Челябинского государственного университета. - 2015. - № 17 (372). - С. 79.

7 Петрова Е. В. Проблемы и перспективы развития местного самоуправления в некоторых Сибирских регионах // Власть. - 2015. - № 3. - С. 58.

8 Кошкидько В. Г. Изменения системы организации органов местного самоуправления в субъектах Российской Федерации в соответствии с Федеральным законом № 136-ФЗ // Государственное управление. Электронный вестник. - 2016. - № 57. - С. 108-110.

чения института городских округов с внутригородским делением в плане его использования в процессе создания моделей управления городскими агломерациями. И, как уже было отмечено выше, увеличивается степень доступности власти, и возможность периферии оказывать влияние на центр.

Благодаря действию данного механизма появляется возможность у общественников-практиков претворить в жизнь внутригородские проекты, а так же создать благоприятные условия с целью развития территориального общественного самоуправления и системы общественных палат.

Многие эксперты склоняются к тому, что отказ от внедрения модели городских округов с внутригородским делением, будет ошибкой. Поэтому стоит говорить о ее укреплении и доработке. И в связи с этим, возникает необходимость законодательного закрепления соответствующих требований. Так, например, в принятии решения о создании внутригородского муниципального образования должны и могут принимать участие непосредственно само население или представительный орган городского округа. Данное решение должно найти свое закрепление в уставе муниципального образования.

Некоторые эксперты считают необходимостью введение нормы, в соответствии с которой решение о конвертации городского округа в городской округ с внутригородским делением должно быть обязательно принятым по итогам референдума. Но все же, если смотреть на перспективу института городских округов с внутригородским делением, становится очевидным, что последующее развитие данного института представляется в развитии непосредственно внутригородского самоуправления в территориальных сообществах с более выраженной идентичностью, самостоятельностью инфраструктуры и градостроительной обособленностью.

Пристатейный библиографический список

1. Захарова М. А. Способы территориального построения системы территориальных органов федеральных органов исполнительной власти // Ленинградский юридический журнал. - 2015. - № 1 (39). - С. 60-64.
2. Ильиных А. В. Реформирование институциональных и территориальных основ местного самоуправления: от законодательных предписаний к опыту регионов // Вестник Челябинского государственного университета. - 2015. - № 17 (372). - С. 77-84.
3. Ильиных А. В. Учет мнения населения при реализации права на осуществление местного самоуправления в контексте регулирования порядка создания городского округа с внутригородским делением // Юридическая наука и правоохранительная практика. - 2016. - № 4 (38). - С. 40-46.
4. Ильминская С. А. О финансовой самостоятельности муниципальных образований // Среднерусский вестник общественных наук. - 2015. - № 3. - С. 111-115.
5. Кошкидько В. Г. Изменения системы организации органов местного самоуправления в субъектах Российской Федерации в соответствии с Федеральным законом № 136-ФЗ // Государственное управление. Электронный вестник. - 2016. - № 57. - С. 107-111.
6. Петрова Е. В. Проблемы и перспективы развития местного самоуправления в некоторых Сибирских регионах // Власть. - 2015. - № 3. - С. 55-62.
7. Савоксул М. С. Мозаика городских пространств: экономические, социальные, культурные и экологические процессы: сборник трудов конференции. - М.: Географический факультет Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, 2016. - 278 с.
8. Чуева А. С. К вопросу о понятии и типологии муниципальных образований в современной России // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. - 2016. - № 1-2. - С. 25-31.

СИДОРОВ Сергей Александрович

доктор политических наук, доцент кафедры общеправовых дисциплин Дальневосточного института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции, г. Хабаровск

ДАНИЛОВ Николай Филиппович

кандидат педагогических наук, доцент кафедры общеправовых дисциплин Дальневосточного института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции, г. Хабаровск

ПИНЧУК Олег Владимирович

преподаватель кафедры административного и международного права Дальневосточного института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции, г. Хабаровск

ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ БЕРЕГОВОЙ ОХРАНЫ КАК ФОРМА РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ФУНКЦИИ ПО ГОСУДАРСТВЕННОМУ КОНТРОЛЮ В СФЕРЕ ОХРАНЫ МОРСКИХ БИОЛОГИЧЕСКИХ РЕСУРСОВ

В статье изложены теоретические аспекты форм реализации права. Обращается внимание на конкретные условия, при наличии которых появляется необходимость правоприменения как особой формы реализации права. Определены особенности правоприменительной деятельности подразделений береговой охраны при реализации государственной функции по государственному контролю в сфере охраны морских биологических ресурсов.

Ключевые слова: запрет, использование, исполнение, кодекс, правоприменительная деятельность, стадия, соблюдение, юридическая квалификация.

SIDOROV Sergey Aleksandrovich

Ph.D. in political sciences, associate professor of General legal disciplines sub-faculty of the all-Russian State University of Justice, Khabarovsk

DANILOV Nikolay Filippovich

Ph.D. in pedagogical sciences, associate Professor of General legal disciplines sub-faculty of the Far Eastern Institute (branch) of the all-Russian State University of Justice, Khabarovsk

PINCHUK Oleg Vladimirovich

lecturer of Administrative and international law sub-faculty of the Far Eastern Institute (branch) of the all-Russian State University of Justice, Khabarovsk

LAW ENFORCEMENT UNITS OF THE COAST GUARD AS A FORM OF REALIZATION OF THE STATE FUNCTION OF STATE CONTROL IN THE SPHERE OF PROTECTION OF SEA BIOLOGICAL RESOURCES

The article describes the theoretical aspects of the forms of realization of the right. Attention is drawn to the specific conditions under which there is a need for law enforcement as a special form of implementation of the right. The features of law enforcement activities of the coast guard units in the implementation of the state function of state control in the field of marine biological resources.

Keywords: prohibition, use, execution, code, law enforcement activity, stage, compliance, legal qualification.

Юридические нормы, как правила поведения, установленные государством, в том числе и в сфере охраны морских биологических ресурсов создаются для того, чтобы они практически претворялись в жизнь, чтобы достигались те цели, на которые рассчитывал законодатель при их установлении. Этот процесс в юридической литературе принято называть реализацией права, в рамках которой все субъекты права должны вести себя так, как предписывает законодательство, т.е. реализация права – это воплощение предписаний правовых норм в правомерное поведение людей в форме:

- использования субъективных прав;
- исполнения обязанностей;
- соблюдения запретов.

Под использованием права принято понимать такую форму реализации права, когда субъекты по своему усмотрению и желанию осуществляют предоставленные им права и возможности, удовлетворяют законные интересы.

Исполнение обязанностей – это активное поведение субъектов, предполагающее обязательное совершение, предусмотренных законом действий.

Соблюдение запретов – это наоборот пассивное поведение, которое предполагает воздержание от совершения запрещенных действий.

Указанные три формы реализации права, в ходе которых юридические нормы претворяются в жизнь непосредственно действиями самих субъектов общественных отношений, принято называть формами непосредственной реализации права¹. В таких формах реализуются многие нормы права, но не все.

В реальной действительности немало случаев, когда соблюдение, исполнение и использование оказываются недостаточными для обеспечения полной реализации юридических норм и требуется вмешательство в этот процесс компетентными органами, наделенными государственно-властными полномочиями. Например, получение разрешения на вылов (добычу) водных биологических ресурсов. Содействуя субъектам в осу-

1 Общая теория государства и права: Учебник / Под ред. В. В. Лазарева. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрист, 1996. – 472 с.; Матузов Н. И., Малько А. В. Теория государства и права: Учебник. – М.: Юрист, 2004. – 512 с.; Теория государства и права / М. Б. Смоленский. – Изд. 2-е. – Ростов н/Д: Феникс, 2007. – 282 с.

ществлении принадлежащих им прав, государственный орган применяет право.

Следовательно, применение права необходимо:

– когда предусмотренные юридическими нормами права и обязанности не могут возникнуть у конкретных субъектов без государственно-властной деятельности компетентных органов или должностных лиц;

– когда совершено правонарушение, и необходимо определить правонарушителю соответствующее наказание.

В юридической литературе сложилось множество определений понятия «применение права»:

– нередко оно трактуется как особая форма реализации права – рассмотрение и решение дел уполномоченными на то государственными органами или должностными лицами и принятие решений, определяющих юридическое значение установленных обстоятельств дела².

– иногда применение права определяется как властная деятельность компетентных органов и лиц по подготовке и принятию индивидуального решения по юридическому делу на основе юридических фактов и конкретных правовых норм³.

– по мнению других авторов⁴, применение права (правоприменительная деятельность) – это государственно-властная, организующая деятельность компетентных органов государства или уполномоченных на то должностных лиц по реализации правовых норм относительно конкретных жизненных случаев путем вынесения индивидуально конкретных правовых предписаний.

Нет необходимости перечислять все используемые в литературе определения, они лишь иллюстрируют неоднозначность и множественность подходов к понятию «применение права». В исследуемом плане гораздо важнее определить особенности правоприменительной деятельности подразделений береговой охраны при реализации государственной функции по государственному контролю в сфере охраны морских биологических ресурсов.

1. Правоприменительная деятельность подразделений береговой охраны при реализации государственной функции по государственному контролю в сфере охраны морских биологических ресурсов осуществляется в правоохранительной форме. Цель правоохранительной деятельности – контроль за соответствием деятельности субъектов права юридическим предписаниям, за ее правомерностью, а в случае обнаружения правонарушения – принятия соответствующих мер для восстановления нарушенного правопорядка, применение государственного принуждения к правонарушителям, создание условий, предупреждающих правонарушения.

2. Правоприменительная деятельность подразделений береговой охраны при реализации государственной функции по государственному контролю в сфере охраны морских биологических ресурсов связана с особыми приемами разрешения жизненных ситуаций, требует профессиональных знаний, навыков. Учитывая это, государство определяет специальных субъектов, наделяя их властными полномочиями для осуществления подобной деятельности.

В механизме правоприменительной деятельности подразделений береговой охраны при реализации государственной функции по государственному контролю в сфере охраны морских биологических ресурсов заранее определены должностные лица, наделенные правом осуществлять производ-

ство по делам об административных правонарушениях подведомственных пограничным органам. В соответствии с частью 2 статьи 23.10 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях рассматривать дела об административных правонарушениях, а следовательно осуществлять производство по делам об административных правонарушениях, от имени органов, указанных в части 1 статьи 23.10 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, вправе:

1) руководитель федерального органа исполнительной власти в области обеспечения безопасности, его заместители;

2) руководители подразделений, уполномоченных в сфере пограничной охраны и в сфере охраны морских биологических ресурсов, структурного подразделения федерального органа исполнительной власти в области обеспечения безопасности, их заместители;

3) начальники управлений, их заместители;

4) начальники служб и отрядов, их заместители;

5) начальники государственных морских инспекций, государственных специализированных инспекций, государственных зональных (районных) инспекций, специализированных отделов (отделений), их заместители;

6) старшие государственные инспектора Российской Федерации по государственному контролю в сфере охраны морских биологических ресурсов;

7) начальники отделов, коменданты пограничных комендатур, начальники подразделений пограничного контроля, их заместители;

8) начальники государственных участковых инспекций, государственных инспекторских постов;

9) государственные инспектора Российской Федерации по государственному контролю в сфере охраны морских биологических ресурсов;

10) командиры пограничных кораблей (катеров), капитаны пограничных патрульных судов (катеров);

11) начальники пограничных застав, отделений, радиотехнических и пограничных постов, их заместители;

12) государственные участковые инспектора Российской Федерации по государственному контролю в сфере охраны морских биологических ресурсов;

13) начальники подразделений процессуальной деятельности, их заместители, старшие дознаватели, дознаватели, старшие специалисты и специалисты по административному производству.

Необходимость участия в применении права перечисленных выше должностных лиц вызывается задачами защиты права от нарушений, поскольку привлечь к ответственности и назначить конкретную меру наказания за нарушение той или иной нормы права, а в данном случае в сфере охраны морских биологических ресурсов, без властного решения должностного лица, органа, судьи нельзя. В подобных случаях властный орган, судья или должностное лицо применяют санкцию юридической нормы, под которой принято понимать часть правовой нормы, предусматривающую меры воздействия, которые могут быть применены к нарушителю. Теория права, в зависимости от характера предусмотренных последствий, делит санкции правовых норм на:

– простые, устанавливающие один вид наказания. Например, часть 2 статьи 8.16 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях предусматривает ответственность за невыполнение капитаном судна, осуществляющего добычу (вылов) водных биологических (живых) ресурсов внутренних морских вод, территориального моря, континентального шельфа и (или) исключительной экономической зоны Российской Федерации, предусмотренных законодательством Российской Федерации обязанностей по ведению

2 Теория государства и права: Курс лекций / Под ред. М. Н. Марченко. – М.: ЗЕРЦАЛО, 1998. – 276 с.

3 Теория государства и права: Учебник для вузов. 2-е изд., изм. и доп. / Под ред. проф. В. М. Корельского и проф. В.Д. Первалова. – М.: Издательская группа НОРМА-ИНФРА-М, 2000. – 616 с.

4 Теория государства и права: учебное пособие / кол авторов; под ред. Е. И. Темнова. – М.: КНОРУС, 2007. – 384 с.

промышленного журнала, а равно внесение в него искаженных сведений. Санкцией данной правовой нормы определяется возможность применения одного вида наказания в виде административного штрафа в размере от пяти тысяч до десяти тысяч рублей;

– сложные, предусматривающие возможность применения нескольких видов наказания;

– альтернативные, предоставляющие правоприменителю возможность выбора одного из нескольких, предусмотренных правовой нормой, видов наказания;

– сложно-альтернативные. Например, часть 2 статьи 8.17 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях предусматривает ответственность за нарушение правил и требований, регламентирующих рыболовство во внутренних морских водах, в территориальном море, на континентальном шельфе, в исключительной экономической зоне Российской Федерации или открытом море. Санкция данной нормы является сложно альтернативной, поскольку устанавливает возможность наложения административного штрафа, например на граждан, в размере от одной второй до одного размера стоимости водных биологических ресурсов, явившихся предметом административного правонарушения, с конфискацией судна и иных орудий совершения административного правонарушения или без таковой.

3. Правоприменительная деятельность подразделений береговой охраны при реализации государственной функции по государственному контролю в сфере охраны морских биологических ресурсов осуществляется не произвольной форме, а в строго установленном законом порядке.

Основанием начала процесса применения правовых норм в деятельности подразделений береговой охраны при реализации государственной функции по государственному контролю в сфере охраны морских биологических ресурсов является наступление предусмотренных ими фактических обстоятельств, т.е. установление события, а затем состава соответствующего административного правонарушения. При этом необходимо получить истинное представление о фактах (установить объективную истину по делу), имеющих:

– отношение к данному случаю;

– важно отобрать только такие факты, которые для рассматриваемого случая имеют юридическое значение.

Вторая стадия правоприменительной деятельности – выбор правовой нормы, предусматривающей данный случай. Акт применения права должен основываться не только на объективном установлении и изложении фактических обстоятельств, но и содержать их правильную юридическую оценку. Правильный выбор правовой нормы является важным условием правоприменительной деятельности. Точная оценка фактических обстоятельств, в свете требований юридической нормы, регулирующей данный факт, носит название юридической квалификации обстоятельств дела. Юридическая квалификация установленных фактических обстоятельств на основе правильно выбранной правовой нормы предполагает определенный уровень юридических знаний, способность не только ориентироваться в отборе фактов действительности, но и умение выбрать официальный текст закона. При выборе нормы права, на основе которой осуществляется юридическая квалификация обстоятельств дела, важно установить действие закона во времени, в пространстве и по кругу лиц.

Согласно части 1 статьи 1.7 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях лицо, совершившее административное правонарушение, в том числе и в сфере охраны морских биологических ресурсов, по общему правилу подлежит административной ответственности только на основании закона, который действовал в момент, когда совершено административное правонарушение. При этом:

1) под словом «закон» в данном случае понимается сам Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях, а также законы субъектов Российской Федерации об административных правонарушениях;

2) действует ли закон, нужно судить:

– либо из текста самого закона (где указывается день вступления его в действие);

– либо из текста специального закона, регулирующего порядок и дату его вступления в силу (примером может служить Закон № 196, он устанавливает, что Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях вступает в силу с 01.07.2002, статья 1)⁵;

– либо нормами Федерального закона от 14.06.94 № 5-ФЗ «О порядке опубликования и вступления в силу федеральных конституционных законов, федеральных законов, актов палат Федерального Собрания». В статье 6 этого Закона указано, что федеральные законы вступают в силу по истечении 10 дней после дня их официального опубликования, если самими законами не установлен иной порядок вступления их в силу⁶.

Специальные правила действия законодательства об административных правонарушениях во времени предусмотрены в части 2 статьи 1.7 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, согласно которой закон:

– смягчающий или отменяющий административную ответственность за административное правонарушение либо иным образом улучшающий положение лица, совершившего административное правонарушение, имеет обратную силу, то есть распространяется и на лицо, которое совершило административное правонарушение до вступления такого закона в силу и в отношении которого постановление о назначении административного наказания не исполнено;

– устанавливающий или отягчающий административную ответственность за административное правонарушение либо иным образом ухудшающий положение лица, обратной силы не имеет.

Следующая стадия правоприменительной деятельности – вынесение решения по делу на основе правильно выбранной, т. е. действующей и охватывающей данный случай юридической нормы.

Данные стадии правоприменительной деятельности полностью соответствуют конкретным стадиям производства по делам об административных правонарушениях в сфере охраны морских биологических ресурсов.

Установление фактических обстоятельств и квалификация правонарушения осуществляется на стадии возбуждения дела об административном правонарушении.

Иногда предварительное установление фактических обстоятельств и сбор доказательств осуществляется одним должностным лицом, а вынесение постановления по делу об административном правонарушении – другим должностным лицом, органом или судьей на стадии рассмотрения дела об административном правонарушении.

Законодатель, определяя подведомственность дел об административных правонарушениях, в том числе и в сфере охраны морских биологических ресурсов, установил следующие правила:

– в соответствии со статьей 23.2 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях районные (городские), районные в городах комиссии по делам несовершеннолетних

5 Федеральный закон от 30 декабря 2001 г. № 196-ФЗ «О введении в действие Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» (с изменениями и дополнениями).

6 Федеральный закон от 14 июня 1994 г. № 5-ФЗ «О порядке опубликования и вступления в силу федеральных конституционных законов, федеральных законов, актов палат Федерального Собрания» (с изменениями и дополнениями).

шеннолетних и защите их прав рассматривают дела об административных правонарушениях, совершенных несовершеннолетними;

– согласно части 3 статьи 23.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях дела об административных правонарушениях, производство по которым осуществляется в форме административного расследования, рассматриваются судьями районных судов;

– категории дел, перечисленные в части 2 статьи 23.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, касающиеся правонарушений, которые могут повлечь – в качестве дополнительного административного наказания – конфискацию орудия совершения или предмета административного правонарушения, должны передаваться для рассмотрения судьей. Анализ положений части 2 статьи 3.7 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях показывает, что:

1) они посвящены такому виду административного правонарушения, как конфискация орудий совершения административного правонарушения. Например, в соответствии частью 2 статьи 8.37 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях «Нарушение правил, регламентирующих рыболовство, за исключением случаев, предусмотренных частью 2 статьи 8.17 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» допускается конфискация судна и других орудий добычи (вылова) водных биологических ресурсов;

2) конфискация представляет собой принудительное и безвозмездное изъятие судна и других орудий добычи (вылова) водных биологических ресурсов у лица, совершившего административное правонарушение;

3) конфискация как мера административного наказания, может назначаться только судьей.

Однако во всех случаях правоприменительный орган, при вынесении постановления по делу об административном правонарушении, обязан убедиться в достаточности доказательств и их обоснованности.

Все указанные действия служат одной цели – правильной квалификации фактов для признания лица виновным в совершении правонарушения и назначения справедливого наказания, а значит, упрочению законности и правопорядка в сфере охраны морских биологических ресурсов.

Таким образом, правоприменительная деятельность подразделений береговой охраны при реализации государственной функции по государственному контролю в сфере охраны морских биологических ресурсов:

1) осуществляется в форме правоохранительной деятельности;

2) направлена на реализацию санкций административно-правовых норм, предусматривающих ответственность за административные правонарушения в сфере охраны морских биологических ресурсов;

3) по общему правилу, должностные лица подразделений береговой охраны при реализации государственной функции по государственному контролю в сфере охраны морских биологических ресурсов, по административным правонарушениям, подведомственным пограничным органам, осуществляют производство по делу об административном правонарушении в полном объеме, включая стадии:

– возбуждения дела об административном правонарушении;

– рассмотрения дела об административном правонарушении;

– исполнение постановления по делу об административном правонарушении;

– пересмотр в случае обжалования постановления по делу об административном правонарушении вышестоящему должностному лицу, осуществляющему государственный контроль в сфере охраны морских биологических ресурсов;

4) в некоторых случаях, правоприменительная деятельность должностных лиц подразделений береговой охраны при реализации государственной функции по государственному контролю в сфере охраны морских биологических ресурсов ограничивается только стадией возбуждения дела об административном правонарушении:

– когда административные правонарушения в сфере охраны морских биологических ресурсов совершены несовершеннолетними;

– если по делу об административном правонарушении назначается административное наказание в виде конфискации;

– при проведении делу об административном правонарушении административного расследования;

5) при обнаружении фактов, препятствующих осуществлению производства по конкретному делу, должностным лицам подразделений береговой охраны при реализации государственной функции по государственному контролю в сфере охраны морских биологических ресурсов, предоставлено право, составлять протоколы об административных правонарушениях, предусмотренных:

– пунктом 14 части 2 статьи 28.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях;

– абзацами 2 и 3 части 3 статьи 28.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях;

– пунктом 12 части 5 статьи 28.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях.

Пристатенный библиографический список

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях. – М.: ЭКСМО, 2015.
2. Федеральный закон от 30 декабря 2001 г. № 196-ФЗ «О введении в действие Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» (с изменениями и дополнениями).
3. Федеральный закон от 14 июня 1994 г. № 5-ФЗ «О порядке опубликования и вступления в силу федеральных конституционных законов, федеральных законов, актов палат Федерального Собрания» (с изменениями и дополнениями).
4. Матузов Н. И., Малько А. В. Теория государства и права: Учебник. – М.: Юристъ, 2004. – 512 с.
5. Общая теория государства и права: Учебник / Под ред. В. В. Лазарева. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юристъ, 1996. – 472 с.
6. Теория государства и права: Учебник для вузов. 2-е изд., изм. и доп. / Под ред. проф. В. М. Корельского и проф. В. Д. Перевалова. – М.: Издательская группа НОРМА-ИНФРА-М, 2000. – 616 с.
7. Теория государства и права: учебное пособие / кол авторов; под ред. Е. И. Темнова. – М.: КНОРУС, 2007. – 384 с.
8. Теория государства и права: Курс лекций / Под ред. М. Н. Марченко. – М.: ЗЕРЦАЛО, 1998. – 276 с.
9. Теория государства и права: учебник / М. Б. Смоленский. – Изд. 2-е. – Ростов н/Д: Феникс, 2007. – 282 с.

ВЛАСЕНКО Валерий Николаевич

кандидат юридических наук, заместитель заведующего кафедрой земельного и экологического права Российского государственного университета правосудия

МУРАВЬЕВА Марина Сергеевна

аспирант кафедры земельного и экологического права Российского государственного университета правосудия

НОРМАТИВНАЯ ОСНОВА ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ПРАВ НА ЗЕМЛЮ ДЛЯ РАЗМЕЩЕНИЯ ЛИНЕЙНЫХ ОБЪЕКТОВ: СОСТОЯНИЕ И НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ

Статья посвящена общей характеристике нормативной основы правового регулирования отношений, связанных с возникновением прав на землю для размещения линейных объектов, ее современному состоянию и тенденциям развития. В контексте указанной темы автор обращается к проблеме разграничения сфер действия гражданского и земельного права и законодательства при регулировании имущественных отношений по поводу земли, а также к вопросу о допустимых пределах правотворчества субъектов Российской Федерации в указанной сфере отношений. В статье приводятся особенности размещения линейных объектов, обуславливающие появление специфики нормативной регламентации отношений, связанных с возникновением прав на землю.

Ключевые слова: правовое регулирование, линейные объекты, права на землю, земельное право, гражданское право, межотраслевой подход.

VLASENKO Valeriy Nikolaevich

Ph.D. in Law, Deputy Head of Land and environmental law sub-faculty of the Russian State University of Justice

MURAVJEVA Marina Sergeevna

postgraduate student of Land and environmental Law sub-faculty of the Russian State University of Justice

THE NORMATIVE FRAMEWORK OF LEGAL REGULATION OF THE ACCRUAL OF LAND RIGHTS FOR THE PLACEMENT OF LINEAR OBJECTS: THE STATE AND DIRECTION OF DEVELOPMENT

This article is devoted to the general characteristics of the regulatory framework of legal regulation of relations related to the accrual of land rights for the placement of linear objects, its current state and development trends. In the context of this topic, the author demonstrates the problem of differentiation of the spheres of civil and land law and legislation in the regulation of property relations over land, as well as the question of the permissible limits of lawmaking of the subjects of the Russian Federation in the mentioned sphere of relations. The article shows the features of the placement of linear objects, causing the emergence of the specifics of the normative regulation of relations associated with the accrual of land rights.

Keywords: legal regulation, linear objects, land rights, land law, civil law, intersectoral approach.

В юридической литературе можно обнаружить несколько подходов к определению понятия «правовое регулирование». А. В. Малько, Н. И. Матузов рассматривают правовое регулирование как осуществляемое всей системой юридических средств воздействие на общественные отношения с целью их упорядочения. Правовое регулирование, по их мнению, не тождественно правовому воздействию как взятому в единстве и многообразии процессу влияния права на социальную жизнь, сознание и поведение людей¹. Ю. А. Тихомиров определяет правовое регулирование в качестве институционального и познавательного механизма установления нормативно-юридических правил поведения (деятельности), обязательных или рекомендательных, их обеспечения и реализации². Он подчер-

кивает важнейшее место правовых актов в системе правового регулирования, поскольку именно в них выражен основной интеллектуально-волевой «заряд» воздействия на поведение людей и все виды их деятельности.³ Опираясь на понимание правового регулирования как «нормативного регламентирования общественных отношений», Н. А. Власенко указывает на выделяемые учеными три стадии правового регулирования: 1) разработка и принятие нормативных правовых актов (стадия «формирования нормативной основы правового регулирования»); 2) возникновение конкретных прав и обязанностей у субъектов правовых отношений на основе юридических норм и юридических фактов (стадия «конкретизации норм права»); 3) реализация субъективных прав и юридических обязанностей⁴. В свою очередь В. В. Ершов, проводя границу между пра-

Власенко В. Н.

Муравьева М. С.

1 Матузов Н. И., Малько А. В. Теория государства и права: учебник. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2017. С. 508.

2 Тихомиров Ю. А. Правовое регулирование: теория и практика. М., 2010. С. 27.

3 Там же. С. 229

4 Власенко Н. А. Теория государства и права: научно-практическое пособие для самостоятельной подготовки студентов всех форм об-

вовым регулированием и индивидуальным регулированием общественных отношений, делает акцент на том, что правовое регулирование осуществляется посредством реализации только принципов и норм права, например, основополагающих (общих) и (или) специальных принципов, а также норм права, содержащихся в единой, развивающейся и многоуровневой системе форм национального и (или) международного права, реализующихся в государстве⁵. В узком смысле, в качестве деятельности государства и общества по подготовке и принятию нормативных правовых актов, предлагает определять правовое регулирование В. М. Сырых⁶.

С учетом значимости нормативных правовых актов в системе правового регулирования общественных отношений, в том числе отношений, связанных с возникновением прав на землю для размещения линейных объектов⁷, особый интерес представляет именно нормативная основа правового регулирования указанных отношений, ее текущее состояние и направления развития.

Рассмотрение данного вопроса целесообразно начать с выявления специфики размещения линейных объектов, предопределяющей появление особенностей нормативной регламентации отношений, связанных с возникновением прав на землю.

Так, линейные объекты могут располагаться под землей, на земле и над землей, в силу значительной протяженности могут размещаться в границах большого количества земельных участков, принадлежащих разным правообладателям⁸.

М. В. Бочаров обоснованно указывает на то, что размещение большинства линейных объектов, как правило, не препятствует использованию земельных участков по целевому назначению, при этом размещение лишь некоторых видов линейных объектов исключает возможность использования земельного участка для каких-либо иных целей (речь идет о дорогах, наземных участках трубопроводов и электросетей)⁹. В пояснительной записке к проекту федерального закона «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации в части упрощения строительства, реконструкции, капитального ремонта и (или) эксплуатации линейных объектов» также подчеркивается, что значительную часть линейных объектов (кроме автомобильных и железных дорог) можно разместить на земельном участке, не прерывая текущую хозяйственную деятельность на нем¹⁰.

Организации, эксплуатирующие линейные объекты (в частности, подземные), могут испытывать потребность в использовании земельных участков лишь в период проведения ремонта и реконструкции таких объектов.

Кроме того, нельзя не учитывать и интерес государства, местного самоуправления в создании и эксплуатации большинства линейных объектов, в том числе принадлежащих частным собственникам, их экономическую и социальную значимость, а также отнесение ряда линейных объектов к источникам повышенной опасности (в частности, опасным производственным объектам). Значимость линейных объектов и опасный характер деятельности по их эксплуатации приводят к необходимости создания вокруг указанных объектов зон с особыми условиями использования территории (охранных зон) с целью охраны окружающей среды, жизни и здоровья граждан и (или) самого линейного объекта от негативного воздействия, в границах которых устанавливаются нормативно закреплённые ограничения в осуществлении хозяйственной и иной деятельности, а также обязанности правообладателей земельных участков по поддержанию земельных участков и их частей в границах зоны в состоянии, соответствующем цели ее установления¹¹.

Все эти факторы обуславливают специфику правового регулирования отношений, связанных с возникновением прав на землю для размещения линейных объектов, в том числе в части объектов и субъектов таких отношений.

Одним из ключевых вопросов в контексте рассмотрения текущего состояния нормативной основы возникновения прав на землю для размещения линейных объектов является вопрос об отраслевой принадлежности норм, регулирующих рассматриваемые отношения.

Как следует из пункта 1 статьи 2 Гражданского кодекса Российской Федерации¹² (далее – ГК РФ), основания возникновения и порядок осуществления права собственности и других вещных прав определяет гражданское законодательство. Причем нормы гражданского права, содержащиеся в других законах, должны соответствовать ГК РФ (абз. 2 п. 2 ст. 3 ГК РФ).

Одновременно с этим, в силу пункта 3 статьи 3 Земельного кодекса Российской Федерации¹³ (далее – ЗК РФ) имущественные отношения по владению, пользованию и распоряжению земельными участками, а также по совершению сделок с ними регулируются гражданским законодательством, если иное не предусмотрено земельным, лесным, водным законодательством, законодательством о недрах, об охране окружающей среды, специальными федеральными законами. ЗК РФ прямо указывает на то, что оборот земельных участков осуществляется в соответствии с гражданским и земельным законодательством (п. 1 ст. 27 ЗК РФ), права на земельные участки, предусмотренные главами III и IV ЗК РФ, возникают по основаниям, установленным гражданским законодательством, федеральными законами (п. 1 ст. 25 ЗК РФ).

Проблема размежевания норм земельного и гражданского права и законодательства, в том числе при регулирова-

соответствии с публикацией на сайте <http://asozd.duma.gov.ru/> по состоянию на 30 мая 2017 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

11 Золотова О. А. Правовой режим земель охранных зон: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. С. 66.

12 Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): федеральный закон от 30 нояб. 1994 г. № 51-ФЗ // Собрание Законодательства Российской Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301.

13 Земельный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 25 окт. 2001 г. № 136-ФЗ // Собрание Законодательства Российской Федерации. 2001. № 44. Ст. 4147.

учения. М.: ИД «Юриспруденция», 2009. С. 231.

5 Ершов В. В. Правовое и индивидуальное регулирование общественных отношений: монография. М.: РГУП, 2018. С. 394-395.

6 Сырых В. М. Теория государства и права: учебник. М.: Былина, 1998. С. 128.

7 Согласно подпункту 7 пункта 5 статьи 27 Земельного кодекса Российской Федерации (в редакции Федерального закона от 23 июня 2014 г. № 171-ФЗ «О внесении изменений в Земельный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации») размещение объектов определяется как их строительство, реконструкция и (или) эксплуатация.

8 Волков Г. А., Голиченков А. К., Хаустов Д. В. Проблемы совершенствования правового регулирования публичных сервитутов для обеспечения строительства и функционирования линейных сооружений // Экологическое право. 2006. № 2; Краснова Т. С. Сервитутные типы обременений права собственности на недвижимое имущество в современном российском праве // Закон. 2017. № 3. С. 143-154.

9 Бочаров М. Оформление прав на землю под линейными объектами // ЭЖ-Юрист. 2005. № 45.

10 Пояснительная записка «К проекту федерального закона «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации в части упрощения строительства, реконструкции, капитального ремонта и (или) эксплуатации линейных объектов» (в

нии оборота земельных участков, приобрела особую остроту в начале 90-х годов прошлого столетия с введением частной собственности на землю и включением земельных участков в гражданский оборот. Однако в дискуссиях по данному вопросу точка не поставлена до сих пор¹⁴.

Представители науки гражданского права в большинстве своем утверждают, что отношения по поводу земельных участков, являющихся объектами права собственности и иных вещных прав на землю, должны регулироваться гражданским правом (в исключительном либо приоритетном порядке)¹⁵. Так, во вступительной статье к монографии А. В. Копылова «Вещные права на землю в римском, русском дореволюционном и современном российском гражданском праве» Е. А. Суханов пишет, что «право собственности и другие вещные права на землю и сделки с земельными участками между различными собственниками и субъектами иных вещных прав, включая фактически допускаемое законом наследование земельных участков, т.е. их оборот как часть имущественного, гражданско-правового оборота, в настоящее время, безусловно, являются институтами гражданского (частного) права»¹⁶. С. А. Сеницын также отмечает, что «по своей сути вопросы владения, пользования и распоряжения земельными участками как объектами прав являются предметом регулирования именно гражданского, а не отраслевого природоресурсного законодательства, что вполне ясно из самих целей регулирования правоотношений»¹⁷.

Среди представителей науки земельного права преобладает позиция, согласно которой имущественные отношения по поводу оборота земельных участков как объектов недвижимости являются земельными отношениями, в регулировании которых приоритетом пользуются нормы земельного права¹⁸. Этот подход обосновывается тем, что земля – «единственный объект правового регулирования, независимо от того, какую сущность она проявляет», это природный объект, «важнейший элемент природного комплекса» и в силу этого недвижимое имущество особого рода, поэтому чисто цивилистический подход к его обороту не применим¹⁹. Е. А. Галиновская обращает внимание на то, что, именуя отношения по поводу использования

земельных участков имущественными, законодатель отнюдь не преследовал цель отказать данному кругу отношений в статусе отношений земельных, правовое регулирование которых нацелено на обеспечение в обществе баланса публичных и частных интересов при использовании земли²⁰. Схожую точку зрения высказывает А. И. Абрамова в контексте исследования проблем субсидиарного применения правовых норм: регулирование земельных отношений, связанных с недвижимостью, нормами гражданского законодательства не означает их превращения в гражданско-правовые, однако бесспорно свидетельствует о приобретении ими характера «пограничных»²¹.

Подходы представителей науки гражданского права и представителей науки земельного права примиряют сторонники «межотраслевой концепции» («концепции межотраслевых принципов и институтов»). Последние полагают, что гражданское право и земельное право совместно регламентируют имущественные отношения по поводу земли в тесной взаимосвязи и взаимовлиянии в рамках целостного объективно существующего межотраслевого образования на стыке этих отраслей²². Согласно этой концепции необходимо найти «свое место» в указанном образовании для гражданского и земельного права, а не спорить о приоритете одного законодательства перед другим²³. Например, Е. В. Сырых, определяя место земельного законодательства, полагает, что оно должно регулировать имущественные отношения, связанные с землей, лишь в той мере, в которой это необходимо для защиты публичных прав граждан на землю как основу их жизни и деятельности²⁴. По мнению же Н. Г. Нарышевой, при решении вопроса о соотношении гражданского и земельного законодательства следует исходить из того, что последнее регулирует все общественные отношения, связанные с осуществлением права государственной и муниципальной собственности, а также иные имущественные отношения, в отношении субъектов которых осуществляется специфическое воздействие в публичных интересах²⁵.

Учитывая, что земля в регулируемых законодательством отношениях одновременно выступает в трех качествах (как природный объект, природный ресурс и недвижимое имущество) следует согласиться с тем, что имущественные отношения по поводу земли, в том числе складывающиеся по поводу возникновения прав на землю, имеют межотраслевой характер. Поэтому задача науки состоит в выработке методологии идентификации релевантной нормы законодательства, регулирующей указанные

14 Рыженков А. Я. Принципы земельного права : монография. М.: Юрлитинформ, 2017. С. 95; Голиченков А. К. Комментарий к главе 1 Земельного кодекса Российской Федерации // Волков Г. А., Голиченков А. К., Козырь О. М. Комментарий к Земельному кодексу Российской Федерации / под ред. А. К. Голиченкова. М., 2002. С. 22.

15 Крашенинников П. В. Взаимосвязь частноправовых отраслей законодательства (гражданское, семейное, жилищное и земельное) // Закон. 2017. № 2. С. 97; Сеницын С. А. Прогноз развития имущественных отношений: правопонимание, гражданское законодательство // Законы России: опыт, анализ, практика. 2017. № 1. С. 84-89; Суханов Е. А. Проблемы вещного права в современном российском праве // Журнал российского права. 2016. № 4. С. 33-38.

16 Суханов Е. А. Вступительная статья к книге: Копылов А. В. Вещные права на землю в римском, русском дореволюционном и современном российском гражданском праве. М.: Статут, 2000. С. 4, 5.

17 Сеницын С. А. Прогноз развития имущественных отношений: правопонимание, гражданское законодательство // Законы России: опыт, анализ, практика. 2017. № 1. С. 84-89.

18 Крассов О. И. Земельное право: учебник. М.: Норма: ИНФРА-М, 2017. С. 51; Боголюбов С. А. Земельное законодательство и Концепция развития гражданского законодательства // Журнал российского права. 2010. № 1; Жариков Ю. Г. Нормы гражданского права в сфере земельных отношений // Журнал российского права. 2011. № 11. С. 33-39.

19 Анисимов А. П., Пандаков К. Г., Черноморец А. Е. Соотношение земельного и гражданского права: вопросы теории // Бюллетень нотариальной практики. 2009. № 5. С. 40-44; Ковалева И. С. Особенности возникновения и реализации прав на землю: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. С. 51; Карлова Н. В. Возникновение,

изменение и прекращение прав на землю в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. С. 43.

20 Все о земельных отношениях / С. А. Боголюбов, Е. А. Галиновская, Е. Л. Минина, В. В. Устюкова. М.: Проспект, 2010. С. 9.

21 Абрамова А. И. Субсидиарное применение правовых норм как способ оптимизации законодательного регулирования // Журнал российского права. 2013. № 10. С. 46-55.

22 Рыженков А. Я. Принципы земельного права : монография. М.: Юрлитинформ, 2017. С.103; Анисимов А. П., Рыженков А. Я., Чаркин С. А. Теоретические проблемы соотношения норм земельного и гражданского права в контексте дискуссии о системе права // Современное право. 2011. № 7. С. 7; Анисимов А. П., Мелихов А. И. Правовой режим земельных участков: новый межотраслевой подход к соотношению норм гражданского и земельного права // Право и экономика. 2008. № 12.

23 Анисимов А. П., Рыженков А. Я., Чаркин С. А. Указ. соч. С. 7.

24 Сырых Е. В. К вопросу о предмете земельного права // Ленинградский юридический журнал. 2007. № 1. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-predmete-zemelnogo-prava> (дата обращения: 20.01.2018).

25 Нарышева Н. Г. Государственная политика и правовое регулирование земельных отношений // Экологическое право. 2016. № 3. С. 35-41.

отношения. Основа данной методологии видится, на наш взгляд, в определении ключевой цели правового регулирования соответствующих отношений. К примеру, если такой целью является эффективная защита имущественных прав правообладателей земельных участков, то в этом случае регулирование должно осуществляться нормами гражданского законодательства.

Проблема разграничения сферы действия земельного и гражданского законодательства при регулировании имущественных отношений по поводу земли напрямую затрагивает вопрос о допустимых пределах правотворчества субъектов Российской Федерации в указанной сфере отношений. Дело в том, что согласно пункту «о» статьи 71 Конституции Российской Федерации²⁶ гражданское законодательство относится к ведению Российской Федерации. Определение условий и порядка пользования землей также должно осуществляться на федеральном уровне (часть 3 статьи 36 Конституции Российской Федерации). Вопросы владения, пользования и распоряжения землей, земельное законодательство находятся в совместном ведении Российской Федерации и субъектов Российской Федерации (пункты «в», «к» части 1 статьи 72 Конституции Российской Федерации)²⁷.

Придерживаясь межотраслевого подхода к регулированию имущественных отношений по поводу земли, можем констатировать, что субъекты Российской Федерации вправе принимать нормативные правовые акты, регламентирующие отдельные вопросы возникновения прав на землю, в том числе для размещения линейных объектов. Следует, однако, иметь в виду, что субъекты Российской Федерации не обладают существенными полномочиями в регулировании вопросов, отнесенных к предмету совместного ведения, в том числе земельных отношений²⁸.

Так, в соответствии со статьей 76 Конституции Российской Федерации по предметам совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации издаются федеральные законы и принимаемые в соответствии с ними законы и иные нормативные правовые акты субъектов Российской Федерации (часть 2); законы и иные нормативные правовые акты субъектов Российской Федерации не могут противоречить федеральным законам, принятым по предметам ведения Российской Федерации и по предметам совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов (часть 5).

26 Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г. (с учетом поправок, внесенных Законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30 дек. 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 дек. 2008 г. № 7-ФКЗ, от 5 фев. 2014 г. № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ) // СЗ РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.

27 Градостроительное законодательство, регулирующее наряду с земельным законодательством правовой режим земельных участков, не поименовано в статье 72 Конституции Российской Федерации. Вместе с тем, согласно позиции Конституционного Суда Российской Федерации, выраженной в Определении от 1 дек. 2005 г. № 468-О, «законодательство о градостроительной деятельности в своей основе находится, как и административное, земельное, водное, лесное законодательство, законодательство об охране окружающей среды, в совместном ведении Российской Федерации и субъектов Российской Федерации, несмотря на отсутствие специального указания на него как обособленную отрасль в статье 72 Конституции Российской Федерации».

28 Аверьянова Н. Н. Законотворческие полномочия субъектов Российской Федерации в сфере земельных отношений // Нотариус. 2017. № 2. С. 30-34; Умеренко Ю. А. Особенности правового регулирования земельных отношений в городах федерального значения Москве и Санкт-Петербурге на федеральном уровне // Современное право. 2012. № 4. С. 63-71; Мушинский М. А. Проблемы диагностики правотворческих дефектов: научно-практическое пособие. Иркутск: Ин-т законодательства и правовой информации им. М. М. Сперанского, 2009. С. 55.

Субъекты Российской Федерации не вправе устанавливать основания возникновения прав на землю, которые согласно пункту 1 статьи 25 ЗК РФ регламентируются исключительно «гражданским законодательством, федеральными законами». Регулирование оснований возникновения прав на землю на федеральном уровне объясняется исследователями необходимостью обеспечения единого экономического пространства (статья 8 Конституции Российской Федерации) и равного доступа граждан и юридических лиц к приобретению земельных участков в собственность (пункт 2 статьи 15 ЗК РФ)²⁹.

Важно также учитывать, что нерешенным на сегодняшний день является вопрос о том, могут ли законы субъектов Российской Федерации, регулирующие земельные отношения, содержать нормы гражданского права³⁰. Этот вопрос особенно актуален для имеющих «пограничный» характер отношений возникновения прав на землю. В этой связи учеными предлагается признание и земельного, и гражданского законодательства либо предметом исключительного ведения Российской Федерации, либо предметом совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов³¹. В этом контексте следует, на наш взгляд, поддержать позицию Г. А. Гаджиева, согласно которой в статьях 71-73 Конституции Российской Федерации имеются в виду нормативные акты, а не отдельные правовые нормы, ибо последние не существуют сами по себе, вне рамок правовых актов, следовательно, в ведении Российской Федерации находится только принятие кодифицированных гражданских законов, что не исключает права субъектов Российской Федерации включать в свои законы отдельные гражданско-правовые нормы, не противоречащие федеральным гражданско-правовым нормам³².

Таким образом, полагаем, что нормативные правовые акты, регламентирующие отношения, связанные с возникновением прав на землю для целей размещения линейных объектов, могут приниматься как на федеральном уровне, так и на уровне субъектов Российской Федерации.

Каркас правового регулирования рассматриваемых отношений заложен в Конституции Российской Федерации. В. В. Ершов справедливо именует Конституцию своеобразной «дорожной картой» для правотворческих и правоприменительных органов в процессе выработки и применения специальных принципов и норм права в иных национальных правовых актах, правовых договорах и обычаях права³³. В частности, согласно части 2 статьи 9 Конституции Российской Федерации земля и другие природные ресурсы могут находиться в частной, государственной, муниципальной и иных формах собственности. В части 1 статьи 36 Конституции Российской Федерации прямо установлено, что граждане и их объединения вправе иметь в частной собственности землю. В соответствии с частью 2 указанной статьи владение, пользование и распоряжение землей и другими природными ресурсами осуществляются их собственниками свободно, если это не наносит ущерба окружающей среде и не нарушает прав и законных интересов иных лиц.

Федеральные законы, регулирующие отношения по поводу возникновения прав на землю для целей размещения линейных объектов, представляется целесообразным разделить на две группы: 1) федеральные законы, устанавливающие

29 Карлова Н. В. Указ. соч. С. 51.

30 Анисимов А. П., Мелихов А. И. Проблемы разграничения совместных предметов ведения Российской Федерации и ее субъектов // Конституционное и муниципальное право. 2013. № 1. С. 45-50.

31 Рыженков А. Я. Принципы земельного права. Указ. соч. С. 104.

32 Гаджиев Г. А. Разграничение предметов ведения и полномочий в экономической сфере: юридико-технический аспект // Федерализм. 1998. № 1. С. 94.

33 Ершов В. В. Указ. соч. С. 557.

общие правила возникновения прав на землю для размещения линейных объектов; 2) специальные федеральные законы, устанавливающие особенности правового регулирования возникновения прав на землю для размещения линейных объектов, принятие которых, как правило, связано с необходимостью подготовки к проведению общегосударственных мероприятий либо обеспечения развития отдельных территорий.

Общее правовое регулирование указанных отношений осуществляет ряд федеральных законов различной отраслевой принадлежности. Среди них: ГК РФ, ЗК РФ, Лесной кодекс Российской Федерации (далее – ЛК РФ)³⁴, Федеральный закон от 25 октября 2001 г. № 137-ФЗ «О введении в действие Земельного кодекса Российской Федерации»³⁵ и др.

В кодифицированных актах выделяются нормы, регулирующие отношения по поводу возникновения прав на землю в целом (в частности, ст. 8, 216, 260 ГК РФ, ст. 25, 37, 39.1 ЗК РФ, ст. 9 ЛК РФ), и нормы, учитывающие специфику размещения линейных объектов (в том числе абз. 2 п. 1 ст. 274 ГК РФ, пп. 2 п. 3 ст. 23, пп. 2 п. 8 ст. 39.8, ст. 39.23, пп. 2, 3 п. 1 ст. 39.33, п. 2 ст. 78, п. 8 ст. 90, пп. 2 п. 7 ст. 95 ЗК РФ, ст. 45 ЛК РФ).

К специальным федеральным законам следует отнести Федеральный закон от 7 июня 2013 г. № 108-ФЗ «О подготовке и проведении в Российской Федерации чемпионата мира по футболу FIFA 2018 года, Кубка конфедераций FIFA 2017 года и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»³⁶, Федеральный закон от 29 декабря 2014 г. № 473-ФЗ «О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации»³⁷ и ряд других³⁸.

Необходимо отметить, что упомянутые специальные законы предусматривают особые основания и порядок возникновения прав на землю, допускающие по сути возможность административного ограничения права частной собственности. Такое отклонение от общего правового регулирования объясняется чрезвычайным характером обстоятельств, вызвав-

ших принятие указанных законодательных решений, не подлежащих транслированию на все случаи приобретения прав на землю для размещения линейных объектов³⁹.

В числе федеральных подзаконных актов, относящихся к рассматриваемой сфере отношений, необходимо указать постановление Правительства Российской Федерации от 3 декабря 2014 г. № 1300 «Об утверждении перечня видов объектов, размещение которых может осуществляться на землях или земельных участках, находящихся в государственной или муниципальной собственности, без предоставления земельных участков и установления сервитутов»⁴⁰, приказ Рослесхоза от 10 июня 2011 г. № 223 «Об утверждении Правил использования лесов для строительства, реконструкции, эксплуатации линейных объектов»⁴¹.

Как было указано выше, субъекты Российской Федерации не обладают широтой полномочий в области регламентации земельных отношений, в том числе связанных с возникновением прав на землю.

Основание реализации субъектами Российской Федерации правотворчества в рассматриваемой сфере отношений содержится, например, пункт 3 статьи 39.36 ЗК РФ, согласно которому порядок и условия размещения объектов, виды которых определены Правительством Российской Федерации (включая линейные), устанавливаются нормативным правовым актом субъекта Российской Федерации⁴². По сути, речь идет о регламентации субъектами Российской Федерации условий и порядка возникновения права на использование земель или земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности, в том числе для размещения линейных объектов⁴³.

Яркой иллюстрацией нормотворчества субъектов Российской Федерации в сфере возникновения прав на землю для размещения линейных объектов является Закон Республики Крым от 15 сентября 2014 г. № 74-ЗРК «О размещении инженерных сооружений». Указанный акт закрепил возможность возникновения ограниченного вещного права (сервитута) на земельные участки, находящиеся в частной собственности, в особом (императивном) порядке, на основании административного решения уполномоченного органа. Несмотря на то,

34 Лесной кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 4 дек. 2006 г. № 200-ФЗ // Собрание Законодательства Российской Федерации. 2006. № 50. Ст. 5278.

35 О введении в действие Земельного кодекса Российской Федерации: федеральный закон от 25 окт. 2001 г. № 137-ФЗ // Собрание Законодательства Российской Федерации. 2001. № 44. Ст. 4148.

36 О подготовке и проведении в Российской Федерации чемпионата мира по футболу FIFA 2018 года, Кубка конфедераций FIFA 2017 года и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон от 7 июня 2013 г. № 108-ФЗ // Собрание Законодательства Российской Федерации. 2013. № 23. Ст. 2866.

37 О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации: федеральный закон от 29 дек. 2014 г. № 473-ФЗ // СЗ РФ. 2015. № 1 (часть I). Ст. 26.

38 См.: Об особенностях регулирования отдельных правоотношений в связи с присоединением к субъекту Российской Федерации – городу федерального значения Москве территорий и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон от 5 апр. 2013 г. № 43-ФЗ; Об организации проведения встречи глав государств и правительств стран – участников форума «Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество» в 2012 году, о развитии города Владивостока как центра международного сотрудничества в Азиатско-Тихоокеанском регионе и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон от 8 мая 2009 г. № 93-ФЗ; Об организации и о проведении XXII Олимпийских зимних игр и XI Паралимпийских зимних игр 2014 года в городе Сочи, развитии города Сочи как горноклиматического курорта и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон от 1 дек. 2007 г. № 310-ФЗ; Об особых экономических зонах в Российской Федерации: федеральный закон от 22 июля 2005 г. № 116-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

39 Экспертное заключение по проекту федерального закона № 187920-7 «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации в части упрощения строительства, реконструкции, капитального ремонта и (или) эксплуатации линейных объектов»: принято на заседании Совета при Президенте Российской Федерации по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства 17 июля 2017 г. № 167-3/2017. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

40 Об утверждении перечня видов объектов, размещение которых может осуществляться на землях или земельных участках, находящихся в государственной или муниципальной собственности, без предоставления земельных участков и установления сервитутов: постановление Правительства Российской Федерации от 3 дек. 2014 г. № 1300 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 50. Ст. 7089.

41 Об утверждении Правил использования лесов для строительства, реконструкции, эксплуатации линейных объектов: приказ Рослесхоза от 10 июня 2011 г. № 223 // Российская газета. 2011. № 186.

42 См., например: Об утверждении Порядка и условий размещения на территории Московской области объектов, которые могут быть размещены на землях или земельных участках, находящихся в государственной или муниципальной собственности, без предоставления земельных участков и установления сервитутов: постановление Правительства Московской области от 8 апр. 2015 г. № 229/13 // Ежедневные Новости. Подмосковье. 2015. № 76.

43 Согласно позиции О. И. Крассова, указанное право на использование земель или земельных участков (на основании разрешения) включается в систему прав на землю (см.: Крассов О. И. Земельное право: учебник. М.: Норма: ИНФРА-М, 2017. С. 102).

что предлагаемый упомянутым законом порядок установления сервитута позволяет, по мнению некоторых исследователей, разрешить «наболевшую проблему прокладки линейных объектов»⁴⁴, вызывает сомнения допустимость установления субъектом Российской Федерации не предусмотренного гражданским законодательством (ст. 274 ГК РФ) основания возникновения ограниченного права пользования чужим земельным участком.

Итак, в настоящее время можно констатировать наличие особенностей правового регулирования отношений по поводу возникновения прав на землю для размещения линейных объектов. Такое регулирование реализуется преимущественно на федеральном уровне. Субъекты Российской Федерации вправе осуществлять правовое регулирование указанных отношений лишь в некоторых случаях, что представляется обоснованным. Расширение полномочий субъектов Российской Федерации в данной сфере видится нецелесообразным, поскольку оно может быть сопряжено с проблемами защиты прав и законных интересов правообладателей земельных участков, а также проблемами обеспечения равного доступа граждан и юридических лиц к приобретению прав на землю.

Анализ тенденций реформирования земельного и гражданского законодательства позволяет нам констатировать факт активизации в течение последних лет законодательской деятельности, направленной на упрощение порядка и сокращение сроков возникновения прав на землю для целей размещения линейных объектов. Об этом, в частности, свидетельствуют изменения, внесенные в ГК РФ и ЗК РФ вступившим с 1 марта 2015 г. в силу Федеральным законом от 23 июня 2014 г. № 171-ФЗ «О внесении изменений в Земельный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации»⁴⁵ (далее – Закон № 171-ФЗ).

До 1 марта 2015 г. очевидно выделялись следующие проблемные аспекты существовавшего правового регулирования отношений, связанных с возникновением прав на землю для размещения линейных объектов: возможность предоставления прав на сформированные земельные участки для строительства объектов по результатам торгов; неопределенность в части возможности заключения соглашения об установлении сервитута в отношении публичных земельных участков, в том числе предоставленных третьим лицам; неопределенность в части допустимости установления сервитута для создания линейного объекта.

С 1 марта 2015 года была закреплена принципиальная возможность заключения договора аренды публичных земельных участков без проведения торгов в случае необходимости предоставления земельных участков юридическим лицам для размещения объектов федерального, регионального или местного значения, объектов связи, а также объектов, предназначенных для обеспечения электро-, тепло-, газо- и водоснабжения, водоотведения, нефтепроводов (пп. 4 п. 2 ст. 39.6 ЗК РФ).

Закон № 171-ФЗ прямо предусмотрел возможность заключения соглашения об установлении сервитута в отношении земельного участка, находящегося в государственной или муниципальной собственности (в том числе предоставленного

третьим лицам), в случаях, установленных гражданским, земельным законодательством, федеральными законами, в частности, в случаях размещения линейных объектов (ст. 39.23 ЗК РФ), а также ввел институт использования земель или земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности, за исключением земельных участков, предоставленных гражданам или юридическим лицам, без предоставления земельных участков и установления сервитута, в том числе в случае капитального или текущего ремонта линейного объекта, а также размещения линейных объектов, определенных Правительством Российской Федерации (пп. 2, 6 пункта 1 статьи 39.33 ЗК РФ).

Законом № 171-ФЗ внесены изменения в статью 274 Гражданского кодекса в части уточнения целей (случаев) установления сервитута. С одной стороны, необходимо подчеркнуть правоприменительную значимость указанного уточнения, закрепляющего принципиальную допустимость установления сервитута в целях осуществления строительства, реконструкции и (или) эксплуатации всех без исключения линейных объектов, не препятствующих использованию земельного участка в соответствии с разрешенным использованием. С другой стороны, по-прежнему не устранена имеющаяся неоднозначность в части толкования нормативного положения, предусматривающего возможность осуществления строительства линейных объектов на основании сервитута. Указанное обстоятельство обусловлено тем, что по смыслу статьи 274 ГК РФ правом требования установления сервитута обладает лишь собственник господствующей (существующей) недвижимой вещи (которой может и не быть на момент установления сервитута для строительства линейного объекта).

Отмеченная выше тенденция развития правового регулирования отношений, связанных с возникновением прав для размещения линейных объектов, подтверждается разработанным Правительством Российской Федерации проектом федерального закона № 187920-7 «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации в части упрощения строительства, реконструкции, капитального ремонта и (или) эксплуатации линейных объектов», принятым Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации в первом чтении⁴⁶. Ключевой идеей законопроекта является закрепление возможности «размещения линейных объектов на условиях публичного сервитута, то есть административного решения органа государственной власти или органа местного самоуправления»⁴⁷.

Вышеизложенное свидетельствует о положительных изменениях законодательного регулирования отношений, связанных с возникновением прав на землю для размещения линейных объектов. В то же время очевидна и потребность в дальнейшем совершенствовании нормативной основы рассматриваемых отношений.

44 Рыбалов А. О. Крымский сервитут // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2016. № 10. С. 69-76; Краснова Т. С. Сервитутные типы обременений права собственности на недвижимое имущество в современном российском праве // Закон. 2017. № 3. С. 143-154.

45 О внесении изменений в Земельный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон от 23 июня 2014 г. № 171-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 26 (часть I). Ст. 3377.

46 О проекте федерального закона № 187920-7 «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации в части упрощения строительства, реконструкции, капитального ремонта и (или) эксплуатации линейных объектов»: Постановление Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 24 янв. 2018 г. № 3353-7 ГД // Собрание законодательства Российской Федерации. 2018. № 6. Ст. 828.

47 Пояснительная «К проекту федерального закона «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации в части упрощения строительства, реконструкции, капитального ремонта и (или) эксплуатации линейных объектов» (в соответствии с публикацией на сайте <http://asozd.duma.gov.ru/> по состоянию на 30 мая 2017 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

РАМАЗАНОВА Раисат Магомедкамильевна

магистрант Юридического факультета Дагестанского государственного университета, юрист Ассоциации «КА «Гамидов и партнеры»

АХМЕДОВА Замира Ахмедовна

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права Юридического института Дагестанского государственного университета

ПРЕИМУЩЕСТВА И НЕДОСТАТКИ СПОСОБОВ ФОРМИРОВАНИЯ ФОНДОВ КАПИТАЛЬНОГО РЕМОНТА МНОГОКВАРТИРНЫХ ДОМОВ

Настоящая статья посвящена анализу преимуществ и недостатков способов формирования фондов капитального ремонта многоквартирных домов: перечисление взносов на капитальный ремонт на специальный счет в целях формирования фонда капитального ремонта в виде денежных средств, находящихся на специальном счете, или перечисление взносов на капитальный ремонт на счет регионального оператора в целях формирования фонда капитального ремонта в виде обязательственных прав собственников помещений в многоквартирном доме в отношении регионального оператора.

Ключевые слова: капитальный ремонт, организация капитального ремонта, финансирование капитального ремонта, способы формирования фондов капитального ремонта, преимущества и недостатки, региональный оператор, специальный счет.

RAMAZANOVA Rasiat Magomedkamilevna

magister student of the Law Faculty of the Dagestan State University, a lawyer of the Association «KA «Gamidov and partners»

AHMEDOVA Zamira Akhmedovna

Ph.D. in Law, associate professor of Civil law sub-faculty of the Law Institute of the Dagestan State University

THE ADVANTAGES AND DISADVANTAGES OF METHODS OF FORMATION OF FUNDS OF CAPITAL REPAIRS OF APARTMENT HOUSES

The present article is devoted to the analysis of advantages and disadvantages of methods for the formation of capital repairs of apartment buildings: the transfer of capital repair contributions to a special account in order to form a capital repair fund in the form of funds in a special account or transfer of capital repair contributions to the account of a regional operator for the purposes of the formation of a capital repair fund in the form of the mandatory rights of owners of premises in an apartment building in relation to the regional operator.

Keywords: capital reconstruction, capital repair organization, capital repair financing, ways of formation of capital repair funds, advantages and disadvantages, regional operator, special account.

Согласно изменениям в жилищном законодательстве с 2014 года на собственников помещений в многоквартирных домах возложена обязанность по уплате взносов на капитальный ремонт общего имущества¹. Минимальный размер взноса определяется самостоятельно в каждом субъекте Российской Федерации. Указанная обязанность распространяется на всех собственников помещений в многоквартирном доме с момента возникновения права собственности на помещения в нем, за исключением определенных категорий граждан.

Расходы на капитальный ремонт общего имущества МКД финансируются за счет средств фонда капитального ремонта. Фонд капитального ремонта формируется путем консолидации взносов, уплачиваемых собственниками помещений, а также процентов, которые начисляются за просрочку внесения взносов.

Согласно ч. 1 ст. 174 Жилищного кодекса РФ² средства фонда капитального ремонта могут использоваться:

- для оплаты услуг и (или) работ по капитальному ремонту общего имущества в многоквартирном доме;
- разработки проектной документации;
- оплаты услуг по строительному контролю;

– погашения кредитов, займов, полученных и использованных в целях оплаты указанных услуг, работ;

– для уплаты процентов за пользование такими кредитами, займами, оплаты расходов на получение гарантий и поручительств по таким кредитам, займам.

В ч. 3 ст. 170 Жилищного кодекса РФ³ определены два способа формирования фонда капитального ремонта многоквартирного дома:

1) перечисление взносов на капитальный ремонт на специальный счет в целях формирования фонда капитального ремонта в виде денежных средств, находящихся на специальном счете (далее – формирование фонда капитального ремонта на специальном счете);

2) перечисление взносов на капитальный ремонт на счет регионального оператора в целях формирования фонда капитального ремонта в виде обязательственных прав собственников помещений в многоквартирном доме в отношении регионального оператора (далее – формирование фонда капитального ремонта на счете регионального оператора).

Указанные способы существенно отличаются друг от друга. Итак, первый способ предусматривает, что собственники помещений в МКД перечисляют взносы на капитальный ремонт на специальный счет в кредитной организации, но при этом из собственности плательщиков уплаченные денежные

1 Капитальный ремонт в жилых многоквартирных домах. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://fondzapros.ru/law/GKH/kap-rem/> (дата обращения: 06.05.2018 г.).

2 Жилищный кодекс Российской Федерации» от 29.12.2004 № 188-ФЗ (ред. от 03.04.2018) // Собрание законодательства РФ. 03.01.2005. № 1 (часть 1). Ст. 14.

3 Жилищный кодекс Российской Федерации» от 29.12.2004 № 188-ФЗ (ред. от 03.04.2018) // Собрание законодательства РФ. 03.01.2005. № 1 (часть 1). Ст. 14.

средства не выбывают. Все обязанности по организации и проведению капитального ремонта общего имущества многоквартирного дома ложатся на плечи самих собственников.

Средства фонда капитального ремонта всегда доступны для собственников помещений многоквартирного дома. Они могут использоваться ими для проведения работ по капитальному ремонту общего имущества, даже если планируемый региональной программой срок проведения работ ещё не наступил.

Если денежные средства, имеющиеся на специальном счете в банке, недостаточны для проведения капитального ремонта общего имущества многоквартирного дома, который был запланирован на ближайшее время, то собственники помещений имеют право привлекать кредиты банка. Затем для погашения кредита используются денежные средства на специальном счете. Следовательно, собственники помещений в МКД, формирующие фонд капитального ремонта на специальном счете, могут не копить денежные средства в течение длительного времени, а получить заемные деньги в необходимом размере в необходимое время.

Также хотелось бы отметить, что на специальном счете накапливаются денежные средства исключительно для проведения капитального ремонта одного конкретного многоквартирного дома, то есть дома, в отношении которого и открыт специальный счет в банке. В силу ч. 8 ст. 170 Жилищного кодекса РФ⁴ законом субъекта РФ установлен минимальный размер фонда капитального ремонта в отношении МКД. По его достижении собственники помещений вправе принять решение о приостановлении обязанности по уплате взносов на капитальный ремонт, за исключением взносов собственников, которые имеют задолженность.

Согласно ч. 2 ст. 175 Жилищного кодекса РФ⁵ владельцем специального счета может быть:

– товарищество собственников жилья, осуществляющее управление многоквартирным домом и созданное собственниками помещений в одном многоквартирном доме или нескольких многоквартирных домах, если данные дома расположены на земельных участках, которые в соответствии с содержащимися в государственном кадастре недвижимости документами имеют общую границу и в пределах которых имеются сети инженерно-технического обеспечения, другие элементы инфраструктуры, которые предназначены для совместного использования собственниками помещений в данных домах;

– осуществляющий управление многоквартирным домом жилищный кооператив;

– управляющая организация, осуществляющая управление многоквартирным домом на основании договора управления.

Собственники помещений многоквартирного дома также вправе принять решение о выборе регионального оператора в качестве владельца специального счета (ч. 3 ст. 175 Жилищного кодекса РФ). Региональный оператор является юридическим лицом, созданным в организационно-правовой форме фонда, которое создается субъектом РФ (ст. 178 Жилищного кодекса РФ⁶). Формирование фонда капитального ремонта у регионального оператора означает, что взносы собственником

помещений многоквартирного дома перечисляются на счет организации, которая создается субъектом РФ для организации и проведения капитального ремонта общего имущества многоквартирных домов. Отличительной чертой данного способа является то, что взносы на капитальный ремонт становятся имуществом регионального оператора, а фонд капитального ремонта формируется в виде обязательственных прав собственников помещений многоквартирного дома в отношении регионального оператора. То есть, собственники помещений имеют полное право требовать от регионального оператора осуществления капитального ремонта общего имущества многоквартирного дома в объеме и сроки, которые определены региональной программой капитального ремонта.

Указанная система финансирования капитального ремонта позволяет при недостаточности денежных средств для осуществления капитального ремонта общего имущества в одном многоквартирном доме, предусмотренного региональной программой, использовать денежные средства на возвратной основе, полученные от собственников других многоквартирных домов, в которых не планируется осуществление капитального ремонта в ближайшее время⁷. Следует отметить, что законом субъекта РФ может быть установлено, что использование средств допускается только при условии, что указанные многоквартирные дома расположены на территории определенного муниципального образования или территориях нескольких муниципальных образований согласно ч. 4 ст. 179 Жилищного кодекса РФ⁸.

Указанные способы формирования фонда капитального ремонта многоквартирного дома существенно отличаются друг от друга, что свидетельствует о необходимости тщательного изучения всех преимуществ и недостатков каждого из способов. Изучение плюсов и минусов позволит собственникам помещений многоквартирного дома принять решение о наиболее оптимальном на их взгляд способе формирования фонда капитального ремонта.

Итак, рассмотрев два способа формирования фонда капитального ремонта многоквартирного дома, выделим следующие их преимущества и недостатки:

Преимущества способа формирования фонда капитального ремонта на специальном счете в банке:

– возможность использования денежных средств фонда в отношении капитального ремонта общего имущества исключительно вашего многоквартирного дома (накопление денежных средств на счете одного многоквартирного дома и использование их на ремонт других многоквартирных домов не допускается);

– допустимость самостоятельно контролировать формирование фонда капитального ремонта;

– возможность проведения работ ранее установленного срока в случае накопления необходимой суммы;

– возможность собственникам помещений многоквартирного дома самостоятельно выбрать подрядную организацию для проведения ремонта общего имущества многоквартирного дома, определить сроки выполнения работ, принять работы, а также самостоятельно выбрать кредитную организацию,

4 Там же.

5 Там же.

6 Жилищный кодекс Российской Федерации» от 29.12.2004 № 188-ФЗ (ред. от 03.04.2018) // Собрание законодательства РФ. 03.01.2005. № 1 (часть 1). Ст. 14.

7 Преимущества и недостатки способов формирования фондов капитального ремонта. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://moluch.ru/th/5/archive/38/1068/> (дата обращения: 06.05.2018 г.).

8 Жилищный кодекс Российской Федерации» от 29.12.2004 № 188-ФЗ (ред. от 03.04.2018) // Собрание законодательства РФ. 03.01.2005. № 1 (часть 1). Ст. 14.

в которой будет открыт счет конкретного многоквартирного дома;

– возможность в любой момент изменить способ формирования фонда капитального ремонта многоквартирного дома.

Мы полагаем, что наиболее целесообразным впервые выбрать (либо изменить) способ формирования фонда капитального ремонта и перейти от регионального оператора на специальный счет в банке представляется для только введенных в эксплуатацию многоквартирных домов, которые совсем недавно включены в региональную программу капитального ремонта общего имущества в многоквартирных домах, срок проведения капитального ремонта которых планируется только через 20-30 лет.

Недостатки формирования фонда капитального ремонта на специальном счете в банке:

– собственники помещений многоквартирного дома самостоятельно несут расходы по содержанию и ведению счета;

– владельцы специального счета самостоятельно взаимодействуют с выбранным банком;

– работа с должниками по оплате взносов ведется собственниками помещений многоквартирного дома.

Преимущества формирования фонда капитального ремонта многоквартирных домов у регионального оператора:

– проведение капитального ремонта общего имущества в многоквартирных домах, которые остро нуждаются в этом;

– субъект Российской Федерации несет субсидиарную ответственность за неисполнение или ненадлежащее исполнение региональным оператором обязательств перед собственниками помещений в многоквартирных домах, что непосредственно дает гарантию гражданам на выполнение всех обязательств региональным оператором.

Недостатками способа формирования фонда капитального ремонта у регионального оператора являются:

– решение о прекращении формирования фонда капитального ремонта на счете регионального оператора и формировании фонда капитального ремонта на специальном счете вступает в силу через два года после направления региональному оператору решения общего собрания собственников помещений в многоквартирном доме, если меньший срок не установлен законом субъекта РФ;

– нехватка денежных средств, собираемых региональным оператором для осуществления возложенных на него функций;

– отсутствие у регионального оператора эффективных рычагов воздействия на неплательщиков взносов (возможность взыскания взносов только в судебном порядке);

– проведение капитальных ремонтов многоквартирных домов через 20-30 лет, что вызывает недовольство граждан, поскольку никто не сможет прогнозировать, что будет происходить в стране через 10-15 лет, и сможет ли региональный оператор эффективно действовать все это время;

– отсутствие доверия со стороны общества.

Мы полагаем, что управляющие компании, товарищества собственников жилья и т.п. имеют лучшее представление о том, на какие нужды для дома лучше направить денежные средства. Они делают это быстрее и эффективнее, то есть решают проблемы по мере их возникновения. Мы понимаем, что государство, образовав систему региональных операторов, стремилось решить наиболее острые проблемы проведения ремонта общего имущества многоквартирных домов, однако на

практике создало несовершенный механизм, который нуждается в значительной законодательной доработке.

Необходимо иметь полную картину того, какие преимущества и недостатки несут в себе рассмотренные способы формирования фонда капитального ремонта многоквартирного дома, несмотря на то, что для каждого собственника помещений многоквартирного дома указанные плюсы и минусы могут представлять различный уровень важности при принятии решения о выборе способа формирования фонда капитального ремонта.

Пристатейный библиографический список

1. Жилищный кодекс Российской Федерации» от 29.12.2004 № 188-ФЗ (ред. от 03.04.2018) // Собрание законодательства РФ. 03.01.2005. № 1 (часть 1). Ст. 14.
2. Капитальный ремонт в жилых многоквартирных домах. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://fondzapro.ru/law/GKH/kap-rem/> (дата обращения: 06.05.2018 г.).
3. Преимущества и недостатки способов формирования фондов капитального ремонта. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://moluch.ru/th/5/archive/38/1068/> (дата обращения: 06.05.2018 г.).

СТЕПАНОВ Виталий Витальевич

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и прокурорского надзора Пермского государственного национального исследовательского университета

СИСТЕМА МАТЕРИАЛЬНЫХ РЕГУЛЯТИВНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ С УЧАСТИЕМ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОГО СООБЩЕСТВА СОБСТВЕННИКОВ ПОМЕЩЕНИЙ В МНОГОКВАРТИРНОМ ДОМЕ

В работе представлена классификация материальных регулятивных правоотношений, в которых участвуют собственники помещений в многоквартирном доме, отнесенные законодателем к гражданско-правовым сообществам. Дается характеристика видов указанных правоотношений. Особое внимание уделяется категории организационных отношений, занимающих важное место в системе управления многоквартирным домом.

Ключевые слова: правоотношение, собственники помещений, многоквартирный дом, гражданско-правовое сообщество, вещные отношения, обязательственные отношения, организационные отношения.

STEPANOV Vitaliy Vitaljevich

Ph.D. in Law, associate professor of Criminal law and prosecutor's supervision sub-faculty of the Perm State National Research University

Степанов В. В.

MATERIAL REGULATIVE LEGAL RELATIONSHIPS WITH A CIVIL SOCIETY OF PROPERTY OWNERS

The paper describes the classification of material regulative legal relationships involving property owners from a block of flats. These owners are legally referred to civil societies. The types of these legal relationships are characterized. Organizational relations occupying an essential place in managing a block of flats are paid special attention to.

Keywords: legal relationships, property owners, a block of flats, civil society, property relations, legally binding relations, organizational relations.

В системе действующего законодательства конституционное право на жилище, включая принцип его неприкосновенности, раскрывается по ряду аспектов, которые носят как имущественный, так и неимущественный характер¹. Обще-признанно, что указанное право предполагает в том числе возможность осуществления прав владения, пользования и распоряжения жилыми помещениями, находящимися в собственности физических лиц².

Законодатель социальную общность собственников помещений в многоквартирном доме относит к категории гражданско-правовых сообществ (гл. 9.1 ГК РФ). И действительно, общие хозяйственные интересы, участие в силу закона в системе правоотношений по управлению многоквартирным домом, возможность совместной защиты нарушенных прав и законных интересов дают основание не только говорить о множестве лиц в соответствующих правоотношениях, но и анализировать такое сообщество на качественно ином уровне. Разумеется, на сегодняшний день сложно ставить вопрос о правосубъектности сообщества собственников помещений в многоквартирном доме, за исключением случаев его оформления через институты товарищества собственников жилья, жилищного или жилищно-строительного кооператива. Однако нельзя и не учитывать факт все большего организационного, институционального оформления деятельности по управле-

нию многоквартирными домами именно сообществом собственников помещений в многоквартирном доме, имеющих общие права и обязанности в указанной сфере, специальные механизмы согласования воли при принятии решений, солидарно несущими ответственность за состояние многоквартирного дома.

С. Ю. Шахов предлагает в целом удачное определение управления многоквартирным домом как хозяйственной деятельности, осуществляемой в интересах собственников помещений в многоквартирном доме и представляющей собой комплекс фактических и юридических действий по владению, пользованию и распоряжению в установленном порядке общим имуществом многоквартирного дома, направленных на обеспечение:

- благоприятных и безопасных условий проживания граждан;
- надлежащего содержания и сохранности общего имущества в многоквартирном доме;
- решения вопросов пользования общим имуществом в многоквартирном доме;
- предоставления коммунальных услуг гражданам, проживающим в многоквартирном доме³.

Похожие мнения высказаны в науке и другими авторами⁴. Важно заметить, что большинство правоведов продолжают придерживаться классического взгляда на триаду право-

1 См., например: Усков О. Ю. Эволюция права на жилище (законодательство и доктрина) // Журнал российского права. 2005. № 8. С. 38-51; Богданов Е. В. Природа и сущность права граждан на жилище // Журнал российского права. 2003. № 4. С. 21-29.

2 См., например: Седугин П. И. Жилищное право. М.: Норма, 1997. С. 19-20; Прасолов Б. В. Конституционное право граждан на жилище // Семейное и жилищное право. 2016. № 4. С. 38.

3 См.: Шахов С. Ю. Правовая природа управления многоквартирными домами и его соотношение с доверительным управлением // Законы России: опыт, анализ, практика. 2007. № 10. С. 105.

4 См., например: Михайлов В. К. Управление многоквартирным домом как категория жилищного права // Семейное и жилищное право. 2008. № 1. С. 27-31; Белов В. А., Бушаенкова С. А. Граждан-

мочий собственника имущества по владению, пользованию и распоряжению им, не признавая необходимости выделять управление им в качестве самостоятельного правомочия собственника⁵. Так, В.К. Михайлов отмечает, что «управление представляет собой не отдельное правомочие собственника, а некую совокупность правовых возможностей, включающую действия по владению, пользованию и распоряжению»⁶.

Положения ст. 4 Жилищного кодекса РФ иллюстрируют многообразие правоотношений с участием собственников помещений в многоквартирном доме. В связи с этим в целях уточнения их объекта, правовой природы и состава необходимо дать их классификацию.

Традиционно по объекту гражданские правоотношения классифицируются на вещные, обязательственные, исключительные и корпоративные. Входят в предмет гражданского права и ряд личных неимущественных отношений (ст. 2 ГК РФ)⁷. Указанная классификация с определенными корректировками может быть применена к системе правоотношений с участием сообщества собственников помещений в многоквартирном доме.

Во-первых, собственникам помещений в многоквартирном доме на праве общей долевой собственности принадлежат общие помещения в многоквартирном доме и иное общее имущество. Таким образом, собственники помещений в многоквартирном доме являются участниками вещных правоотношений.

Во-вторых, к объектам прав собственников помещений в многоквартирном доме относится участие в управлении им. Соответствующие правовые отношения могут быть отнесены к организационным.

Категория организационных отношений и их место в системе гражданско-правовых отношений не являются общепризнанными. Цивилистами убедительно обосновано наличие в системе гражданско-правового регулирования корпоративных правоотношений. Указанное положение нашло отражение в Гражданском кодексе РФ (ст. 2 и др.), а также Арбитражном процессуальном кодексе РФ (нормы гл. 28.1 и др.). Вместе с тем на протяжении столетия не утихают споры относительно природы, характера, объекта, субъектов и самого понятия корпоративных отношений⁸. Как справедливо заметил Е. А. Суханов, корпоративные отношения оформляют «организацию управления и использования корпоративного имущества»⁹.

В настоящее время в цивилистике получила развитие теория организационных отношений, предложенная в 60-е гг. XX века О. А. Красавчиковым. Ученый относил к их специфике направленность на упорядочение (нормализацию) иных, как

правило имущественных, отношений, в том числе они могут иметь своей целью формирование определенного социального образования¹⁰. В советское время в пользу выделения организационных отношений высказывались и другие авторы¹¹.

Современные ученые по-разному определяют объект организационных отношений и саму их суть, единая теория организационных отношений не сформировалась. Так, Г. Э. Маилян в качестве объекта организационных отношений указывает на «конкретную регламентированность, корреляцию и согласованность организованных составляющих организующих отношений»¹². Г. Н. Давыдова их объектом предлагает считать юридическую процедуру как систему последовательно совершаемых действий и возникающих на их базе отношений, направленных на достижение определенного правового результата¹³. С. Ю. Морозов – «организацию имущественных отношений»¹⁴. М. А. Егорова – «деятельность его субъектов, направленную не на прямой экономический результат, а на создание условий для его скорейшего и более эффективного достижения»¹⁵. Е. С. Сергеева относит к организационным отношениям по определению правового положения участников гражданского оборота (статусные организационные отношения) и отношения, устанавливающие правовой режим объектов гражданских прав и сделок (режимные организационные отношения). При этом автор не ограничивает организационные отношения указанными двумя группами, указывая на необходимость проведения дополнительных исследований¹⁶.

Как представляется, организационные отношения с участием собственников помещений в многоквартирном доме можно определить как урегулированные правом общественные отношения, возникающие по поводу участия указанных субъектов в вещных и обязательственных отношениях, возникновение которых обусловлено необходимостью создания специальных механизмов согласования их воли при управлении многоквартирным домом.

Выявление особой группы организационных отношений позволяет глубже понять их правовую природу, определить признаки, сферу распространения, принципы правового регулирования, круг подлежащих разрешению правовым вопросам. Важно обеспечить организационные отношения необходимым набором способов защиты нарушенных прав, поскольку специфика данных отношений не всегда может позволить использовать традиционные возможности, а в ряде случаев существует и риск проявления консерватизма в судебной практике. Так, возможность признания решений общего собрания собственников помещений в многоквартирном доме ничтожными

ско-правовые формы отношений в сфере управления многоквартирными домами // Законодательство. 2006. № 12. С. 23-31.

5 См., например: Миронов И. Б. Общее собрание собственников помещений как механизм управления многоквартирным домом // Семейное и жилищное право. 2005. № 4. С. 32.

6 Михайлов В. К. Указ. соч. С. 29.

7 См., например: Российское гражданское право: В 2 т. Т. 1: Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права: учебник / В. С. Ем, И. А. Зенин, Н. В. Козлова и др.; отв. ред. Е. А. Суханов. М., 2011.

8 См., например: Степанов П. В. Корпоративные отношения в коммерческих организациях как составная часть предмета гражданского права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1999; Ушницкий Р. Р. О гражданско-правовой форме корпоративного отношения // Вестник гражданского права. 2011. № 5. С. 64-91.

9 Российское гражданское право: учебник: в 2 т. Т. 2: Обязательственное право / В. В. Витрянский, В. С. Ем, Н. В. Козлова и др.; отв. ред. Е. А. Суханов. М., 2011.

10 См.: Красавчиков О. А. Гражданские организационно-правовые отношения // Советское государство и право. 1966. № 10. С. 50-57.

11 См., например: Братусь С. Н. Предмет и система советского гражданского права. М., 1963. С. 64, 120 и др.; Брагинский М. И. Общее учение о хозяйственных договорах. Минск, 1967. С. 138-139, 177 и др.

12 Маилян Г. Э. Организационные отношения в предмете корпоративного права // Юрист. 2014. № 17. С. 28.

13 См.: Давыдова Г. Н. Юридические процедуры в гражданском праве. Общая характеристика: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2004. С. 12.

14 См.: Морозов С. Ю. Закономерность несовпадения организуемых и организационных отношений // Гражданское право. 2013. № 3. С. 3.

15 Егорова М. А. Организационное отношение и организационные сделки в гражданско-правовом регулировании // Законы России: опыт, анализ, практика. 2011. № 5. С. 13.

16 См.: Сергеева Е. С. Квалификация организационных отношений в предмете гражданского права // Российская юстиция. 2016. № 4. С. 16.

ми по существу не поддерживалась в судебной практике¹⁷ до появления в 2013 г. специальных норм, предусмотренных п. 1 ст. 181.3 и ст. 181.5 ГК РФ.

Специфика организационных отношений и применяемых способов их защиты, обуславливает и необходимость установления в процессуальном законодательстве специальных правил производства по соответствующим делам.

Приведенные теоретические положения о существовании организационных отношений, значении их вычленения в качестве самостоятельного типа регулируемых гражданским правом отношений рельефно проявляются в содержании соответствующих норм Жилищного кодекса РФ и гл. 9.1 ГК РФ, отражающих современные тенденции в развитии законодательства.

В-третьих, услуги и работы по управлению многоквартирным домом, по содержанию, текущему и капитальному ремонту общего имущества в многоквартирном доме, коммунальные услуги также составляют объекты прав его собственников, которые становятся участниками соответствующих обязательственных правоотношений.

Право пользования собственником помещением в многоквартирном доме предполагает как саму возможность использования его по назначению, так и защищенность от внешнего (со стороны третьих лиц, других собственников помещений в многоквартирном доме, нанимателей жилых помещений и иных лиц, использующих помещения в доме) негативного воздействия, снижающего качество проживания в доме, ведения в нем хозяйственной деятельности. В частности, речь может идти о вибрационном, шумовом, световом воздействии и т.д. В этом смысле уместно говорить о категории неимущественных прав собственников помещений в многоквартирном доме, связанных с их имущественными (вещными и обязательственными) правами: правах на жизнь, здоровье, благоприятную окружающую среду.

Таким образом, характерными признаками системы материальных регулятивных правоотношений с участием собственников помещений в многоквартирном доме являются:

1) активная множественность лиц в правоотношениях и, как следствие, наличие ярко выраженных организационных отношений;

2) наличие в системе различных по природе и содержанию объектов прав собственников помещений в многоквартирном доме;

3) тесная взаимосвязь вещных, обязательственных и организационных правоотношений, обусловленная общим сложным объектом правового регулирования – отношения управления многоквартирным домом.

Пристатейный библиографический список

1. Белов В. А., Бушаенкова С. А. Гражданско-правовые формы отношений в сфере управления многоквартирными домами // Законодательство. 2006. № 12. С. 23-31.

2. Богданов Е. В. Природа и сущность права граждан на жилище // Журнал российского права. 2003. № 4. С. 21-29.
3. Брагинский М. И. Общее учение о хозяйственных договорах. Минск, 1967. 260 с.
4. Братусь С. Н. Предмет и система советского гражданского права. М., 1963. 196 с.
5. Давыдова Г. Н. Юридические процедуры в гражданском праве. Общая характеристика: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2004. 27 с.
6. Егорова М. А. Организационное отношение и организационные сделки в гражданско-правовом регулировании // Законы России: опыт, анализ, практика. 2011. № 5. С. 10-21.
7. Красавчиков О. А. Гражданские организационно-правовые отношения // Советское государство и право. 1966. № 10. С. 50-57.
8. Маилян Г. Э. Организационные отношения в предмете корпоративного права // Юрист. 2014. № 17. С. 22-29.
9. Миронов И. Б. Общее собрание собственников помещений как механизм управления многоквартирным домом // Семейное и жилищное право. 2005. № 4. С. 31-45.
10. Михайлов В. К. Управление многоквартирным домом как категория жилищного права // Семейное и жилищное право. 2008. № 1. С. 27-31.
11. Морозов С. Ю. Закономерность несовпадения организуемых и организационных отношений // Гражданское право. 2013. № 3. С. 2-5.
12. Прасолов Б. В. Конституционное право граждан на жилище // Семейное и жилищное право. 2016. № 4. С. 34-38.
13. Российское гражданское право: В 2 т. Т. 1: Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права: учебник / В. С. Ем, И. А. Зенин, Н. В. Козлова и др.; отв. ред. Е. А. Суханов. М., 2011.
14. Российское гражданское право: учебник: в 2 т. Т. 2: Обязательственное право / В. В. Витрянский, В. С. Ем, Н. В. Козлова и др.; отв. ред. Е. А. Суханов. М., 2011.
15. Седугин П. И. Жилищное право. М.: Норма, 1997. 320 с.
16. Сергеева Е. С. Квалификация организационных отношений в предмете гражданского права // Российская юстиция. 2016. № 4. С. 13-16.
17. Степанов П. В. Корпоративные отношения в коммерческих организациях как составная часть предмета гражданского права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1999. 28 с.
18. Усков О. Ю. Эволюция права на жилище (законодательство и доктрина) // Журнал российского права. 2005. № 8. С. 38-51.
19. Ушницкий Р. Р. О гражданско-правовой форме корпоративного отношения // Вестник гражданского права. 2011. № 5. С. 64-91.
20. Шахов С. Ю. Правовая природа управления многоквартирными домами и его соотношение с доверительным управлением // Законы России: опыт, анализ, практика. 2007. № 10. С. 101-105.

¹⁷ См., например: определение Свердловского областного суда от 14 июня 2011 г. по делу № 33-8244/2011. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://oblsud.svd.sudrf.ru>; постановление Федерального арбитражного суда Дальневосточного округа от 16 июня 2012 г. по делу № А16-1135/2011. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ras.arbitr.ru>; постановление Федерального арбитражного суда Уральского округа от 23 декабря 2013 г. по делу № А76-9770/2013. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ras.arbitr.ru>.

ШУШПАНОВ Константин Сергеевич
юрист ООО «ЖилСтройКонсалтинг»

О НОРМАТИВНОМ ЗАКРЕПЛЕНИИ ОГРАНИЧЕНИЙ ЖИЛИЩНЫХ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

В статье рассматривается вопрос о надлежащей форме закрепления ограничений основных прав человека вообще, и жилищных прав, в частности. На примере конкретного ограничения права человека на неприкосновенность жилища демонстрируется наличие в российском законодательстве норм права, нарушающих такую форму. Делается вывод о необходимости приведения законодательства в соответствие с конституционным требованием о форме ограничений основных прав человека.

Ключевые слова: ограничение прав и свобод человека, жилищные права, реализация субъективных прав.

SHUSHPANOV Konstantin Sergeevich
lawyer of the LLC «ZhilStroyConsulting»

Шушпанов К. С.

ON FORMAL REGLAMENTATION OF RESTRICTIONS ON HOUSING RIGHTS

The article analyzes appropriate forms of restrictions on fundamental rights in general and on housing rights in particular. An example of a specific restriction on the right to respect for one's home shows that in Russia some laws fail to comply with such form. The author concludes that it is necessary to bring legislation in line with constitutional requirements to forms of restrictions imposed on fundamental rights.

Keywords: restriction of human rights and fundamental freedoms, housing rights, enjoyment of subjective rights.

Современная российская правовая политика в области жилищных отношений носит, несомненно, патерналистский характер, что отличает Россию от ряда европейских стран. Это проявляется как в высокой степени опеки со стороны государства (предоставление социального жилья и земельных участков для жилищного строительства, государственное субсидирование ипотечного кредитования, помощь обманутым дольщикам, жесткий жилищный надзор и т. д.), так и в стремлении самих граждан доверять государству устройству собственной жизни, поступаясь иногда некоторыми своими правами и свободами.

Отчасти данный факт обусловлен высоким статусом конституционного права на жилище и его неприкосновенность, относящегося к основным правам человека и закрепленного целым рядом международных правовых актов. Но сама особенность связана с устойчивостью сформировавшегося правосознания, прежде всего – с государственно-патерналистским комплексом представлений, выработанным привычкой жить в условиях распределительной системы¹. Патерналистские установки населения и государства в данной сфере приводят, помимо прочего, к особенностям правового инструментария при регулировании жилищных отношений. В частности, к большому количеству ограничений жилищных прав граждан, наличие которых в механизме правового регулирования само по себе не является его отрицательной характеристикой – ограничения необходимы для соблюдения баланса частного с публичным. При том, однако, условия, что такие ограничения являются законными.

Критерий законности ограничений жилищных прав включает в себя, помимо прочего, законность формы – а именно закрепленность нормы, содержащей правовое ограничение, в федеральном законе (п. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации). П. 3 ст. 1 Жилищного кодекса Российской Федерации, призванный раскрыть названное положение в его отно-

шении непосредственно к жилищным правам, и в остальном полностью его воспроизводящий, допускает небольшое, но существенное различие в формулировках, устанавливая, что «жилищные права могут быть ограничены на основании федерального закона» (курсив наш – К. Ш.). Буквальное прочтение текста указанной нормы в сравнении с названным положением ст. 55 Конституции Российской Федерации наводит на мысль о том, что законодатель фактически допускает иные формы ограничений жилищных прав, нежели закрепление их в федеральном законе (например, в подзаконном акте), при условии наличия неких установленных законом оснований. И, несмотря на, казалось бы, очевидную неконституционность положения, соответствующая практика в нормотворчестве не редка.

Например, Правила предоставления коммунальных услуг собственникам и пользователям помещений в многоквартирных домах и жилых домов² (далее – «Правила»), устанавливают право (и обязанность) исполнителя коммунальных услуг осуществлять проверку технического и санитарного состояния внутриквартирного оборудования, проверку достоверности передаваемых потребителем сведений о приборах учета и их состояния, для чего не чаще чем 1 раз в 3 месяца требовать предоставления доступа в жилое помещение (пп. «б», «г» п. 32, п. 82 Правил) и корреспондирующую обязанность потребителя коммунальных услуг такой доступ предоставить (пп. «е», «ж» п. 34, пп. «б» п. 85 Правил). И если ограничение конституционного права человека на неприкосновенность жилища есть качественное и (или) количественное исключение либо сужение объема и содержания данного права³, которое мо-

1 Вовк В.К. Патернализм в российском правовом менталитете: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2010. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://kubsau.ru/upload/iblock/b3f/b3f61fb050df91f1eced4d72e3e4e879.pdf> (дата обращения: 03.05.2018).

2 Правила предоставления коммунальных услуг собственникам и пользователям помещений в многоквартирных домах и жилых домов : утв. Постановлением Правительства Российской Федерации от 6 мая 2011 г. № 354. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант плюс».

3 О понятии ограничений прав и свобод человека см., напр.: Ягофарова И. Д. Основные характеристики ограничения прав и свобод человека: теоретико-правовой аспект // Академический юридический журнал. 2002. № 4. С. 6.

жет выражаться, помимо прочего, в установлении запретов, обязанностей, сроков осуществления и иных обременений⁴, то установление обязанности по предоставлению доступа некоему лицу в жилое помещение, безусловно, таковым является. Законно ли такое ограничение?

Верховный Суд Российской Федерации на такой вопрос ответил утвердительно, отметив, что названные положения федеральному закону или другому нормативному правовому акту, имеющему большую юридическую силу, не противоречат, прав и законных интересов не нарушают⁵. Полагаем, что такой вывод опирается как раз на п. 3 ст. 1 Жилищного кодекса Российской Федерации, касающийся ограничения жилищных прав на основании федерального закона, в целях защиты прав и законных интересов других лиц. Но если ограничение основного права установлено подзаконным нормативным актом, конституционно ли такое ограничение?

На этот вопрос утвердительно ответил и Конституционный Суд Российской Федерации, указав, что рассматриваемые положения не предполагают вход работников исполнителя в жилое помещение потребителя без согласия последнего⁶. На наш взгляд, позиция, по меньшей мере, странная, учитывая, что: а) нормативным правовым актом установлена прямая обязанность по предоставлению доступа в помещение (а предоставление доступа предполагает вход в него); б) предусмотрены неблагоприятные финансовые последствия (санкция) за невыполнение такой обязанности, в виде начисления платы за потребляемые коммунальные ресурсы, исходя из нормативов потребления, что в подавляющем большинстве случаев означает дополнительные расходы потребителя; в) указанное, сужая объем и содержание права на неприкосновенность жилища, содержит все признаки ограничения такого права, при этом установленного подзаконным актом, что по форме противоречит прямому требованию Конституции Российской Федерации.

Дополнительного внимания заслуживает позиция о том, что рассматриваемое ограничение является договорным и касается исключительно сторон отношений ресурсоснабжения, в которых потребитель добровольно принимает на себя соответствующие обязательства по договору ресурсоснабжения, в том числе путем совершения конклюдентных действий⁷, а Правила лишь регулируют условия такого договора. Приведенную аргументацию считаем необоснованной по следующим причинам.

По итогам крайней переписи населения Российской Федерации, опубликованным Росстатом, 65 процентов россиян проживают в многоквартирных домах⁸. То есть, обязанность большинства россиян по вступлению в правовые отношения, связанные с предоставлением коммунальных услуг, не зависит от их волеизъявления, и возникает с момента регистрации права собственности или заключения договора найма (п. 2 ст. 153 Жилищного кодекса Российской Федерации). К данным отношениям не применимы положения гражданского законодательства о свободе договора, они регулируются императивными нормами законодательства, потребители коммунальных услуг не имеют правовой возможности в них не вступать. Более того, право на неприкосновенность жилища, являясь

основным правом⁹, неотчуждаемо в силу п. 2 ст. 17 Конституции Российской Федерации, а соглашение сторон договора об отказе от такого права полностью или в части является ничтожным.

Резюмируя вышесказанное, отметим следующее. Российское законодательство содержит ограничения основных прав граждан, установленные с пороком формы закрепления. Данный факт вовсе не свидетельствует о нецелесообразности или несоразмерности таких ограничений. Возвращаясь к рассмотренному в данной статье примеру, полагаем, что доступ к оборудованию, обслуживающему более одного помещения в многоквартирном доме, необходим в целях обеспечения надлежащего содержания общего имущества собственников помещений в таком доме, а доступ к индивидуальным приборам учета – в целях обеспечения надлежащих расчетов за потребленные коммунальные ресурсы. Тем не менее, юридически такие ограничения являются незаконными, и необходимо провести серьезную законодательскую работу с целью устранения обозначенной проблемы и недопущения дискреционных полномочий иных, кроме федерального законодателя, органов по установлению ограничений основных прав человека.

Пристатейный библиографический список

1. Определение Верховного суда Российской Федерации от 16 апр. 2013 г. № АПЛ13-138 // Бюллетень Верховного суда Российской Федерации. 2013. № 11.
2. Определение Конституционного суда Российской Федерации от 24 июня 2014 г. № 1559-О. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант плюс».
3. Правила предоставления коммунальных услуг собственникам и пользователям помещений в многоквартирных домах и жилых домов : утв. Постановлением Правительства Российской Федерации от 6 мая 2011 г. № 354. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант плюс».
4. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 2 июля 2009 г. № 14 «О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при применении Жилищного кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2009. № 9.
5. Решение Верховного суда Российской Федерации от 23 янв. 2013 г. № АКПИ12-631 // Бюллетень Верховного суда Российской Федерации. 2013. № 11.
6. Вовк В. К. Патернализм в российском правовом менталитете: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2010. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://kubsau.ru/upload/iblock/b3f/b3f61fb050df91f1ec4d4d72e3e4e879.pdf> (дата обращения: 03.05.2018).
7. Егорова О. А. Ограничение жилищных прав по законодательству Российской Федерации // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 11.
8. Елков И., Черняк И. Квартирный вопрос // Российская газета. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rg.ru/2013/07/04/socio.html> (дата обращения: 03.05.2018).
9. Статус жилищных прав как основных неоднократно подчеркивался органами высшей судебной власти. См., напр.: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 2 июля 2009 г. № 14 «О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при применении Жилищного кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2009. № 9.

4 Егорова О. А. Ограничение жилищных прав по законодательству Российской Федерации // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 11. С. 74.

5 Определение Верховного суда Российской Федерации от 16 апр. 2013 г. № АПЛ13-138 // Бюллетень Верховного суда Российской Федерации. 2013. № 11.

6 Определение Конституционного суда Российской Федерации от 24 июня 2014 г. № 1559-О. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант плюс».

7 Решение Верховного суда Российской Федерации от 23 янв. 2013 г. № АКПИ12-631 // Бюллетень Верховного суда Российской Федерации. 2013. № 11.

8 Елков И., Черняк И. Квартирный вопрос // Российская газета. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rg.ru/2013/07/04/socio.html> (дата обращения: 03.05.2018).

КРАСНОВА Татьяна Владимировна

кандидат юридических наук, доцент, заведующая кафедрой гражданского права и процесса Тюменского государственного университета

ТРУХИН Николай Валериевич

старший преподаватель кафедры трудового права и предпринимательства Тюменского государственного университета

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ РОДИТЕЛЕЙ ПРИ ПРИМЕНЕНИИ ТРУДА НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ: СТРАТЕГИИ ПРЕОДОЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ РИСКОВ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

В статье проанализированы правовые проблемы, связанные с применением труда несовершеннолетних при производстве видеоматериалов для размещения в сети Интернет. Определены пробелы в законодательстве, требующие соответствующей правовой регламентации.

Ключевые слова: трудовой договор с несовершеннолетними, нравственное развитие, несоблюдение родительских обязанностей, права родителей, интересы детей, защита семейных прав, проблемы правового регулирования.

KRASNOVA Tatyana Vladimirovna

Ph.D. in Law, associate professor, Head of Civil law and civil process sub-faculty of the Tyumen State University

TRUKHIN Nikolay Valerievich

senior lecturer of Labour law and entrepreneurship sub-faculty of the Tyumen State University

PARENTAL RESPONSIBILITY IN THE USE OF JUVENILE LABOUR IN THE INTERNET: STRATEGIES FOR OVERCOMING SOCIAL RISKS IN LEGISLATION

The article analyzes the legal problems associated with the minor's employment in the video materials production for posting on the Internet. Gaps in the legislation that require appropriate legal regulation are identified.

Keywords: minors employment contract, moral development, non-fulfilment of parental responsibilities, parental rights, children's interests, protecting family rights, problems of legal regulation.

Краснова Т. В.

Трухин Н. В.

Организация Объединенных Наций в ст. 25 Всеобщей декларации прав человека провозгласила, что дети имеют право на особую заботу и помощь¹. Особый подход к заботе о детях обусловлен не только этическими аспектами, связанными с восполнением психической и физической незрелости детей, но и сочетанием в этом вопросе частных и публичных начал, выраженных в известной мысли о том, что «мир управляется из детской». Эта мысль была развита в трудах великого философа Ивана Ильина, по мнению которого «из детской» берут начала пути не только к спасению мира, но и к его гибели². Отсюда становятся очевидными и значимость вопросов заботы, и особое внимание к поведению людей, призванных ее оказывать. Согласно действующей редакции ст. 63 Семейного кодекса Российской Федерации (далее – СК РФ) в первую очередь такими людьми являются родители.

Анализ существующих подходов к определению термина «забота» позволяет сделать вывод о том, что забота воплощается в создании условий для удовлетворения потребностей ребенка и содействует его благополучию. В науке существуют более детальные экспликации: «забота – это психическое явление, которое заключается в осознании потребностей, целей, ценностей, смыслов, тенденций развития другого человека,

переживании степени их реализации, а также действиях, направленных на создание условий для их реализации с целью содействия благополучию данного человека»³. Обязанности родителей заботится о ребенке подкрепляются в законодательстве категорией семейно-правовой ответственности, выражающейся в форме неблагоприятных для недобросовестного родителя последствий в виде лишения или ограничения прав. Так, если родители не выполняют своих обязанностей или осуществляют родительские обязанности ненадлежащим образом, то они могут быть лишены родительских прав (ст. 69 СК РФ). Исключительность данной меры подчеркивается невозможностью ее применения в обычных семейных ситуациях, она установлена только для крайних случаев, прямо предусмотренных законом. Для лишения родительских прав необходимо наличие вины, оно возможно только вследствие осознанного поведения родителей (одного из них). При недостаточности оснований для исключительной меры родительской ответственности родитель может быть ограничен в правах (ст. 73 СК РФ). Такое состояние будет временным, поскольку оно либо поспособствует исправлению поведения родителя и восстановлению его в родительских правах, либо приведет к лишению родительских прав, если негативные проявления в поведении родителей будут сохраняться (максимальный срок

1 Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) // Российская газета. 1995. № 67.

2 Ильин И. А. Почему мы верим в Россию: Сочинения. М.: Эксмо, 2007.

3 Андреева М. В. Феноменология заботы личности (на примере учителей с разным уровнем успешности профессиональной деятельности). Автореф. дис. ... канд. психол. наук. Казань, 2009. 21 с.

ожидания реакции со стороны управомоченных органов – 6 месяцев). Если родитель не в состоянии руководить своими действиями и поступками по независящим от него причинам, то он не должен быть лишен родительских прав. В этих случаях применяется ограничение родительских прав (здесь оно выступает как способ защиты прав ребенка, а не как мера семейно-правовой ответственности) или реализуются положения СК РФ об устройстве ребенка, по факту лишившегося родительского попечения (п.1 ст. 123 СК РФ). Благодаря деятельности органов опеки и попечительства и других контролирующих органов даже у недобросовестных родителей существуют серьезные мотивы для осуществления заботы о ребенке.

Сферы проявления родительской заботы в СК РФ не ограничены и не конкретизированы. Указано лишь, что родители обязаны заботиться о здоровье своих детей, их физическом, психическом, нравственном развитии. В первую очередь, пониманием правоприменителя охватываются позиции заботы, проявляющиеся в непосредственном взаимодействии с ребенком и вытекающие из предназначения родителей обеспечить адаптацию ребенка к условиям внешнего мира, в том числе социализацию. Поэтому внимание юридической мысли сосредоточено преимущественно вокруг особенностей внутрисемейной коммуникации родителя и ребенка. Предложения по совершенствованию правовых норм адресуются, как правило, в область семейного законодательства. Между тем родительские права и обязанности реализуются не только в семейных правоотношениях. Детализация соответствующих родительских правомочий произведена в законах Федерального закона «Об актах гражданского состояния»⁴, «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»⁵, Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации»⁶ и др. С названными законами связано более или менее широкое обсуждение проблем реализации родителями права давать согласие на медицинское вмешательство в отношении ребенка, порядка регистрации рождения ребенка и идентификации его личности, а также особенностей реализации родительских прав в сфере образования.

В иных, не менее значимых областях правоотношений, в которых реализуются родительские функции, также имеются поводы для научной дискуссии. Однако активность правовых исследований в них несущественно ниже. Так, например, в ст. 3 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях»⁷ предусмотрено правомочие родителей давать согласие на обучение религии и вовлечение в религиозные объединения своих малолетних детей. Безусловно, данное правомочие вытекает из права и обязанности родителей по воспитанию детей, но оно не может быть с ним отождествлено. Полагаем, что исследования в данной сфере могли бы быть полезными с позиций понимания пределов свободы родителей в вопросах нравственного воспитания и формирования личности ребенка.

Интересным представляется и такой аспект реализации родительских обязанностей как родительский контроль доступа детей к свободно распространяемой информации в

соответствии с Федеральным законом «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»⁸. В научной литературе присутствуют «крайние» позиции, вплоть до предложений применять институт лишения родительских прав при фиксации случаев просмотра детьми неподходящих кинофильмов⁹. Думается, что научная дискуссия в этом ракурсе должна исходить из определения оснований для вмешательства в частную жизнь семьи, соотнесения деструктивных последствий для ребенка от получения негативной информации и вследствие изъятия его из семьи.

Пожалуй, одной из наиболее дискуссионных сфер, в которых реализуются родительские обязанности, является сфера трудовых отношений. Проблема актуализируется с учетом развития современных технологий, позволяющих осуществлять взаимодействие в цифровом пространстве. Очевидно, что само по себе перемещение взаимодействия в электронную среду не исключает родителей из зоны ответственности за соблюдение интересов ребенка и защиту его прав.

При анализе трудового законодательства, регулирующего труд детей, остается актуальным замечание Ф. М. Якшигулова о том, что защита прав детей как особого объекта правовой охраны представляет собой важный исторический процесс, отражающий становление правового статуса личности, а также закрепление нравственно-гуманистических начал в качестве основы законодательства, что особенно актуально для современного этапа государственного устройства России.¹⁰ Ведь, важно отметить, что Трудовой кодекс РФ (далее – ТК РФ) принимался в других реалиях. В нем нет фундамента для регулирования многих современных трудовых отношений.

В настоящий период времени широкое распространение получили случаи создания и размещения видеороликов с участием малолетних детей¹¹ на каналах¹² на платформе YouTube (Ютуб).¹³ В качестве сценаристов, операторов и лиц, размещающих на каналах, данных роликов выступают родители, а дети выступают в качестве актеров (артистов, авторов). При этом на замечание родителей: «это ж мой ребенок...хочу и выставляю», можно возразить, что целью создания и экспонирования таких роликов является систематическое извлечение прибыли, так как, у родителей присутствуют расходы на создание роликов (зачастую покупается дорогостоящее оборудование: камеры, световое и звуковое оборудование, расходы на покупку инвентаря) и доходы (оплата за «клики», выплаты от Ютуба своим партнёрам и др.).

Многие из таких каналов¹⁴ имеют огромное количество постоянных зрителей (подписчиков) и еще большее количество «просмотров».

Можно с высокой долей уверенности говорить, что данные правоотношения между родителями и малолетними

4 Федеральный закон от 15.11.1997 № 143-ФЗ «Об актах гражданского состояния» // Собрание законодательства РФ. 24.11.1997. № 47. Ст. 5340.

5 Федеральный закон от 21 ноября 2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 28.11.2011. № 48. Ст. 6724.

6 Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 31.12.2012. № 53 (ч. 1). Ст. 7598

7 Федеральный закон от 26.09.1997 № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» // Собрание законодательства Российской Федерации. 29.09.1997. № 39. Ст. 4465.

8 Федеральный закон от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» // Собрание законодательства Российской Федерации. 03.01.2011. № 1. Ст. 48.

9 Полянина А. К. Семейно-правовая ответственность родителей за ненадлежащее исполнение обязанности по обеспечению информационной безопасности детей // Семейное и жилищное право. 2015. № 2. С. 37.

10 Якшигулов Ф. М. Актуальность защиты прав и достоинств ребенка в современной России // Вестник ВЭГУ. № 2 (76). 2015.

11 В рамках данной статьи под малолетними детьми предлагаем понимать лиц, не достигших возраста 14 лет.

12 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.youtube.com/channel>.

13 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.youtube.com>.

14 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.youtube.com/channel/UC_8PADOQmi6_gpe77S1Atgg; [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.youtube.com/channel/UC_DVkyYrg5uDDEjLHx4bStig.

детьми носят характер трудовых¹⁵, так как для родителей важна трудовая функция и подчинение определенным правилам поведения, они обеспечивают своих детей рабочим местом и инвентарем для выполнения трудовой функции.

Более того, в результате анализа части 3 статьи 16 и части 1 статьи 61 Трудового кодекса РФ можно прийти к выводу, что между родителями и малолетними детьми, в описанной выше ситуации, имеются возникшие трудовые отношения и трудовой договор, вступивший в силу со дня фактического допущения работника к работе с ведома или по поручению работодателя или его уполномоченного на это представителя.

В тоже время, важно обратить внимание на отсутствие в возникших, по нашему мнению, трудовых отношениях такого важного признака как плата за труд. Представляется, что ни один из таких родителей не выплачивает ребенку заработную плату не реже, чем каждые полмесяца. Однако, родители оплачивают содержание ребенка (одежда, еда, отдых, обучение) за счет поступающих денежных средств. Но, можно ли считать это достойной компенсацией, если родители зарабатывают до 3,5 миллионов рублей в месяц¹⁶, а тратят на содержание детей несоизмеримо меньше.

Проанализировав трудовое законодательство РФ были выявлены некоторые проблемы правового регулирования применения родителями труда малолетних детей при создании и экспонировании видеороликов на Ютуб каналах.

Так, согласно части 4 статьи 63 ТК РФ трудовой договор от имени работника, не достигшего возраста 14 лет, подписывается его родителем (опекуном). Таким образом, возникает ситуация, когда представитель работодателя и законный представитель работника совпадает в одном лице - родителе.

Родитель, применяя труд своих малолетних детей, как видится, преследует 2 цели: некоммерческую – соблюдение прав ребенка и коммерческую – извлечение прибыли, поддержание материального состояния семьи.

Таким образом, можно говорить о ситуации конфликта интересов родителя, как лица, которое должно соблюдать права и интересы ребенка, и работодателя (предпринимателя), как лица, основной целью которого является систематическое получение прибыли и соблюдение трудовой дисциплины.

Ведь предприниматель, ориентируясь на получение прибыли, вообще может при выборе варианта экономического поведения игнорировать юридические нормы исходя из своего понимания рационального выбора.¹⁷

Проблемные вопросы взаимоотношений родителей, которые выступают в роли работодателей, и детей, которые выступают в роли работников, прямо или косвенно рассматриваются различными авторами.

Так, О. В. Садина указывает, что проблемы правового положения несовершеннолетних наблюдаются в системе отношений «несовершеннолетний – его законные представители» (проблемы воспитания и содержания детей и др.), «несовершеннолетний – учреждения, предприятия, организации» (противоправное использование труда несовершеннолетних).¹⁸

А. Н. Тарасенкова указывает, что подростки наряду со взрослыми вправе свободно распоряжаться своими способ-

ностями к труду, трудиться в безопасных условиях, получать зарплату, отдыхать и получать при необходимости защиту от злоупотреблений. Но где та грань между реализацией и эксплуатацией?¹⁹

Трудности возникают и в связи с тем, что до сих пор в юридической литературе четко не выделяли статуса ребенка как особого субъекта.²⁰ В. А. Татаров также справедливо отмечает, что вопрос о ребенке как самостоятельном субъекте гражданских правоотношений является малоизученным.²¹

На существование категории «конфликт интересов» в трудовых отношениях прямо указывают некоторые авторы.²²

Особого внимания заслуживает мнение Л. В. Зайцевой, которая отмечает, что конфликт интересов может быть характерен в отдельных (исключительных) случаях и для представителей работника.²³ По ее мнению, несовпадение интересов несовершеннолетнего работника в возрасте до 15 лет и его законного представителя призваны предупредить и предотвратить органы опеки и попечительства. Однако, ограниченность полномочий законного представителя такого работника, отсутствие законодательно определенных правил сопровождения его трудовой деятельности органами опеки и попечительства создают определенные угрозы нарушения прав и законных интересов работника со стороны законного представителя, который может нарушить как принцип добровольности труда, так и приоритетное право несовершеннолетнего на образование.²⁴

Представляется необходимым выделить несколько уровней разрешения возможного конфликта интересов: баланс законодательства, баланс прав малолетних детей и родителей, баланс прав малолетних детей и органов опеки и попечительства.

На наш взгляд, сложности возникают именно с установлением баланса прав малолетних детей и родителей при съемке роликов с участием детей в роликах на каналах Ютуба.

Совершенно справедливо отмечается Д. Ю. Константиновой, что любой творческий процесс должен быть свободным от принуждения, от неприятных ощущений и ассоциаций, интересным, полным приятных эмоций и доставлять удовольствие ребенку. Его творчество должно быть свободно от стереотипов и штампов, от веяний моды, от диктата и тщеславия родителей.²⁵

Но, как понять, что съемка в роликах на Ютубе свободна от принуждения со стороны родителей и не порождает неприятных ощущений у детей? Ведь на кону у родителей потеря дохода, зачастую, единственного, в случае отказа ребенка от съемок в роликах.

Похожую точку зрения можно найти и у Ю. Ф. Беспалова, по его мнению: «участие иных лиц в формировании воли ребенка не всегда способствует выражению им собственного желания. Однако законные представители и иные лица не всегда полноценно, не в ущерб ребенку осознают свое назначение в

15 Статья 15 Трудового кодекса РФ.

16 Сколько зарабатывает Мистер Макс. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ingenerhvostov.ru/zarabotok-v-internete/skolko-zarabatyivaet-mister-maks.html> (дата обращения: 23.04.2018 г.).

17 Гаджиев Г. А. Легитимация идей «Права и экономики» (новые познавательные структуры для гражданского права) // Вестник гражданского права. 2017. № 6.

18 Садина О. В. Правовой статус несовершеннолетнего в российском законодательстве: теоретико-правовой анализ. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Мытищи, 2009. 20 с.

19 Тарасенкова А. Н. Труд детей и подростков: что говорит закон. М.: Редакция «Российской газеты», 2015. Вып. 21. 128 с.

20 Летова Н. В. Правовой статус ребенка // Государство и право. 2010. № 11. С. 77-86.

21 Татаров В. А. К вопросу о самостоятельности ребенка как участника гражданских правоотношений // Юрист. 2017. № 4. С. 19 - 23.

22 Моцная О. В. Конфликт интересов как предпосылка возникновения трудового спора // Журнал российского права. 2017. № .

23 Зайцева Л. В. Конфликт интересов в трудовых отношениях с участием представителей: проблемы и пути их преодоления // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 4.

24 Там же.

25 Константинова Д. Ю. Особенности реализации конституционных права несовершеннолетних на свободу творчества в Российской Федерации // Вестник РГГУ. № 1 (3). Серия «Экономика. Управление. Право». 2016.

осуществлении заботы о ребенке. Порой их собственная воля полностью подменяет волю ребенка и влечет нарушение его прав».²⁶

Рассуждая об интересах ребенка в семейном праве, О. Ю. Ильина отмечает, что «ребенок может вообще неправильно понимать свои интересы, поэтому заслуживает внимания и вопрос злоупотребления родителями своими правами в форме подавления истинного интереса ребенка родительским авторитетом, когда на самом деле интересы родителей выдаются за интересы детей».²⁷

Сложности с установлением баланса в рассматриваемой ситуации связаны с тем, что правовой статус малолетних детей урегулирован целым рядом положений кодифицированного законодательства (семейное, гражданское, трудовое и т. д.). Как справедливо отмечает Д. Ю. Константинова, все эти нормы не имеют единой концептуальной основы в отношении малолетних детей.²⁸

Полагаем, при разработке всех нормативно-правовых актов в сфере регулирования труда малолетних, в том числе, в сети Интернет, необходимо сформировать своего рода ядро – интегрирующее начало, совокупность ключевых идей, вокруг которых должно строиться регулирование. К этим идеям относятся: во-первых, цель правового регулирования соответствующих отношений; во-вторых, фундаментальные начала такого регулирования; в-третьих, ключевые приемы, используемые для регулирования отношения.²⁹

При этом интегрирующим началом должен выступать принцип соблюдения баланса прав и законных интересов детей и родителей в случае их конкуренции, который подразумевает приоритетное обеспечение интересов детей.³⁰

Соглашаемся с А. К. Поляниной, что принцип «презюмции наличия угрозы интересам ребенка» и приоритетная цель обеспечения прав ребенка обуславливают, соответствующие меры правового регулирования общественных отношений, связанных с оказанием информационного воздействия на детей, которое может «негативно отразиться на их психологическом состоянии и развитии и на социальной адаптации», и с возможной деформацией представлений ребенка о принятых в обществе ценностях.³¹

В заключение подчеркнем, что развитие Интернет технологий ставит перед правовой наукой новые задачи. Реализация прав ребенка в формирующейся информационной среде представляет собой особую область междисциплинарных исследований, призванных сформировать необходимый теоретический задел для обновления действующего законодательства. Важно, чтобы в условиях динамично трансформирующихся общественных отношений забота о детях и приоритет их интересов оставались незыблемыми принципами совершенствования юридических норм и ведущими направлениями научной деятельности.

26 Беспалов Ю. Ф. Воля и интерес ребенка по семейному и гражданскому законодательству РФ. XII Международная научно-практическая дистанционная конференция «Наука и образование» 1-2 июля 2016 г. Мюнхен, Германия // Сборник трудов.

27 Ильина О. Ю. Интересы ребенка в семейном праве Российской Федерации. М.: Городец, 2006. С. 27.

28 Константинова Д. Ю. Указ. соч.

29 Филиппова С. Ю. Российское частное право: принцип системности и социокультурный контекст // Закон. 2017. № 11.

30 Постановление Конституционного Суда РФ от 8 июня 2010 г. № 13-П.

31 Полянина А. К. Понятие автономии личности в постановлениях Конституционного Суда Российской Федерации // Современное право. 2015. № 3.

Пристатейный библиографический список

1. Андреева М. В. Феноменология заботы личности (на примере учителей с разным уровнем успешности профессиональной деятельности). Автореф. дис. ... канд. психол. наук. Казань, 2009. 21 с.
2. Беспалов Ю. Ф. Воля и интерес ребенка по семейному и гражданскому законодательству РФ. XII Международная научно-практическая дистанционная конференция «Наука и образование» 1 - 2 июля 2016 г. Мюнхен, Германия // Сборник трудов. С. 127-131.
3. Гаджиев Г. А. Легитимация идей «Права и экономики» (новые познавательные структуры для гражданского права) // Вестник гражданского права. 2017. № 6. С. 108-173.
4. Зайцева Л. В. Конфликт интересов в трудовых отношениях с участием представителей: проблемы и пути их преодоления // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 4.
5. Ильин И. А. Почему мы верим в Россию: Сочинения. М.: Эксмо, 2007. С. 231-232.
6. Ильина О. Ю. Интересы ребенка в семейном праве Российской Федерации. М.: Городец, 2006.
7. Константинова Д. Ю. Особенности реализации конституционных права несовершеннолетних на свободу творчества в Российской Федерации // Вестник РГТУ. № 1 (3). Серия «Экономика. Управление. Право», 2016. С. 129-136.
8. Летова Н. В. Правовой статус ребенка // Государство и право. 2010. № 11. С. 77-86.
9. Моцная О. В. Конфликт интересов как предпосылка возникновения трудового спора // Журнал российского права. 2017. № 11. С. 87-95.
10. Полянина А. К. Понятие автономии личности в постановлениях Конституционного Суда Российской Федерации // Современное право. 2015. № 3. С. 63-68.
11. Полянина А. К. Семейно-правовая ответственность родителей за ненадлежащее исполнение обязанности по обеспечению информационной безопасности детей // Семейное и жилищное право. 2015. № 2.
12. Садина О. В. Правовой статус несовершеннолетнего в российском законодательстве: теоретико-правовой анализ. Автореф. дис. кандидата юридических наук. Мытищи, 2009. 20 с.
13. Сколько зарабатывает Мистер Макс. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ingenerhvostov.ru/zarabotok-v-internete/skolko-zarabatyivaet-mister-maks.html> (дата обращения: 23.04.2018 г.).
14. Тарасенкова А. Н. Труд детей и подростков: что говорит закон. М.: Редакция «Российской газеты», 2015. Вып. 21. 128 с.
15. Татаров В. А. К вопросу о самостоятельности ребенка как участника гражданских правоотношений // Юрист. 2017. № 4. С. 19-23.
16. Филиппова С. Ю. Российское частное право: принцип системности и социокультурный контекст // Закон. 2017. № 11. С. 134-144.
17. Якшигулов Ф. М. Актуальность защиты прав и достоинств ребенка в современной России // Вестник ВЭГУ. № 2 (76). 2015. С. 215-221.

МАННАПОВА Мария Владимировна

аспирант кафедры гражданско-правовых дисциплин Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ НОТАРИУСА И МЕДИАТОРА ПО РОССИЙСКОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ: СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

Еще задолго до принятия нормативного акта, регламентирующего на законодательном уровне процедуру медиации, в юридической литературе активно обсуждались различные вопросы, связанные с малоизвестной на тот период процедурой. Особенно актуальным оказалось обсуждение перспектив участия нотариуса в роли медиатора в процедуре урегулирования разногласий между сторонами. Ссылаясь на многолетний зарубежный опыт участия нотариуса в процедуре медиации и, отмечая схожесть в принципах деятельности этих двух участников гражданского оборота, многие авторы предсказывали возможность успешной деятельности российского нотариуса в качестве медиатора.

В связи с указанным представляется актуальным определение гражданско-правового положения, как медиатора, так и нотариуса, выявление схожих черт и различий.

Ключевые слова: нотариус, медиатор, урегулирование разногласий, гражданско-правовой статус, медиация.

MANNANOVA Mariya Vladimirovna

postgraduate student of Civil law disciplines sub-faculty of the G. V. Plekhanov Russian University of Economics

CIVIL STATUS OF A NOTARY AND A MEDIATOR UNDER RUSSIAN LAW: A COMPARATIVE CHARACTERISTIC

Long before the adoption of the normative act regulating the mediation procedure at the legislative level, various issues related to the procedure, little known at that time, were actively discussed in the legal literature. Particularly relevant was the discussion of the prospects for participation of a notary in the role of a mediator in the procedure for settling disputes between the parties. Referring to the long-term foreign experience of participation of a notary in the mediation procedure and noting the similarity in the principles of activity of these two participants of civil circulation, many authors predicted the possibility of a successful activity of a Russian notary as a mediator.

In connection with this, it is important to define the civil legal status, of both the mediator and the notary, to identify similar features and differences.

Keywords: notary, mediator, settlement of disagreements, civil status, mediation.

На сегодняшний день в Российской Федерации можно выделить два основных нормативных акта, регламентирующих правовой статус и принципы деятельности указанных лиц – это Федеральный закон «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» и «Основы законодательства Российской Федерации о нотариате».

В 2010 году в Российской Федерации был принят долгожданный закон, закрепивший понятие медиации, порядок ее проведения, основополагающие принципы, правовое положение участников.

Как следует из закона, в роли медиатора может выступать как физическое, так и юридическое лицо, одним из видов деятельности которого, является проведение процедур медиации; медиатор может быть, как профессиональным участником, имеющим соответствующее образование, так и непрофессиональным, то есть, по сути, любым лицом, отвечающим минимальному набору требований, установленных законом.

Положения закона в части определения требований к медиатору как участнику гражданско-правовых отношений сформулированы достаточно гибко, что позволяет любому желающему дееспособному лицу, достигшему возраста 18 лет и не имеющему судимости, попробовать себя в роли «непрофессионального» посредника при медиации.

Для оказания услуг по медиации в качестве профессионального участника процедуры, претенденту необходимо достигнуть двадцатипятилетнего возраста, иметь высшее образование и дополнительное профессиональное образование по

вопросам применения процедуры медиации. При этом закон оставляет открытым вопрос о специальности и профиле высшего образования медиатора.

Профессиональное образование по вопросам медиации можно получить в специализированных организациях или институтах, обучающих медиации в соответствии с «Программой подготовки медиаторов», утвержденной Приказом Министерства образования и науки РФ от 14.02.2011 г. № 187.

В 2017 году членом Совета Федерации Федерального Собрания РФ Л. Н. Боковой был внесен в Государственную Думу законопроект, предусматривающий значительные изменения в статусе медиатора. В частности, предлагалось исключить пункты о возможности проведения медиации на непрофессиональной основе и ужесточить требования к медиатору как профессиональному участнику, участвующему в процедуре медиации.

Как следует из информации, размещенной на сайте Системы обеспечения законодательной деятельности¹, указанный законопроект под номером 290871-7 был отклонен профильным комитетом на стадии предварительного рассмотрения законопроекта.

Закон не устанавливает перечень прав и обязанностей медиатора, подразумевая, что стороны вправе самостоятельно их определить в соглашении о проведении процедуры медиации.

1 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://sozd.parlament.gov.ru/bill/290871-7>.

Исходя из самой сущности процедуры медиации, медиатор выступает в роли в роли третьей независимой стороны, в роли некоего арбитра, регулирующего процесс достижения согласия, но не вмешивающегося по существу в предмет спора. Медиатор не может принимать позицию участников спора, высказывать свое мнение или давать оценку. Медиатор должен создать рабочую атмосферу, обеспечить конструктивный диалог и совместную работу сторон на пути к разрешению конфликта.

Закон не запрещает медиатору заниматься какой-либо иной не запрещенной законом деятельностью, однако именно в процедуре медиации роль посредника со всеми вытекающими функциями является основным направлением его деятельности.

Установлена законом и ответственность медиатора, которая наступает за вред, причиненный сторонам в результате осуществления деятельности по обеспечению проведения процедуры медиации. То есть, законом предусмотрена гражданско-правовая ответственность медиатора.

Сравнивая правовое положение медиатора с положением нотариуса нельзя не согласиться с мнением Черемных И. Г., согласно которому характерные для медиатора черты и принципы его деятельности во многом органически присущи деятельности нотариальной². Нотариус, осуществляя свои полномочия, также должен придерживаться нейтралитета, не оказывая никому предпочтения и не склоняя к совершению каких-либо действий, разъяснять сторонам их права и обязанности.

Все большее распространение среди действующих нотариусов приобретает оказание услуг по медиации. Так, на сайте нотариуса города Москвы - Нечаевой Светланы Васильевны³ особым разделом выделена и разъяснена суть услуги по медиации. Указано, что данная услуга заключается в последовательном консультировании сторон по вопросам, связанным с заключением соглашения, в помощи в выборе наиболее приемлемых для всех сторон условий соглашения. После согласования сторонами всех условий договора, нотариус составляет соответствующее соглашение и удостоверяет его.

Между тем, несмотря на некую схожесть функций нотариуса с элементами деятельности медиатора, можно увидеть существенные различия в правовом положении указанных участников.

Закон устанавливает большее количество требований и ограничений применительно к нотариусу. Нотариус, в отличие от медиатора, не вправе заниматься предпринимательской и иной оплачиваемой деятельностью, помимо научной, преподавательской и иной творческой.

Требования закона, предъявляемые к претенденту на должность нотариуса, сформулированы достаточно жестко и не позволяют любому лицу занять это место. Помимо требований о наличии высшего, обязательно юридического образования, и достижения двадцатипятилетнего возраста (но не старше семидесяти пяти лет), нотариус должен также иметь стаж работы по юридической специальности не менее чем пять лет, и сдать квалификационный экзамен. Кроме того, установлены ограничения на занятие должности нотариуса.

Правам, обязанностям и ответственности нотариуса посвящена целая глава «Основ законодательства РФ о нотариате».

Не рассматривая подробно весь комплекс прав и обязанностей, скажем лишь, что основной обязанностью, основной задачей нотариуса является оказание лицам, обратившимся к нему, содействия в осуществлении их прав и защите законных интересов.

Что касается однозначного определения правового статуса нотариуса, здесь возникают некие сложности, поскольку статус нотариуса в некотором роде можно назвать особым в виду сочетания публичных и частных интересов.

И.Г. Черемных и Г.Г. Черемных указывали на то, что нотариус выступает с одной стороны, как лицо, уполномоченное государством на выполнение государственной функции по защите прав и свобод граждан, действующее от имени государства, с другой - представитель свободной профессии, выступающий в качестве независимого консультанта сторон⁴.

Применительно к процедуре медиации, можно говорить о том, что, если, как указывалось выше, для медиатора процесс урегулирования разногласий является основным видом деятельности, то в практике нотариуса это всего лишь одно из возможных направлений его деятельности. Широкий спектр действий, осуществляемых нотариусом, позволяет ему выступать в роли медиатора при обращении к нему сторон, не способных самостоятельно, без посторонней помощи прийти к желаемому соглашению.

Таким образом, в правовом статусе указанных лиц можно выделить как общие черты, так и разительные отличия. Однако, несмотря на некоторые схожие черты в правовом положении и принципах деятельности нотариуса и медиатора, каждый из них является самостоятельным участником гражданского оборота с присущим только ему набором прав и обязанностей.

Пристатейный библиографический список

1. Основы законодательства Российской Федерации о нотариате» от 11.02.1993.
2. Федеральный закон от 27.07.2010 № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации).
3. Черемных Г. Г., Черемных И. Г. Нотариальное право РФ: Учебник М.: Эксмо, 2006. 714 с.
4. Черемных И. Г. Перспективы участия нотариуса в процедуре медиации // Современное право. 2006. № 11.

2 Черемных И. Г. Перспективы участия нотариуса в процедуре медиации // Современное право. 2006. № 11.

3 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://notarius-nechaeva.ru/>.

4 Черемных Г. Г., Черемных И. Г. Нотариальное право РФ: Учебник. М.: Эксмо, 2006. 714 с.

ИГБАЕВА Гузель Римовна

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Уфимского юридического института МВД России

ШАКИРОВА Зульфья Римовна

кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры истории и теории государства и права Уфимского юридического института МВД России

ИНСТИТУТЫ НЕОБХОДИМОЙ ОБОРОНЫ И КРАЙНЕЙ НЕОБХОДИМОСТИ В ГРАЖДАНСКОМ И УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

В статье исследуется соотношение институтов необходимой обороны и крайней необходимости в гражданском и уголовном законодательстве в плоскости общественно-полезных действий. Рассматриваются условия необходимой обороны крайней необходимости, закрепленные гражданским законодательством, определяются пределы правомерности действий в условиях необходимой обороны и крайней необходимости. Формулируется предложение об изменении п. 2. ст. 1067 ГК РФ.

Ключевые слова: гражданское законодательство, уголовное законодательство, необходимая оборона, крайняя необходимость, причинитель вреда, вред, условия необходимой обороны, пределы крайней необходимости.

IGBAEVA Guzel Rimovna

Ph.D. in Law, associate professor of Civil law disciplines sub-faculty of the Ufa Law Institute of the MIA of Russia

SHAKIROVA Zulfiya Rimovna

Ph.D. in Law, senior lecturer of History and theory of state and law sub-faculty of the Ufa Law Institute of the MIA of Russia

INSTITUTES OF NECESSARY DEFENSE AND URGENT NECESSITY IN CIVIL AND CRIMINAL LAW

The article examines the correlation between the institutions of necessary defense and urgent necessity in civil and criminal legislation in the plane of social and useful actions. The article deals with the conditions of necessary defense, which are fixed by the civil legislation, and defines the limits of legality of actions in the conditions of necessary defense and urgent necessity. A proposal to amend paragraph 2 of article 1067 of the civil code is being formulated.

Keywords: civil law, criminal law, necessary defense, extreme necessity, causator of harm, harm, conditions of necessary defense, limits of extreme inviolability.

В рамках гражданского оборота умаление субъективных прав может произойти как от правомерных действий (бездействий) лиц, так и от неправомерных¹.

К числу первой категории Гражданский кодекс РФ относит следующие обстоятельства:

- 1) вред, причиненный в состоянии необходимой обороны;
- 2) вред, причиненный в условиях крайней необходимости.

Разрешение вопросов касательно данных институтов имеет актуальный характер в связи с тем, что при необходимой обороне лицо, причинившее вред освобождается от ответственности, а в случае действия правил крайней необходимости – обязуется возместить вред, причиненный третьему лицу.

Институты необходимой обороны и крайней необходимости являются межотраслевыми, которые регламентируются уголовным и гражданским законодательством.

Под необходимой обороной признается способ защиты права, в результате которого вред причиняется лицу, осуществившему изначально посягательство.

При этом содержание необходимой обороны в гражданском праве несколько шире, чем в уголовном. Так, в рамках уголовного законодательства под признаки необходимой обороны входят такие деяния, которые попадают под состав уголовно-наказуемого деяния, но в силу своей специфики, не признаются преступлением. Однако в гражданском обороте действия посягающего лица помимо элементов преступления, могут содержать и признаки иного правонарушения. Так, например, в случае, когда в целях обороны от нападавшего обороняющийся разорвал на нем одежду и связал его нападавшего, никаких оснований для признания его действий под-

падающими под признаки состава преступления может и не быть. Однако факт причинения вреда налицо, и такой вред не подлежит возмещению как причиненный в состоянии необходимой обороны.

Существует ряд условий, при одновременном наличии которых можно говорить о действиях в ситуации необходимой обороны. Они одинаково применяются как в уголовном, так и в гражданском праве. К числу таковых относятся:

- 1) наличность посягательства, что выражается в наступлении или возможном наступлении посягательства в данный момент и фактом неоконченного действия;
- 2) действительность, отражающая степень существования посягательства в реальной действительности, а не в воображении обороняющегося;
- 3) противоправность, характеризующее посягательство как нарушающее требования законодательства;
- 4) вред, причиненный лицу, изначально совершившему или намеревающегося совершить посягательство;
- 5) отсутствие превышения пределов необходимой обороны, вытекающее из смысла п. 2 ст. 14 ГК РФ, согласно которому способы самозащиты должны быть соразмерны нарушению и не выходить за пределы действий, необходимых для его пресечения.

Превышение пределов необходимой обороны² имеет место тогда, когда способы защиты выходят за пределы необходимости предотвратить созданную посягательством опасность, а также в превышении интенсивности защиты над интенсивностью нападения.

По мнению Н. Малеина, вред, причиненный при превышении пределов необходимой обороны, должен возмещаться

1 Основы гражданского права / Арутюнян М. С., Игбаева Г. Р., Курбанов Д. А., Лысенко Е. С., Рахимов Э. Х., Хисматуллин О. Ю., Чернова Г. Ш., Шакирова З. Р. Курс лекций. Уфа, 2016.

2 Грибанов В. П. Осуществление и защита гражданских прав // Учебник, 2-ое издание. М., 2001. С. 56.

по принципу «смешанной ответственности»³. То есть необходимо рассматривать фактические обстоятельства случившегося с учетом как вины причинителя вреда (т. е. обороняющегося от нападения лица), так и потерпевшего (т. е. нападавшего).

Что касается крайней необходимости, то из смысла ст. 1067 ГК РФ вытекает, что под действиями, совершенными в состоянии крайней необходимости, понимаются такие действия, которые предпринимаются лицом для устранения опасности, угрожающей самому причинителю вреда или другим лицам, если эта опасность при данных обстоятельствах не могла быть устранена иными средствами.

Несмотря на наличие определенных аналогичных элементов необходимой обороны, крайняя необходимость содержит в себе значительно отличающиеся и выделяющие в рамках самостоятельного института признаки.

Сходства между двумя этими категориями правомерных действий, причиняющих вред иному лицу, заключаются в следующих моментах:

Во-первых, защита от вреда осуществляется в целях сохранения субъективных прав и интересов граждан, общества и государства.

Во-вторых, лицо действует в силу обстоятельств, не зависящих от его воли, то есть при условиях, вынуждающих причинить вред как единственно возможный способ защиты своих (чужих) прав, в силу чего законодатель признает данные действия общественно-полезными.

Однако если речь идет о крайней необходимости, источником, представляющим опасность для заинтересованных лиц, выступают непреодолимая сила, неисправные механизмы, животные и другое. При необходимой обороне источником опасности выступают всегда посягающее лицо.

Так, Благодатских, осуществляя охоту по лицензии на барсук, бобра и куницу, выстрелил и убил рысь, которая шла на него, вела себя агрессивно по отношению к нему и другим людям, а обычно рысь избегает человека. Как выяснилось, об этом его попросил владелец «Яков Парк» С. Лазарев, сообщив о том, что на территорию парка зашла рысь, которая загрызла одного животного, и, соответственно он опасался за жизнь и здоровье посетителей «Яков Парка». Поскольку получить лицензию представлялось невозможным, ввиду того, что был выходной, промедлить он не мог ввиду сложившейся ситуации (рысь нападает на людей будучи голодной или больной бешенством). Так как он действовал с целью предотвратить угрозу по отношению к остальным животным и посетителей, находившихся на территории «Яков Парка», его действия квалифицировали как совершенные в состоянии крайней необходимости. Соответственно по ч. 1 ст. 8.37 КоАП РФ Благодатских не был привлечен к ответственности за нарушение правил охоты, но в порядках гражданского законодательства суд обязал⁴ возместить причиненный вред животному миру.

Также следует отметить, что в ситуации необходимой обороны обороняющимся может признаваться только гражданин, ибо субъектом преступления всегда является физическое лицо, и только ему можно нанести физический вред. При крайней необходимости в качестве обороняющегося субъекта может выступать и организация.

Отличия имеются также в отношении субъектов, которым причиняется вред. Так, обязательно условием применения правил необходимой обороны является факт причинения вреда посягающему лицу. При крайней необходимости вред причиняется всегда третьему лицу, которое, как правило, изначально и не знает о факте, причиненного ему вреда.

Необходимым фактором правомерности действий в условиях крайней необходимости является условие о том, что причиненный вред должен быть меньше, чем предотвращенный. В силу чего, если вред предотвращенный соразмерен причиненному, то о крайней необходимости не может быть и речи.

Законодатель относит оба института в качестве общественно-полезных несмотря на различия в их правовой природе. Возникает вопрос относительно положения о возмещении вреда, который приводит к противоположным последствиям. При соблюдении требований правомерности необходимой обороны вред не возмещается лицом, его причинившим, однако, в ситуации крайней необходимости предусматривается иная иллюстрация.

По общему правилу, вред, причиненный в состоянии крайней необходимости, подлежит возмещению лицом, непосредственно его причинившим.

Законодатель пробует объяснить это тем, что при необходимой обороне вред причиняется лицу, которое совершило посягательство, в связи с чем его действия изначально носят неправомерный характер и о какой-либо защите имущества и неимущественных интересов речи быть не может. Так, при крайней необходимости вред причиняется не вследствие неправомерных действий кого-либо, а в общественно-полезных целях.

Таким образом, с учетом фактических обстоятельств дела суд вправе возложить обязанность по возмещению вреда на третье лицо, в интересах которого действовал причинивший вред, либо освободить от возмещения вреда полностью или частично как третье лицо, так и причинившего вред. Например, спасая тонувшего в реке гражданина, другой гражданин использовал стоявшую у берега лодку, из которой предварительно выбросил в воду находившееся в ней чужое имущество. Обязанность по возмещению причиненного им вреда была возложена судом на спасенного, неосторожно купавшегося в опасном месте.

Справедливости ради, целесообразно изменить трактовку п. 2. ст. 1067 ГК РФ относительно положения о «праве» суда на возложение обязанности по возмещению вреда на лицо, в интересах которого действовал причинитель вреда, на «обязанность». Такая поправка позволит достигнуть справедливого результата по отношению к лицу, причинившему вред, ибо нецелесообразно взыскивать с него ущерб в виду того, что действия происходят в чужих интересах.

Пристатейный библиографический список

1. Алексеев С. С. Гражданское право // Учебник. М., 2016.
2. Грибанов В. П. Интерес в гражданском праве // Советское государство и право. № 1. М., 1967.
3. Грибанов В. П. Осуществление и защита гражданских прав // Учебник, 2-ое издание. М., 2001.
4. Дюбо Е. Г. Защита нематериальных благ и неимущественных прав граждан и юридических лиц в гражданском праве России: монография // Учебник. М., 2014.
5. Кочеткова Ю. А. Соотношение вещно-правовых и обязательственно-правовых способов защиты права собственности: древнеримские истоки и современная Россия // Актуальные проблемы гражданского права. Вып. 2. М., 2000.
6. Курбанов Р. А., Эриашвили Н. Д., Анисеева Т. М. и др. Основы гражданского права // Учебник. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2015.
7. Малеин Н. Возмещение вреда, причиненного в состоянии необходимой обороны и крайней необходимости // Советская юстиция. № 20. М., Госориздат РСФСР, 1964.
8. Мейер Д. И. Русское гражданское право // Учебник. М., 1997.
9. Мозолин В. П. Гражданское право // Учебник. М., 2015.
10. Основы гражданского права / Арутюнян М. С., Игбаева Г. Р., Курбанов Д. А., Лысенко Е. С., Рахимов Э. Х., Хисматуллин О. Ю., Чернова Г. Ш., Шакирова З. Р. Курс лекций. Уфа, 2016.

3 Малеин Н. Возмещение вреда, причиненного в состоянии необходимой обороны и крайней необходимости // Советская юстиция. № 20. М., 1964. С. 121.

4 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rospravosudie.com/court-omutninskij-rajonnyj-sud-kirovskaya-oblast-s/act-525442383>.

ПАКСИМАДИ Екатерина Эдуардовна

аспирант кафедры интеллектуальных прав Московского государственного юридического института имени О. Е. Кутафина

Паксимади Е. Э.

ДОСРОЧНОЕ ПРЕКРАЩЕНИЕ ПРАВ НА ТОВАРНЫЙ ЗНАК: СРОКИ И ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТОВАРНОГО ЗНАКА

В статье рассматриваются положения статьи 1486 Гражданского кодекса Российской Федерации. Исследуется вопрос об обязанности использования товарного знака правообладателем, затрагиваются проблемы определения и «срока неиспользования» обозначения. Анализируются изменения, внесенные в статью 1486 Гражданского кодекса Российской Федерации.

Ключевые слова: статья 1486 ГК РФ, товарный знак, досрочное прекращение, заинтересованное лицо, неиспользование товарного знака.

PAXIMADI Ekaterina Eduardovna

postgraduate student of Intellectual rights sub-faculty of the O. E. Kutafin Moscow State Institute of Law

TRADEMARK'S EARLY TERMINATION: PERIODS AND THE USAGE OF THE TRADEMARK

The article considers provisions of article 1486 of the Civil code of the Russian Federation. The question about a duty of use of the trademark is investigated. Changes of article 1486 of the Civil code are analyzed in this article.

Keywords: article 1486 of the Civil Code of the Russian Federation, trademark, exclusive right to trademark, non-use of trademark, termination of legal protection of a trademark.

Отличие товарного знака от РИД, цель создания обуславливает его обязательное использование.

На сегодняшний день товарный знак признается самым востребованным объектом интеллектуальной собственности. Основная его функция состоит в возможности участников гражданского оборота заявить о себе, своём товаре или услуге, создать собственный имидж и выделиться среди общей массы производителей на рынке, то есть помогает отличить схожие товары разных производителей.

В отличие от прочих объектов интеллектуальной собственности средства индивидуализации не признаются результатами интеллектуальной деятельности (далее - РИД), они лишь приравниваются к объектам патентного и авторского права по своему правовому режиму.

Объекты авторских прав являются результатами творческого труда (мыслительной, духовной, интеллектуальной) деятельности, которая завершается созданием самостоятельного результата науки, литературы или искусства. С экономической точки зрения их можно считать общественными (публичными) благами — объектами, а их использование одним субъектом не исключает возможности их использования третьими лицами¹. Также объекты авторских прав неразрывно связаны с личностью автора, их создавшего, который наравне с имущественными правами, также имеет личные неимущественные права главной особенностью которых является нематериальный характер, иными словами отсутствие экономического содержания и невозможность оценки права в каком-либо эквиваленте.

В соответствии п.1 ст. 1259 ГК РФ произведение подлежит правовой охране вне зависимости от его достоинства.

Объектами патентных прав являются результаты интеллектуальной деятельности в научно-технической сфере, отвечающие установленным настоящим Кодексом требованиям к изобретениям и полезным моделям, и РИД в сфере дизайна.

Подавляющее большинство инвестиций вкладываются в объекты патентного права и их разработку. Перманентное развитие технологий и общества требуют их использования. Целью создания объектов патентных прав, безусловно, является получение материальной выгоды, путём ввода на рынок объектов патентного права влияющих на качество жизни человека. Согласно ст. 1356 ГК РФ право авторства, то есть право признаваться автором изобретения, полезной модели или промышленного образца является не отчуждаемым и не передаваемым, даже при передаче другому лицу или при переходе к нему исключительного права на данные объекты, а также при предоставлении другому лицу права его использования. Отказ от этого права ничтожен.

Сама сущность объектов патентных прав заключается в их непременном использовании. В случае, когда задеваются общественные интересы (чем) законодателем предусматривается выдача принудительной лицензии, то есть расширение круга субъектов-пользователей.

В случае с товарными знаками дела обстоят иначе, поскольку средства индивидуализации лишь приравниваются по своему правовому режиму к результатам интеллектуальной деятельности. Целью создания обозначения является возможность выделить товар из общей массы, отдельное изображение, рисунок (как объект авторского права), без его различительной способности, оригинальности, узнаваемости и товаров, которые он будет обозначать, не будет иметь смысла.

Товарный знак, в отличие от других РИД не связан с личностью автора, он связан с самим товаром и его производителем. Именно эта тесная связь обозначения, продукта и производителя обуславливает обязанность правообладателя использовать товарный знак. «Маркировка предмета есть действие, формирующее доверие к товару. В процессе встречи изготовителя с потребителем знак воздействует на последнего, вызывая доверие к данному товару»².

1 Ворожевич А. С. Товарный знак не используется: нюансы досрочного прекращения правовой охраны // Ваш партнер-консультант». 2017. № 36 (9702).

2 Дайксель А., Брандмейер К., Глинтерник Э., Каган М. С., Шпакова Р. П. Товарный знак в Европе и в России: Вопросы теории и истории. СПб Славия, 2002. 127 с.

Также одна из основных функций средств индивидуализации заключается в предоставлении ими возможности каждому участнику гражданского оборота обозначить себя, свою продукцию, свои услуги собственным подходящим именем, создать собственный оригинальный имидж. Сейчас отсутствует дефицит товаров, наоборот, с каждым днём появляется всё больше и больше производителей способных предложить то, в чём нуждается потребитель, между тем, необходимо отличать товары друг от друга. Зачастую, желая вывести свою продукцию на рынок, производители сталкиваются с тем, что обозначение подходящее для индивидуализации их товара уже кто-то зарегистрировал.

Существование института досрочного прекращения прав на товарный знак обусловлено необходимостью обеспечить использование обозначения, поскольку без маркируемых им товаров на рынке, товарный знак не выполняет свои функции в качестве средства индивидуализации. Если появляются лица, готовые его использовать, то такая возможность должна у них быть.

В связи с этим возникает вопрос: **какой срок неиспользования является достаточным, чтобы потребитель перестал ассоциировать конкретный товар с производителем и данным обозначением могло пользоваться другое лицо?**

Для ответа на этот вопрос обратимся к нормам, отраженным в международных актах, а также проследим динамику изменения сроков прекращения прав в связи с неиспользованием в праве нашей страны.

Международные акты

Частью С (1) ст. 5 Парижской конвенции³ установлено, что если использование зарегистрированного знака является обязательным в стране, регистрация может быть аннулирована лишь по истечении справедливого срока, при условии, что заинтересованным лицом не будут представлены доказательства, оправдывающие причины его неиспользования.

Парижская Конвенция четких указаний по срокам не дает, ограничиваясь формулировкой «справедливого срока», но ставит в зависимость прекращение охраны обозначения от обязанности его использования «если в стране использование зарегистрированного знака является обязательным».

П. 1 ст. 19 Соглашения по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (ТРИПС) содержит следующие положения:

Поскольку использование обозначения – это требование для сохранения в силе регистрации, она может быть аннулирована только тогда, когда непрерывный срок неиспользования знака составит не менее 3х лет, при этом, если владелец товарного знака нет весомых причин, мешающих ему использовать своё обозначение.

По логике ВТО защите подлежит не только частное лицо – предприниматель, но и вся экономика конкретного государства и образуемого в рамках ВТО сообщества в целом. Думается, поэтому указывается на срок «не менее трёх лет», поскольку неиспользование товарного знака правообладателем пагубно влияет на состояние рынка, лишая лиц, готовых реально использовать его (или похожее обозначение) такой возможности. Также данный трёхлетний срок направлен и на то, как конкретное обозначение воспринимается потребителями (имеется в виду расчетный срок, за который средние потребители утрачивают ассоциативную связь конкретного обозначения с конкретным правообладателем).

Трансформация «сроков неиспользования» товарного знака в российском праве

Исходя из нормы, содержащейся в Законе РФ от 23.09.1992 № 3520-1⁴, ранее устанавливался срок возможного неиспользования товарного знака – пять лет. В п. 3 ст. 22 Закона отражено, что действие регистрации товарного знака могло быть прекра-

щено полностью либо частично, по заявлению любого лица в связи с его неиспользованием товарного знака непрерывно в течение пятилетнего срока с даты регистрации или пяти лет, предшествующих подаче такого заявления. Заявление о досрочном прекращении правовой охраны знака в связи с его неиспользованием могло быть подано любым лицом по истечении этого срока, при условии, что правообладатель данный знак не использует до самой подачи заявления.

Федеральным законом от 11 декабря 2002 г. № 166-ФЗ были внесены изменения в вышеуказанный акт⁵. Пятилетний срок предшествующий досрочному прекращению был заменен на срок равный трём годам. По мнению цивилистов, данная норма была переходной, и к сожалению, «плохо сформулированной», «что дало основание многим специалистам полагать, что для оспаривания по причине неиспользования ранее зарегистрированных товарных знаков по-прежнему должен применяться пятилетний срок. Эта проблема обозначалась как «проблема 5/3». Как у судов, так и у административных органов практика по этому вопросу была неустойчивой»⁶.

Изменение срока допустимого неиспользования товарного знака породило проблему процессуального характера. Применять ли эти сроки ко всем зарегистрированным товарным знакам или начать их применения лишь ко знакам, зарегистрированным со дня вступления изменений? Ведь если хозяйствующий субъект не использовал свой товарный знак, в течение четырёхлетнего периода (в старой редакции закона у него ещё есть возможность реализовать своё право), а исходя из новой редакции, правовая охрана его обозначения может быть прекращена.

«Проблема 5/3» прекратила своё существование после разъяснений, содержащихся в п. 2.4 Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 5⁷. Рассматривая вопрос о досрочном прекращении правовой охраны товарного знака, судам следует исходить из трехлетнего срока такого неиспользования (п.1 ст. 1486 ГК РФ).

Переходная норма в Законе о товарных знаках 23.09.1992 № 3520-1 допускала двоякое толкование, что потребовало принятия данного разъяснения. Как указывалось в комментариях к пункту 2.4 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 5, даже в случае подачи заявки на товарный знак в период действия пятилетнего срока его правовая охрана может быть прекращена, при условии неиспользования в течение любых трех лет, при том, что товарный знак продолжает также не использоваться вплоть до подачи указанного заявления⁸.

Исходя из положений п.1 ст. 1486 ГК РФ правовая охрана товарного знака может быть прекращена **досрочно**, вследствие неиспользования товарного знака непрерывно в течение трех лет.

Сокращение данного периода с 5 лет, до 3 лет обусловлено также динамичным развитием рынка, поскольку с каждым днём увеличивается количество как продукции, так и производителей. Среди всего многообразия товаров и услуг у потребителей (в случае не использования правообладателем обозначения) ассоциация товара с конкретным производителем забывается быстрее. В то же время 3 года – это достаточный срок для того, чтобы правообладатель, совершив все подготовительные действия, смог вывести свой товар на рынок.

5 Закон РФ от 23.09.1992 № 3520-1 «О товарных знаках, знаках обслуживания и наименованиях мест происхождения товаров» // Российская газета. № 228. 17.10.1992.

6 Гаврилов Э. П. Постановление 5/29 о правовой охране товарных знаков (часть I) // Журнал Патенты и лицензии. 2009. № 6. С. 27.

7 Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 5, Пленума ВАС РФ № 29 от 26.03.2009 «О некоторых вопросах, возникших в связи с введением в действие части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации».

8 Научно-практический комментарий судебной практики в сфере защиты интеллектуальных прав / В. О. Калятин, Д. В. Мурзин, Л. А. Новоселова и др.; под общ. ред. Л. А. Новоселовой. М.: Норма, 2014. 480 с.

3 Россия участвует в Парижской Конвенции по охране промышленной собственности от 20 марта 1883 года.

4 Закон РФ от 23.09.1992 № 3520-1 «О товарных знаках, знаках обслуживания и наименованиях мест происхождения товаров» // Российская газета. № 228. 17.10.1992.

Исходя из позиции Верховного Суда РФ отраженной в определении⁹, целью досрочного прекращения правовой охраны товарных знаков является обеспечение возможности регистрации заинтересованным лицом тождественного или сходного обозначения для аналогичной или однородной продукции, а не устранение конкурентов посредством лишения охраны их товарных знаков.

Вместе с тем такая цель может быть достигнута только в случае, если потребитель более не ассоциирует товары (услуги) конкретного лица с конкретным товарным знаком.

Возобновление использования товарного знака правообладателем после некоторого периода неиспользования влечет возобновление ассоциативных связей у потребителей¹⁰.

После изменений, внесенных в ст. 1486 ГК РФ в 2017 году, порядок исчисления исчисления сроков поменялся. Связано это с введением досудебного порядка урегулирования споров между заинтересованными лицами и правообладателями обозначений.

На сегодняшний день, заинтересованное лицо, имеющее информацию о том, что товарный знак не используется правообладателем может поступить следующим образом:

- направить данному правообладателю предложение обратиться в Роспатент с заявлением об отказе от права на товарный знак;

- предложить правообладателю заключить договор об отчуждении исключительного права на товарный знак.

Такое предложение направляется правообладателю, а также по адресу, указанному в Государственном реестре товарных знаков не раньше истечения 3-х лет с даты государственной регистрации обозначения.

Заинтересованное лицо, в случае, если правообладатель не заинтересован в подаче заявления об отказе от права на товарный знак, а также не имеет намерения заключить договор об отчуждении права с заинтересованным лицом (срок ожидания ответа от правообладателя 2 месяца) в тридцатидневный срок по истечении указанных двух месяцев вправе обратиться в суд с иском о досрочном прекращении правовой охраны товарного знака вследствие его неиспользования.

Законодатель допускает возможность повторного обращения к правообладателю с предложением не раньше трехмесячного срока со дня направления предыдущего.

Решение о досрочном прекращении правовой охраны товарного знака принимается судом в случае неиспользования обозначения в течение трех лет, непосредственно предшествующих дню направления правообладателю предложения заинтересованного лица.

Положения п. 1 ст. 1486 ГК РФ устанавливают единый срок и определяют его продолжительность (3 года), притом, что это могут быть не обязательно первые три года с даты государственной регистрации товарного знака. Также норма данного пункта определяет дату, с которой этот срок подлежит исчислению.

С учётом новой редакции неиспользование товарного знака должно осуществляться «вплоть до» направления заинтересованным лицом предложения правообладателю, а не «вплоть до» обращения заинтересованного лица в суд, как это было ранее.

Таким образом, в новой редакции п. 1 ст. 1486 ГК РФ нормативно определено, что досрочное прекращение правовой охраны товарного знака производится в случае неиспользования товарного знака в течение трех лет, непосредственно предшествующих дате обращения заинтересованного лица к правообладателю.

Можно предположить, что досудебная процедура досрочного прекращения охраны товарного знака будет способствовать развитию гражданского оборота и привлекатель-

ности инвестиционного климата в Российской Федерации¹¹, тем не менее, введение данной нормы породило достаточно вопросов (исчисление сроков, как будут разрешаться ситуации со множественностью заинтересованных в прекращении охраны знака лиц и т.д.)

На сегодняшний день товарный знак признается самым востребованным объектом интеллектуальной собственности. Его охрана может длиться столько времени, сколько в ней будет заинтересован владелец. Тем не менее развитие отечественного рынка товаров и услуг привело к перегрузке реестра товарных знаков, неиспользуемыми обозначениями, которые являются препятствием для регистрации сходных или тождественных знаков заявителей, которыми намерены пользоваться другие хозяйствующие субъекты, что ограничивает свободную конкуренцию.

Законодатель старается решить эту проблему, устанавливая трёхлетний срок допустимого неиспользования товарного знака, при этом соблюдая баланс интересов: правообладателя (срок для реализации права с учетом времени, необходимого для введения товаров в гражданский оборот) и общества в целом (возможность прекратить охрану знака в случае его не использования). Трёхлетний срок, предшествующий дате направления предложения заинтересованного лица правообладателю, – это тот срок, в течение которого предполагается, что потребители обычно забывают об использовании конкретного обозначения конкретным правообладателем. Данный факт позволяет заинтересованному лицу вывести свою продукцию под этим обозначением, чтобы впрямь формировались новые ассоциации обозначение-товар-производитель.

Пристатейный библиографический список

1. Закон РФ от 23.09.1992 № 3520-1 «О товарных знаках, знаках обслуживания и наименованиях мест происхождения товаров» // Российская газета. № 228. 17.10.1992.
2. Постановление Президиума Суда по интеллектуальным правам от 27.03.2017 № С01-110/2017 по делу № СИП-194/2016
3. Директива № 2015/2436 Европейского парламента и Совета Европейского Союза «О сближении права государств-членов ЕС в отношении товарных знаков (новая редакция)».
4. Ворожевич А. С. Товарный знак не используется: нюансы досрочного прекращения правовой охраны // Ваш партнер-консультант. 2017. № 36 (9702).
5. Гаврилов Э. П. Постановление 5/29 о правовой охране товарных знаков (часть I) // Журнал Патенты и лицензии. 2009. № 6.
6. Дайксель А., Брандмейер К., Глинтерник Э., Каган М. С., Шпакова Р. П. Товарный знак в Европе и в России: Вопросы теории и истории. СПб: Славия, 2002. 127 с.
7. Научно-практический комментарий судебной практики в сфере защиты интеллектуальных прав / В. О. Калятин, Д. В. Мурзин, Л. А. Новоселова и др.; под общ. ред. Л. А. Новоселовой. М.: Норма, 2014. 480 с.
8. Пирогова В. В. Товарный знак в международном торговом обороте (Соглашение о торговых аспектах прав интеллектуальной собственности - ТРИПС) // информационно-аналитический портал предпринимательство и право.
9. Рузакова О. А., Рузаков А. Б. Претензионный порядок по делам о защите интеллектуальных прав // Арбитражный и гражданский процесс. 2017. № 6. С. 6-10.
10. Schricker G. Loss of Trademark Rights by Nonuse A Study of German and Comparative Law // 2 ИС, 1971. 173.

9 Определением Верховного Суда Российской Федерации от 11.01.2016 № 300-ЭС15-10765 по делу № СИП-530/2014.

10 Постановление Президиума Суда по интеллектуальным правам от 27.03.2017 № С01-110/2017 по делу № СИП-194/2016.

11 Рузакова О. А., Рузаков А. Б. Претензионный порядок по делам о защите интеллектуальных прав // Арбитражный и гражданский процесс. 2017. № 6. С. 6-10.

КУЗНЕЦОВА Марина Алексеевна

бакалавр юриспруденции

УСЛОВИЯ ПРИМЕНЕНИЯ СТАТЬИ 333 ГК РФ. ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЕ И ОТРИЦАТЕЛЬНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ УМЕНЬШЕНИЯ РАЗМЕРОВ НЕУСТОЙКИ

Рассматриваются положительные и отрицательные моменты при применении судами статьи 333 ГК РФ. Рассматриваются разъяснения высших судебных инстанций Российской Федерации об условиях необходимых для снижения неустойки при ее явной несоразмерности последствиям нарушения обязательства.

Ключевые слова: неустойка, уменьшение неустойки, уменьшение размеров неустойки, законная неустойка, несоразмерность неустойки.

KUZNETSOVA Marina Alekseevna

bachelor of law

CONDITIONS OF APPLICATION OF ARTICLE 333 OF THE CIVIL CODE (GK) OF THE RUSSIAN FEDERATION. POSITIVE AND NEGATIVE CONSEQUENCES OF REDUCING THE AMOUNT OF THE PENALTY

Positive and negative aspects of application by courts of the article 333 of civil code are considered. Discusses clarifications of the higher courts of the Russian Federation about the conditions necessary for reduction of the penalty in case that it is completely disproportional to consequences of obligations infringement.

Keywords: penalty, reduction of penalty, reduction of penalty, legal penalty, disproportionate penalty.

В настоящее время в судах при рассмотрении гражданских дел довольно часто наряду с основными требованиями можно встретить требование о взыскании одной стороны договора с его контрагента неустойку за нарушение договорных обязательств.

Понятие неустойки дано в статье 330 Гражданского кодекса Российской Федерации. Так, неустойкой (штрафом, пеней) признается определенная законом или договором денежная сумма, которую должник обязан уплатить кредитору в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения обязательства, в частности в случае просрочки исполнения¹.

Вместе с тем, в ГК РФ в статье 333 изложены условия, при которых возможно уменьшение неустойки.

Во-первых, суд может уменьшить неустойку только при наличии несоразмерности последствиям нарушения обязательства.

Нигде в ГК РФ или иных законах нельзя найти понятия соразмерности или несоразмерности неустойки. В каждом конкретном случае суд сам определяет критерии соразмерности, основываясь на фактических обстоятельствах дела, показаниях лиц, участвующих в деле, представленных доказательствах и иных значимых фактах. Некую ясность в понимание несоразмерности и необоснованности размеров неустойки последствиям нарушения обязательств внесли акты высших судебных инстанций.

Так, несоразмерность и необоснованность могут выражаться, в том, что размер убытков кредитора, которые могли возникнуть ввиду нарушения обязательства, намного ниже начисленной неустойки. Любые доводы должника о невозможности им исполнения своего обязательства из-за тяжелого финансового положения, задолженностей перед иными лицами, наличие арестов на денежные средства и (или) иное

имущество должника, отсутствия какого-либо бюджетного финансирования, неисполнения обязательств контрагентами, добровольного погашения долга как полностью, так и в части на день рассмотрения спора, выполнения ответчиком социально значимых функций, наличия у должника обязанностей по уплате процентов за пользование денежными средствами сами по себе не могут являться основанием для снижения неустойки².

Помимо вышеуказанного, кредитор не обязан доказывать возникновения у него убытков. Бремя доказывания таких обстоятельств лежит только на Ответчике. При этом по своему желанию кредитор вправе представлять в суд доказательства, какие последствия повлекло нарушения обязательства и их значимость для кредитора.

Во-вторых, если обязательство нарушено лицом, осуществляющим предпринимательскую деятельность, то суд может уменьшить неустойку только при наличии обоснованного заявления должника о применении статьи 333 ГК РФ сделанного в любой законной форме.

Это положение распространяется как на коммерческие организации, индивидуальных предпринимателей, так и на некоммерческие организации при осуществлении ею приносящей доход деятельности. В случае взыскания неустойки с иных лиц суд по собственной инициативе может применить статью 333 ГК РФ при условии, что усматривается явная, очевидная несоразмерность начисленной неустойки последствиям нарушения обязательства. В таком случае суд при рассмотрении дела ставит вопрос об уменьшении неустойки, после чего выносит на обсуждение обстоятельства, свидетельствующие о несоразмерности. При наличии в рассматриваемом

1 «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)» от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 29.12.2017) // Российская газета. № 238-239. 08.12.1994.

2 Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 № 7 (ред. от 07.02.2017) «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» // Российская газета. № 70. 04.04.2016.

деле таких доказательств суд снижает размер неустойки по статье 333 ГК РФ.

Заявление ответчика о снижении размеров неустойки может быть сделано только в период рассмотрения дела судом первой инстанции. Исключением является случай, когда суд апелляционной инстанции перешел к рассмотрению дела по правилам производства в суде первой инстанции, тогда ответчик может подать заявление о применении статьи 333 ГК РФ в период рассмотрения дела этим судом.

Если же вопрос о применении статьи 333 ГК РФ был вынесен на обсуждение по инициативе суда первой инстанции, то суд апелляционной инстанции может поставить такой вопрос независимо от перехода к рассмотрению дела по правилам производства в суде первой инстанции.

В-третьих, пункт второй статьи 333 ГК РФ, разъясняет возможность снижения установленной договором неустойки подлежащей уплате лицом, осуществляющим предпринимательскую деятельность только при доказанности получения кредитором необоснованной выгоды при взыскании неустойки в соответствии с условиями договора.

Бремя доказывания необоснованной выгоды кредитора в данном случае будет лежать на лице, осуществляющим предпринимательскую деятельность, обязанном в соответствии с условиями договора уплатить неустойку.

Этот пункт позволил суду вмешиваться в договорные отношения сторон и изменять условия договора, касающихся уплаты неустойки. Эти условия вопреки статьям 421, 422 ГК РФ не противоречат нормам законодательства, однако могут игнорироваться в судебном порядке путем снижения установленной договором неустойки. Но реализация судом такого права возможна только при доказанности явной несоразмерности неустойки.

В-четвертых, уменьшение неустойки не исключает право должника на уменьшение размера его ответственности на основании статьи 404 ГК РФ и право кредитора на возмещение убытков по статье 394 ГК РФ.

Статьей 404 ГК РФ установлены следующие случаи снижения размера ответственности должника перед кредитором: если неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательства произошло по вине обеих сторон; если кредитор умышленно или по неосторожности содействовал увеличению размера убытков, либо не принял разумных мер к их уменьшению. Отсутствие вины должника в невыполнении обязательств установленных договором может служить основанием для освобождения его от ответственности только по статье 401 ГК РФ.

В тоже время статьей 394 ГК РФ предусмотрено, что если за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательства установлена неустойка, то убытки возмещаются в части, не покрытой неустойкой. Законом или договором могут быть предусмотрены случаи: когда допускается взыскание только неустойки, но не убытков; когда убытки могут быть взысканы в полной сумме сверх неустойки; когда по выбору кредитора могут быть взысканы либо неустойка, либо убытки.

Для введения статьи 333 ГК РФ способствовало несколько предпосылок, именно они и являются положительными последствиями применения названной нормы.

Во-первых, неустойка по своей природе является мерой компенсационного характера. Однако зачастую при крупных в денежном отношении сделках, размер неустойки даже при незначительной, например, просрочке исполнения обязательства, может достигать миллионов российских рублей. В таких случаях компенсационный характер неустойки превращается

в карательную санкцию, что является недопустимым. В основном именно для предупреждения таких ситуаций и была введена норма, позволяющая суду снизить размер неустойки до той степени, при которой она снова станет носить чисто компенсационный характер.

Во-вторых, ГК РФ позволяет участникам гражданских правоотношений включать в договор любые условия, не противоречащие законодательству РФ и не нарушающие права и законные интересы третьих лиц. Это касается и свободы определения размера неустойки в договоре. Однако может сложиться ситуация, в которой стороны при заключении договора, определяют размер неустойки слишком высокий. В случае нарушения условий договора, одна из сторон будет вынуждена платить своему контрагенту явно несоразмерный последствиям штраф. При заключении договора одна сторона может воспользоваться юридической безграмотностью другой стороны и злоупотребить своим правом на свободное определение размеров неустойки. Такие действия будут нарушать уже часть 3 статьи 17 Конституции РФ, которая определяет, что осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц.

В-третьих, подлежащая уплате неустойка может быть несоразмерна последствиям нарушения обязательства. Несоразмерность определяется судом исходя из фактических обстоятельств дела. Критериями явной несоразмерности начисленной неустойки могут являться, например, высокая процентная ставка, значительное превышение суммы неустойки над размером возможных убытков, длительное неисполнение обязательств и другие. При определении суммы неустойки необходимо соблюдать баланс между мерой ответственности и размером действительного ущерба, понесенного в результате неправомерных действий лица, неисполнением или ненадлежащим исполнением им своих обязательств.

Несмотря на все положительные моменты введения нормы снижения неустойки, на практике можно встретить достаточное количество отрицательных последствий применения этой нормы.

Во-первых, с экономической точки зрения необоснованное уменьшение неустойки, может способствовать получению должником доступа к финансированию за счет другого лица на нерыночных условиях, в свою очередь это стимулирует недобросовестных должников не выплачивать денежные суммы и позволяет должнику пользоваться чужими денежными средствами. Условия такого пользования для должника могут быть более выгодными, чем условия пользования денежными средствами, получаемыми участниками оборота правомерно³.

Во-вторых, расчет неустойки, подлежащей выплате кредитору, исходя из одной трехсотой действующей на день уплаты неустойки ставки рефинансирования Центрального банка РФ, представляет собой наименьший размер платы за пользование денежными средствами. Уменьшение неустойки ниже ставки рефинансирования возможно только в чрезвычайных случаях, а по общему правилу не должно допускаться, поскольку такой размер неустойки изначально не может являться явно несоразмерным последствиям нарушения обязательств⁴.

Снижение неустойки ниже однократной учетной ставки Банка России на основании заявления ответчика допускается лишь в экстраординарных случаях, когда убытки кредитора

3 Постановление Президиума ВАС РФ от 14.02.2012 № 12035/11 по делу № А64-4929/2010 // Вестник ВАС РФ. 2012. № 6.

4 Там же.

компенсируются за счет того, что размер платы за пользование денежными средствами, предусмотренный условиями обязательства, значительно превышает обычно взимаемые в таких обстоятельствах проценты⁵.

Однако суды часто игнорируют эти положения и снижают неустойку даже ниже ставки рефинансирования ЦБ РФ без каких-либо чрезвычайных ситуаций. Это в свою очередь нарушает права кредитора и никаким образом не обеспечивает сбалансированность гражданских правоотношений.

В-третьих, уменьшение неустойки по правилам статьи 333 ГК РФ допускается только в случае явной несоразмерности неустойки последствиям нарушения обязательств. Вопреки этому зачастую суды считают достаточным для применения статьи сам факт наличия заявления должника об уменьшении размеров неустойки. Это является основанием для обжалования решения суда и влечет за собой затягивание разрешения дела. Тем самым нарушая права кредитора на своевременное получение компенсации за нарушение исполнения обязательств его контрагентом.

В-четвертых, проведя анализ судебной практики можно отметить, что позиции высших судебных инстанций, указывающих на правильное толкование и применение статьи 333 ГК РФ, не нашли своего полного, всеобъемлющего отражения в актах нижестоящих судов. Зачастую суды без видимых причин, без доказательств необоснованности и несоразмерности снижают размеры неустойки в три, в пять, в десять раз и даже больше. Даже с учетом того, что в Российской Федерации применяется романо-германская система права, акты высших судебных инстанций являются обязательными для нижестоящих судов. Однако, мы видим, что суды не обращают на это внимания, тем самым нарушая принцип единообразия правоприменительной практики и грубо нарушая права кредиторов.

Подводя итог вышеизложенному, можно сделать несколько выводов:

1. Введение в действие статьи 333 ГК РФ имело за собой большое количество предпосылок и видится необходимым.

2. Помимо положительных идей, заложенных законодателем в статью, зачастую можно выявить много проблем ее применения на практике.

3. Сама статья 333 ГК РФ однажды уже дополнялась законодателем, вносились поправки, однако до сих пор в ней осталось много неразрешенных вопросов. Немного ясности вносят акты высших судебных инстанций, однако все проблемы разрешить так не получается.

4. Суды зачастую игнорируют толкование статьи Верховным судом, высшим Арбитражным судом и Конституционным судом, что влечет за собой не правильное применение статьи 333 ГК РФ и нарушение прав кредиторов.

5. Необходимо конкретизировать и дополнить статью 333 ГК РФ, тем самым обеспечить правильность и единообразие ее применения судами.

Пристатейный библиографический список

1. Бондаренко Н. Л. Снижение неустойки судом: понятие и назначение // Журнал российского права. 2013. № 11 (203).
2. Кузнецов В. Н. О толковании высшими судебными инстанциями статьи 333 Гражданского кодекса Российской Федерации и противоречивой судебной практике арбитражных судов и судов общей юрисдикции по ее применению // Евразийская адвокатура. 2013. № 1 (2).
3. Слесарев В. Л., Кравец В. Д. Принцип соразмерности и применение судами ст. 333 ГК РФ // LexRussica. 2017. № 5 (126).
4. Титов Николай Дмитриевич Статья 333 гражданского кодекса Российской Федерации: проблемы правоприменения // Вестн. Том. гос. ун-та. 2015. № 390.

5. Постановление Пленума ВАС РФ от 22.12.2011 № 81 (ред. от 24.03.2016) «О некоторых вопросах применения статьи 333 Гражданского кодекса Российской Федерации» // Вестник ВАС РФ. № 2. февраль, 2012.

АНДРЕЙЧУК Артем Анатольевич

стажер-исследователь кафедры теории и истории государства и права Юридического института Сибирского федерального университета

УСТАВНЫЙ КАПИТАЛ НЕ ЕСТЬ ИМУЩЕСТВО, ГАРАНТИРУЮЩЕЕ ПРАВА КРЕДИТОРОВ

В статье делается вывод о неверном понимании уставного капитала как некоторого обособленного имущества корпорации, за счет которого могут быть удовлетворены имущественные требования кредиторов корпорации. В качестве имущества уставный капитал может рассматриваться только как имущественное право требования корпорации к учредителям-должникам. При этом с момента оплаты уставного капитала — т. е. с момента удовлетворения учредителями-должниками имущественного права требования корпорации — уставный капитал как имущество (как имущественное право) перестает существовать, потому что учредительное обязательство считается исполненным. Поступившее же в счет оплаты уставного капитала имущество переходит в полное правообладание корпорации, его оборотоспособность никак не ограничена, юридически оно никак не обособляется. Поэтому нет никаких оснований именовать некоторую часть активов корпорации «уставным капиталом»: такого имущества не существует.

Ключевые слова: уставный капитал, гарантия прав кредиторов, имущество.

ANDREYCHUK Artem Anatoljevich

intern-researcher of Theory and history of state and law sub-faculty of the Institute of Law of the Siberian Federal University

AUTHORIZED CAPITAL IS NOT THE PROPERTY GUARANTEEING CREDITORS' RIGHTS

The article concludes that the concept of authorized capital is misunderstood, being mistakenly interpreted as some separate property of a corporation, which is formed to ensure satisfaction of any proprietary claims lodged against it by corporate creditors. The authorized capital could be defined as a kind of corporate asset, but only in terms of a proprietary obligation, which founders (debtors) owe to the corporation. At the same time, as soon as the authorized capital is paid, i. e. when the founders (debtors) settle proprietary claims of the corporation, such authorized capital as a piece of property (or proprietary right) ceases to exist, because the constituent obligation is considered to be fulfilled. The title to property is transferred to the corporation that receives it as a payment for the authorized capital; marketability of such property is not limited in any way and it is not legally separated. Consequently, there is no reason to refer to some assets of a corporation as «authorized capital», since such property does not exist.

Keywords: authorized capital, guarantee to creditors' rights, property.

Андрейчук А. А.

Хотя в литературе существуют некоторые разночтения в понимании имущественной сущности уставного капитала, большинство авторов авторитетно и непременно упоминает, что уставный капитал — это гарантия прав кредиторов, не понимая механизма этой гарантии¹. Статьей 14 Закона об обществах с ограниченной ответственностью устанавливается, что «уставный капитал общества определяет минимальный размер его имущества, гарантирующего интересы его кредиторов». Исследователями часто упускается из виду значительный элемент в данной законодательной формулировке: уставный

капитал лишь определяет (!) размер имущества, которое, в свою очередь (!), может гарантировать интересы кредиторов. Но уставный капитал не является этим имуществом.

Итак, уставный капитал определяет размер имущества, но не является имуществом, гарантирующим права участников гражданского оборота. Понимание уставного капитала как некоей «кубышки с деньгами» не верно, поэтому некоторые авторы называют уставный капитал условной величиной, хотя сам постулат о его имущественной природе не отрицают². Похожую позицию высказывает Е. А. Суханов: «под уставным капиталом традиционно принято понимать совокупную стоимость имущества корпорации, зафиксированную в ее уставе. В связи с этим такое имущество нередко называют также объявленным капиталом. Поскольку компания обычно обязывается законом к поддержанию этого капитала в зафиксированном размере, а при фактическом уменьшении он подлежит восполнению до первоначальной стоимости»³.

Другие авторы говорят верно и прямо, но, увы, их мнение не является доминирующим: «стартовую (базовую, материально-обеспечительную) функцию выполняет вовсе не уставный капитал — условная величина, цифра, зафиксированная в уставе и бухгалтерских документах, а имущество — деньги, иные вещи, переданные в оплату долей или акций <...> Здесь производится смешение функций имущества, имеющегося у

1 См., напр.: Гражданское право. Т. 1: Общая часть : учеб. / отв. ред. Е. А. Суханов. М.: Волтерс Клувер, 2006. С. 233: «с имущественной обособленностью организации неразрывно связана ее самостоятельная имущественная ответственность по долгам <...> Именно этим целям прежде всего служит уставный капитал (уставный или паевой фонд), который определяет минимальный размер имущества, гарантирующего интересы кредиторов юридического лица» (курсив Е. А. Суханова — А. А.); Смоленский М. Б., Путилина Е. С. К вопросу об основных направлениях и перспективах модернизации гражданского законодательства о юридических лицах // Российская юстиция. 2012. № 10. С. 4-7: «справедливо высказывание о том, что уставный капитал обществ в отличие от складочного капитала товариществ является единственной гарантией удовлетворения требований кредиторов общества, поэтому к уставному капиталу закон должен предъявлять специальные требования»; Косарева И. А. К вопросу об ответственности супругов по обязательствам // Семейное и жилищное право. 2010. № 5. С. 21-24: «сформированный уставный (складочный) капитал юридического лица — это гарантия прав кредиторов».

2 См., напр.: Рубеко Г. Л. Уставный капитал хозяйственных обществ: некоторые проблемы правового регулирования // Юрист. 2016. № 10. С. 28-32.

3 Суханов Е.А. Сравнительное корпоративное право. М.: Статут, 2014. С. 153. 456 с.

хозяйственного общества, с функциями уставного капитала – юридической категории, имеющей исключительно номинальный характер»⁴.

Стоит отметить, что уставный капитал можно до определенного момента рассматривать в качестве имущества. Как известно, в имущество как в объект гражданских прав включаются, например, вещи, включая наличные деньги и документарные ценные бумаги, иное имущество, в том числе безналичные денежные средства, бездокументарные ценные бумаги, а также имущественные права (ст. 128 ГК РФ). Из представленных видов имущества уставный капитал может быть лишь имущественным правом требования корпорации как кредитора к учредителям-должникам в рамках учредительного обязательства – при этом размер уставного капитала является минимальной денежной оценкой этого имущественного права, которая не может быть меньше номинала уставного капитала (п. 2 ст. 66.2 ГК РФ). После оплаты учредителями уставного капитала учредительное обязательство прекращается исполнением (ст. 408 ГК РФ), а значит, исчезает и уставный капитал как имущественное право требования корпорации к учредителям-должникам.

Что касается имущества, внесенного в счет оплаты уставного капитала, то корпорация становится полноценным и самостоятельным правообладателем этого имущества (п. 3 ст. 213 ГК РФ). Данное имущество, в свою очередь, является полностью оборотоспособным объектом гражданских прав корпорации – никакие ограничения на его оборот закон не предусматривает (в том числе ограничений, связанных с основанием приобретения – по учредительному обязательству). Оно никак юридически не индивидуализируется. Поэтому обозначать некоторую часть имущества корпорации, которое получено ею в качестве уставных взносов в уставный капитал, как «уставный капитал» попросту не верно.

Таким образом, уставный капитал в качестве имущества может рассматриваться только как имущественное право требования корпорации к учредителям-должникам. С момента оплаты уставного капитала – т. е. с момента удовлетворения учредителями-должниками имущественного права требования корпорации – уставный капитал как имущество (как имущественное право) перестает существовать, потому что учредительное обязательство считается исполненным. При этом обозначать поступившее в счет оплаты уставного капитала имущество как «уставный капитал» не верно, потому что с момента исполнения учредительного обязательства данное имущество переходит в полное правообладание корпорации и никак юридически не обособляется.

Итак, если уставный капитал как имущество не существует с момента его оплаты, то и как имущество гарантировать права кредиторов корпорации он не может⁵.

Важно отметить действительный смысл приведенной в самом начале законодательной формулировки: «уставный капитал общества определяет минимальный размер его имущества, гарантирующего интересы его кредиторов». Как именно «определяет»? Что это значит?

После оплаты уставного капитала указание на его размер (например, 10 000 рублей) сохраняется в учредительных документах и в ЕГРЮЛ, а законодательная норма о минимальном размере уставного капитала продолжает действовать. Это указание на размер уставного капитала является частью правила поведения и имеет следующее значение.

Как верно указывают некоторые исследователи, уставный капитал – это условная величина. Эта условная величина определяет размер чистых активов корпорации: их размер не должен быть меньше размера уставного капитала (п. 4 ст. 30 Закона об ООО). Корпорация вынуждена поддерживать определенный размер чистых активов под угрозой наступления неблагоприятных последствий. Так, в случае если они по окончании финансового года, следующего за вторым финансовым годом или каждым последующим финансовым годом, чистые активы оказываются меньше размера уставного капитала, корпорация обязана принять решения (1) об уменьшении размера своего уставного капитала или (2) о своей ликвидации, если чистые активы оказываются меньше минимально возможного размера уставного капитала, установленного законом. Прибыль также не может быть распределена, если чистые активы меньше размера уставного капитала и резервного фонда (п. 1 ст. 29 Закона об ООО, п. 1 ст. 43 Закона об АО).

Итак, корпорация вынуждена поддерживать минимальный размер своего имущества, определенный размером уставного капитала, под угрозой наступления неблагоприятных последствий, хотя данные риски и проявляются только в конце финансового года – по показателям отчетности. Именно таким образом уставный капитал определяет размер имущества, которое будет гарантировать права кредиторов корпорации, – как условная величина. Учет размера уставного капитала в качестве пассива в бухгалтерском учете лишь подтверждает эту логику.

Как можно видеть, приведенное понимание сути того, каким образом «уставный капитал общества определяет минимальный размер его имущества, гарантирующего интересы его кредиторов», находится бесконечно далеко от понимания уставного капитала как непосредственной гарантии прав кредиторов корпорации – как «кубышки с деньгами»⁶. Непонимание того простого факта, что уставного капитала как имущества и как объекта имущественных отношений не существует вне корпорации, что его попросту нет, приводит к удивительным умозаключениям: «мы провели анализ судебной практики по данному вопросу за последние 10 лет. Но, к сожалению, в судебной практике нет ни одного дела, где кредиторы обращали бы взыскание на уставный капитал должника-организации при ведении процедуры банкротства. В данном случае причиной отсутствия подобного рода судебной практики можно назвать неверие кредиторов в уставный капитал общества. Чаще всего оплата уставного капитала – это просто формальность, сразу после регистрации компании внесенные деньги или имущество уйдут на сторону, по существу, обратно тому, кто их и внес»⁷. К сожалению, проще сослаться на «неверие» кредиторов, обосновывая, почему за 10 лет судебной практики не было и нет взысканий на уставный капитал, чем прийти к напрашивающемуся выводу, что совершенно невозможно взыскать то, чего попросту нет. Если уставный капитал сам по себе и гарантирует чьи-то права, то не права кредиторов корпорации, а права самой корпорации как самостоятельной юридической личности.

4 Филиппова С. Ю. О функциях уставного капитала в контексте оценки изменений законодательства о хозяйственных обществах // Предпринимательское право. 2012. № 1. С. 19-22.

5 Единственно, уставный капитал может в некотором смысле удовлетворять требования кредиторов в случае, если он оплачен не полностью – в пределах неоплаченной доли в уставном капитале учредитель несет солидарную ответственность (абз. 2 пункт 1 статьи 87 ГК РФ). Законодателем при этом установлена именно солидарная ответственность, чтобы, вероятно, избежать цессии в учредительном обязательстве и исключить возможность лишения лица статуса учредителя до истечения срока исполнения обязанности по оплате доли в уставном капитале. Уставный капитал обладает исключительно узкой оборотоспособностью – как объект гражданских прав он существует только в рамках учредительного обязательства. Кроме того, даже несмотря на то, что задолженность учредителей по оплате уставного капитала фиксируется бухгалтерским учетом по дебету счета 75, это опять-таки имеет сугубо внутрикорпоративное значение и никак не влияет на отношения корпорации с третьими лицами, потому что при определении стоимости чистых активов в принимаемые к расчету активы корпорации не входит дебиторская задолженность учредителей по взносам (вкладам) в уставный капитал и по оплате акций – согласно Порядку определения стоимости чистых активов (утв. приказом Минфина России от 28 августа 2014 г. № 84н).

6 Кстати, очень показательным, как применительно к чистым активам общества законодателем используется слово «стоимость», а применительно к уставному капиталу используется слово «сумма»: «сумма, на которую увеличивается уставный капитал общества за счет имущества общества, не должна превышать разницу между стоимостью чистых активов общества и суммой уставного капитала» (п. 2 ст. 18 Закона об ООО, п. 5 ст. 28 Закона об АО).

7 Павлюк А. В. Проблемы административно-правового регулирования деятельности акционерных обществ // Административное и муниципальное право. 2014. № 6. С. 580-591.

ДЫДЫМОВА Надия Магомедовна

магистрант Юридического института Дагестанского государственного университета

АХМЕДОВА Замира Ахмедовна

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права Юридического института Дагестанского государственного университета

ЗАЩИТА ПРАВ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ СОБСТВЕННИКОВ ЖИЛЬЯ

В данной работе рассматриваются жилищные права несовершеннолетних собственников жилья, защита их интересов, а также дается подробный перечень нормативно-правовых актов используемых для этой цели.

Ключевые слова: несовершеннолетний собственник жилья, защита прав, опека и попечительство.

DYDYMOVA Nadiya Magomedovna

magister student of the Law Institute of the Dagestan State University

AHMEDOVA Zamira Akhmedovna

Ph.D. in Law, associate professor of Civil law sub-faculty of the Law Institute of the Dagestan State University

PROTECTION OF THE RIGHTS OF MINOR RESIDENTS OF HOUSING

In this paper, the housing rights of minor owners of housing, protection of their interests, as well as a detailed list of regulatory legal acts used for this purpose are given.

Keywords: minor owner of housing, protection of rights, custody and guardianship.

Среди основополагающих принципов указанных в Декларации прав ребенка, наиболее важным является право ребенка на жилище. Несовершеннолетние, как наиболее уязвимая категория граждан, нуждается в защите, т. к. не имеют возможности в силу своего возраста повлиять на решения, принимаемые их родителями или иными законными представителями в отношении своих жилищных прав¹.

К сожалению, как показывает судебная практика, действия родителей и других законных представителей могут идти в противовес интересам ребенка, вследствие корыстных или иных побуждений и защита своих маленьких граждан является делом чести любого общества.

Дети, как и взрослые дееспособные граждане, могут быть собственниками жилья или его доли.

Во-первых, они могут приобрести право собственности на жилое помещение, получив его в дар или в порядке наследования, а также приобретя его на собственные средства (статья 60 Семейного кодекса РФ).

Во-вторых, жилищное законодательство РФ устанавливает в отношении несовершеннолетних детей специальные правила для приобретения права собственности на жилое помещение. Статья 2 Закона РФ «О приватизации жилищного фонда в Российской Федерации» № 1541-1 предусматривает право детей на участие в приватизации занимаемых их семьей жилых помещений. Важно, что приватизация жилья, где проживают дети в возрасте от 14 до 18 лет, осуществляется только с их письменного согласия. Несовершеннолетние граждане, ставшие собственниками жилья в порядке его приватизации, сохраняют право на однократ-

ную бесплатную приватизацию занимаемых жилых помещений после достижения ими совершеннолетия.

При сделках с жилыми помещениями или их долями, в которых проживают несовершеннолетние дети или дети-собственники этих помещений, установлены определенные требования и используются следующие нормативные акты:

- Конституция Российской Федерации.
- Гражданский кодекс РФ (ФЗ № 51 от 30.11.1994 г.)
- Семейный кодекс РФ (ФЗ № 223 от 29.12.1995 г.)
- Закон «Об опеке и попечительстве» (ФЗ № 48 от 24.04.2008 г.)
- Жилищный кодекс РФ (ФЗ № 188 от 29.12.2004г. ред. от 3.04.2018 г.)
- Закон «О приватизации жилищного фонда РФ» (ФЗ № 1541-1 от 04.07.1991 г. ред. от 20.12.2017 г.)

Другие акты, в том числе муниципальные.

Данные документы, рассматривают несовершеннолетнего гражданина, как полноправного члена общества, обладающего полным комплексом прав и свобод. Отличительной особенностью при сделках с несовершеннолетними является лишь то, что реализовывать свои права они могут с помощью своих родителей, а в их отсутствие через законных представителей или органов опеки и попечительства, которые обязаны защищать имущественные права несовершеннолетних и строго регламентировать все сделки с их собственностью.

Согласно статье 37 ГК РФ, сделки, осуществляемые с недвижимым имуществом несовершеннолетних, которые должны быть согласованы с опекой:

1. Продажа квартиры либо доли в квартире.
2. Отказ от наследственного имущества либо его доли.
3. Предоставление имущества в залог.
4. Отказ от участия в приватизации.
5. Отказ от преимущественного права покупки.

¹ Шиловская А. Л. Проблемы защиты жилищных прав несовершеннолетних. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://studbooks.net/1105335/pravo/Problemy_zaschity_zhilischnyh_prav_nesovershennoletnih_rossii.

При решении вопроса о выдаче предварительного разрешения на сделку по отчуждению жилого помещения ребенка, органы опеки и попечительства руководствуются следующими нормами:

1. Статья 37 ГК РФ – опекун не вправе без предварительного разрешения органа опеки и попечительства совершать, а попечитель давать согласие на совершение сделок по отчуждению, в том числе обмену или дарению имущества подопечного, сдачи его внаем (в аренду), в безвозмездное пользование или в залог, сделок, влекущих отказ от принадлежащих подопечному прав, раздел его имущества или выдел из него долей, а также любых других действий, влекущих уменьшение имущества подопечного.

Порядок управления имуществом подопечного, определяется федеральным законом об опеке и попечительстве имущества, принадлежащего несовершеннолетнему.

Опекун, попечитель, их супруги и близкие родственники не вправе совершать сделки с подопечным за исключением передачи имущества подопечному в качестве дара или в безвозмездное пользование, а также представлять подопечного при заключении сделок или ведении судебных дел между ними;

2. Статья 60 СК РФ – ребенок имеет право собственности на доходы, полученные им, имущество, полученное им в дар или в порядке наследования, а также на любое другое имущество, приобретенное на средства ребенка.

Права ребенка на распоряжение принадлежащим ему на праве собственности имуществом определяется статьями 26 и 28 ГК РФ.

При осуществлении родителями правомочий по управлению имуществом, принадлежащим несовершеннолетнему, на них распространяются правила, установленные гражданским законодательством в отношении распоряжения имуществом подопечного (ст. 37 ГК РФ);

Ребенок не имеет право собственности на имущество родителей, родители не имеют право собственности на имущество ребенка. Дети и родители, проживающие совместно могут владеть и пользоваться имуществом друг друга по взаимному согласию.

В случае возникновения права общей собственности родителей и детей их права на владение, пользование и распоряжение общим имуществом определяется гражданским законодательством.

3. Статья 26 ГК РФ – устанавливает дееспособность несовершеннолетних от 14 до 18 лет. Эти лица совершают сделки с письменного согласия своих законных представителей, родителей, усыновителей или попечителей.

4. Статья 28 ГК РФ – устанавливает порядок действия законных представителей за своих несовершеннолетних детей, не достигших возраста 14 лет. Сделки в интересах малолетних регулируются пунктом 1 данной статьи, согласно которой сделки за малолетних граждан могут совершать только их законные представители.

5. Статья 292 ГК РФ – отчуждение жилого помещения, если в нем проживают несовершеннолетние, недееспособные или ограниченные дееспособные члены семьи собственника, если при этом затрагиваются права или охраняемые законом интересы указанных лиц, совершается с согласия органа опеки и попечительства. Согласие этих органов требуется лишь в части совершения сделки с иму-

ществом, используемым несовершеннолетними лицами. В частности, разрешение органов опеки и попечительства необходимо если:

– в продаваемом жилом помещении признано право пользования за несовершеннолетним, помещенным на воспитание в государственное учреждение;

– семья признана неблагополучной, поставлена на учет в органах в социальной защите населения;

– в семье проживают несовершеннолетний либо недееспособные совершеннолетние граждане, над которыми установлена опека.

6. Статья 2 ФЗ № 1541-1 ОТ 4.07.1991 г. (ред. от 20.12.2017) «О приватизации жилищного фонда в РФ - приватизация жилых помещений, в которых проживают несовершеннолетние осуществляются только с участием несовершеннолетних»;

7. Статья 74 ФЗ № 102-ФЗ от 16.07.1998 г. (ред. от 31.12.2017) «Об ипотеке» – ипотека жилого помещения или квартиры, находящаяся в собственности несовершеннолетних, ограниченно дееспособных или недееспособных лиц, над которыми установлена опека (попечительство), осуществляется в порядке, установленном действующим законодательством для совершения сделок с имуществом несовершеннолетних. Орган опеки и попечительства в праве дать согласие на отчуждение и (или) передачу в ипотеку жилого помещения, в котором проживают находящиеся под опекой или попечительством члены семьи собственника данного жилого помещения, либо оставшиеся без попечения родителей несовершеннолетние члены семьи собственника, если при этом не затрагиваются права или охраняемые законом интересы указанных лиц. Решение органов опеки и попечительства о даче такого согласия или мотивированное решение об отказе в таком согласии, должно быть представлено заявителю в письменной форме не позднее чем через 30 дней после даты подачи заявления с просьбой дать такое согласие. Письменный отказ органов опеки и попечительства граждане вправе оспорить в суде.

После совершения сделки законные представители в установленный срок обязаны представить в Управление социальной защиты населения копии правоустанавливающих документов на приобретенное жилое помещение с целью подтверждения соблюдения прав и интересов несовершеннолетних.

Существенным условием договора купли-продажи жилого помещения является указание перечня лиц, сохраняющих право пользования отчуждаемым жилым помещением, либо информация, исходящая от собственника, о том, что подобные лица отсутствуют. Указание на этих лиц в договоре продажи жилых помещений является обязательным, т.к. они на это жилое помещение также имеют права, которые должны охраняться в соответствии с законодательством (статья 558 Гражданского кодекса РФ).

В случае если возникает необходимость смены места жительства семьи или приобретение более комфортного жилья, возможна продажа недвижимого имущества несовершеннолетнего, но если он не достиг возраста 14 лет, продажа осуществляется лишь с разрешения органа опеки. В случае если несовершеннолетний собственник достиг возраста 14 лет, то возникает необходимость не только в разрешении органов опеки, но и нотариально заверенном

удостоверении о согласии одного из родителей на данную сделку.

Случается, что несовершеннолетний должен получить наследство, а родители не желают этого, например, вследствие долговых обязательств, связанных с получением наследства. По положению статьи 1175 ГК РФ, размер обязательств не может превышать размер наследуемого имущества. Если наследник ничего кроме долгов не получает, то долги на него не распространяются. В случае если несовершеннолетний получает в наследство ипотечную квартиру, то кредитные обязательства переходят на наследника, а т.к. дети нести бремя кредитов самостоятельно не могут, то эта обязанность ложится на их родителей. В таком случае родители пытаются отказаться от наследства, получаемое их детьми. Отказаться от наследования жилья несовершеннолетним, возможно только с письменного разрешения органов опеки. Так же, в настоящее время, невозможно отказаться от участия в приватизации от имени несовершеннолетнего, так как это ущемляет его имущественные права.

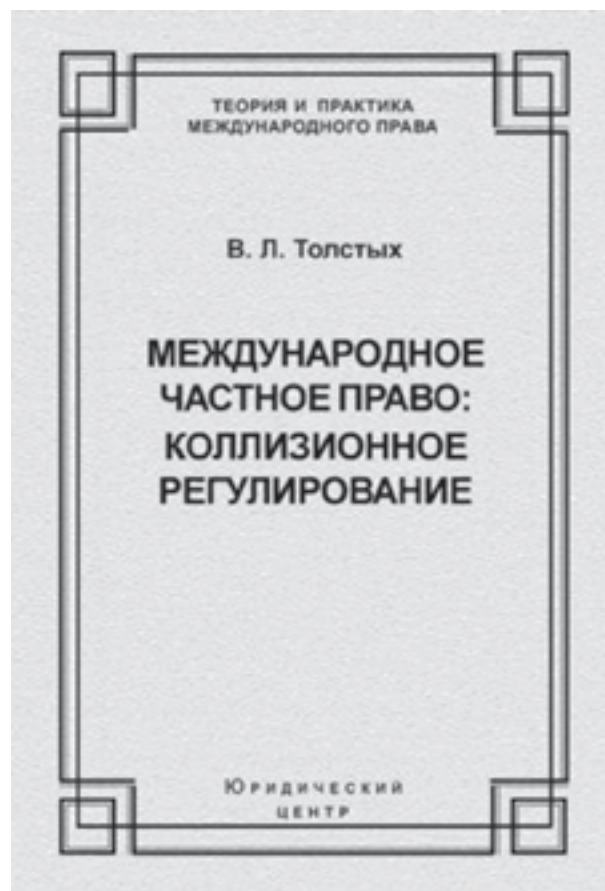
Отказ от преимущественного права покупки, предусмотренного положениями статьи 250 Гражданского кодекса РФ, также возможен только с разрешения органа опеки, т.к. в этом случае идет отказ от приобретения этого имущества. Обычно это происходит при продаже доли в квартире или ином жилом доме и возможно с письменного разрешения опеки и одобрения одного из родителей. Отказ от такой покупки обычно происходит из-за финансовой несостоятельности родителей, которые не могут совершить данную покупку.

Выдавая письменное разрешение на сделку с имуществом несовершеннолетнего, опека выдвигает родителям обязательные условия, которые они обязаны соблюдать. Если родители ребенка продают его имущество, то они обязаны предоставить ему иное жилье в собственность в размере не меньше, чем продаваемое или положить деньги от продажи на счет в банке на имя несовершеннолетнего ребенка. При этом следует помнить, что эти деньги можно потратить только на покупку жилья вкладчику, а не на что-либо другое. Сделка эта возможна только с письменного разрешения органов опеки до совершеннолетия ребенка. Таким образом, закон защищает имущественные права несовершеннолетних².

Подведя итоги сказанному можно сделать вывод, что политика государства направлена на защиту жилищных прав несовершеннолетних граждан, в том числе и собственников жилья, но вместе с тем имеются значительные недоработки, которые необходимо устранить для улучшения жилищных прав детей.

Пристатейный библиографический список

1. Декларация прав ребенка (Принята 20.11.1959 г.) // СПС КонсультантПлюс.
2. Шиловская А. Л. Проблемы защиты жилищных прав несовершеннолетних. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://studbooks.net/1105335/pravo/problemu_zaschity_zhilischnyh_prav_nesovershennoletnih_rossii.
3. Шиловская А. Л. Опека как форма защиты прав ребенка. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.urvak.ru/articles/sotsia-vypusk-6-opeka-kak-forma-zashchity-prav-reb/>.
4. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pravoman.ru/realty/ownership/zhilishnye-prava-nesovershennoletnih/>.
5. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://vuzlit.ru/811602/problemu_zaschity_zhilischnyh_prav_nesovershennoletnih_rossii.

² Шиловская А. Л. Опека как форма защиты прав ребенка. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.urvak.ru/articles/sotsia-vypusk-6-opeka-kak-forma-zashchity-prav-reb/>.

ЖЕЛАНОВА Анна Сергеевна

аспирант кафедры гражданского права и процесса и международного частного права Юридического института Российского университета дружбы народов

Желанова А. С.

СТАНОВЛЕНИЕ АРБИТРАБЕЛЬНОСТИ КОРПОРАТИВНЫХ СПОРОВ ОБ ОСПАРИВАНИИ РЕШЕНИЙ ОБЩИХ СОБРАНИЙ УЧАСТНИКОВ В ГЕРМАНИИ: КЛЮЧЕВЫЕ РЕШЕНИЯ ВЕРХОВНОГО СУДА ГЕРМАНИИ

В статье рассматриваются три знаковых решения Верховного федерального суда Германии для арбитрабельности корпоративных споров, в частности для споров об оспаривании решений общих собраний участников, а также раскрывается допустимость рассмотрения данной категории споров в арбитраже.

Германия – страна, дружественная арбитражу. Привлекательность Германии в качестве международной площадки для рассмотрения споров в порядке арбитража (третейского разбирательства) возросла после реформы арбитражного законодательства в 1998 году – целью и итогом которой стало приведение немецкого законодательства и регламентов арбитражных институтов в соответствие с Типовым законом ЮНСИТРАП 1985 г. Сегодня Гражданское процессуальное уложение Германии предусматривает, что предметом арбитражного разбирательства может выступать любое имущественное требование. Однако, арбитрабельность рассматриваемой категории споров долгое время была под сомнением и выступала объектом дискуссий.

Решения Федерального Верховного суда Германии внесли правовую определенность по данному вопросу, предусмотрев специальные критерии для рассмотрения споров о действительности / ничтожности резолюций акционеров в арбитражах. Подробный анализ каждого из решений, вынесенных через различные промежутки времени, позволяет отследить становление арбитрабельности данного вида корпоративных споров в международном коммерческом арбитраже в Германии.

Ключевые слова: Германия, немецкое право, корпоративные споры, споры о действительности / ничтожности резолюций акционеров, международный коммерческий арбитраж, судебные решения.

ZHELANOVA Anna Sergeevna

postgraduate student of Civil law and process and international private law sub-faculty of the Law Institute of the Peoples' Friendship University of Russia

THE FORMATION OF THE ARBITRABILITY OF CORPORATE DISPUTES CHALLENGING DECISIONS OF GENERAL MEETINGS OF PARTICIPANTS IN GERMANY: KEY DECISIONS OF THE SUPREME COURT OF GERMANY

The article deals with three significant decisions of the Federal Supreme court of Germany for arbitrability of corporate disputes, in particular arbitrability of disputes regarding the validity or nullity of a shareholders' resolution, as well as the admissibility of the consideration of this category of disputes in arbitration.

Germany is a country friendly to arbitration. The attractiveness of Germany as an international platform for the consideration of arbitration disputes increased after the reform of arbitration legislation in 1998 – bringing the German legislation and regulations of arbitration institutions in accordance with the UNCITRAL model law 1985. Today, the German civil procedure code provides that the subject of arbitration can be any property claim. However, the arbitrability of this category of disputes has long been in doubt and has been the subject of debate.

The decisions of the Federal Supreme court of Germany provided legal certainty on this issue, providing special criteria for the consideration of disputes concerning the validity (nullity) of shareholders' resolutions in arbitrations. A detailed analysis of each of the decisions made at different times, allows to track the formation of arbitrability of this type of corporate disputes in international commercial arbitration in Germany.

Keywords: Germany, German law, corporate disputes, disputes regarding the validity (nullity) of a shareholders' resolution, international commercial arbitration, court decisions.

I. Введение

На сегодняшний день Германия обладает общепризнанным авторитетом страны, благоприятной для функционирования международного коммерческого арбитража на высоком уровне.

Согласно статье 1030 Гражданского процессуального уложения Германии (Zivilprozessordnung § 1030): предметом арбитражного разбирательства в Германии может быть любое имущественное требование, а также неимущественное требование, если стороны правомочны заключить по предмету спора мировое соглашение¹.

Аналогично и в отношении допустимости рассмотрения корпоративных споров в арбитраже применяется статья 1030 Гражданского процессуального уложения. Тем не менее арбитрабельность одной из категорий корпоративных споров – споров о действительности (ничтожности) резолюций акционеров, долгое время выступала объектом дискуссий.

II. «Арбитрабельность I»

До 2009 года корпоративные споры об оспаривании решений общих собраний акционеров в Германии были факти-

¹ Гражданское процессуальное уложение Германии (Zivilprozessordnung) § 1030. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gesetze-im-internet.de/zpo/_1030.html (дата обращения: 03.05.2018 г.).

www.gesetze-im-internet.de/zpo/_1030.html (дата обращения: 03.05.2018 г.).

чески неарбитрабельны.² На основании статьи 248 параграфа 1 Закона Германии об акционерных обществах (Aktengesetz, AktG)³, если решение общего собрания акционеров было признано недействительным окончательным *судебным решением*, то такое решение носило обязательный характер для всех акционеров, исполнительных и надзорных органов, даже если они не были стороной в процессе. Ключевым моментом является именно словосочетание «судебным решением», указывающим конкретно на государственный суд, а не на арбитраж. Вследствие этого в Германии было сложно оспорить решения собраний акционеров в арбитражах⁴.

Федеральный верховный суд Германии (Bundesgerichtshof, BGH) своим решением от 29.03.1996 под названием «Арбитрабельность I» («Schiedsfähigkeit I») указал, что статья 248 параграфа 1 Закона Германии об акционерных обществах не применима к третейскому разбирательству, и хотя она не исключает данный вид корпоративных споров из компетенции (подсудности) третейских судов, а напротив не препятствует передаче дела в арбитраж, тем не менее постановление определило ряд вопросов в отношении арбитрабельности данного вида споров, требующих дальнейшего разрешения.

В решении «Арбитрабельность I» отмечалось, что исключительная подсудность § 246 (предложение 1 абз. 3) Закона Германии об акционерных обществах, гласящая что, «иск [о признании недействительным решения общего собрания акционеров-участников общества] может быть подан только в земельный суд по месту нахождения общества», – не является препятствием для передачи дела в арбитраж, и истолковывалось, что указанное положение регулирует распределение дел между судами, а не закрепляет запрет передачи дела на арбитражное рассмотрение. Указанная норма Закона об акционерных обществах по аналогии применяется к обществам с ограниченной ответственностью⁵.

Не смотря на то, что включение арбитражной оговорки в устав общества выступает одним из важнейших признаков арбитрабельности такого вида споров, Верховный суд Германии решил, что этого не достаточно. Признание резолюции акционеров-участников недействительной имеет силу в отношении всех участников и общества. В судебном процессе положение об исключительной подсудности спора взаимодействует с положением о сосредоточении в одном месте всех исков акционеров-участников, обжалующих решение общего собрания. В арбитраже отсутствуют схожие нормы, препятствующие размножению близких исков, поданных разными участниками, и вынесению третейскими судами взаимоисключающих решений по одному и тому же предмету спора.

В связи с отсутствием положений, аналогичных § 248 Закона Германии об акционерных обществах, устанавливающих, что решение уполномоченного органа распространяется на всех участников в независимости от того, участвовали они в процессе или нет (эффект «inter omnes» – «для всех»), оставался вопрос, каким образом арбитражное решение будет иметь значение для остальных участников, которые не принимали участие в разбирательстве, если согласно общему правилу «арбитражное решение носит обязательный характер только для его сторон (эффект «inter partes» – «между сторонами»). Также было неясно, как при множественности лиц на стороне ответчика или истца, можно прийти к избранию единого арбитра с их стороны.

В связи с вышеизложенным и принимая во внимание, что немецкий законодатель вел разработку нового закона об арбитраже, Федеральный верховный суд Германии оставил все указанные вопросы на рассмотрение законодателя, поста-

новив об отсутствии своей компетенции в выполнении таких значительных пробелов в законодательстве⁷.

Однако, немецкий законодатель, воздержавшись от принятия решения по вопросу арбитрабельности корпоративных споров в отношении недействительности резолюций акционеров-участников, отметил, что вопрос о распространении арбитражного решения на лиц, которые не приняли участие в арбитражном разбирательстве, далее целесообразно разрешать посредством судебной практики, принимая во внимание фактические обстоятельства каждого дела⁸.

III. «Арбитрабельность II»

Спустя годы Федеральный верховный суд Германии снова вернулся к вышеизложенным вопросам и вынес по ним решение, ставшее знаковым для арбитрабельности корпоративных споров об обжаловании решений общих собраний акционеров.

Решением от 06.04.2009 под названием «Арбитрабельность II» («Schiedsfähigkeit II») Федеральным верховным судом Германии предусмотрел допустимость рассмотрения корпоративных споров об оспаривании решений общих собраний акционеров арбитражами при соблюдении определенных условий:

- арбитражная оговорка должна быть в обязательном порядке включена в учредительные документы, либо содержаться в ином документе компании. При этом арбитражная оговорка может быть включена в устав общества только с согласия всех акционеров, а арбитражное соглашение, заключаемое вне устава, также должно быть заключено между всеми акционерами-участниками общества и самим обществом;

- необходимо, чтобы сама компания в лице исполнительных органов также являлась стороной такого договора;

- арбитражная оговорка должна быть составлена так, чтобы сделать возможным рассмотрение всех исков относительно конкретного решения общего собрания в одном арбитраже, т.е. обеспечить сосредоточение всех споров об обжаловании решений общего собрания в одном арбитраже, так как решение арбитражного суда относительно недействительности решения общего собрания станет обязательным для всех акционеров, а также для самой компании и всех ее представителей;

- арбитражное соглашение должно предусматривать возможность участия всех акционеров компании в заседаниях арбитража (обладать правом выбора арбитров (если арбитр не назначается независимым органом), быть уведомленными о дате заседаний; в том числе органы компании также должны быть уведомлены о датах и ходе разбирательства). Акционеры могут выступать как на стороне истца, так и на стороне ответчика. Самое главное, чтобы им была обеспечена возможность присоединения к арбитражному разбирательству по меньшей мере в качестве третьего лица.

Несоблюдение одного из данных условий повлечет за собой признание арбитражного решения недействительным – недобросовестным, согласно § 138 абзац 1 ГГУ.

IV. «Арбитрабельность III»

В своем последнем решении от 6 апреля 2017 года Федеральный верховный суд Германии высказался по поводу допустимо-

2 Lennarz T. Germany: GmbH shareholder disputes now arbitrable // Arbitration. Case Comment, 2010.

3 Закон Германии об акционерных обществах (Aktengesetz – «AktG»). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gesetze-im-internet.de/aktg/index.html> (дата обращения: 03.05.2018 г.).

4 Kraayvanger J., Hilgard M.C. Arbitrability of Shareholder's Disputes under German Law // International Litigation Quarterly Volume 26 Number 1, 2009.

5 BGH II ZR 224/95, NJW 1996.

6 BGH, 20.1.1986 – II ZR 73/85, NJW 1986.

7 Каримуллин Р. И. Арбитраж корпоративных споров // Вестник международного коммерческого арбитража. 2016. № 2. С. 35; Duvé C., Wimalasena P. Arbitration of Corporate Law Disputes in Germany. 2015; Kreindler R., Rieder M., Wilke R. Gesellschaftsrechtliche Beschlussmängelstreitigkeiten im Schiedsverfahren – „Schiedsfähigkeit II“ und die DIS Ergänzenden Regeln für Gesellschaftsrechtliche Streitigkeiten // Sherman&Sterling // International Arbitration. April 2010. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.shearman.com/~media/Files/NewsInsights/Publications/2010/04/Gesellschaftsrechtliche-Beschlussmängelstreitigkeiten/Files/Mehr-Gesellschaftsrechtliche-Beschlussmängelstreitigkeiten/FileAttachment/CP-Gesellschaftsrechtliche-Beschlussmängelstreitigkeiten.pdf> (дата обращения: 03.05.2018 г.); Borris C. „Die Ergänzenden Regeln für gesellschaftsrechtliche Streitigkeiten“ der DIS („DIS-ERGeS“) // SchiedsVZ 2009, 299.

8 Begründung zum Regierungsentwurf eines Gesetzes zur Neuordnung des Schiedsverfahrensrechts vom 12.7.1996 (BT-Drucks. 13-5274). S. 35.

9 BGH II ZR 255/08, 2009. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://juris.bundesgerichtshof.de/cgi-bin/rechtsprechung/document.py?Gericht=bgh&Art=en&sid=of5490d86969a06f29f5406d169fb6a9&nr=47949&pos=10&anz=11> (дата обращения: 03.05.2018 г.).

сти передачи в арбитраж корпоративных споров, связанных с оспариванием решений в партнерствах с ограниченной ответственностью (Kommanditgesellschaft, KG). Решение от 06.04.2017 г., в котором оспаривалось решение об исключении партнеров из партнерства, распространило условия арбитрабельности, закрепленные предыдущим решением «Арбитрабельность II», в отношении корпоративных споров, возникающих в партнерствах с ограниченной ответственностью (Kommanditgesellschaft, KG). Данное решение Федерального верховного суда уже получило название «Арбитрабельность III» («Schiedsfähigkeit III»)¹⁰.

В указанном решении по делу об оспаривании решения об исключении партнеров из состава товарищества, Федеральный верховный Суд Германии указал на допустимость рассмотрения такого вида спора в арбитраже. Верховный суд отменил решение нижестоящей инстанции, которое подтвердило компетенцию арбитражного состава, так как в деле требовалось соблюдение общих условий арбитрабельности, закрепленных более ранней судебной практикой – решением «Арбитрабельность II» по отношению к корпоративным спорам в обществах с ограниченной ответственностью.

Теперь к корпоративным спорам в партнерствах применяются те же условия допустимости передачи дела в арбитраж, что и к обществам с ограниченной ответственностью:

– Согласие всех участников общества на передачу спора в арбитраж;

– Уведомление всех участников общества о передаче спора на рассмотрение в арбитраж;

– Возможность всех участников общества принимать участие в формировании состава арбитров и назначении арбитров;

– Сосредоточение рассмотрения всех споров по одному решению собрания участников общества в едином арбитражном разбирательстве.

V. Заключение

Решения Федерального верховного суда Германии об арбитрабельности корпоративных споров направлены на создание правовой определенности в области рассмотрения корпоративных споров арбитражными судами.¹¹

Решение Федерального верховного суда Германии I ZB 23/16 от 6 апреля 2017 года поставило точку в определении арбитрабельности корпоративных споров в Германии. Изначально законодательством Германии предусматривалась допустимость рассмотрения всех видов корпоративных споров в арбитраже, кроме споров об оспаривании решений участников общих собраний обществ. С последним ключевым решением Верховного суда Германии вопрос об арбитрабельности можно назвать «закрытым».

Решение Верховного федерального суда Германии II ZR 255/08 от 6 апреля 2009 года закрепляет, что уровень защиты интересов участников корпоративного спора в арбитражном суде никоим образом не должен быть ниже, чем уровень защиты в государственном суде. Компетенция арбитражных судов по вопросам корпоративного права оправдана тогда, когда арбитражный судебный процесс и государственный судебный процесс равны по своему качеству защиты интересов всех участников корпоративного спора.

Таким образом, в праве Германии допустимо рассмотрение всех видов корпоративных споров не только государственными судами, но и арбитражами, включая корпоративные споры об оспаривании общих собраний участников при условии соблюдения определенных требований.

10 Borris C. Die "Schiedsfähigkeit" von Beschlussmängelstreitigkeiten in der Personengesellschaft. Zum Beschluss des BGH von 6.4.2017 («Schiedsfähigkeit III») // NZG 20/2017. s. 761-767; BGH I ZB 23/16, ZIP 2017, 1024. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://juris.bundesgerichtshof.de/cgi-bin/rechtsprechung/document.py?Gericht=bgh&Art=en&nr=78269&pos=0&anz=1> (дата обращения: 03.05.2018 г.)

11 Kreindler R., Dr. Rieder M., Wilke R. Gesellschaftsrechtliche Beschlussmängelstreitigkeiten im Schiedsverfahren – „Schiedsfähigkeit II“ und die DIS Ergänzenden Regeln für Gesellschaftsrechtliche Streitigkeiten // Sherman&Sterling // International Arbitration. April 2010 URL: https://www.shearman.com/~media/Files/NewsInsights/Publications/2010/04/Gesellschaftsrechtliche-Beschlussmängelstreitigkeiten__Files/Mehr-Gesellschaftsrechtliche-Beschlussmängelstreitigkeiten__FileAttachment/CP-Gesellschaftsrechtliche-Beschlussmängelstreitigkeiten__pdf (дата обращения: 03.05.2018 г.)

Пристатейный библиографический список

1. Гражданское процессуальное уложение Германии (Zivilprozessordnung) § 1030. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gesetze-im-internet.de/zpo/_1030.html (дата обращения: 03.05.2018 г.).
2. Закон Германии об акционерных обществах (Aktiengesetz – "AktG"). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gesetze-im-internet.de/aktg/index.html> (дата обращения: 03.05.2018 г.).
3. Каримуллин Р. И. Арбитраж корпоративных споров // Вестник международного коммерческого арбитража. 2016. № 2.
4. Begründung zum Regierungsentwurf eines Gesetzes zur Neuregelung des Schiedsverfahrensrechts vom 12.7.1996 (BT-Drucks. 13-5274).
5. BGH II ZR 224/95, NJW 1996.
6. BGH II ZR 255/08. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://juris.bundesgerichtshof.de/cgi-bin/rechtsprechung/document.py?Gericht=bgh&Art=en&sid=0f5490d86969a06f29f5406d169fb6a9&nr=47949&pos=10&anz=11> (дата обращения: 03.05.2018 г.).
7. BGH I ZB 23/16, ZIP 2017, 1024. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://juris.bundesgerichtshof.de/cgi-bin/rechtsprechung/document.py?Gericht=bgh&Art=en&nr=78269&pos=0&anz=1> (дата обращения: 03.05.2018 г.).
8. BGH, 20.1.1986 – II ZR 73/85, NJW 1986.
9. Borris C. Die "Schiedsfähigkeit" von Beschlussmängelstreitigkeiten in der Personengesellschaft. Zum Beschluss des BGH von 6.4.2017 («Schiedsfähigkeit III») // NZG 20/2017. s. 761-767; BGH docket no. I ZB 23/16, ZIP 2017, 1024.
10. Duve C., Wimalasena P. Arbitration of Corporate Law Disputes in Germany. 2015.
11. Graždanskoe protsessualnoe ulozhenie Germanii (Zivilprozessordnung) § 1030. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gesetze-im-internet.de/zpo/_1030.html (дата обращения: 03.05.2018 г.).
12. Kreindler R. I. Arbitrazh korporativnykh spоров // Vestnik mezhdunarodnogo kommercheskogo arbitrazha. 2016. № 2.
13. Kraayvanger J., Hilgard M. C. Arbitrability of Shareholder's Disputes under German Law // International Litigation Quarterly. Volume 26. Number 1, 2009.
14. Kreindler R., Rieder M., Wilke R. Gesellschaftsrechtliche Beschlussmängelstreitigkeiten im Schiedsverfahren – „Schiedsfähigkeit II“ und die DIS Ergänzenden Regeln für Gesellschaftsrechtliche Streitigkeiten // Sherman&Sterling // International Arbitration. April 2010. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.shearman.com/~media/Files/NewsInsights/Publications/2010/04/Gesellschaftsrechtliche-Beschlussmängelstreitigkeiten__Files/Mehr-Gesellschaftsrechtliche-Beschlussmängelstreitigkeiten__FileAttachment/CP-Gesellschaftsrechtliche-Beschlussmängelstreitigkeiten__pdf (дата обращения: 03.05.2018 г.).
15. Kreindler R., Rieder M., Wilke R. Gesellschaftsrechtliche Beschlussmängelstreitigkeiten im Schiedsverfahren – „Schiedsfähigkeit II“ und die DIS Ergänzenden Regeln für Gesellschaftsrechtliche Streitigkeiten // Sherman&Sterling // International Arbitration. April 2010. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.shearman.com/~media/Files/NewsInsights/Publications/2010/04/Gesellschaftsrechtliche-Beschlussmängelstreitigkeiten__Files/Mehr-Gesellschaftsrechtliche-Beschlussmängelstreitigkeiten__FileAttachment/CP-Gesellschaftsrechtliche-Beschlussmängelstreitigkeiten__pdf (дата обращения: 03.05.2018 г.).
16. Lennarz T. Germany: GmbH shareholder disputes now arbitrable // Arbitration. Case Comment. 2010.
17. Закон Германии об акционерных обществах (Aktiengesetz – "AktG"). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gesetze-im-internet.de/aktg/index.html> (дата обращения: 03.05.2018 г.).

МОРИН Александр Владимирович

кандидат юридических наук, доцент кафедры административно-правовых дисциплин Уфимского юридического института МВД России

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ УЧАСТИЯ ГРАЖДАН В ОХРАНЕ ОБЩЕСТВЕННОГО ПОРЯДКА

Статья посвящена отдельным направлениям совершенствования административного законодательства, регламентирующего вопросы участия граждан в охране общественного порядка. Автор обращает внимание на необходимость более четкой регламентации отдельных норм Федерального закона от 2 апреля 2014 г. № 44-ФЗ «Об участии граждан в охране общественного порядка» и Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях.

Ключевые слова: участие граждан в охране общественного порядка, общественный порядок, ответственность, взаимодействие.

MORIN Aleksandr Vladimirovich

Ph.D. in Law, associate professor of Administrative and legal disciplines sub-faculty of the Ufa Law Institute of the MIA of Russia

Морин А. В.

THE PROBLEMATIC ASPECTS OF CITIZENS' PARTICIPATION IN THE PROTECTION OF PUBLIC ORDER

The article is devoted to certain areas of improvement of the administrative legislation regulating the issues of citizens' participation in the protection of public order. The author draws attention to the need for more precise regulation of certain norms of the Federal Law of April 2, 2014 No. 44-FZ «On the participation of citizens in the protection of public order» and the Code of the Russian Federation on administrative violations.

Keywords: participation of citizens in the protection of public order, public order, responsibility, interaction.

Вопросы привлечения граждан к охране общественного порядка были и остаются достаточно значимыми для отечественного правоприменителя. В основу разработки современной концепции привлечения граждан к охране общественного порядка положено богатое историческое наследие нашего государства. Времена царской и советской России по-разному оцениваются современными историками, однако эффективность, значимость, целостность и действенность законодательства прошлых лет в этом плане сложно переоценить.

Мы, безусловно учитываем тот факт, что многие механизмы привлечения общественности к охране общественного порядка потеряли свою актуальность и претерпели серьезные изменения, как в части совершенствования технико-юридической регламентации отдельных норм, так и с учетом особенностей реализации внутренней политики государства на современном этапе. Однако внутреннее, смысловое содержание концепции вовлечения общества в вопросы обеспечения общественного порядка остается прежним.

Сама идея привлечения и активизации участия граждан в охране общественного порядка сегодня основывается на необходимости более тесного сотрудничества правоохранительных органов (полиции) с гражданами в отдельно взятом муниципальном образовании и реализуется с учетом более тесного взаимодействия государства и его органов с институтом общественного контроля.

Отметим так же еще один немаловажный факт. Режим экономии расходов госструктур в последние десятилетия

ориентировал законодателя на поиск дополнительных путей и способов обеспечения общественного порядка и общественной безопасности минимальными средствами с максимальной эффективностью. В этой связи, одним из наиболее значимых и перспективных направлений деятельности стало привлечение граждан к охране общественного порядка, а Федеральным законом № 44-ФЗ от 02 апреля 2014 года¹ были созданы тому соответствующие правовые условия. Указанный закон достаточно подробно определил принципы и основные формы участия граждан в охране общественного порядка и поиске лиц, пропавших без вести, особенности создания и деятельности общественных объединений правоохранительной направленности (целью которых является участие в охране общественного порядка), порядок и особенности создания и деятельности народных дружин, а также правовой статус самих народных дружинников.

Тезисно отметим лишь некоторые проблемные аспекты привлечения граждан к охране общественного порядка.

1. Несмотря на то, что законодательство субъектов Российской Федерации конкретизирует положения указанного закона в части материального стимулирования, предоставления льгот и компенсаций народным дружинникам, а также материально-технического обеспечения деятельности добровольных народных дружин нам пред-

1 Федеральный закон от 02 апреля 2014 г. 44-ФЗ «Об участии граждан в охране общественного порядка» // Собрание законодательства РФ. 2014. № 14. С. 1536.

ставляется необходимым более четко определить границы подобного стимулирования и установить единые требования к оснащению предоставляемых дружинам помещений.

2. Нам представляется, что следует установить единые требования к отличительной символике и форме членов добровольных народных дружин, дабы создать единый общероссийский образ дружинника, сохранив, в качестве исключения, образ члена казачьего общества.

3. Важной и значимой, по нашему мнению, видится проработка вопроса ответственности народных дружинников при злоупотреблении предоставленными им правами в зависимости от характера и степени причиненного их действиями вреда.

4. Необходимой, актуальной и значимой видится законодательная регламентация ответственности граждан за неповиновение законным требованиям народных дружинников и внештатных сотрудников полиции о прекращении противоправных действий, а также воспрепятствовании их законной деятельности.

5. Значимой, как с точки зрения популяризации роли добровольных народных дружин в охране общественного порядка, так и с точки зрения освещения их достижений (героизма в ряде случаев) представляется усиление взаимодействия

общественных формирований со средствами массовой информации.

В заключении отметим, что, на наш взгляд, реализация указанных выше положений усилит привлекательность такой общественно-полезной деятельности как участие граждан в охране общественного порядка и создаст дополнительные условия для более тесного взаимодействия общества и государства в борьбе с негативными социальными явлениями.

Пристатейный библиографический список

1. Федеральный закон от 02 апреля 2014 г. 44-ФЗ «Об участии граждан в охране общественного порядка» // Собрание законодательства РФ. 2014. № 14. С. 1536.
2. Организация работы сотрудников патрульно-постовой службы во взаимодействии с народными дружинами и общественными формированиями правоохранительной направленности при осуществлении охраны общественного порядка в соответствии с ФЗ от 02.04.2013 года № 44-ФЗ «Об участии граждан в охране общественного порядка» методические рекомендации / А. В. Морин [и др.]. Уфа: Уфимский ЮИ МВД России, 2015.

СЕМЕНЧУК Илья Юрьевич

бакалавр, выпускник Международно-правового факультета МГИМО (У) МИД России

ВОЗБУЖДЕНИЕ ДЕЛА О НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ (БАНКРОТСТВЕ): О НЕКОТОРЫХ ПРАВОВЫХ АСПЕКТАХ ПОДАЧИ ЗАЯВЛЕНИЯ ПО ИНИЦИАТИВЕ ДОЛЖНИКА

Статья посвящена правовым особенностям процедуры возбуждения дела о банкротстве по инициативе должника. Проводится анализ нормативных актов, которые затрагивают вопросы правового положения заявителя при подаче заявления о признании собственной несостоятельности, а также меры уголовной и административной ответственности за фиктивное банкротство. Оценивается эффективность законодательно закрепленных мер.

Ключевые слова: банкротство, возбуждение дела о несостоятельности, подача заявления о банкротстве по инициативе должника, правовое положение должника.

SEMENCHUK Ilya Yurjevich

bachelor, graduate of the International Law Faculty of the MGIMO (U) of the MFA of Russia

Семенчук И. Ю.

PROCEDURE FOR INITIATING A BANKRUPTCY CASE ON THE INITIATIVE OF THE DEBTOR: SPECIAL LEGAL ASPECTS

The article is dedicated to the special legal aspects of the procedure for initiating a bankruptcy case on the initiative of the debtor. The author analyses statutory regulation and investigates issues of the applicant's legal status in case of bankruptcy petition, as well as criminal and administrative liability for fictitious bankruptcy. The article evaluates the effectiveness of legislation and statutory regulations related to the applicant's legal status.

Keywords: bankruptcy, initiation of bankruptcy proceedings, bankruptcy petition by a debtor, legal status of a debtor.

Согласно законодательству Российской Федерации, дела о банкротстве рассматриваются в арбитражном суде. Право на обращение в суд имеют должники, кредиторы по денежным обязательствам и уполномоченные органы. В статье 9 Федерального закона перечислены ситуации, требующие подачи заявления должника. Заявление должно быть подано в течение месяца, начиная с момента когда возникли соответствующие обстоятельства или в течение десяти дней, если признаки банкротства проявились при ликвидации юридического лица. Термин «банкротство» или «несостоятельность» обычно воспринимается негативно, несмотря на то что данная процедура имеет свои преимущества. Банкротство обеспечивает защиту от недобросовестных кредиторов, позволяет реорганизовать бизнес, упорядочить и погасить долги в соответствии законодательством.

В качестве основных признаков банкротства обычно выделяют: задолженность денежного характера; невозможность удовлетворить требования кредиторов в трехмесячный период; стоимость имущества в собственности у должника меньше суммы обязательств перед кредиторами.

Банкротство может применяться в отношении юридических лиц, за исключением: казенных предприятий и учреждений, политических партий и религиозных организаций.

Несостоятельность (банкротство) – это признанная Арбитражным судом неспособность должника в полном объеме удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам.

В основе обязательства, выраженного в денежном эквиваленте, другими словами, его предметом, является уплата должником кредитору денежной суммы.

Дело о банкротстве возбуждается компетентным судом путем подачи соответствующего заявления.

Должником признается лицо, в обязанности которого входит совершение определенных действий, исполнение денежных обязательства в пользу кредитора.

Кредиторами в соответствии с Федеральным законом признаются лица, которые имеют права требования по денежным обязательствам и иным обязательствам по отношению к должнику.

В соответствии с федеральным законом о несостоятельности (банкротстве) с целью проведения процедуры банкротства должника должен быть утвержден арбитражный управляющий.

После того, как компетентный суд принял заявление о банкротстве начинается активное производство по делу о несостоятельности. Суд, как уполномоченный орган, назначает экспертизы для выявления признаков, характеризующих действия должника как преднамеренное или фиктивное банкротство. Кроме прочего, суд уполномочен принимать обеспечительные меры, назначает арбитражного управляющего и разрешает все разногласия в процессе процедуры банкротства.

Процедура банкротства – это совокупность мер в отношении должника направленных на восстановление его платежеспособности или ликвидации.

Данная процедура имеет несколько стадий. Первой стадией является наблюдение.

Наблюдение – это первая из возможных процедур банкротства действующего предприятия. Наблюдение вводится арбитражным судом по заявлению должника или после признания требований кредитора. На этой стадии банкротства

Арбитражным судом назначается временный арбитражный управляющий.

Данная стадия означает приостановление всех исполнительных действий в отношении должника, снятия всех арестов и других ограничений по использованию имущества. Требования кредиторов к должнику могут быть предъявлены только после проверки арбитражным судом их обоснованности.

Основными целями наблюдения является обеспечение сохранности имущества должника и изучение финансового состояния предприятия.

По итогам своей работы временный управляющий подготавливает анализ финансового состояния должника, на основе которого первое собрание кредиторов должника принимает одно из следующих решений:

- введение второй стадии – финансового оздоровления;
- введение внешнего управления;
- введении конкурсного производства;
- заключении мирового соглашения.

Обратим особое внимание на следующую процедуру банкротства – финансовое оздоровление. Продолжительность данной стадии не должна превышать семи месяцев. Финансовое оздоровление необходимо применять в отношении должника с той целью, чтобы восстановить его платежеспособность, обеспечить исполнение его денежных обязательств в соответствии с установленным графиком погашения задолженности. Эта процедура применяется в тех случаях, когда лицо разумно полагает что есть возможность реабилитировать предприятие и восстановить его платежеспособность.

Для того чтобы осуществить данную процедуру необходимо чтобы суд назначил административного управляющего.

На данной стадии банкротства Законом предусматривается необходимость обращения учредителя должника, либо третьего лица к собранию кредиторов для того, чтобы предложить график погашения задолженности и предоставить сведения об обеспечении исполнения должником своих обязательств в соответствии с указанным графиком погашения задолженности. В случае если должник не исполнит график погашения задолженности, лицо, предоставившее обеспечение, обязано будет исполнить неисполненные обязательства должника. После этого лицо, предоставившее обеспечение, становится кредитором должника наравне с другими имеющимися кредиторами.

Другие последствия введения финансового оздоровления. Также как и в предыдущей процедуре приостанавливается исполнение исполнительных документов, отменяются ранее принятые меры по обеспечению требований кредиторов, требования кредиторов к должнику могут быть предъявлены только после проверки арбитражным судом их обоснованности. Руководитель должника и иные органы управления должника также не отстраняются, но могут осуществлять свои полномочия с ограничениями, установленными ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)».

Также законодатель устанавливает возможность исключения ряда сделок в случае, если они уменьшают или могут иметь своим результатом уменьшение имущества должника. Тем не менее, для осуществления данного действия необходимо в обязательном порядке согласие административного управляющего или собрания кредиторов.

Вне зависимости от результата финансового оздоровления на должника накладывается обязанность подготовить от-

чет, содержащий информацию об итогах выполнения графика, установленного для погашения задолженности.

На основании отчета арбитражным судом выносятся один из следующих актов:

- Судебное определение о прекращении производства по делу о несостоятельности (при отсутствии задолженности);
- Судебное определение о начале процедуры внешнего управления (если возможно восстановить платежеспособность должника);
- Решение суда о признании лица банкротом и об открытии конкурсного производства.

На современном этапе развития рыночных отношений и экономики в целом, институт банкротства играет значительную роль, поскольку обеспечивает стабильность положения участников рынка, которые не в состоянии более отвечать по своим обязательствам. Совершенствование данного института должно способствовать развитию рыночных отношений, а также стабильности и разработанности правовой системы. Вопросы связанные с банкротством регулируются в соответствии с Гражданским кодексом Российской Федерации, а также Федеральным законом от 26.10.2002. N 127-ФЗ «о несостоятельности (банкротстве)».

Одним из важных аспектов законодательства о банкротстве является его реабилитационный потенциал, наличие которого направлено на поддержку должника в сложной финансовой ситуации. В этой связи необходимо отметить важную роль, которую играет момент начала процесса банкротства, несвоевременность которого может оказать негативный эффект на возможность реабилитации должника и существенно снизить шансы на успех данных процедур.

Как правило, руководство компании, которая находится на грани банкротства, стремится обойтись без возбуждения дела о несостоятельности в соответствии с ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»¹. В результате этого, желание всеми возможными способами избежать финансовой несостоятельности, приводит должника к положению, в котором использование реабилитационных процедур в рамках процесса банкротства уже не сможет дать шанс на восстановление.

Можно выделить две основные причины, приводящие к названной ситуации:

- 1) низкий уровень ответственности участников компании;
- 2) сложности, которые испытывает руководство юридического лица при самостоятельной подаче заявления о несостоятельности.

Остановим внимание на второй причине. Право на подачу заявления о банкротстве должником закреплено в ст. 8 Федерального закона и является важным инструментом для предупреждения банкротства, поскольку вероятность восстановления должника на ранних этапах остается самой высокой. Несмотря на это должник сталкивается с определенными трудностями применения данной нормы. Так, при использовании права на подачу заявления о несостоятельности, руководство компании опасается вменения ответственности за фиктивное банкротство.

Опасения эти не напрасны, поскольку на практике имеет место проблема в определении критерия “предвидения банкротства” и выявления недобросовестных кредиторов.

1 Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» от 26.10.2002 № 127-ФЗ.

Понятие “предвидение банкротства” необходимо для лиц, добросовестно полагающих что их финансовое состояние свидетельствует о риске наступления банкротства, таким образом, обращение такого лица в суд должно стать объективной и дополнительной защитой его прав и интересов кредиторов. Однако на практике для должника создаются определенные риски, что обусловлено отсутствием законодательного закрепления этого понятия, а также тем, что определение финансового состояния компании и вероятного банкротства в целом является оценочной категорией. Тем не менее, отсутствие подробного правового регулирования данных вопросов всегда оставляет возможность необоснованного привлечения как к административной, так и уголовной ответственности. Максимальный срок, предусмотренный ст. 197 Уголовного кодекса Российской Федерации за фиктивное банкротство, – 6 лет лишения свободы и взимание штрафа в размере до 80 тысяч рублей². Статья 14.12 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях за фиктивное банкротство предусматривает наложение штрафа и последующую дисквалификацию на срок от 6 месяцев до 3 лет.³

Однако не только риск привлечения к уголовной и административной ответственности останавливает руководство должника от подачи заявления о несостоятельности. Этому препятствует также обязанность должника доказать наличие тех обстоятельств, которые являются неопровержимыми признаками скорого и неизбежного наступления банкротства, выраженных в неспособности должника расплатиться с кредиторами, вносить обязательные платежи в бюджет. Суду же необходимо установить наличие данных обстоятельств, поскольку только при их наличии возникает право должника на обращение с заявлением о несостоятельности. Сложность состоит в обязанности суда определить критерии так называемого “предвидения банкротства” перед тем, как принимать заявление должника, несмотря на отсутствие признаков банкротства как такового.

В таком случае существует вероятность отказа суда в возбуждении дела о банкротстве и введении наблюдения на том основании, что у должника отсутствуют доказательства неплатежеспособности, а также доказательства, свидетельствующие о его неспособности исполнить денежные обязательства в предписанный срок. Возникает закономерный вопрос о критериях допустимости доказательств. Особенно если впоследствии судом будет удовлетворено аналогичное заявление, но поданное одним из кредиторов.

Как в законе, так и в судебной практике отсутствуют примеры тех обстоятельств, которые могут рассматриваться в качестве очевидно свидетельствующих о невозможности исполнения денежных обязательств в будущем. Таким образом, нельзя исключать ситуации, в которых должник фактически имел подобные обстоятельства, однако потерпел неудачу в процессе доказывания в суде. Вышесказанное, однако, не свидетельствует о незаконности судебных решений, поскольку суд в применении ст. 8 Закона о банкротстве руководствуется ее буквальным содержанием.

В рамках разрешения описанной проблемы представляется целесообразным реализовать позицию Е. Ш. Агеевой,

согласно которой должнику предлагается реализовать свое стремление реабилитироваться не путем подачи заявления о признании себя несостоятельным, а путем подачи заявления о финансовом оздоровлении.⁴ В данном случае должник пропускает стадию наблюдения, сразу переходя к процедуре финансового оздоровления. При таком подходе исключается риск быть привлеченным к уголовной и административной ответственности, поскольку должник будет заявлять не о неплатежеспособности, а о необходимости применения реабилитационных процедур для предупреждения банкротства. Кроме того, отпадает необходимость законодательного закрепления обязанности должника доказывать существование обстоятельств, которые являются неопровержимым признаком банкротства в будущем.

Пристатейный библиографический список

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ.
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ.
3. Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» от 26.10.2002 № 127-ФЗ.
4. Агеева Е. Ш. Институт охраны и защиты прав предпринимателей: сравнительно-правовое исследование законодательств России и Англии. М.: Статут, 2015. 144 с.
5. Буряков К. В. Правовые аспекты реализации права на подачу заявления должника в арбитражный суд о признании его банкротом // Предпринимательское право. 2006. № 4. С. 15-17.
6. Иванчак А. И. Гражданское право Российской Федерации. Общая часть. М.: Статут, 2014. 268 с.
7. Суханов Е. А. Российское гражданское право. Т. I: Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права / Отв. ред. Е. А. Суханов. 4-е изд., стереотип. М.: Статут, 2015. 958 с.

² Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ.

³ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ.

⁴ Агеева Е. Ш. Институт охраны и защиты прав предпринимателей: сравнительно-правовое исследование законодательств России и Англии. М.: Статут, 2015. С. 144.

ДЕЛЕГЕОЗ Елена Геннадьевна

кандидат исторических наук, доцент кафедры гражданского права Восточно-Сибирского филиала Российского государственного университета правосудия

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА МИНИМАЛЬНОГО РАЗМЕРА ОПЛАТЫ ТРУДА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Целью настоящей статьи является рассмотрение общей дефиниции минимального размера оплаты труда в Российской Федерации в соответствии с его законодательно установленной структурой. В статье также приведен краткий обзор существующей практики установления минимального размера оплаты труда в рамках субъектов Российской Федерации.

Ключевые слова: минимальный размер оплаты труда, минимальный размер заработной платы, прожиточный минимум, правовая природа.

DELEGEOZ Elena Gennadjevna

Ph.D. in historical sciences, associate professor of Civil law sub-faculty of the East-Siberian branch of the Russian State University of Justice

LEGAL NATURE OF RUSSIAN FEDERATION MINIMUM WAGE

The purpose of this article is to consider the common Russian Federation minimum wage definition in accordance with its legislated structure. The article also gives a brief review of real minimum wage situation in the definite constituent territory of Russian Federation.

Keywords: minimum wage, minimum earnings, living wage, legal nature.

Государства, которые принято считать экономически развитыми, поддерживают в своей внутренней политике такую систему реализации прав граждан на стабильный (стабильно возрастающий) уровень получаемого дохода, которая способствует обеспечению достойных условий жизни граждан. Осуществление данного рода прав происходит с помощью реализации во внутренней политике страны различных способов регулирования доходов граждан. В зависимости от модели управления государством применяемые способы обеспечения граждан стабильным уровнем дохода могут варьироваться, однако сама цель подобного использования политико-экономических ресурсов страны в данном вопросе выражается кратко и доступно – достигнуть определенного уровня благосостояния граждан.

Экономике Российской Федерации, при переходе страны на рыночные механизмы управления, с учетом, в частности, социального аспекта развития, были свойственны существенные изменения. Одним из успешных способов регулирования уровня доходов граждан стало установление минимальной суммы оплаты труда, гарантируемой государством. Задачей установления минимальной ставки оплаты труда или минимального размера оплаты труда (МРОТ) стало обеспечение минимального уровня материального вознаграждения за выполняемый труд для восстановления трудовых ресурсов граждан, определения размеров выплат по временной нетрудоспособности, по беременности и родам, а также для иных целей обязательного социального страхования¹.

Для реализации данной цели при установлении минимального размера оплаты труда необходимо выносить определенные требования к этому социально значимому показателю. Описание правовой структуры МРОТ содержится в нормах Конституции Российской Федерации², Гражданском³

и Трудовом кодексах⁴, а также в отдельных федеральных законах, в том числе специальном Федеральном законе от 19 июня 2000 года № 82-ФЗ «О минимальном размере оплаты труда»⁵. За период своего существования с года появления и до настоящего времени нормы, устанавливающие природу понятия минимального размера оплаты труда граждан России, претерпели существенные изменения, что скорректировало законодательство в данной сфере права.

В соответствии с начальной редакцией Трудового кодекса Российской Федерации понятие МРОТ было представлено как «гарантируемый федеральным законом размер месячной заработной платы за труд неквалифицированного работника, полностью отработавшего норму рабочего времени при выполнении простых работ в нормальных условиях труда»⁶. При этом понятие не включало в себя дополнительные выплаты, являющиеся поощрением и компенсацией для трудового населения, проживающего в районах с особыми климатическими и техногенными экологическими условиями⁷. Таким образом, можно утверждать, что на начальном этапе законодатель определял МРОТ в качестве минимального оклада, не учитывая дополнительных выплат, и видел целью применения данной меры для отдельных, наиболее нуждающейся в ней категории граждан.

Федеральным законом от 20 апреля 2007 года № 54-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О минимальном размере оплаты труда» и другие законодательные акты Российской Федерации» были изменены статьи Трудового кодекса таким образом, что само понятие МРОТ и вовсе было исключено из трудового законодательства⁸.

– № 5. – Ст. 410.

4 Трудовой Кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ. – Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 1 (ч. 1). – Ст. 3.

5 Федеральный закон от 19.06.2000 № 82-ФЗ «О минимальном размере оплаты труда». – Собрание законодательства РФ. – 26.06.2000. – № 26. – Ст. 2729.

6 Трудовой Кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ. – Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 1 (ч. 1). – Ст. 3.

7 Там же.

8 Федеральный закон от 20.04.2007 № 54-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О минимальном размере оплаты тру-

1 Ломовцева Н. Н. Вопросы регулирования минимального размера оплаты труда в Российской Федерации // Экономика труда. – 2017. – Том 4. – № 3. – С. 231-242.

2 Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993). – Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 31. – Ст. 4398.

3 Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ. – Собрание законодательства РФ. – 29.01.1996.

Сегодня формулировка законодателя не позволяет четко определить понятие минимального размера оплаты труда, однако предусматривает, что величина МРОТ применяется на всей территории страны и не может составлять величину, меньшую, чем размер прожиточного минимума трудоспособных граждан, в то время как заработная плата работника, выполнившего нормы рабочего времени и труда, с учетом социально-экономических условий и величины прожиточного минимума в соответствующем субъекте, должна быть равна или выше МРОТ⁹.

Данные законодательные положения до декабря 2017 года давали возможность работодателям использовать формулировку норм закона в части, приводящей к злоупотреблению ими своими гражданскими правами, а именно – в намеренном занижении минимального размера заработной платы до уровня, при котором обязательные надбавки, полагающиеся работникам, осуществляющим свою трудовую деятельность в соответствующих климатически особенных районах России, не являлись мерой дополнительного стимулирования работников, а фактически были необходимым условием достижения МРОТ. 7 декабря 2017 года постановлением Конституционного суда № 38-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 129, частей первой и третьей статьи 133, частей первой, второй, третьей, четвертой и одиннадцатой статьи 133.1 Трудового кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан В. С. Григорьевой, О. Л. Дейдей, Н. А. Капуриной и И. Я. Кураш»¹⁰ было утверждено, что в состав МРОТ не предполагается включение районных коэффициентов и процентных надбавок, начисляемых в связи с работой в местностях с особыми климатическими условиями, в том числе в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях. Тем самым Конституционный суд Российской Федерации разрешил вопрос злоупотребления правами трудящихся в вышеуказанных районах России и определил дальнейшую судебную практику по данному вопросу. Это подтверждается определениями Конституционного суда Российской Федерации от 19 декабря 2017 года № 2934-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Родины Юлии Валерьевны на нарушение ее конституционных прав положениями статей 133, 135 и 315-317 Трудового кодекса Российской Федерации и статьей 387 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации»¹¹, от 16 января 2018 года № 2-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Паутовой Екатерины Степановны на нарушение ее конституционных прав статьей 129 и частью третьей статьи 133 Трудового кодекса Российской Федерации»¹² и т.д., в которых суд ссылается на

постановление от 7 декабря 2017 года № 38-П¹³ и отказывает в повторном рассмотрении подобных обстоятельств дел.

Разрешение указанной правовой неточности также исключает правовые проблемы применения МРОТ в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностям, описанные в своей статье А. А. Бережновым, Ю. Б. Корсаненковой, И. А. Костян, А. М. Куренным и Г. В. Хныкиным.¹⁴

Таким образом, в соответствии с действующим законодательством, а также правоприменительной практикой относительно определения сущности МРОТ, минимальный размер оплаты труда по своей правовой природе является общей гарантией, которой обеспечиваются работники вне зависимости от местности осуществления трудовой деятельности.

Уже было отмечено, что величина минимального размера оплаты труда тесно связано с величиной минимального размера зарплаты. Субъектам Российской Федерации дано право повышать уровень МРОТ, установленный по всей стране, в соответствии с местными финансовыми возможностями. Несмотря на удобство, которое предоставляет законодатель для регионов, данной возможностью пользуются не все регионы России, однако в большинстве случаев МРОТ утверждается субъектами самостоятельно.

Региональный МРОТ утверждается трехсторонним соглашением о минимальной заработной плате. Рассматривая данный вопрос в отношении Сибирского федерального округа, включающего в себя 12 субъектов Российской Федерации, нужно отметить, что вышеуказанные трехсторонние соглашения отсутствуют лишь в двух регионах – Республиках Тыва и Хакасия.

В соответствии с положениями статьи 133.1 Трудового кодекса Российской Федерации размер минимальной заработной платы в субъекте обеспечивается организациями, финансируемыми из бюджетов субъектов Российской Федерации, – за счет средств бюджетов субъектов Российской Федерации, внебюджетных средств, а также средств, полученных от предпринимательской и иной приносящей доход деятельности; организациями, финансируемыми из местных бюджетов, – за счет средств местных бюджетов, внебюджетных средств, а также средств, полученных от предпринимательской и иной приносящей доход деятельности; другими работодателями – за счет собственных средств¹⁵. Конкретные значения МРОТ, установленные в субъекте федерации, можно проследить на примере одного из регионов страны. В данном случае в качестве примера была взята Иркутская область.

В таблице № 1 приведены сведения о размере МРОТ в Иркутской области на 1 января 2018 года. Данные приведены согласно региональному соглашению о минимальной заработной плате в Иркутской области от 26 января 2017 года¹⁶. Величина минимальной заработной платы зависит от прожиточного минимума в регионе. С 1 января 2018 года минимальный размер оплаты труда в Иркутской области равен прожиточному минимуму для трудоспособного населения в регионе за четвертый квартал 2017 года.

В соглашении о минимальной заработной плате указано, что МРОТ в размере прожиточного минимума в 2018 году

да» и другие законодательные акты Российской Федерации». – Собрание законодательства РФ. – 23.04.2007. – № 17. – Ст. 1930.

9 Трудовой Кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ. – Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 1 (ч. 1). – Ст. 3.

10 Постановление Конституционного Суда РФ от 07.12.2017 № 38-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 129, частей первой и третьей статьи 133, частей первой, второй, третьей, четвертой и одиннадцатой статьи 133.1 Трудового кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан В. С. Григорьевой, О. Л. Дейдей, Н. А. Капуриной и И. Я. Кураш».

11 Определение Конституционного Суда РФ от 19.12.2017 № 2934-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Родины Юлии Валерьевны на нарушение ее конституционных прав положениями статей 133, 135 и 315-317 Трудового кодекса Российской Федерации и статьей 387 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации».

12 Определение Конституционного Суда РФ от 16.01.2018 № 2-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Паутовой Екатерины Степановны на нарушение ее конституционных прав статьей 129 и частью третьей статьи 133 Трудового кодекса Российской Федерации».

13 Постановление Конституционного Суда РФ от 07.12.2017 № 38-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 129, частей первой и третьей статьи 133, частей первой, второй, третьей, четвертой и одиннадцатой статьи 133.1 Трудового кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан В. С. Григорьевой, О. Л. Дейдей, Н. А. Капуриной и И. Я. Кураш».

14 Бережнов А. А., Корсаненкова Ю. Б., Костян И. А., Куренной А. М., Хныкин Г. В. Проблемы применения МРОТ в районах Крайнего Севера // Трудовое право в России и за рубежом. – 2017. – № 2. – С. 39-43.

15 Трудовой Кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ. – Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 1 (ч. 1). – Ст. 3.

16 Сайт «Электронный фонд». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/445049706>.

Таблица 1.

Территория Иркутской области / Категория работников	Значение МРОТ
г. Иркутск, Ангарский район и г. Ангарск, Иркутский район, Тулунский район и г. Тулун, Аларский район, Балаганский район, Баяндаевский район, Боханский район, Жигаловский район, Заларинский район, Зиминский район и г. Зима, Качугский район, Куйтунский район, Нижнеудинский район и г. Нижнеудинск, г. Алзатай, Нукутский район, Ольхонский район, Осинский район, Слюдянский район и г. Слюдянка, г. Байкальск, Тайшетский район и г. Тайшет, г. Бирюсинск, Усольский район и г. Усолье-Сибирское, Усть-Удинский район, Черемховский район и г. Черемхово, Чунский район, Шелеховский район и г. Шелехов, Эхирит-Булагатский район, г. Саянск, г. Свирск	9489 руб. для работников госучреждений и муниципальных учреждений (т.к. действующий с 01.07.2017 г. размер 9286 руб. меньше федерального размера МРОТ) и 9 775 руб. для иных компаний
Братский район и г. Братск, г. Вихоревка, Усть-Илимский район и г. Усть-Илимск, Усть-Кутский район и г. Усть-Кута, Бодайбинский район и г. Бодайбо, Казачинско-Ленский район, Киренский район и г. Киренск, Нижнеилимский район и г. Железногорск-Илимский, Катангский район, Мамско-Чуйский район	12 000 руб. для работников госучреждений и муниципальных учреждений и 12 652 руб. для иных работодателей
Для работников организаций сельского хозяйства в Иркутской области, осуществляющих вид экономической деятельности «Сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство» в качестве основного вида экономической деятельности	9489 руб.

действует с 1 января 2018 года, но не ранее принятия постановления о величине прожиточного минимума по Иркутской области за четвертый квартал предыдущего года. Опираясь на данные сведения, до момента утверждения прожиточного минимума работодатели руководствуются предшествующими значениями минимального размера заработной платы в соответствии с соглашением, учитывая, что данный показатель не должен являться ниже федерального МРОТ – 9489 рублей.

С учетом вышеизложенного можно констатировать, что выявленная правовая природа минимального размера оплаты труда в Российской Федерации, благодаря корректировке законодательной структуры минимального размера оплаты труда, а также правоприменительной практике вышестоящих судебных инстанций, соответствует заявленной позиции законодателя.

Пристатейный библиографический список

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993, с учетом поправок от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ). – Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 31. – Ст. 4398.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 05.12.2017). – Собрание законодательства РФ. – 29.01.1996. – № 5. – Ст. 410.
3. Трудовой Кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 05.02.2018). – Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 1 (ч. 1). – Ст. 3.
4. Федеральный закон от 20.04.2007 № 54-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О минимальном размере оплаты труда» и другие законодательные акты Российской Федерации». – Собрание законодательства РФ. – 23.04.2007. – № 17. – Ст. 1930.
5. Федеральный закон от 19.06.2000 № 82-ФЗ (ред. от 28.12.2017) «О минимальном размере оплаты труда». – Собрание законодательства РФ. – 26.06.2000. – № 26. – Ст. 2729.
6. Определение Конституционного Суда РФ от 19.12.2017 № 2934-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Родины Юлии Валерьевны на нарушение ее конституционных прав положениями статей 133, 135 и 315 - 317 Трудового кодекса Российской Федерации и статьей 387 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [ARB;n=525576#07045560037391652 \(дата обращения: 21.04.2018 г.\).](http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=

</div>
<div data-bbox=)

7. Определение Конституционного Суда РФ от 16.01.2018 № 2-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Паутовой Екатерины Степановны на нарушение ее конституционных прав статьей 129 и частью третьей статьи 133 Трудового кодекса Российской Федерации». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ARB;n=528621#027919550692288597> (дата обращения: 21.04.2018 г.).
8. Постановление Конституционного Суда РФ от 07.12.2017 № 38-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 129, частей первой и третьей статьи 133, частей первой, второй, третьей, четвертой и одиннадцатой статьи 133.1 Трудового кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан В. С. Григорьевой, О. Л. Дейдей, Н. А. Капуриной и И. Я. Кураш». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_284617/ (дата обращения: 21.04.2018 г.).
9. Бережнов А. А., Корсаненкова Ю. Б., Костян И. А., Куренной А. М., Хныкин Г. В. Проблемы применения МРОТ в районах Крайнего Севера // Трудовое право в России и за рубежом. – 2017. – № 2. – С. 39-43. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29311899> (дата обращения: 21.04.2018 г.).
10. Ломовцева Н. Н. Вопросы регулирования минимального размера оплаты труда в Российской Федерации // Экономика труда. – 2017. – Том 4. – № 3. – С. 231-242. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://creativeconomy.ru/lib/38327> (дата обращения: 21.04.2018 г.).
11. Сайт «Электронный фонд». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/445049706> (дата обращения: 21.04.2018 г.).

КУТАРОВА Мария Александровна

аспирант кафедры трудового права Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЗАНЯТОСТИ ИНВАЛИДОВ НА РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ (НА ПРИМЕРЕ ВЛАДИМИРСКОЙ ОБЛАСТИ)

В статье затрагивается тема занятости лиц с ограниченными возможностями в целом в Российской Федерации и детально на примере Владимирской области. Рассматривается законодательство региона по данному вопросу и меры, применяемые для решения проблемы трудоустройства инвалидов.

Ключевые слова: лицо с ограниченными возможностями, инвалид, трудоустройство, квотирование рабочих мест, проблемы занятости инвалидов.

KUTAROVA Mariya Aleksandrovna

postgraduate student of Labour law sub-faculty of the M. V. Lomonosov Moscow State University

LEGAL REGULATION OF EMPLOYMENT OF DISABLED PEOPLE AT THE REGIONAL LEVEL (ON THE EXAMPLE OF THE VLADIMIR REGION)

The article touches on the topic of employment of persons with disabilities in the Russian Federation in general and in detail on the example of the Vladimir region. The legislation of the region on this issue and the measures applied to solve the problem of employment of disabled people are considered.

Keywords: disabled person, job placement, job quotas, employment problems for disabled people.

Инвалидность вызывает ограничения во многих сферах жизнедеятельности, которые обусловлены психологическими, физическими, социальными аспектами и препятствуют полноценной интеграции в жизнь общества. Ратифицированная Российской Федерацией Конвенция «О правах инвалидов» (Федеральный закон от 30.05.2012 г. № 46-ФЗ «О ратификации Конвенции о правах инвалидов») закрепила дополнительные права и гарантии для лиц с ограниченными возможностями, в частности в области занятости и трудоустройства. Правовое регулирование занятости и трудоустройства инвалидов регулируется федеральным законодательством, в частности, Федеральным законом от 24.11.1995 г. № 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов Российской Федерации», Законом 19.04.1991 г. № 1032-1 «О занятости населения в Российской Федерации», Трудовым кодексом Российской Федерации и другими нормативными актами. Проводимая государственная политика направленная на полноценную интеграцию лиц с ограниченными возможностями в жизнь общества, создание безбарьерной среды в процессе обучения, трудоустройства, здравоохранения и отдыха является одним из важных направлений. Поскольку социальная политика отнесена к совместному ведению Российской Федерации и ее субъектов, то на уровне регионов принимаются нормативные акты, направленные на реализацию вышеназванных направлений и установление дополнительных гарантий. В статье автором предлагается рассмотреть государственную политику в области занятости инвалидов на примере Владимирской области, проанализировав нормативные акты региона. Положения федерального законодательства детализируются в нормативных актах субъектов Российской Федерации, так как эффективное решение проблемы трудоустройства и занятости инвалидов может быть обеспечено только на региональном уровне.

Одним из показателей успешного развития социального государства является достижение такого общественного развития, при котором каждому гражданину гарантируется достойное существование, основанное на закрепленных правах принципах социальной справедливости, всеобщей солидарности и взаимной ответственности. При этом говоря об обществе в целом необходимо уделить особое внимание социально незащищенным категориям населения, в том числе

инвалидам. Федеральный закон от 24.11.1995 года № 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» (далее - Федеральный закон от 24.11.1995 года № 181-ФЗ) дает следующее определение инвалида – это лицо которое имеет нарушение здоровья со стойким расстройством функций организма, обусловленное заболеваниями, последствиями травм или дефектами, приводящее к ограничению жизнедеятельности и вызывающее необходимость его социальной защиты. В зависимости от ограничения жизнедеятельности и состояния здоровья устанавливаются I, II или III группа инвалидности, а лицу в возрасте до 18 лет – категория ребенок – инвалид.

Наличие одного из указанных условий не является основанием, достаточным для признания гражданина инвалидом в соответствии с Постановлением Правительства РФ от 20.02.2006 г. № 95 «О порядке и условиях признания лица инвалидом».

Для сравнения, в Германии в определении инвалидности, раскрываемое в Социальном кодексе, говорится о том, люди признаются ограниченными в своих возможностях, если их физические функции, умственные способности или душевное здоровье более, чем в течении шести месяцев отличаются от типичного своего состояния, свойственного данному возрасту, и их участие в жизни общества нарушается. Лица подвержены риску стать инвалидами, если ожидается или предполагается нанесение вреда¹. Немецкое законодательство ставит признание лица инвалидом в зависимости от продолжительности отклонений в состоянии здоровья, возраста лица, а также приравнивает к инвалидам лиц, которые подвержены риску стать инвалидами в будущем.

Согласно данным Федеральной службы государственной статистики, количество инвалидов в нашей стране составляет более 12,3 миллионов человек, из которых более 3,39 миллионов являются трудоспособными². Количество инвалидов во Владимирской области составляет более 154 тысяч человек,

1 Sozialgesetzbuch. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.sozialgesetzbuch-sgb.de/>.

2 См: Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики / Положение инвалидов. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/disabilities/#.

что, при общей численности населения области в 1,4 миллиона человек, составляет 11 % населения. В 2016 году центр изучения пенсионной реформы составил рейтинг регионов с повышенной социальной нагрузкой и включил Владимирскую область в «красную зону», где зафиксировано самое большое число инвалидов³. Таким образом, состояние социальной защиты инвалидов, в том числе вопросы трудоустройства и занятости, в данном регионе наиболее актуально. Во Владимирской области реализуется программа «Доступная среда», в рамках которой, по данным Департамента социальной защиты населения администрации области, в 2017 году 3948 зданий и сооружений стали полностью доступными для лиц с ограниченными возможностями⁴.

Известно, что уровень образования расширяет возможности для трудоустройства. В сфере образования на базе Владимирского государственного университета им. А. Г. и Н. Г. Столетовых действует центр профессионального образования инвалидов и центр профессиональной реабилитации инвалидов по слуху. На данный момент в центре обучается более 170 студентов – инвалидов, в том числе инвалидов по слуху 85 из 23 регионов. Все занятия сопровождаются сурдопереводом⁵.

Одним из способов интеграции лиц с ограниченными возможностями в полноценную жизнь общества является обеспечение возможности трудиться и реализовывать профессиональные интересы. Российская Федерация Федеральным законом от 03.05.2012 г. № 46-ФЗ ратифицировала Конвенцию «О правах инвалидов», в статье 27 Конвенции закреплена обязанность государств обеспечивать и поощрять реализацию прав на труд инвалидов путем принятия в законодательном порядке мер, направленных на запрет дискриминации по признаку инвалидности, защиту прав инвалидов наравне с другими, стимулирование их найма в частном секторе. В соответствии со ст. 13 Закона от 19.04.1991 г. № 1032-1 «О занятости населения в Российской Федерации» государство обеспечивает дополнительные гарантии гражданам, испытывающим трудности в поиске работы, путем разработки и реализации программ содействия занятости, создания дополнительных рабочих мест и специализированных организаций (включая рабочие места и организации для труда инвалидов), установления квоты для приема на работу инвалидов, а также путем организации обучения по специальным программам и другими мерами.

В статье 20 Федерального закона от 24.11.1995 года № 181-ФЗ установлены гарантии трудовой занятости инвалидам путем проведения специальных мероприятий, способствующих их конкурентоспособности, а именно: установление минимального количества рабочих мест для инвалидов в организациях, независимо от форм собственности; резервирования рабочих мест по профессиям, наиболее подходящим для трудоустройства инвалидов; создания инвалидам условий труда в соответствии с индивидуальными программами реабилитации, реабилитации инвалидов; создания условий для предпринимательской деятельности инвалидов и другие.

Сложность регулирования вопросов занятости инвалидов состоит в том, что правовое регулирование относится к сфере федерального и регионального законодательства и реализуется через территориальные органы Федеральной службы занятости и, зачастую, некоторые меры по реализации занятости, установленные на федеральном уровне, требуют уточнения на уровне субъекта Российской Федерации.

Как было указано выше, во Владимирской области свыше 30 % инвалидов сохраняют частичную трудоспособность и реализовывая программу реабилитации могут быть заняты в экономике региона. Однако, по данным Федеральной службы государственной статистики, лишь 30 % инвалидов трудоспособного возраста в регионе вовлечено в профессиональную деятельность, что выявляет проблему низкой занятости. По уровню занятости Владимирская область находится на 35-м месте в России⁶.

По мнению Студенниковой Ю. С. и Даниловой О. Р., работа – способность самовыражения человека, в связи с чем работодатель своим отказом в приеме на назначенную должность по причине инвалидности, лишает лицо возможности приобретения полезных социальных навыков⁷. Крылов К. Н. полагает, что в вопросе занятости для ее формирования и поддержания на должном уровне необходима политическая ответственность государства на должном уровне, а именно политические и правовые меры должны быть направлены на создание жизнеспособных предприятий и рабочих мест, формирование профессиональных навыков, необходимых для трудоустройства и повышения производительности, развития торговли, международных финансовых рынков и рынков труда⁸.

Вопрос занятости инвалидов в настоящее время актуален и обсуждается на политических и общественных площадках. В частности, 5 декабря 2017 года Президент России Владимир Путин встречаясь с инвалидами и представителями профильных общественных организаций подчеркнул, что уровень трудоустроенности инвалидов в Российской Федерации в настоящее время достигает 25 %, хотя желающих работать гораздо больше. По словам главы государства, из 33 тысяч квотируемых мест трудоустройства для людей с ограничениями по здоровью заняты лишь 11 тысяч и это происходит по тому, что инвалидам зачастую предлагают низкооплачиваемую работу.⁹

Во Владимирской области реализуется государственная политика и принимаются конкретные меры для обеспечения занятости инвалидов. В соответствии со статьей 21 Федерального закона № 181-ФЗ работодателям, численность работников которых превышает 100 человек, законодательством субъекта Российской Федерации устанавливается квота для приема на работу инвалидов в размере от 2 до 4 процентов среднесписочной численности работников. Работодателям, численность работников которых составляет не менее чем 35 человек и не более чем 100 человек, законодательством субъекта Российской Федерации может устанавливаться квота для приема на работу инвалидов в размере не выше 3 процентов среднесписочной численности работников. Согласно Закону Владимирской области от 09.09.2013 г. № 102-ОЗ «Об установлении квоты для приема на работу инвалидов» работодателям, численность работников которых превышает 100 человек, устанавливается квота в размере трех процентов среднесписочной численности работников. Работодателям, численность работников которых составляет не менее чем 35 человек и не более чем

3 См.: Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики / Положение инвалидов. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/disabilities/#.

4 См.: Официальный сайт Департамента социальной защиты населения администрации Владимирской области. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.social33.ru/>.

5 См.: Официальный сайт Владимирского государственного университета им. А. Г. и Н. Г. Столетовых. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.vlsu.ru/index.php?id=1310>.

6 См.: Официальный сайт Владимирской службы новостей / По уровню занятости инвалидов Владимирская область находится на 35-м месте в России. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://vladnovosti.ru/news/49758.html>.

7 Студенникова Ю. С., Данилова О. Р. Проблемы трудоустройства инвалидов в России: объективные и субъективные факторы, социальные барьеры // Журнал Социально-экономические науки и гуманитарные исследования. Выпуск № 2 / 2014.

8 Крылов К.Н. Международные стандарты и правовая модернизация в политике занятости // Занятость и трудоустройство в современной России: проблемы правового регулирования (Материалы научно - практической конференции). Институт государства и права Российской академии наук. Москва, 2011.

9 См.: Официальный сайт Информационного агентства Regnum / Ответы Путина настроили инвалидов на скорое решение их проблем. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://regnum.ru/news/society/2353584.html>.

100 человек, устанавливается квота в размере двух процентов среднесписочной численности работников. Принятие закона повысило значимость системы квотирования рабочих мест для инвалидов: количество рабочих мест для инвалидов, заявленных работодателями в центры занятости населения в счет квоты, увеличилось со 149 вакансий в 2012 году (год, предшествующий принятию закона) до 2780 в 2016 году. Численность инвалидов, трудоустроенных в счет квоты в 2016 году составила 198 человек. На наш взгляд квотирование, само по себе, не является эффективным методом, а может быть действенным только в сочетании с другими средствами, к примеру, налоговым стимулированием работодателей. Кроме того, зачастую работодателям дешевле заплатить штраф, установленный Кодексом об административных правонарушениях Российской Федерации, чем трудоустроить инвалида в рамках квоты.

Другим направлением реализации государственной программы прав инвалидов на занятость является программа «Содействие занятости населения Владимирской области», утвержденная постановлением Администрации Владимирской области от 23.09.2016 г. № 840. Необходимо отметить, что принятая программа является продолжением мер, заложенных и начатых в ранее действующей программе на 2014-2016 годы, утвержденной постановлением Губернатора Владимирской области от 28.10.2013 № 1206 «Содействие занятости населения Владимирской области на 2014-2016 гг.». В 2014-2016 годах реализовывался комплекс мер, направленных на повышение заинтересованности работодателей в создании (оснащении) рабочих мест для трудоустройства незанятых инвалидов, осуществляемых за счет средств областного бюджета и средств федерального бюджета, предоставляемых бюджету Владимирской области в виде субсидии (на условиях софинансирования), включая:

- формирование перечня организаций и заключение договоров между государственными казенными учреждениями центрами занятости населения и работодателями об оборудовании (оснащении) дополнительных рабочих мест для трудоустройства незанятых инвалидов;

- возмещение работодателям затрат на приобретение, монтаж и установку оборудования для оснащения рабочих мест для трудоустройства незанятых инвалидов;

- возмещение работодателям затрат на создание инфраструктуры, необходимой для беспрепятственного доступа инвалидов к специальным рабочим местам;

- оказание информационных и консультационных услуг работодателям по механизму возмещения затрат на мероприятия по содействию трудоустройству незанятых инвалидов и созданию инфраструктуры, необходимой для их беспрепятственного доступа к специальным рабочим местам.

В 2014-2016 гг. в органы службы занятости населения за содействием в поиске подходящей работы обратились 7237 инвалидов. Доля инвалидов в общей численности обратившихся ежегодно уменьшается и на конец 2016 года составила 4,1 %.

В рамках мероприятий по содействию трудоустройству инвалидов на оборудованные (оснащенные) для них рабочие места при финансовой поддержке за счет средств федерального и областного бюджетов в 2016 году были трудоустроены 373 инвалида. При этом в 2014 году при реализации указанных мероприятий были трудоустроены 6 инвалидов, использующих кресла-коляски. Расходы бюджетных средств на компенсацию затрат работодателей на оборудование (оснащение) рабочих мест для инвалидов составили 31588,2 тыс. рублей, в том числе средства федерального бюджета – 29578,3 тыс. рублей.

В целях обеспечения реализации инвалидами своих прав при выборе рода деятельности, профессии, вида и характера труда центры занятости населения предоставляют государственные услуги по содействию самозанятости безработных граждан. В 2016 году указанные услуги получили 207 безработных инвалидов, в том числе 10 инвалидов получили единовременную финансовую помощь при регистрации в качестве индивидуального предпринимателя в размере около 60 тыс.

рублей. В целях повышения конкурентоспособности инвалидов на рынке труда 2014-2016 гг. на профессиональное обучение направлены 411 безработных граждан этой социальной группы. В 2016 году в соответствии с региональной программой «Дополнительные мероприятия по снижению напряженности на рынке труда Владимирской области в 2016 году», утвержденной постановлением администрации Владимирской области от 30.03.2016 г. № 250, осуществляются мероприятия по возмещению затрат на трудоустройство инвалидов, включая создание инфраструктуры, адаптацию на рабочем месте и наставничество.

Одним из новых мероприятий в регионе по содействию занятости инвалидов является региональная программа «Сопровождение инвалидов молодого возраста при трудоустройстве на 2018-2020 годы», в рамках которой осуществляется трудовая реабилитация молодых инвалидов и их социальная адаптация к современному рынку труда через трудовую занятость и профессиональную подготовку. Инвалиды 18-44 лет являются наиболее уязвимой категорией и требуют особой защиты, в частности преодоления психологических барьеров при трудоустройстве, поэтому на протяжении их профессионального пути начиная от обучения им оказывается юридическое, психологическое и информационное сопровождение.

Во Владимирской области помимо установленных на федеральном уровне гарантий действуют региональные программы, которые предоставляют дополнительные инструменты для привлечения в профессиональную - трудовую деятельность лиц с ограниченными возможностями. Однако, исходя из статистических данных, большая часть трудоспособных инвалидов не только во Владимирской области, но и в России в целом не трудоустроена. На наш взгляд это связано с тем, что в настоящее время не удается достичь оптимального баланса интересов как работодателей так и работников -инвалидов. Работодатели не готовы создавать специально оборудованные рабочие места и нести в связи с этим большие затраты. Для инвалидов необходимо создавать новые современные виды работ, и соответствующие рабочие места, с возможностью использования полученного высшего образования.

Приштейнный библиографический список

1. Крылов К. Н. Международные стандарты и правовая модернизация в политике занятости//Занятость и трудоустройство в современной России: проблемы правового регулирования (Материалы научно - практической конференции). Институт государства и права Российской академии наук. Москва, 2011.
2. Студенникова Ю. С., Данилова О. Р. Проблемы трудоустройства инвалидов в России: объективные и субъективные факторы, социальные барьеры // Журнал Социально-экономические науки и гуманитарные исследования. Выпуск № 2 / 2014.
3. Официальный сайт Владимирской службы новостей / По уровню занятости инвалидов Владимирская область находится на 35-м месте в России. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://vladnovosti.ru/news/49758.html>.
4. Официальный сайт Информационного агентства Regnum / Ответы Путина настроили инвалидов на скорое решение их проблем. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://regnum.ru/news/society/2353584.html>.
5. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики / Положение инвалидов. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/disabilities/#.
6. Sozialgesetzbuch. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.sozialgesetzbuch-sgb.de/>.

ИГБАЕВА Гузель Римовна

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Уфимского юридического института МВД России

ПЕРСПЕКТИВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ НОВЕЙШИХ ФИНАНСОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

В статье определяются перспективные направления правового регулирования новейших финансовых технологий. На основе исследования сущности финансовых технологий осуществлена систематизация основных направлений их развития по двум группам: технические решения и практические (сервисные) решения. В отдельное направление выделено развитие криптовалют. Определяется правовая природа криптовалюты как иного имущества, являющегося цифровыми правами, делается вывод о возможности распространения на криптовалюты правового регулирования ценных бумаг.

Ключевые слова: финансовые технологии, блокчейн, криптовалюта, валюта, закон, проект, цифровая экономика, средство платежа, ценные бумаги.

IGBAEVA Guzel Rimovna

Ph.D. in Law, associate professor of Civil law disciplines sub-faculty of the Ufa Law Institute of the MIA of Russia

PERSPECTIVES OF LEGAL REGULATION OF THE NEW FINANCIAL TECHNOLOGIES

The article defines the perspectives of legal regulation of the new financial technologies. Based on the research of the financial technologies essence, systematization of the main directions of their development on two groups is carried out: technical decisions and practical (service) decisions. Cryptocurrencies are distinguished in a separate focus. The legal nature of cryptocurrency as «other property» is determined, the conclusion about possibility of distribution of legal regulation of securities on cryptocurrencies is drawn.

Keywords: financial technologies, blockchain, cryptocurrency, currency, law, project, digital economy, means of payment, securities.

На современном этапе сложилась ситуация отставания юридического обеспечения от стремительного развития востребованных финансово-технологических нововведений. Появляются новые виды финансовых услуг, осуществляемые за пределами банковского сектора и основанные на использовании новейших информационных технологий, – электронные деньги, prepaid-карты, расчеты с использованием мобильной связи. Подобные услуги часто носят трансграничный характер и в условиях отсутствия единых международных стандартов регулирования отличаются повышенными рисками для сложившихся финансовых систем.

Направление развития банковской системы и денежного обращения в Российской Федерации определено Правительственной программой 2017 – 2025 годов «Цифровая экономика»¹. Несмотря на то, что Банк России поддерживает развитие новых финансовых технологий, «в национальном праве отсутствует система регулирования процесса создания и внедрения новых банковских технологий»².

Прежде всего, предлагается дать определение понятию новых финансовых технологий (далее – НФТ).

Под НФТ предлагается понимать новую финансовую индустрию, в которой новые технологии служат улучшению финансовой активности в тех или иных отраслях.

В. В. Масленников, М. А. Федотова, А. Н. Сорокин отмечают, что финансовые технологии, или финтех – это «сложная система, объединяющая секторы новых технологий и финансовых услуг, стартапы и соответствующую инфраструктуру»³.

Е. А. Демьянова финансовые технологии определяет как «цифровые инновационные решения в сфере финансовых услуг, предлагаемые компаниями, использующими новую технологическую платформу, которые конкурируют или сотрудничают с финансовыми институтами»⁴.

Финтех не создает какой-либо принципиально новой услуги или продукта. Финтех преследует целью оптимизировать или транзакционные издержки, или минимизировать стоимость той или иной услуги. Производные от этого процесса, например, криптовалюты, являются сами по себе нечто новым, ранее не существовавшим.

В целях систематизации материала предлагается классифицировать направления развития НФТ и, соответственно, направлений ее правового регулирования.

Технологические решения. P2P, блокчейн являются технологическими решениями, которые сами по себе являются ноу-хау. Под P2P понимается одноранговая, децентрализованная сеть. По своей сути, блокчейн является частным случаем P2P технологии.

Технология блокчейн представляет собой распределенную базу данных, которая содержит информацию обо всех транзакциях, проведенных участниками системы. Данные хранятся в виде «цепочки блоков», в каждом из которых записано определенное число транзакций. Ключевое свойство системы – распределенность. Не существует единого места, где находятся все записи реестродержателя или банка криптовалют. Реестр хранится одновременно у всех участников системы и автоматически обновляется до последней версии при каждом внесенном изменении.

Таким образом, пользователи выступают в качестве «коллективного нотариуса», который подтверждает истинность

1 Распоряжение Правительства РФ от 28.07.2017 № 1632-р «Об утверждении программы «Цифровая экономика Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2017. № 32. Ст. 5138.

2 Ручкина Г.Ф. Банковская деятельность: переход на новую модель осуществления, или «Финтех» как новая реальность // Банковское право. 2017. № 4. С. 55-62.

3 Масленников В. В., Федотова М. А., Сорокин А. Н. Новые финансовые технологии меняют наш мир // Вестник Финансового университета. 2017. № 2. Том 21. С. 6-11.

4 Демьянова Е. А. Развитие компаний в современных условиях внедрения финансовых технологий // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2017. № 7. С. 104-113.

информации в базе данных. Технология блокчейн, лежащая в основе криптовалюты, предполагает невозможность вмешательства в соответствующие процессы извне.

Практические (сервисные) решения. То есть практическое использование НФТ в разрезе различных предлагаемых пользователям сервисов.

Одним из значимых пользователей НФТ являются финансовые институты: кредитные организации; организации (банковские кредитные организации, НКО), занимающиеся микрокредитованием, профессиональные участники рынка ценных бумаг, платежные системы и т.п.

Кредитные организации. Использование НФТ кредитными организациями крайне широко и разнообразно. Причина этому очевидна, кредитные организации в той или иной форме являются посредниками по передаче информации: платежи, купля-продажа ценных бумаг, выдача кредитов и т.п. – все это разная по содержанию, но одинаковая по своей форме, передача информация.

Сюда можно отнести он-лайн банк, интернет-банк, МРос. Клиенты кредитных организаций взаимодействуют с банком при совершении платежей либо при эквайринге.

Межинституциональные платежные системы. Сюда можно отнести SWIFT, SEPA, EUROCLEAR, CLEARSTREAM, национальные платежные системы и тп. Данные системы направлены на обеспечение максимально быстрого и защищенного обмена данными между финансовыми институтами: платежи, заключение сделок на рынке ценных бумаг, товарных рынках, рынках деривативов обеспечиваются данными системами, а также передача, в том числе с фиксированием перехода права собственности, на активы.

Платежные системы, обеспечивающие как обмен данными между конечным потребителем с кредитной организацией, так и между кредитными организациями. Сюда относятся VISA, MasterCard, МИР, классические платежные системы.

Платежные системы, использующие в качестве средства расчетов электронные деньги (не криптовалюты). Сюда относятся ЯндексДеньги, PayPal, WebMoney и т.п.

Системы для торговли на финансовых рынках, используемые непосредственно для принятия инвестиционных решений и совершения сделок. Сюда можно отнести и торговые роботизированные системы, аналитические системы управления активами, информационные системы с интерфейсом взаимодействия между участниками рынка и заключения обывающих сделок, такие как Bloomberg, Thomsonreuters итп.

Второе значимое направление – финтех-уберизация как использование излишков домохозяйствами в целях извлечения дополнительной прибыли или достижения какой-либо социально-значимой цели при минимизации издержек. Сюда можно отнести P2P – кредитование, краудфандинг и т.п. Суть данного направления развития заключается в вовлечении максимально широкого круга лиц в определенную модель взаимодействия, в котором НФТ обеспечивает минимизацию издержек, определенные правила игры, определенную транспарентность информации (например, информацию и кредитном рейтинг заемщика, основанную на анализе больших данных (Big Data). Таким образом, создаются единые агрегаторы финансовых услуг, решающие задачи по осуществлению платежей, кредитованию, инвестированию, без привлечения посредников, повышающих транзакционные издержки.

В отдельное направление развития НФТ предлагается выделять криптовалюты. В настоящее время криптовалюта де-факто сама по себе стала определенной ценностью, а ее социальная значимость растет. В связи с этим ниже особенно подробно будет рассмотрен вопрос определения сущности криптовалют, регулирования ее выпуска, обращение, хранения в различных юрисдикциях, а также сделаны предложения по совершенствованию законодательства РФ в целях соблюдения баланса между регулированием, законных интересов граждан и государства.

Прежде всего, необходимо определить сущность криптовалют.

Криптовалюта представляет собой цифровое выражение стоимости, которое может быть продано в цифровой форме и функционирует как:

- 1) средство обмена и / или
- 2) расчетная единица и / или
- 3) потенциально имеет стоимость в будущем (средство сбережения/накопления), но не имеет статуса законного платежного средства.

Виртуальная валюта не эмитируется и не гарантируется каким-либо государством и выполняет вышеуказанные функции только по соглашению в сообществе пользователей виртуальной валюты.

Криптовалюта – это разновидность цифровой валюты, создание и контроль за которой базируются на криптографических методах. Как правило, учёт криптовалют децентрализован. Функционирование данных систем основано на технологии блокчейна. Информация о транзакциях обычно не шифруется, но доступна в открытом виде.

Фиатные валюты («настоящая валюта», «реальные деньги» или «национальная валюта») в отличие от криптовалюты, является законным платежным средством, обращается в стране – эмитенте, является в ней средством обмена.

Виртуальная валюта отличается от электронных денег, которые представляют собой цифровым представлением валюты fiat, используемой для электронной передачи стоимости, номинированной в валюте.

Появление и распространение криптовалюты неразрывно связано с ICO (ICO – форма привлечения инвестиций в виде продажи инвесторам фиксированного количества новых единиц токенов (криптовалют), полученных при разовой или ускоренной эмиссии). По своей природе, данный процесс схож с IPO – первичным размещением акций.

В связи с этим предлагается подробнее остановиться на данном процессе подробнее.

Прежде всего, необходимо дать определение тому, что получает инвестор, участвующий в ICO. При первичном размещении акций (IPO), инвестор получает акции, и данное понятие однозначно толкуется в действующем законодательстве; также как и при размещении облигаций. При приобретении производных финансовых инструментов (ETF, каких-либо сертификатов и т.п.) также определено что именно приобретает инвестор. При ICO ситуация не такая однозначная.

В соответствии с Report of Investigation Pursuant to Section 21(a) of the Securities Exchange Act of 1934 (the Report) от 25 июля 2017 г. необходимо определить, что именно приобретает инвестор и сообразно регулировать возникающие отношения. Инвестор может приобретать либо ценную бумагу либо, не бумагу. В случае, если происходит размещение ценных бумаг, применяется полноценное регулирование, применимое к вы-

пуску ценных бумаг. Для того, чтобы понять, что именно размещается предлагается использовать *Howey test*, выработанный в 1946 г. Верховным судом США.

Согласно данному Решению, инвестор приобретает инвестиционный контракт (ценную бумагу), если при приобретении инвестор руководствуется следующим:

1. Наличие факта инвестирования.
2. Вложение в общее предприятие.
3. Ожидание будущих прибылей в результате деятельности третьих лиц.

Некоторые криптовалюты, например, на данный момент не подходят под понятие ценной бумаги по определению SEC. ICO изначально ставило целью собрать средства на развитие того или иного сервиса, чтобы в дальнейшем участники, обладающие токенами, могли программировать или использовать будущую систему или её продукты в своих целях или подключиться к системе, своеобразный входной билет. Эти моменты точно не подходят под тест Хауи.

Таким образом, распространением на ICO обычное для ценных бумаг регулирование, может быть заполнен правовой вакуум. Поскольку ценная бумага представляет собой права, то криптовалюты – это цифровые права.

При этом в ряде юрисдикций ICO прямо запрещено. Например, в Китае. Практически, нет стран, законодательство которых предусматривало бы специальное регулирование криптовалют. Криптовалюты приравниваются либо к платежным средствам, либо к имуществу. Регулированию в некоторых странах подлежат доходы, связанные с обращением либо созданием криптовалют. В некоторых странах создание новых единиц валют (майнинг) влечет возникновение НДС. Пока не выработано четкое понимание сущности криптовалюты, какова ее как юридическая, так и экономическая сущность.

Власти большинства стран настороженно относятся к криптовалютам с точки зрения идентификации, противодействия терроризма, отмыванию денежных средств. Кроме того, спекуляции в связи с криптовалютами вызывают особую настороженность.

Большинством стран признается важность как криптовалют, так и соответствующих технологий.

Российская Федерация также рассматривает возможности регулирования данных процессов. Минфин РФ в ответе на частный запрос указал, что доход от криптовалют должен рассматриваться как обычный доход и никакого специального режима налогообложения не предусмотрено.

Также Минфин России информирует о подготовке проекта федерального закона «О цифровых финансовых активах»⁵, в котором дается определение статуса цифровых технологий, применяемых в финансовой сфере, и их основных понятий, включая криптовалюты, исходя из обязательности рубля в качестве единственного законного платежного средства в РФ.

Проектом также урегулированы вопросы, связанные с публичным привлечением денежных средств и криптовалют путем размещения токенов (ICO) по аналогии с регулированием первичного размещения ценных бумаг, а также определены особенности оборота цифровых финансовых активов.

Предлагаемое проектом законодательное закрепление определения криптовалюты, являющейся имуществом в элек-

тронной форме, а также устанавливаемый особый порядок совершения на территории РФ сделок с криптовалютой только через операторов обмена цифровых финансовых активов, соответствующих специальным требованиям, позволит существенно снизить риски мошенничества, ПОД/ФТ, а также будет способствовать созданию прозрачного налогового режима для операций с криптовалютами, что приведет к увеличению налоговых поступлений в российский бюджет.

Минфин России особо отмечает, что использование криптовалют на территории РФ в качестве средства платежа не предполагается. На сегодняшний день в завершающей стадии разработки находится проект федерального закона, предусматривающий определение в законодательстве РФ понятия «денежные суррогаты», а также установление ответственности за их использование в качестве средства платежа. Разработка данного законопроекта обусловлена необходимостью сохранения конституционного статуса рубля в качестве единственного законного платежного средства и обеспечения стабильности финансовой системы РФ.

Появились новые отношения, подлежащие детальному правовому регулированию с учетом важности цифровой экономики, с одной стороны, и защиты интересов граждан и государства, с другой.

Пристатейный библиографический список

1. Распоряжение Правительства РФ от 28.07.2017 № 1632-р «Об утверждении программы «Цифровая экономика Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2017. № 32. Ст. 5138.
2. Проект Федерального закона № 419059-7 «О цифровых финансовых активах» (ред., внесенная в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 20.03.2018) // СПС Консультант плюс.
3. Демьянова Е. А. Развитие компаний в современных условиях внедрения финансовых технологий // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2017. № 7. С. 104-113.
4. Масленников В. В., Федотова М. А., Сорокин А. Н. Новые финансовые технологии меняют наш мир // Вестник Финансового университета. 2017. № 2. Том 21. С. 6-11.
5. Ручкина Г. Ф. Банковская деятельность: переход на новую модель осуществления, или «Финтех» как новая реальность // Банковское право. 2017. № 4. С. 55-62.

⁵ Проект Федерального закона № 419059-7 «О цифровых финансовых активах» (ред., внесенная в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 20.03.2018).

ЛЮБАНЕНКО Андрей Владимирович

кандидат экономических наук, доцент кафедры трудового права и предпринимательства Тюменского государственного университета

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ДОГОВОРА ИНВЕСТИЦИОННОГО ТОВАРИЩЕСТВА

В статье рассмотрены проблемы правового регулирования договора инвестиционного товарищества. Указаны недостатки правовой конструкции. Предложены новации в закон, способствующие повышению эффективности его применения на российском финансовом рынке.

Ключевые слова: инвестиционное товарищество, венчурные инвестиции, интеллектуальная собственность.

LYUBANENKO Andrey Vladimirovich

Ph.D. in Economics, associate professor of Labour law and entrepreneurship sub-faculty of the Tyumen State University

Любаненко А. В.

PROBLEMS AND PROSPECTS OF LEGAL REGULATION OF THE LIMITED PARTNERSHIP AGREEMENT

The article considers the problems of legal regulation of the limited partnership agreement. The shortcomings of the legal design are indicated. Innovations in the law are proposed, which contribute to increasing the efficiency of its application in the Russian financial market.

Keywords: limited partnership, venture investments, intellectual property.

Федеральный закон № 335 «Об инвестиционном товариществе» был принят 28 ноября 2011 года с целью формирования в Российском законодательстве новой формы коллективных инвестиций. Основанием для принятия стало поручение Президента Российской Федерации, в соответствии с которым появилась необходимость развития законодательства для создания инструмента организации коллективных инвестиций в венчурные и иные аналогичные проекты без образования юридического лица¹².

Основной правовой модели инвестиционного товарищества стали ограниченные партнерства (limited partnership), заимствованные из англо-саксонской системы права³.

Используемые уже в российской правовой системе аналоги, такие как, простое товарищество, товарищество на вере или паевой инвестиционный фонд имели существенные правовые ограничения.

Так, например, простое товарищество обладает следующими недостатками:

– наличие солидарной ответственности всех товарищей по всем общим обязательствам, что фактически означает принятие инвестором более высоких рисков;

– отсутствие возможности ограничения выхода участников из договора, что приводило к риску нестабильности договора и выхода из него инвесторов в любое время.

Основными недостатками товарищества на вере стали невозможность участия в нескольких товариществах на правах полного товарища, что существенно ограничивало финансовые маневры потенциального инвестора, кроме того, отсутствовала возможность ограничить право на выход.

Не менее проблемным стало и применение такой формы инвестиций, как паевой инвестиционный фонд. Формирование такого фонда, его функционирование требует серьезной инфраструктуры и высоких текущих издержек в силу сложности его правовой конструкции⁴.

Все эти недостатки резко ограничивали возможности их использования в секторе венчурной и инновационной деятельности, поэтому основными новациями в данной правовой конструкции стали следующие элементы:

– повышение удобства применения в венчурном финансировании;

– отсутствие двойного налогообложения для участников товарищества;

– ограниченная ответственность инвесторов, являющихся вкладчиками товарищества.

Вместе с тем, новый закон также обладал существенными недостатками, в последствии исправленными участниками инвестиционного рынка, инициировавшими следующие поправки в указанный закон:

– расширение объектов инвестирования (за счет иностранных эмитентов ценных бумаг, имеющих публичное обращение в РФ);

1 Поручение Президента РФ Правительству РФ по итогам заседания Комиссии при Президенте РФ по модернизации и технологическому развитию экономики России от 27 июля 2010 года, протокол от 1 августа 2010 года № Пр-2279.

2 Об инвестиционном товариществе: федер. закон [от 28.11.2011] № 335-ФЗ (с изм. от 21.07.2014) // Российская газета. № 275. 07.12.2011.

3 Основы политики Российской Федерации в области развития науки и технологий на период до 2010 г. и дальнейшую перспективу: указ Президента РФ [от 30 марта 2002 г. № Пр-576] // Собр. законодательства РФ. 2002. № 23. Ст. 1356.

4 Особенности правового регулирования и проблемы адаптации инвестиционного товарищества как модели ведения совместной деятельности. АО «Российская венчурная компания». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.rvc.ru/upload/iblock/98f/RVC_Features_of_legal_regulation.pdf (дата обращения: 20.04.2018 г.).

– корректировка положения о запрете на рекламу, в соответствии с которой размещение информации в сети Интернет об инвестиционном товариществе рекламой не считается;

– разрешение управляющему товарищу на размещение денежных средств товарищества в банковские депозиты;

– уточнение порядка и нотариального удостоверения товарищества, порядка ведения общих дел и прекращения его деятельности.

Введение в гражданский оборот такой формы объединения лиц, как инвестиционное товарищество является попыткой организации и ведения инвестиционной деятельности, аналогичной иностранным компаниям, при этом логичным был выбор и максимально близкая правовая конструкция конкретно к англо-саксонскому праву. Это определило такие особенности инвестиционного товарищества, как:

– отсутствие двойного налогообложения участников договора. Налогообложение от деятельности инвестиционного товарищества определяются на уровне непосредственно участников договора;

– ограничение видов совместной деятельности участников товарищества и ее концентрация на инвестициях (особенно, венчурного типа);

– ограничение, связанные со статусом участников. Хотя на начальном этапе физические лица при наличии статуса индивидуального предпринимателя имели право выступать стороной в договоре, с новыми поправками они это право потеряли. Законодатель ограничил субъектный состав инвестиционного товарищества профессиональными инвесторами и предпринимателями⁵.

Несмотря на существенную адаптацию договора для целей инвестирования, инвестиционные товарищества, в целом так и не стали популярным инструментом для привлечения и организации инвестиций в экономике России. На начало 2018 года общее количество зарегистрированных договоров не превысило 40 единиц, в то время как, например, в Великобритании количество зарегистрированных аналогов - limited partnership составило свыше 45 тыс. единиц⁶⁷.

Рассмотрим основные правовые проблемы применения инвестиционного товарищества, как инструмента организации инвестиционного процесса:

– Требования к нотариальному оформлению договора. По мнению участников рынка процедуры и эффективность деятельности нотариата при оформлении договора вызывают массу претензий;

– Целесообразность ограничения по сроку действия договора, установленные законом – 15 лет, не имеют ни правового, ни экономического объяснения;

– Запрет на публичное привлечение денежных средств со стороны инвестиционного товарищества на рынке, что является существенным ограничителем развития данной формы организации инвестиционного процесса. Разрешение на использование различных долговых инструментов, например,

облигаций, было бы очень востребовано на инвестиционном рынке России;

– Ограничения по субъектному составу существенно влияют на применимость договора в венчурном инвестировании, где основными инвесторами, особенно на начальных стадиях развития компании являются физические лица («бизнес-ангелы»). Кроме того, такое ограничение, по сути, не позволяет использовать инвестиционное товарищество для краудфандинга – наиболее популярной модели привлечения «народных» инвестиций в венчурном бизнесе.

– Ограниченные возможности по рекламе деятельности инвестиционного товарищества также не способствуют популяризации данного инструмента для привлечения венчурных инвестиций, так как специфика их деятельности напротив требует широкой рекламы продукта (услуги), в создание которой будут вкладываться денежные средства;

– Отсутствие налоговых преференций и льгот, уже предусмотренных в законодательстве для иных форм организации предпринимательской деятельности. Так, отсутствуют льготы по уплате налогов в зависимости от срока владения долей в общем имуществе, от величины владения долей в дочерних компаниях (предусмотрены для обществ с ограниченной ответственностью и акционерных обществ);

– Отсутствует возможность привлечения денежных средств со стороны банковских организаций и НПФ посредством внесения вкладов в товарищество. Согласно нормативам центрального банка вложения в такие активы будут являться высокорисковыми с соответствующими требованиями к резервированию. Что касается негосударственных пенсионных фондов, то в перечне активов, в которые могут инвестировать фонды, инвестиционные товарищества отсутствуют. Такое положение, установленное Центральным банком, существенно ограничивает возможности привлечения долгосрочных инвестиций в инвестиционные товарищества.

– Не разработаны типовые требования к форме отчетности инвестиционных товариществ, что делает процесс формирования такой отчетности достаточно сложным;

– Отсутствие наработанной судебной практики в отношении договора инвестиционного товарищества. Практический опыт и действующая практика показала сложности в трактовке судьями данного закона;

– Неподготовленность налогового законодательства в части регистрации долей в обществах с ограниченной ответственностью, которые приобретает инвестиционное товарищество и т.д.⁸;

Несмотря на такие существенные ограничения и отсутствие широкого распространения на инвестиционном рынке договоры инвестиционного товарищества активно применяются компаниями с государственным участием. Так АО «Российская венчурная компания» и АО «Роснано» активно инвестируют в 12 инвестиционных товариществ с целью реализации крупных инфраструктурных проектов.

Рассмотрим основные предложения по улучшению законодательства по договору инвестиционного товарищества и популяризации данной формы управления инвестиционным процессом:

5 Мойсеенко А., Родионова Е. Создаем венчурный фонд в форме инвестиционного товарищества // Корпоративный юрист. 2015. № 10.

6 Сведения о зарегистрированных договорах инвестиционного товарищества. Сайт Федеральной нотариальной палаты. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://notariat.ru/ru-ru/help/dogovory-investicionnogo-tovarishestva/> (дата обращения: 20.04.2018 г.).

7 Статистика зарегистрированных юридических лиц. Сайт правительства Великобритании. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.gov.uk/government/publications/companies-register-activities-statistical-release-20162017/companies-register-activities-2016-2017> (дата обращения: 20.04.2018 г.).

8 Об утверждении форм и требований к оформлению документов, представляемых в регистрирующий орган при государственной регистрации юридических лиц, индивидуальных предпринимателей и крестьянских (фермерских) хозяйств: Приказ ФНС от 25 января 2012 года № ММВ-7-6/25 // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. № 44. 29.10.2012.

– отмена запрета на размещение рекламы деятельности товарищества. Такой запрет, особенно сегодня, в период действия санкций и дефицита инвестиционных ресурсов, оказывает негативное влияние на поиск и привлечение инвесторов;

– включение в закон положений об интеллектуальной собственности. Объектом венчурных инвестиций в подавляющем большинстве случаев является объект интеллектуальной собственности, вместе с тем в законе не прописаны положения о его защите, например, от взыскания кредиторов товарищества;

– отмена обязательно нотариальной формы договора ввиду неготовности нотариальной инфраструктуры, представляется возможным его регистрация либо министерством юстиции, либо органами налоговой службы;

– отмена предельного срока деятельности инвестиционного товарищества (15 лет) с возможностью самостоятельного установления такого срока участниками договора;

– определение возможности использования долговых инструментов (облигаций, векселей), возможно с ограничением его применения на финансовом рынке кругом квалифицированных инвесторов;

– расширение субъектного состава товарищей-вкладчиков физическими лицами, зарегистрированными в качестве индивидуального предпринимателя. Это позволит повысить эффективность использования краудфандинговых платформ в России. Кроме того, необходимо расширить перечень для размещения активов негосударственными пенсионными фондами договорами инвестиционного товарищества;

– предусмотреть возможность различного вида вклада в товарищество посредством вклада в имущество или займа;

– разработать единую стандартизированную форму обязательной отчетности в регулирующие органы и т.д.⁹;

Исходя из вышеизложенного, в целом, можно утверждать, что договор инвестиционного товарищества сформировался как удобный инструмент привлечения и распределения инвестиций в инновационной венчурной сфере. При этом, данная договорная конструкция обладает преимуществами ряда корпоративных форм, являясь разновидностью простого товарищества и товарищества на вере.

Несмотря на неширокое использование в деловой среде, договор инвестиционного товарищества активно применяется государственными структурами для финансирования инфраструктурных проектов, инновационно-венчурной деятельности.

Однако статистика широкого использования подобных инструментов за рубежом позволяет заявить о наличии проблем в обеспечении деятельности правовой конструкции инвестиционного товарищества в России. Соответствующая корректировка законодательства могла бы способствовать его более широкому распространению на российском инвестиционном рынке.

Пристатейный библиографический список

1. Основы политики Российской Федерации в области развития науки и технологий на период до 2010 г. и дальнейшую перспективу: указ Президента РФ [от 30 марта 2002 г. № Пр-576] // Собр. законодательства РФ. 2002. № 23. Ст. 1356.
2. Об инвестиционном товариществе: федер. закон [от 28.11.2011] № 335-ФЗ (с изм. от 21.07.2014) // Российская газета. № 275. 07.12.2011.
3. Об утверждении форм и требований к оформлению документов, представляемых в регистрирующий орган при государственной регистрации юридических лиц, индивидуальных предпринимателей и крестьянских (фермерских) хозяйств: Приказ ФНС от 25 января 2012 года № ММВ-7-6/25 // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. № 44. 29.10.2012.
4. Поручение Президента РФ Правительству РФ по итогам заседания Комиссии при Президенте РФ по модернизации и технологическому развитию экономики России от 27 июля 2010 года, протокол от 1 августа 2010 года № Пр-2279.
5. Мойсеенко А., Родионова Е. Создаем венчурный фонд в форме инвестиционного товарищества // Корпоративный юрист. 2015. № 10.
6. Особенности правового регулирования и проблемы адаптации инвестиционного товарищества как модели ведения совместной деятельности. АО «РВК». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.rvc.ru/upload/iblock/98f/RVC_Features_of_legal_regulation.pdf (дата обращения 20.04.2018 г.).
7. Сведения о зарегистрированных договорах инвестиционного товарищества. Сайт Федеральной нотариальной палаты. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://notariat.ru/ru-ru/help/dogovory-investicionnogo-tovarishstva/> (дата обращения 20.04.2018 г.).
8. Статистика зарегистрированных юридических лиц. Сайт правительства Великобритании. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.gov.uk/government/publications/companies-register-activities-statistical-release-20162017/companies-register-activities-2016-2017> (дата обращения 20.04.2018 г.).

9 Особенности правового регулирования и проблемы адаптации инвестиционного товарищества как модели ведения совместной деятельности. АО «РВК». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.rvc.ru/upload/iblock/98f/RVC_Features_of_legal_regulation.pdf (дата обращения 20.04.2018 г.).

НЕМЕНОВА Дарья Львовна

студент магистерской программы «Финансовое, налоговое и таможенное право» факультета права Научно-исследовательского университета «Высшая школа экономики»

Неменова Д. Л.

С. А. КОТЛЯРЕВСКИЙ О БЮДЖЕТНОМ ПРАВЕ РСФСР И СССР

Автором статьи рассматривается бюджетное право Российской Советской Федеративной Республики (РСФСР) в период 1917-1924 годов и бюджетное право Союза Советских Социалистических Республик (СССР) в первые годы его формирования. Важное внимание уделяется рассмотрению бюджетного права в период перехода государства к социальной экономике.

В основу статьи был положен труд известного русского учёного Сергея Андреевича Котляревского «Бюджетное право РСФСР и СССР». В своём труде учёный рассматривает проблемы федерализма, бюджетного и местного хозяйства. А. С. Котляревским проводится анализ бюджетной и финансовой деятельности государства и её формирование в первые годы установления советской власти.

В настоящей статье разбираются вопросы места, роли и становления бюджета и бюджетного права в переходный для страны период. Были выявлены основные проблемы и перспективы дальнейшего развития бюджетного права в новой экономической эпохе. Также в статье были выявлены рекомендации практического характера по бюджетному праву, данные С. А. Котляревским.

Целью настоящей статьи является анализ правовой базы, формирующей финансовую и бюджетную сферы, определение границ приведённых областей права.

Ключевые слова: бюджет, закон, финансовое право, право, налоговое право, Котляревский, учёный, наука, исследование, законодательство, история финансового права, Конституция, советское финансовое право, бюджет в РСФСР, бюджет в СССР, законодательство.

NEMENOVA Darya Lvovna

Student of the master program "Financial, tax and customs law" of the Faculty of Law of the National Research University «Higher school of Economics»

S. A. KOTLYAREVSKY ABOUT BUDGET LAW OF RSFSR AND THE USSR

The author considers the budget law of the Russian Soviet Federative Republic (RSFSR) in the period of 1917-1924 and the budget law of the Union of Soviet Socialist Republics (USSR) in the early years of its formation. Important attention is paid to the consideration of the budget law during the transition to a social economy.

The article was based on the work of the famous Russian scientist Sergei Andreevich Kotlyarevsky "Budget law of the RSFSR and the USSR". In this work, the scientist considers the problems of federalism, budget and local economy. A. S. Kotlyarevsky analyzes the budgetary and financial activities of the state and its formation in the early years of the establishment of Soviet power.

This article examines the place, role and formation of the budget and budget law in the transition period for the country. The main problems and prospects of further development of the budget law in the new economic era were identified. The article also reveals the practical recommendations on budget law, given by S. A. Kotlyarevsky.

The purpose of this article is to analyze the legal framework that forms the financial and budgetary sphere, the definition of the boundaries of these areas of law.

Keywords: budget, law, financial law, right, tax law, Kotlyarevsky, scientist, science, research, legislation, history of financial law, Constitution, Soviet financial law, budget in the RSFSR, budget in the USSR.

«Выпуская в свет свою работу о бюджетном праве Советской России, считаю долгом принести свою благодарность С. А. Голованову, проф. А. А. Соколову, проф. К. Ф. Шмелёву, Н. В. Якушкину и другим сотрудникам Н. К. Ф., которые давали мне разъяснения и предоставляли необходимые материалы.

С. К.» – эпиграф к книге С. А. Котляревского «Бюджетное право РСФСР и СССР»

Сергей Андреевич Котляревский родился двадцать третьего июля одна тысяча семьдесят третьего года в Московской губернии в семье чиновника. Будущий учёный имел очень хорошее образование¹: в 1894 году окончил историко-филоло-

гический факультет Московского университета, где несколько лет спустя, в 1899 году, начинается его преподавательская деятельность. Позднее – в 1902 году, защищает магистерскую диссертацию, а в 1904 году – уже докторскую.

С. А. Котляревский был одним из выдающихся учёных своего времени, что заметно из его научной деятельности ещё до Революции. Но уже на рубеже эпох – Императорской России и становлении Советской власти – привлекает к себе внимание вовсе не наукой и своими трудами, а своими политическими взглядами. Это отчётливо заметно в частности, когда С. А. Котляревский принимал участие в оппозиционных кружках, среди них был и Тактический центр. За участие в нём С. А. Котляревский рассматривался в качестве обвиняемого: «Но вот самые страшные их действия: в разгар гражданской войны

¹ Сергей Андреевич Котляревский. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Котляревский,_Сергей_Андреевич

они... писали труды, составляли записки, проекты. Да, «знатоки государственного права, финансовых наук, экономических отношений, судебного дела и народного образования», они писали труды! (И, как легко догадаться, нисколько при этом не опираясь на предшествующие труды Ленина, Троцкого и Бухарина...) Проф. С. А. Котляревский — о федеративном устройстве России, В. И. Стемпковский — по аграрному вопросу (и, вероятно, без коллективизации...), В. С. Муралевич — о народном образовании в будущей России, профессор А. В. Карташёв — закон о вероисповеданиях. А (великий) биолог Н. К. Кольцев (ничего не выдавший от родины, кроме гонений и казни) разрешал этим буржуазным китам собираться для беседы у него в институте².

28 августа 1920 года за участие в попытке свержения советской власти путём вооружённого восстания был признан виновным, а десятого ноября того же года был освобождён от осуждения. Позднее учёный уже переменял своё отношение к действующей власти, как будто смирившись и принимая происходящие перемены в стране.

Впоследствии, ближе к середине 1920-х годов, Сергей Андреевич Котляревский возвращается к преподавательской деятельности в МГУ, где проработал до 1931 года. Учёный преподавал юридические курсы, в частности среди них числилась история публичного права и государственное устройство РСФСР. В рамках этих дисциплин рассматривались также вопросы, посвящённые финансовому праву и межбюджетных отношений³. Результатом чего стал цикл публикаций учёного, посвящённые финансовому праву⁴.

Приход Сергея Андреевича Котляревского в науку

Приход Сергея Андреевича Котляревского в науку не был случайным. Ещё в период студенчества на него сильное влияние оказал профессор Владимир Иванович Герье, в следствии чего и начинался его путь в науку. Первые шаги Сергея Андреевича Котляревского в науке начинались с исследований трудов учёных католического Запада.

Но нельзя не отметить и его собственных заслуг. Основными направлениями исследований А. С. Котляревского были труды по конституционному праву и государственному праву. Кроме этого автор не обошёл своим вниманием и область бюджетного права⁵, занимающие одно из основных мест в его исследованиях.

Стоит отметить, что он был больше теоретиком, именно поэтому проанализировал бюджетное законодательство как источник бюджетного права. В своих исследованиях при изучении бюджетного права С. А. Котляревский отмечает: «бюджет есть основной финансовый план государства», которому соответствует бюджетный фонд.

Учитывая, что большая часть трудов и исследований учёного приходится на советский период, С. А. Котляревский становится одним из первых, кто проводил анализ финансовой деятельности Советского государства в первые годы его существования, также давая многочисленные ценные рекомендации практического характера. Его по справедливости можно считать одним из тех, кто стоял у истоков формирования советского бюджетного права. Самыми значимыми работами учёного в этой области стали «Бюджет СССР», «Бюджет и

местные финансы», «Финансовое право СССР», «Бюджетное право РСФСР и СССР».

Одним из значимых трудов С. А. Котляревского в этой отрасли стала книга «Бюджетное право РСФСР и СССР», вышедшая в начале становления советской власти — в 1924 году, о которой и пойдёт речь. Эта книга становится фундаментальным трудом, известным как в России, так и в других странах. Данный труд есть основополагающий источник для понимания, а также развития бюджетного права как инструмента управления государством и подотрасли финансового права.

Так в своём труде С. А. Котляревский проводит анализ бюджетной политики государства. Учёный рассматривает взаимоотношений СССР и РСФСР в рамках бюджетного права. Также С. А. Котляревского рассмотрено выстраивание разграничений компетентности между страной в целом и её республикой в рамках бюджетного права.

Значение бюджетного права.

С. А. Котляревский выделял бюджету особую, важную роль в существовании государства. Так в своей работе он даёт определение как самому бюджету, так и бюджетному праву, но при этом считая их довольно очевидными:

«Бюджет есть установленный на определённый срок времени план государственных доходов и расходов. А бюджетное право есть совокупность общих и специальных правил, регулирующих создание, утверждение и исполнение бюджетов⁶».

И ведь нельзя не согласиться с этими определениями. Ведь бюджет представляет предмет труда (план), созданный в соответствии с определёнными установленными правилами. Эти установленные правила и есть понятие бюджетного права.

На сегодняшний день эти определения и остаются верными. Стоит лишь отметить, что в современной России даёт более расширенное определение бюджету (абзац 2 статьи 6 Бюджетного кодекса Российской Федерации), но, на мой взгляд, сохраняя общий смысл, вложенный учёным.

Важность бюджета, по мнению С. А. Котляревского, в том, что «государству неизбежно производить расходы на своё содержание и покрывать их какими-нибудь доходными статьями. Поэтому для государства, какова ни была его политическая форма и социальный состав, неизбежно иметь бюджет».

Кроме того, учёный, ссылаясь в том числе и на зарубежных учёных, и юристов говорил о том, что бюджет является одним из «актов законодательной власти», которые порождают и само бюджетное право. Можно сделать такой вывод, что бюджет — это то, что порождает, связи с чем и принимаются законы (пример, бюджетная роспись), а бюджетное право — вытекает из этих законов.

С. А. Котляревский, говоря о бюджете в целом, отмечает: «в бюджете явственно отражаются господствующие социально-политические силы эпохи⁷». Данное умозаключение профессора является не просто отражением эпохи времени, но и её части. На примере истории нашей страны, это отчётливо видно: в каждый период истории нашей страны бюджет ориентировался на конкретные расходы и источники доходов. С приходом новой эпохи переориентировался и сам бюджет, особо отчётливо это может быть заметно, в части расходов.

Это можно подтвердить и следующей цитатой учёного: «Отражается в бюджете и политическая, и экономическая идеология. Бюджет эпохи государственного социализма сильно отличается от остальных⁸». Что до самого бюджетного права профессор С.А. Котляревский считал, что оно всегда было теснейшим образом связано с политической жизнью страны.

Проводя исторический анализ бюджетного права учёный отмечал, что оно являлось, преимущественно, политическим

2 Солженицын А. Архипелаг ГУЛаг. М.: Советский писатель- Новый мир, 1989. Том 1, Ч. 1, Гл. 8. С. 324.

3 Финансовая газета. 1924. 17 января; Котляревский С. А. О рентном обложении // Советское право. 1924. № 2.

4 См.: Котляревский С. А. Бюджетное право РСФСР и СССР. М., 1924; Он же. Бюджет СССР. Л., 1925; Он же. Бюджет СССР, как он составляется, утверждается и исполняется. Л., 1925.

5 Котляревский С. А. Избранные труды / С. А. Котляревский; [сост., автор вступ. ст., коммент. К. А. Соловьёв]. М.: Российская политическая энциклопедия (РОСПЭН), 2010. 704 с. (Библиотека отечественной общественной мысли с древнейших времён до начала XX века). УДК 94(47)(082.1). С. 5.

6 Профессор С. А. Котляревский Бюджетное право РСФСР и СССР. // Государственное издательство МОСКВА — Петроград, 1924. С. 6.

7 Там же. С. 7.

8 См.: Там же.

орудием в конституционном государстве. Не удивительно, что С. А. Котляревский, рассматривая вопрос самого бюджетного права, говорит и о его конституционной основе. В особенности, если быть знакомым с учёным несколько шире заданной темы настоящего исследования.

В советские годы вопрос бюджетного права нашёл своё отражение в Конституции. В последствии, уже в современной России бюджетное право также берёт своё начало из Конституции Российской Федерации (статьи 71, 72, 101, 104, 106, 114).

Кроме того С. А. Котляревский отмечал, что в начале, с приходом советской власти сам бюджет, равно как и само бюджетное право, были в удручающем состоянии: «Бюджетное наследство, принятое советской властью в момент Октябрьской революции, было достаточно тяжёлым уже потому, что оно отражало на себе более ем три года войны⁹». В результате у государства образовался значительный долг, это повлекло за собою возрастающую массу бумажных денег для покрытия.

Как отмечается учёным в тот период времени возрастает и доля собираемых налогов и пошлин на фоне снижения культурно-просветительских и производственных расходов.

К 1917 году бюджета и вовсе не оказалось. «Таким образом, в момент Октябрьской революции новое правительство не унаследовало ни бюджета, ни бюджетного права», – пишет учёный. В тот год страной были унаследованы лишь кредиты, перешедшие и на 1918 год.

Ещё одной проблемой бюджетного права, как отмечает С. А. Котляревский, заключалась в нехватке доходов, получаемых от налоговых поступлений. В связи с чем государство обращает внимание на конфискацию, чтобы обеспечить доходы бюджета.

Следующей проблемой перед советской властью встал вопрос неопределённости: «Нечего и подумать было о бюджете на годичный срок – кто знал, что будет через год».

В связи с чем стоит отметить, что в первые годы советского периода не приходилось говорить ни о бюджете, ни бюджетном праве. Его не было. Ситуация начинает выправляться в начале 1918 года, когда была поставлена срочная задача о подготовке бюджета, а краткосрочный период.

Уже 28 января 1918 года был создан первый акт бюджетного права, содержащий в себе правила составления, рассмотрения и утверждения смет. Что, собственно, и послужило началом бюджетного права в советский период.

Во второй половине 1918 года устанавливается бюджетная дисциплина: появляются и водятся декреты, чётко устанавливающие правила получения и расходования бюджетных кредитов, устанавливаются запреты на расходы сверх сих декретов – в ином случае необходимо разрешение Совнаркома.

Последние два события подтолкнули к появлению, становлению и развитию бюджетного права в Советской стране по мнению С. А. Котляревского.

Сергей Андреевич в своём труде «Бюджетное право РСФСР и СССР»

Как уже упоминалось, С. А. Котляревский бюджетное право не выделял в отдельную отрасль права, а считал её частью финансового права. Учёный писал, что бюджетное право представляет собою науку, а наука бюджетного права является системой знаний о бюджетном праве, в качестве совокупности правовых норм. В своём исследовании подробно изложил развитие советского бюджетного права и очертил важные моменты прохождения бюджета союзного, республиканского и местного. Таким образом учёный в своём труде выделяет три уровня бюджета:

С. А. Котляревский отмечает, также и историю Советского бюджета, которая, по его мнению, довольно наглядно отражается в хозяйственной экономической политике. Он выделяет начало советского бюджета, возводя его к началу ещё

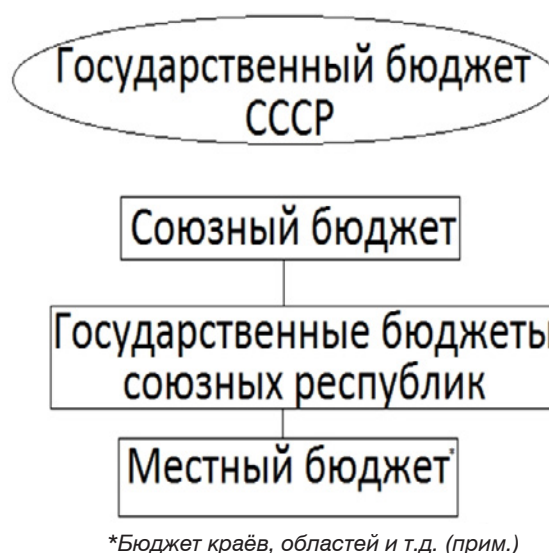

Рисунок 1. Сергей Андреевич Котляревский, происхождение бюджета.

Советской Республики – РСФСР (с момента Октябрьской революции и до образования СССР в 1922 году).

Учёный называет этот период безбюджетным, поскольку ещё действовали старые ассигнации, а каждая вновь возникающая потребность удовлетворялась особым для неё постановленным кредитом. Что же касалось самого бюджета, то он ещё существовал в виде смет и по инерции прошлых лет¹⁰. Как отмечает автор, уже 1918 год был ознаменован первыми шагами к становлению бюджетного права Советской России.

Котляревский Сергей Андреевич в своём труде «Бюджетное право РСФСР и СССР» рассматривал и Конституцию того периода времени. Так, беря первоначально Конституцию Союза Советских Социалистических Республик, в пункте л статьи 1 Главы 5 говорится «утверждение единого Государственного бюджета Союза Советских Социалистических Республик, в состав которого входят бюджеты союзных республик¹¹». По большей части бюджетное право регулировалось Конституциями республик. Также проанализировав Конституцию СССР 1936 года «Сталинскую» и Конституцию СССР 1976 года «Брежневскую» не давали чёткого понятия о бюджетном праве¹². В основном Конституция СССР разделяла бюджет на общегосударственный и местный¹³.

В своём труде в значительной степени внимание уделял Конституции РСФСР, в которой бюджетному праву был посвящён Раздел V, (статьи 79-88 Конституции). Учёный отмечает, что в Конституции РСФСР бюджетное право в приведённых статьях не раскрывается. Конституция даёт довольно общую характеристику бюджетному праву и не создаёт устойчивого и определённого законодательства в бюджетном праве.

С. А. Котляревский отмечает, что к концу 1921 году в стране создаётся и принимается ряд законодательных актов, призванных для создания прочной основы для бюджетного права. Автор также обращает внимание на полученную в полной

10 Котляревский С. А. Бюджет и местные финансы / Проф. С. Котляревский. М.: Экономическая жизнь, 1926. 146 с. (Юридическая библиотека хозяйственника под редакцией проф. В. Ю. Вольфа и И. Я. Цейликмана). С. 103.

11 Пункт л статьи 1 главы 5 Конституции СССР от 31 января 1924 года.

12 Примечание: приведённые две последние Конституции СССР относятся к более поздним годам, в том числе последняя – в редакции после смерти С. А. Котляревского, и приведены для сравнительного анализа.

13 Дополнительный анализ автора для сравнения, также С. А. Котляревский занимался вопросами конституционного права, в связи с чем, по мнению автора, нельзя обойти и такой анализ для полноты понимания позиции учёного.

мере поддержку формирования правового поля бюджетного права на IX Съезде Советов.

Но на пути воплощения этих замыслов и становления бюджетного права, по мнению учёного, были определённые трудности. Основной проблемой С. А. Котляревский выделял экономическую нестабильность в РСФСР, вызванную рядом причин. Среди них автор выделяет рост цен, инфляцию и эмиссию денег. Также выделяется ещё одна проблема – проблема местного бюджета. Когда постановлением ВЦИК от 10 октября 1921 года уничтожается объединение общегосударственного и местного бюджетов, с одной стороны, и, с другой стороны, Постановлением ВЦИК от 10 декабря 1921 устанавливается круг расходов, покрываемыми местными денежными средствами, а также устанавливаются правила выработки местного бюджета.

Кроме того, важным вопросом выделяется и ситуация с бюджетным взаимоотношением в федеральном масштабе. Бюджетное законодательство РСФСР сталкивается с последовательным централизмом. Учёный в своём исследовании приводит мнение о необходимости большей самостоятельности в бюджетном праве. Так, обращая внимание на федеративное устройство СССР, учёный указывает на необходимость самостоятельности каждой республики СССР в области бюджетного права.

С. А. Котляревский приходит к выводу, что не смотря на определённые трудности, вызванные переходным периодом, в вопросе становления и развития бюджетного права РСФСР была проделана большая работа и имеются определённые успехи: было упорядочено бюджетное законодательство, производилось укрепление бюджетной дисциплины.

Таким образом можно сделать заключение о зарождении и становлении бюджетного права в РСФСР в начале 1920х годов.

Заключение

К. С. Котляревский стал одним из первых учёных в советский период, кто затронул изучение самого бюджетного права, так и вопросов, связанных с этой отраслью. Учёный внёс большой вклад в развитие бюджетного права. Его труды, в частности «Бюджетное право РСФСР и СССР», дали основное понятие самого бюджета, так и отрасли права, являясь актуальным и в наши дни.

Одними из актуальных моментов данной книги являются: тесное взаимодействие государства, права и экономики, а также отнесение бюджета сразу к нескольким областям наук – экономической и юридических наук. Природа бюджета и бюджетного права нельзя отнести к какой-то одной науке – он всегда будет находиться на стыке.

Значимость его труда и его значение вклада в развитие финансовой науки финансового права оценён другим учёным – К. С. Бельский: «Исследуя бюджет в статике и динамике, подробно анализируя структуру бюджета, Котляревский развивал теорию бюджета более всесторонне и лучше, чем, например, это сделали его дореволюционные предшественники И. Т. Тарасов, С. И. Иловайский, И. Х. Озеров¹⁴».

Результаты исследований и трудов одного из, по моему мнению, выдающихся учёных своего времени – С. А. Котляревского – крайне важны и значимы. Его труд не потерял своей актуальности и значимости. Уже в современной России бюджетное право строится и на основании его идей.

На мой взгляд, труд С. А. Котляревского «Бюджетное право РСФСР и СССР» является грамотным анализом современной, к тому моменту, бюджетной действительности на основании законодательства. Также в работе содержатся логические последовательность изложения и выводы. К сожалению, результат труда учёного «Бюджетное право РСФСР и СССР», как и многие другие его труды, остались не востребованными в тот период времени Государством. Но приобрёл «вторую

жизнь», уже в современной России. Ни это ли главное для учёного? Чтобы его труд был всё ж оценён?

На мой взгляд, С. А. Котляревский был одним из самых смелых людей своего времени. В тот период времени многие его идеи считались довольно отважными. Под конец жизни учёный был обвинён в оппозиционной и контрреволюционной деятельности, за что был обвинён и казнён по обвинению в шпионаже 15 апреля 1939 года.

В заключении хотелось бы отметить неопределимый вклад учёного в развитие бюджетного права, а также весьма непростую судьбу. В период работы над трудом С. А. Котляревского, я также знакомилась и с мнениями его современников, и его биографией. Помимо заслуг учёного, мне хочется выразить и своё мнение, которое, кстати, неоднократно менялось в ходе работы, и вызывает на сегодняшний день уважение за его труды и стойкость.

Пристатейный библиографический список

1. Конституция СССР от 31 января 1924 года // Выверено по изданию: Ю. С. Кукушкин, О. И. Чистяков. Очерк истории Советской Конституции. М., Политиздат, 1987.
2. Котляревский С. А. Избранные труды. [сост., автор вступ. ст., коммент. К. А. Соловьёв]. М.: Российская политическая энциклопедия (РОСПЭН), 2010. 704 с. (Библиотека отечественной общественной мысли с древнейших времён до начала XX века). УДК 94(47) (082.1).
3. Котляревский С. А. Бюджеты автономных и районированных единиц РСФСР // Сов. право. 1925. № 5.
4. Котляревский С. А. Бюджетное право РСФСР и СССР. М.-Пг.: Гос. изд-во, 1924.
5. Котляревский С. А. Бюджетное право СССР. М.: Гос. изд-во, 1925.
6. Котляревский С. А. Бюджетные права Союза и союзных республик // Финансы и народное хозяйство. 1928. № 4.
7. Котляревский С. А. Бюджетный закон // Сов. право. 1926. № 2.
8. Бюджетное право СССР / Проф. С. А. Котляревский; Ин-т сов. Права, Москва: Гос. изд-во, [1925].
9. Котляревский С. А. Бюджет и местные финансы / Проф. С. Котляревский. М.: Экономическая жизнь, 1926. 146 с. (Юридическая библиотека хозяйственников под редакцией проф. В. Ю. Вольфа и И. Я. Цейликмана)
10. Кроткова Н. В. С. А. Котляревский как представитель советской юридической науки // Финансовое право и управление. 2014. № 3. С. 184-198. DOI: 10.7256/2310-0508.2014.3.13560

14 Бельский С. К. Финансовое право. М., 1995. С. 53.

САТТАРОВА Нурия Альвановна

доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой финансового и экологического права Института права Башкирского государственного университета

ШИНКАРЕВ Вячеслав Владимирович

аспирант Башкирского государственного университета, адвокат

ПЕРЕЛОЖЕНИЕ НАЛОГА КАК СИСТЕМООБРАЗУЮЩЕЕ ЯВЛЕНИЕ КОСВЕННОГО НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ

В данной статье рассматривается такое правовое явление как переложение налога в качестве неотъемлемого и фундаментального признака косвенных налоговых платежей. Авторами рассматриваются вопросы определения фактического плательщика налога при отсутствии его законодательно регламентируемого правового статуса, а также отдельные проблемы правоприменительной практики.

Ключевые слова: налог, налогоплательщики, государство, косвенное налогообложение, переложение налога.

SATTAROVA Nuriya Alvanovna

Ph.D. in Law, professor, Head of Financial and environmental law sub-faculty of the Law Institute of the Bashkir State University

SHINKAREV Vyacheslav Vladimirovich

postgraduate student of the Law Institute of the Bashkir State University, a lawyer

ARRANGEMENT OF TAX AS A SYSTEM PHENOMENON OF INDIRECT TAXATION

This article discusses the legal phenomenon as a transfer of tax as an integral and fundamental characteristic of indirect tax payments. The authors consider the questions of defining the issues of determining the actual tax payer in the absence of its legally regulated legal status and separate problems of law enforcement practice.

Keywords: tax, tax payers, the government, indirect tax, transfer tax.

Саттарова Н. А.

Шинкарев В. В.

Характеризующим критерием, на основании которого налоги делятся на прямые и косвенные, является возможность или её отсутствие переложения их на конечного потребителя¹.

Процесс переложения налогов является ценообразующим фактором и может влиять на цену прямо, косвенно или в отдаленной перспективе. Переложение налогов с одного лица на другое, есть явление, характеризующее способ взимания косвенных налогов в виде различия субъекта косвенного налога де-юре и де-факто. Фактический плательщик налога, т.е. лицо, непосредственно несущее итоговую тяжесть налогообложения, обозначается термином как «носитель налога при окончании процесса налогового переложения». Одновременно с этим непосредственные носители – фактические плательщики налога, при отсутствии прямых прав и обязанностей, законодательно регулирующих их участие в данном процессе, не являются участниками налоговых правоотношений, а само значение термина «носитель налога» не имеет законодательного закрепления. Кроме того, данное явление рассматривается в аспекте реализации такого правового принципа как справедливость налогообложения.

Переложение налогов учеными рассматривается как намеренное и ненамеренное переложение, а также как прямое и обратное. Так, прямое переложение налога совершается посредством включения налога в цену товара, работы, услуг. Обратное – выражается в понижении цены, например, при про-

даже земли, ценных бумаг, когда налог переносится на продавца посредством вычета из продажной цены капитализированной суммы налога.

Как известно, участниками налоговых правоотношений являются организации и физические лица, признаваемые Налоговым кодексом РФ (далее – НК РФ) налогоплательщиками, плательщиками сборов или налоговыми агентами. В соответствии с п. 3 ст. 11 НК РФ понятие «налогоплательщик» и другие специфические понятия и термины законодательства о налогах и сборах используются в значениях, определяемых в соответствующих статьях НК РФ. Анализ положений НК РФ позволяет заключить, что лиц, выступающих конечными приобретателями товара, работы, услуги и посредством этого оплачивающих в составе цены в том числе и косвенный налог, невозможно отнести ни к одной из вышеперечисленных групп участников налоговых правоотношений ввиду отсутствия прямого законодательного возложения на них такого рода обязанностей. Из этого следует, что фактические плательщики выступают стороной определенных видов гражданско-правовых отношений, сама реализация которых определена как объект налогообложения. Отдельно стоит отметить и достаточно формальное отношение законодателя к потребителю как носителю фактического бремени налогообложения наряду с производителями и продавцами, выразившееся в практически полном отсутствии их упоминания в правовых нормах.

Таким образом, непосредственные носители косвенных налогов не являются, по мнению законодателя, участниками

¹ Тимофеева О. Ф. Налоговая система России: настоящее и будущее. - М., 1997. - С. 7.

налоговых правоотношений. Санкции за неуплату (несвоевременность и т.д.), как и обязанность по его уплате, несет налогоплательщик, которым перед государством выступает производитель и (или) реализатор соответствующего вида услуги, работы, товара.

Обязательство по уплате налога, как и подвергание санкциям со стороны государства возложено на налогоплательщика, вне зависимости от того, переложено или нет налог на конечного потребителя.² Способ взимания налога только подразумевает саму возможность переложения налога, однако подлежащая уплате в бюджет налогоплательщиком сумма налога исчисляется из его непосредственных показателей хозяйственной деятельности даже в том случае, когда переложение косвенного налога не было произведено на носителя и налог был уплачен за счет собственных средств налогоплательщика, например, посредством понижения цены или каким-то другим образом.

Непосредственное возникновение обязанности налогоплательщика по уплате косвенного налога не имеет прямой взаимосвязи с фактом получения им от покупателей (потребителей) определенной суммы налога в составе цены товаров (работ, услуг), что предполагает как отсутствие его обязанности в возврате излишне уплаченной части налога покупателям (потребителям), так наличие при этом собственного права на возврат (или зачет) из бюджета сумм такого рода.

Следует также заметить, что налоги, входящие в цену товара, не относятся и не определяются в НК РФ отдельной категорией, а в самом определении налога как понятия не прописаны косвенные налоги при характеристике их экономической сущности.

Отсутствие четкого регламентированного закрепления понятия такой категории как «косвенный налог» на законодательном уровне потенциально может приводить к неблагоприятным последствиям для налогоплательщика в виде нарушения его прав. Свидетельством тому может служить Постановление Конституционного суда от 30.01.01 № 2-П, которым налогоплательщику было отказано в зачете существовавшего в то время налога с продаж, так как «сумма налога включалась налогоплательщиками в цену товара (работы, услуги) и фактически взималась не за счет их прибыли (результатов хозяйственной деятельности), а с покупателей (клиентов), т.е. фактических, но не юридических плательщиков налога»³. Постановление № 2-П Конституционного Суда РФ во многом и на долго предопределило рассмотрение дел по подобному рода вопросам, несмотря на то, что при вынесении данного постановления не учитывалась ст. 78 НК РФ, что лишало ее оснований считать обязательной и всеобщей для правоприменения.

До настоящего времени механизм уплаты косвенных налогов на необходимом и достаточном уровне законодательно не закреплен, что имеет практические негативные последствия в виде противоречивости судебной практики при рассмотрении вопросов правомерности возврата излишне уплаченных косвенных налогов. При этом, следует указать, что косвенный налог, так же как и прямой, представляет собой изъятие собственности юридического плательщика налога, а средства, выбывшие без законных на то оснований, должны возвращать-

ся собственнику.⁴ Именно при косвенном налогообложении должна приниматься во внимание не просто налоговая способность самого налогоплательщика, но и способность оплатить товар, работу или услугу собственно потребителем.

Следует признать, что ключевой целью, которую преследует государство при использовании переложения налога, является равномерное распределение налоговых издержек среди субъектов налоговых правоотношений (налогоплательщиков). При этом, важно отметить, что невозможность переложить налог на другой субъект – это ситуация, которая в целом противоречит системе налогообложения. Система налогообложения должна оставаться эффективной гибкой и удобной. А если законодатель не поддерживает переложение налогов с производителя на потребителя, то система налоговых сборов становится не просто неудобной, она становится малоэффективной.

В заключение следует указать, что необходимость законодательного закрепления категории «косвенные налоги» и четкая регламентация переложения налога, т.е. взимания косвенных налогов – очевидна. Совершенствование механизмов косвенного налогообложения должно осуществляться комплексно с учетом не только интеграционных процессов, направленных на совершенствование свободной торговли в стране и движение капиталов между государствами, но и на основе принципов налогообложения, способствующих устранению возникающих противоречий и конфликтов интересов налогоплательщика и государства.

Пристатейный библиографический список

1. Кудряшова Е. В. Применение норм Налогового кодекса о фактической способности к уплате налога // Финансы. - 2003. - № 10.
2. Постановление Конституционного Суда РФ от 30.01.01 № 2-П.
3. Резолюция научно-практической конференции «Проблемы возврата из бюджета косвенных налогов» (г. Москва, 13 ноября 2001 г.).
4. Тимофеева О. Ф. Налоговая система России: настоящее и будущее. - М., 1997.

2 Кудряшова Е. В. Применение норм Налогового кодекса о фактической способности к уплате налога // Финансы. - 2003. - № 10. - С. 30.

3 Постановление Конституционного Суда РФ от 30.01.01 № 2-П // СЗ РФ. 2001. - № 7. - С. 701.

4 Резолюция научно-практической конференции «Проблемы возврата из бюджета косвенных налогов» (г. Москва, 13 ноября 2001 г.) // Финансы. - 2002. - № 1. - С. 7.

БАЖЕНОВ Олег Николаевич

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора Орловского государственного университета имени И. С. Тургенева

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИНСТИТУТА ПРИМИРЕНИЯ: УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ И УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ

Статья посвящена вопросу примирения с потерпевшим как основанию освобождения от уголовной ответственности и основанию прекращения уголовного дела, в статье рассмотрены проблемы соотношения уголовного и уголовно-процессуального законодательства, выявляются некоторые противоречия в практике применения этих норм и предлагаются способы их разрешения.

Ключевые слова: примирение с потерпевшим, освобождение от уголовной ответственности, прекращение уголовного дела, возмещение вреда, медиация.

BAZHENOV Oleg Nikolaevich

Ph.D. in Law, associate professor of Criminal process and prosecutor's supervision sub-faculty of the I. S. Turgenev Orel State University

Баженов О. Н.

ACTUAL ISSUES OF LEGISLATIVE REGULATION OF THE INSTITUTE OF RECONCILIATION: CRIMINAL-LEGAL AND CRIMINAL-PROCEDURAL ASPECTS

The article is devoted to the issue of reconciliation with the victim, as the basis of exemption from criminal responsibility and grounds for termination of the criminal case, the article considers the problem of correlation of criminal and criminal-procedural legislation, reveals some contradictions in the application of these standards and suggests ways of resolving them.

Keywords: reconciliation with the victim, exemption from criminal liability, termination of criminal proceedings, compensation for harm, mediation.

Для законодательства любого государства общепринятым является положение о том, что лицо, совершившее преступление, обязано понести уголовную ответственность, претерпеть меры государственного принуждения. Тем не менее, государство заинтересовано, чтобы успешная защита правопорядка обеспечивалась при условии разумной, целесообразной экономии уголовной репрессии. Эта позиция реализуется в законодательных нормах, предусматривающих освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим.

Существование института освобождения от уголовной ответственности объективно призвано решить ряд задач: снизить крайнюю загруженность органов уголовной юстиции, увеличить роль потерпевшего в уголовном процессе, сэкономить время и средства, связанные с расследованием, судебным разбирательством, исполнением приговора.

Вместе с тем, многолетнее существование рассматриваемого института не разрешило старые и обнаружило новые проблемы.

Уголовный кодекс РФ вот уже более двадцати лет содержит статью 76 – Освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим. Однако, как отмечает Э. Л. Сидоренко, по мере «взросления» нормы ст. 76 УК РФ, ее недостатки не только не сглаживаются, но и «обрастают» другими, еще более сложными и неразрешимыми вопросами¹.

В 2013 году Пленум Верховного Суда РФ принял Постановление «О применении судами законодательства, регламен-

тирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности»², однако в нем не были четко определены материальный и процессуальный статусы участников примирения.

Статья 76 УК РФ «Освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим» и ст. 25 УПК РФ «Прекращение уголовного дела в связи с примирением сторон» регламентируют материальные и процессуальные аспекты одного и того же правового явления. Уголовный кодекс предусматривает примирение как основание для прекращения уголовного преследования, Уголовно-процессуальный – определяет порядок прекращения уголовного дела.

Оба эти нормативные акты содержат условия, при которых лицо освобождается от уголовной ответственности по данным основаниям, однако эти условия в УК и УПК определенным образом разнятся. В ст. 76 УК предусматриваются следующие условия освобождения: преступление совершено впервые, оно относится к категории небольшой или средней тяжести, факт примирения лица, совершившего преступление с потерпевшим, лицо загладило причиненный потерпевшему вред. Статья 25 УПК содержит несколько иное положение: «Суд, а также следователь с согласия руководителя следственного органа или дознаватель с согласия прокурора вправе на основании заявления потерпевшего или его законного представителя прекратить уголовное дело в отношении лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления небольшой или средней тяжести, в случаях, предус-

1 Сидоренко Э. Л. Освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим: в поисках уголовно-политического начала // Мировой судья. – 2015. – № 11. – С. 26.

2 Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности».

мотренных статьей 76 Уголовного кодекса Российской Федерации, если это лицо примирилось с потерпевшим и загладило причиненный ему вред».

Сравнительный анализ этих норм показывает, что в УК РФ одним из условий является совершение преступления впервые, тогда как УПК об этом ничего не говорит, но отсылает к ст. 76 УК. Не совсем понятно, должно ли указанное условие соблюдаться?

Кроме того, само понятие «впервые совершенное» понимается не в фактическом, а в юридическом смысле. Под него подпадает не только преступное деяние, совершенное фактически в первый раз, но и когда истек срок давности привлечения к уголовной ответственности лица за ранее совершенное деяние, либо снята или погашена судимость. Таким образом, неоднократное в прошлом совершение преступлений не исключает применение рассматриваемого института, тем самым фактически не учитывается поведение преступника в прошлом и его потенциальная общественная опасность.

Некоторую неясность вызывает вопрос о заглаживании вреда потерпевшему. В силу ч. 1 ст. 42 УПК РФ потерпевшим признается лицо, которому преступлением причинен физический, имущественный или моральный вред, каждому из этих видов вреда может соответствовать определенный способ заглаживания. Но возникает вопрос: кто в таком случае определяет формы вреда и способ заглаживания? По-видимому, этим занимается сам потерпевший. Он же решает вопрос о том, достаточной ли явилась компенсация за причиненный вред.

Увеличение роли потерпевшего в уголовном процессе, безусловно, нужно приветствовать. Вместе с тем, не следует исключать возможность злоупотреблений потерпевшим по поводу достаточности компенсации причиненного ему вреда. Данная проблема имеет и другой аспект. Он состоит в том, что лицо, совершившее преступление, в целях освобождения от уголовной ответственности может принудить потерпевшего признать причиненный ему вред полностью заглаженным, хотя в действительности подобного не произошло. Тем самым можно говорить и о возможности злоупотреблений виновным лицом при отсутствии посредничества компетентных органов в вопросах примирения сторон.

Вопрос о примирении самостоятельно решается потерпевшим и лицом, совершившим деяние, без каких-либо посредников. Органы, ведущие производство по делу, лишь пассивно фиксируют то, что примирение состоялось. Возникает вопрос о возможности и целесообразности применения посредничества. Но кто будет выступать посредником? Существуют различные варианты.

В западных странах возможно три варианта: медиация в рамках собственных полномочий государственных органов, как правило, прокуратуры (напр. в ФРГ); делегированная модель, предполагающая наличие независимого посредника, участвующего в примирении сторон конфликта (Англия, США); смешанная модель медиации, предполагающая возможность проведения медиации как представителем государства (чаще всего – прокурором), так и независимым посредником (Бельгия, Франция)³.

Л. В. Головки отмечает возможность рассмотрения в качестве примиряющей стороны либо само лицо, ведущее производство по делу, либо предлагает дополнить закон положением,

что эти полномочия должны быть отданы независимой общественной организации⁴.

Н. С. Шахова и Я. М. Матвеева полагают, что примирение с потерпевшим должно проводиться с участием как органов правоприменения, так и независимого посредника. При этом последняя предлагает норму об освобождении от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим сделать императивной путем внесения изменений в ст. 76 УК РФ и ст. 25 УПК РФ⁵.

В п. 20 Рекомендации N R (99) 19, посвященной посредничеству в уголовных делах, сказано, что оно «должно иметь достаточную автономию», т.е. субъект осуществляющий медиацию, не должен относиться ни к стороне защиты, ни к стороне обвинения⁶.

В современной российской действительности следователь выступает в качестве субъекта, заинтересованного в исходе дела (в отличие, например, от французского уголовного судопроизводства), поэтому он не может должным образом осуществить процедуру медиации. Намечившаяся было тенденция привлечения к данному процессу общественных организаций и отдельных физических лиц, показала свою недостаточную эффективность.

Представляется, можно взять за основу позицию авторов (Я. Ю. Яниной, например), которые предлагают рассматривать в качестве медиатора, который обеспечивал бы примирение в рамках ст. 25 УПК РФ сотрудника Министерства юстиции РФ.

В интересах совершенствования деятельности по освобождению от уголовной ответственности весьма желательно, чтобы органы юстиции и суды всех уровней уделяли большее внимание этому важному вопросу и более дифференцированно подходили к каждому конкретному применению ст. 76 УК РФ и ст. 25 УПК РФ.

Пристатейный библиографический список

1. Рекомендация № R (99) 19 от 15 сентября 1999 г. Комитета Министров – государствам, члена Совета Европы, посвященная медиации в уголовных делах. – [Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности». – [Головки Л. В. Альтернативы уголовному преследованию: европейская практика и российский уголовно-процессуальный контекст // Вестник восстановительной юстиции. — 2003. – № 5. – С. 10 – 14.
2. Матвеева Я. М. Делегированная медиация в уголовном праве России: перспективы и предложения // Евразийский юридический журнал. – 2015. – № 11 (90). – С. 158 – 162.
3. Сидоренко Э. Л. Освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим: в поисках уголовно-политического начала // Мировой судья. – 2015. – № 11. – С. 26 – 31.

4 Головки Л. В. Альтернативы уголовному преследованию: европейская практика и российский уголовно-процессуальный контекст // Вестник восстановительной юстиции. – 2003. – № 5. – С. 10.

5 Матвеева Я. М. Делегированная медиация в уголовном праве России: перспективы и предложения // Евразийский юридический журнал. – 2015. – № 11 (90). – С. 158.

6 Рекомендация № R (99) 19 от 15 сентября 1999 г. Комитета Министров – государствам, члена Совета Европы, посвященная медиации в уголовных делах.

3 Матвеева Я. М. Делегированная медиация в уголовном праве России: перспективы и предложения // Евразийский юридический журнал. – 2015. – № 11 (90). – С. 158.

КАБЛУКОВ Илья Викторович

аспирант Института права Башкирского государственного университета

УСМОТРЕНИЕ ПРИ ПРИНЯТИИ РЕШЕНИЙ ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ

В настоящей статье исследуется соотношение используемых в уголовно-процессуальном законодательстве РФ понятий «усмотрение» и «достаточность доказательств». Конечно, очевидна индивидуальность и уникальность каждого производства по конкретному уголовному делу, тем не менее, законодатель ограничивает полномочия на усмотрение при принятии определенных решений путем введения правовых пределов для усмотрения при разрешении, в некоторой степени, типовых ситуаций уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: уголовно-процессуальное решение, доказательство, достаточные доказательства, основания принятия решения, обоснованность, усмотрение.

KABLUKOV Ilya Viktorovich

postgraduate student of the Law Institute of the Bashkir State University

EXAMINATION IN MAKING DECISIONS IN A CRIMINAL CASE

This article examines the correlation between the concepts of "discretion" and "sufficiency of evidence" used in the criminal procedure legislation of the Russian Federation. Of course, the individuality and uniqueness of each criminal case is obvious, however, the legislator limits the discretion in making certain decisions by introducing legal limits for discretion in resolving, to some extent, typical situations of criminal proceedings.

Keywords: criminal procedure decision, evidence, sufficient evidence, grounds for decision-making, validity, discretion.

Каблуков И. В.

Многие процессуальные нормы, регулирующие порядок уголовного судопроизводства, осуществления в его рамках уголовно-процессуального исследования преступлений, недостаточно унифицированы, а в ряде случаев, просто противоречивы. Значительная их часть содержит оценочные понятия (исключительные обстоятельства, допускающие возможность неких отступлений от обычного порядка принятия процессуальных решений, обстоятельства, не терпящие отлагательства, основания и достаточные основания для производства отдельных процессуальных действий, и т. п.). Производство если не большинства, то многих следственных действий, действий судебных, следственного характера в целом также относится к компетенции соответствующих правоприменителей.

Уголовно-процессуальный закон непосредственно оперирует понятием усмотрение лишь в нескольких случаях (ст. 170, 191, 256, 280 УПК), в других многочисленных случаях УПК опосредует право субъекта уголовно-процессуальной деятельности на усмотрение выражениями: вправе, имеет право, может и другими подобными словосочетаниями.

За последние восемнадцать лет в уголовно-процессуальной литературе появился ряд публикация о различных аспектах усмотрения участников уголовного судопроизводства. Подготовлены диссертации А. Б. Ярославцева (Волгоград, 2001), Ю. В. Грачевой (М., 2002), П. Г. Марфицина (Омск 2003), А. П. Севастьянова (Красноярск, 2004), А. А. Огилец (Краснодар, 2007), Н. Н. Апостоловой (М., 2010). Во многих из них делаются попытки разобраться в самом понятии усмотрения.

Один из классиков в теории усмотрения в современной зарубежной юридической литературе Аарон Барак раскрывает самую сущность и понимает под усмотрением полномочия, которые закон предоставляет судье, чтобы он мог сделать выбор из нескольких альтернатив, из которых каждая является законной: «судейское усмотрение по определению не является ни эмоциональным не умственным состоянием. Это скорее

юридическое условие, при котором судья волен делать выбор из ряда вариантов»¹.

Действительно, допустимое усмотрение в следственной, судебной или иной деятельности в судопроизводстве по определению может относиться лишь к выбору из альтернатив, которые прямо предусмотрены законом либо ему не противоречат.

Пределы усмотрения – «это правовые рамки, установленные управомоченными субъектами с помощью правовых юридических средств, четко ограничивающие объем применения права»². Отсутствие для складывающихся в практической деятельности ситуаций четких законодательных рамок и границ допустимого усмотрения при необходимости принятия решений в уголовном судопроизводстве должна законодательно сужаться, для сведения к минимуму всевозможных злоупотреблений. Основные ограничения, которые установлены как для принятия решения в целом, так и «по усмотрению», накладываемые на лиц уголовно-процессуальным законом, в первую очередь заложены в установленных принципах уголовного судопроизводства.

Конечно, очевидна индивидуальность и уникальность каждого производства по конкретному уголовному делу, тем не менее, законодатель ограничивает полномочия на усмотрение при принятии определенных решений путем введения правовых пределов для усмотрения при разрешении, в некоторой степени, типовых ситуаций уголовного судопроизводства. Так по УПК РФ в досудебном производстве решения могут быть приняты лишь при наличии: основания, достаточного(ых) основания(ий) / достаточных данных или

1 Барак А. Судейское усмотрение. М., 1999. С. 13.

2 Берг Л. Н. Судебное усмотрение и его пределы (общетеоретический аспект): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2008. С. 21.

достаточных доказательств. В этом контексте значимым представляется пожелание С. А. Шейфера, что «было бы весьма полезным, если в нормах о каждом следственном действии было бы четко обозначено основание его проведения, учитывающее его цель»³.

Анализ с этих позиций уголовно-процессуальный закон позволил О. Я. Баеву и М. О. Баеву выделить ряд норм, гипотезы которых направлены на ограничение допустимого усмотрения при принятии решений в рамках досудебного производства по уголовному делу. К первой группе отнесены нормы, предполагающие, что для принятия соответствующего прогностического решения субъекту уголовного преследования необходимо наличие просто основания (ст.ст. 44, 45, 61, 91, 94, 110, 148 УПК РФ). Ко второй группе законодательно предписанных ограничений для усмотрения, относятся те нормы УПК, которые ставят в прямую зависимость допустимость понятия прогностических решений в досудебном производстве по уголовному делу не просто от наличия оснований, а от наличия достаточных оснований / достаточных данных (ст.ст. 11, 97, 140, 153, 182, 184, 185, 186, 186.1, 223.1, 226.8 УПК РФ). Принятие наиболее принципиальных процессуальных решений в досудебном производстве по уголовному делу УПК связывает не просто с наличием для того достаточных оснований, но и с тем чтобы эти основания были выражены в форме доказательств в точном уголовно-процессуальном смысле этого понятия (ст.ст. 171, 215, 246 ч. 7 УПК РФ)⁴. Словосочетания – наличие оснований / достаточных оснований – используется и в законодательных актах по организации деятельности правоохранительных органов и опосредующие полномочия их сотрудников, в частности в Федеральных законах «О следственном комитете РФ», «Об оперативно-розыскной деятельности», «О полиции» и др.

Понятием исключительности ситуации, исключительности случая, невозможности соблюсти установленные для производства следственного действия предписания, а именно возможным альтернативам действий следователя при применении мер принуждения, а также условиям производства следственных действий в целом и «исключительности» при производстве отдельных из них также оперирует в своих нормах действующий уголовно-процессуальный закон. В то же время УПК легального определения сущности вкладываемого в них понятия не содержит. Данное обстоятельство позволяет следователю сугубо по собственному усмотрению и достаточно вольно интерпретировать и оценивать ситуацию, которая допускает определенные отступления от общеустановленного порядка производства соответствующих следственных и процессуальных действий.

Исключительность ситуации, с которой закон связывает возможность на некие отступления от установленных общих условий можно свести к двум разновидностям. Во-первых, к неотложности ситуации, которая складывается в связи с «исключительностью случая» или в связи с возникновением «случая, не терпящего отлагательства» (ст. 100 ч.1, ст. 108 ч. 1, ст. 109 ч. 3, ст. 113 ч. 5, ст. 162 ч. 5, ст. 164 ч. 3, ст. 165 ч. 5, ст. 166 ч. 9, ст. 179 ч.1 УПК РФ). Во-вторых, к ситуациям, обуславливающим невозможность проведения следственного действия в обыч-

ном, предусмотренном законом порядке (ст. 92 ч. 4, ст. 170 ч. 3, ст. 177 ч. 3, 6, ст. 193 ч. 5, 6, ст. 217 ч. 1).

Составление какого-либо закрытого перечня исключительных случаев невозможно в принципе, хотя такие попытки предпринимаются неоднократно. В то же время, каждый случай усмотрения, применяемый правоприменителем, связанный с признанием ситуации исключительной и в связи с этим, допускающим определенные отступления и исключения от общеустановленного порядка осуществления процессуальных действий, должен быть мотивирован в соответствующем процессуальном акте.

Только это предопределяет возможность проверки обоснованности принятого субъектом усмотрения решения о таком характере сложившейся ситуации и его действия по ее разрешению. П. А. Лупинская, верно замечает, «усмотрение» суда, следователя или прокурора, которое в дозволенных границах является одним из способов реализации права, должно в своей основе иметь убеждение лица, которое применяет закон, в правильности вынесенного решения. Далее П. А. Лупинская подчеркивает, что такое убеждение должно быть сформировано на основе установленных фактических обстоятельств дела и указанных в законе назначений деятельности и целей данного решения⁵.

Пристатейный библиографический список

1. Баев О. Я., Баев М. О. Злоупотребление правом в досудебном производстве по уголовным делам. М.: Проспект, 2015.
2. Барак А. Судейское усмотрение. М., 1999.
3. Берг Л. Н. Судебное усмотрение и его пределы (общетеоретический аспект): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2008.
4. Лупинская П. А. Решения в уголовном судопроизводстве: теория, законодательство и практика. М.: Юристъ, 2006.
5. Шейфер С. А. Досудебное производство в России: этапы развития следственной, судебной и прокурорской власти. М., 2013.

3 Шейфер С. А. Досудебное производство в России: этапы развития следственной, судебной и прокурорской власти. М., 2013. С. 163.

4 Баев О. Я., Баев М. О. Злоупотребление правом в досудебном производстве по уголовным делам. М.: Проспект, 2015. С. 81-87.

5 Лупинская П. А. Решения в уголовном судопроизводстве: теория, законодательство и практика / М.: Юристъ, 2006. С. 144.

КОРЕПАНОВА Елена Александровна

старший преподаватель кафедры уголовного права и прокурорского надзора Пермского государственного национально-исследовательского университета

К ВОПРОСУ О СПОСОБЕ ХИЩЕНИЯ БЕЗНАЛИЧНЫХ, ЭЛЕКТРОННЫХ ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ

В статье исследуется вопрос о взаимосвязи предмета и способа совершения преступления. Автор доказывает, что для хищения безналичных и электронных денежных средств всегда характерен тайный способ совершения преступления, за исключением случаев, когда решение о переводе денежных средств принимает сам потерпевший. Также обосновывается необходимость декриминализации состава, предусмотренного ст. 159.3 УК РФ (мошенничество с использованием платежных карт).

Ключевые слова: криптовалюта, безналичные денежные средства, электронные денежные средства, обман, способ совершения преступления.

KOREPANOVA Elena Aleksandrovna

senior lecturer of Criminal law and prosecutor's supervision sub-faculty of the Perm State National Research University

Корепанова Е. А.

ON THE ISSUE OF THE THEFT OF NON-CASH, ELECTRONIC MONEY

The article explores the question of the relationship between the subject and the method of committing a crime. The author proves that the secret method of committing a crime is always characteristic for the theft of non-cash and electronic money, except for cases when the decision on the transfer of funds is taken by the victim himself. Also, the necessity of decriminalization of the composition provided for in Art. 159. 3 of the Criminal Code (fraud using payment cards) is substantiated.

Keywords: crypto currency, non-cash funds; electronic funds; deceit; way of committing a crime.

Учение о способе совершения преступления всегда представляло интерес для ученых в уголовном праве, ведь закономерно, что «старые» преступления постоянно модифицируются преступниками при помощи изобретения именно новых способов совершения преступления. Особо актуальным становится этот вопрос при исследовании посягательств на криптовалюту и недавно появившиеся виды имущества, такие как безналичные, электронные денежные средства.

Несмотря на достаточное количество работ по данной теме¹, в научной литературе единого понятия способа совершения преступления по настоящее время не выработано. А. Ф. Парфенов определяет способ совершения преступления как ту форму, в которой выразились общественно опасные действия, те приемы и методы, которые использовал преступник для совершения преступления². Аналогичного мнения придержи-

живается Н. Ф. Михайлов: «Способ совершения преступления представляет собой внешнюю форму преступного поведения, состоящую из совокупности приемов, определенного порядка, последовательности движений и действий, используемых лицом в процессе осуществления им общественно опасного посягательства на охраняемые уголовным законом общественные отношения»³.

Иное понятие предлагает С. В. Шиловский: «Способ совершения преступления как признак состава преступления – это предусмотренное законом деяние дополнительного, служебного характера по отношению к основному преступному деянию, совершаемое для содействия последнему и существенно влияющее на его общественную опасность либо придающее ему данное свойство»⁴. Безусловно, способ совершения преступления немислим без общественно опасного деяния, поскольку он не существует вне его. По своей сути способ является характеристикой деяния, он образует его составную часть. Однако способ совершения преступления отвечает на вопрос: как совершается и что используется при совершении преступления, тогда как деяние – на вопрос: что совершается⁵. Представляется, что способ позволяет уточнить границы общественно опасного деяния, дополнительно описывая его признаки. Так, хищение характеризуется изъятием и (или) обращением⁶, при этом при помощи способа совершения пре-

1 См., например: Панов Н. И. Способ совершения преступления и уголовная ответственность. Издательство при Харьковском государственном университете издательского объединения «Вища школа». Харьков. 1982. С. 22; Якубович О. Р. Способ совершения преступления и его уголовно-правовое значение: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. С. 1; Карабанова Е. Н. Совершение преступления как способ мошенничества // Уголовное право. 2015. № 5. С. 45-47; Дубовик П. М. Криминологическая характеристика способов совершения преступления, предусмотренного статьей 159 Уголовного кодекса РФ // Современное право. 2015. № 11. С. 123-125; Шкеле М. В. Способ совершения преступления и его уголовно-правовое значение: дис. ... канд. юрид. наук. Санкт-Петербург, 2001. 239 с.; Шиловский С. В. Способ совершения преступления как признак уголовно-наказуемого деяния и дифференцирующее средство: дисс. ... канд. юрид. наук. Архангельск, 2014. 231 с.; Михайлов Н. Ф. Способ совершения преступления и его уголовно-правовое значение: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. 243 с.

2 Парфенов А. Ф. Общее учение об объективной стороне преступления: дис. ... канд. юрид. наук. Санкт-Петербург, 2004. С. 135.

3 Михайлов Н. Ф. Способ совершения преступления и его уголовно-правовое значение: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. С. 68.

4 Шиловский С. В. Способ совершения преступления как признак уголовно-наказуемого деяния и дифференцирующее средство: дис. ... канд. юрид. наук. Архангельск, 2014. С. 165.

5 Козлов А. П. Понятие преступления. СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. С. 206.

6 См. подробнее: Лопашенко Н. А. Энциклопедия уголовного права. Т. 18. Преступления против собственности. СПб ГКА. СПб., 2011. С. 98 – 105.

ступления (открытый, тайный, обман и т.д.) описываются дополнительные признаки этого деяния.

Детерминантой использования виновным того или иного способа совершения преступления может выступать предмет преступления⁷. Например, для воздействия на компьютерную информацию насильственный способ совершения преступления (общеопасный, с особой жестокостью, и т.д.) не принесет необходимого результата. Способ совершения преступления должен быть способен оказать воздействие на предмет. Так, приведение в негодность предметов материального мира возможно только физическими способами совершения преступления (например, разрушение, повреждение). Следовательно, при совершении хищения специфика имущества может влиять и на выбор лицом способа совершения преступления.

Говоря о противоправных посягательствах на безналичные либо электронные денежные средства, отметим, что эти предметы преступлений имеют специфику. Во-первых, они не относятся к вещам, а являются правами требования. Во-вторых, они существуют только в рамках платежной системы, то есть переход прав на них осуществляется исключительно третьими лицами, а правом на распоряжение данными предметами обладает лишь владелец специальных средств платежа (платежные карты, электронные кошельки, мобильные устройства и т.д.). В-третьих, они не являются информацией⁸.

Анализ судебной практики показал, что правоприменители при квалификации преступлений, предметом которых выступают безналичные, электронные денежные средства, в большинстве случаев выделяют либо обман, либо тайный способ совершения преступления, при этом они не всегда последовательны. Например, квалифицируя посягательства на безналичные денежные средства путем оплаты товаров чужой банковской картой, Кировский районный суд г. Перми при схожем механизме совершения преступления по-разному определил способ хищения.

Б. предложил К. зарабатывать денежные средства по сети «XXX» путем «раскрутки сайтов», пояснив К., что тому для этой работы необходимо оформить на свое имя дебетовую карту. К. оформил карту и передал ее Б. В. в тот же день, пользуясь неустановленным устройством самообслуживания (банкоматом), подключил к лицевому счету дебетовой карты, принадлежащей К., услугу «XXX», которую также присоединил к имеющейся в его распоряжении сим-карте. Затем Б., используя неустановленное программируемое электронное устройство, способное обрабатывать данные (компьютер либо сотовый телефон), посредством сети «XXX» и услуги «XXX» подключился к учетной записи (личному кабинету) дистанционного банковского обслуживания, которое было предоставлено К. к лицевому счету его сберегательной книжки. Далее без ведома К. Б. дистанционно совершил операции по перечислению денежных средств, принадлежащих К., с вышеуказанного счета на счет, закрепленный за дебетовой картой К. Продолжая преступные действия, Б., без ведома К., совершил операции по перечислению денежных средств, принадлежащих К., с его счета на свой расчетный счет. Затем Б. распорядился денежными средствами К. по своему усмотрению. Кроме того, Б., после перечисления денежных средств путем безналичного перевода с лицевого счета на имя К., расплачивался картой за приобретаемый им товар в различных магазинах; снимал с лицевого счета на имя К. денежные средства⁹. Суд посчитал,

что во всех трех случаях способ совершения преступления был тайным, поскольку, несмотря на то, что Б. путем обмана получил доступ к счету потерпевшего, К. не давал разрешения использовать принадлежащие ему денежные средства.

По другому делу Кировский районный суд г. Перми иначе определил способ совершения преступления и квалифицировал действия Ш. по ч. 2 ст. 159.3 УК РФ, как мошенничество с использованием платежных карт. Суть дела: Ш., имея умысел на хищение чужого имущества, воспользовавшись тем, что за его действиями никто не наблюдает, взял банковскую карту, принадлежащую Л. Продолжая свои преступные действия, при помощи похищенной банковской карты он приобретал товар в различных магазинах¹⁰.

Таким образом, при одном механизме преступного посягательства, с использованием схожих приемов и методов совершения преступления, суды по-разному квалифицируют действия виновных и определяют способ совершения преступления.

Отметим, что Верховный суд РФ однозначно относит безналичные и электронные денежные средства к предмету хищения, при этом указывая, что способ совершения хищения может быть различным, но так ли это¹¹? Рассмотрим возможность обмана выступать способом хищения безналичных и электронных денежных средств.

В самом общем виде под обманом следует понимать намеренное введение в заблуждение другого лица путем сообщения заведомо ложных сведений или путем умолчания о тех сведениях, который виновный обязан был предоставить¹². Как указывает Верховный суд РФ, «сообщаемые при мошенничестве ложные сведения (либо сведения, о которых умалчивается) могут относиться к любым обстоятельствам, в частности к юридическим фактам и событиям, качеству, стоимости имущества, личности виновного, его полномочиям, намерениям»¹³. Именно такое достаточно широкое определение обмана позволяет, на первый взгляд, говорить о нем, как о способе изъятия безналичных и электронных денежных средств.

Обращаем внимание, что в таких составах, как мошенничество в сфере кредитования (ст. 159.1 УК РФ), мошенничество при получении выплат (ст. 159.2 УК РФ), мошенничество в сфере страхования (ст. 159.5 УК РФ), предмет преступления не выступает детерминантой для способа совершения преступления, поскольку решение о предоставлении лицу фиатных денег либо безналичных и электронных денежных средств принимает сам потерпевший, а для виновного форма денег не имеет существенного значения. В данных составах безналичные и электронные денежные средства не являются единственным предметом преступления. Аналогично можно говорить и о преступлениях, в которых лицо при помощи обмана воз-

-perm.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=172696184&delo_id=1540006&new=0&text_number=1&case_id=133106775 (дата обращения: 21.01.2017 г.).

- 10 Приговор Кировского района суда г. Перми по делу № 1-215/2016. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://kirov--perm.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=122164453&delo_id=1540006&new=0&text_number=1&case_id=110114273 (дата обращения: 20.12.2016 г.).
- 11 О судебной практике по делу о мошенничестве, присвоении и растрате: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации, 30.11.2017, № 48, п. 5 // Российская газета. № 280. 11.12. 2017.
- 12 Шумихин В. Г. Квалификация преступлений, совершаемых способом насилия. Шестой Пермский конгресс ученых юристов (г. Пермь, 16-17 октября 2015 г.): избранные материалы // Статут. М., 2016. С. 432.
- 13 О судебной практике по делу о мошенничестве, присвоении и растрате: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации, 30.11.2017, № 48, абз. 2 п. 2 // Российская газета. № 280. 11.12. 2017.

7 Отметим, что детерминантами могут выступать и иные элементы состава преступления, например, объект, субъект, потерпевший, и др.

8 См. подробнее: Корепанова Е. А. К вопросу о безналичных денежных средствах как предмете преступлений // Пробелы в российском законодательстве. № 6. 2017. С. 24-28.

9 Приговор Кировского районного суда г. Перми по делу № 1-348/2015 от 03.12.2015. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://kirov--perm.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=172696184&delo_id=1540006&new=0&text_number=1&case_id=133106775

действует на потерпевшего, который также самостоятельно, но действуя под влиянием обмана, принимает решение о переводе безналичных либо электронных денежных средств на счет преступника. Во всех приведенных случаях потерпевший, желая передать безналичные и электронные денежные средства виновному, отдает банку внешне законное распоряжение о перечислении денежных средств. Воля клиента банка / оператора платежной системы не подменяется, а значит, в данном случае не предмет преступления, а личность потерпевшего определяет способ совершения преступления, которым и является обман. Следовательно, в тех случаях, когда потерпевший сам принимает решение о передаче денежных средств, в том числе безналичных либо электронных, способом совершения преступления действительно выступает обман.

Безналичные и / или электронные денежные средства в специальных составах мошенничества являются обязательным предметом преступления только в мошенничестве с использованием платежных карт (ст. 159.3 УК РФ) и в составе мошенничества в сфере компьютерной информации (ст. 159.6 УК РФ). Следовательно, необходимо проанализировать: а может ли обман в данных составах преступления в действительности быть способом совершения преступления, т.е. фактически обуславливать переход денежных средств от потерпевшего к виновному.

Представляется, что обман не может выступать в качестве способа, непосредственно обуславливающего переход прав требования на безналичные и электронные денежные средства, в составе мошенничества с использованием платежных карт¹⁴. Уполномоченный сотрудник, о котором говорится в ст. 159.3 УК РФ, в реальной жизни не удостоверяет полномочия держателя электронного средства платежа, вместо него решение об одобрении платежной операции принимает оператор платежной системы (компьютерная система). Такая система при проведении транзакции проверяет платежную карту на платежеспособность и отсутствие блокировки. Следовательно, обман в указанном случае выступает лишь способом облегчения доступа к платежному терминалу, при помощи которого и можно совершить хищение безналичных, электронных денежных средств.

Мы разделяем позицию ученых¹⁵, которые считают, что обман в отношении компьютерной системы не возможен, поскольку она лишена психической составляющей, а именно сознания и воли к осуществлению действий. В связи с этим справедливым представляется мнение Р. А. Сабитова, что «нельзя признать обманом действия, не связанные с влиянием на психику другого лица, например опускание в кассы-автоматы вместо денег металлических или иных предметов, хищение денежных средств путем использования похищенной кредитной (расчетной) карты, когда их выдача осуществлялась посредством банкомата»¹⁶. Компьютерные программы действуют по заложенному в них алгоритму. У компьютерных систем при совершении определенных действий нет варианта сомневаться в подлинности держателя платежной карты, в случае правильности введения пин-кода, кода из смс-уведомления,

подтверждения отпечатком пальца, сканировании телефона либо путем подтверждения иным способом личности держателя электронного средства платежа. При правильном использовании электронного средства платежа банк или оператор платежной системы не могут отказать в операции. В связи с этим справедливо отмечает В. В. Хиллота: «выдаваемые ЭВМ команды и документы ничем не отличаются от подлинных по форме, являясь фальшивыми по сути»¹⁷. Представляется, что «приобретение» безналичных, электронных денежных средств виновным возможно только путем манипуляций с техническими средствами, электронными средствами платежа, применение которых автоматически исключает такой способ, как обман.

В связи с этим представляется неоправданной квалификация по следующему уголовному делу. «Б. и В. изготовили 252 фальшивые купюры номиналом 1000 рублей с явным несоответствием подлинным и передали их Р., К. и Е., которые вносили их в терминалы банков и перечисляли на счета мобильных телефонов, тем самым обманывая электронные программы банка и системы защиты банковских терминалов относительно подлинности денежных знаков. Затем Р., К. и Е. списывали денежные средства с указанных счетов, тем самым причинив значительный ущерб банку. Октябрьский районный суд г. Саратова квалифицировал их действия по ч.3 ст. 159 УК РФ, как мошенничество, то есть хищение чужого имущества путем обмана, совершенное группой лиц по предварительному сговору, в крупном размере»¹⁸. На основании того, что обмануть можно человека, но не банковский терминал, который лишен сознанием и волей к осуществлению действий, суд ошибочно квалифицировал данные действия как мошенничество.

Таким образом, обман не является способом посягательства на безналичные, электронные денежные средства, в случае если не сам потерпевший определяет форму их передачи виновному. Посягательства на безналичные, электронные денежные средства возможны только при использовании лицом, совершающим преступление, технических средств, устройств, чужого или поддельного электронного средства платежа, применение которых автоматически исключает обман как способ совершения преступления.

Платежные карты – это только один, хотя и самый распространенный вид электронных средств платежа, позволяющий распоряжаться безналичными и электронными денежными средствами. За рамками состава мошенничества, совершаемого с использованием платежных карт, осталось применение таких технических средств и устройств, как смартфоны с установленной системой Apple pay либо Samsung pay, которые применяются населением в той же мере, что и платежные карты. В связи с указанным, специальный состав мошенничества является казуистичной нормой, которая не может существовать в условиях современной правовой системы, следовательно, состав мошенничества с использованием платежных карт необходимо исключить из УК РФ.

Что касается состава, предусмотренного ст. 159.6 УК РФ, то обман в «традиционном» смысле не может выступать в качестве способа для данного преступления¹⁹. Во-первых, как было сказано раньше, обман не может воздействовать на компью-

14 См. подробнее: Боровых Л. В., Корепанова Е. А. Направленность обмана в составе мошенничества с использованием платежных карт // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2016. Вып. 1 (31). С. 98-104.

15 См., например: Хиллота В. В. Формы хищения в доктрине уголовного права: монография. М.: Юрлитинформ, 2014. С. 472; Сабитов Р. А. Понятие и признаки криминального обмана // Уголовное право. 2015. № 5. С. 86-89. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: Справ.-правовая система «КонсультантПлюс».

16 Сабитов Р. А. Понятие и признаки криминального обмана // Уголовное право. 2015. № 5. С. 86-89. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: Справ.-правовая система «КонсультантПлюс».

17 Хиллота В. В. Формы хищения в доктрине уголовного права: монография. М.: Юрлитинформ, 2014. С. 473.

18 Приговор от 04.02.2016 по делу № 1-13/2016 Октябрьский районный суд г. Саратова. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://oktyabrsky-sar.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=15402990&delo_id=1540006&new=0&text_number=1 (дата обращения: 07.01.2017 г.).

19 Состав, предусмотренный ст. 159.6 УК РФ, является специальным по отношению к мошенничеству (ст. 159 УК РФ), в связи с чем их признаки должны совпадать.

терную систему, поскольку она лишена психической составляющей. Во-вторых, авторы Федерального закона от 29.11.2012 № 207-ФЗ в пояснительной записке к законопроекту указывают, что для состава ст. 159.6 УК РФ не характерен такой способ преступления, как обман или злоупотребление доверием конкретного субъекта²⁰. В диспозиции ст. 159.6 УК РФ упомянут специфичный способ совершения хищения – ввод, удаление, блокирование, модификация компьютерной информации либо иное вмешательство в функционирование средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации или информационно-телекоммуникационных сетей. Представляется, что он не является разновидностью обмана, а относится к тайному способу совершения преступления. Как пишет В. В. Хилюта: «Суть хищения, совершаемого с использованием средств электронной техники, состоит в модификации автоматизированной обработки данных компьютерной системы, в результате чего происходит воздействие на результат вводимой и выводимой информации и, как следствие этого, видоизменяется информация о переходе имущества либо прав на имущество собственника или иного законного владельца»²¹. В данном составе преступления потерпевший либо иные лица также не участвуют в механизме хищения, а следовательно, для них способ совершения является тайным, что подтверждает присутствие в действиях виновного объективного критерия тайности. Лицо, совершающее преступление, избирает такой прием для совершения преступления, чтобы остаться незамеченным, не разоблаченным, в связи с чем можно утверждать и о наличии субъективного критерия тайности. Ввод, удаление, модификация компьютерной информации, или иное вмешательство в функционирование средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации или информационно-телекоммуникационных сетей, по нашему мнению, охватываются тайным способом хищения.

В рамках исследования вопроса о способе совершения хищения безналичных и электронных денежных средств достаточно интересным представляется дело, рассмотренное Карагайским районным судом Пермского края. Т. совершила кражу чужого имущества с причинением значительного ущерба гражданину при следующих обстоятельствах. Т. и М. совместно распивали спиртные напитки в квартире К. После того, как спиртное закончилось, М. передал Т. свою банковскую карту и сообщил Т. пин-код карты для того, чтобы последняя при помощи данной карты приобрела спиртные напитки. Т., воспользовавшись банкоматом, несколько раз сняла денежные средства в сумме XXX рублей, принадлежащие М., и распорядилась ими по своему усмотрению. Через некоторое время Т., оплачивая товары и снимая денежные средства в банкомате, совершила еще несколько эпизодов хищения денежных средств с платежной карты, принадлежащей М. Карагайский районный суд Пермского края квалифицировал действия Т. по п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ. В мотивировочной части суд указал, что действия Т., связанные с хищением денежных средств с банковской карты потерпевшего М., образуют единое продолжаемое преступление, включая случаи как личного снятия Т. денежных средств с карты в банкоматах, так и случаи оплаты Т. товара в магазинах, поскольку все действия, связанные с хищением денег с банковской карты, подсудимая совершила за непродолжительное время, в один день; фактически каких-либо действий по обману представителя торговых организаций при оплате по карте она не совершала, что следует

из показаний кассиров²². Таким образом, при продолжаемом преступлении суды квалифицируют способ преступления как тайный.

Тайный способ совершения преступления подробно изучен в трудах, посвященных краже²³. Сущность тайного способа «(как объективно, так и субъективно) выражается в том, что вор стремится избежать какого бы то ни было контакта с собственником (владельцем) имущества либо с иными лицами, которые могут воспрепятствовать преступлению или изобличить преступника»²⁴. Аналогичной позиции придерживается и Пленум Верховного суда РФ²⁵. В связи с этим вполне справедливо отмечает Б. Д. Завидов, что тайное изъятие имущества происходит без согласия, воли и ведома собственника²⁶. В преступлениях, предметом которых выступают безналичные и электронные денежные средства, лицо, совершающее преступление, также всегда действует незаметно, скрыто от потерпевшего, поскольку оплата товаров, работ и услуг, перевод денежных средств осуществляется без участия законного держателя электронного средства платежа. А если оплата происходит в присутствии уполномоченного представителя торговой, кредитной или иной организации, то лицо, совершающее преступление, рассчитывает на отсутствие осознания противоправности его действий лицом, присутствующим при незаконном переводе денежных средств²⁷.

Согласимся с позицией Верховного суда РФ, что независимо от способа получения доступа к учетным данным держателя электронного средства платежа способ совершения преступления является тайным²⁸. Законный держатель электронного средства платежа во всех случаях незаконного приобретения виновным права на них не участвует в механизме совершения преступления. Неосведомленность законного держателя платежного инструмента о совершении финансовой операции с безналичными / электронными денежными средствами, а также отсутствие осознания другими лицами противоправности действий лица делают способ совершения исследуемого нами преступления тайным.

Сущность тайного способа хищения безналичных и электронных денежных средств заключается в том, что лицо, не взаимодействуя с потерпевшим и другими лицами, распоряжается правом требования держателя электронного средства платежа, тем самым совершая незаконное приобретение

20 Пояснительная записка «К проекту Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и иные законодательные акты Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

21 Хилюта В. В. Формы хищения в доктрине уголовного права: монография. М.: Юрлитинформ, 2014. С. 474.

22 Приговор по делу № 1-61/2016 от 15.06.2016. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://karagai-perm.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=170152976&delo_id=1540006&new=0&text_number=1&case_id=162093606 (дата обращения: 28.01.2016 г.).

23 См., например: Бойцов А. И. Преступления против собственности. СПб.: Издательство «Юридический Пресс», 2002. 775 с.; Лопашенко Н. А. Преступления против собственности: теорет.-приклад. исслед. М.: ЛексЭст, 2005. 408 с.; Завидов Б. Д. Кража. Уголовно-правовой анализ диспозиции состава преступления, предусмотренного ст. 158 УК РФ: Практическое пособие. М.: «Издательство ПРИОР», 2002. 32 с.; Хилюта В. В. Формы хищения в доктрине уголовного права: монография. М.: Юрлитинформ, 2014. С. 18-57.

24 Хилюта В. В. Формы хищения в доктрине уголовного права. М.: Юрлитинформ, 2014. С. 27.

25 См.: О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.12. 2002 № 29 (ред. от 16.05.2017) // Российская газета. № 9. 18.01.2003.

26 Завидов Б. Д. Кража. Уголовно-правовой анализ диспозиции состава преступления, предусмотренного ст. 158 УК РФ: Практическое пособие. М.: «Издательство ПРИОР», 2002. С. 15.

27 Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.12. 2002 № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» п. 4 (ред. от 16.05.2017) // Российская газета. № 9. 18.01.2003.

28 Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30.11.2017 № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате», п. 21 // Российская газета. № 280. 11.12. 2017.

прав требования на безналичные либо электронные денежные средства. Такое понимание сущности способа совершения преступного посягательства на безналичные и электронные денежные средства дает основание выделить следующие возможные разновидности тайного способа:

Использование чужого электронного средства платежа. Лицо пользуется чужой платежной картой, мобильным телефоном, онлайн-банкингом и иными платежными инструментами для незаконного приобретения права на денежные средства.

В литературе ряд авторов выделяют введение идентификационных данных как самостоятельный способ совершения преступления. Представляется, что введение чужих идентификационных данных включается в названный способ совершения преступления. Дифференциацию способов совершения преступления имеет смысл проводить только в том случае, если они имеют существенные отличия, либо у них разный уровень общественной опасности. Электронное средство платежа не сводится только к материальным предметам, оно представляет собой, в том числе, и последовательность действий, необходимых для совершения операции, что не исключает такой способ, как введение чужих идентификационных данных. В случае, когда мы оплачиваем товары и услуги и вводим чужие идентификационные данные, мы используем чужое электронное средство платежа.

Подделка электронного средства платежа. Подделка является достаточно распространенным способом совершения преступления. При этом способе незаконного приобретения права на денежные средства лицо не изменяет объем прав требования законного держателя электронного средства платежа. Оно либо копирует идентификационные данные с платежной карты и переносит их на другую, либо копирует их на новую карту; тем самым компьютерная программа, авторизующая держателя, считывает поддельное электронное средство платежа как настоящее. Иными словами, суть такого способа заключается в подделке законного электронного средства платежа.

Представляется, что подделка электронного средства платежа может быть полной либо частичной, т.е. заменена может быть только часть электронного средства платежа, например, пин-код, переоформления своих данных на чужие данные (фамилия и имя владельца карты).

Вмешательство в функционирование средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации или информационно-телекоммуникационных сетей.

По сути, это разновидность тайного способа совершения преступления, поскольку лицо проникает в информационную среду, где осуществляются различные операции с безналичными и электронными денежными средствами, не взаимодействуя с потерпевшим либо третьими физическими лицами. При совершении преступления путем вмешательства в функционирование средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации или информационно-телекоммуникационных сетей присутствует субъективный и объективный критерий тайности.

Таким образом, для совершения изъятия и (или) обращения безналичных или электронных денежных средств характерен тайный способ совершения преступления, который имеет следующие разновидности: 1) с использованием чужого электронного средства платежа, 2) с использованием поддельного электронного средства платежа, 3) путем ввода, удаления, блокирования, модификации компьютерной информации либо иного вмешательства в функционирование средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации или информационно-телекоммуникационных сетей. Обман при хищении безналичных и электронных денежных средств является способом совершения преступления в том случае,

когда решение о переводе денежных средств принимает сам потерпевший.

Пристатейный библиографический список

1. Дубовик П. М. Криминологическая характеристика способов совершения преступления, предусмотренного статьей 159 Уголовного кодекса РФ // Современное право. 2015. № 11. С. 123-125.
2. Завидов Б. Д. Кража. Уголовно-правовой анализ диспозиции состава преступления, предусмотренного ст. 158 УК РФ: Практическое пособие. М.: «Издательство ПРИОР», 2002. 32 с.
3. Карабанова Е. Н. Совершение преступления как способ мошенничества // Уголовное право. 2015. № 5. С. 45-47.
4. Козлов А. П. Понятие преступления. СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. 819 с.
5. Михайлов Н. Ф. Способ совершения преступления и его уголовно-правовое значение: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. 243 с.
6. Панов Н. И. Способ совершения преступления и уголовная ответственность. Издательство при Харьковском государственном университете издательского объединения «Вища школа». Харьков. 1982. 161 с.
7. Парфенов А. Ф. Общее учение об объективной стороне преступления: дис. ... канд. юрид. наук. Санкт-Петербург, 2004. 428 с.
8. Сабитов Р. А. Понятие и признаки криминального обмана // Уголовное право. 2015. № 5. С. 86-89.
9. Хилюта В. В. Формы хищения в доктрине уголовного права. М.: Юрлитинформ, 2014. 528 с.
10. Шиловский С. В. Способ совершения преступления как признак уголовно-наказуемого деяния и дифференцирующее средство: дис. ... канд. юрид. наук. Архангельск, 2014. 231 с.
11. Шкеле М. В. Способ совершения преступления и его уголовно-правовое значение: дис. ... канд. юрид. наук. Санкт-Петербург, 2001. 239 с.
12. Шумихин В. Г. Квалификация преступлений, совершаемых способом насилия. Шестой Пермский конгресс ученых юристов (г. Пермь, 16-17 октября 2015 г.): избранные материалы // Статут. М., 2016. 448 с.

ГОЛЬБЕРГ Кристина Александровна

аспирант кафедры уголовного права и криминологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова

ПОНЯТИЕ И ОСОБЕННОСТИ ЦЕЛЕЙ НАКАЗАНИЙ, НЕ СВЯЗАННЫХ С ИЗОЛЯЦИЕЙ ОТ ОБЩЕСТВА

Статья посвящена телеологической характеристике наказаний, не связанных с изоляцией от общества. В ней обосновывается тезис о наличии особенностей целей этого вида наказаний, формулируется их дефиниция. Автор приходит к выводу о том, что наказания, не связанные с изоляцией от общества, более эффективно достигают установленных законом целей, нежели наказания, связанные с изоляцией от общества.

Ключевые слова: цели наказаний, цели наказаний, не связанных с изоляцией от общества, социальная справедливость как цель наказаний, не связанных с изоляцией от общества, исправление и перевоспитание мерами наказаний, не связанных с изоляцией от общества.

GOLBERG Kristina Aleksandrovna

postgraduate student of Criminal law and criminology sub-faculty of the M. V. Lomonosov Moscow State University

CONCEPT AND FEATURES OF THE PURPOSES OF PUNISHMENTS NOT CONNECTED WITH ISOLATION FROM SOCIETY

The article is devoted to the teleological characterization of punishments which are not connected with isolation from society. It substantiates the thesis of the existence of peculiarities of the purposes of this type of punishment, formulates their definition. The author concludes that punishments not connected with isolation from society more effectively achieve the purposes established by the law, than punishments connected with isolation from society.

Keywords: aims of punishment, aims of punishment not connected with isolation from society, social justice as a purpose of punishment not connected with isolation from society, correction and re-education by measures of punishment not connected with isolation from society.

Проблема целей наказания – одна из центральных в уголовно-правовой теории. Как верно отмечает А. И. Фатхутдинов, на целях уголовной ответственности и наказания, так или иначе, но замыкаются все вопросы механизма уголовно-правового воздействия¹.

Понятие цель обладает субъективно-объективной природой и оно диалектически связано со средствами своего достижения².

В соответствии с нормами уголовного права, наказание применяется в целях восстановления социальной справедливости, а также в целях исправления осужденного и предупреждения совершения новых преступлений (ч. 2 ст. 43 УК РФ). Из содержания и логики ст. 43 УК РФ следует, что цели наказания законодатель связывает с мерой государственного принуждения, которая, в свою очередь и подлежит применению к виновно совершившему преступление. Таким образом, правильно полагать, что формулируя содержание ст. 43 УК РФ законодатель исходил из того, что количество и виды, а также особенности целей наказания отражают собой как меру наказания, так и её основание – виновно совершенное преступление. Иными словами, цели наказания – это сообразная их природе форма выражения диалектики преступления и наказания. В этом аспекте цели выступают в роли официально признанного показателя должной соотносимости меры наказания тяжести совершенного преступления. И уже только по этой причине трудно понять тех авторов, которые пытаются

либо вывести цели наказаний за пределы категорий «преступление» и «наказание»³, либо считают необходимым изъять из уголовного законодательства само понятие «цели наказаний»⁴.

Ю. М. Ткачевский определяет цель наказания как тот результат, который определен в законе⁵. В. В. Крюков считает, что «цель уголовного наказания - это предвосхищаемый, идеальный, конечный результат, достижение которого государство ставит перед собой и всеми своими гражданами, руководствуясь сложившейся социально-экономической обстановкой и уголовно-правовой политикой, устанавливая, назначая и исполняя уголовное наказание»⁶.

Исходя из содержания ч. 2 ст. 43 УК РФ представляется, что цель наказания определяется как достигаемое через установления в законодательстве и применение мер карательного воздействия на правовой статус лица, которое виновно в со-

1 Фатхутдинов А. И. Цели наказания и правовое регулирование механизма их достижения по УК РФ. Автореферат дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2003. С. 3.

2 См.: Трубников Н. Н. О категориях «цель», «средство», «результат». М., 1986. С. 14-15.

3 Например, М. В. Кирюшкин пишет: «Во-первых, цель применения кем-либо некоторого средства никоим образом не характеризует это средство как явление. Факт применения государством наказания и цели такого применения характеризуют социальную политику этого государства, а не само наказание. Во-вторых, цели применения наказания - вопрос дискуссионный. И обсуждать его можно, лишь оперируя характерными свойствами наказания, в связи с чем нецелесообразно включать в число таких свойств и цели». См.: Кирюшкин М. В. Социальная обусловленность уголовного наказания. Дис. ... канд. юрид. наук. М.: Екатеринбург, 1999. С. 45.

4 См.: Уголовное право на современном этапе. Проблема преступления и наказания / Под ред. Н. А. Беляева, В. К. Глицина и В. В. Орехова. СПб., 1992. С. 474.

5 См.: Ткачевский Ю. М. Восстановление социальной справедливости - цель уголовного наказания и Уголовно-исполнительный кодекс РФ // Вестник Моск. ун-та. Сер. 11. Право. 1998. №6. С.20.

6 Крюков В. В. Цели уголовного законодательства: понятие, виды, механизмы достижения. Автореферат дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2018. С. 9-10.

вершении преступления, исправление осужденного и предупреждение совершения новых преступлений, а также восстановление социальной справедливости.

Это определение охватывает цели наказаний, не связанных с изолированностью от общества. При этом, как представляется, следует поддержать высказанные в научной литературе соображения о том, что в наказаниях, не связанных с изоляцией от общества, «соотношение карательного и воспитательно-го моментов характеризуется существенным преобладанием второго, когда осужденный не изымается из привычной среды и не лишается налаженных социальных связей, дающих возможность отождествлять себя с другими членами общества»⁷, что данные различия, в том числе, которые включают в себя и особенность действия различных мер наказаний, существенным образом влияют на достижение соответствующих целей⁸.

В свою очередь социальная справедливость, как цель наказания, достигается возложением на виновного в совершении преступления справедливого наказания. В свою очередь, исполнение справедливого приговора также должно осуществляться на началах справедливости и подчиняться целям наказания, в том числе и цели восстановления социальной справедливости.

Кроме того, как отмечает З. А. Астемиров, «восстановление социальной справедливости может иметь место тогда, когда по каждому уголовному делу конфликт сторон (потерпевший, виновное лицо), который выражен в преступлении, разрешается на справедливых началах, воздавая должное каждой из сторон конфликта, в известной мере «примиряя» их; виновное лицо должно получить свою справедливую кару за содеянное и принудительное побуждение к возмещению причиненного ущерба, а потерпевший - удовлетворение в моральном, материальном плане и, если требуется по характеру преступления, физическое восстановление»⁹.

Этому, пока еще во многом сугубо уголовно-теоретическому положению, в большей степени соответствуют наказания, не связанные с изоляцией от общества, поскольку восстановление этими мерами наказания социальной справедливости, с одной стороны, предполагает обеспечение потерпевшему материального и морального удовлетворения (а эти требования в большей степени достигаются такими видами наказаний как штраф, вычет из заработной платы при исправительных работах), а с другой, – достижение соразмерности наказания характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного, так как перечень наказаний, не связанных с изоляцией от общества значительно превышает перечень наказаний, связанных с изоляцией от общества. Поэтому надо признать, что потенциально, посредством наказаний, не связанных с изоляцией от общества, можно достигнуть максимального уровня сочетания принципа справедливости наказания (ч. 2 ст. 6 УК РФ) и восстановление социальной справедливости как цели наказаний.

Анализ научной литературы, посвященной теме данной работы показал, что в подавляющем большинстве исследований предмет рассмотрения, как правило, ограничивается целями кон-

кретных видов наказаний, не связанных с изоляцией от общества. В тех же исследованиях, которые посвящены наказаниям, не связанным с изоляцией от общества, как относительно-обособленному уголовно-правовому институту, проблематика целей либо не выделена в самостоятельный сюжет произведения, либо по традиции, сводится к их конкретным видам.

С нашей точки зрения, в основном, такая ситуация объясняется двумя следующими причинами. Первая заключается в явном доминировании в судебной практике парадигмы, согласно которой, по выражению В. А. Пертли, «наказания без изоляции от общества по отношению к лишению свободы de facto имеют подчиненный характер. Это означает, что применяются они при условии, если есть возможность не назначать лишение свободы»¹⁰. Но УК РФ никак не обозначает исключительный характер наказаний, связанных с изоляцией от общества, в связи с чем они применяются всякий раз, когда у суда имеется такая возможность. Именно эта парадигма фактически блокирует восприятию судебной практикой научно обоснованных выводов о том, что расширение применения наказаний, не связанных с изоляцией от общества, это не отказ от достижения целей наказаний, а их достижение мерами более гуманного и экономически более разумного характера. Особенность второй причины состоит в том, что ни в профессиональном, ни в научном правосознании, не утвердилось должным образом понятие «наказание, не связанное с изоляцией от общества» в качестве достаточно суровой и справедливой меры кары за преступления небольшой и средней тяжести, способной обеспечить достижение целей наказания, в том числе и в случаях применения, в порядке, установленной ч. 1 ст. 64 УК РФ.

Именно эти причины привели к тому, что в науке уголовного права не уделяется должного внимания проблеме целей наказаний, не связанных с изоляцией от общества.

В целом характеризуя особенности назначения наказаний, не связанных с изоляцией от общества, следует отметить, что они в идеальной форме выражают те конечные результаты, которые государство стремится установить и применить меры по ограничению свободы, труда и имущественных прав осужденного. Следовательно, их главной отличительной чертой от целей наказания, связанных с изоляцией от общества, является восстановление социальной справедливости, исправление осужденного и предотвращение совершения новых преступлений, которые достигаются мерами исключающими лишения свободы виновного лица. Таким образом, особенность рассматриваемой цели заключается в том, что ее достижение осуществляется мерами, которые максимально минимизируют страдания осужденного.

Другой важный признак цели наказания, не связанного с изоляцией от общества, связан с ее программирующей ролью по отношению к средствам достижения. «Выбор цели, без ее соотнесения со средствами достижения пишется, - А. И. Фатхутдинов, - это своего рода «проект», так же, как и постановка цели или целей перед тем или иным социальным установлением без учета средств их достижения, является бесперспективным занятием»¹¹. При этом данная роль не исчерпывается

7 Пертли В. А. Применение уголовно-правовых мер без изоляции от общества: исторический опыт и современность. М., 2010. С.20

8 См., напр.: Николаев С. М. Повышение эффективности исполнения наказаний, не связанных с изоляцией осужденных от общества//Российская юстиция. 2011. № 10. С. 21.

9 Астемиров З. А. Проблемы теории уголовной ответственности и наказания. Махачкала, 2000. С. 68 - 69.

10 Пертли В. А. Применение уголовно-правовых мер без изоляции от общества: исторический опыт и современность. М., 2010. С. 24.

11 Фатхутдинов А. И. Цели наказания и правовое регулирование механизма их достижения по УК РФ. Автореферат дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2003. С. 15.

совокупным влиянием всех целей, как на установление, так и на применение тех или других мер наказаний, которые не связаны с изоляцией от общества, но также предполагает необходимость учета особенностей достижения отдельных целей теми, или другими видами мер данного наказания. В связи этим, представляется правильным, что разнообразные меры наказаний, которые не связаны с изоляцией от общества, в том числе обуславливается, также интересами, связанными с максимальным достижением какой-либо одной цели наказания, с учетом того, что при ее достижении неминуемо будут осуществляться и другие цели наказания.

Следующий отличительный признак наказаний, не связанных с изоляцией от общества это способность осуществлять заметно повышенное воспитательное воздействие на осужденного. Думается, что прав Ю. М. Ткачевский, когда обращает внимание на то, что кара является эффективным средством перевоспитания¹².

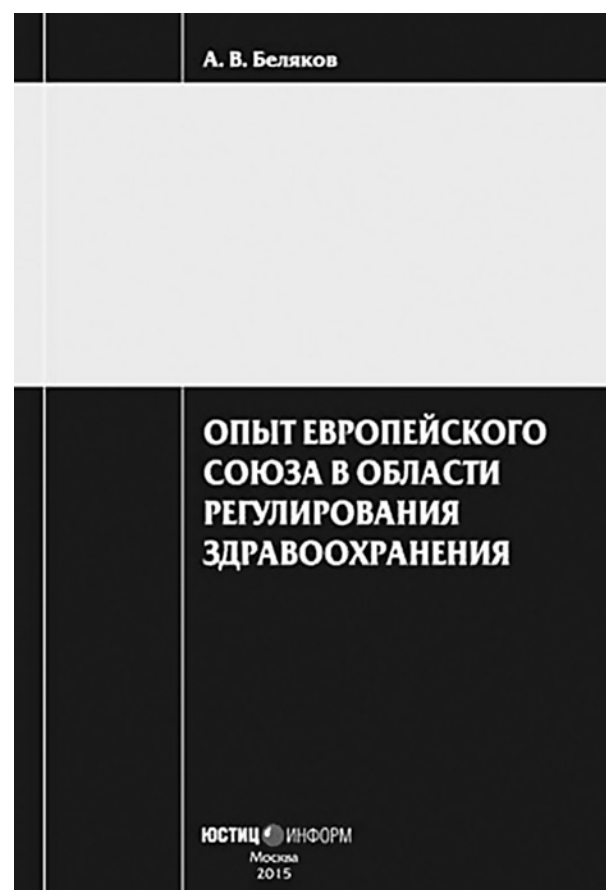
Трудно усомниться в том, что наказание, не связанное с изоляцией от общества, оказывает сильное воспитательное воздействие на осужденных, что подтверждается низким процентом рецидивной преступности среди них. В этой связи мы должны признать, что меры такого рода наказания имеют большую историческую перспективу в борьбе с преступностью по сравнению с мерами наказания, связанными с изолированностью от общества.

С точки зрения предлагаемого понимания целей наказания и особенностей целей наказания, не связанных с изоляцией от общества, последние могут быть определены как восстановление социальной справедливости, исправление осужденного и предотвращение совершения им новых преступлений, путем установления в законодательстве и применения к осужденному мер принудительно-карательного ограничения свободы, трудовых и имущественных прав осужденного.

Пристатейный библиографический список

1. Кирюшкин М. В. Социальная обусловленность уголовного наказания. Дис. ... канд. юрид. наук. М.: Екатеринбург, 1999.
2. Крюков В. В. Цели уголовного законодательства: понятие, виды, механизмы достижения. Автореферат дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2018.
3. Николаев С. М. Повышение эффективности исполнения наказаний, не связанных с изоляцией осужденных от общества // Российская юстиция. 2011. № 10.
4. Пертли В. А. Применение уголовно-правовых мер без изоляции от общества: исторический опыт и современность. М., 2010.
5. Ткачевский Ю. М. Восстановление социальной справедливости - цель уголовного наказания и Уголовно-исполнительный кодекс РФ // Вестник Моск. ун-та. Сер. 11. Право. 1998. №6.

6. Ткачевский Ю. М. Давность в советском уголовном праве. М., 1978.
7. Трубников Н. Н. О категориях «цель», «средство», «результат». М., 1986. С. 148.
8. Уголовное право на современном этапе. Проблема преступления и наказания / Под ред. Н. А. Беляева, В. К. Глистина и В. В. Орехова. СПб., 1992.
9. Фатхутдинов А. И. Цели наказания и правовое регулирование механизма их достижения по УК РФ. Автореферат дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2003.

¹² Ткачевский Ю. М. Давность в советском уголовном праве. М., 1978. С. 26.

ДЕГТЕРЕВ Андрей Александрович

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права Астраханского государственного университета

ВОСПРЕпятСТВОВАНИЕ ОСУЩЕСТВЛЕНИЮ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ ПРАВ ИЛИ РАБОТЕ ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ КОМИССИИ: СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ ТОЛКОВАНИЯ ОСНОВНОГО СОСТАВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Статья посвящена анализу признаков основного состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 141 УК РФ, относящихся к числу дискуссионных. Рассматриваются сущность воспрепятствования свободному осуществлению гражданином своих избирательных прав и права на участие в референдуме, нарушения тайны голосования, а также воспрепятствование работе избирательных комиссий, комиссий референдума либо деятельности членов указанных комиссий, связанной с исполнением им своих обязанностей. Дается новая трактовка непосредственного объекта преступления, анализируются спорные вопросы содержания субъективной стороны и т.д. Высказывается авторское мнение относительно возможности признания воспрепятствованием обнародования недостоверных сведений по итогам проведения опроса общественного мнения.

Ключевые слова: выборы, референдум, избирательные права, право на участие в референдуме, воспрепятствование, тайна голосования, член комиссии.

DEGTEREV Andrey Aleksandrovich

Ph.D. in Law, associate professor of Criminal law sub-faculty of the Astrakhan State University

VICTIMS OF THE IMPLEMENTATION OF ELECTORAL RIGHTS OR WORK OF THE ELECTORAL COMMISSIONS: DISPUTE ISSUES OF INTERPRETATION OF THE BASIC COMPOSITION OF CRIME

The article is devoted to the analysis of the characteristics of the basic structure of the crime, provided for in Part 1 of Art. 141 of the Criminal Code of the Russian Federation, which are considered debatable. The essence of the impediment to the free exercise by citizens of their electoral rights and the right to participate in a referendum, violation of the secrecy of voting, as well as obstruction of the work of election commissions, referendum commissions or the activities of members of these commissions related to the performance of their duties are considered. A new interpretation of the immediate object of the crime is given, controversial issues of the content of the subjective side are analyzed, and so on. An author's opinion is expressed regarding the possibility of recognizing the publication of unreliable information on the results of conducting a public opinion poll as preventing.

Keywords: elections, referendum, electoral rights, right to participate in referendum, obstruction, secrecy of voting, commission member.

Дегтерев А. А.

Часть 1 ст. 141 УК РФ предусматривает ответственность за ряд деяний, которые воспрепятствуют осуществлению гражданином своих избирательных прав или права на участие в референдуме.

В литературе непосредственный объект рассматриваемого преступления раскрывается, как правило, одинаково; если и имеются различия, то они не существенны, касаются частных моментов. Но при этом все определения, на наш взгляд, страдают рядом неточностей, причем независимо от подхода к установлению юридической природы деяния.

Так, Т. Д. Устинова полагает, что преступление, предусмотренное ст. 141 УК РФ, посягает «на избирательное право или право гражданина на участие в референдуме»¹. Во-первых, автор упускает из виду, что в указанной статье описаны хотя и очень близкие по своей сути, но различные по содержанию преступления: в ч. 1 говорится о воспрепятствовании осуществлению соответствующих прав, а в ч. 3 – о вмешательстве в деятельность комиссий. Во-вторых, избирательное право – полисемантическое понятие, различаются его широкая и узкая трактовки (по другим утверждениям,

имеет объективное и субъективное значение²). В первом значении выступает в качестве института конституционного права, регулирующего общественные отношения, складывающиеся при выборах Президента РФ, депутатов законодательных (представительных) органов власти Российской Федерации и ее субъектов, при выборах в исполнительные органы власти и органы местного самоуправления, а также при реализации принципов проведения выборов, при регистрации избирателей и т.д.³ Иными словами, это система норм, регулирующих порядок формирования выборных государственных и муниципальных органов. Во втором значении избирательное право рассматривается как право граждан государства избирать (активное избирательное право) и быть избранными (пассивное избирательное право)⁴. Очевидно, что практически невозможно понять, в каком из указанных трактовок избирательное право выступает объектом деяния, предусмотрен-

1 Уголовное право России. Части Общая и Особенная / отв. ред. А. И. Рапог. М., 2017. С. 357.

2 См., например: Конституционное право Российской Федерации. М., 2006. С. 391.

3 См.: Кутафин О. Е. Предмет конституционного права. М., 2011. С. 55.

4 См. об этом подробно: Черепанов В. А. Конституционное право России. М., 2016.

ного ст. 141 УК РФ⁵. Кроме того, ограничение рассматриваемого состава преступления «правом гражданина на участие в референдуме» фактически выводит за пределы действия уголовно-правовой нормы такое деяние, как воспрепятствование работе комиссий или членов комиссий.

Также достаточно неопределенно указывает непосредственный объект преступления Г.П. Новоселов. Он считает, что в качестве такового следует признавать право участвовать в управлении делами государства как непосредственно, так и через своих представителей⁶.

По мнению А. Г. Князькиной, непосредственным объектом преступления, предусмотренного ст. 141 УК РФ, выступают общественные отношения в сфере реализации предусмотренных ст. 32 Конституции РФ и рядом международных актов права избирать и быть избранным в органы государственной власти и органы местного самоуправления, а также участвовать в референдуме и совершать другие избирательные действия в порядке, установленном законодательством⁷. В этом случае вместо общественных отношений, которые терпят урон при воспрепятствовании осуществлению избирательных прав или работе избирательных комиссий, указывается сфера (область), в которой совершается это преступление.

Некоторые авторы непосредственный объект преступления, предусмотренного ст. 141 УК РФ, определяют исходя из деяния, образующего объективную сторону посягательства. Так, Б. Д. Завидов пишет: «Непосредственным объектом посягательства будут общественные отношения по обеспечению реализации права граждан на осуществление пассивного или активного избирательного права, права свободного волеизъявления на выборах и референдуме, на нормальную работу избирательных комиссий или комиссии референдума по обеспечению избирательных прав граждан или права на участие в референдуме. В общем, непосредственный объект посягательства может варьировать от способа осуществления преступного деяния, указанного в ... ст. 141 УК РФ»⁸.

Выделяется самостоятельный объект применительно к нарушению тайны голосования. По мнению Е. И. Бычковой, указанное деяние направлено на «общественные отношения по обеспечению реализации права свободного волеизъявления на выборах и референдуме»⁹. Между тем Федеральный закон от 12.06.2002 № 67-ФЗ (в ред. от 1804.2018) «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации»¹⁰ тайну голосования (об этом можно судить и по названию нормативного правового акта) относит к гарантиям избирательных прав и права на участие в референдуме граждан России (п.7). В п.11 ст. 2 указанного Федерального закона говорится: «гарантии избирательных прав и права на участие в референдуме – установленные Конституцией Российской Федерации, законом, иным нормативным правовым актом условия, правила и процедуры, обеспечивающие реализацию избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации».

Ряд авторов к непосредственному объекту рассматриваемого преступления относят «регламентированную законом работу избирательных комиссий»¹¹; «отношения, опосредующие работу избирательных комиссий и комиссий по проведению референдума»¹² и др.

Непосредственный объект преступления, предусмотренного ст. 141 УК РФ, Н. Ю. Турищева вначале определяет как общественные отношения, складывающиеся в процессе реализации избирательных прав и права граждан на участие в референдуме. По ее мнению, именно они позволяют говорить о существовании системы преступлений против избирательных прав¹³. Затем она пишет, что непосредственный объект указанных преступлений – «это общественные отношения, которые возникают в ходе реализации субъективных избирательных прав, прав граждан на участие в референдуме и связаны с возникновением, изменением или прекращением статуса участника избирательного процесса, процесса референдума, а также с реализацией закрепляемых указанным статусом полномочий»¹⁴.

Это утверждение вызывает ряд сомнений. Так, избирательный процесс отражает динамику деятельности соответствующих его субъектов, в связи с этим ему присуща стадийность, т.е. наличие этапов, последовательно сменяющих друг друга, в пределах которых должны быть совершены надлежа-

5 Кроме того, надо иметь в виду, что понятием «избирательные права» охватываются не только конституционное право граждан избирать и быть избранным, но и право на любые другие действия, связанные с подготовкой и проведением выборов (см. об этом подробно: Горняный С. В. К вопросу о понимании содержания понятия «избирательные права» // Государственная власть и местное самоуправление. 2013. № 5. С. 27–30).

6 См.: Уголовное право. Особенная часть / отв. редакторы И. Я. Козаченко, З. А. Незнамова, Г. П. Новоселов. М., 1998. С. 145.

7 См.: Российское уголовное право. Особенная часть / под ред. В. П. Коняхина, М. Л. Прохоровой. М., 2015. С. 185; Об отношениях в сфере реализации политических прав как непосредственном объекте преступления, предусмотренного ст. 141 УК РФ, пишет В. Н. Винокуров (см.: Винокуров В. Н. Непосредственный объект преступления и его место в системе объектов преступления // Российский юридический журнал. 2017. № 1. С. 104–109).

8 Завидов Б. Д. Уголовно-правовой анализ преступлений против конституционных прав и свобод человека и гражданина // СПС «КонсультантПлюс», 2004; Он же. Новеллы избирательного права УК РФ // СПС «КонсультантПлюс», 2003; Обратим внимание на то, что автор противоречив в определении признаков объективной стороны анализируемого им преступления. При характеристике объекта он говорит о способах преступления (закон о них не говорит вообще), потом эти же обстоятельства называет альтернативными деяниями, затем опять их относит к способу совершения преступления. О возможности изменения содержания объекта преступления, предусмотренного ст. 141 УК РФ, в зависимости от способа осуществления преступного деяния пишет и С. В. Солодовникова (см.: Солодовникова С. В. Проблемные аспекты квалификации преступления, предусмотренного ст. 141 УК РФ «Воспрепятствование осуществлению избирательных прав или работе избирательных комиссий» // Ленинградский юридический журнал. 2015. № 4. С. 205–213).

9 Бычкова Е. И. Анализ объективных признаков нарушения тайны голосования // Юридический мир. 2014. № 5. С. 30; На наш взгляд, в трактовке объекта, даваемой Б. Д. Завидовым и Е. И. Бычковой, происходит подмена объекта уголовно-правовой охраны: таковыми признаются не сами отношения, характеризующие свободу волеизъявления гражданина, а отношения по обеспечению их реализации, что, разумеется, не одно и то же.

10 СЗ РФ. 2002. № 24. Ст. 2253.

11 Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под общ. ред. Н. Г. Кадникова. М., 2006. С. 326.

12 Князев С. Д. Уголовная ответственность за нарушение избирательных прав и права на участие в референдуме // Журнал российского права. 2001. № 2; Веденеев Ю. А., Князев С. Д. Избирательные правоотношения // Государство и право. 1999. № 5; По сути, аналогичным образом характеризуют объект преступления, предусмотренного ст. 141 УК РФ, и другие авторы (см., например: Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть / под ред. А. С. Михлина. М., 2005. С. 65; Шевченко Г. Н. Уголовно-правовая охрана избирательных прав граждан: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д., 2006. С. 70).

13 См.: Турищева Н. Ю. Преступления против избирательных прав и права на участие в референдуме. СПб., 2010. С. 61.

14 Там же. С. 294.

щие процессуальные действия и процедуры¹⁵. Стадии избирательного процесса взаимосвязаны и логически последовательны, предполагают реализацию общей цели – обеспечить выборам легитимность¹⁶. Коль скоро речь идет о процессе, то естественно говорить о его начале и окончании. Начинается он, как известно, со стадии назначения выборов, которая охватывает два действия: принятия соответствующим органом решения о назначении выборов и его опубликования (ст. 10 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации»). Избирательный процесс начался, но как в этой стадии могут быть нарушены «общественные отношения, которые возникают в ходе реализации субъективных избирательных прав»? Конкретное лицо включается в избирательный процесс со стадии выдвижения и регистрации кандидатов. Так, согласно ст. 38 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» регистрация кандидата, списка кандидатов осуществляется соответствующими избирательными комиссиями. Указанный закон определяет гарантии деятельности зарегистрированных кандидатов (ст. 41).

Следовательно, не весь избирательный процесс как таковой обеспечивает реализацию прав гражданина.

В литературе обоснованно обращается внимание на то, что общественные отношения, характеризующие выборы в законодательные и представительные органы, являются интегративными («многослойными») по структуре, включающими «материально-правовые, процедурные и процессуальные отношения»; первичными и вторичными. Первые из них регулируются конституционно-правовыми нормами и поэтому определяют назначение выборов как таковых, вторые играют «служебную, инструментальную роль в механизме правового регулирования». «Посягательство на вторичные избирательные отношения не может влечь уголовной ответственности»¹⁷.

Надо сказать, что есть и иной подход к трактовке рассматриваемого объекта преступления. Так, отношения по реализации избирательных прав граждан А. П. Свигузова относит к дополнительному объекту преступления, при этом непосредственным объектом она предлагает считать «общественные отношения по поводу формирования органов государственной власти и органов местного самоуправления»¹⁸. К сожалению, в этом случае анализируемый элемент состава преступления формулируется очень широко, однако, на наш взгляд, обоснованно подчеркивается назначение выборов как механизма формирования государственной власти.

Иное соотношение основного и дополнительного непосредственных объектов преступления дает Н. В. Иванцова. Она полагает, что в качестве первого из них следует рассматривать основы конституционного строя, в качестве второго – политические права и свободы граждан¹⁹. В этом случае ав-

тором допускается ряд ошибок. Во-первых, основы чего-либо вообще и конституционного строя государства в частности не могут выступать в качестве непосредственного объекта по определению, в уголовном законодательстве им придается значение как минимум видового объекта. Во-вторых, не учитывается соотношение указанных основ конституционного строя и политических прав и свобод граждан, нормы о которых расположены в различных разделах и главах Уголовного кодекса РФ.

Допускал наличие факультативного объекта в преступлении, предусмотренном ст. 141 УК РФ, А. В. Кладков. Таковым он считал собственность, когда путем посягательства на нее осуществляется воспрепятствование реализации избирательного права²⁰. Вряд ли в этом случае собственность можно признать объектом рассматриваемого преступления. В указанном примере имеет место совокупность деяний, предусмотренных ст. 141 УК РФ и нормами о хищении, уgone транспортного средства либо уничтожения или повреждения имущества, поэтому собственность будет выступать основным непосредственным объектом одного из указанных преступлений, а не воспрепятствования реализации избирательных прав и права на участие в референдуме.

И. С. Щербина, характеризуя общественную опасность так называемых электоральных преступлений, на наш взгляд, выделяет существенный момент: возможность полной или частичной утраты доверия избирателей к органам государственной власти, что может привести к краху политической системы государства²¹.

По нашему мнению, объектом преступления, предусмотренного ст. 141 УК РФ, следует признавать общественные отношения, характеризующие легитимность государственной власти.

Анализируя объект рассматриваемого преступления, одни авторы применительно к деянию, указанному в ч. 3 ст. 141 УК РФ, выделяют предмет преступления²², называя в качестве такового Государственную автоматическую систему Российской Федерации «Выборы», другие же указанную систему одновременно признают предметом и средством совершения преступления²³. По нашему мнению, если осуществляется неправомерное вмешательство в деятельность Государственной автоматизированной системы РФ «Выборы», то последняя в этом случае выступает в качестве предмета преступления (оказывая воздействие на ее деятельность, виновный тем самым нарушает объект уголовно-правовой охраны)²⁴.

В литературе иногда упоминается потерпевший. Например, в качестве такового называется участник избирательного процесса или процесса референдума, реализующий свои

15 См.: Князев С. Д. Избирательный процесс: понятие, особенности и структура // Правоведение. 1999. № 3. С. 33–34.

16 См.: Хрусталева Е. Н. Избирательный процесс в России // Правоведение. 1998. № 2. С. 32; Избирательное право и избирательный процесс в Российской Федерации. М., 1999. С. 296–297 и др.

17 Станкевич Г. А. Уголовная ответственность за воспрепятствование осуществлению избирательных прав или работе избирательных комиссий: дис. ... канд. юрид. наук. Кисловодск, 2002. С. 144.

18 См.: Свигузова А. П. Непосредственный объект уголовно-правовой охраны при совершении преступлений против порядка проведения выборов и референдумов // Следователь. 2006. № 9. С. 11.

19 См.: Иванцова Н. В. Общая характеристика преступлений, связанных с выборами // Научные труды. Российская академия юридических наук. Вып. 4. В 3 т. Т. 2. М., 2004. С. 537.

20 См.: Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть / под ред. Б. В. Здравомыслова. М., 2001. С. 97.

21 См.: Щербина И. С. Уголовная ответственность за нарушение избирательных прав граждан и права на участие в референдуме: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2012. С. 11.

22 См.: Елисеева Т. Н. Уголовно-правовая охрана избирательных прав граждан Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. С. 93–94; Кольшницын А. С. Преступления против избирательных прав граждан и права на участие в референдуме: дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2004. С. 89.

23 См.: Турищева Н. Ю. Государственная автоматизированная система выборов как автономный признак состава преступления // Российский следователь. 2008. № 16. С. 27.

24 См. об этом: Круглень А. Н. Уголовно-правовая охрана избирательных прав и права на участие в референдуме: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. С. 9.

субъективные избирательные права²⁵. Вероятно, это возможно, когда имеет место воспрепятствование свободному осуществлению гражданином избирательных прав или права на участие в референдуме либо воспрепятствовании деятельности члена избирательной комиссии или комиссии референдума. Скорее всего, наличие указанного признака состава можно выделить в преступлении, выразившемся в нарушении тайны голосования. Суть тайны голосования заключается в том, что никто, кроме самого избирателя (участника референдума), не должен знать содержание волеизъявления последнего и никто не вправе оказывать давление на его выбор²⁶. «Таким образом, – пишет Е. И. Бычкова, – нарушение тайны голосования представляет собой разновидность воспрепятствования свободному осуществлению гражданином своих избирательных прав или права на участие в референдуме...»²⁷.

Однозначно нет рассматриваемого признака, если преступление было направлено на воспрепятствование деятельности одной из указанных в законе комиссий. Однако в литературе высказана и другая точка зрения. Например, в качестве потерпевшего избирательную комиссию признает Н. Ю. Турищева. По ее мнению, при воспрепятствовании работе избирательных комиссий причиняемый вред может состоять в невозможности реализовать объем полномочий, закрепляемых за избирательной комиссией, участвующей в подготовке и проведении выборов. Объем полномочий различен и определяется уровнем комиссии. Вред может состоять в физической невозможности проводить заседание комиссии или выполнять определенные обязанности, возлагаемые на комиссию: заниматься организацией изготовления и доставки избирательных бюллетеней, информационного обеспечения выборов, составления протоколов об административных правонарушениях и т.д.; иметь негативные последствия в виде принятия неправомерных по содержанию решений избирательных комиссий: незаконного отказа в регистрации кандидата или списка кандидатов, неправомерного (не соответствующего действительности) определения результатов выборов и др.²⁸

Потерпевший как признак состава преступления – это физическое лицо, которому деянием причинен физический или моральный вред. Коллегиальный орган им не может быть по определению.

А. В. Кладков указывает, что потерпевшим является гражданин Российской Федерации, чье избирательное право, право на участие в референдуме нарушено. Им может быть и член избирательной комиссии, комиссии по проведению референдума. При воспрепятствовании с применением насилия или угрозы его применения им может быть также близкий указанных лиц²⁹.

При определении потерпевшего С. В. Расторопов исходит из конкретного статуса участника избирательного процесса. К нему он относит: кандидата, избирателя, члена избирательной комиссии или комиссии по проведению референдума и их близких³⁰. Н. И. Пикуров к указанному перечню добавляет лиц, которые в соответствии с п. 42 ст. 2 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» уполномочены наблюдать за проведением голосования³¹.

Объективная сторона преступления характеризуется альтернативными действиями:

1) воспрепятствование свободному осуществлению гражданином своих избирательных прав или права на участие в референдуме;

2) нарушение тайны голосования;

3) воспрепятствование работе избирательных комиссий, комиссий референдума;

4) воспрепятствование деятельности члена избирательной комиссии, комиссии референдума, связанной с исполнением им своих обязанностей.

Таким образом, в трех случаях в законе идет речь о воспрепятствовании реализации права гражданина, работе комиссии или деятельности члена комиссии и в одном – о нарушении тайны.

«Воспрепятствовать» в русском языке означает затруднять, создавать помехи. Апплицируя содержание данного термина к указанным деяниям, криминалисты приходят к различному выводу относительно его уголовно-правового объема. Одни утверждают, что воспрепятствование имеет место лишь тогда, когда указанное право гражданина осталось нереализованным³²; другие пишут, что воспрепятствование предполагает внешние по отношению к деятельности избирательной комиссии действия, не затрагивающие ее сути, не меняющие, но блокирующие ее, не дающие деятельности осуществляться. Воспрепятствование символизирует результат, при котором сама деятельность или затруднена, или невозможна³³.

Состав рассматриваемого преступления является формальным, отглагольное существительное «воспрепятствова-

25 См.: Российское уголовное право. Особенная часть / под ред. В. П. Коняхина, М. Л. Прохоровой. С. 185–186; Турищева Н. Ю. Преступления против избирательных прав и права на участие в референдуме. М., 2010. С. 131.

26 Согласно ст. 7 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» «голосование на выборах и референдуме должно исключать возможность какого-либо контроля за волеизъявлением гражданина. В отношении федерального референдума названный принцип раскрыт в ч. 6 ст. 2 Закона о референдуме РФ: голосование на референдуме является тайным, исключая возможность какого-либо контроля за волеизъявлением гражданина РФ, в том числе наблюдения за заполнением участником референдума бюллетеня для голосования на референдуме в месте тайного голосования» (Игнатов С. Л. Комментарий к Федеральному закону от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс», 2014).

27 Бычкова Е. И. Анализ объективных признаков нарушения тайны голосования. С. 32.

28 См.: Турищева Н. Ю. Преступления против избирательных прав и права на участие в референдуме. С. 123–124; Однако далее автор приходит к выводу, что потерпевшим может быть избиратель, кандидат, выдвинутый избирательным объединением, а также иные участники избирательного процесса: члены избирательных комиссий, участвующие в подготовке и проведении соответствующих выборов (как с правом решающего, так и с правом совещательного голоса); доверенные лица кандидатов и избирательных объединений; уполномоченные представители по финансовым вопросам, наблюдатели (см.: Там же. С. 125, 131).

29 См.: Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть / под ред. Л. В. Иногамовой-Хегай, А. И. Рарога, А. И. Чучаева. М., 2006. С. 125.

30 См.: Уголовное право. Особенная часть / под общ. ред. Л. Д. Гаухмана, С. В. Максимова. М., 2005. С. 97.

31 См.: Особенная часть Уголовного кодекса Российской Федерации: комментарий, судебная практика, статистика / под общ. ред. В. М. Лебедева; отв. ред. А. В. Галахова. М., 2009. С. 168.

32 См.: Российское уголовное право. Особенная часть / под ред. В. П. Коняхина, М. Л. Прохоровой. С. 186.

33 См.: Лопашенко Н. А. Уголовно-правовая охрана избирательных прав: оценка изменившегося законодательства (ст. 141 УК) // Научные труды. Российская академия юридических наук. Вып. 4. В 3 т. Т. 2. М., 2004. С. 594.

ние» не отражает результат деяния; другими словами, оно не является результативным деянием. Следовательно, рассуждения относительно возможных последствий не имеют отношения к характеристике состава преступления. К тому же, по своей сути препятствия бывают двух видов: преодолимые и непреодолимые. И первый, и второй случай образуют состав преступления, предусмотренного ст. 141 УК РФ.

Закон говорит о свободной, т.е. без какого-либо воздействия извне возможности реализации своих избирательных прав³⁴. При этом использует множественное число «прав», осуществление которых обеспечивается анализируемой уголовно-правовой нормой (применительно к референдуму используется единственное число). В соответствии с п. 28 ст. 2 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» избирательные права граждан – это конституционные права граждан РФ избирать и быть избранными в органы государственной власти и органы местного самоуправления, а также право участвовать в выдвижении кандидатов, списков кандидатов, в предвыборной агитации, в наблюдении за проведением выборов, работой избирательных комиссий, включая установление итогов голосования и определения результатов выборов, в других избирательных действиях в порядке, установленном Конституцией РФ, указанным Федеральным законом, иными федеральными законами конституциями (уставами), законами субъектов РФ. Таким образом, ограничивать цель воспрепятствования только реализацией права избирать или быть избранным необоснованно, не соответствует законодательному определению понятия избирательных прав.

Понятие права на участие в референдуме дается в п. 51 ст. 2 указанного выше Федерального закона. Под ним понимается «конституционное право граждан Российской Федерации голосовать по вопросам референдума, а также участвовать в других действиях по его подготовке и проведению».

Способы воспрепятствования могут быть различными. Они могут включать любые действия, исключающие или затрудняющие свободную реализацию избирательных прав или права на участие в референдуме, кроме указанных законодателем в качестве квалифицирующих признаков в ч. 2 ст. 141 УК РФ³⁵.

Во втором случае воспрепятствование как деяние, предусмотренное ст. 141 УК РФ, направлено на прекращение или дезорганизацию работу избирательных комиссий и комиссий референдума. «Избирательная комиссия» – понятие видовое, им обозначается коллегиальный орган, формируемый в порядке и сроки, которые установлены законом³⁶, организу-

ющий и обеспечивающей подготовку и проведение этих же выборов. Законодательно выделяется три вида избирательных комиссий, выделяемых по «вертикали»³⁷:

1) организующая выборы избирательная комиссия – избирательная комиссия, на которую законом возложено руководство деятельностью всех избирательных комиссий по подготовке и проведению соответствующих выборов;

2) вышестоящая избирательная комиссия – определенная в качестве таковой законом избирательная комиссия, организующая и обеспечивающая подготовку и проведение выборов, по отношению к иным избирательным комиссиям, организующим и обеспечивающим подготовку и проведение этих же выборов;

2) нижестоящая избирательная комиссия – определенная в качестве таковой законом избирательная комиссия, организующая и обеспечивающая подготовку и проведение выборов, по отношению к иным избирательным комиссиям, организующим и обеспечивающим подготовку и проведение этих же выборов (п. 21–24 ст. 2 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации»).

Независимо от места в указанной иерархии избирательные комиссии организуют и обеспечивают подготовку и проведение выборов. Именно этим обстоятельством обусловлена криминализация воспрепятствования их деятельности, выступающей одним из условий легитимности образуемой в результате проведенных выборов государственной власти или органов местного самоуправления.

Как подчеркивает Н. Миронов, избирательные комиссии являются административными органами, не входящими ни в одну из трех ветвей власти и имеющими специальные функции, связанные с организацией выборов³⁸.

Комиссии, в том числе и избирательные, не образуют иерархическую централизованную систему, обеспечивающую проведение всех выборов на территории Российской Федерации. По мнению А. В. Иванченко, предусмотренные законом избирательные комиссии способны эффективно решать вопросы обеспечения легальной передачи государственной власти победившей на выборах политической силе, сохранения единого конституционно-правового пространства³⁹.

Воспрепятствование деятельности комиссии может выражаться в блокировании помещений избирательной комиссии,

34 Шапиев С. М. обращает внимание на важность дополнения ст. 141 УК РФ термином «свободное», относящимся к осуществлению избирательных прав. В этом случае описание деяния согласуется с нормами Конституции РФ, согласно которым участие гражданина в выборах является свободным и добровольным, исключая какое-либо принуждение (см.: Шапиев С. М. Уголовная ответственность за нарушения законодательства о выборах // Журнал о выборах. 2006. № 3. С. 3).

35 См. об этом подробно: Алиев В. М. Конституционные и уголовно-правовые аспекты защиты прав и свобод человека и гражданина // Российский следователь. 2017. № 20. С. 26–31; Кондрашев А. А. Избирательно-правовая ответственность в российском конституционном праве // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 6. С. 112–123; Степанов И. Защита избирательных прав неопределенного круга лиц // Законность. 2007. № 7. С. 14.

36 Речь, в частности, идет о ст. 22 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», ст. 20 Федерального закона от 22.02.2014 № 20-ФЗ (в ред. от 19.02.2018) «О выборах депутатов

Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации», ст. 13 Федерального закона от 10.01.2003 № 19-ФЗ (в ред. от 05.12.2017) «О выборах Президента Российской Федерации», ст. 13 Федерального закона от 26.11.1996 № 138-ФЗ (в ред. от 04.06.2014) «Об обеспечении конституционных прав граждан Российской Федерации избирать и быть избранными в органы местного самоуправления».

37 Согласно ст. 20 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» в РФ «действуют следующие избирательные комиссии и комиссии референдума: Центральная избирательная комиссия Российской Федерации; избирательные комиссии субъектов Российской Федерации; избирательные комиссии муниципальных образований; окружные избирательные комиссии; территориальные (районные, городские и другие) комиссии; участковые комиссии».

38 См.: Миронов Н. Институт избирательных комиссий в России: тенденции развития и роль в избирательном процессе // Сравнительное конституционное обозрение. 2007. № 2 (59). С. 52.

39 См.: Иванченко А. В. Избирательные комиссии в Российской Федерации: история, теория, практика. М., 1996. С. 74–75.

комиссии по проведению референдума, срыв заседаний, срыв голосования, подведения итогов и т.д.⁴⁰

Как и применительно к избирательной комиссии, понятие «комиссия референдума» – собирательное, охватывает все виды комиссий, предусмотренных для организации и проведения референдума. Согласно п. 38 ст. 2 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» под ней понимается коллегиальный орган, формируемый в порядке и сроки, которые установлены законом, организующий и обеспечивающий проведение референдума. Выделяются три их вида (такие же, как и для проведения выборов), характеристика которых по своей сути совпадает с характеристикой аналогичных видов избирательных комиссий.

Общественная опасность воспрепятствования их деятельности обусловлена теми задачами, которые решаются указанными комиссиями – организацией и проведением референдума.

Криминалисты обоснованно считают, что преступление, предусмотренное ст. 141 УК РФ, может быть совершено как путем действия, так и путем бездействия⁴¹. При этом надо иметь в виду механизм нарушения общественных отношений, признаваемых объектом данного преступления. Действие как форма воспрепятствования возможно, когда виновный нарушает указанные отношения извне. Как правило, так происходит чаще всего, вариантов такого поведения – множество, их суть одна – создать препятствия для осуществления гражданином соответствующего права. Бездействие образует рассматриваемое преступление лишь тогда, когда нарушение объекта преступления осуществляется изнутри, т.е. бездействует лицо, по закону обязанное действовать (оно включено в указанные общественные отношения). В этом случае набор поведения виновного ограничен его полномочиями. Например, отказ включить избирателя в списки для голосования, отказ в выдаче бюллетеня для голосования и др. Такой отказ возможен лишь со стороны лица, уполномоченного формировать соответствующие списки, выдавать бюллетени, он влечет нарушение избирательных прав гражданина.

Следует обратить внимание еще на одно обстоятельство. Воспрепятствование осуществлению избирательных прав гражданина возможно лишь тогда, когда последний обладает соответствующими правомочиями, при их отсутствии такое объективно невозможно. Например, отказ суда удовлетворить требования гражданина, не являющегося зарегистрированным кандидатом, об аннулировании регистрации в качестве кандидата другого лица.

Федеральным законом от 04.07.2003 № 94-ФЗ ч. 1 ст. 141 УК дополнено указанием на воспрепятствование деятельности члена избирательной комиссии, комиссии референдума, связанной с исполнением им своих обязанностей. Законодатель говорит об избирательной комиссии, в отношении деятельности члена которой было осуществлено воспрепятствование,

вообще, без конкретизации ее вида. Следовательно, речь идет о членах всех избирательных комиссий – от Центральной до участковой.

Законодательство предусматривает две категории членов избирательных комиссий: с правом решающего голоса и с правом совещательного голоса. Их статус различен. Полномочия первых подробно регламентированы в ст. 29 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», член комиссии с правом совещательного голоса обладает равными правами с членом комиссии с правом решающего голоса по вопросам подготовки и проведения выборов или референдума, за исключением права:

- а) выдавать и подписывать бюллетени, открывательные удостоверения;
- б) участвовать в сортировке, подсчете и погашении бюллетеней;
- составлять протокол об итогах голосования, о результатах выборов или референдума;
- в) участвовать в голосовании при принятии решения по вопросу, отнесенному к компетенции соответствующей комиссии, и подписывать решение комиссии;
- г) составлять протоколы об административных правонарушениях.

Уголовный закон говорит о воспрепятствовании деятельности члена комиссии, связанной с исполнением им своих обязанностей. Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» не дает их перечня, а определяет их статус членов комиссий (ст. 29), хотя надо сказать, в содержание последнего должны входить и соответствующие обязанности⁴². Кроме того, связывать воспрепятствование только с исполнением обязанностей, значит, по сути, сужать границы действия рассматриваемой нормы. В связи с этим представляется необходимым слово «обязанностей» исключить из статьи 141 УК РФ, изложив норму в этой части следующим образом: «...деятельности члена избирательной комиссии, комиссии референдума, связанной с реализацией им своих полномочий».

В литературе высказано мнение, согласно которому «действия нарушителя, умышленно, в целях воспрепятствования свободному волеизъявлению избирателей и вопреки конституционным принципам народовластия и равенства обнаруживающего недостоверную информацию о результатах опроса общественного мнения, связанного с выборами, образует состав преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 141 УК РФ...»⁴³.

Опрос, с точки зрения русского языка, – это метод сбора первичной информации со слов опрашиваемого⁴⁴. Также он понимается в отраслевых науках, например как метод психологического изучения, в процессе которого задаются вопросы и по их ответам

40 См. об этом подробно: Ануфиева Т. Н., Ходусов А. А. Уголовно-правовая защита прав и свобод личности. М., 2011. С. 155; 11 марта 2007 г. трое национал-большевиков К. С. и Ч. в гарнизонном доме офицеров г. Одинцово Московской области, где находился избирательный участок, зажигали файеры, разбрасывали листовки скандируя «Ваши выборы – фарс!». Своими действиями они прервали работу избирательного участка более чем на час (См.: Российская газета. 2007. 12 марта).

41 См., например: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. В. Д. Иванова. Ростов н/Д., 2002. С. 194–195; Уголовное право. Общая и Особенная части / под ред. М. П. Журавлева, С. Н. Никулина. М., 2007. С. 416 и др.

42 Следует заметить, что в общей теории права, как, впрочем, и в отраслевых правовых науках пока не сложилось единого понятия статуса (правового статуса) личности. Анализ имеющихся точек зрения см.: Луничев Е. М. Уголовно-правовой статус несовершеннолетнего в уголовном праве России. М., 2012; Чучаев А. И., Крупцов А. А. Уголовно-правовой статус иностранного гражданина: понятие и характеристика. М., 2016; Чучаев А. И., Фирсова А. П. Уголовно-правовое воздействие: понятие, объект, механизм. М., 2010; и др.

43 Реут Д. А. Опубликование результатов опросов общественного мнения как инструмент информирования избирателей // Российский юридический журнал. 2016. № 3. С. 114.

44 См.: Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1995. С. 448.

делаются выводы о психологическом состоянии личности⁴⁵. Опросы общественного мнения предусмотрены ст. 46 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации».

Следует отметить, что информирование избирателей, в том числе путем опроса общественного мнения и обнародования его результатов, с одной стороны помогают избирателю сформировать свое мнение⁴⁶. С другой стороны, имеет место обнародование недостоверных, искажающих реальную ситуацию сведений, в частности о поддержке избирателями того или иного кандидата или избирательного объединения⁴⁷.

Е. С. Козина, опираясь на исследования П. Бурдые (1930–2002, французский социолог, этнолог, философ, политический публицист) и П.-И. Шереля (профессор, Франция), делает вывод о том, что исследование общественного мнения всегда сопровождается манипулированием общественным сознанием, ложной интерпретацией ответов респондентов. Сила воздействия таких опросов обусловлена рядом обстоятельств, в том числе их обнародование в средствах массовой информации, вызывающих доверие у избирателей⁴⁸.

Законодательного определения понятия «опрос общественного мнения» не существует. В постановлении Центральной избирательной комиссии РФ от 18.12.2007 № 77/618-5 «О Разъяснениях установленного законодательством Российской Федерации о выборах и референдумах порядка опубликования (обнародования) результатов опросов общественного мнения, связанных с выборами и референдумами»⁴⁹ говорится, что результаты опроса – это любые количественные показатели, полученные по его итогам (п. 1), при этом подчеркивается, что информация, сообщаемая избирателям, должна быть объективной и достоверной⁵⁰.

Искажение указанной информации не может быть признано воспрепятствованием реализации избирательных прав, а следовательно, эти действия не могут быть квалифицированы по ст. 141 УК РФ. Более того, ответственность заподозренного рода действия вообще не урегулирована правом. В связи с этим за обнародование сведений, не отвечающих действительности, в литературе предлагаются разные меры – от ограничения числа организаций, которым разрешается проводить опросы, до введения административной ответственности⁵¹.

Нарушение тайны голосования как один из видов деяния, нарушающего осуществление избирательных прав, включено в ст. 143 УК РФ Федеральным законом от 04.07.2003 № 94-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона “Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации”»⁵².

Нарушение тайны голосования может проявиться в двух формах: во-первых, в создании условий, которые позволяют контролировать волеизъявление голосующих (например, установление видеоустройств в кабинках для голосования; осуществление пометок бюллетеней и т.д.); во-вторых, непосредственный контроль со стороны конкретных лиц за голосованием отдельными гражданами (например, вход в кабинку для голосования посторонних и т.д.). Оба варианта объединяет одно – они дают возможность выяснить результаты голосования конкретного избирателя, участника референдума помимо или вопреки его воле. Поэтому законодательно закреплено положение, согласно которому «бюллетень заполняется избирателем, участником референдума в специально оборудованной кабине, ином специально оборудованном месте, где не допускается присутствие других лиц»⁵³ (п. 8 ст. 64 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации»).

Опросы избирателей и участников референдума на выходе из помещений для голосования (например, «exitpools») проводятся на основе добровольности и анонимности. Подобного рода действия не могут влиять на свободу волеизъявления по определению.

Ю. Н. Климова считает, что нарушение тайны голосования по своей природе отличается от других деяний, указанных в ст. 141 УК РФ. Как уже говорилось, она выступает принципом свободных демократических выборов, а не отражает избирательные права граждан. Поэтому автор предлагает предусмотреть ответственность за совершение данного деяния в отдельной самостоятельной статье УК РФ⁵⁴. Это предложение поддержано другими авторами⁵⁵.

45 См.: Головин С. Ю. Словарь практического психолога. М., 1998. С. 307.

46 См. подробно: Вешняков А. А., Лысенко В. И. Научно-практический комментарий к Федеральному закону «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» (постатейный). М., 2003. С. 391–392.

47 См. подробно: Нечипоренко Т. В. Информационное обеспечение выборов – институт избирательного законодательства Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010.

48 См.: Козина Е. С. СМИ и выборы: ресурс и мифы политического мифотворчества. М., 2005. С. 49–54.

49 СПС «КонсультантПлюс».

50 По этому вопросу также см.: Постановление Конституционного Суда РФ от 30.10.2003 № 15-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона “Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации” в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы и жалобами граждан С. А. Бунтмана, К. А. Катаняна и К. С. Рожкова» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2003. № 6.

51 См.: Нечипоренко Т. В. Указ.соч. С. 11; Тедеев А. А. Перспективы реализации избирательных прав граждан в информационной среде: трансформации народовластия в условиях глобализации // Информационное право. 2009. № 2. С. 25; Шуленин В. В. Правовое обеспечение в Российской Федерации равенства прав кандидатов и избирательных объединений при проведении предвыборной агитации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 10; и др.

52 СЗ РФ. 2003. № 27 (ч. 2). Ст. 2708.

53 Из этого правила есть исключение. Согласно п. 10 ст. 64 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» «избиратель, участник референдума, не имеющие возможности самостоятельно расписаться в получении бюллетеня или заполнить бюллетень, принять участие в электронном голосовании, вправе воспользоваться для этого помощью другого избирателя, участника референдума, не являющихся членом комиссии, зарегистрированным кандидатом, уполномоченным представителем избирательного объединения, членом или уполномоченным представителем инициативной группы по проведению референдума, уполномоченным представителем по финансовым вопросам, доверенным лицом кандидата, избирательного объединения, наблюдателем. В таком случае избиратель, участник референдума устно извещает комиссию о своем намерении воспользоваться помощью для заполнения бюллетеня, участия в электронном голосовании. При этом в соответствующей (соответствующих) графе (графах) списка избирателей участников референдума указываются фамилия, имя, отчество, серия и номер паспорта или документа, заменяющего паспорт, лица, оказывающего помощь избирателю, участнику референдума».

54 См.: Климова Ю. Н. Преступность и массовые коммуникации в период предвыборной агитации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2003. С. 15.

55 См., например: Турищева Н. Ю. Преступления против избирательных прав и права на участие в референдуме. С. 140.

Субъективная сторона, как правило, всеми авторами трактуется одинаково. Ей присущ прямой умысел, мотивы⁵⁶ и цели значения для квалификации не имеют, но могут быть учтены при выборе вида и размера (срока) наказания. Это обусловлено тем, что состав преступления является формальным. В преступлениях с таким составом содержание умысла заключается в осознании общественного опасного характера совершаемого деяния и желании его совершить⁵⁷. Однако в литературе допускается возможность совершения этого преступления и с косвенным умыслом. Так, указывается: «Состав преступления характеризуется прямым и косвенным умыслом. В последнем случае виновный сознает общественную опасность деяния, предвидит возможность наступления ущемления избирательных прав или права на участие в референдуме либо последствия нарушения нормальной работы избирательных комиссий, комиссий референдума либо их членов, но сознательно допускает эти последствия либо относится к ним безразлично»⁵⁸. Аргументируя высказанное мнение, авторы пишут: «Допустимость косвенного умысла вытекает из того, что в диспозиции (ст. 141 УК РФ. – А. Д.) отсутствуют указания на мотивы, цели и способ совершения преступления»⁵⁹.

Данные утверждения грубо искажают характеристику вины в формальных составах преступлений, не согласуются с устоявшимся по этому вопросу мнением в теории уголовного права. Нетрудно заметить, что авторы, раскрывая содержание косвенного умысла, ориентируются на какие-то последствия деяния, которые законом не определены и не включены в характеристику объективной стороны преступления, предусмотренного ст. 141 УК РФ. Следовательно, и волевой момент вины не может определяться по отношению к тому, чего нет в законе. Коль скоро лицо совершает предусмотренное законом деяние, значит оно для него желаемо. Иное противоречит логике и здравому смыслу. Одним словом, преступление, предусмотренное ст. 141 УК РФ, вопреки указанным утверждениям, может совершаться только с прямым умыслом. Отсутствие указания в законе на мотивы, цели, а тем более на способ совершения преступления никак не колеблет указанного вывода.

Субъект преступления – лицо, достигшее возраста 16 лет⁶⁰.

56 По утверждению А. П. Груздевой, «преступники преследуют не ... политические, а скорее иные цели, связанные с обеспечением своего дальнейшего благополучия» (Груздева А. П. Понятие и некоторые формы проявления преступлений, совершаемых в условиях избирательного процесса (криминологический анализ) // Следователь. 1999. № 12. С. 39–42).

57 См. подробно: Рагог А. И. Квалификация преступлений по субъективным признакам. СПб., 2003. С. 78–104.

58 Антонов О. Ю., Багмет А. М., Бычкова Е. И. Противодействие преступлениям против избирательных прав граждан: уголовно-правовые, криминологические и криминалистические аспекты. С. 61.

59 Там же.

60 Л. Ю. Болотских, выделяет следующие группы лиц, которые совершают преступление, предусмотренное ст. 141 УК РФ: 1) граждане РФ, имеющие право избирать и быть избранным; 2) зарегистрированные кандидаты на выборную должность; 3) члены избирательных объединений, блоков, инициативных групп; 4) уполномоченные представители избирательных объединений, блоков, кандидатов; 5) доверенные лица зарегистрированных кандидатов, их уполномоченные представители по финансовым вопросам; 6) сборщики подписей; 7) лица, заверившие подписные листы; 8) наблюдатели; 9) члены избирательных комиссий всех уровней; 10) представители органов государственной власти, органов местного самоуправления; 11) лица, наделенные статусом специального субъекта и выполняющие предусмотренные законом специальные обязанности в избирательном процессе (руководители избирательных объединений и избирательных блоков, председатели, их заместители, секретари избирательных комиссий и др.) (см.: Бо-

Пристатейный библиографический список

1. Алиев В. М. Конституционные и уголовно-правовые аспекты защиты прав и свобод человека и гражданина // Российский следователь. 2017. № 20.
2. Антонов О. Ю., Елинский В. И. О криминалистической характеристике субъектов, совершающих преступления, связанные с проведением избирательных кампаний и референдумов // Российский следователь. 2011. № 11.
3. Ануфиева Т. Н., Ходусов А. А. Уголовно-правовая защита прав и свобод личности. М., 2011.
4. Болотских Л. Ю. Выявление, расследование и предупреждение преступлений в сфере проведения федеральных выборов в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. С. 19.
5. Бычкова Е. И. Анализ объективных признаков нарушения тайны голосования // Юридический мир. 2014. № 5.
6. Веденеев Ю. А., Князев С. Д. Избирательные правоотношения // Государство и право. 1999. № 5.
7. Вешняков А. А., Лысенко В. И. Научно-практический комментарий к Федеральному закону «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» (постатейный). М., 2003.
8. Винокуров В. Н. Непосредственный объект преступления и его место в системе объектов преступления // Российский юридический журнал. 2017. № 1.
9. Головин С. Ю. Словарь практического психолога. М., 1998.
10. Горяный С. В. К вопросу о понимании содержания понятия «избирательные права» // Государственная власть и местное самоуправление. 2013. № 5.
11. Груздева А. П. Понятие и некоторые формы проявления преступлений, совершаемых в условиях избирательного процесса (криминологический анализ) // Следователь. 1999. № 12.
12. Елисеева Т. Н. Уголовно-правовая охрана избирательных прав граждан Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004.
13. Иванцова Н. В. Общая характеристика преступлений, связанных с выборами // Научные труды. Российская академия юридических наук. Вып. 4. В 3 т. Т. 2. М., 2004.
14. Иванченко А. В. Избирательные комиссии в Российской Федерации: история, теория, практика. М., 1996.
15. Избирательное право и избирательный процесс в Российской Федерации. М., 1999.
16. Климова Ю. Н. Преступность и массовые коммуникации в период предвыборной агитации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2003. С. 15.
17. Князев С. Д. Избирательный процесс: понятие, особенности и структура // Правоведение. 1999. № 3.

лотских Л. Ю. Выявление, расследование и предупреждение преступлений в сфере проведения федеральных выборов в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. С. 19). Криминалистическая характеристика лиц, осужденных по ст. 141 УК РФ, дается, например: Антонов О. Ю., Елинский В. И. О криминалистической характеристике субъектов, совершающих преступления, связанные с проведением избирательных кампаний и референдумов // Российский следователь. 2011. № 11.

18. Князев С. Д. Уголовная ответственность за нарушение избирательных прав и права на участие в референдуме // Журнал российского права. 2001. № 2.
19. Козина Е. С. СМИ и выборы: ресурс и мифы политического мифотворчества. М., 2005.
20. Кольшницын А. С. Преступления против избирательных прав граждан и права на участие в референдуме: дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2004.
21. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под общ. ред. Н. Г. Кадникова. М., 2006.
22. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. В. Д. Иванова. Ростов н/Д., 2002.
23. Кондрашев А. А. Избирательно-правовая ответственность в российском конституционном праве // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 6.
24. Конституционное право Российской Федерации. М., 2006.
25. Круглень А. Н. Уголовно-правовая охрана избирательных прав и права на участие в референдуме: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013.
26. Кутафин О. Е. Предмет конституционного права. М., 2011.
27. Лопашенко Н. А. Уголовно-правовая охрана избирательных прав: оценка изменившегося законодательства (ст. 141 УК) // Научные труды. Российская академия юридических наук. Вып. 4. В 3 т. Т. 2. М., 2004.
28. Луничев Е. М. Уголовно-правовой статус несовершеннолетнего в уголовном праве России. М., 2012.
29. Миронов Н. Институт избирательных комиссий в России: тенденции развития и роль в избирательном процессе // Сравнительное конституционное обозрение. 2007. № 2 (59).
30. Нечипоренко Т. В. Информационное обеспечение выборов – институт избирательного законодательства Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010.
31. Особенная часть Уголовного кодекса Российской Федерации: комментарий, судебная практика, статистика / под общ. ред. В. М. Лебедева; отв. ред. А. В. Галахова. М., 2009.
32. Рарог А. И. Квалификация преступлений по субъективным признакам. СПб., 2003.
33. Реуг Д. А. Опубликование результатов опросов общественного мнения как инструмент информирования избирателей // Российский юридический журнал. 2016. № 3.
34. Российское уголовное право. Особенная часть / под ред. В. П. Коняхина, М. Л. Прохоровой. М., 2015.
35. Свигузова А. П. Непосредственный объект уголовно-правовой охраны при совершении преступлений против порядка проведения выборов и референдумов // Следователь. 2006. № 9.
36. Солодовникова С. В. Проблемные аспекты квалификации преступления, предусмотренного ст. 141 УК РФ «Воспрепятствование осуществлению избирательных прав или работе избирательных комиссий» // Ленинградский юридический журнал. 2015. № 4.
37. Станкевич Г. А. Уголовная ответственность за воспрепятствование осуществлению избирательных прав или работе избирательных комиссий: дис. ... канд. юрид. наук. Кисловодск, 2002.
38. Степанов И. Защита избирательных прав неопределенного круга лиц // Законность. 2007. № 7.
39. Тедеев А. А. Перспективы реализации избирательных прав граждан в информационной среде: трансформации народовластия в условиях глобализации // Информационное право. 2009. № 2.
40. Турищева Н. Ю. Государственная автоматизированная система выборов как автономный признак состава преступления // Российский следователь. 2008. № 16.
41. Турищева Н. Ю. Преступления против избирательных прав и права на участие в референдуме. СПб., 2010.
42. Турищева Н. Ю. Преступления против избирательных прав и права на участие в референдуме. М., 2010.
43. Уголовное право России. Части Общая и Особенная / отв. ред. А. И. Рарог. М., 2017.
44. Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть / под ред. А. С. Михлина. М., 2005.
45. Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть / под ред. Б. В. Здравомыслова. М., 2001.
46. Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть / под ред. Л. В. Иногамовой-Хегай, А. И. Рарога, А. И. Чучаева. М., 2006.
47. Уголовное право. Общая и Особенная части / под ред. М. П. Журавлева, С. Н. Никулина. М., 2007.
48. Уголовное право. Особенная часть / отв. редакторы И. Я. Козаченко, З. А. Незнамова, Г. П. Новоселов. М., 1998.
49. Уголовное право. Особенная часть / под общ. ред. Л. Д. Гаухмана, С. В. Максимова. М., 2005.
50. Хрусталева Е. Н. Избирательный процесс в России // Правоведение. 1998. № 2.
51. Черепанов В. А. Конституционное право России. М., 2016.
52. Чучаев А. И., Крупцов А. А. Уголовно-правовой статус иностранного гражданина: понятие и характеристика. М., 2016.
53. Чучаев А. И., Фирсова А. П. Уголовно-правовое воздействие: понятие, объект, механизм. М., 2010.
54. Шапиев С. М. Уголовная ответственность за нарушение законодательства о выборах // Журнал о выборах. 2006. № 3.
55. Шевченко Г. Н. Уголовно-правовая охрана избирательных прав граждан: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д., 2006.
56. Шуленин В. В. Правовое обеспечение в Российской Федерации равенства прав кандидатов и избирательных объединений при проведении предвыборной агитации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006.
57. Щербина И. С. Уголовная ответственность за нарушение избирательных прав граждан и права на участие в референдуме: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2012.

МАКАРОВ Виктор Александрович

стажер-исследователь кафедры теории и истории государства и права Юридического института Сибирского федерального университета

ПРОВОКАЦИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ КАК ОБСТОЯТЕЛЬСТВО, ИСКЛЮЧАЮЩЕЕ ПРЕСТУПНОСТЬ ДЕЯНИЯ

Сопоставляя нормы главы 8 Уголовного кодекса Российской Федерации и правовые позиции Верховного Суда Российской Федерации, автор приходит к выводу о том, что на практике провокация преступления является обстоятельством, исключающим преступность деяния, когда речь идет о даче взятки или коммерческого подкупа или о сбыте наркотических средств. В этой связи автором предлагается внести определенные изменения в действующий уголовный закон, направленные на включение провокации преступления в список оснований, исключающих преступность деяния. Эти изменения будут более эффективными, если одновременно криминализировать провокацию любого преступления.

Ключевые слова: провокация преступления, обстоятельства, исключающие преступность деяния, криминализация.

Макаров В. А.

MAKAROV Viktor Aleksandrovich

intern-researcher of Theory and history of state and law sub-faculty of the Institute of Law of the Siberian Federal University

PROVOCATION AS A CIRCUMSTANCE EXCLUDING CRIMINALITY OF OFFENCE

Comparing rules of Chapter 8 of the Criminal Code of the Russian Federation and the case law of the Supreme Court of the Russian Federation, the author comes to conclusion that in practice provocation of a crime constitutes a circumstance excluding criminality of offence in cases of bribery, corrupt business practices or drug dealing. In this connection, it is suggested to introduce particular amendments to criminal legislation in force aimed at inclusion of crime provocation in the list of the circumstances excluding criminality of offence. Such amendments will be more effective if any crime provocation is simultaneously criminalized.

Keywords: crime provocation, circumstances excluding criminality of offence, criminalization.

В науке уголовного права в настоящее время отмечается, что появилось новое основание, исключающее преступность деяния, которое не включено в Главу 8 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ). Таким основанием называют провокационные действия, в результате которых лицо совершило общественно-опасное деяние¹. С подобными выводами ученых трудно спорить, поскольку основаны они на действующей правоприменительной практике.

Пленум Верховного Суда Российской Федерации в п. 34 своего постановления от 09.07.2013 г. «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» высказал позицию по поводу провокации коррупционных преступлений, которые совершают сотрудники правоохранительных органов. Если оперативные работники получают согласие от должностного лица на принятие взятки в результате склонения данного должностного лица к получению ценностей при обстоятельствах, свидетельствующих о том, что без вмешательства сотрудников правоохранительных органов умысел на их получение не возник бы и преступление не было бы совершено, то их действия являются провокацией. В подобных ситуациях уголовная ответственность лица, принявшего деньги, ценные бумаги, иное имущество или имущественные права, а равно услуги имущественного характера, не наступит. В этом случае в содеянном отсутствует состав преступления в силу п. 2 ч. 1 ст. 24 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ)². Таким образом, Верховный

Суд Российской Федерации отметил, что преступным подобное поведение спровоцированного лица считать нельзя и уголовной ответственности данное лицо не подлежит.

На практике такое толкование распространяется не только на коррупционные преступления. По делам о преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотических средств Верховный Суд Российской Федерации также высказывал аналогичную позицию. В ситуации, когда путем провокации оперативники склонили человека к приобретению наркотических средств в целях обмена их на компьютер для своего сына³, Верховный Суд Российской Федерации отменил приговор именно по мотивам того, что имела место провокация и умысел у субъекта преступления возник под воздействием оперативного работника. «В приговоре не содержатся доказательства того, что Ф. совершил бы преступление без вмешательства сотрудников милиции», – говорится в обзоре Верховного Суда Российской Федерации. Из этого следует, что действия Ф. по существу были спровоцированы сотрудниками милиции, фактически совершавшими подстрекательство Ф. к сбыту наркотиков. Подобное вмешательство и использование в уголовном процессе доказательств, полученных в результате провокации со стороны милиции, нарушают принцип справедливости судебного разбирательства. Действия Ф., совершенные в результате провокации со стороны милиции, не могут расцениваться как уголовно наказуемое деяние, что соответствует разъяснению, содержащемуся во

1 Яни П. С. Новое постановление Пленума Верховного Суда о взяточничестве // Законность. 2013. № 12. С. 36.

2 См.: Постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации от 16.10. 2009 г. № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении

должностных полномочий» [Электронный ресурс]. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

3 Приговор Советского районного суда г. Уфы Республики Башкортостан от 24.11.2004 г. » [Электронный ресурс]. – Доступ из СПС «РосПравосудие».

втором абзаце п. 14 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2006 г. № 14. Поэтому Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации отменила приговор и последующие судебные решения по делу в части сбыта наркотического средства, а дело прекратила за отсутствием состава преступления. Однако этот же приговор в части осуждения Ф. за незаконное приобретение и хранение наркотиков все же остался в силе.

В качестве примера уголовного законодательства, в котором провокация преступления в определенных случаях является обстоятельством, исключающим преступность деяния, можно привести действующий Уголовный кодекс штата Нью-Йорк⁴ и Примерный Уголовный кодекс США 1962г. В ст. 2.13. Примерного Уголовного кодекса штатам рекомендовано предусмотреть в своих кодексах статью, посвященную провокации преступления⁵. Только незаконная провокация освобождает от ответственности спровоцированное лицо⁶. Она имеет место быть в том случае, если агент с целью возбуждения уголовного преследования побуждает объекта к совершению преступления, которое тот не намеревался совершить. Такие действия именуются «вовлечением в ловушку» и являются противоправной провокацией⁷.

Некоторые исследователи предлагают рассматривать провокацию как обстоятельство смягчающее наказание и считают нужным дополнить ч. 1. ст. 61 УК РФ пунктом «д» следующего содержания: «совершение преступления, спровоцированного другим лицом»⁸. Аргументирован такой подход тем, что установленный факт провокации значительно снижает степень общественной опасности совершаемого в ее результате преступления.

С нашей точки зрения, включение в УК РФ подобной нормы является избыточным регулированием. Во-первых, ч. 2. ст. 61 УК РФ дает возможность суду учитывать в качестве смягчающих и иные обстоятельства, не предусмотренные прямо в данной статье. Во-вторых, провокация со стороны потерпевшего может подпадать под п. «з» ч. 1. ст. 61 УК РФ и рассматриваться как «противоправность или аморальность поведения потерпевшего, явившаяся поводом для совершения преступления».

В английском уголовном законодательстве провокация также рассматривается как обстоятельство, смягчающее наказание. Согласно ст. 3. Закона об убийстве от 1957 г., «если при обвинении лица в тяжком убийстве есть доказательства того, что обвиняемый был спровоцирован (действием, словом или тем и другим одновременно) настолько, что потерял самоконтроль, вопрос о том, была ли провокация достаточной для того, чтобы заставить разумного человека поступить как обвиняемый, передается на решение присяжным, и при решении указанного вопроса присяжные должны принять во внимание все сказанное и сделанное в плане воздействия на разумного человека, которое, с их точки зрения, могло иметь место».

Фраза «спровоцирован настолько, что потерял самоконтроль» наводит на мысль о сходстве данного института английского права с убийством в состоянии физиологического аффекта, предусмотренного ст. 107 УК РФ. Согласно данной норме российского уголовного закона, убийство, совершенное в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения (аффекта), вызванного насилием, издевательством или тяжким оскорблением со стороны потерпевшего либо иными противоправными или аморальными действиями (бездействием) потерпевшего, а равно длительной психотравмиру-

ющей ситуацией, возникшей в связи с систематическим противоправным или аморальным поведением потерпевшего, наказывается исправительными работами на срок до двух лет, либо ограничением свободы на срок до трех лет, либо принудительными работами на срок до трех лет, либо лишением свободы на тот же срок.

Отсюда видно, что ст. 107 УК РФ также учитывает то, что убийство вызвано провокацией со стороны потерпевшего в форме насилия, издевательства, тяжкого оскорбления, иного противоправного поведения по отношению к убийце и, в конечном счете, наказание за данное преступление менее строгое, чем в статье 105 УК РФ.

Несмотря на сходство вышеприведенных норм российского и английского уголовного законодательства аффект в российском уголовном праве является строго определенным понятием и, как правило, для установления факта аффекта проводится соответствующая судебная экспертиза. В Англии же вопрос о том «была ли потеря самоконтроля» решается присяжными заседателями. Объединяет же институты то, что они направлены на смягчение наказания для убийцы, который был спровоцирован на совершение преступления.

Таким образом, рассматривая провокацию с позиции потерпевшего, можно отметить, что она является юридическим фактом и важна для правоотношений, в которые потерпевший от провокации попадает после.

В Российском уголовном законе в Главе 8 УК РФ, посвященной обстоятельствам, исключающим преступность деяния, провокация преступления отсутствует, однако после анализа судебной практики Верховного суда Российской Федерации можно с уверенностью сказать, что провокация преступления все-таки является обстоятельством, исключающим преступность деяния, когда речь идет о даче взятки, коммерческом подкупе или о сбыте наркотических средств. Следовательно, на наш взгляд, вполне допустимо внести в УК РФ соответствующие изменения, дополнив главу 8 УК РФ статьей 40.1. «Провокация преступления» следующего содержания: «Не является преступлением причинение вреда охраняемым уголовным законом интересам при обстоятельствах, свидетельствующих о том, что без целенаправленных провокационных действий сотрудников правоохранительных органов или лиц, действующих по их поручению или иных лиц, умысел на преступление у спровоцированного не возник бы и преступление не было бы совершено». Уголовную ответственность за причинение такого вреда должен нести провокатор, т. е. есть лицо, склоняющее к совершению преступления или сотрудник правоохранительного органа, отдавший соответствующее распоряжение подконтрольному ему лицу. Принимать данные изменения необходимо комплексно совместно с введением уголовной ответственности за провокацию любого преступления, а не только за провокацию взятки или коммерческого подкупа.

Пристатейный библиографический список

1. Козочкин И. Д. Уголовное право США. М., 1986.
2. Примерный уголовный кодекс США. Официальный проект института американского права / под ред. Б. С. Никифорова. М., 1969.
3. Тищенко А. В. Провокация и необходимость ее закрепления в уголовном законодательстве России как обстоятельства, смягчающего наказание // Юридические науки. 2014. № 8. С. 167.
4. Яни П. С. Новое постановление Пленума Верховного Суда о взыточности // Законность. 2013. № 12.
5. The Code of Criminal Procedure of the State of New York. N.Y., 1937.

4 The Code of Criminal Procedure of the State of New York. N.Y., 1937.

5 Примерный уголовный кодекс США. Официальный проект института американского права / под ред. Б. С. Никифорова. М., 1969. С. 167.

6 Козочкин И. Д. Уголовное право США. М., 1986. С. 95.

7 Козочкин И. Д. Указ. соч. С. 95.

8 Тищенко А. В. Провокация и необходимость ее закрепления в уголовном законодательстве России как обстоятельства, смягчающего наказание // Юридические науки. 2014. № 8. С. 167.

МАНТАРДЖИЕВ Михаил Васильевич

аспирант кафедры уголовного процесса Кубанского государственного университета

ПРЕДМЕТ ПРОВЕРКИ СООБЩЕНИЯ О ПРЕСТУПЛЕНИИ В СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

Стадия возбуждения уголовного дела обладает рядом особенностей. Предмет доказывания, будучи достаточно разработанной категорией, имеет специфику на этапе проверки сообщения о преступлении. Предмет доказывания выступает факультативной частью, применяется в отдельных, не во всех случаях. На данном этапе правоприменители должны руководствоваться не предметом доказывания, а предметом проверки в стадии возбуждения уголовного дела. Данная новелла станет полезным для правоприменительного процесса в стадии возбуждения уголовного дела.

Ключевые слова: стадия возбуждения уголовного дела, проверочная деятельность, проверка сообщения о преступлении, предмет доказывания, предмет проверки, достоверность сведений, доказательства, доследственная проверка.

MANTARZHIEV Mikhail Vasiljevich

postgraduate student of Criminal process sub-faculty of the Kuban State University

Мантарджиев М. В.

VERIFICATION OF A CRIME REPORT IN THE STAGE OF INITIATION OF CRIMINAL CASE

The stage of the institution of criminal proceedings has a number of peculiarities. The subject of proof, being a sufficiently developed category, is specific at the stage of verification of the crime report. The subject of proof is an optional part, applied in separate, not in all cases. At this stage law enforcement officials should be guided not by the subject of proof, but by the subject of verification at the stage of criminal investigation. This article will become useful for the law enforcement process in the stage of initiating a criminal case.

Keywords: stage of criminal case initiation, verification activity, verification of crime report, subject of proof, subject of verification, reliability of information, evidence, pre-investigation check.

Стадия возбуждения уголовного дела, являясь частью системы уголовного судопроизводства, обладает множеством существенных отличий от иных его этапов, включая виды и содержание принимаемых процессуальных решений, круг субъектов, сроки и т.д. Но особенно значительным представляется отличие в содержании уголовно-процессуальной деятельности. В основе практически всех иных стадий уголовного судопроизводства находится доказательственная деятельность, направленная на установление фактических обстоятельств и обоснование доказательствами принимаемых процессуальных решений. Доказательственная деятельность осуществляется путем производства следственных и иных процессуальных действий, а ее результаты – доказательства – становятся основанием для принятия процессуальных решений. В стадии возбуждения уголовного дела ситуация складывается несколько иначе.

Содержание уголовно-процессуальной деятельности в стадии возбуждения уголовного дела определяется предписаниями уголовно-процессуального закона, которые устанавливают ограничения на производство следственных действий, указывая конкретные их виды, разрешенные в стадии возбуждения уголовного дела. В частности, ч. 1.1 ст. 144 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации предусматривает возможность производства осмотра места происшествия, предметов, документов, освидетельствования, назначение и производство судебной экспертизы, а также достаточно разнообразного круга иных процессуальных действий: ревизии, бухгалтерских проверок, изъятий, получение объяснений и т.д. Отдельные вопросы возникающие в стадии возбуждения уголовного дела, могут быть решены на основании сведений, полученных оперативно-розыскным путем.

Средства, применение которых обеспечивает получение сведений, необходимых для принятия процессуального решения в стадии возбуждения уголовного дела, определены в законе. Однако, закон не содержит столь же четкого подхода к совокупности обстоятельств, которые должны быть установлены на этапе возбуждения уголовного дела. Отсутствие в законе перечня этих обстоятельств приводит к возникновению активной научной дискуссии.

Основным направлением научной полемики выступает определение предмета и пределов в стадии возбуждения уголовного дела.

Предмет доказывания установлен законодательно. В ст. 73 УПК РФ определен перечень обстоятельств, подлежащий доказыванию по каждому уголовному делу. Пределы доказывания четкого законодательного закрепления не имеют.

Научные исследования предмета и пределов доказывания ведутся уже давно¹, их результаты весьма многочисленны и касаются самых разных аспектов. Несмотря на то, что предмет доказывания закреплён нормативно, в науке уголовного процесса нет единого подхода не только в отношении его сущности, но и совокупности обстоятельств, подлежащих доказыванию и других, связанных с ним вопросов.

Известный ученый-процессуалист С. А. Шейфер определял предмет доказывания как процессуальную категорию, которая «имеет материально-правовую основу в виде положе-

¹ См. об этом, например: Цацуру В. А. Научные представления о предмете доказывания в уголовном процессе: дореволюционный период // Юридический вестник Кубанского гос. ун-та. Спецвыпуск. 2017. С. 161-163.

ний уголовного права, определяющих понятие преступления, элементы его состава, отдельные виды преступлений, отягчающие и смягчающие обстоятельства и т. д.»². С. А. Шейфер выделил три уровня предмета доказывания: «Первый выступает как его обобщенная нормативная модель, структура и содержание которой обрисованы в ст. 73 УПК РФ и в нормах общей части уголовного закона. ... Второй уровень понятия определяется на уровне норм особенной части уголовного закона, в которых сформулированы юридические признаки конкретного уголовно-наказуемого деяния, охватывающие его объективную сторону, объект, субъективную сторону и субъект. ... Третий уровень понятия определяется путем конкретизации его с учетом обстоятельств совершения отдельного преступления»³.

Л. М. Володина отчасти поддерживает приведенную выше позицию и пишет: «Предмет доказывания, определяющий круг исследуемых по уголовному делу обстоятельств, не вполне соответствует сформулированному Уголовным кодексом положению, определяющему основание уголовной ответственности»⁴.

По мнению Н.В. Пальчиковой: «предмет доказывания – это круг обстоятельств, имевших место в действительности»⁵. П. В. Пастухов отождествляет предмет доказывания и событие преступления: «Только из того, что понимает правоприменитель – судья, формируются судебные факты, включая главный факт о виновности или невиновности обвиняемого по предъявленному обвинению (элементы состава преступления), а также второстепенные доказываемые факты, составляющие в совокупности предмет доказывания в данном уголовном деле. Судебная истина – это предположение судьи о существовании или несуществовании в реальности события, ставшего предметом доказывания. Сторона предлагает суду согласиться со своей реконструкцией события, ставшего предметом судебного доказывания. Любое доказательство – это достоверное сведение, которое доказывает факт объективной действительности, входящий в предмет доказывания, предмет уголовно-правового спора»⁶.

С приведенными позициями по вопросу определения предмета доказывания в науке уголовного процесса можно в основном согласиться. Однако отдельные положения представляются дискуссионными. Так, в частности, утверждение о том, что судебная истина – это предположение судьи, следует признать противоречащим ч. 4 ст. 302 УПК РФ, в которой сказано: «Обвинительный приговор не может быть основан на предположениях и постановляется лишь при условии, что в ходе судебного разбирательства виновность подсудимого в совершении преступления подтверждена совокупностью исследованных судом доказательств». Кроме того, доказательство – это не только те сведения, которые доказывают обстоятельства, входящие в предмет доказывания, но также и иные, имеющие значение для уголовного дела обстоятельства.

2 Шейфер С. А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования: монография. М.: Норма, Инфра-М, 2014. С. 82.

3 Там же.

4 Володина Л. М. Предмет познания и предмет доказывания по уголовному делу // Библиотека криминалиста. Научный журнал. М.: Юрлитинформ, 2012. № 3 (4). С. 185.

5 Пальчикова Н. В. К вопросу о доказывании в стадии возбуждения уголовного дела // Актуальные проблемы деятельности подразделений УИС: сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. 2015. Воронеж: Изд-во ООО «Издательство «Научная книга»». С. 438-440.

6 Пастухов П. С. Модернизация уголовно-процессуального доказывания в условиях информационного общества: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М., 2015. С. 34, 49-50.

В большей степени нам представляются справедливыми утверждения о том, что предмет доказывания основывается на положениях материального уголовного закона. Именно уголовный закон устанавливает перечень действий, признаваемых преступными и тем самым определяет направление поиска доказательств. В то же время законодатель в части формирования предмета доказывания в уголовно-процессуальном законе идет дальше, расширяя круг подлежащих доказыванию обстоятельств.

Таким образом, предмет доказывания представляет собой совокупность обстоятельств, запрещенных материальным уголовным законом, доказывание наличия или отсутствия которых является обязательным при производстве по уголовному делу, а равно иных обстоятельств, имеющих значение для принятия законного и обоснованного решения.

Признавая частичное совпадение предмета доказывания с формулировкой нормы уголовного права, запрещающей то или иное деяние, уместно поставить вопрос о возможности его применения в уголовно-процессуальной деятельности на стадии возбуждения уголовного дела. Отметим, что в науке уголовного процесса предпринимаются шаги по установлению предмета доказывания для стадии возбуждения уголовного дела. При этом традиционным выступает следующая позиция: «для возбуждения уголовного дела нет необходимости в исследовании всех обстоятельств, имеющих значение для правильного разрешения дела, закрепленных в ст. 73 УПК РФ. Их выяснение является задачей последующих стадий процесса. Следовательно, в стадии возбуждения уголовного дела предмет доказывания будет уже, чем в других стадиях уголовного судопроизводства»⁷.

На наш взгляд, методологически неверно пытаться определить предмет доказывания, основываясь на сопоставлении объема предусмотренных в ст. 73 УПК РФ обстоятельств с процессуальными возможностями стадии возбуждения уголовного дела. Как представляется, метод сопоставления применим к однопорядковым категориям и только при таком подходе он может дать достоверные, а, главное, – объективные результаты.

Использование данного (как мы полагаем, неудачного, подхода) приводит к многочисленным ошибкам в правоприменении. Например, в одном из решений об отмене постановления органа дознания (дознателя) о передаче сообщения о преступлении по подследственности, прокурором дано указание «провести проверочные мероприятия, направленные на полное и всестороннее выяснение обстоятельств происшедшего, после чего принять законное и обоснованное решение»⁸. Подчеркнем, что речь идет о стадии возбуждения уголовного дела, в которой, как правильно отмечено в документе, имеются лишь проверочные действия, но перед ними ставится задача по полному и всестороннему выяснению обстоятельств произошедшего события, т.е. происходит расширение предмета доказывания.

Еще один пример представляется показательным. По заявлению Р. Д. А. о ненадлежащем оказании медицинских услуг следователем МРСО СУ СК РФ проведена доследственная проверка, по результатам которой 5 августа 2014 г. принято решение об отказе в возбуждении уголовного дела по основаниям п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ – за отсутствием в действиях сотруд-

7 Алексанова К. С. Особенности предмета и пределов доказывания в стадии возбуждения уголовного дела // Ростовский научный журнал. 2018. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rostjournal.ru/?p=2635>.

8 ОМВД России по Тихорецкому району. 2014. Материалы проверки КУСП № 13440.

ников МУЗ ЦРБ состава преступлений, предусмотренного ст. 293 УК РФ. Прокурор, отменяя решение следователя, посчитал, что при принятии решения было допущено следующее нарушение: проверка проводилась в отношении наличия состава преступления, предусмотренного ст. 293 УК РФ, включая наличие субъекта. Как сказано в примечании к ст. 285 УК РФ должностными являются лица, постоянно, временно или по специальному полномочию осуществляющие функции представителя власти либо выполняющие организационно-распорядительные, административно-хозяйственные функции в государственных органах, органах местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждениях, государственных корпорациях, а также в Вооруженных Силах Российской Федерации, других войсках и воинских формированиях Российской Федерации. В связи с чем сотрудники медицинского учреждения, выполняющие свои профессиональные обязанности по лечению больных, должностными лицами не являются, следовательно, субъектами преступлений, предусмотренных ст. 293 УК РФ быть не могут⁹. Таким образом, изначальная ошибка в определении предмета установления (квалификации деяния) привела к принятию незаконного процессуального решения

При установлении предмета доказывания в стадии возбуждения уголовного дела, на наш взгляд, надлежит учитывать следующие обстоятельства:

- доказывание осуществляется в усеченном объеме;
- для доказывания предусмотрены ограниченные процессуальные средства;
- результаты доказывания – доказательства – не являются обязательными для принятия процессуальных решений.

Приведенные обстоятельства, на наш взгляд, позволяют выдвинуть следующую гипотезу – в стадии возбуждения уголовного дела предмет доказывания является необязательным, факультативным элементом процессуальной деятельности органов предварительного расследования. Предмет доказывания становится целью уголовно-процессуальной деятельности только в случаях осуществления доказательственной деятельности установленными законом средствами.

Данная гипотеза позволяет продолжить логику рассуждения следующим образом: стадия возбуждения уголовного дела является обязательной частью уголовного судопроизводства по каждому сообщению о преступлении. Предмет доказывания выступает факультативной ее частью, применяется в отдельных, не во всех случаях. Поэтому в остальных случаях правоприменители должны руководствоваться не предметом доказывания, а иной процессуальной конструкцией.

Для ее определения обратимся к содержанию уголовно-процессуального закона, который предписывает должностным лицам проводить *проверку сообщения о преступлении*. В правоприменительной практике даже утвердилось (хотя и не вполне легитимное) понятие «доследственная проверка». Именно проверочная деятельность составляет основу стадии возбуждения уголовного дела и является ее главной задачей.

Проверочная деятельность не может быть беспредметной. Ее направление должно быть объективно обусловлено стремлением к установлению совокупности определенных обстоятельств. И в этом качестве не может выступать перечень обстоятельств, указанных в ст. 73 УПК РФ, это круг иных обстоятельств, который образует *предмет проверки*.

Мы считаем, что *предметом проверки* в стадии возбуждения уголовного дела выступает следующая совокупность обстоятельств:

- наличие признаков преступности и наказуемости деяния, о котором сообщается;
- достоверность сведений, содержащихся в сообщении о преступлении;
- отсутствие обстоятельств, препятствующих возбуждению уголовного дела.

Таким образом, мы предлагаем ввести в научный оборот новое понятие «предмет проверки в стадии возбуждения уголовного дела», как совокупность обстоятельств, выяснение которых составляет основную задачу данной стадии.

Отметим, что современная наука уголовного процесса уже имеет многочисленные примеры использования категорий, отличающихся от понятия предмет доказывания. Так, В. А. Образцов говорит о предмете познания, который представляет собой «развернутую, углубленную совокупность элементов предмета доказывания», «промежуточные (вспомогательные) факты», «следы как носители информации», «события пред- и посткриминального характера, связанные с преступлением»¹⁰.

А. В. Титков пишет о предмете судебного разбирательства в апелляционной инстанции: «к предмету судебного разбирательства в апелляционном порядке законодатель относит: законность, обоснованность и справедливость приговора, законность и обоснованность иного решения суда первой инстанции»¹¹

И. В. Ерпылев называет предмет исследования, которым «в суде становились сведения, прямо не имеющие отношения к делу, например, сексуальная ориентация подсудимого или его политические пристрастия»¹².

М. А. Никонов говорит о предмете рассмотрения: «Суд вышестоящей инстанции может входить в обсуждение вопросов, бывших предметом рассмотрения суда первой инстанции, и изменять/отменять его решение по этим вопросам только при наличии тех или иных условий («ножницы стандартов пересмотра»)»¹³.

Использование различных категорий, обозначающих совокупность обстоятельств, позволяет разнообразить не только научную терминологию, но и обогатить ее содержательно. На наш взгляд, этот процесс имеет позитивный характер при условии достаточной обоснованности выдвижения соответствующего предложения.

Полагаем, что понятие «предмет проверки в стадии возбуждения уголовного дела» станет полезным для законодательного и правоприменительного процессов, обеспечит оптимизацию предписаний закона и создаст необходимую четкость правил осуществления уголовно-процессуальной деятельности в стадии возбуждения уголовного дела.

Подводя итог, сформулируем основные выводы:

9 ОМВД России по Новопокровскому району. 2014. Материал доследственной проверки (КРСП № 178/219-14).

10 Образцов В. А. Выявление и изобличение преступника. М.: Юристъ, 1997. С. 117.

11 Титков А. В. Соотношение предмета доказывания и предмета судебного разбирательства в апелляционном порядке // Актуальные проблемы судебной, правоохранительной, правозащитной, уголовно-процессуальной деятельности и национальной безопасности: материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Краснодар: Кубанский гос. ун-т 2018. С. 194.

12 Ерпылев И. В. Реализация института допустимости доказательств в уголовном процессе и правоохранительной деятельности России и зарубежных государств (сравнительно-правовой анализ) /12.00.09, 12.00.11/ дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015. С. 101.

13 Никонов М. А. Судейское усмотрение: уголовно-процессуальные аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014. С. 10, 21.

1) стадия возбуждения уголовного дела основывается на проведении проверочной деятельности и отличается от остальных стадий системы уголовного судопроизводства отсутствием обязательного требования об осуществлении доказывания;

2) предмет доказывания, установленный в ст. 73 УПК РФ, для стадии возбуждения уголовного дела имеет факультативное значение и применяется только в отдельных случаях, при осуществлении доказывания установленными законом средствами;

3) основой для уголовно-процессуальной деятельности в стадии возбуждения уголовного дела выступает предмет проверки, в которой должны быть установлены следующие обстоятельства:

– наличие признаков преступности и наказуемости деяния, о котором сообщается;

– достоверность сведений, содержащихся в сообщении о преступлении;

– отсутствие обстоятельств, препятствующих возбуждению уголовного дела;

4) предлагаем дополнить ст. 144 УПК РФ новой частью 1.2: «1.2. При проведении проверки следователь, дознаватель обязаны установить наличие признаков преступности и наказуемости деяния, о котором сообщается; достоверность сведений, содержащихся в сообщении о преступлении; отсутствие обстоятельств, препятствующих возбуждению уголовного дела».

Пристатейный библиографический список

1. Алексанова К. С. Особенности предмета и пределов доказывания в стадии возбуждения уголовного дела // Ростовский научный журнал. 2018. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rostjournal.ru/?p=2635>.
2. Володина Л. М. Предмет познания и предмет доказывания по уголовному делу // Библиотека криминалиста. Научный журнал. М.: Юрлитинформ, 2012. № 3 (4). С. 184-189.
3. Ерпылёв И. В. Реализация института допустимости доказательств в уголовном процессе и правоохранительной деятельности России и зарубежных государств (сравнительно-правовой анализ) /12.00.09, 12.00.11/ дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015. 185 с.
4. Никонов М. А. Судейское усмотрение: уголовно-процессуальные аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014. 33 с.
5. Образцов В. А. Выявление и изобличение преступника. М.: Юристъ, 1997. 336 с.
6. ОМВД России по Новопокровскому району. 2014. Материал доследственной проверки (КРСП № 178/219-14).
7. ОМВД России по Тихорецкому району. 2014. Материалы проверки КУСП № 13440.
8. Пальчикова Н. В. К вопросу о доказывании в стадии возбуждения уголовного дела // Актуальные проблемы деятельности подразделений УИС: сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. 2015. Воронеж: Изд-во ООО «Издательство «Научная книга»». С. 438-440.
9. Пастухов П. С. Модернизация уголовно-процессуального доказывания в условиях информационного общества: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2015. 34 с.
10. См. об этом, например: Цацуру В. А. Научные представления о предмете доказывания в уголовном про-

цессе: дореволюционный период // Юридический вестник Кубанского гос. ун-та. Спецвыпуск. 2017. С. 161-163.

11. Титков А. В. Соотношение предмета доказывания и предмета судебного разбирательства в апелляционном порядке // Актуальные проблемы судебной, правоохранительной, правозащитной, уголовно-процессуальной деятельности и национальной безопасности: материалы Всерос. науч.-практ. конф с международным участием. Краснодар: Кубанский гос. ун-т 2018. С. 193-198.
12. Шейфер С. А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования: монография. М.: Норма, Инфра-М, 2014. 240 с.

Институт законодательства и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации

Н.Г. Доронина, Н.М. Казанцев,
Н.Г. Семилютина

Правовое регулирование экономических отношений: глобальное, национальное, региональное

Издательство
НОРМА

ЧЕРНОУСОВА Анастасия Владимировна

ассистент кафедры уголовного права юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета

ЗНАЧИТЕЛЬНЫЙ УЩЕРБ КАК КОНСТРУКТИВНЫЙ ПРИЗНАК СОСТАВА УМЫШЛЕННОГО УНИЧТОЖЕНИЯ ИЛИ ПОВРЕЖДЕНИЯ ИМУЩЕСТВА

Рассматриваются высказанные в юридической литературе суждения о критериях значительного ущерба, анализируются предложения предусмотреть в ст. 167 УК РФ минимальную стоимостную границу значительности ущерба. Автор обосновывает вывод о нецелесообразности введения в текст УК РФ абсолютных денежных величин для определения минимальной границы значительного ущерба.

Ключевые слова: значительный ущерб, уничтожение, повреждение.

CHERNOUSOVA Anastasiya Vladimirovna

assistant of Criminal law sub-faculty of the Law Institute of the National Research Tomsk State University

SIGNIFICANT DAMAGE AS A CONSTRUCTIVE SIGN OF THE COMPOSITION OF INTENTIONAL DESTRUCTION OR DAMAGE TO PROPERTY

The judgments on the criteria of significant harm, expressed in the legal literature are considered, the proposal to provide the minimum value of the border of the significance of the damage in article 167 of the criminal code is analyzed. The author substantiates the conclusion that it is impractical to introduce absolute monetary values into the text of the criminal code to determine the minimum limit of significant damage.

Keywords: significant damage, destruction, damage.

Черноусова А. В.

Обязательным признаком рассматриваемого преступления выступает общественно-опасное последствие в виде значительного ущерба. Значительный ущерб является основным критерием, который разграничивает уголовно-наказуемое от административно-наказуемого умышленного уничтожения или повреждения имущества.

Значительный ущерб относится к числу оценочных понятий, используемых в уголовном законодательстве при описании преступных деяний. В юридической литературе оценочное понятие определяется как «обобщение явлений и процессов правовой действительности, которое фиксируется в законодательстве посредством указания лишь наиболее общих признаков явления или процесса. Специфичные, частные признаки оценочного понятия в законодательстве отсутствуют и выявляются как посредством толкования правовой нормы, так и путем различного рода разъяснений и уточнений, даваемых судебной практикой и подзаконными актами»¹. Этот конструктивный признак объективной стороны устанавливается в каждом отдельном случае с учетом фактических обстоятельств уголовного дела.

Следует отметить, значительный ущерб как признак объективной стороны преступлений против собственности предусматривается не только в ст. 167 УК РФ. В главе 21 УК РФ «значительный ущерб гражданину» предусмотрен в качестве квалифицирующего признака таких форм хищения, как кража, присвоение и растрата. Значительный ущерб выступает обязательным признаком мошенничества в сфере предпринимательской деятельности (ст. 159.6 УК РФ). Анализ примеча-

ния 2 к ст. 158 УК РФ позволяет сделать вывод, что толкование понятия «значительный ущерб» имеет одинаковое наполнение независимо от того, о каком преступлении против собственности идет речь, за исключением ч. 5 ст. 159 УК РФ.

Поэтому многие авторы отмечали, что значительный ущерб, причиненный физическим лицам в результате совершения преступления, предусмотренного ст. 167 УК РФ, не может быть менее 2500 тысяч рублей². Некоторые авторы расширяли содержательный смысл этого положения и считали, что при всех случаях умышленного уничтожения или повреждения имущества, независимо от того, является ли потерпевший юридическим и физическим лицом, стоимость утраченного имущества не может быть менее 2500 руб.³

Как известно, Федеральным Законом от 3 июля 2016 года № 323-ФЗ был повышен порог минимальной денежной суммы, которую следует рассматривать как «значительный ущерб гражданину». В примечании 2 к ст. 158 УК РФ указано, что «значительный ущерб гражданину в статьях настоящей главы, за исключением части пятой статьи 159, определяется с учетом его имущественного положения, но не может составлять менее пяти тысяч рублей»⁴.

Надо сказать, что в юридической литературе некоторые авторы критически относились к использованию при-

1 Малиновский А. А. Оценочные понятия в законодательстве // Законотворческая техника современной России: состояние, проблемы, совершенствование: сборник статей. Т. 1 / под ред. В. М. Баранова. Н.Новгород, 2001. С. 268.

2 До внесения изменений Федеральным Законом от 3 июля 2016 года № 323-ФЗ.

3 Уголовное право России. Часть Особенная: Учебник для вузов / Б. В. Волженкин, Р. Р. Галиакбаров, А. С. Горелик и др.; отв.ред. проф. Л. Л. Кругликов. М.: Волтерс Клувер, 2004. С. 238.

4 Уголовный Кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 06.07.2016) / КонсультантПлюс. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: справочная правовая система (дата обращения: 15.10.2016 г.).

мечания 2 к ст. 158 УК РФ при определении значительного ущерба в случае умышленного уничтожения или повреждения имущества. Так, О. В. Ермакова считает, что «ориентация на примечание 2 к ст. 158 УК РФ, разъясняющее понятие «значительный ущерб гражданину», вряд ли может быть признана заслуживающей поддержки хотя бы потому, что ущерб может причиняться не только гражданам, но и другим субъектам – организациям или государству. Поэтому во многих случаях обращение к указанному примечанию вопроса о признании ущерба значительным не снимает»⁵. По ее мнению, «в уголовном законе следует дать толкование понятия «значительный ущерб» применительно к ст. 167 УК РФ⁶. И. Г. Шевченко полагает, что «значительный» и «значительный ущерб гражданину» различные правовые категории, которые используются в одной главе УК. В то же время она отмечает, что «в случае уничтожения или повреждения имущества граждан правоохранительными органами вполне оправдываются положения УК, касающиеся определения значительного ущерба гражданину», так как «категория значительности ущерба гражданину является разновидностью значительного ущерба»⁷.

Следует согласиться, с позицией этих авторов; значительный ущерб, как последствие преступления действительно является более широким понятием, чем значительный ущерб гражданину. Потерпевшими от преступления, предусмотренного ст. 167 УК РФ, могут быть не только физические, но и юридические лица (коммерческие организации, органы местного самоуправления и т.д.).

Как уже указывалось, одни авторы предлагали и предлагают использовать сумму денежных средств, указанную в примечании 2 к ст. 158 УК РФ, в качестве минимального порога, наличие которого позволяет признать ущерб значительным при умышленном уничтожении или повреждении имуществу граждан⁸. Другие авторы полагают, что в качестве нижней границы ущерба, признаваемого значительным в результате умышленного уничтожения или повреждения имущества граждан, в УК РФ следует указывать иные суммы путем введения отдельного примечания к ст. 167 УК РФ. Так, О. М. Иванова полагает, что значительный ущерб для гражданина следует определять с учетом его имущественного положения, но он не может составлять менее 20 000 базовых единиц, для юридических лиц не может составлять менее 200 000 базовых единиц (1 базовая единица=1 рублю)⁹. Л. М. Файзрахманова утверж-

дает, что необходимо определять значительный ущерб с помощью такой категории как минимальный размер оплаты труда; значительным следует считать сумму ущерба, превышающую этот показатель в 5 раз¹⁰. Следует отметить, что авторы, предлагая установить какую-либо сумму денежных средств в качестве нижней границы ущерба, который будет признаваться значительным для граждан в случае умышленного уничтожения или повреждения имущества, развернутых доводов в обоснование своего решения не приводят.

Нельзя также не заметить, что в науке уголовного права предлагается формализовать нижний предел значительного ущерба, причиненного умышленным уничтожением или повреждением имущества, юридическим лицам. Так, А. С. Мирончик полагает, что в качестве нижней стоимостной границы значительного ущерба, причиненного юридическому лицу следует учитывать минимальный размер уставного капитала, определенного законом для одной из наиболее распространенной организационно-правовой формы юридического лица (коммерческой организации) в сфере малого и среднего бизнеса – общества с ограниченной ответственностью¹¹. При этом она отмечает, что такая нижняя стоимостная граница должна использоваться и при установлении значительности ущерба для некоммерческих организаций. В соответствии с действующим законодательством, минимальный размер уставного капитала общества с ограниченной ответственностью составляет не менее десяти тысяч рублей. Поэтому А. С. Мирончик считает, что значительный ущерб для юридических лиц не может быть менее десяти тысяч рублей. Ф. Ф. Набиев указывает, что значительный ущерб, причиненный юридическому лицу, следует определять «с учетом его финансового положения, но не может составлять менее пятидесяти тысяч рублей»¹².

На наш взгляд, устанавливать минимальный стоимостной порог, с которого может наступать уголовная ответственность за умышленное уничтожение или повреждение имущества физических или юридических лиц нецелесообразно. Нельзя сказать, что на сегодняшний день все граждане, без исключения, обладают одинаковым минимальным уровнем достатка, а потому представляется возможным выявить какой-либо нижний предел, который позволял бы сделать вывод, что ущерб, причиненный в результате умышленного уничтожения или повреждения имущества, является значительным. Россия, как известно, входит в число государств с самым высоким экономическим неравенством¹³. С учетом высокого социального и экономического расслоения населения в нашей стране

5 Ермакова О. В. Преступления против собственности: научно-практический комментарий. Барнаул: Барнаульский юридический институт МВД России, 2015. С. 85.

6 Там же. С. 87.

7 Шевченко. Уничтожение и повреждение имущества в уголовном праве России: эволюция норм: дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2007. С. 117.

8 Полный курс уголовного права: в 5 т. III: Преступления в сфере экономики/ под. ред. А. И. Коробеева. СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2008. С. 310; Шишкин Н. А. Проблемы толкования термина «значительный ущерб» в составе умышленных уничтожения или повреждения имущества (ст. 167 УК РФ) // Вестник Московского университета МВД России. 2009. № 11. С. 158; Уголовное право. Особенная часть. В 2 т. Т. 1 / И. Я. Козаченко, Г. П. Новоселов. М.: Издательство Юрайт, 2017. С. 180; Шарипов А. М. Уничтожение и повреждение имущества в уголовном праве России. дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2005. С. 114.

9 Иванова О. М. Преступные уничтожения или повреждения имущества // Современные тенденции и инновации в области гуманитарных и социальных наук. Йошкар-Ола, 2016. С. 148.

10 Файзрахманова Л. М. Уголовная ответственность за уничтожение или повреждение чужого имущества по УК России: дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2002. С. 70.

11 Мирончик А. С. Преступные уничтожение или повреждение чужого имущества: обоснованность криминализации, оптимизация законодательного описания, квалификация: дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2009. С. 81.

12 Набиев Ф. Ф. Уголовно-правовые и криминологические аспекты умышленных уничтожения или повреждения чужого имущества (на примере Республики Башкортостан): дис. ... канд. юрид. наук. Уфа, 2017. С. 77.

13 Жизнь в России: бедные стали нищими. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://news.rambler.ru/economics/38682248-zhizn-v-rossii-bednye-stali-nischimi/> (дата обращения 14.04.2018 г.).

материальное положение потерпевших достаточно сильно варьируется. Так, по сведениям Росстата общий объем денежных доходов, распределенный по 5 группам населения показывает, что 47,1 % доходами обладают наиболее обеспеченная группа населения, в то время как 5,3 % приходится на группу с наименьшими доходами. Остальные три группы населения владеют доходами 10 %, 15 %, 22,6 %, которые в сумме совсем немного превышает долю доходов наиболее обеспеченных граждан (47,6 %). Согласно данным Росстата децильный коэффициент в 2016 г. свидетельствует о том, что в 15,6 раза среднедушевой доход 10 %-группы населения с наибольшими доходами выше, чем у 10 %-группы с наименьшими доходами¹⁴.

Кроме того, с учетом социально-экономических реалий в нашем обществе, а именно сокращения рабочих мест, снижения размера реальных доходов, которое влечет за собой ухудшение уровня и качества жизни населения, установление нижней границы ущерба, признаваемого значительным для граждан в размере не менее 5 тысяч рублей, является преждевременным, поскольку может повлечь ущемление прав и законных интересов социально незащищенных слоев населения. Надо сказать, что в условиях небольших поселений городского типа и сельских поселений, где уровень доходов не является высоким, причинение ущерба на сумму и менее 5000 тысяч рублей может вызывать существенные материальные затруднения. Анализ данных Росстата позволяет сделать вывод, что хоть соотношение денежных доходов населения и величины прожиточного минимума в целом по России увеличивается (в 2015 г. – 311,6 %, а в 2016 г. – 312,8 %) в большинстве субъектов РФ (Республика Коми в 2015 г. – 291,1 %; в 2016 г. – 260,3 %; Пермский край в 2015 г. – 337,0 %; в 2016 г. – 299,5 %; Магаданская область в 2015 г. – 290,4 %; в 2016 г. – 255,7 %; ЯМАО в 2015 г. – 421,4 %; в 2016 г. – 394,9 % и др.) эти показатели падают¹⁵. Увеличивается число людей, доходы которых составляют величину ниже прожиточного минимума: в 2015 г. – 19,5 млн. человек, а в 2016 г. – 19,6 млн. человек, а также растет число безработных граждан среди экономически активного населения (в 2014 г. – 1,6 %; в 2015 г. – 2,8 %; 2016 – 3,0 %)¹⁶. По подсчетам экспертов ВШЭ, в 2016 году трудности с покупкой продуктов или одежды испытывал 41 % россиян (при этом у 11 % жителей страны денег не хватает даже на продукты)¹⁷. В настоящее время минимальная академическая стипендия для студентов техникумов и колледжей составляет порядка 856 руб., для вузов – 1571 руб. Социальная стипендия для учащихся техникумов и колледжей составляет 856 рублей, для студентов вузов – 2 358 руб. Аспиранты, ассистенты-стажеры, ординаторы получают немногим более 3 тыс. рублей, по техническим и естественно-научным направлениям – 7,4 тыс. рублей¹⁸.

По данным Росстата, в марте 2018 года 13 317 тыс. рублей составляет средний размер назначенных пенсий¹⁹

Исходя из сказанного, можно сделать вывод, что указание в примечании 2 к ст. 158 УК РФ 5000 тысяч рублей в качестве нижней стоимостной границы значительного ущерба, причиненного гражданину, не учитывает интересы лиц, имеющих минимальные материальные затраты и ставит их в неравное положение в плане уголовно-правовой защиты.

Нельзя согласиться и с авторами, которые предлагают установить в качестве нижней стоимостной границы значительного ущерба, причиненного юридическому лицу минимальный размер уставного капитала общества с ограниченной ответственностью. Виды юридических лиц не ограничиваются лишь обществами с ограниченной ответственностью и не все из них имеют уставной капитал. Однако даже если речь идет об обществах с ограниченной ответственностью, размер уставного капитала не всегда является реальным и действительным показателем финансово-экономического состояния юридического лица. Уставной капитал выступает в качестве стартовой материальной базы для создания и нормального функционирования деятельности юридического лица. В зависимости от организационно-правовой природы уставной капитал формируется по-разному и получает другие наименования (складочный капитал и т.д.). С учетом того, что перечень видов юридических лиц достаточно широк, характер и направление их деятельности являются разнородными, выявить какой-либо минимальный предел стоимости уничтоженного или поврежденного имущества, который следовало бы признать значительным ущербом для абсолютно всех юридических лиц, не представляется возможным. Очевидно, что финансово-экономическое состояние юридических лиц, учитывая многообразие их организационно-правовых форм, не может быть единым.

Уместно напомнить, что к юридическим лицам, помимо коммерческих и некоммерческих организаций относятся и органы государственной власти, а также органы местного самоуправления. Так, согласно пункту 3 ст. 20 Федерального закона от 6 октября 1999 года № 184-ФЗ (ред. от 05.02.2018) «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» высший исполнительный орган государственной власти субъекта Российской Федерации обладает правами юридического лица²⁰. В соответствии со ст. 41 Федерального Закона Российской Федерации от 6 октября 2003 года № 131-ФЗ (ред. от 18.04.2018) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» органы местного самоуправления, в соответствии с вышеназванным законом и уставом муниципальным образования, наделяются правами юридического лица, являются муниципальными казенными учреждениями, образуемыми для

14 [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.gks.ru> (дата обращения: 21.04.2018 г.).

15 [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.gks.ru> (дата обращения: 21.04.2018 г.).

16 Там же.

17 Голодец рассказала об уникальных чертах бедности. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://www.rbc.ru/society/14/03/2017/58c7cf0c9a79470c568fb0f3> (дата обращения: 25.04.2018 г.).

18 Студентам подкинут доллар. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://www.gazeta.ru/business/2017/11/29/11017568>. (дата обращения: 25.04.2018 г.).

19 [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.gks.ru> (дата обращения 21.04.2018 г.).

20 Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации: федеральный закон РФ от 6.10.1999 № 184-ФЗ (ред. от 05.02.2018) // Собрание законодательства РФ. 18.10.1999. № 42. Ст. 5005.

осуществления управленческих функций, и подлежат государственной регистрации в качестве юридических лиц²¹.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что использование оценочного понятия «значительный ущерб» и отсутствие его нижней границы в преступлении, предусмотренном ст. 167 УК РФ, позволит максимально учесть все обстоятельства содеянного в зависимости от конкретного случая умышленного уничтожения или повреждения имущества. Не любое приведение имущества в полную или частичную негодность причиняет значительный ущерб собственности и, соответственно, должно требовать уголовно-правовой охраны. Думается, что уголовно-наказуемым уничтожением и повреждением имущества должно быть только в случаях, когда противоправные действия по приведению имущества в полную или частичную негодность существенно ухудшают материальное положение собственника или иного владельца имущества, лишают его возможности полноценно осуществлять свою деятельность и удовлетворять свои потребности, участвовать в хозяйственной жизни. Поэтому представляется, что значительность ущерба, причиненного в результате совершения преступления, предусмотренного ст. 167 УК РФ, необходимо устанавливать с учетом ряда обстоятельств, которые должны свидетельствовать о том, что приведение имущества в полную или частичную непригодность причиняет собственнику или иному владельцу имущества серьезный имущественный ущерб. Верховный Суд РФ в пункте 6 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 5 июня 2002 года № 14 «О судебной практике по делам о нарушении правил пожарной безопасности, уничтожении или повреждении имущества путем поджога либо в результате неосторожного обращения с огнем» указал, что при установлении значительного ущерба в ст. 167 УК РФ следует исходить из «стоимости уничтоженного имущества или стоимости восстановления поврежденного имущества, значимости этого имущества для потерпевшего, например, в зависимости от рода его деятельности и материального положения либо финансово-экономического состояния юридического лица, являвшегося собственником или иным владельцем уничтоженного или поврежденного имущества...»²².

Пристатейный библиографический список

1. Ермакова О. В. Преступления против собственности: научно-практический комментарий. Барнаул: Барнаульский юридический институт МВД России, 2015. 96 с.
2. Иванова О. М. Преступные уничтожения или повреждения имущества // Современные тенденции и инновации в области гуманитарных и социальных наук. Йошкар-Ола, 2016. С. 145-150.

3. Малиновский А. А. Оценочные понятия в законодательстве // Законотворческая техника современной России: состояние, проблемы, совершенствование: сборник статей. Т. 1 / под ред. В. М. Баранова. Н. Новгород, 2001. 544 с.
4. Мирончик А. С. Преступные уничтожение или повреждение чужого имущества: обоснованность криминализации, оптимизация законодательного описания, квалификация: дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2009. 193 с.
5. Набиев Ф. Ф. Уголовно-правовые и криминологические аспекты умышленных уничтожения или повреждения чужого имущества (на примере Республики Башкортостан): дис. ... канд. юрид. наук. Уфа, 2017. 219 с.
6. Полный курс уголовного права: в 5 т. Т. III: Преступления в сфере экономики / под ред. А. И. Коробеева. СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2008. 766 с.
7. Уголовное право России. Часть Особенная: Учебник для вузов / Б. В. Волженкин, Р. Р. Галиакбаров, А. С. Горелик и др.; отв. ред. проф. Л. Л. Кругликов. 2-е изд. перераб. и доп. М.: Волтерс Клувер, 2004. 880 с.
8. Уголовное право. Особенная часть. В 2 т. Т. 1: учебник академического бакалавриата / И. Я. Козаченко, Г. П. Новоселов. 2-изд. перераб. и доп. М.: Издательство Юрайт, 2017. 353 с.
9. Файзрахманова Л. М. Уголовная ответственность за уничтожение или повреждение чужого имущества по УК России: дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2002. 212 с.
10. Шарипов А. М. Уничтожение и повреждение имущества в уголовном праве России: дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2005. 178 с.
11. Шевченко И. Г. Уничтожение и повреждение имущества в уголовном праве России: эволюция норм: дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2007. 251 с.
12. Шишкин Н. А. Проблемы толкования термина «значительный ущерб» в составе умышленных уничтожения или повреждения имущества (ст. 167 УК РФ) // Вестник Московского университета МВД России. М.: Изд-во Моск. ун-та МВД России. 2009. № 11. С. 158-160.

21 Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: федеральный закон РФ от 6 октября 2003 (ред. от 18.04.2018) // Собрание законодательства РФ. 06.10.2003. Ст. 3822.

22 Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 5.06.2002 г. № 14 «О судебной практике по делам о нарушении правил пожарной безопасности, уничтожении или повреждении имущества путем поджога либо в результате неосторожного обращения с огнем» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2002. № 8.

МАНТАРДЖИЕВ Михаил Васильевич

аспирант кафедры уголовного процесса Кубанского государственного университета

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ И ПРОБЛЕМАХ ДОКАЗЫВАНИЯ В СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

На сегодняшний день не определены предмет и пределы доказывания на этапе проверки сообщения о преступлении, хотя на данном этапе реализуется доказывание. Основным критерием допустимости доказательств является требование о надлежащем субъекте, однако данное правило не интегрировано в стадию возбуждения уголовного дела. В качестве решения проблемы предлагается внесение дополнений в УПК РФ. Так же особенностью данной стадии является ее краткосрочность и ограниченность процессуальных ресурсов, что порождает ошибки правоприменителя. Причиной ряда ошибок являются не указанные особенности, а пробельность и иные недостатки уголовно-процессуального законодательства в части процессуальной формы тех действий в стадии возбуждения уголовного дела, которые способны сформировать доказательства.

Ключевые слова: доказывание, стадия возбуждения уголовного дела, проблемы доказывания, предмет доказывания, пределы доказывания, допустимость, надлежащий субъект, особенности доказывания, иные процессуальные действия, процессуальная форма.

MANTARZHIEV Mikhail Vasiljevich

postgraduate student of Criminal process sub-faculty of the Kuban State University

ON SOME PECULIARITIES AND PROBLEMS OF PROOF UNDER THE CRIMINAL CASE

The subject and limits of proof have not been determined at the stage of verification of the crime report today, although proof is being implemented at this stage. The main criterion for the admissibility of evidence is the requirement of the proper subject, but this rule is not integrated into the stage of a criminal case. As a solution to the problem making amendments in the Criminal Procedure Code of the Russian Federation is proposed. Also, the peculiarity of this stage is its short-term and limited procedural resources, which generates errors of law enforcement. The reason for a number of mistakes are not the indicated features, but the gaps and other shortcomings of the criminal procedural legislation regarding the procedural form of those actions in the stage of criminal prosecution that are capable of forming evidence.

Keywords: proving, stage of criminal case initiation, proof problems, subject of proof, limits of proof, admissibility, proper subject, features of proof, other procedural actions, procedural form.

Мантарджиев М. В.

Стадия возбуждения уголовного дела порождает многочисленные научные дискуссии: от целесообразности самого факта наличия возбуждения уголовного дела, до оценки эффективности отдельных действий, производимых в ее рамках. Наиболее радикальным выступает предложение об отказе от стадии возбуждения уголовного дела¹. Имеются также предложения об усовершенствовании процедуры ее производства².

Хотелось бы сразу сформулировать собственную исходную позицию: стадия возбуждения уголовного дела выполняет существенную системную функцию в уголовном судопроизводстве, обладает правовой и социальной значимостью в силу чего – нужна системе уголовного судопроизводства, но ее процессуальная форма нуждается в существенной модернизации, особенно в аспектах, связанных с доказыванием.

Известный российский ученый-процессуалист С. А. Шейфер так раскрывал понятие доказывания: «Доказывание – получение доказательств и оперирование ими в целях воссозда-

ния действительной картины изучаемого события – является единственным средством достижения целей судопроизводства, т.д.»³. О доказывании как о познавательной деятельности, облеченной в процессуальную форму еще ранее писали М. С. Строгович, В. М. Савицкий⁴ и другие ученые.

Несколько расширял сферу доказывания С. С. Алексеев, указывая, что доказыванием охватывается не только познание, но и обоснование доводов, их аргументация⁵.

В. А. Семенцов считает, что содержание доказывания составляет комплекс уголовно-процессуальных действий и отношений при помощи которых обеспечивается защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, а также защита личности от незаконного и необоснованного обвинения⁶. Данная позиция нам представляется интересной в силу того, что доказывание обеспечивает выпол-

1 Например: Дерихев Ю. В. Концепция уголовного досудебного производства в правовой доктрине современной России: монография. Омск: Изд-во Омск. акад. МВД России, 2004. С. 179-197; Кругликов А. П. Нужна ли стадия возбуждения уголовного дела в современном уголовном процессе России? // Российская юстиция. 2011. № 6. С. 56-58.

2 Шейфер С. А. Трансформация стадии возбуждения уголовного дела в связи с принятием ФЗ-23 от 4 марта 2013 года // Вектор науки ТГУ. Сер.: Юридические науки. 2014. № 2 (17). С. 160.

3 Шейфер С. А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования: монография. М.: Норма, Инфра-М, 2014. С. 10.

4 Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. В 2-х т. Т. 1. М.: Наука, 1968. С. 298-299; Савицкий В. М. Государственное обвинение в суде. М.: Наука, 1971. С. 156-158.

5 Алексеев С. С. Проблемы теории права. Курс лекций в 2-х т. Свердловск: Изд-во Свердл. юрид. ин-та, 1973. Т. 2. С. 247, 248.

6 Семенцов В. А. Следственные действия в досудебном производстве (общие положения теории и практики): монография. Екатеринбург: Изд. Дом «Уральская гос. юрид. академия», 2006. С. 77.

нение назначения уголовного судопроизводства в целом и, тем самым, является обязательным элементом на всех его стадиях.

По данному вопросу имеются и другие научные позиции, которые, однако, в целом свидетельствуют о глобальном для уголовного судопроизводства распространении доказывания и использовании его результатов.

Каждая стадия имеет свои отличия, особенности в способах и методах его осуществления. Например, в стадии судебного разбирательства доказывание сопряжено с непосредственностью, состязательностью и активностью сторон. В стадии предварительного расследования состязательность имеет ограниченное действие, зато обширен перечень следственных и иных процессуальных действий, направленных на познание обстоятельств совершения преступления.

В стадии возбуждения уголовного дела доказывание также имеет свои особенности.

1. Первая особенность связана с определением границ доказывания в структуре стадии возбуждения уголовного дела. В. А. Семенцова пишет: «Процессуальная деятельность по проверке сообщения о преступлении служит своеобразным фильтром, обеспечивающим принятие законного и обоснованного решения, отграничить преступление от иного вида правонарушения»⁷. Контекст дальнейшего изложения позволяет сделать вывод, что автор придерживается точки зрения о том, что доказывание в стадии возбуждения уголовного дела осуществляется исключительно в рамках проверки сообщения о преступлении.

Следует отметить, что стадия возбуждения уголовного дела имеет несколько этапов: принятие сообщения о преступлении, его проверка, принятие процессуального решения по результатам проверки. Таким образом, если основываться на указанной позиции, то доказывание локализуется исключительно в среднем (центральном) звене стадии – при проверке сообщения о преступлении. В то же время при обобщении правоприменительной практики мы получили следующие результаты:

– обстоятельствами смягчающими наказание, суд признает в соответствии с п.п. «и» ч. 1 ст. 61 УК РФ заявление подсудимого о совершенном преступлении в качестве явки с повинной, так как оно дано до его допроса в качестве подозреваемого, соответствует требованиям ст. 142 УПК РФ (л.д. 27)⁸;

– суд не находит оснований подвергать сомнению обстоятельства, изложенные Жилиным А.А. в заявлении о явке с повинной, поскольку она добыта с соблюдением норм уголовно-процессуального закона, оснований для признания данного доказательства недопустимым, не имеется. Данная явка с повинной Жилина А.А. объективно подтверждается совокупностью доказательств, исследованных в судебном заседании, поэтому данный вид доказательства суд кладёт в основу приговора и придаёт доказательственную силу⁹;

– виновность Агаркова И. Н. подтверждается, также, исследованными письменными доказательствами: ... протоколом явки с повинной Агаркова И. Н. от 23.06.2017г., согласно которой Агарков И. Н. обстоятельно пояснил о совершенном

им хищении денежных средств в сумме 10 000 рублей (г.л. л.д.19-20)¹⁰.

Полагаем, что приведенные примеры свидетельствуют о достаточно сложившейся судебной практике по вопросу признания доказательствами не только результатов проверочных процессуальных действий, но и принятым сообщениям о преступлениях, указанных в ст. 140 УПК РФ.

Такого рода практика имеет под собой некоторые объективные основания. Придание доказательственного значения принятым уполномоченным лицом и оформленным в соответствии с требованиями уголовно-процессуального закона поводам к возбуждению уголовного дела позволяет расширить круг информационных источников. Укажем также и на процедуру получения сообщений о преступлении, которая предусматривает разъяснения конституционных и процессуальных прав заявителем, лицу, явившемуся с повинной, при необходимости – обращении за получением квалифицированной юридической помощи, предупреждение об уголовной ответственности за заведомо ложный донос (гарантия достоверности) и др. Совокупность установленных процедурных правил, процессуальная значимость полученных результатов, позволяют считать принятие сообщения о преступлении этапом стадии возбуждения уголовного дела, в котором реализуется доказывание.

2. Вторая особенность доказывания в стадии возбуждения уголовного дела, связана с определением допустимости полученных в ее рамках результатов. Есть мнение, что «В стадии возбуждения уголовного дела материалы доследственной проверки не должны признаваться допустимыми доказательствами, так как доказательства могут быть собраны только после возбуждения уголовного дела»¹¹. Содержание ч. 1.2 ст. 144 УПК РФ гласит: «Полученные в ходе проверки сообщения о преступлении сведения могут быть использованы в качестве доказательств при условии соблюдения положений ст. 75 ... настоящего Кодекса». Нарушение установленного уголовно-процессуальным законом порядка собирания доказательств ведет к признанию их недопустимыми и утрате ими юридического значения (ст. 75 УПК РФ). При этом сами требования, определяющие допустимость, весьма разнообразны и достаточно многочисленны. Одним из таких правил выступает получение доказательств уполномоченным лицом, которому придается весьма существенное значение. Приведем выдержки из некоторых судебных актов:

– «как следует из материалов дела, все исследованные доказательства отвечают требованиям ст. 75 УПК РФ, являются достоверными, относимыми и допустимыми, получены и закреплены *надлежащими должностными лицами (здесь и далее курсив наш. – М.М.)* в соответствии с нормами уголовно-процессуального закона, содержат в себе сведения об обстоятельствах, подлежащих доказыванию по уголовному делу, согласно положениям ст. 73 УПК РФ»¹²;

– «суд отмечает наличие в материалах уголовного дела объяснения Л. Г.А., полученного у него сотрудником уголовного розыска, *без поручения следователя.* ... По указанной причине и в соответствии с положениями п. 1 ч. 2 ст. 75 УПК РФ

7 Семенцов В. А. Следственные действия в досудебном производстве: монография. М.: Юрлитинформ, 2017. С. 101.

8 Дзержинский городской суд. Нижегородская область. Приговор № 1-543/2017 от 27 ноября 2017 г.

9 Харабалинский районный суд. Астраханская область. Приговор № 1-116/2017 от 24 ноября 2017 г.

10 Курский районный суд. Курская область. Приговор № 1–118/2017 от 24 ноября 2017 г.

11 Белоусов А. В. Процессуальное закрепление доказательств при расследовании преступлений. М., 2001. С. 30.

12 Навашинский районный суд. Нижегородская область. Апелляционное постановление № 10-2/2017 от 1 декабря 2017 г.

суд признает объяснение Л. Г.А. недопустимым и исключает из доказывания»¹³.

Вышесказанное доказывает значимость полномочности должностного лица для определения допустимости доказательств. Например, полномочия следователя на получение доказательств по расследуемому уголовному делу основываются на постановлении о принятии дела к своему производству. Полномочия сотрудника органа дознания по уголовному делу, находящемуся в производстве у следователя подтверждаются письменным поручением следователя. Применительно к стадии возбуждения уголовного дела возникает вопрос: каким процессуальным способом подтверждается полномочность должностного лица на осуществление процессуальных действий и тем самым гарантируется допустимость полученных результатов как доказательств? Четкого ответа на поставленный вопрос действующий уголовно-процессуальный закон не дает.

Как отмечают В.А. Семенцов и О.В. Гладышева «В ч. 1 ст. 39 УПК РФ закреплены полномочия руководителя следственного органа – от права поручать производство предварительного следствия следователю либо нескольким следователям до права возвращать уголовное дело следователю с указанием о производстве дополнительного расследования»¹⁴. Однако ни в этой статье, ни в гл.гл. 19 и 20 УПК РФ ничего не сказано о порядке приобретения процессуальных полномочий следователем, дознавателем при проверке сообщений о преступлении. Нет соответствующего положения и в ведомственных актах¹⁵.

Мы считаем, что для устранения данного пробела необходимо п. 1 ч. 1 ст. 39 УПК РФ дополнить словами: «поручать проведение проверки сообщений о преступлении, ...» и далее по тексту.

Предлагаемое дополнение позволит устранить двусмысленность процессуального положения следователя, дознавателя, иных должностных лиц, осуществляющих процессуальную деятельность в стадии возбуждения уголовного дела в части их процессуальной компетентности в собирании доказательств.

3. Еще одной особенностью можно отметить краткосрочность и ограниченность в процессуальных ресурсах. Это приводят к многочисленным случаям ошибочного принятия процессуальных решений о возбуждении или об отказе в возбуждении уголовного дела. Например, дознавателем ОД ОМВД России было вынесено постановление о возбуждении уголовного дела по признакам преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 222 УК РФ. Изучение материалов показало, что решение принято преждевременно, без полного и всестороннего выяснения обстоятельств происшедшего, в частности, не выяснялся факт малозначительности деяния. Осмотр места происшествия проведен 22 января 2015 г. с 15 часа 20 минут до 16 часов 05 минут, а сообщение, которое явилось поводом для возбуждения уголовного дела, зарегистрировано в этот же день, но только в 21 час 20 минут, то есть спустя 3 часа 15 минут после проведения осмотра места происшествия. Постановление отменено помощником прокурора района¹⁶.

Показательным является еще один пример из прокурорской практики. Отменено постановление о возбуждении уголовного дела. Основанием для претензий послужили:

1) отказ в возбуждении уголовного дела по основанию, предусмотренному п. 1 ч. 1 ст. 24 УПК РФ – в связи с отсутствием в действиях неустановленного лица события преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 159 УК РФ;

2) не устранены противоречия, вытекающие из объяснений заявителя и объяснений Ш. Е. С. и К. Е. М.;

3) отождествление личности К. Е.М. и Ш. Е. С. с лицом, получившим денежные средства от Ш. С.В. не проведено;

4) очевидцы передачи денежных средств Ш. Е. М. не установлены и не опрошены, как не опрошены иные лица, которые осуществляли совместную трудовую деятельность с Ш. С. В.

Заместитель прокурора дал указания устранить выявленные нарушения, путем производства процессуальных действий, а также провести иные проверочные мероприятия, направленные на полное и всестороннее выяснение обстоятельств происшедшего¹⁷.

Приведенные примеры свидетельствуют о неблагоприятной ситуации, складывающейся в стадии возбуждения уголовного дела. Проведение процессуальных действий, направленных на выяснение этих обстоятельств, зачастую не соответствует требованиям УПК РФ, как по форме своего проведения, так и по объему производства. Порой, причиной этого называют краткость стадии возбуждения уголовного дела и недостаточность процессуальных средств.

Следователь и дознаватель действительно в стадии возбуждения уголовного дела располагают достаточно ограниченными процессуальными ресурсами. В стадии возбуждения уголовного дела для установления фактических обстоятельств допускаются:

– следственные действия (осмотр места происшествия, документов, предметов, трупов, освидетельствование, назначение и производство судебной экспертизы);

– иные процессуальные действия (получение объяснений, образцов для сравнительного исследования, истребование документов и предметов, изъятие их в порядке, установленном УПК РФ, производство документальных проверок, ревизий, исследований документов, предметов, трупов, привлечение к участию в этих действиях специалистов, письменные поручения органу дознания о проведении оперативно-розыскных мероприятий).

Срок принятия сообщения о преступлении и его проверки составляет от 3-х до 30-ти суток.

Указанные положения, на первый взгляд, предоставляют достаточно узкие возможности для решения задач стадии возбуждения уголовного дела, хотя, нам представляется, что полноценное использование указанного временного и процессуального ресурса способно привести к положительным результатам.

Основанием для такого заключения выступают следующие соображения:

– небольшой круг обстоятельств, подлежащих установлению. К ним относится только часть тех обстоятельств, которые указаны в ст. 73 УПК РФ. Соответственно, не требуется применения всего доказательственного ресурса уголовного судопроизводства;

13 Ставропольский районный суд. Самарская область. Приговор по уголовному делу № 1-139/2017.

14 Семенцов В. А., Гладышева О. В. Полномочия руководителя следственного органа в досудебном производстве // Социум и власть. 2012. № 3 (35). С. 48.

15 См., например: Об объеме процессуальных полномочий руководителей следственных органов Следственного комитета Российской Федерации: приказ Следственного комитета Российской Федерации от 17 октября 2014 г. № 89 // СПС «ГАРАНТ».

16 Архив прокуратуры г. Тихорецка. Краснодарский край. 2015. Материалы уголовного дела №15280069.

17 Архив Тихорецкой прокуратуры. г. Тихорецк. 2014. Материалы проверки № 3120, № 15767.

– предположительный характер выводов, построенных на основании полученной в стадии возбуждения уголовного дела информации, что не ставит перед следователем и дознавателем задачу по достоверному выяснению всех необходимых обстоятельств.

Однако положительный результат может быть получен при выполнении нескольких условий:

– уточнение ряда положений действующего УПК РФ в отношении производства иных процессуальных действий. В частности, речь идет о порядке получения объяснений и их доказательственном значении, о порядке изъятия документов и предметов, процессуальной форме назначения и производства ревизии. Эти действия, направленные на получение информации и ее проверку относительно обстоятельств устанавливаемого события и допустимые в стадии возбуждения уголовного дела, не имеют четко установленной законом процессуальной формы. Этот пробел порождает проблему оценки производства этих действий с точки зрения законности, а полученных с их помощью сведений – с точки зрения допустимости как процессуальных доказательств;

– законодательное признание особенностей доказывания в стадии возбуждения уголовного дела путем установления его предмета и пределов.

Таким образом, объективной причиной, порождающей нарушения законности при проведении процессуальных действий и принятии решений в стадии возбуждения уголовного дела, выступает вовсе не ограниченность процессуальных ресурсов, а пробельность и иные недостатки уголовно-процессуального законодательства в части процессуальной формы тех действий в стадии возбуждения уголовного дела, которые способны сформировать доказательства.

Подводя итог, сформулируем основные выводы.

1. Доказывание как процессуальная деятельность осуществляется на протяжении всего уголовного судопроизводства, включая стадию возбуждения уголовного дела, но с определенными особенностями, обусловленными спецификой процессуальной формы каждой стадии.

2. Особенности доказывания в стадии возбуждения уголовного дела выступают:

– осуществление доказывания лишь на определенных этапах стадии – принятия сообщения о преступлении и проверки этого сообщения;

– ограниченность процессуальных средств доказывания.

3. Проблемами доказательственной деятельности на стадии возбуждения уголовного дела мы считаем:

– законодательную неопределенность предмета, пределов доказывания;

– наличие пробелов в определении полномочных субъектов;

– отсутствие установленной законом процессуальной формы для осуществления иных процессуальных действий.

Пристатейный библиографический список

1. Об объеме процессуальных полномочий руководителей следственных органов Следственного комитета Российской Федерации: приказ Следственного комитета Российской Федерации от 17 октября 2014 г. № 89 // СПС «ГАРАНТ».
2. Алексеев С. С. Проблемы теории права. Курс лекций в 2-х т. Свердловск: Изд-во Свердл. юрид. ин-та, 1973. Т. 2. 401 с.
3. Архив прокуратуры г. Тихорецка. Краснодарский край. 2015. Материалы уголовного дела №15280069.
4. Архив Тихорецкой прокуратуры. г. Тихорецк. 2014. Материалы проверки № 3120, № 15767.
5. Белоусов А. В. Процессуальное закрепление доказательств при расследовании преступлений. М., 2001. 30 с.
6. Дзержинский городской суд. Нижегородская область. Приговор № 1-543/2017 от 27 ноября 2017 г.
7. Крутликов А. П. Нужна ли стадия возбуждения уголовного дела в современном уголовном процессе России? // Российская юстиция. 2011. № 6. С. 56-58.
8. Курский районный суд. Курская область. Приговор № 1-118/2017 от 24 ноября 2017 г.
9. Навашинский районный суд. Нижегородская область. Апелляционное постановление № 10-2/2017 от 1 декабря 2017 г.
10. Например: Деришев Ю. В. Концепция уголовного досудебного производства в правовой доктрине современной России: монография. Омск: Изд-во Омск. акад. МВД России, 2004. 340 с.
11. Семенцов В. А. Следственные действия в досудебном производстве (общие положения теории и практики): монография. Екатеринбург: Изд. Дом «Уральская гос. юрид. академия», 2006. 300 с.
12. Семенцов В. А. Следственные действия в досудебном производстве: монография. М.: Юрлитинформ, 2017. 256 с.
13. Семенцов В. А., Гладышева О. В. Полномочия руководителя следственного органа в досудебном производстве // Социум и власть. 2012. № 3 (35). С. 45-49.
14. Ставропольский районный суд. Самарская область. Приговор по уголовному делу № 1-139/2017.
15. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. В 2-х т. Т. 1. М.: Наука, 1968. 470 с. С. 298–299; Савицкий В.М. Государственное обвинение в суде. М.: Наука, 1971. 343 с.
16. Харабалинский районный суд. Астраханская область. Приговор № 1-116/2017 от 24 ноября 2017 г.
17. Шейфер С. А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования: монография. М.: Норма, Инфра-М, 2014. 240 с.
18. Шейфер С. А. Трансформация стадии возбуждения уголовного дела в связи с принятием Ф3-23 от 4 марта 2013 года // Вектор науки ТГУ. Сер.: Юридические науки. 2014. № 2 (17). С. 160-165.

РАКИШЕВ Кенес Хамитович

соискатель кафедры уголовного права Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ НОРМ УГОЛОВНОГО ЗАКОНА СНГ, СВЯЗАННЫХ С НАРУШЕНИЕМ АВТОРСКИХ И СМЕЖНЫХ ПРАВ В СЕТИ «ИНТЕРНЕТ»

В статье автором дан сравнительный анализ норм уголовного закона СНГ, связанных с нарушением авторских и смежных прав в сети «Интернет» и предлагается криминализовать общественно-опасные последствия в виде особо крупного размера или причинившее особо крупный ущерб в результате нарушения этих прав.

Ключевые слова: Интернет, авторские права, смежные права, ущерб.

RAKISHEV Kenes Khamitovich

competitor of Criminal Law sub-faculty of the O. E. Kutafin Moscow State Law University

COMPARATIVE ANALYSIS OF THE NORMS OF THE CIS CRIMINAL LAW RELATED TO VIOLATION OF COPYRIGHT AND RELATED RIGHTS IN THE INTERNET

In the article the author gives a comparative analysis of the norms of the criminal law of the Commonwealth of Independent States connected with violation of copyright and related rights in the Internet and proposes criminalizing socially dangerous consequences in the form of an especially large amount or causing particularly large damage as a result of violation of these rights.

Keywords: Internet, copyrights, related rights, damage.

Ракишев К. Х.

Общественная опасность преступлений, связанных с нарушением авторских и смежных прав прежде всего обусловлена тем, что в последние годы не только Казахстан стал относиться к странам с очень высоким уровнем распространения пиратской аудиовизуальной продукции в сети «Интернет». Востребованность потребителями приносит весьма крупный доход, что, в свою очередь, порождает проникновение в этот бизнес криминальных структур. Общественная опасность преступлений в аудиовизуальной сфере повышается и за счет транснационального характера их совершения. Нарушение права авторов произведений, их наследников, исполнителей, производителей фонограмм, организаций кабельного и эфирного вещания, а также иных обладателей этих прав может быть связано с воспроизведением произведения без согласия автора или обладателя смежных прав, продажей, сдачей в прокат экземпляров произведений или фонограмм, публичным показом или публичным исполнением произведения, обнародованием произведений, фонограмм, исполнений, постановок для всеобщего сведения посредством их передачи по радио или телевидению (передача в эфир), распространением в сети Интернет, переводом произведения, его переработкой, а также иными действиями, совершаемыми без оформления в соответствии с законом договора либо соглашения, тем самым причиняя ущерб. В понятии «ущерб» объединена совокупность различных негативных последствий преступлений материального характера, то есть «ущерб» следует признать синонимом понятие «убыток». Так в ГК РК под убытками подразумеваются расходы, которые произведены или должны быть произведены лицом, право которого нарушено, утрата или повреждение его имущества (реальный ущерб), а также неполученные доходы, которые это лицо получило бы при обычных условиях оборота, если бы его право не было нарушено (упущенная выгода). То есть, говоря о причинении значительного ущерба, в статье уголовного закона подразумевается причинение материального (реального ущерба и упущенной

выгоды) и морального вреда. Основную массу ущерба, причиненного автору или правообладателю нарушением авторского права или смежных прав, составляет упущенная выгода, то есть доходы, которые эти лица получили бы при обычных условиях гражданского оборота, если их права не были бы нарушены. Такой вывод основывается на том, что контрафактное произведение при его реализации фактически не дает быть проданным легальному экземпляру произведения.

Поэтому необходимо дифференцированно подходить к определению значительного ущерба в зависимости от того, кто является потерпевшим физическое лицо или организации. В случае причинения имущественного ущерба гражданам критерием определения размера ущерба может быть месячный бюджет потерпевшего либо семьи, которую он содержит либо членом которой является.

Таким образом, при оценке ущерба необходимо исходить как из стоимостной оценки ущерба, так и из других существенных обстоятельств, таких как финансового состояния организации, материального положения потерпевшего, значимости для него ущерба. Так, если потерпевшим является физическое лицо, то критериями определения размера ущерба могут выступать его имущественное положение, доходы, значимость утраченного имущества, месячный бюджет его самого или его семьи, членом которой он является, и тому подобное. Если же ущерб причинен юридическому лицу, то в качестве критериев можно выделить его финансовое положение, размер оборотных средств, а также выступление таких последствий, как причинение организации реального ущерба (расходы кредитора, утрата или повреждение имущества) и размер упущенной выгоды (неполученные доходы, которые лицо получило бы при обычных условиях гражданского оборота, если бы его право не было нарушено).

Кроме того, следует отметить, что в результате присвоения авторства или принуждения к соавторству (ч. 1 ст. 198 УК РК) материальный ущерб в виде реального ущерба практиче-

ски не наступает. В сумму ущерба всегда входит упущенная выгода (недополучение определенной суммы денег, которую мог бы получить правообладатель на законных основаниях).

Таким образом, ущерб от нарушений авторских и (или) смежных прав состоит из неполученных правообладателем доходов, на поступление которых лицо, чье право на имя было нарушено, имеет все основания рассчитывать в силу закона.

Также в процессе установления ущерба от интеллектуального пиратства участвуют различные субъекты данных отношений, прежде всего, сами потерпевшие, специалисты и эксперты, привлекаемые, соответственно, органами дознания и следствия, сами органы расследования. Давать оценку таким доказательствам должен только суд. Следовательно, ущерб является объективно-субъективной категорией. В результате причинения его, потерпевший определяет степень нарушения своих интересов и представляет органам расследования и суду необходимые расчеты понесенных убытков (вреда, в том числе упущенной выгоды), основанные на объективных признаках установления ущерба. Объективным критерием может служить размер гонорара за произведение, а субъективным – оценка ущерба (имущественного или морального) как крупно-го самим автором.

Таким образом, последствия – это негативные изменения, происходящие в данных общественных отношениях, складывающиеся в связи с правом на имя в сфере авторских и смежных прав, являющиеся следствием неправомерного использования объектов авторских и смежных прав, в результате чего происходит ограничение возможности субъектов авторских и смежных прав реализовывать свои материальные и духовные потребности, получить выгоду. Как отмечает А. Галузин, необходимо разработать критерии методик составления экспертных оценок наличия нарушения прав интеллектуальной собственности и его последствий в виде убытков, связанных с моральным вредом, а также затратами по защите нарушенного права. Для этого, по его мнению, необходимо развивать инфраструктуру различных рейтингов, оценок, в том числе и экономических, объектов авторского права и их нарушений¹. К существенным нарушениям прав и законных интересов граждан, следует отнести, прежде всего, причинение существенного вреда правоохраняемым объектам, под которыми признаются нарушения их основных конституционных прав и свобод, подрыв авторитета и причинение вреда здоровью.

Следует также отметить, что законодатель выделяет определенный круг лиц, подпадающих под категорию «иной правообладатель». В связи с чем проведенный анализ юридической литературы и судебно-следственной практики², позволяет сделать вывод об отсутствии единообразного представления о данном круге лиц. В соответствии со ст. 2 ЗоАП РК, правообладателями является автор (лица, указанные в завещании, его наследники) в отношении авторских прав, исполнитель (его наследники), производитель фонограмм, организация эфирного или кабельного вещания в отношении смежных прав, а также иные физические или юридические лица, получившие права использования произведения и (или) объекта смежных прав по договору или иному основанию, предусмотренному настоящим законом. Юридические лица, к которым переходят исключительные права по договору с автором, такого

права не имеют, тем более, что к ним переходят, как правило, лишь имущественные права на использование произведений. На основании вышеизложенного полагаем, что присвоение авторства или принуждение к соавторству всегда затрагивает имущественную сферу интересов автора, а после его смерти – его наследников. Поэтому под «иными правообладателями» в ч.2 ст. 198 УК РК, следует понимать только наследников автора, а не каких-либо иных лиц.

Теперь перейдем к ч. 2 ст. 198 УК РК, где предусмотрена уголовная ответственность за незаконное использование объектов авторского права или смежных прав, а равно приобретение, хранение, перемещение или изготовление контрафактных экземпляров объектов авторского и (или) смежных прав в целях сбыта, совершенная в значительном размере.

Рассматривая структуру объективной стороны, то по конструкции состав уголовного правонарушения, предусмотренный частью второй статьи 198 УК РК, материальный, так как для признания правонарушения окончанным требуется причинение значительного ущерба автору или иному правообладателю объекта авторского права и (или) смежных прав или существенного вреда их правам или законным интересам.

Согласно п. 2 ст. 3 УК значительный ущерб и значительный размер в статьях 198 и 199 УК – размер ущерба или стоимость прав на использование объектов интеллектуальной собственности либо стоимость экземпляров объектов авторского права и (или) смежных прав или товаров, содержащих изобретения, полезные модели, промышленные образцы, селекционные достижения или топологии интегральных микросхем, в сто раз превышающие месячный расчетный показатель. В п. 14 этой же статьи УК РК указаны какие последствия понимаются под существенным вредом. В УК Кыргызской Республики в разделе 7 «Преступления против личности», главы 29. «Преступления против гражданских и иных прав человека», статья 199. «Нарушение авторских, смежных прав и прав патентообладателей» Крупным ущербом в части первой настоящей статьи признается ущерб, в пятьсот раз, превышающий расчетный показатель, либо целью извлечения дохода в особо крупном размере если размер ущерба или дохода либо сумма дохода в тысячу раз превышает расчетный показатель, установленный законодательством Кыргызской Республики, на день совершения преступления. В статье 156 Нарушение авторских и смежных прав Уголовного кодекса Республики Таджикистан указаны последствия в виде крупного ущерба, особо крупного ущерба. Данная статья размещена в разделе 7 «Преступления против личности», главы 19 «Преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина». В примечании определено, под крупным ущербом понимается ущерб, превышающий размер показателя для расчетов в пятьсот раз, и под особо крупным ущербом понимается ущерб, превышающий размер показателя для расчетов в две тысячи раз³.

Законодатель Украины в статье 176 «Нарушение авторского права и смежных прав», ст. 177. Нарушение прав на изобретение, полезную модель, промышленный образец, топографию интегральной микросхемы, сорт растений, рационализаторское предложение расположенной в разделе 5 «Преступления против избирательных, трудовых и иных личных прав и свобод человека и гражданина», предусмотрел наиболее детализированную (в сравнении с УК иных стран СНГ) ответственность за посягательство на интеллектуальную собственность, то есть в квалифицированных видах предус-

1 Галузин А. Уголовно-правовая защита авторских и смежных прав // Законность. 2001. № 5. С. 23-25.

2 Коцегулов Б. Б. Уголовно-правовая характеристика нарушения авторских и смежных прав: Дис. ... канд. юрид. наук. Караганда, 2009. С. 68.

3 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://online.zakon.kz/Document/>.

мотрены такие признаки как, материальный ущерб в значительном размере, материальный ущерб в крупном размере, материальный ущерб в особо крупном размере. В статьях 176 и 177 материальный ущерб считается причиненным в значительном размере, если его размер в двадцать и более раз превышает необлагаемый минимум доходов граждан, в крупном размере - если его размер в двести и более раз превышает необлагаемый минимум доходов граждан, а причиненный в особо крупном размере - если его размер в тысячу и более раз превышает необлагаемый минимум доходов граждан. В санкции предусмотрены аналогичные виды наказаний за нарушение авторского права и смежных прав УК РФ и УК РК. Анализируя данную норму, можно выделить еще следующие основные отличия от ст.198 УК РК. Во-первых, присвоение авторства и принуждение к соавторству не предусмотрены в УК Украины как общественно-опасное деяние. Во-вторых, если в диспозиции ст.198 УК РК используется формулировка «незаконное использование объектов авторского права или смежных прав, а равно экземпляров произведений и (или) фонограмм в целях сбыта, совершенные в значительном размере», то в диспозиции ст. 176 УК Украины подробно перечисляются объекты авторского и смежных прав, а также перечисляются действия, образующие их незаконное использование. Диспозиции ст.176 УК Украины придается больше не бланкетный, а описательный характер⁴.

В УК Республики Беларусь ответственность за нарушения в сфере авторских и смежных прав предусмотрена в ст.201 «Нарушение авторских, смежных, изобретательских и патентных прав», в разделе 7 «Преступления против человека», главы 23 «Преступление против конституционных прав и свобод человека и гражданина». Диспозиция статьи об ответственности за авторских, смежных, изобретательских и патентных прав состоит из трех частей. В статье 32 УК Республики Беларусь предусматривает понятие административная и дисциплинарная преюдиция, которое является отягчающим обстоятельством, в части 2 статьи 201 Республики Беларусь за незаконное распространение или иное незаконное использование объектов авторского права, смежных прав или объектов права промышленной собственности, совершенные в течение года после наложения административного взыскания за такое же нарушение или сопряженные с получением дохода в крупном размере. В примечании к данной норме указано, что «крупным размером дохода (ущерба) в настоящей статье признаются размер дохода (ущерба) в настоящей статье признается размер дохода (ущерба) на сумму, в пятьсот и более раз превышающую размер минимальной заработной платы, установленный на день совершения преступления»⁵.

В Уголовном кодексе Республики Молдова уголовная ответственность за подобное деяние предусмотрена в статье 185-1 «Нарушение авторского права и смежных прав», статья 185-2 «Нарушение прав на объекты промышленной собственности», статья 185-3. «Заведомо ложные заявления в документах на регистрацию, касающихся охраны интеллектуальной собственности» в главе V «Преступления против политических, трудовых и других прав граждан», законодатель расширил диспозиции статей такими деяниями, как: нарушение авторского права и смежных прав, если объем нарушенных прав исчисляется в крупных, в особо крупных размерах.

Таким образом, общественно-опасные последствия в виде не только крупного размера и крупного ущерба имеются в диспозициях некоторых стран, но и особо крупного размера и особо крупного ущерба как конструктивный признак имеется в статье, связанных с нарушением авторских и смежных прав. Общественно-опасные деяния, совершенные в особо крупном размере или причинившие особо крупный размер в сети «Интернет» требует криминализации путем внесения дополнения в статью 198 Нарушение авторских и (или) смежных прав УК РК. Диспозиции части 4 данной статьи могут выглядеть следующим образом:

Деяния, предусмотренные частями второй или третьей настоящей статьи, совершенные

1) преступной группой;

Дополнить пунктами:

2) в особо крупном размере или причинившие особо крупный ущерб;

3) в сети «Интернет»

Одновременно следует внести дополнение в пункт 3 статьи 3 УК РК: особо крупный ущерб и особо крупный размер - в 198 и 199 - размер ущерба или стоимость прав на использование объектов интеллектуальной собственности либо стоимость экземпляров объектов авторского права и (или) смежных прав или товаров, содержащих изобретения, полезные модели, промышленные образцы, селекционные достижения или топологии интегральных микросхем, в тысячу раз превышающие месячный расчетный показатель. внесение дополнений в статью 198 Нарушение авторских и (или) смежных прав УК РК. Часть 4 данной статьи могут выглядеть следующим образом:

Деяния, предусмотренные частями второй или третьей настоящей статьи, совершенные

1) преступной группой;

Дополнить пунктами:

2) в особо крупном размере или причинившие особо крупный ущерб;

3) в сети «Интернет»

Одновременно внести дополнение в пункт 3 статьи 3 УК РК: особо крупный ущерб и особо крупный размер - в 198 и 199 - размер ущерба или стоимость прав на использование объектов интеллектуальной собственности либо стоимость экземпляров объектов авторского права и (или) смежных прав или товаров, содержащих изобретения, полезные модели, промышленные образцы, селекционные достижения или топологии интегральных микросхем, в тысячу раз превышающие месячный расчетный показатель.

Пристатейный библиографический список

1. Галузин А. Уголовно-правовая защита авторских и смежных прав // Законность. 2001. № 5. С. 23-25.
2. Коцегулов Б. Б. Уголовно-правовая характеристика нарушения авторских и смежных прав: Дис. ... канд. юрид. наук. Караганда, 2009.
3. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://online.zakon.kz/Document/>
4. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://meget.kiev.ua/kodeks/>
5. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://уголовный-кодекс.бел/statya-201>.

4 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://meget.kiev.ua/kodeks/>.

5 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://уголовный-кодекс.бел/statya-201>.

МАРИАНОВ Алихан Абдулаевич

кандидат исторических наук, доцент Дагестанского государственного педагогического университета

АЛИЕВ Хиби Курбанович

кандидат юридических наук, доцент Северо-Кавказского Института (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)

МАГОМЕДОВА Марьям Магомедовна

кандидат исторических наук, доцент Дагестанского государственного педагогического университета

ПРИСМОТР ЗА НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМ ПОДОЗРЕВАЕМОМ ИЛИ ОБВИНЯЕМОМ КАК МЕРА ПРЕСЕЧЕНИЯ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

В статье рассмотрено понятие специальной меры пресечения в отношении несовершеннолетних в виде присмотра, проанализированы основания, цели, мотивы и условия избрания данной меры.

Ключевые слова: мера пресечения, несовершеннолетний, присмотр, подозреваемый, обвиняемый, обязанности.

MARIANOV Alikhan Abdulaevich

Ph.D. in historical sciences, associate professor of the Dagestan State Pedagogical University

ALIEV Khibi Kurbanovich

Ph.D. in Law, associate professor of the North Caucasus Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia)

MAGOMEDOVA Maryam Magomedovna

Ph.D. in historical sciences, associate professor of the Dagestan State Pedagogical University

THE SUPERVISION OF A MINOR SUSPECT OR ACCUSED AS A MEASURE OF RESTRAINT IN CRIMINAL PROCEEDINGS

The article deals with the notion of special preventive punishment in relation to minors in the form of supervision, the reasons, objectives, motives and conditions for the election of this measure are analyzed.

Keywords: preventive measure, minor, supervision, suspect, accused, duties.

Марианов А. А.

Алиев Х. К.

Магомедова М. М.

В современной России преступность несовершеннолетних составляет значительную часть в общей структуре преступности.

Одной из важных составляющих при производстве по уголовным делам о преступлениях несовершеннолетних является применение в отношении подозреваемых и обвиняемых мер пресечения, призванных обеспечить невозможность подозреваемому и обвиняемому скрыться от предварительного расследования и суда, продолжить заниматься преступной деятельностью, воспрепятствовать производству по уголовному делу.

Отдача несовершеннолетнего подозреваемого (обвиняемого) под присмотр в порядке, установленном ст. 105 УПК РФ – это мера пресечения, которая в ст. 105 УПК РФ именуется присмотром за несовершеннолетним подозреваемым (обвиняемым). Заключается она в обеспечении одним из родителей, опекуном, попечителем, другим заслуживающим доверия лицом или должностным лицом специализированного детского учреждения, в котором находится несовершеннолетний подозреваемый (обвиняемый), надлежащего поведения последнего. Об избрании данной меры пресечения выносится соответствующее постановление (определение), копия которого должна быть вручена несовершеннолетнему подозреваемому

(обвиняемому), а также его защитнику или законному представителю по их просьбе.

Что означает словосочетание «под присмотр»? «Присмотр» – это «надзор, наблюдение». Таким образом, выражение «под присмотр» равнозначно словосочетаниям «под надзор» и «под наблюдение». С учетом того, что надзор предполагает наблюдение с целью присмотра, проверки, то, думается, последовательно и нам уточнить, что «под присмотр» несовершеннолетние подозреваемые (обвиняемые) «отдаются» для того, чтобы за ними лица, осуществляющие присмотр, наблюдали и проверяли соответствие их поведения установленным законом требованиям¹.

1 Ожегов С. И. Словарь русского языка / Под ред. Н. Ю. Шведовой. М., 1993. С. 515.

Для избрания присмотра за несовершеннолетним подозреваемым, обвиняемым как меры пресечения необходимо наличие оснований, предусмотренных ст. 97 УПК РФ, а также учитывать обстоятельства, закрепленные в ст. 99 УПК РФ. Специальным условием избрания данной меры пресечения является недостижение обвиняемым (подозреваемым) на момент производства по делу возраста 18 лет.

Отдача несовершеннолетнего под присмотр призвана не только обеспечить надлежащее поведение и явку по вызовам, но и гарантировать проведение с обвиняемым воспитательной работы, ибо присмотр и надзор сами по себе (без активных мер по исправлению и перевоспитанию несовершеннолетнего) вряд ли принесут ожидаемый результат.

С родителей, опекунов, попечителей, администрации детского учреждения берется письменное обязательство обеспечивать явку несовершеннолетнего по вызовам к следователю и в суд, а также его надлежащее поведение, то есть неуклонение от уголовного процесса, совершение новых преступлений, непрепятствование установлению по делу истины и обеспечению исполнения приговора. В письменном обязательстве помимо этого следует указать, что вышеназванные лица предупреждены о характере совершенного обвиняемым (подозреваемым) преступления и об их ответственности в случае нарушения принятой на себя обязанности.

К лицам, которым несовершеннолетний подозреваемый (обвиняемый) был отдан под присмотр, в случае невыполнения ими принятого обязательства могут быть применены меры взыскания, например в виде денежного взыскания. Оно налагается судом. Если соответствующее нарушение допущено в ходе судебного заседания, то взыскание налагается судом в том судебном заседании, где это нарушение было установлено, о чем выносится определение или постановление суда.

Если соответствующее нарушение допущено в ходе досудебного производства, то дознаватель (следователь) составляет протокол о нарушении, который направляется в районный суд и подлежит рассмотрению судьей в течение 5 суток с момента его поступления в суд. В судебное заседание вызываются лицо, на которое может быть наложено денежное взыскание, и лицо, составившее протокол. Неявка нарушителя без уважительных причин не препятствует рассмотрению протокола.

По результатам рассмотрения протокола судья выносит постановление о наложении денежного взыскания или об отказе в его наложении. Копия постановления направляется лицу, составившему протокол, и лицу, на которое наложено денежное взыскание².

При наложении денежного взыскания суд вправе отсрочить или рассрочить исполнение постановления на срок до 3 месяцев.

Согласно ч. 2 и 3 ст. 105 УПК РФ при избрании данной меры пресечения дознаватель, следователь или суд разъясняет лицам, которым несовершеннолетний отдается под присмотр, существо подозрения или обвинения, а также ответственность, связанную с обязанностями по присмотру; к этим лицам в слу-

чае невыполнения ими принятого обязательства могут быть применены меры взыскания в размере до 10 тыс. руб.

Законодатель предоставляет возможность осуществлять присмотр за несовершеннолетним подозреваемым и обвиняемым его родителям, опекунам, попечителям или другим заслуживающим доверия лицам, а также должностным лицам специализированного детского учреждения (ст. 105 УПК РФ).

Вместе с тем нельзя сказать, что эта мера пресечения получила широкое распространение в практической деятельности органов предварительного расследования. Более того, практика молчит о примерах назначения опекунов в качестве лиц, присматривающих на несовершеннолетним подозреваемым и обвиняемым. Попытаемся понять причины такого положения.

Рассматриваемая мера пресечения призвана обеспечить повышенный контроль за поведением несовершеннолетнего со стороны лиц, на которых возложены обязанности, связанные с воспитанием ребенка, а также со стороны других заслуживающих доверия лиц.

Основным источником получения прокурором информации о нарушении закона при избрании меры пресечения в виде присмотра за несовершеннолетним подозреваемым, обвиняемым являются жалобы. Прокурор, получив жалобу от участника уголовного судопроизводства, должен рассмотреть ее в течение трех суток со дня ее получения. В исключительных случаях, когда для проверки жалобы необходимо истребовать дополнительные материалы либо принять иные меры, допускается рассмотрение жалобы до 10 суток, о чем извещается заявитель. По результатам рассмотрения жалобы прокурор выносит постановление о полном или частичном удовлетворении жалобы либо об отказе в ее удовлетворении. Выявляя нарушения законодательства, прокурор уполномочен требовать их устранения в соответствии с п. 3 ч. 2 ст. 37 УПК РФ.

Прокурору следует учитывать, что действующее уголовно-процессуальное законодательство не содержит требований о необходимости получения согласия лица, которому несовершеннолетний отдается под присмотр, и о необходимости согласия самого подозреваемого (обвиняемого) на применение такой меры пресечения. В юридической литературе по данному вопросу высказано несколько точек зрения. Так, по мнению одних авторов, следователь вправе применить эту меру пресечения вопреки желанию указанных лиц³, другие авторы указывают на необходимость получения согласия родителей, опекунов, попечителей как на обязательное условие передачи несовершеннолетнего под присмотр. Существует и иная позиция по данной проблеме, согласно которой данная мера пресечения избирается при согласии родителей, опекунов, попечителей и иных лиц. Согласия администрации специализированных детских учреждений не требуется – как при должностном поручительстве, поскольку условия присмотра совпадают с их должностными обязанностями⁴.

2 Химичева Г. П. Несовершеннолетний обвиняемый (подозреваемый): меры пресечения // Уголовное судопроизводство. 2014. № 4. С. 20 - 24.

3 Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный). 2-е изд., перераб. и доп. / Под общ. ред. В. И. Радченко. М.: Юстицинформ, 2004. С. 217.

4 Ережипалиев Д. И. Особенности прокурорского надзора за исполнением законов при избрании и применении мер пресечения в отношении несовершеннолетних // Законы России: опыт, анализ, практика. 2014. № 5. С. 65 - 70.

Типичными нарушениями при избрании данной меры пресечения являются:

неразъяснение участнику процесса его прав, обязанностей и ответственности либо формальное выполнение этой обязанности;

недостаточное исследование условий проживания и воспитания несовершеннолетнего обвиняемого (подозреваемого) и его взаимоотношений с законными представителями.

На наш взгляд, целесообразно не только получать письменное согласие от родителей, опекунов, попечителей или других заслуживающих доверия лиц, но и учитывать мнение должностных лиц специализированных детских учреждений, в которых находятся несовершеннолетние, поскольку наличие субъективных и объективных причин может не позволить достичь цели применения данной меры пресечения (агрессивность подростка по отношению к работникам данного учреждения, отсутствие надлежащей охраны и т.д.).

При применении присмотра за несовершеннолетним подозреваемым, обвиняемым следователь или дознаватель должен убедиться, что лица, которым передается несовершеннолетний, обладают хорошей репутацией, оказывают на него положительное воздействие, правильно оценивают содеянное подростком и могут обеспечить его надлежащее поведение.

Именно поэтому в указанной части комментируемой статьи уточняется, что при решении вопроса об избрании меры пресечения к несовершеннолетнему подозреваемому (обвиняемому) «в каждом случае» обсуждается возможность отдачи его под присмотр в порядке, установленном ст. 105 УПК РФ⁵.

Если обвиняемый или подозреваемый является несовершеннолетним, защитник должен обосновать позицию об избрании меры пресечения в виде присмотра за несовершеннолетним. Если позволяют условия проживания несовершеннолетнего и отношения в семье, то в таком случае необходимо свою позицию подкрепить согласием родителей или опекунов, попечителей. Также необходимо до избрания меры пресечения обговорить эти вопросы с руководителями специализированного детского учреждения, если несовершеннолетний является воспитанником такого учреждения.

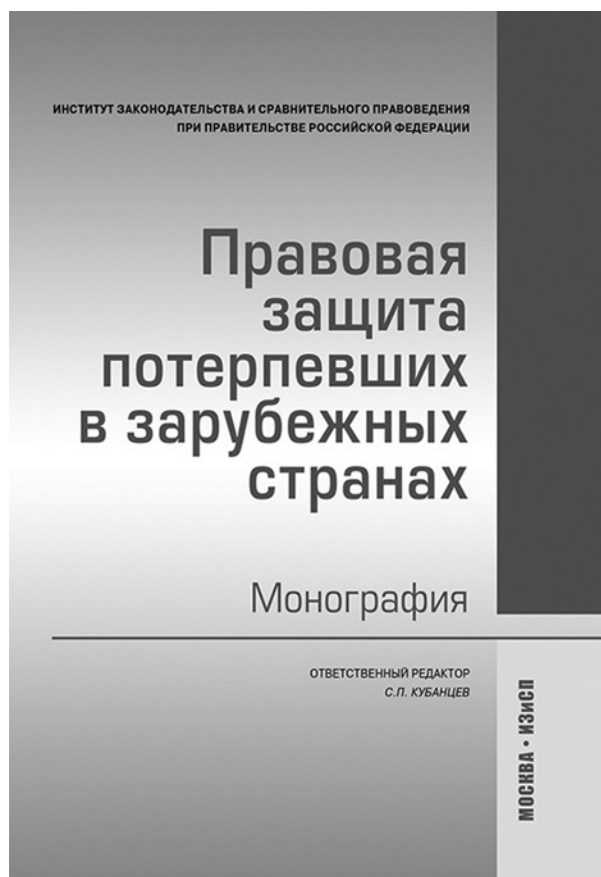
В законе не определено, необходимо ли получение согласия на осуществление присмотра от лиц, которым несовершеннолетний отдается под присмотр. На наш взгляд, отсутствие такого согласия должно быть основанием отказа от избрания этой меры пресечения, поскольку обратное повлечет за собой неэффективность применения присмотра.

Требование ч. 2 ст. 423 УПК РФ о необходимости при решении вопроса об избрании меры пресечения к несовершеннолетнему подозреваемому, обвиняемому в каждом случае обсуждать возможность отдачи его под присмотр в порядке, установленном ст. 105 УПК РФ, законом не подробно не раскрывается. Не установлено, кем должна обсуждаться такая возможность и должен ли по результатам этого обсуждения составляться какой-либо процессуальный документ.

В качестве путей устранения таких причин нами предлагается введение специализации следователей по уголовным делам о преступлениях несовершеннолетних.

Пристатейный библиографический список

1. Безлепкина Б. Т. Уголовный процесс России: учеб. пособие. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ТК Велби, издательство «Проспект», 2004.
2. Ережипалиев Д. И. Особенности прокурорского надзора за исполнением законов при избрании и применении мер пресечения в отношении несовершеннолетних // Законы России: опыт, анализ, практика. 2014. № 5. С. 65-70.
3. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный). 2-е изд., перераб. и доп. / Под общ. ред. В. И. Радченко. М.: Юстицинформ, 2004.
4. Ожегов С. И. Словарь русского языка / Под ред. Н. Ю. Шведовой. М., 1993.
5. Химичева Г. П. Несовершеннолетний обвиняемый (подозреваемый): меры пресечения // Уголовное судопроизводство. 2014. № 4. С. 20-24.

5 Безлепкина Б. Т. Уголовный процесс России: учеб. пособие. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ТК Велби, издательство «Проспект», 2004. С. 431.

АРШИНОВ Альберт Сергеевич

аспирант кафедры уголовного процесса Кубанского государственного университета

ПОРЯДОК НАЗНАЧЕНИЯ МЕРЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ХАРАКТЕРА В ВИДЕ СУДЕБНОГО ШТРАФА

В статье рассматривается самостоятельная правовая природа меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа. Появление нового института судебного штрафа породило и появление многих вопросов его реализации на практике. В этой связи необходимо законодательное совершенствование названного института и детальное разъяснение Пленумом Верховного Суда РФ по вопросам применения судебного штрафа в практической деятельности правоохранительных органов и судов.

Ключевые слова: судебный штраф, меры уголовно-правового характера, освобождение от уголовной ответственности, прекращение уголовного дела или уголовного преследования.

ARSHINOV Albert Sergeevich

postgraduate student of Criminal process sub-faculty of the Kuban State University

THE PROCEDURE FOR ASSIGNING A MEASURE OF A CRIMINAL-LEGAL NATURE IN THE FORM OF A JUDICIAL FINE

The author considers the independent legal nature of a measure of a criminal-legal nature in the form of a judicial fine. The emergence of a new institution of judicial penalty gave birth to many questions of its implementation in practice. In this regard, it is necessary to improve the institution in question and to explain it in detail to the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation on the application of a judicial fine in the practical activities of law enforcement agencies and courts.

Keywords: judicial fine, criminal-legal measures, exemption from criminal liability, termination of criminal case or criminal prosecution.

Аршинов А. С.

Два года назад законодатель внес изменения в Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы России¹, выразившиеся в появлении нового основания освобождения от уголовной ответственности, а именно, возможности освобождения от ответственности в связи с назначением судебного штрафа в качестве иной меры уголовно-правового характера.

Говоря о правовой природе судебного штрафа необходимо отметить, что этот правовой институт во многом похож на правовой институт, существующий в зарубежном уголовном праве – transaction (транзакция). Сопоставляя указанный правовой институт в отечественном и зарубежном праве можно найти много схожих черт, но главная из них – это освобождение от уголовной ответственности. Наряду с этим, существуют и противоречия в подходах к правовой природе судебного штрафа. В зарубежной юридической литературе названный институт относят к административным мерам освобождения от уголовного преследования. Elles'analyse plutôt en un moyen administrative bilatéral d'extinction des poursuites². В нашей правовой действительности судебный штраф рассматривается через призму уголовного права.

Для того чтобы прекратить уголовное дело или уголовное преследование и назначить судебный штраф необходимо установить наличие следующих условий:

- 1) совершение преступления впервые;
- 2) преступление относиться к категории небольшой или средней тяжести;

3) возмещение ущерба или иное заглаживание причиненного вреда.

Термин «впервые» может означать не только фактическое совершение преступления в первый раз, но и формальное отсутствие уголовной ответственности за ранее совершенное деяние (например, если приговор еще не вступил в законную силу, либо правовые последствия предыдущего осуждения были аннулированы, в частности актом амнистии, снятием или погашением судимости и т.д.).

Совершенное преступление будет отнесено к категории небольшой или средней тяжести, если оно совершено по легкомыслию или небрежности, либо оно совершено с прямым или косвенным умыслом, но максимальный размер санкции за данное преступление не превышает пяти лет лишения свободы. В декабре 2011 года в ст. 15 УК РФ были внесены изменения, дающие суду право изменить категорию совершенного преступления, а именно: понизить степень ее общественной опасности на одну ступень. Таким образом, у суда появляется возможность прекратить уголовное дело или уголовное преследование и назначить судебный штраф и при совершении изначально тяжкого преступления.

Может ли служить препятствием к освобождению по рассматриваемому основанию совершение лицом нескольких преступлений различной категории тяжести? Следует согласиться с мнением А. В. Кудрявцевой и К. И. Суягина, что исходя из сложившейся практики освобождения от уголовной ответственности по другим нереабилитирующим основаниям (например, в связи с примирением сторон, деятельным раскаянием) и отсутствия прямого запрета, освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа возможно по нескольким инкриминированным преступлениям небольшой и (или) средней тяжести, а также уголовное преследование может быть прекращено по преступлениям небольшой и (или) средней тяжести и в том случае, когда наряду с ними инкриминированы более тяжкие преступления³.

1 О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности: федеральный закон от 03.07.2016 № 323-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 04.07.2016. № 27 (часть II). Ст. 4256.

2 Franchimont M., Jacobs A., Masset A. Manuel de procédure pénale, 4ème éd. Larcier, Bruxelles, 2012. P.; De Ruyver B., Van Impe C. De minnelijkeschikking en de bemiddeling in strafzaken. R.W., 2000-2001. P. 445 et s.

3 Кудрявцева А. В., Суягин К. И. Судебный штраф // Уголовное право. 2016. № 6. С. 102-110.

Возмещение ущерба означает установление факта полного возмещения ущерба в денежном эквиваленте или в натуре, а заглаживание причиненного преступлением вреда будет рассматриваться как денежное возмещение, так и возмещение морального вреда, принесение устных или письменных извинений и совершение иных подобных действий. На практике встречаются случаи, когда лицо в силу определенных обстоятельств (например, заключено под стражу) не может лично возместить причиненных ущерб, тогда сделать это по его просьбе или с его согласия могут иные лица, не нарушая при этом прав третьих лиц.

Установление всех вышеуказанных условий для освобождения виновного лица от уголовной ответственности еще не является 100%-ой гарантией прекращения уголовного дела или уголовного преследования. В законе содержится термин «может быть» дающий суду право на применение данного института, но вовсе не его обязанность делать это автоматически, даже при наличии всех условий.

Уголовно-процессуальный закон предусматривает возможность прекращения уголовного дела или уголовного преследования с назначением судебного штрафа, как в ходе предварительного расследования, так и в ходе судебного разбирательства. При этом в законе содержится оговорка о принятии данного решения до момента удаления суда в совещательную комнату. Последнее обстоятельство, ограничивает право суда на применение данного института. Возможно, следует изменить уголовно-процессуальный закон в части инициативного принятия решения об освобождении лица от уголовной ответственности и в совещательной комнате.

Возможность прекращения уголовного дела или уголовного преследования на стадии предварительного расследования связывают с необходимостью установления наличия обстоятельств указанных в ст. 25¹ УПК РФ. Следует отметить, что инициативного вынесения дознавателем или следователем постановления о возбуждении перед судом соответствующего ходатайства будет недостаточно, необходимо заручиться поддержкой проявленной инициативы у прокурора или руководителя следственного органа соответственно. Законодатель лишает подозреваемого или обвиняемого права на проявление инициативы в данном вопросе. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2016 № 56 «О внесении изменений в некоторые постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности» также не содержит никаких указаний по данному вопросу⁴. Считаем это упущением, которое необходимо исправить в самое ближайшее время.

Заявленное дознавателем или следователем ходатайство направляется в районный (городской) суд или военный суд, соответствующего уровня либо мировому судье в зависимости от подсудности уголовного дела, вместе со всеми материалами уголовного дела. В десятидневный срок суд должен рассмотреть в судебном заседании заявленное ходатайство дознавателя или следователя и принять по нему решение. Неявка, без уважительных причин, в судебное заседание участвующих лиц своевременно и надлежащим образом извещенных о дате, времени и месте судебного разбирательства (за исключением подозреваемого или обвиняемого) не является препятствием для его проведения. При наличии уважительных причин неявки судебное разбирательство переносится на другой день.

Подробный порядок судебного заседания по рассмотрению заявленного ходатайства не регламентирован уголовно-процессуальным законом, вынуждая использовать аналогичные положения закона при рассмотрении схожих ходатайств. А именно: в начале судебного разбирательства судья оглашает, какое ходатайство подлежит рассмотрению, разъясняет права и обязанности явившихся лиц, далее прокурор либо дознаватель или следователь обосновывают заявленное ходатайство,

затем заслушиваются остальные участвующие лица. В ходе судебного заседания необходимо проверить согласие подозреваемого или обвиняемого на прекращение уголовного дела или уголовного преследования по реабилитирующим основаниям, подтверждается ли фактическое участие подозреваемого или обвиняемого в совершенном преступлении, и не присутствуют ли иные основания для прекращения уголовного дела или уголовного преследования.

По результатам судебного заседания суд принимает одно из двух решений:

- 1) об удовлетворении заявленного ходатайства и назначении судебного штрафа;
- 2) об отказе в удовлетворении заявленного ходатайства.

При несогласии с вынесенным решением его можно обжаловать в рамках апелляционного производства в вышестоящем суде.

В случае удовлетворения заявленного ходатайства суд выносит постановление. В постановлении должны быть указаны сумма судебного штрафа и срок его уплаты. В обязательном порядке разъясняются отрицательные правовые последствия неисполнения возложенной судом обязанности по уплате судебного штрафа. В последнем случае вынесенное постановление отменяется, а дело рассматривается в общем порядке.

При установлении размера судебного штрафа суд принимает во внимание материальное положение виновного лица и членов его семьи. Минимальный размер судебного штрафа законодательно не установлен, а максимальный размер определен суммой разной половине максимального размера штрафа предусмотренного санкцией статьи Особенной части Уголовного кодекса РФ либо суммой равной двухсот пятидесяти тысячам рублей.

Срок уплаты судебного штрафа не указан в уголовном или уголовно-процессуальном законодательстве. Суд в каждом конкретном случае, исходя из особенностей дела, определяет этот срок. Ни уголовным, ни уголовно-процессуальным законами не предусмотрено право на отсрочку либо рассрочку в уплате судебного штрафа, отсутствует упоминание и о возможном продлении сроков уплаты судебного штрафа. Ответов на эти вопросы нет и в разъяснениях Верховного Суда РФ. В постановлении высшей судебной инстанции есть упоминание только об уважительных причинах неуплаты назначенного судом судебного штрафа.

Появление нового института судебного штрафа породило и появление многих вопросов его реализации на практике. В законодательной трактовке положений судебного штрафа присутствуют пробелы. В этой связи необходимо законодательное совершенствование названного института и детальное разъяснение Пленумом Верховного Суда РФ по вопросам применения судебного штрафа в практической деятельности правоохранительных органов и судов.

Пристатейный библиографический список

1. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности: федеральный закон от 03.07.2016 № 323-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 04.07.2016. № 27 (часть II). Ст. 4256.
2. О внесении изменений в некоторые постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2016 № 56 // Российская газета. 07.12.2016. № 277.
3. Кудрявцева А. В., Сутягин К. И. Судебный штраф // Уголовное право. 2016. № 6. С. 102-110.
4. De Ruyver B., Van Impe C. De minnelijkeschikking en de bemiddeling in strafzaken. R.W., 2000-2001. P. 445 et s.
5. Franchimont M., Jacobs A., Masset A. Manuel de procédure pénale, 4ème éd. Larcier, Bruxelles, 2012. P. 105.

4 О внесении изменений в некоторые постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2016 № 56 // Российская газета. 07.12.2016. № 277.

ВИНОКУРОВ Лев Владимирович

аспирант кафедры уголовного процесса, правосудия и прокурорского надзора Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова

СОТРУДНИЧЕСТВО ОБВИНЕНИЯ И СУДА НА СТАДИИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ИЛИ ВЗАИМООТНОШЕНИЕ?

Сотрудничество участников уголовного судопроизводства со стороны обвинения с судами принято называть взаимодействием. Такое понимание, в особенности касающееся сфер деятельности судов, прокуратуры, следственных органов, присуще как специалистам в области теории уголовного процесса, так и правовому обеспечению ключевых вопросов решения задач уголовного судопроизводства.

В данной статье рассмотрены отдельные аспекты и стороны сотрудничества обвинения и суда на стадии предварительного расследования.

Ключевые слова: суд, обвинение, предварительное расследование, уголовный процесс, правоохранительные органы.

VINOKUROV Lev Vladimirovich

postgraduate student of Criminal process, justice and the prosecutor's supervision sub-faculty of the M. V. Lomonosov Moscow State University

COOPERATION BETWEEN THE PROSECUTION AND THE COURT AT THE PRELIMINARY INVESTIGATION STAGE: INTERACTION OR RELATIONSHIP?

It is accepted to call cooperation of participants of criminal proceedings from charge with courts an interaction. Such understanding, especially concerning spheres of activity of courts, prosecutor's office, investigative bodies, is inherent both to experts in the field of the theory of criminal process, and to legal support of key questions of the solution of tasks of criminal proceedings.

This article discusses some aspects of cooperation between the prosecution and the court at the stage of preliminary investigation.

Keywords: court, prosecution, preliminary investigation, criminal proceedings, law enforcement agencies.

Рассуждения о взаимодействии прокуроров и судов встречаются у И. Я. Фойницкого, Н. В. Муравьева и других представителей российской правовой школы¹. Значительное место проблема взаимодействия нашла в трудах советских ученых².

Самостоятельность разработки проблемы взаимодействия судов и правоохранительных органов сохраняется и в современных условиях. Примером типичного отношения к указанной проблеме может служить монография Ф. М. Кобзарева «Проблема взаимодействия прокуратуры и суда в сфере уголовного судопроизводства» (М., 2006). Для характеристики подходов к освещению проблемы взаимодействия несомненное значение имеют также исследования вопросов взаимодействия между отдельными участниками уголовного судопроизводства со стороны обвинения. Здесь тоже имеются серьезные наработки³.

Что касается отражения проблемы взаимодействия субъектов уголовного процесса в законодательстве, прежде всего, представляется необходимым обратиться к Уставу уголовного судопроизводства 1864 г. Содержащееся в нем решение по организации соотношения предварительного и «окончательного обвинения», на наш взгляд, строилось, безусловно, на началах взаимодействия следствия, прокурора и суда.

Идеи взаимодействия правоохранительных органов, выполняющих функции уголовного судопроизводства, присутствовали в УПК РСФСР 1922, 1923, 1960 годов. Серьезное внимание к ним отличает современное уголовно-процессуальное законодательство, и не только. Скажем, федеральный закон «О полиции»⁴ называет взаимодействие полиции с другими правоохранительными

органами в качестве одного из принципов ее деятельности. Взаимодействие с федеральными органами государственной власти включающими, по логике вещей, и суды, а также иные органы, к числу которых, надо полагать, относятся все правоохранительные органы, составляет одно из основных положений, определяющих в соответствии с Федеральным законом «О Следственном комитете Российской Федерации» содержание деятельности данного федерального органа, осуществляющего свои полномочия в сфере уголовного судопроизводства.

Как представляется, по своему буквальному смыслу, взаимодействие в досудебных стадиях уголовного процесса означает деятельность, основанную на обмене действиями, на взаимных контактах органов, подчиненных решению задач выявления, расследования, предупреждения преступлений, разрешения уголовных дел. При этом определяющим является ключевое слово «действие». В философском понимании взаимодействие определяется как взаимная связь явлений, процессы воздействия одного объекта на другое⁵. Свои подходы к понятийной характеристике взаимодействия разработаны социологией и социальной психологией⁶. Представляется возможным отметить, что своего развернутого определения термина «взаимодействия», несмотря на обширную литературу, наука уголовно-процессуального права не сформулировала, видимо по той причине, что содержание его считается, на наш взгляд, большинством следователей общеизвестным. Названные выше положения позволяют видеть в этом значительную долю истинности.

Иные подходы к определению понятия взаимодействия, как представляется, могут повлечь усложнение понимания этого феномена и в познавательном плане отнюдь не будет способствовать раскрытию его сущности. Уголовно-процессуальная деятельность, естественно, не может игнорировать представления о взаимодействии, принятые в социологии и психологии. Однако, опираясь на них, она должна учитывать необходимость их адаптации исходя из специфики уголовного судопроизводства, а в нашем случае – решения задач на

1 См. Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. Т. 1. СПб, 1996. С. 530; Муравьев Н. В. Общие основания прокурорской деятельности по уголовным делам. Дореволюционные юристы в прокуратуре. Научный ред. Козенков С. М. СПб., 2001. С. 113.

2 См.: Бойков А. Д. Третья власть в России. Очерки о правосудии, законности, судебной реформе 1990-1996 гг. М., 1997; Наумов А. В. Суд как орган борьбы с преступностью, а прокуратура – как институт общего надзора // Российская юстиция. 2002. № 1; Уголовный процесс. Учебник под ред. Гуценко К. Ф. М., 2010.

3 См., например: Кривенко А. И. Теория и практика взаимодействия следователя с органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность. М., 2008. Быков В. М. Психологические аспекты взаимодействия следователя и органа дознания. Омск, 1978.

4 СЗ РФ. 1911. № 7. ст. 900

5 См.: Первый толковый БЭС. М., 2008. С. 318.

6 См. например: Социология. Основы общей теории / Отв. редактор Е. В. Осипов, Л. Н. Москвичев М., 2002. С. 128; Журавлев А. Л. Психология управленческого взаимодействия (теоретические и прикладные проблемы). М., 2007.

досудебных стадиях. В частности, лишенными реальной перспективы применения в уголовном процессе вполне обоснованно можно считать положения об отрицательном взаимодействии, конкуренции как типе взаимодействия и др.

Как уголовно-процессуальный институт взаимодействия участников уголовного судопроизводства в общем плане получил достаточно подробное освещение в материалах исследовательской практики и об этом можно говорить достаточно уверенно, в силу чего возможности дальнейшей разработки представляются фактически ограниченными, хотя констатация данного факта, разумеется, в принципе не исключает проведения дальнейших исследований данной проблемы. То же самое можно сказать о взаимодействии участников уголовного судопроизводства со стороны обвинения и суда как научной проблемы. Вместе с тем, реальные перспективы приращения нового знания в данной области видятся в разработке теории взаимоотношений названных субъектов уголовного процесса и исследование в рамках данной теории ключевых вопросов оптимального режима соединения усилий суда и участников уголовного судопроизводства со стороны обвинения при сохранении их несомненной самостоятельности с одновременным учетом специфики деятельности каждого из них. Дело в том, что в последние годы, все более заметным стало несоответствие с научными целями расширение представлений о формах взаимодействия, позволяющие считать в качестве таковых любые контакты между правоохранительными органами. По существу взаимодействие стало отождествляться с различными формами общения. Возникающая вследствие такого подхода неопределенность, размытость границ между категориями взаимодействия и общения создавали значительные трудности в реализации потенциала как института внутрисистемного и внешнего взаимодействия, так и теоретического обеспечения практики профессионального общения участников уголовного судопроизводства с органами государственной власти и структурами гражданского общества. При этом отвлекалось внимание от изучения того широкого диапазона правовых средств, определяющих сущность и формы процессуальных и непроцессуальных взаимоотношений участников уголовного судопроизводства и, в первую очередь, следователей, прокуроров, дознавателей, руководителей органов дознания и предварительного следствия и суда. В этой связи обращение к проблеме взаимоотношений названных субъектов уголовно-процессуальной деятельности может с высокой долей уверенности считаться новым и перспективным направлением исследований в области науки уголовно-процессуального права.

Взаимоотношения участников уголовного судопроизводства в понятийном плане, в отличие от понятия взаимодействия, имеют более широкое содержание. Оно не ограничивается только обменом действиями, утверждением системы процессуальных контактов, связанных с осуществлением такого рода действий, а предполагает вместе с тем учет связей между сотрудничающими должностными лицами и органами, решающими задачи уголовного судопроизводства, освещение вопросов объединяющих правовые основы их профессиональной деятельности, достижение единства подходов к принятию процессуальных решений. Для получения развернутого представления о понятии, содержании задач, предмета взаимоотношений участников уголовного судопроизводства со стороны обвинения и суда необходимо, прежде всего, ознакомиться с методологией их исследования, акцентируя внимание на тех сторонах их правового статуса, которые их объединяют, естественно, не исключая рассмотрение и других вопросов.

Главным объединительным моментом, на наш взгляд, является их принадлежность к системе правоохранительных органов. Имеются в виду суды, органы прокуратуры, осуществляющие функцию уголовного преследования, органы расследования преступлений. (При определении круга вопросов освещения системы взаимоотношений принималось во внимание, что участие таких лиц как потерпевший, гражданский истец, частный обвинитель связано в основном с осуществлением ими защиты частного интереса и в этом плане существенной специфики не имеет. В силу данного обстоятельства исследование ограничено только отношениями государственных органов)

На первый взгляд, вышесказанное положение является аксиомой, не требующей доказательств. Собственно говоря, так до 1992 г. и воспринимался их правовой статус. Однако, начиная с указанного года, суды перестали себя считать правоохранительными органами. Мнения правоведов по данному

вопросу разделились. Правовая школа юридического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова как признавала суды правоохранительными органами, так и до сих пор обоснованно продолжает признавать⁷. Российская академия права занимает аналогичную позицию⁸. Такой же позиции придерживаются многие другие специалисты.

Но не все⁹. Аргументация противников отнесения судов к категории правоохранительных органов основана на официальной доктрине, не признающей суды таковыми. Типичный пример: ст. 8 Федерального Закона об адвокатуре, Положение о координации правоохранительных органов по борьбе с преступностью, утвержденное Указом Президента Российской Федерации № 567 от 18 апреля 1996 г. Ст. 8 не называет суды в качестве правоохранительных органов, Положение о координации говорит о «взаимодействии» правоохранительных органов с судами.

Если подходить принципиально к характеристике судов с позиций их относимости к системе правоохранительных органов, то оценка в данном случае одна – безусловно они входят в нее. Суды реально участвуют в защите прав и свобод гражданина и человека, охраняемых законом интересов общества и государства. Разрешая уголовные дела, суды обеспечивают охрану публичного и частного интереса. Принимая решение об удовлетворении исковых требований в процессе гражданского судопроизводства, суды выполняют функцию восстановления нарушенного права и т.д.

Признание судов в качестве элемента системы правоохранительных органов нисколько не умаляет их самостоятельности и тем более не сказывается отрицательно на их авторитете. В то же время оно позволяет видеть общность задач судов, органов прокуратуры, следственных органов, их причастность к реализации правозащитного потенциала правовой системы страны. Признание судов в качестве правоохранительных органов дает возможность находить сходство используемых ими правовых средств решения данных задач, позволяет говорить о взаимосвязи функций данных органов и т.д.

Пристатейный библиографический список

1. СЗ РФ. 1911. № 7. ст. 900.
2. Авдонкин В. С. Правоохранительные органы. М., 2008.
3. Бойков А. Д. Третья власть в России. Очерки о правосудии, законности, судебной реформе 1990-1996 гг. М., 1997.
4. Быков В. М. Психологические аспекты взаимодействия, следователя и органа дознания. Омск, 1978.
5. Гуценко К. Ф. Ковалев М.А. Правоохранительные органы. М., 2010
6. Журавлев А. Л. Психология управленческого взаимодействия и (теоретические и прикладные проблемы). М., 2007.
7. Кривенко А. И. Теория и практика взаимодействия следователя с органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность. М., 2008.
8. Муравьев Н. В. Общие основания прокурорской деятельности по уголовным делам. Дореволюционные юристы в прокуратуре / Научный ред. Козенков С. М.-СПб., 2001.
9. Наумов А. В. Суд как орган борьбы с преступностью, а прокуратура – как институт общего надзора // Российская юстиция. 2002. № 1.
10. Первый толковый БЭС. М., 2008.
11. Социология. Основы общей теории / Отв. редактор Е. В. Осипов, Л. Н. Москвичев. М., 2002.
12. Судебная и правоохранительная система. Сборник нормативных актов. М., 1998.
13. Уголовный процесс. Учебник под ред. Гуценко К. Ф., М., 2010.
14. Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. Т. 1. СПб, 1996

7 См. Гуценко К. Ф. Ковалев М. А. Правоохранительные органы. М., 2010

8 См. Авдонкин В. С. Правоохранительные органы. М., 2008.

9 См. например, Судебная и правоохранительная система. Сборник нормативных актов. М., 1998.

ЕЖОВА Олеся Николаевна

кандидат психологических наук, доцент, профессор кафедры пенитенциарной психологии и педагогики Самарского юридического института ФСИИ России

ДЕСТРУКТИВНОЕ ПОВЕДЕНИЕ СОТРУДНИКОВ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ: ПРИЧИНЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И ПУТИ ПРОФИЛАКТИКИ

В статье рассматривается «деструктивное поведение» как явление, анализируются причины его возникновения у сотрудников, работающих в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, при этом основное внимание уделяется процессам их адаптации к условиям службы и механизмам, приводящим к личностной деформации. Характеризуются категории сотрудников, которые требуют повышенного внимания со стороны психологов и мер, направленных на профилактику формирования у них деструктивного поведения.

Ключевые слова: деструктивное поведение, делинквентное поведение, девиантное поведение, групповысошенного внимания, формы проявления деструкции, формы деструктивных изменений личности, правосознание, криминальный тип личности, полезависимое поведение.

Ежова О. Н.

EZHOVA Olesya Nikolaevna

Ph.D. in psychological sciences, associate professor, professor of Penitentiary psychology and pedagogy sub-faculty of the Samara law Institute of the FPS of Russia

DESTRUCTIVE BEHAVIOR OF THE PENAL SYSTEM EMPLOYEES: CAUSES AND PREVENTIVE MEASURES

The article examines «destructive behavior» as a phenomenon as well as analyzes the reasons for its start among employees who serve in the Penal System institutions and bodies. In addition, the main focus is on the processes of their adaptation to the specificity of service and the mechanisms that cause their personal deformation. The categories of employees who need special attention from psychologists and measures for prevention of their destructive behavior are characterized.

Keywords: destructive behavior, delinquent behavior, deviant behavior, group of special attention, forms of destruction demonstration, forms of destructive personality changes, legal consciousness, criminal personality type, field dependant behavior.

В настоящее время вопрос эффективности кадровой политики в уголовно-исполнительной системе (далее – УИС) приобретает повышенную социальную значимость благодаря внедрению в отечественную пенитенциарную практику международных требований и стандартов обращения с осужденными. Целью кадровой политики в УИС на современном этапе ее развития является формирование высокопрофессионального, стабильного, оптимально сбалансированного кадрового корпуса. Только профессионализм сотрудников может обеспечить решение одной из приоритетных задач ФСИИ России на 2017 г. (эффективность работы учреждений и органов, исполняющих наказания, ее устойчивое функционирование с учетом экономии финансовых средств и оптимизации численности личного состава)¹. Поэтому на передний план выходит задача по формированию и укреплению нормативного законопослушного поведения сотрудников, обеспечению их личной и профессиональной безопасности, созданию благоприятного климата в служебных коллективах.

Профессиональная деструкция личности в общем плане представляет собой трансформацию в ходе профессиональной деятельности личностных качеств сотрудника (структуры личности или отдельных ее элементов). Это явление по сути своей многоаспектно, так как затрагивает различные сферы личности (изменяет не только образ жизни человека, но и его

способы решения профессиональных и личностных задач), и разрушительно по своей природе (как для самой личности, так и для окружающих людей)².

Формы деструкции у сотрудников УИС:

- противоправное поведение, нарушение требований закона, в том числе уголовно наказуемое (вступление в незаконные связи со спецконтингентом; коррупционные преступления и т.д.);
- административно-управленческое деструктивное поведение, связанное с превышением собственных прав и полномочий (необоснованное водворение в ШИЗО, ДИЗО и перевод в ПКТ, применение силы в отношении осужденных и т.д.);
- индивидуально-целое поведение, которое противоречит моральным, нравственным, этическим нормам общества (злоупотребление спиртными напитками; склонность к аутоагрессивному поведению (риск самоубийства и членовредительства)).

Нарушения служебной дисциплины, в том числе и факты несоблюдения исполнительной дисциплины, часто выступают в качестве предпосылки деструктивного поведения, поэтому в основе деструктивного поведения лежит желание избавиться от внутреннего напряжения и почувствовать себя более комфортно. Одним из факторов риска, который свидетельствует о возможности совершением сотрудником противоправных действия, является слабая способность противостоять негатив-

1 См.: Приказ Минюста РФ от 10.04.2017 г. № 55 «Об утверждении отчета о деятельности Федеральной службы исполнения наказаний за 2016 год, плана работы и показателей деятельности Федеральной службы исполнения наказаний на 2017 год» [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».

2 Ежова О. Н. Психологические причины коррупции и возможности ее профилактики в уголовно-исполнительной системе // Вестник Самарского юридического института. 2017. № 1 (23). С. 107-115.

ному воздействию людей или обстоятельств (низкая антикризисная устойчивость).

Нарушения дисциплины и законности включают грубость по отношению к осужденным, незаконное применение физической силы и специальных средств, рукоприкладство, незаконное или необоснованное применение различных форм наказания, например, помещение в ШИЗО за незначительные поступки, коррупционный характер отношений и др. Конфликтный стиль поведения проявляется в резкости, грубости, нетерпимости в общении. Таким сотрудникам свойственна чрезмерная требовательность и властность, директивный и авторитарный стиль общения. В повседневной деятельности они создают вокруг себя атмосферу нестабильности и конфликтности.

В профессиональной среде сотрудников довольно распространены негативные явления, связанные со злоупотреблением алкоголем. Часто сотрудники употребляют алкоголь для преодоления чувства тревоги, чрезмерного психоэмоционального напряжения, субъективно переживаемого психологического дискомфорта и т.д. Данная форма защиты со временем становится для многих пагубной привычкой и даже зависимостью со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Одним из наиболее трагических видов деструктивного поведения является суицид. Исходя из современных теорий самоубийство рассматривается как результат социально-психологической дезадаптации личности в условиях переживаемых микросоциальных конфликтов. В рамках этой концептуальной модели суицид представляет собой один из крайних вариантов поведения человека в кризисной ситуации.

Анализ материалов о суицидах³ свидетельствует о том, что в большинстве случаев самоубийства оказались трудно прогнозируемыми. Значительная часть суицидентов положительно характеризовались на службе (87,5 %), они не состояли на учете у психолога (только 1 из 16 обращался за психологической помощью по поводу проблем, которые и стали причиной совершения суицида), имели собственное жилье (62,5 %), состояли в браке (75 %), имели детей (62,5 %). Проведя анализ материалов служебных расследований, Л.А. Дмитриева⁴ констатирует, что около 60 % случаев суицидов и покушений на жизнь, совершенных сотрудниками УИС, связаны с семейно-бытовыми конфликтами.

Сотрудников, индивидуально-психологические особенности которых могут при определенных обстоятельствах способствовать возникновению у них неблагоприятных психических состояний, когнитивных искажений восприятия и понимания происходящего, снижению самооценки и критичности к своему поведению, что, в итоге, ставит под угрозу возможность их дальнейшей службы в УИС, относят к условно так называемой группе повышенного внимания (ГПВ). Группа имеет такое название потому, что сотрудники, входящие в ее состав, требуют к себе повышенного внимания, сопровождения их деятельности и профилактики формирования у них деструктивного поведения.

Определение категорий профессиональной пригодности осуществляется путем проведения психологических и психофизиологических исследований (обследований), тестирования, медицинских обследований.

К факторам риска, подлежащими выявлению в ходе психологического обследования, относятся:

- злоупотребление алкоголем или токсическими веществами;
- склонность к злоупотреблению должностными полномочиями;
- склонность к совершению суицидальных действий.

В группу повышенного внимания входят сотрудники, выполнявшие оперативно-служебные задачи в регионах межнациональных конфликтов или иных «горячих точках», переживших травматический стресс (ранения, гибель сотрудников, суициды, алкогольные эксцессы, травматизм), характеризующиеся повышенной агрессивностью, конфликтностью, трудностями межличностного общения, склонностями к употреблению алкоголя, проблемами с социальной адаптацией, низкой эмоциональной и стрессоустойчивостью, незрелой жизненной позицией (заниженной самооценкой, шаблонностью поведения), слабостью волевой регуляции.

Психологическое сопровождение сотрудников из группы повышенного внимания включает в себя:

- наблюдение и оценку общего адаптивного потенциала сотрудника;
- диагностику (выявление дезадаптивных состояний личности сотрудника);
- психокоррекционные мероприятия, проводимых в соответствии с индивидуальной психокоррекционной программой с учетом индивидуальных особенностей каждого сотрудника, и оценку их эффективности.

Профилактика деструктивного поведения сотрудников УИС должна осуществляться по следующим направлениям:

1. Тщательный отбор кандидатов на службу в УИС. Выявление сотрудников, склонных к деструктивному поведению, а также сотрудников, которые могут быть отнесены к группе повышенного внимания, должно осуществляться не только при отборе кандидатов на службу в УИС, но и в течение всего периода службы. Психологи осуществляют наблюдение за деятельностью и поведением сотрудника в служебной и бытовой обстановке, оценивая его поведение и характер взаимодействия с другими сотрудниками, а также во время плановых и текущих психологических и медицинских обследований, которые должны проводиться с определенной периодичностью (для своевременного выявления выраженности деструктивного поведения). Дополнительными основаниями для проведения психологического обследования сотрудника могут служить факты нарушения им трудовой дисциплины или законности, а также обращение непосредственных руководителей в связи с фактами деструктивного поведения сотрудника⁵.

2. Комплекс мер просветительского и воспитательного характера, направленный:

- на формирование у сотрудников правосознания (знание правовых норм, отношение к ним (непримиримость к противоправному поведению) и стремление им следовать при осуществлении служебной деятельности);
- формирования у молодых сотрудников черт характера, навыков нравственного поведения в общественной и личной жизни, необходимых для осуществления успешной профессиональной деятельности в УИС.

3 См.: Обзор «О суицидах сотрудников УИС за I полугодие 2017 года».

4 Дмитриева Л. А. Психопрофилактика в сфере семейных отношений: учебно-методическое пособие. М.: НИИ УИС Минюста России, 2004. С. 43-44

5 Михайлов А. Н., Ушков Ф. И. Организация психологической службы в УИС: учебное пособие; 2-е изд., перераб. и доп. / А. Н. Михайлов, Ф. И. Ушков. Киров: ФКУ ДПО Кировский ИПКР ФСИН России, 2016. С. 88-89

3. Для повышения эффективности воспитательной работы с молодыми сотрудниками необходимо следить, чтобы работа института наставничества была результативной, а не формальной. К воспитательной работе также следует привлекать ветеранов и пенсионеров УИС.

4. Психологическое сопровождение сотрудников, относящихся к группе повышенного внимания (просветительская (формирование у сотрудников психолого-педагогических компетенций), консультационная и психокоррекционная работа, направленная на снижение риска деструктивного поведения, при этом особое внимание следует уделять стратегиям совладающего поведения (способы преодоления трудных жизненных ситуаций)).

5. Совершенствование профессиональной подготовки сотрудников (дальнейшее развитие многоступенчатой системы подготовки кадров, использование современных методик организации учебного процесса, введение эффективного контроля уровня знаний обучаемых; совершенствование технологий обучения, интенсификацию учебного процесса, предполагающего оптимально возможное приближение к практической деятельности учреждений и органов УИС).

6. Меры, направленные на профилактику коррупционных и иных правонарушений в УИС (ротация кадров, занимающих руководящие должности в УИС, предотвращение в учреждениях и органах УИС конфликта интересов, контроль за соблюдением сотрудниками запретов, ограничений, обязанностей и правил служебного поведения).

7. Организация проведения занятий в рамках служебной подготовки, направленных на формирование у сотрудников умений и навыков эффективного общения и конструктивного разрешения конфликтов, способствующих повышению волевой регуляции и эмоционально-волевой устойчивости.

8. Профилактическая работа по предупреждению суицидов (психологическая помощь сотрудникам, переживающим трудную жизненную ситуацию (семейные проблемы, кризис или сильный эмоциональный стресс) или получившим психологическую травму; обучение руководителей распознаванию внешних признаков суицидального поведения (поведение, сигнализирующие о наступлении глубокого душевного кризиса)).

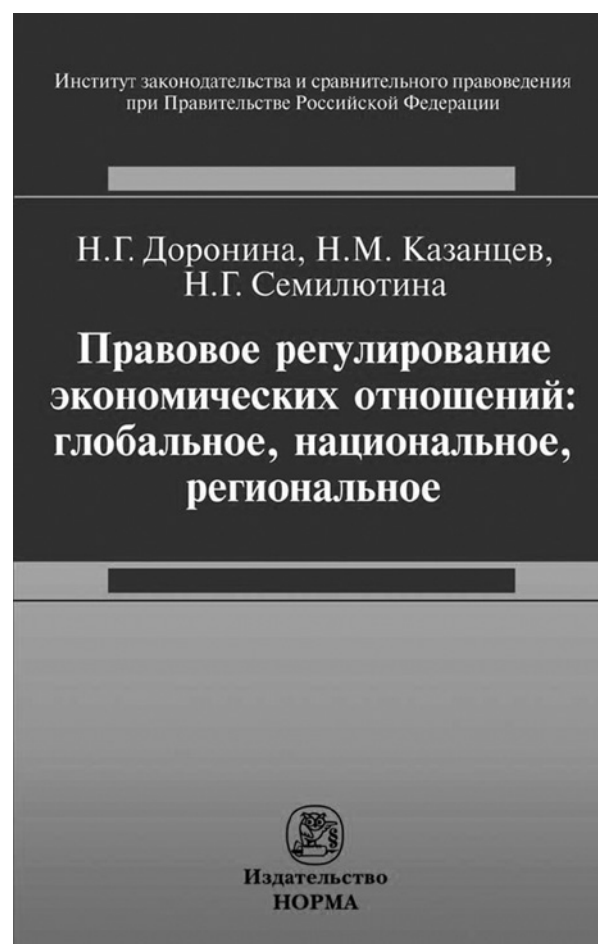
9. Совместная деятельность руководителей структурных подразделений и психологов, направленная на оптимизацию социально-психологического климата в служебных коллективах (поддержание традиций, сплочивающих коллектив; создание благоприятных условий для служебной деятельности; оказание практической помощи коллегам в решении семейно-бытовых проблем).

10. Обеспечение гарантий социально-правовой защищенности, профессиональной и личной безопасности сотрудников.

Следует отметить, что вся работа по профилактике деструктивного поведения сотрудников пенитенциарной системы должна носить комплексный и системный характер. Основная цель этой работы состоит в ослаблении степени влияния негативных социальных и социально-психологических условий профессиональной деятельности на личность сотрудника и снижение вероятности формирования у него деструктивных форм поведения.

Пристатейный библиографический список

1. Дмитриева Л. А. Психопрофилактика в сфере семейных отношений: учебно-методическое пособие. М.: НИИ УИС Минюста России, 2004.
2. Ежова О. Н. Психологические причины коррупции и возможности ее профилактики в уголовно-исполнительной системе // Вестник Самарского юридического института. 2017. № 1 (23).
3. Михайлов А. Н., Ушков Ф. И. Организация психологической службы в УИС: учебное пособие; 2-е изд., перераб. и доп. / А. Н. Михайлов, Ф. И. Ушков. Киров: ФКУ ДПО Кировский ИПКР ФСИН России, 2016.
4. Обзор «О суицидах сотрудников УИС за I полугодие 2017 года»

ГОЛОВАСТОВА Юлия Александровна

кандидат юридических наук, заведующая кафедрой правовых и гуманитарных дисциплин Московского университета им. С. Ю. Витте, филиал в г. Рязани

АЛЬТЕРНАТИВНО-НАКАЗАТЕЛЬНОЕ И ПОСТПЕНИТЕНЦИАРНОЕ ПРАВО: МИФ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ

В статье рассматриваются проблемы выделения и образования подотраслей в уголовно-исполнительном праве. Анализируются теоретические возможности существования подотраслей на основе существующих норм и институтов уголовно-исполнительного права. Автор не исключает возможности, что в будущем в структуре уголовно-исполнительного права могут образоваться две новые подотрасли – альтернативно-наказательное и постпенитенциарное право.

Ключевые слова: норма уголовно-исполнительного права, институт уголовно-исполнительного права, подотрасль уголовно-исполнительного права, отрасль уголовно-исполнительного права, структура уголовно-исполнительного права, альтернативно-наказательное право, постпенитенциарное право.

GOLOVASTOVA Yuliya Aleksandrovna

Ph.D. in Law, Head of Legal and humanitarian disciplines sub-faculty of the S. Witte Moscow University, branch in Ryazan

ALTERNATIVE-PUNITIVE AND POST-PENITENTIARY LAW: MYTH OR REALITY

The article deals with the problems of allocation and formation of sub-branches in the criminal-executive law. Theoretical possibilities of existence of sub-branches on the basis of existing regulations and institutions of the criminal-executive law are analyzed. The author does not exclude the possibility that in the future two new sub-branches may be formed in the structure of criminal-executive law – alternative-punitive and post-penitentiary law.

Keywords: regulation of the criminal-executive law, institution of criminal-executive law, sub-branch of criminal-executive law, branch of criminal-executive law, structure of criminal-executive law, alternative-punitive law, post-penitentiary law.

Головастова Ю. А.

В общей теории права в исследованиях, посвященных структуре отрасли права, проводится мысль о том, что объединение правовых институтов способны образовать подотрасль права¹. Традиционно подотрасль права представляет собой элемент структуры отрасли права в виде совокупности однородных институтов, занимаая промежуточное положение между институтом права и отраслью права². В целом, разделяя данную точку зрения, полагаем, что она нуждается в уточнении. Подотрасль права, будучи крупным правовым образованием, состоящим из близких по содержанию родственных институтов, характеризуется отличительными особенностями, которые наполнены не только однородными, но и однопорядковыми нормами права. Подотрасли права регулируют конкретные направления (стороны) общественных отношений, для которых свойственна родовая обособленность³. С. С. Алексеев отмечал, что для подотрасли права характерна высокая степень специализации, дифференциации и интеграции входящих в него правовых общностей⁴.

Представляется важным, опираясь на достижения общей теории права и науки уголовно-исполнительного права определить с вопросом о том, есть ли в настоящее время достаточные основания для выделения подотраслей уголов-

но-исполнительного права. Помимо пенитенциарной сферы существуют по крайней мере еще 2 сферы регулирования уголовных наказаний и иных мер уголовно-правового характера, границы которых не выходят за рамки предмета уголовно-исполнительного права. К одной из них мы относим сферу альтернативно-наказательного права, к другой – сферу постпенитенциарного права. Несомненно, расширение и уточнение предмета уголовно-исполнительного права обуславливает необходимость постановки вопроса о правовой природе альтернативно-наказательного и постпенитенциарного права. Зададимся вопросом: «Существуют ли в уголовно-исполнительном праве иные подотрасли права: альтернативно-наказательное и постпенитенциарное?»

Очевидно то, что при ознакомлении с разделом II УИК РФ «Исполнение наказаний, не связанных с изоляцией осужденного от общества», мы обнаруживаем наличие норм, регулирующих часть предмета уголовно-исполнительного права, обладающих однородностью и однопорядковостью. В альтернативно-наказательном праве прослеживается совокупность родственных институтов уголовно-исполнительного права, нормы которого регулируют исполнение уголовных наказаний, не связанных с изоляцией осужденного от общества, что подтверждается существованием глав 4-8.1, 9 УИК РФ. Среди них можно назвать ряд дифференцированных институтов: институт исполнения наказания в виде штрафа; институт исполнения наказания в виде обязательных работ; институт исполнения наказания в виде исправительных работ; институт исполнения наказания в виде ограничения свободы; институт исполнения наказания в виде принудительных работ; инсти-

1 См.: Алексеев С. С. Структура советского права. М., 1975. С. 153-154.

2 См.: Комаров С. А. Теория государства и права: учебно-методическое пособие. М., 2003. С. 328; Нерсисянц В. С. Общая теория права и государства. М.: Инфра-М, 1999. С. 432-433.

3 См.: Теория государства и права: курс лекций / Под ред. Н. И. Матузова, А. В. Малько. М.: Юрист, 1997. С. 351.

4 См.: Алексеев С. С. Указ. соч. С. 154-156.

тут исполнения дополнительных видов наказания. К функциональным институтам альтернативно-наказательного права можно отнести институт исполнения наказания в виде ограничения по военной службе. Каждый из них наполнен взаимосвязанными нормами уголовно-исполнительного права, регулируемыми правовое положение осужденных и должностных лиц, учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания, не связанные с изоляцией от общества. Не трудно заметить, что альтернативно-наказательное право регулирует часть общественных отношений, составляющих предмет уголовно-исполнительного права.

Следует признать, что законодатель не в полном объеме закрепил нормативные положения, касающиеся вопросов исполнения и отбывания уголовных наказаний, не связанных с изоляцией от общества. Действительно, приходится констатировать отсутствие в полном объеме норм и институтов, раскрывающих специфику применения средств исправления к осужденным, отбывающим все виды уголовных наказаний, не связанных с изоляцией от общества. К сожалению, нормы уголовно-исполнительного права не систематизированы, не сгруппированы по главам, а порой и вовсе упускаются законодателем. Такой подход не способствует качественному правовому регулированию, отсюда выводится «недоразвитость» сферы «альтернативно-наказательного права». В подходе к проблеме альтернативно-наказательного права такое положение вещей негативно сказывается на правовом регулировании всего многообразия уголовно-исполнительных отношений. Это лишний раз свидетельствует о существующих пробелах в уголовно-исполнительном праве, о недостаточной научной разработке категории «альтернативно-наказательное право». Кроме того, в разделе II УИК РФ «Исполнение уголовных наказаний, не связанных с изоляцией от общества» не отражены общие положения (институты), характерные для всех видов общественных отношений, регулирующих уголовные наказания, не связанные с изоляцией от общества.

На наш взгляд, в уголовно-исполнительном праве произошла дифференциация сферы альтернативно-наказательных отношений, что свидетельствует о появлении следующих предметных институтов: институт исполнения штрафа как вида уголовного наказания; институт исполнения наказания в виде обязательных работ; институт исполнения наказания в виде исправительных работ; институт исполнения наказания в виде ограничения свободы; институт исполнения принудительных работ; институт исполнения в виде ограничения по военной службе. Тем не менее, процесс дифференциации не закончен, поскольку требуется выделение совокупности норм уголовно-исполнительного права, предусматривающих применение к осужденным средств исправления с учетом специфики отбывания указанных видов наказания. Архитектоника представленных институтов не в полной мере последовательна, так как логично было бы собрать в один раздел все названные институты уголовно-исполнительного права. Получается, что в настоящее время альтернативно-наказательное право представляет собой совокупность однородных и однопорядковых родственных институтов уголовно-исполнительного права, специализирующихся по следующим факторам – субъектный состав, характер и вид уголовного наказания. Действительно, такая специализация крайне важна, поскольку она позволяет грамотно применять отраслевые способы и приемы при регулировании уголовно-исполнительных отношений. Все вышесказанное позволяет констатировать, что альтернативно-наказательное право – совокупность родственных однородных и однопорядковых институтов уголовно-исполнительного пра-

ва. В перспективе можно будет рассматривать альтернативно-наказательное право в качестве подотрасли при условии формирования общего института альтернативно-наказательного права, и специального института применения средств исправления к осужденным, отбывающим уголовные наказания, не связанные с изоляцией от общества.

Очевидно и то, что существующие вопросы исполнения уголовных наказаний, не связанных с изоляцией от общества, нуждаются в совершенствовании. Альтернативно-наказательное право занимает свою определенную сферу действия в рамках предмета уголовно-исполнительного права. Точечное, несистемное размещение норм уголовно-исполнительного права по главам раздела II УИК РФ, раскрывающих применение конкретных средств исправления применительно к отдельным видам наказания привело к ограничению сферы действия альтернативно-наказательного права. Таким образом, в настоящее время не существует подотрасли «альтернативно-наказательное право». Вместе с тем, имеются предпосылки и тенденции к его формированию. Сказанное обуславливается обновлением общественных отношений, возникающих при регулировании исполнения и отбывания уголовных наказаний, не связанных с изоляцией от общества. Таким образом, возникновение обновленных отношений в силу социальной и политической значимости требуют правового регулирования и совершенствования уголовно-исполнительного законодательства.

Важным моментом, свидетельствующим о значительных трудностях структурной сложности уголовно-исполнительного права, выступает отсутствие общих положений, касающихся исполнения иных мер уголовно-правового характера в отношении осужденных. Во-первых, в УИК РФ не закреплены в полном объеме нормы уголовно-исполнительного права, регулирующие вопросы исполнения иных мер уголовно-правового характера, являющихся формой реализации уголовной ответственности. Как следствие из этой проблемы, во-вторых, следует отметить несформированность институтов исполнения иных мер уголовно-правового характера, являющихся формой реализации уголовной ответственности. Кроме того, не раскрыта специфика применения средств исправления к осужденным, в отношении которых исполняются иные меры уголовно-правового характера.

Включение в предмет уголовно-исполнительного права общественных отношений, возникающих при отбывании осужденными иных мер уголовно-правового характера, позволяет определить специфику постпенитенциарных отношений, возникающих при замене уголовных наказаний на иные меры уголовно-правового характера. Мы исходим из того, что постпенитенциарное отношение представляет собой самостоятельную корреспондирующую правовую связь в рамках предмета уголовно-исполнительного права, возникающую между осужденным, отбывающим иные меры уголовно-правового характера, и государством, в лице учреждений и органов, исполняющих иные меры уголовно-правового характера. Постпенитенциарное отношение возникает в период отбытия осужденным иной меры уголовно-правового характера, являющейся особой формой реализации уголовной ответственности. На сегодняшний день, нормативно они закреплены в следующих статьях: условно-досрочное освобождение от отбывания наказания в соответствии со ст. 79, 93 УК РФ, отсрочку отбывания наказания в соответствии со ст. 81, 82 УК РФ, отсрочку отбывания наказания больным наркоманией в соответствии со ст. 82.1 УК РФ; принудительные меры воспитательного характера,

применяемые к несовершеннолетнему осужденному, на основании ч. 2 ст. 92 УК РФ.

Таким образом, можно выделить 2 модели постпенитенциарного отношения в узком и широком понимании. С точки зрения узкого понимания постпенитенциарного отношения, уголовно-исполнительная правовая связь не ликвидируется, а продолжается, переходит на новый уровень. Данные отношения развиваются одновременно и независимо от других видов уголовно-исполнительных отношений, имеют специфику по основаниям возникновения, субъектному составу. Постпенитенциарные отношения с точки зрения узкого подхода, возникающие в результате замены уголовного наказания в виде лишения свободы на иные меры уголовно-правового характера, включаются в предмет уголовно-исполнительного права. Постпенитенциарное отношение в широком смысле – социальная межотраслевая правовая связь между лицом, отбывшим уголовное наказание в виде лишения свободы, и государством в лице компетентных органов, в рамках которой осуществляется помощь освобожденным лицам. Постпенитенциарные отношения в широком понимании не входят в предмет уголовно-исполнительного права.

Мы признаем, что категория «постпенитенциарное право» требует самостоятельного исследования, четкого определения его предмета. Используя данный термин в узком смысле слова и не выходя за рамки предмета уголовно-исполнительного права, полагаем, что основу для его формирования как подотрасли в будущем могут составить общие положения об исполнении иных мер уголовно-правового характера, дифференцированные институты исполнения иных мер уголовно-правового характера, являющихся формами реализации уголовной ответственности; применения к осужденным мер исправительно-предупредительного воздействия. Полагаем, что постпенитенциарное право обладает в перспективе гипотетическими признаками подотрасли уголовно-исполнительного права:

– исполнение в отношении осужденных иных мер уголовно-правового характера, являющихся формами реализации уголовной ответственности, вызывает существование уголовно-исполнительных правоотношений, где отчетливо наблюдается правовая связь между осужденными и должностными лицами учреждений и органов, осуществляющих контроль за его поведением;

– отмеченные уголовно-исполнительные правоотношения имеют несколько отличную модифицированную природу в отличие от типичных уголовно-исполнительных правоотношений, так как акцент ставится не на карательном, а на контролирующем моменте со стороны учреждений и органов, исполняющих рассматриваемые меры в отношении осужденных;

– наблюдается специфика в сочетании отраслевых способов правового регулирования.

Несомненно, специфика отмеченных отношений требует закрепления в УИК РФ отдельного раздела, регламентирующего вопросы исполнения иных мер уголовно-правового характера, являющихся формами реализации уголовной ответственности. На сегодняшний день, мы вынуждены признать, что в УИК РФ регламентируется на уровне отдельного отраслевого института только исполнение условного осуждения как иной меры уголовно-правового характера. Сказанное подтверждается совокупностью однородных норм уголовно-исполнительного права, закрепленных в главе 24 УИК РФ. Что же касается правового регулирования исполнения иных мер уголовно-правового характера, являющихся формами ре-

ализации уголовной ответственности, не выходящих за рамки предмета уголовно-исполнительного права, то оно представлено совокупностью разрозненных и несистемных норм, сосредоточенных как в главе 21 УИК РФ, так и иных ведомственных нормативно-правовых актов, являющихся источниками уголовно-исполнительного права. Такое положение вещей свидетельствует о слабой разработанности данного вопроса на законодательном уровне, что не способствует эффективности правового регулирования. В УИК РФ находят отражение обособленные нормы уголовно-исполнительного права, посвященные вопросам исполнения условно-досрочного освобождения в отношении осужденных с учетом общей и видовой уголовно-исполнительной правосубъектности (ст. 79, 93 УК РФ); отсрочки отбывания наказания по болезни (ч. 1, 2 ст. 81 УК РФ); отсрочки отбывания наказания беременными женщинами и женщинами, имеющими ребенка в возрасте до 14 лет, мужчинами, имеющими ребенка в возрасте до 14 лет и являющимися единственными родителями; отсрочки отбывания наказания больными наркоманией (ст. 82.1 УК РФ); принудительных мер воспитательного характера, применяемых к несовершеннолетним осужденным, рассматриваемых в качестве отсрочки отбывания наказания в виде лишения свободы в соответствии с ч. 2 ст. 92 УК РФ.

Постпенитенциарное право состоит из института исполнения условного осуждения и разрозненных норм уголовно-исполнительного права, регулирующих вопросы исполнения иных мер уголовно-правового характера, являющихся формами реализации уголовной ответственности.

Таким образом, ни альтернативно-наказательное право, ни постпенитенциарное право не относятся к подотраслям уголовно-исполнительного права. Тем не менее, в перспективе с учетом развития отраслевой структуры исследуемой отрасли, можно будет говорить о существовании в будущем 2 подотраслей уголовно-исполнительного права: альтернативно-наказательной и постпенитенциарной.

Пристатейный библиографический список

1. Алексеев С. С. Структура советского права. М., 1975. 264 с.
2. Комаров С. А. Теория государства и права: учебно-методическое пособие. М., 2003. 448 с.
3. Нерсесянц В. С. Общая теория права и государства. М.: Инфра-М., 1999. 552 с.
4. Теория государства и права: курс лекций / Под ред. Н. И. Матузова, А. В. Малько. М.: Юрист, 1997. 672 с.

ПОНОМАРЕВА Валерия Владимировна

доктор юридических наук, профессор, начальник кафедры государственно-правовых дисциплин Сибирского юридического института МВД России, полковник полиции

ЗАПУНИДИ Кристина Николаевна

магистрант Юридического института Сибирского федерального университета

ОРЛОВА Светлана Владимировна

старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права Юридического института Сибирского федерального университета.

ПОЛИТИКО-ПРАВОВАЯ КАТЕГОРИЯ «ДОСТОИНСТВО ЛИЧНОСТИ» И ПРАВО НА ДОСТОИНСТВО НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО, ОСУЖДЕННОГО К ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ

В статье рассматривается проблема обеспечения права на достоинство несовершеннолетних осужденных в России. Особое внимание уделено достойным условиям перевоспитания лиц, подвергшихся лишению свободы. Основой исследования выступают доктринальные источники и отечественное законодательство.

Ключевые слова: достоинство личности, несовершеннолетние осужденные, ювенальное уголовное право.

PONOMAREVA Valeriya Vladimirovna

Ph.D. in Law, professor, Head of State and law disciplines sub-faculty of the Siberian law Institute of the MIA of Russia, police Colonel

ZAPUNIDI Kristina Nikolaevna

magister student of the Institute of Law of the Siberian Federal University

ORLOVA Svetlana Vladimirovna

senior lecturer of Theory and history of state and law sub-faculty of the Institute of Law of the Siberian Federal University

POLITICAL AND LEGAL CATEGORY OF HUMAN DIGNITY AND THE RIGHT TO DIGNITY OF A MINOR PRISONER

The article considers a problem of ensuring the right to human dignity of minor convicted persons in Russia. Special attention is paid to dignified conditions of correction of prisoners. The basis of analysis is doctrinal sources and Russian legislation.

Keywords: human dignity, minor convicted persons, juvenile criminal law.

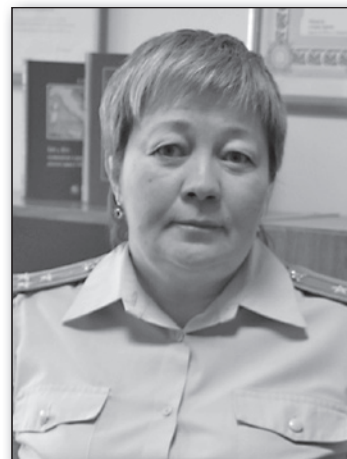
Категория «достоинство личности» интересовала мыслителей с глубокой древности. Классики политико-правовой мысли неоднократно обращались к идее человеческого достоинства в своих трудах.

Так, древнегреческий философ Аристотель предлагал для обеспечения справедливого распределения власти, почестей, прав и обязанностей учитывать вклад каждого в общее благо. Таковой Аристотель определял не только тратами лица на общественные нужды, но и его участием в управлении, а также обладанием такими качествами, как образованность, интеллект, опыт¹. Философ считал, что самыми достойными членами общества являются образованные, умные и опытные люди².

Политико-правовые представления о человеческом достоинстве, сформулированные на заре человечества

древнегреческими мыслителями, были восприняты римлянами. В Древнем Риме эту юридическую категорию изучали прежде всего эпикурейцы и стоики. Представители обоих направлений считали, что достойная человека жизнь состоит из поступков, согласных с природой. Однако то, как именно человек должен согласовать свое поведение с природой, эпикурейцы и стоики понимали по-разному.

Так, представитель стоицизма Марк Туллий Цицерон полагал, что лучших людей отвращает от преступления не столько страх перед карой, определенной законами, сколько чувство стыда, данное человеку природой и как бы заставляющее его бояться справедливого порицания. Это чувство стыда правитель государства усиливает общепринятыми мнениями и поддерживает философскими учениями – дабы совестли-

Пономарёва В. В.

Запуниди К. Н.

Орлова С. В.

1 См.: История политических и правовых учений / под ред. О. В. Мартышина. М., 2002. С. 53-55; Кечекьян С. Ф. Учение Аристотеля о государстве и праве. М.-Л., 1947.

2 См.: Дробышевский С. А., Протопопова Т. В. Представления о человеческом достоинстве в политико-юридических доктринах и праве. М.: Проспект, 2016. С. 16.

вость не в меньшей мере, чем страх, мешала гражданам совершать преступления³.

С точки зрения эпикурейцев, достойная жизнь человека состоит в отказе его от государственной деятельности и занятии своими частными делами. Индивидууму не следует бороться с другими людьми за жизненные блага. Ему должно довольствоваться малым. Немного еды, скромная одежда, кров над головой, защищающий от непогоды, наконец, дружба с аналогичным образом живущими людьми в совокупности составляют все, что требуется для достойной жизни⁴.

Сформулированные в античности идеи и представления о человеческом достоинстве были восприняты светскими и религиозными мыслителями Средневековья. Так, философ-богослов Фома Аквинский считал, что человеческая личность есть «самое благородное» во всей разумной природе. Основываясь на античных идеях естественного права, Фома Аквинский утверждал, что цель государства – это обеспечение условий для достойной жизни человеческих индивидуумов. При этом он полагал, что естественный закон предписывает уважать достоинство людей, а каждый из них не только имеет божественное по своему первоисточнику достоинство, но и естественное право на достоинство⁵.

Сменивший феодализм буржуазный исторический период начертал слово «достоинство» на своих знаменах. В эпоху Возрождения основополагающей идеей политических и правовых учений становится мысль о необходимости утверждения в общественном сознании представления о самоценности личности, признания достоинства и автономии всякого индивида, обеспечения условий для свободного развития человека, предоставления каждому возможности собственными силами добиваться своего счастья⁶. Голландский политический мыслитель Б. Спиноза отстаивал светскую трактовку достоинства людей, а английский ученый XVII века Т. Гоббс писал, что достоинство человека есть вещь, отличная от его стоимости или ценности, а также заслуг, и оно состоит в человеческом даровании или способности к тому, достойным чего его считают⁷. Буржуазная эпоха устраняет сословный характер человеческого достоинства, свойственный феодализму, и утверждает совсем другой. Честь человека становится не наследственной, родовой, а индивидуальной и профессиональной: честью мастера своего дела, специалиста, преуспевающего предпринимателя. Хороший специалист в условиях капитализма всегда пользуется спросом. Ученый же и организатор – финансист – важнейшие и уважаемые фигуры. Индивидуальная инициатива, богатство, успех – вот составные части «достоинства человека в буржуазной эпохе»⁸.

В современном мире интерес к праву на достоинство сохраняется. Можно назвать множество работ западных специалистов по этой тематике⁹. В российской политико-правовой

научной литературе уже много лет, начиная с первых работ профессора Н.А. Придворова, ведутся теоретические исследования понятия права на достоинство личности.

Конечно, нельзя отрицать, что достоинство – это прежде всего философская, этическая категория. Ученые-правоведы в своих работах основываются на достижениях философской науки. На сегодняшний день в юриспруденции все большее распространение получает точка зрения, согласно которой человеческое достоинство как сложное и многогранное явление – это самоуважение личности, ее нравственное, справедливое отношение к себе, стремление к снисканию уважения других людей, предполагающее при реализации необходимость уважать других индивидов¹⁰.

Применяя результаты этих исследований для решения проблем определения понятия права на достоинство несовершеннолетнего, можно сформулировать следующую дефиницию: право ребенка на достоинство – это данное с рождения каждому лицу неотъемлемое право на самодостаточность, самоидентификацию, самоуважение личности, на адекватное, нравственное и справедливое отношение к себе, сопряженное с правомерным стремлением к снисканию уважения других людей. Конечно, в определении обязательно должно быть учтено, что человек, не достигший совершеннолетия, имеет право пользоваться всемерной защитой и поддержкой как со стороны государства, так и со стороны своих родителей или опекунов, которые, в свою очередь, обязаны принимать меры к воспитанию несовершеннолетнего в атмосфере уважительного отношения к достоинству других людей.

Достижения истории политических и правовых учений, теории государства и права могут иметь большое значение для развития уголовно-исполнительного права, особенно для такого его раздела, который условно можно было бы назвать ювенальным уголовно-исполнительным правом¹¹. К сожалению, многие несовершеннолетние, совершая неправомерные поступки, подвергаются строгому уголовному наказанию. При этом основной задачей является возвращение таких несовершеннолетних к нормальной жизни в обществе¹². Государство старается всячески не допустить применения к таким лицам реального лишения свободы. Вопрос о достоинстве несовершеннолетнего остается одним из основных. Если несовершеннолетний в крайнем случае оказался в воспитательной колонии, то очень важно не дать ему почувствовать, что с его достоинством никто не считается, что оно подвергается умалению и цель наказания – унижение. Этого нельзя допускать для того, чтобы несовершеннолетний не озлобился на весь мир, не потерял социальных связей и не перестал верить в гуманность общества. Подросток, находясь в воспитательной колонии, должен разобраться в себе, не утратив самоуважение, и научиться уважительно относиться как к близким, так и к по-

3 См.: Дробышевский С. А. История политических и правовых учений. Основные классические идеи. М., 2007. С. 62-63.

4 См.: Дробышевский С. А., Протопопова Т. В. Представления о человеческом достоинстве в политико-юридических доктринах и праве. М.: Проспект, 2016. С. 18.

5 См.: Права человека / отв. ред. Е. А. Лукашова. М.: Норма, 2002. С. 60.

6 См.: Дробышевский С. А., Протопопова Т. В. Представления о человеческом достоинстве в политико-юридических доктринах и праве. М.: Проспект, 2016. С. 35.

7 См.: Гоббс Т. Левиафан или материя, форма и власть государства церковного и гражданского. М., 2001. С. 67.

8 См.: Золотухина-Аболина Е. В. Современная этика. Ростов н/Д: Март, 2003. С. 328-329.

9 См., например: Elshain J. B. The dignity of the human person and the idea of human rights: four inquiries // Journal of Law and Religion. Vol. 14. No. 1(1990-2000). P. 53-65.

10 См.: Дробышевский С. А., Протопопова Т. В. Идея человеческого достоинства в политико-юридических доктринах и праве. Красноярск: ИПК СФУ, 2009. С. 91.

11 См.: Пудовочкин Ю. Е. Ювенальное уголовное право: концепция, история, современность: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Волгоград, 2002.

12 См.: Гумирова Г. Ф. Правовые и психологические аспекты оптимизации исправления осужденных к лишению свободы несовершеннолетнего возраста: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2009; Гумирова Г. Ф. Особенности личности несовершеннолетних правонарушителей // Сборник материалов республиканского конкурса научных работ студентов и аспирантов на соискание премии им. Н.И. Лобачевского. В 3 т. Т. III. / Сост. Хисматуллин И. М., дизайн Чернышев В. А. Казань, 2008. С. 217-220.

сторонним людям, почитая старших и участливо обходясь с младшими.

Идеей достоинства личности несовершеннолетнего проникнута практически вся Глава 17 «Особенности исполнения наказания в виде лишения свободы в воспитательных колониях» Уголовно-исполнительного кодекса РФ. Так, согласно ч. 3 ст. 133 УИК РФ, осужденные, отбывающие наказание в льготных условиях, проживают в общежитиях. Им разрешается расходовать на приобретение продуктов питания и предметов первой необходимости средства, имеющиеся на лицевых счетах, иметь краткосрочные свидания, без ограничения их количества, а также шесть длительных свиданий в течение года с проживанием за пределами воспитательной колонии. Более того, согласно ч. 4 ст. 133 УИК РФ осужденным, отбывающим наказание в льготных условиях по постановлению начальника воспитательной колонии может быть разрешено проживание в общежитии за пределами воспитательной колонии без охраны, но под надзором администрации воспитательной колонии. В этом случае им также разрешается пользоваться деньгами и носить гражданскую одежду.

Последний пункт имеет особое значение, так как право на внешний облик тесно связано с правом на достоинство. Несовершеннолетний осужденный, принужденный ходить в особой одежде, постоянно помнит, что он совершил недостойный поступок и претерпевает за это наказание. Возможность носить разнообразную одежду, как принято в гражданском обществе, такой подросток воспримет как знак доверия, как возможность повышения его самооценки и достойной оценки его обществом.

Кроме того, уже сам факт перевода в льготные условия отбывания наказания говорит о признании за подростком право на достоинство. Ведь согласно ч. 5 ст. 132 УИК РФ осужденные, отбывающие наказание в облегченных условиях, переводятся в льготные условия отбывания наказания, а согласно ч. 4 ст. 132 УИК осужденные могут быть переведены из обычных условий отбывания в облегченные при отсутствии взысканий за нарушения установленного порядка отбывания наказания и добросовестном отношении к труду и учебе. То есть речь фактически идет о поощрении несовершеннолетних за достойное поведение.

Согласно ст. 134 УИК РФ за хорошее поведение, добросовестное отношение к труду и учебе, активное участие в воспитательных мероприятиях к несовершеннолетним осужденным могут применяться меры поощрения, такие как благодарность, награждение подарком, денежная премия, разрешение на получение дополнительной посылки или передачи, предоставление дополнительного свидания, разрешение дополнительно расходовать деньги, досрочное снятие ранее наложенного взыскания, предоставление права посещения культурно-зрелищных и спортивных мероприятий за пределами воспитательной колонии в сопровождении сотрудников колонии, предоставление права на выход за пределы воспитательной колонии в сопровождении родителей, лиц, их замещающих, или других близких родственников, досрочный перевод из строгих условий отбывания наказания в обычные.

Приведенные положения закона наглядно показывают, как законодатель выстраивает систему мер обеспечения права на достоинство несовершеннолетнего. При этом нельзя не учитывать, что в ч. 1 ст. 9 УИК РФ записано, что исправление осужденных – это формирование у них уважительного отношения к человеку, обществу, труду, нормам, правилам и традициям человеческого общежития и стимулирование правопослушного поведения, а в ч. 2 этой статьи говорится, что наряду с ре-

жимом основными средствами исправления осужденных являются воспитательная работа, общественно полезный труд, получение общего образования, профессиональное обучение и общественное воздействие. Таким образом, законодатель ставит перед уголовно-исполнительной системой цель формирования достойной личности, исключительно достойными средствами.

В этой связи нельзя еще раз не подчеркнуть, что для уголовно-исполнительного права особую важность имеет изучение сущности, современного состояния и перспектив развития права на человеческое достоинство, особенно права на достоинство личности несовершеннолетних. Полагаем целесообразным ввести курс изучения достоинства как в программы подготовки сотрудников ФСИН, так и в программы обучающих структур воспитательных колоний. Кроме того, автор предлагает дополнить ст. 8 УИК РФ «Принципы уголовно-исполнительного законодательства Российской Федерации» принципом уважения достоинства личности.

Пристатейный библиографический список

1. Гоббс Т. Левиафан или материя, форма и власть государства церковного и гражданского. М., 2001.
2. Гумирова Г. Ф. Особенности личности несовершеннолетних Гумирова Г.Ф. Особенности личности несовершеннолетних правонарушителей // Сборник материалов республиканского конкурса научных работ студентов и аспирантов на соискание премии им. Н. И. Лобачевского. В 3 т. Т. III. / Сост. Хисматуллин И. М., дизайн Чернышев В. А. Казань, 2008.
3. Гумирова Г. Ф. Правовые и психологические аспекты оптимизации исправления осужденных к лишению свободы несовершеннолетнего возраста: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2009.
4. Дробышевский С. А. История политических и правовых учений. Основные классические идеи. М., 2007.
5. Дробышевский С. А., Протопопова Т. В. Идея человеческого достоинства в политико-юридических документах и праве. Красноярск: ИПК СФУ, 2009.
6. Дробышевский С. А., Протопопова Т. В. Представления о человеческом достоинстве в политико-юридических доктринах и праве. М.: Проспект, 2016.
7. Золотухина-Аболина Е. В. Современная этика. Ростов н/Д: Март, 2003.
8. История политических и правовых учений / под ред. О. В. Мартышина. М., 2002.
9. Кечекьян С. Ф. Учение Аристотеля о государстве и праве. М.-Л., 1947.
10. Права человека / отв. ред. Е. А. Лукашова. М.: Норма, 2002.
11. Пудовочкин Ю. Е. Ювенальное уголовное право: концепция, история, современность: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Волгоград, 2002.
12. Elshain J. B. The dignity of the human person and the idea of human rights: four inquiries // Journal of Law and Religion. Vol. 14. No. 1(1990-2000).

ЕРЕМИН Сергей Германович

доктор юридических наук, профессор кафедры криминалистики Волгоградской академии МВД России

ВАСИЛЬЕВ Дмитрий Владимирович

преподаватель кафедры предварительного расследования Волгоградской академии МВД России

СЛЕДЫ НЕФТИ И НЕФТЕПРОДУКТОВ КАК ПРЕДМЕТ ЭКСПЕРТНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

В статье рассматриваются основы организации технико-криминалистического обеспечения выявления, раскрытия и расследования преступлений, связанных с несанкционированными врезками в магистральные трубопроводы и хищениями нефти и других энергоносителей. Реализация современных возможностей методов экспертно-криминалистического исследования нефти, нефтепродуктов и её следов позволяют сотрудникам органов предварительного расследования выдвигать, подтверждать или опровергать следственные и (или) оперативные версии расследуемого события, определять направление и необходимость проведения следственных и оперативно-разыскных мероприятий.

Ключевые слова: нефть, нефтепродукты, методы исследования нефтепродуктов, врезка в нефтепровод, исследование нефти.

EREMIN Sergey Germanovich

Ph.D. in Law, professor of Criminalistics sub-faculty of the Volgograd Academy of the MIA of Russia

VASILJEV Dmitriy Vladimirovich

lecturer of Preliminary investigation sub-faculty of the Volgograd Academy of the MIA of Russia

TRACKS OF OIL AND PETROLEUM PRODUCTS AS A SUBJECT OF EXPERT RESEARCH

This article discusses the basics of organizing technical and forensic ensure of the identification, disclosure and investigation of crimes associated with unauthorized pipeline tie-ins and theft of oil and other energy sources. The implementation of possibilities of modern methods of forensic study of oil and its traces allow employees of bodies of preliminary investigation to initiate, confirm or deny the investigation, and (or) the operational version of the events under investigation, to determine the direction and the need for investigative and operational search actions.

Keywords: oil, oil products, methods of research of oil products, the frame in the pipeline, the study of oil.

Для изучения свойств образцов нефти и её следов на предметах-носителях в экспертной и следственной практике (в случаях, когда нефть выступает предметом преступного посяательства¹) широко применяются методы и технико-криминалистические средства, позволяющие наблюдать и фиксировать результаты исследования объектов в инфракрасных, ультрафиолетовых и рентгеновских лучах.

Инфракрасные лучи расположены в невидимой зоне спектра между красными лучами и радиоволнами в пределах длин волн от 0,74 нм до 1-2 мм. Они обладают большей проникающей способностью, нежели видимые, отражаются и поглощаются различными объектами иначе, чем лучи видимой части спектра. С их помощью можно установить родовую принадлежность нефти. Ультрафиолетовые лучи расположены между фиолетовыми и рентгеновскими лучами (длина волн от 400 до 10 нм). В практике экспертных исследований используется небольшой их участок, что обусловлено возможностями фотографической оптики. Ультрафиолетовые лучи вызывают люминесценцию многих веществ, отражаются и поглощаются ими иначе, чем видимые лучи. С их помощью можно дифференцировать вещества, различающиеся по составу, но одинаковые по внешнему виду; они незаменимы для

обнаружения следов нефти на различных элементах вещной обстановки места происшествия. Рентгеновские лучи расположены в невидимой зоне спектра между ультрафиолетовыми и гамма лучами (длина волн от 10-12 до 10⁻⁹ м). Рентгеновские лучи отличаются значительной проникающей способностью, они проходят сквозь непрозрачные тела, вызывают люминесценцию некоторых веществ, способны ионизировать газы, оказывают биологическое воздействие на организм. Указанные свойства реализуются в следующих методах экспертных исследований: рентгенография, рентгеновский структурный анализ, рентгеновский спектральный анализ.

Люминесцентный анализ – метод исследования различных объектов, основанный на наблюдении их люминесценции. При люминесцентном анализе наблюдают либо собственное свечение исследуемых объектов, либо свечение специальных люминофоров, которыми специально обрабатывают исследуемый объект. Чаще всего возбуждают фотолюминесценцию объекта, однако в некоторых случаях для люминесцентного анализа применяют катодолюминесценцию, радиолюминесценцию и хемилюминесценцию.

Одно из первостепенных требований, выдвигаемых современной наукой, в частности криминалистикой, создание новых экспрессных и информативных методов для определения качественного и количественного состава веществ. Среди них по праву масс-спектрометрии принадлежит одно из первых мест, что обусловлено широкими возможностями метода, позволяющего определять индивидуальные органические и неорганические соединения, а также типы соединений в

1 Плюхина Е. Е. Метод обнаружения несанкционированных врезок и диверсий на трубопроводах // Вестник ОГУ. – 2011. – 16 (135). – С. 92-94; Мамонова Т. Е. Метод определения утечки из нефтепровода, основанный на разности во времени давления // Известия Томского политехнического университета – 2013. – Т. 323. – № 1. – С. 216-219.

многокомпонентных смесях. Первые масс-спектры были получены в Великобритании Дж. Томсоном в 1910 году. Первоначально масс-спектрометрия применялась преимущественно для определения изотопного состава элементов и точного измерения атомных масс.

Химические методы анализа, вследствие их простоты, доступности, дешевизны, наиболее часто используются при проведении экспертно-криминалистических исследований. Эти методы используются для решения диагностических и идентификационных задач при исследовании самых разнообразных по природе вещественных доказательств. Все аналитические методы основаны на получении и измерении аналитического сигнала, т.е. любого проявления химических или физических свойств вещества, используемого экспертом при установлении состава анализата или его компонентного состава². В зависимости от задач и методов различают качественный и количественный анализ. Качественный анализ состоит в обнаружении отдельных элементов анализируемого объекта в виде атомов, молекул, ионов или идентификации индивидуального соединения. Количественный анализ заключается в определении количества содержания компонентов в объекте по величине аналитического сигнала, зависящего от их концентрации.

В ходе любого анализа можно выделить следующие основные этапы:

отбор проб, подготовка вещества и необходимых реактивов для проведения анализа;

– перевод определяемого компонента в форму, пригодную для проведения анализа;

– собственно определение количества компонента;

– математическая (статистическая) обработка результатов анализа.

Главное требование, предъявляемое к источникам линейчатого спектра, применяемым в судебной экспертизе вещественных доказательств – возможность получения узких, ярких, хорошо воспроизводимых спектральных линий. Наиболее распространенными источниками линейчатого спектра являются: дуговые парометаллические лампы, лампы с высокочастотным возбуждением, резонансные лампы, газовые и жидкостные лазеры. Отметим некоторые особенности источников для проведения различных видов спектрального анализа. При эмиссионном анализе исследуемый образец (проба) вносится непосредственно в источник, т. к. необходимо получить излучение самого анализируемого вещества. Источниками для эмиссионного анализа служат газовый разряд различных видов (дуговой, тлеющий, искровой) и пламя. При абсорбционном анализе исследуемая проба вносится не в источник, а в световой поток между источником и спектральным прибором, поэтому источник должен давать сплошное излучение, достаточно равномерное и яркое. При анализе спектров поглощения используются главным образом тепловые излучатели и газоразрядные лампы высокого давления.

В практике судебной экспертизы большое значение имеет определение атомного и молекулярного состава материалов, веществ и изделий (сложные соединения, включения и

наслоения). Для этих целей широко используют достоинства спектрального анализа.

Спектральный анализ – это физические методы качественного и количественного определения состава вещества, основанные на получении и исследовании его спектров. Спектральный анализ классифицируют по целям анализа и типам спектров.

Атомный спектральный анализ позволяет определить элементный состав вещества по атомным (ионным) спектрам испускания и поглощения.

Молекулярный спектральный анализ дает возможность установить молекулярный состав вещества по молекулярным спектрам, спектрам люминесценции и комбинационного рассеяния света.

В свою очередь, различают две разновидности спектрального анализа – эмиссионный и абсорбционный.

Эмиссионный спектральный анализ (ЭСА) производят по спектрам испускания атомов, ионов, молекул, возбужденных любым источником электромагнитного излучения³.

Абсорбционный спектральный анализ осуществляют по спектрам поглощения анализируемых объектов (атомов, молекул, ионов вещества взятой пробы)⁴.

Со времени зарождения хроматография получила значительное развитие. Учеными было предложено большое число вариантов реализации хроматографического принципа разделения сложных смесей (в том числе неокрашенных и слабоокрашенных веществ). Основными видами считаются: бумажная, тонкослойная и колоночная хроматография. Каждый из этих видов динамично развивается и характеризуется сложной внутренней структурой.

Анализируемую смесь вкалывают дозатором (микрошприцем) в приемное устройство, она подхватывается потоком элюента и разделяется в хроматографической колонке.

В газожидкостной хроматографии элюент является газом, а неподвижная фаза – жидким сорбентом, нанесенным тонкой пленкой на поверхность твердого.

По механизму разделения смесей различают следующие виды хроматографии:

– адсорбционная хроматография (основана на различии в адсорбируемости компонентов смеси на определенном адсорбенте);

– распределительная хроматография (основана на различии в растворимости компонентов смеси в подвижной и неподвижной фазах);

– ионообменная хроматография (основана на различии констант ионообменного равновесия);

– осадочная хроматография (основана на различной растворимости осадков в подвижной фазе);

– гель-проникающая хроматография (основана на различии в проницаемости разделяемых веществ в неподвижную фазу – гель и обусловлена размерами их молекул).

2 Еремин С. Г., Бондаревская Н. С., Стешенко Ю. С. Использование специальных экономических знаний в процессуальной форме для сбора исходной криминалистически значимой информации и доказывания преступлений // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2010. – № 2 (13). – С. 91-93.

3 Сарыг-оол Б. Ю. Изучение микроэлементного состава сырой нефти с применением метода атомно-эмиссионной спектрометрии с индуктивно-связанной плазмой // Экология России и сопредельных территорий: материалы XVIII Междунар. экологической студенческой конф.; Новосибирский национальный исследовательский государственный университет. – Новосибирск, 2013. – 196 с.

4 Дементьев Ф. А., Бельшина Ю. Н., Акимов А.Л. Исследование ароматических углеводородов в качестве идентификационных признаков нефтяного загрязнения // Вестник Санкт-Петербургского университета ГПС МЧС России. – 2011. – № 3. – С. 31-37.

Необходимо отметить, что методы жидкостной и газовой хроматографии применяют одинаково часто (характерный интервал молекулярных масс соединений, анализируемых жидкостной хроматографией, лежит в пределах 100-100000).

Каждый из перечисленных методов хроматографии в зависимости от способа перемещения анализируемой смеси может быть осуществлен в виде следующих методических вариантов: 1) проявительный (или элюентный) анализ; 2) фронтальный анализ; 3) вытеснительный анализ; 4) хроматография и другие методы с применением движущегося температурного поля. Чаще всего в экспертно-криминалистических исследованиях используют проявительную хроматографию. В проявительной хроматографии анализируемая смесь наносится на слой сорбента, через который затем непрерывным потоком пропускается подвижная фаза. Компоненты анализируемой смеси, в зависимости от их сродства к неподвижной фазе, перемещаются подвижной фазой вдоль слоя неподвижной с различными скоростями⁵.

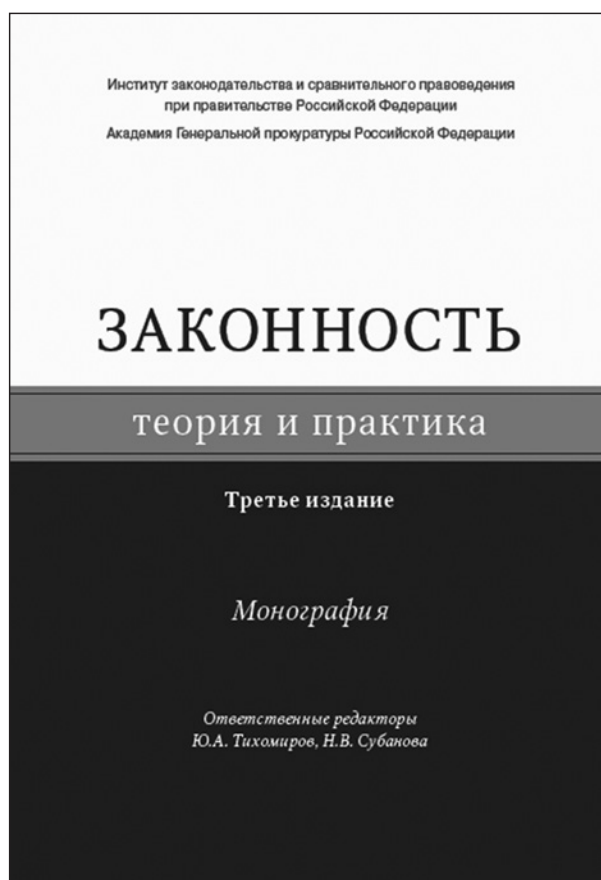
При последовательном прохождении вдоль незанятого слоя неподвижной фазы осуществляются многократные акты сорбции и десорбции компонентов смеси, и молекулы, имеющие большее сродство к сорбенту, постоянно запаздывают при переносе подвижной фазой по сравнению с молекулами веществ, имеющими пониженное сродство к данной неподвижной фазе. В конце процесса различия в сорбционных свойствах веществ приводят к полному их разделению на зоны, отделенные друг от друга объемами чистой подвижной фазы. При регистрации концентрации веществ на выходе из слоя сорбента и при графическом изображении этой зависимости получают так называемую хроматограмму.⁶

Представленные на рассмотрение методы экспертного исследования обладают большей информативностью по отношению к методам предварительного исследования, но в то же время их применение вне лабораторных условиях не представляется возможным (не обладают экспрессностью, что в свою очередь препятствует расследованию преступлений по «горячим следам»).

Пристатейный библиографический список

1. Плюхина Е. Е. Метод обнаружения несанкционированных врезок и диверсий на трубопроводах // Вестник ОГУ. – 2011. – 16 (135). С. 92-94.
2. Мамонова Т. Е. Метод определения утечки из нефтепровода, основанный на разности во времени давления // Известия Томского политехнического университета – 2013. – Т. 323. – № 1. – С. 216-219.
3. Еремин С. Г., Бондаревская Н. С., Штешенко Ю. С. Использование специальных экономических знаний в процессуальной форме для сбора исходной криминалистически значимой информации и доказывания преступлений // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2010. – № 2 (13). – С. 91-93.

4. Сарыг-оол Б. Ю. Изучение микроэлементного состава сырой нефти с применением метода атомно-эмиссионной спектроскопии с индуктивно-связанной плазмой // Экология России и сопредельных территорий: материалы XVIII Междунар. экологической студенческой конф.; Новосибирский национальный исследовательский государственный университет. – Новосибирск, 2013. – 196 с.
5. Деметьев Ф. А., Бельшина Ю. Н., Акимов А. Л. Исследование ароматических углеводородов в качестве идентификационных признаков нефтяного загрязнения // Вестник Санкт-Петербургского университета ГПС МЧС России. – 2011. – № 3. – С. 31-37.
6. Васильев Д. В. Возможности использования зарубежного опыта криминалистической характеристики хищений нефти // Евразийский юридический журнал. – 2015. – № 11 (90).
7. Иванова Л. В. Определение массового содержания твердых парафинов в нефти методом капиллярной газожидкостной хроматографии // Труды РГУ нефти и газа им. Губкина. – 2011. – № 3.

5 Васильев Д. В. Возможности использования зарубежного опыта криминалистической характеристики хищений нефти // Евразийский юридический журнал. – 2015. – № 11 (90).

6 Иванова Л. В. Определение массового содержания твердых парафинов в нефти методом капиллярной газожидкостной хроматографии // Труды РГУ нефти и газа им. Губкина. – 2011. – № 3. – С. 61.

РОМАНОВСКАЯ Ирина Викторовна

кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Крымского филиала Краснодарского университета МВД России, подполковник полиции

ЖУРАВЛЕНКО Николай Иванович

кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Крымского филиала Краснодарского университета МВД России, полковник полиции

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ В УСЛОВИЯХ НЕОЧЕВИДНОСТИ ВИНЫ ПОДОЗРЕВАЕМЫХ

В статье рассматриваются возможности использования психологических знаний при расследовании серийных насильственных преступлений в условиях неочевидности вины подозреваемых. Создание психологического портрета преступника открывает новые возможности в прогнозировании поведения серийного убийцы, в более эффективном планировании и проведении оперативно-розыскных мероприятий.

Ключевые слова: психологический портрет, психопрофиль, серийный убийца, насильственный преступник.

ROMANOVSKAYA Irina Viktorovna

Ph.D. in Law, senior lecturer of Humanities and socio-economic disciplines sub-faculty of the Crimean branch of Krasnodar University of the MIA of Russia, lieutenant colonel of police

ZHURAVLENKO Nikolay Ivanovich

Ph.D. in Law, associate professor, Head of Humanitarian and social-economics disciplines sub-faculty of the Crimean branch of Krasnodar University of the MIA of Russia

USE OF PSYCHOLOGICAL KNOWLEDGE IN CONDITIONS OF SUSPECTS' UNOBTAINABLE GUILT

The article deals with the possibilities of using psychological knowledge in the investigation of serial violent crimes in conditions of the unobtainable guilt of the suspects. Creating a psychological portrait of the criminal opens up new opportunities in predicting the behavior of the serial killer and more effective planning and conducting investigations.

Keywords: psychological portrait, psycho-profile, serial killer, violent criminal.

Романовская И. В.

Журавленко Н. И.

При расследовании серии убийств правоохранительные органы часто сталкиваются с необходимостью решения сложнейших проблем, связанных с неочевидностью вины подозреваемых, невозможностью определения круга подозреваемых. Трудность порой заключается в отсутствии информации о виновном, в невозможности выдвижения версий, которые легли бы в основу расследования преступления. Личность преступника бывает так зашифрована в признаках и обстоятельствах криминальной ситуации, что их расшифровка требует применения специальных методов познания¹.

При этом следует иметь в виду, что профессиональные преступники умело скрывают следы своей противоправной деятельности, используют методы спецслужб для организации связи с поделщиками, применяют методы конспирации². Современная преступность использует высокотехнологичные информационные технологии для добывания информации о предполагаемых жертвах преступления, для планирования

и совершения преступных замыслов³. Но какими бы не были изощренными средства и методы совершения преступлений, тщательный анализ выявленных криминалистически-значимых следов и особенностей преступного поведения позволяет получить важные сведения о личности преступника.⁴

В частности, наиболее эффективным методом расследования преступлений, совершенных в условиях неочевидности вины подозреваемых, является метод создания психологического портрета преступника. Не смотря на то, что в практических подразделениях до сих пор сохраняется скептическое отношение к использованию современных психологических знаний при раскрытии и расследовании преступлений, история криминалистики подтверждает перспективность применения методики разработки психологического портрета в решении ряда важных задач, стоящих перед полицейскими на разных стадиях производства по уголовным делам, таких как: выяснение мотива преступления, определение круга подозреваемых, прогнозирование поведения пре-

1 Журавленко Н. И., Михайлова Я. С. Математическое моделирование криминологических особенностей лиц, совершающих преступления экономической направленности, осуществляемое на основе принципа эквивалентности // Евразийский юридический журнал. – 2015. – № 11 (90). – С. 191-193.

2 Журавленко Н. И., Коноплева А. А. Осмысление явления информационной войны // Евразийский юридический журнал. – 2016. – № 5 (96). – С. 302-304.

3 Бойченко О. В., Журавленко Н. И. Информационная безопасность. Учебное пособие. – Симферополь: Крымский федеральный университет, 2016. – С. 46.

4 Журавленко Н. И., Тутова О. В. Сведения о личности преступника как элемент криминалистической характеристики компьютерных преступлений // Евразийский юридический журнал. – 2017. – № 7 (110). – С. 215-217.

ступника при задержании или освобождении заложников, построение эффективной тактики допросов проходящих по делу лиц, виктимологический анализ, а так же объединение в единое производство уголовных дел (выявление серии) по наличию общих признаков в различных элементах преступлений и многое другое⁵.

В оперативной работе органов внутренних дел подобные методики эффективнее всего используются для создания психопрофиля «серийных» преступников, когда повторяющиеся детали преступления могут указывать на особенности их характера или психики. Например, множественные хаотичные ножевые ранения обычно свидетельствуют о том, что их нанес человек с неустойчивой психикой. В процессе расследования преступлений, имеющих одинаковый «почерк», специалисты фиксируют все детали, обстоятельства и следы таких повторяющихся преступлений, анализируют показания выживших жертв и очевидцев. На основании этого с помощью специально разработанных методик психологических исследований создается предположительный образ, отражающий не столько внешность преступника, сколько его характер, привычки, особенности поведения. Такой портрет позволяет сузить круг подозреваемых лиц, спрогнозировать дальнейшие действия преступника и создать условия, вынуждающие его к совершению ошибочных действий, ускоряющих его поиск⁶. Под психологическим портретом следует понимать совокупность индивидуальных характеристик личности, таких как ее ценностные ориентации, нравственно-психологические качества, особенности интеллектуальной и эмоционально-волевой сфер, социально-психологические особенности поведения, жизненный опыт и т.п.⁷

Существуют различные психологические методы, применяющие которые оперативники и следователи составляют примерный, наиболее простой психологический портрет преступника. К ним относятся рефлексия, позволяющая мысленно поставить себя на место другого человека, эмпатия, предполагающая эмоциональное чувствование, сопереживание с другим человеком, и стереотипизация, с помощью которой можно отнести человека к определенной социальной группе, психологические особенности которой хорошо известны. Время и место совершения преступления могут свидетельствовать о стиле жизни, профессии, семейном положении, месте работы, проживания или укрывания, а также о других сторонах жизни преступника.

Известно, что в расчетах преступника существует минимальное и максимальное расстояние от места совершения преступления до места его дислокации. Поэтому при выдвижении версий пространственного поведения преступников учитываются два района. Первый, так называемый «домашний», хорошо знаком преступнику и прилегает к его «дому». Второй, «криминальный радиус» действия, охватывает все места, где были совершены преступления. Полицейским необходимо выявить связь этих двух районов с социальными,

возрастными, физическими и иными характеристиками преступника. Например, из опыта расследования насильственных преступлений можно сделать следующие выводы:

- пожилые преступники проезжают большие расстояния к месту преступления, чем молодые;
- поездка в выходные дни будет в среднем в 2,5 раза дальше и продолжительнее, чем в будни;
- постоянные жители для совершения преступлений уезжают дальше, чем временно проживающие в данной местности лица;
- совершающие преступления вне помещения проезжают от «дома» к месту преступления примерно в три раза дальше, чем те, кто совершает их в помещении.

Эта система может применяться по различным видам преступлений независимо от экономических и географических условий региона. В качестве исходных данных для определения минимального и максимального расстояния до места преступления используется информация о самом первом в серии преступлении. Вполне очевидно, что информация о местонахождении «дома» преступника особенно важна сразу же после первого преступления, пока они не стали серийей.

Как правило, первое преступление совершается под влиянием близости «объекта» – «желаю то, что вижу». Считается, что изначально преступник действует спонтанно, а если и планирует, то только способ без учета места совершения преступления. Наиболее вероятно, что он избирает для своих первоначальных действий хорошо знакомые ему места. В дальнейшем при планировании своих действий он уже будет учитывать те трудности, с которыми мог столкнуться во время совершения первого преступления, что в свою очередь может внести изменения в допустимые для него минимальное и максимальное расстояние до места преступления.

Места совершения серийных преступлений отмечаются на карте, эти точки используются в качестве центров колец, внутренний и внешний радиус которых соответствует минимальному и максимальному расстоянию. Перекрытие этих колец определяет район вероятного проживания преступника. Вполне очевидно, что для использования подобных методик необходимо тщательно фиксировать все выявленные детали на месте совершения преступления, так как даже мельчайшие особенности преступного поведения могут предоставить следователю важную информацию, характеризующую личность преступника. Привлечение психологического анализа в криминалистическую тактику и методику осмотра места происшествия предполагает реконструкцию внешней психологической структуры преступной деятельности по следам, что означает иной познавательный подход к их изучению.

Процедура составления психологического портрета включает в себя следующие этапы:

- доскональное изучение и анализ природы и сущности преступления, а также типологии лиц, совершивших подобные деяния в прошлом;
- исчерпывающий анализ места расследуемого преступления;
- углубленное изучение окружения, занятий и увлечений жертвы (жертв);
- формирование возможных мотивирующих факторов для всех подозреваемых лиц;
- описание преступника (на основе внешних поведенческих проявлений его вероятной психологической сущности).

Как правило на последнем этапе процедуры составления психологического портрета описываются и оцениваются следующие характеристики преступника: пол, возраст; семейное

5 Хабаров А. Е. Нетрадиционные методы в раскрытии преступлений // Совершенствование организации и тактики проведения оперативно-розыскных мероприятий: Межвузовский сборник научных трудов. – Омск: ОВШ МВД РФ, 1995. – С. 86-89.

6 Журавленко Н. И. Использование методик криминалистического диагностического исследования предметов и документов для осуществления анализа оперативной обстановки и диагностического анализа преступного деяния // Евразийский юридический журнал. – 2015. – № 3. – С. 205-210.

7 Журавленко Н. И., Романовская И. В. Психолого-криминологическая характеристика личности террориста-смертника // Евразийский юридический журнал. – 2016. – № 7 (98). – С. 272-274.

положение; образование; род занятий; возможная реакция на следственные действия (например, допрос); уровень сексуальной зрелости; возможность рецидива; вероятность того, что преступник в прошлом совершал аналогичные преступления⁸.

Серийные убийцы в большинстве своем – это садисты: жестокие, опасные, агрессивные сексуальные преступники. У них резко нарушена коммуникабельность, они не способны к сочувствию, к сопереживанию. У нормального человека две системы общения: вербальная и невербальная. Причем в неформальной обстановке невербальная система зачастую является основной. Например, когда женщина говорит «нет», в ее интонации и поведении вы улавливаете «да». Для садистов такие оттенки недоступны, они способны лишь к формальной коммуникабельности. При этом в обычной обстановке они ничем не выделяются. У них нет навыков самозащиты. В детском и подростковом возрасте они всегда были объектами издевок и насилия со стороны сверстников. Хотя физически они могли быть сильнее и крепче тех, кто их обижал, однако защитить себя они были не в состоянии. Вследствие этого возникали комплекс неполноценности, неуверенность, пониженная самооценка, которые с годами усиливались. Половая конституция у таких людей слабая, затруднения в общении с женщинами еще более усиливают комплекс неполноценности. И вот однажды этот человек обнаруживает, что насилие над другим человеком, власть над ним превращает его из ничтожества в господина.

Садисты, как правило, происходят из семей с доминирующей ролью матери. Она в такой семье – тиран, а отец оттеснен на периферию воспитательного процесса. Он если и вмешивается в воспитание ребенка, то лишь эпизодически, наскоками и, как правило, сопровождая это жестокими телесными наказаниями. Ребенок в такой семье эмоционально отвержен, он лишний. В этом и заключаются истоки садизма.

Конечно, составлением психологического портрета предполагаемого преступника работа специалистов не заканчивается. Следующим важным этапом является разработка рекомендаций о том, как, используя информацию, заложенную в психологический портрет, вычислить и задержать преступника, как тактически правильно построить допрос с учетом его личностных особенностей.

К сожалению, на практике чаще всего высказываются сомнения в принципиальной способности специалиста-психолога создать психологический образ разыскиваемого преступника, полезный для поисковой работы⁹. Даже несмотря на уже нарабатанный опыт успешного использования специальных психологических знаний в области изучения особенностей личности насильственных преступников, в особенности серийных убийц, преступления которых имеют сексуальную окраску, к помощи экспертов-психологов прибегают крайне редко. Возможно это объясняется тем, что несмотря на то, что определенные наработки в технологии составления и использования психологического портрета преступника уже существуют, они носят не систематизированный, зачастую, интуитивный характер. До сих пор отсутствует единая трактовка самого понятия «психологический портрет» и его структурных компонентов, не определены возможные методы его разработки по материалам конкретного уголовного дела. Особенно слож-

ным в практике раскрытия преступлений является отсутствие конструктивной теории о закономерностях отражения психологических особенностей личности в следах преступления. При этом основная проблема заключается в том, чтобы от материальных признаков преступления перейти к психологическим признакам личности преступника, являющимся не наблюдаемыми элементами преступного поведения. Они не сопоставимы и различны по своей природе, по механизмам образования и проявления. Именно эта проблема продолжает отпугивать практиков от возможности использования «психологического портрета» в процессе расследования серийных насильственных преступлений.

Пристатейный библиографический список

1. Бойченко О. В., Журавленко Н. И. Информационная безопасность. Учебное пособие. – Симферополь: Крымский федеральный университет, 2016. – С. 48.
2. Буткевич С. А. Инновационные технологии в современной правоохранительной деятельности // Евразийский юридический журнал. – 2017. – № 5 (108). – С. 297-299.
3. Журавленко Н. И., Коноплева А. А. Осмысление явления информационной войны // Евразийский юридический журнал. – 2016. – № 5 (96). – С. 302-304.
4. Журавленко Н. И. Использование методик криминалистического диагностического исследования предметов и документов для осуществления анализа оперативной обстановки и диагностического анализа преступного деяния // Евразийский юридический журнал. – 2015. – № 3 (82). – С. 205-210.
5. Журавленко Н. И., Михайлова Я. С. Математическое моделирование криминалистических особенностей лиц, совершающих преступления экономической направленности, осуществляемое на основе принципа эквивалентности // Евразийский юридический журнал. – 2015. – № 11 (90). – С. 191-193.
6. Журавленко Н. И., Романовская И. В. Психолого-криминалистическая характеристика личности террориста-смертника // Евразийский юридический журнал. – 2016. – № 7 (98). – С. 272-274.
7. Журавленко Н. И., Тутова О. В. Сведения о личности преступника как элементе криминалистической характеристики компьютерных преступлений // Евразийский юридический журнал. – 2017. – № 7 (110). С. 215 – 217.
8. Казанцев А.В., Содиков Ш.Д. Политические элиты и перспективы эволюции политических систем Узбекистана и Казахстана // Ежегодник Института международных исследований Московского государственного института международных отношений (Университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации. 2014. № 1 (7). С. 116-125.
9. Хлестов О.Н., Кукшкина А.В., Содиков Ш.Д. Международные организации и терроризм // Международная жизнь. – 2013. – С. 85-98.

8 Анфиногенов А. И. Психологический портрет преступника, его разработка в процессе расследования преступления: дис. ... канд. псих. наук: 19.00.06. – М., 1997.

9 Буткевич С. А. Инновационные технологии в современной правоохранительной деятельности // Евразийский юридический журнал. – 2017. – № 5 (108). – С. 297-299.

ПОЗИЙ Виктория Станиславовна

кандидат химических наук, доцент, начальник кафедры уголовного процесса и криминалистики Крымского филиала Краснодарского университета МВД России

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ ПРИ ОСМОТРЕ МЕСТА ПРОИСШЕСТВИЯ

В статье рассматриваются особенности криминалистического мышления следователя при осмотре места происшествия. Обращено внимание на недостатки при проведении данного следственного действия. Внесены предложения в описательную часть протокола осмотра места происшествия.

Ключевые слова: следователь, осмотр места происшествия, криминалистическое мышление.

POZIY Viktoriya Stanislavovna

Ph.D. in chemical sciences, associate professor, Head of Criminal process and criminalistics sub-faculty of the Crimean Branch of the Krasnodar University of the MIA of Russia

Позий В. С.

INVESTIGATIVE MINDSET AT THE CRIME SCENE INSPECTION

The work deals with the peculiarities of the investigator's investigative mindset in the course of the crime scene inspection. Attention is drawn to drawbacks in performing this investigative action. Proposals to the descriptive part of the on-site inspection report are made.

Keywords: investigator, crime scene inspection, investigative mindset.

На современном этапе работа следователя по раскрытию и расследованию преступлений во многом облегчена внедрением всевозможных новых средств криминалистической техники, использованием оригинальных методов исследованием обнаруженных на месте происшествия следов или вещественных доказательств, создания всевозможных электронных программ и баз данных. Однако, как показывает практика, всего этого может быть недостаточно для быстрого и эффективного расследования преступления, если же следователь не осознает ценности имеющейся в деле информации либо не может установить определенную связь между известными фактами. Получив информацию из окружающего мира, следователь мысленно должен переработать ее, сделать определенные выводы, познать сущность явлений, процессов, вещей, попытаться осмыслить их связи, взаимозависимости и взаимообусловленности и на этой основе решить профессиональные задачи, стоящие перед ним при расследовании преступлений. И все это происходит благодаря мышлению, являющемуся высшим познавательным процессом.

В процессе раскрытия преступления следователю, по мнению ряда ученых, присущ особый тип мышления – криминалистический. Как свидетельствует практика, у многих следователей в большей или меньшей мере развито уголовно-правовое и уголовно-процессуальное мышление¹, поскольку выработана определенная система по применению правовых норм, а загруженность следователя, недостаточность криминалистического образования и другие причины приводят к тому, что следователи владеют только азами криминалистического мышления.

Следует понимать, что криминалистическое мышление не сводится к простому переструктурированию имеющихся сведений, но позволяет воссоздать и предвосхитить будущий результат наступления того или иного события, определить дальнейший вектор в деятельности по расследованию преступлений. Доказано, что на практике не обойтись разрабо-

танным алгоритмом действий в типичных ситуациях, ведь каждый отдельный случай требует комплексной умственной деятельности и анализа сложившейся ситуации, в чем помогает хорошо развитое криминалистическое мышление следователя, в частности, при проведении одного из самых трудоемких следственных действий – осмотре места происшествия. В этом и состоит актуальность заявленной тематики.

Осмотр места происшествия является довольно сложным следственным действием. Именно при восприятии обстановки места происшествия, учете обнаруженных следов и всевозможных предметов, относящихся к данному происшествию, следователь выдвигает первоначальные версии, мысленно воссоздает сам процесс совершения преступления, а также делает предположения по поводу образа преступника. Внимательный и доскональный осмотр места происшествия позволяет определить цель и направленность умысла правонарушителя.

Так, первым видом деятельности следователя, в котором ему нужно проявить свою логику, интуицию, а также учесть профессиональный опыт, то есть подключить развитое криминалистическое мышление, является организационная деятельность, с помощью которой обеспечивается техническая и психологическая готовность к выезду, формирование группы участников осмотра, а также определение задач всех участников и координация их деятельности после прибытия на место происшествия.

Что касается психологической готовности к выезду, то следует учитывать тот факт, что осмотр места происшествия относится к тем немногим следственным действиям, при проведении которых следователь действует, так сказать, публично, в присутствии других людей. Это также требует определенной психологической подготовки, в частности, умения сосредоточиться, сохранять устойчивость, концентрированность и переключаемость внимания и в то же время руководить действиями участников осмотра, поддерживать необходимую дисциплину, атмосферу сотрудничества.

Поскольку при осмотре места происшествия важен состав участников следственно-оперативной группы, зачастую ошибка выражается в том, что осмотр производится без участия специалистов, чье присутствие необходимо, например, без судебно-медицинского эксперта или специалиста-крими-

1 Рахматуллин Р. Р. Тактическая операция как оптимальная форма взаимодействия субъектов расследования преступлений в сложных следственных ситуациях // Вестник Казанского юридического института МВД России. - 2013. - № 2 (12). - С. 95.

налиста. Немаловажно, что при осмотре без указанных специалистов часто не применяются и криминалистические средства работы со следами.

Актуальным аспектом организации осмотра является тот факт, что взаимодействие участников следственного действия предполагает не дублирование работы, а обязательное и четкое распределение функций. Если следователь производит непосредственно осмотр места происшествия, отыскивает и закрепляет доказательства, фиксирует результаты осмотра в протоколе, то оперативный работник по указанию следователя проводит комплекс оперативно-розыскных мероприятий, направленных на раскрытие преступления.

После завершения всех организационных моментов следователь переходит непосредственно к осуществлению поисковой деятельности.

Непосредственно на самом месте происшествия, помимо выявления следов преступления, которые помогут определить способ его совершения, также следует анализировать обстановку в целом. Это позволит с большей или меньшей степенью вероятности судить о психических особенностях преступника², если имеется необходимость, составить его криминалистический портрет. Так, действия преступника на месте происшествия помогут определить его психическое состояние в момент совершения преступления, особенности протекания его мыслительных процессов, различные психические свойства его личности. Из общей обстановки места происшествия также можно определить цель и мотив, побудившие преступника совершить противоправное деяние. Например, следы хищения со склада аптеки медикаментов, содержащих некоторые наркотические вещества, дают основание полагать, что к хищению причастны лица, их употребляющие либо занимающиеся их сбытом³.

В связи с этим целесообразно, особенно по сложным уголовным делам, привлекать к участию в осмотре места происшествия в качестве специалиста судебного психолога, который сможет оказать необходимую помощь в дешифровке по материальным следам психологических показателей преступного поведения правонарушителя и, следовательно, в составлении психологического портрета преступника. Криминалистическая наблюдательность при осмотре места происшествия реализуется путем планомерного, целенаправленного, продуманного восприятия обстановки. Для того чтобы оно было максимально эффективным, надо соблюдать определенные правила. До начала осмотра важно получить общее представление о случившемся, определить цель, сформулировать задачу предстоящей поисковой детальной, мысленно наметить общий план или схему наблюдения, в то же время, не ограничивая себя жесткими рамками этого плана.

В ходе осмотра места происшествия зачастую явные признаки преступления резко выделяются из «общего фона», то есть, находясь среди разнообразных и, зачастую, многочисленных предметов на том месте, где произошло событие, привлекают внимание своей необычностью или несоответствием привычному порядку вещей и обстоятельств, характерных для данного места. Если же таких выделяющихся объектов следователь не обнаружил, в таком случае требуется подробное изучение всех деталей обстановки с дальнейшим расчленением ее на определенные зоны. Однако в любом случае следователю рекомендуется одни и те же предметы осматривать несколько раз, под разными углами зрения, критически относясь к своим предварительным выводам. Осматриваемые предметы следует сравнивать с аналогичными объектами, сопоставлять результаты наблюдения с исходной информацией о них, то есть применять криминалистическое мышление для определения качеств, не свойственных данному объекту в нормальной обстановке.

Самой распространенной следственной ошибкой при осмотре места происшествия является неоправданное умень-

шение количества объектов, подлежащих изучению, и данный факт приводит к неполноте проведенного осмотра, а, значит, к уменьшению необходимой для дальнейшего эффективного расследования информации.

В общем виде протокол осмотра места происшествия представляет собой процессуальный документ, содержание которого должно полностью отображать обстановку, воспринимаемую следователем, со всеми мельчайшими подробностями. В идеале, любой человек, который будет ознакомлен с данным протоколом, должен без особого труда представить описываемое место и в этой связи выдвинуть определенные версии по поводу способа совершения преступления. Данная характеристика важна и в случаях, когда расследование уголовного дела поручается другому следователю, который не присутствовал при осмотре, с целью осуществления дальнейших следственных и процессуальных действий без проведения повторного осмотра места происшествия.

Так, на практике нередко следователи при составлении протокола осмотра места происшествия упускают какие-либо детали обстановки, однако не в виду своего халатного отношения к выполняемой работе, а, зачастую, по причине отсутствия опыта, неспособности самоорганизоваться из-за волнения, а также в результате банальной забывчивости. Также распространены выступают тот факт, что при осмотре места происшествия могут быть не обнаружены и соответственно не изъяты определенные следы, которые в дальнейшем помогут быстро раскрыть преступление. Такие упущения более характерны для начинающих специалистов, поэтому целесообразно разработать для них особый алгоритм действий при проведении осмотра места происшествия с целью исключения оставления без внимания определенных объектов осмотра. В теории существует большое количество алгоритмов для разнообразных следственных ситуаций, однако данные алгоритмы так и остаются «в теории», так как при производстве осмотра места происшествия вряд ли следователь сможет достать какое-либо издание и, прочитав его, определить, что и каким образом ему нужно описывать.

Решение данной проблемы мы видим в изменении описательной части протокола осмотра места происшествия по различным преступлениям (убийствам, изнасилованиям, разбоям и т. д.), путем включения в нее дополнительных полей для заполнения. Таким образом следователь при составлении протокола осмотра места происшествия в любом случае не забудет обратить внимание на определенные предметы ввиду того, что они будут указаны в обязательных для заполнения строках.

Проанализировав положения Уголовно-процессуального Кодекса Российской Федерации, и, в частности, ст.ст. 166, 167 и 180⁴, можно сделать вывод, что четкой формы протокола осмотра места происшествия не существует, определены лишь обязательные сведения, которые должны присутствовать в данном документе, чтобы он был признан допустимым доказательством. В связи с этим следователь в определенной степени свободен в области составления описательной части протокола и включения в нее той информации, которая, на его взгляд, является значимой для уголовного дела.

Используя данную форму протокола, следователь, находясь непосредственно на месте происшествия, уже не думает, что и как нужно описать, а просто заполняет определенные поля и таким образом не только экономит время, но и делает осмотр более качественным и полным.

Приступая к осмотру места происшествия, следователю для удобства следует разделить его на определенные узлы. Например, в первую очередь осматривают территорию, прилегающую к самому месту кражи. Это может быть двор жилого дома, лестничная площадка, так как именно здесь вероятнее всего обнаружить дополнительные следы преступников: сле-

2 Ратинов А. Р. Судебная психология для следователей. - М.: ООО Издательство «Юрлитинформ», 2001. - С. 254.

3 Романов В. В. Юридическая психология: Учебник. - М.: Юристъ, 1998. - С. 346.

4 Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 29.12.2017 г.) - Доступ из справ. - правовой системы «КонсультантПлюс». [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 20.01.2018 г.)

ды ног (обуви), транспортных средств, если ими пользовались, различные другие следы и вещественные доказательства, например, окурки, спички, бутылки (если преступники выжидали время), предметы, похищенные и затем брошенные, в том числе их упаковка, иногда одежда и обувь (при переодевании), орудия взлома, инструменты и т. д.

В случае обнаружения следов преступника по ним можно определить, с каких сторон осуществлялся подход или отход с места происшествия, а также проследить их дальнейшее направление движения. Необходимо также обследовать лестничные клетки, чердаки, подвалы, если такие есть; в многоэтажном помещении – другие этажи и площадки, а иногда лоджии, балконы квартир этажами выше или ниже, т. к. возможно проникновение путем опускания с крыши или с помощью пожарной лестницы – от балкона к балкону.

При осмотре места происшествия следователь должен тщательно изучать все предметы окружающей обстановки, чтобы не упустить никакой важной доказательственной информации. Однако из-за неопытности, невнимательности возможно упущение из описания некоторых объектов, что в дальнейшем будет выступать невосполнимой информационной потерей для расследуемого дела. С целью предупреждения такого рода фактов предлагается в описательной части включить дополнительные для заполнения поля (пункты, узлы): «Прилегающая территория», «Входная дверь», «Дверная рама», «Замок», «Помещение», «Окна», «Другие особенности помещения», опираясь на которые следователь не сможет забыть обратить внимание на ключевые для осмотра объекты, а должен будет их подробно описать. Такие дополнительные поля выступают своего рода подсказкой для следователя, в особенности для начинающего, который в стрессовой ситуации может не справиться со своими эмоциями и должным образом заполнить протокол следственного действия.

На наш взгляд, использование такой формы протокола осмотра места происшествия не только поможет закрепить и не упустить нужную информацию, но и расширит само содержание протокола, и он уже не выйдет в «шесть строчек», как нередко бывает в практических органах.

После заполнения протокола осмотра места происшествия следователь должен осуществить некоторую реконструктивную деятельность при помощи анализа всей полученной информации. Данный вид деятельности, в первую очередь, заключается в том, что следователь пытается воссоздать, реконструировать произошедшее событие, определить для себя механизм действий преступника и на основе этого выдвинуть первоначальные версии, которые в дальнейшем будут либо подтверждаться, либо опровергаться новыми полученными данными.

При осуществлении реконструктивной деятельности следователь, в прежде всего, руководствуется своим воображением, а также развитым криминалистическим мышлением, которые способствуют одновременному выдвиганию целого ряда взаимно исключающих друг друга версий. Следственная версия складывается из разрозненных фактов, представляет собой образ для проверки его в действительности. Все воображаемые версии соотносятся с реальной ситуацией и реальным результатом. Таким образом, следственное воображение постоянно ограничивается пространственно-временными рамками прошлого события – преступления.

Необходимость всесторонней, объективной фиксации обстановки не исключает, а, напротив, предполагает осуществление в процессе осмотра места происшествия множества мыслительных задач, выдвигание и оценку версий, построение мысленных моделей случившегося. Именно сложная мыслительная деятельность следователя делает осмотр места происшествия рациональным и эффективным, позволяет определить связь обнаруженных объектов с расследуемым событием, выявить различные причинные зависимости между обнаруженными явлениями, распознать возможные инсценировки.

При осмотре места происшествия нельзя ограничиваться поиском следов, соответствующих одной из версий следователя, поскольку они могут быть неверными или недостаточными для дальнейшего расследования. Нужно исследовать

любой обнаруженный факт, явление с разных точек зрения, подвергать сомнению наблюдаемые признаки. Все это необходимо потому, что первая выдвинутая следователем версия, его модель события могут оказаться ошибочными. В связи с этим следование на первоначальном этапе только одной версии может привести к тому, что расследование в дальнейшем зайдет в тупик из-за отсутствия дополнительной информации, которую можно было почерпнуть из осмотра места происшествия, но которая была упущена следователем ввиду ее «неважности» для обрабатываемой версии.

Решением данной проблемы выступают два варианта действий. В первую очередь, когда следователь осознает ошибочность выдвинутой им первоначальной версии и недостаточность доказательств для отработки другой, он начинает вести поиски недостающих данных. Во-вторых, бывают случаи, когда новой информации не поступает, и вместе с тем есть основание думать, что решение задачи находится внутри данной совокупности фактов. В таких случаях следователь избирает второй вариант действий, и созданную ранее систему обстоятельств «расчленяет» снова на отдельные элементы, и еще раз пересматривает каждый из этих элементов по другим, не отраженным ранее признакам и связям. В этом проявляется основное свойство криминалистического мышления – открывать новые признаки объекта через включение его в новые связи. В новых связях те же предметы, как известно, выступают в новом качестве. На основе этого анализа возникает новая система обстоятельств, а вместе с нею и новые версии.

Таким образом, можно отметить, что деятельность следователя по подготовке к осмотру и непосредственно осмотру места происшествия представляет собой довольно сложную комплексную деятельность, которая требует не только технической, но и психологической готовности, собранности и настроенности на данный вид деятельности. Именно от совокупности этих факторов зависит возможность следователя объективно и всесторонне воспринимать окружающую обстановку, уделять внимание всем объектам, имеющим значение для уголовного дела, а также отражать воспринятую информацию в документальной форме. В таком случае существенную помощь оказывает развитое криминалистическое мышление, которое непосредственно подсказывает, на что следует обратить внимание больше, как именно описать исследуемый объект, в какой последовательности, а также в каком направлении двигаться далее с целью извлечения полной информации о способе совершения преступления и самом преступнике. Данная информация в дальнейшем будет использована следователем для построения первоначальных версий случившегося, решения вопроса о назначении соответствующих экспертиз и установления связей между объектами и лицами, фигурирующими в уголовном деле.

Пристатейный библиографический список

1. Позий В. С., Тихомирова Т. О. Некоторые тактические особенности осмотра места происшествия при террористических актах на первоначальном этапе расследования // Евразийский юридический журнал. - 2016. - № 4 (95). - С. 298-300
2. Рахматуллин Р. Р. Тактическая операция как оптимальная форма взаимодействия субъектов расследования преступлений в сложных следственных ситуациях // Вестник Казанского юридического института МВД России. - 2013. - № 2 (12). - 146 с.
3. Ратинов А. Р. Судебная психология для следователей. - М.: ООО Издательство «Юрлитинформ», 2001. - 352 с.
4. Романов В. В. Юридическая психология: Учебник. - М.: Юристъ, 1998. - 476 с.
5. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 29.12.2017 г.) - Доступ из справ. - правовой системы «КонсультантПлюс». [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 27.03.2018 г.)

ПЕТРУХИНА Ольга Анатольевна

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и процесса Тульского государственного университета

ЧЕРЕНКОВ Александр Владиславович

кандидат юридических наук, судья Тульского областного суда

ШУРУХНОВ Николай Григорьевич

доктор юридических наук, профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Тульского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РГА Минюста России)

КОНЦЕПЦИЯ РАССЛЕДОВАНИЯ ОПРЕДЕЛЕННОГО РОДА ПРЕСТУПЛЕНИЙ: СУЩНОСТЬ, НАЗНАЧЕНИЕ, ВЗАИМОСВЯЗЬ С КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИМИ МЕТОДИКАМИ (В ПОРЯДКЕ ПОСТАНОВКИ ПРОБЛЕМЫ)

В статье, в порядке постановки проблемы, рассматривается концепция расследования рода преступлений, формулируются ее задачи и роль в системе методических криминалистических рекомендаций.

Ключевые слова: криминалистика, система, расследование, концепция, общая, частная методика, методические рекомендации расследования, классификация, цель, задачи, практическая роль.

PETRUKHINA Olga Anatoljevna

Ph.D. in Law, associate professor of Criminal law and process sub-faculty of the Tula State University

CHERENKOV Aleksandr

Ph.D. in Law, judge of the Tula regional Court

SHURUKHNOV Nikolay Grigorjevich

Ph.D. in Law, associate professor of Criminal law and process sub-faculty of the Tula Institute (branch) of the all-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia)

THE CONCEPT OF INVESTIGATION OF CERTAIN CRIMES: THE NATURE, PURPOSE, RELATIONSHIP WITH FORENSIC TECHNIQUES (IN THE ORDER OF SETTING THE PROBLEM)

The article considers the concept of investigation of crimes, formulates its tasks and role in the system of methodological forensic recommendations in the order of the problem statement.

Keywords: criminology, system, investigation, concept, general, private methodology, methodological recommendations of investigation, classification, purpose, objectives, practical role.

Эффективность расследования преступлений, наряду с комплексом других обстоятельств, зависит от наличия и реализации научно обоснованных, целенаправленных, практически значимых криминалистических рекомендаций, охватывающих расследование отдельных родов¹, групп², видов³ преступлений (и даже процесс деятельности дознавателя, следователя в специфических условиях). Обозначенные рекомендации являются составляющими системы заключительного раздела криминалистики «Методика расследования преступлений»⁴. Этот раздел относится к числу основных, призванных в ком-

плексе внедрять соответствующие наработки криминалистов в практическую деятельность.

По меткому определению И. Т. Кривошеина, в методике «вырабатываются и систематизируются новые знания и понятия, инспирируются развитие научно-познавательной деятельности и формирование практически-действенного стиля мышления, следственного инструментария, отвечающего современным реалиям борьбы с преступностью»⁵.

Методические рекомендации должны сосредотачивать в себе положения всех разделов криминалистики, современные достижения различных наук. Представлять комплексы технических средств, результаты функционирования профильных

1 Род – «...группа, объединяющая близкие виды». «Разновидность чего-нибудь, объединяющая каким-нибудь качеством, свойством». См.: Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд., доп. – М., 2000. – С. 681.

2 Группа – «...определенное подразделение внутри какого-нибудь разряда, множества». Указ. раб. – С. 147.

3 Вид – «подразделение..., входящее в состав высшего раздела – рода». «Разновидность, тип». Указ. раб. – С. 82.

4 Глава 43 раздела IV «Криминалистическая методика» учебника «Криминалистика», подготовленного авторитетнейшими криминалистами России Т. В. Аверьяновой, Р. С. Белкиным, Ю. Г. Коруховым, Е. Р. Россинской, называется «Концептуальные положения криминалистической методики».

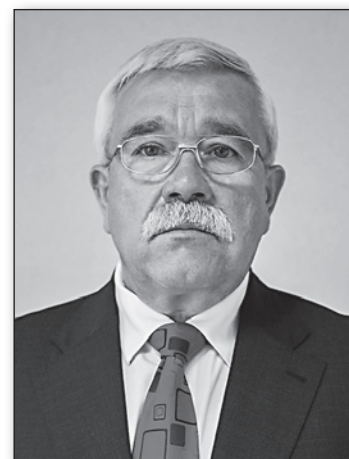
5 Кривошеин И. Т. Методологические проблемы криминалистической методики. – Томск, 2010. – С. 18.

Петрухина О. А.

Черенков А. В.

Шурухнов Н. Г.

аналитических систем, комбинированных информационных технологий, способных определять направления расследования, алгоритмизируя его, устанавливая обстоятельства совершения преступления. А также нейтрализовать конфликты участников уголовного судопроизводства, минимизировать противодействие дознавателю, следователю, просчитывать материальный ущерб, причиненный уголовно-наказуемой деятельностью, и в целом интенсифицировать расследование противоправных деяний. В приведенной характеристике речь идет о комплексном криминалистическом обеспечении расследования преступлений, в том числе и различными видами методик.

Такие рекомендации должны объединять в неразрывное целое технико- тактико- и методико-криминалистические аспекты деятельности по раскрытию и расследованию преступлений. Технический, тактический, методический, информационный потенциалы, заложенные в них, должны функционировать в органичной связи, воспринимая практические задачи и предлагая организационные, тактические, технологические, информационные средства их решения.

Существующие виды криминалистических методических рекомендаций отличаются своей структурой, содержанием, целенаправленностью, условиями и назначением реализации. В определенной мере это обоснованно, однако задача системной науки, каковой является криминалистика, заключается в том, чтобы и ее составляющие были сформированы логически верно, представляя систему как «комплекс некоторых объектов или элементов, находящихся в определенном отношении друг к другу»⁶ или как «совокупность объектов, взаимодействие которых вызывает появление новых интегративных качеств, не свойственных отдельно взятым образующим систему компонентам»⁷.

Одной из составляющих системы криминалистических методических рекомендаций, является концепция⁸ расследования определенного рода преступлений. Специально еще раз подчеркнем, что рекомендации концепции охватывают определенный род преступлений, к примеру, таких как экологические, против порядка управления. По своему содержанию, направленности они относятся к криминалистическим методическим рекомендациям высокого абстрактного уровня. Отправными положениями концепции являются детерминанты различных отраслей права, технико-технологические, организационные и управленческие составляющие, эмпирические данные, полуценные в процессе обобщения практики расследования конкретного рода преступлений. Специально подчеркнем, что сбор эмпирических данных является обязательной предпосылкой разработки таких рекомендаций.

Концепции занимают самостоятельное место в уголовно-процессуальных⁹, криминалистических исследованиях,

охватывая определенный вид деятельности уполномоченных должностных лиц, противоправную и деятельность по расследованию рода преступлений. Их анализ позволяет говорить о том, что в них, как правило, отсутствует понятие концепции, не раскрывается ее содержание (если это делается, то предельно кратко), не обозначаются цели, задачи, теоретическая и практическая роль. В названиях исследователи вместо слова «концепция» нередко употребляют различные словосочетания: «концептуальные основы»¹⁰, «концептуальные основы криминалистической теории...», «концептуальные основы и тенденции»¹¹.

Как нам представляется, концепция расследования преступлений имеет перспективную и текущую направленности, состоящие в оказании помощи в разработке целенаправленных общих, частных методик, методических рекомендаций по интенсификации практической деятельности дознавателя, следователя. Базируясь на положениях криминалистики, естественных и технических науках, правовых детерминантах, отдельных закономерностях, относящихся к совершению и расследованию определенного рода преступлений, методологических основах построения рекомендаций теоретического уровня, концепция, предназначена дать родовую криминалистическую классификацию противоправных деяний, определить направления общих, частных методик и методических рекомендаций, разрабатываемых по преступлениям, составляющим ее предмет. В ее задачу входит обоснование системы (этапности)¹² расследования, представление обобщенной тактики и технологии производства процессуальных действий, взаимодействия, использования информационных технологий, технических средств, специальных знаний.

Как представляется, концепция расследования должна:

- определить цели, задачи, правовые (среди которых ведущее место должно отводиться уголовному законодательству и профильным законам, нормативно-правовым актам), технические, технологические детерминанты, формирующие особенности противоправных деяний и специфику их расследования;

- сформировать криминалистическую классификацию определенного рода преступлений, определив в ней основные группы, виды, которые послужат в качестве предмета разработки общих и частных методик расследования;

- определить основные данные, формирующие родовую криминалистическую характеристику;

моногр. – М.: Юрист, 2010; Можаяева И. П. Концепция криминалистического учения об организации расследования преступлений: моногр. – М.: Юрлитинформ, 2014.

6 Овчинников Н. Ф. Категория структуры в науках о природе // Структура и формы материи. – М., 1967. – С. 11.

7 Афанасьев В. Г. О системном подходе в социальном познании // Вопросы философии. – 1973. – № 6. – С. 99.

8 «Концепция – (лат. conceptio) – 1) система взглядов, то или иное понимание явлений, процессов; 2) единый определяющий замысел, ведущая мысль какого-либо произведения, научного труда и т. д.». Большой иллюстрированный словарь иностранных слов. 17 000 слов. М.: «РУССКИЕ СЛОВАРИ»-«АСТРЕЛЬ» - АСТ, 2002. – С. 396.

9 См., напр., Субботина М. В. Концепция формирования базовых методик расследования преступлений: моногр. – Волгоград: ВА МВД России, 2007; Мичурин О. В. Концепция дознания в уголовном процессе Российской Федерации: проблемы ее реализации в органах внутренних дел: моногр. – М., 2008; Малышева О. А. Предварительное расследование: концепция повышения эффективности:

10 См.: Вольнский А. Ф. Концептуальные основы технико-криминалистического обеспечения раскрытия и расследования преступлений: дис. ... д-ра юрид. наук в форме науч. докл.: 12.00.09. – М., 1999; Хрусталева В. Н. Концептуальные основы криминалистического исследования веществ, материалов и изделий из них: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.09. – Саратов, 2003; Иванова Е. В. Концептуальные основы использования специальных знаний при выявлении и расследовании преступлений, связанных с опасными для здоровья веществами: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.12. – М., 2016.

11 См.: Бабаев О. С. Концептуальные основы и тенденции развития криминалистической тактики: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. – М., 1998.

12 Более подробно см.: Шурухов Н. Г. Влияние уголовно-процессуального законодательства на структуру расследования преступлений // Уголовное судопроизводство: проблемы теории, нормотворчества и правоприменения: сб. науч. тр. (посв. 5-летию введения в действие Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации). Вып. 2. – Рязань, 2007. – С. 147-156.

– показать систему расследования, включающую предварительный, первоначальный, последующий и заключительный этапы расследования;

– выделить следственные ситуации применительно к каждому из этапов расследования и показать основные направления деятельности субъекта расследования по их разрешению;

– дать перечень обстоятельств, подлежащих выяснению и доказыванию;

– привести комплекс процессуальных действий и особенности тактики и технологии их производства на различных этапах расследования;

– раскрыть специфику применения технических средств, информационных технологий, тактических приемов, а также планирования расследования;

– обозначить ситуации принятия организационных решений по созданию следственно-оперативных групп (СОГ), следственных групп (СГ);

– изложить основные направления взаимодействия, как обращенного внутрь организационного образования (интровертивное) – следственно-оперативной группы, следственной группы (СОГ, СГ), так и за их пределы (экстровертивное), при взаимодействии с должностными лицами правоохранительных и других органов, которые могут оказать помощь в расследовании преступлений;

– раскрыть содержание форм использования специальных знаний, интенсифицирующих процесс расследования, с указанием перечня экспертиз, предпочтений их назначения и проведения применительно к различным этапам расследования;

– рекомендовать способы установления материального ущерба, обстоятельств, способствующих совершению преступлений, и приемы минимизации противодействия субъектам расследования.

Если сравнивать концепцию с общей методикой расследования¹³, то можно говорить, что они обе имеют перспективное и текущее назначение. Способствуют разработке частных криминалистических методик, рекомендаций по расследованию, реализуя отдельные положения, обобщенные выводы, рекомендации, тактические и технологические приемы, тактические комбинации, операции¹⁴, используя данные информационно-телекоммуникационных систем в практической деятельности, направленной на раскрытие и расследование определенной группы преступлений.

Концепция и общая методика как криминалистические методические рекомендации являются, в определенной степени, базовыми: первая для разработки общих, универсальных, частных методик и методических рекомендаций расследования; вторая – для формирования универсальных, частных методик и методических рекомендаций расследования. В таких криминалистических методических рекомендациях, несмотря на их уровень, в органической связи должны представляться техническая, тактическая, информационная, организационная составляющие с целью восприятия практических задач и предложения конкретных направлений их решения.

Пристатейный библиографический список

1. Афанасьев В. Г. О системном подходе в социальном познании // Вопросы философии. – 1973. – № 6. – С. 99.
2. Бабаев О. С. Концептуальные основы и тенденции развития криминалистической тактики: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. – М., 1998.
3. Волынский А. Ф. Концептуальные основы технико-криминалистического обеспечения раскрытия и расследования преступлений: дис. ... д-ра юрид. наук в форме науч. докл.: 12.00.09. – М., 1999.
4. Иванова Е. В. Концептуальные основы использования специальных знаний при выявлении и расследовании преступлений, связанных с опасными для здоровья веществами: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.12. – М., 2016.
5. Кривошеин И. Т. Методологические проблемы криминалистической методик. – Томск, 2010.
6. Малышева О. А. Предварительное расследование: концепция повышения эффективности: моногр. – М.: Юрист, 2010.
7. Мерецкий Н. Е. Применение оперативно-тактических комбинаций в расследовании преступлений. – Хабаровск, 2000.
8. Мичурина О. В. Концепция дознания в уголовном процессе Российской Федерации: проблемы ее реализации в органах внутренних дел: моногр. – М., 2008.
9. Можяева И. П. Концепция криминалистического учения об организации расследования преступлений: моногр. – М.: Юрлитинформ, 2014.
10. Овчинников Н. Ф. Категория структуры в науках о природе // Структура и формы материи. – М., 1967. – С. 11.
11. Субботина М. В. Концепция формирования базовых методик расследования преступлений: моногр. – Волгоград: ВА МВД России, 2007.
12. Хрусталева В. Н. Концептуальные основы криминалистического исследования веществ, материалов и изделий из них: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.09. – Саратов, 2003.
13. Шурухнов Н. Г. Влияние уголовно-процессуального законодательства на структуру расследования преступлений // Уголовное судопроизводство: проблемы теории, нормотворчества и правоприменения: сб. науч. тр. (посв. 5-летию введения в действие Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации). Вып. 2. – Рязань, 2007. – С. 147-156.

¹³ Общая методика расследования строится на основе конкретных оснований (специфика субъектов преступлений, групповой характер преступлений, особенности условий, в которых осуществляется противоправная деятельность), позволяющих объединить в одну группу определенные противоправные деяния.

¹⁴ Более подробно см.: Мерецкий Н. Е. Применение оперативно-тактических комбинаций в расследовании преступлений. – Хабаровск, 2000.

МАГОМЕДОВА Нелли Азизовна

магистрант кафедры уголовного процесса и криминалистики Юридического факультета Дагестанского государственного университета

РОЛЬ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РАСКРЫТИИ И РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С НЕЗАКОННЫМ ОБОРОТОМ НАРКОТИКОВ

В статье рассматриваются проблемы использования возможностей оперативно-розыскной работы в раскрытии и расследовании преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, а также вопросы взаимодействия следственных и оперативно-розыскных аппаратов.

Ключевые слова: наркопреступления, незаконный оборот наркотиков, раскрытие, расследование, оперативно-розыскная работа, следствие, взаимодействие.

MAGOMEDOVA Nelli Azizovna

magister student of Criminal process and criminalistics sub-faculty of the Law Faculty of the Dagestan State University

THE ROLE OF OPERATIONAL-SEARCH ACTIVITY IN THE DETECTION AND INVESTIGATION OF CRIMES RELATED TO DRUG TRAFFICKING

In the article the problems of use of opportunities of operational-investigative work in uncovering and investigating crimes connected with illicit trafficking in narcotic drugs, as well as issues of interaction between investigative and operational-investigative units.

Keywords: drug crimes, drug trafficking, disclosure, investigation, investigative work, investigation, interaction.

Одной из самых привлекательных отраслей извлечения незаконных доходов, имеющих организованные формы, в среде преступного мира признается незаконный оборот наркотических средств, где большинство преступлений связано с незаконным производством и последующим сбытом.

Раскрыть преступления в сфере оборота наркотиков следственным путем зачастую не удается. Поэтому наряду с процессуальными средствами широко используются методы оперативно-розыскной работы. С помощью оперативно-розыскных мероприятий с использованием необходимых технических средств обеспечивается возможность внедрения в преступную среду для более или менее длительного поддержания контактов с подозреваемыми, отслеживать и контролировать их деятельность¹.

В современный период идея использования в уголовном судопроизводстве результатов оперативно-розыскной деятельности вплоть до придания им значения судебных доказательств достаточно активно совершенствуется и находит своё применение в практической деятельности. Следует заметить, что оперативные работники осуществляют свою деятельность не только в складывающихся криминалистических ситуациях, характерных для предварительного следствия (например, принимают участие в следственных действиях в составе следственно-оперативной группы и т.д.), но и в так называемых оперативно-розыскных ситуациях, для которых характерны, в первую очередь, методы негласной работы.

Оперативно-розыскная работа, направленная на пресечение противоправной деятельности организованных преступных наркоформирований, складывается из комплекса оперативно-розыскных, оперативно-поисковых и оперативно-технических мероприятий, которые подразумевают под

собой проведение разведывательных опросов объектов оперативно-розыскной деятельности, осуществление физического и электронного наблюдения за их действиями, проверочные закупки наркотических средств, прослушивание телефонных переговоров преступников, внедрение негласных сотрудников и конфиденентов в преступную среду, использование технических средств фиксации информации и др.

Следует отметить, что особое место в системе ОРМ занимает проверочная закупка, позволяющая удостовериться в том, что проданное вещество действительно является наркотиком или психотропным веществом. В связи с этим осуществляют две сделки купли-продажи – «пробную» и «повторную»².

Использование результатов ОРД в раскрытии и расследовании наркопреступлений не лишено некоторых проблем. Так, по мнению отдельных авторов, оперативными сотрудниками не в полной мере используются все возможности, средства и методы оперативно-розыскной деятельности и уровень технической оснащённости не высок, что в конечном итоге не позволяет оказывать эффективно противодействовать организованным преступным формированиям. Также, следует отметить, что практические работники не всегда проводят анализ состояния оперативной обстановки, складывающейся в сфере незаконного оборота наркотических средств, в районе оперативного обслуживания. Не анализируются выявленные способы совершения наркопреступлений. Это связано в первую очередь с тем, что оперативные сотрудники, осуществляя свою деятельность для достижения определенных «показателей», не систематизируют и не сопоставляют факты ранее выявленных и раскрытых ими преступлений. Кроме того, отсутствие четко регламентированного процедурно-процессуального порядка проведения некоторых оперативно-розыскных меро-

1 См.: Базаленко С. Ю. Оперативно-розыскные проблемы борьбы с организованной наркопреступностью // VI Международная студенческая электронная научная конференция «Студенческий научный форум». - 2014.

2 См.: Вереникина Н. А. Особенности использования результатов ОРД в процессе расследования преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ // Альманах современной науки и образования. - Тамбов: Грамота, 2015.- № 8 (98). - С. 35-37.

приятий нередко приводят к утрате доказательственного значения результатов оперативно-розыскной деятельности, что существенно отражает несовершенство оперативно-розыскного законодательства. Сюда также можно отнести и излишнюю осторожность регламентации уголовно-процессуального использования результатов ОРД.

Существует и достаточно острая необходимость в регулировании вопросов взаимодействия оперативно-розыскной деятельности с органами следствия. В настоящее время довольно часто возникают разногласия между следствием и оперативными подразделениями. Данное разногласие возникает в результате неправильного понимания сущности взаимодействия между этими участниками уголовного процесса. Многие следователи считают своей задачей только оформление хода расследования, тем самым освобождая себя от каких-либо активных действий. В данном случае речь идет именно о согласованности выполнения своих должностных обязанностей, а не о выполнении следователями и оперативными сотрудниками несвойственных им функций³.

Само понятие «взаимодействие» можно определить как основанную на законе и подзаконных нормативных актах совместную, согласованную по цели, месту и времени деятельность следователей с оперативными работниками оперативно-

розыскных служб, осуществляемую в целях предупреждения, раскрытия и расследования наркопреступлений⁴.

Пристатейный библиографический список

1. Базаленко С. Ю. Оперативно-розыскные проблемы борьбы с организованной наркопреступностью // VI Международная студенческая электронная научная конференция «Студенческий научный форум». - 2014.
2. Вереникина Н. А. Особенности использования результатов ОРД в процессе расследования преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ // Альманах современной науки и образования. - Тамбов: Грамота, 2015. - № 8 (98).
3. Коловоротный А. А., Шарков В. А., Скориков Д. Г. Особенности планирования расследования преступлений // Современные проблемы науки и образования. - 2014. - № 6.
4. Ушанов Р. Г. Некоторые вопросы взаимодействия следственных и оперативно-розыскных аппаратов при раскрытии и расследовании преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков // Труды Академии Управления МВД России. - 2011. - № 3 (19).

3 См.: Коловоротный А. А., Шарков В. А., Скориков Д. Г. Особенности планирования расследования преступлений // Современные проблемы науки и образования. - 2014. - № 6.

4 См.: Ушанов Р. Г. Некоторые вопросы взаимодействия следственных и оперативно-розыскных аппаратов при раскрытии и расследовании преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков // Труды Академии Управления МВД России. - 2011. - № 3 (19).

ЛЕВАШОВА Ольга Викторовна

кандидат юридических наук, доцент, заведующая кафедрой уголовного права и криминологии Елецкого государственного университета им. И. А. Бунина

ГОРИЧЕВА Влaста Леонидовна

кандидат юридических наук, доцент, директор института права и экономики Елецкого государственного университета им. И. А. Бунина

ЗИБОРОВ Максим Михайлович

старший помощник прокурора Чаплыгинского района Липецкой области, юрист 2 класса

ОБСТОЯТЕЛЬСТВА, СПОСОБСТВУЮЩИЕ СОВЕРШЕНИЮ ТРАНСПОРТНОГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ: КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

Криминологическая характеристика транспортных преступлений позволяет раскрыть механизм детерминации данных преступных деяний и дать развернутую характеристику личности транспортного преступника с учетом ее психофизиологических и социальных особенностей. Тем самым позволяет выявить ключевые факторы в генезисе транспортной преступности и правильно определить наиболее подходящие меры воздействия на данные факторы, в том числе уголовно-правовые, позволяющие устранить их негативное действие. В статье рассмотрены основные, по нашему мнению, обстоятельства, способствующие совершению транспортных преступлений в современной России.

Ключевые слова: транспортная преступность, причины преступности, правила безопасности движения и эксплуатации транспортных средств, неосторожная преступность.

LEVASHOVA Olga Viktorovna

Ph.D. in Law, associate professor, Head of Criminal law and criminology sub-faculty of the I. A. Bunin Yelets State University

GORICHEVA Vlasta Leonidovna

Ph.D. in Law, associate professor, Director of the Institute of Law and Economics of the I. A. Bunin Yelets State University

ZIBOROV Maksim Mikhailovich

senior assistant Prosecutor of Chaplyginsky district of Lipetsk region, 2nd class lawyer

THE CIRCUMSTANCES PROMOTING COMMISSION OF TRANSPORT CRIME: CRIMINOLOGICAL CHARACTERISTIC

The criminological characteristic of transport crimes allows to reveal the mechanism of determination of these criminal actions and to give the developed characteristic of the identity of the transport criminal taking into account his psychophysiological and social features. Thereby it allows to find out key factors in genesis of transport crime and to define the most suitable corrective actions on these factors, including criminal-legal, allowing to eliminate their negative action. In article the main are considered, our way to opinion, the circumstances promoting commission of transport crimes in modern Russia. The article considers the main circumstances promoting commission of transport crimes in modern Russia in our opinion.

Keywords: transport crime, reasons of crime, rule of traffic safety and operation of vehicles, careless crime.

Криминологическая характеристика имеет немаловажное значение для разрешения вопроса о возможности и необходимости применения альтернативных наказаний за совершение транспортных преступлений.

Изучение криминологической характеристики транспортной преступности сопряжено с определенными сложностями. Во-первых, сложность заключается в том, что возникновение транспортной преступности как целостной системы обусловлено не какой-либо одной причиной, а целым комплексом причин и условий, находящихся между собой в тесной взаимосвязи и взаимодействии. Во-вторых, сложность рассматриваемого вопроса обусловлена неоднородностью преступлений против безопасности движения и эксплуатации транспорта, поскольку наряду с неосторожными деяниями в систему транспортных преступлений входят и деяния, совершаемые умышленно. Соответственно процесс детерминации

неосторожных и умышленных транспортных преступлений имеет свои особенности.

Говоря о криминологической характеристике транспортных преступлений, следует отметить, что по результатам исследований целого ряда ученых основное место в структуре транспортных преступлений занимает именно неосторожная транспортная преступность. В целом, по оценкам экспертов, она составляет более 92 % от всех транспортных преступлений. Первое место в структуре неосторожной транспортной преступности традиционно занимают нарушение правил безопасности дорожного движения и эксплуатации транспортных средств (ст. 264 УК РФ). Его доля составляет примерно 90 % относительно всех остальных транспортных

Левашова О. В.

Горичева В. А.

Зиборов М. М.

преступлений¹. Возможно, поэтому именно данное преступление, в отличие от всех остальных преступных посягательств на безопасность движения и эксплуатации транспорта нашло отражение в официальной статистике. Согласно данным Федеральной службы государственной статистики динамика данного вида транспортного преступления характеризуется в основном ростом (на 3,7 % в 2011 году, на 7,1 % в 2012 году). Небольшой спад зарегистрированного числа преступлений, уголовная ответственность за которые предусмотрена статьей 264 УК РФ, наблюдался в 2010 году (на 4,4 %) и в 2013 году (на 5,1 %)².

Что касается других видов преступлений против безопасности движения и эксплуатации транспорта, входящих в состав главы 27 УК РФ, то их удельный вес в системе всех транспортных преступлений относительно невелик (как показывают исследования – менее 10 %). Аналогичную ситуацию мы можем наблюдать и при изучении уровня аварийности на различных видах транспорта, среди которых на протяжении многих лет лидирующие позиции удерживает именно количество аварий на автотранспорте. По данным статистики доля аварий на названном виде транспорта составляет около 99 % в структуре транспортной аварийности, зарегистрированной в 2016-2017 годах. Далее по степени распространенности за происшествиями на автотранспорте следуют аварии на воздушном, морском, внутреннем водном и железнодорожном транспорте (в совокупности доля аварий на данных видах транспорта не превышает 1 %)³. В силу указанных обстоятельств нам представляется возможным ограничить анализ механизма неосторожного транспортного преступления исследованием причин преступных нарушений правил безопасности движения и эксплуатации транспортных средств (ст. 263, 264 УК РФ). Криминологическое значение иных видов транспортных преступлений, как отмечается в литературе, не столь велико⁴.

При криминологическом исследовании транспортной преступности, по мнению ученых, следует четко различать причины, определяющие существование транспортной преступности как негативного социального явления, с одной стороны, и причины, детерминирующие ее динамику в конкретные периоды времени, с другой. Если причины, обуславливающие существование рассматриваемого вида преступности в целом относительно закономерны и постоянны, то причины, определяющие динамику транспортной преступности, достаточно специфичны на каждом этапе развития общества и характеризуются определенной изменчивостью⁵.

Немалую роль в динамике транспортных преступлений в тот или иной период играет и тенденция к увеличению количества транспортных средств, зарегистрированных на определенной территории, а также техническое состояние транспортных средств и транспортной инфраструктуры.

Что касается причин, определяющих возникновение транспортных преступлений, то в литературе довольно часто можно встретить попытки обосновать возникновение и существование рассматриваемого вида преступности либо чисто техническими причинами (дефекты транспортных средств, инфраструктуры), либо признать в качестве главной причины возникновения транспортной преступности субъекта, осуществляющего управление конкретным транспортным средством, не исследуя его мотивацию к совершению преступного деяния. Встречаются также подходы к объяснению детерминации транспортных преступлений, при котором фактически

отождествляются причины транспортных преступлений и виды нарушений правил безопасности движения и эксплуатации различных транспортных средств (превышение скорости в опасных условиях, выезд на полосу встречного движения, нарушение правил обгона и т.п.)⁶. В целом все эти подходы к объяснению причин транспортной преступности не являются достаточно обоснованными по следующим обстоятельствам.

Транспортные преступления всегда возникают в процессе взаимодействия управляющего субъекта с управляемым транспортным средством. В процессе функционирования транспортного средства происходит определенный процесс взаимодействия человека с транспортным средством, объединяющий их в единую систему. Кроме того, в такую систему следует включать и ситуацию, в которой совершается указанное выше взаимодействие, поскольку система «человек – транспортное средство» функционирует не в вакууме, а в определенных обстоятельствах внешней среды, способных в какой-то мере влиять на процесс взаимодействия субъекта с транспортным средством. Таким образом, при криминологическом анализе транспортной преступности необходимо исходить из того, что любое из рассматриваемой категории преступлений фактически возникает при функционировании целостной системы «транспортное средство – человек – ситуация». Ряд авторов выделяет в вышеназванной системе еще один элемент – информационную систему, выделяя ее из такого элемента системы, как ситуация⁷. Такое выделение следует признать оправданным, так как сам процесс функционирования вышеназванной системы во многом зависит от поступающей информации. Причем информация как элемент системы «транспортное средство – человек – ситуация» на всем протяжении развития взаимоотношений названных элементов не остается неизменной и может поступать не только от ситуации, но и от самого транспортного средства (например, в виде определенных сигналов о сбое тех или иных систем транспортного средства). Отсюда следует, что под механизмом транспортного преступления следует понимать целостную систему, состоящую из таких элементов, как транспортное средство, управляющий субъект, ситуация и информационное обеспечение, которые, находясь во взаимосвязи и взаимно влияя друг на друга, в конечном счете детерминируют возникновение транспортного преступления. Признавая, что в целом все эти элементы неразрывно связаны, и каждый из них так или иначе влияет на генезис транспортного преступления, все же представляется необходимым определить, какой из названных элементов играет ключевую роль в механизме транспортного преступления. Для этого необходимо рассмотреть каждый из элементов в отдельности и определить степень его влияния на генезис транспортного преступления.

Начнем с ситуации. Под ситуацией обычно понимают определенную совокупность объективных обстоятельств, которые характеризуют внешнюю обстановку функционирования транспортных средств и влияют на поведение человека в момент совершения им преступления и способствуют или препятствуют его совершению либо имеют нейтральный характер.

Ситуация, как элемент механизма транспортного преступления может иметь различные источники своего возникновения. В литературе к ним обычно относят факторы внешней среды, поведение других лиц, деятельность самого субъекта неосторожного транспортного преступления. К признакам ситуации, как элемента механизма транспортного преступления, литературе обычно относят:

1) конкретность – ситуация существует в определенных временных рамках;

2) систематичность, то есть повторяемость ситуации в общих чертах, на изменившейся основе, с возможными изменениями ее содержания;

1 Аналитические обзоры состояния безопасности дорожного движения в Российской Федерации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://нцбдд.мвд.рф/resources/analytical_reviews/ (Дата обращения 12.01.2018)

2 Россия в цифрах. 2017: Краткий статистический сборник. – М.: Росстат-М., 2017. – С. 175.

3 Там же. – С. 176.

4 Коробеев А. И. Транспортные преступления. – СПб: Издательство «Юридический центр Пресс», 2003. – С. 306.

5 Криминология: учебник / под ред. Н. Ф. Кузнецовой, В. В. Лунеева. – М.: Волтерс Клувер, 2004. – С. 171.

6 Коробеев А. И. Транспортные преступления. – СПб: Издательство «Юридический центр Пресс», 2003. – С. 306.

7 Кучаев А. И. Транспортные преступления: проблемы механизма, квалификации и наказания: дис. ... докт. юрид. наук. – М., 1990. – С. 95.

3) информативность – ситуация должна нести в себе информацию о фактическом состоянии окружающей среды;

4) ситуация должна отражать возможность предотвращения вредных последствий транспортного преступления⁸.

Из определения рассматриваемого элемента механизма транспортного преступления, данного выше, следует, что ситуации по их роли в этиологии преступного поведения субъекта можно разделить на способствующие, препятствующие совершению преступления либо нейтральные.

Под способствующей ситуацией следует понимать такую совокупность объективных обстоятельств окружающей действительности, которые в силу своих особенностей (опасность и сложность) могут вызвать различные отклонения в поведении субъекта от правил и норм, обеспечивающих безопасное функционирование транспорта, и тем самым ускорить совершение им транспортного преступления. В свою очередь, препятствующая ситуация представляет собой такую совокупность объективных обстоятельств, которые по своему характеру затрудняют выбор субъектом модели поведения, отклоняющейся от установленных норм и правил. Нейтральная ситуация – это такая совокупность обстоятельств, которые не подталкивают субъекта к совершению транспортного преступления, но и не препятствуют ему.

Немалую роль среди обстоятельств, способствующих совершению транспортного преступления, играют и такие характеристики ситуации как дорожные условия (для автотранспортных преступлений), район плавания (для морских судов) и т.п. Так, довольно большое количество дорожно-транспортных происшествий (включая и те из них, которые являются транспортными преступлениями) по данным статистики происходит из-за неудовлетворительного состояния дорожной сети. К примеру, на их долю в 2009 году приходилось около 19 % всех происшествий на автотранспорте, в 2010 – 21 %, в 2017 – 21,2 %. Еще более значительную роль в генезисе преступлений против безопасности движения и эксплуатации морского транспорта играет район плавания. Так, по данным ряда исследователей (в частности, А. И. Коробеева), наибольшее количество преступлений на морском флоте совершается, как правило, в портах и на подходах к ним (около 36%), а также в местах сужения водного пути и прибрежных водах (около 58 %), то есть в стесненных условиях.

Значительную роль в генезисе ряда преступлений против безопасности движения и эксплуатации транспортных средств играет и такой объективный фактор, как интенсивность движения. Так, еще одним из периодов времени, в который наблюдается пик совершения автотранспортных преступлений, наряду с ранее указанным, является период с 17 до 19 часов. Однако не всегда данный период можно отнести к темному времени суток (например, в летнее время). Причина максимума автотранспортных преступлений в данный временной интервал заключается в другом, а именно в большой интенсивности движения автотранспортных в данный период, что объясняется возвращением с работы достаточно большого числа экономически активного населения. Аналогичные данные о влиянии на совершение преступлений против безопасности движения и эксплуатации морского транспорта интенсивности движения транспортных средств приводит в своей работе и А. И. Коробеев. Согласно этим данным наибольшая аварийность на морском транспорте наблюдается именно в условиях интенсивного движения судов (около 72 %)¹⁰.

Однако означает ли все вышесказанное, что способствующая ситуация играет определяющую роль в механизме транспортного преступления и является необходимым и достаточным условием для возникновения рассматриваемого

преступного деяния? На наш взгляд, на данный вопрос следует ответить отрицательно.

Во-первых, согласно исследованиям ряда криминологов в таких сложных гидрометеорологических условиях, как туман, шторм происходит, как правило, менее половины всех аварий на морском и речном транспорте. Большая их часть имеет место в нормальных условиях движения судов. Аналогичным образом на автотранспорте до 80 % аварий (и соответственно транспортных преступлений) происходит в отсутствие влияния такого негативного фактора, как плохое состояние дорог¹¹.

Во-вторых, признание в качестве определяющего фактора в генезисе транспортного преступления способствующей ситуации означало бы, что сама эта ситуация является необходимым и достаточным условием для возникновения преступного деяния, посягающего на безопасность движения и эксплуатации транспорта, вне зависимости от действия других факторов. Однако такое признание может привести к утверждению, что препятствующая ситуация, как противоположная способствующей, должна быть тем фактором, который неизбежно бы приводил к предотвращению совершения транспортного преступления. Однако, согласно исследованиям ряда ученых, от 7 до 10% неосторожных транспортных преступлений происходят именно в препятствующей ситуации и до 28% в нейтральной. Отсюда следует, что утверждение о главенствующей роли ситуации в этиологии транспортного преступления ошибочно.

Таким образом, на основании всего вышесказанного мы можем сделать вывод, что ситуация сама по себе не является тем ключевым фактором механизма транспортного преступления, который с неизбежностью порождает выбор субъектом преступной модели поведения. Ситуация содержит в себе лишь потенциальную возможность совершения того или иного транспортного преступления.

Пристатейный библиографический список

1. Аналитические обзоры состояния безопасности дорожного движения в Российской Федерации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://нцбдд.мвд.рф/resources/analytical_reviews/ (Дата обращения 12.01.2018)
 2. Россия в цифрах. 2017: Краткий статистический сборник. – М.: Росстат-М., 2017.
 3. Коробеев А. И. Транспортные преступления. – СПб: Издательство «Юридический центр Пресс», 2003.
 4. Криминология: учебник / под ред. Н. Ф. Кузнецовой, В. В. Лунеева. – М.: Волтерс Клувер, 2004.
 5. Чучаев А. И. Транспортные преступления: проблемы механизма, квалификации и наказания: дис. ... докт. юрид. наук. – М., 1990.
 6. Транспорт и связь в России. 2017: статистический сборник. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/3e4fc4004e3423529616fe18bf0023dd (дата обращения 12.01.2018).
- 8 Там же. – С. 124.
- 9 Транспорт и связь в России. 2017: статистический сборник. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/3e4fc4004e3423529616fe18bf0023dd (дата обращения 12.01.2018).
- 10 Коробеев А. И. Транспортные преступления. – СПб: Издательство «Юридический центр Пресс», 2003. – С. 314.
- 11 Транспорт и связь в России. 2017: статистический сборник. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/3e4fc4004e3423529616fe18bf0023dd (дата обращения 12.01.2018).

ФЕДОРОВ Александр Федорович

кандидат педагогических наук, доцент, начальник кафедры уголовного права и криминологии Барнаульского юридического института МВД России

ПИВОВАРОВ Виталий Николаевич

преподаватель кафедры физической подготовки Барнаульского юридического института МВД России

КЛОЧКО Роман Викторович

преподаватель кафедры физической подготовки Барнаульского юридического института МВД России

ОСОБЕННОСТИ ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО РАСПРЕДЕЛЕНИЯ ПРЕСТУПНОСТИ В РЕГИОНЕ (НА ПРИМЕРЕ АЛТАЙСКОГО КРАЯ)

В статье подробно рассматриваются особенности криминологической характеристики и территориального распределения региональной преступности на примере Алтайского края. На основе анализа статистических данных, авторы приходят к выводу о том, что правоохранительным органам необходимо учитывать местные особенности состояния, структуры и динамики преступности для выработки наиболее эффективных и целесообразных мер по профилактике преступных деяний, а гражданам подобная информация позволит адекватно оценивать и правильно понимать ситуацию на территории их проживания.

Ключевые слова: криминологическая характеристика, территориальное распределение, профилактика преступлений, деятельность полиции, региональная преступность.

FEDOROV Aleksandr Fedorovich

Ph.D. in pedagogical, associate professor, Head of Criminal law and criminology sub-faculty of the Barnaul Law Institute of the MIA of Russia

PIVOVAROV Vitaliy Nikolaevich

lecturer of Physical training sub-faculty of the Barnaul Law Institute of the MIA of Russia

KLOCHKO Roman Viktorovich

lecturer of Physical training sub-faculty of the Barnaul Law Institute of the MIA of Russia

FEATURES OF TERRITORIAL DISTRIBUTION OF CRIME IN THE REGION (BY THE EXAMPLE OF ALTAI REGION)

The article deals in detail with the features of criminological characteristics and territorial distribution of regional crime on the example of the Altai territory. Based on the analysis of statistical data, the authors conclude that law enforcement agencies need to take into account the local characteristics of the state, structure and dynamics of crime to develop the most effective and appropriate measures to prevent criminal acts, and such information will allow citizens to adequately assess and understand the situation on the territory of their residence.

Keywords: criminological characteristics, territorial distribution, crime prevention, police activity, regional crime.

Необходимость изучения преступности в регионах и выявление её особенностей обусловлена тем, что её общегосударственные средние показатели формируются за счёт высоких показателей преступности в одних регионах и низких показателей в других. Наиболее полную и объективную информацию о показателях преступности можно получить лишь за счёт определения её региональных особенностей.

Вопрос о криминологической характеристике и распределении преступности на территории региона является достаточно сложным как с теоретической точки зрения, так и с точки зрения практического осуществления аналитической работы. Во многом сложности обусловлены многообразием терминов, применяемых в современной науке.

По мнению А. В. Чернова, изучение и анализ состояния преступности всегда основывается на обобщении специфических черт преступности и преступников в пределах границ рассматриваемого региона (территории). Территориальное распространение преступности представляет не только прак-

тический, но и теоретический интерес, так как позволяет лучше понять влияние различных факторов, включая географические, на состояние и динамику преступности¹.

Р. Г. Гачечиладзе, А. А. Габиани, с именами которых связывают становление географии преступности, понимали под ней научное направление, преследующее цель дифференцированного пространственного анализа преступности по заранее определенным параметрам на основе расчленения всей исследуемой территории

1 Чернов А. В. Криминогенная обстановка в Сибирском федеральном округе: опыт комплексной научной оценки // под ред. докт. юрид. наук, проф. С. Ф. Милюкова. СПб: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2006. С. 14.

Федоров А. Ф.

Пивоваров В. Н.

Клочков Р. В.

Таблица 1. Состояние преступности в Алтайском крае за 2011-2016 гг.

Сведения о всех преступлениях	Всего зарегистрировано преступлений					
	2011	2012	2013	2014	2015	2016
<u>БАРНАУЛЬСКАЯ ЗОНА</u>	17324	15422	13467	13708	14748	14276
У МВД России по г.Барнаулу	14248	12416	13467	13708	14748	14276
<u>НОВОАЛТАЙСКАЯ ЗОНА</u>			4282	3963	4627	4516
О МВД по г.Новоалтайску	1381	1226	1507	1268	1457	1258
<u>АПЕЙСКАЯ ЗОНА</u>	2158	2273	2225	2003	2357	2451
Алейский МО МВД	863	879	983	918	930	985
<u>БИЙСКАЯ ЗОНА</u>	7023	6313	6024	5944	7245	7226
г.Бийск	3084	2729	3096	2850	3893	4016
<u>ЗАРИНСКАЯ ЗОНА</u>	2757	2570	3725	3599	4000	3742
г.Заринск	867	810	780	869	991	876
<u>КАМЕНСКАЯ ЗОНА</u>	2495	2478	2286	2331	2486	2299
Каменский МО МВД	1405	1322	1333	1439	1459	1318
<u>РУБЦОВСКАЯ ЗОНА</u>	6896	6713	6326	6076	6460	5568
г.Рубцовск	3560	3312	3212	3034	3029	2708
<u>СЛАВГОРОДСКАЯ ЗОНА</u>	3295	3304	3515	3109	3430	3409
Славгородский МО МВД	1427	1488	1476	1249	1401	1410
И Т О Г О	44940	42102	45024	44096	48582	44576

на более или менее однородные в социально-экономическом, демографическом, культурно-историческом и природно-географическом отношениях регионы².

При этом, когда поднимался вопрос о причинах подобного распределения, на первый план выходило понятие причин территориальных различий преступности т.е. термин «география преступности» использовался в достаточно узком, «фиксирующем» контексте, отнюдь не претендуя на полноту охвата проблемы изучения причин и условий преступности в территориальном аспекте³.

А. В. Кулагин использует в своих работах термин территориальной дифференциации преступности (ТДП), под которой понимает пространственное разделение и соотношение групп или отдельных видов преступлений в общем их числе за определенный период времени, а также ее зависимость от социально-экономических процессов и уровня профилактики на конкретной территории⁴.

Исследование территориальных различий преступности дает возможность наиболее полного учета ее особенностей и обуславливаемых ими мер предупреждения в региональных планах мероприятий социально экономического развития и в программах борьбы с преступностью. Это определяет прикладной характер подобного рода исследований.

Таким образом, региональный анализ преступности, на наш взгляд, позволяет установить закономерности порождения и функционирования преступности в разных по социально-экономическим, социально-культурным и иным ха-

рактеристикам районах исследуемого региона, существенно повышает выработку стратегических направлений предупредительной деятельности правоохранительных органов.

Изучение преступности во взаимосвязи с социальной средой, экономическими, социальными, национальными, политическими факторами дает возможность выявления и прогнозирования неравномерности в состоянии и динамике преступности по регионам, выявить и группировать некоторые факторы территориальных аспектов преступности, связанные с социально-экономическими и демографическими различиями на рассматриваемых территориях⁵.

Административно-территориальное деление Алтайского края состоит из 70 муниципальных образований (11 городских округов и 59 муниципальных районов), в которых насчитывается 6 городских и 655 сельских поселений, объединяющих под своим началом 1590 сельских населенных пунктов, с административным центром – г. Барнаул. Отличительной особенностью края является высокая доля сельского населения – 44,0 % (по Сибирскому федеральному округу – 27,3 %) или 1049,2 тыс. человек.

По оценке Территориального органа Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации по Алтайскому краю, на 1 октября 2016 г. численность населения региона составила 2369,5 тыс. человек. Плотность населения – 14,1 человека на 1 кв. км.

Использование методики А.В. Чернова позволило нам провести криминологическую оценку сложившейся обстановки в восьми зонах районов Алтайского края, которая была проведена по количеству преступлений в целом и по наиболее распространенным их видам.

Анализ общего количества совершенных в крае преступлений (таблица 1) позволяет говорить о том, что криминальная ситуация в крае за последние 6 лет остается в целом достаточно стабильной. Общее количество преступлений по итогам 2016 года по сравнению с 2011 снизилось лишь на 0,8

2 Габияни А. А., Гачечиладзе Р. Г. Некоторые вопросы географии преступности (по материалам Грузинской ССР). – Тбилиси: ТГУ, 1982. С. 82; Габияни А. А., Гачечиладзе Р. Г., Дидебулидзе М. И. Преступность в городах и сельской местности. Конкретно-криминологическое и социально-географическое исследование по материалам Грузинской ССР // Тбилиси: Изд-во «Сабчото Сакартвело», 1985. С. 37.

3 Кондратюк Л. В., Кондратюк Л. В., Овчинский В. С. Криминологическое измерение. М.: Норма, 2008. С. 159.

4 Кулагин А. В. Территориальная дифференциация преступности в субъекте Российской Федерации на примере Самарской области: автореф. дис. ... канд. географ. наук. Воронеж: Воронежский государственный университет, 2009. С. 8.

5 Ваничкин Д. Е. Криминологическая характеристика и предупреждение преступности в регионе (на материалах Ставропольского края): дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь: Ставропольский государственный университет, 2004. С. 142.

Таблица 2. Количественная характеристика преступности в Алтайском крае по видам преступлений, совершенным в 2016 г.

Зона / количество по видам	Убийство		ТВЗ		Кража		Грабёж		Разбой		НОН		Всего	
	Абс	%	Абс	%	Абс	%	Абс	%	Абс	%	Абс	%	Абс	%
Барнаулская	33	0,23	140	0,98	5254	36,8	337	2,36	42	0,29	1676	11,74	14276	
Н/алтайская	25	0,55	81	1,79	2147	47,54	90	1,99	13	0,29	279	6,18	4516	
Алейская	15	0,59	35	1,38	993	39,08	27	1,06	2	0,08	107	4,21	2541	
Бийская	40	0,55	111	1,54	3008	41,63	165	2,28	26	0,36	449	6,21	7226	
Заринская	21	0,56	73	1,95	1523	40,7	75	2,0	6	0,16	194	5,18	3742	
Каменская	7	0,30	35	1,52	947	41,19	35	1,52	7	0,30	91	3,96	2299	
Рубцовская	36	0,66	73	1,31	2416	43,39	130	2,33	19	0,34	228	4,09	5568	
Славгородская	19	0,56	38	1,11	1547	45,38	53	1,55	7	0,20	157	4,61	3409	
Всего	196	0,44	586	1,31	17838	40,02	912	2,05	122	0,27	3430	7,69	44576	100

%. При этом наблюдались постоянные колебания количества преступлений внутри этого временного интервала по годам. Наибольший рост на 10,17 % наблюдался по итогам 2015 года по сравнению с 2014, а наибольшее снижение на 8,25 % - по итогам 2016 года по сравнению с 2015.

Снижение преступности за исследуемые 6 лет наблюдается только в городах Рубцовске и Новоалтайске, Барнаулской и Каменской зонах (наиболее значительное – на 23,9 % в г. Рубцовске). На остальных территориях зарегистрирован рост количества преступлений, причем в г. Бийске и в Заринской зоне наиболее значительный – на 30,22 % и на 35,73 % соответственно.

Если же брать динамику преступности по итогам последнего года, то практически на всех территориях зарегистрировано снижение количества преступлений, за исключением Славгородского МО МВД России (0,64 %) и г. Бийска (3,2 %), где зарегистрирован незначительный прирост преступлений.

По итогам 2016 года наибольшее количество преступлений было зарегистрировано в Барнаулской зоне, далее идут Бийская, Рубцовская, Новоалтайская, Заринская, Славгородская, Алейская, Каменская зоны.

Уровень преступности по итогам 2016 года на 1 тыс. человек составил 18,8 преступлений, что ниже среднего показателя по Сибирскому федеральному округу (19,8 преступлений), но превышает общероссийский уровень преступности (14,8 преступлений).

Несомненный интерес представляет общий анализ данных о преступности по видам преступлений и территориям, который проведен нами за последний 2016 год и отражен в таблице 2.

На основе данного анализа преступности в крае по видам и по территориям, можно сделать ряд важных выводов:

– состояние преступности в крае в целом остается достаточно стабильным, но и достаточно высоким;

– структурная составляющая преступности в крае продолжает иметь ярко выраженный корыстный характер (в первую очередь, в связи с высокой безработицей);

– не смотря на то, что самое большое количество насильственных преступлений было зарегистрировано в начале исследуемого периода – в 2011 году, тем не менее за последний год ухудшилась криминальная ситуация по нескольким видам таких преступлений в Заринской, Новоалтайской, Славгородской зонах, городах Заринске и Новоалтайске;

– ухудшилась ситуация по убийствам и разбоям в г. Рубцовске, а по преступлениям, связанным с незаконным оборотом наркотиков, в Славгородской зоне по итогам 2016 года.

По словам редакции сайта «altapress.ru», г. Барнаул опустился на шесть пунктов в рейтинге российских городов по безопасности. Теперь столица Алтайского края занимает 28 место из 100. По данным МВД за 2015 г. (это последние доступные данные), Барнаул занимает второе место в Алтайском крае по уровню преступности на одну тысячу человек (21,1 преступления), после г. Белокуриха.

Таким образом, с учетом изложенного, правоохранительным органам необходимо учитывать некоторые местные особенности состояния, структуры и динамики преступности на обслуживаемых территориях для выработки наиболее эффективных и целесообразных мер по профилактике преступных деяний, а гражданам подобная информация позволит адекватно оценивать и правильно понимать ситуацию на территории их проживания и как работает их отдел полиции.

Пристатейный библиографический список

1. Габияни А. А., Гачечиладзе Р. Г. Некоторые вопросы географии преступности (по материалам Грузинской ССР). Тбилиси: ТГУ, 1982. 142 с.
2. Габияни А. А., Гачечиладзе Р. Г., Дидебулидзе М. И. Преступность в городах и сельской местности. Конкретно-криминологическое и социально-географическое исследование по материалам Грузинской ССР. Тбилиси: Изд-во «Сабчото Сакартвело», 1985. 186 с.
3. Ботвин И. В. Предупреждение преступности лиц, не имеющих постоянного источника дохода (на примере Алтайского края) // Вестник Барнаулского юридического института МВД России. Барнаул, 2017. № 2. С. 167-169.
4. Ваничкин Д. Е. Криминологическая характеристика и предупреждение преступности в регионе (на материалах Ставропольского края): дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь: Ставропольский государственный университет, 2004. 179 с.
5. Кондратюк Л. В., Овчинский В. С. Криминологическое измерение. М.: Норма, 2008. 210 с.
6. Кулагин А. В. Территориальная дифференциация преступности в субъекте Российской Федерации на примере Самарской области: автореф. дис. ... канд. географ. наук. Воронеж: Воронежский государственный университет, 2009. 202 с.
7. Чернов А. В. Криминогенная обстановка в Сибирском федеральном округе: опыт комплексной научной оценки // под ред. докт. юрид. наук, проф. С. Ф. Милюкова. СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2006. 398 с.

6 Ботвин И. В. Предупреждение преступности лиц, не имеющих постоянного источника дохода (на примере Алтайского края) // Вестник Барнаулского юридического института МВД России. Барнаул, 2017. № 2. С. 167-169.

КОЛБА Владислав Васильевич

магистрант Дальневосточного федерального университета

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ ПО РАССМОТРЕНИЮ ДЕЛ О ЛИЦЕНЗИРОВАНИИ

Автор данной статьи рассмотрел основные вопросы, возникающие при рассмотрении в суде дел, связанных с лицензированием отдельных видов деятельности. По мнению автора, анализ правоприменительной практики показывает, что основные проблемы с лицензированием возникают при неправильном понимании или нежелании исполнять требования, которые выдвигаются при осуществлении отдельных видов деятельности, что влечет наступление определенного вида ответственности, вместе с утратой права на осуществление данного лицензируемого вида деятельности.

Ключевые слова: лицензирование, судебные споры, неисполнение условий, неправильное понимание деятельности.

KOLBA Vladislav Vasiljevich

magister student of the Far Eastern Federal University

Колба В. В.

SPECIALTIES OF LAW ENFORCEMENT PRACTICE IN THE CONSIDERATION OF CASES ON LICENSING

The author of this article considered the main issues arising from the consideration of court cases related to the licensing of certain activities. According to the author, the analysis of law enforcement practice shows that the main problems with licensing arise from the wrong understanding or unwillingness to fulfill the requirements that are put forward in the implementation of certain activities, which entails the occurrence of a certain type of responsibility, together with the loss of the right to carry out this licensed activity.

Keywords: licensing, litigation, non-compliance, incorrect understanding of the activities.

Лицензирование представляет собой довольно специфичный метод публично-правового регулирования экономических отношений, практикуемый во всем мире, и который, тем не менее, предполагает ограничение некоторых общепризнанных прав и свобод в сфере экономической деятельности. Это обстоятельство вызывает у некоторых лиц недопонимание важности института лицензирования как регулятора экономики, и в конечном счете приводит к многочисленным спорам, рассматриваемым судебными инстанциями.

Наиболее часто в правоприменительной практике судебных инстанций встречаются дела о нарушении лицензиатами требований законодательства об условиях осуществления лицензируемой деятельности. Связано это с тем, что в ходе осуществления своей деятельности лицензиаты допускают различные нарушения. Можно выделить наиболее часто встречающиеся нарушения, по которым, например, лицам, осуществляющим деятельность по предоставлению услуг связи, приходится отвечать, в том числе в судебном порядке:

– оказание услуг связи не в соответствии с законодательством, национальными стандартами, техническими нормами и правилами, лицензией, а также договором об оказании услуг связи¹;

– необеспечение оператором связи абоненту и (или) пользователю возможности пользоваться услугами телефонной связи 24 часа в сутки²;

– оказание услуг телефонной связи при отсутствии надлежаще оформленного письменного договора, а также при отсутствии решения о выборе оператора междугородной и международной связи³;

– несоблюдение требования о том, что технические средства систем оперативно-розыскных мероприятий должны быть введены в эксплуатацию в установленном порядке, должны быть выполнены мероприятия по внедрению их на сети связи⁴;

неуказание в договорах технических показателей, характеризующих качество услуг связи, и технических норм, согласным которым оказываются услуги связи и неразрывно связанные с ними услуги⁵;

– нарушение срока предоставления доступа к сети передачи данных с использованием абонентской линии⁶;

– списание денежных средств с лицевого счета абонента за оказанные услуги подвижной связи за рамками действия конкретного договора⁷.

Стоит отметить и позицию судов о том, что выполнение лицензионных требований и условий при осуществлении деятельности по предоставлению услуг связи возлагается на

1 См.: Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 30.09.2013 № 09АП-30475/2013-АК // Документ опубликован не был. Доступ из СПС Гарант; Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 30.05.2013 № 09АП-13812/2013 // Документ опубликован не был. Доступ из СПС Гарант.

2 Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 30.09.2013 № 09АП-30492/2013 // Документ опубликован не был. Доступ из СПС Гарант.

3 Постановление ФАС Уральского округа от 05.02.2013 № Ф09-14279/12 // Документ опубликован не был. Доступ из СПС Гарант.

4 Постановление ФАС Уральского округа от 10.08.2012 № Ф09-6065/12 // Документ опубликован не был. Доступ из СПС Гарант.

5 Постановление ФАС Уральского округа от 01.08.2012 № Ф09-6802/12 // Документ опубликован не был. Доступ из СПС Гарант.

6 Постановление ФАС Приволжского округа от 25.08.2011 № А55-1475/2011 // Документ опубликован не был. Доступ из СПС Гарант.

7 Постановление ФАС Северо-Кавказского округа от 17.01.2011 № А32-14254/2010 // Документ опубликован не был. Доступ из СПС Гарант.

лицо, имеющее лицензию, а не на партнера, действующего во исполнение заключенного посреднического или иного договора⁸.

Таким образом, основную массу дел, связанных с осуществлением лицензируемого вида деятельности, составляют дела, связанные с нарушением условий лицензии. При этом, за нарушение лицензионных условий и требований предусмотрена административная ответственность (п. 3 ст. 14.1 КоАП РФ⁹). Помимо этого за грубые нарушения, действие лицензии как минимум приостанавливается, а впоследствии лицензия может быть аннулирована. Для компании это означает прекращение лицензируемой деятельности. Чтобы не доводить до такого, лицензиату нужно побеспокоиться о соблюдении установленных законодательством лицензионных условий.

Довольно интересную проблему лицензирования деятельности в области фармакологической деятельности обозначил М. А. Шишов, который, проанализировав судебную практику, пришел к выводу, что часть судей, в том числе апелляционной инстанции, считают, что осуществление работником ИП фармацевтической деятельности без наличия лицензии у данного работника образует состав правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 6.2 КоАП РФ. Часть же судей, в том числе и апелляционной инстанции, придерживаются обратного мнения¹⁰.

До недавнего времени довольно спорной была ситуация при разрешении дел, связанных с обязательностью получения лицензии на медицинскую деятельность организациям, осуществляющим с помощью штатных медицинских работников предрейсовые осмотры собственных водителей

Долгое время позиция судов по вопросу о необходимости получения работодателем лицензии в приведенной ситуации была неоднозначной. Так, как показывает анализ судебной практики, суды нередко отказывали контролирующим органам в привлечении к ответственности по ч. 2 ст. 14.1 КоАП РФ организации, которые проводили медосмотры своих водителей штатными медицинскими сотрудниками, не имея при этом лицензии на медицинскую деятельность. В судебных актах указывалось, что исходя из Типового положения об организации предрейсовых медицинских осмотров водителей транспортных средств, такие осмотры могут проводиться медицинским персоналом организации при наличии соответствующего сертификата и необходимости иметь лицензию на осуществление медицинской деятельности в таком случае отсутствует¹¹.

Данная ситуация окончательно была разрешена Верховным Судом РФ, который рассматривая вопрос о привлечении организации к ответственности по ст. 19.20 КоАП РФ, указал, что медицинские осмотры (предрейсовые, послерейсовые) яв-

ляются медицинской деятельностью и для их проведения организации необходима лицензия¹².

Помимо ответственности за нарушение условий лицензирования, в судебной практике нередко возникают дела, связанные с отказом органов исполнительной власти в выдаче лицензий.

Так, например, суд удовлетворил иски требования общества к Управлению государственного морского надзора Федеральной службы по надзору в сфере транспорта о признании незаконным отказа обществу Управлением в предоставлении лицензии на осуществление деятельности по перевозкам внутренним водным транспортом, морским транспортом опасных грузов. Оспариваемый отказ был мотивирован тем, что общество является судовладельцем трех морских судов, в то время как в заявлении о выдаче лицензии указано только одно судно. Суд указал, что в силу ч. 7 ст. 14 Закона о лицензировании основанием отказа в предоставлении лицензии является наличие в представленном ее соискателем заявлении недостоверной или искаженной информации. В рассматриваемой ситуации, согласно норм Положения о лицензировании деятельности по перевозкам внутренним водным транспортом, морским транспортом опасных грузов, для получения лицензии соискатель лицензии должен был представить в лицензирующий орган перечень судов, но только тех, которые будут использоваться для перевозки опасных грузов. Общество при обращении за выдачей лицензии в качестве судна, предназначенного для перевозки опасных грузов, указало танкер. При таких обстоятельствах суд пришел к выводу о том, что для перевозки опасных грузов общество выразило намерение использовать только один танкер и это не противоречит действующему законодательству¹³.

Данный пример подтверждает, что лицензирующие органы не всегда правы, когда отказывают в лицензии.

Можно привести также дело, в котором суд отказал в удовлетворении исковых требований общества о признании незаконным предписания Межрегионального технологического управления Федеральной службы по экологическому, технологическому и атомному надзору получить лицензию на эксплуатацию взрывопожароопасных производственных объектов¹⁴. В данном деле лицензиат неправильно толковал положения ст.14 Закона о лицензировании, что привело к обоснованному отказу в выдаче лицензии.

В то же время, из анализа судебной практики можно сделать вывод, что признание отказа лицензирующего органа в выдаче лицензии не означает автоматического признания права на получение лицензии, если претендент все таки не отвечает требованиям, предъявляемым к соискателю лицензии.

Довольно часто возникают споры об отнесении того или иного вида деятельности к лицензируемому. Так, согласно п. 47 ч. 1 ст. 12 Закона о лицензировании лицензированию подлежит фармацевтическая деятельность. В одном из дел лицу в качестве нарушения вменяли продажу лекарственного препарата для ветеринарного применения.

8 Постановление ФАС Северо-Западного округа от 27.06.2011 № А56-38856/2010 // Документ опубликован не был. Доступ из СПС Гарант.

9 Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.

10 Шишов М. А. О правоприменительной практике по вопросам, связанным с лицензированием индивидуальных предпринимателей // Адвокатская практика. 2014. № 3. С. 20 - 21.

11 См., например: Постановление ФАС Московского округа от 17.03.2010 № КА-А40/2021-10// Документ опубликован не был. Доступ из СПС Гарант; Постановление ФАС Северо-Кавказского округа от 24.11.2010 № А53-6995/2010 // Документ опубликован не был. Доступ из СПС Гарант; Постановление ФАС Северо-Кавказского округа от 05.08.2009 № А53-3470/2009 // Документ опубликован не был. Доступ из СПС Гарант, и др.

12 Постановление Верховного Суда РФ от 15.08.2014 N 18-АД14-29 // Документ опубликован не был. Доступ из СПС КонсультантПлюс.

13 Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 17.08.2015 № Ф03-2835/2015 по делу № А51-30779/2014 // Документ опубликован не был. Доступ из СПС КонсультантПлюс.

14 Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 30.10.2014 № 09АП-41974/2014 по делу № А40-46881/2014 // Документ опубликован не был. Доступ из СПС КонсультантПлюс.

Суд указал, что административный орган должен доказать, что предпринимателем осуществлялась продажа именно лекарственного препарата для ветеринарного применения, при реализации которого требуется наличие лицензии на осуществление фармацевтической деятельности. Соответственно, продажа ветеринарного (не лекарственного) препарата не требует наличия лицензии и не образует состав административного правонарушения, предусмотренного ч. 2 ст. 14.1 КоАП РФ¹⁵.

Таким образом можно утверждать, что одной из причин судебных споров по делам о лицензировании является неправильное определение одним из участников такого спора характера деятельности, а также недостаточная нормативная определенность и самих видов деятельности, что приводит к смешению лицензируемых и нелицензируемых видов деятельности.

Таким образом, на основе проведенного анализа правоприменительной практики, можно утверждать, что основную массу дел, разбираемых в судах, составляют дела о нарушении лицензиатами условий осуществления лицензируемой деятельности, что еще раз подчеркивает контрольную функцию института лицензирования. Организационно-распорядительные функции лицензирования являются предметом при рассмотрении дел об оспаривании решений лицензирующих органов по вопросам выдачи и переоформления лицензий. При этом было отмечено, что при решении указанных вопросов лицензирующие органы нередко неправильно подходят к пониманию характера деятельности, осуществляемого лицом, что отчасти объяснимо и недостатками нормативного характера, не вполне адекватной нормативной определенностью отдельных видов деятельности, отсутствием четких разграничивающих критериев внешне сходных видов деятельности, для осуществления одних из которых требуется лицензия, а для других нет.

Пристатейный библиографический список

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.
2. Шишов М. А. О правоприменительной практике по вопросам, связанным с лицензированием индивидуальных предпринимателей // Адвокатская практика. 2014. № 3. С. 17 - 21.
3. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 30.09.2013 № 09АП-30475/2013-АК // Документ опубликован не был. Доступ из СПС Гарант.
4. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 30.05.2013 N 09АП-13812/2013 // Документ опубликован не был. Доступ из СПС Гарант.
5. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 30.09.2013 № 09АП-30492/2013 // Документ опубликован не был. Доступ из СПС Гарант.

6. Постановление ФАС Уральского округа от 05.02.2013 № Ф09-14279/12 // Документ опубликован не был. Доступ из СПС Гарант.
7. Постановление ФАС Уральского округа от 10.08.2012 № Ф09-6065/12 // Документ опубликован не был. Доступ из СПС Гарант.
8. Постановление ФАС Уральского округа от 01.08.2012 № Ф09-6802/12 // Документ опубликован не был. Доступ из СПС Гарант.
9. Постановление ФАС Приволжского округа от 25.08.2011 № А55-1475/2011 // Документ опубликован не был. Доступ из СПС Гарант.
10. Постановление ФАС Северо-Кавказского округа от 17.01.2011 № А32-14254/2010 // Документ опубликован не был. Доступ из СПС Гарант.
11. Постановление ФАС Северо-Западного округа от 27.06.2011 № А56-38856/2010 // Документ опубликован не был. Доступ из СПС Гарант.
12. Постановление ФАС Московского округа от 17.03.2010 № КА-А40/2021-10 // Документ опубликован не был. Доступ из СПС Гарант.
13. Постановление ФАС Северо-Кавказского округа от 24.11.2010 № А53-6995/2010 // Документ опубликован не был. Доступ из СПС Гарант.
14. Постановление ФАС Северо-Кавказского округа от 05.08.2009 № А53-3470/2009 // Документ опубликован не был. Доступ из СПС Гарант, и др.
15. Постановление Верховного Суда РФ от 15.08.2014 N 18-АД14-29 // Документ опубликован не был. Доступ из СПС КонсультантПлюс.
16. Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 17.08.2015 № Ф03-2835/2015 по делу № А51-30779/2014 // Документ опубликован не был. Доступ из СПС КонсультантПлюс.
17. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 30.10.2014 № 09АП-41974/2014 по делу № А40-46881/2014 // Документ опубликован не был. Доступ из СПС КонсультантПлюс.
18. Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 11.02.2015 № Ф02-49/2015 по делу № А33-11152/2014 // Документ опубликован не был. Доступ из СПС КонсультантПлюс.

¹⁵ Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 11.02.2015 № Ф02-49/2015 по делу № А33-11152/2014 // Документ опубликован не был. Доступ из СПС КонсультантПлюс.

МУТУЛОВ Станислав Базырович

магистрант Калмыцкого государственного университета им. Б. Б. Городовикова

БОДЖАЕВ Бембя Валерьевич

магистрант Калмыцкого государственного университета им. Б. Б. Городовикова

ЭРДНЕЕВ Намр Николаевич

магистрант Калмыцкого государственного университета им. Б. Б. Городовикова

ЗАКОННЫЕ ПРЕДСТАВИТЕЛИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

В представленной статье рассматриваются достаточно актуальные вопросы, которые непосредственно связаны с защитой прав и законных интересов несовершеннолетних лиц – участников уголовного судопроизводства. Стоит отметить, что под такими участниками понимают подозреваемых, обвиняемых, свидетелей или потерпевших лиц, которые не достигли возраста восемнадцати лет.

Кроме того, в статье выявляются существующие проблемы в привлечении законных представителей и разрабатываются возможные пути их решения.

Ключевые слова: несовершеннолетние лица, участники уголовного судопроизводства, законные представители.

MUTULOV Stanislav Bazyrovich

magister student of the B. B. Gorodovikov Kalmyk State University

BODGAEV Bembya Valerievich

magister student of the B. B. Gorodovikov Kalmyk State University

ERDNEEV Namr Nikolaevich

magister student of the B. B. Gorodovikov Kalmyk State University

LEGAL REPRESENTATIVES OF MINORS IN CRIMINAL PROCEEDINGS

The article deals with topical issues that are directly related to the protection of the rights and legitimate interests of minors participating in criminal proceedings.

It should be noted that such participants are understood to be suspects, accused persons, witnesses or victims who have not reached the age of eighteen years.

Keywords: minors, participants of criminal proceedings, legal representatives.

В современной структуре общества, молодежь рассматривается в качестве одной из самых многочисленных возрастных групп населения. К сожалению, все чаще и чаще молодежь совершает различные преступления, в том числе, тяжкие и особо тяжкие преступления. Очевидно, что на сегодняшний день, преступность несовершеннолетних является достаточно трудной проблемой, так как количество преступности среди несовершеннолетних граждан планомерно растет.

В рамках производства уголовных дел в отношении несовершеннолетних лиц возможности для обеспечения их прав и законных интересов используются не в полной мере. В связи с этим, подъем эффективности практической реализации судопроизводства при рассмотрении уголовных дел в отношении несовершеннолетних лиц имеет особое значение¹.

Традиционно, производство по делам несовершеннолетних лиц определяется общими и специальными уголовно-процессуальными правилами, которые дополняют, а также развивают и дополняют общие правила. Данные нормы содержат дополнительные гарантии прав несовершеннолетних лиц. Законодатель предъявляет особые требования к расследованию, а также судебному рассмотрению уголовных дел по

обвинению несовершеннолетних лиц, основываясь на необходимости максимально защитить их интересы.

Основываясь на указанных требованиях, установленный уголовно-процессуальным законодательством порядок производства по уголовным делам с участием несовершеннолетних, учитывает возрастные особенности данной категории лиц и их правовое положение. Более того, предусматриваются дополнительные гарантии для охраны законных интересов и прав несовершеннолетних лиц в рамках досудебного производства. Одной из таких гарантий является участие в деле их законных представителей.

Представляется вполне естественным, что обвиняемый или подозреваемый, не достигший возраста 18 лет, в связи с особенностями своего физического и интеллектуального развития не в состоянии полноценно осуществлять защиту своих прав и законных интересов. Указанный фактор выступает основанием того, что порядок производства по уголовным делам с участием несовершеннолетних лиц выделен в отдельную главу УПК РФ.

В качестве проявления принципа повышенной юридической защиты прав несовершеннолетних лиц, в рамках уголовного судопроизводства, выступает двойное представительство, при котором охранительная функция выполняется одновременно защитником и законным представителем лица.

¹ Аширбекова М. Т., Быков В. М. Актуальные проблемы обеспечения прав участников уголовного судопроизводства. – М.: Проспект, 2017. – 192 с.

Пунктом 12 статьи 5 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации предусмотрен строго ограниченный перечень лиц, которые могут выступать в качестве законных представителей несовершеннолетнего: родители, усыновители, опекуны или попечители несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого либо потерпевшего, представители учреждений или организаций, на попечении которых находится несовершеннолетний, органы опеки и попечительства². Однако правоприменитель сталкивается с множеством трудностей при решении вопроса об определении законного представителя несовершеннолетнего и организации его участия в обеспечении защиты прав и законных интересов несовершеннолетнего.

Согласно проведенным опросам сотрудников внутренних дел, респонденты акцентировали внимание на таких проблемах в указанной области, как затруднения в привлечении в качестве законных представителей лиц, которые не были лишены родительских прав, но проживают отдельно, либо не занимаются воспитанием. Кроме того, к проблемам опрашиваемые лица относят привлечение родителей, которые были привлечены к уголовной ответственности по статье 156 УК РФ, либо родителей, злоупотребляющих алкогольными напитками или наркотическими веществами. Очевидно, что, несмотря на наличие формальных оснований, такие родители не в состоянии выполнять функции представителя в уголовном судопроизводстве. Некоторые респонденты нередко отмечают формальное отношение к защите прав несовершеннолетних лиц органов опеки и попечительства, а также аналогичное отношение родителей к указанным процедурам.

Формальное отношение законного представителя к обязанности оказывать несовершеннолетнему, вступившему в конфликт с уголовным законом, моральную и психологическую поддержку, действовать в его интересах, активно пользоваться предоставленными ему правами и совместно с адвокатом выбирать наиболее эффективные и оптимальные пути защиты, приводит к тому, что права несовершеннолетнего не соблюдаются надлежащим образом.

В статьях 426 и 428 УПК РФ закреплены права законного представителя несовершеннолетнего подозреваемого или обвиняемого. Полагаем, что отсутствие обязанностей в данных статьях является существенным законодательным пробелом. Несмотря на тот факт, что, рассматривая обязанности, необходимо обратиться к статье 64 Семейного кодекса РФ, это не умаляет значение законодательного закрепления и дублирования функций законного представителя в уголовно-процессуальном законодательстве.

Однако очень часто родители, чей ребенок вступил в конфликт с уголовным законом, не принимают участие в его воспитании, не работают, ведут аморальный образ жизни и привлечение таких родителей в качестве законных представителей только затрудняет расследование по уголовному делу. В этих случаях, по нашему мнению, у следователя, дознавателя должна быть возможность, опираясь на информацию, собранную в ходе расследования уголовного дела, сделать вывод о возможности привлечения в качестве законного представителя не родителей, которые не лишены родительских прав, а представителя органов опеки и попечительства.

Также стоит рассмотреть такую проблему, которая находится на стыке права и психологии. Известно, что несовершеннолетние лица обладают склонностью к фантазиям, страхам и комплексами. Очевидно, что присутствие родителей в рамках уголовного судопроизводства оказывает негативное воздействие на истинность показаний несовершеннолетнего лица. Например, ребенок может умалчивать о каких-либо фактах, искажать их или лгать. Для минимизации указанного положения, представляется, что в определенных случаях, например, по некоторой категории дел, стоит предусмотреть положение, в соответствии с которым, ребенок имеет право настаивать на том, чтобы в качестве законных представителей не выступали его близкие родственники.

Очевидно, что участие законных представителей в досудебном производстве по уголовным делам с участием несовершеннолетних нуждается в дальнейшей правовой регламентации и внесении определенных изменений в уголовно-процессуальное законодательство.

Пристатейный библиографический список

1. Аширбекова М. Т., Быков В. М. Актуальные проблемы обеспечения прав участников уголовного судопроизводства. – М.: Проспект, 2017. – 192 с.
2. Бабаев М. М. Проблемы российской уголовной политики. – М.: Проспект, 2017. – 296 с.
3. Кострова М. Б. Взаимосвязь уголовного и уголовно-процессуального права. – М.: Проспект, 2017. – 320 с.
4. Рарог А. И., Воронин В. Н. Качество уголовного закона: проблемы Особенной части. – М.: Проспект, 2017. – 384 с.
5. Рарог А. И., Чучаев А. И. Уголовно-правовое воздействие. – М.: Проспект, 2017. – 288 с.

2 Кострова М. Б. Взаимосвязь уголовного и уголовно-процессуального права. – М.: Проспект, 2017. – 320 с.

АББАСОВ Нурмагомед Шахбанович

магистрант обучения Юридического факультета Дагестанского государственного университета

ГАМИДОВ Альберт Мефталиевич

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Юридического факультета Дагестанского государственного университета

ОСОБЕННОСТИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И РАЗВИТИЯ СУДОПРОИЗВОДСТВА С УЧАСТИЕМ ПРИСЯЖНЫХ ЗАСЕДАТЕЛЕЙ

В данной статье рассмотрено становление и развитие суда присяжных в России, начиная с его появления в 1864 г. и до наших дней. Для современников это был неизвестный ранее, заимствованный у Запада институт. В истории своего развития суд присяжных переходил от небывалой популярности к полному забвению, что и случилось в 1917 году, когда его упразднили. Возрождение в России суда присяжных заседателей стало возможным на заключительном этапе «перестройки». Первый в России после длительного перерыва процесс с участием присяжных заседателей состоялся в Саратове в декабре 1993 года. Одним из последних субъектов, который ввел суд присяжных заседателей, является Чеченская республика, это произошло в 2010 году. В статье проведена сравнительная характеристика старого и нового суда присяжных, выявлены положительные и отрицательные стороны данного института и выдвинуты предположения о тенденциях развития суда присяжных.

Ключевые слова: суд присяжных, уголовная реформа, Судебные уставы 1864 г., коллегия присяжных, Концепция судебной реформы.

ABBASOV Nurmagomed Shahbanovich

magister student of the Law Faculty of the Dagestan State University

KHAMIDOV Albert Meftalievich

Ph.D. in Law, associate professor of Criminal process and criminalistics sub-faculty of the Law Faculty of the Dagestan State University

FEATURES OF THE ORIGIN AND DEVELOPMENT OF LEGAL PROCEEDINGS WITH PARTICIPATION OF JURYMEN

This article describes the formation and development of trial by jury in Russia, starting with its inception in 1864 and until our days. To contemporaries it was previously unknown, borrowed from the West. In the history of its development, the jury passed from unprecedented popularity to total oblivion, and that happened in the year 1917, when it was abolished. The revival of the Court jurors in Russia became possible at the final stage of perestroika. Russia's first after a long break process with a jury took place in Saratov in December 1993. One of the last regions who introduced the Court of jury trial, is Chechnya, this happened in the year 2010. In an article a comparative analysis of the old and the new jury trial is carried out, the positive and negative sides of the institute are identified and assumptions are made about trends in the development of trial by jury.

Keywords: trial by jury, penal reform, judicial statutes of 1864, jury, the concept of judicial reform.

Суд присяжных появился в истории России не так давно, всего лишь в 19 веке, но на протяжении всего существования этого института не утихают споры вокруг него. Так ли уж он необходим современной российской судебной системе или стоит полностью от него отказаться. Для этого нужно углубиться в историю и понять, в какой обстановке суд присяжных впервые появился на территории России.

Ещё за два столетия до принятия Великой хартии вольностей «Русская правда» устанавливала, что лицо, уличенное в краже, но отрицающее свою вину, должно предстать перед двенадцатью мужами, которые и решат вопрос о его виновности. Применение данного обычая подтверждается упоминаниями о выборных судьях в договоре Смоленска с немецкими городами (1229 г.) и в Псковской судной грамоте (1467 г.).

В Судебнике 1497 г. установлено, что в состав суда областных кормленщиков включаются земские выборные: сотские, старосты, «добрые» и «лучшие» люди. Они не могли принимать решения, но обеспечивали достоверность протокола судебного заседания. Затем, по Судебнику 1550 г. в суде «наместников» и «волостелей» должны были присутствовать земские старосты и целовальники, которые за-

щищали местные правовые обычаи от воздействия властных структур.

Идея о суде присяжных появилась в России ещё во времена Екатерины II. Предложил ввести данный институт русский ученый-юрист С. Е. Десницкий. М. М. Сперанский также предлагал Александру I в 1809 году реформировать судебную систему путем внедрения суда присяжных.

Подготовка этой реформы началась в России вскоре после Крымской войны и длилась около 10 лет. «Основные положения» судебной реформы Александр II утвердил 29 сентября 1862 года. Затем еще два года они обсуждались в прессе, в Госсвете, Сенате, в министерствах и ведомствах, проводилось редактирование и, наконец, 20 ноября 1864 года император утвердил их. Этот день вошел в историю как дата судебной реформы¹.

Первое документальное упоминание о суде присяжных встречается в Судебных уставах 20 ноября 1864 года (далее по тексту – Судебные уставы), «по делам о преступлениях и проступках, влекущих за собой наказания, соединенные с лише-

1 История суда присяжных // Информационно-правовой портал «ЗАКОНИЯ». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.zakonia.ru/site/117261/1364> (дата обращения - 30.01.2018)

нием всех прав состояния или с потерей всех или некоторых особенных прав и преимуществ, определение вины или невиновности подсудимых предоставляется особым присяжным заседателям»².

Судебные уставы были слишком прогрессивны для того времени, поэтому их претворение в жизнь растянулось на много лет, сопровождавшихся проведением контрреформ.

Идея суда присяжных была изменена ещё в тексте судебных уставов: благодаря достаточно высокому имущественному цензу в ряды присяжных допускались только в достаточной степени состоятельные люди. Была изменена подсудность некоторых категорий дел, в частности дела о государственных преступлениях и дела печати были изъяты из списка дел, которые мог рассматривать суд присяжных. После того, как присяжные оправдали Веру Засулич, все дела, имеющие политический характер, также стали изыматься из ведения суда присяжных.

Судебные уставы не могли остаться неизменными в том виде, в каком они были приняты, поэтому логично было внесение в них в последующем исправлений. К сожалению, дело не ограничилось одними исправлениями, произошло последовательно сокращение дел, подсудных присяжным заседателям.

Суд присяжных был всегда предметом нападков со стороны печатных изданий, репортеры делали свои, ничем не обоснованные, выводы о правильности или неправильности решений, принятых судом присяжных.

Между тем, судить о правильности ответа присяжных может лишь тот, кто находился в зале заседаний и кто знает, что в ответе на вопрос о виновности содержится не только признание события преступления, но и признание нравственной ответственности подсудимого, часто совершающего преступление по причине нахождения в тяжких житейских условиях³.

Вторая волна кризиса суда присяжных началась после Февральской революции 1917 г., когда Временное правительство отменило все цензы для кандидатов в присяжные заседатели. Теперь доступ к правосудию получили все слои населения, без каких-либо ограничений, но люди не обладали необходимым объемом знаний, соответственно, не могли правильно распорядиться своим правом, поэтому фактически вся судебная власть осталась в руках государства. Возрождение суда присяжных в России началось в 1993 году, когда он появился одновременно в 9 субъектах страны: Алтайском, Краснодарском и Ставропольском краях, Ивановской, Ростовской, Московской, Рязанской, Саратовской и Ульяновской областях.

Основная масса законодательных материалов для изучения истории суда присяжных содержится в «Полном собрании законов Российской империи». Часть из них опубликована в ежегодно выходившем издании «Собрании узаконений и распоряжений правительства».

Реализация судебной реформы 1864 года началась на территории Дагестана только в 1875 году, причем с существенными ограничениями, которые свели на нет многие

новые положения. На Дагестан не распространялись такие прогрессивные достижения, как независимость суда, бессловность, абсолютная гласность, устность, состязательность, наличие адвоката, участие присяжных, несменяемость судей, отвод судей⁴.

Первый процесс с участием присяжных состоялся в республике в 2003 году. С самого начала решения, принимаемые независимыми арбитрами, подвергались критике. Как заявил судебный обозреватель одной из федеральных газет, «в республике почти любой суд с участием присяжных превращается в процесс оправдательный». Действительно, в первые годы его функционирования количество оправдательных приговоров составляло, по официальным данным, 50 %, в то время как в среднем по стране этот показатель не превышал 20 %.

Это происходило, потому что заинтересованные лица находили выход на присяжных заседателей через родственников и друзей и добивались оправдательного приговора. В то же время многие считали, что недовольство решениями присяжных вызвано тем, что сторона обвинения привыкла иметь больший вес в процессе судебного заседания и не может привыкнуть к тому, что процесс стал состязательным. Как образно высказался один из старейших судей республики Герман Костров, «многим гособвинителям мыслится доселе, что процесс должен проходить по сценарию и с выводами обвинительного заключения, утвержденного прокурором».

Судья, как и прокурор, представляет государство, не так уж давно прокуроры на законном основании могли и в самом деле «предъявлять претензии» судьям – осуществляли за ними надзор. И вдруг появляется этакий «неправильный суд», где прокуратуре приходится не просто зачитывать текст обвинения, а доказывать обычным гражданам виновность подсудимого, находящегося в зале суда, – ссылаясь при этом только на добытые законным путем доказательства, отвечать на вопросы адвоката подсудимого, т.е. принимать самое живое участие в процессе⁵.

Дореволюционный опыт показывает нам, что только лишь сочетание различных форм участия населения в отправлении правосудия может гарантировать адекватное действие государственного механизма, с одной стороны, и соблюдение прав каждого человека с другой.

Одной из проблем современного судопроизводства с участием присяжных является, по мнению ряда исследователей – отсутствие у суда присяжных универсального багажа знаний и опыта, которые присущи профессиональным судьям. Так, многие юристы указывают на отсутствие знания законодательства у присяжных заседателей, что не позволяет им дать объективную и правильную оценку события преступления, а это в итоге приводит к большому количеству оправдательных приговоров.

2 Судебные уставы 20 ноября 1864 года, с изложением рассуждений, на коих они основаны. Часть вторая // КонсультантПлюс: Классика российского права. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://civil.consultant.ru/reprint/books/118/17.html> (дата обращения - 30.01.2018)

3 Кони А. Ф. Отцы и дети Судебной реформы. К пятидесятилетию Судебных Уставов // КонсультантПлюс: Классика российского права. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://civil.consultant.ru/reprint/books/319/18.html> (дата обращения - 02.02.2018)

4 Халифаева А. К. Судебная реформа в Дагестанской области: некоторые преобразования в системе судебных органов (60–80-е годы XIX века) // Современное право. 2004. № 8. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.sovremennoeravno.ru/m/articles/view/Судебная-реформа-в-Дагестанской-области-некоторые-преобразования-в-системе-судебных-органов-60-80-годы-XIX-века> (дата обращения - 06.02.2018)

5 Сулейманов А. 12 присяжных: много или мало? // Дагестанская правда. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dagpravda.zkrv.ru/rubriki/obshchestvo/27462634/> (дата обращения - 06.02.2018)

В настоящее время присяжные заседатели фактически начинают свое участие в процессе с «чистого листа». У присяжных заседателей отсутствуют самые элементарные правовые знания и опыт участия в судебных процессах, без которых очень сложно понять и интерпретировать обстоятельства рассматриваемого уголовного дела. Текст обвинения состоит из одних ссылок на законодательные нормы, из него присяжным заседателям трудно понять, в чем же конкретно обвиняется подсудимый. Кроме того, присяжные заседатели не имеют права задавать вопросы непосредственно участникам процесса. Согласно ч. 4 ст. 335 УПК РФ присяжные должны излагать их письменно.

Присяжные заседатели не могут также ознакомиться со всеми имеющимися в деле доказательствами, так как некоторые из них суд может признать недопустимыми.

Еще одним пробелом российского уголовно-процессуального законодательства является невозможность всестороннего и полного ознакомления присяжных заседателей с личностью подсудимого, в частности, запрещается рассматривать факты признания подсудимого в прошлом наркоманом или алкоголиком, обращать внимание на прежние судимости и т.д. Вышеперечисленные запреты необходимы для того, чтобы присяжные заседатели могли быть беспристрастными в отношении подсудимого, не опирались на его жизненный опыт. На практике, как указывает О. А. Глобенко, отделить человеческую сущность от обвиняемого невозможно: она сквозит в манере говорить, в показаниях, в поведении, поэтому то, что некоторые из присяжных не видят, - домысливают. В этой связи присяжные могут придать образу обвиняемого несуществующие положительные или отрицательные черты.

Учитывая вышеизложенное, можно прийти к следующим выводам:

1. Вследствие недоверия к правовым предписаниям, следования личным интересам и негативному жизненному опыту присяжные заседатели нередко выносят вердикты, противоречащие законам логики и общепринятым нормам морали. Следовательно, необходимо повышают правосознание граждан всеми имеющимися способами, заниматься правовой пропагандой среди населения.

2. Проблемой для присяжных является процесс соотнесения вопросов, поставленных перед ними и доказательств, исследованных в судебном заседании. Так как присяжные заседатели не имеют юридического образования, они не могут законно обосновать свои доводы, не разбираются в степенях вины, видах соучастия и других вопросах. Поэтому часто вердикты присяжных логичны, справедливы, но могут не соответствовать закону. По этой причине большинство решений, вынесенных на основании вердикта суда присяжных, впоследствии отменяются. Для того чтобы повлиять на ситуацию, необходимо разделить вопросы, решаемые судьей и присяжными.

3. Вердикт присяжных заседателей, в основном, бывает немотивирован и необоснован, а обвинительный приговор не подлежит обжалованию, что не может гарантировать тщательную оценку присяжными всех представленных по делу доказательств.

4. Основными достижениями судебной реформы 1864 г. были создание суда присяжных для всех сословий. В это время

отмечается пик оправдательных приговоров как вызов либеральной оппозиции самодержавному режиму.

Авторами предлагаются следующие меры по совершенствованию суда присяжных:

1. Предусмотреть льготное налогообложение для работодателей с целью стимулировать их к освобождению части рабочего времени работникам для участия в суде присяжных.

2. Запретить отмену оправдательных приговоров на основании вердикта коллегии присяжных заседателей.

3. Разрешить присяжным выносить промежуточные вердикты по отдельным эпизодам преступления.

4. Обеспечить независимость и безопасность присяжных на время процесса.

5. Обеспечить прозрачность отбора кандидатов методом случайной выборки.

6. Внести поправки в УПК РФ, согласно которым коллегия присяжных имела бы возможность ознакомиться с обвинительным заключением по делу.

Пристатейный библиографический список

1. Демичев А. А. История суда присяжных в дореволюционной России (1864-1917 гг.). – М.: Издательство «Юрлитинформ», 2007. – 320 с.
2. Дроздова А. А. Суд присяжных: история и современность // Актуальные проблемы российского права. – 2014. – № 11 (48). – С. 2475-2479.
3. Логачева Н. В. Некоторые меры по контрреформированию судебной защиты и суда присяжных в ходе реализации судебной реформы 1864 г., и их последствия // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. – 2016. – №2 (38). – С.55-62.
4. Переверзев В. В., Грицук М. А. Некоторые проблемы российского суда с участием присяжных заседателей // Молодой учёный. – 2015. – № 3 (83). – С. 669-671.
5. Оленев А. Б. Периодизация становления и развития института суда присяжных и поверенной адвокатуры в отечественной правовой науке // Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий. – 2016. – № 4 (20). – С. 109-113.

АЛИЕВ Хиби Курбанович

кандидат юридических наук, доцент Северо-Кавказского Института (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)

МАРИАНОВ Алихан Абдулаевич

кандидат исторических наук, доцент Дагестанского государственного педагогического университета

МАГОМЕДОВА Марьям Магомедовна

кандидат исторических наук, доцент Дагестанского государственного педагогического университета

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО ПОЛОЖЕНИЯ И ПРАВОВОГО СТАТУСА ПЕРЕВОДЧИКА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Научная статья посвящена процессуальному статусу переводчика в российском уголовном процессе. Авторами исследуется содержание статей на предмет того, насколько они отвечают целям уголовного судопроизводства и обеспечивают реализацию и защиту прав и законных интересов граждан.

Ключевые слова: переводчик, суд, уголовный процесс, иностранные граждане, язык судопроизводства, правовой статус, процессуальные права.

ALIEV Khibi Kurbanovich

Ph.D. in Law, associate professor of the North Caucasus Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia)

MARIANOV Alikhan Abdulaevich

Ph.D. in historical sciences, associate professor of the Dagestan State Pedagogical University

MAGOMEDOVA Maryam Magomedovna

Ph.D. in historical sciences, associate professor of the Dagestan State Pedagogical University

FEATURES OF THE LEGAL POSITION AND LEGAL STATUS OF AN INTERPRETER IN CRIMINAL PROCEEDINGS

The scientific article is devoted to the procedural status of an interpreter in the Russian criminal trial. The authors examine the content of articles on the extent to which they meet the goals of criminal justice and ensure the implementation and protection of the rights and legitimate interests of citizens.

Keywords: interpreter, court, criminal process, foreign citizens, language of legal proceedings, legal status, procedural rights.

Реализация принципа национального языка в судопроизводстве во многом предопределяется уровнем правовой культуры государства, национальными традициями и ментальностью, а также соответствием национального законодательства международным требованиям.

Основополагающие требования о национальном языке судопроизводства и о праве на использование услуг переводчика также периодически разнятся в правовых позициях ЕСПЧ.

Одним из значимых международных актов, закрепляющих права переводчиков, является Рекомендация ЮНЕСКО «О юридической охране прав переводчиков и переводов и практических средствах улучшения положения переводчиков», принятая в Найроби на 19-й сессии Генеральной конференции ЮНЕСКО 22 ноября 1976 г. (далее – Рекомендация ЮНЕСКО об охране переводчиков).

Проблемы реализации принципа национального языка судопроизводства находят свое непосредственное отражение и в правовых позициях ВС. В частности, в п. 9 Постановления Пленума ВС от 31 октября 1995 г. № 8 отмечается, что в ч. 2 ст. 26 Конституции РФ закреплено право каждого на пользование родным языком. В силу указанной нормы суд по ходатайству участвующих в деле лиц обязан обеспечить им право делать заявления, давать объяснения и показания, заявлять ходатайства и выступать в суде на родном языке. Непредоставление лицу, не владеющему языком уголовного судопроизводства, переводчика относится к существенным нарушениям закона и влечет отмену судебного решения.

Переводчик – лицо, привлекаемое к участию в уголовном судопроизводстве в случаях, предусмотренных Уголовно-процессуальным кодексом РФ, свободно владеющее языком, знание которого необходимо для перевода. Подобные правила согласно ч. 6 ст. 59 УПК РФ распространяются на лицо, вла-

деющее навыками сурдоперевода и приглашенное для участия в производстве по уголовному делу.

Согласно информации ГИАЦ России, иностранными гражданами и лицами без гражданства на территории России в 2017 г. совершено 26,9 тыс. преступлений (6,8 %), в том числе гражданами государств-участников СНГ – 24,3 тыс. преступлений, их удельный вес составил 89,9 %. Количество преступлений в отношении иностранных граждан и лиц без гражданства увеличилось на 9,6 % и составило 7968. В 2016 г. показатель преступности иностранцев был выше на 7,1 %¹.

Так, В. В. Ким уточняет определение, указанное в УПК РФ: «Переводчиком, согласно УПК РФ, может быть лицо, владеющее языком, знание которого необходимо для перевода показаний участников уголовного процесса либо исследования различных документов»².

- 1 Официальный сайт МВД РФ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://мвд.рф/deljatelnost/statistics> (дата обращения: 17.02.2018 г.).
- 2 Ким В. В. Ответственность за ложные показания, заключение эксперта, специалиста или неправильный перевод // Научные труды РАЮН. Вып. 5. Т. 3. М., 2005. С. 267.

Алиев Х. К.

Марианов А. А.

Магомедова М. М.

С. В. Шве́ц понимает под переводчиком в уголовном судопроизводстве специалиста в области языкознания, владеющего как языком, знание которого необходимо для осуществления перевода, так и языком судопроизводства, а также свободно владеющего навыками перевода³.

Впервые в отечественном уголовно-процессуальном законе (ч. 3 ст. 59 УПК РФ) были закреплены полномочия переводчика, который в рамках осуществления любого процессуального действия вправе:

- задавать вопросы участникам уголовного судопроизводства в целях уточнения перевода;
- знакомиться с протоколом следственного действия, в котором он принимает участие, а также с протоколом судебного заседания, и делать замечания по поводу правильности записи перевода, подлежащие занесению в протокол;
- приносить жалобы на действия (бездействие) и решения дознавателя, следователя, прокурора и суда, ограничивающие его права.

Профессиональный переводчик в уголовном процессе – это одна из гарантий обеспечения процессуальных прав участников уголовного процесса, не владеющих языком судопроизводства, вероятность получения правильного и точного перевода. При назначении переводчиком следователь, дознаватель, прокурор и судья должны учитывать, кроме знания языка, наличие совершеннолетнего возраста переводчика, его возможную заинтересованность в деле и родственные отношения с одним из участников процесса.

В стадии возбуждения уголовного дела входят переводчик и адвокат, участие которых обеспечивает реализацию конституционных прав на пользование родным языком, и на свободный выбор языка общения, и на получение квалифицированной юридической помощи (соответственно ч. 2 ст. 26 и ч. 1 ст. 48 Конституции)⁴.

Полноценное и действенное участие переводчика в судьбе обвиняемого, возможно, если эти лица осознают значимую роль переводчика в уголовном деле. Иногда обвиняемый или любой иной участник процесса, которому приглашен переводчик, могут явно преувеличивать свои языковые знания. В этом случае вопрос об участии переводчика должен решаться посредством императивного решения, принимаемого следователем, дознавателем, судом.

Согласно действующему законодательству переводчик в уголовном судопроизводстве является самостоятельной процессуальной фигурой, правовой статус и правомочия которого определены ст. 18, 59, 69, 164, 169 УПК РФ⁵.

Статья 18 УПК РФ обязывает следователя (дознателя) привлекать специалиста-переводчика при проведении следственных действий с участием лиц, не владеющих языком, на котором ведется производство по уголовному делу. Неиспользование специальных знаний переводчика в указанных случаях, возможно, рассматривать как существенное нарушение уголовно-процессуального закона, которое может повлечь утрату доказательственного значения результатов следственных действий.

Переводчик приобретает свой процессуальный статус в целом и права в частности с момента вынесения следователем, судьей постановления, а судом – определения о назначении переводчиком в соответствии с ч. 2 ст. 58 УПК РФ. С этого момента он может требовать определенного поведения ведущих субъектов производства по уголовному делу и сам поступать определенным образом. Приглашение лица для участия в деле в качестве переводчика само по себе, предварительная беседа с этим лицом о перспективах его участия в производстве по уголовному делу автоматически не ставят его в положение участника уголовного судопроизводства.

Перечень следственных действий, в которых переводчик должен принимать обязательное участие, напрямую зависит от статуса участника уголовного процесса, которому он назначен оказывать лингвистическую помощь. Если он привлекается для оказания помощи потерпевшему или свидетелю, то он принимает участие в их допросе (ст. 189 УПК РФ), протокол которого оформляется в соответствии с требованиями ст. 166 и 190 УПК РФ, а также при проведении очной ставки (ст. 192 УПК РФ), предъявлении

для опознания (ст. 193 УПК РФ), проверке показаний на месте (ст. 194 УПК РФ) и, возможно, при ознакомлении потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика и их представителей с материалами уголовного дела (ст. 216 УПК РФ)⁶.

Таким образом, специалисты (в том числе педагоги, психологи, переводчики) играют значимую роль в тактической организации и производстве следственных действий, помогая следователю правильно выбрать следственное действие, спланировать его ход, а также осуществляя психологическое, технико-криминалистическое, консультативное сопровождение следственного действия, в том числе закрепление его результатов.

Основанием допуска переводчика не просто к участию в разбирательстве по делу в целом, но и к участию в производстве конкретного следственного действия является субъективное желание субъекта процессуальных правоотношений пользоваться родным языком во время своей вовлеченности в проведение той или иной процедуры предварительного расследования. Так, при проведении допроса в соответствии с ч. 1 ст. 189 УПК РФ и, если допрашивается обвиняемый, то с ч. 2 ст. 173 УПК РФ, следователь обязан выяснить, владеет ли допрашиваемое лицо языком судопроизводства и на каком языке оно желает давать показания, а также пользоваться лингвистической помощью переводчика.

Суд, принимая уголовное дело к своему производству, узнает о необходимости привлечения переводчика из его материалов, точнее – из списка субъектов разбирательства по нему, подлежащих вызову в судебное заседание, который составляется, как известно, следователем (ч. 4 ст. 220 УПК РФ) и утверждается прокурором (п. 3 ч. 2 ст. 221 УПК РФ), являясь при этом приложением к обвинительному заключению.

Уголовно-процессуальный закон не дает однозначного ответа на вопрос о том, должен ли суд, приняв уголовное дело к рассмотрению, вынести в соответствии с ч. 2 ст. 59 УПК РФ дополнительное определение о назначении переводчика к участию в судебном разбирательстве, подтвердив тем самым его процессуальный статус, который им был приобретен во время предварительного расследования и получил свое закрепление в материалах дела посредством письменного постановления, вынесенного следователем.

Сегодня правоохранительные органы административно и методически не готовы к взаимодействию с переводчиками. Поэтому в отечественной юридической науке и практике в самое ближайшее время должен быть поставлен и решен вопрос о месте гражданского договора в уголовном процессе как способе обеспечения процессуального статуса некоторых категорий его участников, деятельность которых имеет значение для его законности и правомерности.

Нормативное закрепление прав переводчика в соответствии с предложенными новациями зримо повысит культуру уголовного процесса, активизирует правозащитный механизм, реализуемый в отношении этого участника.

В целях достижения назначения уголовного судопроизводства и обеспечения защиты прав и законных интересов его участников предлагаем дополнить ст. 169 УПК РФ частью 3 следующего содержания: «3. При отказе от переводчика следователь принимает решение о необходимости участия переводчика самостоятельно».

Пристатейный библиографический список

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ.
2. Верещагина А. В. Субъекты стадии возбуждения уголовного дела // Уголовное право. 2008. № 6. С. 35-39.
3. Ким В. В. Ответственность за ложные показания, заключение эксперта, специалиста или неправильный перевод // Научные труды РАЮН. Вып. 5. Т. 3. М., 2005.
4. Кузнецов О. Ю. Переводчик в российском уголовном судопроизводстве: Монография. М., 2006.
5. Официальный сайт МВД РФ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://МВД.РФ/Deljatelnost/statistics> (дата обращения: 17.02.2018 г.).
6. Шве́ц С. В. Содержание понятия «переводчик» в российском уголовном судопроизводстве // Теория и практика общественного развития. 2014. № 7.

3 Шве́ц С. В. Содержание понятия «переводчик» в российском уголовном судопроизводстве // Теория и практика общественного развития. 2014. № 7. С. 126.

4 Верещагина А. В. Субъекты стадии возбуждения уголовного дела // Уголовное право. 2008. № 6. С. 35 - 39.

5 Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ.

6 Кузнецов О. Ю. Переводчик в российском уголовном судопроизводстве: Монография. М., 2006.

ГАМЗАЕВА Асият Исламутдиновна

магистрант кафедры уголовного процесса и криминалистики Дагестанского государственного университета

ГАДЖИРАМАЗАНОВА Пати Кагировна

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Дагестанского государственного университета

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ПОДДЕРЖАНИЯ ПРОКУРОРОМ ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБВИНЕНИЯ В СУДЕ

В статье рассматриваются некоторые проблемные вопросы участия прокурора в качестве государственного обвинителя в судебном разбирательстве.

Ключевые слова: прокурор, государственное обвинение, суд, предварительное слушание, судебное следствие, прения сторон.

GAMZAEVA Asiyat Islamutdinovna

magister student of Criminal process and criminalistics sub-faculty of the Dagestan State University

KHADZHIRAMAZANOVA Pati Kagirovna

Ph.D. in Law, associate professor of Criminal process and criminalistics sub-faculty of the Dagestan State University

PROBLEMATIC ISSUES OF SUPPORTING THE STATE ACCUSATION IN THE COURT BY THE PROSECUTOR

The article discusses some problematic issues of the prosecutor's participation as a public prosecutor in the judicial proceedings.

Keywords: public prosecutor, state prosecution, court, preliminary hearing, judicial investigation, debate of the parties.

Участие прокурора при поддержании государственного обвинения в судебном разбирательстве – это существенная часть возложенной на прокурора функции уголовного преследования как деятельности, направленной на изобличение лица, совершившего преступление и привлечение его к уголовной ответственности.

Современное законодательство и тенденции его развития, определяющие соотношение и содержание функций, реализуемых судом, стороной обвинения и стороной защиты в судебном разбирательстве, постоянно диктуют необходимость совершенствования подходов к решению вопросов, связанных с обеспечением соответствующего уровня законности при поддержании государственного обвинения.

Генеральная прокуратура Российской Федерации считает участие в судебных стадиях уголовного судопроизводства одной из важнейших функций прокуратуры, предлагает подчиненным прокурорам исходить из того, что от активной позиции и профессионализма государственного обвинителя в значительной степени зависят законность и справедливость рассмотрения уголовного дела¹.

Государственный обвинитель уполномочен поддерживать обвинение, отстаивая интересы государства, и, по мнению государственных обвинителей, именно поэтому ими направляются все усилия на установление обстоятельств, подлежащих доказыванию.

Перед государственным обвинителем стоит сложная задача, заключающаяся в том, что прокурор не во всех случаях может предугадать, что прозвучит и будет представлено защитником в суде, поскольку государственный обвинитель на всех этапах судебного разбирательства выступает первым. Значит, государственный обвинитель должен проработать все

варианты позиции защиты, принимая во внимание тактику, применяемую им в ходе судебного следствия.

Следует заметить, что в практической деятельности имеют место случаи ограничения права прокурора на представление доказательств в суде. Таким образом, судом допускается процессуальное нарушение, которое не только влечет деформацию позиции обвинения в целом, но и подрывает механизм защиты прав и законных интересов потерпевших от преступлений, подсудимого, рассчитывающего на недопущение его незаконного и необоснованного осуждения. Думается, что от активной позиции и профессионализма государственного обвинителя, способного противостоять указанным процессуальным нарушениям, во многом зависят законность и обоснованность приговора как итогового акта правосудия по уголовному делу.

Отдельная проблематика – это участие государственного обвинителя в прениях сторон, которые начинаются с изложения судебной речи именно государственным обвинителем (часть 3 статьи 292 УПК РФ). Обвинитель не вправе отказаться от участия в прениях сторон. Как отмечалось, если прокурор придет к убеждению, что обвинение не подтверждено доказательствами, то он отказывается от обвинения и излагает мотивы отказа. В этой связи заметим, что в своем выступлении он должен привести достаточные доказательства, изобличающие лиц, нарушивших закон, и быть максимально убедительным как для суда, так и для всех присутствующих в деле. Это важнейшее качество обвинительной речи может быть обеспечено, если обвинитель опирается на твердо установленные в судебном следствии факты. При этом он не должен ссылаться на доказательства, которые не были предметом рассмотрения на судебном следствии или признаны судом недопустимыми (часть 4 статьи 292 УПК РФ). Прокурор, кроме того, должен избегать ненужных повторений, подробного анализа несущественных обстоятельств дела, изложения общеизвестных положений. Государственный обвинитель должен оценивать доказатель-

1 П. 1 Приказа Генерального прокурора Российской Федерации от 25.12.2012 г. № 465 «Об участии прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства».

ства по своему внутреннему убеждению, основанному на всестороннем, полном и объективном рассмотрении всех обстоятельств дела в их совокупности, руководствуясь законом².

Практические работники прокуратуры и представители юридической науки в последнее время уделяют повышенное внимание психологическим аспектам участия обвинителя в судебном заседании, психолого-юридическому содержанию судебной речи государственного обвинителя и социальному имиджу прокурора.

Что касается речи государственного обвинителя, то ее подготовка завершается, как правило, в перерыве после окончания судебного следствия и до открытия прений сторон. Перерыв необходим для подготовки речи.

Судебная речь государственного обвинителя должна отвечать следующим требованиям: глубокое знание материалов уголовного дела; точное и правильное изложение фактов; юридический и психологический анализ фактов; культура речи и логика, уверенность в выводах, основанных на материалах уголовного дела; тщательный анализ имеющихся в доказательствах противоречий и спорных обстоятельств.

Важно иметь в виду, что окончательные выводы о доказанности обвинения, квалификации преступления, виде и размере наказания, подлежащего, по его мнению, назначению подсудимому, он формулирует только на основе проверенных в суде доказательств. С учетом результатов судебного следствия государственный обвинитель вносит коррективы в подготовленные ранее разделы судебной речи. В конечном счете, вся речь прокурора должна базироваться исключительно на результатах судебного следствия.

По наиболее сложным, многоэпизодным уголовным делам государственному обвинителю целесообразно иметь письменный вариант речи и ее развернутые тезисы. Без подробных записей, как бы прокурор хорошо ни знал обстоятельств дела, какой бы хорошей памятью ни обладал, он не сможет дать глубокий анализ доказательств, убедительно обосновать квалификацию преступления, сформулировать необходимые предложения по существу обвинения, при этом недопустимо подменять обвинительную речь прочтением фрагментов из текста обвинительного заключения³.

Закон не регламентирует требования к содержанию речи государственного обвинителя. При ее построении прокурор исходит из тех вопросов, которые разрешает суд при постановлении приговора (статья 299 УПК РФ). Поскольку есть особенности произнесения речи по отдельным ее составным частям, необходимо дать краткую характеристику некоторым из них.

Во-первых, это анализ и оценка доказательств. Переходя к доказыванию наличия или отсутствия состава преступления, прокурор исходит из закрепленного в законе порядка установления, проверки, анализа и оценки доказательств. Начиная свою речь с того, какие трудности объективного и субъективного характера стояли перед органами предварительного следствия в процессе раскрытия преступления и перед судом в процессе судебного разбирательства, прокурор одновременно оценивает программу своего выступления, акцентируя внимание на ключевых вопросах в оценке доказательственного материала, которым он собирается посвятить основное внимание.

Давая анализ и оценку доказательств, прокурор прежде всего приводит их в строгую последовательную систему по эпизодам или лицам. По уголовному делу с одним подсудимым, который обвиняется в совершении нескольких преступлений, доказательства анализируются и оцениваются применительно к каждому пункту обвинения. По групповым делам с небольшим количеством эпизодов анализ доказательств может производиться применительно к каждому подсудимому. При этом государственный обвинитель сначала останавливается на центральных фигурах, организаторах преступления, а затем на остальных участниках преступления. По многоэпизодным делам доказательства целесообразно анализировать применительно к каждому эпизоду в отдельности. Вначале дается общая характеристика эпизода, после чего прокурор говорит о роли каждого в эпизоде.

Во-вторых, юридическая квалификация преступления. Она должна даваться каждому деянию подсудимых, а формулировка обвинения – в отношении каждого из подсудимых в отдельности. Основным элементом юридической оценки преступления является характеристика субъективной стороны состава преступления, и прежде всего форма вины. Важно, чтобы эта характеристика давалась не абстрактно, а с учетом конкретных фактических обстоятельств. Чаще всего именно при анализе формы вины государственными обвинителями допускаются грубые просчеты, иногда граничащие с правовой безграмотностью.

Поскольку российское уголовное судопроизводство является устным и публичным, важно не только то, что говорит государственный обвинитель, но и какие средства он выбирает, чтобы сделать свое выступление более наглядным, запоминающимся. Прокурор должен изложить свою точку зрения так, чтобы основные положения были поняты и приняты судом. При поддержании обвинения прокурор должен использовать способность человека к образному мышлению и сформировать у судей мысленную модель совершенного преступления.

Между тем судебная практика показывает, что государственными обвинителями допускаются в судебных прениях ошибки; к наиболее серьезной из которых можно отнести неверную квалификацию преступления и меры наказания.

Существенным недостатком является и то, что государственные обвинители не во всех случаях правильно описывают мотив преступления. Так, при изучении уголовного дела по обвинению С. в совершении тяжких телесных повреждений (часть 4 статьи 111 УК РФ) прокурор, излагая фабулу преступления, заявил, что преступление совершено на почве внезапно возникших личных неприязненных отношений. Однако, когда прокурор в зале судебного заседания излагал правовую оценку действий подсудимого, он просил суд учесть, что преступление совершено из хулиганских побуждений.

В своих речах прокуроры также не придают должного значения оценке социальной и нравственной стороны преступления, характеристике субъективной стороны преступления, анализу смягчающих и отягчающих наказание обстоятельств.

Исследование вопросов поддержания прокурором государственного обвинения в судебном разбирательстве позволило прийти к следующим выводам:

1. Государственный обвинитель, участвуя в судебном разбирательстве, на основе состязательности и равных процессуальных возможностей со стороны защиты

2 Днепрова М., Лухнев А., Степаненко Д. Предварительное слушание как форма подготовки к судебному разбирательству // Уголовное право. 2012. № 5. С. 66.

3 Рябинина Т. К. Предварительное слушание как средство обеспечения разумного срока // Государство и право. 2014. № 2. С. 55.

осуществляет в установленных уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации формах уголовное преследование подсудимого (подсудимых) в рамках поддержания государственного обвинения, используя предоставленные ему правовые средства в целях реализации судом основного назначения уголовного судопроизводства по конкретному уголовному делу⁴. Основная роль государственного обвинителя, участвующего в судебном следствии, выражается прежде всего в осуществлении обязанности доказывания предмета преступления (ст. 73 УПК РФ) и виновности подсудимого в совершении этого преступления.

2. Государственный обвинитель в судебном разбирательстве реализует собственные, присущие только ему процессуальные цели (задачи), среди которых следует выделить осуществление уголовного преследования на основе законности и обоснованности обвинения. Его обвинительная деятельность начинается с изложения в начале судебного следствия позиции государственного обвинения о пределах доказывания по рассматриваемому в суде первой инстанции уголовному делу.

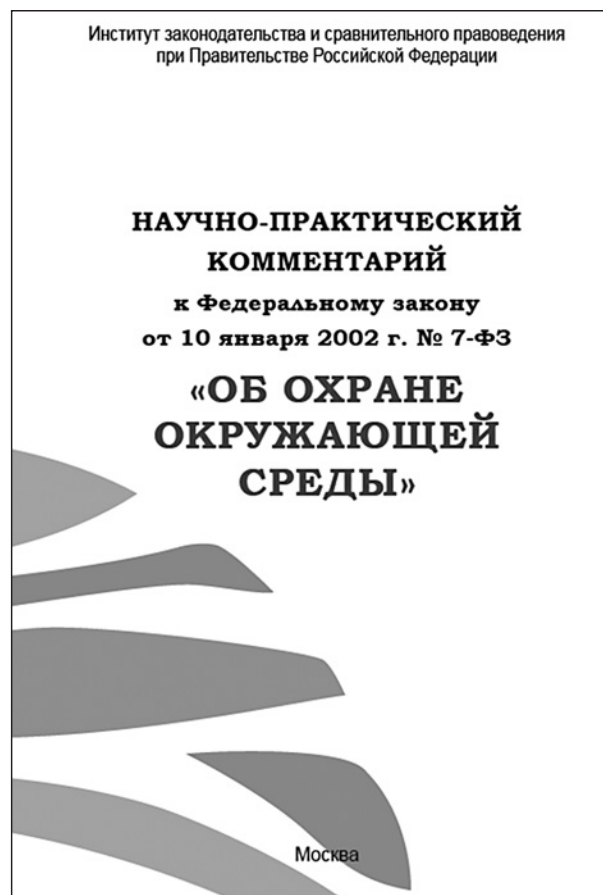
3. Пределы доказывания по уголовному делу определяют государственным обвинителем, исходя из требований ст. 73 УПК РФ, содержание которой очерчивают исчерпывающим образом все его элементы, находящиеся в точном соответствии с материально-правовым тезисом обвинения, изложенным в обвинительном заключении (обвинительном акте).

4. К основным задачам, реализуемым государственным обвинителем в судебном разбирательстве, следует отнести: а) обеспечение представления суду и основным участникам процесса доказательств обвинения. Максимально эффективное представление доказательств составляет основное содержание деятельности государственного обвинителя в ходе судебного следствия; б) участие в исследовании всех доказательств, обосновывающих или опровергающих обвинение, на относимость, допустимость, достоверность и достаточность в их совокупности для решения вопроса о доказанности совершения преступления подсудимым⁵.

Законное и правильное решение вопросов, связанных с подготовкой уголовного дела к рассмотрению в судебном разбирательстве, в том числе и на предварительном слушании имеет огромное значение для эффективного проведения судебного разбирательства и в дальнейшем для вынесения законного, обоснованного и справедливого приговора. Неадекватное проведение предварительного слушания может отрицательно сказаться на дальнейшей судьбе уголовного дела.

Пристатейный библиографический список

1. Днепровская М., Лухнев А., Степаненко Д. Предварительное слушание как форма подготовки к судебному разбирательству // Уголовное право. 2012. № 5.
2. Дорошков В. В. Общие и специальные полномочия прокурора в уголовном процессе // Мировой судья. 2016. № 11.
3. Дядькин О. Н. Особенности участия прокурора в судебном разбирательстве по уголовным делам // Российский следователь. 2016. № 1.
4. Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 25.12.2012 г. № 465 «Об участии прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства».
5. Рябинина Т. К. Предварительное слушание как средство обеспечения разумного срока // Государство и право. 2014. № 2.

4 Дорошков В. В. Общие и специальные полномочия прокурора в уголовном процессе // Мировой судья. 2016. № 11.

5 Дядькин О. Н. Особенности участия прокурора в судебном разбирательстве по уголовным делам // Российский следователь. 2016. № 1.

ГОТЫЖЕВА Зарина Мухамедовна

аспирант Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, помощник судьи Арбитражного суда Московского округа

ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ СУДЬЯМИ ПРОЦЕССУАЛЬНЫМИ ПРАВАМИ В АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССЕ

В настоящей статье рассматриваются некоторые аспекты злоупотребления процессуальными правами в арбитражном процессе, которые в настоящее время стали весьма актуальными. На современном этапе в научной литературе ведутся дискуссии, связанные с проблемами злоупотребления правом, вместе с тем они зачастую имеют общий характер, либо сводятся к оценке законности или противоправности лиц злоупотребляющих правом, либо рассматриваются в контексте норм материального права. В настоящей статье автором не умаляются проблемы злоупотребления правом в целом, однако рассмотрение данного негативного явления производится в рамках злоупотребления процессуальным правом судьями в процессе арбитражного разбирательства, что и составляет предмет настоящего исследования.

Ключевые слова: злоупотребление правом, задачи арбитражных судов, справедливость, добросовестность, ответственность за злоупотребление процессуальными правами, злоупотребление судьей процессуальным правом, авторитет судебной власти.

Готыжева З. М.

GOTYZHEVA Zarina Mukhamedovna

postgraduate student of the Russian Academy of national Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, assistant to the judge of the Arbitration Court of the Moscow District

ABUSE OF PROCEDURAL RIGHTS BY JUDGES IN ARBITRATION PROCEEDINGS

This article discusses some aspects of the abuse of procedural rights in the arbitration process, which have now become very relevant. At the present stage, in the scientific literature there are discussions related to the problems of abuse of law, however, they are often of a general nature, either reduced to an assessment of the legality or illegality of the abusers of the right, or considered in the context of substantive law. In this article, the author does not diminish the problem of abuse of law in general, but the consideration of this negative phenomenon is made within the abuse of procedural law by judges in the arbitration proceedings, which is the subject of this study.

Keywords: abuse of law, tasks of arbitration courts, justice, integrity, responsibility for abuse of procedural rights, abuse of the judge procedural law, the authority of the judiciary.

Основные задачи арбитражных судов определены в ст. 2 АПК РФ¹. Исходя из контекста норм, установленных указанной статьей, можно сделать вывод, что законодатель, определяя основные задачи арбитражного судопроизводства, выделяет обеспечение доступности правосудия, своевременное и справедливое разрешение дел, рассмотрение дел судом, который является независимым² и должен быть беспристрастным, а также укрепление законности и правопорядка, формирование уважительного отношения к закону и суду.

Названные задачи арбитражного судопроизводства и их реализация являются одним из механизмов, который предназначен для укрепления законности и правопорядка, в том числе в судебском корпусе, поскольку данными задачами определяется защита участников процесса от судебных ошибок и от злоупотребления судьями процессуальными правами.

Еще древнеримскими юристами подчеркивалось, что злоупотреблениям потворствовать нельзя. В римском праве имел место принцип *qui jure suo utitur neminem laedit* (нико-

го не обижает тот, кто правильно пользуется своим правом)³, т.е. то лицо, которое правомерно пользуется своими правами, никому вреда не причиняет. Сама же конструкция злоупотребления правом⁴ получила свое развитие более ста лет назад, когда в качестве критерия, вырабатывается концепция законного интереса⁵. Однако, в не зависимости от механизма злоупотребления, правосудие должно зиждиться «на мудрости, выдержанности и личных качествах судьи либо на его исключительной мудрости...»⁶.

Поэтому злоупотребление судьями процессуальными правами, в том числе в арбитражном процессе, приобретает новый смысл, который усилен тем, что данное негативное явление напрямую связано с превышением полномочий и злоупотреблением ими⁷, с учетом того, что законодатель наделяет такого субъекта права, как судью, значительными полномочиями в арбитражном процессе.

1 «Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации» от 24.07.2002 № 95-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 29.07.2002. № 30. Ст. 3012.

2 См., например: ч. 1 ст. 120 Конституции РФ (Собрание законодательства РФ. 04.08.2014. № 31. Ст. 4398.); ч. 4 ст. 1 Закона Российской Федерации от 26.06.1992 № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации» (Российская юстиция. № 11. 1995).

3 Волков А. В. Принцип недопустимости злоупотребления гражданскими правами в законодательстве и судебной практике. М.: Волтерс Клувер, 2011. С. 138.

4 Фр. *abus de droit*.

5 Malaurie Ph. *Antologie de la pensee juridique*. 2e éd. Paris, 2001. P. 236.

6 Гонсалвес Аролдо Плинио. Процессуальная техника и теория процесса. Рио-де-Жанейро: Анде, 1992. С. 45.

7 Абдо Хелена Нажжар. Злоупотребление правом. Сан-Паулу: Эдитора Ребисиадос Трибунаис, 2007. С. 32.

Следует отметить, что злоупотребление процессуальным правом является разновидностью злоупотребления правом в целом, поскольку процессуальные нормы имеют целью дисциплинировать судебный процесс, а также средства его проявления⁸.

При злоупотреблении судьей процессуальным правом, как представляется, на лицо должны наличествовать как минимум три условия:

1. Действия судьи в осуществлении прав должны быть неправомерными;

2. Неправомерные действия приводят к каким-либо ограничениям или ущербу лицам (либо одному лицу), участвующим в арбитражном процессе и являющейся стороной по делу.

3. Неправомерные действия наносят ущерб авторитету судебной власти.

Злоупотребление судьей процессуальным правом происходит тогда и в тот момент, когда судья, действуя нечестно, производит впечатление, что выступает в рамках процессуальных норм и права. В этом состоит социальная опасность злоупотребления судьей процессуальными правами, поскольку внешне его действия протекают в рамках правового поля, а происходящие процессы на самом деле причиняют вред как интересам лиц, являющихся участниками процесса, так и интересам правосудия. При этом результат, который он желает достичь, является достойным порицания, незаконным, либо выражается в процессуальной недобросовестности. К примеру, затягивая вынесение решения по делу, такой судья причиняет вред одному из участников процесса, тем самым нанося вред не только стороне по делу, но и формированию уважительного отношения, как к закону, так и судебной власти. Кроме того, происходит злоупотребление его особым положением в процессе, так как судья, наделен особыми полномочиями.

По сути, недобросовестный арбитражный судья, злоупотребляя своим процессуальным положением судьи и судейскими полномочиями, манипулирует процессуальными нормами действующего законодательства, с целью навредить правильному ходу судебной деятельности и нанести вред одной из сторон по делу, а не с целью соблюдения законности и укрепления правопорядка.

Таким образом, форма злоупотребления судьями процессуальными правами в арбитражном процессе является собой нарушение принципов процессуального права, что может отражаться, например, в действии принципов состязательности, процессуального формализма и т.п., что не может служить оправданием процессуальной недобросовестности.

Как указывает Н. Г. Елисеев, и с ним следует согласиться, общим квалифицирующим признаком злоупотреблением судьями процессуальными правами в арбитражном процессе является целевой характер данного действия – причинение вреда другим лицам или интересам правопорядка.⁹ Соответственно, рассматриваемое злоупотребление процессуальным правом является нарушением принципа справедливости. А ведь правосудие по своей природе, как верно указывает Г. А. Жилин, предполагает справедливое судопроизводство, осуществляемое на основе требования права, при условии соблюдения состязательного процесса, обеспечивающего участни-

кам процесса равную возможность отстаивать свои законные интересы перед лицом объективного, независимого и беспристрастного суда¹⁰.

Следует выделить такие группы злоупотреблений процессуальными правами как:

1) злоупотребление процедурой разрешения спора как таковой;

2) злоупотребление отдельными процессуальными правами¹¹.

Что касается первой группы, то по существу это означает любое злоупотребление процедурой на получение законной судебной защиты¹².

Так в рамках контрольно-надзорной функции¹³, еще в 1997 году, была произведена проверка деятельности Арбитражного суда Ставропольского края, по результатам, которой ВАС РФ было выпущено Письмо ВАС РФ от 24.12.1997 № С1-7/ОУ-880 «Об организации работы судебного состава Арбитражного суда Ставропольского края»¹⁴. В данном письме ВАС РФ обратил внимание на опыт организационной работы данного суда, выработав примерное положение о судебном составе арбитражного суда субъекта Российской Федерации, в котором указал на то, что в связи необоснованными отказами в принятии и возвращении исковых заявлений, следует на оперативных совещаниях судей состава докладывать председателю состава данные по отказам в принятии и возвращении исковых заявлений для дальнейшего их обобщения и анализа по каждому судье.

В связи с указанным, представляется, что данную практику проведения систематического контроля за работой судебных структур следует проводить в жизнь повсеместно, поскольку это позволит руководству арбитражного суда оперативно принимать меры по выявлению и устранению недостатков в работе, а также пресекать нарушения касающиеся злоупотреблением процессуальным правом в судебском корпусе. Такая форма контроля, также повышает личную ответственность председателей судов и судей, и укрепит исполнительную дисциплину.

Касательно второй группы злоупотреблений процессуальными правами, то она является более сложной, поскольку она относится к отдельным процессуальным злоупотреблениям и связана с конкретными процессуальными правилами и особыми случаями их нарушения¹⁵. В этой связи следует применять

10 Жилин Г. А. Правосудие по гражданским делам: актуальные вопросы. М.: Проспект, 2010. С. 29.

11 См., например, Шебанова Н. А. Злоупотребление процессуальными правами // Арбитражная практика. 2002. № 5 (14). С. 49.

12 Комментарий к Арбитражному процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / Т. К. Андреева, Р. Ф. Калистратова, Л. Ф. Лесницкая и др.; под ред. В. Ф. Яковлева, М. К. Юкова. М.: Городец, 2003. С. 137 - 138.

13 Федеральный конституционный закон от 28.04.1995 № 1-ФКЗ «Об арбитражных судах в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 01.05.1995. № 18. Ст. 1589.

14 Письмо ВАС РФ от 24.12.1997 № С1-7/ОУ-880 «Об организации работы судебного состава Арбитражного суда Ставропольского края» (вместе с «Примерным положением о судебном составе арбитражного суда субъекта Российской Федерации») // СПС Гарант.

15 См., например, Постановление ФАС Московского округа от 22.06.2012 по делу № А40-58140/11-151-484; Президиум Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации в Информационном письме от 24.01.2000 № 51 «Обзор практики разрешения споров по договору строительного подряда» о нарушении процессуальных правил»; Постановление Суда по интеллектуальным правам от 10 октября 2016 г. по делу № А39-7442/2015 и от 16 сентября 2016 г. по делу № А40-211718/2015; Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 23.03.2017 № Ф07-1422/2017 по

8 Гонсалвес Аролдо Плинио. Процессуальная техника и теория процесса. Рио-де-Жанейро: Анде, 1992. С. 58.

9 Елисеев Н. Г. Гражданское процессуальное право зарубежных стран: Учеб. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ТК «Велби»; Изд-во «Спектр», 2004. С. 246.

тот же механизм и практику проведения систематического контроля за работой арбитражных судей, связанной со сбором, обработкой и анализом их деятельности на предмет соответствия процессуальных сроков по делу конкретным процессуальным правилам, а также устанавливать причины нарушения судьями таких процессуальных сроков, чтобы исключить возможность злоупотребления по данным основаниям.

К сожалению, в правоприменительной деятельности квалифицировать действия как злоупотребление процессуальными правами не всегда возможно, поскольку, при формализации процедуры, вряд ли будет правомерным обвинить судью в злоупотреблении процессуальными правами, т.к. судья может сослаться на выполнение всех требований процессуального закона. Однако, если председатель суда, на основе анализа практики рассмотрения дел каждым конкретным судьей, придет к выводу, что этот судья добивался, например, затягивания судебного процесса, а тем самым препятствовал рассмотрению дела, то вывод о злоупотреблении конкретным судьей процессуальными правилами правомерен.

С целью исключения злоупотреблений процессуальным правом требуется разработать систему институтов, которые не только гарантировали бы действительную реализацию принципов равноправия и состязательности сторон, но и устанавливали ответственность судебного корпуса за злоупотребление процессуальными правами.

Подытоживая, отметим, что судебная власть должна восприниматься обществом как необходимый механизм защиты прав и свобод, обеспечивая реализацию разумных и справедливых правил в обществе, в том числе процессуальных. В этой связи судебная власть несет большую ответственность.

Необоснованное пренебрежение процессуальными нормами наносит ущерб, не только отдельным субъектам, участвующим в арбитражном процессе, но и ущерб авторитету судебной власти, что в свою очередь подрывает доверие к государственной власти в целом. При этом, главная задача судебной реформы, которая проводилась на протяжении многих лет, – формирование независимой и справедливой судебной власти.

Будучи частью российского общества, которое теперь страдает от многих пороков, некоторые судьи (конечно, их меньшинство) в своей профессиональной деятельности нарушают моральные и этические нормы, в том числе, связанные с злоупотреблением процессуальными правами в арбитражном процессе. Нет необходимости доказывать, что такое поведение судей подрывает веру граждан и юридических лиц в ее справедливость, объективность и независимость. Поэтому проблема детального правового регулирования ответственности судей очень важна и актуальна. Арбитражный судья, будучи человеком, наделенным властью, должен осознавать, что решающую роль, наряду с профессионализмом судьи, играют его нравственные качества, в том числе совесть и чувство справедливости.

В связи с указанным, представляется необходимым решить проблему злоупотреблением процессуальными правами в арбитражном процессе, во-первых, путем увеличения требований к лицам, претендующим на должность судьи, что должно обеспечить эффективность арбитражного судопроизводства.

Кроме того, на лицо необходимость тщательного правового регулирования дисциплинарной ответственности судей, поскольку отдельные судьи при отправлении правосудия ведут себя далеко не безупречно.

В-третьих, на законодательном уровне установить критерии качества работы арбитражного судьи, а также за нарушения каких процессуальных норм и в каком порядке такие судьи должны привлекаться к ответственности.

Пристатейный библиографический список

1. Конституция РФ. Ч. 1 ст. 120 // Собрание законодательства РФ. 04.08.2014. № 31. Ст. 4398.
2. «Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации» от 24.07.2002 № 95-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 29.07.2002. № 30. Ст. 3012.
3. Закон Российской Федерации от 26.06.1992 № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации». Ч. 4 ст. 1 // Российская юстиция. № 11. 1995.
4. Федеральный конституционный закон от 28.04.1995 № 1-ФКЗ «Об арбитражных судах в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 01.05.1995. № 18. Ст. 1589.
5. Абдо Хелена Нажжар. Злоупотребление правом. Сан-Паулу: Эдитора Ребисиадос Трибунаис, 2007.
6. Волков А. В. Принцип недопустимости злоупотребления гражданскими правами в законодательстве и судебной практике. М.: ВолтерсКлувер, 2011.
7. Гонсалвес Ароддо Плинио. Процессуальная техника и теория процесса. Рио-де-Жанейро: Аиде, 1992.
8. Елисеев Н. Г. Гражданское процессуальное право зарубежных стран: Учеб. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ТК «Велби»; Изд-во «Проспект», 2004.
9. Жилин Г. А. Правосудие по гражданским делам: актуальные вопросы. М.: Проспект, 2010.
10. Комментарий к Арбитражному процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / Т. К. Андреева, Р. Ф. Каллистратова, Л. Ф. Лесницкая и др.; под ред. В. Ф. Яковлева, М. К. Юкова. М.: Городец, 2003. С. 137 - 138.
11. Письмо ВАС РФ от 24.12.1997 № С1-7/ОУ-880 «Об организации работы судебного состава Арбитражного суда Ставропольского края» (вместе с «Примерным положением о судебном составе арбитражного суда субъекта Российской Федерации») // СПС Гарант.
12. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 23.03.2017 № Ф07-1422/2017 по делу № А56-1753/2016.
13. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 28.10.2016 № Ф07-8782/2016 по делу № А56-41478/2015.
14. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 10 октября 2016 г. по делу № А39-7442/2015 и от 16 сентября 2016 г. по делу № А40-211718/2015.
15. Постановление ФАС Московского округа от 22.06.2012 по делу № А40-58140/11-151-484.
16. Президиум Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации в Информационном письме от 24.01.2000 № 51 «Обзор практики разрешения споров по договору строительного подряда» о нарушении процессуальных правил».
17. Шебанова Н. А. Злоупотребление процессуальными правами // Арбитражная практика. 2002. № 5 (14). С. 49.
18. Malaurie Ph. Antologie de la pensee juridique. 2 éd. Paris, 2001.

МУСАЛАЕВ Камил Сиражудинович

магистрант юридического института Дагестанского государственного университета

ПЕРСПЕКТИВА ВНЕДРЕНИЯ АДВОКАТСКОЙ МОНОПОЛИИ В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Статья посвящена регулированию представительства в суде и принятию адвокатской монополии. В статье автор характеризует ограниченную адвокатскую монополию или относительную свободу судебного представительства. Автор статьи рассматривает адвокатскую монополию, как путь к повышению качества юридических услуг. В качестве разъяснительного момента в статье делаются выводы всех плюсов и минусов адвокатской монополии.

Ключевые слова: свобода судебного представительства, адвокатская монополия, юридические услуги, гражданское судопроизводство, плюсы и минусы адвокатской монополии.

MUSALAEV Kamil Sirazhudinovich

magister student of the Law Faculty of the Dagestan State University

PROSPECTS FOR THE INTRODUCTION OF A LAWYER'S MONOPOLY IN CIVIL PROCEEDINGS

The article is devoted to the regulation of representation in court and adoption of the lawyer monopoly. In the article the author characterizes the limited legal monopoly or relative freedom of judicial representation. The author considers the law monopoly as a way to improve the quality of legal services. As an explanatory point in the article the conclusions are made of all the pros and cons of the lawyer monopoly.

Keywords: freedom of legal representation, the lawyer monopoly, legal services, civil litigation, the pros and cons of the advocate's monopoly.

Свобода судебного представительства не вызвала вопросов до тех пор, пока в нашей стране отсутствовал рынок юридических услуг как таковой: в советское время юристы и без особых указаний на то в процессуальном законе были либо адвокатами, либо работниками тех или иных организаций, которые могли представлять интересы не своего работодателя, разве что выступая как законные представители или же в тех совершенно незначимых со статистической точки зрения случаях, когда им доводилось оказать помощь в суде своим друзьям или родственникам.

Современный рынок юридических услуг в России достаточно велик как по количеству оказываемых услуг, так и по количеству проходящих через него финансовых ресурсов. Юристы являются основными участниками этого рынка. И поэтому они особенно обеспокоены вопросом о том, кто и на каких условиях будет разрешено в России оказывать квалифицированную юридическую помощь. Профессиональное юридическое представительство было невозможно вне адвокатуры, но не из-за процедурных препятствий, а из-за общего неодобрительного отношения социалистического государства к какой-либо отдельной деятельности¹.

Либерализация экономической жизни чуть более двадцати лет назад привела к тому, что на практике стали реализовываться возможности свободы представительства, потенциально встроенные в процессуальное законодательство: появились коммерческие организации и индивидуальные предприниматели, основной деятельностью которых было предоставление юридических услуг, в том числе касающихся представительства в суде. Нельзя сказать, что государство не пыталось регулировать деятельность таких организаций. С 1995 по 1998 год деятельность по предоставлению оплачиваемых юридических

услуг лицензировалась, однако, когда был принят первый Федеральный закон «О лицензировании определенных видов деятельности», предоставление юридических услуг было исключено из списка лицензируемых видов деятельности.

В проекте Кодекса административного судопроизводства, представленный Верховным судом в Государственную Думу в 2006 году, предусматривал обязательное наличие статуса адвоката для представительства и введение дела в суде. Но проект не был принят, а разбирательство по делам, возникающих из публичных правоотношений, регулировалось Гражданским процессуальным кодексом, и не было требования, чтобы представитель в этой категории дел имел статус адвоката.

В 2008 году в распоряжении исследователей и СМИ оказался проект закона «Об оказании квалифицированной юридической помощи». В соответствии со ст. 3 этого закона, процессуальные представители могут быть адвокаты, а также лица, имеющими степень кандидата или доктора наук. Проект вызвал шквал критики. Неудачное исполнение заслуживающей одобрения идеи грозило ограничить доступ малообеспеченным слоям населения доступ к юридической помощи, поскольку на тот момент ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» принят не был.

Постановлением Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2014 года № 317 утверждена государственная программа «Юстиция»². Его развитие и принятие привели к появлению неоднозначных отзывов в научном обществе. Целью подпрограммы является повышение уровня защиты интересов, реализация прав граждан и организаций. В целом, он предусматривает постепенный переход к адвокатской монополии на процессуальное представительство. Программа предусматривает принятие Федерального закона «О про-

1 Латыев А. Н. Ограниченная адвокатская монополия или относительная свобода судебного представительства // Закон. 2012. № 9.

2 Постановление Правительства РФ от 15.04.2014 № 312 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Юстиция». // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

фессиональной юридической помощи в Российской Федерации» в течение 2015 года³. Особое внимание следует уделить проекту Концепции регулирования рынка профессиональной юридической помощи в рамках государственной программы Российской Федерации «Юстиция». Во-первых, Концепция будет утверждена распоряжением Правительства, а не приказом Министерства юстиции, как это предусмотрено в текущей версии государственной программы, которая автоматически исключает возможность его публичного обсуждения.

В конце 2014 года Федеральная палата адвокатов внесла предложение о реформировании рынка профессиональной юридической помощи гражданам. Для обеспечения своевременной и качественной защиты прав граждан в судах предлагается внести поправки в ряд законов, в которых только юристы могут представлять интересы граждан и юридических лиц, не имеющих собственного корпоративного юриста в суд. Это предложение обсуждалось, утверждалось и содержалось в принятой государственной программе «Юстиция».

Цель, как всегда, провозглашена благородной: повышение качества юридической помощи в представлении интересов граждан в суде из-за того, что только адвокат может предоставить эту услугу, то есть профессионального юриста, который подтвердил свои знания и опыт разрешения дела в суде. Однако, начав понимать предлагаемую реформу, вы понимаете, что только адвокатское сообщество выиграет от введения адвокатской монополии. В то же время адвокаты решили пренебречь интересами граждан, вынужденных отказаться от профессиональных услуг.

Тем не менее, можно отметить, что наличие статуса адвоката не является безусловной гарантией качества услуг и не указывает на его квалификационное преимущество перед лицом, у которого нет такого статуса⁴. Адвокатская монополия вызывает обеспокоенность по поводу возможности строгого контроля со стороны государства и ликвидации самоуправления адвокатуры и его независимости, а также сокращения конкуренции, что скажется на качестве и стоимости услуг⁵.

Исключение составляют только работники юридических служб предприятий и представители некоммерческих организаций, которые бесплатно предоставляют юридические услуги. Иностранцам будет разрешено работать в России на основе принципа взаимности: иностранные юристы смогут работать по специальности только в том случае, если они зарегистрированы в специальном реестре, который ведет Министерство юстиции, при соблюдении принципа взаимности (то есть иностранное государство, в котором данное лицо является адвокатом или юристом, предоставляет российским адвокатам на своей территории статус, позволяющий оказывать юридическую помощь) и лишь по вопросам права данного иностранного государства.

При введении адвокатской монополии повысится уровень оказания квалифицированной, своевременной правовой помощи. Сегодня есть проблемы с этим, как указано в концеп-

ции: за последние два года только в центральном аппарате Министерства юстиции было получено более 1000 жалоб и заявлений от граждан, связанных с предоставлением юридических услуг некомпетентного качества, лица, не имеющие статуса адвоката.

В свою очередь, квалификационные коллегии адвокатских палат ежегодно преследуют в судебном порядке около 3000 человек за нарушение норм адвокатской деятельности, однако ничто не мешает бывшим юристам продолжать предоставлять некачественные услуги в нерегулируемом сегменте рынка. Между тем, по данным Федеральной службы государственной статистики, объем платных услуг населению по разделу «Юридические услуги» в 2017 году составил 96,5 млрд. руб.

Проект концепции предполагает, что реформа юридического рынка будет проходить в три этапа: в 2018 году необходимо обеспечить необходимые внести изменения в нормативной базе: закон о профессиональной деятельности юриста, гражданский, трудовой и налоговые кодексы.

В 2019 году должна быть введена временная упрощенная процедура перехода практикующих юристов в адвокатуру: они должны будут сдать экзамен на предмет знания закона об адвокатуре и адвокатской деятельности. Авторы концепции обещают «самую удобную и технологичную процедуру для проведения такого экзамена с использованием технологии удаленного доступа» и небольшую сумму сбора, которую платят для вступления в адвокатуру.

Наконец, с 1 января 2023 года начнется третий этап, и это будет означать введение адвокатской монополии на предоставление платных услуг и представительство в судах. Несмотря на то, что до введения монополии адвоката еще далеко, многие юристы уже определили плюсы и минусы ситуации, когда только адвокаты могут представлять интересы в суде.

Преимущества монополии адвоката: в первую очередь ответственность адвоката за проделанную качественную работу, контроль со стороны адвокатуры, профессионализм представителя, подтвержденный статусом адвоката, как следствие – высокого качества защиты прав граждан; скорость рассмотрения дел судами (предполагается, что только адвокат сможет качественно и полностью составить документальную базу, а также грамотно изложить обстоятельства дела и сообщить позицию клиента в суд, убеждая его принять правильное решение), соответственно, нет необходимости откладывать судебные разбирательства; автоматическое отмена представителей, которые не могут гарантировать высокое качество юридической помощи и тем самым наносят ущерб клиентам.

Именно такими плюсами адвокатское сообщество оправдывает возможную монополию адвоката на представительство в судах. Разумеется, им выгодно получить всю целевую аудиторию юридических услуг, которая сейчас распределена между адвокатами, правозащитниками, различными юридическими фирмами. Учитывая, что на сегодняшний день подавляющее большинство юридических споров решается именно в суде, а не в медиации, то представление интересов граждан в суде – очень востребованная услуга, а стоимость её варьируется от 2-3 тысяч рублей «от иска до решения суда» до 4-5 тысяч рублей за участие в одном судебном заседании.

Недостатки адвокатской монополии на представительство в суде: как и при любой монополии - снижение конкуренции на рынке этой юридической службы, следовательно,

3 Проект Постановления Правительства «О внесении изменений в государственную программу Российской Федерации «Юстиция» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://regulation.gov.ru/projects#пра=45128>. (Дата обращения 18.03.2018 г.)

4 Панченко В. Ю. О моделях ответственности за ненадлежащее оказание юридической помощи // История государства и права. - 2015. - № 3. - С. 38-42.

5 Мельниченко Р. Г. Нужна ли адвокатам монополия? // Рос. адвокат. - 2008. - № 5. - С. 31.

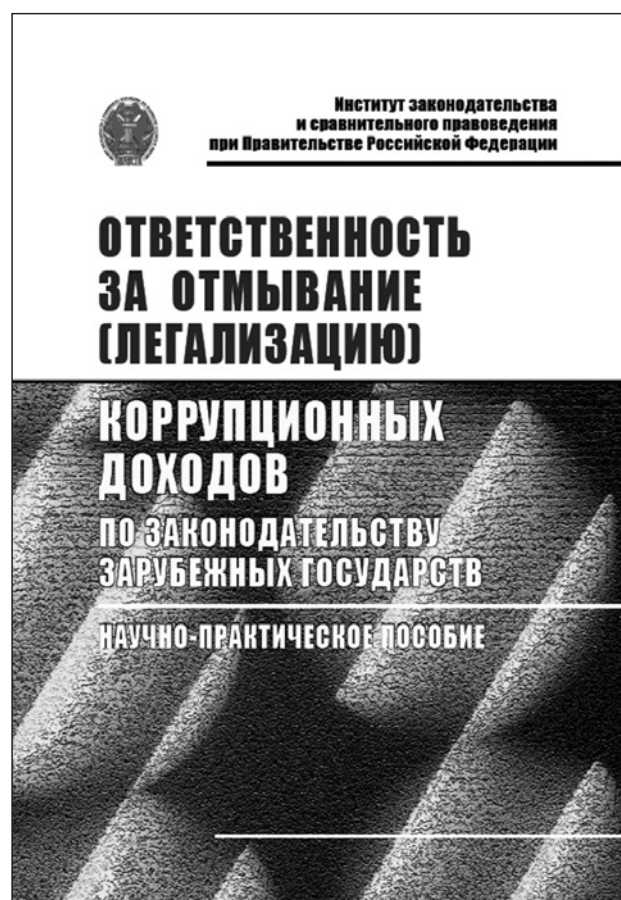
возможное снижение ее качества; повышение цен на представительство в суде; граждане, которые сами не могут представлять свои интересы в суде, больше не смогут выдать доверенность на соседа или родственника, чтобы быть их представителем в суде, вручить документы, принять решение и т. д. Вместо этого они либо потеряют возможность для защиты своих прав и интересов из-за нехватки денег, или им придется набирать большие суммы в адвокатов. В итоге малоимущие граждане фактически остаются без юридической помощи и без права отстаивать свои интересы в суде по приемлемой цене, вопреки правилу, установленному Гражданским кодексом Российской Федерации о свободе представителя, выбор лиц, которым гражданин может доверить представлять его интересы в суде сужается.

Фактически, основными двигателями адвокатской монополии являются Министерство юстиции и суды. Министерство нуждается в адвокатской структуре, которая традиционно контролируется государством, суды хотят иметь предсказуемых членов братской юридической корпорации среди участников процесса, а не общественных активистов, и не активистов или даже профессиональных юристов с богатым практическим опытом и юридическим знаниями. Очевидно, нет необходимости спешить с введением адвокатской монополии. Во-первых, нам необходимо посмотреть, как изменится ситуация в связи с появлением административных процедур, в которых образовательная квалификация для представителей уже введена. Возможно, эта квалификация будет более чем достаточной для регулирования отрасли. Если нет, то будет признано, что юридические вузы в стране не учат юристов, а просто выдают «корочки».

Анализ действующего законодательства и законопроектов свидетельствует о давнем желании представителей юридического сообщества обеспечить гарантированное высокое качество осуществления процессуального представительства. Наиболее развитым способом такого положения является постепенное введение адвокатской монополии. Это позволит создать действительно эффективный механизм привлечения ответственного за процессуальное представительство. Также даст толчок ответственности за ненадлежащее или недобросовестное выполнение взятых на себя обязательств, легализует деятельность представителя с точки зрения налогового законодательства, активизирует деятельность процессуального представителя как предмет судебного процесса, который способствует наиболее правильному и скорейшему разрешению гражданских дел. Самое главное в том, что мы значительно защитим себя от некачественного оказания юридических услуг.

Пристатейный библиографический список

1. Постановление Правительства РФ от 15.04.2014 № 312 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Юстиция». // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
2. Проект Постановления Правительства «О внесении изменений в государственную программу Российской Федерации «Юстиция». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://regulation.gov.ru/projects#npa=45128>. (Дата обращения 18.03.2018г.)
3. Латыев А. Н. Ограниченная адвокатская монополия или относительная свобода судебного представительства // Закон. - 2012. - № 9.
4. Мельниченко Р. Г. Нужна ли адвокатам монополия? // Рос. адвокат. - 2008. - № 5.
5. Панченко В. Ю. О моделях ответственности за ненадлежащее оказание юридической помощи // История государства и права. - 2015. - № 3. - С. 38-42.

МАГОМЕДОВА Майсарат Абдулаевна

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского процесса Юридического института Дагестанского государственного университета

ИБРАГИМОВ Фарид Эльюдинович

магистрант Юридического института Дагестанского государственного университета

УПРОЩЕННОЕ ПРОИЗВОДСТВО КАК ФОРМА ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ПРАВОСУДИЯ В АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССЕ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

В настоящей статье рассматриваются становление института упрощенного производства, процесс реформирования данного института, проблемы правоприменительной практики и перспективы развития упрощенного производства как формы осуществления правосудия в арбитражном процессе, предлагаются возможные варианты разрешения поставленных проблем.

Ключевые слова: упрощенное производство, арбитражный процесс, апелляционное обжалование, мотивированное решение, резолютивная часть решения

MAGOMEDOVA Maysarat Abdulaevna

Ph.D. in Law, associate professor of Civil process sub-faculty of the Law Institute Dagestan State University

IBRAGIMOV Farid Elyudinovich

magister student of the Law Institute of the Dagestan State University

SIMPLIFIED PROCEEDING AS A FORM OF IMPLEMENTATION OF JUSTICE IN THE ARBITRATION PROCESS: PROBLEMS AND PROSPECTS OF DEVELOPMENT

This article discusses the establishment of the simplified proceeding institute, the process of reforming this institution, the problems of law enforcement practice, and the prospects for the development of simplified proceeding as a form of administration of justice in the arbitration process, suggesting possible solutions to the problems posed.

Keywords: simplified procedure, arbitration process, appeal, reasoned decision, resolution part of the decision.

На сегодняшний день одним из основных направлений совершенствования качества правосудия, минимизации сроков рассмотрения дел в арбитражном процессе является введение и реформирование института упрощенного производства.

Становление данного института связано с введением в действие 1 сентября 2002 года Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации¹ (далее АПК РФ), в котором и была впервые обозначена Глава 29 «Рассмотрение дел в порядке упрощенного производства». О значимости указанного нововведения можно говорить исходя из данных судебной статистики за период 2002-2005 год², когда количество рассматриваемых в упрощенном порядке дел увеличивалось в геометрической прогрессии. Дальнейшее совершенствование упрощенного производства связано с принятием двух законов – 2012 и 2016 года: Федеральный закон от 25.06.2012 № 86-ФЗ «О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с совершенствованием упрощенного производства»³, Федеральный закон от 2 марта 2016 № 47-ФЗ «О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс РФ»⁴. На сегодняшний день, последним

из принятых в исследуемой сфере актов стало Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 10 от 18 апреля 2017 г. «О некоторых вопросах применения судами положений Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации об упрощенном производстве»⁵ (далее - Постановление № 10). Данное Постановление разъяснило отдельные нюансы упрощенного производства в гражданском и арбитражном процессе, а также отменило прежнее Постановление Пленума ВАС РФ от 8 октября 2012 г. N 62 «О некоторых вопросах рассмотрения арбитражными судами дел в порядке упрощенного производства».

Реформа коснулась порядка принятия решений по делам, рассматриваемым в порядке упрощенного производства. До принятия указанных Законов решение по делу, рассматриваемому в порядке упрощенного производства, в любом случае включало в себя вводную, описательную, мотивировочную и резолютивную части, а по делам, возникшим из административных и иных публичных правоотношений соответствовало требованиям, установленным ст. ст. 201, 206, 211 или 216 АПК РФ.

После внесения изменений, согласно части 1 статьи 229 АПК РФ в порядке упрощенного производства решение арбитражного суда принимается незамедлительно после рассмотрения дела путем подписания судьей резолютивной части

1 Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 30. – Ст. 3012.

2 Справка основных показателей работы арбитражных судов Российской Федерации в первом полугодии 2002-2003 гг. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.arbitr.ru/urimg/0C249E49FEB271B714075874E74490C1_4.pdf

3 Федеральный закон от 25 июня 2012 года № 86-ФЗ «О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с совершенствованием упрощенного производства» // Собрание законодательства РФ. - 2012. - № 26. - Ст. 3439. 7

4 Федеральный закон от 2.03.2016 № 47-ФЗ (ред. от 23.06.2016) «О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Рос-

сийской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2016. – № 10. – Ст. 1321.

5 Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18 апреля 2017 г. № 10 «О некоторых вопросах применения судами положений Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации об упрощенном производстве» // Российская газета. – Федеральный выпуск № 7254 (88). – 25 апреля 2017 г.

решения, которая приобщается к делу и размещается на официальном сайте суда в сети Интернет в срок не позднее следующего дня после дня ее принятия. Мотивированное решение изготавливается судом исключительно по заявлению стороны по делу, которое может быть подано в течение пяти дней со дня размещения резолютивной части решения на официальном сайте суда в сети Интернет.

Вместе с тем абзац 3 ч. 1 ст. 229 АПК РФ в обновленной редакции, как и прежде, указывает на то, что решения по делам, возникшим из административных и иных публичных правоотношений, принятые в упрощенном порядке, должны соответствовать положениям ст. ст. 201, 206, 211 и 216 АПК РФ, которые отсылают к гл. 20 АПК РФ, устанавливающей в ч. 1 ст. 170 АПК РФ, что решение арбитражного суда должно состоять из вводной, описательной, мотивировочной и резолютивной частей.

Вразрез с буквой закона идет толкование п. 37 Постановления № 10, в котором прямо указано на то, что решения по делам, возникающим из административных и иных публичных правоотношений и рассматриваемым арбитражными судами в порядке упрощенного производства, должны приниматься путем подписания судьей резолютивной части решения, которая, должна соответствовать специальным требованиям, предъявляемым процессуальным законом к резолютивным частям решений суда по делам, возникающим из административных и иных публичных правоотношений.

Учитывая правила, обозначенные в п. 37 Постановления № 10, суды стали иначе применять норму статьи 229 АПК РФ. Так, в Постановлении Двадцать первого арбитражного апелляционного суда от 21.12.2017 № 21АП-2591/2017 по делу № А83-8609/2017⁶ суд пришел к выводу о том, что по делам, возникающим из административных и иных публичных правоотношений и рассматриваемым арбитражными судами в порядке упрощенного производства, решение принимается путем подписания его резолютивной части. Составление по таким делам мотивированного решения, обжалование решения осуществляются по правилам статьи 229 АПК РФ.

Полагаем, что приведенные нормы создают явную неопределенность относительно порядка принятия решения по делам, возникшим из административных и иных публичных правоотношений и рассматриваемым в порядке упрощенного производства, решить которую возможно путем внесения изменений в абзац 3 ч. 1 ст. 229 АПК РФ по аналогии с п. 37 Постановления № 10.

Постановление № 10 внесло ясность в некоторые моменты, которые были неурегулированными Федеральным законом от 02.03.2016 № 47-ФЗ, связанные с возможностью восстановления срока на подачу заявления о составлении мотивированного решения. Ранее в законе ничего не говорилось о том, как быть стороне, которая пропустила срок на подачу такого заявления без уважительных причин, но не пропустила срок на апелляционное обжалование. Пленум разъяснил, что пропущенный по уважительной причине срок на обращение с заявлением о составлении мотивированного решения может быть восстановлен судом по ходатайству лица, участвующего в деле, в порядке, предусмотренном статьей 117 АПК РФ. Данное ходатайство рассматривается без проведения судебного заседания.

Резолютивная часть решения, принятая в порядке упрощенного производства, до сведения лиц, участвующих в деле, доводится путем размещения на официальном сайте арбитражного суда в сети Интернет. В случае, когда при наличии заявления стороны по делу, составляется мотивированное решение, копия решения должна быть направлена арбитраж-

ным судом заказным письмом с уведомлением о вручении или вручена под расписку лицам, участвующим в деле.

В связи с установлением различных правовых режимов относительно информирования лиц, участвующих в деле, о вынесенном решении, возникают проблемы в процессе обжалования таких решений. Речь идет о немотивированном решении.

Решение арбитражного суда, принятое в порядке упрощенного производства может быть обжаловано в арбитражный суд апелляционной инстанции в срок, не более пятнадцати дней со дня его принятия, а в случае составления мотивированного решения арбитражного суда - в пятнадцатидневный срок со дня принятия решения в полном объеме. Учитывая тот факт, что мотивированное решение составляется исключительно по заявлению лица, участвующего в деле, назревает вопрос, каким образом поступать суду в том случае, когда такого заявления не поступило, а апелляционная жалоба подана.

В отличие от гражданского процесса, если арбитражный суд не составлял мотивированное решение, то можно обжаловать только резолютивную часть (п. 39 Постановления № 10). По такому пути идет и судебная практика⁷. Как в таком случае апелляция будет проверять решение суда, изготовленное в виде одной резолютивной части, не зная мотивов, по которым суд его принял, законодатель не разъяснил. У суда апелляционной инстанции наибольшую сложность может вызвать вопрос о фактических и иных обстоятельствах дела, установленных арбитражным судом; доказательств, на которых основаны выводы суда об обстоятельствах дела, и доводов в пользу принятого решения; мотивов, основываясь на которых суд не принял те или иные доказательства; законов и иных нормативных правовых актов, которыми руководствовался суд при принятии решения, и мотивов, по которым суд не применил законы и иные нормативные правовые акты, на которые ссылались лица, участвующие в деле.

По всей видимости, проверка такого краткого решения будет сугубо формальной.

Процессуальные права сторон по делам, рассмотренным в упрощенном порядке ущемлены и положением о том, что апелляционные жалобы, представления на решения, принятые в упрощенной процедуре, рассматриваются в апелляции единолично без проведения судебного заседания и без извещения лиц, участвующих в деле, о времени и месте проведения судебного заседания, без осуществления протоколирования в письменной форме или с использованием средств аудиозаписи. В то же время правила абзаца первой части 1, части 2 статьи 229 АПК РФ в суде апелляционной инстанции не применяются.

С учетом того, что суд первой инстанции по делам упрощенного производства судебные заседания не проводит, то логично было хотя бы жалобы участвующих в деле лиц на такие решения рассматривать в судебных заседаниях с извещением заинтересованных лиц. Тем более, что с учетом колоссальной нагрузки на суды второй инстанции устные выступления сторон в судебном заседании для самого суда зачастую являются единственной возможностью разобраться в тонкостях спора.

В данной ситуации мы согласны с мнением Масаладжиу М. Р. о том, что в арбитражном процессе необходимо закрепить правило о том, что при подаче апелляционной жалобы суд обязан составить решение в полном объеме, если только не сделал это раньше, как это закреплено в ч. 2 ст. 232.4 ГПК РФ. Кроме того, как в гражданском, так и в арбитражном процессе нужно закрепить правило о том, что жалобы на решения по делам упрощенного производства рассматриваются судьей

6 Постановление Двадцать первого арбитражного апелляционного суда от 21.12.2017 № 21АП-2591/2017 по делу № А83-8609/2017/КонсультантПлюс: справ. правовая система. – Версия Проф. Электрон. дан. – М., 2017. – Доступ: свободный.

7 Постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда от 06.06.2016 г. № 17АП-5669/2016 по делу № А60-2386/2016 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ. правовая система. – Версия Проф. Электрон. дан. – М., 2017. – Доступ: свободный.

единолично в судебном заседании с извещением всех заинтересованных лиц⁸.

Практический интерес представляет и нововведение, обозначенное в пункте 5 ст. 227 АПК РФ о том, что при определенных условиях суд должен перейти к рассмотрению дела по общим правилам искового производства, причем он может сделать это как по собственной инициативе, так и по ходатайству ответчика.

Следует обратить внимание и на то, что определение о переходе к рассмотрению по правилам производства по делам, возникающим из административных и иных публичных правоотношений не подлежит обжалованию. Кроме того, ходатайства сторон о рассмотрении дела в общем порядке суд рассматривает без проведения судебного заседания. Данные обстоятельства позволяют прийти к выводу о том, что право сторон перейти к рассмотрению дел по общим правилам сильно ограничено. Приведем пример из практики. Арбитражный суд, проанализировав ходатайство о рассмотрении дела по общим правилам искового производства, не установил наличия обстоятельств, предусмотренных частью 5 статьи 227 АПК РФ, и в решении отказал в удовлетворении этого ходатайства, отметив, что ответчик никак не обосновал действительную необходимость рассмотрения дела по общим правилам искового производства, сослался лишь на необходимость исследования дополнительных доказательств, не пояснив, что это за дополнительные доказательства; довод о несоблюдении истцом досудебного претензионного порядка урегулирования спора опровергается материалами дела, права на ознакомление с материалами дела он не был лишен⁹.

Полагаем, что в интересах соблюдения процессуальных прав сторон необходимо обязать суд переходить к рассмотрению дела в общем порядке в каждом случае наличия ходатайства со стороны лица, которое не давало согласия на рассмотрение дела в упрощенном порядке.

Рассматривая случаи перехода к рассмотрению в общем порядке по инициативе суда, из практики арбитражных судов следует, что основаниями могут быть, в частности, отсутствие у суда сведений о надлежащем уведомлении ответчика. Зачастую суды довольно неоднозначно обосновывают свою позицию по поводу перехода от упрощенного порядка судопроизводства к общему, хотя Пленум в Постановлении № 10 прямо обязывает к этому. Например: переход к рассмотрению спора по общим правилам искового производства осуществлен в целях выяснения обстоятельств, касающихся существа заявленных требований и возражений, раскрытия подтверждающих их доказательств, представления дополнительных доказательств, разъяснения сторонам их прав и обязанностей и последствий совершения или несовершения ими процессуальных действий, примирения сторон¹⁰.

Упрощенное производство, исторически известно давно, но для АПК РФ представляет собой относительно новый институт, цель которого - процессуальная экономия времени рассмотрения дела. Рассмотрение дел в упрощенном порядке сокращает судебные издержки за счет отсутствия необходимости для сторон присутствовать в судебном заседании лично. Кроме того, достижению указанной цели способствует и доступ к делам для ознакомления в сети Интернет. Но, несмотря на указанные положительные стороны данной процедуры, законодателем ущемляются процессуальные права сторон,

особенно в процессе обжалования решений, принятых в упрощенном производстве.

Обобщая проведенное исследование, можно утверждать о том, что закрепление упрощенных процедур в арбитражном процессе - это логичный процесс эволюции арбитражного процессуального законодательства, который в целом соответствует судебной реформе, проводимой в последние годы.

Пристатейный библиографический список

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. - 2002. - № 30. - Ст. 3012.
2. Федеральный закон от 02.03.2016 № 47-ФЗ (ред. от 23.06.2016) «О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. - 2016. - № 10. - Ст. 1321.
3. Федеральный закон от 25 июня 2012 года № 86-ФЗ «О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с совершенствованием упрощенного производства» // Собрание законодательства РФ. - 2012. - № 26. - Ст. 3439. 7
4. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 24.12.2015 по делу № А56-26893/2015 КонсультантПлюс: справ. правовая система. - Версия Проф. Электрон. дан. - М., 2017. - Доступ: свободный.
5. Постановление Двадцать первого арбитражного апелляционного суда от 21.12.2017 № 21АП-2591/2017 по делу N А83-8609/2017/ КонсультантПлюс: справ. правовая система. - Версия Проф. Электрон. дан. - М., 2017. - Доступ: свободный.
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18 апреля 2017 г. № 10 «О некоторых вопросах применения судами положений Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации об упрощенном производстве» // Российская газета. - Федеральный выпуск № 7254 (88). - 25 апреля 2017 г.
7. Постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда от 6.06.2016 г. № 17АП-5669/2016 по делу № А60-2386/2016 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справ. правовая система. - Версия Проф. Электрон. дан. - М., 2017. - Доступ: свободный.
8. Решение Арбитражного суда Республики Татарстан от 03.12.2016 по делу № А65-24732/16 \\ Архив судебной практики <http://sudact.ru>
9. Масаладжиу Р. М. Упрощенное производство в гражданском и арбитражном процессах: все ли сделано правильно? // Законы России: опыт, анализ, практика. - 2017. - № 9. - С. 36-41.
10. Справка основных показателей работы арбитражных судов Российской Федерации в первом полугодии 2002-2003 гг. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://www.arbitr.ru/_upimg/0C249E49FEB271B714075874E74490Cl_4.pdf

8 Масаладжиу Р. М. Упрощенное производство в гражданском и арбитражном процессах: все ли сделано правильно? // Законы России: опыт, анализ, практика. - 2017. - № 9. - С. 36-41.

9 Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 24.12.2015 по делу № А56-26893/2015 КонсультантПлюс: справ. правовая система. - Версия Проф. Электрон. дан. - М., 2017. - Доступ: свободный.

10 Решение Арбитражного суда Республики Татарстан от 3.12.2016 по делу N А65-24732/16 \\ Архив судебной практики <http://sudact.ru>

ЗАЙЦЕВА Елена Владимировна

кандидат юридических наук, доцент кафедры организации следственной работы Волгоградской академии МВД России

ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ОРГАНИЗАЦИИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ БОРЬБЫ С КОРРУПЦИОННЫМИ ПРОЯВЛЕНИЯМИ

Несмотря на предпринимаемые государством многочисленные меры, направленные на профилактику, предупреждение и борьбу с коррупцией, данное противоправное явление все еще продолжает оставаться одной из основных угроз национальной безопасности России. В современных условиях борьба с коррупцией приобретает все более актуальное значение, поскольку коррупционные проявления проникают практически во все сферы жизнедеятельности общества, приводя к стагнации социально-экономических и политических процессов.

Проблема противодействия коррупционным проявлениям в последнее время трансформировалась в одну из важнейших государственных задач, в результате чего постоянно совершенствуется нормативно правовая база, регламентирующая данную сферу, возлагаются все новые задачи на правоохранные органы страны по своевременному реагированию и предотвращению коррупционных преступлений.

Ключевые слова: коррупция, противодействие коррупции, антикоррупционная политика, безопасность государства.

ZAYTSEVA Elena Vladimirovna

Ph.D. in Law, associate professor of the Volgograd Academy of the MIA of Russia

SELECTED ASPECTS OF LAW-ENFORCEMENT SUPPORT ORGANIZATION IN FIGHTING CORRUPT PRACTICES

Despite the numerous measures attempted by the government aimed at the prevention and fight against corruption, this kind of illegal phenomenon still remains one of the critical threats to Russian national security. In modern conditions the fight against corruption is becoming increasingly topical, as corrupt practices affect virtually all spheres of life, leading to stagnation of socio-economic and political processes.

The problem of counteraction against corrupt practices has recently transformed into one of the most important goals of the state, so, as a result the regulatory and legal framework, regulating this sphere, is steadily being improved, the law enforcement agencies take up new duties of prompt response and prevention of corruption-related crimes.

Keywords: corruption, fight against corruption, anti-corruption policy, national security.

Особенностями современной коррупции являются ее широкое распространение в стране, значительные масштабы. В массовом сознании отдельных граждан коррупция получает все большее одобрение, как путь, позволяющий эффективно решать возникающие у населения проблемы.

Борьба с коррупцией ведется в нашей стране последовательно и системно – от совершенствования законодательства, деятельности правоохранных, контрольно-надзорных органов, органов власти всех уровней до воспитания в гражданах нетерпимости к любым проявлениям этого социального зла; борьба с коррупцией в последние годы является приоритетным направлением в политике государства¹.

Наиболее серьезным последствием распространения коррупции стало не только влияние на государственные органы в противоправных целях, нарушение охраняемых законом интересов государства, отдельных граждан, но и «привыкание» населения, общества в целом к данному негативному социально-политическому феномену и в нежелании ему противостоять.

Следует констатировать, что коррупция проникла сегодня практически во все сферы государственного управления. Должностные лица используют свои полномочия для совершения запрещенных законом действий, за счет личных связей принимают решения в тех сферах деятельности, которые не

являются предметом их компетенции, что подрывает доверие населения к власти и ее отдельным представителям².

Достаточно высокий уровень коррупции в России определяют следующие факторы:

- недостаточный уровень развития экономики страны;
- большой разрыв уровня доходов разных групп населения;
- нестабильная политическая ситуация в стране;
- несовершенное законодательство и судебная система;
- безнаказанность чиновников высокого уровня;
- незнание или непонимание законов населением, что позволяет должностным лицам произвольно интерпретировать отдельные положения действующего законодательства;
- отсутствие действенных эффективных механизмов взаимодействия институтов власти;
- зависимость решений, принимаемых государственными органами и отдельными должностными лицами, от «политики» правящей элиты;
- политическое «покровительство», кумовство, которые приводят к формированию неофициальных соглашений, способствующих коррупционным проявлениям;
- слабость или отсутствие общественных институтов.

Основные задачи по выявлению, предупреждению, пресечению, раскрытию и расследованию коррупционных правонарушений возлагаются на правоохранные органы страны. В настоящее время в России функция организации борьбы с экономическими и коррупционными преступлениями в системе МВД возложена на подразделения Главного управления

1 «Борьба с коррупцией ведется в нашей стране последовательно и системно – от совершенствования законодательства до воспитания в гражданах нетерпимости к любым проявлениям этого социального зла» (интервью Генерального прокурора Российской Федерации Ю. Я. Чайки к Международному дню борьбы с коррупцией) // Прокурор. 2016. № 4. С. 5-19.

2 Черепанова Е. В. Противодействие коррупции в государственном управлении // Журнал российского права. 2017. № 4. С. 100-105.

экономической безопасности и противодействия коррупции³ МВД России, а также на аналогичные подразделения территориальных органов МВД.

В современных условиях на соответствующие подразделения, осуществляющие борьбу с коррупцией, возлагается особая мера и степень ответственности. Ежегодно руководством страны и Министерства перед ними ставится задача противодействия росту уровня коррупции, и реализации мер к его снижению во всех регионах Российской Федерации.

Президент Российской Федерации В. В. Путин на расширенном заседании коллегии МВД РФ 9 марта 2017 г. отметил, что «в прошлом году по подозрению в совершении коррупционных преступлений задержан ряд руководителей, в том числе занимающих высокие должности в центральном аппарате Министерства внутренних дел Российской Федерации. С этим негативным явлением мы вели и будем вести бескомпромиссную борьбу и, несмотря на имиджевые потери, скрывать от общественности такие случаи не намерены»⁴.

Безусловно, основной целью развития системы правоохранительной деятельности по линии борьбы с коррупцией, является достижение такого ее динамического состояния, которое гарантирует эффективность всех ее элементов с учетом текущих актуальных проблем, интересов личности, общества и государства, что позволит адекватно реагировать на вновь возникающие угрозы.

Анализ результатов оперативно-служебной деятельности подразделений Министерства внутренних дел РФ в сфере борьбы с коррупцией свидетельствует о том, что во многих регионах поставленные задачи решаются не эффективно. Основными причинами имеющихся недостатков остаются неверные управленческие решения на местах, связанные с отсутствием системного подхода в организации работы, стремление к формированию статистической отчетности в ущерб качественной составляющей.

Основная причина коррупционных проявлений – низкий уровень знаний организации деятельности органов власти, пределов их компетенции, что приводит к неверным выводам о структуре взаимоотношений их должностных лиц, направленности процесса принятия решений, необъективным выводам при построении модели антикоррупционных схем, дальнейшему ненадлежащему процессу документирования противоправной деятельности, неэффективному использованию сил и средств оперативных подразделений⁵.

В связи с этим, одним из условий успешной организации оперативно-служебной деятельности, является подготовка полного перечня предполагаемых объектов оперативной заинтересованности с учетом фактора криминогенности в тех сферах общественной жизни, которые наиболее подвержены коррупционным факторам. Данная информация будет иметь важное значение в том числе, и на уровне муниципального образования, что позволит качественно выполнять стоящие перед правоохранительными органами задачи.

Исходя из этого, с учетом имеющейся предварительной информации, анализа оперативной обстановки следует определить приоритеты или объекты первоочередной оперативной заинтересованности, на которых и акцентировать усилия подразделений ЭБиПК.

В ходе такого анализа требуется сформировать первичные сведения по остающимся наиболее коррупционноемкими

учреждениям Ростехнадзора, Росприроднадзора, Россельхознадзора, Роспотребнадзора, Федерального агентства по управлению госимуществом, Федеральной службы судебных приставов, органам Федеральной налоговой службы, таможенным органам, а также сферам государственных закупок и пр.

Из числа всех указанных объектов целесообразно составить своего рода коррупционный рейтинг учреждений органов власти и управления, определяющий объекты первоочередной оперативной заинтересованности, которые имеют наибольшее деструктивное влияние на экономическое состояние обслуживаемой территории, и именно на отработку указанных объектов необходимо нацеливать имеющиеся силы и средства оперативных подразделений органов внутренних дел.

При этом стоит учитывать, что в ходе постоянного правоохранительного воздействия ситуация и приоритеты будут меняться, в том числе и с изменениями социально-экономической обстановки. В этой связи необходимо обеспечить постоянный мониторинг оперативной обстановки с определением объектов первоочередной заинтересованности не более, чем на один год.

Следует отметить, что коррупционное поведение для российского бизнеса стало составной частью коммерческой деятельности, а зачастую даже нормой. За взятки:

- выдаются квоты и лицензии на разработку природных ископаемых, добычу других невозполнимых природных ресурсов;

- организуются закупки товаров и услуг для государственных нужд с заранее определенными участниками;

- организуется доступ к внутрикоммерческой информации и ее использование в интересах коррумпированных лиц.

- происходит уклонение от уплаты налогов, виновные избегают уголовной ответственности за совершенные экономические преступления⁶.

То обстоятельство, что по делам о преступлениях коррупционной направленности наиболее значимыми являются доказательства, полученные оперативным путем, требует грамотного и качественного проведения оперативно-ра(о)зыхских мероприятий, обеспечивающих выявление признаков преступлений и лиц, их совершивших.

В сферу проведения аналитического поиска в рамках оперативных проверок и разработок следует на постоянной основе включать мониторинг информационных ресурсов сети Интернет, средств массовой информации, устанавливая информацию и изучать материалы уголовных дел, материалы процессуальных проверок, в том числе, даже не связанные с отдельными фигурантами, но сопряженные со сферами их деятельности (отраслями экономики), на которые распространяются функции разрабатываемых органов власти и местного самоуправления.

Неотъемлемой частью успешной проверки информации по фактам коррупционных проявлений является организация со стороны оперативного подразделения органа МВД взаимодействия как на внутреннем (внутриведомственном) уровне, так и с иными органами. В рамках оперативных проверок, особенно относящихся к категории значимых, видится целесообразным планирование оперативно-ра(о)зыхских мероприятий совместно с сотрудниками Федеральной службы безопасности РФ, что позволит с привлечением ресурсов и сил обоих ведомств рациональнее использовать возможности имеющихся источников оперативной информации, оперативно-поисковых и специальных технических подразделений. При получении сведений о преступной деятельности разраба-

3 Далее – ЭБиПК.

4 Выступление Президента РФ В. В. Путина на расширенном заседании коллегии МВД РФ 9 марта 2017 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://kremlin.ru> (дата обращения: 19.02.2018).

5 Майстренко Г. А. Пути и формы борьбы с коррупцией как социально-экономическим явлением в обществе // Юридический мир. 2015 № 7. С. 58-61.

6 Зайцева Е. В. Коррупционные проявления как угроза экономической безопасности государства // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2016. № 2 (37). С. 64-67.

тываемых коррупционных структур в составе организованных преступных групп смешанной направленности следует рассматривать необходимость подключения сотрудников специализированных подразделений служб уголовного розыска и других подразделений.

Практика показывает, что работа оперативного сотрудника и следователя в атмосфере взаимного доверия и соблюдения требований закона, на этапе разработки дает возможность конкретизировать предмет доказывания и соответственно определить объекты доказательной базы, а на этапе реализации оперативных материалов позволяет предусмотреть и спланировать перечень всех необходимых первоначальных следственных действий и оперативно-разыскных мероприятий, что способствует своевременной и качественной реализации оперативных материалов, а, в дальнейшем, полноценному осуществлению расследования.

Организация раскрытия и расследования коррупционных преступлений обусловлена тем, что первоначальная информация, которая будет в последующем использована в доказывании, как правило, формируется еще до принятия решения о возбуждении уголовного дела.

При наличии сведений, раскрывающих механизм совершения коррупционных действий, информации об участии должностных лиц в коррупционной структуре и системы взаимоотношений с ними, следует инициировать ее дальнейшую оперативную проверку.

Эффективность мероприятий по документированию преступлений, совершаемых должностными лицами, может быть достигнута за счет:

- установления лиц, осведомленных о противоправных действиях должностных лиц, которые могут впоследствии в статусе свидетеля сотрудничать с правоохранительными органами;

- выявления предметов и документов, которые имели непосредственное отношение к преступным действиям и в ходе расследования могут быть признаны вещественными доказательствами;

- фиксации преступных действий разрабатываемых лиц в процессе осуществления контроля за их поведением с помощью видео-, аудиотехники и иных специальных технических средств, в том числе, содержания их разговоров, фактов передачи (получения) ими каких-либо предметов и документов и т.п.

При документировании преступных действий, совершенных должностными лицами, необходимо помнить, что:

- во-первых, документирование следует осуществлять посредством комплекса оперативно-разыскных мероприятий по выявлению (обнаружению, проверке и оценке) фактических данных, способствующих осуществлению доказывания по уголовному делу и решению других задач уголовного судопроизводства, и обеспечению возможности использования их в указанных целях;

- во-вторых, документирование должно быть направлено на эффективное проведение в последующем следственных действий (допросов, обысков и пр.), а также должно способствовать быстрому, полному и объективному расследованию преступления.

В процессе реализации задач выявления и пресечения коррупционной деятельности в органах государственной власти и управления, правоохранительные органы должны обеспечивать реализацию мер, направленных на профилактику коррупционных проявлений.

В этой связи, подразделениям экономической безопасности и противодействия коррупции органов МВД России необходимо осуществлять меры предупредительного характера:

- обеспечить постоянное рабочее взаимодействие с комиссиями по соблюдению требований к служебному поведению

государственных гражданских и муниципальных служащих РФ и предотвращению конфликта интересов федеральных органов власти и управления, органов государственной власти и управления субъектов РФ и органов местного самоуправления, аппаратами иных антикоррупционных структур региональных органов власти и местного самоуправления;

- в рамках, реализуемых в каждом регионе антикоррупционных программ применять практику информирования высших должностных лиц и общестественности о наиболее характерных коррупционных проявлениях на территории оперативного обслуживания, вносить предложения с мерами предупредительного характера;

- активно использовать ресурсы подразделений по связям с общественностью органов внутренних дел, осуществлять на регулярной основе мероприятия пропагандистского характера, направленные на освещение в средствах массовой информации целей и результатов антикоррупционной деятельности органов внутренних дел, создание у населения атмосферы нетерпимости к коррупционному поведению;

- продолжить практику участия в мероприятиях с представителями общественных объединений по вопросам противодействия коррупции в формате семинаров, «круглых столов»;

- организовать взаимодействие с администрациями высших учебных заведений в целях привлечения научных, преподавательских и студенческих кадров к обсуждению проблем коррупционных проявлений, выработке возможных законодательных предложений в данной сфере.

Подводя итог, следует отметить, что залогом эффективности осуществления государственной антикоррупционной политики является системный подход к решению данной задачи, предполагающий одновременную проработку проблемных вопросов противодействия коррупции на всех направлениях: от совершенствования действующего законодательства до повышения уровня правового сознания граждан.

Пристатейный библиографический список

1. «Борьба с коррупцией ведется в нашей стране последовательно и системно – от совершенствования законодательства до воспитания в гражданах нетерпимости к любым проявлениям этого социального зла» (интервью Генерального прокурора Российской Федерации Ю. Я. Чайки к Международному дню борьбы с коррупцией) // Прокурор. 2016. № 4. С. 5-19.
2. Зайцева Е. В. Коррупционные проявления как угроза экономической безопасности государства // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2016. № 2 (37). С. 64-67.
3. Майстренко Г. А. Пути и формы борьбы с коррупцией как социально-экономическим явлением в обществе // Юридический мир. 2015 № 7. С. 58-61.
4. Черепанова Е. В. Противодействие коррупции в государственном управлении // Журнал российского права. 2017. № 4. С. 100-105.

БЛОХИНА Ольга Андреевна

магистрант Тихоокеанского государственного университета

ПРАВОВОЙ СТАТУС НОТАРИУСА: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

В научной статье проводится анализ правового статуса нотариуса. Определяются элементы, составляющие правовой статус нотариуса, и, в связи с этим обозначаются наиболее значимые проблемы, которые проявляются в момент определения прав и обязанностей нотариуса, и границ его ответственности.

Ключевые слова: нотариус, нотариальная тайна, ответственность.

BLOKHINA Olga Andreevna

magister student of the Pacific State University

THE LEGAL STATUS OF NOTARY PUBLIC: PROBLEMS AND WAYS OF IMPROVEMENT

The scientific article analyzes the legal status of the notary. The elements that make up the legal status of a notary are determined and, in this regard, the most significant problems that are manifested at the time of determining the rights and obligations of the notary, and the boundaries of his responsibility.

Keywords: notary, notary secret, responsibility.

Блохина О. А.

Вопросы правового регулирования статуса нотариуса обусловлены практической значимостью, поскольку являются основой эффективной реализации нотариусами своей деятельности. Они напрямую связаны с главной функцией института российского нотариата, выяснением определения сущности нотариата и его роли в механизме защиты прав, свобод и законных интересов физических и юридических лиц.

Можно с уверенностью констатировать тот факт, что за последние время нотариат занял достойное место в рамках правовой системы Российской Федерации, чем спровоцировал множество дискуссионных вопросов, сразу став объектом полемики. В настоящее время нет единого обобщающего мнения касаясь вопроса, связанного с природой правового статуса нотариата, его значением, местом и ролью внутри механизма правового регулирования и правоприменения, а также важностью правил совершения нотариальных действий в рамках реализации положений норм материального права.

Сегодня принято рассматривать нотариуса как основного субъекта нотариального права, как физическое лицо, которое обладает функциями, закрепленными за ним государством, по осуществлению нотариальной деятельности. С целью обеспечить защиту прав и законных интересов граждан и юридических лиц нотариус осуществляет свою деятельность от имени государства на возмездной основе. Основные функции нотариуса и результат его деятельности связаны с совершением нотариальных действий, предусмотренных действующим российским законодательством, в виде нотариальных актов¹.

Согласно мнению Г. Г. Черемных правовой статус нотариуса является основным элементом правовой природы института нотариата. Именно за счет объема его прав, обязанностей и ответственности, характера взаимоотношений между ним, государством и обществом, совокупности гарантий независимости определяется сама сущность нотариата в целом².

Далее более подробно рассмотрим и охарактеризуем каждый элемент, составляющий правовой статус нотариуса, и, в связи с этим обозначим наиболее значимые проблемы, которые проявляются в момент определения прав и обязанностей нотариуса, и границ его ответственности.

Основной перечень прав нотариуса нашел свое отражение в ст. 15 Основ законодательства РФ о нотариате. Совместно с правами, обязанности нотариусов зафиксированы в Основах, а также ряде подзаконных актов³.

Вопрос, связанный с определением границ прав, обязанностей и ответственности нотариуса по сей день остается довольно дискуссионным. Прежде всего, остановим наше внимание на более проблемных вопросах, например, на вопросе, связанным с процессом определения обязанности нотариуса хранить в тайне сведения, полученные в процессе выполнения его профессиональной деятельности.

Согласно ч. 3 ст. 16 Основ нотариус обязан сохранить в тайне сведения, которые стали ему известны при осуществлении удостоверительной профессиональной деятельности. В зависимости от ущерба, причиненного обратившимся за нотариальным удостоверением лицам, ответственность может быть либо административной, гражданской, либо уголовной.

Однако в связи с тем, что нотариус обязан предоставлять ряд сведений о нотариальных действиях в рамках запросов от определенного круга государственных органов, и также он должен соблюдать обязанности по неразглашению нотариальной тайны, на практике приводит к конфликту между частноправовыми и публичными интересами. Вышеперечисленные органы, довольно часто превышают свои полномочия и требуют предоставить им информацию, которая относится к нотариальной тайне.

Решением проблемы может служить унификация и приведение к единообразию:

– норм Налогового кодекса, предусматривающего «право налоговых органов требовать от налогоплательщика, плательщика сбора или налогового агента документы, служащие основаниями для исчисления и уплаты налогов, сборов»;

– норм ФЗ «О прокуратуре РФ», согласно которым «прокурор имеет право требовать представления необходимых документов, должностные лица органов прокуратуры направляют в адрес нотариусов требования о необходимости ежесрочного предоставления информации о лицах, получивших нотариально удостоверенные доверенности на право распоряжения жильем». Тогда как статьей 5 Основ законодательства РФ о нотариате предусмотрено, что справки о совершенных

1 Уткин А. В. Проблемы правового статуса нотариуса на современном этапе // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2007. № 1 (2).

2 Черемных Г. Г. Нотариат и нотариальное право России: учебное пособие / под ред. Г. Г. Черемных. – М.: Норма, 2015. – 410 с.

3 Основы законодательства Российской Федерации о нотариате от 11 февраля 1993 г. № 4462-1 // Российская газета. – 1993. – 13 марта (ред. от 31.12.2017)

нотариальных действиях представляются в органы прокуратуры в связи с находящимися в их производстве уголовными, гражданскими или административными делами.

Довольно большое количество проблем сосредоточено в вопросе, связанном с обязанностями предоставлять в соответствующие органы сведения, касающиеся вопросов легализации доходов, полученных преступным путем, а также сведения, связанные с финансированием терроризма. Данная обязанность нашла свое закрепление в ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма»⁴.

Несмотря на это, необходимо заметить, что закрепление за нотариусом вышеназванной обязанности имеет довольно противоречивый характер, так как нотариус может судить о возможных правонарушениях или преступлениях с своей субъективной точки зрения и ее нельзя считать объективной.

Совместно с данной обязанностью, законодатель закрепил и возможную ответственность нотариуса путем возмещения убытков, в случаях, когда информация, которая была им предоставлена, не нашла подтверждения, и в случаях, когда за такую передачу сведений, заинтересованные лица подают иски о возмещении морального вреда.

Таким образом, резюмируя вышесказанное относительно вопросов предоставления сведений по запросам органов власти и других заинтересованных лиц и вопросов, касающихся защиты нотариальной тайны, следует отметить, что некоторые органы власти в своей деятельности не должны превышать законодательно закрепленные полномочия. Для этого необходимо устранить коллизии в законах, регулирующих действия различных органов, и законах, регулирующих нотариальную деятельность.

Необходимо также детально проработать механизм защиты информации, доверенной нотариусу. Что касается ответственности нотариусов, то в Основах есть определенные разграничения этой ответственности в зависимости от правового статуса государственного нотариуса или нотариуса, занимающегося частной практикой.

Согласно действующим нормам Основ законодательства РФ о нотариате за частнопрактикующим нотариусом закреплена полная имущественная ответственность за неправомерные действия, связанные с удостоверением либо с неправомерным отказом совершить определенное нотариальное действие. В случаях возмещения имущественного вреда за счет принадлежащего нотариусу имущества в обязательном порядке необходимо учитывать такие элементы состава правонарушения, как: наличие ущерба, наличие причинной связи между действиями или бездействиями нотариуса и возникшим ущербом и, наконец, вина нотариуса, выраженная в форме умысла или неосторожности.

Что касается вопроса вины нотариуса, на сегодняшний день имеется ряд противоречивых мнений различных авторов. Довольно интересным в этом плане является мнение В. М. Жуйкова, который предположил: «если возложить на нотариуса ответственность за невинные действия и взыскивать с него в пользу потерпевшего определенные суммы в любом случае, то это было бы равно ответственности судьи за каждый приговор или решение, которые отменены. Тогда мы лишились бы и судей, и нотариусов. Никто бы не согласился работать в такой ситуации, когда уже заранее у тебя дрожат руки от страха ответственности...».

В Основах законодательства РФ о нотариате закреплено правило полной имущественной ответственности нотариуса, которую он несет за счет страховой суммы, личных сбережений и личного имущества. Факты, связанные с непосредственным причинением нотариальными действиями или обоснованным отказом от совершения действий вреда, подлежат установлению в рамках судебного разбирательства, в таком случае возмещаться причиненный вред будет из страховой суммы. В случае если причинение ущерба является умышленным, то страховое возмещение предполагается не из страховой суммы, а из собственных средств нотариуса или гарантийной кассы.

4 Федеральный закон от 07.08.2001 № 115-ФЗ (ред. от 23.04.2018) «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма».

Также необходимо отметить, что в нотариальном законодательстве как таковое понятие ущерба не закреплено, отсутствует и механизм, позволяющий определить размер этого ущерба. В связи со сложившейся ситуацией, целесообразно сконкретизировать понятие ущерба путем указания на строго определенные виды расходов, которые подлежат возмещению.

К таким расходам, например, можно отнести расходы, которые понес гражданин или юридическое лицо вследствие совершения со стороны нотариуса каких-либо неправомерных действий либо бездействий, однако сюда не относится упущенная выгода обращающихся к нотариусу сторон. Также необходимо на законодательном уровне закрепить механизм определения размера ущерба, который был причинен в результате неправомерных действий нотариуса.

Помимо этого, на сегодняшний день остается дискуссионным и вопрос, связанный с возмещением нотариусом морального ущерба, который причинен обратившимся за нотариальным удостоверением. Анализ различных точек зрения позволяет прийти к выводу, что размер морального вреда должен определяться в каждом конкретном случае в судебном порядке.

Также в Основах законодательства РФ о нотариате довольно часто встречаются термины «дисциплинарный проступок» и «дисциплинарная ответственность» нотариуса, но данные термины полностью не раскрываются ни в Основах, ни в других нормативных источниках, которые регулируют нотариальную деятельность. Не регламентируются также виды дисциплинарных взысканий, для правильного толкования норм права механизм привлечения нотариуса к ответственности за совершение дисциплинарного проступка не описан⁵.

Таким образом, в настоящее время большое количество проблем в области регулирования элементов правового статуса нотариуса в законодательстве не урегулировано, в частности вопросы о неразглашении нотариальной тайны, видах ответственности нотариусов в своей профессиональной деятельности. Необходимо провести процедуры по усовершенствованию порядка индивидуального и коллективного страхования нотариусов, а также целесообразно осуществить закрепление механизма по определению размера ущерба, причиненного неправомерными действиями нотариуса⁶.

Пристатейный библиографический список

1. Конституция Российской Федерации (1993) // Российская газета. – 1993. – 25 декабря (ред. от 21.07.2014).
 2. Основы законодательства Российской Федерации о нотариате от 11 февраля 1993 г. № 4462-1 // Российская газета. – 1993. – 13 марта (ред. от 31.12.2017).
 3. Аракелян Ф. П. Элементы правового статуса нотариуса: проблемы и пути совершенствования // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2014. – № 10 – 3 (48). – С. 22-24.
 4. Уткин А. В. Проблемы правового статуса нотариуса на современном этапе // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2007. – № 1 (2). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemny-pravovogo-statusa-notariusa-na-sovremennom-etape> (дата обращения: 07.05.2018).
 5. Черемных Г. Г. Нотариат и нотариальное право России: учебное пособие / под ред. Г. Г. Черемных. – М.: Норма, 2015. – 410 с.
 6. Федеральный закон от 07.08.2001 N 115-ФЗ (ред. от 23.04.2018) «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_32834/07246b7fa-d3b88c5f4f98c2eaac125a6338ac1e1/ (дата обращения: 07.05.2018).
- 5 Аракелян Ф. П. Элементы правового статуса нотариуса: проблемы и пути совершенствования // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2014. – № 10 – 3 (48)
- 6 Там же. – С. 22-24.

МАКСЮТОВ Марсель Флоритович

прокурор города, прокуратура г. Октябрьский Республики Башкортостан

ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА ЗА ИСПОЛНЕНИЕМ ЗАКОНОВ В СФЕРЕ КОРПОРАТИВНЫХ ЗАКУПОК

В статье рассмотрены особенности осуществления прокурорского надзора за исполнением законов в сфере закупок товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц (корпоративных закупок), заключающиеся в организации его осуществления на различных уровнях системы российской прокуратуры: прокуратур городов и районов, прокуратур субъектов Федерации и Генеральной прокуратуры Российской Федерации. Автором выделены особенности проведения прокурорских проверок исполнения указанного законодательства, в том числе в свете реформы института прокурорских проверок. Высказаны предложения о внесении в Закон о прокуратуре изменений, направленных на дополнение перечня оснований проведения проверок исполнения законов и порядка их проведения.

Ключевые слова: прокурорский надзор за исполнением законов в сфере корпоративных закупок, закон о прокуратуре, прокурорские проверки исполнения законов, основания проведения прокурорами надзорных проверок.

MAKSYUTOV Marsel Floritovich

city Prosecutor, the Prosecutor's office of Oktyabrsky in Republic of Bashkortostan

FEATURES OF THE ORGANIZATION OF PROSECUTOR'S SUPERVISION FOR THE IMPLEMENTATION OF LAWS IN THE FIELD OF CORPORATE PROCUREMENT

The article deals with the peculiarities of exercising the prosecutor's supervision over the implementation of laws in the sphere of procurement of goods, works and services by certain types of legal entities (corporate purchases), consisting in its organization at various levels of the system of the Russian Prosecutor's Office: the prosecutor's offices of cities and districts, the prosecutor's offices of the subjects of the Federation and the General prosecutors of the Russian Federation. The author also highlighted the peculiarities of conducting prosecutor's checks on the implementation of this legislation, including in the light of the reform of the institute of prosecutorial inspections. Proposals have been made to amend the Law on the Prosecutor's Office to supplement the list of grounds for conducting inspections by prosecutors on the implementation of laws and the procedure for their conduct.

Keywords: prosecutor's supervision of the implementation of laws in the field of corporate procurement, the law on the prosecutor's office, prosecutor's checks on the implementation of laws, the grounds for conducting supervisory checks by prosecutors.

Прокурорский надзор за исполнением законов в сфере закупок товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц (далее также – корпоративные закупки), как и любое направление (поднаправление) прокурорского надзора, имеет характерные особенности. Они связаны с собственными целью, задачами, предметом, объектами, субъектами и пределами надзора. Помимо перечисленных элементов, особенность анализируемого направления связана с организацией прокурорского надзора на разных уровнях системы органов прокуратуры, а также с порядком проведения проверок исполнения законов, регулирующих отношения в данной сфере общественных отношений.

Основная особенность – законодательство, регулирующее отношения в сфере закупок товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц, которое, являясь многоотраслевым, требует от прокуроров при планировании и подготовке к проверкам изучения колоссального объема правовой базы, формируемой нормативными правовыми актами различной юридической силы, принятыми, прежде всего, федеральными органами государственной власти, а также органами государственной власти субъектов Российской Федерации и местного самоуправления в случаях, прямо предусмотренных федеральным законодательством. К специальному «предметному» закону, за исполнением которого прокуроры осуществляют непосредственный надзор, относится Федеральный закон от 18.07.2011 № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» (далее – Закон № 223-ФЗ), впервые установивший общие принципы и основные требования к проведению корпоративных закупок.

Другой особенностью в вопросе организации прокурорского надзора за исполнением законов в сфере закупок товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц является то, что это поднаправление прокурорского надзора реализуется в большей части прокурорами городского (районного) или первого звена, т. е. на низовом уровне, как говорится, на «земле». Данная особенность объяснима тем, что, уже исходя из названия, видно – надзор организуется за исполнением законов юридическими лицами, осуществляющими закупки в порядке, установленном Законом № 223-ФЗ.

Важно отметить, что «эффективность реализации прокурорского надзора за исполнением законодательства в названной сфере деятельности во многом зависит от того, насколько профессионально грамотно организована работа конкретных подразделений прокуратуры и сотрудников этих подразделений, осуществляющих такой надзор»¹. С учетом того что законодательство в сфере закупок сложно и многогранно, надзор за его исполнением следует возлагать на наиболее опытного из работников, предпочтительнее – старшего помощника прокурора, надзирающего за исполнением законов в экономической сфере.

Следующей характерной для организации надзорной деятельности прокурора за исполнением законов в сфере корпоративных закупок особенностью является то, что в основу организации надзора должен быть положен постулат о регуляр-

1 Винокуров Ю. Е., Глушков А. И. К вопросу о структуре прокурорского надзора как вида государственной деятельности // Административ. и муницип. право. 2012. № 1. С. 30-32.

ном, желательно ежедневном, мониторинге общедоступных источников информации о планируемых и проведенных поднадзорными объектами закупках, как следствие, истребовании из контролирующих органов сведений, например, об оплате заключенных контрактов, задолженности по обязательным платежам, включая заработную плату, налоги, анализе полученных данных, о проведении на их основе оперативных совещаний при прокуроре и заседаний межведомственных рабочих групп с приглашением организаций, осуществляющих закупки в рамках Закона № 223-ФЗ, особенно в случаях, когда в деятельности этих организаций выявлены многочисленные нарушения закона, потребовавшие принятия актов прокурорского надзора, а также в целях обсуждения проблемных вопросов, возникающих в процессе правоприменения.

Надзорная деятельность, построенная подобным образом, позволяет выявлять нарушения требований Закона № 223-ФЗ на любой из стадий закупочной деятельности, а также, во-первых, профилировать правонарушения, принимая превентивные меры прокурорского реагирования (объявлять предостережения о недопустимости нарушения закона); во, вторых, пресекать допущенные на ранней стадии закупочной деятельности нарушения (вносить представления об устранении нарушений закона, возбуждать административные производства); в-третьих, принимать меры, направленные на возврат приобретенного имущества по контракту, заключенному с нарушением требований закона (обращаться с исками в суд).

Мониторинг общедоступных источников в сети «Интернет», в соответствии с законодательством о корпоративных закупках, содержащим основные документы, предваряющие и сопровождающие процедуру закупок, в большинстве случаев позволяет проводить проверку исполнения законов без непосредственного выхода в организацию. Источниками информации являются официальный сайт www.zakupki.gov.ru, собственные сайты организаций, на которых ими размещаются сведения о закупках.

Данная особенность исключает излишнюю нагрузку на сотрудников проверяемой организации (в частности, в виде подготовки рабочего места для прокурора, изготовления копий требуемых ему для проверки документов), которая сильно отвлекает от исполнения основных трудовых обязанностей; экономит время прокурора, которое обычно затрачивается на оформление документов к проверке, непосредственный выезд к субъекту проверки. Немаловажным обстоятельством также является сведение к минимуму личного контакта «прокурор-проверяемый», что исключает вероятность коррупционных проявлений со стороны проверяемого и злоупотребления предоставленными полномочиями со стороны проверяющего.

Вторым звеном системы органов прокуратуры, организующим прокурорский надзор за исполнением законов в сфере корпоративных закупок, являются прокуратуры субъектов Российской Федерации. Особенностью их деятельности является то, что их роль сводится в основном к обеспечению организации прокурорского надзора за исполнением законов на первичном уровне – в прокуратурах городов, районов и приравненных к ним прокуратурах, а не к непосредственному осуществлению надзора, как, например, при надзоре за исполнением законов о государственных и муниципальных закупках, когда поднадзорными непосредственно прокуратуре субъекта Российской Федерации являются органы исполнительной власти субъекта Российской Федерации и территориальные подразделения федеральных органов исполнительной власти.

Реализуется указанная «направляющая» роль посредством принятия организационно-распорядительных документов, планирования проверочных мероприятий. К примеру, путем издания указания, положения которого ориентируют нижестоящих прокуроров на правильное осуществление про-

курорского надзора в рассматриваемой сфере, обеспечил организацию надзора прокурор Оренбургской области².

Руководством прокуратуры Томской области на нижестоящих прокуроров возложена обязанность «принять меры по активизации надзора за исполнением законодательства о закупках товаров, работ, услуг и повышению эффективности работы органов прокуратуры... при проведении проверок акцентировать внимание на защите общезначимых и государственных интересов, сосредоточив усилия на превентивной работе»³.

Немаловажное значение в организации надзорной деятельности имеют мероприятия совещательного характера, по итогам которых принимаются обязательные к исполнению документы. Речь идет о коллегиях, координационных совещаниях руководителей правоохранительных органов, межведомственных совещаниях, иных коллегиальных мероприятиях. Так, заседания коллегий в 2016 г. проводились в прокуратурах Республики Башкортостан⁴, Чеченской Республики, Белгородской области. В их решениях нижестоящим прокурорам дано указание детально проанализировать практику прокурорского надзора за исполнением Закона № 223-ФЗ, проработать новые пути укрепления законности в сфере корпоративных закупок, в целом активизировать надзорную деятельность в сфере исполнения законов о закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц, обращая внимание на пресечение неисполнения конкретных норм данного Закона.

Другим источником, организующим надзорную деятельность прокуроров городов, районов и приравненных к ним прокуроров, являются методические рекомендации и пособия, информационно-методические и информационные письма прокуратур субъектов Российской Федерации, в которых на конкретных примерах анализируются типичные нарушения Закона № 223-ФЗ. Информационные письма подготавливались и распространялись среди прокуроров городов и районов, приравненных к ним специализированных прокуроров в Белгородской, Новгородской, Смоленской областях⁵.

Непосредственный надзор в рассматриваемой сфере прокуратурами субъектов Российской Федерации реализуется в отношении контролирующих и правоохранительных органов, осуществляющих контрольно-надзорные полномочия в отношении корпоративных заказчиков. Речь можно вести о поднадзорности им территориальных управлений Федеральной антимонопольной службы в субъектах Российской Федерации, государственных органов субъектов Российской Федерации, осуществляющих управленческие и контрольные полномочия в отношении организаций, осуществляющих закупки в порядке, установленном Законом № 223-ФЗ.

- 2 Указание прокурора Оренбургской области от 14.07.2015 № 74/86 «Об организации надзора за исполнением законодательства о контрактной системе и в сфере закупок товаров, выполнения работ, услуг отдельными видами юридических лиц».
- 3 Распоряжение и. о. прокурора Томской области от 11.11.2016 № 122/7р «Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства о закупках товаров, работ, услуг».
- 4 Решение коллегии прокуратуры Республики Башкортостан от 26.01.2017 «Об итогах работы прокуратуры Республики Башкортостан за 2016 год и задачах по укреплению законности и правопорядка на 2017 год».
- 5 Информационные письма прокуратур Новгородской области от 06.11.2014 № 86-5-2014/17866 «О практике прокурорского надзора за исполнением законодательства в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд»; Смоленской области от 30.11.2015 № 7-11-2015 «О состоянии прокурорского надзора в сфере законодательства о закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц»; Белгородской области от 12.05.2013 № 7-33-2013 «Об активизации работы по надзору за соблюдением законодательства о закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц».

Третьим звеном является Генеральная прокуратура Российской Федерации, основная роль которой состоит в единой организации надзора за исполнением законов о корпоративных закупках посредством подготовки организационно-распорядительных документов, ориентирующих прокуроров на проведение каждодневной наступательной работы на пути укрепления законности в сфере корпоративных закупок; распространении положительного надзорного опыта прокуратур субъектов Российской Федерации по борьбе с преступностью и правонарушаемостью в закупочной области; направлении методических и информационных материалов, в которых на наглядных примерах приводятся алгоритмы организации надзора за исполнением законов о закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц.

Генеральная прокуратура Российской Федерации в пределах компетенции непосредственно осуществляет надзор в отношении Министерства экономического развития Российской Федерации и Федеральной антимонопольной службы в части, касающейся организации управления и контроля в вопросах закупок товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц, в том числе проверяет законность издаваемых ими нормативных правовых актов, регулирующих правовые отношения в этой сфере; законность решений, принимаемых по результатам проводимых проверок и рассмотрения административных производств, возбужденных по фактам нарушений Закона № 223-ФЗ, в том числе прокурорами.

Надзор за исполнением законов в сфере закупок товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц имеет свои особенности также при проведении прокурорами проверок исполнения законов в данной сфере.

Важным документом в истории российской прокуратуры, определяющим пределы и процедуру прокурорской проверки исполнения законов, стало постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 17.02.2015 № 2-П⁶, которое «внесло ряд принципиальных уточнений при толковании конституционно-правового смысла положений Закона о прокуратуре, имеющих важнейшее значение для реализации прокурорами всех «общенадзорных» проверок исполнения законов»⁷.

Положения пункта 1 статьи 6 и пункта 1 статьи 22 Закона о прокуратуре признаны Конституционным Судом Российской Федерации не соответствующими Конституции Российской Федерации в той мере, в какой они не устанавливают общие (предельные) сроки проведения органами прокуратуры проверки, а также не регламентируют конкретные сроки исполнения требований прокурора.

В дальнейшем вышеуказанное решение Конституционного Суда Российской Федерации нашло реализацию в Законе о прокуратуре, в который Федеральным законом от 07.03.2017 № 27-ФЗ⁸ внесены изменения, предусмотревшие регламентацию сроков, оснований и процедуры проведения прокурорами проверок исполнения законов. Внесенные в Закон о прокуратуре изменения впервые с 1995 г.⁹ кардинально скорректировали надзорные полномочия прокурора, установив границы для проведения проверок исполнения законов, в том числе определяя сроки для проверочных мероприятий, основания и

условия приостановления и продления сроков прокурорской проверки.

Приказом Генерального прокурора Российской Федерации от 17.03.2017 № 172 «О некоторых вопросах организации прокурорского надзора в связи с принятием Федерального закона от 07.03.2017 № 27-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации»»¹⁰ утверждены формы требуемых процессуальных документов, приказом от 28.05.2015 № 265 признан утратившим силу. Таким образом, в настоящее время проведение прокурором надзорной проверки исполнения законов регламентируется исключительно Законом о прокуратуре.

Вместе с тем, законодательная регламентация процедуры прокурорской проверки не лишена определенных недостатков, заключающихся в наличии, на наш взгляд, правовых пробелов, влекущих в процессе правоприменения прокурорами неоднозначное трактование и, как следствие, формирование в субъектах Российской Федерации неодинаковой правоприменительной практики организации проведения прокурорами проверок исполнения законов.

Следует отметить, что согласно пункту 2 статьи 21 Закона о прокуратуре проверка исполнения законов проводится на основании поступившей в органы прокуратуры информации о фактах нарушения законов, требующих принятия мер прокурором, в случае, если эти сведения нельзя подтвердить или опровергнуть без проведения указанной проверки.

Иными словами, основанием для проведения любой прокурорской проверки, в том числе проверки исполнения законодательства в сфере корпоративных закупок, являются поступившие в прокуратуру сведения о нарушении требований законов в виде обращения организации, жалобы или заявления гражданина, сводки о преступлениях и правонарушениях, совершенных за сутки на поднадзорной территории, публикации в средствах массовой информации или в иной форме. При этом поручение или задание вышестоящей прокуратуры о проведении проверки организаций, осуществляющих ту или иную хозяйственную деятельность, или исполнения законодательства в той или иной сфере не может расцениваться как основание для организации проверки. Таким основанием, исходя из смысла рассматриваемой нормы Закона о прокуратуре, не являются также поручения Президента, Правительства Российской Федерации, поскольку они не содержат информации о нарушениях законов конкретными субъектами. Как представляется, статья 21 Закона о прокуратуре в этой части требует дополнения.

Вернемся к проблематике отсутствия единообразной правоприменительной практики при проведении прокурорами проверок исполнения законов. Согласно пункту 3 статьи 21 Закона о прокуратуре, решение о проведении проверки принимается прокурором или его заместителем и доводится до сведения руководителя или иного уполномоченного представителя проверяемого органа (организации) не позднее дня начала проверки¹¹. При этом ввиду неконкретности приведенной нормы закона имеется двуединая проблема, связанная с неоднозначно складывающейся в российских регионах практикой вынесения решения о проведении проверки и порядка уведомления об ее проведении.

Так, при наличии оснований о нарушении закона прокурором выносится решение о проведении проверки. Однако в законе не указывается, на какие виды прокурорских проверок требование о вынесении письменного решения распростра-

6 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 20.02.2015 г.).

7 Теоретические и организационные основы прокурорской проверки: моногр. / под общ. ред. Н. В. Субановой; Акад. Генер. прокуратуры Рос. Федерации. М., 2016. С. 21-22.

8 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 07.03.2017 г.).

9 О внесении изменений и дополнений в Закон Российской Федерации «О прокуратуре Российской Федерации»: федер. закон от 17 нояб. 1995 г. № 168-ФЗ // СЗ РФ. 1995. № 47. Ст. 4472.

10 Документ опубликован не был. Доступ из справ.- правовой системы «КонсультантПлюс».

11 См. подробнее: Белова Е. В. Новое о прокурорских проверках // Отдел кадров гос. (муницип.) учреждения. 2017. № 4. С. 60-67.

няется: исключительно при проведении выездной проверки или при проведении документарной проверки также. В различных субъектах Российской Федерации по-разному реализуется данное требование закона при организации и проведении проверок по обращениям граждан и юридических лиц, по которым, как правило, прокурор запрашивает требуемые документы и сведения без выхода в орган или организацию. В отдельных регионах в таких случаях в обязательном порядке выносятся письменное решение о проведении проверки, в других – такие решения не выносятся. В последнем случае это объясняется большим объемом поступающих обращений при отсутствии прямого законодательного указания об обязательности вынесения решений.

При этом представляется, что точка зрения о проведении документарной проверки, в том числе по обращению, без вынесения письменного решения об этом более верна, поскольку, исходя из правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации, явившейся основанием внесения изменений в Закон о прокуратуре, в случае с проведением документарной проверки, как и в случае, например, проведения проверки исполнения законодательства о корпоративных закупках на основании истребованных документов и материалов, вынесение решения и его направление в проверяемые орган или организацию не требуется. Ведь в этом случае прокурор не выходит к субъекту проверки, не отвлекает его от основной деятельности, а выводы о законности деятельности принимает на основании представленных самим руководителем органа или организации материалов.

Полагаем, что истребование документов не является прокурорской проверкой, по крайней мере, не является выездной проверкой, требующей вынесения письменного решения, внесения сведений в реестр проверок и направления уведомления о ее проведении в организацию.

Вторым проблемным вопросом является отсутствие единообразия при уведомлении о проведении прокурорских проверок, поскольку в законе не приведено способа, посредством которого следует направлять уведомление о проверке субъекту. Это может быть любой доступный способ, например, посредством направления электронного документа по адресу электронной почты юридического лица, в том числе подписанного электронной подписью, факсимильным, нарочным способом. При этом обычное почтовое отправление или иное долговременное доставление документа на практике исключается, поскольку в данном случае важна оперативность – доведение решения о проведении проверки до сведения руководителя или иного уполномоченного представителя проверяемого органа (организации) не позднее дня начала прокурорской проверки (пункт 3 статьи 21 Закона о прокуратуре).

При этом вопрос о сроке направления решения (уведомления) о проверке также остается дискуссионным как в научной среде, так и на практике. При буквальном толковании фразы «не позднее дня начала проверки» вышеприведенной нормы закона получается, что решение (уведомление) о проверке может быть вручено руководителю проверяемого субъекта непосредственно в момент прибытия прокурора на проверку, так сказать «с порога», при этом нарушения закона не будет, поскольку это будет сделано не позднее дня начала проверки. В законе не указано, что это должно быть сделано накануне дня проверки или не менее чем за двадцать четыре часа до начала ее проведения, как это, например, указано в пункте 16 статьи 10 Федерального закона от 26.12.2008 № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля».

Одной из особенностей проведения прокурорской проверки исполнения законодательства о закупках товаров, работ,

услуг отдельными видами юридических лиц, о которой уже упоминалось выше, является то, что основную массу проверочных мероприятий «прокурор-предметник», надзирающий за исполнением законов в рассматриваемой области, может осуществить в рамках мониторинга общедоступных источников в сети «Интернет» – на сайте <http://zakupki.gov.ru>, сайте проверяемой организации, обязанной размещать большинство сведений и документов о закупочной деятельности начиная с планов и завершая сведениями об исполнении контрактов на указанных информационных платформах.

Данная особенность позволяет прокурору, не вынося письменное решение о проведении проверки и не уведомляя о ее проведении субъекта проверки, в режиме онлайн анализировать исполнение интересующей организацией требований Закона № 223-ФЗ, собственного положения о закупках, отдельных подзаконных актов, принятых в развитие вышеназванного Закона. Взаимодействие с проверяемым субъектом прокурор осуществляет на стадии истребования закупочных документов, объяснений ответственного за закупки должностного лица корпоративного заказчика о выявленных нарушениях законодательства, возбуждения дела об административном правонарушении, вручения представления об устранении нарушений закона и участия в рассмотрении внесенных актов реагирования. Непосредственный выход к субъекту проверки прокурором может быть осуществлен в данном случае с единственной целью – проверить фактическое исполнение и своевременность исполнения заключенного по итогам корпоративной закупки контракта.

В завершение отметим, что в рамках настоящей статьи рассмотрены особенности прокурорского надзора и надзорных проверок, характерных для сферы корпоративных закупок, определены имеющиеся недостатки, а также высказаны законодательные предложения, направленные на устранение имеющихся недостатков и пробелов, повышение качества прокурорского надзора. Так, Закон о прокуратуре в части регламентирования проведения проверки исполнения законов требует определенной корректировки, уточнения процедурных вопросов при ее проведении.

Пристатейный библиографический список

1. О внесении изменений и дополнений в Закон Российской Федерации «О прокуратуре Российской Федерации»: федер. закон от 17 нояб. 1995 г. № 168-ФЗ // СЗ РФ. 1995. № 47. Ст. 4472.
2. Белова Е. В. Новое о прокурорских проверках // Отдел кадров гос. (муницип.) учреждения. 2017. № 4. С. 60-67.
3. Винокуров Ю. Е., Глушков А. И. К вопросу о структуре прокурорского надзора как вида государственной деятельности // Административ. и муницип. право. 2012. № 1. С. 30-32.
4. Теоретические и организационные основы прокурорской проверки: моногр. / под общ. ред. Н. В. Субановой; Акад. Генер. прокуратуры Рос. Федерации. М., 2016. С. 21-22.

КОСТРОВА Нина Михайловна

доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского процесса Юридического института Дагестанского государственного университета

СУЛЕЙМАНОВ Магомед Юсупович

магистрант кафедры гражданского процесса Юридического института Дагестанского государственного университета

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА В СФЕРЕ ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ ДАГЕСТАН

Статья посвящена анализу состояния законности в сфере землепользования. Рассмотрены основные направления и вопросы эффективности прокурорского надзора, дана характеристика наиболее распространенных нарушений законодательства о землепользовании в Республике Дагестан, выявляемых прокуратурой, определены пути их устранения.

Ключевые слова: прокурорский надзор, сфера землепользования, государственный земельный надзор, состояние законности, коррупция, взаимодействие прокуратуры и государственного земельного надзора.

KOSTROVA Nina Mikhaylovna

Ph.D. in Law, professor of Civil process sub-faculty of the Law Institute of the Dagestan State University

SULEYMANOV Magomed Yusupovich

magister student of Civil process sub-faculty of the Law Institute of the Dagestan State University

PROBLEMS OF IMPLEMENTATION OF PROSECUTOR'S SURVEILLANCE IN THE SPHERE OF LAND USE IN THE REPUBLIC OF DAGESTAN

The state of legality in the sphere of land-use is analyzed in the article. The main trends and the effectiveness of public prosecutor's supervision are described, the most common violations of legislation on land tenure, identified by prosecutors, are characterized, and the ways of their elimination are identified.

Keywords: public prosecutor's supervision, land tenure sphere, the state land supervision, state legitimacy, corruption in land use, the interaction of the activities of the Prosecutor's office and the state land supervision.

Продолжающиеся реформы в сфере земельных правоотношений требуют все большего контроля со стороны уполномоченных органов, в том числе, прокуратуры.

Одной из гарантий реального соблюдения прав и свобод человека и гражданина являются полномочия прокурора по защите прав граждан. Органы прокуратуры несомненно вносят весомый вклад в проведение государственной земельной политики, акцентируя внимание на систематичности надзора, укреплению законности в земельных правоотношениях, побуждая контролирующие органы к активизации и совершенствованию своей деятельности. Актами прокурорского реагирования в законодательные (представительные) и исполнительные органы государственной власти, органы местного самоуправления прокуратура добивалась принятия необходимых мер по привлечению виновных лиц к предусмотренной законом ответственности, выяснению и устранению причин и условий совершения земельных правонарушений. Основы надзора за исполнением земельного законодательства установлены Приказом Генерального прокурора Российской Федерации от 7 декабря 2007 г. № 195 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов, соблюдением прав и свобод человека и гражданина» прокурорам предписано сосредоточить усилия на надзоре за исполнением законов о земле.

Основными задачами прокурорского надзора за исполнением земельного законодательства являются обеспечение верховенства закона и единства законности при предоставлении и изъятии земель, их использовании и охране, переводе из одной категории в другую, налогообложении, регистрации

прав на землю, осуществлении государственного надзора за использованием и охраной земель; предупреждение новых правонарушений, уменьшении в конечном итоге количества правонарушений.

Обратимся к прокурорской практике. Так, в частности, за 2017 год в сфере исполнения законов, защиты прав и свобод человека и гражданина прокурорами выявлено 4014 890 млн. нарушений. Особенно часто в судебном порядке прокурорами восстанавливались права многодетных семей на выделение земельных участков для жилищного строительства. В этой сфере устранено почти 3 тыс. нарушений законов.¹

Статистические данные свидетельствуют о возрастании количества исков: за период январь–ноябрь 2017 года в Российской Федерации выявлено нарушений закона – 2 407 829, подано исков в суд в сфере надзора за соблюдением прав человека – 462067².

Участившиеся в последнее время многочисленные нарушения прав и свобод человека и гражданина выявили недостатки в деятельности органов государственной власти, недоступность для многих граждан услуг адвокатов из-за отсутствия средств и, следовательно, понижение правовой защищенности граждан подчеркивают надобность усовершенствования

1 Фоминых В. В. Конституционные основы деятельности прокуратуры по защите прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации. Томск, 2016. С. 34.

2 Основные статистические данные о деятельности прокуратуры за январь–ноябрь 2017 г // Официальный сайт Генеральной прокуратуры РФ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://genproc.gov.ru/stat/data/> (дата обращения: 8.02.2018 г.).

вания и активизации прокурорского надзора за соблюдением прав и свобод человека и гражданина.

В Республике Дагестан по-прежнему острой остается проблема законности в сфере землепользования. По сравнению с 2016 годом наблюдается небольшое снижение уровня правонарушений, в 2017 г. совершено 99 599 против 127 141 в предыдущем году. При этом направлено исков в суд 10 358 против 10 270.

Рассмотрим на конкретном примере. Так, 18 ноября 2016 года были возбуждены уголовные дела по фактам завладения земельными участками мошенническим путем. Прокуратура города Махачкалы провела проверку по обращению местного жителя о нарушениях земельного законодательства. Проверка показала, что неустановленными лицами с 2011 по 2014 год с использованием поддельных постановлений администрации города Махачкалы приобретено право собственности на 4 земельных участка общей стоимостью 2,6 млн. рублей, а также совершено покушение на приобретение права собственности на земельный участок стоимостью 653 тысячи рублей, принадлежащих муниципальному образованию городской округ «город Махачкала» и расположенных в микрорайоне «Авиааграт». Материалы проверки прокуратура направила в следственные органы для решения вопроса об уголовном преследовании по ч. 4 ст. 159 (мошенничество) и ч.2 ст. 327 УК РФ (подделка официальных документов).

Аналогичная проверка прокуратурой города Махачкала проведена по обращению и.о. руководителя Управления Росреестра по РД о незаконном оформлении в собственность земельного участка в районе дома 15 по ул. Шоссе Аэропорта г. Махачкалы. Проверка показала, что неустановленными лицами на основании поддельного постановления главы администрации г. Махачкалы зарегистрировано право собственности на муниципальный земельный участок общей площадью 800 кв. м стоимостью 318 тысяч рублей. По материалам прокурорской проверки возбуждено уголовное дело по ч. 3 ст. 159 и ч. 2 ст. 327 УК РФ³.

Включение в Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» специальной главы «Надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина», с одной стороны, показывает особую актуальность для России соблюдения прав и свобод граждан, а с другой — усиление роли прокуратуры как органа надзора в обеспечении этих прав и свобод в переходный период для государства. Россия, будучи принятой в Европейский Союз, взяла на себя обязательство по неукоснительному соблюдению прав и свобод человека и гражданина, по созданию необходимых условий для реализации гражданами предоставленных им прав и свобод.

Анализ результатов прокурорских проверок наглядно показал, что наиболее распространенными нарушениями являются несоблюдение законодательства о проведении аукционов, незаконный перевод земель в иную категорию, отсутствие надлежащего земельного надзора и контроля уполномоченных органов власти и местного самоуправления. Приведем конкретные примеры. Органами прокуратуры Республики Дагестан установлено, что в 2016 году постановлением администрации города образован и по результатам конкурса пре-

доставлен в аренду местному жителю земельный участок, площадью 442 кв.м, под строительство многоквартирного дома.

При этом, в нарушение требований закона, участок образован в зоне, застроенной многоквартирными домами, в извещении о проведении аукциона на заключение договора аренды не были указаны сведения о допустимых параметрах разрешенного строительства, о технических условиях подключения объекта капитального строительства к сетям инженерно-технического обеспечения, допущены иные нарушения.

В связи с этим, прокуратура в суд направила исковое заявление о признании недействительными указанных постановлений главы города, аукциона и договора аренды и возврате участка в муниципальную собственность. Советский районный суд города Махачкалы требования прокуратуры удовлетворил в полном объеме.

Также по иску прокуратуры возвращен в муниципальную собственность земельный участок площадью 327 кв.м., право собственности на который было зарегистрировано на основании отмененного по протесту прокуратуры постановления администрации города о выделении указанного участка.

Зачастую имеют место факты незаконного распоряжения земельными участками, использования земельных участков без правоустанавливающих документов. В деятельности органов местного самоуправления встречаются факты нарушений установленного порядка рассмотрения обращений граждан о предоставлении земельных участков, информирования населения о предоставлении земельных участков, изъятия земельных участков. Не редки случаи превышения органами местного самоуправления полномочий, проявляющиеся в распоряжении земельными участками, не находящимися в муниципальной собственности.

Установлено, что в 2017 году постановлениями администрации города Махачкала гражданину N и ООО «Агенство Я и Компания Собственников» предоставлены в собственность два земельных участка, соответственно, в МКР Г-2 Приморско-го жилого района и по ул. Даниялова.

При предоставлении участков были нарушены требования градостроительных нормативов.

Кроме того, в нарушение требований земельного законодательства площадь участка, предоставленного без торгов указанному юридическому лицу, значительно превышала площади находящихся на данном участке нежилых помещений, принадлежащих компании.

В связи с этим, на указанные постановления администрации города прокуратура принесла протесты. По результатам их рассмотрения незаконные правовые акты отменены.

Прокуроры нередко выявляют длящиеся нарушения, которые за долгие годы не установили уполномоченные органы земельного надзора. Распространенность нарушений земельного законодательства требует от специально уполномоченных государственных органов, осуществляющих контрольные функции в сфере земельных отношений, надлежащего исполнения своих полномочий. Однако проверки показывают, что свои обязанности эти органы исполняют не всегда и недостаточно эффективно используют предоставленные полномочия.

Органами, осуществляющими государственный земельный надзор, не соблюдаются требования, установленные Федеральным законом от 26 декабря 2008 г. № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей

3 Официальный сайт Прокуратуры Республики Дагестан. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http://dagproc.ru/index.php?id=32&no_cache=1&tx_ttnews\[tt_news\]=4723](http://dagproc.ru/index.php?id=32&no_cache=1&tx_ttnews[tt_news]=4723) (дата обращения: 8.02.2018 г.).

при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля», не принимаются исчерпывающие меры реагирования, направленные на устранение выявленных нарушений и привлечение виновных к установленной законом ответственности⁴.

Следует отметить, что нарушения законодательства со стороны органов государственного земельного контроля особенно недопустимы, так как эти органы призваны специальными мерами, в том числе властного характера, обеспечивать проведение государственной политики в сфере использования и оборота земель, тем самым способствовать стабилизации экономических и социальных отношений.

К примеру, в ходе проверки прокуратурой Карабудахкентского района выявлены факты незаконного представления администрацией муниципального образования «село Уллубийаул» земельных участков в аренду.

Так, в нарушение требований закона до заключения договоров аренды земельные участки в установленном порядке не сформированы, не проведены кадастровые работы, не составлен межевой план с указанием размера и местоположения границ участков.

Кроме того, предоставленные в аренду земельные участки не выставлены на торги, в результате чего нарушены права неопределенного круга лиц на заключение соответствующих договоров.

В связи с этим, прокуратурой в суд направлено 9 исковых заявлений о признании недействительными договоров аренды и возвращении земельных участков муниципальному образованию «село Уллубийаул»⁵.

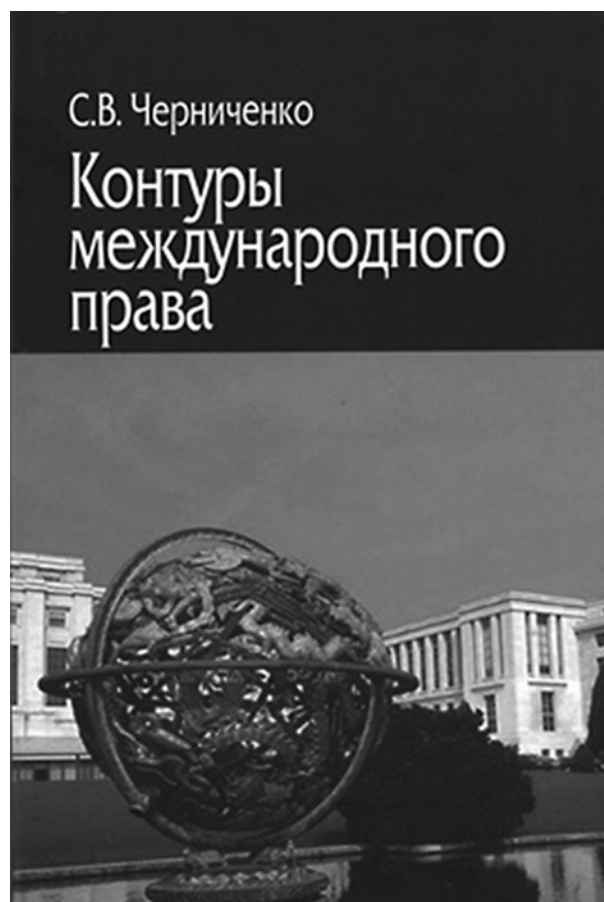
Таким образом, органы прокуратуры занимают самое важное место в механизме защиты прав и свобод человека и гражданина, поскольку правозащитная деятельность является для нее особой, главной задачей, потому что эффективная деятельность прокуратуры есть важнейшее условие обеспечения верховенства закона, укрепления и единства законности, защиты прав и свобод человека и гражданина. Реализуя свои полномочия в строгом соответствии с Конституцией и законами, прокуратура правовыми методами обеспечивает контроль государства за деятельностью всех ветвей власти. Она противодействует не только противоправным деяниям в самых различных сферах общественной, государственной и частной жизни, но и является гарантом восстановления нарушенных прав и свобод личности.

Пристатейный библиографический список

1. Кагамлык М. Ю. Надзор за исполнением законов в сфере использования государственного имущества // Законность. 2015. № 11.
2. Основные статистические данные о деятельности прокуратуры за январь-ноябрь 2017 г. // Официальный сайт Генеральной прокуратуры РФ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://genproc.gov.ru/stat/data/> (дата обращения: 8.02.2018 г.).
3. Официальный сайт Прокуратуры Республики Дагестан. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http://dagproc.ru/index.php?id=32&no_cache=1&tx_ttnews\[tt_news\]=4723](http://dagproc.ru/index.php?id=32&no_cache=1&tx_ttnews[tt_news]=4723) (дата обращения: 8.02.2018 г.).
4. Прокуратурой Карабудахкентского района выявлены факты незаконной передачи муниципальных земельных участков в аренду // Официальный сайт Прокуратуры Республики Дагестан. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http://dagproc.ru/index.php?id=32&no_cache=1&tx_ttnews\[tt_news\]=6632](http://dagproc.ru/index.php?id=32&no_cache=1&tx_ttnews[tt_news]=6632) (дата обращения: 28.03.2018 г.).
5. Фоминых В. В. Конституционные основы деятельности прокуратуры по защите прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации. Томск, 2016.

4 Кагамлык М. Ю. Надзор за исполнением законов в сфере использования государственного имущества // Законность. 2015. № 11. С. 38.

5 Прокуратурой Карабудахкентского района выявлены факты незаконной передачи муниципальных земельных участков в аренду // Официальный сайт Прокуратуры Республики Дагестан. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http://dagproc.ru/index.php?id=32&no_cache=1&tx_ttnews\[tt_news\]=6632](http://dagproc.ru/index.php?id=32&no_cache=1&tx_ttnews[tt_news]=6632).

ДЖАМАЛОВА Вероника Рафиковна

магистрант кафедры теории государства и права Юридического института Дагестанского государственного университета

МЕСТО И РОЛЬ СЛЕДСТВЕННОГО КОМИТЕТА РФ В СИСТЕМЕ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ

В данной статье исследуются вопросы, возникающие в ходе анализа структуры Следственного комитета РФ, определения места Следственного комитета РФ в системе правоохранительных органов. Ознакомление с общими положениями, а также структурой, задачами и функциями Следственного комитета РФ позволяет дать оценку и иметь представление о Следственном комитете как органе государственной власти, осуществляющем производство предварительного расследования по уголовным делам, процессуальный контроль, криминалистическую, судебно-экспертную и ревизионную деятельность.

Ключевые слова: правоохранительные органы, следственный комитет, надзор, уголовное судопроизводство, правосудие, процессуальный контроль.

DZHAMALOVA Veronika Rafikovna

magister student of Theory of state and law sub-faculty of the Law Institute of the Dagestan State University

PLACE AND ROLE OF THE INVESTIGATIVE COMMITTEE OF THE RUSSIAN FEDERATION IN THE SYSTEM OF LAW ENFORCEMENT BODIES

This article explores the issues that arise during the analysis of the structure of the Investigative Committee of the Russian Federation, the location of the Investigative Committee of the Russian Federation in the system of law enforcement agencies. Familiarization with the general provisions, as well as the structure, tasks and functions of the Investigative Committee of the Russian Federation makes it possible to assess and have an idea of the Investigative Committee as a state authority conducting preliminary investigation of criminal cases, procedural control, forensic, forensic and audit activities.

Keywords: law enforcement bodies, investigation committee, supervision, criminal justice, justice, procedural control.

Джамалова В. Р.

Введение

Национальная безопасность – защита прав и свобод человека, обеспечение законности и правопорядка, а также борьба с преступностью и иными правонарушениями, в РФ является одной из важных задач и занимает одно из центральных мест. Национальная безопасность обеспечивается специально уполномоченными органами в частности – правоохранительными, которые наделены спектром полномочий, осуществляющих охрану и защиту прав человека.

В России выделяют следующие правоохранительные органы, которые на основании специальных законов осуществляют оперативную, следственную или прокурорскую деятельность: Прокуратура РФ; Следственный комитет РФ; Федеральная служба безопасности; Федеральная служба войск национальной гвардии; Министерство внутренних дел (Федеральная таможенная служба (только правоохранительные подразделения) Министерство юстиции РФ).

Каждый из этих органов, осуществляющих правоохранительную деятельность, имеет большое значение и занимает определенное место в системе правоохранительных органов, в том числе и Следственный комитет РФ¹.

Место и значение Следственного комитета можно определить при изучении наделенных полномочий и выполняемых задач, предусмотренных законодательством РФ как самостоятельного органа, который не является подотчетным какому-либо из перечисленных органов, а также при изучении основ-

ных направлений деятельности. Анализ деятельности СК РФ показывает, что в современных условиях основными направлениями ее деятельности по обеспечению национальной безопасности являются борьба с организованной и экономической преступностью, коррупцией, наркоманией, алкоголизмом, с детской безнадзорностью и беспризорностью, противодействие терроризму и другие².

Следственный комитет РФ является федеральным государственным органом в Российской Федерации. Был образован на базе Следственного комитета при прокуратуре РФ. Правовой статус был изменен в целях эффективной работы, качественного ведения следствия, совершенствования деятельности органов предварительного следствия и усиления прокурорского надзора за исполнением законов указанными органами. От 28 декабря 2010 г. № 403-ФЗ «О Следственном комитете Российской Федерации» был принят Федеральный закон, который вступил в силу 15 января 2011 г.

Следственный комитет РФ занимается делами в сфере уголовного судопроизводства, в соответствии с законодательством. Задачами СК РФ являются своевременное и правильное исполнение требований закона при производстве предварительного расследования, а также защита прав и интересов граждан, оперативное расследование преступлений. Это позволяет обеспечить полное раскрытие преступлений, наказать виновного путем привлечения к уголовной ответственности,

1 Герасимова Ю. Р., Мухина Р. Р., Рогова Е. В. Правоохранительные органы – гарант безопасности и правопорядка // Обеспечение национальной безопасности России в современном мире. 2016.

2 Анищенко А. В. Роль Следственного комитета в обеспечении национальной безопасности РФ // конференция Обеспечение национальной безопасности России в современном мире. 2016.

а также избежать необоснованного обвинения личности и защиты ее от ограничения прав и свобод.

Существует мнение, что Следственный комитет, находясь в подчинении Прокуратуры РФ работал намного эффективнее, т.к. осуществлялся контроль над работой следователей, профессиональная квалификация и деловые качества соответствовали профессиональным знаниям прокурорских работников, необходимость которых, ощущалась при ведении расследования, а также при осуществлении других задач, поставленных перед Следственным комитетом. Это повышает уровень знаний работников СК³. Однако как отмечалось в Концепции судебной реформы 1991 года «соединение в лице прокурора функций расследования преступлений и надзора за ним же противоречит системному подходу, вызывает опасные перекосы в досудебных стадиях уголовного судопроизводства». Различные авторы сходились на том, чтобы создать единый самостоятельный следственный аппарат, так как работа следователей под контролем прокурора негативно сказывалась на качестве прокурорского надзора. И появление Следственного комитета рассматривается как первый шаг по выполнению положений этой Концепции⁴.

По мнению президента РФ В. В. Путина «решение о создании самостоятельного Следственного комитета было абсолютно правильным и себя оправдало. Следователи работают с отдачей, профессионально, добиваются серьезных результатов». Также он отмечал, что, безусловно, следственные органы должны работать, руководствуясь положениями закона, но при этом нельзя отгораживаться от общественного мнения, напротив нужно прислушиваться к нему.

Нельзя не отметить также и других мнений, которые считают, что характер создания Следственного комитета является нецелесообразным. Так, А. С. Александров и М. Л. Поздняков утверждают, что «создание СКР было в свое время непродуманным решением, которое завело в тупик реформу предварительного расследования и привело к разладу механизма публичного уголовного преследования в нашей стране»⁵.

Функциональная самостоятельность СК РФ благоприятно сказывается на работе по борьбе с коррупцией, которая имеет большое распространение во всех государственных органах, в том числе и правоохранительных⁶. К примеру, предьявленное обвинение бывшему главе республики Марий Эл – Председателю республиканского правительства Леониду Маркелову в получении взятки в размере 235 млн рублей или же задержание бывшего министра финансов правительства Московской области Кузнецова, подозреваемого в мошенничестве с ущербом в 3,5 миллиарда рублей⁶.

Этот орган должен быть направлен именно на расследование и раскрытие преступлений, избежав при этом привлечения к уголовной ответственности невиновных лиц и причинения вреда окружающим. Т.е. все внимание должно быть направлено на прямые обязанности, предусмотренные законодательством и защиту прав и свобод людей, соблюдая все нормы. Как самостоятельный орган Следственный комитет несет большую ответственность перед президентом и государ-

ством в целом, что повышает его роль и значение и оказывает некое влияние на становление и развитие правового государства. При большой ответственности орган работает продуктивнее, что и повышает число раскрытых преступлений, это и не дает народу потерять веру в государство и правосудие.

При взаимодействии с другими правоохранительными органами возникают противоречия и расхождения мнений, что приводит к конфликтным ситуациям. Для того, чтобы этого избежать необходимо обеспечение соблюдения принципа недопустимости вмешательства в его деятельность со стороны этих органов и баланса компетенций, которые не должны между собой пересекаться. Что касается коррупции и уклонения от своих обязанностей среди работников Следственного комитета сформирована специальная система процессуального контроля именно за деятельностью следователя, которая полностью себя оправдывает и совершенствуется. Для подготовки кадров на должности в следственных органах и повышения уровня знаний создана Правительством от 27 января 2014 г № 77-р Академия Следственного комитета РФ.

Создание Следственного комитета было целесообразным, в силу рассмотренных выше обстоятельств. Необходимость создания этого органа подчеркивается количеством раскрытых преступлений и полномочия, которыми наделены органы Следственного комитета и самостоятельность доказывают доверие, оказываемое со стороны государства. Только углубившись в работу Следственного комитета, мы понимаем, насколько это важный и ответственный вид деятельности⁷.

Пристатейный библиографический список

1. Амелина Е. Е. Следственный комитет Российской Федерации в системе правоохранительных органов // дис. ... канд. юрид. наук. 2015.
2. Анищенко А. В. Роль Следственного комитета в обеспечении национальной безопасности РФ // конференция Обеспечение национальной безопасности России в современном мире. 2016.
3. Герасимова Ю. Р., Мухина Р. Р., Рогова Е. В. Правоохранительные органы – гарант безопасности и правопорядка // Обеспечение национальной безопасности России в современном мире. 2016.
4. Лодыгин С. Н. Проблемы взаимодействия прокуратуры РФ с органами предварительного расследования // Научное сообщество студентов XXI столетия. Гуманитарные науки. 2013. № 14.
5. Николин Д. А., Сунцова Е. А. О роли и месте Следственного комитета РФ в механизме охраны прав и свобод человека и гражданина и в системе органов государственной власти // Журнал Правозащитник. 2014. № 4.
6. Омарова Х. М., Исмаилова К.А. Следственный комитет в системе правоохранительных органов России // Евразийский юридический журнал. 2014. № 3.
7. Официальный сайт Следственного комитета, 2017 г.

3 Николин Д. А., Сунцова Е. А. О роли и месте Следственного комитета РФ в механизме охраны прав и свобод человека и гражданина и в системе органов государственной власти // Журнал Правозащитник. 2014. № 4.

4 Лодыгин С. Н. Проблемы взаимодействия прокуратуры РФ с органами предварительного расследования // Научное сообщество студентов XXI столетия. Гуманитарные науки. 2013. № 14.

5 Там же.

6 Официальный сайт Следственного комитета, 2017 г.

7 Амелина Е. Е. Следственный комитет Российской Федерации в системе правоохранительных органов // дис. ... канд. юрид. наук. 2015.

ПОЛЕВЩИКОВА Светлана Георгиевна

юрисконсульт правового направления Минераловодского линейного управления МВД России на транспорте, Ставропольский край, г. Минеральные Воды

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ МЕР ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПО ДЕЛАМ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ, РАССМАТРИВАЕМЫХ ДОЛЖНОСТНЫМИ ЛИЦАМИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

В статье анализируется практика применения мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях в Российской Федерации. В статье рассматриваются административное задержание, доставление и привод как меры процессуального обеспечения производства по делам об административных правонарушениях и способы обеспечения общественного порядка и безопасности, акцентируется внимание на порядке применения указанных мер органами внутренних дел.

Применяются общенаучные методы (системный метод, анализ, синтез) и традиционно правовые методы (формально-логический).

Рассматриваются существующие проблемы и возможные способы усовершенствования законодательства. Автором предлагается дополнить Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях нормами, которые восполнили бы существующие правовые пробелы.

Ключевые слова: меры обеспечения, административное задержание, доставление, привод, дело об административном правонарушении.

POLEVSHIKOVA Svetlana Georgievna

legal counsel of the Mineralovodsk linear Department of the MIA of Russia on transport, Stavropol region, Mineralnye Vody

ACTUAL PROBLEMS OF APPLICATION OF MEASURES TO ENSURE IN ADMINISTRATIVE CASES CONSIDERED BY THE AGENCIES OF INTERNAL AFFAIRS (POLICE)

The article analyzes the practice of application of measures to ensure in administrative cases in Russian Federation. The article describes administrative detention, taking and delivering as a measure to ensure procedural proceedings on administrative offenses, and ways to ensure public order and safety, the focus is on the order of application of these measures by police.

General scientific methods (systemic method, analysis, synthesis) and traditionally legal methods (formal logical) are used.

The existing problems and possible ways to improve the legislation are considered. The author proposes to supplement the Code of Russian Federation on Administrative Offences article with rules, which would make up for the existing shortcomings.

Keywords: measures to ensure, administrative detention, taken, delivering, administrative proceedings.

Исследованию обеспечения приоритетности прав и свобод человека, их значимости в обществе и государства посвящено множество научных работ. Однако, несмотря на масштабные исследования этой темы, правоприменительная практика выявляет множество вопросов, требующих не только научного, но и практического разрешения.

Исходя из этого, целью данной статьи стало исследование мер, которые могут быть предприняты для обеспечения производства по делу об административном правонарушении в контексте обеспечения основополагающих прав, свобод и интересов личности и в первую очередь свободы и неприкосновенности личности.

Любое правовое государство признает права личности и гражданина высшей ценностью и рассматривает государственные органы, прежде всего, как составляющие механизма, призванного обеспечить соблюдение этих прав.

Этот вопрос приобретает особое значение в правоотношениях, где одним из участников выступают органы и должностные лица, исполняющие функции государства, а другим – человек, личность, гражданин.

На протяжении вот уже более 17 лет с момента принятия Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях не ослабевают дискуссии на тему вопроса обеспечения прав, свобод и интересов человека и гражданина в рамках производства по делам об административных правонарушениях.

Особое внимание практикующими юристами уделяется вопросам применения мер обеспечения по делам об адми-

Полевщикова С. Г.

нистративных правонарушениях, которые зачастую связаны с ограничением тех или иных прав и свобод граждан, гарантированных на государственном и международном уровнях. По мнению автора, актуальность выбранной темы исследования неизменна даже по истечении столь длительного времени с момента принятия Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ). Ведь последствия применения мер обеспечения в административном производстве весьма серьезны – ограничение прав человека и гражданина на свободу передвижения и выбора места пребывания, свободу и личную неприкосновенность и т.д.

По сути, данные меры используются для сбора и закрепления доказательств, а также обеспечения возможности выполнить необходимые процессуальные действия. Комплекс мер обеспечения является единственным эффективным и легитимным средством устранения препятствий для успешной реализации института административной ответственности.

Административное задержание, пожалуй, одна из самых жестких мер обеспечения в рамках административного производства, которая, по сути, является кратковременным лишением свободы человека.

Следует отметить, что действующее административно-деликтное законодательство не предусмотрело конкретные основания для административного задержания, что представляется совершенно нелогичным. Законодатель ограничился лишь формулировкой об «исключительности» случаев, когда может быть применено задержание. На практике же столь яв-

ный пробел в законодательстве ведет к некоей избирательности применения закона, что недопустимо.

Автор считает, что основания применения задержания должны быть детально конкретизированы нормативно.

Из ст. 1.4 КоАП РФ следует, что в отношении должностных лиц, выполняющих определенные государственные функции, Конституцией РФ и федеральными законами могут быть установлены особые условия применения мер обеспечения производства по делу об административном правонарушении и привлечения к административной ответственности. Выполнение значимых публично-правовых функций обусловило особый порядок применения к лицам данной категории мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях (Президент РФ, депутаты законодательных органов, судьи, прокуроры и т.д.).

Пунктом 8.3.1 приказа МВД России от 30 апреля 2012 г. № 389 «Об утверждении Наставления о порядке исполнения обязанностей и реализации прав полиции в дежурной части территориального органа МВД России после доставления граждан» предусмотрено, что при установлении факта, что доставленное в полицию лицо обладает неприкосновенностью в соответствии с законодательством Российской Федерации, указанное лицо незамедлительно освобождается.

При этом нормы об особом порядке применения такой меры обеспечения как административное задержание в отношении вышеперечисленных лиц «раскиданы» по разным законодательным актам, регулирующим их деятельность и правовой статус.

Представляется целесообразным систематизировать указанные положения и предусмотреть перечень субъектов, в отношении которых применяется особый порядок административного задержания непосредственно в КоАП РФ.

Применение административного задержания к гражданину неразрывно связано с еще одним видом мер обеспечения в рамках административного производства – доставлением. В соответствии с ч. 4 ст. 27.5 КоАП РФ срок административного задержания лица исчисляется с момента его доставления.

Цель доставления схожа с целью административного задержания – ограничение права человека на передвижение.

С момента доставления правонарушителя в полицию в подавляющем большинстве случаев к нему применяется новая мера обеспечения по делу об административном правонарушении – административное задержание, срок которого по общему правилу не должен превышать 3 часов. Из анализа норм КоАП РФ следует, что время, затраченное на доставление гражданина, в срок административного задержания не входит. Это порождает массу вопросов в юридической литературе. Ведь при применении данной меры обеспечения ограничиваются конституционные права граждан на свободу передвижения. В отличие от административного задержания законом не оговорены предельные четкие сроки доставления, что создает благоприятные условия для злоупотребления полномочиями должностными лицами органов внутренних дел. Законодатель лишь указал, что доставление осуществляется в возможно короткий срок. Однако эта формулировка неизбежно вызывает проблемы, связанные с практическими особенностями исполнения доставления. Так, Ю. Н. Рябенко указал, что в случае доставления лиц, задержанных за участие в массовых несанкционированных митингах, время доставления может исчисляться несколькими часами, с момента помещения правонарушителей в спецтранспорт до доставления в отдел полиции.¹

В этой связи представляется логичным установить конкретное время для доставления лиц, совершивших административные правонарушения, в полицию.

Здесь мнения ученых разделяются. Д. В. Пивоваров считает, что срок доставления не должен превышать одного часа.² А.

Г. Гришаков и А. Ю. Прибытко считают необходимым установить срок доставления такой же, как и для административного задержания – 3 часа.³

По мнению автора, необходимо установить предельный срок доставления граждан в отдел полиции не более 3 часов, который может быть продлен лишь по трем основаниям:

- 1) Необходимость оказать медицинскую помощь доставляемому;
- 2) Территориальная удаленность;
- 3) Пропускная способность автодорог в городах областного значения.

Следует отметить, что КоАП РФ предусматривает необходимость процессуального оформления применения любой меры обеспечения в рамках административного производства. В ст. 27.2 КоАП РФ предусмотрено, что о доставлении составляется протокол либо делается соответствующая запись в протоколе об административном правонарушении или в протоколе об административном задержании. Вместе с тем, законодательное определение формы содержания именно протокола о доставлении отсутствует. По мнению автора, коль скоро последствия доставления практически идентичны последствиям административного задержания – ограничение свободы передвижения, необходимо законодательно предусмотреть отдельное процессуальное оформление данной меры обеспечения.

На практике должностные лица встречают неповиновение доставляемых лиц указанию уполномоченного должностного лица либо оказание сопротивления. При такой ситуации доставление может быть реализовано только с помощью применения физической силы. Однако в КоАП РФ данная ситуация не предусмотрена – не регламентирован вопрос применения физического воздействия либо специальных средств. Данный пробел делает невозможным исполнение органами внутренних дел такой меры обеспечения как доставление. Тем более, что зачастую доставление должно быть применено оперативно.

Автору представляется целесообразным предусмотреть в ст. 27.2 КоАП РФ положения об основаниях применения физической силы либо спецсредств при доставлении.

Необходимо отметить, что административное и уголовное право выполняют схожие функции – охрана правопорядка в государстве, составы административных и уголовных норм зачастую сопоставимы и согласованно выполняют, в том числе, и превентивные задачи.

Одной из характеристик состояния преступности, ежегодно учитываемых статистическими службами, является количество совершенных преступлений в состоянии алкогольного опьянения.

Глава МВД Владимир Колокольцев заявил, что за последние пять лет в России количество преступлений, совершаемых в состоянии алкогольного опьянения, выросло в два раза. По данным МВД РФ, если в 2011 году в состоянии алкогольного опьянения совершалось каждое пятое преступление, то в 2017 году перед совершением преступления спиртное употребил каждый третий преступник.⁴

Приведенная тенденция роста преступлений, совершенных в состоянии алкогольного опьянения, свидетельствует о наличии серьезных системных проблем, испытываемых органами правопорядка при профилактической работе с лицами, обнаруживающими девиантное поведение в состоянии алкогольного опьянения.

Следует отметить, что автору приведенная МВД РФ официальная статистика не показалась чем-то удивительным или случайным, поскольку приказ МВД СССР № 106 от 30 мая 1985 г., на основании которого функционировала, в целом, хорошо зарекомендовавшая себя система медицинских вытрезвителей, признан недействующим с 1 января 2010 года, а в октябре 2011 года был закрыт последний вытрезвитель.

Из ст. 27.5 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях следует, что срок административного

1 Рябенко Ю. Н. Административное задержание и доставление // Законность. - 2015. - № 10. - С 57.

2 Пивоваров Д. В. Доставление как мера обеспечения производства по делам об административных правонарушениях, применяемая сотрудниками полиции // Научный Вестник Омской академии МВД России. - 2016. - № 1(60). - С. 27.

3 Гришаков А. Г., Прибытко Ю. А. Доставление как мера обеспечения производства по делам об административных правонарушениях в деятельности полиции: теория и практика применения // Алтайский юридический вестник. - 2015. - № (3) 11. - С. 64.

4 Тасс. Информационное агентство России. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://tass.ru/proisshestiya/4109316> (дата обращения: 30.03.2018 г.).

задержания лица, находящегося в состоянии опьянения, исчисляется с момента его вытрезвления. Однако, отсутствуют какие-либо правовые нормы, регламентирующие, когда именно наступает момент протрезвления, каким образом сотрудник полиции может данный факт определить. Без специальных медицинских познаний довольно сложно установить факт вытрезвления – алкоголь действует на каждого индивидуально.

Налицо серьезный правовой пробел, который предполагает возможность злоупотребления пределами полномочий должностным лицом, осуществившим задержание гражданина, находящегося в состоянии опьянения.

По мнению автора, необходимо вернуть практику, существовавшую ранее в медицинских вытрезвителях – удостоверение факта вытрезвления медицинским работником, обладающим соответствующей квалификацией.

Интересны в контексте изложенного результаты социального опроса, проведенного центром социологических исследований «Левада-центр», согласно которым 80% российских граждан считает необходимым возобновить практику функционирования медицинских вытрезвителей.⁵

Автор согласен с целесообразностью восстановления деятельности специальных учреждений, где происходило бы вытрезвление граждан, совершивших административные правонарушения, поскольку это явилось бы дополнительным рычагом воздействия на лиц, злоупотребляющих алкоголем и ведущим антиобщественный образ жизни.

Кроме того, сам термин «опьянение» в современных реалиях имеет много значений и связан не только с употреблением алкоголя, но и наркотических, токсических веществ. Следовательно, время вытрезвления, по сравнению с алкогольным опьянением, может быть совершенно иным.

Поэтому назрела необходимость проработать данный вопрос не только с юридической, но и с медицинской точки зрения, а результаты этих исследований зафиксировать в правовых нормах, разъяснив, наконец, практикующим должностным лицам органов внутренних дел конкретный алгоритм действий по установлению момента вытрезвления задержанного лица.

Рассмотрим еще одну из мер обеспечения в рамках административного производства, связанную с ограничением свободы передвижения – привод. Указанная мера закреплена в КоАП РФ для обеспечения участия лица, уклоняющегося от явки в соответствующий орган административной юрисдикции, рассматривающий дело об административном правонарушении.

В юридической литературе принято разделять фактические и процессуальные основания привода.⁶

Уклонение от явки лица, которое уведомлено о необходимости явки в соответствующий орган, рассматривающий дело об административном правонарушении, в случае, если его неявка препятствует всестороннему, полному, объективному и своевременному выяснению обстоятельств дела и разрешению его в соответствии с законом, является фактическим основанием привода.

Процессуальным основанием является процессуальный документ, выносимый соответствующим должностным лицом, уполномоченным на рассмотрение дела об административном правонарушении.

КоАП РФ предусмотрел перечень лиц, в отношении которых применяется данная мера обеспечения – физическое лицо либо законный представитель юридического лица, в отношении которых ведется производство по делу об административном правонарушении, законный представитель несовершеннолетнего лица, привлекаемого к административной ответственности, свидетель, а также понятые и потерпевшие.

Следует отметить, что юридическая дефиниция понятия привода в действующих нормативных актах отсутствует. Автор согласен с мнением Д. С. Пивоварова, В. И. Сургутскова о том, что под приводом как мерой обеспечения производства по делу об административном правонарушении следует понимать принудительное препровождение сотрудником органа внутренних дел

(полиции) лица, уклоняющегося без уважительной причины от непосредственного участия в рассмотрении дела об административном правонарушении, после надлежащего его уведомления судьей, органом, должностным лицом, рассматривающими дело, если такое участие признается ими обязательным.⁷

Из анализа положений статей 29.4 и 29.8 КоАП РФ можно сделать вывод о том, что привод может быть применен только на стадии рассмотрения дела об административном правонарушении. На практике зачастую физические лица, а также представители юридических лиц уклоняются от явки на стадии возбуждения дела. Поскольку для составления протокола предусмотрены определенные сроки, виновное лицо вполне может избежать ответственности за совершенное правонарушение, уклоняясь от явки для составления протокола.

В этой связи автор считает совершенно логичным предусмотреть на законодательном уровне возможность применения привода на стадии возбуждения дела об административном правонарушении.

В заключение автор считает нужным отметить, что система мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях призвана выполнять задачи эффективного, адекватного и оперативного реагирования органами внутренних дел на нарушение правопорядка. При этом законодатель предусмотрел систему сдержек и противовесов в административном производстве, дабы не нарушать прав и законных интересов лиц, привлекаемых к ответственности.

Вместе с тем, за семнадцатилетнюю историю действия современного административно-деликтного законодательства назрела необходимость его совершенствования. Это закономерный процесс, вызванный социальными, экономическими, общественными изменениями, происходящими в государстве.

Восполнение правовых пробелов в законодательстве, регламентирующем применение мер обеспечения в рамках административного производства, позволит органам внутренних дел и другим органам административной юрисдикции наиболее эффективно выполнять функции по охране правопорядка в государстве.

Пристатейный библиографический список

1. Гришаков А. Г., Прибытко Ю. А. Доставка как мера обеспечения производства по делам об административных правонарушениях в деятельности полиции: теория и практика применения // Алтайский юридический вестник. - 2015. - № (3) 11. - С. 64.
2. Пивоваров Д. В. Доставка как мера обеспечения производства по делам об административных правонарушениях, применяемая сотрудниками полиции // Научный Вестник Омской академии МВД России. - 2016. - № 1(60). - С. 27.
3. Рябенко Ю. Н. Административное задержание и доставление // Законность. - 2015. - № 10. - С. 57.
4. Соколов А. Ю. Меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях: монография. - М.: Норма, 2015. - С. 320.
5. Сургутсков В. И., Пивоваров Д. В. О совершенствовании правового регулирования применения полицией отдельных мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях // Актуальные проблемы российского права. - 2015. - № 11. - С. 111 - 117.
5. Левада-Центр. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.levada.ru/nopisanie/o-tsentre/> (дата обращения: 30.03.2018 г.).
6. Соколов А. Ю. Меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях: монография. - М.: Норма, 2015. - С. 320.
7. Сургутсков В. И., Пивоваров Д. В. О совершенствовании правового регулирования применения полицией отдельных мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях // Актуальные проблемы российского права. - 2015. - № 11. - С. 111 - 117.

САМУСЕВИЧ Алексей Геннадьевич

кандидат юридических наук, доцент кафедры юриспруденции Иркутского национального исследовательского технического университета

ВАСИЛЬЕВА Екатерина Александровна

студент Института экономики, управления и права Иркутского национального исследовательского технического университета

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ТРАНСПОРТНОЙ ПОЛИЦИИ В МЕХАНИЗМЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ АВИАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Статья посвящена проблемам правового регулирования деятельности органов внутренних дела на транспорте в сфере обеспечения авиационной безопасности. В настоящее время данная деятельность имеет слабую правовую регламентацию. Практически во всех нормативных актах, которые регулируют общественные отношения в указанной сфере, отсутствуют нормы, которые в полной мере регламентировали бы деятельность транспортной полиции по обеспечению авиационной безопасности. Кроме того, отмечается, что среди методов осуществления авиационной безопасности сотрудниками полиции эффективным является метод профайлинга.

Ключевые слова: безопасность полетов, транспортная безопасность, авиационная безопасность, транспортная полиция, служба авиационной безопасности, акты незаконного вмешательства в деятельность гражданской авиации, профайлинг.

SAMUSEVICH Aleksey Gennadjevich

Ph.D. in Law, associate professor of Jurisprudence sub-faculty of the Irkutsk National Research Technical University

VASILJEVA Ekaterina Aleksandrovna

student of the Institute of Economics, Management and Law of the Irkutsk National Research State Technical University

ACTIVITY OF TRANSPORT POLICE IN THE MECHANISM OF ENSURING AVIATION SAFETY: PROBLEMS OF LEGAL REGULATION

The article is devoted to problems of legal regulation of activity of internal affairs agencies on transport in the sphere of ensuring aviation safety. Nowadays this activity has a weak legal regulation. Practically in all regulations, which govern the public relations in the specified sphere, there are no norms, which would fully regulate activities of transport police for ensuring aviation safety. Besides, it is noted that among the methods of implementation of aviation safety by police officers, the profiling technique is effective.

Keywords: safety of flights, transport safety, aviation safety, transport police, service of aviation safety, acts of illegal intervention in activity of civil aviation, profiling.

Самусевич А. Г.

Васильева Е. А.

Сегодня практически все страны пытаются создать эффективный механизм обеспечения авиационной безопасности в аэропортах. С каждым годом пассажиропоток только растет и безопасность полетов, в связи с появлением большого количества угроз, выходит на новый качественный уровень, наращивая присутствие в этом механизме государства в лице правоохранительных органов. Ежедневно по всему миру в нормальную деятельность гражданской авиации вмешиваются посторонние лица, в том числе и террористические организации. Указанные обстоятельства ставят под угрозу нормальное функционирование деятельности гражданской авиации, а также подрывают безопасность на воздушном транспорте. Транспортная безопасность направлена на защиту пассажиров, владельцев, получателей и перевозчиков грузов, владельцев и пользователей транспортных средств, транспортного комплекса и его работников, экономики страны, окружающей среды от угроз в транспортном комплексе.

Все вышесказанное дает основание говорить о том, что в настоящее время рассматриваемый вопрос становится актуальным как никогда. Стоит отметить, что специальное право-

вое регулирование транспортной деятельности детализируется во множестве нормативных правовых актов. Как видится, назрела необходимость в принятии единого транспортного закона, так как регулирование действующими нормативными правовыми актами общественных отношений в транспортной сфере привело к дублированию не только многочисленных норм, но фактически целых разделов транспортных кодексов и уставов. В связи с этим, оптимизация системы транспортного законодательства в целом и его структурных элементов путем унификации является важным средством повышения эффективности действия транспортных источников. Это способствует более четкой координации деятельности различных видов транспорта, а также транспортных комплексов.

В рамках данной статьи авторам представляется возможным обратить внимание на некоторые проблемы правового регулирования деятельности транспортной полиции в механизме обеспечения авиационной безопасности. Проблема состоит в том, что на сегодняшний день органы внутренних дел практически не участвуют в механизме обеспечения авиационной безопасности.

Анализ законодательства в этой сфере показывает, что единственное упоминание о деятельности транспортной полиции в обеспечении безопасности в аэропортах осталось только в Федеральном законе от 7.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции». Так, п. 5 ст. 12 говорит о том, что в обязанности полиции входит «... обеспечение безопасности граждан и общественного порядка... на транспортных магистралях, вокзалах, в аэропортах, в морских и речных портах и других общественных местах...». Также п. 16 ч. 1 ст. 13 Закона гласит, что полиция вправе «... принимать участие в досмотре пассажиров, их ручной клади и багажа на железнодорожном, водном или воздушном транспорте, метрополитене либо осуществлять такой досмотр самостоятельно в целях изъятия вещей и предметов, запрещенных для перевозки транспортными средствами»¹.

Кроме того, вся деятельность полиции на транспорте также осуществляется в соответствии с нормами Федерального закона от 09.02.2007 № 16-ФЗ «О транспортной безопасности»², где в общих чертах имеются упоминания об органах внутренних дел в сфере обеспечения транспортной, в том числе, авиационной безопасности. В этой связи, трудно не согласиться с мнением Н. М. Паршина, отмечающего: «В современной России, как и в далёком прошлом, вопросы обеспечения безопасности на транспорте занимают одно из лидирующих мест в политике государства. Одной из самых приоритетных направлений деятельности всех подразделений правоохранительных органов на транспорте является противодействие преступным действиям, составляющим угрозу для жизни и здоровья граждан»³.

В целом можно согласиться и с мнением А. В. Бецкова о том, что «что роль государства в системе обеспечения АБ (авиационная безопасность – прим. авт.) должна оставаться доминирующей, государственные функции нерационально делегировать посредническим лицам. В обеспечении АБ предпочтение должно отдаваться сотрудникам МВД России, имеющим практический опыт охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности на объектах воздушного транспорта. Целесообразно расширить полномочия органов и подразделений МВД России при обеспечении АБ»⁴.

Хотелось бы отметить, что ранее транспортная полиция в сфере обеспечения авиационной безопасности имела куда больше полномочий и правовой регламентации. В структуре транспортной полиции были созданы подразделения досмотра. Это касалось и проведения предполетного и послеполетного досмотров пассажиров и багажа.

Вместе с тем, в области правового регулирования деятельности полиции в обеспечении авиационной безопасности сегодня происходят противоречивые изменения. С одной стороны, все говорят о том, что необходимо усиливать меры по обеспечению безопасности на транспорте именно сотрудниками полиции, а с другой, делаем эту деятельность слабо урегулированной.

Так, федеральным законом от 31.12.2017 № 491-ФЗ «О внесении изменений в Воздушный кодекс Российской Федерации в части обеспечения авиационной безопасности»⁵ в Воздуш-

ный кодекс РФ (ВК РФ) и иные нормативные акты в этой области были внесены существенные изменения, в результате чего, словосочетания «орган внутренних дел» и «полиция» практически исчезли из этих актов, а именно из тех норм, которые регламентировали полномочия органов внутренних дел в обеспечении авиационной безопасности. Например, подпункт 4 пункта 2 ст. 84 ВК РФ теперь гласит: «Полиция на объектах воздушного транспорта осуществляет свою деятельность в соответствии с Федеральным законом «О полиции»». Как и было сказано ранее, в законе «О полиции» данному виду деятельности отнесено всего два пункта.

Не понятно чем руководствовался законодатель, принимая данные изменения, но как видно в настоящее время наблюдается слабая правовая регламентация деятельности транспортной полиции в сфере обеспечения авиационной безопасности. Не определены цели и задачи такой деятельности, все сводится к одному – обеспечение охраны общественного порядка в аэропортах. Представляется, что это совершенно разные виды профессиональной деятельности транспортной полиции.

Без качественного нормативного акта в рассматриваемой сфере на практике могут возникать трудности. Можно предположить, что руководитель органа внутренних дел на воздушном транспорте принимает решение об участии сотрудников полиции в предполетном досмотре пассажиров на конкретные рейсы с целью, например, выявления фактов незаконной перевозки наркотических средств. В виду отсутствия четкой правовой регламентации может возникнуть ряд проблем: во-первых, на каких конкретно местах (постах) в зоне досмотра пассажиров может располагаться сотрудник полиции; во-вторых, какие именно манипуляции возможно производить сотруднику полиции в отношении пассажиров и их багажа (нередко на практике пассажиры агрессивно воспринимают ручной контактный способ досмотра, полагая, что данные действия ничем не отличаются от личного обыска, личного досмотра и т.п.); в-третьих, для проведения таких мероприятий, зачастую действия необходимо согласовывать со службой безопасности аэропорта, что также может привести к отрицательному результату. Как показывает практика, таких примеров можно привести множество.

Таким образом, мы видим, что обязанность по осуществлению мер, направленных на обеспечение авиационной безопасности, целиком и полностью возложена на авиапредприятия. Как видится, такой подход не отвечает современным угрозам в этой сфере. При этом еще раз хотелось бы подчеркнуть, что механизм обеспечения авиационной безопасности очень сложный и многогранный, так как включает в себя и множество субъектов, техническую составляющую, а также большое количество нормативных актов. Данный механизм не может быть в полной мере обеспечен только сотрудниками авиационной безопасности аэропорта, которые зачастую не имеют должной подготовки, мотивации и необходимого стажа, чтобы эффективно реализовывать данную деятельность.

В заключение наших рассуждений о роли транспортной полиции в механизме обеспечения авиационной безопасности, хотелось бы отметить, что одним из эффективных методов является наблюдение и выявления потенциально-опасных пассажиров – профайлинг. Здесь проблема заключается в том, что в органах транспортной полиции не так много специалистов, которые могут применять указанные методы.

Как показывает немногочисленный опыт, обучение профайлингу положительно влияет, как на обучаемых, так и на их последующее отношение к выполнению своих непосредствен-

1 Собрание законодательства РФ. 2011. № 7. Ст. 900.

2 Собрание законодательства РФ. 2007. № 7. Ст. 837.

3 Паршин Н. М. Основные этапы становления и развития транспортной полиции в России // Успехи современной науки и образования. 2016. № 9. С. 98.

4 Бецков А. В. О правовом обеспечении авиационной безопасности в Российской Федерации // Труды Академии управления МВД России. 2017. № 4. С. 102.

5 Собрание законодательства РФ. 2018. № 1 (Часть I). Ст. 75.

ных служебных обязанностей. Именно профайлинг заставляет более вдумчиво наблюдать и анализировать окружающую обстановку, поведение людей, искать подозрительные признаки и устанавливать причинно-следственные связи, нестандартно подходить к решению возникающих в работе проблем. Многолетний успешный опыт применения метода профайлинга за рубежом, полученные положительные результаты также подтверждают практическую полезность данного метода при подготовке сотрудников полиции⁶.

Отрадно, что о применении профайлинга сотрудниками полиции не только в аэропортах, но и при проведении массовых мероприятий, в последнее время заговорили многие ученые. Так, А.С. Калинин отмечает: «... всем сотрудникам полиции необходимо владеть первоначальными навыками профайлинга, то есть уметь с учетом типовых психофизиологических характеристик определять по внешности, жестам, характеру поведения осматриваемого возможные варианты ответной реакции (агрессию, неадекватное поведение и т.д.), выявлять необходимость уделить особое внимание человеку, если есть основания предполагать (по некоторым вторичным признакам), что он может проносить запрещенные предметы»⁷.

Из приведенного, видно, что профайлинг многокомплексное мероприятие, которое содержит в себе многие методы и способы определения потенциально-опасных пассажиров и позволяет эффективно обеспечивать авиационную безопасность.

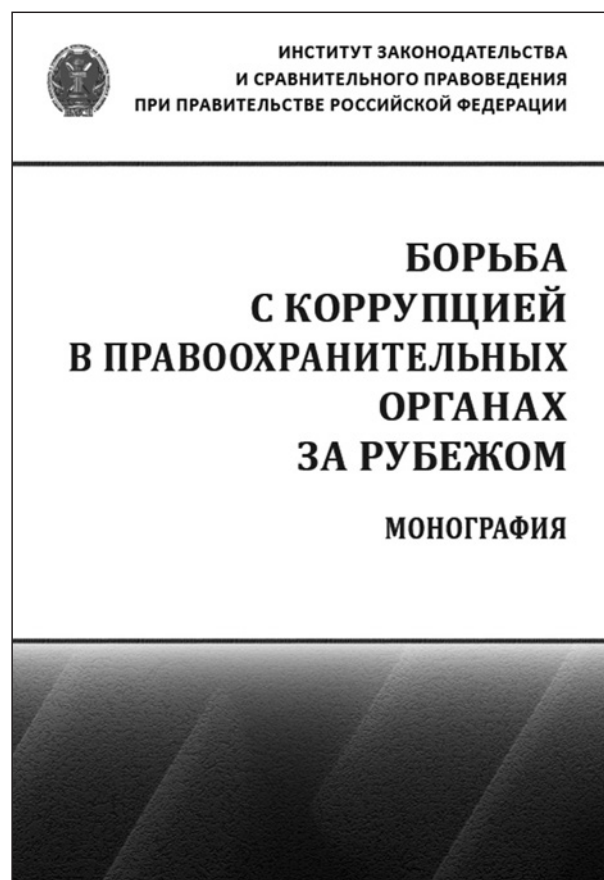
Именно эта тема, несомненно, является актуальной в наши дни. Поэтому мы обращаем свое внимание на такую безопасность. Владение методом профайлинга позволит будущим сотрудникам полиции провести скрытое «тестирование» потенциального злоумышленника и построить его «профиль» для выявления преступных замыслов. Метод профайлинга позволит сделать достаточно точное предположение о потенциальной опасности субъекта и может быть использован на автовокзалах, железнодорожных вокзалах, аэропортах и просто в местах массового скопления людей для превентивных мер по предупреждению терроризма.

Таким образом, можно с уверенностью сказать, что транспортная полиция России, несмотря на вышеуказанные проблемы, играет важную роль в обеспечении авиационной безопасности, ежедневно осуществляя охрану общественной безопасности в аэропортах и аэровокзалах. Кроме того, в обязанности транспортной полиции входит и борьба с преступностью на воздушном транспорте, в том числе с преступлениями террористического характера. Все это требует от полиции профессионализма и внимательности, так как эффективное обеспечение транспортной безопасности укрепляет доверие пассажиров.

Понятно, что в рамках данной статьи нами были рассмотрены не все проблемы, которые существуют на сегодняшний день в рассматриваемой сфере, что говорит о том, что данная тема нуждается в дальнейшем научном осмыслении.

Пристатейный библиографический список

1. Бецов А. В. О правовом обеспечении авиационной безопасности в Российской Федерации // Труды Академии управления МВД России. 2017. № 4.
2. Калинин А. С. Проблемы формирования готовности сотрудников полиции к осуществлению осмотра ручным контактным способом при подготовке и проведении спортивно-массовых, общественно-политических и культурных мероприятий // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2018. № 1.
3. Паршин Н. М. Основные этапы становления и развития транспортной полиции в России // Успехи современной науки и образования. 2016. № 9.
4. Статный В. М. Основы профайлинга в обеспечении безопасности на транспорте: технология и учебная дисциплина // Психология и право. 2013. № 2.

6 Статный В. М. Основы профайлинга в обеспечении безопасности на транспорте: технология и учебная дисциплина // Психология и право. 2013. № 2. С. 80.

7 Калинин А. С. Проблемы формирования готовности сотрудников полиции к осуществлению осмотра ручным контактным способом при подготовке и проведении спортивно-массовых, общественно-политических и культурных мероприятий // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2018. № 1. С. 45.

ПАНЧЕНКО Владислав Юрьевич

доктор юридических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права Юридического института Сибирского федерального университета

ШУШПАНОВ Константин Сергеевич

юрист ООО «ЖилСтройКонсалтинг»

Панченко В. Ю.

Шушпанов К. С.

ОГРАНИЧЕНИЯ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА: ТЕЛЕОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ*

В статье рассматривается вопрос о целях ограничений прав человека. Дается теоретическое обоснование необходимости установления таких целей. Анализируются нормативные источники, содержащие универсальные и специальные цели ограничения прав человека. Предлагается соотношение понятий цели и оснований ограничений, дается оценка принципу баланса частного и публичного как главной цели ограничений прав человека.

Ключевые слова: ограничение прав и свобод человека; реализация субъективных прав; цели и целесообразность в праве.

PANCHENKO Vlasidislav Yurjevich

Ph.D. in Law, professor of Theory and history of state and law sub-faculty of the Institute of Law of the Siberian Federal University

SHUSHPANOV Konstantin Sergeevich

lawyer of the LLC «ZhilStroyConsulting»

RESTRICTIONS OF HUMAN RIGHTS: TELEOLOGICAL ASPECT

The article analyzes the legitimate aims of human rights restrictions. The authors provide theoretical argumentation proving establishment of such aims to be necessary. The article researches normative sources that set forth general and specific aims of human rights restrictions. The authors compare the concept of legal aim and the concept of grounds for human rights restrictions, and consider the principle of striking a fair balance between private and public interests to be the main aim of imposing restrictions on human rights.

Keywords: restrictions of human rights; enjoyment of subjective rights; aims and feasibility in law.

Одним из важнейших критериев, определяющих законность ограничений прав и свобод человека является их целесообразность, т. е. направленность на достижение нормативно установленного правового результата, необходимого обществу и государству.

Данный критерий обусловлен природой правовых ограничений как средств, при помощи которых осуществляется правовое воздействие на общественные отношения, связанностью категорий «цель» и «средство»¹. Если ограничением права является сужение объема и (или) содержания субъективного права в целях достижения баланса интересов личности, общества и государства, то соответствие такого ограничения указанным целям не может не являться его существенным признаком. Необходимо отметить, что ограничения прав человека не тождественны их внутренним пределам². Последние обусловлены назначением определяемого субъективного права, которое само по себе всегда имеет телеологическую (целевую) основу³. Так, О. С. Иоффе и С. Н. Братусь указывали,

что пределы гражданских прав вытекают из их назначения⁴. Пределы прав человека существуют независимо от его воли и подлежат выявлению (экспликация) с целью недопущения злоупотребления правом, но не имеют внешних по отношению к нему целей.

Нормативно требование о целесообразности ограничений прав человека закреплено рядом международных правовых актов, как путем установления универсальных целей (как в п. 2 ст. 29 Всеобщей декларации прав человека, в ст. 4 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах), так и путем указания специальных целей ограничения тех или иных субъективных прав человека (как в Международном пакте о гражданских и политических правах, в Конвенции о защите прав человека и основных свобод). На конституционном уровне универсальные цели ограничения прав и свобод человека закреплены в ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации. При этом для российского права характерно установление специальных целей ограничения отдельных субъективных прав отраслевым законодательством, однако полностью тождественных либо содержащих отдельные элементы ч. 3 ст. 55 Конституции⁵ – иное нарушало бы иерархию нормативных правовых актов. Как неоднократно указывал Консти-

* Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта Президента Российской Федерации № МД-721.2018.6.

1 О взаимосвязи категорий «средство» и «цель» в праве см., напр.: Филиппова С. Ю. Частноправовые средства организации и достижения правовых целей. М.: Статут, 2011.

2 О разграничении внутренних (имманентных) пределов прав человека и их ограничений см., напр.: Панченко В. Ю., Шушпанов К. С. Имманентные пределы прав человека как их объективные границы // Право и образование. 2014. № 11.

3 О телеологической основе прав и свобод человека см., напр.: Неказаков В. Я. Права и свободы личности: проблемы телеологического и аксиологического аспектов // Право и практика. 2015. № 2.

4 Иоффе О. С. Советское гражданское право. М.: Юридическая литература, 1967. С. 311; Братусь С. Н. О пределах осуществления гражданских прав // Правоведение. 1967. № 3. С. 80-81.

5 См., напр.: абз. 2 п. 2 ст. 1 Гражданского кодекса Российской Федерации (часть первая): федеральный закон от 30 нояб. 1994 г. № 51-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант плюс»; абз. 2 п. 4 ст. 1 Семейного кодекса Российской Федерации: федеральный закон от 29 дек. 1995 г. № 223-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант плюс»; и др.

туционный Суд Российской Федерации, ограничения прав и свобод человека и гражданина должны преследовать только необходимые и оправданные конституционно установленные цели, причем таковые должны быть не только юридически, но и социально оправданы, то есть быть адекватными социально необходимому результату⁶.

С приведенной позицией Конституционного Суда соотносится теоретическое положение о двуспектности оснований ограничения прав: в нормативном аспекте речь идет об основаниях ограничений с позиций их закреплённости в нормативных документах, в фактическом – с точки зрения наличия реальных фактов, обусловивших действия уполномоченных органов и лиц⁷. Однако данная конструкция вызывает вопрос: тождественны ли понятия целей ограничений и их оснований? На данный вопрос необходимо ответить отрицательно. Приведем пример. Ст. ст. 25, 40 Конституции Российской Федерации установлены основные жилищные права граждан: гарантирована неприкосновенность жилища, недопустимость произвольного его лишения, что соответствует и исходит из требований целого ряда международных нормативных актов. Согласно ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации, права человека могут быть ограничены в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства. В ч. 3 ст. 1 Жилищного кодекса Российской Федерации⁸, где устанавливаются цели ограничения жилищных прав, целиком воспроизведено названное конституционное положение. При этом, например, ч. 3 ст. 3 Жилищного кодекса устанавливает, что проникновение в жилище без согласия проживающих в нем на законных основаниях граждан допускается, помимо прочего, при аварийных ситуациях, стихийных бедствиях, катастрофах, массовых беспорядках и иных обстоятельствах чрезвычайного характера, а также в целях задержания лиц, подозреваемых в совершении преступлений, пресечения совершаемых преступлений, установления обстоятельств таких преступлений либо несчастных случаев. Устанавливает ли данный пункт какие-либо дополнительные, неконституционные цели ограничения жилищных прав? Нет. Устанавливает ли он какие-либо фактические основания для ограничения? Тоже нет. Данная норма сама по себе является ограничением права человека на неприкосновенность жилища, преследующим конституционно установленную цель (в данном случае, полагаем, – «защита прав и законных интересов других лиц»), а ее гипотеза содержит как раз те фактические обстоятельства, наличие которых необходимо уполномоченному лицу для ее обоснованного применения. Таким образом, не бывает фактических оснований для установления ограничений прав человека, поскольку такие ограничения носят нормативный характер. Фактическая же обоснованность находит свое место при оценке правоприменительной деятельности конкретного лица как правомерной или неправомерной. И если цели, изложенные в ст. 55 Конституции, определяются ей же как «мера необходимого», то представляется, что ими обозначаются пределы ограничений, в то время как установленными федеральными законами основаниями обозначаются пределы их (ограничений) применения.

Наиболее удачным в юридической литературе, на наш взгляд, является определение правовой цели, предложенное К. В. Шундиковым, согласно которой таковой является предполагаемая и гарантированная государством модель

какого-либо состояния или процесса, к достижению которой при помощи юридических средств стремятся субъекты правотворческой и правореализационной деятельности⁹. Так, к достижению какой правовой цели стремится законодатель при помощи такого юридического средства как ограничение (жилищного) права? Если при ответе на этот вопрос ограничиться ссылкой на ст. 55 Конституции Российской Федерации, то можно прийти к абсурдному выводу о том, что права других лиц, безопасность государства и другие, содержащиеся в указанной статье ценности, всегда превалируют над правами и свободами конкретного индивида. На деле речь чаще всего идет о соблюдении некоего разумного баланса частного и публичного, либо баланса прав и охраняемых законом интересов всех участников конкретных правоотношений. Данная формулировка постоянно присутствует в решениях Конституционного Суда Российской Федерации, связанных с проверкой конституционности тех или иных ограничений прав человека¹⁰. Что касается практики Европейского Суда по правам человека, то, как указывает А. Ф. Пьянкова, идея баланса интересов является одной из метаидей, лежащих в основе большинства его правовых позиций¹¹.

Данный подход является общепринятым, его обоснованность в литературе практически не ставится под сомнение. Но заслуживает внимания и иная аргументация, ведь представление о том, что конституционные права – это не что иное, как некие абстрактные интересы, защита которых в каждом случае зависит от того, каким будет найден баланс с иными конкурирующими интересами, фактически нивелирует ценность конституционных положений. Действительно, если защита конституционного права личности зависит от некоего удельного «веса», оценочно предоставленного такому праву и некоему другому интересу, расположенному на другой чаше весов, из этого следует, что гарантируемая Конституцией охрана тех или иных основных прав всегда зависит от ряда различных обстоятельств, влияющих на процесс и результат поиска «разумного баланса»¹².

Безусловно утопичным является представление, что тому или иному конституционному праву может быть предоставлена абсолютная и безоговорочная, ничем не ограниченная защита, что следует хотя бы из того, что, во-первых, основных прав у человека более чем одно и в объективной действительности они не существуют в правовом вакууме, и во-вторых, Конституция не является документом, призванным регулировать общественные отношения во всей их конкретности, для чего существуют иные ступени в иерархии нормативных актов. Тем не менее, если заложена юридическая цель является интегрирующим началом, вычленение которого необходимо для последовательного и результативного правового регулирования¹³, то представляется необходимым более подробное научное осмысление целей ограничений прав и свобод человека в России. Если таковые сводятся к необходимости поиска баланса конкурирующих прав и законных интересов, то перед юридической наукой стоит непростая задача – выработать универсальный набор критериев, применимых в процессе такого поиска.

6 См., напр.: По делу о проверке конституционности пункта 5 статьи 33 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» и части 8 статьи 32 Избирательного кодекса города Москвы в связи с жалобой гражданина К. С. Янкаускаса: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 22 дек. 2015 г. № 34-П // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2016. № 2.

7 Бадалянц Ю. С., Ягофаров Д. А. Права человека : учебное пособие. Москва-Рязань: Изд-во «Проверенный», 2006.

8 Жилищный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 29 дек. 2004 г. № 188-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант плюс».

9 Шундиков К. В. Цель и средства в праве (общетеоретический аспект): дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1999. С. 34.

10 См., напр.: По делу о проверке конституционности статьи 19 Федерального закона «О введении в действие Жилищного кодекса Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина А. М. Богатырева: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 24 марта 2015 г. № 5-П // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2015. № 3.

11 Пьянкова А. Ф. Принцип баланса интересов в практике Европейского Суда по правам человека // Евразийская адвокатура. 2016. № 4. С. 66.

12 Tsakyrakis S. Proportionality: An assault on human rights? // International Journal of Constitutional Law. 2009. Vol. 7. № 3. P. 472.

13 Филиппова С.Ю. Указ. соч. С. 2.

СТОЛБОВА Любовь Александровна

адвокат, Адвокатская контора "Пелевин и партнеры", г. Санкт-Петербург

ПРАВО БЫТЬ РЕБЕНКОМ. ОТСУТСТВИЕ МЕХАНИЗМА ЗАЩИТЫ ПРАВ РЕБЕНКА, РОДИТЕЛЬ КОТОРОГО БЫЛ НЕЗАКОННО ОСУЖДЕН ИЛИ ПОДВЕРГНУТ УГОЛОВНОМУ ПРЕСЛЕДОВАНИЮ

Настоящая статья посвящена проблеме отсутствия механизма защиты прав ребенка, пострадавшего в результате незаконного осуждения либо иного уголовно-процессуального принуждения, преследования его родителя. Автор задается вопросом: возможно ли соотносить реабилитацию лица, в порядке действующего Уголовно-процессуального закона и иных нормативных актов, и вытекающее из него право на реабилитацию его ребенка, в пределах причиненного ему ущерба. Виды и способы установления причиненного ущерба ребенку.

Ключевые слова: защита прав детей, обязательства из причинения вреда, незаконное осуждение, лишение свободы, детство, гарантии государства в отношении детей, субъект реабилитации.

Столбова Л. А.

STOLBOVA Lyubov Aleksandrovna

lawyer, law firm "Pelevin & partners", Saint-Petersburg

RIGHT TO BE A CHILD. THE ABSENCE OF A MECHANISM OF PROTECTION OF THE RIGHTS OF THE CHILD, WHOSE PARENT WAS WRONGFULLY CONVICTED OR SUBJECTED TO CRIMINAL PROSECUTION

This article is devoted to the problem of the lack of a mechanism to protect the rights of a child who has suffered as a result of unlawful conviction or other criminal procedural coercion, persecution of his or her parent. The author asks whether it is possible to correlate the rehabilitation of a person, in accordance with the current Criminal procedure law and other normative acts, and the resulting right to the rehabilitation of his child, within the limits of the damage caused to him. Types and methods of determining the damage to the child.

Keywords: protection of children's rights, obligations from harm, unlawful conviction, imprisonment, childhood, state guarantees against children, the subject of rehabilitation.

«Взрослый может просто знать на рациональном уровне, что он любит своего ребенка, ребенку же этого недостаточно, ведь он иррационален, ему недостаточно просто знать, что родители его любят, ему нужно видеть выражение этой любви»¹.

Установлено, что ребенку от рождения принадлежат и гарантируются государством права и свободы человека и гражданина в соответствии с Конституцией Российской Федерации, общепризнанными принципами и нормами международного права, международными договорами Российской Федерации, Федеральным законом № 124-ФЗ от 24.07.1998 г. «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации», Семейным кодексом Российской Федерации и другими нормативными правовыми актами Российской Федерации.

Международными правовыми актами в области защиты прав детей, определяющими основные направления политики государства, являются:

- Декларация прав ребенка 1959 г.
- Конвенция ООН о правах ребенка 1989 г.
- Всемирная декларация об обеспечении выживания, защиты и развития детей 1990 г.
- Минимальные стандартные правила ООН, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила) 1985 г.

Автор полагает, что Россия в целом имплементирует международные нормы в области защиты прав детей на сегодняшний день формально и в настоящей статье не останавливаясь на этом вопросе свое внимание².

Государство в Семейном кодексе РФ³ констатирует неотъемлемое право каждого ребенка на заботу своих родителей, право на совместное с ними проживание, на воспитание своими родителями, на обеспечение его интересов, всестороннее развитие, уважение его человеческого достоинства.

При этом, важно разграничивать социальное благополучие, как совокупности явлений: самочувствия, степени удовлетворенности в качестве и количестве потребляемых ими благ и услуг (пища, одежда, поддержание здоровья, удовлетворение образовательных запросов, развлечения) и духовно-нравственного благополучия. Духовно-нравственное благополучие, являясь собой либо итог позитивно-направленного (стремящегося к формированию здоровой в психическом, психологическом и нравственном аспектах личности) воспитательного процесса или же суть сам процесс. Воспитатель-родитель в таком процессе воздействует на сознание и влияет на поведение и отношение ребенка к окружающей действительности. Таким образом, духовно-нравственное благополучие - отражение ценностных ориентаций личности ребенка.

Условно можно представить такой процесс в виде киноленты. Фрагментарность при этом обуславливает одновременную значимость каждого «кадра». Выражаясь метафорически: любой «засвеченный», «расплывшийся» кадр процесса становления личности ведет к нарушению целостной картины.

«Сегодня любой образованный человек на вопрос о том, что такое детство, ответит, что детство — это период усиленного развития, изменения и обучения. Но только ученые понимают, что это период парадоксов и противоречий, без которых невозможно представить «себе процесс развития»⁴.

При нормальном естественном течении жизненного цикла ребенка (за основу автором взята модель семьи пред-

1 Кэмпбелл Р., Максимум М. Как на самом деле любить детей // Не только любовь. М.: Изд. Знание, 1992.

2 Евразийский юридический журнал. 2013. № 9 (64).

3 Семейный Кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ ч.2 ст.54 (ред. от 29.12.2017)

4 Обухова Л.Ф. Детская психология: теории, факты, проблемы. М.: Тривола, 1995.

ставляющая собой: союз двух разнополюх, дееспособных, не лишенных и не ограниченных в правах родителей и ребенка, введем условный термин «модель») психика ребенка настроена на восприятие «излучений» со стороны каждого родителя. Накопительный эффект таких «родительских лучей» достигает своего экстремума (точки максимум) в период завершения формирования личности.

Удаление из «модели» любого из родителей влечет разрушение всей «модели». При этом мотивы удаления играют не определяющее, но существенное значение.

Выбытие родителя из семьи по причине лишения его свободы государством и, как результат изоляции от общества, путем помещения в специальное исправительное учреждение, факт, свершение которого затрагивает всех участников «модели».

С этого момента жизнь ребенка начинает развиваться по иному сценарию. Ребенок лишен всех тех благ, которые государство ему от рождения задекларировало.

Итак, мы подошли к вопросу, являющемуся предметом изучения автора статьи.

Имеется ли нарушение прав ребенка со стороны государства, родителем которого признан субъектом реабилитации? Возможно ли возмещение вреда?

Реабилитация - уголовно-процессуальный институт, состоящий из правовых норм, которые регулируют основания, условия и порядок восстановления в правах и свободах подозреваемого, обвиняемого, подсудимого или осужденного в связи с причинением им вреда незаконными или необоснованными действиями органа дознания, дознавателя, следователя, прокурора или суда⁵.

Условно говоря, извинения государственной машины перед особым субъектом, направленные на восстановление его в правах и свободах, путем компенсации морального вреда, возмещении имущественного ущерба и устранении иных негативных последствий, вызванных такими действиями государства ранее.

Буквально толкование нормы ст. 53 Конституции, содержащей гарантии каждого на возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями (или бездействиями) органов государственной власти или их должностных лиц, представляет возможность любому и каждому без исключения такого возмещения требовать.

Порядок реализации права на реабилитацию регламентирован уголовно-процессуальным законом⁶ и включает в себя помимо возмещения имущественного вреда, причиненного в ходе уголовного судопроизводства, также устранение последствий морального вреда и восстановление в трудовых, пенсионных, жилищных и иных правах.

Также, законодатель ввел оговорку, указав, что лица, не имеющие права на реабилитацию и на возмещение вреда в порядке уголовно-процессуального закона, на основании части 3 статьи 133 УПК РФ, в случае причинения им вреда дознавателем, следователем, прокурором или судом в соответствии с частью 5 статьи 133 УПК РФ имеют право на его возмещение в порядке гражданского судопроизводства⁷ (Пленум ВС разъяснил какой вред подлежит возмещению: в случае причинения вреда при проведении оперативно-розыскных мероприятий до возбуждения уголовного дела; в случае причинения вреда лицам, к которым при производстве по уголовному делу непосредственно меры процессуального принуждения не применялись⁸).

В этом перечне отсутствует ребенок, родителю которого был такой вред причинен. Таким образом, законодатель не признает влияние своего незаконного уголовного преследования на ребенка и, как следствие, не оценивает размер причиненного ребенку вреда, в большей степени морального.

Кроме того, не стоит забывать об отвержении таких детей социумом: школьными товарищами, учителями, соседями. Сложно представить нравственные страдания маленького человека, с которым отказываются дружить...

Согласно основным статистическим показателям деятельности судов общей юрисдикции за 2017 г., размещенных на сайте Судебного департамента Верховного суда РФ⁹, из общего количества уголовных дел 916 266 оправдательные приговоры вынесены по 2 751 делу. То есть, исходя из смысла Уголовно-процессуального закона, как минимум 2 751 человек имеют возможность реализовать право на реабилитацию. Допустим, что каждый третий реабилитированный имеет одного ребенка, что позволяет сделать предположительный вывод о ежегодном количестве детей, пострадавших от незаконного уголовного преследования их родителей - 900 человек. Это, безусловно, минимум минимумом от числа реально пострадавших детей.

Очевидно, что размер вреда, причиненного ребенку, выразившийся в лишение его нормальной заботы, любви, воспитания, общения, результатом которого явилась латентная либо явная деформация личности, сложно поддается оценке. Установить размеры деформации личности ребенка при таком причинении вреда на сегодняшний день крайне сложно по причине отсутствия фокус-групп, позволяющих методологически качественно определить степень, глубину и необратимость влияния обговариваемых событий на личность ребенка в этот период их жизни.

Однако сложность, представляющая собой отсутствие необходимых наработок и методологических расчетов, не должна ставить в зависимость от себя сам факт признания государством за ребенком права на реабилитацию.

Автор делает вывод, что отсутствие механизма права ребенка на реабилитацию в рассматриваемом контексте, является, прежде всего, нарушением множественных прав ребенка.

Изучение настоящего вопроса находится в эмбриональном состоянии и требует безусловного систематического подхода со стороны различных государственных и правозащитных структур, а также пересмотра ряда положений уголовно-процессуального закона. В частности, автор полагает необходимым дополнить законодательство РФ внесением изменений в список лиц, имеющих право на реабилитацию, особым субъектом - ребенком, за родителем которого признано в установленном законом порядке право на реабилитацию. Наиболее упрощенным способом возмещением нанесенного ущерба ребенку может являться внесудебный порядок возмещения. Допустимо рассматривать фиксированный размер государственной компенсационной выплаты в адреса особого субъекта реабилитации - ребенка.

Целью настоящей статьи является не попытка установить стоимостный эквивалент ущербу, нанесенному ребенку, но желание привлечь внимание государства к вопросу нарушения права ребенка на детство и, как следствие, на полноценное развитие личности.

Пристатейный библиографический список

5 Уголовный процесс. Конспект лекций. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.studfiles.net
 6 Уголовно-процессуальный кодекс РФ от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 19.02.2018)
 7 Гражданский Кодекс РФ (часть вторая) от 26.01.1994 г. № 14-ФЗ (ред.05.12.2017.)
 8 Постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации от 29 ноября 2011 г. № 17 г.

1 Семейный Кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ ч.2 ст.54 (ред. от 29.12.2017)
 2 Уголовно-процессуальный кодекс РФ от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 19.02.2018)
 3 Постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации от 29 ноября 2011 г. № 17 г.
 4 Евразийский юридический журнал. 2013. № 9 (64).
 5 Кэмпбелл Р., Максимов М. Как на самом деле любить детей // Не только любовь. М.: Изд. Знание, 1992.
 6 Обухова Л. Ф. Детская психология: теории, факты, проблемы. М.: Тривола, 1995.
 7 Официальный сайт судебного департамента Верховного суда РФ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.cdep.ru
 8 Уголовный процесс. Конспект лекций. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.studfiles.net

9 Официальный сайт судебного департамента Верховного суда РФ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.cdep.ru

БОЗИЕВ Альберт Тахирович

кандидат филологических наук, доцент, профессор Северо-Кавказского института (филиала) Краснодарского университета МВД России

О НЕКОТОРЫХ ЗАКОНОМЕРНОСТЯХ ПЕРЕВОДА ЦЕПОЧКИ N+N+n В АНГЛИЙСКОМ ЮРИДИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ

В статье рассматриваются особенности перевода цепочки N+N+n на русский язык. Анализируемые примеры взяты из английских юридических источников. Делается вывод о некоторых закономерностях перевода данных словосочетаний.

Ключевые слова: языковая подсистема, языковой статус, цепочка N+N+n, юридический текст, перевод, закономерность

BOZIEV Albert Tahirovich

Ph.D. in philological sciences, associate professor, professor of the North Caucasian Advanced Training Institute (branch) of Krasnodar University of the MIA of Russia

ON SOME REGULARITIES OF A N+N+n CHAIN TRANSLATION IN AN ENGLISH LEGAL TEXT

Peculiarities of N+N+n chain translation into Russian are considered in the paper. The examples under analysis are taken from English legal sources. The conclusion is made on some translation regularities of such compounds.

Keywords: language subsystem, language status, N+N+n chain, legal text, translation, regularity.

Бозиев А. Т.

В настоящее время во многих языковых подсистемах всё большее распространение получает модель N+N+n. Исследователи связывают распространение данной беспредложной конструкции с появлением различных терминосистем.

Зарубежная и отечественная лингвистика всегда уделяла внимание и продолжает исследовать цепочку N+N+n. Интерес поддерживается тем фактом, что необходимо выяснить языковой статус этой единицы – считать её просто словосочетанием или сложным образованием.

О. Есперсен считает, что английское словосочетание stone wall – 2 отдельных слова. В качестве основного аргумента выдвигается тезис о раздельно оформленности (цельнооформленности по А.И.Смирницкому) с точки зрения ударения этих элементов¹ Исходя из противопоставления синтетического и аналитического языкового мышления, О. Есперсен считает, что в сочетаниях типа stone wall мы имеем дело с сочетанием двух самостоятельных единиц, stone является прилагательным. Вебер утверждает, что для английского языкового мышления не существует подобных проблем, в этом и заключается его глубокая специфика². Ни позиция О. Есперсена, ни позиция М. Вебера не даёт удовлетворительного ответа по существу проблемы этих сочетаний.

Говоря о соотношении значения словосочетания и значений составляющих слов, И. П. Иванова, В. В. Бурлакова, Г. Г. Почепцов отмечают, что семантика словосочетания не является простой суммой значений входящих в него слов, а представляет собой сложное сплетение лексических значений комбинирующихся единиц³.

Целью данной работы является изучение цепочек N+N+n в английском юридическом тексте с целью установления осо-

бенностей их семантического взаимодействия, что должно оказать практическую помощь при переводе на русский язык английских текстов

Материалом для данного исследования послужили примеры из книг Elliot C., Quinn F. English Legal System⁴ и Mc. Kendrick Contract Law⁵.

Использовался метод сплошной выборки, и общее количество обработанных страниц составило 500. Повторное употребление словосочетаний отдельно не подсчитывалось. В примеры не вошли случаи, в которых существительные употреблялись в притяжательном падеже. Не принимались во внимание словосочетания, которые однозначно не могли быть отнесены к юридическим. Из 500 примеров 380 были типа N+N, а 120 примеров - N+N+n.

Результаты исследования.

Цепочка N+N.

1. procedure, process, problems, system, scheme
- selection procedure – процедура отбора
- cooperation procedure – процедура сотрудничества
- appointment procedure – процедура назначения
- summary procedure – процедура упрощённого судопроизводства
- assent procedure – процедура согласия
- prosecution process – процесс обвинения
- selection process – процесс отбора
- childcare problems – проблемы заботы о детях
- consumer problems – проблемы потребителей
- employment problems – проблемы занятости
- appeal system – система апелляции
- appointment system – система назначения
- assistance scheme – система оказания помощи

1 Цитируется по Ильиш Б. Н. Современный английский язык. - М: Высшая школа, 1972. - С. 238.

2 Там же.

3 Иванова И. П., Бурлакова В. В., Почепцов Г. Г. Теоретическая грамматика английского языка. - М: Высшая школа, 1982. - С. 106.

4 Elliot C., Quinn F. English Legal System. London: Pearson Education Limited, 2000.

5 Mc. Kendrick Contract Law. Macmillan, 1997.

– aid scheme –схема оказания помощи

В подавляющем большинстве случаев в словосочетаниях N+N, вторым компонентом которых является слово procedure process, problems, system, scheme, целесообразнее перевод начинать со второго элемента. Данные словосочетания легко трансформируются в предложную конструкцию prosecution of: appointment procedure – procedure of appointment; prosecution process - process of prosecution; childcare problems - problems of childcare; appeal system - system of appeal; assistance scheme - scheme of assistance.

2. acts, bills, orders, directions, directives, standards.

- Abortion Act –закон об абортгах
- Terrorism Act – закон о борьбе с терроризмом
- Justice Bill –законопроект о правосудии
- Contribution Orders – распоряжения о контрибуциях
- Practice directions – практические указания
- Implement directives – директивы по применению
- Advocacy standards –нормы адвокатской деятельности

Словосочетания, 2-м элементом которых являются слова acts, bills, orders, directions, directives, standards, могут Justice Bill быть преобразованы в предложные конструкции с «about». Например, Abortion Act - Act about Abortion; Justice Bill - Bill about Justice; Contribution Orders – Orders about Contribution; Implement directives – directives about Implement. Из данного списка выбивается Practice directions, которое может быть истолковано как практические указания (определяющее словосочетание) и указания по практике.

3. Firms, agencies, services, committees, agreements

- law firms – юридические фирмы
- advice agencies- консультативные агентства
- transport services –транспортные службы
- conciliation committee –согласительный комитете
- trade agreements –торговые соглашения

Словосочетания, имеющие в качестве второго компонента слова firms, agencies, services, committees, agreements, могут быть преобразованы в определятельные придаточные предложения: firms which give consultations on law; agencies which give advice; services which belong to transport. Перевод подобных словосочетаний лучше начинать с 1-го компонента, обращая его в прилагательное.

4. judges, solicitors, barristers

- district judges –районные судьи
- trial judges – судьи, участвующие в рассмотрении дела
- defence solicitors –солиситоры защиты
- pupil barristers –начинающие барристеры

При сочетании юридической профессии с обозначенным территориальным судебным органом, перевод следует осуществлять начиная с 1-го компонента. Если 1-ый компонент коррелирует с судебной процедурой, то лучше переводить со 2-го компонента. Данные словосочетания могут быть трансформированы в словосочетания с of: district judges – judges of the district; defence solicitors – solicitors of defence. Данный вывод справедлив и по отношению к словосочетаниям с cases и частично для evidence:

- court cases- судебные дела
- injury cases –дела о возмещении ущерба
- confession evidence – признательные улики или улики, связанные с признанием
- identification evidence – улики, связанные с идентификацией

5. Если в словосочетании первый компонент обозначает конкретное существительное, то перевод начинается именно с

него. Например, street robbery – уличное ограбление, key issues –главные вопросы; key qualities – главные качества.

6. Словосочетания N+N+N

При переводе подобных словосочетаний, как правило действует схема – переводится 3-ий компонент, затем 1-й и последнюю очередь 2-й компонент:

- race discrimination legislation-закон о расовой дискриминации;
 - law reform agency- агентство правовых реформ
 - football stadium disaster –трагедия на футбольном стадионе
 - police federation conference –конференция полицейской федерации
 - law commission proposals –предложения правовой комиссии
 - road traffic regulations –правила дорожного движения
 - life sentence prisoners – заключённые, приговорённые к пожизненному заключению
 - Street Offence Act – закон об уличных правонарушениях
- Статистически реже встречается последовательность компонентов при переводе –3-2-1:
- child support agency- агентство поддержки детей
 - quality control standards- стандарты контроля качества
 - security service records – отчёты службы безопасности

7. Последовательность N+N+N+N

Рекуррентность подобных словосочетаний довольно низкая. В них регулярно отмечается следующая последовательность при переводе –4-3-1-2. Например, Law Reform Pressure Group- группа, продвигающая правовую реформу, Child Poverty Action Group-группа оказания помощи детской бедности

Таким образом, проведённое исследование позволяет заключить, что в подавляющем большинстве случаев словосочетания типа N+N легко трансформируются в предложные словосочетания с помощью предлогов of, which, about, for. Если в данном словосочетании в качестве препозитивного компонента стоит конкретное существительное, то перевод начнётся с него и оно будет переведено как прилагательное. В словосочетаниях типа N+N+N, как правило, срабатывает схема –3-ий компонент-1-й компонент - 2-й компонент. 1-й компонент часто переводится как прилагательное. В словосочетаниях типа N+N+N+N доминирует модель-4-3-1-2. 1-й компонент переводится как прилагательное.

Пристатейный библиографический список

1. Ильиш Б. Н. Современный английский язык. - М: Высшая школа, 1972. - 350 с.
2. Иванова И. П., Б урлакова В. В., Почепцов Г. Г. Теоретическая грамматика английского языка. - М: Высшая школа, 1982. - 285 с.
3. Elliot C., Quinn F. English Legal System. - London: Pearson Education Limited, 2000. - 500 p.
4. Mc. Kendrick Contract Law. - Macmillan, 1997. - 415 p.

ПЕТРОВА Елена Александровна

доктор филологических наук, доцент, заведующая кафедрой иностранных и русского языков Уфимского юридического института МВД России

ВЗАИМОСВЯЗЬ ЯЗЫКОВОЙ И НАУЧНОЙ КАРТИНЫ МИРА В ЛИНГВИСТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ (ФИЛОСОФСКИЕ И ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ)

Статья рассматривает вопросы интерпретации языковой и концептуальной картин мира. Делается акцент на том, что картина мира является многоуровневой структурой, в которой разные типы картин мира находятся в иерархической зависимости друг от друга. Автором делается вывод о том, что языковая и научная картины мира взаимосвязаны и взаимообусловлены и должны рассматриваться как равноправные ядерные компоненты лингвистического пространства

Ключевые слова: образ мира, языковая картина мира, научная картина мира, правовая картина мира, языковое сознание.

PETROVA Elena Aleksandrovna

Ph.D. in philological sciences, associate professor, Head of Foreign and the Russian languages sub-faculty of the Ufa Law Institute of the MIA of Russia

Петрова Е. А.

THE INTERDEPENDENCE OF THE LANGUAGE AND SCIENTIFIC PICTURE OF THE WORLD IN THE LINGUISTIC SPACE

The article considers questions of philosophy and logic of language, connected with the interpretation of linguistic universals. In particular, the conceptual field "Law. Enactment". The authors conclude that the logic-philosophical content of the concepts "Law" and "Statute" shows that they are interrelated and interdependent and should be considered as equal nuclear components of the conceptual field "Law and Enactment"

Keywords: Concept, language philosophy, signification, legist, legal culture, conceptual field.

Современная лингвистика развивается в русле новой научной парадигмы, в центре которой стоят вопросы языковой личности, языкового сознания, языковой картины мира. Хорошо известно, что все знания, полученные человеком на протяжении жизни, складываются в его сознании в некий образ, получивший в научной литературе разные названия: модель мира, образ мира, мировидение, мировосприятие, картина мира. Следует подчеркнуть, что на концептуальный базис лингвистики важное влияние оказывают идеи и методы логики и философии языка, так как некоторые теоретические вопросы языкознания не могут быть решены без ориентации на общефилософские установки¹.

По своей сути картина мира – это субъективное отображение объективного мира, выражающее определенное отношение человека к окружающей его действительности: природе, другим людям, самому себе. Вслед за В. И. Поставаловой мы считаем, что наиболее адекватным пониманием картины мира представляется определение ее как исходного глобального образа мира, лежащего в основе мировидения человека, репрезентирующего сущностные свойства мира в понимании ее носителей и являющегося результатом всей духовной активности человека.

Как известно, картина мира является многоуровневой структурой, в которой разные типы картин мира находятся в иерархической зависимости друг от друга. Считают, что картина мира может быть общенаучной (философской) и частнонаучной (физической, химической и т.д.). Она создается в

сознании человека и является основой интеграции людей в обществе, их жизнедеятельности и взаимопонимания. Но «каждая цивилизация, социальная система характеризуется своим особым способом восприятия мира»², поэтому, наряду с общими, универсальными понятиями (например, время, родители, судьба и т.д.), существуют и особые соотношения между этими понятиями, присущие для каждого отдельного социума, народа, нации. Иными словами, одни и те же понятия могут пониматься разными народами по-разному, по-своему, что зависит от склада ума данного социума, истории, культуры, вероисповедания, территории проживания и т.д.

Г. Д. Гачев, описывая национальные образы мира отметил, что не могут быть одинаковыми представления о свободе «у англичанина, который датирует традицию личных гражданских свобод еще с «Великой хартии вольностей» XIII века и для кого «свобода» значит self-madeness, самостроительство и самоответственность, сдержанность и самообуздание, способность владеть собой и условиями своего существования, - и у русского, или, как говорят ныне, «россиянина», который только вышел из патерналистских режимов империи и социализма и который может понимать свободу прежде всего как развязывание внешних уз и удержей, как волю вольному и что ему теперь все позволено?...»³. Таким образом, можно говорить о национальной или этнической картине мира.

Наряду с общечеловеческой картиной мира (КМ), которая является ядром мировоззрения, мировидения, мировосприя-

1 Галиева Д. А., Петрова Е. А. Логико-философское содержание концептов «право» и «закон» // Евразийский юридический журнал. – 2017. – № 4 (107). – С. 393.

2 Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. – М.: Искусство, 1984. – 350 с.

3 Гачев Г. Национальные образы мира. – М.: Издательский центр «Академия», 1998. – 432 с.

тия людей целой цивилизации, существует и индивидуальная картина мира, поскольку каждый человек воспринимает мир через призму опыта того общества, в котором живет⁴. Кроме того, формирование картины мира происходит посредством языка, который является орудием познания окружающего мира, социальной памятью человека, народа, нации. Так, В. Гумбольдт, одним из первых поставил вопрос об антропоцентрическом подходе к языку и считал, «постигая предметы, человек сближается с внешней природой и самостоятельно развертывает свои внутренние ощущения в той мере, в какой его духовные силы дифференцируются, вступая между собой в разнообразные соотношения; это запечатлевается в языкотворчестве...»⁵. По мнению немецкого философа XX века М. Хайдеггера, «человек представляется как сущее в мире, в своем бытии связанное с космосом, с землей, а поиск истины бытия осуществляется через язык, что человеческая сущность заключается в языке»⁶.

В настоящее время антропоцентрический подход к изучению отображения КМ в языке рассматривается в работах ученых. Вслед за Е. С. Яковлевой, под языковой картиной мира (ЯКМ) мы будем понимать «зафиксированную в языке и специфическую для данного языкового коллектива схему восприятия действительности»⁷. Иначе говоря, ЯКМ – это вербально выраженный результат всей духовной активности человека, восприятие им окружающего его мира сквозь призму языка. Вполне понятно, что под окружающим миром подразумевается не реальный мир, а концептуализация мира. Как пишет А. Вежбицкая: «Язык отражает мир только косвенным образом. Он отражает непосредственно нашу концептуализацию мира»⁸.

ЯКМ принято противопоставлять научной картине мира. Различие между языковой и научной картинами мира особенно ярко проявляется при анализе тех слов естественного языка, которые используются в качестве научных терминов, например: *дело, срок, закон, земля, вор, кража* и т.д. Приведенные примеры подтверждают то, что язык отражает наши обычные, житейские представления о каком-либо объекте или ситуации, поэтому языковую картину (модель) мира называют также наивной, подчеркивая ее «донаучный характер». Наивную картину мира принято интерпретировать как отражение бытовых (обиходных) представлений об окружающей нас действительности⁹.

Мы склонны полагать, что основу научной картины мира, мировосприятия, мирообраза, мировидения составляет обыденная, донаучная ЯКМ, в которой возможны элементы научной, вненаучной, а также антинаучной картины мира и мировоззрения. Вполне оправданным в этой связи представляется нам постулат, что «необходимо систему научной кар-

тины мира и научного мировоззрения наложить на систему обыденного сознания субъекта»¹⁰.

Ядром научного мировоззрения являются философско-теоретические взгляды, в то время как ядром обыденного мировоззрения является философско-практическое сознание. «Первоклеточкой» философско-практического сознания, нормативными для его функционирования являются языковые афоризмы¹¹.

Следует признать, что национальное своеобразие языковой картины мира, как известно, проявляется уже в способах номинации данного языка, так как слово выступает как знак и образ экстралингвистических явлений: что увидел народ в называемом предмете или явлении, по каким признакам осуществил наименование, какой образно-символический потенциал использовал. Например: рус. *кочан капусты* – англ. *head of cabbage* букв. *голова капусты* (ср.: в русском языке есть обратное движение от кочана к голове, например о глупом человеке или человеке с большой взлохмаченной головой говорят: У него не голова, а кочан). Разные способы концептуализации мира приводят к различиям в системе номинаций (ср. отсутствие в русском языке и наличие в английском специальных слов для обозначения палача: *executioner* (палач), *hangman* (палач, исполняющий казнь через повешение) и *axeman* (исполняющий казнь через обезглавливание). И, наоборот, отсутствие в английском языке разных слов для обозначения тещи (*mother-in-law*) и свекрови (*mother-in-law*) и т.д.

С проблемой языковой картины мира тесно связан вопрос об особенностях культуры народов, находящихся отражение в различных языках. Несомненно, что язык несет в себе культурные особенности, а культура не существует без языка. Обладая информативно-когнитивной ценностью, язык, вместе с тем, не определяет тип культуры как таковой¹², поскольку, несмотря на существование многих языков и культур, единым для всех людей является действительность как предмет знания. Однако имеются гипотезы, преувеличивающие влияние языка на тип культуры. К их числу относится гипотеза лингвистической относительности Сепира-Уорфа¹³. Эти ученые рассматривали весьма далекие, отличающиеся друг от друга, как по строю, так и по лексическому составу, языки¹⁴. Основная идея гипотезы такова: мировоззрение и культура каждого народа обладает особенностью, воплощенной в национальном языке. Все содержание культурного опыта заложено в языке, и из языка оно проецируется на все культурные построения. Язык господствует в любом виде человеческой деятельности: в психике, мышлении, познании, культуре¹⁵. Б.Л. Уорф рас-

4 Хайруллина Р. Х. Картина мира в русской фразеологии (в сопоставлении с башкирскими параллелями). – М.: «Прометей», 1996. – 147 с.

5 Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. – М.: Прогресс, 1984. – 397 с.

6 Хайруллина Р. Х. Картина мира в русской фразеологии (в сопоставлении с башкирскими параллелями). – М.: «Прометей», 1996. – 147 с.

7 Яковлева Е. С. К описанию русской языковой картины мира // Русский язык за рубежом. – 1996. – № 1-2-3. – С. 47-56.

8 Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. – М.: «Русские словари», 1980. – С. 49-50.

9 Урысон Е. В. Языковая картина мира vs. обиходные представления (модель восприятия в русском языке) // Вопросы языкознания. – 1998. – № 2. – С. 3-21.

10 Тийттанен Т. Э. Обыденное сознание как предпосылка формирования научной картины мира в фундаментальном образовании // Тезисы докладов. – Уфа: БашГУ, 1988. – С. 58-61.

11 Лойфман И. Я. Система функций философского сознания как мировоззренческого отражения бытия // Социальные функции философии. – Свердловск, 1981. – С. 15-17.

12 Телия В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. – М.: Наука, 1986. – 141 с.

13 Уорф Б. Л. Наука и языкознание: О двух ошибочных воззрениях на речь и мышление, характеризующих систему естественной логики, и о том, как слова и обычаи влияют на мышление // Новое в лингвистике. – М.: Изд-во Иностранной литературы, 1960. – Вып. 1. – С. 169-182.

14 Панфилов В. З. Гносеологические аспекты философских проблем языкознания. – М.: Наука, 1982. – 357 с.

15 Уорф Б. Л. Наука и языкознание: О двух ошибочных воззрениях на речь и мышление, характеризующих систему естественной логики, и о том, как слова и обычаи влияют на мышление // Новое в лингвистике. – М.: Изд-во Иностранной литературы, 1960. – Вып. 1. – С. 169-182.

суждает следующим образом: восприятие и фиксирование предметной реальности в разных языках различно. Поэтому восприятие и фиксирование действительности не детерминировано извне, то есть реальность сама по себе не расчленена; она произвольно расчленяется нашим познанием.

Ни одна лингвистическая концепция так охотно не подвергалась критике, как гипотеза лингвистической относительности. Вместе с тем, следует признать, что гипотеза лингвистической относительности «имеет то положительное начало, что она ясно указывает на взаимодействие языка и культуры»¹⁶, что она привлекла внимание языковедческого мира к необходимости изучения способов языкового отражения реальности в культурологическом аспекте.

Многие ученые считают, что в основе ЯКМ лежит концептуальная картина мира (ККМ), поскольку компонентом картины мира является не отдельное слово, а понятие, концепт. Противопоставления языковой и концептуальной модели мира происходит в результате вечной для языкознания проблемы понятия и значения, считает Ю. Н. Караулов, что явно отражается и в работах других исследователей, где речь идет о языковом моделировании действительности¹⁷.

Г. А. Брутян, например, дифференцирует понятие и слово: «Сердцевиной КММ является информация, данная в понятиях, главное же в ЯММ – это знание, закрепленное в словах и словосочетаниях конкретных разговорных языков»¹⁸. Другие ученые различают значение и понятие, считая, что именно значение превращает систему символов в языковую систему. Поэтому, считают они, значение как свойство языка, а значит и те компоненты, на которые его можно разложить, имеют языковую природу. Эти компоненты выполняют различную функцию в познании, в зависимости от которой они выступают как понятия или как абстрактные объекты, из которых строится научная картина мира¹⁹.

Таким образом, трудность в различении концептуальной и языковой картины мира обусловлена нечеткостью границ между понятием и значением. Однако, как отмечает Ю.Н. Караулов, несмотря на эту размытость границ между понятием и значением, языковая и концептуальная картины мира различаются достаточно четко и однозначно: «элементами или единицами ЯММ являются поля, имена полей, в то время как единицами КММ – обобщения элементов ЯММ, т.е. объединенный полей» [ibid].

Надо отметить, что концептуальная картина мира существует также в двух разновидностях – научной и обыденной, житейской, где концепт представляет собой «актуальную интерпретацию понятия» в сознании народа, когда в концепт входит лишь часть понятия, выработанная общественной практикой совокупность свойств предмета, существенных «для определенной области человеческого опыта» [ibid]. Концептуальная картина мира реализуется, как правило, в виде научной парадигмы, а слова и выражения, обозначающие концепты научной теории, легко переводятся на другие языки, так как лексические единицы не связаны никакими стилистическими или коннотационными элементами с общей языковой моделью.

Итак, говоря о взаимосвязи языковой и научной картины мира в лингвистическом пространстве, полагаем, что языкознание должно сосредоточить свои усилия на изучении концептуальных схем, на которых покоится исконная языковая картина мира, соответствующая уровню обыденного (наивно-го) сознания, житейскому здравому смыслу. Исходя из этого, мы пришли к выводу, что в основе научной картины мира лежит обыденная ЯКМ, в которой возможны элементы научной, внеучной и даже антинаучной картины мира и мировоззрения. Научная и обыденная картины мира взаимосвязаны и взаимообусловлены. В свою очередь, обыденная картина мира покоится на концептуальной картине мира, минимальной единицей изучения которой является концепт.

Пристатейный библиографический список

1. Брутян Г. А. Язык и картина мира / Научные доклады высшей школы // Философские науки. – 1973. – № 1.
2. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. – М.: «Русские словари», 1996.
3. Галиева Д. А., Петрова Е.А. Логико-философское содержание концептов «право» и «закон» // Евразийский юридический журнал. – 2017. – № 4 (107).
4. Гачев Г. Национальные образы мира. – М.: Издательский центр «Академия», 1998.
5. Гетман И. М. Язык и картина мира // Язык и культура. – Киев, 1993. – Ч. 1.
6. Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. – М.: Искусство, 1984.
7. Гумбольдт В.фон. Избранные труды по языкознанию. – М.: Прогресс, 1984.
8. Караулов Ю. Н. Общая и русская идеография. – М.: Наука, 1976.
9. Лойфман И. Я. Система функций философского сознания как мировоззренческого отражения бытия // Социальные функции философии. – Свердловск, 1981.
10. Панфилов В. З. Гносеологические аспекты философских проблем языкознания. – М.: Наука, 1982.
11. Поставалова В. И. Картина мира в жизнедеятельности человека // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. – М., 1988.
12. Серебренников Б. А. Роль человеческого фактора в языке: Язык и мышление. – М.: Наука, 1988.
13. Телия В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. – М.: Наука, 1986.
14. Тийттанен Т. Э. Обыденное сознание как предпосылка формирования научной картины мира в фундаментальном образовании // Тезисы докладов. – Уфа: БашГУ, 1988.
15. Уорф Б. Л. Наука и языкознание: О двух ошибочных воззрениях на речь и мышление, характеризующих систему естественной логики, и о том, как слова и обычаи влияют на мышление // Новое в лингвистике. – М.: Изд-во Иностранной литературы. – 1960 а. – Вып. 1.
16. Урысон Е. В. Языковая картина мира vs. обиходные представления (модель восприятия в русском языке) // Вопросы языкознания. – 1998. – № 2.
17. Хайруллина Р. Х. Картина мира в русской фразеологии (в сопоставлении с башкирскими параллелями). – М.: «Прометей», 1996.
18. Яковлева Е. С. К описанию русской языковой картины мира // Русский язык за рубежом. – 1996. – № 1-2-3.
- 16 Телия В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. – М.: Наука, 1986. – 141 с.
- 17 Караулов Ю. Н. Общая и русская идеография. – М.: Наука, 1976. – 356 с.
- 18 Брутян Г. А. Язык и картина мира / Научные доклады высшей школы // Философские науки. – 1973. – № 1. – С. 108-111.
- 19 Караулов Ю. Н. Общая и русская идеография. – М.: Наука, 1976. – 356 с.

НЕФЕДОВА Мария Борисовна

студентка факультета Международных отношений МГИМО (У) МИД России

ГОСУДАРСТВА И ОБРАЗОВАНИЯ, ЧАСТО ОБЪЯВЛЯЕМЫЕ ГОСУДАРСТВАМИ ЧАСТЬ 2. ОБРАЗОВАНИЯ, СХОЖИЕ С ГОСУДАРСТВАМИ ИЛИ ОБЪЯВЛЯЕМЫЕ ГОСУДАРСТВАМИ, НО ТАКОВЫМИ НЕ ЯВЛЯЮЩИЕСЯ

В части 2 статьи рассматриваются различные территориальные образования, схожие с государствами и даже часто объявляемые государствами, но не являющиеся ими. К ним относятся государственно-подобные образования, некоторые территории государств с особым статусом, люрекские государства и виртуальные государства. У каждого из этих образований отсутствуют те или иные существенные признаки государства (суверенитет, население, территория) в их понимании современной наукой и практикой.

Ключевые слова: субъекты международного права; государственно-подобные образования; особые территории государств, люрекские государства; виртуальные государства.

Нефедова М. Б.

NEFEDOVA Mariya Borisovna

student of the International Relations Faculty of the MGIMO (U) MFA of Russia

STATES AND ENTITIES FREQUENTLY CLAIMED TO BE STATES PART 2. ENTITIES SIMILAR TO STATES OR CLAIMED TO BE THEM, WHILE NOT BEING ACTUAL STATES

Part 2 of the article considers different territorial entities which are similar to states and even frequently claimed to be them, but which are not in fact actual states. They include state-like entities, some state territories with special status, lures states and virtual states. Each of these entities lacks this or that substantial characteristic of a state (sovereignty, population, territory) as modern science and practice define them.

Keywords: subjects of international law; state-like entities; special status territories; lures states; virtual states.

Существуют территориальные образования, не являющиеся государствами, но схожие с ними по отдельным признакам. Они даже могут провозглашаться в качестве государств (точнее - карликовых государств), но государствами они все-таки не являются. Цели подобных демаршей (в том случае, когда такое провозглашение все-таки происходит) могут быть самыми различными – от личностного самоутверждения¹ до притязаний на суверенитет, в том числе – на международную правосубъектность. По нашему мнению, к подобным структурам относятся государственно-подобные образования, особые территории государств (обладающие специфическими правами, отличными от обычных полномочий автономий или субъектов федерации), люрекские государства и виртуальные государства. Кратко остановимся на их характеристиках.

Государственно-подобные образования (state-like entities).

Иногда в литературе путают карликовые государства и государственно-подобные образования². Последние, однако, государствами не являются, поскольку не отвечают всем их *существенным* признакам. Несмотря на это, они могут иметь самостоятельный международно-правовой статус на основе международного акта или международного признания.

Истории известны две разновидности таких образований: политико-территориальные и политико-религиозные. К

первым можно отнести вольный город³ Краков (1815-1846 гг.), «свободное государство» Данциг (1920-1939 гг.), свободную территорию Триест, создание которой было предусмотрено мирным договором с Италией 1947 г., но которая так и не была создана, и некоторые другие.

Но мы не будем на них останавливаться, поскольку таких образований в настоящее время не существует. Отметим только, что общей для них особенностью являлось возникновение (в отличие от карликовых государств) на основе международных договоров, поэтому, в частности, их международная правосубъектность каждый раз являлась вторичной, производной от воли заключавших эти договоры государств и, как следствие этого, достаточно ограниченной.

Иное дело – политико-религиозные государственно-подобные образования. Два из них проявили удивительную политическую и организационную живучесть. Это - Святой престол (Ватикан) и Суверенный военный гостеприимный орден Святого Иоанна, Иерусалима, Родоса и Мальты; Суверенный военный орден госпитальеров Святого Иоанна, Родоса и Мальты; Суверенный военный орден рыцарей-госпитальеров Святого Иоанна, Родоса и Мальты; Суверенный военный странноприимный орден Святого Иоанна, Иерусалима, Родоса и Мальты, или иначе – Мальтийский орден.

1 В 1979 г. 14-летний Роберт Бен Мэдисон (Висконсин) провозгласил свою спальню королевством, (назвав его Талосса), а себя, как водится, назначил королем. Это можно было бы расценить как детскую шалость, если бы прецедент не получил широкую известность и у него не нашлись бы многочисленные подражатели.

2 См., например: Международное право: Конспект лекций / Сост. Живарев В. Е. – М.: Московский институт экономики, менеджмента и права, 2004. – С. 18.

3 Вольный город – самоуправляющееся политическое образование, которому международным договором предоставлен международно-правовой статус, позволяющий ему участвовать в основном в экономических, административных и культурных международно-правовых отношениях. См.: Международное право. Общая часть: учеб. для студентов юрид. фак. и вузов / И. И. Лукашук; Рос. акад. наук, Ин-т государства и права, Академ. правовой ун-т. – Изд. 3-е, перераб. и доп. – М.: Волтерс Клувер, 2005. – С. 32.

Что касается первого из них, то сразу оговоримся, что ни Святой престол, ни переданный под его суверенитет «город-государство» Ватикан, не являются государством, поскольку ни тот, ни другой не обладают рядом его *существенных признаков*.

Так, Ватикан имеет свой флаг, герб, гимн, чеканит собственные монеты евро. Город Ватикан располагает, пусть и небольшой, но *территорией*. Неважно, что у него нет армии⁴, её нет и у многих карликовых государств, например, у Андорры, Гаити, Лихтенштейна, Маврикия, Палау и др.

Таким образом, он отвечает требованиям ряда *факультативных признаков государства*. Когда же речь заходит о *существенных признаках государства*, то ситуация меняется. Так, Ватикан выдает физическим лицам свои паспорта (на 2015 год ими владело около 1 000 чел.), но населением Ватикана эти лица не являются, поскольку практически все они, даже те, что проживают на его территории, являются служащими, призванными или нанятыми на работу. Подобное «население» не способно к воспроизводству в его понятии, приводимом ранее. Практически всё население Ватикана является подданными Святого престола, но это подданство не носит постоянного характера. Как правило, оно приобретает на основании служения Святому престолу и аннулируется в случае прекращения лицом такой деятельности⁵. Именно поэтому большинство из таких лиц имеет второе гражданство и только один человек - Римский папа⁶ - не имеет другого гражданства или подданства. Дети подданных по достижении 25 лет, если они не становятся служащими Ватикана, также утрачивают свое подданство и, если у них нет второго гражданства, приобретают гражданство Италии.

Однако источником власти на территории Ватикана (качество суверена в силу ст. ст. 3 и 4 Латеранского договора 1929 г.⁷), а заодно и владельцем Ватикана по вещному праву (*dominium*), является Святой престол. В то же время сам Святой престол, в силу понятных обстоятельств, никаким территориальным критериям отвечать не может, а Ватикан для него - лишь территория, которая предоставлена ему для выполнения его миссии.

С другой стороны, именно Святой престол (Апостольский престол) как центр католической церкви, наделенный, по мнению католических юристов, духовным суверенитетом, а вовсе не «государство-город Ватикан» является субъектом международного права, т. е. может участвовать в процессе международного нормотворчества и вступать в международные межгосударственные отношения. Так, именно Святой престол имеет своих (дипломатических) представителей или наблюдателей в

ООН⁸, МОТ, ВОЗ, ФАО, ОБСЕ, ЮНЕСКО, ЕС, Совете Европы и др. Именно им установлены дипломатические отношения с абсолютным большинством государств, существующих на нашей планете. В то же время, участником Всемирного почтового союза, Международного союза электросвязи и Международной организации спутниковой связи становится не Святой престол, а именно Ватикан. Просто для членства в этих организациях является необходимым наличие собственной почтовой службы, радио или спутниковой связи, что имеет непосредственную связь с территорией, которой, как уже отмечалось, непосредственно у Святого престола нет.

По нашему мнению, в рамках «тангема» Святой престол - Ватикан имеет место формирование своеобразного, уникального симбиоза двух самостоятельных правовых образований. Именно в своей совокупности они позволили Святому престолу сохраниться в качестве не только легитимного участника международных отношений, но и субъекта международного права, хотя и в статусе *persona sui generis*⁹, т. е. субъекта уникального и единственного в своем роде. Правда, немалую роль при этом сыграли и исторически сложившаяся традиция¹⁰, и «обычай и молчаливое согласие большинства государств»¹¹.

Таким образом, ни Святой престол, ни Ватикан не являются государствами, но мы (вслед за мировым сообществом) не будем оспаривать международную правосубъектность Святого престола и станем рассматривать его в качестве самостоятельного, но уникального субъекта международного права, субъекта особой природы. Такая возможность международным правом предусмотрена. Так, в ст. 3 Венской конвенции о праве международных договоров 1986 г. речь идет о «международных соглашениях, участниками которых являются одно или несколько государств, одна или несколько международных организаций и один или несколько субъектов международного права, иных, чем государства и международные организации»¹².

Что касается Мальтийского ордена, то он также имеет некоторые внешние атрибуты государственности. В частности, у него также имеется свой флаг, герб, девиз¹³ и гимн, он печатает свои деньги (скудо) и почтовые марки, выдает собственные паспорта. Орден установил (на 2010 г.) дипломатические отношения со 104 государствами мира, включая Россию. Он имеет статус постоянного наблюдателя в ООН, а также в ЮНЕСКО, ФАО, ВОЗ, МАГАТЭ, ЮНИДО и др.¹⁴. Кроме того, Орден под-

4 Однако у Ватикана есть корпус жандармов (130 человек), который обеспечивает общественный порядок, пограничный контроль, осуществляет уголовный розыск и другие полицейские обязанности. Есть и церемониальная швейцарская гвардия (около 100 человек), но она подчиняется папе Римскому и не подчиняется структурам города-государства Ватикан.

5 Согласно ст. 9 Латеранского договора 1929 года, если лицо перестает быть подданным Ватикана и не имеет гражданства другого государства, то ему предоставляется итальянское гражданство.

6 Напомним, что римский понтифик носит следующий официальный титул: «Епископ Римский, Наместник Иисуса Христа, Преемник главы апостолов, Верховный Первосвященник Вселенной церкви, Патриарх Запада, Примас Италии, Архиепископ и Митрополит Римской провинции, Глава Государства Град Ватикан, Раб Рабов Божиих».

7 См.: Латеранские соглашения. Договор между Святым престолом и Италией Рим, 11 февраля 1929 года. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://vaticanstate.ru/lateranskie-soglasheniya/> (дата обращения: 01.02.2018).

8 По смыслу ст. 4 Устава ООН членом организации может стать только государства, поэтому принятие в члены организации является *prima facie* доказательством наличия статуса государства. Размеры территории и населения не являются препятствием к принятию в члены ООН. Статус наблюдателя указывает на то, что мировое сообщество все-таки не рассматривает ни Святой престол (ни Ватикан) в качестве государства.

9 *Sui generis* (с латинского - своеобразный, единственный в своём роде) - латинское выражение, обозначающее уникальность правовой конструкции (акта, закона или, в частности, статуса).

10 См. подробнее: Дьяченко С. В. Диссертационное исследование на соискание ученой степени кандидата юридических наук: «Особенности международной правосубъектности Святого престола». - М., 2008. С. 16-106.

11 Оппенгейм Л. Международное право. Т. 1, Полутом 1 /Л. Оппенгейм. - М.: Иностранная литература, 1948, - С. 236.

12 Венская конвенция о праве международных договоров 1969 г. // Ведомости ВС СССР. - 1986. - № 37.

13 *Tuitio Fideiet Obsequium Pauperum*. В переводе с лат. - Защита Справедливости и Помощь Бедным и Страждущим.

14 См. подробнее: Суверенный Мальтийский Орден (справка МИД РФ от 20-10-2011. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: [334](http://</p></div><div data-bbox=)

держивает регулярные отношения с Евросоюзом, Советом Европы, Международным комитетом Красного креста и др.

Но для признания Ордена государством этого недостаточно. Так, его *территория* включает только Мальтийский дворец и Виллу Мальта в Риме. С декабря 1998 года Ордену на 99 лет передан в исключительное пользование (правда, с предоставлением статуса экстерриториальности) форт Сант-Анджело на острове Мальта – бывшая резиденция Великих Магистров, но право пользования это не право собственности. Таким образом, территория самого Ордена составляет всего 0,012 км² и ни для какой хозяйственной деятельности непригодна. У Ордена отсутствует и *население* (не говоря уже о *постоянном* населении), в качестве которого нельзя рассматривать членов ордена (около 13 тыс.).

В то же время, от признания за Мальтийским орденом права быть стороной международных межгосударственных отношений и от его международной правосубъектности нельзя просто отмахнуться, назвав их правовой фикцией. Это признание (как, впрочем, и признание Святого престола, с которым здесь много общего) явилось результатом длительного исторического процесса, а не произошло *ipso facto*. Орден смог установить и сохранить свой статус самостоятельного участника международных отношений и субъекта международного права в условиях формировавшихся на протяжении многих веков в рамках католической правовой доктрины взглядов на природу взаимоотношений церкви и государства¹⁵. Немаловажную роль в этом вопросе сыграли и объективно сложившиеся исторические обстоятельства¹⁶.

Отсюда и сохранение в названии Ордена термина «суверенный», что также является не столько реальностью, сколько исторической данностью¹⁷. По нашему мнению, суверенитет Ордена (и его международная правосубъектность) есть правовая фикция.

Тем не менее, для признания Мальтийского ордена государством имеется ещё меньше оснований, чем у Святого престола (или Ватикана).

По нашему мнению, на настойчивое позиционирование и Святого престола (Ватикана), и Мальтийского ордена себя в качестве именно государств (точнее – государств-карликов) большое влияние оказало одно важное исторически обусловленное обстоятельство. В тот период, когда происходило фактическое определение их современных статусов (для Мальтийского ордена – конец XIX в.¹⁸, а для Святого престола и Ватикана – 1924 г.), в качестве субъектов международного права и участников международных межгосударственных

отношений рассматривались исключительно государства, а дискуссия о существовании любых иных субъектов международного права ещё только начиналась. Так, только с 20-х годов XX века начинается процесс признания в качестве субъектов международного права не только государств, но и международных межправительственных организаций, а также наделение последних соответствующими правами, в том числе правом заключать международные договоры, и претендовать на предоставление их персоналу привилегий и иммунитетов. С долей условности, первой такой организацией можно признать Лигу Наций. Этот процесс шёл не очень гладко и только после Второй мировой войны признание за такими организациями международной правосубъектности становится общепринятым. Поскольку, кроме государств, других субъектов международного права не было, *volens nolens* (волей-неволей) пришлось им притязать на статус государства. Так с тех пор и повелось.

Особые территории государств.

Существует ещё одна группа территориальных образований, которые могли бы (при наличии доброй воли) стать самостоятельными (карликовыми) государствами¹⁹, поскольку у них имеются многие существенные признаки государств, за исключением суверенитета. Иногда в литературе их даже ошибочно относят к карликовым государствам²⁰.

Как правило, речь идёт о небольших географически и исторически обособленных (часто островных) территориях, представляющих собой несамостоятельные административные автономии или зависимые территориальные образования. Обычно о них говорят как об *особых территориях государств*²¹.

Их выделяет то, что они обладают специфическими правами, отличными от обычных полномочий политико-территориальных структурных элементов государства (автономий или субъектов федерации), а иногда ещё и статус их территорий, которые могут, хотя и находятся под легитимным управлением государства, формально не входить в его состав.

Приведём несколько примеров таких образований, существующих в Европе (которые не исчерпывают их перечня).

Аландские острова. Имеют свой флаг и герб. Формально считаются автономией Финляндии и обладают особым международным демилитаризованным статусом²². Необычность их прав в рамках и без того широкой автономии проявляется в установлении в качестве единственного официального языка шведского языка (хотя, напомним, формально острова считаются частью Финляндии). За рамки обычных прав автономий (и даже субъектов федераций) выходит и установление на островах собственного местного гражданства, отличного от гражданства Финляндии. Только оно, например, предоставля-

www.mid.ru/ru/maps/it/-asset_publisher/y8qQ47DsHQYD/content/id/189090 (дата обращения: 11.01.2018).

15 Взгляды православной доктрины на отношения церкви и государства были принципиально иными, отсюда, в частности, – отсутствие у Московского Патриархата международной правосубъектности.

16 См. подробнее: Захаров В. А., Чибисов В. Н. История Мальтийского ордена. – М.: Вече 2012.

17 См: Международное право. В 2-х т. Т. 1: учебник для академического бакалавриата / под ред. А. Н. Вылегжанина. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2015 г. – С. 81.

18 Суверенное положение Мальтийского ордена подтверждается Госсоветом Италии в его заключении от 10 ноября 1869 г., Конвенцией между итальянским военным министерством и Орденотом от 20 февраля 1884 г., в декретах итальянского правительства от 7 октября 1923 г., 28 ноября 1929 г. и 4 апреля 1938 г. См. подробнее: Захаров В. А. Проблемы суверенитета Мальтийского ордена и его международно-правовое положение // Современное право. – 2007. – № 4. – С. 107-115.

19 Могли бы, но не делают этого в силу тех или иных (как правило, экономических) причин.

20 Штокало В. А., Штокало С. В. Развитие сотрудничества с карликовыми государствами: неисчерпаемый потенциал // Современные тенденции развития науки и технологий. – 2016. – № 11-7. – С. 134.

21 См., например: Special member state territories and the European Union. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://commons.wikimedia.org/wiki/Atlas_of_the_European_Union (дата обращения: 01.02.2018).

22 Аландская конвенция 1921 г., подтвержденная Лигой Наций (основные положения которой были подтверждены Парижским мирным договором с Финляндией 1947 г.), установила демилитаризацию этих островов в мирное время и их нейтральный статус во время войны.

ет избирательные права на выборах в местный парламент, или, скажем, возможность иметь на островах на праве собственности недвижимость или заниматься в этом регионе предпринимательской деятельностью. Мало того, наличие такого гражданства (при условии постоянного проживания на островах) освобождает от службы в финской армии, а собственной армии на островах нет. В соответствии с договором о присоединении к Финляндскому союзу, в вопросах косвенного налогообложения Аландские острова вообще рассматриваются как территория иностранного государства. Имеются особенности и в области внешних сношений. Так, острова имеют отдельное от остальной Финляндии представительство в Северном совете (с 1970 г.) и др.

Архипелаг Шпицберген (Свальбард). Имеет площадь 39 044 км², население – 2 642 чел. (2012 г.). Хотя архипелаг Шпицберген формально (с 1925 года) является частью Королевства Норвегия, здесь имеются значительные отличия от других норвежских территорий, в части налогообложения (Шпицберген – безналоговая зона), охраны окружающей среды, защиты прав местного населения и военной деятельности (в силу Договора о Шпицбергене 1920 г., Шпицберген является демилитаризованной зоной). На архипелаге установлены два официальных языка – норвежский и русский. Здесь практически отсутствует иммиграционный и таможенный контроль, установлен безвизовый режим (формально только для граждан государств, подписавших указанный Договор 1920 г.).

Коронные земли, или коронные владения (англ. *Crown Dependencies*). К ним относятся расположенные недалеко Великобритании островные владения британской короны, которые формально не входят в состав Соединённого Королевства и не являются его заморскими территориями. Они представляют собой осколки наследственных и когда-то обширнейших (в основном – норманнских) ленных владений королевской семьи. Тем не менее, все жители этих земель считаются подданными Соединённого Королевства. К ним относятся бейливики Гернси и Джерси, а также остров Мэн.

Бейливик Гернси. Площадь 78 км², население (2014 г.) 62711 чел. Остров Гернси (включая и несколько маленьких островов²³) расположен в проливе Ла-Манш, в составе Нормандских островов. На сегодня это территория самостоятельным управлением. Имеет собственный герб, гимн и флаг. Гернси не входит в ЕС, хотя является частью его таможенной территории. В то же время, защита Гернси является обязанностью Великобритании. Главой Гернси является Елизавета II, а главой правительства является бейлиф (beilif)²⁴, который ею назначается. Она же назначает и губернатора острова. Судебная власть принадлежит Королевскому суду, а законодательная – местному однопалатному парламенту – Ассамблее сословий (Штатам Гернси). Тем не менее, остров до настоящего времени выпускает собственные деньги – гернсийский фунт (который привязан к фунту стерлингов в соотношении 1:1).

Бейливик Джерси. Джерси – остров в проливе Ла-Манш, в составе все тех же Нормандских островов. Площадь 78 км², население (на 2014 г.) 65 849 чел. Его статус практически совпадает со статусом Гернси.

23 Некоторые из них (Олдерни, Сарк, Херм), имеют даже свой собственный флаг и герб.

24 Управляющий манором (феод, поместьем) лорда в Англии. Бейливик (англ. *bailiwick*) в Великобритании это – область юрисдикции бейлифа.

Остров Мэн. Площадь острова 572 км², население (2013 г.) 85888 чел.

Он расположен в Ирландском море. Парламент Мэн (Тинвальд) – один из старейших в мире (с 979 г.). Главой государства является Лорд Мэна, но этот титул принадлежит королеве Великобритании. Она же назначает своего представителя на острове – Лейтенанта-Губернатора. Законодательная власть принадлежит Тинвальду (парламенту острова), но принимаемые им законы должны быть утверждены Лордом Мэна. На острове – собственная правовая система, хотя за основу ею взяты британские законы, и собственная высшая судебная инстанция. Однако, также как и другие коронные земли, остров Мэн не обладает суверенитетом.

К такого же рода территориям государств можно также отнести и Автономное монашеское государство Святой Горы, которое чаще называют просто Афоном. Он представляет собой храмовый православный комплекс, площадью около 336 км² и населением (монахи) в количестве 1830 чел. (2011 г.)²⁵. По Лозаннскому договору 1923 г. суверенитет над этой территорией принадлежит Греции, но в Конституции Греции (в статье 105) закреплён особый статус Святой Горы: «В соответствии с его древним привилегированным статусом Афон является самоуправляющейся частью Государства Греция». Греция представлена на Афоне губернатором, при котором имеется небольшой штат административных сотрудников и полицейских.

В свою очередь, Уставная хартия Афона 1924 года делегирует Греции ведение внешней политики, но сохраняет собственное управление. При вступлении Греции в Евросоюз, последний обязался «учитывать» такой особый статус Афона, особенно в части свободного перемещения людей, капитала, товаров и услуг. Дело в том, что одним из самых известных обычаев Афона является аватон (от греческого *ἄβατον* – место, куда нет прохода). Он означает запрет на въезд на территорию святой Горы женщинам и животным женского пола²⁶ и при иных обстоятельствах он бы означал дискриминацию по половому признаку. Кроме того, на св. Гору не распространяется положение о налоге ЕС на добавленную стоимость, а также некоторые другие.

Хотя в официальном наименовании этого территориального образования присутствует термин «государство», государством Афон не является. Так, в силу указанных выше обстоятельств его население не способно к воспроизводству и, кроме того, у него полностью отсутствует внешняя составляющая понятия суверенитета.

Люрекские государства.

Существуют территориальные образования, которые (в отличие от особых территорий государств) не отвечают практически всем обязательным для государств основополагающим критериям, его существенным признакам, но часто провозглашаются именно в качестве государств. Поскольку иногда такие образования ошибочно относят к карликовым государствам, мини-государствам и т. п., чтобы выделить их в само-

25 Для сравнения, в 1903 году население горы Афон составляло приблизительно 7432 человека, а в 1917 году – около 10 500 человек.

26 Исключение существует только для кур, поскольку для изготовления красок, применяемых в иконописи, требуются желтки их яиц, и кошек, которые необходимы для ловли грызунов. Нарушение аватона по УК Греции является преступлением и за его совершение предусмотрено тюремное заключение от двух месяцев до одного года.

стоятельную группу, считаем допустимым применение к ним специального термина – «люрексные государства» или «государство-люрекс». По нашему мнению, они подобны современному люрексу²⁷ (тонкой нити, применяемой только для создания эффекта блеска и мерцания благородных металлов)²⁸.

Этот феномен ещё не получил должного исследования и оценки в отечественной науке.

В подобных образованиях, как правило, гипертрофированно и демонстративно подчеркиваются второстепенные признаки и атрибуты государства (наличие собственных флагов и герба, денежных знаков и монет, почтовых марок, реж – паспортов и знаков отличия и др.), которые, повторимся, существенными для понятия государства не являются. Такие образования могут формировать правительство (которое в большинстве случаев реально не функционирует), участвовать в международных форумах (не межгосударственного характера) и даже могут проводить спортивные мероприятия, но от этого государствами не становятся. Они создаются в территориальных рамках уже существующих государств, но не в плане реализации принципа права народов на самоопределение, а в силу стремления придать официальность и легитимность своему желанию (часто только декларируемому) не подчиняться тому или иному конкретному законодательству государства, которое в действительности продолжает осуществлять свою юрисдикцию над этой территорией.

О. С. Галиева называет их микрогосударствами и даёт им следующее определение: это «образования, которые провозглашаются независимыми государствами, заявляющими о суверенитете на незначительной территории и в отношении малочисленного количества населения, при этом воспроизводят формальные атрибуты государственности (флаг, герб, гимн и др.), создают систему органов государственной власти, но не признаются мировым сообществом»²⁹.

Можно спорить о терминологии (термин «микрогосударство», в литературе применяется и к карликовым государствам) или о таком терминообразующем признаке, как признание этих образований мировым сообществом, но в целом дух таких «государств» в этом определении передан верно³⁰.

Для характеристики люрексных государств кратко остановимся только на нескольких таких образованиях, провозглашенных частными лицами на территории Европы (хотя практика их создания охватывает все регионы мира):

Княжество Силенд (Sealand). Площадь этого люрексного государства составляет 0,00055 км², население (2017 г.) 1 чел.

Его «территорией» является морская платформа, построенная в 1942 г. в Северном море у побережья Великобритании

27 За основу названия люрекса в свое время было взято английское слово *lure* – «соблазн; привлекательность, приманка», которое как нельзя лучше характеризуют цели и причины создания подобных пародий на государство.

28 В последнее время при производстве люрекса вообще используются нити из химической пленки, покрываемой цветным клеем.

29 Галиева О. С. О сущности суверенного государства на примере анализа современных микрогосударств // Юридические науки: проблемы и перспективы: материалы IV Междунар. науч. конф. (г. Казань, май 2016 г.). – Казань: Бук, 2016. – С. 46-50. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://moluch.ru/conf/law/archive/181/10201/> (дата обращения: 03.03.2018).

30 К сожалению, О. С. Галиева не видит разницы между международными межгосударственными отношениями и отношениями трансграничными и потому рассматривает микрогосударства в качестве субъектов международного права, хотя и «обладающих ограниченной правоспособностью».

и заброшенная по окончании 2 Мировой войны. В сентябре 1967 года майор в отставке Пэдди Рой Бэйтс провозгласил на ней независимое государство Силенд, а себя – главой княжества (под именем князя Роя I). Княжество Силенд имеет свою валюту (силендский доллар чеканится с 1972 года), гимн, флаг, церковь, паспорт и девиз: «E Mare Libertas» (Свобода морей). Итогом судебных споров стало решение британской юстиции о том, что дело Силенда, который находится за пределами её территориального моря, вне юрисдикции Великобритании.

Однако, как уже отмечалось, рукотворные морские платформы не могут быть территорией государства и объявление существования на ней суверенного княжества является юридической фикцией. Не имеет «княжества» и постоянного населения, как и населения (в его демографическом понимании) вообще. В 2007 году Силенд был выставлен на продажу за 750 млн. евро, но его пока так никто и не купил.

Королевство Ладония. Это – люрексное государство, расположено на юге Швеции. Его площадь – 1 км², а «население» – 17 752 человек (2011 г.). Правда, на территории самого королевства никто не проживает³¹. Оно появилось в 1996 году, в результате того, что шведский художник Ларс Вилкс своим манифестом «создал» это государство на территории, расположенной на юге шведского графства Сконе и занятой его (крайне своеобразными) скульптурами.

Одновременно он объявил о её независимости и неподчинении законодательной власти Швеции. Граждане страны обязаны отдавать ей только свои творческие способности – никаких налогов. Есть четыре социальных класса: дворянство, простые граждане, почётные граждане и святые³². Таким образом, в этом люрексном государстве, как и во многих других подобных образованиях, наблюдается наличие лиц, подпадающих под категорию гражданства, но нет лиц, подпадающих под категорию населения, тем более постоянного населения, в то время как именно постоянное население является необходимым условием признания за территориальной единицей качества государства. Каменистая территория (столь маленьких размеров) не предоставляет возможности для жизни и хозяйственной деятельности человека. Иными словами, это «королевство» не располагает титульной территорией для своего образования.

Страной «управляет» королева (хотя у Ладонии существует и президент) и правительство. При этом сам основатель королевства взял себе довольно скромную должность – государственного секретаря. «Королевство» имеет свой флаг и герб. Отсутствие армии не помешало ему проявить свою крайнюю воинственность и в 2003 г. объявить войну Швеции, США и Сан-Марино.

Свободная и независимая республика Фрестония (The free and independent Republic of Frestonia) – площадью 7300 м². Она была образована 27 октября 1977 года 120 жителями, прожи-

31 Таким образом, в этом люрексном государстве, как и во многих других подобных образованиях, наблюдается наличие лиц, с натяжкой подпадающих под категорию гражданства, но нет лиц, подпадающих под категорию постоянного населения, в то время как именно постоянное население является необходимым условием признания за территориальной единицей качества государства.

32 Для получения гражданства Ладонии достаточно заполнить регистрацию, которую можно найти на сайте этого люрексного государства.

вавшими в заброшенных домах одной из лондонских улочек Фрестон-роуд, при попытке их выселить из-за возможного строительства на месте их квартала фабрики. На основании проведенного ими «референдума», они объявили о своей независимости от Великобритании. Неожиданно они получили поддержку общественного мнения, и решение властей Лондона о их выселении не прошло. Все фрестонцы приняли **второе имя Брамли (Bramley)**, установили свой флаг, герб, **девиз «Nos sumus una familia» (Мы одна семья)** и даже написали 3 гимна. Затем они «ратифицировали» Декларацию ООН о правах человека, приняли свой Билль о правах, назначили своего собственного «министра иностранных дел», (которому по совместительству пришлось выполнять и функции главы государства), начали выпуск своих газет и марок. Правда, Фрестонии в дальнейшем пришлось, не бескорыстно, а за материальную помощь со стороны Лондона, отдать (или продать) свою независимость, но сама община существует и сегодня.

Республика Соже (франц.: La République du Saugeais). Расположена на востоке Франции в департаменте Ду. Её площадь составляет 128 км², а население 5 029 чел. Первоначально эта республика была придумана в шутку Жоржем Порше, владельцем отеля в городе Монбенуа. Местный префект одобрил шутку и «назначил» Ж. Порше её президентом. Шутка прижилась и даже получила вторую жизнь. Сегодня у «республики» по-прежнему есть президент, который назначает премьер-министра, генерального секретаря, послов и почетных граждан. У Республики Соже есть свой национальный гимн, банкноты (имеющие значение сувениров для туристов и экзотических денег для нумизматов) и почтовые марки, которые, правда, выпускаются французской почтовой службой. Конечно же, эта «республика» никогда не претендовала на суверенитет, тем не менее, со временем некоторые жители этого района Франции перестали понимать шутку как шутку.

Коммуна Филеттино (итал.: Filetino), расположенная в провинции Фрозиноне в Италии. Территория - 78 км², население - 551 человек (2008 г.). В августе 2011 г. мэр города Филеттино Лука Селлари (Luca Sellari) в знак несогласия с решением правительства Италии по объединению населенных пунктов (с населением менее тысячи человек) объявил о «независимости» коммуны, себя – временно исполняющим обязанности князя нового государства, сразу приступив при этом к организации печатания собственных денег под названием «фиорито». Правда, до настоящего времени эти «деньги» существует только в виде распечаток на цветном принтере в городской мэрии. Несмотря на многочисленные публикации в прессе, посвященные этому событию, руководство страны до сих пор никак не прореагировало на происходящее в Филеттино. Мэр города также существенно сменил риторику: «Мы абсолютно не хотим получать независимость от Италии, и мы не хотим нарушать Конституцию страны. Мы настаиваем только на большей административной автономии, чтобы иметь возможность самостоятельно управлять нашими ресурсами и имеющимся у нас богатством»³³.

Республика острова Роз (эсперанто *Respubliko de la Insulo de la Rozoj*). В 1967-1968 годах итальянским архитектором Джорджио Роза, вдохновленного примером Княжества Силенд, была построена антропогенная платформа у берегов Италии

(в 11 км. от Римини). Он расположил на ней ресторан, бар, ночной клуб, сувенирный магазин и почтовое отделение, и объявил её суверенным государством под названием Республика острова Роз. Но впоследствии эта платформа была разрушена итальянской армией, деятельность которой итальянская общественность восприняла негативно. После этого Д. Роза сформировал «правительство в изгнании»³⁴. Также, как и Княжество Силенд, Республика острова Роз не соответствовала существенным признакам понятия государства, не имела ни собственной территории, ни населения, отвечающих существующим требованиям, ни реального суверенитета.

К такому же роду территориальных образований можно отнести попытку отделения от Эстонии двух хуторов и восстановления на их территории «советской власти»³⁵ и т. п.

Виртуальные государства.

Это – еще одна разновидность образований, часто объявляемых в качестве государств, но таковыми не являющимися в силу того, что они не отвечают практически всем существенным признакам государства. В частности, они не обладают (либо обладают только суррогатной, доведенной до абсурда) собственной территорией, не имеют постоянного населения, более того, как правило, они располагаются или в Интернете, или только в воображении своих основателей. Иными словами, виртуальные государства даже по формальным признакам не отвечают условиям, необходимым для их признания в качестве государства. Как правило, у таких «государств» имеется свой виртуальный флаг и герб. Что же касается основных критериев государства, то они, если и имеются, представляются чаще всего в качестве их курьезной имитации (скажем, указания на суверенную территорию, представляющей из себя квартиру или территорию в виде крупного камня). В качестве соответствующих примеров, опять же применительно к Европе, можно привести:

– Виртландию. Официальное название: Wirtland (хотя оно также известно как Nayalistan). Это полностью виртуальное «государство» было основано в 2008 г. Базируется в интернете. Во главе стоит «канцлер». Выпускаются пластиковые карточки в качестве персонального удостоверения личности. Предоставили гражданство Джулиану Ассанжу и Эдварду Сноудену. Подать заявку на гражданство и стать «wirtlander» могут лица старше 18 лет;

– Королевство Прекрасного (Kingdom of Lovely). Как государство, базирующееся в сети Интернет, было основано в 2005 г. комиком Дэнни Уоллесом в рамках телевизионной программы на канале Би-би-си «Как создать своё собственное государство». Это дало Д. Уоллес повод считать свою квартиру (в восточном Лондоне) «суверенной территорией»³⁶;

– Бьорнскую Социалистическую Республику. Эта Республика была придумана группой шведских студентов. Распо-

34 См. подробнее: Rose Island. A Dream of Freedom by Fabio Vaccarezza // The Cinderella Philatelist 2007, – January.–P. 42–46; Republics of the Reefs»: Nation-Building on the Continental Shelf and in the World's Oceans// California Western International Law Journal, vol. 25, – №. 1, Fall, 1994. – P. 105-106.

35 См.: Два эстонских хутора провозгласили себя «Советской республикой» и просят Россию признать их независимость. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.newsru.com/world/03sep2008/essr.html> (дата обращения: 01.02.2018).

36 См. подробнее: Как стать королем и создать свою страну, не привлекая внимание санитаров. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://grimnir74.livejournal.com/4944864.html> (дата обращения: 01.02.2018).

33 Цит. по: Филеттино: княжество, которого пока нет. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ria.ru/world/20110912/435882681.html> (дата обращения: 11.01.2018).

ложена она на камне (по форме напоминающем трактор), площадью шесть квадратных метров, находящемся у озера Сконе в Швеции. В республике есть свое «правительство» и свое «законодательство». Она признана люрекским государством – Ладонией. Тем не менее, под маркой этой республики ухитряются выпускать бутилированную минеральную воду и пакетики с чаем. Официального сайта у «государства» нет;

– Нутопию. Это воображаемая страна, которую в 1973 г. создали Джон Леннон и Йоко Оно под вдохновением от песен Imagine. (Флаг этой страны – чисто белое полотнище, напоминающее простыню);

– Империю Коупман. Ее создание в 2003 г. провозгласил 25-летний безработный британец Н. Коупман, сразу сменивший имя на Его Величество Король Николас I. Эта «империя» состоит из четырех трейлерных домиков, расположенных на автостоянке в Шерингеме (графство Норфолк на востоке Англии)³⁷.

В настоящее время в мире существуют непризнанные или частично признанные государства. Де-факто в них осуществляется самоуправление, но, как правило, при этом существуют государства-члены ООН, которые претендуют на эти территории. Часто такие образования являются небольшими по своей площади и не имеют многомиллионного населения, т. е. могут подпадать под понятие карликовых государств. Однако, поскольку их статус мировым сообществом до конца не определен, они выведены нами за рамки настоящей работы.

Пристатейный библиографический список

- Галиева О. С. О сущности суверенного государства на примере анализа современных микрогосударств // Юридические науки: проблемы и перспективы: материалы IV Междунар. науч. конф. (г. Казань, май 2016 г.). – Казань: БуК, 2016. – С. 46-50. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://moluch.ru/conf/law/archive/181/10201/> (дата обращения: 03.03.2018).
- Дьяченко С. В. Диссертационное исследование на соискание ученой степени кандидата юридических наук: «Особенности международной правосубъектности Святого престола». – М. 2008. – 195 с.
- Захаров В. А. Проблемы суверенитета Мальтийского ордена и его международно-правовое положение // Современное право. – 2007. – № 4. – С.107-115.
- Захаров В. А., Чибисов В. Н. История Мальтийского ордена. – М.: Вече 2012. – 436 с.
- Международное право. В 2-х т. Т. 1: учебник для академического бакалавриата /под ред. А. Н. Вылегжанина. – 3-е изд., перераб и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2015. – 290 с.
- Международное право. Общая часть : учеб. для студентов юрид. фак.и вузов / И. И. Лукашук; Рос. акад. наук, Ин-т государства и права, Академ. правовой ун-т. – Изд. 3-е, перераб. и доп. – М.: Волтерс Клаувер, 2005.
- Оппенгейм Л. Международное право. Т. 1, Полутом 1. – М.: Иностранная литература, 1948. – 407 с.
- Суверенный Мальтийский Орден (справка МИД РФ от 20-10-2011). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.mid.ru/ru/maps/it/-asset_publisher/y8qQ47DsHQYD/content/id/189090 (дата обращения: 11.01.2018).
- Филеттино: княжество, которого пока нет. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ria.ru/world/20110912/435882681.html> (дата обращения: 11.01.2018).
- Rose Island. A Dream of Freedom by Fabio Vaccarezza // The Cinderella Philatelist, January 2007. – P. 42-46;
- Republics of the Reefs: Nation-Building on the Continental Shelf and in the World's Oceans// California Western International Law Journal, vol. 25, №. 1, Fall, 1994. – P. 105-106.

³⁷ См.: ТОП-10 самых крошечных в мире государств. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ru.espresso.tv/news/2015/05/28/top_10_samykh_kroshechnykh_v_myre_gosudarstv (дата обращения: 11.01.2018).

МИХЕЕВА Татьяна Николаевна

доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного и административного права
Марийского государственного университета

СУБЪЕКТНЫЙ СОСТАВ ОБЩЕСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ: ПРОБЕЛЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ*

В статье получили характеристику субъекты общественного контроля, которые, по мнению автора, не нашли четкого закрепления в законе. Предлагается ряд дополнений и изменений, что сделает закон более понятным и удобным в применении для любого гражданина, может позитивно повлиять на активность населения в сфере общественного контроля.

Ключевые слова: общественный контроль, субъекты общественного контроля, граждане, общественные объединения.

MIKHEEVA Tatyana Nikolaevna

Ph.D. in Law, professor of Constitutional and administrative law sub-faculty of the Mari State University

THE SUBJECT STRUCTURE OF SOCIAL CONTROL: OMISSIONS AND PROSPECTS

The article describes the subjects of public control. According to the author such subjects have not received a clear consolidation in the law. A number of legislative changes are proposed. It seems that changes will make the law more understandable and easy to apply for any citizen, can positively affect the activity of the population in the sphere of public control.

Keywords: public control, subjects of public control, citizen, public associations.

Мухеева Т. Н.

Об общественном контроле сейчас много говорят, называя необходимым контрольным инструментом для оценки власти. Однако мнения исследователей неоднородны, имеются критические замечания к структуре Федерального закона «Об основах общественного контроля в Российской Федерации»¹, его юридической технике, к отдельным правовым нормам и правовым пробелам.

Если задаться вопросом, а без малого за четыре года с момента принятия закона удалось ли нам внедрить его в практическую плоскость? То ответ вряд ли будет положительным. Обилие созданных общественных советов при органах государственной исполнительной власти и на муниципальном уровне не привело к повсеместной реализации закона. Очевидно, что есть какие-то тормозящие факторы. Как нам видится, сам закон в действующей редакции не может в полной мере создать надлежащие правовые условия для практического применения.

Анализ юридической литературы показывает, что наиболее уязвимыми нормами закона выступают его положения о субъектах общественного контроля. Достаточным будет привести отдельные мнения в этой части.

Показательными являются слова В. В. Гриба, известного специалиста и автора первого учебника в сфере общественного контроля, который считает существенным упущением со стороны законодателя исключение из числа субъектов общественного контроля граждан и их объединений².

Д. В. Доровских по поводу субъектов общественного контроля замечает: «Серьезным недостатком закона является не-

включение граждан и общественных объединений в перечень субъектов общественного контроля. То есть участвовать в его осуществлении они могут, но только опосредованно. Независимость основных субъектов общественного контроля – общественных палат и советов, которые, так или иначе взаимосвязаны с государственными и муниципальными органами, весьма сомнительна. Смогут ли они быть полноценными субъектами общественного контроля не на бумаге, а на деле? Очевидно, что наделение самого базиса гражданского общества – индивидов и их объединений лишь вторыми ролями – не лучшее решение»³.

Анализируя нормы закона, касающиеся субъектов общественного контроля, Д. С. Михеев отмечает недостаточность правовых условий для участия в общественном контроле граждан и создаваемых ими общественных структур. Совершенно очевидно, что общественные объединения включают в себя наиболее активную часть населения. Их ресурс в механизме общественного контроля представляется очень серьезным⁴. Говоря об уровне местного самоуправления, автор в другой своей работе обосновывает роль граждан, населения в общественном контроле. Местные органы – это вторичный субъект, формируемый населением, следовательно, и подконтрольный населению муниципального образования. Отсюда вытекает правомочность населения по

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках грантового проекта №18-011-00108.

1 Федеральный закон от 21 июля 2014 года №212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» // СЗ РФ. – 2014. – № 30 (часть 1). – Ст. 4213.

2 Гриб В. В. Общественный контроль. Учебник. – М.: Юрист, 2017. – С. 101.

3 Доровских В. В. Общественный контроль в Российской Федерации: правовые основы // Государственная власть и местное самоуправление. – 2015. – № 6. – С. 17.

4 Михеев Д. С. Гласность и общественный контроль за деятельностью власти на муниципальном уровне // Исторические, филологические, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2015. – № 6 (56). – Часть 1. – С. 137.

контролю за решением органами местного самоуправления вопросов местного значения⁵.

Солитарен с предыдущим автором Э.Э. Велиев, который считает правомерным возложение функций общественного контроля на инициативные муниципальные общественные объединения, что позволит сделать общественный контроль более прозрачным и откроет двери для участия в его осуществлении фактически всем желающим жителям муниципально-образованного образования⁶.

Примечательно, что еще задолго до принятия Федерального закона учеными, обсуждавшими институт общественного контроля, высказывались актуальные и сегодня мнения по субъектному составу. В широком смысле субъектом осуществления общественного контроля является в Российской Федерации ее народ. В узком смысле под субъектами общественного контроля понимаются институты гражданского общества и граждане⁷. К субъектам общественного контроля следует отнести граждан и общественные структуры, которые имеют в основе своей деятельности интересы граждан⁸.

Приведенное единодушие мнений по субъектам общественного контроля – гражданам и общественным объединениям не получило поддержку у законодателя. Рассмотрение вопроса о правовом закреплении статуса субъектов общественного контроля показывает законодательную неупорядоченность.

Следует отметить в целом в законе вольное обращение с понятийным аппаратом субъектного состава. Например, при наличии самостоятельной статьи, перечисляющей субъектов общественного контроля, в ней должны бы получить полное урегулирование все виды субъектов, задействованных в процедурах общественного контроля. На деле помимо субъектов общественного контроля, перечисленных в статье 9 Федерального закона, в различных положениях фигурируют упоминания об «инициаторах общественной проверки», «инициаторах общественной экспертизы», «организаторах» и «участниках» различных форм общественного контроля. При этом закон не дает определений названным терминам.

Так, согласно статьям 20 и 22 инициаторами общественной проверки и общественной экспертизы являются федеральные и региональные Уполномоченные по правам человека, по правам ребенка, по защите прав предпринимателей. Более термин «инициаторы» нигде не употребляется, не раскрывается, каким образом названные лица осуществляют свою инициативу о проведении общественного контроля, кому вносят эту инициативу и т.п. Каждый из перечисленных должностных лиц наделен собственным статусом по проверке соблюдения прав и законных интересов человека, ребенка, предпринимателей. Защита последних входит в круг долж-

ностных обязанностей названных Уполномоченных и не является общественным участием, а сами они не могут быть отнесены к общественным структурам.

Таким образом, данные должностные лица не могут быть субъектами общественного контроля. Тогда необходимо уточнение в законе термина «инициаторы», их взаимоотношения с субъектами общественного контроля. Также встает вопрос о корректности, назначенных органами власти чиновников (мы имеем в виду всю систему Уполномоченных) и получающих за свою работу заработную плату из соответствующего бюджета, перекладывать на общественные структуры исполнение части своих полномочий.

Схожая ситуация наблюдается в статьях 24 и 25, где употребляются термины «участники общественных обсуждений» и «участники общественных (публичных) слушаний». Кто может выступить в качестве отмеченных участников и насколько широки рамки такого участия?

Остается нераскрытой категория «организатора» в статьях 20, 22, 24, 25 и приходится лишь догадываться, что в роли организаторов выступают субъекты общественного контроля.

В целях упорядочения понятийного аппарата становится очевидной необходимость дополнения закона самостоятельной статьей «Основные термины и понятия», что значительно упростит практическое его применение.

Центральной в Федеральном законе является статья 9, закрепляющая перечень субъектов общественного контроля. Она состоит из двух частей и, соответственно, двух групп субъектов общественного контроля, отличающихся по своему правовому статусу. Согласно части 1 статьи 9 субъектами общественного контроля являются Общественная палата Российской Федерации, общественные палаты субъектов Федерации, общественные палаты (советы) муниципальных образований, общественные советы при органах исполнительной власти федерального и регионального уровня. Этим субъектам можно считать основными, хотя закон не подразделяет их на основные и иные. Однако из смысла части 2 статьи 9 с очевидностью вытекает, что такое деление предполагается. Согласно названной норме для осуществления общественного контроля могут создаваться общественные наблюдательные комиссии, общественные инспекции, группы общественного контроля и другие организационные структуры.

Нетрудно увидеть, что правовой статус двух названных групп субъектов общественного контроля значительно различается. В первую группу включены полноправные участники, и их деятельность по контролю не зависит ни от каких условий. Про субъектов второй группы этого сказать нельзя. Их создание зависит полностью от воли основных субъектов, а статус может быть определен как производные субъекты.

Несмотря на отличительные особенности, все перечисленные общественные структуры охватываются общим термином – субъекты общественного контроля. Это следует из названия статьи 9.

Граждане и общественные объединения, важнейшие элементы гражданского общества, не фигурируют в качестве самостоятельных субъектов общественного контроля. Каков же их статус, если закон в центральной статье о субъектах общественного контроля их проигнорировал? Они получили регламентацию в статье 3 закона, согласно которой граждане имеют право участвовать в осуществлении общественного контроля как лично, так и в составе общественных объединений.

5 Михеев Д. С. Обеспечение общественного контроля – ключевое направление в развитии принципа гласности местного самоуправления // *Lex Russica*. – 2015. – № 4. – С. 25.

6 Велиев Э. Э. Правовые основы взаимодействия муниципальных общественных объединений с органами местного самоуправления // *Государственная власть и местное самоуправление*. – 2017. – № 11. – С. 27.

7 Кузнецов А. С. Субъекты осуществления общественного контроля в Российской Федерации // *Право и государство: теория и практика*. – 2011. – № 6 (78). – С. 61.

8 Михеев Д. С. Общественный контроль за деятельностью органов местного самоуправления: проблемы становления и тенденции развития. Монография. – Йошкар-Ола, 2012. – С. 12.

Причем это участие является добровольным, никто не вправе принудить его к участию или неучастию. Граждане участвуют в осуществлении общественного контроля в качестве общественных инспекторов и общественных экспертов.

Дальнейшие комментарии правового статуса граждан по осуществлению общественного контроля в данной статье отсутствуют и их с трудом по крупницам приходится высказывать в других статьях. Анализируя такую форму общественного контроля, как общественная проверка, можно составить представление об общественном инспекторе. Им является гражданин, привлеченный организатором общественной проверки. Аналогичная норма имеется в отношении общественного эксперта, который привлекается для осуществления общественной экспертизы. Напрашивается логичный вывод том, что гражданин не может реализовать свое желание лично участвовать в общественном контроле, а лишь привлекается к нему организаторами общественной проверки или общественной экспертизы по своему усмотрению. В качестве организаторов выступают основные субъекты общественного контроля. Общая картина в отношении граждан становится более понятной, если их включить в часть 2 статьи 9 закона в качестве производного субъекта общественного контроля, для чего необходимы соответствующие изменения в закон.

В статье 3 содержатся положения о праве общественных объединений на участие в общественном контроле. Им отводится роль организаторов таких форм как общественный мониторинг, общественное обсуждение, а также роль участников других форм. Отметим, что правомочия по организации названных форм общественного контроля фактически ставят общественные объединения в число полноправных субъектов общественного контроля. Они в этом случае, по нашему мнению, также должны получить закрепление в перечне основных субъектов общественного контроля, предусмотренном статьей 9 закона.

Определение проблемных вопросов закрепления субъектного состава общественного контроля позволяет сделать некоторые предложения по совершенствованию действующего Федерального закона «Об основах общественного контроля в Российской Федерации».

Правореализация на сегодня затруднена из-за большого обилия применяемых в законе терминов, смысл которых никак и нигде не раскрывается. Для устранения данного пробела необходимо в главу «Общие положения» включить статью «Основные термины и понятия», в которой раскрыть содержание употребляемых в законе понятий «субъект общественного контроля», «организатор общественного контроля», «инициатор общественного контроля», «участник общественного контроля» и т.п.

Назрела необходимость дополнения статьи 9, регулирующей субъектов общественного контроля. Со всей очевидностью в часть 1 напрашивается внесение в качестве самостоятельного субъекта общественных объединений. Предложение основано на том, что за общественными объединениями статьей 3 закреплено право самостоятельно организовывать такие формы общественного контроля как общественный мониторинг и общественная проверка. Подобные правомочия уравнивают их с основными субъектами общественного контроля.

В часть 2 данной статьи, регулируемую производных (зависимых) субъектов общественного контроля, т.е. привле-

каемых для участия в контрольных мероприятиях основными субъектами, следует включить такую категорию как «граждане». Это дополнение вытекает из норм закона, которые регулируют статус общественных инспекторов и общественных экспертов. Логично, что граждане, входящие в общественные инспекции, группы общественного контроля, должны занять место в одном перечне с последними.

Пристатейный библиографический список

1. Велиев Э. Э. Правовые основы взаимодействия муниципальных общественных объединений с органами местного самоуправления // Государственная власть и местное самоуправление. – 2017. – № 11. – С. 23-28.
2. Гриб В. В. Общественный контроль. Учебник. – М.: Юрист, 2017. – 656 с.
3. Доровских В. В. Общественный контроль в Российской Федерации: правовые основы // Государственная власть и местное самоуправление. – 2015. – № 6. – С. 14-18.
4. Кузнецов А. С. Субъекты осуществления общественного контроля в Российской Федерации // Право и государство: теория и практика. – 2011. – № 6 (78). – С. 61-63.
5. Михеев Д. С. Гласность и общественный контроль за деятельностью власти на муниципальном уровне // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2015. – № 6 (56). – Часть 1. – С. 136-139.
6. Михеев Д. С. Обеспечение общественного контроля – ключевое направление в развитии принципа гласности местного самоуправления // Lex Russica. – 2015. – № 4. – С. 24-32.
7. Михеев Д. С. Общественный контроль за деятельностью органов местного самоуправления: проблемы становления и тенденции развития. Монография. – Йошкар-Ола, 2012. – 144 с.

ТИМОФЕЕНКО Вероника Андреевна

кандидат философских наук, доцент кафедры отраслевых юридических дисциплин Таганрогского института (филиала) Ростовского государственного экономического университета

КУРИЛКИНА Ольга Александровна

кандидат юридических наук, доцент, заведующая кафедрой отраслевых юридических дисциплин Таганрогского института (филиала) Ростовского государственного экономического университета

САМОЙЛОВА Ирина Николаевна

кандидат философских наук, доцент, заведующая кафедрой теории и философии права Таганрогского института (филиала) Ростовского государственного экономического университета

ЗУЕВА Юлия Александровна

кандидат юридических наук, доцент кафедры отраслевых юридических дисциплин Таганрогского института (филиала) Ростовского государственного экономического университета

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ И ПРОБЛЕМЫ СТАНОВЛЕНИЯ ТРАНЗИТИВНОГО ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В статье рассматривается малоисследованная проблема, связанная с изучением концептуальных особенностей развития гражданского общества, а так же проблемы его становления в транзитивный период современной России. Представлена внутренняя структура перспектив развития транзитивного гражданского общества, дается возможность не только рассмотреть внутренние особенности транзитивного гражданского демократического общества, но и показать значимость в решении проблем, связанных с ним при изучении подобного государства. Показаны переходные периоды, они будут связаны с категориями правового противоречия и фактором темпоральности. Рассмотрение современного транзитивного демократического государства включает в себя обращение к последовательности этапов исторического развития. Выявлено, что переходные периоды представляются как некоторые интервальные структуры, которые дают возможность влиять на появление новых форм общества и государства в целом, а так же правовых, экономических, политических, общественных отношений.

Ключевые слова: гражданское общество, демократия, законность, транзитивность, переходные периоды, правовое развитие, транзитивное демократическое государство, кризис, нестабильные ситуации.

TIMOFEENKO Veronika Andreevna

Ph.D. in Philosophy, associate professor of Branch legal disciplines sub-faculty of the Taganrog Institute (branch) of Rostov State Economic University

KURILKINA Olga Aleksandrovna

Ph.D. in Law, associate professor, Head of Branch legal disciplines sub-faculty of the Taganrog Institute (branch) of Rostov State Economic University

SAMOILOVA Irina Nikolaevna

Ph.D. in Philosophy, associate professor, Head of Theory and philosophy of law sub-faculty of the Taganrog Institute (branch) of Rostov State Economic University

ZUEVA Yuliya Aleksandrovna

Ph.D. in Law, associate professor of Branch legal disciplines sub-faculty of the Taganrog Institute (branch) of Rostov State Economic University

PROSPECTS OF DEVELOPMENT AND PROBLEMS OF FORMATION OF THE TRANSITIVE CIVIL SOCIETY IN MODERN RUSSIA

The article deals with the unexplored problem associated with the study of the conceptual features of the development of civil society, as well as the problems of its formation in the transitive period of modern Russia. The internal structure of prospects of development of the transitive civil society is presented, gives the chance not only to consider internal features of the transitive civil democratic society, but also to show value in the solution of the problems connected with it at studying of the similar state. Transition periods are shown, they will be connected with the categories of legal contradiction and the factor of temporal character. The consideration of transitive modern democratic state involves an appeal to the sequence of stages of historical development. It is revealed that transition periods are presented as some interval structures which give the chance to influence emergence of new forms of society and the state as a whole, and also legal, economic, political, public relations.

Keywords: civil society, democracy, rule of law, transit period, transition periods, legal development, transitional democratic state, crisis, unstable situation.

Процесс формирования и становления транзитивного гражданского общества в современной России имеет свои особенности и сложности. Современное гражданское общество проделало сложный исторический транзит к становлению демократизации от договорных учений Томаса Гоббса, Джона Локка до социально-экономической теории Карла Маркса.

Транзитивность и развитие гражданского общества на территории Российской Федерации начинает формироваться только после распада СССР и принятия новой Конституции Российской Федерации. В стране, особенно в ее центральных районах, в последние десятилетия разрушены вековые органические связи общественной жизни, во многом утрачены на-

родные традиции. В то же время горизонтальные связи иного типа гражданского общества только начинают складываться. Сформировав и закрепив основную базу социальных прав и свобод, гражданское общество получила большую заинтересованность большинством¹. Между этим становление гражданского общества идет во взаимосвязи с правовым, демократическим государством, определяя тем самым дальнейший путь публичной власти. Государственный правовой аппарат, пронизывающий все гражданское общество сверху донизу, оказался в этой ситуации единственным соединяющим его основанием. В таких условиях переходный период экономики на рыночной основе и политики, ослабление роли государственных структур, демократизация, федерализация и децентрализация общественного управления могут создать (и уже создают) социальный вакуум, неизбежно ведущий к серьезным экономическим, политическим и социальным потрясениям. Поэтому необходим осторожный подход к разрушению вертикальных структур государственного регулирования и выбор правильной стратегии поэтапного свертывания таких структур и параллельного развития горизонтальных взаимосвязей. Их генезис (горизонтальных рыночных, политических и правовых взаимоотношений) и будет периодом транзита для формирования гражданского общества.

Нельзя не учитывать, что отчуждение от собственности, от власти, психология социального иждивенчества, получившая широкое распространение в годы уравнительного «социализма», привели к появлению социальных слоев, негативно относящихся к периоду перехода к рынку. В обществе, где в течение длительного времени была подорвана мотивация к труду, уровень и качество жизни в значительной мере были оторваны от конечных результатов труда людей, страх данных социальных слоев перед рынком в определенной степени закономерен. Рыночная экономика неизбежно ведет к обострению конкуренции между работниками, чего многие боятся. Но страх порождает и то, что, как показал опыт 1990-х гг. в России и странах Восточной Европы, процесс перехода к рынку часто приобретает неуправляемый характер, ведет к возникновению «дикого» рынка, чреват резким повышением цен, ослаблением социальной защищенности простых тружеников, ростом значительной имущественной дифференциации между различными социальными слоями общества и другими негативными явлениями. В этих условиях проблемы социальной защищенности, социальной справедливости независимо от чьей-либо воли выступают на первый план.

Серьезным препятствием на пути формирования гражданского общества является российская бюрократия. В ходе длительного исторического развития она превратилась в мощное социальное образование, функционирующее не только как внутригосударственная, но и общественная структура, заменяющая собой настоящие общественные образования экономического и социального порядка. Присвоив себе общественные функции, государственная бюрократия тем самым узурпировала их роль в качестве контрагента высшей государственной власти. Без ликвидации подобного противоестественного положения вещей развитие гражданского общества будет невозможно.

Транзитивность и становление гражданского общества — необходимый элемент на пути модернизации российской жизни. Можно предположить, что формирования гражданского общества в России будет длительным и болезненным процессом².

Отсутствие институтов гражданского общества формирует мобилизационный тип экономики, который не имеет стимулов к саморазвитию, а движется только волевыми толчками сверху. Кроме того, гражданское общество — это универсальный политический стабилизатор. Когда через структуры гражданского общества люди могут решать свои проблемы, не возникает желания действовать методами всеобщего разрушения. Гражданское общество нужно и как гражданский контроль за властью, и как институт постановки проблем перед властью.

Развал старой тоталитарной системы общественного управления, путем темпорального периода транзита породил многие негативные явления — национализм, сепаратизм, экстремизм, корпоративность и групповщину, каждая из которых становится серьезным препятствием на пути утверждения, становления и развития гражданского общества³.

На современном этапе российской демократии гражданское общество переживает определенные трудности в развитии. Одной из первых проблем, создающей препятствия к созданию равноправных действий относится социальное неравенство. По статистике основная часть российского общества состоит из базового и низшего слоя, к последнему относятся бомжи, воры, женщины легкого поведения, алкоголики, наркоманы, которые изолированы от остальных классов общества. Такое «дно общества» постепенно утратили навыки легитимной деятельности. Изменить жизнь человека, который оказался в подобной среде, очень сложно, а иногда и невозможно. Базовую часть российского населения составляют средний класс (инженеры, врачи, учителя, строители), который может иметь материальные трудности при стремлении достичь желаемого, что под силу элитному населению.

Таким образом, расплывчатость норм права является едва ли не главным ресурсом, используемым властью имущими для всепроникающего контроля за частной жизнью граждан. В отсутствие законопавия в нашем отечестве вытесняется пространство частной жизни, что создает предпосылки нарушения защиты гражданских прав. И чем более его границы условны, тем больше проницаемость произвола власти и всевозможных практик сокрытия доходов, проступков, преступлений.

Нарушение процесса развития демократии, рыночной экономике и гражданскому обществу зависит от субъектности российского социума. Под субъектом общества понимается социальная единица, предусматривающая принимать и реализовывать значимые в масштабах общества, самостоятельные и ответственные решения. К сожалению, кроме Президента РФ и его администрации других действующих лиц не наблюдается в политической системе общества. Взаимодействие государства и общества тормозит развитие процессов самоорганизации, социальной ответственности, порождает пассивность и бездействие авторов гражданского общества, тем

1 Курилкина О. А., Самойлова И. Н. Национальный вопрос о контексте устойчивого развития отечественного государства // Вестник Таганрогского государственного педагогического института. - 2015. - № 2. - С. 393-397.

2 Тимофеенко В. А. Инновационные процессы «догоняющего» правового государства // Высшая школа. - 2017. - №5. - С. 25-29.

3 Попов В. В., Таранова В. А. Оценка транзитивности периодов развития исторических событий // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. - 2013. - № 2. - С. 169-173.

самым лишая его субъектности. Такая фактическая бессубъектность российского социума наглядно противоречит принципам демократического гражданского общества.

Наибольшую угрозу для периода транзита и становления гражданского общества представляет коррумпированный государственный аппарат. Действительно, постепенное взаимопроникновение власти и бизнеса все чаще входит в противоречие с общественными интересами. Из-за отсутствия механизмов разрешения конфликтной ситуации, суду ближе сторона властей преобладающих. Отсюда, обостряются отношения между государством и гражданской сферой, что в дальнейшем влияет на стабильность политической системы в целом. Задача государства в том, чтобы ориентировать свободный рынок на достижение социальных целей, а не в том, чтобы его к этому принуждать.

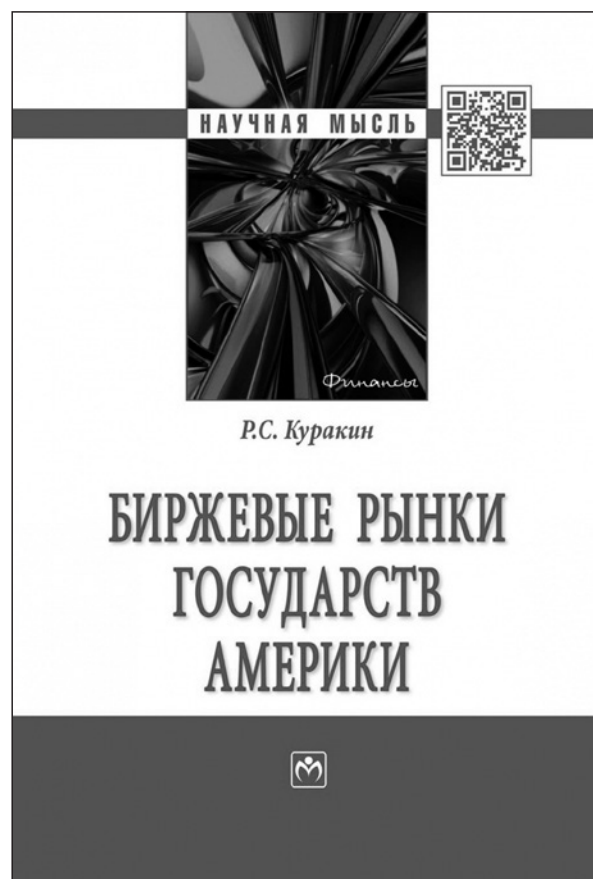
Современная Россия стала рассматриваться как корпоративистское государство – это не что иное, как приличное название государства «фашистского». Идея корпоративизма базируется на концепции государственного устройства, согласно которой отношения между трудом и капиталом регулируются государством в форме профессионально-отраслевых корпораций, а парламент заменяется корпоративным советом. В современных реалиях корпоративизм есть составляющая политической трансформации, выражающейся в развитии государством гигантских монополий. При этом усиливается влияние корпоративизма на государство путем представления крупных бизнесменов в политической элите.

Перед гражданским обществом стоит множество серьезных проблем, требующих безотлагательного решения. Круг этих проблем довольно широк – развитие частной собственности, рыночных отношений на уровне макроэкономики, правового государства, плюрализма идеологий, толерантности людей с разными культурными и политическими установками, их умение договариваться⁴. Для достижения результата нужно рассматривать процесс создания основ гражданского общества в современной России в контексте формирования гражданской политической культуры, становления гражданского самосознания и укрепления в массовом сознании гражданских ценностей общественной солидарности.

Пристатейный библиографический список

1. Курилкина О. А., Самойлова И. Н. Национальный вопрос о контексте устойчивого развития отечественного государства // Вестник Таганрогского государственного педагогического института. - 2015. - №2. - С. 393-397.
2. Курилкина О. А., Самойлова И. Н., Тимофеев В. А. Концептуальные особенности периода транзита демократического государства // Евразийский юридический журнал. - № 5 (108) 2017. - С.313-316.

3. Попов В. В., Таранова В. А. Оценка транзитивности периодов развития исторических событий // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. - 2013. - № 2. - С. 169-173.
4. Тимофеев В. А. Инновационные процессы «догоняющего» правового государства // Высшая школа. - 2017. - №5. - С. 25-29.
5. Тимофеев В. А. Фактор темпоральности в репрезентациях транзитивного общества диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук / Ростов-на-Дону, 2014.

4 Курилкина О. А., Самойлова И. Н., Тимофеев В. А. Концептуальные особенности периода транзита демократического государства // Евразийский юридический журнал. - № 5 (108). - 2017. - С.313-316.

КУЗНЕЦОВ Степан Анатольевич

кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и муниципального права Северного (Арктического) федерального университета имени М. В. Ломоносова

О РОМАНСКОМ И ГЕРМАНСКОМ ПОНИМАНИИ НАЦИИ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

В настоящей статье будет исследован вопрос относительно романского и германского понимания нации в современной российской государственности. Анализ данного вопроса является актуальным в современной правовой действительности, ввиду того, что затрагивает важные как политические, так и юридические вопросы, рассматриваемые через призму различных подходов. Исследование вопроса понимания нации значимо для Российской Федерации, так как страна является многонациональным народом, ввиду чего необходимо четкое понимание основных категорий по рассматриваемому вопросу.

Ключевые слова: народ, государство, нация, этнос, межкультурное взаимодействие, межрелигиозное взаимодействие, романское понимание, германское понимание.

KUZNETSOV Stepan Anatoljevich

Ph.D. in law, associate professor of Constitutional and municipal law sub-faculty of the M. V. Lomonosov Northern (Arctic) Federal University

Кузнецов С. А.

ON THE ROMANESQUE AND GERMAN UNDERSTANDING OF THE NATION IN THE CONTEXT OF MODERN RUSSIAN STATEHOOD

This article will explore the question of Romanesque and German understanding of the nation in modern Russian statehood. The analysis of this issue is relevant in the modern legal reality, in view of the fact that it touches upon important both political and legal issues, which are considered through the prism of different approaches. The study of the issue of understanding the nation is significant for the Russian Federation, as the country is a multi-ethnic, which requires a clear understanding of the main categories on the issue.

Keywords: nation, state, ethnicity, intercultural communication, interreligious communication, Romanesque understanding of, the German understanding.

В настоящий период развития российской государственности необходима консолидация общества путем формирования единого национального самосознания и понимания основных явлений в межкультурных и межэтнических аспектах в целях предотвращения имеющих или возможных конфликтов на этой почве¹. В продолжение сказанного необходимо отметить, что российская государственность достаточно молодая материя, поэтому необходимость формирования единого понимания российской нации по территориальному признаку необходимо. Указанная необходимость является следствием нескольких исторических событий, сопровождавших судьбу России. К таковым необходимо отнести, безусловно, революции 1917 года и развал Советского союза в начале 90-х годов прошлого столетия, который был назван главой современной России «геополитической катастрофой»².

Указанные события повлекли за собой становления национальных республик, краев, областей, входящих в состав современной России, ввиду чего на ее современном этапе развития необходимо формирование единого подхода к определению понимания нации российской государственности.

В науке государственного права присутствует мнение, что под народом необходимо понимать такую совокупность граждан, которая способна посредством собственных действий совершать народовластие, то есть такая совокупность, которая обладает из-

бирательным правом. Данная точка зрения выражается М. Прело, полагающего, что под категорией «народ» необходимо понимать представителей всех слоев населения, которые обладают избирательным правом³. В данном случае необходимо отметить, что такая формулировка имеет место быть. Кроме того с ней следует согласиться, так как отправление народовластия возможно посредством выражения собственной позиции как избирателя на выборах того или иного уровня. Указанная позиция есть одно из мнений представителей романского понимания «нации».

В эпоху после Великой французской революции и европейского романтизма началось формирование такого понимания термина «нация», которое представляло собой мнение о том, что нация – это совокупность суверенных граждан, общество которых (народ) может образовать (имеет право) собственное государство.

Указанная концепция понимает категорию «нация», как «объединение людей, живущих по одним законам и представляемых общим законодателем», то есть народом, обладающим суверенитетом. Тем не менее, имеются различия в определении категории «нация» в романском и германском понимании⁴, что в свою очередь находит свое отражение в международном праве.

1 Тишков В. А. Что есть Россия и российский народ? // Pro et Contra. 2007. № 3 (37). С. 21-41.

2 См.: Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 25 апреля 2005 года // Российская газета. 2005. 26 апреля. № 86.

3 Прело М. Конституционное право Франции. М.: Издательство иностранной литературы, 1957. С. 374-376.

4 Окришвили Т. Г., Якушов А. Г. Ленное право по законодательству средневековой германии в контексте положений Гражданского кодекса РФ // Инновационные технологии в области юриспруденции. – Сборник научных трудов по итогам международной научно-практической конференции. 2016. С. 5-7.

В контексте развития дискуссии по поводу определения категории «нация» необходимо отметить отправную веху, имеющую признаки научного обоснования того или иного понятия в контексте исследуемого вопроса. Лекция Э. Ренана «Что такое нация?», представляющая первую попытку предоставления научного определения нации, является первой научной работой по данной теме. Философ Х. Ортега-и-Гассет назвал это определение «формулой Ренана»: «Общая слава в прошлом и общая воля в настоящем; воспоминание о совершенных великих делах и готовность к дальнейшим - вот существенные условия для создания нации... Позади наследие славы и раскаяния, впереди - общая программа действий... Жизнь нации - это ежедневный плебисцит». И далее: «Нация являет собой великое солидарное сообщество, созданное ощущением жертвы, которую она принесла и готова приносить и в дальнейшем. Нация задана своим прошлым и придает себе окончательный вид в настоящем... Существование нации... это постоянное народное голосование, подобное тому, как существование индивидуума - это неустанное принятие жизни... все существующие признаки нации теряют смысл, если отсутствует политический момент общегражданского выражения готовности к единению». Стоит отметить, что общность судьбы, политическое единство отличает нацию от других, более ранних, но схожих с категорией «нация» определений⁵. Необходимо также отметить, что наравне с общей культурой, языком, традициями, историей, что определяет совокупность людей нацией, французский мыслитель выделил также желание совместного проживания как необходимого признака для формирования и признания «нации». В данном случае прослеживается политическая природа категории «нация».

В заочную дискуссию с Э. Ренаном вступил германский философ и социолог М. Вебер. Идеи немецкого исследователя обусловлены тем, что, по его мнению, категория «нация» имеет субъективный характер происхождения, а предмет, определяемый этим термином, относится к «сфере ценностей» человека. Понятие «нация» основывается на природе понимания человеком мира, ввиду того, что стремится быть частью политического и социального сообщества.

Исходя из конструктивистского подхода к национальному, нация - группа людей, способная помыслить себя в качестве политического сообщества, отличного от других человеческих сообществ. Эта группа людей проповедует общее происхождение, судьбу, исторический опыт, ее также может объединять язык, территория или какие-либо другие компоненты идентичности. Нация тесно связана с государством и лояльностью ему в лице органов власти. Мы можем согласиться с официальным определением российской нации, данным РАН РФ - «гражданско-политическая общность, консолидированная на основе исторической российской государственности, члены которой обладают равными правами независимо от этнической, расовой и религиозной принадлежности, общими историко-культурными ценностями, чувством принадлежности к единому народу, гражданской ответственностью и солидарностью». Это определение близко к формуле Ренана.

А является ли народ России на современном этапе нацией в общегражданском смысле? По нашему мнению, нет. И вот почему:

1. Велико социальное расслоение. Вот уже с 2014 года доходы россиян неуклонно падают вниз. И все это на фоне ра-

стущих вверх цен на нефть и увеличения курса рубля. В ближайшее время бедняками могут стать 28,8% граждан, - такие данные привел Институт социального анализа и прогнозирования РАНХиГС.⁶

2. Институт референдума для решения общегосударственных дел в силу запретов пункта 8 статьи 12 Федерального закона от 12.06.2002 № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации»⁷ не используется, а выборы при имеющемся проценте явки не отражают волю всего избирательного корпуса.

3. Население не поддерживает деятельность Правительства РФ, особенно в нескончаемой череде коррупционных скандалов, в постоянных проектах повысить пенсионный возраст, поднять ставку подоходного налога, т.е. нелояльно ему. Несмотря на то, что Постановлением ЦИК России от 23.03.2018 № 152/1255-7 «О результатах выборов Президента Российской Федерации, назначенных на 18 марта 2018 года»⁸ зафиксировано, что на должность Президента РФ избран Владимир Путин, получивший 56 430 712 голосов избирателей (76,69 процента), это скорее показатель доверия Президенту РФ как главе государства, гаранту Конституции Российской Федерации, прав и свобод человека и гражданина, определяющему основные направления внутренней и внешней политики государства, даже как к последней инстанции, чем как к лицу, формирующему Правительство России.

4. В экономической сфере продолжается сокращение производства, а значит, и занятость граждан, особенно в моногородах, где есть одно градообразующее предприятие. Чтобы остановить эту тенденцию, необходимо: а) восстановить решающую роль государства в управлении экономикой; б) установить общенародную собственность на производство средств производства, при этом усиливать профсоюзы; в) вернуть директивное планирование, возродив при этом единый народнохозяйственный комплекс; г) при восстановлении ведущего места России в мире необходим мобилизационный характер экономики; д) вернуть государственную валютную монополию, начать политику деофшоризации; е) обеспечить неуклонное повышение жизненного уровня граждан России, перестав вкладывать деньги в экономику других стран, тем более входящих в блок НАТО.

5. Русский язык обедняется за счет иностранных заимствований и жаргонизмов, в том числе уголовного мира. Постановление Правительства РФ от 23.11.2006 № 714 «О порядке утверждения норм современного русского литературного языка при его использовании в качестве государственного языка Российской Федерации, правил русской орфографии и пунктуации» не содержит мер защиты русского языка от иностранных заимствований и жаргонных настроений, а лишь делегировало на тот момент Министерству образования и науки Российской Федерации полномочия утверждать на основании рекомендаций Межведомственной комиссии по русскому языку список грамматик, словарей и справочников, содержащих нормы современного русского литературного языка при

6 Бедность. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://center-yf.ru/data/ecopomy/bednost-2017.php> (дата обращения 29.03.2018).

7 Федеральный закон от 12.06.2002 № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» //Собрание законодательства РФ. 17.06.2002. № 24. Ст. 2253.

8 Постановление ЦИК России от 23.03.2018 № 152/1255-7 «О результатах выборов Президента Российской Федерации, назначенных на 18 марта 2018 года» // Российская газета. № 61с. 24.03.2018.

5 Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://shikardos.ru/text/hose-ortega-i-gasset-vosstanie-mass-chaste-i-i-skuchennoste/page-5> (дата обращения 28.03.2018).

его использовании в качестве государственного языка Российской Федерации (по результатам экспертизы), а также правила русской орфографии и пунктуации.⁹

В настоящий момент единство российской нации держится исключительно на концепте государственного патриотизма, усиленного растущим противостоянием с Западом. Но данный концепт не является идеологией государства, а государство без идеологии не может быть нацией-согражданством. Однако часть 2 статьи 13 Конституции России определяет, что никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной. Но эта норма относится к основам конституционного строя России, которую можно изменить только принятием новой Конституции.

Представляется, как минимум, необходимым провести «очищение» властной вертикали, вернуть власть народу – его источнику, а для этого внести изменения в выборное и референдумное законодательство, вернуть идеологию, ввести прогрессивную шкалу налога на доходы, поскольку политику по снижению социального неравенства примут все слои населения, граждане самых разных политических взглядов и национальностей, и принять меры по законодательной защите русского языка от иностранных наслоений и жаргонизмов. Только тогда продолжится движение по пути создания нации-согражданства.

Пристатейный библиографический список

1. Федеральный закон от 12.06.2002 № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 17.06.2002. № 24. Ст. 2253.
2. Постановление Правительства РФ от 23.11.2006 № 714 «О порядке утверждения норм современного русского литературного языка при его использовании в качестве государственного языка Российской Федерации, правил русской орфографии и пунктуации» // Собрание законодательства РФ. 27.11.2006. № 48. Ст. 5042.
3. Постановление ЦИК России от 23.03.2018 № 152/1255-7 «О результатах выборов Президента Российской Федерации, назначенных на 18 марта 2018 года» // Российская газета. № 61с. 24.03.2018.
4. Тишков В. А. Что есть Россия и российский народ? // Pro et Contra. 2007. № 3 (37). С. 21-41.
5. Прело М. Конституционное право Франции. М.: Издательство иностранной литературы, 1957.
6. Окриашвили Т. Г., Якупов А. Г. Ленное право по законодательству средневековой германии в контексте положений Гражданского кодекса РФ // Инновационные технологии в области юриспруденции. – Сборник научных трудов по итогам международной научно-практической конференции. 2016. С. 5-7.

7. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://shikardos.ru/text/hose-ortega-i-gasset-vosstanie-mass-chaste-i-i-skuchennoste/page-5> (дата обращения 28.03.2018).
8. Бедность. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://center-yf.ru/data/economy/bednost-2017.php> (дата обращения 29.03.2018).
9. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 25 апреля 2005 года // Российская газета. 2005. 26 апреля. № 86.

9 Постановление Правительства РФ от 23.11.2006 № 714 «О порядке утверждения норм современного русского литературного языка при его использовании в качестве государственного языка Российской Федерации, правил русской орфографии и пунктуации» // Собрание законодательства РФ. 27.11.2006, № 48. Ст. 5042.

БРЫНЗА Наталья Семеновна

доктор медицинских наук, доцент кафедры общественного здоровья и здравоохранения Тюменского государственного медицинского университета Минздрава России

ХАЙРУЛЛИНА Нурсафа Гафуровна

доктор социологических наук, профессор кафедры маркетинга и муниципального управления Тюменского индустриального университета

КИНЧАГУЛОВА Миляуша Вайнеровна

кандидат социологических наук, доцент кафедры общественного здоровья и здравоохранения Тюменского государственного медицинского университета Минздрава России

БОЙКО Дмитрий Александрович

заместитель главного врача государственного бюджетного учреждения здравоохранения Тюменской области «Областная больница № 4» (г.Ишим)

СУНГАТУЛЛИНА Лена Ахтямовна

ассистент кафедры общественного здоровья и здравоохранения Тюменского государственного медицинского университета Минздрава России

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РЕФОРМИРОВАНИЯ УЧРЕЖДЕНИЙ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ

В статье рассмотрены социально-экономические аспекты управления здравоохранением в муниципальных районах юга Тюменской области. Исследование позволило сделать вывод о том, что реорганизация учреждений в здравоохранении возможна не только с сохранением достигнутого уровня медицинской помощи, но и повышением ее доступности и качества для населения сельских территорий.

Ключевые слова: социально-экономические процессы, управленческие процессы, социальная система, здравоохранение, сельское здравоохранение, медицинская организация, реформирование, реорганизация.

BRYNZA Natalya Semenovna

Ph.D. in medical sciences, associate professor, Head of Public health and healthcare sub-faculty of the Tyumen State Medical University of the Ministry of Health of Russia

KHAYRULLINA Nursafa Gafurovna

Ph.D. in sociological sciences, professor of Marketing and municipal management sub-faculty of the Tyumen Industrial University

KINCHAGULOVA Milyausha Vajnerovna

Ph.D. in sociological sciences, associate professor of Public health and healthcare sub-faculty of the Tyumen State Medical University of the Ministry of Health of Russia

BOYKO Dmitriy Aleksandrovich

Deputy Chief of the State Budgetary Healthcare Organization of the Tyumen Region "Regional Hospital № 4" (Ishim)

SUNGATULLINA Lena Ahtyamovna

assistant of Public health and healthcare sub-faculty of the Tyumen State Medical University of the Ministry of Health of Russia

SOCIAL AND ECONOMIC ASPECTS OF REFORM IN THE HEALTHCARE INSTITUTIONS

Organizational, social, and economic aspects of health management in municipal districts of the south of the Tyumen region are considered in the article. The study led to the conclusion that the reorganization of institutions in healthcare is possible not only with the preservation of the achieved level of medical care, but also by increasing its accessibility and quality for the population of rural areas.

Keywords: social and economic processes, management processes, social system, healthcare, rural healthcare, medical organization, reform, reorganization.

Недостаточность финансовых и кадровых ресурсов в здравоохранении обусловили необходимость поиска путей повышения эффективности их использования, направленных на повышение доступности и качества медицинской помощи¹. Особо актуальной является проблема оптимизации ресурсов для государственных и муниципальных учреждений здраво-

охранения, расположенных в сельской местности^{2, 3}. В связи с этим, и в целях повышения эффективности использования ресурсов здравоохранения, органами исполнительной власти Тюменской области реализован ряд мероприятий по повы-

1 Анисимова Ю. А., Богданов Н. В. Современные подходы к управлению финансовыми ресурсами бюджетных учреждений здравоохранения // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: экономика и управление. - 2013. - № 3 (14). - С. 7.

2 Хайруллина Н. Г. Социальные аспекты устойчивого развития Тюменской области // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. - 2014. - № 3 (42). - С. 74.

3 Белоножко М. Л., Конев Ю. М., Колтунов А. Л. Проблемы формирования комфортных условий жизнедеятельности сельского населения юга Тюменской области (по материалам авторских социологических исследований) // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. - 2016. - № 4. - С. 34.

шению доступности и качества медицинской помощи для населения юго-восточной сельскохозяйственной зоны региона⁴.

Реорганизация медицинских организаций Тюменской области была осуществлена на основании Распоряжения Правительства Тюменской области от 16 февраля 2015 года № 142-рп.⁵ В результате к государственному бюджетному учреждению здравоохранения Тюменской области «Областная больница № 4» (г. Ишим) были присоединены медицинские учреждения, расположенные на территории близлежащих районов: Абатского, Армизонского, Бердюжского, Викуловского и Сорокинского. При этом, общая численность прикрепленного к учреждению населения к концу 2015 года выросла с 95,6 тыс. человек до 158,7 тыс. человек⁶.

Спустя год после проведенной реорганизации было проведено исследование эффективности и результативности мероприятий в учреждениях здравоохранения со стороны достигнутых экономических и медицинских показателей прикрепленного населения. Было выявлено, что проведенная реорганизация путем присоединения позволила оптимизировать кадровые, материально-технические и финансовое ресурсы здравоохранения.

Финансовое обеспечение учреждений здравоохранения зависит от возможностей фонда обязательного медицинского страхования. Анализ заказов (заданий) на выполнение части территориальной программы обязательного медицинского страхования в 2015⁷ и 2016⁸ годах, доведенных до ГБУЗ ТО «Областная больница № 4» (г. Ишим), а также присоединенных к нему учреждений показал, что после реорганизации совокупный объем финансирования сократился на 15,1 %, что составляет 215,3млн. рублей. Фактически это является суммой экономии, достигнутой в 2016 году, по основным направлениям расходования денежных средств при реорганизации ГБУЗ ТО «Областная больница № 4» (г. Ишим) путем присоединения районных больниц.

Снижение финансового обеспечения территориальной программы обязательного медицинского страхования не повлияло на процесс оказания медицинской помощи, а стало возможным в результате экономии, достигнутой преимущественно за счет экономии на текущие расходы из всех источников финансирования, из которых более трех четвертей приходилась на фонд оплаты труда⁹.

Снижение фонда оплаты труда произошло за счет снижения численности персонала. В связи с оптимизацией бизнес-процессов в новую структуру включено 55,00 штатных еди-

ниц в связи с переименованием должностей и переводом из одного структурного подразделения в другое, в целом общее снижение штатной численности составило 66,5 единиц. Из организационной структуры в процессе реорганизации было исключено 121,5 штатных единиц, в том числе 96,50 (79,4 %) немедицинских работников и 25 (20,6 %) из категории медицинских работников (4 должности заместителей главного врача по медицинской части и одна должность заведующего организационно-методическим отделом). В результате оптимизации штатной численности основная доля выведенных из организационной структуры должностей, приходится на административно-управленческий персонал (96,4 %).

Анализ использования материально-технических ресурсов присоединенных учреждений также позволил сократить неэффективные расходы и выявить резервы повышения их использования.

Для оптимизации затрат на содержание имущества была проведена оценка эффективности и целесообразности использования имеющихся зданий районных больниц с последующим списанием и передачей недвижимого имущества, целесообразность в эксплуатации которого отсутствует. В итоге неэффективно и нерационально используемые площади составили 3216,3 м². На каждое здание был разработан план мероприятий по его отключению от ресурсных сетей, что позволило сэкономить финансовые средства на их содержание. В течение 2016 года 304,64 кв.м. были сданы в аренду, 287,40 кв. м переданы в безвозмездное пользование¹⁰.

При проведении реорганизации осуществлен анализ нагрузки на имеющиеся в присоединяемых сельских больницах лаборатории, проведена оценка соответствия имеющихся штатов на количество проводимых исследований. Предложения по оптимизации штатов с учетом нагрузки учитывали сменную организацию лабораторной службы районных больниц для проведения экстренных лабораторных исследований с целью обеспечения экстренной медицинской помощи. Все плановые общеклинические и биохимические исследования были централизованы, что позволило эффективно распределить имеющиеся медицинские кадры без ущерба качеству и оперативности проводимых исследований.

С целью формирования единого склада в условиях ежедневной транспортировки биоматериала из районных больниц проведена централизация аптечной службы и снабжения продуктами. Данная мера позволила усилить контроль за обоснованностью и эффективностью использования ресурсов.

В объединенных филиалах было проанализировано состояние прачечных и централизованных стерилизационных отделений, что позволило в условиях неравного состояния служб районных больниц в период их самостоятельного хозяйствования в лице юридических лиц объединить возможности в границах объединенного филиала с целью достижения наиболее эффективного и компромиссного решения.

Проведенный анализ использования автопарка накануне реорганизации выявил недостаточно эффективное использование транспортных средств в сельских территориях. При этом автопарк города был предельно изношен, что увеличивало текущие расходы учреждения на его содержание, такие как повышенный расход топлива, расходы на техническое обслуживание, закупку запасных частей, расходы в результате простоев парка по причине ремонта.

В заключении анализа экономических аспектов следует отметить, что расходы учреждения по реализации мероприятий по реорганизации учреждения путем присоединения со-

4 Брында Н. С., Бутов Д. И., Кубарев Д. В., Горбунова О. П. Модернизация здравоохранения Тюменской области на примере отдельно взятого лечебно-профилактического учреждения. Университетская медицина Урала. - 2015. - № 2-3 (2). - С. 18.

5 Распоряжение Правительства Тюменской области от 16 февраля 2015 года № 142-рп «О реорганизации государственного бюджетного учреждения здравоохранения Тюменской области «Областная больница № 4» (г. Ишим)». [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://admtyumen.ru/ogv_ru/society/health/medical_org/more_h.htm?id=32840%40egOrganization (дата обращения 22.12.2017).

6 Здоровье населения сельских районов Тюменской области (без автономных округов) и деятельность медицинских организаций в 2013-2015 годах (статистические материалы). - Тюмень: РИЦ «Айвекс», 2016. - 304 с.

7 Информация о государственном (муниципальном) задании на 2015 год [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://bus.gov.ru/pub/agency/162466/tasks/4630220> (Дата обращения 20 декабря 2017 г.).

8 Информация о государственном (муниципальном) задании на 2016 год [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://bus.gov.ru/pub/agency/162466/tasks/4630228> (Дата обращения: 20.12.2017)

9 Сравнение плановых и фактических показателей деятельности за 2016 год [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://bus.gov.ru/pub/agency/162466/plan-result-comparison/2016> (дата обращения: 20.12.2017).

10 Отчет о результатах деятельности и об использовании имущества за 2016 год [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://bus.gov.ru/pub/agency/162466/reports/2529196> (дата обращения: 20.12.2017)

ставили 323,6 тыс. руб. При этом большая часть расходов была связана с необходимостью изменения печатей, изготовления новых вывесок для филиалов районных больниц.

В рамках исследования был произведен также анализ медико-демографических показателей здоровья и доступности медицинской помощи населению. При этом обращает на себя внимание сохраняющиеся тенденции, сложившиеся за период самостоятельной работы районных больниц, без явных «провалов» достигнутых показателей и снижения показателя общей заболеваемости.

Анализ показал, что в последние годы складывается тенденция к снижению численности врачей в сельских медицинских учреждениях при одновременном росте коэффициента их совместительства, несмотря на активную кадровую политику в здравоохранении, проводимую в Тюменской области. Для улучшения доступности медицинской помощи организована выездная работа специалистов, что позволило увеличить численность осмотренных узкими специалистами пациентов на 92 %.

До реорганизации для увеличения доступности медицинской помощи специалисты часто привлекались на условиях внешнего совместительства из других организаций. Средняя заработная плата в зависимости от необходимости компенсации расходов на топливо привлекаемому специалисту составляла от 15 до 30 тыс. руб. Анализ ведомостей учета врачебных посещений (форма №039/у-02) показал, что специалист принимал в среднем 150-170 человек в месяц. Соответственно, затраты на оказание медицинской помощи одному пациенту составили в среднем 141,05 руб./пациента.

В объединенных, по две районные больницы, филиалах врач-специалист работает в пределах своего основного рабочего времени по графику, обеспечивая оказание медицинской помощи жителям двух территорий. Получается, что в среднем за месяц осматривались бригадой 105,8 пациентов, т.е. каждым из четырех специалистов 26,4 пациента в месяц¹¹. При среднедневной заработной плате 2307,29 руб., затраты на каждого осмотренного пациента в 2015 году составили 87,4 рублей без учета расходов на топливо. По итогам 1 полугодия 2017 года при среднемесячной заработной плате врачей на уровне 50754 руб. и среднемесячной функции врачебной должности в 660 пациентов, в каждой районной больнице специалист принимает от 240 до 420 пациентов. При этом, затраты на одного пациента составили 76,9 рублей.

Реорганизация позволила решить ряд финансово-экономических задач, связанных с оптимизацией целевого использования средств на аппарат управления медицинских организаций, на содержание вспомогательных подразделений; обеспечением рационального и эффективного использования коечного фонда учреждений; обеспечением лекарственными препаратами, изделиями медицинского назначения; эффективным использованием площадей, материально-технических средств.

Анализ современных подходов к управлению ресурсами в здравоохранении^{12,13}, а также опыта проведенной реорганизации медицинского учреждения путем присоединения к ней других учреждений позволил определить ряд действенных

элементов повышения эффективности использования ресурсов и улучшения доступности и качественной составляющей медицинской помощи:

– выстраивание трехуровневой системы организации здравоохранения вокруг обеспеченного ресурсами крупного учреждения;

– организация консультативно-диагностической работы в форме выездных врачебных бригад крупных городских учреждений здравоохранения, формируемых с учетом потребности обслуживаемого населения и направление их на лечение в специализированные многопрофильные стационары;

– квотирование функциональных лучевых методов исследования, отсутствующих в районных больницах с целью сокращения сроков ожидания, в том числе детям;

– централизация плановых лабораторных исследований с целью сокращения расходов на диагностические среды и рациональное кадровое обеспечение;

– формирование единых вспомогательных централизованных служб (центральное стерилизационное отделение, прачечная, аптечные склады), объединяя их возможности с формированием оптимальных логистических маршрутов;

– оптимизация использования площадей, оборудования, автотранспорта, определение недостаточно рационально используемых основных фондов и их своевременное списание.

Пристатейный библиографический список

1. Анисимова Ю. А., Богданов Н. В. Современные подходы к управлению финансовыми ресурсами бюджетных учреждений здравоохранения // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: экономика и управление. - 2013. - № 3 (14). - С. 7-14
2. Белоножко М. Л., Конев Ю. М., Колтунов А. Л. Проблемы формирования комфортных условий жизнедеятельности сельского населения юга Тюменской области (по материалам авторских социологических исследований) // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. - 2016. - № 4. - С. 34-38.
3. Брынза Н. С., Бутов Д. И., Кубарев Д. В., Горбунова О. П. Модернизация здравоохранения Тюменской области на примере отдельно взятого лечебно-профилактического учреждения. Университетская медицина Урала. - 2015. - № 2-3 (2). - С. 18-22.
4. Пепеляева В. А. Современные подходы к управлению здравоохранением региона // Экономика и предпринимательство. - 2016. - № 10-1 (75-1). - С. 773-777.
5. Хайруллина Н. Г. Социальные аспекты устойчивого развития Тюменской области // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. - 2014. - №3(42). - С. 74-80.
6. Шишин Г. Г. Системный подход к управлению здравоохранением региона, направленный на повышение эффективности и качества медицинской помощи // Аспирантский вестник Поволжья. - 2016. - № 1-2. - С. 272-276.

11 Годовой отчет ГБУЗ ТО «Областная больница №4» (г. Ишим) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.lpu4.ru/documents.php>

12 Шишин Г. Г. Системный подход к управлению здравоохранением региона, направленный на повышение эффективности и качества медицинской помощи // Аспирантский вестник Поволжья. - 2016. - № 1-2. - С. 272.

13 Пепеляева В. А. Современные подходы к управлению здравоохранением региона // Экономика и предпринимательство. - 2016. - № 10-1 (75-1). - С. 773.

ХАЙКИН Марк Михайлович

доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой экономической теории Санкт-Петербургского горного университета

ЧИМЭДДОРЖ Удвалноров

аспирант кафедры организации и управления экономического факультета Санкт-Петербургского горного университета

ОРГАНИЗАЦИОННО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ МЕХАНИЗМОВ РАЦИОНАЛЬНОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ УГОЛЬНЫХ МЕСТОРОЖДЕНИЙ

Статья рассматривает некоторые организационные и экономические аспекты развития механизмов рационального использования угля на примере угольных месторождений Монголии, особый акцент сделан на оценку приоритетности месторождений угля на основе их количественных и качественных характеристик.

Ключевые слова: рациональное недропользование, многофакторный подход, ранжирование месторождений угля, система интересов участников угольного рынка.

KHAYKIN Mark Mikhailovich

Ph.D. in Economics, professor Head of Economic theory sub-faculty of the St. Petersburg Mining University

CHIMEDDORJ Udvalnorov

postgraduate student of Organization and management sub-faculty of the Faculty of Economics of the St. Petersburg Mining University

ORGANIZATIONAL-ECONOMIC ASPECTS OF DEVELOPMENT OF MECHANISMS OF RATIONAL USE OF COAL DEPOSITS

The article considers some organizational and economic aspects of the development of mechanisms for the rational use of coal on the example of coal deposits in Mongolia, with a special emphasis on assessing the priority of coal deposits on the basis of their quantitative and qualitative characteristics.

Keywords: rational subsoil use, a multifactor approach, the ranking of coal deposits, the system of interests of participants in the coal market.

Хайкин М. М.

Чимэддорж У.

Рациональное использование угля в хозяйственной жизни общества включает в себе ряд аспектов, среди которых можно выделить такие, как: технологический (производственный), природоохранный, социальный, экономический.

Именно с экономической точки зрения процессы рационального использования угля функционируют в хозяйственной системе, которой присущи, с одной стороны, все признаки систем, имеющих место в хозяйственной практике, а с другой, обладающей особенностями, характерными для рынка угля.

Если проследить всю «цепочку» системы субъектов хозяйствования, участвующих в производстве-потреблении угля, то очевидно, что в этой системе весьма большое число качественно различных экономических агентов — по структуре, способам организации функционирования, статусу. Среди них — компании - «оценщики», угледобывающие компании, государство, логистические фирмы, консалтинговые фирмы, финансовые институты, предприятия-потребители угля в производственных целях, население, зарубежные партнеры.

В рассматриваемой хозяйственной системе формы и способы взаимодействия между ее элементами (участниками) определяют отличительные признаки — характеристики этой системы применительно к воспроизводству угля (с учетом его вида) - его производства, обращения (распределения, обмена) и потребления.

Трансформация хозяйственной системы использования угля в долгосрочном временном интервале происходит адекватно изменениям всей модели экономики страны и экономической модели ее недропользования (в том числе модели использования угля).

Сформулируем понятие хозяйственной системы рационального использования угля, ориентированное на расширенный подход к процессам его производства-потребления. Хозяйственная система рационального использования угля - это совокупность экономико-правовых отношений субъектов

угольного рынка по поводу производства, обращения и потребления угля, основанных на экономических интересах его участников и создающих условия для устойчивого развития общества.

Рассмотрим эволюцию хозяйственной системы рационального использования угля в Монголии с точки зрения формирования и развития в стране угольной отрасли.

При этом выделим два основополагающих признака, по которым традиционно различаются хозяйственные системы: формы собственности на средства производства и способы регулирования (координации) экономической деятельности.

В Монголии угольная отрасль зародилась во время «натуральной», или традиционной, экономики, когда еще сохранялись позиции натурального хозяйства. В этот исторический период становления угольной отрасли еще имела место общинная собственность на средства производства, для которой характерна родоплеменная патриархальная организация хозяйственной жизни и преимущественно уравнительное распределение произведенной продукции. Зарождение в стране угольной отрасли связано с использованием в добыче угля преимущественно ручного труда при крайне неразвитом разделении труда, а также сферы обращения: добытый уголь поступал непосредственно в сферу своего использования. Основными составляющими производственных затрат выступали живой труд работников и материальные затраты.

В период существования мировой социалистической системы бурно развивались экономические дружеские связи Монголии с СССР. Многие проекты, инженерно-технические ресурсы Советского Союза использовались в угольной отрасли Монголии и благодаря братской помощи СССР в стране стала бурно развиваться геологоразведка и добыча угля. Однако следует отметить, что для этого периода развития угольной отрасли в Монголии была

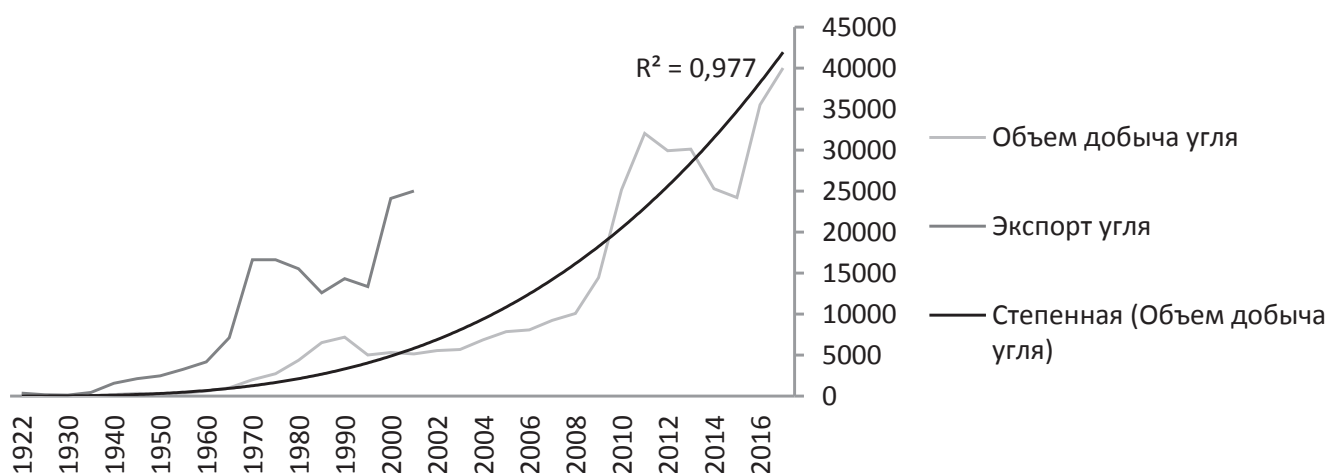

Рисунок 1. Динамика изменения общих объемов добычи угля и экспорт угля в Монголии (1922-2017 гг.).
Источник: Национальный статистический комитет Монголии

характерна тоталитарная модель экономики (плановая или командно-административная), при которой уже появилось товарное производство, вся собственность на средства производства была в государственной форме, осуществлялось планово-директивное государственное руководство геологоразведкой и добычей на основе государственных директивных планов, быстро развивалось индустриальное производство (как следствие развития индустриальной экономики), система общественного разделения труда. Очевидно, что в этот исторический период использования угля рыночная экономика в Монголии отсутствовала – не было рыночного ценообразования, конкуренции, предпринимательства и других признаков рыночных отношений в стране и добывающей отрасли, в частности.

Хозяйственная система рационального использования угля рыночного типа не получила распространения в Монголии. Несмотря на то, что технологическое содержание процессов добычи, переработки и использования угля соответствуют уровню развития производительных сил индустриального типа, а также развитой системе общественного разделения труда, наличие частной собственности в угольной отрасли не является единственным достаточным условием для развития в ней свободного предпринимательства и свободной конкуренции, а отраслевой рынок не абсолютно саморегулируем под влиянием действия спроса и предложения и, как следствие, механизм свободного ценообразования абсолютно не работает.

В настоящее время для хозяйственной системы рационального использования угля Монголии характерна регулируемая рыночная экономика смешанного типа. Емкость рынка угля в стране расширяется.

Но при этом сохраняются многоукладность отраслевой экономики и смешанная собственность на средства производства. Вместе с этим в условиях развития производительных сил адекватно постиндустриальной стадии экономического развития и все большего углубления системы общественного разделения труда, модель отраслевой экономики ориентирована на взаимодействии свободного ценообразования и государственного регулирования цен и тарифов. Кроме этого государство все активнее проводит политику антимонопольного регулирования, социальной защиты населения и поддержки несовершенной конкуренции.

По своему содержанию угольная отрасль находится на переходном этапе от индустриальной к постиндустриальной стадии своего развития. Процессы цифровизации хозяйственных процессов в управлении и на предприятиях применяются недостаточно. В этой связи инновационность производства, труда, всей организации деятельности субъектов угольной отрасли становится особенно

Если угольная промышленность Монголии до конца XX века обеспечивала только свои внутренние потребности, то с начала 2000 года начала экспортировать уголь на внешний рынок.

В 1922 году торговцы зарубежных стран находили месторождение каменного угля на территории района «Налайх» и начали добывать ручными методами.

Таблица 1. Геологические запасы угля Монголии

Годы	с 1993	2003	2013	2018
Запасы (миллиард тонн)	152	154	161	173.3

В Монголии с 1940 по 1970 г использовали уголь по производственному методу, а с 1960 г начали проводить ресурсы и уровень коксования угля, геологическую оценку по современным методам. На стыке XIX-XX веков геологи РФ провели исследование угля в настоящее время таких крупных месторождениях, как «Тавантолгой», «Эгийн гол» и «Чойр». В течении XX века почти во всех районах Монголии добывали уголь по открытому методу и обеспечивали топливно-энергетические потребности в местных регионах страны.

В 1993 году геологи Монголии рассчитали запасы ресурсов, которых составили 152 миллиард тонн, и с этого времени компании с иностранными инвестициями определяют ресурсы угля по стандартам Австралии, Канада JORC, NI 43-101 в месторождениях со своей лицензией разведки. В дальнейшем, по мере того, как идёт геологическая разведка в широком масштабе и точно проводятся исследования месторождений угля, будет увеличиваться его разведанные запасы. (Таблица – 1.)

С 1990 по 2004 г объёмы добычи угля сохранялись на одном уровне, и обеспечивали только внутренние топливно-энергетические потребности. В последние годы объёмы угледобычи, в том числе угольный экспорт интенсивно растут¹.

Объёмы угледобычи Монголии с 1922 года непрерывно увеличиваются и в 2015 году рост составил около 30 миллион тонн. Это очень важно для устойчивого развития топливной энергетики. Также начиная с 2000 года активно осуществляется угольный экспорт и в 2010-2011 гг составил максимальный уровень, что сильно повлияло на экономический рост страны в целом.

После того, как потребность угля в 1988 году достигла минимально до пикового показателя 8.8 тонн, вследствие экономического упадка все хозяйственные единицы: предприятия, организации перешли к принципу экономии потребления угля. Под влиянием роста цен на топливо, уголь, запчасти и материалы, потребление угля значительно снизилось, добыча угля уменьшилась почти до 4.8 млн. тонн в год. Из-за низкого качества угля и отсутствия экспортной инфраструктуры уголь экспортировался в очень небольших количествах, однако в связи с широким внедрением новых технологий, модернизации транспортного оборудования за последние годы появилась возможность экспортировать уголь в другие страны, преимуще-

1 Современные закономерности добычи и использования угля в Монголии // Стратегия социально-экономического развития общества: управленческие, правовые, хозяйственные аспекты: сборник науч. статей 6 Межд. научн.-практ. конф. (22-23. ноября 2016 г.) в 2 томах. Том 1. Курск: ЗАО «Университетская книга». 2016. С. 100-103.

Рисунок 2. Факторы, влияющие на формирование цены угля

щественно в КНР с использованием крупногабаритных транспортных средств. В настоящее время в КНР с использованием автодорог экспортируется более 2,0 млн. тонн угля.

Добыча угля с 1996 года начала стабилизироваться. С 2004 года объем добычи существенно увеличивается. С 2005 года ежегодно добывается более 8.0 млн. тонн угля.

В настоящее время объем добычи угля достиг уровня двадцатилетней давности, осуществляются технические и технологические модернизации. В соответствии с рыночными отношениями большинство угольных шахт приватизированы. Хозяйственные единицы, в том числе горнодобывающие компании с государственным участием или доминирующей государственной собственностью обрели экономическую самостоятельность, значительно возросло участие в добычи угля частного сектора. В настоящее время более 40% угля, добываемого по всей стране, производится предприятиями частного сектора.

В соответствии со стратегическим планом развития угольной промышленности Монголии до 2010 года, разработанного в 1993-1995 годах совместно с международной организацией "Жайка" Японии, с целью улучшения регионального угольного снабжения в рамках центральной энергетической системы льготными кредитами Всемирного Банка, Правительства Монголии были модернизированы техника, технология угольных шахт Багануур, Шивээ-Овоо, и это связано с успешной реализацией данных проектов².

С 2008 года политика угольной промышленности Монголии, в том числе внешних экономические отношения значительно менялись в сторону открытости. Если до распада СССР в Монголии производились работы и услуги с использованием техники и технологии только из СССР, то в настоящее время широко используется техника, технология и опыт разных стран мира, которые занимают ведущее положение в угольной промышленности. В настоящее время угольная отрасль Монголии придерживается линии по внедрению лидирующих в мире техники и технологий, и в этом направлении было предпринято много усилий. Сегодня Монголия сотрудничает с крупными промышленными и торговыми организациями из России, США, Японии, Китая, Германии и Кореи.

Резкое увеличение добычи угля в 2010 году также связано с ростом мировых цен на уголь и спроса Китая на уголь, добываемый и поставляемый Монголией.

В настоящее время общая мощность угольных шахт Монголии, направленных на экспортное производство, составило 80 миллион тонн. Таким образом, угольная промышленность является источником формирования доли экспортной прибыли и является главным двигателем экономического роста.

Ценность месторождения определяют следующие показатели: уровень затрат на добычу и переработку минерального сырья, качество и степень его концентрации, масштабы месторождения, транспортные, экономико-географические и горнотехнические его условия. Важными показателями ценности месторождения являются также себестоимость и рентабельность 1 т руды (концентрата, металла), объем капиталовложений на его освоение и годовая прибыль горнорудного предприятия. На территории Монголии месторождения угля имеют самые различные внутренние и внешние характеристики - качественные и инфраструктурно-логистические. Это, в свою очередь, оказывает сильное влияние на ценность угля по месторождениям для разных участников угольного рынка.

Цена же угля — принципиально иная характеристика, на которую оказывает влияние ряд факторов.

Ценность угля как ресурса и его цена как товара требуют комплексного и глубокого изучения — с позиции экономики природопользования и роста эффективности добывающих, перерабатывающих и других производств.

Пристатейный библиографический список

1. К вопросу об оценке месторождений угля в национальной экономике (на примере Монголии) // Экономика, социология и право: журнал научных публикаций. № 11. 2016. С. 64-66.
2. Нуурсний судалгааны хэлтэс (Отдел исследований угля). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://mpraan.gov.mn/article/38/>
3. Современные закономерности добычи и использования угля в Монголии // Стратегия социально-экономического развития общества: управленческие, правовые, хозяйственные аспекты: сборник научн. статей 6 Межд. научн.-практ. конф. (22-23. ноября 2016 г.) в 2 томах. Том 1. Курск: ЗАО «Университетская книга». 2016. С. 100-103.

² К вопросу об оценке месторождений угля в национальной экономике (на примере Монголии) // Экономика, социология и право: журнал научных публикаций. 2016. № 11. С. 64-66.

ТОЛИКОВА Елена Эдуардовна

доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры экономики таможенного дела Российской таможенной академии

СИНЕЛЬНИКОВ Богдан Александрович

преподаватель кафедры финансового менеджмента Российской таможенной академии

ОСОБЕННОСТИ АНАЛИЗА ПОТРЕБИТЕЛЬСКОЙ ЦЕННОСТИ ТАМОЖЕННОЙ УСЛУГИ

Статья посвящена вопросам создания цепочки потребительской ценности услуги на примере таможенной услуги. Рассмотрены подходы к определению потребительской ценности услуги, ее составляющие, сделан обзор методик оценки качества услуги. Дано описание функции потребительской ценности таможенной услуги. Предложены рекомендации по использованию принципов управления таможенными услугами с позиции их потребительской ценности.

Ключевые слова: потребительская ценность услуги, таможенная услуга.

TOLIKOVA Elena Eduardovna

Ph.D. in Economics, professor of Economy of customs affairs sub-faculty of the Russian Customs academy

SINELNIKOV Bogdan Aleksandrovich

lecturer of Financial management sub-faculty of the Russian Customs Academy

FEATURES OF THE ANALYSIS OF CUSTOMS SERVICE CONSUMER VALUE

The article is devoted to questions of creation of a chain of consumer value of service on the example of customs service. The approaches to determination of consumer value of service making it are considered, the review of techniques of assessment of quality of service is made. The description of function of consumer value of customs service is given. Recommendations about use of the principles of management of customs services from a position of their consumer value are offered.

Keywords: consumer value of service, customs service.

Каждый из потребителей отдает предпочтение тому товару или услуге, которые представляют для него самую большую ценность. Иными словами, как отмечает Ф. Котлер, «стремится максимизировать ценность» товара или услуги¹.

В соответствии с теорией предельной полезности, разработанной в конце XIX века, определения «ценность» и «полезность» имеют некоторые различия. Этьен Кодильяк^{2,3,4}, французский экономист конца XVIII века, в своей работе за основу ценообразования стал использовать полезность товаров (вещей). Им была сформирована шкала потребностей, которые изменялись в зависимости от жизненно важной необходимости той или иной вещи⁵.

В соответствии с теорией, предложенной австрийскими научными деятелями, ценность может иметь отрицательное значение. Цена (ценность) продукта может быть измерена предельной полезностью данного продукта, полезностью последней единицы запаса продукта, которая удовлетворяет необходимую потребность. Следовательно, ценность продукта имеет прямую зависимость от степени полезности и редкости этого продукта.

Толикова Е. Э.

Синельников Б. А.

Согласно теории предельной полезности, ценность продуктов может быть определена предельной полезностью этих продуктов на основе субъективной оценки потребностей людей. Теория предельной полезности была разработана такими исследователями австрийской школы, как Э. Бем-Баверк, Ф. Ф. Визер, К. Менгер, Й. Шумпетер, У. С. Джевонс, Л. Вальрас.

Г. Г. Госсен еще в 1844 г. сформулировал общие тезисы теории предельной полезности⁶. В 1880-х годах началось массированное включение идей маржинализма в экономическую литературу. Вышеперечисленными исследователями было введено в экономическую теорию понятие «субъективная полезность (ценность)».

А. Маршалл, представитель английской экономической школы, стал основателем нового направления в теории цен и ценности⁷.

Неоклассическая теория предлагает своеобразный подход в определении ценности продукта, а именно в оценке производственных ресурсов, включая фактор труда, которые направляются на создание продукта. Кроме того, потребитель-

1 Котлер Ф., Келлер К. Маркетинг менеджмент. М.: Питер, 2006.

2 Клочков В. В. Экономическая теория: справочное пособие. М.: Издательство «Высшая школа», 2011. 300 с.

3 Основы экономической теории / Под ред. А. А. Кочеткова. М.: Дашков и К°, 2011. 488 с.

4 Костюк В. Н. Экономическая теория: учебник. М.: Издательство «Центр», 2012. 640 с.

5 Там же.

6 Основы экономической теории / Под ред. А. А. Кочеткова. М.: Дашков и К°, 2011. 488 с.

7 Маршалл А. Принципы экономической науки: справочное пособие. М.: Издательство «Прогресс», 2015. 100 с.

скую ценность изучали такие маркетологи, как: С. Ф. Слейтер⁸, Ф. Котлер⁹, К. Б. Монро¹⁰, Б. Вудраф¹¹, В. Цейтамл¹² и другие.

Синтетический подход является наиболее часто используемым при определении потребительской ценности в современной экономике. В синтетическом подходе широко применяется метод, который был предложен специалистами McKinsey^{13,14,15}.

Развитие исследований потребительской ценности дало начало развитию монетарных методов оценки потребительской ценности. В рамках этих исследований была предложена модель «цена-стоимость». Авторы данной модели, Harvey Golub и Jane Henry, как потребительскую ценность рассматривают максимальную цену. Конкурентное предложение представляет собой функцию от потребительской ценности за вычетом цены (так называемый «профицит ценности»)¹⁶.

Н. Мехта и Дж. Форбис предложили свою модель для рынков B2B. Свои идеи они изложили в работе «Экономическая ценность для покупателя»¹⁷. Там они формулируют понятие EVC – «экономическая ценность для покупателя» (economic value to the customer). Расчет EVC осуществляется с целью оценки дополнительной ценности, получаемой покупателем от нового товара, в сравнении с получаемой ценностью от текущего потребляемого товара. Эта модель может быть использована для нахождения рационального соотношения ценности и цены для каждого сегмента покупателей. Так, модели EVC и модели потребительской ценности будут различаться в зависимости от сегмента покупателей. Задача, стоящая при разработке данной модели – стоимостная оценка потребительской ценности.

Анализ вышеописанных публикаций показывает, что наиболее часто используется определение ценности, предложенное Цейтамл, как «общей оценки потребителем полезности продукта, основанной на восприятии того, что он получает и что за это отдает»¹⁸. Фактически данное определение рассматривает воспринимаемую ценность как одномерную конструкцию, которая может быть измерена путем обычного опроса потребителей и оценки ими того значения (полезности), которое они получили, приобретя данный продукт. Эту же концепцию обычно называют одномерной или концепцией торговли на условиях «получил взамен отдал» (get-versus-

givetrade-off). Развитие этой точки зрения представлено в работах Монро¹⁹, который предложил формулу потребительской ценности как отношение выгод к затратам:

$$V = B/C,$$

Где В - выгоды (benefits);

С - затраты (costs).

В более расширенном толковании формула расчета ценности выглядит следующим образом:

$$Vx = (B \times Px) / (C \times Ex),$$

где Vx – воспринимаемая ценность продукта x;

Px – воспринимаемая эффективность (выгоды) продукта x;

Ex – воспринимаемая цена (дороговизна) продукта x.

Такая формулировка учитывает поведение реального потребителя, когда нельзя определить ценность товара без сравнения его с конкурентами, P и E – измерения восприятия ценности.

Переходя к проекции теории потребительской ценности на таможенную сферу, следует заметить, что таможенные услуги относятся к важной сфере услуг, обслуживающих различные сферы, в том числе внешнеторговую деятельность экспортеров и импортеров²⁰. Кроме того, таможенные органы предоставляют услуги не только субъектам внешнеэкономической деятельности на определенном этапе внешнеторговой сделки, но и государству, выполняя функцию по регулированию, а также возможности защиты экономики, здоровья населения и охраны окружающей среды^{21,22,23}.

Ценность – это способность услуги удовлетворить потребность или обеспечить выгодой потребителя²⁴. Все услуги, предоставляемые заинтересованным лицам, содержат в себе основной перечень действий совершаемых над имуществом, товаром, транспортным средством необходимых для проведения таможенного оформления и контроля²⁵. Модель ценности услуги является модифицированной версией модели Валари Зайтамля (изложенной в работе «SERVQUAL: a multiple-item scale for measuring customer perceptions of service quality»)²⁶, фокусирующейся на ценности покупателя.

Возможности применения SERVQUAL – эмпирического метода, который может быть использован в сфере услуг для того, чтобы улучшить качество сервисных услуг, широки. Метод включает развитие понимания воспринимаемых потребностей целевых клиентов в сервисе. Эти измеряемые восприятия качества сервисных услуг организации затем сравниваются

8 Nilson T. H. Value-Added Marketing: Marketing Management for Superior Results. McGraw Hill: Berkshire, UK, 1992.

9 Котлер Ф., Келлер К. Маркетинг менеджмент. М.: Питер, 2006.

10 Monroe K. B. Pricing: Making Profitable Decisions. New York: McGraw-Hill, 1990.

11 Woodruff B. R. Customer Value: the Next Source for Competitive Advantage // Journal of the Academy of Marketing Science. 1997. 25(2). P. 139-153.

12 Zeithaml V. A. Consumer Perceptions of Price, Quality, and Value: A Means-end Model and Synthesis of Evidence // Journal of Marketing. 1988. 52(3). P. 2-22.

13 Щеголев В. В. Методы оценки потребительской ценности промышленной продукции // Научно-технические ведомости СПбГПУ. 2012. № 3(99). С. 197-201.

14 Экономика организаций (фирм) / Под ред. И. В. Пичужкина. М.: Юрайт, 2014. 319 с.

15 Экономика предприятия / Под ред. Н. А. Сафронова. М.: Экномистъ, 2015. 606 с.

16 Щеголев В. В. Методы оценки потребительской ценности промышленной продукции // Научно-технические ведомости СПбГПУ. 2012. № 3(99). С. 197-201.

17 Репина А. В. Семантика и соотношение понятий ценности и стоимости в контексте маркетинговых исследований // Проблемы современной экономики. 2012. № 3 (43). С. 189-192.

18 Zeithaml V. A. Consumer Perceptions of Price, Quality, and Value: A Means-end Model and Synthesis of Evidence // Journal of Marketing. 1988. 52(3). P. 2-22.

19 Monroe K. B. Pricing: Making Profitable Decisions. New York: McGraw-Hill, 1990.

20 Бобырева Е. В., Фадеева В. С. Анализ структуры рынка таможенных услуг // «Научно-практический электронный журнал Аллея Науки». 2017. № 13.

21 «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг»: ФЗ от 27.07.2019 №210-ФЗ // СПС «Консультант-Плюс» (дата обращения: 10.04.2018 г.).

22 «Об утверждении Регламента Федеральной таможенной службы»: Приказ ФТС России от 26.12.2012 №2256 (Зарегистрировано в Минюсте России 26.03.2013 № 27888) // СПС «Гарант» (дата обращения: 15.04.2018 г.).

23 «О таможенном регулировании в Российской Федерации»: ФЗ от 27.11.2010 № 311-ФЗ (ред. от 28.12.2016) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 18.04.2018 г.).

24 Вахрушина М. А. Управленческий анализ. М.: Омега-Л, 2011. 432 с.

25 Баздникин А. С. Цены и ценообразование. М.: Юрайт, 2007. 332 с.

26 Zeithaml V. A. Consumer Perceptions of Price, Quality, and Value: A Means-end Model and Synthesis of Evidence // Journal of Marketing. 1988. 52(3). P. 2-22.

с организацией-эталонном. Получаемый анализ разрыва может после этого быть использован как движущий фактор для повышения качества сервисных услуг. SERVQUAL учитывает восприятия клиентов в отношении относительной важности параметров сервисных услуг. Это позволяет организации приоритизировать и использовать свои ресурсы для улучшения самых ключевых параметров. Данные агрегируются через опросы определенной выборки потребителей услуг. В этих опросах, клиенты отвечают на серию вопросов, основанных на нескольких ключевых параметрах сервисных услуг. Методология была основана на 5 ключевых параметрах: 1) материальные активы, физические средства, оборудование, персонал; 2) надежность, способность выполнять сервисные услуги надежно и точно; 3) отзывчивость, готовность помочь клиентам и оперативно обеспечить сервисные услуги; 4) убежденность, знания и учтивость сотрудников и их способность передавать доверие и уверенность; 5) эмпатия, фирма проявляет заботу и индивидуализированное внимание к своим клиентам.

Самым эффективным методом оценки потребительской ценности считаются экономико-математические модели²⁷. Потребительская ценность услуги исходит из преимуществ, получаемых покупателем от его приобретения и произведенных им затрат на его покупку.

Ценность услуги в количественном виде складывается из следующих компонентов: воспринимаемое качество, внутренние присущие признаки, внешние признаки, цена в стоимостном выражении, неденежная цена, время^{28,29}.

Потребительская ценность услуги устанавливается фактом его приобретения. Цена услуги является денежным выражением его потребительской ценности. Принимая решение о покупке услуги, потребитель в первую очередь руководствуется желанием удовлетворить свою потребность. Потребительская ценность услуги определяется за счет сравнения с другими аналогичными услугами по таким внешним признакам, как цена и качество. Конечная цена услуги определяет потребительскую ценность, если сравнивает его с другой товарной группой. Покупка услуги за установленную цену у продавца и выбор одного из его видов, предпочтение именно его перед другими похожими, будет определять его потребительскую ценность, важную для потребителя. Но при определении потребительской ценности нельзя ориентироваться только на его стоимость, здесь важным показателем для приобретения будут его качественные характеристики.

При этом функция ценности услуги, или функция благосостояния, потребителя таможенной услуги может быть представлена как выражение зависимости общего уровня полезности набора услуг от объема потребления различных таможенных услуг, входящих в данный набор:

$$U = f(q_1, q_2, \dots, q_n),$$

где U – уровень полезности набора услуг;

q_i – объем потребления q -таможенной услуги.

Цепочка создания потребительской ценности (ЦСПЦ) таможенной услуги определяется профессиональной сферой оказания услуги. Создается ценность продукции не одним сотрудником, а всеми структурами таможенных ор-

ганов, и здесь главное определить направления деятельности, на которой будет основываться модель и оптимизация всей цепочки создания потребительской деятельности, в процессе производства цепочка создания потребительской ценности может подвергаться модернизации, в соответствии с выбранными приоритетами спроса на рынке. По характеру услуг можно разделить рынок таможенных услуг на самостоятельные сегменты – рынок таможенных брокеров, рынок грузоперевозок, складов, консультационных и юридических услуг. Эти сегменты не предоставляют взаимозаменяемых услуг, но вместе с тем, относятся к одному рынку, так как обслуживают потребности одних и тех же категорий покупателей.

Потребительскую ценность услуги, воспринимаемой потребителем можно изложить в следующем виде:

$$П_{ц} = П_{о} - И_{о},$$

где $П_{ц}$ – потребительская ценность, воспринимаемая клиентом;

$П_{о}$ – общая ценность для клиента;

$И_{о}$ – общие издержки клиента;

$$П_{о} = П_{у} + П_{п} + П_{с} + П_{им},$$

где $П_{у}$ – ценность услуги;

$П_{п}$ – ценность персонала;

$П_{с}$ – ценность сервиса;

$П_{им}$ – ценность имиджа компании;

$$И_{о} = И_{д} + И_{вр} + И_{тр} + Э,$$

$И_{д}$ – денежные издержки;

$И_{вр}$ – затраты времени;

$И_{тр}$ – транзакционные издержки;

$Э$ – эмпатия.

Ценность услуги формируют: комплексность и качество оказания услуги; комфорт в процессе оказания услуги; компетентность профильного и контактного персонала; гарантии; понимание/знание потребителя (удовлетворение индивидуальных потребностей и притязаний); обходительность (отзывчивость, вежливость и предупредительность профильного и контактного персонала); репутация и имидж организации; доступность услуг и оперативность их предоставления; коммуникации (доступность информации об услугах компании, ее изложение на языке, понятном для потребителя); осязаемые факторы; цены и условия оплаты; доверительность.

Этапы анализа потребительской ценности включают: 1) анализ регламента оказания услуги; 2) анализ маркетинга услуг; 3) анализ поддержки других видов деятельности: финансовой, управлением кадрами, технологическими производственными процессами, закупкой, направленные на достижение всего необходимого для основного вида деятельности.

Таможенные органы, осуществляя свои функции, обязаны обеспечить качество таможенных услуг и в то же время создать условия, способствующие ускорению товарооборота через таможенную границу РФ. Для этого сотрудники таможенных органов постоянно работают над повышением качества собственного труда; совершенствуют процедуры общения с участниками внешнеэкономической деятельности; развивают технологии таможенных процессов.

Правовые основы деятельности в сфере таможенного дела установлены в Гл. 3 Таможенного кодекса Таможенного

27 Щеголев В. В. Методы оценки потребительской ценности промышленной продукции // Научно-технические ведомости СПбГПУ. 2012. № 3 (99). С. 197-201.

28 Баздникин А. С. Цены и ценообразование. М.: Юрайт, 2007. 332 с.

29 Вахрушина М. А. Управленческий анализ. М.: Омега-Л, 2011. 432 с.

союза^{30, 31, 32}. В настоящее время к деятельности в сфере таможенного дела относится деятельность в качестве: 1) таможенного представителя; 2) таможенного перевозчика; 3) владельца склада временного хранения; 4) владельца таможенного склада; 5) владельца магазина беспошлинной торговли. Допуск к осуществлению деятельности в сфере таможенного дела осуществляется через включение субъекта в соответствующий реестр. В настоящее время ЕЭК публикует и ведет на своем официальном сайте шесть общих реестров: Реестр таможенных представителей; Реестр таможенных перевозчиков; Реестр владельцев складов временного хранения; Реестр владельцев таможенных складов; Реестр резидентов (участников) свободных экономических зон; Реестр владельцев свободных складов. С целью обобщения сведений по объектам «околотаможенной» инфраструктуры и в соответствии с Таможенным кодексом Таможенного союза Департамент таможенной инфраструктуры осуществляет мониторинг и публикацию шести реестров.

Пристатейный библиографический список

1. «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг»: ФЗ от 27.07.2019 № 210-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.04.2018 г.).
 2. «О таможенном регулировании в Российской Федерации»: ФЗ от 27.11.2010 № 311-ФЗ (ред. от 28.12.2016) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 18.04.2018 г.).
 3. «Об утверждении Регламента Федеральной таможенной службы»: Приказ ФТС России от 26.12.2012 № 2256 (Зарегистрировано в Минюсте России 26.03.2013 № 27888) // СПС «Гарант» (дата обращения: 15.04.2018 г.).
 4. Бобырева Е. В., Фадеева В. С. Анализ структуры рынка таможенных услуг // «Научно-практический электронный журнал Аллея Науки». 2017. № 13.
 5. Баздникин А. С. Цены и ценообразование. М.: Юрайт, 2007. 332 с.
 6. Вахрушина М. А. Управленческий анализ. М.: Омега-Л, 2011. 432 с.
 7. «Комплексная программа развития ФТС России на период до 2020» Приложение к решению коллегии ФТС России от 25 мая 2017 года // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 25.04.2018 г.).
 8. Ключков В. В. Экономическая теория: справочное пособие. М.: Издательство «Высшая школа», 2011. 300 с.
 9. Костюк В. Н. Экономическая теория: учебник. М.: Издательство «Центр», 2012. 640 с.
 10. Котлер Ф., Келлер К. Маркетинг менеджмент. М.: Питер, 2006.
 11. Маршалл А. Принципы экономической науки: справочное пособие. М.: Издательство «Прогресс», 2015. 100 с.
 12. Обзор рынка таможенных представителей России в 2016 году. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://провэд.рф> (дата обращения: 04.04.2018 г.).
 13. Основы экономической теории / Под ред. А. А. Кочеткова. М.: Дашков и К°, 2011. 488 с.
 14. Перечень государственных услуг, предоставляемых Федеральной таможенной службой. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.customs.ru (дата обращения: 01.04.2018 г.).
 15. Репина А. В. Семантика и соотношение понятий ценности и стоимости в контексте маркетинговых исследований // Проблемы современной экономики. 2012. № 3 (43). С. 189-192.
 16. «Стратегия развития таможенной службы РФ до 2020 года» Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 28 декабря 2012 г. № 2575-р // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 30.04.2018 г.).
 17. Щеголев В. В. Методы оценки потребительской ценности промышленной продукции // Научно-технические ведомости СПбГПУ. 2012. № 3 (99). С. 197-201.
 18. Экономика организаций (фирм) / Под ред. И. В. Пичужкина. М.: Юрайт, 2014. 319 с.
 19. Экономика предприятия / Под ред. Н. А. Сафронова. М.: Экономистъ, 2015. 606 с.
 20. Monroe K. B. Pricing: Making Profitable Decisions. New York: McGraw-Hill, 1990.
 21. Bolton R., Drew J. A multistage Model of Customers Assessments of Service Quality and Value. Journal of Consumer Research. 1991. 17. P. 375-384.
 22. Woodruff B. R. Customer Value: the Next Source for Competitive Advantage // Journal of the Academy of Marketing Science. 1997. 25(2). P. 139-153.
 23. Nilson T. H. Value-Added Marketing: Marketing Management for Superior Results. McGraw Hill: Berkshire, UK, 1992.
 24. Zeithaml V. A. Consumer Perceptions of Price, Quality, and Value: A Means-end Model and Synthesis of Evidence // Journal of Marketing. 1988. 52(3). P. 2-22.
 25. Lovelock C., Wirtz J. Services Marketing - People, Technology, Strategy. 7th ed. // Upper Saddle River. New Jersey: Prentice Hall, 2011.
- 30 «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг»: ФЗ от 27.07.2019 № 210-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.04.2018 г.).
- 31 Перечень государственных услуг, предоставляемых Федеральной таможенной службой. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.customs.ru (дата обращения: 01.04.2018 г.).
- 32 «Стратегия развития таможенной службы РФ до 2020 года» Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 28 декабря 2012 г. № 2575-р // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 30.04.2018 г.).

БРЫНЗА Наталья Семеновна

доктор медицинских наук, доцент кафедры общественного здоровья и здравоохранения Тюменского государственного медицинского университета Минздрава России

КИНЧАГУЛОВА Милуша Вайнеровна

кандидат социологических наук, доцент кафедры общественного здоровья и здравоохранения Тюменского государственного медицинского университета Минздрава России

БОЙКО Дмитрий Александрович

заместитель главного врача государственного бюджетного учреждения здравоохранения Тюменской области «Областная больница №4» (г. Ишим)

СУНГАТУЛЛИНА Лена Ахтямовна

ассистент кафедры общественного здоровья и здравоохранения Тюменского государственного медицинского университета Минздрава России

ЛАРИОНОВА Надежда Павловна

кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики, организации и управления Государственного аграрного университета Северного Зауралья

ОРГАНИЗАЦИОННЫЙ МЕХАНИЗМ РЕФОРМИРОВАНИЯ СЕЛЬСКОГО ЗДРАВООХРАНЕНИЯ

В статье представлены результаты анализа и систематизации представлений о механизме реорганизационных мероприятий в сельском здравоохранении Тюменской области. При анализе процесса реорганизации, который был реализован в три этапа, было выявлено, что он сопровождался формированием системы оперативного взаимодействия между руководствами филиалов и головным учреждением, что позволило эффективно и, в максимально короткие сроки, решать вопросы по обеспечению населения доступной и качественной медицинской помощью.

Ключевые слова: социально-экономические процессы, управленческие процессы, социальная система, здравоохранение, сельское здравоохранение, медицинская организация, реформирование, реорганизация.

BRYNZA Natalya Semenovna

Ph.D. in medical sciences, associate professor, Head of Public health and healthcare sub-faculty of the Tyumen State Medical University of the Ministry of Health of Russia

KINCHAGULOVA Milyausha Vajnerovna

Ph.D. in sociological sciences, associate professor of Public health and healthcare sub-faculty of the Tyumen State Medical University of the Ministry of Health of Russia

BOYKO Dmitriy Aleksandrovich

Deputy Chief of the State Budgetary Healthcare Organization of the Tyumen Region "Regional Hospital № 4" (Ishim)

SUNGATULLINA Lena Ahtyamovna

assistant of Public health and healthcare sub-faculty of the Tyumen State Medical University of the Ministry of Health of Russia

LARIONOVA Nadezhda Pavlovna

Ph.D. in Economics, associate professor of Economics, organization and management of agriculture of the State Agrarian University of Northern Urals

THE ORGANIZATIONAL MECHANISM OF REFORMING OF RURAL PUBLIC HEALTH

The article presents the results of analysis and systematization of ideas about the mechanism of reorganization measures in rural health of the Tyumen region. In the analysis of the restructuring process, which was implemented in three phases, it was revealed that it was accompanied by the formation of the system of operative interaction between the leaders of the filial branches and the head office. The created system allows to solve issues related to providing the population with affordable and high-quality medical care effectively and in the shortest time.

Keywords: social and economic processes, management processes, social system, healthcare, rural healthcare, medical organization, reform, reorganization.

Реформирование в сфере здравоохранения Тюменской области, осуществляемое второй десяток лет, основано, прежде всего, на управленческих технологиях, непосредственно связанных с совершенствованием организационной структуры медицинских организаций^{1,2}.

Необходимость поиска и реализации новых подходов в управлении отраслью обусловлена тем, что региональная система здравоохранения является частью региона, как социальной системы, развитие которого зависит от способности создавать средствами управления, условия, активизирующие внутренние составляющие системы³.

1 Кудряков А. Ю. Научное обоснование проектирования региональной модели развития здравоохранения // Медицинская наука и образование Урала. – 2011 - №1. - С. 174.

2 Брынза Н. С., Бутов Д. И., Кубарев Д. В., Горбунова О. П. Модернизация здравоохранения Тюменской области на примере отдельно

взятого лечебно-профилактического учреждения // Университетская медицина Урала. - 2015. - № 2-3 (2). - С. 18.

3 Костко Н. А. Организационно-управленческая активность как условие инновационного развития региона // Академический вестник. 2013. – №2 (24).- С. 6.

Особой составляющей данной системы является сельское здравоохранение, на развитие которого влияет привлекательность сельской местности для медицинских работников. В свою очередь, решение проблем комфортной жизнедеятельности сельского населения, в том числе доступность медицинской помощи и ее качество влияют на развитие сельского хозяйства региона⁴. Решение взаимосвязанных вопросов является основой устойчивого развития территорий⁵. Южные районы Тюменской области отличаются благоприятными условиями и развитым сельским хозяйством. К ним относятся Ишимский, Абатский, Бердюжский, Армизонский, Сорокинский и другие районы.

С целью определения приоритетных направлений дальнейшего развития учреждения как элемента социальной системы села был проведен анализ организационных мероприятий. Для достижения цели был реализован ряд задач: обосновать необходимость оптимизации управленческих процессов в реорганизованных учреждениях Тюменской области; рассмотреть сущность и этапы реорганизационных мероприятий.

Реорганизация ГБУЗ ТО «Областная больница № 4» (г. Ишим) была осуществлена на основании Распоряжения Правительства Тюменской области от 16 февраля 2015 года № 142-рп⁶ путем присоединения к ней пяти медицинских организаций, подведомственных департаменту здравоохранения Тюменской области: ГБУЗ ТО «Областная больница № 5» (с. Абатское), ГБУЗ ТО «Областная больница № 7» (с. Армизонское), ГБУЗ ТО «Областная больница № 8» (с. Бердюжье), ГБУЗ ТО «Областная больница № 10» (с. Викулово), ГБУЗ ТО «Областная больница № 18» (с. Большое Сорокино).

Необходимо отметить, что присоединение медицинских организаций не имело отрицательного влияния как на население обслуживаемых районов Тюменской области, так и на работников учреждений. Присоединенные больницы преобразованы в объединенные филиалы ГБУЗ ТО «ОБ № 4» (г. Ишим), сформирована и налажена система оперативного взаимодействия между руководствами филиалов и головным учреждением, что позволяет эффективно и в максимально короткие сроки решать вопросы по обеспечению населения доступной и качественной медицинской помощью. Из пяти присоединенных районных больниц сформированы три филиала: филиал 1 (Абатский район), объединенный филиал 2 (учреждения Викуловского и Сорокинского районов), объединенный филиал 3 (учреждения Армизонского и Бердюжского районов).

К мероприятиям первого этапа реорганизации относятся:

– ликвидация юридических лиц, разработка Устава вновь реорганизованного учреждения, получение лицензий на вновь созданное учреждение;

– проведение процедуры передачи имущества, архивов;
– разработка и утверждение новой организационной структуры и штатного расписания;
– создание единого административно-хозяйственного управления на базе головного учреждения путем распределения функций по ведению централизованной финансово-хозяйственной деятельности;
– процедура сокращения сотрудников, обеспечивающих выполнение административно-хозяйственных функций, с выплатой выходных пособий;
– процедура перевода работников ликвидированных учреждений в ГБУЗ ТО «Областная больница № 4» (г. Ишим).

В результате реализации первого этапа, начатого 16 мая 2015 года, организовано централизованное ведение учета медицинской документации, финансово-хозяйственной деятельности (бухгалтерский учет, экономический учет, статистический учет, осуществление мероприятий по закупкам, снабжению и т.д.) на базе головной больницы в городе Ишиме, формирование филиальной системы управления без осуществления самостоятельного ведения хозяйственных операций. При этом осуществлялось активное взаимодействие с администрациями районов для дальнейшего трудоустройства специалистов, попадающих под сокращение, организация помощи в случае переезда и выполнения трудовых функций на базе централизованных подразделений в ГБУЗ ТО «Областная больница № 4 (г. Ишим)». Сокращение и изменение места работы произошло у 84 человек, занимающихся административно-хозяйственной деятельностью в реорганизуемых учреждениях.

Второй этап реорганизационных мероприятий (продлился до 01.10.2015 г.) характеризуется:

– объединением вспомогательных подразделений в филиалах (центральных стерилизационных отделений, прачечных) с учетом имеющихся мощностей и потребностей;
– налаживание логистических механизмов взаимодействия внутри структурных подразделений филиала;
– сокращение и оптимизация коечного фонда стационара согласно имеющимся потребностям населения в части обособности госпитализаций и сформированного и доведенного единого заказа (задания) учреждения на выполнение части территориальной программы государственных гарантий бесплатного оказания медицинской помощи населению Тюменской области.

В целях реализации указанных мероприятий в рамках второго этапа реорганизации осуществлена работа по 5 различным направлениям:

– маршрутизация пациентов, проживающих в присоединяемых районах (обеспечение доступности медицинской помощи);
– оптимизация проведения лабораторных исследований в присоединяемых больницах и осуществление их в централизованной клиничко-диагностической лаборатории;
– объединение вспомогательных подразделений присоединяемых больниц (центральное стерилизационное отделение, прачечная, аптека);
– оптимизация использования автотранспорта;
– оптимизация использования зданий и сооружений.

Третий, заключительный, этап реорганизационных мероприятий был реализован с 1 октября 2015 года по 31 декабря 2015 года. Данный этап характеризуется:

– оптимизацией штатной численности медицинского персонала в соответствии с имеющимся коечным фондом филиалов;

4 Белоножко М. Л., Конев Ю. М., Колтунов А. Л. Проблемы формирования комфортных условий жизнедеятельности сельского населения юга Тюменской области (по материалам авторских социологических исследований) // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. - 2016. - № 4. - С. 34.

5 Хайруллина Н. Г. Социальные аспекты устойчивого развития Тюменской области // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. - 2014. - № 3 (42). - С. 74.

6 Распоряжение Правительства Тюменской области от 16 февраля 2015 года № 142-рп «О реорганизации государственного бюджетного учреждения здравоохранения Тюменской области «Областная больница № 4» (г. Ишим)» [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

[https://admtyumen.ru/ogv_ru/society/health/medical_org/more_.htm?id=32840%40egOrganization\(дата обращения 22.12.2017\)](https://admtyumen.ru/ogv_ru/society/health/medical_org/more_.htm?id=32840%40egOrganization(дата обращения 22.12.2017))

- организацией перевода персонала на графики работы в соответствии с проводимыми манипуляциями;
- налаживанием взаимодействия в части организации на базе одного из филиалов специализированного подразделения по уходу за тяжелобольными пациентами (отделение сестринского ухода);
- выведением из эксплуатации зданий и сооружений, не участвующих в осуществлении медицинской деятельности в целях сокращения расходов на их содержание и эксплуатацию;
- проведением анализа по автотранспорту, медицинскому оборудованию и иным материальным ценностям, пришедшим в негодность для их дальнейшего списания.

Проведенные реорганизационные мероприятия в учреждениях Тюменской области позволили повысить доступность медицинской помощи для прикрепленного населения.

С целью улучшения доступности оказания специализированной медицинской помощи жителям сельских территорий, проведенная реорганизация позволила привлечь врачей-специалистов головного учреждения второго уровня, организовать выездную форму работы многопрофильных бригад, укомплектованными врачами-специалистами в соответствии с нуждами каждой территории.

Данная работа позволила организовать планирование наблюдения и лечение сельских жителей врачами первичного звена, направляя на консультации к врачам-специалистам для коррекции диагноза и лечения. Подобная работа исключает необходимость материальных затрат для жителей сельских территорий с целью поездок на консультации в города области.

Численность осмотренных пациентов в 2016 году по сравнению с 2015 годом выросла на 92,1 % и составила 1270 человек, при этом затраты на обеспечение работы специалистов с учетом транспортных расходов в итоге снизились на 38-45 % в зависимости от удаленности филиала. Для повышения доступности функциональной и лучевой диагностики, отсутствующей в районных больницах, была введена система квотирования с учетом численности обслуживаемых районов. Подобная организация работы значительно сократила сроки ожидания данных видов исследований от полутора до 10-14 дней.

В настоящее время ГБУЗ ТО «Областная больница № 4» (г. Ишим) - самая крупная медицинская организация юга Тюменской области⁷. И этот факт еще больше повышает ответственность руководства медицинской организации перед населением и работниками учреждения. Вместе с тем, это и новые управленческие решения, новые стратегии управления и развития.

В связи с этим были определены основные задачи управленческой деятельности, направленные на дальнейшее развитие медицинского учреждения:

- внедрение новых направлений медицинских технологий;
- кадровое планирование и кадровая политика, направленная на профессиональное развитие медицинского и немедицинского персонала, а также на формирование эффективной системы стимулирования труда;
- активное внедрение достижений маркетинга, психологии, социологии и экономики труда для побуждения населе-

ния и мотивации персонала к профилактическому подходу к здоровью;

- развитие платных медицинских и немедицинских услуг;
- формирование и функционирование единого информационного ресурса учреждения, охватывающего медицинское, административное и финансовое направления.

Если определение новых стратегических направлений развития является прерогативой руководства организации, то их реализация зависит от каждого работника⁸. Поэтому эффективность и результативность реорганизационных мероприятий предстоит оценить в будущем.

Пристатейный библиографический список

1. Белоножко М. Л., Конев Ю. М, Колтунов А. Л. Проблемы формирования комфортных условий жизнедеятельности сельского населения юга Тюменской области (по материалам авторских социологических исследований) // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. - 2016. - № 4. - С. 34-38.
2. Брынза Н. С., Бутов Д. И., Кубарев Д. В., Горбунова О. П. Модернизация здравоохранения Тюменской области на примере отдельно взятого лечебно-профилактического учреждения. Университетская медицина Урала. - 2015. - № 2-3 (2). - С. 18-22.
3. Костко Н. А. Организационно-управленческая активность как условие инновационного развития региона. Академический вестник. 2013. - № 2 (24). - С. 6-11.
4. Кудряков А. Ю. Научное обоснование проектирования региональной модели развития здравоохранения // Медицинская наука и образование Урала. - 2011 - №1. - С. 174-177.
5. Куликова И. Б., Горбунова О. П., Новикова Т. С., Брынза Н.С. Современное состояние здравоохранения Тюменской области // Медицинская наука и образование Урала. - 2016. – № 3. - С. 103-105.
6. Хайруллина Н. Г. Социальные аспекты устойчивого развития Тюменской области // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. - 2014. - № 3 (42). - С. 74-80.
7. Шишин Г. Г. Системный подход к управлению здравоохранением региона, направленный на повышение эффективности и качества медицинской помощи // Аспирантский вестник Поволжья. - 2016. - №1-2. - С. 272-276.

7 Куликова И. Б., Горбунова О. П., Новикова Т. С., Брынза Н. С. Современное состояние здравоохранения Тюменской области. Медицинская наука и образование Урала. - 2016. – № 3. - С. 105.

8 Шишин Г. Г. Системный подход к управлению здравоохранением региона, направленный на повышение эффективности и качества медицинской помощи // Аспирантский вестник Поволжья. - 2016. - №1-2. - С. 276.

КИСЕЛЕВА Надежда Петровна

доктор экономических наук, доцент, профессор департамента учета, анализа и аудита Финансового университета при Правительстве Российской Федерации

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ТИПОЛОГИЗАЦИИ РЕГИОНОВ

В статье рассматриваются актуальные вопросы экономической дифференциации социально-экономического положения территорий России. Сложившиеся к настоящему времени методологические подходы к оценке уровня развития отдельных регионов ориентированы в основном на использование абсолютных показателей, что не позволяет выявить причины, определяющие динамику регионального производства. Используемые для анализа относительные показатели в своей основе характеризуют динамику регионального производства и позволяют выявить основные факторы, которые обусловили ее.

Ключевые слова: типологизация регионов, кластерная концепция, структуризация регионов, метод средних величин, валовая добавленная стоимость.

KISELEVA Nadezhda Petrovna

Ph.D. in Economics, associate professor, professor of the Department of accounting, analysis and audit of the Financial University under the Government of the Russian Federation

METHODOLOGICAL APPROACHES TO THE TYPOLOGY OF THE REGIONS

The article deals with topical issues of economic differentiation of the socio-economic status of the territories of Russia. To date, methodological approaches to assessing the level of development of individual regions are focused mainly on the use of absolute indicators, which does not allow to identify the reasons that determine the dynamics of regional production. Used for the analysis of relative performance in its core characterizes the dynamics of the regional production and serve to identify the main factors that led to it.

Keywords: typology of regions, the cluster concept, the structuring of regions, the method of averages, gross value added.

Под типологизацией регионов понимается выявление статистических значений их характеристик, позволяющих объединять различные территориальные образования в некие общие группы с целью выработки общих стратегических рекомендаций по их развитию.

Целесообразность рассмотрения данного аспекта обусловлена тем обстоятельством, что в России начала XXI века экономическая дифференциация между отдельными регионами стала столь значительной, что не может не вызывать к себе повышенного внимания, особенно в контексте выравнивания социально-экономического положения территорий. Совершенно очевидно, что решить названную задачу можно лишь разобравшись в причинах, формирующих тенденции развития отдельных регионов и выявления общих факторов, определяющих развитие этих тенденций¹.

Представляется, что в данном аспекте целесообразно использовать кластерную концепцию, разработанную М. Портером, которая позволяет рассмотреть регион как совокупность всех субъектов экономической деятельности, деятельность которых ориентирована на достижение желаемого результата. В данной теории под кластером понимается совокупность сконцентрированных по географическому признаку групп взаимосвязанных компаний, специализированных поставщиков, организаций соответствующей инфраструктуры, конкурирующих между собой, но при этом осуществляющих совместную работу.

Следует отметить, что используемые в настоящее время для этих целей статистические методы обычно ориентированы на простое ранжирование отдельных субъектов федерации по частным показателям, определяющим уровень их разви-

тия, а не на исследование факторов, обусловивших рейтинг того или иного региона. Комплексное исследование влияния факторов территориальной социально-экономической асимметрии должно осуществляться с помощью системы показателей, так как использование отдельных частных характеристик не позволяет получить обоснованные оценки уровня социально-экономического развития районов.

При подобном подходе становится совершенно очевидно, что каждый из регионов, входящих в национальную макросистему, можно рассматривать как сложный многопродуктовый кластер, сформировавшийся на данной территории в предшествующий исторический период².

В этой связи, наибольший интерес представляет выявление методологических подходов к структуризации регионов по двум следующим признакам. Во-первых, формирование региональных кластеров по уровню развития. Во-вторых, формирование региональных кластеров исходя из динамических характеристик развития территориальных объединений.

При этом основная сложность решаемой проблемы состоит в том, чтобы в аналитических группировках использовались массивы официальной статистической информации, а не субъективные экспертные оценки, пусть даже и считающиеся высоконадежными.

В связи с этим условием целесообразным следует считать осуществление факторного анализа существенных параметров, характеризующих масштабы и характер экономического развития отдельных регионов, входящих в состав Российской

1 Киселева Н. П. Совершенствование методологии статистического исследования макроэкономической статистики. М.: Издательская торговая Компания «Наука-Бизнес-Паритет», 2015. 96 с.

2 Киселева Н. П. Методологические подходы к статистическому анализу макроэкономических расчетов на уровне региона // Статистическая методология территориальных сопоставлений. Сборник научных трудов. / Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации; под ред. В. Н. Салина. М.: Издательская торговая Компания «Наука-Бизнес-Паритет», 2014. С. 78.

Таблица 1. Структуризация регионов по отношению к доверительному интервалу уравнения регрессии, определяющего влияние валовой добавленной стоимости, создаваемой в отрасли, на ВРП в 2015 г.

	В доверительном интервале	Выше доверительного интервала	Ниже доверительного интервала
Промышленность	1,3,4,5,7,8,9,13,14,17	2,11,12	6,10,15,16
Сельское хозяйство	2,5,8,9,11,12,15,16,17	1,4	3,6,7,10,13,14
Строительство	2,3,5,8,15,16,17	1,4,9,11,12	6,7,10,13,14
Транспорт	1,2,3,5,6,15,16,17	4,9,11,12	7,8,10,13,14
Связь	1,3,5,7,11,15,16	2,4,9,12	6,8,10,13,14,17
Торговля	1,3,5,7,9,11,12,16	2,4,15,17	6,8,10,13,14

Федерации, поскольку его результаты позволяют выработать некоторые принципиальные подходы по их типологизации в соответствии с выбранными критериями, например, по уровню экономического развития.

Аналитические исследования, выполненные в ходе факторного анализа, позволяют утверждать, что исследуемая совокупность регионов делится как минимум на три группы. Первая группа – регионы, попавшие в доверительный интервал. Вторая группа – регионы, показатели которых находятся выше доверительного интервала. Третья группа – регионы, показатели которых находятся ниже доверительного интервала. В целях большей наглядности анализируемая совокупность регионов структурирована по названному признаку (табл. 1)³.

Совершенно очевидно, что информационный массив, представленный в табл. 1, недостаточно аналитичен. Он не позволяет понять, почему регионы, обладающие наименьшими и наибольшими значениями параметров, оказались внутри доверительного интервала, тогда как регионы, имеющие по всем признакам средние значения, остались за его пределами.

Тем не менее, для нашего исследования приведенный массив очень важен. На его основе нами сделано заключение о таком существенном признаке, обуславливающем межрегиональную дифференциацию, как вектор направленности тенденций⁴.

С нашей точки зрения, логично предположить, что регионы, параметры которых находятся выше доверительного интервала, имеют однозначно позитивный вектор своего развития. Соответственно регионы, параметры которых находятся ниже доверительного интервала, имеют отрицательный вектор развития. Территориальные образования, параметры которых находятся в доверительном интервале, имеют нулевой вектор, то есть тенденции изменения их показателей можно рассматривать со знаком +0 и –0 в зависимости от места, кото-

рое занимает тот или иной показатель относительно медианного значения.

Тем не менее, по нашему мнению, сам по себе вектор отклонения в представленном выше виде не может в полной мере служить основанием для каких бы то ни было аналитических заключений, поскольку не позволяет учесть причины, определившие фактические значения получаемых параметров. Например, численность населения, занятого в региональном хозяйстве, действительно, самым существенным образом связана с результатами его функционирования. Однако уже сальдированный финансовый результат является не столько характеристикой уровня развития (степени конкурентоспособности), сколько следствием сложившейся отраслевой и продуктовой структуры экономической системы.

Поскольку несомненным фактом можно считать, что и тот, и другой параметры сформировались в отсутствие объективных предпосылок, то и обусловленная ими межрегиональная дифференциация, является следствием не текущих, а ретроспективных условий и констатация фактов ее большей или меньшей степени ничего не дает для выработки рекомендаций, реализация которых позволит устранить имеющиеся различия.

В качестве критерия объединения регионов в отдельные группы принят уровень относительного отклонения фактического показателя территориального объединения от соответствующего среднего значения по анализируемой совокупности регионов.

Совершенно очевидно, что данный подход к группировке регионов позволил сформировать кластеры, в которые вошли территориальные образования, имеющие примерно одинаковые показатели.

Учитывая, что общепринятая методология кластеризации экономических систем использует метод средних, подобным критерием может стать выбранная средняя величина. Соответственно, наиболее сложной методологической проблемой следует считать выбор этой средней величины. Однако, используемый при этом модуль оценки без учета направленности вектора отклонения приводит к искажению наблюдаемого явления. Чтобы устранить возможные искажения необходимо еще до начала кластеризации сформировать критерий, относительно которого производится измерение параметров отклонения⁵.

Представляется, что в роли подобной базы сравнения можно принять следующие показатели:

3 В целях удобства представления анализируемым регионам присвоены следующие порядковые номера: 1. Республика Башкортостан, 2. Республика Марий Эл, 3. Республика Мордовия, 4. Республика Татарстан, 5. Удмуртская республика, 6. Чувашская республика, 7. Кировская область, 8. Нижегородская область, 9. Оренбургская область, 10. Пензенская область, 11. Пермская область, 12. Самарская область, 13. Саратовская область, 14. Ульяновская область, 15. Республика Калмыкия, 16. Астраханская область, 17. Волгоградская область.

4 Под вектором направленности тенденции в настоящем исследовании понимается характер отклонения исследуемого признака от принятого эталона сравнения. ПО нашему мнению важным представляется не столько величина выявленного отклонения, сколько его знак. Если регион по своим параметрам превосходит выбранный эталон сравнения, то этот знак положительный, если имеет худшие значения – то отрицательный. Суть подобного элиминирования состоит в том, что при этом появляется возможность исследования причинно-следственной взаимосвязи анализируемых характеристик и уровня развития.

5 Киселева Н. П. Статистический анализ факторов межрегиональной дифференциации процесса формирования ВРП // Совершенствование методологии статистического анализа социально-экономических явлений и процессов. Науч. Записки. Вып. 17. М.: Издательская торговая Компания «Наука-Бизнес-Паритет», 2014. С. 71.

- средняя величина показателя по Российской Федерации;
- средняя величина показателя по исследуемой совокупности регионов;
- значение показателя, принятого в качестве эталонного значения;
- максимальное значение показателя в исследуемой совокупности.

Нельзя не отметить того факта, что на размеры добавленной стоимости, создаваемой в отдельных регионах, существенное влияние оказывает структура отраслевого производства. Помимо структуры производства в отдельных территориально-отраслевых комплексах на параметры производимой в каждом из них добавленной стоимости существенное влияние оказывает величина предприятий, входящих в их состав. Величина валовой добавленной стоимости, производимой в том или ином регионе, обусловлена производительностью труда и ценами на производимую продукцию, а также динамикой ее ассортимента. Последняя составляющая особенно важна для преобладающей в Приволжских территориально-промышленных комплексах тенденции, обусловленной проблемой недогруженных производственных мощностей.

Определив величины отклонений валовой добавленной стоимости отрасли вследствие межрегиональной дифференциации производительности труда и цен, можно оценить и воздействие различий структуры регионального производства на параметры его развития.

Для выявления причин, определивших попадание того или иного региона в конкретный кластер, по нашему мнению, целесообразно решить следующую задачу. Формулировка ее цели заключается в выявлении гипотетического уровня развития по параметру «произведенная валовая добавленная стоимость» при условии идентичности показателей, определяющих величину производительности труда и структуры отраслевого производства. По результатам проведенных расчетов можно сделать определенные выводы о характере экономической деятельности отдельных регионов, входящих в анализируемую их совокупность и оценить ее результаты с точки зрения соответствия задачам перспективного развития.

Проведенное исследование региональной дифференциации Приволжских регионов показало: во-первых, лучшие показатели имеют регионы, в которых производительность труда в отраслях промышленности выше средней по Приволжскому федеральному округу. Во-вторых, ценовой фактор в большинстве анализируемых регионов не является самым существенным агрегатом, обуславливающим величину валовой добавленной стоимости. В-третьих, наиболее существенное воздействие на параметры экономического роста оказывает структура отраслевого комплекса. В этой связи встает вопрос о возможностях того или иного территориально-отраслевого комплекса, связанных с изменением сложившегося положения. Следует отметить, что речь не идет о том, чтобы каждый регион имел идентичную структуру производства – это невозможно реализовать ни с практической точки зрения, ни с позиций экономической целесообразности, а лишь показывает те аспекты, на которые необходимо принимать во внимание.

Во-первых, стоимостная оценка производительности труда может увеличиться под воздействием следующих факторов – рост номинальной стоимости реализованной продукции, инновационная деятельность (переход на выпуск новой более дорогой продукции, рост качества традиционной продукции,

сокращение численности работников при сохранении объемных характеристик производства).

Во-вторых, рост цен обычно может быть обусловлен следующими факторами – инфляция издержек, монополизация производства, производство новой, более дорогой продукции, изменениями в конъюнктуре рынка.

В-третьих, структурные отклонения связаны с различиями в ассортименте производимой продукции, различным технико-технологическим уровнем ее производства, различиями в ценах поставщиков материально-технических ресурсов, различными условиями сбыта продукции, степенью монополизации рынка сбыта.

Определение количественных характеристик названных параметров позволит осуществить типологизацию регионов на основе исследования вариации параметров, которая характеризуется относительным соотношением исследуемых характеристик регионального хозяйства по сравнению с их максимальными и минимальными значениями в исследуемой совокупности явлений.

Пристатейный библиографический список

1. Киселева Н. П. Методологические подходы к статистическому анализу макроэкономических расчетов на уровне региона // Статистическая методология территориальных сопоставлений. Сборник научных трудов. / Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации; под ред. В. Н. Салина. М.: Издательская торговая Компания «Наука-Бизнес-Паритет», 2014. С. 78.
2. Киселева Н. П. Совершенствование методологии статистического исследования макроэкономической статистики. М.: Издательская торговая Компания «Наука-Бизнес-Паритет», 2015. 96 с.
3. Киселева Н. П. Статистический анализ факторов межрегиональной дифференциации процесса формирования ВРП // Совершенствование методологии статистического анализа социально-экономических явлений и процессов. Науч. Записки. Вып. 17. М.: Издательская торговая Компания «Наука-Бизнес-Паритет», 2014. С. 71.

КРОХМАЛЬ Лариса Александровна

кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и финансов Дальневосточного государственного аграрного университета

МАСЛЕЙ Ольга Алексеевна

кандидат экономических наук, начальник отдела бюджетирования Дальневосточного государственного аграрного университета

ЭВОЛЮЦИЯ МОДЕЛЕЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОДДЕРЖКИ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

Основным критерием традиционных моделей государственной поддержки национальных систем высшего образования являлся критерий достаточности ресурсов для обеспечения деятельности вузов. В новых условиях, когда государство вынуждено обеспечивать социальную полезность образовательных услуг и конкурентоспособность национальных систем высшего образования, происходит трансформация требований к моделям государственной поддержки, и на первый план выходят критерии соответствия приоритетам государственной политики, качества реализуемых услуг, а также критерии измерения способности университетов к развитию. В статье анализируются новые, более сложные модели, которые, по мнению авторов, являются результатом развития традиционных моделей государственной поддержки

Ключевые слова: модели государственной поддержки; национальная система высшего образования; критерии оценки

KROHMAL Larisa Aleksandrovna

Ph.D. in Economics, associate professor of Economics and finance sub-faculty of the Far Eastern State Agrarian University

MASLEY Olga Alekseevna

Ph.D. in Economics, Head of Department of budgeting of the Far Eastern State Agrarian University

EVOLUTION OF MODELS OF STATE SUPPORT OF HIGHER EDUCATION

The main criterion for traditional models of state support for national higher education systems was the criterion of the sufficiency of resources to support the activities of universities. In the new conditions, when the state is forced to ensure the social utility of educational services and the competitiveness of national higher education systems, the requirements for state support models are transformed, and the criteria for matching state policy priorities, the quality of services being implemented, and criteria for measuring the ability of universities to develop. The article analyzes new, more complex models, which, in the opinion of the authors, are the result of the development of traditional models of state support

Keywords: models of state support; national system of higher education; criteria for evaluation.

Роль высшего образования в обществе, основанном на знаниях, признается во всех странах мира. Для того чтобы соответствовать новым требованиям, высшее образование должно отвечать на целый ряд серьезных вызовов: достичь такого уровня, который соответствует международной системе качества, лучшим методам государственной поддержки и контроля, объему финансирования и способам диверсификации его источников. Эти основные цели предполагают адекватные изменения в национальных системах высшего образования и должны быть включены в состав главных приоритетов государственной политики стран мира.

Одной из важнейших проблем, требующей скорейшего решения поставленных задач является проблема использования различных моделей государственной поддержки вузов, которая превращается в новых условиях в важнейший инструмент государственного регулирования.

Принято считать, что традиционными моделями государственной поддержки в высшем образовании являются инкрементная модель, формализованная модель, а также модель, построенная на «нулевой» основе¹.

Инкрементная модель

Является старейшей и наиболее распространенной в сфере высшего образования² и обычно базируется на данных о расходах и доходах за прошлый год, в которые затем вносятся поправки, учитывающие ожидаемые изменения в уровне дохода и распределении ресурсов. Увеличение планируется в относительных или абсолютных величинах и чаще всего учитывает только ожидаемый уровень инфляции. Этот подход наиболее простой в применении и используется часто отечественными и зарубежными вузами, хотя в последнее время критикуется из-за плохой адаптации к условиям децентрализованного планирования. Основное предположение, заложенное в сущность модели, состоит в том, что цели учреждения, организационные единицы или программы не будут меняться в течение следующего финансового периода. Такой подход лучше понимается вузами, Учеными советами и руководителями, которые принимают решения о развитии учреждений³.

Слабые стороны в том, что модель не формирует требований и не создает стимулов для развития образовательных программ, улучшения их качественных характеристик и повы-

1 Eurydice, 2008. Higher Education Governance in Europe. Policies, structures, funding and academic staff. Brussels, Belgium. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://eacea.ec.europa.eu/Education/eurydice/documents/thematic_reports/091EN.pdf. Дата доступа 12.12.2017

2 Massy W. F. (1996b). Reengineering resource allocation systems. In W.F. Massy (Ed.) Resource allocation in higher education (pp. 15–48). Ann Arbor, MI: The University of Michigan Press

3 Lasher and Sullivan. (2004). Follow the Money: The Changing World of Budgeting in Higher Education. In J. Smart (Ed.), Higher Education: Handbook of Theory and Research (Vol. XIX, pp. 197-240). Netherlands: Kluwer Academic Publishers.

шения эффективности. Модель ориентирована на сохранение сложившихся тенденций и может повторять ошибки предыдущих периодов, а также сильно зависит от предпочтений органов исполнительной власти, позволяет осуществлять жесткий контроль и лишает вузы инициативы⁴.

Анализируя этот вариант бюджетной модели, исследователи приходят к выводу, что её использование имеет ряд серьёзных ограничений⁵:

- модель не стимулирует увеличение доходов;
- модель не гарантирует учета полной стоимости образовательных программ и направлений научно-исследовательской работы, ограничивая способность принимать обоснованные решения и правильно учитывать эффективность деятельности;

- модель не обеспечивает достаточной прозрачности бюджетных показателей для заинтересованных сторон, в том числе лиц, получающих образовательные и другие виды услуг на платной основе, а также для органов власти и предприятий бизнеса, ограничивая их заинтересованность в инвестициях;

- модель не обладает свойствами гибкости, необходимыми для эффективного перераспределения ресурсов в ответ на увеличение объемов работ и услуг, изменение приоритетов, препятствуя инновациям, которые требуют дополнительных источников финансирования.

Однако, несмотря на все выявленные недостатки именно этот метод является распространенным в национальных системах высшего образования из-за простоты его применения.

Формализованная модель

В зарубежных странах на основании этой модели финансирование реализуется в зависимости от количества кредитных часов и от отношения студент/преподаватель. Основаниями для расчетов служат оценки тенденций и согласованные параметры.⁶ Чтобы определить, сколько средств необходимо для реализации конкретной программы, используются формулы, которые отражают сложившуюся норму затрат по аналогичным программам⁷.

В России модель получила свое развитие, благодаря нормативам подушевого финансирования. В настоящее время при организации финансирования вузов в России в качестве показателя «входа» используется численность студентов. В расчете на одного студента устанавливается норматив финансирования по утвержденной Министерством образования и науки структуре затрат на реализацию соответствующей образовательной программы. В нормативе также учитываются показатели «дорожной карты»: преподаватель/студент; доля основного и неосновного персонала в численности учреждения; соотношения средней заработной основной персонала университета и средней заработной платы по региону. Кроме того, модель содержит в себе нормативы расходов на потребляемые материальные ресурсы и предполагает обоснованный расчет по каждой статье затрат. Расчет субсидии на

выполнение государственного задания осуществляется путем умножения норматива финансового обеспечения на численность контингента студентов, обучающегося в вузе.

В зарубежных странах, в отличие от России, используется также норматив затрат на научные исследования, который чаще всего тесно привязан к нормативу финансового обеспечения образовательной услуги⁸.

К достоинствам модели относят:

- способность реагировать на крупные изменения в программах вузов;

- возможность производить расчет в зависимости от контингента студентов позволяет максимально учитывать потребности в ресурсах при сложившейся структуре затрат, хотя и с некоторыми погрешностями;

- допустимость корректировки направления ресурсов по сравнению с предыдущим периодом при снижении или увеличении контингента студентов, но только в момент формирования бюджета государственной поддержки вузов.

Выраженные недостатки модели:

- результат распределения ресурсов часто расценивается как несправедливый;

- соотношение студент / преподаватель, которое лежит в основе структуры норматива затрат, часто критикуется и считается в некоторых случаях неуместным;

- модель строится на удельном весе затрат на заработную плату преподавательского состава и других ресурсов, что приводит к недооценке операционных расходов;

- неопределенность в оценках контингента в предстоящих периодах усиливает значение краткосрочного планирования, и препятствует реализации более долгосрочных планов университетов;

- модель способствует стимулированию нездоровой конкуренции между вузами и ухудшает связи между ними.

Вместе с тем, отечественные вузы и вузы зарубежных стран сегодня активно используют именно эту модель, так как она основана на согласованных параметрах, считается прозрачной и позволяет вузам правильно выстраивать систему мотивации, обеспечивающую достижение целей.

Модель на «нулевой основе»

Обычно применяется к учреждениям, которые начинают свою деятельность с «нуля», т.е. вновь образованным учреждениям, или к тем, которые существенным образом изменили направления или объем своей деятельности. Иногда применяется к действующим учреждениям при стабильных показателях, однако объем работы, который предполагают расчеты с «нуля» не оправдывается результатами. Несмотря на то, что эта модель помогает пользователям достичь лучшего понимания структуры затрат, есть серьезные проблемы ее применения:

- модель не признает прошлое, она не предполагает учета сложившихся тенденций и изменений;

- использование этой модели существенно осложняет сам процесс планирования, делает его необоснованно трудоемким, однако на практике это не приводит к принятию более обоснованных решений⁹, т.е. цель не оправдывает средства;

- основным ограничением анализа затрат и доходов, например, при государственном инвестировании, является не-

4 Massy, W. F. (2003). Performance-Based Resource Allocations. In Honoring the Trust: Quality and Cost Containment in Higher Education (pp. 274-305). Bolton, Massachusetts: Anker Publishing.

5 University of Washington. (2011, March). UW ABB Overview. Retrieved from. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://opb.washington.edu/sites/default/files/opb/Budget/ABB-Overview_March-2011.pdf

6 Vandam W. E. (1989). Managing money in higher education. A guide to the financial process and effective participation within it. San Francisco, CA: Jossey-Bass.

7 Lasher and Sullivan. (2004). Follow the Money: The Changing World of Budgeting in Higher Education. In J. Smart (Ed.), Higher Education: Handbook of Theory and Research (Vol. XIX, pp. 197–240). Netherlands: Kluwer Academic Publishers.

8 OECD. Performance-based funding for public research in tertiary education institutions web annex: additional country detail. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.oecd.org/sti/scitech/46756874.pdf> Дата обращения: 20.02.2018

9 Kent State. (2007). Review of Budgetary Methods and Roles at Kent State University. Kent State University, Budget Review Committee.

возможность рассматривать эти проекты с точки зрения экономической эффективности¹⁰;

– модель является недостаточно прозрачной для внешних заинтересованных сторон (в том числе налогоплательщиков, плательщиков за обучение, органов управления), что ограничивает аргументы в пользу новых инвестиций;

– модель не обладает свойствами гибкости, необходимыми для эффективного перераспределения ресурсов в ответ на изменения объемов работ и услуг или приоритетов, что создает препятствия для инноваций, которые требуют новых источников финансирования.

Оценка модели экономистами показывает, что традиционная (инкрементная) модель более объективно оценивают затраты, используя индексные оценки. Каждый раз инфляция оказывала более существенное влияние на объективность показателей, чем параметры нулевого бюджета¹¹. На практике эта модель нечасто используется при организации базового финансирования, либо применяется в бюджетах для расчета отдельных программ¹².

Как показывает практика, в новых условиях Правительства разных стран при государственной поддержке вузов, редко реализуют какую-то одну из описанных моделей, а используют их одновременно, поскольку вновь образованные модели отличаются сложностью, вызванной необходимостью ориентации национальных систем высшего образования на государственные приоритеты. Под новыми условиями функционирования национальных систем высшего образования мы понимаем процессы, происходящие на фоне существующих международных и национальных тенденций развития. К ним справедливо можно отнести следующие:

– развитие трансграничного образования на основе процессов глобализации и интернационализации¹³;

– активное продвижение онлайн образования¹⁴;

– усиление процессов интеграции в высшем образовании и формирование новой иерархии вузов в мировом образовательном пространстве;

– сопоставимость национальных систем высшего образования и широкое использование принципов бенчмаркинга Правительствами разных стран при организации государственной поддержки вузов¹⁵.

В результате появляются и новые требования к критериям оценки моделей финансирования национальных систем высшего образования. Если ранее единственным критерием оценки являлся критерий достаточности ресурсов для обеспечения деятельности вузов, то сегодня этот критерий уже не только не удовлетворяет новым условиям, но и по мнению

многих исследователей, является вредным для развития учреждений высшего образования¹⁶.

Поиском новых критериев оценки заняты исследователи разных стран, а также международные организации, заинтересованные в развитии вузов. Среди разных точек зрения на новые требования, предъявляемые к моделям государственной поддержки, выделяется позиция Всемирного Банка, высказанная в одном из последних исследований, посвященным моделям государственной поддержки вузов Европы. Мы разделяем эту точку зрения, поскольку она не противоречит традиционным подходам к организации финансирования вузов, а также соответствует, как мы считаем, новым тенденциям развития национальных систем высшего образования. Всего предложено шесть критериев «хорошей» модели государственной поддержки национальных систем высшего образования¹⁷. Набор требований к каждому из критериев получен Всемирным банком методом интервьюирования (табл. 1).

Схожие требования к «хорошей» модели организации финансирования вузов мы нашли также в работах известных исследователей проблем финансового обеспечения национальных систем высшего образования, в том числе, Е. Беннетта и Т. Эстерманна (2017)¹⁸, Ф. Цигеля (2012)¹⁹, Т. Эстерманна и А. Кулик (2015)²⁰.

Как показывает практика, удовлетворяют этим требованиям такие модели государственной поддержки, которые способны обеспечивать:

– базовое (гарантированное) финансирование;

– финансирование результатов;

– финансирование приоритетов государственной политики в области высшего образования (программно-целевое финансирование)²¹.

Используя сильные и слабые стороны традиционных моделей, национальные системы высшего образования приступили к построению многокомпонентных моделей государственной поддержки, позволяющих направлять преимущества традиционных моделей для решения кон-

10 Maass A. (1966). Benefit-Cost Analysis: Its Relevance to Public Investment Decisions. *Quarterly Journal of Economics*, 80 (2), pp. 208-226.

11 Boyd, W. L. (1982). Zero-Base Budgeting: The Texas Experience. *The Journal of Higher Education*, 53 (4), pp. 429-438.

12 Lang, D. W. (2000). Responsibility Centre Budgeting and Responsibility Centre Management in Theory and Practice. *Higher Education Management*, 11 (3), pp. 81-111.

13 British Council 2012. The shape of things to come: higher education global trends and emerging opportunities to 2020 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.britishcouncil.org/higher-education. Дата обращения 12.11.2017.

14 Шесть крупнейших моос тенденций 2016. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.class-central.com/report/biggest-moos-trends-2016/>.

15 OECD (2017), Benchmarking higher education system performance: Conceptual framework and data, *Enhancing Higher Education System Performance*, OECD Paris. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.oecd.org/education/skills-beyond-school/Benchmarking%20Report.pdf>. Дата доступа: 17.03.2018.

16 Estermann, T., E. &Claeys-Kulik, A., 2015, DEFINE Thematic Report: Performance-based funding: of universities

17 World Bank Reimbursable Advisory Service on Higher Education Financing in Latvia .Higher Education Financing in Latvia: Analysis of Strengths and Weaknesses. 18 March 2014. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.viaa.gov.lv/files/news/24067/lv_hef_output_1_final_18mar14.pdf. Дата доступа: 01.12.2017.

18 BennetotE. EstermannT. University Autonomy in Europe III The Scorecard 2017. European University Association (EUA) Brussels, Belgium. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.eua.be/Libraries/publications/online-transversal-report-17-05-2017>. Дата доступа: 29.03.2018.

19 Ziegele F. Higher Education Funding Mechanisms in Germany. University Funding Seminar Barcelona, June 13, 2012. Электронныйресурс: <http://slideplayer.com/slide/4570951/>.

20 Estermann, T., E. &Claeys-Kulik, A., 2015, DEFINE Thematic Report: Performance-based funding: of universities in Europe. (Brussels, EUA). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.eua.be/Libraries/publications/online-transversal-report-17-05-2017>. Дата доступа: 09.03.2018

* World Bank Reimbursable Advisory Service on Higher Education Financing in Latvia .Higher Education Financing in Latvia: Analysis of Strengths and Weaknesses. 18 March 2014. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.viaa.gov.lv/files/news/24067/lv_hef_output_1_final_18mar14.pdf. Дата доступа: 01.12.2017.

21 Boer H., Jongbloed B., Bennenworth P., Westerheijden D., File J. Engaging in the Modernisation Agenda for European Higher Education. 2012 ESMU. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: file:///C:/Users/ProEconomist/AppData/Local/Packages/Microsoft.MicrosoftEdge_8wekyb3d8bbwe/TempState/Downloads/16_modern_report_modernisation_agenda.pdf. Дата доступа: 07.04.2018

Таблица 1. Требования к «хорошей» модели государственной поддержки высшего образования

Критерии	Требования к критериям
Целевая ориентация	- стимулирование достижения государственных приоритетов; - развитие институциональных профилей;
Стимулирующая ориентация	- обеспечение четких, не фрагментированных стимулов; - исключение нежелательных эффектов; - создание системы поощрений и санкций по результатам деятельности; - создание конкурентной среды;
Устойчивость	- гарантия преемственности в механизмах финансирования; - закрепление обязанности долгосрочного планирования; - учет разницы в затратах; - содействие распределению рисков и управление ими;
Прозрачность и последовательность	- обеспечение четкого и сбалансированного финансирования; - обеспечение прозрачности финансирования; - поддержка восприятия справедливости; - выделение единовременных сумм; - гарантия академической свободы;
Финансовая автономия	- обеспечение надлежащего уровня регулирования; - гарантия автономности внутреннего распределения ресурсов; - содействие доступности различных источников дохода;
Практическая осуществимость	- использование доступных данных; - обеспечение административной эффективности; - соблюдение методологических стандартов; - обеспечение согласованности уровней финансирования с методами регулирования

Источник: WorldBank, 2014*

кретных задач. Следует особо отметить, что все вузы национальных систем высшего образования имеют равные права на основной поток финансовых средств, особенно в части гарантированного финансирования, которое обеспечивает устойчивость вузов и способствует их автономии, а также в части финансирования результатов деятельности (стимулирующая ориентация). В национальных системах высшего образования описанный подход к формированию моделей государственной поддержки уже сегодня приносит положительные результаты, поскольку он удовлетворяет главному требованию, предъявляемому со стороны индивидумов, общества и государства – обеспечивает социальную полезность услуг высшего образования²².

Вместе с тем, в России, например, продолжает использоваться только базовое финансирование, которое хотя и изменило свою форму благодаря нормативно-подушевому подходу к финансовому обеспечению образовательных услуг, но основано на обеспечении текущей деятельности вузов. По сути, сметный подход, реализуемый долгое время в России на основе инкрементной модели, заменен на формализованную модель, которая в условиях бюджетных ограничений и демографического спада, привела к сокращению финансирования вузов. Нельзя отрицать, что нормативно-подушевое финансирование является прогрессивным и вынуждает вузы принимать усилия по поиску дополнительных источников ресурсного обеспечения, но нельзя отрицать также и тот факт, что вузы таким образом стимулируются государством на выполнение государственного задания по реализации своих услуг путем сохранения студенческого контингента, и, чаще всего, за счет ухудшения их качества. Это происходит, в том числе, и из-за того, что

в отечественной системе государственной поддержки отсутствует финансирование результатов, которое превращается в решающий фактор обеспечения социальной полезности образовательных услуг, а также выступает гарантом повышения конкурентоспособности национальной системы высшего образования. В России существуют и другие виды финансового обеспечения образовательных услуг, но они, как правило, направляются ограниченному числу участников национальной системы высшего образования. Примером может служить Проект 5-100, реализуемый в соответствии с положениями известного Указа 2012 года № 599 Президента Российской Федерации «О мерах по реализации государственной политики в области образования и науки». Такие проекты, имеют важное значение для реализации государственных приоритетов и связаны с программно-целевым финансированием, но оказываются недоступными для большей части вузов национальной системы высшего образования.

Новые модели государственной поддержки вузов, реализуемые во многих странах мира построены на использовании преимуществ и нейтрализации недостатков традиционных моделей. Одна из широко обсуждаемых моделей описана профессором Ф. Цигелем²³ и представлена на семинаре по финансированию университетов в Барселоне 13 июня 2012 года. Эта же модель рекомендуется к внедрению Всемирным банком в европейских системах высшего образования²⁴. Речь идет о модели, включающей в себя три компонента государственной поддержки вузов: гарантированное финансирование, финансирование результатов и

22 Рубинштейн А. Я. Десять тезисов о высшей школе (альтернативная концепция реформы) // Знание. Понимание. Умение. 2005. № 2. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/desyat-tezisev-o-vysshey-shkole-alternativnaya-kontseptsiya-reformy> (дата обращения: 03.03.2018).

23 Ziegele F. Higher Education Funding Mechanisms in Germany. University Funding Seminar Barcelona, June 13, 2012. Электронный ресурс: <http://slideplayer.com/slide/4570951/>.

24 World Bank Reimbursable Advisory Service on Higher Education Financing in Latvia .Higher Education Financing in Latvia: Analysis of Strengths and Weaknesses. 18 March 2014. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.viaa.gov.lv/files/news/24067/lv_hef_output_1_final_18mar14.pdf. Дата доступа: 01.12.2017.

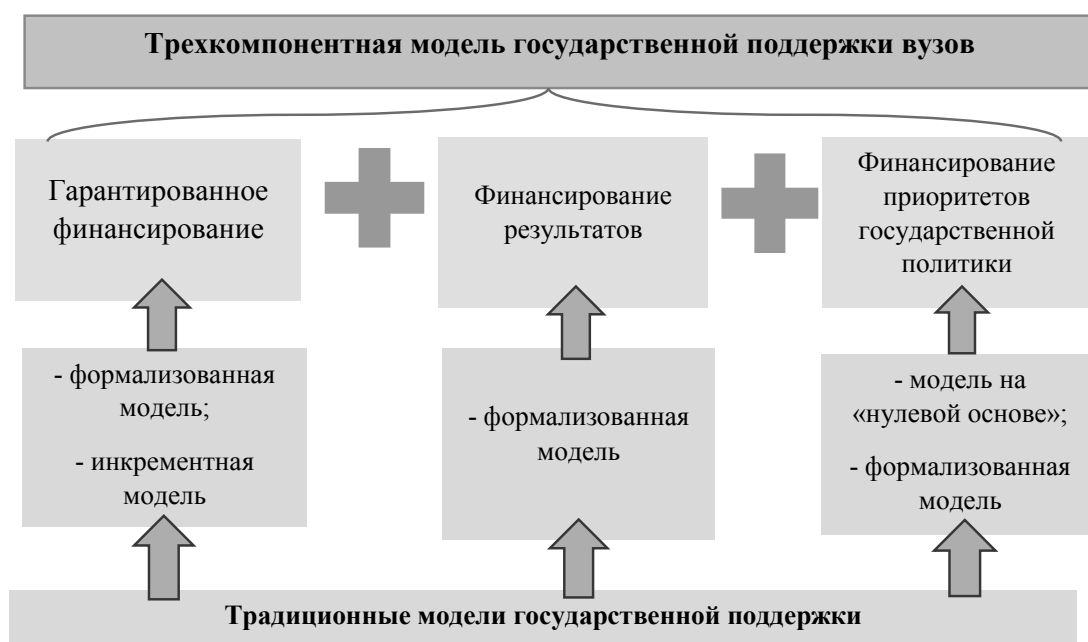

Рисунок 1. Развитие традиционных моделей государственной поддержки высшего образования
Источник: составлено автором

финансирование приоритетов государственной политики в области высшего образования (рис. 1).

Представленная модель включает в себя три компонента государственной поддержки и основана на использовании описанных выше традиционных моделей финансового обеспечения вузов. Это, в свою очередь, гарантирует модели преемственность в методах государственной поддержки, а также их последовательность и прозрачность.

Кроме того, традиционные модели являются понятными и известными для вузов, что, в свою очередь, обеспечивает практическую осуществимость многокомпонентной модели государственной поддержки. Гарантированное (базовое) финансирования обеспечивает устойчивость вузов, а также способствует их финансовой автономии. Финансирование результатов предоставляет вузам стимулы в обеспечении качества образовательных услуг, а также способствует реализации приоритетов государственной политики в отрасли. Целевая ориентация, кроме того, превращается в решающий фактор реализации третьего компонента модели.

Особенностью предлагаемой модели является не только соответствие ее критериям «хорошей модели» государственной поддержки, но также и то, что отдельные ее компоненты могут реализовываться как в комплексе, так и отдельно, в зависимости от объема средств бюджета, направляемого на государственную поддержку национальных систем высшего образования. В качестве другой особенности модели следует признать ее «приверженность» к показателям «выхода», а не к показателям «входа», которые обычно используются в однокомпонентных моделях. В последнее время, например, в странах Европы при организации государственной поддержки вузов отмечается существенный рост использования выходных данных, т.е. результативных характеристик деятельности вузов²⁵.

В дальнейших исследованиях мы планируем рассмотреть возможность адаптации представленной модели к условиям отечественной системе высшего образования.

Пристатейный библиографический список

1. Рубинштейн А. Я. Десять тезисов о высшей школе (альтернативная концепция реформы) // Знание. Понимание. Умение. 2005. № 2. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/desyat-tezisev-ovysshey-shkole-alternativnaya-kontseptsiya-reformy> (дата обращения: 03.03.2018).
2. Шесть крупнейших мооc тенденций 2016. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.class-central.com/report/biggest-mooc-trends-2016/>.
3. Bennetot E. Estermann T. University Autonomy in Europe III The Scorecard 2017. European University Association (EUA) Brussels, Belgium. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.eua.be/Libraries/publications/online-transversal-report-17-05-2017>. Дата доступа: 29.03.2018.
4. Boer H., Jongbloed B., Benneworth P., Westerheijden D., File J. Engaging in the Modernisation Agenda for European Higher Education. 2012 ESMU. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: file:///C:/Users/ProEconomist/AppData/Local/Packages/Microsoft.MicrosoftEdge_8wekyb3d8bbwe/TempState/Downloads/16_modern_report_modernisation_agenda.pdf. Дата доступа: 07.04.2018.
5. Boyd W. L. (1982). Zero-Base Budgeting: The Texas Experience. The Journal of Higher Education, 53 (4), pp. 429-438.
6. British Council 2012. The shape of things to come: higher education global trends and emerging opportunities to 2020 www.britishcouncil.org/higher-education. Электронный ресурс: Дата обращения 12.11.2017.
7. Estermann, T., E. & Claeys-Kulik, A., 2015, DEFINE Thematic Report: Performance-based funding: of universities.

25 OECD Innovation Policy Platform. Actor brief: higher education institutes (heis). higher education institutes – OECD 2011. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.oecd.org/innovation/policy-platform/48373782.pdf>. Дата доступа: 25.02.2018.

8. Estermann, T., E. & Claeys-Kulik, A., 2015, DEFINE Thematic Report: Performance-based funding: of universities in Europe. (Brussels, EUA). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.eua.be/Libraries/publications-homepage-list/define-thematic-report_-pbf_final-version. Дата доступа: 09.03.2018
9. Eurydice, 2008. Higher Education Governance in Europe. Policies, structures, funding and academic staff. Brussels, Belgium. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://eacea.ec.europa.eu/Education/eurydice/documents/thematic_reports/091EN.pdf. Дата доступа 12.12.2017.
10. Kent State. (2007). Review of Budgetary Methods and Roles at Kent State University. Kent State University, Budget Review Committee.
11. Lang D. W. (2000). Responsibility Centre Budgeting and Responsibility Centre Management in Theory and Practice. Higher Education Management, 11 (3), pp. 81-111.
12. Lasher and Sullivan. (2004). Follow the Money: The Changing World of Budgeting in Higher Education. In J. Smart (Ed.), Higher Education: Handbook of Theory and Research (Vol.XIX, pp. 197–240). Netherlands: Kluwer Academic Publishers.
13. Maass A. (1966). Benefit-Cost Analysis: Its Relevance to Public Investment Decisions. Quarterly Journal of Economics, 80 (2), pp. 208-226.
14. Massy W. F. (1996b). Reengineering resource allocation systems. In W.F. Massy (Ed.) Resource allocation in higher education (pp. 15–48). Ann Arbor, MI: The University of Michigan Press
15. Massy W. F. (2003). Performance-Based Resource Allocations. In Honoring the Trust: Quality and Cost Containment in Higher Education (pp. 274-305). Bolton, Massachusetts: Anker Publishing.
16. OECD (2017), Benchmarking higher education system performance: Conceptual framework and OECD Innovation Policy Platform. Actor brief: higher education institutes (heis). higher education institutes – OECD 2011. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.oecd.org/innovation/policyplatform/48373782.pdf>. Дата доступа: 25.02.2018.
17. OECD. Performance-based funding for public research in tertiary education institutions web annex: additional country detail. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.oecd.org/sti/sci-tech/46756874.pdf>. Дата обращения: 20.02.2018.
18. University of Washington. (2011, March). UW ABB Overview. Retrieved from. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://opb.washington.edu/sites/default/files/opb/Budget/ABB-Overview_March-2011.pdf
19. Vandament W. E. (1989). Managing money in higher education. A guide to the financial process and effective participation within it. San Francisco, CA: Jossey-Bass.
20. World Bank Reimbursable Advisory Service on Higher Education Financing in Latvia .Higher Education Financing in Latvia: Analysis of Strengths and Weaknesses. 18 March 2014. Электронный ресурс: http://www.viaa.gov.lv/files/news/24067/lv_hef_output_1_final_18mar14.pdf. Дата доступа: 01.12.2017
21. World Bank Reimbursable Advisory Service on Higher Education Financing in Latvia .Higher Education Financing in Latvia: Analysis of Strengths and Weaknesses. 18 March 2014. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.viaa.gov.lv/files/news/24067/lv_hef_output_1_final_18mar14.pdf. Дата доступа: 01.12.2017
22. World Bank Reimbursable Advisory Service on Higher Education Financing in Latvia .Higher Education Financing in Latvia: Analysis of Strengths and Weaknesses. 18 March 2014. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.viaa.gov.lv/files/news/24067/lv_hef_output_1_final_18mar14.pdf. Дата доступа: 01.12.2017
23. Ziegele F. Higher Education Funding Mechanisms in Germany. University Funding Seminar Barcelona, June 13, 2012. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://slideplayer.com/slide/4570951/>
24. Ziegele F. Higher Education Funding Mechanisms in Germany. University Funding Seminar Barcelona, June 13, 2012. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://slideplayer.com/slide/4570951/>

РАХМАТУЛЛИНА Юлия Айратовна

кандидат экономических наук, доцент кафедры финансов и кредита Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (Уфимский филиал)

ЮНУСОВА Разиля Фанусовна

кандидат экономических наук, доцент кафедры финансов и кредита Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (Уфимский филиал)

ОЦЕНКА ФИНАНСОВОЙ УСТОЙЧИВОСТИ КОММЕРЧЕСКОГО БАНКА: ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

В статье приводится анализ нормативных документов, связанных с оценкой финансовой устойчивости коммерческого банка. Устойчивость коммерческих банков является важным фактором надежности для Центрального Банка, акционеров, клиентов, так как банк является финансовым посредником между субъектами. В связи с этим кризисы в банковской сфере имеют системный характер: банкротство единичной кредитной организации может привести к банкротству других финансовых институтов, что окажет значительное негативное влияние на всех субъектов экономики, поэтому оценка финансовой устойчивости является важной для клиентов банка, она необходима и самим банкам для оценки своих партнеров. Методика Центрального банка РФ предусматривает оценку показателей финансового состояния коммерческих банков с учетом разделения их на банки с универсальной лицензией и базовой. Отмечаются недостатки данного подхода и предлагаются этапы анализа финансовой устойчивости.

Ключевые слова: финансовая устойчивость коммерческого банка, достаточность капитала, качество активов, ликвидность банка, платежеспособность, оценка надежности банка.

RAKHMATULLINA Yuliya Ayratovna

Ph.D. in Economics, associate professor of Finance and credit sub-faculty of the Financial University under the Government of the Russian Federation (Ufa branch)

YUNUSOVA Razilya Fanusovna

Ph.D. in Economics, associate professor of Finance and credit sub-faculty of the Financial University under the Government of the Russian Federation (Ufa branch)

ASSESSMENT OF FINANCIAL STABILITY OF COMMERCIAL BANK: LEGAL ASPECT

The article analyzes the normative documents related to the assessment of the financial stability of a commercial bank. Stability of commercial banks is an important factor of reliability for the Central Bank, shareholders, clients, as the bank is a financial intermediary between the subjects. In this regard, crises in the banking sector are systemic: the bankruptcy of a single credit institution can lead to bankruptcy of other financial institutions, which will have a significant negative impact on all subjects of the economy, so the assessment of financial stability is important for the clients of the bank, it is necessary for banks to assess their partners. The methodology of the Central Bank of the Russian Federation provides for the assessment of the financial condition of commercial banks, taking into account their division into banks with a universal license and the base. The drawbacks of this approach are noted and the stages of financial stability analysis are proposed.

Keywords: financial stability of commercial bank, capital adequacy, asset quality, bank liquidity, solvency, bank reliability assessment.

Рахматуллина Ю.А.

Юнусова Р.Ф.

Коммерческие банки — одно из приоритетных звеньев в экономике рынка. В результате их действий основная часть государственного финансового оборота скапливается, распределяется освободившийся на данное время ресурс тем субъектам, кому он необходим.

Финансовая устойчивость банка характеризуется состоянием собственных и заемных средств и анализируется с помощью системы комплексных показателей и их динамики за определенный период. Ликвидность банка — это способность банка своевременно выполнять свои финансовые обязательства перед вкладчиками и кредиторами. Данное понятие используется для оценки эффективности и надежности банка.

Одной из функций Банка России согласно п. 9 ст. 4 Федерального закона № 86-ФЗ «О Центральном Банке Российской Федерации (Банке России) от 10.07.2002 г. является осуществление надзора за деятельностью кредитных организаций. Выполнение данной функции важно по нескольким аспектам, в первую очередь, бесперебойное и эффективное функциони-

рование банковской системы способствует достижению банками необходимой степени доверия со стороны вкладчиков — физических лиц, привлечение средств которых имеет большое значение для ведения банковского бизнеса. Для достижения этой цели создана Система страхования вкладов физических лиц, курируемая Агентством по страхованию вкладов, предполагающая проведение выплат вкладчикам из специально созданного фонда в случае отзыва лицензии у банка. Особое внимание Центрального Банка уделяется вопросам мониторинга финансовой устойчивости кредитных организаций и рискованности их деятельности.

Методики по оценке финансовой устойчивости коммерческого банка в Российской Федерации можно разделить на методики Центрального Банка России и частные методики (методики рейтинговых агентств, авторские методики).

В рамках правового аспекта рассмотрим отдельные нормативные документы, влияющие на оценку финансовой устойчивости коммерческого банка.

Кредитные организации	банки с универсальной лицензией	обственные средства (капитал) – min 1 млрд рублей
		Все действующие нормативы
		Все требования международных стандартов
		Полная отчетность и МСФО
		Международные операции
	банки с базовой лицензией	Собственные средства (капитал) – min 300 млн рублей
		5 нормативов
		Неприменение технически сложных международных стандартов
		Снижение требований по отчетности, включая МСФО
		Международные операции через счета в банках с универсальной лицензией

Рисунок 1. Кредитные организации и уровень регулятивной нагрузки
 Источник: http://www.cbr.ru/Press/press_centre/events/02062017.pdf

1. Закон о банках и банковской деятельности¹

Федеральным законом от 01.05.2017 № 92-ФЗ установлено разделение кредитных организаций на банки с универсальной лицензией и банки с базовой лицензией. Тип лицензии устанавливается с 1 января 2018 года в зависимости от уставного капитала банка.

Банкам с универсальной лицензией установлен минимальный уставный капитал в размере 1 млрд. руб., и они могут предоставлять полный спектр банковских услуг. В соответствии с законом, создавать филиалы и иметь дочерние организации на территории иностранного государства смогут с разрешения ЦБ только банки с универсальной лицензией. Также они будут иметь право открывать представительства после уведомления Центробанка.

Минимальный уставный капитал банков с базовой лицензией установлен в размере от 300 млн. рублей и будут специализироваться на кредитовании малого и среднего бизнеса в регионах. Они смогут открывать вклады для физических и юридических лиц, предоставлять им кредиты, осуществлять переводы и куплю-продажу иностранной валюты. При этом они будут не вправе осуществлять ряд банковских операций с иностранными юридическими и физическими лицами.

Цель такого разделения со стороны Центрального банка – создание регулятивного баланса для банков с разными объемами и характером операций². На 01.01.2018 года по статистике ЦБР 205 банка с капиталом от 300 млн. руб. до 1 млрд. руб. и 299 банков – с капиталом свыше 1 млрд. руб. Уровень регулятивной нагрузки представлена на рисунке.

2. Инструкции Банка России «Об обязательных нормативах»:

– Инструкция Банка России от 28 июня 2017 г. N 180-И «Об обязательных нормативах банков» (с изменениями и дополнениями)

– Инструкция Банка России от 6 декабря 2017 г. № 183-И «Об обязательных нормативах банков с базовой лицензией»

3. Указания Банка России от 3 апреля 2017 года N 4336-У «Об оценке экономического положения банков»

Согласно данным Указаниям, оценка экономического положения банков осуществляется по результатам оценок:

- капитала;
- активов;
- доходности;
- ликвидности;
- процентного риска;
- риска концентрации;
- обязательных нормативов качества управления;
- прозрачности структуры собственности банка.

4. Указание Банка России от 11 июня 2014 года № 3277-У «О методиках оценки финансовой устойчивости банка в целях признания ее достаточной для участия в системе страхования вкладов» (с изменениями на 26 декабря 2017 года)

Суть методики состоит в том, что в составе каждой группы рассчитываются отдельные показатели, в результате расчета составляется рейтинговая оценка, которая учитывает вес каждого показателя и его соответствие нормативным значениям. Здесь необходимо рассчитать 30 показателей по формулам, представленным в нормативном документе, а также около пяти обобщающих оценок. Финансовая устойчивость банка признается достаточной для признания банка соответствующим условиям участия в системе страхования вкладов при наличии результата «удовлетворительно» по всем группам показателей, указанных выше.

Недостатки этой методики заключаются в том, что отсутствуют расчеты прогнозных показателей, то есть оценка статична. Считаем, что в данной методике громоздкие расчеты показателей.

Таким образом, анализ финансовой устойчивости банка дает возможность своевременно определить перспективу ухудшения финансовой устойчивости, проанализировать причины возникновения такой ситуации и принять необходимые меры для ее предотвращения.

Основной источник информации при анализе и оценке финансовой устойчивости – баланс банка. При помощи анализа балансовых данных аналитик может сделать выводы о сбалансированности пассивных и активных операций, о вы-

1 Федеральный закон от 02.12.1990 № 395-1 (ред. от 31.12.2017) «О банках и банковской деятельности» (с изм. и доп., вступ. в силу с 28.01.2018)

2 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.cbr.ru/Press/press_centre/events/02062017.pdf

полнении нормативов деятельности банка, о реализации поставленных целей, показателях доходности операций.

Этапы анализа финансовой устойчивости банка:

1 этап. Оценка финансового положения банка, рассматривая его капитал, ликвидность, доходность

На данном этапе финансовый аналитик определяет финансовую устойчивость банка. Исходя из полученных результатов, он решает, как действовать дальше. Если серьезных проблем в финансовой деятельности банка не наблюдается, то целесообразно проводить дальнейший анализ, чтобы определить тенденции развития. Если же выявились проблемы в области финансовой устойчивости, то финансовому аналитику необходимо определить причины проблемы и найти решения проблемы³.

2 этап. Анализ факторов, которые влияют на финансовую устойчивость

При выявлении проблем в области финансовой устойчивости аналитикам необходимо определить основные факторы, которые привели к этой ситуации, проанализировать их воздействие и разработать рекомендации для банковской политики, чтобы предотвратить нежелательные последствия.

Виды факторов:

1. Макроэкономические (экономическая и политическая ситуация в стране, эффективность государственного управления, возможность привлечения инвесторов, результативность сегментов финансового рынка и их развитие).

2. Микроэкономические (качество управления финансовой деятельностью банка, достаточность собственного капитала, качество, устойчивость ресурсной банковской базы, зависимость от источников заимствования, сбалансированность активов и пассивов, рискованность, доходность, структура и расширение активов)

3 этап. Анализ активов и пассивов банка

Банку необходимо сформировать такую структуру баланса, когда активы, не теряя свою стоимость, могут преобразовываться в денежные средства вместе с востребованием пассивов, чтобы обеспечить ликвидность. Существует горизонтальный и вертикальный анализ балансовых сведений. Горизонтальный анализ основан на определении развития удельных весов определенных групп активов и пассивов.

Вертикальный анализ дает показания об источниках средств по пассиву и о направлениях размещения средств по активу.

Сопоставление информации, полученных при оценке пассивов и активов, позволяет найти взаимосвязь между источниками ресурсов и их размещением, а также определить существующий или возможный недостаток в активно-пассивной политике банка и разработать меры по предотвращению отрицательных результатов для ликвидности и платежеспособности банка.

4 этап. Расчет показателей финансовой устойчивости и их анализ

Расчет коэффициентов позволяет найти количественную связь между различными статьями баланса; соответственно, должны также применяться методы группировки и сравнения.

Коэффициенты, рассчитываемые в процессе финансового анализа, делятся на две группы:

– нормативы, обязательные для исполнения всеми банками, устанавливаемые Центральным Банком;

– оценочные коэффициенты, разработанные специализированными компаниями, которые занимаются вопросами анализа деятельности банков, а также аналитической службой банка.

Ввиду ограниченности информации, получаемой из расчетов каждого коэффициента, для целостного анализа финансовой устойчивости необходимо использовать совокупность

таких коэффициентов⁴. Поэтому расчет коэффициентов должен организовываться с установленной периодичностью.

5 этап. Разработка рекомендаций для будущего управления финансовой устойчивостью

На этом этапе аналитику необходимо сделать выводы о проделанной работе: подготовить отчеты о сильных и слабых сторонах финансовой деятельности банка, о структуре и балансе активов и пассивов, о показателях ликвидности и платежеспособности, разработать советы и рекомендации для успешного управления финансовой устойчивостью и составить прогноз развития банка.

Пристатейный библиографический список

1. Федеральный закон от 02.12.1990 № 395-1 «О банках и банковской деятельности». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>
2. Развитие пропорционального регулирования банковского сектора в Российской Федерации – Федеральный закон от 01.05.2017 № 92-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.cbr.ru/Press/press_centre/events/02062017.pdf (дата обращения 20 апреля 2018г)
3. Указание Банка России от 3 апреля 2017 г. № 4336-У «Об оценке экономического положения банков». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>
4. Указание Банка России от 11 июня 2014 года № 3277-У «О методиках оценки финансовой устойчивости банка в целях признания ее достаточной для участия в системе страхования вкладов» (с изменениями на 26 декабря 2017 года). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru> (дата обращения 20 апреля 2018г)
5. Инструкция Банка России от 28 июня 2017 г. № 180-И «Об обязательных нормативах банков» (с изменениями и дополнениями). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru> (дата обращения 20 апреля 2018г)
6. Инструкция Банка России от 6 декабря 2017 г. № 183-И «Об обязательных нормативах банков с базовой лицензией». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru> (дата обращения 20 апреля 2018г)
7. Оценка финансовой устойчивости кредитной организации. Учебник: О. И. Лаврушин под ред., И. Д. Мамонова под ред. – М.: КноРус, 2018. – 304 с
8. Рахматуллина Ю. А. Уровень конкурентоспособности кредитных организаций с применением аппарата векторной оптимизации и теории нечетких множеств // Экономика и предпринимательство. – М.: Редакция журнала «Экономика и предпринимательство», 2017. – № 4. – С. 529-531.
9. Рахматуллина Ю. А., Машкова А. М. Оценка кредитного риска с использованием дискриминантного анализа // Экономика и предпринимательство. – М.: Редакция журнала «Экономика и предпринимательство», 2018. – № 1. – С. 533-535.

3 Рахматуллина Ю. А., Машкова А. М. Оценка кредитного риска с использованием дискриминантного анализа // Экономика и предпринимательство. – М.: Редакция журнала «Экономика и предпринимательство», 2018. - № 1. – С. 534.

4 Рахматуллина Ю. А. Уровень конкурентоспособности кредитных организаций с применением аппарата векторной оптимизации и теории нечетких множеств // Экономика и предпринимательство. – М.: Редакция журнала «Экономика и предпринимательство», 2017. – № 4. – С. 529-531.

СОРОКИНА Оксана Геннадьевна

кандидат экономических наук, доцент филиала Московского университета им. С. Ю. Витте в г. Ростове-на-Дону

ФОРМИРОВАНИЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНО-ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ КРУПНЫХ КОРПОРАЦИЙ

В статье рассмотрены тенденции формирования интеллектуально-информационных технологий крупными корпорациями. Проанализированы особенности внедрения роботизации как инструмента автоматизации промышленного производства и применения облачных технологий для увеличения эффективности системы управления. Перечислены другие информационные корпоративные системы, внедрение которых способно привести к увеличению конкурентоспособности бизнеса за счет более эффективного взаимодействия с поставщиками, клиентами и партнерами.

Ключевые слова: интеллектуально-информационные технологии; корпорации; система управления; роботизация; автоматизация производства; автоматизация процессов; облачные вычисления.

SOROKINA Oksana Gennadjevna

Ph.D. in Economics, associate professor of the branch of the S. Yu. Witte Moscow University in Rostov-on-Don

Сорокина О. Г.

FORMATION OF INTELLECTUAL-INFORMATION TECHNOLOGIES OF LARGE CORPORATIONS

In the article the tendencies of formation of intellectual-information technologies by large corporations are considered. The peculiarities of the introduction of robotization as an instrument for automation of industrial production and application of cloud technologies for increasing the efficiency of the management system are analyzed. Other corporate information systems are listed, the implementation of which can lead to an increase in the competitiveness of the business through more effective interaction with suppliers, customers and partners.

Keywords: intellectual-information technologies; corporations; control system; robotics; automation of production; automation of processes; cloud computing.

Возрастающая роль производителей наукоемкой продукции в экономике развитых стран повышает значение эффективного управления и привлекает еще большее внимание к интегрированным системам управления предприятием. Основной задачей менеджмента выступает разработка управленческих решений, их принятие и мониторинг результатов в автоматическом режиме, что позволяет оптимизировать, найти другую альтернативу и устранить недостатки старых решений. В конечном итоге, формирование интеллектуально-информационных технологий крупных корпораций является актуальной темой научного исследования, в частности, для отечественного пространства, крупнейший бизнес которого ориентируется на международные рынки товаров и услуг, а значит, требует применение инструментов, способных повысить конкурентоспособность их предпринимательской деятельности.

Необходимо, чтобы системы интеллектуально-информационных технологий:

– имели финансовые подсистемы с очень большими возможностями;

– отслеживали взаимодействие производства, поставщиков, партнеров и потребителей, работающих автономно предприятий, или в составе корпорации, в виде географически распределенного предприятия, или временного объединения предприятий, работающих над единым проектом и т.п.

Развитие интеллектуально-информационных технологий считается одним из ключевых факторов стремительного развития мировой экономики, где производители данной продукции получили преимуществовую оценку от инвесторов и акционеров, чем классические сферы производства промышленной продукции и т.д.

Не малую роль в развитии же традиционных сфер производства играет процесс автоматизации за счет использования промышленных роботов, которые исключают привлечение большего числа специалистов. Более того, меньшую роль занимают такие функции менеджмента, как контроль и мотивация, ведь число управляющих среднего звена уменьшается из-за отсутствия по-

требности в случае работы высокоспециализированных рабочих, которые взаимодействуют с автоматизированными роботами.

Например, в книге Мартина Форда «Подъем роботов: технологии и перспективы безработного будущего» поднимается вопрос о том, что чрезмерные темпы роботизации автомобильной и других секторов промышленности США приведут к тому, что будут потеряны миллионы рабочих мест, а уровень безработицы достигнет критического уровня. Несмотря на это, в 2017 году, количество промышленных роботов составляет почти 300 000 единиц, треть из них используют автомобильные компании, а венчурные инвестиции должны составить около 340 млрд. долларов². При этом, наблюдается падение уровня безработицы упал до 4,3 %, а количество рабочих мест ежемесячно увеличивается на 150 000 единиц. В результате, роботизация автомобильной промышленности США не приводит к потере рабочих мест, более того, согласно прогнозам группы BCG к 2025 году производительность труда увеличится на 30 %, а издержки на рабочую силу – 18 %. При этом, руководители компаний, которые проводят модернизацию своих мощностей, ожидают в 87 % случаях увеличения производства, и в 80 % - снижение издержек³.

Положительные эффекты роботизации производства можно наблюдать в любой стране мира, но, наиболее эффективными процессы внедрения инновационных технологий наблюдаются в странах с высокой стоимостью рабочей силы. Рассматривая перспективы российского рынка, стоит отметить, что существуют отрицательные риски в виде отсутствия окупаемости инвестиций при вложении в промышленных роботов. Ключевая задача роботизации – это повышение уровня производительности труда и снижение издержек на рабочую силу. Но, учитывая стоимость работников на заводах России, и, если сравнить их со специалистами заводов США и Японии, мы обнаружим разницу в оплате труда в разы, а то и десятки раз. Кроме того, стоит не забывать о капитальных инвестициях. Как правило, промышленные роботы

1 Бабаева Е. С. Информационные технологии в системе управления крупными производственными корпорациями // Вестник ВУиТ. – 2011. – № 18.

2 PwC Report The new hire: How a new generation of robots is transforming manufacturing. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pwc.com/us/en/industrial-products/assets/industrial-robot-trends-in-manufacturing-report.pdf> (дата обращения 16.04.2018).

3 Толкачев С. А., Кулаков А. Д. Роботизация как направление неиндустриализации (на примере США) // Мир новой экономики. 2016. № 2.

имеют иностранное производство или комплектующие импортного характера. Учитывая перспективы валютного рынка России, введение роботизации имеет потенциальный риск быть экономически нецелесообразным из-за высоких капитальных затрат при девальвации рубля.

Рассматривая перспективы мирового рынка робототехники, стоит отметить, что наибольшие ожидания исходят со стороны рынка Китая, который является второй крупнейшей экономикой мира, но, его доля от мирового рынка роботов составляет 13 %. Во-первых, доля рынка робототехники в Китае выросла с 36 000 единиц (2013 год) до 100 000 единиц (2017 год). В среднем, на 10 000 рабочих приходится около 40 единиц роботов, что выше, чем в России в десятки раз, но, по сравнению с Японией, Китай уступает в 9 раз⁴.

Исходя из этого, можно подвести итоги, что внедрение роботизации на производстве промышленных предприятий несет положительные изменения, среди которых, снижение издержек на рабочую силу, рост производительности труда, рост объема производства, рост выручки и уровня прибыли компании. Кроме того, роботизация – положительный процесс и для национальной экономики многих стран мира. Примером служат не только США и Япония, но и Южная Корея, Китай и Индия, у которых рост промышленности ускоряется пропорционально с ростом количества промышленных роботов. Таким образом, роботизация приводит к кардинальным изменениям мировой экономики, которая в будущем станет более эффективной, менее трудоемкой, и более производственной.

Помимо роботизированных систем, все большую популярность обретают другие интеллектуально-информационные технологии – облачных вычислений, которые хоть и были придуманы в далеких 1960-х гг., но получили популярность в глазах потребителей лишь в последнее десятилетие.

Облачные технологии – это удобная среда для хранения и обработки информации, объединяющая в себе аппаратные средства, лицензионное программное обеспечение, каналы связи, а также техническую поддержку пользователей. Работа в «облаках» направлена на снижение расходов и повышение эффективности работы предприятий⁵.

Особенностью облачных технологий является не привязанность к аппаратной платформе и географической территории, а возможность быть глобально масштабной. Клиент может работать с облачными сервисами с любой точки планеты и с любого устройства, имеющего доступ в Интернет, а также оперативно реагировать на изменяющиеся бизнес-задачи предприятия и потребности рынка.

На сегодняшний день, все большее количество крупных корпораций начинают использовать облачные технологии для усовершенствования своих услуг и бизнес-процессов. С помощью их наличия, идет минимизация затрат на копирование материалов, данных и их хранение. При этом, ускоряется процесс коммуникаций между различными отделами компании, что позволяет достигать более быстрого процесса операционного цикла. Помимо этого, облачные технологии позволяют получить следующие преимущества в организационной структуре крупных корпораций:

- облегчать процесса стратегического планирования и управления;

- упрощает процесс контроля за ключевыми показателями эффективности;

- снижает барьер коммуникаций и обмена информации между различными подразделениями группы;

- устраняет необходимость отдельных подразделений по хранению архивов и данных коммерческой информации корпорации.

Помимо облачных технологий, роботизации производства и т.д., важными инструментами интеллектуально-информационных технологий выступают следующие направления:

- система ERP – идет процесс автоматизации планирования ресурсов компании. С ее помощью, корпорация полностью обеспечивает свои внутренние потребности в плане управления и автоматизации производственной, коммерческой и финансовой деятельности;

- система SCM – идет процесс управления цепочками поставок, а также автоматизация таких задач, как закупка сырья и комплектующих, управление запасами и сбыт товаров;

- система CRM – прикладное программное обеспечение для организаций, предназначенное для автоматизации стратегий взаимодействия с заказчиками (клиентами), в частности, для повышения уровня продаж, оптимизации маркетинга и улучшения обслуживания клиентов путем сохранения информации о клиентах и истории взаимоотношений с ними, установления и улучшения бизнес-процессов и последующего анализа результатов.

Во время формирования интеллектуально-информационных технологий крупных корпораций, могут возникать проблемы различного характера, которые приводят к низкой эффективности реализации инструмента, потери финансовых, трудовых и информационных ресурсов, а также к срыву реализации инвестиционных проектов. В связи с этим, необходимы следующие принципы, по которым должны формироваться интеллектуально-информационные технологии, как инструмент автоматизации бизнес-процессов компании:

- руководство компании обязано осознавать необходимость внедрения технологий и понимание основ их построения;

- руководство компании обязано быть готовым к четкой организации проекта исследования предприятия и внедрения на нем интеллектуально-информационных технологий;

- руководство компании обязано быть готовым к привлечению квалифицированных сотрудников, целью которых выступает помощь внешним специалистам, внедряющих технологии;

- компания обязана быть готовым к внедрению и проведению неизбежных изменений в корпоративной системе управления, организационной структуре и бизнес-модели.

Подводя итог, можно сделать вывод, что информационные технологии в сфере бизнеса получают все большее распространение, растет количество компаний, заинтересованных в создании собственных интернет-представительств, сервисов и ресурсов в глобальной сети. Никто не может игнорировать новые технологии, широко распространяющиеся в нашей жизни, не говоря уже о той непосредственной выгоде, которую из них могут извлекать потребители уже сегодня.

По этой причине, формирование интеллектуально-информационных технологий является стратегической прерогативой крупных корпораций, конкурентоспособность которых на международном рынке зависит от тенденций и их соблюдения, а также от эффективности самого процесса автоматизации производства, сбыта и системы управления.

Пристатейный библиографический список

1. Бабаева Е. С. Информационные технологии в системе управления крупными производственными корпорациями // Вестник ВУиТ. 2011. № 18.
 2. Комков Н. И., Бондарева Н. Н. Перспективы и условия развития робототехники в России // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2016. № 2 (26).
 3. Полторацкая Т. Б., Жилкина О. В. Информационные технологии и современный менеджмент компаний // Экономика и экологический менеджмент. 2013. № 3.
 4. Путькина Л. В. Роль информационных систем и технологий в управлении предприятиями сферы услуг. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://naukarastudent.ru/29/3463/> (дата обращения 16.04.2018).
 5. Толкачев С. А., Кулаков А. Д. Роботизация как направление неиндустриализации (на примере США) // Мир новой экономики. 2016. № 2.
 6. Шавшива С. А., Омарова И. Г. Опыт внедрения корпоративных информационных систем на российских предприятиях // Экономика и экологический менеджмент. – 2015. – № 11-1.
 7. Efsol. Облачные технологии. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://efsol.ru/technology/cloud-technology.html> (дата обращения 16.04.2018).
 8. PwC Report The new hire: How a new generation of robots is transforming manufacturing. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pwc.com/us/en/industrial-products/assets/industrial-robot-trends-in-manufacturing-report.pdf> (дата обращения 16.04.2018).
- 4 Комков Н. И., Бондарева Н. Н. Перспективы и условия развития робототехники в России // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2016. № 2 (26).
- 5 Efsol. Облачные технологии. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://efsol.ru/technology/cloud-technology.html> (дата обращения 16.04.2018).

ШАПОВАЛОВА Мария Андреевна

кандидат технических наук, доцент кафедры управления транспортными системами Государственного университета морского и речного флота им. адмирала С. О. Макарова

ЭГЛИТ Ян Янович

кандидат экономических наук, доктор технических наук, заведующий кафедрой управления транспортными системами Государственного университета морского и речного флота им. адмирала С. О. Макарова

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО ИНФОРМИРОВАНИЯ НА МОРСКОМ ТРАНСПОРТЕ

В статье представлена схема предварительного информирования таможенных органов о товарах, ввозимых морским транспортом. Рассмотрены актуальные эксперименты на базе предварительного информирования для ускорения совершения таможенных процедур на примере деятельности Кронштадтского таможенного поста.

Ключевые слова: морской транспорт, предварительное информирование, должностные лица, статистика, перевозчик, судно.

SHAPOVALOVA Mariya Andreevna

Ph.D. in technical sciences, associate professor of Transport systems management sub-faculty of the admiral S. O. Makarov State University of Maritime and River Fleet

EGLIT Yan Yanovich

Ph.D. in Economics, Ph.D. in technical sciences, Head of Transport systems management sub-faculty of the admiral S. O. Makarov State University of Maritime and River Fleet

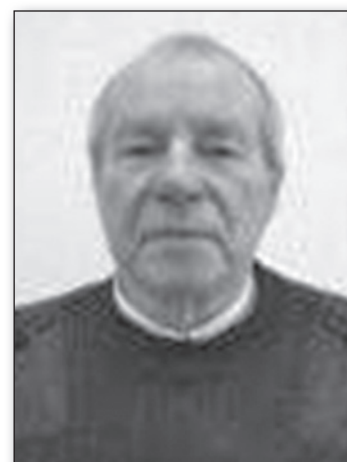
TOPICAL ISSUES OF PRELIMINARY INFORMATION ON MARITIME TRANSPORT

The article presents an algorithm for preliminary informing customs about goods imported by sea. In addition, actual experiments based on preliminary information for accelerating the commission of customs procedures on the example of the activities of the Kronstadt customs post were considered.

Keywords: sea transport, preliminary informing, office bearers, statistics, maritime carrier, sea craft.

Шапвалова М. А.

Эглит Я. Я.

За последнее время существенно изменен подход к применению информационных технологий таможенных органов, в том числе и в области предварительного информирования при перемещении товаров на морском транспорте. Актуальность исследования обосновывается тем, что в период глобальной модернизации электронной таможни институт предварительного информирования применяется в обязательном порядке на всех видах транспорта кроме морского (за исключением свободного порта Владивосток). Однако, с 1 октября 2018 года участникам внешнеэкономической деятельности (далее – ВЭД), планирующим перемещение товаров через таможенную границу ЕАЭС морским (речным) видом транспорта, необходимо заблаговременно подать в таможенный орган предварительную информацию о ввозимых товарах.

Суть технологии предварительного информирования заключается в предоставлении заинтересованным лицом и перевозчиком документов и сведений в электронном виде с целью последующего ознакомления таможенными органами до фактического прибытия товаров. Реализация данной технологии дает возможность должностному лицу таможенного поста заранее выбрать форму таможенного контроля, а также выполнить значительную часть таможенных операций до момента фактического прибытия судна. В противном случае, при прибытии на таможенную территорию ЕАЭС товаров, по которым не была подана предварительная информация, товары необходимо заявить

таможенному органу и только потом определяется форма таможенного контроля и выполняются необходимые таможенные операции. Сокращение временного интервала при использовании данной технологии очевидно, выпуск товаров ускоряется, а срок нахождения товаров в морском порту заметно сокращается.

В таможенном органе совершение таможенных операций и таможенного контроля на основе предварительной информации происходит в двух программных средствах, которые ведутся параллельно – КПС «Морской пункт пропуска» и КПС «Портал взаимодействия государственных контрольных органов и заинтересованных лиц в процессе оформления товаров и транспортных средств в морских пунктах пропуска», иными словами «Портал Морской порт» (далее - КПС «ПМП» или Портал). (Рис. 1)

Предварительная информация делится на два вида – предварительная информация о товарных партиях (далее - ПИТ) и пакет документов на судно (далее - ПДС), который, в свою очередь, может быть, как предварительным, так и окончательным. ПИТ представляется заинтересованным лицом (получателем товара, декларантом, экспедитором) и влечет за собой следующие этапы:

1. Формирование и подача предварительной информации о товарной партии участником ВЭД, а в случае, когда перевозимые товары попадают под иные виды контроля – соответствующих разрешительных документов.

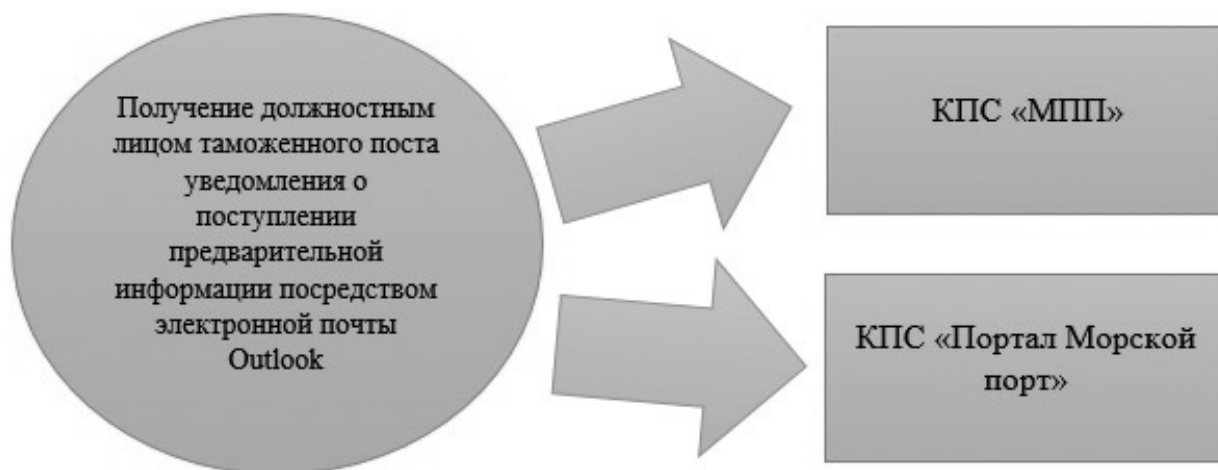

Рисунок 1. Работа таможенных органов в комплексах программных средств при поступлении предварительной информации

2. Получение уникального идентификационного номера (далее - УИН ПИТ).

3. Передача уникального номера перевозчику (либо его представителю), который также представляет таможенным органам ПДС. Совершение данного действия можно осуществить при помощи электронной почты, службы мгновенных сообщений (СМС), факсимильной связи, почтовой и пр.

При создании ПИТ участник ВЭД может вручную ввести сведения, необходимые для таможенных целей, а может подать расширенную ПИТ в объеме ДТ. Во втором случае также возможны два варианта:

1. Если ДТ уже зарегистрирована, заинтересованному лицу нужно лишь ввести номер ДТ для синхронизации данных.

2. Указать необходимые сведения для ДТ.

Для осуществления предварительного информирования таможенных органов, заинтересованное лицо может воспользоваться:

- Информационной системой ФТС России (личный кабинет участника ВЭД);
- Коммерческими программными средствами информационных операторов.

Подача ПДС также состоит из следующих этапов:

1. Формирование перевозчиком электронного пакета документов на судно (ПДС) и отправка в информационную систему таможенных органов.

2. Привязка полученных УИН ПИТ к коносаментам, входящих в состав ПДС (Рис. 2).

Таким образом, после подачи ПИТ заинтересованным лицом, Центральным информационно-техническим таможенным управлением (ЦИТТУ) присваивается уникальный идентификационный номер, который передается любым удобным способом перевозчику. Перевозчик (линия, судовый агент), в свою очередь, при подаче ПДС указывает полученный номер в коносаментах и после проведения автоматического форматно-логического контроля (ФЛК) и подписания электронной цифровой подписью (ЭЦП) направляет пакет в таможенный орган.

Требуется внимания тот факт, что привязка ПИТ к коносаменту происходит в ручном режиме и на обработку и подачу ПИ на судно, которое перевозит, например, 1000 контейнеров, судовый агент потратит на это около 14 часов непрерывной работы.

Для целей успешной реализации концепции предварительного информирования на базе Кронштадтского таможен-

ного поста Балтийской таможни реализовываются три эксперимента.

1. Выпуск товаров до выгрузки (только в Кронштадтском таможенном посту).

Для осуществления выпуска товара до его выгрузки необходимо соблюдение сразу нескольких условий:

- Подача предварительной декларации на товары (ПДТ);
- Участником ВЭД предоставлена в таможенный орган ПИТ;
- Привязка ПИТ к ПДС перевозчиком через КПС «Портал Морской порт»;
- Отсутствие рисков, требующих фактического таможенного контроля в отношении ввозимых товаров;
- Ввозимый товар не должен подпадать под иные виды контроля. (за исключением СКК).

По состоянию на 31 декабря 2017 года в рамках эксперимента «Выпуск до выгрузки» на базе Кронштадтского таможенного поста совершены таможенные операции в отношении 365 товарных партий с участием 12 участников ВЭД, однако эксперимент признан состоявшимся в отношении 329 партий. А по состоянию на 01 апреля 2018 года совершены операции в рамках эксперимента по 173 товарным партиям с участием 8 привлеченных участников и фактически выпуск до окончания выгрузки произведен в отношении 173 (Рис. 3). Следует отметить, что данный показатель характеризует лишь первые 3 месяца нынешнего года. Учитывая, что если за 2017 год в месяц совершено таможенных операций в рамках рассматриваемого эксперимента в отношении 27 товарных партий, то за 1 месяц 2018 года на базе эксперимента «Выпуск до выгрузки» таможенные органы выпустили примерно 57 товарных партий, что более чем в 2 раза превышает показатель прошлого года. Такая динамика говорит о повышении вовлеченности участников ВЭД к участию в данном эксперименте.

Среднее время выпуска с момента подтверждения таможенным органом прибытия товара составило до 50 минут, среднее время выпуска с момента подтверждения участником ВЭД прибытия товара составило 30 минут. Необходимо отметить, что участник ВЭД может подтверждать прибытие товара в течение продолжительного времени, что в свою очередь увеличивает время выпуска с момента подтверждения таможенным органом прибытия товара. При расчете среднего времени не учитывались те ДТ, в отношении которых были выявлены формы таможенного контроля в рамках применения системы управления рисками (СУР).

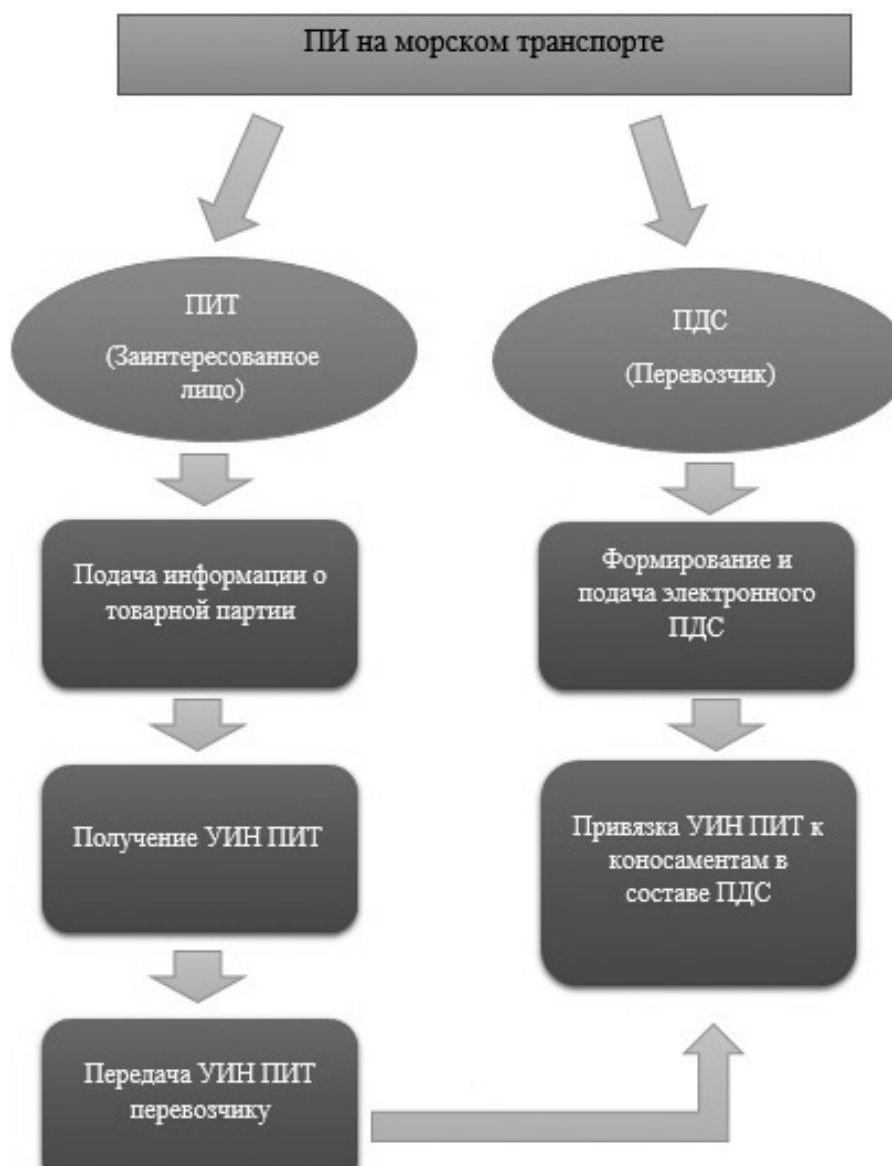

Рисунок 2. Алгоритм предварительного информирования на морском транспорте

2. Единая проверка в одном месте.

Так, при подаче ПИТ и обеспечении фактического контроля товаров в случае выявления необходимости досмотра, государственные контролирующие органы (далее – ГКО) действуют однократно. Реализация эксперимента стала возможным благодаря применению КПС «Портал Морской порт» всеми ГКО. Это дает преимущество участнику ВЭД доставлять контейнер на досмотровую площадку лишь единожды, что сокращает дополнительные денежные траты.

В результате участники ВЭД получили приличную экономию, ведь перемещение рефрижераторного контейнера в зону досмотра стоит от 140 до 230 долларов, день хранения в порту – 50-60 долларов, а сверхнормативное использование – от 100 до 450 долларов в сутки. Как уточнили специалисты, применение единого досмотра позволило сократить затраты грузополучателей минимум на 290 долларов.¹

3. Электронное судовое дело.

С 24 апреля 2017 года в Кронштадтском таможенном посту Балтийской таможни начал действовать эксперимент по электронному (безбумажному) взаимодействию таможенного

органа с ЗАО «Containerships» под названием «Электронное судовое дело». Совершение таможенных операций и таможенного контроля морских судов и товаров на прибытие в электронном виде осуществляется с помощью КПС «Портал Морской порт». Суть эксперимента заключается в подаче судовым агентом документов и сведений, перечень которых установлен ст. 89 ТК ЕАЭС исключительно в электронном виде по электронным каналам связи через Интернет. Такая информация должна быть заверена электронной подписью заинтересованного лица и корректно обработана во внешней подсистеме КПС «Портал Морской порт». В рамках реализации эксперимента подготовлен Порядок его осуществления, однако на данный момент он находится на стадии согласования.

Так, при поступлении в таможенный орган окончательного ПДС в Портале в автоматическом режиме проходит проверка наличия предварительного ПДС и при его наличии и условии, что сведения в коносаментах не изменились, принятые предварительные решения переносятся в окончательный. В журнале отчета приходов судов должностное лицо таможенного поста в соответствии с Приказом ФТС России от 19.07.2013 г. № 1349 «Об утверждении Инструкции о действиях должностных лиц таможенных логанов, совершающих таможенные операции и проводящих таможенный контроль

¹ Калинин Е. «КПС «Портал Морской порт»: от слов к делу» // Таможенные новости. 2017. № 11 (228). С. 5

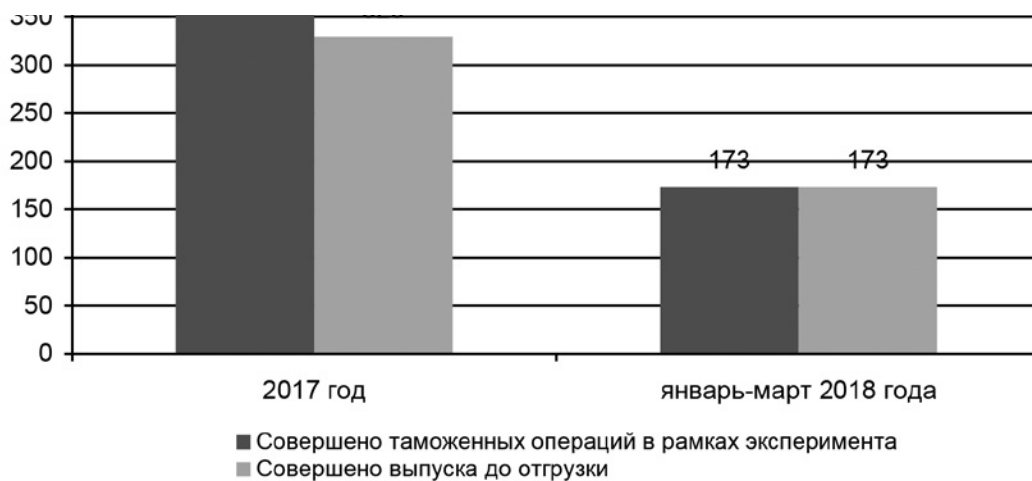

Рисунок 3. Реализация эксперимента «Выпуск до выгрузки» на базе Кронштадтского таможенного поста

в отношении судов, используемых в целях торгового мореплавания, а также товаров и транспортных средств, перемещаемых через таможенную границу Таможенного союза этими судами» формирует номер судового дела, на основе которого в автоматическом режиме в КПС «Портал Морской порт» создается электронное судовое дело.

С 24 апреля по 29 декабря 2017 года Кронштадтским таможенным постом было сформировано 145 электронных судовых дел, в то время как общее количество судовых дел прибытия составило 305. На период со 2 января по 15 марта 2018 года из 57 приходов судов было создано 52 электронного судового дела. Среднее время, затраченное на оформление прибытия судна составило 4 часа. Однако стоит отметить, что реализация формирования электронного судового дела осуществляется только на прибытие судна, а отход до сих пор оформляется в бумажном виде, хотя судоводная линия Containerships неоднократно заявляла о своей готовности участвовать в эксперименте на экспорт.

Как результат успешной реализации данных экспериментов можно наблюдать:

- оптимизацию и повышение эффективности процессов;
- сокращение временных и финансовых затрат участников ВЭД;
- снижение коррупционных рисков.

Таким образом, институт предварительного информирования имеет большое будущее на дальнейшую реализацию во взаимодействии таможенных органов и крупнейших компаний, занимающихся морскими перевозками, в связи с всемирной компьютеризацией и переходе на полное электронное декларирование. Это также облегчает работу представителей перевозчика в связи с возможностью удаленного представления документов и сведений в таможенный орган. Данная технология в будущем поможет полностью отказаться от фактического присутствия представителей судовых линий, полностью перейти к электронному декларированию, иными словами, когда все последовательные этапы взаимодействия между таможенными и иными государственно-контролирующими органами и участниками ВЭД будут происходить путем электронного обмена информацией в рамках развития механизма «Единого окна».

Пристатейный библиографический список

1. «Таможенный кодекс Евразийского экономического союза» (приложение № 1 к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза) [Электронный ресурс]. – Доступ из СПС «Консультант-Плюс».
2. Приказ ФТС России от 19.07.2013 г. №1349 «Об утверждении Инструкции о действиях должностных лиц таможенных логанов, совершающих таможенные операции и проводящих таможенный контроль в отношении судов, используемых в целях торгового мореплавания, а также товаров и транспортных средств, перемещаемых через таможенную границу Таможенного союза этими судами» [Электронный ресурс]. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
3. Приказ Балтийской таможни от 21.04.17 г. № 511 «Об утверждении порядка (технологии) совершения в электронном виде таможенных операций и проведения таможенного контроля в отношении судов на прибытие, используемых в целях торгового мореплавания, а также товаров и транспортных средств, перемещаемых этими судами (с применением комплекса программных средств «Портал Морской порт»)
4. Калинин Е. «КПС «Портал Морской порт»: от слов к делу» // Таможенные новости. 2017. № 11 (228).

ГАВРИЛОВА Нина Германовна

старший преподаватель кафедры финансов Российского государственного аграрного университета – МСХА имени К. А. Тимирязева

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ЭКОНОМИКИ НИГЕРИИ

В статье рассматриваются основные показатели развития экономики Нигерии после принятия плана Vision 20:2020, где среди поставленных целей было вступление страны к 2020 году в ряды стран «Большой двадцатки» (G-20). Отмечается, что в качестве стран-ориентиров Нигерия признает ЮАР и Индонезию. Проведено сравнение размеров и темпов роста ВВП и добавленной стоимости Нигерии, ЮАР и Индонезии, также приводится сравнение показателей ВВП в расчете на душу населения. Приводится сравнение некоторых иных показателей развития стран «большой двадцатки» и Нигерии, где Нигерия вполне сравнима с ними. Делается вывод о том, что Нигерии, прежде чем называться развитой страной и в соответствии с целями Vision 20:2020 войти в G-20, следует решить множество социальных (низкий уровень образования, здравоохранения, продовольственной безопасности) и экономических (неразвитость инфраструктуры бизнес-среды, зависимость экономики страны от нефти, высокий показатель коррупции и др.) проблем.

Ключевые слова: экономика Нигерии, Нигерия, Индонезия, ЮАР, Vision 20:2020, ВВП, добавленная стоимость, импорт, экспорт, мировой рейтинг.

GAVRILOVA Nina Germanovna

senior lecturer of Finance sub-faculty of the Russian State Agrarian University – K. A. Timiryazev Moscow State Agrarian Academy

CURRENT STATE OF ECONOMY OF NIGERIA

In article key indicators of development of economy of Nigeria after adoption of the plan of Vision 20:2020 where among goals there was an entry of the country by 2020 to ranks of the countries of "Group of Twenty" (G20) are considered. It is noted that Nigeria recognizes the Republic of South Africa and Indonesia as the countries-reference points. Comparison of the sizes and growth rates of GDP and value added of Nigeria, the Republic of South Africa and Indonesia is carried out, comparison of indicators of GDP is also given per capita. Comparison of some other indicators of development of the countries of "Group of Twenty" and Nigeria where Nigeria is quite comparable with them is given. The conclusion that Nigeria before being called the developed country and according to the purposes of Vision 20:2020 to enter into the G20, it is necessary to solve a set of social (low education level, health care, food security) and economic (backwardness of infrastructure of a business environment, dependence of national economy on oil, a high rate of corruption, etc.) problems is drawn.

Keywords: economy of Nigeria, Nigeria, Indonesia, Republic of South Africa, Vision 20:2020, GDP, value added, import, export, world ranking.

Федеративная Республика Нигерия – государство в Западной Африке площадью 923770 квадратных километров и населением по состоянию на 2017 год 193,8 млн. человек¹: по численности населения она занимает восьмое место в мире, пропустив вперед Китай, Индию, США, Индонезию, Бразилию, Пакистан и Бангладеш. Каждый седьмой житель Африки – нигериец. Страна граничит с Бенином, Нигером, Чадом, Камеруном.

В 2009 г. в Нигерии был принят экономический проект под названием «Vision 20:2020»², который предусматривал вступление страны к 2020 году в «Большую двадцатку» (G-20) стран. Планировалось, что страна встанет на путь устойчивого и быстрого социально-экономического развития. Первая цель, которая была поставлена на тот момент, заключалась в достижении к 2020 г. ВВП в 900 млрд. долл. США. Основными своими ориентирами Нигерия считает экономики Индонезии и Южной Африки.

На рис. 1 показано, как менялось значение ВВП Нигерии по годам.

В 2014 году в Нигерии наблюдался пик роста экономики, при котором ВВП обрел свое максимальное значение в истории развития страны (568,5 млрд. долл.), и страна была наиболее близка к своей цели, но после последовал обвал цен на нефть, на который экономика Нигерии, основанная на экспорте топливно-сырьевых товаров, отреагировала снижени-

ем важнейших экономических показателей развития, в т.ч. и ВВП. ВВП в 2015 г. (494,6 млрд. долл.) уменьшился почти на 23 % по сравнению с 2014 г., в 2016 г. (404,6 млрд. долл.) – на 29 %.

Необходимо отметить, что Нигерия поднялась в мировом рейтинге ВВП с 1995 г. с 57-го места до 27-го в 2016 г., сравнявшись с уровнем ВВП Ирана, Таиланда и Австрии³. Лучший результат был достигнут в 2014 г., когда страна заняла 22-е место.

ВВП Южной Африки в 2016 году составил 295,4 млрд. долл. (38-е место в мировом рейтинге ВВП), что на 37 % ниже аналогичного показателя Нигерии. ВВП Индонезии в 2016 году составил 932,3 млрд. долл. (16 место в мире), и был выше ВВП Нигерии в 2,3 раза.

Рассмотрим темпы роста экономики Нигерии и стран-ориентиров (рис. 3).

В Нигерии в 2016 г. рост показателя ВВП достиг отрицательных значений из-за падения цен на нефть. Наиболее стабильный показатель имеет Индонезия, рост ВВП которой совсем незначительно изменяется за проиллюстрированный период. Темп роста ВВП ЮАР ухудшается год от года и уже близок к нулевой отметке.

По последним данным, прирост ВВП Нигерии за 2017 г. составил 0,82 %⁴, что является улучшением по сравнению с сокращением -1,58 %, которое экономика зафиксировала в 2016 году в период рецессии.

Также в «Vision 20:2020» говорилось об увеличении индекса развития человеческого потенциала, это составной по-

1 Food and Agriculture Organization of the United Nations. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.fao.org> (дата обращения: 18.02.2018 г.).

2 Nigeria Vision 20:2020. Ministry of budget and national planning. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.nationalplanning.gov.ng> (дата обращения: 10.01.2018 г.).

3 The Global Economy. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.theglobaleconomy.com/> (дата обращения: 18.02.2018 г.).

4 National Bureau of Statistics of Nigeria. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.nigerianstat.gov.ng/> (дата обращения: 19.03.2018 г.).

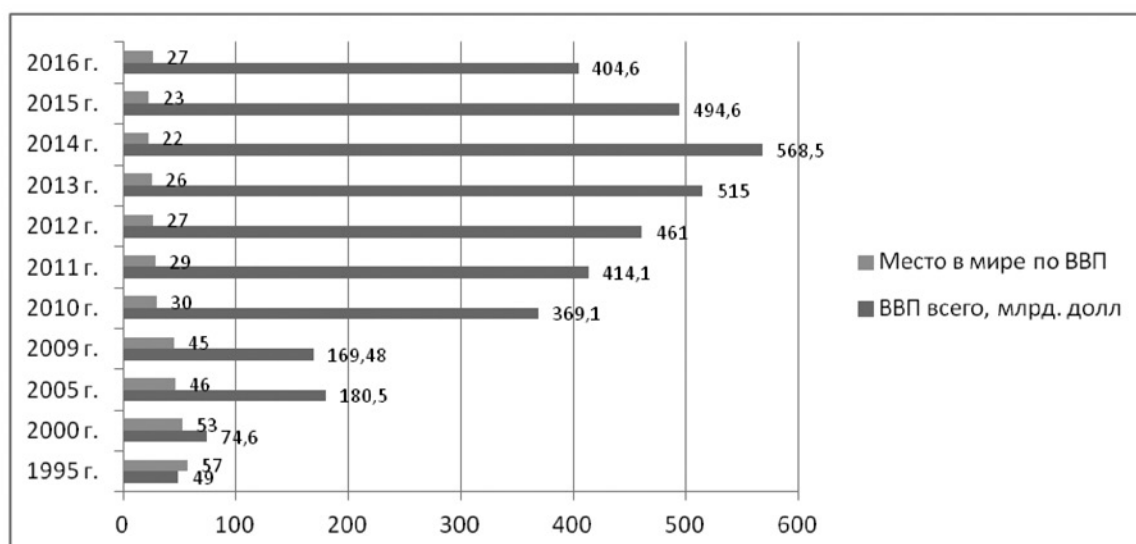

Рисунок 1. Динамика изменения ВВП Нигерии и места в мировом рейтинге ВВП

Составлено автором по данным источника: *The Global Economy*. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.theglobaleconomy.com> (дата обращения: 20.03.2018 г.).

казатель, который включает в себя оценку показателей дохода данному показателю Индию (139-е место) и приблизиться к

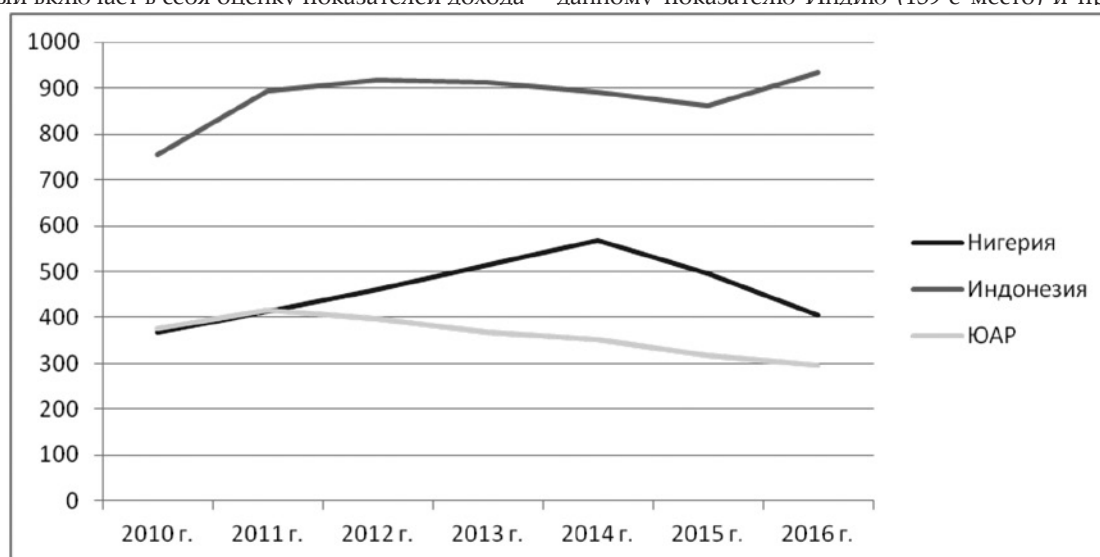

Рисунок 2. Динамика изменения ВВП Нигерии, Индонезии и ЮАР, млрд долл

Составлено автором по данным источника: *The World Bank*. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.worldbank.org/> (дата обращения: 20.03.2018 г.).

на душу населения и уровня образования, а также ожидаемой продолжительности жизни, которые используются для ранжирования стран на четырех уровнях человеческого развития⁵.

По показателю «ВВП в расчете на душу населения» Нигерия (2092 долл.)⁶ в 2016 г. занимала 132-е место в мире и находилась на уровне таких стран, как Вьетнам, Узбекистан, Никарагуа и Украина.

За период 1995–2016 гг. Нигерия сумела переместиться в мировом рейтинге по ВВП в расчете на душу населения практически на 40 пунктов, и опять же, наилучший результат страны наблюдался в 2014 г., когда Нигерия занимала 124 место в мире.

Несомненно, данный показатель еще очень далек от показателей большинства стран G-20 (например, США занимает в 2016 г. 8 место в рейтинге, Австралия – 12-е, Аргентина – 57-е, Китай – 73-е и т.д.), но все же Нигерии удалось обогнать по

Индонезии (114-е место).

На рисунке особенно заметно отставание Нигерии от стран-ориентиров по показателю ВВП на душу населения. Однако программой Vision 20:2020 поставлена цель увеличить ВВП на душу населения к 2020 г. до 4000 долл. в год, что представляется практически нереальным в свете проблем с ценами на нефть и быстро растущей численностью населения. И даже если показатель будет достигнут, он останется ниже уровня стран-ориентиров.

Ожидаемая продолжительность жизни увеличилась у мужчин с 47,7 лет в 2009 г. до 52,2 в 2016 г., женщин – с 51 лет в 2009 г. до 53,7 в 2016 г. Однако Нигерия по данному показателю значительно отстает от среднемировых значений (средняя продолжительность жизни мужчины в среднем по миру – 69,8 лет, женщины – 74 года).

Уровень грамотности среди взрослого населения Нигерии оценивается в 2016 г. на уровне 59,6%⁷, среди же стран G-20 минимальное значение показателя составляет 72,4% (Индия).

В общей сложности рост составного показателя ИРЧП с 2005 по 2015 гг. составил 13,1% (с 0,466 до 0,527 пунктов), а рей-

5 Nigeria Vision 20:2020. Ministry of budget and national planning. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.nationalplanning.gov.ng> (дата обращения: 10.01.2018 г.).

6 Макроэкономические исследования. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://be5.biz/makroekonomika> (дата обращения: 18.04.2018 г.).

7 United nations development programme. Human Development index. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://hdr.undp.org/en/data> (дата обращения: 18.04.2018 г.).

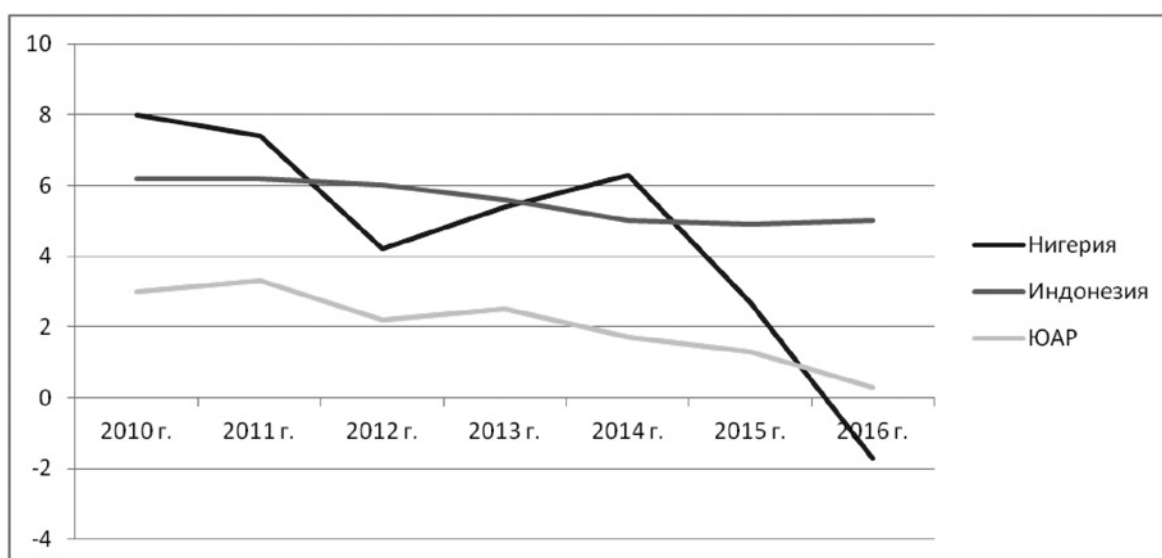

Рисунок 3. Динамика изменения темпа роста ВВП Нигерии, ЮАР и Индонезии

Составлено автором по данным источника: *The World Bank*. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.worldbank.org/> (дата обращения: 20.03.2018 г.).

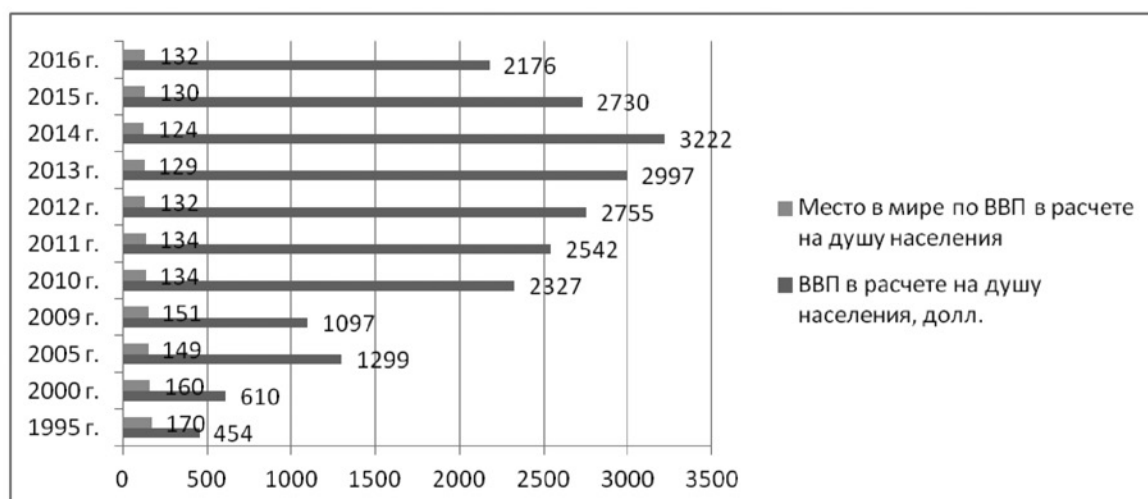

Рисунок 4. Динамика изменения и места в мировом рейтинге ВВП на душу населения в Нигерии

Составлено автором по данным источника: *The Global Economy*. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.theglobaleconomy.com> (дата обращения: 20.03.2018 г.).

тинг возрос со 153 места до всего лишь 152-го. Оценивая развитие человеческого потенциала, нельзя не сказать об индексе Джини, который измеряет неравенство доходов среди населения. В Нигерии индекс увеличился с 43,0 в 2009 г. до 48,8 в 2013 г., что является отрицательной тенденцией.

Третий элемент *Vision 20:2020* – стимулирование внутренней и внешней торговли с добавленной стоимостью.

Средний мировой показатель добавленной стоимости в 2016 г. составил 19,9 млрд. долл.; в Нигерии он (404,4 млрд. долл.) во много раз превосходит общемировое значение. Место Нигерии в мировом рейтинге величины добавленной стоимости – четвертое⁸. Нигерия по данному показателю занимает промежуточное значение между странами-ориентирами и опережает ЮАР.

Структура добавленной стоимости Нигерии изменилась с 2010 по 2016 г. (рис. 7).

Заметно снизилась доля промышленности, и за счет этого выросла добавленная стоимость услуг, транспорта, торговли и строительства, что отчасти являлось целью *Vision 20:2020* в части диверсификации экономики.

Сравнив основные экономические показатели Нигерии, ЮАР и Индонезии, и определив, что Нигерия занимает между этими странами «серединное» положение, считаем возможным проанализировать и другие показатели, характеризующие уровень развития стран (табл. 1).

По темпу роста ВВП Нигерия на 2% опережает Бразилию и на 0,6% – Аргентину. Надо сказать, что золотой запас Нигерии не изменялся с 2000-го года⁹, но по запасу золота позиция Нигерии выше позиции Канады на 19,7 тонн. По уровню безработицы Нигерия значительно обгоняет ЮАР (на 12,6%), по уровню инфляции – Аргентину (на 27,5%), по уровню государственного долга в % к ВВП Нигерия имеет значение, низшее по рассматриваемой группе, что означает низкий дефицит бюджета страны.

Рассматривая состояние экономики Нигерии, и делая вывод о том, что по некоторым экономическим показателям она вполне сравнима со странами «большой двадцатки», все же нельзя сказать, что Нигерия сможет стать полноценным членом экономического сообщества из-за показателей социального развития. Низкий уровень образования, здравоохранения

8 Макроэкономические исследования. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://be5.biz/makroekonomika> (дата обращения: 18.04.2018 г.).

9 World Gold Council. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.gold.org/data/gold-reserves> (дата обращения: 18.04.2018 г.).

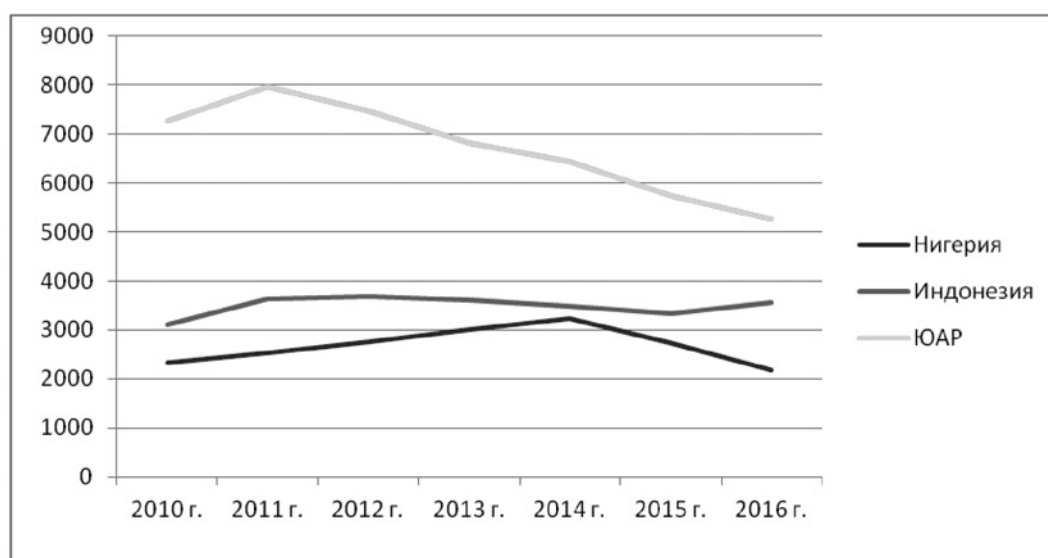

Рисунок 5. Динамика изменения ВВП на душу населения в Нигерии, Индонезии и ЮАР, млрд. долл.

Составлено автором по данным источника: The World Bank. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.worldbank.org/> (дата обращения: 20.03.2018 г.).

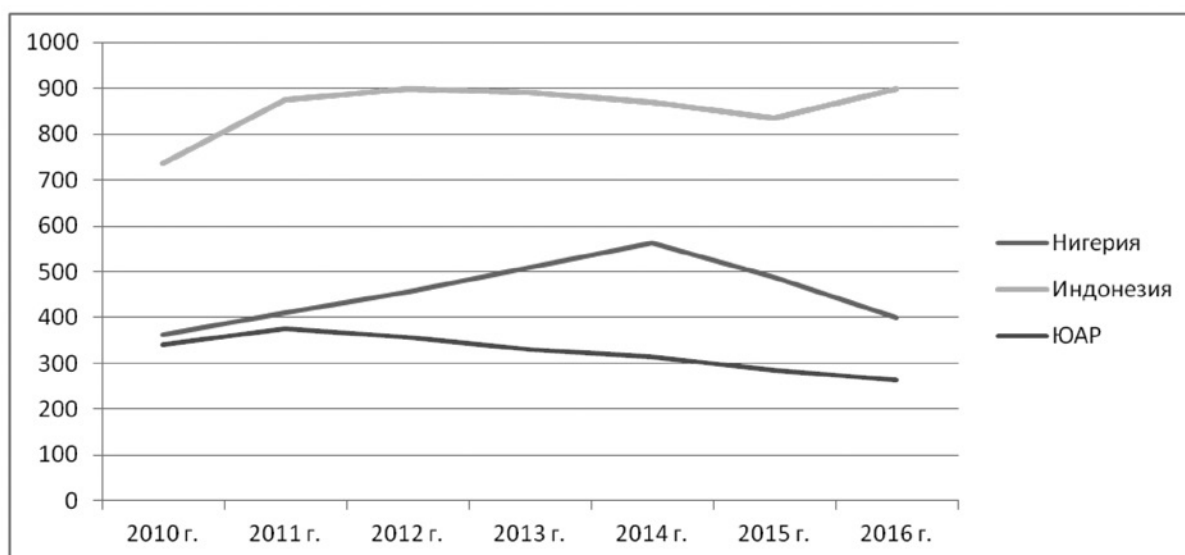

Рисунок 6. Динамика изменения добавленной стоимости Нигерии, Индонезии и ЮАР за 2010-2016 гг., млрд. долл.

Составлено автором по данным источника: The World Bank. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.worldbank.org/> (дата обращения: 20.03.2018 г.).

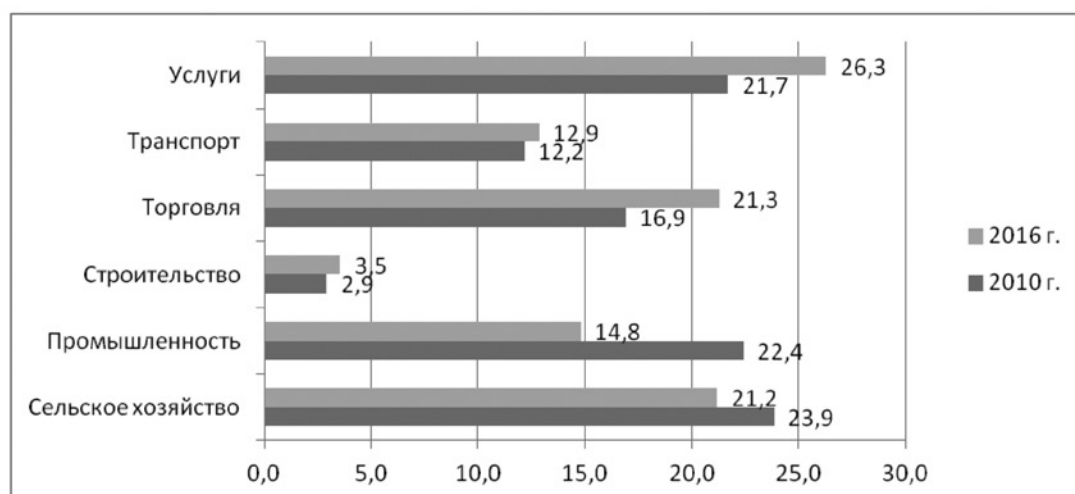

Рисунок 7. Сравнение структуры добавленной стоимости в 2010 г. и 2016 г., %

Составлено автором по данным источника: The World Bank. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.worldbank.org/> (дата обращения: 20.03.2018 г.).

Таблица 1. Сравнение экономических показателей стран G-20 с аналогичными показателями Нигерии за 2016 г.

Страны	Темпы роста ВВП, %	Запас золота, тонн	Уровень безработицы, %	Уровень инфляции, %	Государственный долг, % к ВВП
Австралия	2,8	79,8	5,8	1,4	46,1
Аргентина	-2,2	54,7	8	42,8	53,8
Бразилия	-3,6	33,6	12,6	8,4	75,4
Великобритания	1,8	310,3	5,1	0,5	92,2
Германия	1,9	3378,2	4,3	0,4	69
Индия	7,1	557,8	8,4	5,6	52,3
Индонезия	5	78,1	6,3	3,8	29,4
Италия	0,9	2451,8	11,4	-0,2	132,5
Канада	1,5	1,7	7,1	1,6	98,8
Китай	6,7	1823,3	4,2	2,3	20,1
Мексика	2,3	121,4	4,4	2,7	49,7
Саудовская Аравия	1,7	322,9	11,2	4,4	31
США	1,5	8133,5	4,7	1,3	73,8
Турция	3,2	474,4	9,8	8	32,7
Франция	1,2	2435,8	9,7	0,3	96,5
Южная Корея	2,8	104,4	4	0,8	46,1
ЮАР	0,3	125,3	26,8	6,5	43,3
Япония	1	765,2	3,2	-0,1	234,7
Нигерия	-1,6	21,4	14,2	15,3	13,2

Источники: составлено по данным: ereport.ru. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ereport.ru/stat.php?razdel=country> (дата обращения 05.12.2017); The World Bank. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.worldbank.org/> (дата обращения: 20.03.2018 г.); World Gold Council. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.gold.org/data/gold-reserves> (дата обращения: 18.04.2018 г.).

нения, продовольственной безопасности и многое другое не дает право Нигерии называться развитой страной.

Падение цен на нефть в 2016 году еще раз подчеркнуло необходимость для стран, зависимых от нефтяных доходов, таких как Нигерия, диверсифицировать свои источники экспортных поступлений, что является одной из целей программы Vision 20:2020 и других разработанных правительством Нигерии программ устойчивого развития экономики. Во всех программах делается упор на развитие аграрного сектора экономики, современное состояние которого оценивается как недостаточное для обеспечения продовольственной безопасности страны.

Нигерия в срочном порядке нуждается в инфраструктуре для создания глобальной конкурентной бизнес-среды, которая увеличит прямые иностранные инвестиции (ПИИ), особенно в аграрный и энергетический сектора. Нигерия занимает невысокие рейтинги в части развития инвестиционного климата, поэтому процесс привлечения инвесторов будет небыстрым. Опять же, играют существенную роль в развитии экономики страны и такие факторы, как политическая ситуация в стране, высокий показатель коррупции и отсутствие безопасности.

Таким образом, оценивая современное состояние экономики Нигерии в рамках программы «Vision 20:2020», можно сказать о том, что страна не сможет достичь поставленных целей к 2020 году и попасть в «двадцатку» лучших экономик мира.

Пристатейный библиографический список

1. Абрамова И. О. Мировая экономика в начале XXI века и ее «африканская» составляющая // Проблемы современной экономики. Санкт-Петербург. 2014. № 3. – С. 139-154.

2. Африка: современные стратегии экономического развития. – М.: Институт Африки РАН, 2016. – 432 с.
3. Дейч Т. Л. Региональная политика БРИКС в Африке. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://iorj.hse.ru/data/2016/10/04/1082348188/%D0%92%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%BD%D0%B8%D0%BA_2015_02_%D1%82%D0%B8%D0%BF%D0%BE%D0%B3%D1%80.pdf (дата обращения: 12.01.2017 г.).
4. Денисова Т. С. ЭКОВАС и проблемы регионального миротворчества (к 40-летию ЭКОВАС) // Азия и Африка сегодня. – 2015. – № 9 (698). – С. 37-43.
5. Морозенская Е. В. Включение Африки в глобальную экономику: третья попытка? // Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_04/978-5-02-025251-6/ (дата обращения: 20.12.2017 г.).
6. Нигерия. Справочник. Отв. ред. Т. С. Денисова, П. И. Куприянов. – М.: Институт Африки РАН, 2013. – 378 с.
7. Фитуни Л. Л. Африка в современной мировой системе товарной торговли // Проблемы современной экономики. – 2013. – № 3 (47).
8. Фитуни Л. Л., Абрамова И. О. Закономерности формирования и смены моделей мирового экономического развития // Мировая экономика и международные отношения. – 2012. – № 7 – С. 3-15.
9. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.m-economy.ru/art.php?nArtId=4656> (дата обращения: 09.12.2017 г.).

ГУЩИН Леонид Витальевич

магистрант Московского городского университета управления Правительства Москвы

ОРГАНИЗАЦИЯ КОНТРОЛЯ ЗА ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОГО И МУНИЦИПАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ

В статье рассматриваются особенности организации и осуществления контроля за деятельностью органов государственной власти и местного самоуправления в Российской Федерации. Рассмотрены полномочия основных субъектов контроля. Выделены проблемы осуществления контроля за функционированием государственных органов и муниципалитетов в отечественной экономике. Систематизированы основные методы контроля за деятельностью органов государственной власти и местного самоуправления, выделены ограничения их практического использования.

Ключевые слова: контроль, государственный контроль, местное самоуправление, нормативный контроль, Счетная палата, прокуратура, методы контроля.

GUSCHIN Leonid Vitaljevich

magister student of the Moscow City University of Management of the Government of Moscow

ORGANIZATION OF CONTROL OVER THE ACTIVITIES OF STATE AND MUNICIPAL AUTHORITIES

The article deals with the peculiarities of the organization and control over the activities of public authorities and local self-government in the Russian Federation. The powers of the main subjects of control are considered. The problems of control over the functioning of state bodies and municipalities in the domestic economy are highlighted. The main methods of control over the activities of state and local governments are systematized, restrictions of their practical use are highlighted.

Keywords: control, state control, local self-management, normative control, accounting chamber, Prosecutor's office, control methods.

Эффективность реализации функций и достижения задач органами государственной власти различного профиля и субъектами местного самоуправления непосредственно зависят от качества и оперативности контроля за их деятельностью. В наиболее общем виде такого рода контроль представляет собой оценку степени соответствия деятельности органов государственной власти и муниципалитетов требованиям законодательства, отраслевым программным документам, обеспечению задач повышения социально-экономической эффективности развития соответствующего объекта регулирования (региона, отрасли экономики, муниципального образования и т.п.)¹.

Система субъектов контроля за деятельностью органов государственной власти и местного самоуправления в современной экономике Российской Федерации. Выделим базовые функции основных групп субъектов такого рода контрольной деятельности:

1. Вышестоящие по отношению к данному органу государственной власти профильные органы. Так, например, контроль деятельности региональных министерств и ведомств осуществляет Правительство региона в целом и одновременно профильные министерства и ведомства федерального уровня. Контроль за деятельностью Правительства региона осуществляет как Министерство регионального развития РФ, так и Кабинет министров РФ в целом. Такого рода контроль за государственными органами является ведомственным, и высшим его субъектом является Президент Российской Федерации, который периодически осуществляет "точечные" проверки низовых звеньев системы государственной власти, например разного рода комитетов городского или сельского значения.

2. Парламенты различного уровня (федерального, регионального, муниципального). Парламентский контроль осуществляется в целях определения соответствия фактической деятельности государственных и муниципальных органов соответствующего уровня принятой системе нормативных актов. Практически при парламенте любого уровня в РФ, соответственно, функционирует комитет или комиссия по парламентскому контролю.

3. Прокуратура является одним из основных органов системы контроля за деятельностью субъектов государственной власти и местного самоуправления не только в экономико-правовом пространстве Российской Федерации, но и в подавляющем большинстве развитых стран мира. Прокуратура осуществляет контроль за соблюдением законности всех видов органов государственной власти как по собственной инициативе, так и на основании заявлений физических и юридических лиц. Актуальным для современной Российской Федерации направлением прокурорского контроля за деятельностью органов государственной власти и местного самоуправления является антикоррупционный надзор.

Об интенсивности деятельности органов прокуратуры в области контроля деятельности органов государственной власти и местного самоуправления может свидетельствовать динамика выявленных специалистами данного органа нарушений (рис. 1).

Как показано на рис. 1, за 2011 – 2017 гг. количество выявленных органами прокуратуры РФ нарушений в деятельности органов государственной власти и местного самоуправления возросло на 71,1%. На наш взгляд, данная тенденция может быть объяснена двояко: с одной стороны, она свидетельствует об активизации прокурорских проверок органов государственной власти и муниципалитетов, с другой – о некотором снижении эффективности функционирования системы государственного и муниципального управления в исследуемый период в целом.

4. Счетная палата. В соответствии с действующим законодательством, Счетная палата РФ и ее региональные подразделения осуществляют контроль за целевым характером расходования бюджетных средств, соблюдением правил и нормативов бюджетного финансирования, формированием и осуществлением межбюджетных финансовых взаимоотношений².

5. Общественная палата РФ и ее региональные структуры осуществляют общий гражданский контроль за деятельностью органов государственной власти и местного самоуправления. Общественная палата формируется из, как правило, наиболее авторитетных в соответствующем регионе или государстве в целом деятелей культуры, искусства, науки и образования, известных правозащитников и

1 Мухаев Р. Т. Система государственного и муниципального управления. М.: Юрайт, 2017. С. 127.

2 Федеральный Закон Российской Федерации "О Счетной палате Российской Федерации" № 41-ФЗ от 05.04.2013. Ст. 2-3.

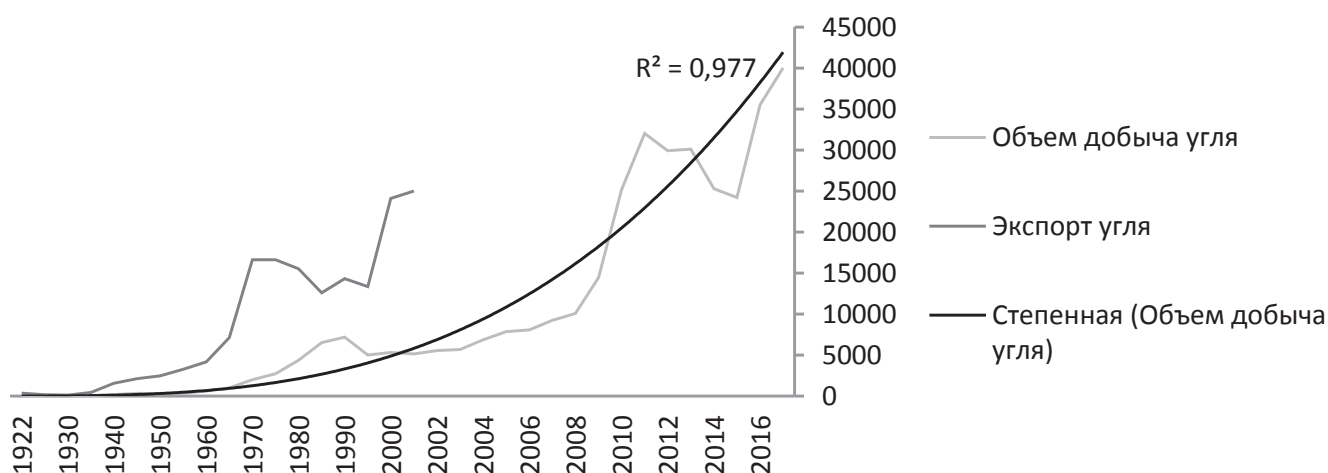

Рисунок 1. Темп роста количества нарушений, выявленных Прокуратурой РФ при проверке органов государственной власти и местного самоуправления, % к 2011 г. *

т.п. При этом следует отметить, что Общественная палата может проводить определенные контрольные проверки, но не обладает какими-либо полномочиями в части наложения взысканий на органы государственной власти, кадровых решений по результатам проверок – обычно по результатам осуществленных проверок федеральная и региональные общественные палаты обращаются в органы прокуратуры или Счетную палату.

6. Трудовая инспекция осуществляет контроль за соблюдением трудового законодательства в сфере органов государственной власти и местного самоуправления, контроль условий труда. В принципе, контрольно-надзорная деятельность данного органа в части субъектов государственной власти существенным образом содержательно не отличается от аналогичного контроля, осуществляемого в отношении коммерческих организаций различных форм собственности и видов деятельности.

Особый порядок контроля предусмотрен за деятельностью органов местного самоуправления – муниципалитетами Российской Федерации. Дело в том, что сугубо юридически система местного самоуправления РФ является независимой ветвью власти, и основным субъектом контроля за ее функционированием являются собственно граждане на местах. Опять-таки чисто юридически система местного самоуправления неподконтрольна региональным органам государственной власти. Однако на практике в РФ, как отмечает, А. В. Якимов, система местного самоуправления существенным образом зависит от региональных властей, в том числе в части дотирования большинства муниципальных бюджетов³.

Соответственно, фактический контроль за деятельностью органов местного самоуправления РФ осуществляется региональными министерствами и ведомствами соответствующего профиля. Собственно, именно в такого рода органы и жалуются обычно граждане на не вполне законные действия или бездействие местных властей. Подобная практика, по нашему мнению, нарушает действие принципа независимости органов местного самоуправления, но, вместе с тем, она обеспечивает относительную эффективность функционирования муниципалитетов по основным вопросам социально-экономического развития за счет постоянного оперативного контроля со стороны профильных региональных органов власти.

Следует также отметить, что в действующем законодательстве достаточно подробно регламентирован порядок организации и осуществления контроля за деятельностью органов местного самоуправления РФ и их должностных лиц. В частности, определяется порядок прокурорского контроля за деятельностью российских муниципалитетов, выделяются ме-

ханизмы организации и осуществления плановых и внеплановых контрольных проверок.

Законодательство предусматривает, что в рамках проверок органов местного самоуправления “при осуществлении государственного контроля (надзора) не допускается дублирование контрольно-надзорных полномочий органов государственного контроля (надзора) различных уровней”⁴. Однако на практике, при осуществлении контроля за деятельностью муниципальных образований РФ данный, безусловно, рациональный принцип зачастую не реализуется; так, во многих случаях проверки дублируют друг друга, тем самым крайне негативно отражаясь на оперативном управлении деятельностью муниципального образования – подобная ситуация, в частности, может иметь место в том случае, если власти региона и власти муниципалитета находятся в состоянии конфликта.

Следует отметить, что различные исследователи выделяют разные, наиболее существенные, по их мнению, проблемы организации контроля за деятельностью органов государственной власти и местного самоуправления в РФ. Так, по мнению А. В. Дорохова, такого рода контроль, особенно со стороны прокуратуры, зачастую не снижает коррупционные риски, а только увеличивает их, служит цели перераспределения теневых финансовых потоков⁵. По мнению С. Г. Еремина, контроль за деятельностью органов государственной власти и местного самоуправления в России, осуществляемый органами федеральной и региональной общественной палаты, зачастую носит сугубо номинальный, декоративный характер⁶. Действительно, эффективность общественного контроля за функционированием органов государственной власти различного уровня, особенно в восточных и южных регионах РФ, пока, на наш взгляд, является не вполне удовлетворительной.

В целом, эффективность контроля за деятельностью органов государственной власти и местного самоуправления в значительной степени зависит от корректности выбора конкретных методов контроля. Нами систематизированы основные особенности и недостатки практического использования базовых групп методов такого рода контроля (таблица 1).

Если такие приведенные в таблице 1 методы контроля за деятельностью органов государственной власти и местного самоуправления, как нормативный и экспертный методы, достаточно широко используются в отечественной практике, то, в частности, методы теории игр и сбалансированной системы показателей являются достаточно экзотическими. Вместе с тем, как указывает, в частности, Р. Феррри инструментарий

* Российская экономика: проблемы и перспективы. М.: Из-во Института экономической политики, 2018. С. 136.

3 Якимов А. В. Проблемы контроля за деятельностью органов государственной власти и местного самоуправления // Экономика и инновации. 2017. № 5. С. 36.

4 Федеральный Закон Российской Федерации “Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации” № 131-ФЗ от 06.10.2003. Ст. 77.

5 Дорохов А. В. Антикоррупционный государственный контроль // Вестник УГТУ. 2017. № 4. С. 15.

6 Еремин С. Г. Современные проблемы управления государственной и муниципальной собственностью. М.: Юстицинформ, 2014. С. 112.

Таблица 1. Основные существующие и перспективные методы контроля за деятельностью организаций государственного и муниципального управления в Российской Федерации (систематизировано автором)

Основные методы контроля	Содержание метода	Ограничения практического применения метода
1. Контроль соответствия правовым актам	Оценка фактического соответствия деятельности органа государственной власти или местного самоуправления требованиям законов и подзаконных актов	Метод не позволяет количественно оценить эффективность деятельности органов государственной власти и (или) местного самоуправления.
2. Нормативный контроль	Контроль соответствия фактических параметров деятельности государственных и муниципальных органов установленным нормам финансового или социального характера.	Высокие риски устаревания норм, соответственно снижающие эффективность контрольной деятельности.
3. Исследование динамики финансово-экономических показателей	Анализ темпов роста основных относительных и абсолютных показателей, специфичных для конкретного органа государственной власти в зависимости от профиля его деятельности.	Сложность формулирования итоговых выводов контроля в том случае, если различные показатели эффективности деятельности государственного органа в динамике демонстрируют разнонаправленные тенденции.
4. Экспертный метод	Индивидуальная или коллегиальная оценка отраслевыми экспертами тенденций и проблем функционирования органа государственной власти или местного самоуправления.	Субъективизм метода, обусловленный возможной недостаточной компетентностью экспертов в конкретных вопросах развития органов государственной власти или их заведомой предвзятостью.
5. Подход сбалансированной системы показателей (ССП)	Балансировка различных групп показателей эффективности деятельности органа государственной власти или муниципалитета в единой системе координат.	Проблема корректного выделения наиболее значимых групп показателей для конкретных органов государственной власти и формирования экономико-математических методов их балансировки.
6. Подход теории игр	Формализация стратегий поведения и возможных компромиссных и консенсусных состояний взаимодействия различных органов государственной власти.	Сложность точной количественной формализации "игровых стратегий" деятельности различных органов государственной власти и их взаимодействий.

теории игр достаточно активно используется в рамках систем контроля и оценки эффективности государственных органов в США⁷. На возможность использования методов теории игр в целях контроля за деятельностью органов государственной власти и местного самоуправления указывает и А. М. Кинг⁸.

Что касается инструментария сбалансированной системы показателей, то данный метод, разработанный Р. Капланом и Д. Нортон, в настоящее время достаточно активно применяется для контроля и комплексной оценки эффективности коммерческих организаций различного профиля⁹. По нашему мнению, с определенными модификациями инструментарий данного методического подхода может быть применен и в целях контроля деятельности органов государственной власти и местного самоуправления.

В целом, по нашему мнению, одним из основных направлений совершенствования контроля за деятельностью органов государственной власти и местного самоуправления в Российской Федерации должны быть повышение интенсивности и результативности общественного контроля в данной области. В свою очередь, органы государственной власти и муниципалитеты должны быть максимально открыты для такого рода контроля, быть максимально подробно представлены в рамках интернет-пространства, периодически осуществлять коммуникации с общественными организациями по наиболее актуальным проблемам своей деятельности. Результативный общественный контроль позволит уменьшить и уровень коррупционного риска в деятельности органов государственной власти различного уровня и профиля.

Пристатейный библиографический список

1. Федеральный Закон Российской Федерации "О Счетной палате Российской Федерации" № 41-ФЗ от 05.04.2013 (с изменениями и дополнениями от 28.06.2017) [Информационно-правовая база "Гарант"]. Режим доступа: свободный (дата обращения: 5.04.2018 г.).
2. Федеральный Закон Российской Федерации "Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации" № 131-ФЗ от 06.10.2003 (с изменениями и дополнениями от 06.03.2018) [Информационно-правовая база "Гарант"]. Режим доступа: свободный (дата обращения: 3.04.2018 г.).
3. Дорохов А. В. Антикоррупционный государственный контроль // Вестник УГТУ. 2017. № 4. С. 11-15.
4. Еремин С. Г. Современные проблемы управления государственной и муниципальной собственностью. М.: Юстицинформ, 2014. 178 с.
5. Каплан Р., Нортон Д. Сбалансированная система показателей. От стратегии к действию. М.: Олимп-бизнес, 2013. 314 с.
6. Мухаев Р. Т. Система государственного и муниципального управления. М.: Юрайт, 2017. 480 с.
7. Российская экономика: проблемы и перспективы. М.: Из-во Института экономической политики, 2018. 520 с.
8. Якимов А. В. Проблемы контроля за деятельностью органов государственной власти и местного самоуправления // Экономика и инновации. 2017. № 5. С. 34-36.
9. Ferri R. All about government control. McGraw-Hill Education, 2010. 352 p.
10. King A. M. Internal control of fixed assets. NY.: Wiley, 2011. 192 p.

7 Ferri R. All about government control. McGraw-Hill Education, 2010. P. 71.

8 King A. M. Internal control of fixed assets. NY.: Wiley, 2011. P. 25.

9 Каплан Р., Нортон Д. Сбалансированная система показателей. От стратегии к действию. М.: Олимп-бизнес, 2013.

ГУКОВА Екатерина Геннадиевна
ассистент СТИ НИТУ «МИСиС»

ФОРМИРОВАНИЕ СТОИМОСТИ АКТИВОВ С УЧЕТОМ ИНФЛЯЦИОННЫХ ОЖИДАНИЙ

В статье авторами разработана модель величины ценовой скидки в стоимости актива и надбавки за несвоевременное исполнение обязательств по договору. Представлен алгоритм моделирования дифференцированного формирования стоимости активов. На основании расчетов значений для определения коэффициентов уравнения регрессии с помощью метода наименьших квадратов и прогнозируемых значений уровня инфляции на период с 2018 по 2027 гг. на практике рассчитаны значения ценовой скидки, предоставляемой при немедленной оплате за товар и ежедневного размера надбавок за неисполнение договора в условиях дифференцированного формирования стоимости активов в зависимости от прогнозируемого уровня инфляции.

Ключевые слова: эталонная стоимость, инфляционное ожидание, ценовая скидка, инфляция, дифференцированное формирование стоимости активов, штрафные санкции.

Гукова Е. Г.

GUKOVA Ekaterina Gennadijevna
assistant of the STI NITY «MISiS»

THE FORMATION OF THE COST OF ASSETS BASED ON INFLATIONARY EXPECTATIONS

In the article, the authors developed a model of the value of the price discount in the value of the asset and the premium for late performance of obligations under the contract. The algorithm of modeling of the differentiated formation of value of assets is presented. Based on the calculation of the values for determining the coefficients of the regression equation using the least squares method and the predicted values of the inflation rate for the period from 2018 to 2027 in practice, the values of the price discount provided for immediate payment for the goods and the daily amount of premiums for non-performance of the contract in the conditions of differentiated formation of the value of assets depending on the projected level of inflation are calculated.

Keywords: the reference value, the inflation expectation of a price discount, inflation, formation of a differential value of the assets, penalties.

Эталонной стоимостью для целей бухгалтерского учета настоящего Положения признается справедливая стоимость актива на момент его реализации.

Инфляционное ожидание – это спрогнозированный коэффициент инфляции в среднесрочной перспективе, определяющий объем выгоды или снижение величины покупательской стоимости долга¹.

Стоимость активов формирует выручку, которая принимается к бухгалтерскому учету в сумме, исчисленной в денежном выражении, равной величине поступления денежных средств и иного имущества и (или) величине дебиторской задолженности.

Величина поступления и (или) дебиторской задолженности определяется исходя из стоимости актива, установленной договором между организацией и покупателем (заказчиком) или пользователем активов организации и скорректированной с учетом инфляционных ожиданий.

Величина предоставляемых скидок или устанавливаемых надбавок определяется с учетом темпа инфляции и срока полного расчета за реализованные активы.

Величина ценовой скидки в стоимости актива определяется по следующей методике:

$$Ц_{Сн} = (i \times C_d) : 360 \quad (1),$$

Где, $Ц_{Сн}$ – ценовая скидка, предоставляемая при осуществлении немедленного расчета за товары, %;

i – темп инфляции;

C_d – срок полного расчета за поставленный товар, в днях.

Величина надбавки за несвоевременное исполнение обязательств по договору определяется по формуле:

$$\text{Штр} = i : 360 \quad (2),$$

Где, Штр – ежедневный размер штрафных санкций за неисполнение обязательств по договору, %

Прогнозируемый уровень инфляции для среднесрочных договоров и контрактов определяется на основании метода наименьших квадратов с учетом ряда значений индексов потребительских цен на товары и услуги за предшествующие периоды².

Предложенная модель (1,2) является универсально применимой как к договорам поставщиков, так и к договорам покупателей. Она позволяет рассчитать как оптимальный объем скидки за немедленную оплату товара, так и определить размер штрафных санкций за неисполнение обязательств по договору.

Спрогнозовав коэффициент инфляции в среднесрочной перспективе с помощью предложенной модели предприятие имеет возможность разработать гибкую финансовую политику, в отношении управления дебиторской и кредиторской задолженностью, заключить выгодные контракты с контрагентами, повысить собственную финансовую устойчивость.

¹ Гуров И. Н. Теоретические подходы к обоснованию возможности управления инфляционными ожиданиями в России на современном этапе // Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика. - 2014. - № 6. - С. 35-51.

² Щербаков В. А., Приходько Е. А. Краткосрочная финансовая политика: учебное пособие, 2-е изд., стер. - М.: КноРус, 2010. - 272 с.

Рисунок 1. Алгоритм моделирования дифференцированного формирования стоимости активов

Таблица 1. Расчет значений для определения коэффициентов уравнения регрессии с помощью метода наименьших квадратов

Год	Уровень инфляции, %	Условные годы, X	X×X	Y×X
2008	13,3	-4,0	16,0	-53,2
2009	8,8	-3,0	9,0	-26,4
2010	8,8	-2,0	4,0	-17,6
2011	6,10	-1,0	1,0	-6,1
2012	6,58	0,0	0,0	0,0
2013	6,45	1	1,0	6,45
2014	11,36	2	4,0	22,72
2015	12,91	3	9,0	38,73
2016	5,38	4	16,0	21,52
Итого	79,68	0,0	60,0	-13,88

Авторами разработан алгоритм моделирования дифференцированного формирования стоимости активов (Рисунок 1).

Продемонстрируем на практике применение данной модели.

Для получения значений прогнозируемого коэффициента инфляции на период с 2018 года по 2027 год, воспользовались методом наименьших квадратов. Прогноз выполнен с учетом индексов потребительских цен на товары и услуги по РФ за период с 2008 года по 2016 год включительно.

Уравнение линейной зависимости (3) отражает уровень инфляции в определенный период времени.

$$U_x = a + b \times X \quad (3),$$

Где, U_x – прогнозируемый уровень инфляции;

X – условный год;

a и b – линейные коэффициенты уравнении регрессии.

Для нахождения параметров a и b необходимо решить систему уравнений (4):

$$\begin{cases} a \times n + b \times \sum X = \sum Y \\ a \times \sum X + b \times \sum X \times X = \sum Y \times X \end{cases} \quad (4),$$

где Y – фактические уровни ряда динамики, отражающие инфляционный процесс;

n – число уровней.

В таблице 1 приведены данные для расчета прогнозируемых коэффициентов инфляции на период с 2018 года по 2027 год, с учетом значений индексов потребительских цен на товары и услуги по РФ в 2008 – 2016 гг.

Сделаем предположение, что начало отсчета времени приходится на середину рассматриваемого периода, тогда $\sum X = 0$ и система уравнений примет вид (5):

$$\begin{cases} a \times n = \sum Y \\ b \times \sum X \times X = \sum Y \times X \end{cases} \quad (5)$$

Тогда

$$\begin{cases} a = \sum Y / n \quad (17) \\ b = \sum Y \times X / \sum X \times X \end{cases} \quad (6)$$

Таблица 2. Прогнозируемые значения уровня инфляции на период с 2018 по 2027 гг.

Год	Прогнозируемый уровень инфляции, %	Условные годы, X
2018	7,4	6
2019	7,2	7
2020	7,0	8
2021	6,7	9
2022	6,5	10
2023	6,3	11
2024	6,0	12
2025	5,8	13
2026	5,6	14
2027	5,4	15

Таблица 3. Значения ценовой скидки, предоставляемой при немедленной оплате за товар и ежедневного размера надбавок за неисполнение договора в условиях дифференцированного формирования стоимости активов в зависимости от прогнозируемого уровня инфляции

Год	Прогнозируемый уровень инфляции, %	Ценовая скидка, предоставляемая при немедленной оплате товара, %			Ежедневный размер штрафных санкций за неисполнение условий договора, %
		Полная оплата по договору в течении:			
		30 дн	60 дн	90 дн	
1	2	3	4	5	6
2018	7,4	0,62	1,24	1,85	0,021
2019	7,2	0,6	1,2	1,8	0,02
2020	7,0	0,58	1,17	1,75	0,019
2021	6,7	0,55	1,12	1,67	0,018
2022	6,5	0,54	1,08	1,62	0,018
2023	6,3	0,52	1,05	1,57	0,017
2024	6,0	0,5	1,0	1,5	0,016
2025	5,8	0,48	0,96	1,45	0,016
2026	5,6	0,46	0,93	1,4	0,015
2027	5,4	0,45	0,9	1,35	0,015

$$a = 79,68/9 = 8,8533; b = -13,88/60 = -0,23$$

На основе рассчитанных данных получим следующее уравнение регрессии, характеризующее прогнозные значения уровня инфляции в России (7):

$$U_x = 8,8533 - 0,23 \times \sum X \quad (7)$$

Далее, подставляя условные значения параметра X в уравнение регрессии (7) получим соответствующее прогнозное значение уровня инфляции для каждого последующего года. Так для 2017 года условное значение X = 5, для 2018г. X = 6, для 2019г. X = 7 и т.д.

Прогнозные значения уровня инфляции на период с 2018 года по 2027 год сгруппируем в таблицу 2.

С помощью метода наименьших квадратов и значений уровня инфляции рассчитаем оптимальные значения ценовой скидки за немедленную оплату товара и ежедневного размера надбавок за неисполнение договора в условиях дифференцированного формирования стоимости активов. Данные сгруппируем в таблицу 3.

Таким образом, применяя расчетные значения таблицы 3 к условиям договора (контракта) с покупателями необходимо соблюдать следующие условия: размер ценовой скидки не должен превышать процент, рассчитанный в графах 3,4 и 5 таблицы 3, в зависимости от периода оплаты по договору и года заключения контракта, а ежедневный размер штрафных санкций за неиспользование финансовых условий договора (контракта)

должен быть не менее значений 6 графы. Например, в 2018 году предприятие планирует заключение договора на оптовую поставку товаров, при дифференцированном подходе к каждому покупателю фирма имеет возможность предложить погасить дебиторскую задолженность за реализованные товары в течение 30, 60 и 90 дней. В таком случае ценовая скидка при немедленной оплате за товар составит – для договора со сроком полной оплаты за товар в течении 30 дней – 0,62 %, 60 дней – 1,24 %, 90 дней – 1,85 %. Размер надбавки за неисполнение финансовых условий договора должен составить не менее 0,021 % от суммы договора за каждый день просрочки оплаты за товар.

Пристатейный библиографический список

1. Гукова Е. Г., Ильичева Е. В. Понятие категории «стоимость» // Наука и мир. - 2017. - № 3 (43). - С. 18-21.
2. Гукова Е. Г., Ильичева Е. В. Сравнительный анализ российской и международной практики в области оценки основных средств // Экономика и предпринимательство. - 2017. - № 10-1 (87-1). - С. 824-828.
3. Гуров И. Н. Теоретические подходы к обоснованию возможности управления инфляционными ожиданиями в России на современном этапе // Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика. - 2014. - № 6. - С. 35-51.

ИВАНОВ Алексей Владимирович

аспирант кафедры государственных и муниципальных финансов Санкт-Петербургского государственного экономического университета

ПОСЛЕДСТВИЯ ВНЕДРЕНИЯ СТРАНОВЫХ СВЕДЕНИЙ В РАМКАХ ПЛАНА BEPS В РОССИИ И ВОЗМОЖНОСТИ ДЛЯ РОССИЙСКИХ НАЛОГОПЛАТЕЛЬЩИКОВ

Новые вызовы по распределению налоговой базы со стороны крупных международных групп компаний вынудили государственные органы большого количества стран объединить свои усилия, результатом которых стала разработка Плана действий по противодействию размыванию налоговой базы и выводу прибыли (Base Erosion and Profit Shifting, BEPS). План BEPS включил в себя 15 действий, реализация которых позволит странам частично закрыть возможности для международных компаний по размыванию налоговой базы. Действие 13, являющееся одним из основополагающих действий данного Плана, подразумевает подготовку страновых сведений в рамках нового трехуровневого подхода к подготовке документации по трансфертному ценообразованию, что представляет собой новую веху в открытости налоговой информации, которую можно использовать для оценки рисков, причем как налоговым органам, так и самим налогоплательщикам. В статье рассмотрены основные положения Действия 13 Плана BEPS, а также последствия и возможности, которые открывает Действие 13 для российских налогоплательщиков.

Ключевые слова: страновая отчетность, страновые сведения, BEPS, трансфертное ценообразование.

IVANOV Aleksey Vladimirovich

postgraduate student of the State and municipal finance of the Saint-Petersburg State Economic University

THE CONSEQUENCES OF INTRODUCTION OF COUNTRY-BY-COUNTRY REPORTING WITHIN BEPS PLAN AND OPPORTUNITIES FOR THE RUSSIAN TAXPAYERS

New challenges to erosion of the tax base by the large international groups of companies forced state authorities of a large number of countries to join efforts, which resulted in development of an action Plan to counter Base Erosion and Profit Shifting (BEPS). The BEPS plan included 15 actions, which would allow countries to partially close the loopholes for international companies to erode the tax base. Action 13, which is one of the fundamental actions of the Plan, involves preparation of country data as part of a new three-tiered approach to preparation of the transfer pricing documentation, which represents a new milestone in the transparency of tax information that may be used to assess risks, both by the tax authorities and by the taxpayers. The article describes the main provisions of the Action 13 of the BEPS Plan, as well as the consequences and opportunities that open Action 13 for the Russian taxpayers.

Keywords: country reporting, country data, BEPS, transfer pricing.

До настоящего момента остается не до конца определенной величина такой проблемы как размывание налоговой базы в рамках международной деятельности крупнейших групп компаний. По данным Организации Экономического Сотрудничества и Развития (ОЭСР), как наиболее авторитетного источника в данном вопросе, по состоянию на 2014 год глобальные потери налоговых поступлений от размывания налоговой базы составили от 100 до 240 млрд. долл. США¹. Ричард Мерфи, являясь одним из основоположников теоретического обоснования необходимости подготовки и раскрытия информации в отношении страновых сведений, о которых речь и пойдет далее, в своих оценках является менее скромным и заявляет о том, что ежегодные потери от действий налогоплательщиков по избежанию от налогообложения составляют 860 млрд. евро ежегодно, что значительно превышает действия по уклонению от налогообложения, которые приводят к потере 150 млрд. евро ежегодно². Независимо от конкретных цифр в оценке, можно сделать вывод о наличии проблем, связанных с размыванием налоговой базы в пользу юрисдикций с льготными условиями налогообложения.

С целью активизации борьбы с данными явлениями и восстановления статус-кво, налоговые и государственные органы развитых и развивающихся стран на базе политического института «Большой двадцатки» и ОЭСР, нашли решение в разработке единого решения, которое позволило бы закрыть имеющиеся «дыры» в международной налоговой системе, а также обеспечило бы большую открытость налоговых данных и международную кооперацию. Для этих целей, в 2013 году, страны «Большой двадцатки» выдали политическое задание ОЭСР на

разработку набора решений, которые позволили бы существенно снизить потери стран от размывания налоговой базы.

В результате, в октябре 2015 года, ОЭСР после многочисленных консультаций со всеми заинтересованными сторонами выпустила План по противодействию размыванию налоговой базы и выводу прибыли, который получил название План BEPS (Base Erosion and Profit Shifting). Данный план включал в себя 15 конкретных действий, реализация которых каждой страной-участницей данного проекта позволило бы, существенно сократить возможности международного бизнеса по размыванию налоговой базы³. При этом, 4 из 15 действий связаны с вопросами трансфертного ценообразования (ТЦ), а именно Действий 8-10, которые вносят больше конкретики в вопросы определения рыночного уровня цен по наиболее рискованным сделкам, а также Действие 13, которое предполагает введение трехуровневого подхода к подготовке документации по трансфертному ценообразованию.

Естественно, учитывая, что к моменту финальных версий Действий Плана BEPS в проекте участвовало уже более 100 стран, перед ОЭСР стояла сложная задача удовлетворить требования всех заинтересованных лиц. Многие страны были не готовы реализовать положения Плана BEPS по всем 15 направлениям, в результате чего было принято решение по введению «минимального стандарта» из 4 Действий, которые каждая страна обязалась осуществить в рамках своей работы над положениями Плана. И как раз одно из этих 4 Действий представляет собой введение в национальные законодательства требований по подготовке странового отчета.

Страновой отчет или Country-by-Country reporting, предусмотренный 13 Действием плана BEPS, является третьим уровнем в новом подходе к составлению документации по ТЦ, в рамках которого предполагается раскрытие крупнейшими международными группами компаний ряда финансовых и нефинансовых показателей по

1 OECD (2015), Explanatory Statement, OECD // G20 Base Erosion and Profit Shifting Project, OECD. 2015. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.oecd.org/tax/beps-explanatory-statement-2015.pdf (дата обращения: 16.04.2018 г.).

2 Murphy R. Country-by-Country Reporting: Accounting for globalisation locally // Tax Research UK. 2012. С. 2.

3 BEPS 2015 Final Reports // OECD. 2015. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.oecd.org/ctp/beps-2015-final-reports.htm> (дата обращения: 16.04.2018 г.).

всем странам присутствия группы. На данный момент, раскрытие данных сведений предполагается исключительно налоговым органам странам присутствия группы, однако Европейская Комиссия выступила с инициативой по публичному раскрытию страновых сведений международных компаний групп с головной компанией, расположенной в Европейском Союзе⁴.

Россия также принимала довольно активное участие в работе над Планом BEPS. В результате в конце 2017 года были приняты поправки к Налоговому кодексу РФ, вводящие в России дополнительные формы отчетности, аналогичные предусмотренным Планом BEPS, в том числе в части подготовки странового отчета в отношении финансовых годов, начинающихся после 1 января 2017 года⁵. Таким образом российские налогоплательщики, входящие в международные группы компаний с консолидированной выручкой более 50 млрд. руб. (или приблизительно 750 млн. евро, если это нероссийская группа) будут вынуждены подготавливать и раскрывать налоговым органам целый ряд важных финансовых и прочих показателей своей деятельности в разбивке по странам присутствия группы. Указанные показатели в частности включают в себя показатели выручки (в том числе полученной от реализации товаров, работ, услуг в адрес взаимозависимых лиц), прибыли до налогообложения, величины налогов, начисленных и уплаченных, величины капитала, материальных активов и численности работников.

Предупрежден – значит вооружен: именно поэтому российским налогоплательщикам уже сейчас необходимо готовиться к тем проблемам, с которыми они столкнутся в связи с реализацией положений по подготовке страновых сведений в России. В чем заключаются основные трудности для российских налогоплательщиков?

Первый и основной момент заключается в существенном увеличении расходов, которые международная группа компаний будет вынуждена тратить на реализацию новых требований. Сюда можно включить и расходы на обучение и наем новых сотрудников налоговых отделов, приобретение профессиональных налоговых консультаций. Важной статьей расходов будет сопутствующая трансформация бизнеса, настройка и трансформация информационно-технических систем для обеспечения сбора и обработки необходимой информации.

Второй проблемой является отсутствие методических наработок, которые можно было бы использовать налогоплательщикам для работы с информацией, содержащейся в страновой отчетности. Методические проблемы в данном случае включают в себя как вопросы организации сбора информации, так и заполнения конкретных показателей страновой отчетности, анализа полученных данных. На данный момент, ОЭСР разработала примеры возможного анализа данных для налоговых органов, однако для целей налогоплательщиков, данный вопрос остается нерешенным.

Остается также неясным, насколько налоговые органы смогут справиться с анализом такого большого количества данных и эффективно использовать риск-ориентированный подход, а также насколько возможно сделать какие-то выводы из информации из странового отчета, которая содержится в нем в агрегированном виде по отдельным странам. Так агрегирование данных отдельных компаний по странам оставляет некоторые возможности для манипуляции с данными по странам, в которых международные группы компаний представлены более чем одной компанией.

Кроме того, компании столкнутся с раскрытием большого объема информации, которое хотя и предполагается на данном этапе исключительно для налоговых органов, но в будущем, информация из страновых отчетов может стать достоянием общественности, что потенциально грозит большими репутационными и финансовыми рисками, вроде тех, с которыми столкнулись в недавнее

время такие компании как Google, Apple, Amazon в результате раскрытия информации по налоговым вопросам в странах ЕС.

Безусловно, налогоплательщики в рамках своей контрольно-экономической работы должны заниматься исследованием состоянием расчетов с бюджетом, которое направлено на совершенствование регулирования денежных потоков и определение возможностей роста чистой прибыли за счет экономии налоговых платежей⁶. Теоретические вопросы налогового планирования и управления налогообложением нашли уже свое отражение в исследованиях российских ученых, например, Е. С. Вылковой⁷. Но в то же время в связи с увеличением информационной базы для проведения методов налогового планирования, представляется обоснованным рассмотреть возможности в этой области для российских налогоплательщиков, готовящих страновые сведения по новым правилам. В случае умелого использования информации, содержащейся в страновом отчете и, например, составления расширенной версии страновых сведений, с включением дополнительных показателей, компании могут изыскивать резервы по оптимизации собственной налоговой базы для целей снижения налоговых поступлений.

В итоге, страновой отчет в конечном итоге, при его правильном использовании, может также помочь и самим налогоплательщикам, как в части снижения потенциальных налоговых рисков, выявленных в ходе анализа страновых сведений, так и за счет поиска скрытых резервов. Кроме того, страновой отчет и информация из него может стать основой унификации глобальных подходов к налогообложению, например, в части ТЦ.

Пристатейный библиографический список

1. О внесении изменений в часть первую Налогового кодекса Российской Федерации в связи с реализацией международного автоматического обмена информацией и документацией по международным группам компаний: федер. Закон Рос. Федерации от 27 ноября 2017 г. №340-ФЗ // Российская газета. № 273. 2017. 1 декабря.
2. Вылкова Е. С. Налоговая составляющая показателей эффективности деятельности хозяйствующих субъектов // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2012. № 4 (84).
3. Вылкова Е. С. Налоговое планирование в системе управления финансами хозяйствующих субъектов диссертация на соискание ученой степени доктора экономических наук / Санкт-Петербургский государственный экономический университет. Санкт-Петербург, 2002.
4. Налоги и налогообложение. Учебник / Под ред. Романовского М. В., Врублевской О. В. СПб. и др.: Питер, 2001.
5. BEPS 2015 Final Reports // OECD. 2015. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.oecd.org/ctp/beps-2015-final-reports.htm> (дата обращения: 16.04.2018 г.).
6. Murphy R. Country-by-Country Reporting: Accounting for globalisation locally // Tax Research UK. 2012. С. 2.
7. OECD (2015), Explanatory Statement, OECD // G20 Base Erosion and Profit Shifting Project, OECD. 2015. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.oecd.org/tax/beps-explanatory-statement-2015.pdf (дата обращения: 16.04.2018 г.).
8. Public country-by-country reporting by multinational enterprises // European parliament. 2016. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2017/595867/EPRS_BRI\(2017\)595867_EN.pdf](http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2017/595867/EPRS_BRI(2017)595867_EN.pdf) (дата обращения: 16.04.2018 г.).

4 Public country-by-country reporting by multinational enterprises // European parliament. 2016. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2017/595867/EPRS_BRI\(2017\)595867_EN.pdf](http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2017/595867/EPRS_BRI(2017)595867_EN.pdf) (дата обращения: 16.04.2018 г.).

5 О внесении изменений в часть первую Налогового кодекса Российской Федерации в связи с реализацией международного автоматического обмена информацией и документацией по международным группам компаний: федер. Закон Рос. Федерации от 27 ноября 2017 г. №340-ФЗ // Российская газета. № 273. 2017. 1 декабря.

6 Налоги и налогообложение. Учебник / Под ред. Романовского М. В., Врублевской О. В. СПб. и др.: Питер, 2001. С. 426.

7 Вылкова Е. С. Налоговое планирование в системе управления финансами хозяйствующих субъектов диссертация на соискание ученой степени доктора экономических наук / Санкт-Петербургский государственный экономический университет. Санкт-Петербург, 2002.

8 Вылкова Е. С. Налоговая составляющая показателей эффективности деятельности хозяйствующих субъектов // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2012. № 4 (84). С. 39.

ИСМАГИЛОВА Ирина Мусаевна

магистрант кафедры экономики и управления на предприятии нефтяной и газовой промышленности Уфимского государственного нефтяного технического университета

ГАРЕЕВА Земфира Анисовна

кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и управления на предприятии нефтяной и газовой промышленности Уфимского государственного нефтяного технического университета

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ СИСТЕМЫ КОНТРОЛЯ МАТЕРИАЛЬНО-ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ ЗАПАСОВ ГАЗОТРАНСПОРТНОГО ПРЕДПРИЯТИЯ

Обеспечение контроля материально-производственных запасов является важным, трудоемким и сложным участком на предприятиях любых форм собственности и видов деятельности. От объективности и достоверности информации, формируемой на нем, зависят многие экономические показатели. В работе представлены рекомендации для более эффективного управления материально-техническими ресурсами и обеспечения их контроля на газотранспортном предприятии за счет децентрализации поставок, предоставления большей самостоятельности в осуществлении закупок материальных запасов структурным подразделениям и обеспечении контроля за обоснованностью их списания.

Ключевые слова: материально-производственные запасы, газотранспортное предприятие, материальные ценности, организация контроля.

ISMAGILOVA Irina Musaevna

magister student of Economics and Management at the Enterprise of the Oil and Gas Industry sub-faculty of the Ufa State Petroleum Technological University

GAREEVA Zemfira Anisovna

Ph.D. in Economics, associate professor of Economics and Management at the Enterprise of the Oil and Gas Industry sub-faculty of the Ufa State Petroleum Technological University

IMPROVED CONTROL OF INVENTORIES OF GAS TRANSPORTATION COMPANY

Ensuring the control of inventory is an important, time-consuming and complex area in enterprises of all forms of ownership and activities. Many economic indicators depend on the objectivity and reliability of the information generated on it. The paper presents recommendations for more effective management of material and technical resources and ensure their control in the gas transportation company by decentralizing supplies, providing greater autonomy in the procurement of inventory structural units and ensure control over the validity of their write-off.

Key words: inventory, gas company, material values, organization of control.

Исмагилова И. М.

Гареева З. А.

Большие масштабы транспортировки природного газа обуславливают необходимость поддержания материально-технической базы газотранспортного предприятия в требуемом количестве, качестве и номенклатуре товарно-материальных ценностей. Особенностью поставок для газотранспортных предприятий в условиях вертикальной интеграции является то, что они обеспечиваются материальными запасами филиалы, подразделения, участки ведения ремонтно-строительных работ, рассредоточенные на большой территории.

Контроль материально-технических ресурсов (МТР) является важным, трудоемким и сложным участком в организациях всех форм собственности и ведомственной подчиненности. От объективности и достоверности информации, формируемой на нем, зависят многие формируемые экономические показатели. По мнению многих авторов, основная цель системы контроля в организациях - снижения финансовых потерь, вызванных различными причинами^{1,2}.

На газотранспортных организациях организация контроля за материальными ресурсами возложена непосредственно

на Управление материально-технического снабжения и комплектации (УМТСиК) – структурную единицу газотранспортного предприятия, основными задачами которой являются:

– обеспечение материально-техническими ресурсами ремонтно-эксплуатационных нужд транспорта газа, работ капитального ремонта, строительства, реконструкции и технического перевооружения производственных объектов и объектов социальной сферы.

– контроль эффективного, целевого использования запасов МТР в филиалах, контроль за движением МТР от склада до объекта использования и контроль фактического использования МТР.

УМТСиК как самостоятельная единица осуществляет работу вспомогательного производства. Особенностью деятельности управления является взаимодействие со всеми подразделениями и службами предприятия на всех уровнях, так как процессы материально-технического обеспечения протекают в каждой структурной единице.

Задача эффективного управления обеспечением материально-производственных запасов (МПЗ) всех структурных подразделений предприятия решается путем проведения заявочной кампании.

Заявки на МПЗ, необходимые для проведения плановых, аварийно-восстановительных и профилактических работ, направленных на повышение устойчивости работы газотранспортного предприятия, регистрируются, согласовываются

1 Иксанов Т. А., Руднева Ю. Р. Правовое сопровождение в системе внутрикорпоративного финансового контроля // Евразийский юридический журнал. 2015. № 1 (80). С. 157-158.

2 Гареева З. А., Гиззатулина Э. Р. Законодательные основы организации системы внутреннего контроля // Евразийский юридический журнал. 2015. № 6 (85). С. 316-317.

и представляются в управление материально-технического снабжения и комплектации.

На основании согласованных заявок филиалов, отделов и служб от имени газотранспортного предприятия управление заключает договора на поставку МПЗ, или предоставляет сводную потребность централизованному поставщику. Все заключенные договоры на поставку МПЗ регистрируются и согласовываются заинтересованными структурными подразделениями Газотранспортного предприятия. Контрагент в момент готовности осуществить поставку на адрес УМТСиК в соответствии с договором направляет уведомление об отгрузке МПЗ. После осуществления поставки и оприходования МПЗ, заведующий складом по реестру представляет в бухгалтерский отдел приходный ордер.

Такая цепочка бизнес-процессов материально-технического обеспечения характерна практически для всех нефтегазовых ВИНК. Данная модель имеет один существенный недостаток. На этапе поставки нередко выясняется, что закупленные МТР не соответствуют потребностям, по которым были сделаны заявки. Так, предприятие получает невостребованный груз материалов, неудовлетворенную потребность производственных отделов, дополнительный объем работ связанный с изысканием способов использовать негодный МТР и обеспечить производство необходимым ресурсом. Это дополнительно потраченное время, деньги и увеличение нагрузки на работников предприятия.

Причина такой ошибки связана со сложной многоступенчатой структурой ВИНК. Чем больше предприятие, тем сильнее искажаются информационные потоки между ее элементами.

В рамках заявочной кампании представители производственных отделов предоставляют информацию по требуемым МТР. Инженеры управления материально-технического снабжения по большинству заявок формируют сводную потребность и заявляют ее центральному поставщику – самостоятельный филиал в структуре ВИНК – который, в свою очередь, занимается поиском поставщиков и заключением договоров на поставку затребованных МТР. Таким образом, информация проходит неоднократную обработку, оптимизируется и утрачивает полноту и конкретику. Часто упускаются принципиально важные характеристики (например, наличие комплектующих, материал из которого должен быть выполнен прибор или деталь, габариты, марка, изготовитель и прочие тонкости). Основные причины данного явления:

– недостаточная информированность ответственных по заявкам о наличии других поставщиков на рынке, появлении новых моделей (имеющих отличия по требуемым характеристикам);

– недостаточная информированность инженеров УМТСиК о целевом использовании заявляемых МТР, об особенностях производственного процесса, для которого возникла конкретная потребность;

– недочеты при формировании заявки, когда упускаются важные детали характеристики требуемых МТР и другие причины.

В связи с этим предприятие регулярно сталкивается с проблемой скопления невостребованных МТР, возникновения нецелевых расходов, производственные отделы не получают необходимые материалы и вынуждены снова направлять заявки в УМТСиК, которые должны быть обработаны в ускоренном порядке, что создает дополнительное напряжение.

С целью более эффективного управления материально-техническими ресурсами и обеспечения их контроля целесообразно исключить работу централизованного поставщика, как лишнего посредника, из цепочки бизнес-процессов материально-технического снабжения и предоставить УМТСиК в каждом дочернем Обществе ВИНК самостоятельно вести работу по подбору поставщиков и заключению прямых договоров поставки МТР в тесном сотрудничестве с производственным отделом.

Таким образом, исключение централизованного поставщика не только упростит организационную структуру, процесс осуществления закупки МТР, но и сократит затраты на содержание данной организации, даже с учетом необходимого расширения УМТСиК при каждом дочернем Предприятии по транспорту газа.

При наличии централизованного поставщика УМТСиК все равно осуществляет работу с контрагентами по прямым договорам, но доля поставляемых МТР по ним небольшая по сравнению с централизованными поставками.

Договорная работа проходит в несколько этапов:

- 1) поиск подходящего поставщика и необходимой продукции;
- 2) согласование с Департаментом заключения данного договора;
- 3) формирование спецификации, текста договора;
- 4) согласование условий договора с заинтересованными подразделениями головного управления;
- 5) подписание договора;
- 6) осуществление поставки.

Проблема состоит в том, что процесс согласования затрагивает представителей аппарата управления, который не принимает непосредственного участия в производственном процессе и слабо осведомлено об особенностях требуемого МТР.

В связи с этим в этапы согласования следует включить представителей производственных отделов, напрямую связанных с конкретной потребностью.

Еще одним проблемным местом в управлении материально-производственными запасами является контроль за списанием материалов в производство. Обычно, нефтегазовые компании регламентируют списание МТР, устанавливая лимит неликвидных материалов, закрепленных за материально-ответственным лицом. Однако по различным причинам происходит превышение установленной суммы подотчетных МТР по следующим причинам:

– дороговизна оборудования и материалов, участвующих в производстве;

– незапланированные ситуации, когда приходится отложить установку списанного в подотчет материально-ответственным лицом МТР;

– ошибки в заявочной кампании, описанные выше, и риск возникновения нехватки материалов, из-за которых материально-ответственные лица стремятся списывать необходимые ресурсы с запасом «на всякий случай».

При этом наблюдается скопление неликвидных МТР в подотчете материально-ответственных лиц, из-за чего материалы становятся недоступными для подразделений, реально нуждающихся в них.

Для решения данной проблемы следует возложить на заведующего складом обязанности по текущему контролю за соблюдением лимитов списания МТР на материально-ответственных лиц, а также контроль обоснованности списания. Этот этап контроля будет проводиться до организации списания и поставки МТР, что повысит эффективность управления движением материально-производственных запасов.

Таким образом, предложенная усовершенствованная модель управления материально-техническим обеспечением содержит следующие ключевые моменты:

1) прекращение централизованных поставок МТР и работа по прямым договорам с поставщиками без посредника;

2) включение в процесс согласования условий заключения договоров представителей с филиалов и подразделений, непосредственно заинтересованных в заявленном МТР и связанных с конкретной потребностью;

3) контроль за списанием МТР, его обоснованностью сделать текущим процессом при организации движения материально-производственных запасов.

Пристатейный библиографический список

1. Иксанов Т. А., Руднева Ю. Р. Правовое сопровождение в системе внутрикорпоративного финансового контроля // Евразийский юридический журнал. 2015. № 1 (80). С. 157-158.
2. Гареева З. А., Гиззатупина Э. Р. Законодательные основы организации системы внутреннего контроля // Евразийский юридический журнал. 2015. № 6 (85). С. 316-317.

МАТВЕЕВА Наталья Борисовна

магистрант Башкирского государственного университета

БИКМЕТОВА Зульфия Маснавиевна

кандидат экономических наук, старший преподаватель кафедры экономики и менеджмента Башкирского государственного университета

ПРОБЛЕМЫ ИНВЕСТИРОВАНИЯ В РЕАЛЬНЫЙ СЕКТОР ЭКОНОМИКИ

В статье рассматриваются вопросы инвестирования в реальный сектор экономики как приоритетное направление перевода экономики страны с сырьевой базы в инновационно-промышленное русло. Обозначены основные проблемы инвестиционной деятельности, препятствующие более высокотехнологичному и инновационному развитию страны.

Ключевые слова: инвестиции, инвестиционная деятельность, инвестиции в реальный сектор, индекс промышленного производства.

MATVEEVA Nataliya Borisovna

magister student of the Bashkir State University

BIKMETOVA Zulfiya Masnavievna

Ph.D. in Economics, senior lecturer of Economics and management sub-faculty of the Bashkir State University

SOME ASPECTS OF INVESTING IN THE REAL ECONOMY

The article deals with the issues of investment in the real sector of the economy, as a priority direction of the transfer of the country's economy from the raw material base to the innovative-industrial channel. The main problems of investment activity hindering the more high-tech and innovative development of the country are outlined.

Keywords: investments, investment activity, investments in real sector, industrial production index.

Россия уже много лет зависит от сырьевой базы, когда, для экономического роста нужны новые источники доходов, которые могут быть сформированы именно в реальном секторе экономики. Одной из ключевых задач Правительства РФ является наращивание собственного (национального, суверенного) производственного потенциала для обеспечения условий стабильного воспроизводства основного капитала (производственных основных фондов) в критически важных секторах экономики.

Долгое время спецификой реального сектора экономики России являлся ее приоритет в области отраслей, связанных с добычей сырья и топлива, а также с производством энергии и материалов.

Зависимость промышленности России от импорта в 2017 году составила 49 %. Среди машин и оборудования в 2017 году наибольшую долю в стоимостном объеме импорта России составили: механическое оборудование – 41 % (в 2016 г. – 41 %), электрооборудование – 24 % (25 %) и средства наземного транспорта – 20 % (18 %).

По заявлению замглавы Министерства промышленности и торговли Сергея Цыба¹, многие стратегические отрасли российской промышленности находятся в чрезмерной зависимости от импорта. Согласно его данным, в области машиностроения доля импорта достигает 80 %, в станкостроении 90 %, радиоэлектронной промышленности 90 %, фармацевтике 80 %. Существующая зависимость от импорта уже стала главной угрозой экономической безопасности страны.

Отсюда следует, что для снижения чувствительности к внешним шокам требуется диверсификация российской эко-

номики, преодоление ее сырьевой направленности и зависимости от импорта.

Данный вопрос уже не первый год обсуждается ведущими учеными, политиками, экспертами. Государство в условиях рынка не имеет возможности поддержать все отрасли реального сектора и в одночасье решить проблемы импортозамещения.

Следовательно, для развития реального сектора необходимо обеспечить этапность освоения отдельных рыночных ниш и сегментов. Необходимо более ускоренное обновление производственных мощностей для эффективного и соответственно ускоренного технологического развития производств, перехода на более высокий технологический уровень, придания инвестиционной политики инновационной направленности².

Если посмотреть на отрасли наиболее остро влияющие на развитие экономики и зависящие от импорта, то это: нефтегазовое машиностроение, производство машин и оборудования для АПК (сельхозмашиностроение и машиностроение для пищевых производств), производство машин и оборудования для добычи полезных ископаемых (кроме нефти и газа) и строительства, а также транспортное машиностроение, электротехническая промышленность, включая производство медицинской техники.

Логичным решением развития стала опора на явных лидеров бизнеса – немногочисленные машиностроительные компании, развивающиеся в последние годы успешнее других без значимой государственной поддержки.

¹ Реальный сектор экономики России: стратегии управления, инвестиции и инновации. – М.: Издательство «Перо», 2016. – 215 с.

² Бикметова З. М. Совершенствование механизма активизации инвестиционной деятельности в регионе // Евразийский юридический журнал. 2017. № 6 (109). С. 267-269

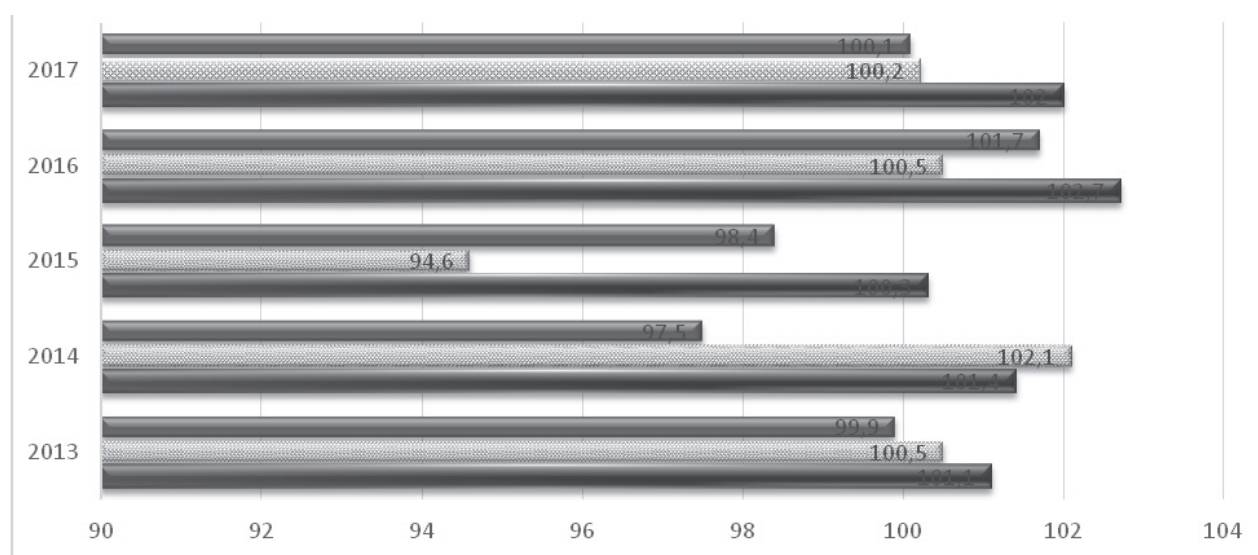

Рисунок 1. Индекс промышленного производства по видам экономической деятельности*

Поддержка импортозамещения осуществляется государством по ряду отраслей промышленности, являющихся наиболее конкурентоспособными на мировом рынке.

Правительством Российской Федерации были приняты эффективные программы для поддержки реального сектора экономики. Выделяется финансирование из бюджета, привлекаются частные средства на научно-исследовательские и опытно-конструкторские разработки.

Инструментом государственной поддержки в развитии импортозамещающих и экспорто-ориентированных предприятий является Фонд развития промышленности. В течение 2014–2017 годов в Фонд поступило 2 032 заявки (проекта) на сумму 611,8 млрд. рублей. По оценкам Фонда это позволит привлечь более 101 млрд. рублей внебюджетных инвестиций в реальный сектор экономики.

Благодаря займам из Фонда (по низкой ставке в 5 %), свои площади смогла расширить НПО «Станкостроение» (г. Стерлитамак), производственная площадка концерна СТАН, для освоения производства многоосевых станков с ЧПУ, которые используются в стратегически важных отраслях, в том числе в ОПК и химической промышленности; введены в эксплуатацию новые мощности по производству лекарственных препаратов в Белгородской области; в городе Курск, на базе ООО «Курскхимволокно» открыли новые мощности по производству полиамидных технических нитей и картонной намоточной тары, в Орловской области создан кластер приборостроения, целью которого является создание новых образцов промышленной продукции и многие другие.

С апреля 2018 года Фонд развития промышленности будет выдавать займы по базовой программе «Проекты развития» и программе «Станкостроение» по ставке 3 %. Ставка будет действовать в течение первых трех лет пользования займом. Условием предоставления трехпроцентного займа станет «предоставление заемщиком банковской гарантии на весь срок и сумму займа». При этом компании смогут получить заем со ставкой 5 % при предоставлении другого вида обеспечения.

В целом на реализацию государственной программы «Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности» в федеральном бюджете предусмотрены бюджетные ассигнования на 2018 год в размере 218,6 млрд. рублей, на 2019 год – 217,9 млрд. рублей, на 2020 год – 203,1 млрд. рублей.

Драйвером роста промышленности Правительство определило обрабатывающее производство (планируемый среднегодовой темп роста в 2017–2020 годах составит 2,1 %)³.

И надо отметить, что принятые меры дали свои результаты. Промышленное производство в январе 2018 года выросло на 2,9 % после снижения на 1,5 % в декабре прошлого года (таблица 1).

Выпуск в обрабатывающей промышленности в январе увеличился на 4,7 % после падения на 2,0 % в декабре предыдущего года. Отмеченный рост базируется на положительной динамике в ключевых отраслях – производстве пищевых продуктов, химической отрасли, легкой промышленности, деревообработке.

Существенный рост показал машиностроительный комплекс, в том числе благодаря улучшению показателей выпуска прочих транспортных средств и оборудования (+13,5 % по сравнению с -14,5 % в декабре и -3,3 % в 4 кв. 17). Благодаря господдержке на 60 % увеличилось производство сельскохозяйственных машин. Выросли продажи АвтоВАЗа.

Учитывая важность станкостроения, государство увеличило дотации в эту отрасль на 80 % по сравнению с 2015 годом. Сегодня в машиностроительной отрасли задействовано более 40 тыс. предприятий, которые обеспечивают вакансиями треть работающего населения.

Глядя на официальную статистику и читая оптимистичные прогнозы аналитических центров, хочется надеяться, что российская промышленность постепенно выходит из кризиса, но с чего складывается положительная динамика?

Если посмотреть на результаты инвестиционной деятельности государства в реальный сектор, то можно увидеть следующую картину:

– темпы роста только в тех отраслях, которые имеют госзаказ;

* Индекс промышленного производства по видам экономической деятельности. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gks.ru/> (дата обращения 25.03.2018)

3 Прогноз экономического развития России на 2017–2020 гг. – май 2017 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.vcb.ru/>

– ввоз импортных непродовольственных товаров подскочил почти втрое, несмотря на широко развернутую госпрограмму импортозамещения. Специалисты объясняют такой рост укреплением рубля и претензиями к качеству российских аналогов импортной продукции;

– производство отечественного оборудования, на сегодняшний день, очень сильно зависит от импорта составных деталей и импортных материалов. Доля импортных комплектующих, в некоторых отраслях составляет 95 %.

– разворот российских промышленников и госструктур в направлении внутреннего предложения насаждался на законодательном уровне. В период с 2014 по 2017 годы правительство регулярно устанавливало для государственных заказчиков разнообразные запреты на импорт продукции. А с 1 января 2017 года аналогичные запреты распространили и на госкомпании.

Уровень научно-технологического развития страны находится во взаимосвязи и от вложенного объема инвестиций, т.е. инновационный и инвестиционный потенциал необходимо рассматривать как показатели уровня общего научно-технологического развития страны, и как следствие ее конкурентоспособности и экономической устойчивости⁴.

Государству в условиях рынка невозможно осуществлять поддержку всех отраслей экономики, поэтому оно сделало ставку на фондообразующие отрасли, которые позволят провести модернизацию производства во всех отраслях промышленности, а это, в свою очередь, обеспечит увеличение производительности труда, конкурентоспособность готовой продукции, экономию как материальных, так и трудовых затрат.

И в то же время присутствуют определенные проблемы инвестирования реального сектора экономики:

– инвестиции в реальный сектор направляются на крупные действующие предприятия, что может привести к быстрой монополизации рынка;

– не стоит надеяться на качество и конкурентоспособность продукции без диверсификационного развития науки – недостаточно одного центра Роснано;

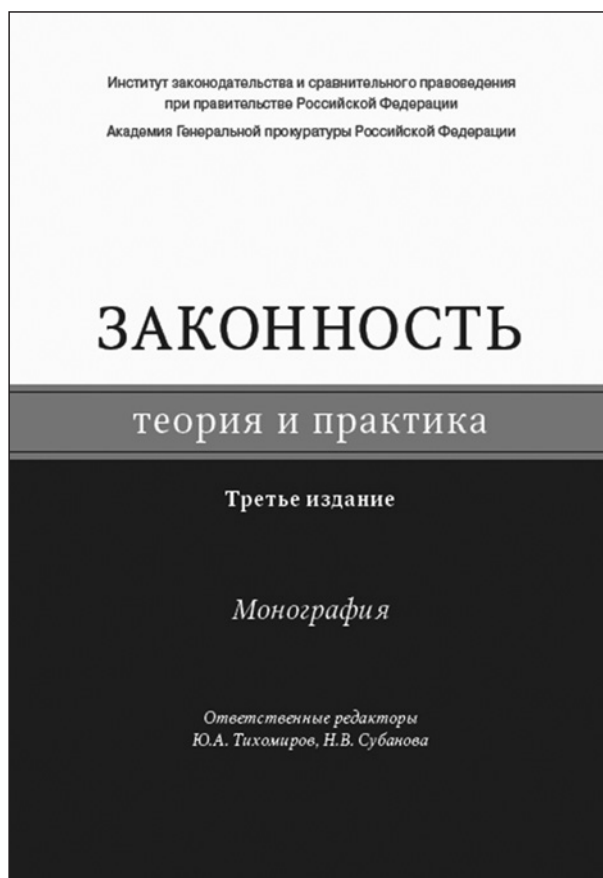
– невозможно развивать промышленность без должного повышения квалификации специалистов;

– невозможен подъем экономики, без развития тесных межэкономических связей.

Инвестиционные средства необходимо направлять на внедрение инноваций, техническое перевооружение и модернизацию основных фондов, поскольку в рыночной экономике, в условиях резко возрастающей конкуренции освоение технологических инноваций даёт возможность повышения производительности труда и качества выпускаемой продукции без дополнительных вложений в капитальные активы.

Пристатейный библиографический список

1. Бикметова З. М. Роль инвестиций в обеспечении научно-технологического развития регионов // Региональное развитие: электронный научно-практический журнал. 2018. № 1 (25). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://regrazvitie.ru/rol-investitsij-vobespechenii-nauchno-tehnologicheskogo-razvitiya-regionov/>
2. Бикметова З. М. Совершенствование механизма активизации инвестиционной деятельности в регионе // Евразийский юридический журнал. 2017. № 6 (109). С. 267-269
3. Индекс промышленного производства по видам экономической деятельности. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gks.ru/> (дата обращения 25.03.2018)
4. Прогноз экономического развития России на 2017-2020 гг. - май 2017 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.vneb.ru/common/upload/files/vneb/analytics/macro/pr201705_1.pdf
5. Реальный сектор экономики России: стратегии управления, инвестиции и инновации. М.: Издательство «Перо», 2016. 215 с. ISBN 978-5-906871-33-6

4 Бикметова З. М. Роль инвестиций в обеспечении научно-технологического развития регионов // Региональное развитие: электронный научно-практический журнал. 2018. № 1 (25). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://regrazvitie.ru/rol-investitsij-vobespechenii-nauchno-tehnologicheskogo-razvitiya-regionov/>

МОГИЛЬНЫЙ Никита Константинович

аспирант кафедры менеджмента Российского университета дружбы народов

АКТУАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ В БОРЬБЕ С ЛЕГАЛИЗАЦИЕЙ ПРЕСТУПНЫХ ДОХОДОВ И ФИНАНСИРОВАНИЕМ ТЕРРОРИЗМА

В данной статье рассмотрены актуальные вызовы мировой экономики, ставшие следствием процесса глобализации и научно-технического прогресса. Проанализированы предпосылки возникновения теневых операций, дана характеристика процесса легализации преступных доходов. Выявлена и обоснована необходимость трансформации модели регулирования сомнительных операций. На основе проведенного исследования автором обозначены критические точки, которые будут являться ключевыми при модернизации национальной системы ПОД/ФТ.

Ключевые слова: ПОД/ФТ, глобализация, сомнительные операции, легализация, криптовалюта, блокчейн.

Могильный Н. К.

MOGILNY Nikita Konstantinovich

postgraduate student of Management sub-faculty of the Peoples' Friendship University of Russia

CURRENT CHALLENGES OF THE WORLD ECONOMY IN THE FIGHT AGAINST THE LEGALIZATION OF CRIMINAL PROCEEDS AND THE FINANCING OF TERRORISM

This article deals with current challenges of the world economy, which exist as a result of globalization and scientific-technological progress. The background of the emerging number of dubious operations is analyzed, also there is described the money-laundering processes. The necessity of dubious transactions model transformation is revealed and substantiated. Based on the study, author identifies key points that could be used in the modernization of the national AML/CFT system.

Keywords: AML/CFT, globalization, dubious operations, money-laundering, cryptocurrency, blockchain.

Введение

Активное развитие глобализационных процессов в мировой экономике XXI века привело к сокращению сроков взаимного обмена капиталом. При этом форма существования таких капиталов активно развивается и претерпевает изменения в соответствии с актуальными мировыми вызовами.

Одним из важнейших направлений международного сотрудничества в данной сфере является организация системного противодействия легализации (отмыванию) преступных доходов и финансированию терроризма (ПОД/ФТ). В последнее время для такого рода деятельности характерно ускорение проведения незаконных операций за счет использования транзитных банковских счетов, что может приводить к серьезным экономическим и репутационным потерям банков и иных финансовых учреждений. Общие масштабы данной угрозы для банковского сектора можно охарактеризовать количеством отозванных у кредитных организаций лицензий на осуществление банковских операций. За период с 2015 по 2017 гг. на территории Российской Федерации Банком России отозваны лицензии 235 финансовых учреждений. При этом в последнее время основной причиной является несоблюдение необходимых мер контроля над сомнительными операциями в соответствии со 115-ФЗ «О легализации (отмывании) доходов полученных преступным путем».

Также стоит отметить значительное влияние развития научно-технического сектора на появление нетрадиционных форм и методов финансового взаимодействия. Одной из таких форм является наиболее популярная криптовалюта Bitcoin (BTC).

Использование любой криптовалюты в целях перемещения капитала имеет ряд преимуществ, поскольку базируется на технологии распределенного реестра, так называемого «блокчейна». Поскольку эта технология сама по себе предполагает отсутствие контролирующего органа в сети, традиционные методы контроля над сомнительными операциями оказываются малоэффективными.

Очевидно, что механизмы контроля за движением преступного капитала должны непрерывно развиваться для соответствия всей системе противодействия как на национальном, так и на международном уровне. Это является одной из актуальных и важнейших задач и для повышения конкурентоспособности всей отечественной экономики.

Анализ

Как упоминалось, глобализация постепенно стирает границы между национальными и иностранными источниками происхождения денежных средств. В ходе создания схемы движения денежных средств могут использоваться особенности законодательства отдельно взятой страны для осуществления необходимой операции. В этом случае одной национальной системы недостаточно, а степень ее интегрированности с Группой разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (ФАТФ) должна быть крайне высокой.

Наиболее существенными факторами для увеличения доли сомнительных денежных потоков являются:

1. Существование внутри страны зон с льготным порядком регулирования операций и контроля над деятельностью финансовых институтов.

2. Невозможность или ограничение обмена финансовой информацией с иностранными правоохранительными органами.

3. Процедура лицензирования финансовой активности, учреждения финансовых и нефинансовых институтов и их филиалов без качественного комплаенс-контроля.

4. Законодательное закрепление тайны финансовых операций,

5. Недостаточное регулирование валютнообменных операций и операций с наличными денежными средствами.

6. Анонимные денежные счета и финансовые инструменты

В какой бы форме не передавался капитал, легализация доходов, полученных преступным путем с высокой долей вероятности будет происходить по устоявшейся трехфазной модели. Она предполагает три этапа: *размещение, расслоение и интеграцию* денежных средств. Рассмотрим коротко каждый из них.

Этап *размещения* является наиболее уязвимым звеном во всей цепочке, поскольку происходит отделение денежных средств от места их происхождения. Точками ввода денежных средств выступают финансовые учреждения и предприятия, имеющие доступ к денежным средствам в наличной форме (розничная торговля, ломбарды и т.п.)

По окончании размещения, как правило, начинается наиболее активная фаза сокрытия доходов. В ходе *расслоения* преступные доходы маскируют за вполне легальными приходно-расходными операциями, создавая сложную цепочку транзакций, что усложняет дальнейший поиск и выявление истинного происхождения денежных средств.

После успешного расслоения начинается этап *интеграции*, когда денежные средства могут быть законно введены в экономику под видом легально полученных активов в самых различных видах: депозиты, вексели, акции, движимое и недвижимое имущество, доли в уставных капиталах юридических лиц. На данном этапе становится невозможным определить происхождение активов при помощи используемого уполномоченными органами программно-аппаратного комплекса.

Тем не менее есть положительные результаты работы по ужесточению контроля за движением любых денежных средств, характер которых может указывать на то, что происходит размещение. В основе ужесточения лежит передача обязательств финансовым учреждениям по сбору информации, ее верификации и, при необходимости, оповещению органов финансовой разведки о соответствующих нарушениях со стороны физических и юридических лиц.

Стоит отметить, что использование криптовалютной схемы, основанной на технологии блокчейн, позволяет сократить срок легализации денежных средств, а также способствует анонимизации транзакций. Тем не менее, несмотря на то, что сети в таких технологиях считаются полностью анонимными, с ними возможна борьба при помощи действующего программно-аппаратного комплекса. Действительно, в распределенной сети информация о цепочке транзакций находится в открытом доступе, однако выяснить, кто является получателем или отправителем не представляется возможным. Таким образом, наиболее уязвимым для нарушителей закона местом является момент конвертации криптовалюты в фиатную валюту.

Именно по этой причине одновременно с ростом популярности такого подхода к решению финансовых задач, начала развиваться отечественная практика с запретительным уклоном в отношении криптовалют.

Так, Банк России отмечает, что предоставление юридическими лицами – резидентами РФ услуг по обмену криптовалют на рубли и иностранную валюту, а также на товары, работы или услуги, будет рассматриваться как потенциальная вовлеченность в осуществление сомнительных операций¹

Федеральной службой по финансовому мониторингу также отмечено, что использование криптовалют при совершении операций является основанием для рассмотрения вопроса об отнесении таких операций к операциям, направленным на легализацию (отмывание) доходов, полученных преступным путем, и финансирование терроризма².

Генеральная Прокуратура Российской Федерации не только отнесла криптовалюту к числу денежных суррогатов, выпуск которых в соответствии со на территории Российской Федерации запрещен³, но и инициировала процедуру блокировки тех интернет-сайтов, на которых предлагалось использование криптовалют в качестве способа платежа⁴.

Более того, Министерство финансов Российской Федерации выступало с инициативой о введении административной и даже уголовной ответственности за эмиссию и оборот криптовалют, однако данная инициатива осталась лишь на уровне законопроекта⁵.

Заключение

Опираясь на мировой опыт и текущее состояние национальной экономики, необходима модернизация законодательной базы в отношении мер финансового регулирования, в том числе в отношении оборота и эмиссии криптовалют. Необходимо учесть потенциальный рост благосостояния населения, улучшение демографической ситуации, а также рост инвестиционной привлекательности страны в случае либерализации эмиссии и оборота криптовалют. Положительные стороны либерализации данного вида деятельности будут сопровождаться повышением требований для организаций, обеспечивающих исполнение законодательства в области ПОД/ФТ. Первые исследования в этом направлении опубликованы сотрудниками Люксембургского университета, которые указали примерные алгоритмы деанонимизации пользователей криптовалюты Bitcoin⁶.

1 О внесении изменений в Федеральный закон «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: федеральный закон от 23 июля 2010 г. № 176-ФЗ в ред. от 29 июня 2015 г. // Собрание законодательства Российской Федерации – № 30 – ст. 4007

2 О связи: федеральный закон от 07 июля 2003 г. № 126-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации – № 28 – ст. 2895

3 О Центральном банке Российской Федерации: федеральный закон от 10 июля 2002 г. № 86-ФЗ с изм. и доп., вступ. в силу с 18 марта 2018 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. – № 1 – ст. 27

4 Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: офиц. текст от 18.12.2001 № 174-ФЗ в ред. от 19 февраля 2018 г. // Собрание законодательства Российской Федерации – № 52 – ст. 4921

5 Жубрин Р. В. Борьба с легализацией преступных доходов: теоретические и практические аспекты – М.: Волтерс Клувер, 2011. – С. 319-321

6 Global Anti-Money Laundering Vendor Evaluation: A Reinvigorated Market // WatersRankings. – 2010

Безусловно, при разработке любого законопроекта затрагиваются интересы нескольких сторон. С одной стороны, выглядит логичным использование локальных выгод для эмиссии криптовалют в виде низкой стоимости электроэнергии. В основном это касается тех регионов, где большая часть электроэнергии генерируется гидроэлектростанциями (ГЭС). При этом однозначно необходим контроль отраслевой микроэкономики в части установления искусственных порогов по входу на рынок эмиссии криптовалют, например, при помощи лицензирования данного вида деятельности.

С другой стороны, необходимо сохранить вектор на оздоровление банковского сектора и исключение недобросовестных участников данного рынка с применением современных технологий. Поскольку за 2017 год объем рынка криптовалют вырос в несколько раз, а капитализация двух наиболее популярных криптовалют уже превышает капитализацию венчурного проекта Uber, стоит полагать, что использование криптовалюты в качестве средства платежа будет становится все более популярным. Это означает необходимость взаимной интеграции финансовых учреждений в блокчейн-проекты. Уже сегодня многие крупные банки создают свои блокчейн-платформы с применением передовых IT-решений. Благодаря особенностям алгоритма и высокой надежности, технология блокчейн подходит для оценки рисков, комплаенс-контроля и т.п.

Необходимость определения статуса цифровых технологий, применяемых в финансовой сфере, и их понятий (в том числе таких, как «технология распределённых реестров», «цифровой аккредитив», «цифровая закладная», «криптовалюта», «токен», «смарт-контракт»), а также необходимость установления требований к организации и осуществлению производства, основанного на принципах криптографии в среде распределённых реестров («майнинг»), включая регистрацию хозяйствующих субъектов, осуществляющих такую деятельность и определение порядка её налогообложения, считаю необходимым в первую очередь обратить внимание на цели, задачи и инструменты глобальной системы по борьбе с легализацией доходов, полученных преступным путем и финансированию терроризма⁷.

Пристатейный библиографический список

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: офиц. текст от 18.12.2001 № 174-ФЗ в ред. от 19 февраля 2018 г. // Собрание законодательства Российской Федерации – № 52 – ст. 4921.
2. О внесении изменений в Федеральный закон «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: федеральный закон от 23 июля 2010 г. № 176-ФЗ в ред. от 29 июня 2015 г. // Собрание законодательства Российской Федерации – № 30 – ст. 4007.

3. О связи: федеральный закон от 07 июля 2003 г. № 126-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации – № 28 – ст. 2895.
4. О Центральном банке Российской Федерации: федеральный закон от 10 июля 2002 г. № 86-ФЗ с изм. и доп., вступ. в силу с 18 марта 2018 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. – № 1 – ст. 27.
5. Жубрин Р.В. Борьба с легализацией преступных доходов: теоретические и практические аспекты – М.: Волтерс Клаувер, 2011. – С. 319 – 321
6. Поручение Президента РФ № Пр-2132 от 21 октября 2017 г. по вопросу использования цифровых технологий в финансовой сфере [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/55899>
7. Global Anti-Money Laundering Vendor Evaluation: A Reinvigorated Market // WatersRankings. – 2010.

Институт законодательства и сравнительного правоведения
при правительстве Российской Федерации
Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации

ЗАКОННОСТЬ

теория и практика

Третье издание

Монография

Ответственные редакторы
Ю.А. Тихомиров, Н.В. Субанова

⁷ Поручение Президента РФ № Пр-2132 от 21 октября 2017 г. по вопросу использования цифровых технологий в финансовой сфере [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/55899>

ФРОЛОВ Александр Петрович

соискатель, ассистент кафедры международного бизнеса Санкт-Петербургского государственного экономического университета

РАСЧЁТ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ В СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ПРОИЗВОДСТВЕННОЙ МОДЕЛИ

В статье поднимаются вопросы оценки экономической эффективности в условиях социалистической производственной модели. Проведен обзор способов понимания термина «эффективность общественного производства» для социалистической производственной модели. Установлена основная особенность оценки эффективности в социалистической производственной модели. Уточнено, что такая особенность состоит в тесной взаимосвязи критериев социальной и экономической эффективности. Раскрыты основные достоинства и недостатки конструирования содержания экономической эффективности социалистической производственной модели. Приводится содержание критериев и показателей, учитываемых при использовании методик расчёта экономической эффективности в социалистической производственной модели. Формулируются основные преимущества и слабые позиции используемых в социалистической производственной модели методик оценки экономической эффективности. Дается авторская позиция роли сложившихся методик расчёта экономической эффективности в социалистической производственной модели для современного понимания оценки эффективности системы экономического производства.

Ключевые слова: эффективность, модель экономики, социалистическая модель, производственная модель.

FROLOV Aleksandr Petrovich

competitor, assistant of International business sub-faculty of the Saint Petersburg State University of Economics

CALCULATION OF ECONOMIC EFFICIENCY IN THE SOCIALIST PRODUCTION MODEL

The article raises the questions of economic efficiency estimation in the conditions of socialist production model. The ways of understanding the term "efficiency of public production" for the socialist production model are reviewed. The main feature of efficiency evaluation in the socialist production model is established. It is specified that such feature consists in close interrelation of criteria of social and economic efficiency. The main advantages and disadvantages of the construction of the content of the economic efficiency of the socialist production model are revealed. The content of criteria and indicators taken into account when using methods of calculation of economic efficiency in the socialist production model is given. The main advantages and weak points of the methods of economic efficiency estimation used in the socialist production model are formulated. The author gives the author's position on the role of the existing methods of calculation of economic efficiency in the socialist production model for the modern understanding of the evaluation of the efficiency of the economic production system.

Keywords: efficiency, model of economy, socialist model, production model.

Проблема оценки экономической эффективности производства и сложившихся национальных производственных моделей является одной из основополагающих в экономической теории. При этом не теряют своей актуальности задачи оценки методик расчёта экономической эффективности производственных моделей, оставивших существенный след в истории экономики систем. Среди таких моделей хозяйствования прежде всего выделяется социалистическая производственная модель. По многим параметрам такая модель традиционно противопоставляется рыночной, относительно исследователями к модели, обладающей антагонистическими по отношению к рыночной свойствам. При всех недостатках, социалистическая производственная модель обладала безусловными достоинствами, во многом существующие объекты экономической инфраструктуры, основных производственных фондов (в особенности зданий и сооружений) обязаны именно социалистической системе производства. Таким образом, задача анализа методик расчёта экономической эффективности в социалистической производственной модели, выявления преимуществ экономических результатов функционирования такой модели по-прежнему является актуальной.

Проблема разработки методик оценки экономической эффективности в социалистической производственной модели решалась в трудах различных отечественных авторов, осуществлявших свои исследования преимущественно в период действия модели административно-планового хозяйствования. Так, в экономической теории накоплен широкий пласт исследований и выразившихся в них позициях в отношении содержания эффективности производственной модели в условиях социалистического хозяйствования. Существующий спектр мнений, по понятным причинам, хронологически относится в основном к советскому периоду научно-исследовательской деятельности.

К примеру, авторы «Курса политической экономики» 1970 г. определяют экономическую эффективность общественного производства как результативность социалистического

производства, условие его планомерного развития¹. Другие авторы придерживаются мнения о том, что высшая мера эффективности общественного производства при социалистической системе производственных отношений характеризуется реализацией высшей цели такой системы².

Понимание экономической эффективности в социалистической производственной модели неразрывно связано с понятием социальной эффективности. По мнению Б. Вайнштейна³, экономическая эффективность социалистической производственной модели определяется уровнем изменения национального дохода, конечного продукта и национального богатства. Указанный автор делает вывод о взаимосвязи социальной и экономической эффективности, состоящей в том, что социальные результаты относятся к факторам расширенного воспроизводства занятого населения, повышения его квалификации и творческого потенциала как основной производительной силы. Это означает, что в рамках социалистической производственной модели происходит планомерное формирование обратных связей: будущи достигнуты за счёт капиталовложений, социальные связи определяют ускорение научно-технического прогресса и на его основе развитие общественного производства.

По мнению М. М. Рившина понятия социальной и экономической эффективности определяют разные, но при этом неразрывные стороны развития общественного производства⁴.

- 1 Курс политической экономики: для экон. фак и вузов; под ред. Н. А. Цагалова. – Изд. 2-е, доп. Т. 2. – М.: Экономика, 1970. – 670 с.
- 2 Черковец В. Основной экономический закон социализма и главная задача новой пятилетки // Вопросы Экономики. – 1971. – № 9. – С. 13.
- 3 Вайнштейн В. Об оценке социальных результатов научно-технического прогресса // Вопросы экономики. – 1974. – № 2. – С. 91-92.
- 4 Рившин М. М. Методы оценки эффективности производства с учётом социальных результатов его функционирования (на примере Минжилкомхоза БССР): дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05. – Минск, 1984. – С. 17.

Авторы понимают под производственно-экономической эффективностью социалистической модели уровень развития производительных сил общества, их производительную способность⁵. Таким образом, производственно-экономическая эффективность социалистической модели рассматривается как материальная основа определенной меры реализации принципа присвоения по труду или уровень социально-экономической эффективности.

Сложившееся понимание экономической эффективности в социалистической производственной модели определило содержание методик расчёта данного параметра. В основе методик закладывались способы расчёта экономической эффективности, основанные на учёте показателей, в основном затратных, ресурсных или затратно-ресурсных⁶.

Затратные критерии экономической эффективности основываются на соотношении результатов и текущих затрат, издержек социалистического производства. В рамках такого подхода предлагаются частные индексы, оценивающие эффективность отдельных видов затрат, а также интегральный индекс, позволяющий произвести оценку эффекта совокупных затрат. Достоинством такого подхода является тщательное изучение показателей затрат на организацию производства, а также тенденций изменения таких затрат. К недостатку использования затратных показателей относится недоучёт полного объёма используемых ресурсов, преимущественно основных фондов.

Другой подход – ресурсный, основан на оценке соотношения результатов производства со всеми находящимися в распоряжении субъекта хозяйствования ресурсами. Устраняя недостаток, характерный для затратного подхода, в ресурсном подходе, тем не менее, не учитываются в полной мере текущие затраты (например, затраты сырья и материалов).

Затратно-ресурсный подход основан на комбинировании показателей и критериев, используемых в указанных выше подходах в целях совместного учёта затрат на организацию производства и используемых для этого ресурсов.

Соответственно, методики расчёта экономической эффективности социалистической производственной модели разрабатывались в рамках указанных подходов.

В исследовании⁷ предложен метод соизмерения и учёта всей суммы ресурсов в единицах затрат труда на основе данных межотраслевого баланса. Суть метода состоит в том, что межотраслевой баланс затрат труда позволял определять полные затраты труда на продукцию строительства, машиностроения, на основе чего рассчитывается трудовая оценка производственных фондов (1):

$$Q_{\text{пф}} = \sum_{i=1}^m (\Phi_i^a - M) * T_i + (\Phi_i^b + M) * T_c \quad (1)$$

Где – трудовая оценка основных производственных ресурсов, ед. времени;

– активные производственные фонды i-й группы (стоимость – «борудования»), ден. ед.;

M – стоимость монтажных работ по установке оборудования, ден. ед.;

T_i – коэффициент полных затрат труда по продукции i-ой отрасли машиностроения;

T_c – коэффициент полных затрат труда в строительстве (строительно-монтажные работы).

Замечания к данной методике состояли в недостаточном учёте ею структуры затрат труда, структуры отраслевых производственных фондов, способе учёта полных затрат труда, составе производственных фондов в натуральном выражении⁸.

Приведенный выше метод также содержал недостаток недоучёта временного фактора осуществления производственной деятельности в особенности, проявляющегося в условиях осуществления капитальных вложений. Основой учёта фактора времени признавалось обеспечение синхронного соизмерения затрат и получаемого результата.

В. Ф. Пугачев для приведения несинхронных во времени затрат и результатов вводит взвешивающие функции⁹. Кроме этого, предлагается использоваться в качестве взвешивающих функций простые¹⁰ и сложные проценты¹¹.

Подводя итог заметим, что сложившиеся в условиях социалистической производственной модели подходы к оценке экономической эффективности сыграли основополагающую роль в современном понимании эффективности производственных процессов в большей мере в части оценки затрат. Безусловно, в нынешних условиях применение методик оценки экономической эффективности производственной модели существенно ограничено. Тем не менее, отдельные позитивные наработки в расчёте экономической эффективности в социалистической производственной модели могут использоваться для теоретических целей и для критической оценки перспектив реализации современных крупных производственных проектов.

Пристатейный библиографический список

1. Вайнштейн В. Об оценке социальных результатов научно-технического прогресса // Вопросы экономики. – 1974. – № 2. – С. 90-101.
2. Володарский Л. Статистика и экономическая теория // Вопросы экономики. – 1974. – № 6. – С. 3-14.
3. Дорошин И. И. Определение обобщающего показателя эффективности общественного производства на основе учёта затрат живого и общественного труда // Проблемы теории и анализа эффективного общественного производства. – М.: Экономика, 1972. – С. 105-127.
4. Курс политической экономии: для экон. фак и вузов; под ред. Н. А. Цагалова. – Изд. 2-е, доп. Т. 2. – М.: Экономика, 1970. – 670 с.
5. Курс экономической статистики: для вузов. – Изд. 4-е переработ. к доп. – М.: Статистика, 1967. – 584 с.
6. Ноткин А. И. К вопросу о критерии оптимальности экономического развития // Вопросы экономики. – 1966. – № 8. – С. 15-27.
7. Пугачев В. Ф. Оптимизация планирования: теорет. проблемы. – М.: Экономика, 1968. – 167 с.
8. Рившин М. М. Методы оценки эффективности производства с учётом социальных результатов его функционирования (на примере Минжилкомхоза БССР): дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05. – Минск, 1984. – 173 с.
9. Сатуновский Л. М. Показатели эффективности общественного производства. – М.: Статистика, 1980. – 176 с.
10. Типовая методика определения экономической эффективности капитальных вложений и новой техники в народном хозяйстве СССР. – М.: Госпланиздат, 1960. – 22 с.
11. Шустер А. И. Фактор времени в оценке экономической эффективности капитальных вложений. – М.: Наука, 1969. – 243 с.
12. Эффективность общественного производства. – Минск: Наука и техника, 1979. – 238 с.

5 Эффективность общественного производства. – Минск: Наука и техника, 1979. – С. 111.

6 Сатуновский Л. М. Показатели эффективности общественного производства. – М.: Статистика, 1980. – 176 с.

7 Дорошин И. И. Определение обобщающего показателя эффективности общественного производства на основе учёта затрат живого и общественного труда // Проблемы теории и анализа эффективного общественного производства. – М.: Экономика, 1972. – С. 105-127.

8 Володарский Л. Статистика и экономическая теория // Вопросы экономики. – 1974. – № 6. – С. 3-14.

9 Пугачев В. Ф. Оптимизация планирования: теорет. проблемы. – М.: Экономика, 1968. – 167 с.

10 Шустер А. И. Фактор времени в оценке экономической эффективности капитальных вложений. – М.: Наука, 1969. – 243 с.

11 Типовая методика определения экономической эффективности капитальных вложений и новой техники в народном хозяйстве СССР. – М.: Госпланиздат, 1960. – 22 с.

ПОПОВ Виталий Владимирович

доктор философских наук, профессор кафедры теории и философии права Таганрогского института (филиала) Ростовского государственного экономического университета

МУЗЫКА Оксана Анатольевна

доктор философских наук, профессор кафедры теории и философии права Таганрогского института (филиала) Ростовского государственного экономического университета

КОЖЕНКО Яна Васильевна

кандидат юридических наук, доцент Таганрогского института (филиала) Ростовского государственного экономического университета

ПРАВОВОЙ НИГИЛИЗМ И СЕРВИСНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ КАК УГРОЗА РАЗРУШЕНИЯ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОЙ ОСНОВЫ И ПРАВОПОРЯДКА РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ*

В статье анализируется феномен правового нигилизма и сервисной трансформации общества в контексте разрушения духовно-нравственной основы и правопорядка Российской государственности, исследуется зарубежный и отечественный научно-исследовательский опыт правового регулирования правовых отношений в сервисном государстве.

Ключевые слова: сервисное государство, правовой нигилизм, социальная трансформация, лоббизм, государственное управление.

POPOV Vitaliy Vladimirovich

Ph.D. in Philosophy, professor of Theory and philosophy of law sub-faculty of the Taganrog Institute (branch) of Rostov State Economic University

MUZYKA Oksana Anatoljevna

Ph.D. in Philosophy, professor of Theory and philosophy of law sub-faculty of the Taganrog Institute (branch) of Rostov State Economic University

KOZHENKO Yana Vasiljevna

Ph.D. in Law, associate professor of the Taganrog Institute (branch) of Rostov State Economic University

LEGAL NIHILISM AND SERVICE TRANSFORMATION AS A THREAT OF THE DESTRUCTION OF THE SPIRITUAL AND MORAL BASIS AND THE LEGAL ORDER OF THE RUSSIAN STATEHOOD

The article analyzes the phenomenon of legal nihilism and the service transformation of society in the context of the destruction of the spiritual and moral basis and the legal order of the Russian statehood, the foreign and domestic research experience of the legal regulation of legal relations in the service state is explored.

Keywords: service state, legal nihilism, social transformation, lobbyism, public administration.

Популяризация сервисной культуры и развитие институтов сервисного государства оказали не только позитивное, но и деструктивное воздействие на массовое общественное сознание, а также на социально-политическую сферу жизнедеятельности современного общества¹. Идеологическая дезинтеграция социума, девальвация ценностей старшего поколения и размытость жизненных ориентиров молодежи привели к тому, что современная Россия по-прежнему остается среди стран-лидеров по низкому уровню жизни, количеству разводов и суицидов, уровню смертности, численному росту лиц страдающих алкогольной и наркотической зависимостью. Реконструкция «советской идеологии», поспешная рецепция западной модели политического и социально-экономического уклада жизнедеятельности, конвергенция публичного и сервисного управления, окулировка «ценностей» рыночной экономики, привели к вырождению, архаизированию и подмене традиционных морально-нравственных норм. Отсутствие единой национальной идеологии и целостной системы ценностей, которые объединяют граждан Российской Федерации в единую историческо-культурную и со-

циальную общность, недоверие социально большинства людей друг к другу, обществу, бизнесу и отдельным государственным институтам, развитие лоббизма, сокращение социальных лифтов мобильности, информационные войны, приводят к тому, что Россия в глазах молодежи, не является привлекательной для жизни страной.

Развитие сервисных форм и методов государственного управления основано на том, что государство существует как политический организатор общественных отношений возникающих преимущественно по поводу оказания государственных и муниципальных услуг. Главным показателем в процессе сервисной трансформации государственного управления, выступает удовлетворенность «потребителей-граждан», в то время, как вопросы единства, этно-национальных, духовно-нравственных и этических проблем теряют свою актуальность. В настоящее время «сервисное» поколение молодых граждан России, в полной мере не ощущают себя гражданами единой страны, т.е. не обладают полноценной российской идентичностью, утрачивает историческую память и обще разделяемое представление о едином народе (сплоченном чувством патриотизма, укорененного в национальной истории и культуре, имеющего общий идеал будущего). В этой связи, мы созерцаем вспыхивающие очаги национальной нетерпимости, национальной дискриминации, рост ксенофобии в обществе,

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта "Трансформация стратегий исследования динамики социальной реальности", № 16-33-00003-офн\18.

1 Коженко Я. В. Проблемы и перспективы развития сервисного подхода в системе государственного управления (на примере электронного правительства) // Юристъ-Правоведъ. 2012. № 1 (50). С. 31-35.

разрушающие не только духовно-нравственные основы, но и представляющие в будущем угрозу целостности Российской государственности².

В последнее время в научной литературе уделяется повышенное внимание корпоративным и сервисным формам и методам управления. Проблемам формирования науки о сервисе посвящены работы А. Ф. Васильевой, В. Д. Маркова, Ф. Котлера, Р. Х. Франк. Исследования показывают весьма разносторонние подходы к изучению «сервисной модели» государственного управления, укладываемые в рамках таких теорий как: теория обмена, теория символического интеракционизма, теория структурного функционализма, теория конфликта. Обобщив полемику отечественных и зарубежных и научных дискурсов в оценке сервисной концепции государства и права, становится очевидным, что под влиянием трансформации политической, экономической и социально-культурной систем в механизме государственного управления происходят глобальные изменения. Анализ процесса взаимодействия в «сервисном государстве», позволил выявить его особенности: оптимизация властно-правовой деятельности через развитие сетевых форм управления; развитие института «электронного правительства» и коммуникативных технологий контроля и планирования; развитие «электронных» услуг; развитие государственного сервиса как социальной системы; результативность системы государственного управления оценивается критериями удовлетворенности или неудовлетворенности потребителей-граждан; политический, социальный, экономический, идеологический плюрализм; государство это не Родина, а сервис оказания услуг; изменение политического сознания и электоральных запросов.

Изменение политического сознания молодежи сопровождается противоречиями развития общества на протяжении последних десятилетий. Данное обстоятельство не могло не отразиться на политической активности и реальном участии молодежи в политической жизни³. В настоящее время очевиден факт отчуждения «поколения сервиса» от властных функций, деформации сознания, порождающих расцвет правового нигилизма в молодежной среде, рост популярности неолиберальных ценностей⁴. Общество «потребления» воспринимает государство «управляющую компанию», «производителя услуг» и материальных благ. В этой связи, право, как регулятор общественных отношений, элемент государственного управления утрачивает свой авторитет, свою ценность, что влечет за собой социальную нестабильность в обществе и рост напряженности в молодежной среде⁵.

В свою очередь это находит свое отражение в участии молодых людей в политических акциях, направленных на стимулирование общественной трансформации, рост актов

гражданского неповиновения, участие в демонстрациях и других формах социального протеста как в рамках действующего законодательства, так и за его пределами. Анализируя чреду бархатных и цветных революций будоражащих постсоветское политико-правовое пространство, а также предвыборную кампанию кандидатов на пост Президента РФ 2018 г., интерес для исследования вызывает эксплуатация правового нигилизма (манипуляции сознанием) и ксенофобии молодежи, используемых как катализатор для запуска революционных процессов.

Среди отечественных исследователей политическое сознание часто рассматривается как наиболее систематизированная форма массового сознания. Исследуя различные подходы к рассмотрению данного феномена как не институциональной составляющей политики, считаем целесообразным согласиться с Е. Ю. Мелешкиной, которая определяет политическое сознание «как совокупность ментальных явлений, в которых выражается восприятие политики индивидуальным субъектом политического процесса». В этой связи, можно сделать вывод о том, что неоднородность политического сознания «поколения сервиса», многообразие политических ориентаций и интересов, отразились в появлении большого количества разнообразных по направленности молодежных политических объединений. Считаем, что указанной проблематике необходимо уделять серьезное внимание, поскольку к следующим Президентским выборам и выборам депутатов Государственной Думы Российской Федерации, существенно обновится не только вся политическая система, но и впервые будет принимать участие «сервисный электорат».

Как показывают социологические опросы, «сервисный электорат» современной России испытывает негативное отношение к власти всех уровней и остается главной равнодействующей политических ориентаций молодежи. Именно сегодня, когда возрастает политическая роль «субъектов» неполитического уровня внимание к техническим возможностям запуска революционных процессов вызывает особый интерес. Бархатные революции, внутренние национальные конфликты, как и другие варианты смены режимов, стали стандартной формой реализации изменений в современном постсоветском мире. В результате цветных революций постсоветское пространство трансформировалось и перестало жить по своим законам. «Поколение сервиса» представляет собой благодатную почву для развития революционных, неолиберальных и пророссийских настроений.

Технологическим акцентом большей части революционных процессов является дезинтеграция общества. Так, Г. Почепцов среди обязательных компонентов бархатной революции выделяет недовольство: студенческого сообщества, региональных сил, мелкого и среднего бизнеса. В этой связи молодежный правовой нигилизм является точкой опоры процесса делигитимации власти. Так, например, украинские события показывают о существовании специальных «агентов» деятельности по легитимации и делигитимации власти. Основы деятельности данных агентов аккумулируют практики и технологии «дикого» лоббизма и делигитимации власти со стороны вне институциональных субъектов. В сервисном-информационном обществе возможной становится делигитимация на произвольной, неправовой основе, по формуле: «власть противозаконная и преступная, и действия против нее могут быть нелегальными». Данный отказ от легальных форм поли-

2 Попов В. В., Музыка О.А., Тимофеев В. А. Противоречия в контексте переходных периодов транзитивного общества // Международный журнал экспериментального образования. 2016. № 7-0. С. 111-114.

3 Попов В. В., Тимофеев В. А. Методологические особенности периода транзита в догоняющем государстве // Фундаментальные исследования. 2015. № 2-25. С. 5743-5747.

4 Коженко Я. В. Особенности национальной системы управления государственно-частным партнерством в Российской Федерации. Монография / Под ред. Я. В. Коженко. Уфа, 2018. С. 545.

5 Коженко Я. В., Серегин А. В. Анализ концепций «сильного», «сервисного» и «социального» государства в контексте совершенствования системы государственного управления и развития государственно-частного партнерства // Аграрное и земельное право. 2017. № 4 (148). С. 61-64.

тической борьбы за власть нашел свое отражение в революционных лозунгах оранжевой революции в Украине. Проведенный анализ цветных революций, позволил выделить такие черты кризиса легитимности как: отсутствие согласия в обществе относительно политической власти, непризнание гражданами процесса принятия политических решений, чрезмерная конкуренция в борьбе за власть, политическая пассивность электоральных масс, несоответствие решений власти доминирующим в обществе представлениям о праве и справедливости; захват физического, информационного и когнитивного пространства.

В этом плане молодежные движения принимают форму проводников революционных процессов. Так, например Украина с начала 90-х годов находится в ситуации, когда молодежные объединения проявляют себя в активной форме. Это объясняется тем, что в критической ситуации проявляются факторы «улицы», неформальных объединений, неправительственных организаций, которые способны создать революционный климат, критическое мнение, спонтанный протест («Пора»). Данные объединения не управляемы и не контролируются властью используются только в периоды революций. То есть молодежь представляет интерес не сама по себе, а как рычаг, приводящий в движение все общество⁶.

Манипуляция сознанием подрастающего «поколения сервиса» может активизировать массовое сознание посредством следующих этапов: создание активного неудовлетворенного действующим политическим режимом социального сегмента; интенсивная информационная трансляция этой неудовлетворенности на всей территории государства; блокирование неприсоединившихся к этой неудовлетворенности социальных групп и отдельных индивидов. В этой связи, целесообразно выделить факторы, влияющие на разрушение и деформацию молодежного сознания, к которым относятся, информационная среда (дающая возможность общения и формирования будущей политической элиты); политическая среда; образовательная среда (требующая построения новой системы образования); новые системы личностного роста (инновационные лифты социальной мобильности); использование «мягкой силы» развития и контроля процессов трансформации молодежной среды⁷, основанные на национальной идее; национальной истории, традиционных социокультурных ценностях. Необходимо подчеркнуть, что развитие сервисной концепции государственного управления (под эгидой развития прав и свобод человека и гражданина) разрушает национальное виртуальное пространство охраняющее государство от вторжения со стороны других виртуальных пространств. В этой связи, считаем целесообразным использование китайского опыта в сфере сокращения анонимности в сети интернет, а также блокирование действия на территории Российской Федерации сервисов Telegram, в целях защиты национальной безопасности.

Подводя итоги, считаем целесообразным отметить, что актуальной проблемой остается вопрос о допустимых пределах сервисной трансформации как государственного управления, так и общественного бытия, поскольку от способов политической интеграции молодежи сегодня будет зависеть не

только социально-экономический, но и ментально-политический климат нашей страны завтра.

Пристатейный библиографический список

1. Аверина Н. В., Попов В. В. Фактор времени в детерминистских и индетерминистских теориях исторического процесса // *Философия права*. 2011. № 4 (47). С. 86-90.
2. Коженко Я. В. Проблемы и перспективы развития сервисного подхода в системе государственного управления (на примере электронного правительства) // *Юристы-Правоведы*. 2012. № 1 (50). С. 31-35.
3. Коженко Я. В. Особенности национальной системы управления государственно-частным партнерством в Российской Федерации. Монография / Под ред. Я. В. Коженко. Уфа, 2018. С. 545.
4. Коженко Я. В., Серегин А. В. Анализ концепций «сильного», «сервисного» и «социального» государства в контексте совершенствования системы государственного управления и развития государственно-частного партнерства // *Аграрное и земельное право*. 2017. № 4 (148). С. 61-64.
5. Попов В. В. Концепция прошлого в контексте исторического процесса // *Философия права*. 2010. № 5. С. 72.
6. Попов В. В., Музыка О. А., Тимофеев В. А. Противоречия в контексте переходных периодов транзитивного общества // *Международный журнал экспериментального образования*. 2016. № 7-0. С. 111-114.
7. Попов В. В., Тимофеев В. А. Методологические особенности периода транзита в догоняющем государстве // *Фундаментальные исследования*. 2015. № 2-25. С. 5743-5747.

6 Попов В. В. Концепция прошлого в контексте исторического процесса // *Философия права*. 2010. № 5. С. 72.

7 Аверина Н. В., Попов В. В. Фактор времени в детерминистских и индетерминистских теориях исторического процесса // *Философия права*. 2011. № 4 (47). С. 86-90.

ВИНОГРАДОВА Наталья Викторовна

кандидат философских наук, доцент кафедры философии Уфимского государственного нефтяного технического университета

ИСТИНА В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ И ПОЛИТИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ: ВЫСШАЯ ЦЕННОСТЬ ИЛИ НЕСБЫТОЧНЫЙ ИДЕАЛ?

В статье ставится проблема определения истины в социокультурной и политической сферах, где за истину часто выдается ложь с целью оправдания социально-политических решений. Приближение к истине возможно только при условии достижения высокого уровня духовно-нравственного развития, что сегодня становится необходимым фактором сохранения и самого человека, и общества в целом.

Ключевые слова: истина, ложь, ценность, правда, духовность, Бог, миф, политическая власть.

VINOGRADOVA Natalya Viktorovna

Ph.D. in Philosophy, associate professor of Philosophy sub-faculty of the Ufa State Petroleum Technological University

Виноградова Н. В.

TRUTH IN SOCIO-CULTURAL AND POLITICAL MEASUREMENT: HIGH VALUE OR UNRELIABLE IDEAL?

The article poses the problem of determining the truth in the sociocultural and political spheres, where truth is often lied to justify sociopolitical decisions. Approaching the truth is possible only if a high level of spiritual and moral development is achieved, which today becomes a necessary factor for the preservation of both the person and society as a whole.

Keywords: truth, false, value, spirituality, God, myth, political power.

Стремление к истине в той или иной степени свойственно всем людям, причём не только в познавательной сфере, но и в повседневной жизни. Каждому человеку хочется быть уверенным в том, что информация, которую он получает из разных источников, является достоверной, что совершаемые им действия приведут к желаемому результату, то есть имеющиеся у него знания станут залогом успеха и процветания. С точки зрения прагматизма, истина и есть практически эффективное знание. Однако, когда человек обращается к этическим, морально-нравственным проблемам, встает вопрос, можно ли полностью доверять подобным критериям истины? Возможно ли вообще достижение и постижение истины в сфере общественных и межличностных отношений? А если речь идёт о разных культурах и традициях, которые порой не просто отличаются, а являются противоположными и трудно совместимыми в рамках одного социума? Может, и в самом деле, правы софисты, утверждавшие, что нет ничего абсолютного, истина относительна, зависит от времени и места, условий и обстоятельств а, главное, от самого человека?

Чтобы разобраться в этих вопросах, начнём с определения понятий. Следует отметить, что в обыденном сознании понятие «истина» довольно часто заменяется понятием «правда». Приведём два основных значения этого слова, данных толковым словарём Ожегова. Во-первых, правда – это «то, что существует в действительности, соответствует реальному положению вещей. Сказать правду. Услышать правду о случившемся»¹. Сравним с определением истины: «Истина – адекватное отражение действительности субъектом, воспроизведение её такой, какова она есть вне и независимо от

сознания»². Значения достаточно близкие, позволяющие использовать понятия как синонимы. А вот второе определение правды: «справедливость, честность, правое дело. Искать правды. Стоять за правду»³. Здесь и возникает вопрос о том, по каким критериям в социокультурной реальности определяется, что есть «справедливость, честность, правое дело»? На протяжении практически всей многовековой истории человечество сопровождала мечта об идеальном обществе, в котором царят справедливость и честность, а все люди живут мирно и счастливо. Да и борьба за это светлое будущее называлась борьбой за правое дело. Но понимали это «правое дело» борцы за него не всегда одинаково. Так, авторы социально-политических утопий Платон, Т. Мор, Т. Кампанелла, французские социалисты-утописты, считали свою концепцию идеального государства справедливой, несмотря на то, что справедливость распространялась далеко не на всех людей.

Своё собственное видение идеального общества всегда существовало во всех религиях. Самым древним из них является образ «Золотого века», который присутствует в мифологии практически всех народов. В христианстве этот идеал воплотился в понятиях Царства Божьего и Царства Небесного, как гармоничной жизни, так и душевного состояния человека и его поведения, причём человека умеренного во всех своих желаниях и поступках, не стремящегося к богатству и роскоши. Именно такой образ жизни приближает человека к Истине, к Иисусу Христу, а через него и к Богу.

2 Философский словарь / Под ред. И. Т. Фролова. – М.: Политиздат, 1991. – С. 169.

3 Толковый словарь Ожегова. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/177730>.

1 Толковый словарь Ожегова. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/177730>.

Понимание Истины как Бога характерно и для русской религиозной философии. В этой связи нельзя не обратиться к работе Н. А. Бердяева «Истина и откровение. Прологомены к критике Откровения». Философ подчеркивает экзистенциальный, целостный характер истины, которая не может быть исключительно интеллектуальной и познавательной. Кроме того, она динамична, а не статична, а её полнота не даётся завершенной. «Истина не есть реальность и не есть соответствие реальности, а есть смысл реальности, есть верховное качество и ценность реальности. В человеке должно происходить духовное пробуждение к Истине, иначе она не достигается или достигается омертвевшей, окостеневшей... Истина и есть Бог в чистоте и высоте, в отличие от Бога, приниженого и искаженного человеческими понятиями»⁴. Истина – это творческое преобразование реальности, а открытие – творческое соиздание Истины. Для Н. А. Бердяева истина одновременно и субъективна, индивидуальна, т. е. экзистенциальна, и универсальна в своей индивидуальности, или даже находится за гранью противоположения субъективного и объективного. Интересны и рассуждения философа о социализированной стороне истины. С одной стороны, Истина аристократична, она может открываться лишь одному и отрицаться всеми, ведь пророки всегда одиноки. С другой стороны, Истина существует для всего мира, к ней должен приобщаться каждый. Однако, когда «Истина социализируется и применяется к среднему человеку, к человеческой массе, она понижается в качестве, исчезает ее глубина во имя доступности всем»⁵. Это происходило с Истиной о Духе в исторических Церквях, когда она превращалась в застывшую и окостеневшую. Истина может открыться только при определенных культурных, духовных и интеллектуальных условиях, то есть предполагает определенное духовное состояние и уровень духовности. Другими словами, Истина не является достоянием лишь культурной элиты, однако она и не демократична. Истина открывается в общении и братстве людей, но не в таком, которое принято называть коллективизмом, когда «коллектив становится особенной реальностью, стоящей над человеческой личностью и угнетающей ее своим авторитетом»⁶. Для характеристики настоящего братства людей Н. А. Бердяев использует понятие «коммунотарность», которое сходно с русским «соборность», всегда предполагающим свободу.

Здесь Н. А. Бердяев близок к В. С. Соловьёву с его пониманием истинного или положительного всеединства как такого, «в каком единое существует не за счет всех или в ущерб им, а в пользу всех. Ложное, отрицательное единство подавляет или поглощает входящие в него элементы, само оказывается таким образом пустотою; истинное единство сохраняет и усиливает эти элементы, осуществляясь в них как полнота бытия»⁷. Да и само понимание единой Истины обоими философами очень схоже. Н. А. Бердяев говорит о том, что «первожизнь», «перво-реальность», целостная Истина существует до разделения на субъект и объект, в познающем субъекте уже есть неосознанное отношение к этой Истине. Фактически это проявление

“онтологической гносеологии” В. С. Соловьёва, когда акт познания рассматривается как воссоединяющая активность, то есть происходит воссоединение бытия и наступает актуальное единство познающего и познаваемого. Кроме того, и В. С. Соловьёв, и Н. А. Бердяев утверждают, что Истина одновременно и божественна, и человечна, а познание богочеловечно.

Следует отметить, что идеи В. С. Соловьёва и Н. А. Бердяева о неразрывности субъекта и объекта в познании вполне укладываются в неклассическую парадигму науки. Концепция же цельного знания близка к постнеклассической рациональности. Нельзя отрицать, что познающий субъект – это, прежде всего, человек со своими эмоциями, убеждениями, ценностными установками и экзистенциальными переживаниями. С другой стороны, он – часть того самого познаваемого объекта, часть природы, мира, Вселенной, микрокосма, вобравший в себя закономерности макрокосма. Поэтому так важно восстановить единство этического, эстетического и когнитивного, тем самым восстановив сущность самого человека и приблизившись к истине. Отсюда и «истина – это онто-гносеологическое понятие, которое подразумевает подлинность человеческого существа, это состояние, состояние тотальности, целостности... состояние, изначально присущее миру и человеку, эссенция, бытийственность...»⁸.

Ещё одно важное утверждение Н. А. Бердяева, на которое следует обратить внимание: «Истина по-разному раскрывается в зависимости от ступеней сознания, ступени же сознания очень зависят от влияния социальной среды и социальных группировок»⁹. А в науках о Духе общеобязательная интеллектуальная истина существует менее всего. Подходя к пониманию истины в социокультурном пространстве с прагматических позиций, можно «скатиться» к прагматизму лжи, что особенно часто проявляется в социально-политической сфере, когда ложь оказывается полезной определенным политическим кругам. Выдавая ложь за истину, манипулируя сознанием людей через средства массовой информации, власти конструируют новую реальность, реальность мифологизированную. Политический миф превращается в необходимый элемент политической культуры. «Новые политические мифы не возникают спонтанно, они не являются диким плодом необузданного воображения. Напротив, они представляют собой искусственные творения, созданные умелыми и ловкими “мастерами”»¹⁰. Так, советская коммунистическая идеология, заняв место религии в общественном сознании, пропагандировалась разными средствами, в том числе и созданием новых мифов. Одним из таких мифов эпохи построения развитого социализма и коммунизма стала мифологизация образов политических лидеров, начиная с В. И. Ленина, достигнув своего апогея в образе И. В. Сталина и сохраняясь в той или иной степени при всех последующих советских правителях. Показателен в данном смысле барельеф на здании Свердловской филармонии, открытой в 1936 году, изображающий вождя мирового пролетариата со своей супругой и соратником Н. К.

4 Бердяев Н. А. Истина и откровение. Прологомены к критике Откровения. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.studmed.ru/docs/document14164?view=1>.

5 Там же.

6 Там же.

7 Соловьёв В. С. Первый шаг к положительной эстетике. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://lib.ru/HRISTIAN/SOLOWIEW/shag.txt>.

8 Вильданова Г. Б., Вильданов Х. С., Дегтярев Е. В. Гносеологический анализ взаимоотношения понятий «истина» и «мудрость» // Вестник Челябинского государственного университета. - 2008. - № 33. - С. 99-105.

9 Бердяев Н. А. Указ. соч.

10 Кассирер Э. Техника современных политических мифов // Политология: хрестоматия / Сост. проф. М. А. Василек, доц. М. С. Вершинин. - М.: Гардарики, 2000. – С. 580.

Крупской, обнажёнными в образах библейских Адама и Евы на фоне советского герба с серпом и молотом.

Удержанию политической власти способствует и обращение к историческому прошлому, национальным традициям, укрепление чувства патриотизма. Апеллируя к патриотическим настроениям народа, политики, находящиеся в данный момент у власти, создают образ прошлого, выгодный именно им. Исторические факты интерпретируются в контексте современной политической ситуации, и истинной представляется именно нужная интерпретация. «Социальным группам необходимы свидетельства своего существования в прошлом, но им требуется такая картина прошлого, которая служит объяснению или оправданию настоящего, часто за счет исторической достоверности»¹¹. В поддержании политически активной идентичности решающую роль играет социальная память, способствуя сплочению общества. Однако, как уже указывалось, в её основе часто лежат не научные исторические факты, а мифологизированное представление об общенациональном прошлом. Что касается уважения к традициям, то приобретая не критический характер, оно становится контрпродуктивным, замалчивая исторические перемены. «Традиционализм – это грубейшее искажение исторического сознания, поскольку он исключает важнейшее понятие развития во времени»¹².

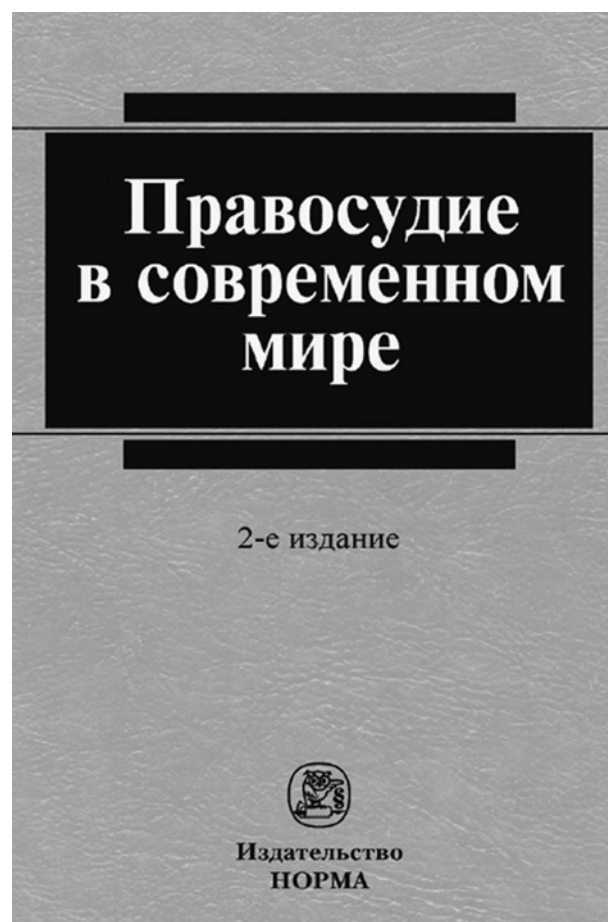
Итак, можно ли найти истину в социокультурной и политической сферах? На наш взгляд, В. С. Соловьёву и Н. А. Бердяеву удалось увидеть в понимании истины главное, а именно: чтобы приблизиться к достижению Истины нужно достичь определённого уровня духовности. Неоспоримо то, что человеку дана жизнь, жизнь не только в биологическом, но в социальном и духовном понимании, и человек должен её сохранить, развиваясь как в физическом, так и духовно-нравственном отношении. При этом, являясь частью коллектива, человеку важно помнить о том, что право на развитие имеет и каждый другой член коллектива. Отсюда и высшие общечеловеческие ценности: гуманизм, взаимоуважение и взаимопонимание. Казалось бы, такие простые истины, но даже они, увы, открываются не всем. Только высокий уровень духовно-нравственного развития человечества, единство при сохранении свободы личности позволят сохранить человеческое общество вообще. А при таких условиях отпадёт необходимость оправдывать политические и социальные решения культурными традициями, «особенностями национального характера» и патриотическими устремлениями. Поэтому истина в социокультурном и политическом измерении одновременно будет и высшей ценностью и, к сожалению, пока несбыточным идеалом.

11 Тош Д. Стремление к истине. Как овладеть мастерством историка. – М.: «Весь Мир», 2000. – 296 с. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://programma.x-pdf.ru/16istoriya/525159-1-stremlenie-istine-kak-ovladet-masterstvom-istorika-ves-mir-moskva-dzhon-tosh-stremlenie-istine-udk-bbk-perevod.php>.

12 Там же.

Пристатейный библиографический список

1. Бердяев Н. А. Истина и откровение. Прологемы к критике Откровения. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.studmed.ru/docs/document14164?view=1>.
2. Вильданова Г. Б., Вильданов Х. С., Дегтярев Е. В. Гносеологический анализ взаимоотношения понятий «истина» и «мудрость» // Вестник Челябинского государственного университета. – 2008. – № 33. – С. 99-105.
3. Кассирер Э. Техника современных политических мифов // Политология: хрестоматия – М.: Гардарики, 2000. – С. 580.
4. Соловьёв В. С. Первый шаг к положительной эстетике. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://lib.ru/HRISTIAN/SOLOWIEW/shag.txt>.
5. Толковый словарь Ожегова. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/177730>.
6. Тош Д. Стремление к истине. Как овладеть мастерством историка. – М.: «Весь Мир», 2000. – 296 с. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://programma.x-pdf.ru/16istoriya/525159-1-stremlenie-istine-kak-ovladet-masterstvom-istorika-ves-mir-moskva-dzhon-tosh-stremlenie-istine-udk-bbk-perevod.php>.
7. Философский словарь / Под ред. И. Т. Фролова. – М.: Политиздат, 1991. – 560 с.

НАБИЕВА Алина Айратовна

магистр направления «Теория и практика в архитектуре и градостроительстве» Уфимского государственного нефтяного технического университета

ДАЛЛАКЯН Галия Рашидовна

кандидат философских наук, доцент кафедры философии Уфимского государственного нефтяного технического университета

РАСУЛЕВА Юлия Викторовна

кандидат архитектуры, профессор кафедры архитектуры Уфимского государственного нефтяного технического университета

БАЙМУРАТОВ Рамиль Фаилевич

кандидат архитектуры, профессор кафедры архитектуры Уфимского государственного нефтяного технического университета

АРХИТЕКТУРА В КОНТЕКСТЕ ПОСТАПОКАЛИПСИСА (ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ)

Апокалипсис рассматривается как некое предельное критическое состояние жизни человека и условий его существования в целом. Поиск взаимоотношений различных агрессивных факторов внешней среды, их влияние на развитие общества, а также взаимосвязь с историей человеческой цивилизации. Сопоставление архитектурного «ответа» на агрессию в различные исторические периоды. Взгляд на теории и проекты, созданные при работе с апокалиптической историей, как на постапокалиптическое развитие человечества. Наличие сценографии конца и сценографии жизни после. Архитектура становится мостом между реальным миром с реальными угрозами и миром утопических решений постапокалипсиса.

Ключевые слова: апокалипсис, постапокалипсис, архитектура, сценография катастроф, обнуление параметров, появление нового в рамках катастрофы.

NABIEVA Alina Ayratovna

magister of the direction "Theory and practice in architecture and town planning" of the Ufa State Petroleum Technical University

DALLAKYAN Galiya Rashitovna

Ph.D. in Philosophy, associate professor of Philosophy sub-faculty of the Ufa State Petroleum Technological University

RASULEVA Yuliya Viktorovna

Ph.D. in Architecture, associate professor of Architecture sub-faculty of the Ufa State Petroleum Technological University

BAYMURATOV Ramil Failevich

Ph.D. in Architecture, associate professor of Architecture sub-faculty of the Ufa State Petroleum Technological University

ARCHITECTURE IN THE CONTEXT OF POSTAPOKALYPSE (PHILOSOPHICAL ASPECT)

Apocalypse is regarded as a certain ultimate state of the critical state of human life and the conditions of its existence in general. Search for the relationship of various aggressive factors of the external environment, their impact on the development of society, as well as the relationship with the history of human civilization. Comparison of the architectural "response" to aggression in different historical periods. A look at the theories and projects created when working with apocalyptic history, as a post-apocalyptic development of humanity. Presence of scenography of the end and scenography of the life after. Architecture becomes a bridge between the real world with real threats and the world of utopian decisions of postapocalypse.

Keywords: apocalypse, postapocalypse, architecture, scenography of disasters, resetting of parameters, appearance of a new one within the framework of the catastrophe.

С древнейших времен человечество училось существовать и выживать в окружающем его мире. Цивилизационные процессы меняли как отношения человека и природы, так и представление об угрозах существования человечества как вида. Сегодняшнее представление об апокалипсисе в частности связаны с глобальными проблемами, подразумевающими под собой общеизвестный мир катастроф, в который включены не только различные апокалиптические теории, но и постапокалиптические прогнозы выживания в той или иной ситуации, футуристические сценарии. Данный тип апокалипсиса хорошо известен человеку визуальными образами, отраженными в фантастической литературе и кинематографе. Это всеми известные ужасающие теории возможных катастроф, которые поставят под угрозу существование человечества. Например, теории космологических катастроф на Земле (теория о потери атмосферы, пригодной для дыхания; теория смены геомагнитных полюсов земли); теории угроз из космоса (теория о воз-

мущении облака оорта, вследствие которого на Землю может обрушиться метеоритный дождь; теория о сверхвыпыхке на Солнце, теория о возможном увеличении размеров Солнца до стадии красного гиганта; теория о взрыве сверхновой звезды, вследствие которого на землю устремится узконаправленный джет гамма-всплеска; и др.); теории о земных катастрофах (угроза нового ледникового периода, угроза глобального потепления, теории о разрушении озонового слоя Земли, и др.); теории различных природных катаклизмов (таких как загрязнение окружающей среды, угроза ураганов, мегацунами, извержение супервулкана, и др.); различные теории о технологиях (теория о появлении и развитие искусственного интеллекта, выход его из-под контроля; развитие нанотехнологий, теория о «серой слизи»; теории о трансгуманизме); теории, которые непосредственно связаны с человеком (теория о истощении ресурсов, теория сознательного и бессознательного невежества, угроза глобальной пандемии) и угрозой начала

третьей мировой войны (биологическая война, теория ядерного холокоста).

Как показывает история, апокалиптические сценарии всегда являлись мощным стимулом развития науки, техники, искусства. Они способствовали созданию «моделей выхода системы» из сложившейся критической ситуации, создавали теории и практические рекомендации для выживания в различных экстремальных условиях. Рассмотрим реальные события, реальную проблему – ее решение и последствия. Ярким примером развития архитектуры в контексте постапокалипсиса является проектирование небоскребов, в частности безопасность их эксплуатации. Вспомним события, произошедшие 11 сентября 2001 года. Теракт стал крупнейшим в истории по числу жертв. Он же оказал огромное влияние на дальнейшее развитие норм безопасности высотных сооружений. Были введены новые требования по пожарной безопасности, и разработка новых методов эвакуации людей в случае чрезвычайной ситуации. И все эти требования учитываются при проектировании современных зданий, например, проект «Бурдж-Халифа». Пожарная безопасность и скорость эвакуации были приоритетными направлениями, эвакуировать людей из данного небоскреба – задача феноменальной сложности. «Бурдж-Халифа» огнестоек, в нем предусмотрены девять специальных помещений-убежищ (безопасных зон), которые защищены слоями железобетона и листовых огнеупорных покрытий, каждая безопасная зона оборудована специальной системой вентиляции, герметичные огнеупорные двери предотвращают проникновение дыма. Система раннего предупреждения работает непрерывно, 24 часа в сутки. Как только срабатывает детектор дыма, термодатчик или автоматический водный огнетушитель, в действие вступает система мощных вентиляторов, которые нагнетают чистый прохладный воздух в здание по огнеупорным воздуховодам, свежий воздух вытесняет дым из лестничных шахт, гарантируя безопасность путей эвакуации. Таким образом учитывая трагичный опыт прошлого, преодолевая критическое состояние обнуления параметров, появляются новые проекты и тенденции в рамках катастрофы.

Современный человек существует в реалиях стремительного развития цивилизационного процесса, а также неограниченного технического прогресса, которые в свою очередь провоцируют новые угрозы. Появляются такие понятия как Digital Tribe (рус. «цифровое племя») и Digital Native (рус. «коренной житель цифрового общества»). Постиндустриальную эпоху ознаменовало появление персональных компьютеров, Интернета и глобальной сотовой сети. Самый социальный продукт современных технологий – социальные сети создали виртуальное пространство, в котором нет границ для взаимодействия и коммуникации. Мы регулярно оказываемся на собраниях вокруг «цифровых тотемов», рассказывая истории и обсуждая идеи, тем самым создавая новое цифровое сообщество. В 2003 году в Женеве и в 2005 году в Тунисе состоялись Всемирные встречи на высшем уровне по вопросам построения единого наднационального глобального цифрового информационного общества (WSIS – World Summit on the Information Society) с участием представительной делегации РФ. На них были приняты и подписаны всеми участниками ряд программных документов: «Декларация принципов: построение информационного общества – глобальная задача в новом тысячелетии» и «План действий по построению глобального информационного общества», а также «Тунисское обязательство» и «Тунисская программа для построения глобального

информационного общества». Как было заявлено на «Гайдаровском форуме – 2018» архитекторами и строителями этого общества, главным направлением в реформе государственного управления должно стать построение «государства как платформы», где платформа – это совокупность взаимодействующих между собой аппаратных средств и операционных систем, под управлением которых функционируют различные прикладные программы и средства для их разработки. Идея «государства-платформы» означает глубоко интегрированную единую цифровую систему управления¹. Развитие цифровых технологий и современных средств коммуникаций существенно изменили не только сферу маркетинга и продвижения, но и экономический ландшафт в целом. Факторами конкурентоспособности становятся цифровые возможности компаний в области клиентоориентированности, позволяющие добиться качественно нового уровня клиентского сервиса, эмоциональной привязанности клиента, совершенствовать внутренние бизнес-процессы². В этих условиях архитектурная среда начинает помогать создавать условия раскрытия soft-skills (рус. гибкие навыки), которые являются одним из трендов в условиях технического прогресса и динамично меняющейся бизнес-среды, а также станут важнейшим фактором трудоустройства в условиях современного рынка труда³. Все эти блага как создают определенную иллюзию, давая нам мнимую защиту от каких-либо угроз, так и создают новые – отдаляя людей друг от друга, создавая внутренний дискомфорт, порождая потребности безопасно и комфортно существовать, передвигаться и вести свою жизнедеятельность в современном городе. Так появляются новые факторы и требования к проектированию. Например, идеи нового урбанизма. Проблема нового урбанизма в философской постановке заключается в целенаправленном и рациональном созидании социальной жизни, равной или более высокой, чем жизнь, порожденная историей. Можно предположить, что эта проблема будет разрешаться путем последовательного приближения, «нащупывания», исправления ошибок, что нисколько не исключает скачков, являющихся результатом гениальных инициатив, изобретений или открытий. Такие методологические размышления должны поставить под вопрос, кроме всего прочего, примат технического подхода⁴. Также этому отвечает тенденция к гуманизации городской среды. Под этим процессом, понимается ее совершенствование в целях достижения физического, психологического и духовного комфорта человека в искусственном окружении⁵. С точки зрения философии, гуманизацию

- 1 Филимонов В. П. Цифровое общество и конец истории // Доклад на XXVI Международных Рождественских чтениях, секция «Актуальные вопросы национального суверенитета России» (Москва, 26.01.2018 г., Российский университет дружбы народов). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://oko-planet.su/finances/financescrisis/413129-cifrovoe-obschestvo-i-konec-istorii-mnenie.html> (дата обращения: 28.04.2018 г.).
- 2 Евневич М. Клиентоориентированность в цифровой экономике // Современная конкуренция / 2017. Том 11. № 5(65). С. 65. 11. 2017. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://mariae.ru/nauchnie-publikatsii/i_klientoorientirovannost-v-tsifrovoy-ekonomike/ (дата обращения: 28.04.2018 г.).
- 3 Adler L. The 15 crucial 'soft skills' the best leaders have in common // World Economic Forum.
- 4 Лефевр А. Идеи для концепции нового урбанизма // Социологическое обозрение. Том 2. № 3. 2002. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://sociologica.hse.ru/data/2011/03/30/1211856676/2_3_3.pdf (дата обращения: 24.10.2016 г.).
- 5 Расулева Ю., Баймуратов Р., Ахмадиурова Э. Принципы телесного урбанизма // Журнал «Архйорт» – периодическое издание ФГБОУ ВПО УГНТУ кафедры «Архитектура». [Электронный ре-

среды можно рассматривать как один из этапов восстановления гармонии между отдельным человеком, цивилизацией и природой. В крупнейших городах грамотное использование информационно-коммуникационных технологий позволяет скоординировать транспортные потоки, уменьшить количество пробок, сэкономить электроэнергию, сделать гибкой систему уличного освещения, повысить уровень безопасности в общественных местах, улучшить систему сбора и переработки отходов, содержать зеленые массивы и др.⁶

Архитектура перестает быть обособленным элементом, теперь это часть сложной системы, позволяющей «присваивать» окружающее пространство. Город превращается в площадку взаимодействия людей с людьми, а также людей и среды. В основе тенденции такого развития – процесс обнуления определенных «входных параметров в систему», на этом фоне возникают условия для появления ранее не существовавших возможностей решения проблем. «Архитектура своей целью ставит создание в самом широком смысле слова мест обитания. Архитектура также осуществляет экспансию или фиксирует факт экспансии. Города распространяются вширь, здания воздвигаются ввысь, охватывая все большее пространство. Тем не менее, по сравнению с войной, архитектурные экспансии относительно невелики в пространстве, но протяженны во времени. Более того, если военные действия по длительности стремятся к нулю и пытаются стать одномоментным захватом территории, архитектурные сооружения фиксируют приобретения, их существование начинается после процесса возведения, в то время как война сама есть процесс. Архитектура претендует на вечность. В отличие от военных планов, вынужденно оперирующих неизвестными обстоятельствами, архитектурное планирование стремится к полной предпрещенности результата»⁷.

Также существуют теории о фортификационных сооружениях, как главных градообразующих факторов в разные исторические периоды. Подтверждение этих теорий можно найти у английского историка и правоведа Фредерика Уильяма Мейтленда, который считал военные и оборонительные задачи главным фактором происхождения городов⁸. Фортификационные сооружения в формировании городов, проходят общей канвой через всю историю человечества, начиная с древнейших времен (город-крепость Пиньяо, заложенный в качестве оборонительного сооружения в 827-782 гг. до н.э.) заканчивая оборонительными сооружениями Второй Мировой войны (оборонительные линии, доты, флактуры). Далее произошла трансформация оборонительных и фортификационных сооружений – теперь они призваны защищать человека от окружающей среды. Как, например, 1960-е появляются несколько теорий и проектов о городах-куполах. Произошло это с видоизменением угрозы – человеку больше не существует в условиях военных действий, а наоборот, в мирное время над человечеством нависает угроза экологического кризиса. Что еще раз подтверждает то, что угрозы эволюционируют и прогрессируют вместе с человеком.

Каждый апокалиптический сценарий содержит в себе потенциал постапокалиптического существования человека, заставляя искать неординарные решения по снижению растущего напряжения в системе. Архитектура не является исключением. Использование контекста экстремальных условий, приводящих к обнулению части жизненно важных параметров человеческой жизнедеятельности, может способствовать развитию проектных технологий на ранее не используемой ресурсной базе. Архитектура становится мостом между реальным миром с реальными угрозами в мир утопических решений. Это любопытная история открывает нам новый взгляд на хорошо изученные вопросы, позволяет взглянуть на перспективы развития и увидеть там новые возможности.

Пристатейный библиографический список

1. Асс К. Архитектура и война. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://os.colta.ru/art/projects/86/details/12561/> (дата обращения: 10.10.2016 г.).
2. Вебер М. Город. М.: Strelka Press, 2017. 252 с.
3. Далакян Г. Р. Некоторые аспекты градостроения в условиях глобальной урбанизации // Тезисы докладов научно-практической конференции: Проблемы строительного комплекса России: материалы XIX Международной науч.-техн. Конф. Уфа: Изд-во УГНТУ, 2015. 483 с.
4. Евневич М. Клиентоориентированность в цифровой экономике // Современная конкуренция / 2017. Том 11. № 5(65). С. 65. 11.2017. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://mariae.ru/nauchnie-publikatsii/i_klientoorientirovannost-v-tsifrovoy-ekonomike/ (дата обращения: 28.04.2018 г.).
5. Лефевр А. Идеи для концепции нового урбанизма // Социологическое обозрение Том 2. № 3. 2002. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://sociologica.hse.ru/data/2011/03/30/1211856676/2_3_3.pdf (дата обращения: 24.10.2016 г.).
6. Полссон К. Как проектировать города с человеческим лицом. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://architime.ru/competition/2017/lect181017skolkovo.htm> (дата обращения: 06.03.2017 г.).
7. Расулева Ю., Баймуратов Р., Ахмадинурова Э. Принципы телесного урбанизма // Журнал «Архйорт» – периодическое издание ФГБОУ ВПО УГНТУ кафедры «Архитектура». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://archyort.ru/article/view/4489/4270> (дата обращения: 05.03.2017 г.).
8. Филимонов В. П. Цифровое общество и конец истории // Доклад на XXVI Международных Рождественских чтениях, секция «Актуальные вопросы национального суверенитета России» (Москва, 26.01.2018 г., Российский университет дружбы народов). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://oko-planet.ru/finances/financescrisis/413129-cifrovoye-obschestvo-i-konec-istorii-mnenie.html> (дата обращения: 28.04.2018 г.).
9. Adler L. The 15 crucial 'soft skills' the best leaders have in common // World Economic Forum.

сурс]. – Режим доступа: <http://archyort.ru/article/view/4489/4270> (дата обращения: 05.03.2017 г.).

6 Полссон К. Как проектировать города с человеческим лицом. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://architime.ru/competition/2017/lect181017skolkovo.htm> (дата обращения: 10.10.2016 г.).

7 Асс К. Архитектура и война. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://os.colta.ru/art/projects/86/details/12561/> (дата обращения: 10.10.2016 г.).

8 Вебер М. Город. М.: Strelka Press, 2017. 252 с.

ЛЯШЕНКО Олеся Викторовна

кандидат философских наук, доцент кафедры социальной философии и этнологии Северо-Кавказского федерального университета

РОЛЬ РЕЛИГИИ В ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЕ СОВРЕМЕННОГО ЧЕЛОВЕКА

Статья посвящена вопросу роли религии в духовной культуре современного человека. Раскрыты основные понятия составляющей духовной сферы жизни общества. Проведен анализ статистических данных популярности конфессий в мире. Обозначены значимость и место религии в России и мире.

Ключевые слова: человек, религия, культура, духовная сфера общества.

LYASHENKO Olesya Viktorovna

Ph.D. in Philosophy, associate professor of Social philosophy and ethnology sub-faculty of the North Caucasus Federal University

THE ROLE OF RELIGION IN THE SPIRITUAL CULTURE OF MODERN MAN

The article is devoted to the role of religion in the spiritual culture of modern man. The basic concepts of the spiritual life of society are revealed. The analysis of statistical data on the popularity of confessions in the world is carried out. The significance and place of religion in Russia and the world are indicated.

Keywords: man, religion, culture, spiritual sphere of society.

Ляшенко О. В.

Сущность всякой веры состоит в том, что она придает жизни такой смысл, который не уничтожается смертью.

Л. Н. Толстой

Духовная сфера жизни общества – явление, характеризующееся спецификой идеологических, нравственных и интеллектуальных отношений между людьми. Данные отношения зарождаются при производстве, передаче, восприятию и освоении ценностей духовного характера. Духовная сфера является целенаправленно-организуемой нематериальной составляющей членов общества. Если материальная сторона жизни связана с удовлетворением таких осязаемых потребностей, как пища, одежда, коммуникации, транспорт и иное, то духовная сфера нацелена на формирование нравственных качеств и развитие мировоззрения, сознания в целом. Интеллектуальный и личностный рост, повышение уровня нравственности, выражение творческого потенциала и другие факторы, связанные с внутренними качествами, несомненно, способствуют духовному обогащению человека и общества.

Возможен ли процесс отделения материального мира от духовного? Скорее нет, ибо человек начиная с древних времен и заканчивая сегодняшним днем, ищет ответы на вопросы существования, смысла, бытия, а это, прежде всего, обращение к духовной сфере. Более реально представить обособленность духовного мира от материального. Так, примером может послужить религия буддизма, где ее последователи пытаются проникнуть в глубины своего подсознания и учатся управлять желаниями и телом.

Целью духовной сферы можно обозначить изменение индивидуального и общественного сознания. Духовная сфера – есть своего рода система отношений социума, взаимодействующая и представленная такими подсистемами, как культура, наука, религия, мораль, идеология, образование, искусство¹.

Говоря о морали нужно подчеркнуть, что она появилась на начальном этапе формирования человечества, так как общепринятые правила и нормы поведения, основанные на представлениях о добре и зле, допустимом и неприемлемом выступают важнейшими регуляторами взаимосвязи членов общества.

Наука – неотъемлемая часть жизни, форма познания, опыт накопленный человечеством и ходом истории. Все, что нас окружает – результат науки. Научное познание отличается объективностью, то есть отображением разных явлений и закономерностей в том виде, в каком они существуют независимо от воли человека.

Искусство – способ выражения творчества, рожденного в эмоциях и идеях. Искусство удовлетворяет эстетические потребности и возникает по средствам мыслей, чувств, представлений.

Образование – понятие, характеризующее передачу и усвоение знаний, приобретение умений и навыков. Образование развивает ум и чувства человека, формирует у него собственное мнение, систему ценностей, мировоззрение. Уровень образования напрямую зависит от идентификации себя к определенной конфессии, либо к выбору атеизма, впрочем, также являющейся по мнению специалистов изучающих эту область, формой вероубеждения.

Религия, как и культура, понятия многогранные.

Научный смысл религии заключается в том, что это форма восприятия мира, основой которой является вера в сверхъестественное. Человек религиозный – это тот, который ощущает связь и зависимость с высшим существованием, имеющим определенный праведный порядок. Религия – это, прежде всего, объединение людей с характерными нормами, атрибутикой и моделями поведения.

Культура является исторически определенным уровнем развития социума и человека. Издревле культура подразумевала целенаправленное воздействие человека на природу (земледелие, животноводство). Со временем культура превратилась

1 Баширов Л. А. История религий в России: учебник / Под ред. Н. А. Трофимчука; Российская академия государственной службы при Президенте РФ. – М.: Изд-во РАГС, 2002. – 591 с.

лась в процесс воспитания и обучения. Категорию «культура» употребляют для характеристики материального и духовного уровня развития исторических эпох, общественно-экономических формаций, обществ и наций (средневековая культура, культура инков и ацтеков), а также специализированных областей жизнедеятельности (культура труда и быта, художественная культура). В узком смысле понятие «культура» относится только лишь к сфере духовной жизни людей.

Культура является собирательным образом, объединяющей искусство, религию, науку и другое. Именно культура выступает отличительной особенностью человека от других существ. Она представляется для человека смысловым миром, вдохновляющая людей и сплачивающая их в какие-либо сообщества (нации, религиозные или профессиональные группы и иное). Данный смысловой мир передается поколениями, определяет бытие и мироощущение людей. Таким образом, культура выступает универсальным способом творческой самореализации человека, это стремление вскрыть и утвердить смысл жизни в соотносительности его со смыслом сущего.

Религия, являющаяся формой духовной культуры общества, как и иные области человеческой деятельности, имеет циклический характер. Непокойная политическая и экономическая ситуация конца XX века в России привела к значительному росту верующих и как следствие усилению значимости религии в социуме в сравнении с советским временем. Однако, ряд современных исследований показали, что российское общество начала первой четверти XXI века характеризуется низким уровнем роли религии в целом и православия в частности.

Официальные статистические данные ВЦИОМ утверждают, что в России православными себя считают большая часть населения, почти 80 % жителей. Однако, согласно все той же статистике, в рождественских богослужениях участвуют менее 2 % граждан страны.

В январе 2015 года по данным Министерства внутренних дел, на службы в 8500 храмов и церквей страны пришли около 2,6 миллиона человек, а это примерно 1,7 % от всего населения РФ. Московский храм Христа Спасителя, в котором богослужение вел сам глава российской православной церкви, посетили около 5500 человек. Регулярное же посещение храмов отмечается у менее 10 % населения, а людей, чтущих праведные каноны христианской морали, составляет 3 % населения². Для большинства речь идет не о религиозности, а о национальной самоидентификации. Люди называют себя православными, однако они не вкладывают в это понятие ничего, что связано с религиозным культом. Таких людей действительно православными, то есть сторонниками религиозного культа, считать нельзя.

Так российский социолог Николай Митрохин, проанализировав ситуацию популярности православия в России, отметил: «Реальный политический вес РПЦ полностью соответствует её реальному влиянию на граждан России: и тот и другой показатель близки к нулю. Российские политики и государственные деятели готовы воспринимать РПЦ как часть культурного наследия и даже в качестве одного из символов российской государственности»³.

Аристотель в «Этике» обозначил четыре главные цели в обществе, которые простыми словами можно обозначить так:

1. Жить в своё удовольствие;
2. Уйти в себя, как в буддизме или иной религии;
3. Заняться государственными делами или политикой;
4. Зарабатывать деньги.

Нынешнее время характеризуется тем, что зарабатывание средств существования отодвигают религию на второй план. Также как и наука, которая постепенно занимает место религии. Однако, число верующих в мире все еще очень велико. Так, иудаизм имеет около 14,5 миллионов последователей по всему миру. Буддизм насчитывает более 500 миллионов последователей. Индуизм имеет около миллиарда последователей, большая часть людей которых проживает в Индонезии, Шри-Ланке, Бангладеше, Непале и Малайзии, а это 15 % от всего населения мира. Католицизм насчитывает 1,2 миллиарда человек. Христианство – более чем 2,4 миллиарда. Самой большой и динамично развивающейся религией мира, из-за большого количества обращений к ней ежегодно, является ислам, насчитывающий 1,8 миллиарда человек⁴.

Семимиллиардное население Земли имеет довольно большое количество религий, в каждой из которых возникают различные мысли, чувства и вера. Это говорит о том, что в поисках помощи, истины и смысла существования люди прибегают к различным средствам, в том числе и инструменту духовной культуры.

Роль религии велика. Являясь пластом истории мировой культуры, представляясь мировоззрением, то есть концепцией принципов, взглядов, идеалов и убеждений, она представляет человеку устройство мира, конкретизирует его место в этом мире, указывает ему, в чем состоит смысл жизни.

Религия – это утешение, надежда, духовное утоление и опора. Не случайно люди, как правило, обращаются к религии в трудные моменты своей жизни.

Религия контролирует поступки человека через свою систему ценностей, духовных установок и запретов. Она содействует объединению людей, складыванию нации, способствует образованию и укреплению государств (примером является Русь пережившая период феодальной раздробленности, отягощенная иноземным игом. Тогда наших предков объединяла не столько национальная, сколько религиозная идея: «все мы – христиане»⁵). Впрочем, та же самая религиозная причина приводит и к разделению государств, расщеплению обществ, когда множество людей противостоят по религиозному принципу (пример, современные ветви ислама, трактующие Коран по-своему).

В современном мире в среде последователей различных религий появляются крайние течения, участники которых признают только собственные законы и правильность исповедания веры. Зачастую такие верующие доказывают правоту беспощадными методами, не останавливаясь перед террористическими актами. Религиозный экстремизм (от лат. *extremus* – «крайний»), к сожалению, является довольно распространенным и опасным явлением XXI века, источником общественной напряженности.

Часто сопоставляют два понятия: культура и цивилизация. К цивилизации относятся достижения науки, техники, умножающие возможности человека, которые предоставляют

2 Сколько реально верующих в России? – Исследование. 14.12.2016. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.politforums.net/culture/1494823907.html> (дата обращения: 08.04.2018).

3 Митрохин Н. А. Русская православная церковь: современное состояние и актуальные проблемы // Издательство: Новое литературное обозрение. – М., 2006, – 235 с.

4 Рыжов К. В. Кто есть кто в мире религий. – М.: Вече, 2008. – 702 с.

5 Горелов А. А. История мировых религий: учебное пособие / Российская академия образования, Московский психологосоциальный институт. – 2-е изд., испр. – М.: Флинта, 2006. – 355 с.

жизненный комфорт и определяют нынешний образ жизни. Цивилизация своего рода является мощным орудием. Его можно применить как во благо, так в средство уничтожения: это зависит от того, в чьих руках оно находится. Культура, берущая начало с древних истоков, консервативна и часто конфликтует с цивилизацией. Религия является стержнем культуры. Она выступает решающим фактором, предотвращающий человечество от расщепления, деградации, от нравственной и физической гибели, то есть всех тех бед, которые может нести с собой цивилизация.

Таким образом, религия исполняет в истории человечества созидательную культурную функцию. Показательным примером является Русь после принятия христианства в конце IX века. В те времена христианская культура с древними обычаями расцвела и укрепилась в нашем Отечестве, буквально преобразив его.

Учитывая вышесказанное, можно обозначить четыре типа функций, характерных для религии и определяющих ее социальный облик: 1) функция значения, или смыслополагания; 2) функция принадлежности, или идентификации; 3) функция социальной интеграции и стабильности; 4) функция сакрализации культурных ценностей, главным образом этических. Две первые функции обращены преимущественно к личности, две последние – к социальным структурам, культурной системе⁶.

Роль религии в духовной культуре современного человека, впрочем, как и в былые времена, по-прежнему велика. Из-за большого количества верующих и многоконфессиональности, религию все еще можно рассматривать как необходимое связующее звено человека и его смысла существования. Религия выступает мощным инструментом политической сферы, являясь регулятором общественной жизни.

Пристатейный библиографический список

1. Бабаева А. В. Место и роль религии в культуре // Научно-исследовательские публикации. – 2013. – №2. – С. 38-43.
2. Баширов Л. А. История религий в России: учебник // Под ред. Н. А. Трофимчука; Российская академия государственной службы при Президенте РФ. – М.: Изд-во РАГС, 2002. – 591 с.
3. Гараджа В. И. Социология Религии. Учебное пособие, для студентов и аспирантов гуманитарных специальностей / 3-е изд., перераб. и доп. – М.: 2005. – 348 с.
4. Горелов А. А. История мировых религий: учебное пособие / Российская академия образования, Московский психолого-социальный институт. – 2-е изд., испр. – М.: Флинта, 2006. – 355 с.
5. Кулакова Б. Э. Роль религии как формы духовной культуры в жизни человека // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. – 2014. – № 104. – С. 1-9.

6. Митрохин Н. А. Русская православная церковь: современное состояние и актуальные проблемы // Издательство: Новое литературное обозрение. – М., 2006. – 235 с.
7. Рыжов К. В. Кто есть кто в мире религий. – М.: Вече, 2008. – 702 с.
8. Шахнович М. М. Религиоведение: учебное пособие для студентов вузов. – СПб: Питер, 2009. – 430 с.
9. Сколько реально верующих в России? – Исследование. 14.12.2016. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.politforums.net/culture/1494823907.html> (дата обращения: 08.04.2018).

⁶ Бабаева А. В. Место и роль религии в культуре // Научно-исследовательские публикации. – 2013. – №2. – С. 38-43.

КУЛЬЖАНОВА Гульбарам Тимеркановна

кандидат философских наук, доцент, начальник факультета очного обучения Костанайской академии МВД РК имени Шракбека Кабылбаева, докторант Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина

К ВОПРОСУ ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ И ФОРМИРОВАНИЯ ПОНЯТИЯ «ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ»

В статье показано историческое исследование понятия «человеческий капитал». Автор отмечает, что проблема развития человеческого капитала имеет глубокие корни в истории социально-философской мысли. Акцентирует внимание на философских трудах мыслителей Античности, Нового времени, которые оказали влияние на формирование содержания понятия «человеческий капитал». Дальнейшее формирование теории человеческого капитала нашло свое отражение в трудах исследователей-экономистов XVIII-XIX веках. Научные исследования классиков мировой экономической мысли стали основой формирования теории человеческого капитала. Обосновывается мысль о том, что человеческий капитал на протяжении своей жизни не только приобретает знания, но и изнашивается, как физически, так и морально. Устаевают знания индивидуума, т.е. экономически изменяется стоимость человеческого капитала в процессе бытия. Автор приходит к выводу, что понятие «человеческий капитал» постепенно приобретает статус общенаучного понятия.

Ключевые слова: общество, человеческий капитал, человек, образование, способности, труд.

KULZHANOVA Gulbaram Timerkanovna

Ph.D. in Philosophy, associate professor, Head of full-time education faculty of the Sh. Kabylbaev Kostanay academy of the MIA of the Republic of Kazakhstan, doctoral student of the first President of Russia B. N. Eltsin Ural Federal University

TO THE QUESTION OF THE HISTORY OF DEVELOPMENT AND FORMATION OF THE «HUMAN CAPITAL» CONCEPT

The article shows the historical study of the concept of "human capital". The author notes that the problem of the development of human capital has deep roots in the history of social and philosophical thought. Focuses on the philosophical writings of thinkers of Antiquity, Modern Times, which influenced the formation of the content of the concept of "human capital". The further development of the theory of human capital was reflected in the writings of economist researchers of the eighteenth and nineteenth centuries. Scientific studies of the classics of world economic thought have become the basis for the formation of the theory of human capital. The idea that human capital throughout its life not only acquires knowledge but also wears out, both physically and morally, is substantiated. The knowledge of the individual is obsolete; economically, the value of human capital changes in the process of being. The author comes to the conclusion that the concept of "human capital" is gradually acquiring the status of a general scientific concept.

Keywords: society, human capital, man, education, ability, work.

Человеческий капитал имеет фундаментальное значение и необходим каждому человеку, обществу в целом. В обществе все значительнее возрастает интерес в формировании, накоплении и обогащении человеческого капитала. По своей сути человеческий капитал начинается с рождения человека и продолжается в течение всей его жизни. В социальной науке и социальной философии данный процесс все чаще начинает рассматриваться как стратегически важная сфера жизни общества. Главная цель общественного прогресса состоит в обеспечении реализации каждой личности своего потенциала и вести здоровую, творческую, активную жизнь. Отсюда следует, что совершенствование качеств личности становится залогом и содержанием прогресса всего человечества. Именно человека, а не заводы, оборудование и другие фонды нужно рассматривать как наиболее ценный ресурс постиндустриального общества. Это диктует отношение к человеку не как к фактору, а как к мощному социально-психологическому ресурсу совершенствования производства и развития общества.

Актуальность проблемы формирования и развития человеческого капитала обусловлена объективными потребностями современного этапа общемирового социально-экономического развития общества.

Человечество вступило в новое столетие в процессе нарастающих глобальных перемен, среди которых изменение человека и его развитие резко отстает от нововведений в техно-экономической сфере. Концепция «человеческого капитала»

не возникла стихийно, а явилась закономерным результатом развития мировой философской, а затем и экономической мысли.

Как отмечает Е. М. Самородова, важнейшая предпосылка исследований в интересующей нас научной сфере – это «тезис о том, что человек является одновременно и производителем, и потребителем материальных благ»¹.

О роли человека в общественной жизни задумывались еще мыслители Античности. Платон (428 или 427 г. до н.э. – 348 или 347 г. до н.э.) в трактатах «О душе» и «Государство» исследовал место человека в системе социальных и экономических отношений, при этом подчеркивал важность процесса обучения человека – «ведь правильное воспитание и обучение пробуждает в человеке хорошие природные задатки, а у кого они уже были, те благодаря такому воспитанию становятся еще лучше – и вообще, и в смысле передачи их своему потомству, что наблюдается у всех живых существ»².

Аристотель (384 г. до н.э. – 322 г. до н.э.) полагал, что человек стремится к личному счастью, а «счастье – это некая деятельность души в полноте добродетели»³. Он пришел к выводу, что добродетель бывает двух видов – мыслительная и

1 Самородова Е. М. Человеческий капитал: особенности функционирования, накопления, использования: монография. - СПб.: Изд-во «Инфо-да», 2008. - 127 с.

2 Платон. Государство. Законы. Политик. - М.: Мысль, 1998. - 798 с.

3 Аристотель. Этика. - М.: ООО «Издательство АСТ», 2002. - 492 с.

нравственная; и если нравственная рождается привычкой, то «мыслительная возникает и возрастает преимущественно благодаря обучению»⁴.

Интересными представляются труды, посвященные исследованию человека, его потребностей и способностей, философов XVI-XIX веков. Томас Гоббс (1588-1679) в работе «Левиафан» подчеркивал, что стоимость или ценность человека составляет столько, сколько можно дать за пользование его силой, и поэтому является вещью не абсолютной, а зависящей от нужды в нём и оценки другого.

Джон Локк (1632-1704) в работе «Два трактата об управлении государством» утверждал, что «каждый человек обладает некоторой собственностью, заключающейся в его собственной личности... Труд его тела и работа его рук ... принадлежат ему. Чтобы тогда человек ни извлекал из того состояния, в котором природа этот предмет создала и сохранила, он сочетает его со своим трудом и присоединяет к нему нечто, принадлежащее лично ему, и тем самым делает его своей собственностью»⁵.

Первую попытку оценить денежную стоимость производительных качеств человека сделал Уильям Петти (1623-1687) – родоначальник английской классической политэкономии. Он отмечал, что богатство общества зависит от характера занятий людей, различая бесполезные занятия и занятия, которые «повышают квалификацию людей и располагают их к тому или иному виду деятельности, которая сама по себе имеет огромное значение»⁶.

Уильям Петти видел также большую пользу в общественном образовании. Его точка зрения состояла в том, что «школы и университеты должны быть организованы так, чтобы не дать возможности амбициям привилегированных родителей затопить эти заведения тупицами, и чтобы в качестве учеников могли быть избраны действительно способнейшие»⁷.

В отличие от Уильяма Петти, который включал в человеческий капитал стоимость как трудоспособного, так и нетрудоспособного населения, Адама Смита (1723-1790) интересовало преимущественно население в трудоспособном возрасте.

Идея человеческого капитала нашло отражение в труде Адама Смита «Исследования о природе и причинах богатства народов» (1776 г.). Производительные качества работника он рассматривал как основной двигатель экономического прогресса. Адам Смит писал, что «увеличение производительности полезного труда зависит всего от повышения ловкости и умения рабочего, а затем от улучшения машин и инструментов, с помощью которых он работал»⁸.

Адам Смит считал, что основной капитал состоит из машин и иных орудий труда, из построек, из земли и «из приобретенных и полезных способностей всех жителей и членов общества». Он обращал внимание на то, что «приобретение таких способностей, считая также содержание их обладателя в течение его воспитания, обучения или ученичества, всегда требует действительных издержек, которые представляют собой основной капитал, как бы реализующийся в его личности»⁹.

Основная идея его исследования, которая является одной из ключевых в теории человеческого капитала, состоит в том, что расходы, связанные с производительными вложениями в человека, способствуют росту производительности и возмещаются вместе с прибылью. В труде «Начала политической экономии и налогового обложения» Давид Рикардо (1772-1823) также рассматривает основной набор издержек по созданию человеческого капитала, подчеркивая роль образования в формировании богатства нации: во многом именно недостатком образования во всех слоях народа объясняет он разный уровень экономического развития стран. Он считал, что, как и все другие предметы, труд имеет свою естественную и свою рыночную цены. Естественная цена труда – та, которая необходима, чтобы рабочие имели средства к существованию и к продолжению своего рода (т.е. естественная цена труда зависит от цены пищи, предметов необходимости и удобства, требующихся для содержания рабочего и его семьи). Он заметил, что с прогрессом общества естественная цена труда имеет тенденцию повышаться. Рыночная цена труда – это та цена, которая действительно платится за него в силу естественного действия отношения предложения к спросу (труд дорог, когда он редок, и дешев, когда имеется в изобилии)¹⁰.

Карл Маркс (1818-1883) определил рабочую силу (способность к труду) как «совокупность физических и духовных способностей, которыми обладает организм, живая личность человека, и которые пускаются им в ход всякий раз, когда он производит какие-либо потребительные стоимости»¹¹. Он отметил, что «стоимость рабочей силы, как и всякого другого товара, определяется рабочим временем, необходимым для производства, а следовательно, и воспроизводства этого специфического предмета торговли... Стоимость рабочей силы есть стоимость жизненных средств, необходимых для поддержания жизни ее владельца»¹².

Он указывал, что совершенствование производительной силы труда определяется во многом созидательными, умственными способностями человека, для развития которых необходимо свободное время. Развитие же человеческих способностей можно рассматривать как производство основного капитала, причем этим основным капиталом является сам человек.

В конце XIX – XX вв. такие экономисты как Дж. Маккуллох, Ж. Б. Сэй, Дж. Милль, Н. Сениор, считали, что приобретенные человеком способности к труду следует рассматривать как капитал в его «человеческой» форме. Так, ещё в 1870 г. Дж. Р. Маккуллох четко определил человека как капитал. По его мнению, вместо того, чтобы понимать капитал как часть продукции промышленности, несвойственной человеку, который мог бы быть сделан применимым для его поддержки и способствовать производству, кажется, не существует каких-либо обоснованных причин, по которым сам человек не мог бы им считаться, и очень много причин, по которым он может быть рассмотрен как формируемая часть национального богатства.

Важный вклад в осмысление данной проблемы внес Ж. Б. Сэй. Он утверждал, что профессиональные навыки и способности, приобретенные посредством затрат, ведут к росту производительности труда и в связи с этим могут рассматриваться

4 Там же.

5 Локк Дж. Избранное. - М.: Мысль, 1988. - 668 с.

6 Петти В. Экономические и статистические работы. - М.: Соцэкгиз, 1940. - 324 с.

7 Там же.

8 Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. - М.: Изд-во Соцэкгиз, 1962. - 684 с.

9 Там же.

10 Рикардо Д. Начала политической экономии // Антология экономической классики. В 2 т. Т. 1. - М.: МП «ЭКОНОВ», 1993. - 475 с.

11 Маркс К. Капитал. Критика политической экономии / Маркс К. Т. 1. Кн. 1 - М.: Политиздат, 1978. - 907 с.

12 Там же.

как капитал. Предполагая, что способности человека могут накапливаться, Ж. Б. Сэй называл их капиталом.

Джон Стюарт Милль писал: «Самого человека... я не рассматриваю как богатство. Но его приобретенные способности, которые существуют лишь как средство и порождены трудом, с полным основанием, я считаю, попадают в эту категорию»¹³. И далее: «Мастерство, энергия и настойчивость рабочих страны в такой же мере считаются ее богатством, как и их инструменты и машины»¹⁴.

Основоположник неоклассического направления в экономической теории А. Маршалл (1842-1924 гг.) в своей научной работе «Принципы экономической науки» (1890 г.) обращал внимание на то, что «мотивы, побуждающие человека накапливать персональный капитал в виде вложений в образование, сходны с теми, которые побуждают накапливать материальный капитал».

В вопросах формирования и использования человеческого капитала выражали свою точку зрения и русские ученые. Среди них М. И. Туган-Барановский (1865-1919), который отмечал своеобразность рабочей силы как товара, отличающую его от всех без исключения других товаров: «Все остальные товары представляют внешние продукты или средства хозяйственной деятельности человека, хозяйственные объекты. Рабочая сила человека это сам человек, т.е. не объект, а субъект хозяйства»¹⁵.

Известный русский ученый Д. И. Менделеев (1834-1907) писал: «Образование есть благоприобретенный капитал, отвещающий затрате времени и труда и накоплению людской мудрости»¹⁶.

Таким образом, проблема развития человеческого капитала имеет глубокие корни в истории социально-философской мысли. Научные исследования классиков мировой экономической мысли позволили на рубеже 50-60-х годов XX века сформироваться теории человеческого капитала. Человеческий капитал на протяжении своей жизни не только приобретает знания, но и изнашивается, как физически, так и морально. Устаиваются знания индивидуума, т.е. экономически изменяется стоимость человеческого капитала в процессе бытия. Как справедливо замечает Е. М. Самородова, вплоть до начала 60-х годов двадцатого века «проблематика формирования рабочей силы находилась на периферии интересов экономической науки»¹⁷.

В заключении хотелось бы отметить, что понятие «человеческий капитал» постепенно приобретает статус общенаучного понятия. В постиндустриальном обществе сфера культуры в ее новом состоянии, включая семью, образование, науку, информатику, художественную деятельность, приобретает качественно новую роль, становится все более ведущим сектором производства, его «базисом» и движущей силой, именно философия сыграет свою методологическую и интегративную роль в осознании и понимании этого важнейшего обстоятельства.

Пристатейный библиографический список

1. Аристотель. Этика. - М.: ООО «Издательство АСТ», 2002. - 492 с.
2. Локк Дж. Избранное. - М.: Мысль, 1988. - 668 с.
3. Маркс К. Капитал. Критика политической экономии / Маркс К. Т. 1. Кн. 1 - М.: Политиздат, 1978. - 907 с.
4. Менделеев Д. И. Заветные мысли. - СПб., 1903-1904. - 316 с.
5. Милль Дж. С. Основы политической экономии: Т. 1. - М.: Прогресс, 1980.-1040 с.
6. Петти В. Экономические и статистические работы. - М.: Соцэкгиз. - 324 с.
7. Платон. Государство. Законы. Политик. - М.: Мысль, 1998. - 798 с.
8. Плячкайтене И. М. Становление и развитие теории человеческого капитала // Молодой ученый. - 2011. - № 7. Т. 1. - С. 102-104. - [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://moluch.ru/archive/30/3421/> (дата обращения: 04.04.2018 г.).
9. Рикардо Д. Начала политической экономии // Антология экономической классики. В 2 т. Т. 1. - М.: МП «ЭКОНОВ», 1993. - 475 с.
10. Самородова Е. М. Человеческий капитал: особенности функционирования, накопления, использования. - СПб.: Изд-во «Инфо-да», 2008. - 127 с.
11. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. - М.: Изд-во Соцэкгиз, 1962. - 684 с.
12. Туган-Барановский М. И. Основы политической экономии. - М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1998. - 664 с.

13 Милль Дж. С. Основы политической экономии: Т. 1. - М.: Прогресс, 1980. - 1040 с.

14 Там же.

15 Туган-Барановский М. И. Основы политической экономии. - М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1998. - 664 с.

16 Менделеев Д. И. Заветные мысли. - СПб., 1903-1904. - 316 с.

17 Самородова Е. М. Человеческий капитал: особенности функционирования, накопления, использования. - СПб.: Изд-во «Инфо-да», 2008. - 127 с.

ПОПОВ Виталий Владимирович

доктор философских наук, профессор кафедры теории и философии права Таганрогского института (филиала) Ростовского государственного экономического университета

МУЗЫКА Оксана Анатольевна

доктор философских наук, профессор кафедры теории и философии права Таганрогского института (филиала) Ростовского государственного экономического университета

КОЖЕНКО Яна Васильевна

кандидат юридических наук, доцент Таганрогского института (филиала) Ростовского государственного экономического университета

РОЛЬ ФЛУКТУАЦИЙ В ТРАНСФОРМИРУЮЩЕМся ОБЩЕСТВЕ*

В статье рассматриваются различные аспекты социального развития различных ситуаций социального развития в нелинейных системах. Показывается, что в тех случаях, когда исследуется нелинейность сложноорганизованной системы, целесообразным является постулирование наличия социального субъекта, и в данном случае социальный субъект будет инициировать такую нелинейность. Рассматриваются случаи, когда социальный субъект пытается не только найти определенный вектор в рамках сложноорганизованных и саморазвивающихся системах (систем), но и, в той или иной мере, активно принять участие в направлении их развития. Анализируются роль целерациональности в конструировании сценариев будущего, оценки в контексте рациональной деятельности человека.

Ключевые слова: социальная трансформация, флуктуация, социальный субъект, рациональная деятельность, самоорганизующаяся социальная система, неравновесные системы, бифуркационное поле.

POPOV Vitaliy Vladimirovich

Ph.D. in Philosophy, professor of Theory and philosophy of law sub-faculty of the Taganrog Institute (branch) of Rostov State Economic University

MUZYKA Oksana Anatoljevna

Ph.D. in Philosophy, professor of Theory and philosophy of law sub-faculty of the Taganrog Institute (branch) of Rostov State Economic University

KOZHENKO Yana Vasiljevna

Ph.D. in Law, associate professor of the Taganrog Institute (branch) of Rostov State Economic University

THE ROLE OF FLUCTUATIONS IN A TRANSFORMING SOCIETY

The article deals with various aspects of social development of various situations of social development in nonlinear systems. It is shown that in cases when the nonlinearity of a complex system is investigated, it is expedient to postulate the presence of a social subject, and in this case the social subject will initiate such nonlinearity. The article deals with cases when a social entity tries not only to find a certain vector within complex and self-developing systems, but also to some extent, to take part in the direction of their development. Analyzes the role of conscious rationality in the construction of future scenarios, assessment in the context of rational human activity.

Keywords. social transformation, fluctuation, social subject, rational activity, self-organizing social system, nonequilibrium systems, bifurcation field.

Актуальность

При рассмотрении различных ситуаций социального развития в нелинейных локальных случаях сама характеристика нелинейности в большей степени усиливает существующие флуктуации, что показывает наличие проблем в методологии социальной синергетики, что впрочем может играть и свою роль в иных социально-гуманитарных науках.

Введение

Однако, что представляет собой флуктуации и почему обычно происходит их усиление? На наш взгляд, в данном случае те социальные трансформации, те социальные изменения, которые происходят в мире в той или иной степени изменяют свои масштабы. Т.е., если вспомнить позицию, например, Джона Локка, относительно микроскопических и макроскопических процессов, то можно сказать, что в данном случае усиление флуктуаций создает определенные макроскопические аспекты, по отношению к тем или иным социальным процессам. Кстати, такая позиция уже во многом говорит о том, что начинает возникать и проявляться роль исследователя, как социального субъекта в сложноорганизованных системах.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта «Трансформация стратегий исследования динамики социальной реальности», № 16-33-00003.

Дискуссия

В тех случаях, когда исследуется нелинейность сложноорганизованной системы, целесообразным является постулирование наличия социального субъекта, и в данном случае социальный субъект будет инициировать такую нелинейность. Это означает, что в принципе, в более широком смысле, нелинейность ситуации окажет определенное влияние на сложноорганизованную систему, с точки зрения тех характеристик и устанавливающих параметров, которые являются основными для нее. Заметим, что если говорить о подобном воздействии, то оно так или иначе будет направлено на управление сложноорганизованной системой таким образом, что такое управление было направлено в прогрессивном развитии социальных трансформаций^{1,2,3,4}.

- 1 Аверина Н. В., Попов В. В. Фактор времени в детерминистских и недетерминистских теориях исторического процесса // Философия права. 2011. № 4 (47). С. 86-90.
- 2 Грановская М. В. Социальный субъект в контексте рационализации прогностических проблем социум // Философия права. Ростов-на-Дону, 2012. № 4. С. 126-129.
- 3 Малинецкий Г. Г. Нелинейная динамика – ключ к теоретической истории? // Общественные науки и современность. 1996. № 4. С. 62-74.
- 4 Пригожин И. Философия неустойчивости // Вопросы философии. 1991. № 6. С. 46-52.

Т.е. речь идет о том, что сложноорганизованные и самоорганизующиеся социальные системы имеют прогрессивную трансформирующую роль. Как пример такого случая, можно рассмотреть нестабильные ситуации, которые представляют собой некоторый результат диалектики хаоса и порядка в социальных трансформациях в контексте общественного развития. В этом случае и возникает возможность такого соотношения исследователя и случайности, в которой социальный субъект будет в той или иной степени инициировать некоторое направление социального развития. При этом социальный субъект отвечает за наличие предпочтений, альтернатив, случайностей, которые безусловно будут появляться в рамках самоорганизующейся, сложноорганизованной социальной системы. Заметим при этом, что саморазвивающаяся система в этих случаях обычно находится в контексте некоторого транзита от хаоса к порядку, с учетом управляющих параметров и с учетом имеющихся случайностей. Подобное движение социальной системы происходит таким образом, что если признать социальный субъект инициатором воздействия на сложноорганизованную систему, то можно говорить о том, что сложноорганизованная социальная система в своем становлении в какой-то мере способна уйти от заданного изначально некоторого направления движения^{5,6,7,8}.

Тогда, когда рассуждение идет относительно того, что социальный субъект не только пробует угадать имеющиеся флуктуации сложноорганизованной системы, но и пытается повлиять на подобные отклонения, тогда следует прямо говорить, что мы имеем дело со случаями, когда сам социальный субъект пытается не только найти определенный вектор в рамках сложноорганизованных и саморазвивающихся системах, но и в той или иной мере, посылно принять участие в направлении их развития. Это безусловно доказывает некоторую значимость исследователя как социального субъекта в контексте теоретических и топологических моментов социальной синергетики. Имеется и некоторая другая характеристика или параметр, связанный непосредственно с нелинейностью. В данном случае исследователь имеет дело с некоторым порогом чувствительности, который отражает явление многоуровневости в становлении самоорганизующихся систем^{9,10,11,12,13}.

Такие случаи говорят лишь о том, что когда социальный субъект пытается инициировать свои действия, связанные с преобразованиями, хоть и локальными, но все же преобразованиями, связанными с тем или иным влиянием на развитие сложноорганизованных социальных систем, то естественно его действия должны соответствовать имеющейся пороговой чувствительности.

В противном случае могут появиться вопросы, суть которых будет связана с тем, что социальный субъект, как исследователь столкнется с некоторыми негативными моментами, отражающими формирование и конструирование в рамках социальных трансформаций сегментов будущего времени, а возможно и определенных его сценариев. Главная проблема на наш взгляд, заключается в том, что при таком негативном развитии могут иметь место определенные перекосы в отношении тех предпочтений или альтернатив, которые социальный субъект уже наметил в бифуркационном поле, а подобная негативная ситуация может привести только к пересмотру подобных предпочтений и альтернатив в контексте социальных трансформаций.

Имеется и третий параметр нелинейности, который, скорее связан с тем, что сама нелинейность способна вызвать квантовый эффект. Если подобный квантовый эффект так или иначе связать с проблемами социального субъекта, когда он сталкивается со сложными самоорганизованными социальными системами, то в данном случае стоит говорить о том, что безусловно прямого воздействия социальный субъект с квантовым эффектом не имеет. Но если такая характеристика нелинейности существует, то следует сказать о том, что если исследователь, как социальный субъект корректно представил порог чувствительности и с этой точки зрения смог прощупать те стабильные моменты саморазвивающейся сложной социальной системы, которые дают возможность движения вперед, дальше имеющейся пороговости, то тогда рассуждение пойдет о том, что исследователь как социальный субъект сталкивается со случаем, в котором он представляет некоторый спектр тенденций и перспектив преобразования и развития сложноорганизованной социальной системы с выходом на ряд интересных вопросов, касающихся ее эволюции.

Нашу позицию вполне поддерживает В. В. Василькова, утверждающая что: «Влияние синергетического отхода определяется в первую очередь тем, что он позволяет создать универсальные объяснительные модели, которые обнаруживают глубинную общность социальных процессов самой разной природы, как процессы социальной самоорганизации, сопрягаемых с общеэволюционной логикой мироупорядочивания»¹⁴.

В этом же смысле стоит отметить и позицию К. Х. Делкаррова, который утверждает что: «Синергетические идеи актуализируются в системах, которые находятся вдали от равновесия. Накапливающиеся флуктуации приближают кризис. Выбор, сделанный системой в результате бифуркаций, надолго определяет будущее системы. Вот почему представляется справедливым утверждение, что в истории встречаются периоды, которые предопределяют будущее общества на длительные этапы развития. Это противоречивые, неустойчивые

- 5 Попов В. В., Музыка О. А., Киселев С. А. Концепция транзитивности и трансформации общества // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2017. № 1-2. С. 365-368.
- 6 Попов В. В., Музыка О. А., Тимофеев В. А. Противоречия в контексте переходных периодов транзитивного общества // Международный журнал экспериментального образования. 2016. № 7-0. С. 111-114.
- 7 Попов В. В., Музыка О. А., Тимофеев В. А., Уколов А. О. Особенности глобализации в контексте социальной синергетики // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2016. № 8-2. С. 307-310.
- 8 Попов В. В., Щеглов Б. С., Лойтаренко М. В. Особенности интегральной интерпретации вероятности в контексте факторов оценки и темпоральности // Философия права. 2015. № 2 (69). С. 23-27.
- 9 Попов В. В., Лойтаренко М. В. Социальная нестабильность в информационном обществе // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2014. № 4. С. 198-199.
- 10 Попов В. В. Концепция прошлого в контексте исторического процесса // Философия права. 2010. № 5. С. 72-74.
- 11 Попов В. В., Музыка О. А. Специфика интервальной концепции времени: опыт концептуализации // Международный журнал экспериментального образования. 2015. № 3-1. С. 36-39.
- 12 Попов В. В., Музыка О. А. Фактор темпоральности в контексте бытия социального субъекта // Международный журнал экспериментального образования. 2015. № 3. С. 40-43.
- 13 Рузавин Г. И. Самоорганизация и организация в развитии общества // Вопросы философии. 1998. № 8. С. 63-72.

- 14 Василькова В. В. Порядок и хаос в развитии социальных систем: Синергетика и теория социальной самоорганизации. СПб., 1999. С. 54.

периоды поиска человеком своего места в мире, переосмысления сложившихся норм, переоценке смысловых структур»¹⁵.

Нужно сказать, что и Василькова, и Делокаров в данном контексте обращают внимание именно на иницирующую активную роль социального субъекта в рамках преобразования трансформирующегося общества и социальных трансформаций вообще. Т.е. вполне корректно начинает восприниматься тот факт, что социальный субъект может влиять так или иначе на становление различных систем, и, если имеются трудности в том, чтобы непременно четко зафиксировать это влияние на системы, то можно говорить о том, что социальный субъект тем или иным способом может все же влиять на процессы отклонения от общего характера социального развития. С другой стороны, вполне вырисовывается исследовательская роль социального субъекта, т.е. он может рассматривать становление имеющейся флуктуации, и, соответственно, придумывать те или иные конструкции, которые помогут ему вмешиваться в ход их развития.

Авторы отметили бы то, что при рассмотрении социального субъекта, его роли в неравновесных системах, следует особый упор сделать на то, что сами случайности так или иначе могут соотноситься с альтернативами и тенденциями, что в итоге определит некоторый спектр движения социальных трансформаций к сценариям будущего времени, а также в той или иной мере определить имеющиеся закономерности развития общества.

Когда проводился определенный дискурс относительно того, как принимать точку бифуркации с позиции того, что ряд исследователей в буквальном смысле говорили о точке бифуркации, другие – о бифуркационном поле, и тогда понятие точки уходило несколько в сторону. Мы же в этом плане рассматривали бифуркацию в плане интервала, так как именно на интервале возможно рассматривать переход систем от одного уровня на другой уровень, являются ли это простые системы, или в данном случае речь идет о сложных развивающихся, саморазвивающихся и самоорганизованных системах.

Заключение

В этом случае возникает достаточно интересные, но малоисследованные вопросы, которые, на наш взгляд, предполагают большие возможности исследования. В подобном смысле могут существовать такие интервалы в рамках бифуркационного поля, в которых достаточно затруднительно рассуждать о том, роль случая приобретает ли флуктуация, или вообще она в данном случае не определяется, ведь если это так, тогда роль исследователя, как социального субъекта приобретает особую значимость.

Пристатейный библиографический список

1. Аверина Н. В., Попов В. В. Фактор времени в детерминистских и недетерминистских теориях исторического процесса // *Философия права*. 2011. № 4 (47). С. 86-90.
2. Василькова В. В. Порядок и хаос в развитии социальных систем: Синергетика и теория социальной самоорганизации. СПб., 1999. 480 с.
3. Грановская М. В. Социальный субъект в контексте рационализации прогностических проблем социум // *Философия права*. Ростов-на-Дону, 2012. № 4. С. 126-129.
4. Делокаров К. Х. Синергетика и познание социальных трансформаций // *Синергетическая парадигма. Человек и общество в условиях нестабильности*. М., 2003. 584 с.
5. Малинецкий Г. Г. Нелинейная динамика – ключ к теоретической истории? // *Общественные науки и современность*. 1996. № 4. С. 62-74.
6. Попов В. В. Концепция прошлого в контексте исторического процесса // *Философия права*. 2010. № 5. С. 72-74.
7. Попов В. В., Лойтаренко М. В. Социальная нестабильность в информационном обществе // *Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований*. 2014. № 4. С. 198-199.
8. Попов В. В., Музыка О. А. Специфика интервальной концепции времени: опыт концептуализации // *Международный журнал экспериментального образования*. 2015. № 3-1. С. 36-39.
9. Попов В. В., Музыка О. А. Фактор темпоральности в контексте бытия социального субъекта // *Международный журнал экспериментального образования*. 2015. № 3. С. 40-43.
10. Попов В. В., Музыка О. А., Киселев С. А. Концепция транзитивности и трансформации общества // *Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований*. 2017. № 1-2. С. 365-368.
11. Попов В. В., Музыка О. А., Тимофеев В. А., Уколов А. О. Особенности глобализации в контексте социальной синергетики // *Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований*. 2016. № 8-2. С. 307-310.
12. Попов В. В., Музыка О. А., Тимофеев В. А. Противоречия в контексте переходных периодов транзитивного общества // *Международный журнал экспериментального образования*. 2016. № 7-0. С. 111-114.
13. Попов В. В., Щеглов Б. С., Лойтаренко М. В. Особенности интегральной интерпретации вероятности в контексте факторов оценки и темпоральности // *Философия права*. 2015. № 2 (69). С. 23-27.
14. Пригожин И. Философия нестабильности // *Вопросы философии*. 1991. № 6. С. 46-52.
15. Рузавин Г. И. Самоорганизация и организация в развитии общества // *Вопросы философии*. 1998. № 8. С. 63-72.

¹⁵ Делокаров К. Х. Синергетика и познание социальных трансформаций // *Синергетическая парадигма. Человек и общество в условиях нестабильности*. М., 2003. С. 18.

ЧАЙКА Александр Викторович

кандидат философских наук, доцент кафедры гуманитарного образования Новосибирского института повышения квалификации и переподготовки работников образования

КУЗЬМИН Андрей Васильевич

аспирант Новосибирского института повышения квалификации и переподготовки работников образования

ТЕРРОРИЗМ И МОРАЛЬНЫЙ РИГОРИЗМ

В статье описаны тенденции и причины восприятия терроризма как узко криминального политизированного сообщества. Терроризм рассматривается как политический протест, как форма политической деятельности своеобразного эстетического окраса. Автором дается философско-культурная оценка терроризму через сравнение фашизма и «игилизма» как перманентного дрейфа от террористических группускул к созданию единой и гомогенной тоталитарной террористической организации, а в дальнейшем – к тоталитарно-террористическому государству, осуществляющему политику геноцида. Террористическая деятельность сравнивается с моральным ригоризмом.

Ключевые слова: терроризм, политическая культура, террорист-политик, эстетизация, «игилизм», «террористическая мечта», моральный ригоризм.

CHAYKA Aleksandr Viktorovich

Ph.D. in Philosophy, associate professor of the Novosibirsk Institute of Advanced Studies and Retraining of Education Workers

KUZMIN Andrey Vasiljevich

postgraduate student of the Novosibirsk Institute of Advanced Studies and Retraining of Education Workers

TERRORISM AND MORAL RIGORISM

The article describes the trends and reasons for the perception of terrorism as a narrowly criminalized politicized community. Terrorism is seen as a political protest, as a form of political activity of a kind of aesthetic color. The author gives a philosophical and cultural assessment of terrorism through a comparison of fascism and "hystericalism", as a permanent drift from terrorist groupuscules to the creation of a single and homogeneous totalitarian terrorist organization, and then to a totalitarian and terrorist state carrying out the policy of genocide. Terrorist activity is compared with moral rigor.

Keywords: terrorism, political culture, terrorist-politician, aestheticization, "igilism", "terrorist dream", moral rigorism.

Теорий терроризма и воззрений на терроризм к настоящему времени сформировано достаточно много. Однако долгое время террористы воспринимались и воспринимаются как узко криминальные политизированные сообщества. Тенденция подобной оценки терроризма, по крайней мере, господствует в практической политике. Этому, по-видимому, есть две причины. Первая. Методом своей политической деятельности они, террористы, избрали уголовные преступления, поскольку, ограниченные в ресурсах и способах, желали обрести как можно большую политическую известность, как можно большее политическое влияние. Ведь даже неудачное покушение на царя Российской империи сулит практически массовую известность какой-то организации, находящейся в глубоком подполье.

Вторая. Эти террористы не вписывались в сложившееся поле политической культуры. Не имея массовой социальной базы для осуществления революции, они выступали против самих существующих политических систем и уже этим ставили себя вне закона. Они еще не обладали ресурсами для организации и осуществления революции, но уже претендовали на то, чтобы спровоцировать революцию. Так русские народолюбцы выступали против царизма, поскольку считали царизм причиной всех без исключения дефектов социально-культурного развития государства, его отсталости, косности, политической неповоротливости. Царь представлялся тираном, а политический режим царизма – тиранией, крепостным рабством. С одной стороны, это исключало возможность свободного и легального продвижения своей политической программы, поскольку она разрушала саму политическую систе-

му и призывала к созданию некоей иной системы, в которой царизму не было места. Кстати, сам царизм длительное время проявлял устойчивое желание освободиться от крепостничества, намечая тот или иной сценарий «революции сверху». С другой – это освобождало террористов от каких-либо политических обязательств, ответственности, превращая всю политическую работу в форму партизанщины, нескончаемую череду диверсий.

Они мнили себя мучениками и героями, даже – смертниками, то есть людьми, знающими, чем неизбежно завершится их политическая работа. Это следствие выбранной политической позиции, которая не предполагает политических оппонентов или конкурентов, с которыми можно и нужно спорить, а стремится к их ликвидации, уничтожению. Так оппонент и конкурент превращается во врага.

Таким образом, политический протест, выраженный террором часто рисуется как форма придания своей политической деятельности и своеобразного эстетического окраса. Террорист-политик берет на себя роль жертвы, приносимой обществу во имя описанных им же, самим террористом, идеалов будущего. Здесь уместно упомянуть мнение Ю. Хабермаса, который писал: «Разумеется, в известных ситуациях террористическая деятельность может быть связана с чрезмерной интенсивностью одного из культурных моментов, т. е. со склонностью эстетизировать политику, заменить ее моральным ригоризмом или подчинить ее догматизму какого-либо учения»¹. Избыточно радикальные программы преобразова-

1 Хабермас Ю. Модерн – незавершенный проект // Хабермас Юрген. Политические работы. М., Праксис, 2005. С. 25.

ния общества, идеализация будущего, романтическая вера в способность преодоления всех без исключения пороков человечества, освобождение себя от размышлений над извечной проблемой целей и средств, все это способствовало развитию постполитических воззрений, когда сама политика признавалась не дееспособной. Требовались иные, иррациональные программы и методики мер по преобразованию общества.

Учитывая, что террористы признавали экстремизм и жестокость единственно возможной формой политической работы, они освобождали себя от необходимости популяризации собственных идей. Они верили в то, что их цели будут достигнуты не в результате проявления воли большинства, а неожиданно, вследствие полного и быстрого пересмотра культурных, ценностных оснований общества, его традиций, дезорганизации социально-политических институтов государства, распада государства под давлением страха, насильственного захвата власти, переворота, мятежа. К тому же нельзя сбрасывать со счетов и то обстоятельство, что многие террористы полагали, что террористический акт сам по себе выступает действенной мерой политической пропаганды, своеобразным посланием, поступком, безусловно влияющим на общественное мнение, увеличивающим число сторонников. Сам террористический акт демонстрировал презрение к политическому оппоненту и всегда, в силу своей незавершенности и фрагментарности, понимался как один из эпизодов длительной и бескомпромиссной борьбы, в которой никто не заслуживает пощады, когда многочисленные невинные жертвы должны восприниматься как «естественные издержки», «попутные потери».

Правды ради следует сказать, что цели террористов достигаются и в результате краха их политической программы, их организационного и идейного разгрома. И это осуществлялось как раз во многом благодаря террористической попытке эстетизации своей деятельности, всесторонней пропаганды принципов жертвенности и борьбизма. Так околонучная, а порой, и научная пропаганда советской эпохи создавала своеобразную систему оценок террористов-революционеров 70-80х годов 19 столетия. Официальное признание ошибочности террористического пути не мешало ей, этой пропаганде, тиражировать эстетику борьбизма и бунта, заговора и жертвенности, прописывая образы и поступки Желябова, Степняка-Кравчинского, Морозова, Засулич и многих других, как образы и поступки героев библейского масштаба. О них, террористах-революционерах 70-80х годов 19 века, написаны сотни книг, поставлены фильмы, их деятельность была предметом обязательного изучения в школе, она регулярно исследовалась в рамках такой научной дисциплины, не существующей теперь, как научный коммунизм.

Героизация бунта, зачинщиками которого стали народо-вольцы, нашла свое отражение еще в романе Н. Чернышевского «Что делать?», написанном в 1863 году, еще накануне массовой террористической волны российской истории. Образ «человека из стали», Никитушки Ломового – Рахметова, будущего лидера революционного движения, вождя намечал культурные контуры потенциального террориста, посвятившего всю свою жизнь подготовке к будущим социальным катаклизмам. Эстетика угрюмой романтической одержимости, физической силы, верности своеобразным представлениям о социальной справедливости и социальном порядке, жертвенности, презрения к существующему миропорядку приобрела автономность и во многом пополнила представления о ценностях и содержании деятельности по преобразованию общества.

Вместе с тем, необходимо упомянуть и о крайних формах эстетики терроризма, которые нашли свое отражение в мировоззрении С. Г. Нечаева (1847-1882), террориста-радикала, автора печально известного «Катехизиса революционера».

Автор доктрины тотального, ширококомасштабного террора, ставил перед собой цели, осуществление которых могло составить конкуренцию политике геноцида. «Нечаевщина», как самостоятельный термин, давно стал обозначать некую совокупность методов, в которых хладнокровная жестокость выступает едва ли не ведущим способом деятельности. Эстетика жертвы, эстетика насилия тиражируется и в современном террористическом квазигосударстве – ИГИЛ. Нетерпимость и презрение к «инородцам» и «иноверцам» со стороны исламистов-радикалов привели к политике геноцида на контролируемых ИГИЛ территориях. «Показательной в этом отношении является судьба христиан в городе Ракке, откуда они (христиане) были выдвинуты с помощью террора и запугивания. Зачистка Ракки от иноверцев позволила боевикам Даиш установить контроль над городом на основе введения жесткого шариатского порядка»². Отметим, что крайняя жестокость и изощренность в расправах над собственными подданными (вольными или невольными) позволяет говорить об ИГИЛ, как о государстве сплошного террора, один фронт которого направлен на внешних врагов, а другой – против собственных граждан.

Лозунг «Кто не с нами, тот против нас», фактически взятый за основу Нечаевым в его концептуализации террора, как средства очищения общества от довлеющих пороков, в настоящее время взят на вооружение деятелями ИГИЛ. Образование халифата не стало итогом, а лишь усилило терроризацию населения, что говорит о том, что сам террор выступает инструментом, средством обособления так называемой террористической общности, той социальной группы, которая готова принять устрашение и жестокость как культурную и социальную ценность. В этом смысле вполне возможно сравнение европейского фашизма и «игилизма», как формы исламского фундаментализма, как перманентный дрейф от террористических группускул к созданию единой и гомогенной тоталитарной террористической организации, а в дальнейшем – к тоталитарно-террористическому государству, осуществляющему политику геноцида. За тем лишь исключением, что нацизм (как высшее воплощение европейского фашизма) считал принципом композиции общества расовую теорию, расизм, а игилизм – приверженность архаическому исламу. Сравнение вполне допустимо и в том смысле, что главной мишенью и нацизма и игилизма выступает все тот же либерализм, с его свободами, принципами равноправия и законности, с его конституционным правом и демократией.

Попытка подвести некое фундаментальное теоретическое основание под свою террористическую деятельность, пожалуй, наиболее масштабно проявилась именно в русском террористическом движении. Мысль о праве на террористическую деятельность вырастает не только из ожиданий назревающего социального конфликта, но также базируется на эстетическом начале, на вере в исчерпанность собственных представлений о счастье. Именно представления о счастье: индивидуальном, общественном, вечном, открывают возможность поступать произвольно, не задумываясь над докучливой моралью. Один из идеологов русского терроризма П. Н. Ткачев писал по этому поводу: «Как ни различны индивидуальные представления людей об их личном счастье, как ни разнообразны и ни несоизмеримы в качественном и количественном отношении те индивидуальные удовольствия, из суммы которых складывается их индивидуальное счастье, во всяком случае объективная, так сказать, природа счастья всегда одинакова и неизменна и всегда может подлежать строго научному анализу

2 Желтов В. В., Желтов М. В., Исламский терроризм: радикализация, рекрутирование, индоктринация. Кемерово, 2017. С. 99.

и определению»³. Обобщая тезис об «объективном счастье», Ткачев приходит к выводу, что социальным счастьем «...в возможно полном удовлетворении возможно большего числа разнообразных потребностей...»⁴, следовательно, проблема общего счастья сводится к вопросу «об установлении таких общественных условий, при которых все члены общества могли бы равномерно развивать все разнообразные потребности человеческого организма...»⁵. В данном случае, как представляется, это не одно лишь философское предположение. Это своеобразное учение практического характера, с одной стороны, претендующее на завоевание большого числа сторонников, поскольку ориентирует на беспрепятственное удовлетворение потребностей, а с другой – ставящее точку в многовековых спорах о социальном счастье. Это «открытие», намечающее программу деятельности для тех, кто его усвоил, уразумел.

ИГИЛ есть уникальный пример осуществления «террористической мечты». Это пример того, как в сложившемся политическом и культурном хаосе в одном из регионов планеты, террористам удалось сформировать пусть временный, но живой территориальный анклав террористического государства. Частично добившись своей цели, террористы-радикалы провозгласили образование нового халифата, то есть, обособления некоей территории, на которой установлен искомый террористический порядок. Так воплотилась в жизнь идея «социального счастья», как его представлял себе идеологи современного радикального исламизма. При этом понятие «социальное счастье» вытесняет понятие «свобода», за исключением случаев, когда речь идет об освобождении от пороков цивилизации, издержек ее культурного развития, в той или иной степени наносящих ущерб традиционным представлениям о религиозной жизни и религиозных запретах. Но понятие «свобода» не является запрещенным или мало употребляемым в доктринах «исламской революции», доктринах того или иного типа «великого халифата». По-видимому, оно не устранимо в любом проявлении революционного начала и является частью в представлениях о революционной деструкции.

Понятие «свобода» до сих пор является одним из наиболее расплывчатых, нечетких, зависимых от той или иной идеологической линии. Привязанность понятия «свобода» к той или иной идеологической концепции есть всегда или почти всегда вопрос ценностей, то есть совокупности представлений об идеальном миропорядке. В силу данного обстоятельства понятие «свобода» почти всегда есть уверенное утверждение: «свобода от». В данном случае, говоря об ИГИЛ, можно с уверенностью утверждать, что миф о свободе игилизма основывается на необходимости освободиться от либеральных ценностей, выраженных в современном конституционном праве. Фактически это социальные свободы, гарантирующие определенный набор прав и гарантий, обеспечиваемых современным государством. Альтернативой данных свобод, признанных в мире, как универсальные ценности, провозглашается радикальное религиозное начало, религиозная традиция, коренящаяся в самих истоках ислама. Фактически это отказ от социальных и политических достижений мировой цивилизации в пользу террористического мифа о социальном счастье. Так призыв «освободиться от свобод» в пользу радикальной религиозной традиции раскрывает парадоксальную сущность игилизма, рисуя картину идеального социального буду-

щего, где идея «социального счастья» не соотносится с гражданскими и личными свободами.

«Иная свобода», «иное счастье» игилизма не представляется завершенной социокультурной концепцией, объединяющей всех, кто предпочитает исламизм иным принципам общежития. По-видимому, он нуждается в дальнейшем оформлении. Однако она, эта концепция, демонстрирует некий сложившийся алгоритм формирования представлений об обществе, провозглашающем всеобщие запреты на те или иные свободы, иначе говоря – тоталитарном обществе.

Этот алгоритм базируется на реанимации культурных образов и ценностей прошлого, формировании, складывании самообраза культуры, исходя из принципа оживления ушедшей, пережитой культурной формы. Объектом разрушения, революционной деструкции, выступает либерализм, с его маскультурой, «распушенностью», «хозяйственным дарвинизмом» (О. Шпенглер. Пруссачество и социализм), деградацией института семьи, традиционной культуры и т.д. и т.п. Новый культурный идеал вырастает из зловещего образа джихадиста, жертвующего собственной жизнью, ведущего непрестанную борьбу, презирающего западную культуру и западный образ жизни. Это аскет и жертва «рахметовского» типа, не видящий ценности ни в своей, ни в чужой жизни, стремящийся к достижению социального счастья.

Актуализация терроризма, как возможной формы политической деятельности, по-видимому, связана, в том числе и с определенным стереотипом мышления, когда осознание собственной избранности (богоизбранности) некоторых индивидов формирует веру в возможность поступать и жить лишь в согласии с собственными убеждениями и намерениями. Так терроризм выходит за рамки привычной политики, когда деятельность основывается на поддержке определенных социальных групп, пусть даже настроенных вполне радикально, а становится исключительно криминальной антиобщественной формой социальной активности. Одержимость, жертвенность, эстетизация бунта, презрение к сложившимся ценностям говорят, скорее не о попытке преобразовать социум, его культурные формы, а о приверженности деструкции, как самостоятельной ценности.

Пристатейный библиографический список

1. Желтов В. В., Желтов М. В., Исламский терроризм: радикализация, рекрутирование, индоктринация. Кемерово, 2017. 99 с.
2. Розенберг А. Миф XX века. Оценка духовно-интеллектуальной борьбы фигур нашего времени. Таллин, 1998.
3. Ткачев П. Н. Утилитарный принцип нравственной философии. Статья третья. // Сочинения. В 2-х томах. Т. 2., М., «Мысль», 1976. 490 с.
4. Хабермас Ю. Модерн – незавершенный проект // Хабермас Юрген. Политические работы. М., Праксис, 2005. 25 с.
5. Юнг К. Г. Вотан // К. Г. Юнг о современных мифах: СБ. трудов. М., 1994.

3 Ткачев П. Н. Утилитарный принцип нравственной философии. Статья третья // Сочинения. В 2-х томах. Т. 2., М.: «Мысль», 1976. С. 490.

4 Там же.

5 Там же. С. 491.

ХАЛИРАХМАНОВ Джамиль Камирович

аспирант кафедры социальной работы Башкирского государственного университета

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ КАК ФАКТОР ЭНДОРАЗВИТИЯ МУСУЛЬМАНСКОГО СООБЩЕСТВА (УММЫ) И ТОЛЕРАНТИЗАЦИИ ЕЕ ВНУТРЕННИХ ОТНОШЕНИЙ

В современной мусульманской умме наблюдается определенная стадия кризиса – девальвации и упадка монофракционистской идеологии и начало деидеологизации и последующей за этим реидеологизации (переориентации на свою изначальную позицию – идеологию сунны, позицию «ахля сунна вальджамага»), которому способствует глобализация. Надвигающаяся «прозападная» глобализация приносит в исламский мир огромное благо и выгоду. В частности, для его эндоразвития она дает ему возможность очиститься от главного его внутреннего негатива – монофракционизма, а значит, вместе с этим решить и проблему внутриконфессионального интолерантизма и конфликтности.

Ключевые слова: глобализация, толерантность, интолерантность, монофракционизм, эндоразвитие, исламский мир, внутриконфессиональные отношения.

KHALIRAKHMANOV Jamil Kamilovich

postgraduate student of Social work sub-faculty of the Bashkir State University

GLOBALIZATION AS A FACTOR OF ENDO-DEVELOPMENT OF MUSLIM COMMUNITY (UMMAH) AND TOLERANTIZATION OF ITS INNER RELATIONS

There is a certain crisis observed in modern Ummah nowadays – devaluation and downfall of mono-fraction ideology and dawn of deideologization, followed by reideologization (reorientation towards its initial position – ideology of sunnah, position of «akhlyasunnawal dzhamaqa», facilitated by globalization). The oncoming pro-Western globalization benefits the Islamic world to a great extent, particularly by purifying it from its monofractionism, providing endo-development, and thereby, solving the problem of intraconfessional intolerance and conflicts.

Keywords: globalization, tolerance, intolerance, monofractionism, endo-development, Islamic world, intraconfessional relations.

Всепроницающая глобализация с ее вестернизацией затронула все регионы мира, в том числе и исламский мир. Как отмечает Л. Р. Сюкияйнен: «Сама по себе глобализация – явление преимущественно закономерное и даже неизбежное. Ведь она отражает реальные процессы взаимодействия и сближения практически всех стран, культур и образов жизни разных народов, активизацию обменов на уровне не только государств, но и отдельных граждан. Естественно, глобализация вторгается в жизнь и мусульманского мира, оказывая на нее неоднозначное влияние»¹.

Неумолимо надвигающаяся «прозападная» глобализация приносит в исламский мир не только чужеродные ей ценности, но и огромное благо и выгоду. На это указывают многие ученые. По мнению Е. У. Байдарова: «Ислам не обязательно является противником глобализации – при условии, что теория и практика глобализации будут этичными и здоровыми. Глобализация по своей сути не является ни религиозным, ни антирелигиозным процессом»². По поводу возможности обретения исламским миром выгоды в глобализационных условиях А. Г. Косиченко пишет: «Известно, например, что ислам усилил свои позиции в мире вследствие глобализации. Он стал более известен, его принимают граждане ряда европейских стран – это явление последнего времени, его побаиваются, но и уважают за религиозное постоянство мусульман. И

глобализация многое «сделала», чтобы ислам расширил свой ареал»³.

Невыгодное и арьергардное положение исламского мира во внешних глобализирующихся условиях в настоящее время, на наш взгляд, объясняется тем, что исламский мир, будучи сам внутренне в дисперсно-диверсифицированном и конфликтном состоянии, в этих внешних условиях проявляет себя крайне противоречиво и проблематично. Его внутреннее застойное и конфликтное состояние, постоянно подпитываемое идеологией фракционного эксклюзивизма (монофракционизма), активно и упорно сопротивляется именно тем позитивам глобализации, которые наиболее сильно способствуют его эндоразвитию (избавлению от этой вредной и разрушительной идеологии и от ее последствия – межфракционной интолерантности и конфликтности). В современной мусульманской умме наблюдается определенная стадия кризиса – девальвации и упадка монофракционистской идеологии и начало деидеологизации и последующей за этим реидеологизации (переориентации на свою изначальную позицию – идеологию единой аутентичной (матричной) сунны (позицию «ахля сунна вальджамага»), которому способствует глобализация.

Многие проблемы нетолерантного отношения современной исламской культуры к окружению исходят из диалектического единства и противоречия внутренней и внешней сторон (обстоятельств) уммы. В процессе взаимодействия ислама с внешним, неисламским окружением в качестве субъекта-партнера внешних отношений ее внутренняя монофракционистская идеология и связанные с ней внутренние интолерантные

1 Сюкияйнен Л. Р. Глобализация и мусульманский мир: оценка исламской правовой мысли. М.: Изд. дом Марджани, 2012. С. 5.

2 Байдаров Е. У. Генезис и роль религии в глобально-эволюционном развитии социума // Эволюция. Меганстория и глобальная эволюция. Материалы симпозиума. Волгоград, 2015. С. 130.

3 Косиченко А. Г. Глобализация и религия // Век глобализации. № 1. 2013. С. 48.

отношения испытывают эффект двойного внешнего воздействия: «эффект бумеранга (или диагностики)», при котором застойное и конфликтное внутреннее состояние уммы оценивается критически, девальвируется, дискредитируется и даже бракуется, отвергается, ниспровергается внешней средой как что-то непригодное для межсубъектного взаимодействия, и «эффект эндотерапии» – процесс корректировки, изменения, совершенствования, переделки или даже удаления, восстановления, замены, обновления вышеотмеченного внутреннего явления.

Надвигающаяся «прозападная» глобализация привносит в исламский мир не только зло и вред, но и огромное благо и выгоду. В частности, для его эндоразвития она дает ему возможность очиститься от главного его внутреннего негатива – монофракционизма, а значит, вместе с этим решить и проблему внутриконфессионального интолерантства и конфликтности. По мнению Н. М. Вагабова: «Глобализация является объективной закономерностью развития современного мира. Она несет в себе как позитивные, так и негативные последствия для всех включенных в нее народов, стран и регионов. В частности, современные информационные технологии прорывают национальные границы и превращают современный мир в «глобальную информационную деревню». Движение капиталов, финансовых потоков, миграция людей и их социальная мобильность, массовая культура влечет за собой интенсивную интернационализацию общественной жизни поверх национальных границ и требует растущей экономической, социальной и политической интеграции... При всех своих издержках, глобализация может принести исламским странам несомненную выгоду...»⁴. По утверждению Г. Н. Сеидовой, в процессе взаимодействия исламского мира и глобализации «в итоге складывается механизм функционирования глобальной цивилизации, в котором Запад выступает фактором изменчивости, а Восток – устойчивости. Подобный своеобразный «диполь» мог бы стать альтернативой однополярного мира с гегемонией известных «глобальных игроков»⁵.

Практика подтверждает, что лишь только в процессе взаимодействия с глобализацией постепенно начинает обнажаться и разоблачаться несостоятельность и вредность для уммы внутренней монофракционистской идеологии. Происходит ее девальвация и дискредитация – современные мусульмане, закрепощенные и зашоренные монофракционистской идеологией, постепенно начинают осознавать свою ущербность (отсталость, консервативность, дезинтегрированность) в связи с идеологией монофракционизма (осознавать данную идеологию как первопричину не только внутреннего неустойчивости и беспорядка уммы, но и внешнего ее неблагоприятного позиционирования, реагирования и достижения, а также осознавать ее как тормоз прогресса ислама и как фактор его арьергардного положения в прогрессирующем мире) и одновременно с этим – осознавать необходимость оздоровления внутриконфессиональных отношений для обретения в дальнейшем всех необходимых выгод в глобальных рыночных условиях (и экономических, и финансовых, и статусно-позиционных, и имиджевых).

В современном мире происходит значительное усиление связей и взаимозависимостей между национальными

государствами (интернационализация), организациями и отдельными людьми. Человечество развивается, расширяя свои связи и контакты. Люди все глубже осознают себя как единую общность, где каждый связан со многими тысячами других людей во всех концах земли. Процесс глобализации связан с интеграцией государств и народов в разных областях деятельности: ослабление роли национальных традиций, межкультурная интеграция, ассимиляция и унификация, рост миграционных потоков и формирование мультикультурных сообществ как новая общемировая социокультурная тенденция. По сути, глобализация в социокультурном плане – есть всеобщая интернационализация, превращение полинационального мира в монокультурное («моновестернизированное») социальное пространство. Данное явление как насаждение «прозападной» культуры, с одной стороны, с позиции ислама, расценивается, безусловно, крайне негативно – как разрушительное (антиисламское) явление. Но, в то же время, с другой стороны, в нем есть и несомненная польза для исламского мира – глобальная интернационализация предоставляет ему самому возможность избавиться от, так называемого, «национального ислама» как особой разновидности исламского фракционизма чуждого для ислама явления, возникшего и укоренившегося на основе идеологии монофракционизма. В данной объективной реальности исламский мир, опять же, по причине той же самой своей внутренней идеологии монофракционизма проявляет себя особо противоречиво и консервативно – он всячески сопротивляется начавшемуся процессу «денационализации» (отметим – «денационализации» не в плане социокультурном, а в социо-теологическом) и до сих пор продолжает оставаться пространством сосредоточения закрытых наглухо, разрозненных и изолированных друг от друга исламских «национальных квартир». Но тенденция «вестернизирующей интернационализации» в глобальном масштабе неумолима и действительна. И мы полагаем, что, как ни странно, именно по причине этой негативной особенности глобализации исламский мир рано или поздно все равно придет к «денационализации» своего полинационального (в социо-теологическом аспекте) пространства. Он будет позиционировать себя в глобальном пространстве в совершенно ином качестве – в качестве активного и влиятельного монодоктриального (интегративного в социально-теологическом плане), но в то же время и полинационального (в социокультурном плане) социума-субъекта (как «единства в разнообразии» людей и наций), на сохранение и развитие национальных культур. О роли религии как единственной силы, способной уберечь как отдельных людей-индивидов, так и целых народов, наций с их культурой и традициями от пагубной вестернизирующей и унифицирующей глобализации, А. Г. Косиченко пишет: «... имеется концептуальное противостояние глобализма и религии. Религия спасает души для вечной жизни, и в этом процессе важен каждый человек, а глобализм все унифицирует – человек во всем его личностном богатстве ей не нужен, он мешает ее победному шествию, и чем он глубже развит, тем опаснее для глобализма... Всякому человеку, который хотя бы в минимальной степени наделен интуицией, ясно, что мир удерживается своим многообразием. Многообразие – сущностное условие единства и целостности мира. Многообразие, а не унификация делает мир единым. Если мы сотрем многообразие, мы уничтожим мир. Поэтому всеохватное стремление глобализации к унификации губительно... Поэтому не только на критерии соблюдения прав человека надо «проверять»

4 Вагабов Н. М. Ислам и глобализация современного мира: Социально-философский анализ процессов адаптации и эволюции мусульманских религиозно-правовых доктрин: диссертация ... доктора философских наук. Махачкала, 2005. С. 4.

5 Сеидова Г. Н. Ислам и глобализация: за и против // Век глобализации. № 1. 2013. С. 71.

глобализацию, но и на способность глобализации развивать духовное в человеке»⁶.

В Коране конституируется наличие в человеческом обществе различных людей-индивидов, народов, общин и этим же запрещается стремление к глобалистской унификации (как индивидов-личностей, так и народов (наций, общин): «О люди! Воистину, Мы создали вас мужчинами и женщинами и сделали народами и племенами, чтобы вы познавали (или же узнавали) друг друга. Ведь самый благочестивый из вас перед Аллахом тот, кто наиболее богобоязненный»⁷. В соответствии с этим, в «Мединском Договоре» (первой мусульманской Конституции) упоминаются различные племена мусульман. Там было отмечено, что все они разные по национальной принадлежности, но по вере образуют одну умму. Наличие разных народов есть – естественное состояние общества (государства) и всеобщее благо для сближения людей, сближения их путем взаимного познания, общения и взаимообогащения, взаимного обмена достижениями национальных культур.

Глобальный характер человеческих проблем (экономических, экологических, социальных, политических, научно-технических, образовательных, медицинских, духовно-нравственных, правовых, информационно-коммуникативных) дает возможность их решения лишь только общими усилиями всего мирового сообщества, как условие развития у мусульман планетарного мышления и толерантного отношения к окружающим людям, как к мусульманам, так и к немусульманам.

Таким образом, в условиях глобализации исламский мир сам становится единым. Ислам перестает быть национальной религией. Обнаруживается взаимообусловленная (диалектичная) связь между внутренним состоянием уммы и внешними ее реакциями в процессе ее взаимодействия с феноменом глобализации. По-новому можно охарактеризовать и оценить в связке «ислам и глобализм» тот же самый механизм под названием «монофракционизм», но на сей раз уже в качестве механизма, влияющего так или иначе на характер и результаты экзоконфессиональных отношений уммы, на характер и результаты диалога ислама с глобализацией. Выявляется зависимость характера и результативности взаимоотношений и взаимодействий ислама и глобализации, степень их гармоничности или же дисгармоничности, сбалансированности-дисбалансированности, открытости-закрытости, толерантности-интолерантности, продуктивности-непродуктивности от наличия и степени проявления и влияния этого проблемного механизма.

Глобализация как объективный сильно и действенно воздействующий (контрдействующий) внешний фактор в определенных своих проявлениях и в определенных ситуациях не только противостоит идеологии монофракционизма, но и способствует ослаблению и даже полному ее разрушению. Исламский мир в своем противостоянии всемирному процессу глобализации и в борьбе с ней (испытывая при этом даже большие потери) одновременно обретает и благо. Он в ходе этого конфронтационного процесса освобождается в условиях глобализации от идеологии монофракционизма и берет курс на восстановление своей прежней идеологической линии.

Пристатейный библиографический список

1. Байдаров Е. У. Генезис и роль религии в глобально-эволюционном развитии социума // Эволюция. Мегаистория и глобальная эволюция. Материалы симпозиума. Волгоград, 2015. С. 116-133.
2. Вагабов Н. М. Ислам и глобализация современного мира: Социально-философский анализ процессов адаптации и эволюции мусульманских религиозно-правовых доктрин: диссертация ... доктора философских наук. Махачкала, 2005. 433 с.
3. Коран на арабском языке.
4. Косиченко А. Г. Глобализация и религия // Век глобализации. № 1. 2013. С. 48.
5. Сеидова Г. Н. Ислам и глобализация: за и против // Век глобализации. № 1. 2013. С. 67-78.
6. Сюкияйнен Л. Р. Глобализация и мусульманский мир: оценка исламской правовой мысли. М.: Изд. дом Марджани, 2012. 88 с.
7. Халирахманов Д. К. Внутриконфессиональная толерантность и интолерантность // Актуальные проблемы социально-экологического знания: межвузовский сборник научных трудов. Вып. XIV / отв.ред. Б. Г. Акчуринов. Уфа: РИЦ БашГУ, 2017. 240 с.
8. Халирахманов Д. К. Проблемы исследования толерантности в исламе // Актуальные проблемы социокультурного знания: сборник научных трудов. Вып. XII / отв. ред. Б. Г. Акчуринов. Уфа: РИЦ БашГУ, 2016. 288 с.

Институт законодательства и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации

Некоммерческие организации в международном и национальном праве

Под редакцией
Т. Я. Хабриевой, С. В. Чиркина

Издательство
НОРМА

6 Косиченко А. Г. Указ. соч. С. 48-49.

7 Коран 49:13.

ШАРИПОВ Азамат Ражапович

кандидат философских наук, доцент кафедры социологии и работы с молодёжью Башкирского государственного университета

ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ АВРААМИЧЕСКИХ КОНФЕССИЙ ХРИСТИАНСТВА И ИСЛАМА В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ И ЛОКАЛИЗАЦИИ

Мировые конфессии в современном мире оказывают существенное и противоречивое влияние на становление и развитие национального самосознания. Несомненно, что конфессиональный фактор требует значительного и фундаментального исследования.

Ключевые слова: нации; глобализация; национальное самосознание; государство; идентичность; конфессии; авраамические; христианство; ислам.

SHARIPOV Azamat Rajapovich

Ph.D. in Philosophy, associate professor of Sociology and work with youth sub-faculty of the Bashkir State University

SEPARATE ASPECTS OF THE ABRAHAMIC DENOMINATIONS OF CHRISTIANITY AND ISLAM IN THE ERA OF GLOBALIZATION AND LOCALIZATION

World confessions in the modern world have a significant and contradictory impact on the formation and development of national identity. Undoubtedly, the confessional factor requires considerable and fundamental research.

Keywords: nations; globalization; national identity; the state; identity; confessions; Abrahamic; Christianity; Islam.

Шарипов А. Р.

В современном мире эпохи глобализации религия продолжает оказывать своё значительное влияние на становление и развитие национального самосознания. Несомненно, что религиозный фактор требует значительного и фундаментального исследования. Христианство, а позднее и Ислам следовали идее глобального распространения, с целью объединить различные этнические, национальные и расовые общности людей, придавая им единую конфессиональную идентичность.

Основное внимание уделяется именно двум авраамическим конфессиям, третья мировая конфессия – буддизм не рассматривается как таковая, в силу того, что не получила такого глобального распространения, даже в самой Индии буддизм не является единственным и доминирующим. В странах наибольшего распространения, Юго - Восточных странах буддизм сосуществует с традиционными для народов региона конфессиями, то есть в отличие от выше названных авраамических конфессий буддизм не заменил традиционные религиозные. Данная конфессия не имеет столь значимого распространения и на территории Современной России.

П. Шантепи де ла Соссе, доктор теологии, в своём «Учебнике по истории религии», пишет: «Боги политеизма – множество внутримировых существ, которые персонально олицетворяют силы и деяния в мире, здесь мы имеем богатое поэтическое развитие мифологии. Бог монотеизма – духовный и потусторонний. Поэтому отметим также, что появление представлений о жизни богов как организованной по принципу монархического государства или стремление поклоняться одному Богу, или понимание единства божественной сущности – склонности, которые многократно встречались у разных народов, не указывают на появление у них монотеизма. Истинный монотеизм представляет собой только иудейская религия, с обеими своими дочерьми – христианством и исламом»¹. Представленный доктором теологии анализ раскрывает природу и сущность возникновения религий, особенно авраамических. Далее он приводит различные дискуссии по анализу того, как определять конфессию в плане её значения и распространения. «Различие между государственной и мировой религиями было впервые использовано как принцип классификации Дреем. В последнее время этот принцип приобрел большую популярность. Тот факт, что в большинстве случаев распространение религии ограничивается известным народом, тогда как буддизм, христианство и ислам охватывают различные расы и нации, так важен, что эта группа мировых религий как бы выделяет сама себя из всех остальных религий. Кюэненом было обстоятельно изложено все, что касается отношения мировых религий к национальным и всего вытекающего из этого отношения. Но, несмотря на указанное, нам надо относиться к данной классификации с осторожностью. Начнем с того, что она так же неполна как и другие классификации; от национальных религий надо четко отличать родовые религии, которые еще не достигли национального уровня, и религии, которые основываются не на национальном родстве, а на единстве учения или закона. К тому же в данной классификации совершенно не принимается во внимание довольно важное различие между национальным и территориальным определениями религий. Аналогично и у группы так называемых мировых религий есть свои трудности. Универсализм можно понимать либо фактически, либо качественно. В первом смысле, с точки зрения широты распространения, все три названные религии равны, но необходимо вспомнить, что существуют и иные религиозные общности, которые более или менее утратили национальный характер и также занимаются миссионерской деятельностью: брахманизм имеет своих приверженцев вне границ Индии и индийского народа, тоже самое можно сказать об иудаизме»².

И. Валлерстайн пишет, об историческом значении основных мировых конфессий, их исторической роли оказав-

1 Религиоведение: Хрестоматия / Пер. с англ., нем, фр. Сост. и общ. ред. А. Н. Красникова. – М.: «Книжный дом Университет», 2000. – С. 179.

2 Там же. – С. 172.

шей судьбоносное влияние на разные народы мира, так он отмечает, что «...универсализм стал кульминацией долгой исторической традиции, имеет непосредственное отношение к трем упомянутым религиям. Возможно, крупнейший культурный скачок в истории произошел, когда люди (некоторые из них) перестали верить в бога своего племени и признали единого (универсального) Бога и соответственно, единство всех людей»³.

В данном случае необходимо отметить, что признание единого бога, далеко не добровольный и гладкий процесс, новые веры распространялись зачастую через страдания и кровь, достаточно вспомнить арабские завоевания, на территории которых первоначально распространился ислам; или распространение христианства в Европе среди варваров, а в эпоху великих географических открытий и на другие континенты. Только потом, «распространение (принятие)» новой веры, что христианства, что ислама, совершалось из-за политических соображений. Так в Киевской Руси принятие православия означало укрепление союза с Византийской империей в противовес враждебной политике западных католических по вере соседей и восточных исповедующих ислам. Такими же соображениями характеризуется принятие ислама на Южном Урале башкирами и в Поволжье татарами, что означало также «ориентацию» на этнически близкие тюркские народы Средней Азии, в которых уже исповедовали Ислам, хотя и здесь были исключения, так чуваша, будучи тюркоязычным народом приняли восточное христианство, православие, и объясняется это наличием противоречий с татарами Казанского ханства.

Показательными в этом смысле являются факторы, обеспечивающие мобилизацию людей по национальному и религиозному признаку.

Как пишет американский ученый И. Валлерстайн, об историческом значении основных мировых религий, их исторической роли оказавшей судьбоносное влияние на различные народы мира, так он отмечает, что «...универсализм стал кульминацией долгой исторической традиции, имеет непосредственное отношение к трем упомянутым религиям. Возможно, крупнейший культурный скачок в истории произошел, когда люди (некоторые из них) перестали верить в бога своего племени и признали единого (универсального) Бога и соответственно, единство всех людей»⁴.

Принятие одной конфессии, признание единого бога, далеко не неоднозначный процесс, новая религия распространялась зачастую через страдания и кровь, достаточно вспомнить исторический процесс распространения христианства как среди язычников Европы, а потом и в эпоху великих географических открытий или арабские завоевания для ислама.

История становления и развития религии ислама свидетельствует о том, что в различных регионах планеты, ислам принимал специфические локальные черты, несмотря на то, что изначально было присуще единообразие, в дальнейшем наметился раскол, с появлением двух основных направлений – шиитов, суннитов (в которых так же есть различные течения) и иных течений и направлений в исламе.

В мусульманских странах, зачастую на территории одной страны существуют соперничающие направления одной конфессии, их история существования порой отмечена противостоянием и столкновениями, в том же Ираке, Сирии арабы сунниты и арабы шииты, в Саудовской Аравии своё направление ислама – салафизм, причём порой все эти ветви отрицают права других называться истинными мусульманами, как в частности самым радикальным образом показал ИГИЛ (запрещенный в РФ).

Таким образом, необходимо отметить, что исламский мир не един, в нём существуют отличные от других религиозные, идеологические подходы. Это можно рассматривать как локализацию, что тем не менее не сделало ислам одной глобальной религией, но это была попытка глобального распространения, то есть глобализации.⁵

Распространение по миру авраамических конфессий христианства и ислама, явилось одним из ключевых факторов развития всего человечества. Данные конфессии распространялись с учётом политических взаимодействий соседних народов, и как следствие, в случае «добрососедских» отношений, возникло конфессиональное единство.⁶

Таким образом отметим, что ни одна из мировых конфессий не стала «правильной и единственной», в силу наличия экономических и политических противоречий различных государственных образований и наций, понимаемое как глобализация и локализация.

Пристатейный библиографический список

3 Балибар Э., Валлерстайн И. Раса, нация, класс. Двусмысленные идентичности. Перевод группы авторов под ред. Д. Скопина, Б. Кагарлицкого, Б. Скуратова. – М.: Логос – Альтера, Ессе Ното, 2003. – С. 41.
4 Балибар Э., Валлерстайн И. Раса, нация, класс. Двусмысленные идентичности. Перевод группы авторов под ред. Д. Скопина, Б. Кагарлицкого, Б. Скуратова. – М.: Логос – Альтера, Ессе Ното, 2003. – С. 41.

1. Балибар Э., Валлерстайн И. Раса, нация, класс. Двусмысленные идентичности. Перевод группы авторов под ред. Д. Скопина, Б. Кагарлицкого, Б. Скуратова. – М.: Логос – Альтера, Ессе Ното, 2003.
2. Национальная идея в Западной Европе в Новое время. Очерки истории / Отв. редактор В. С. Бондарчук. – М.: ИКД «Зерцало-М», Издательский дом «Вече», 2005.
3. Шарипов А. Р. Конфессиональный и национальный факторы в процессе глобализации // Регионология. Научно-публицистический журнал НИИ регионологии ГОУВПО №Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева». – Саранск. – 2011. – № 2/2011.
4. Шарипов А. Р. Миграция и социальная дистанция в региональном социуме // Вестник ВЭГУ. – 2013. – № 6 (68).

5 См.: Шарипов А. Р. Конфессиональный и национальный факторы в процессе глобализации // Регионология. Научно-публицистический журнал НИИ регионологии ГОУВПО №Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева». – Саранск. – 2011. – № 2/2011. – С. 216.
6 См.: Миграция и социальная дистанция в региональном социуме // Вестник ВЭГУ. – 2013. – № 6 (68). (Шарипов А.Р. в соавторстве)

ШАРОВ Константин Сергеевич

кандидат философских наук, старший преподаватель философского факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова

ХИЛИАСТИЧЕСКОЕ УЧЕНИЕ НЬЮТОНА: КРАТКИЙ АНАЛИЗ

В данной работе исследована хилиастическая теория английского ученого, философа и богослова сэра Исаака Ньютона. Показано, что Ньютон придерживался премилленаристских взглядов и выстроил систематическую критику философско-богословского историцизма Августина Блаженного.

Ключевые слова: Ньютон, ньютонианство, хилиазм, конец истории, премилленаризм, историцизм, эсхатология, апокалиптика, англиканизм, тысячелетнее Царство

SHAROV Konstantin Sergeevich

Ph.D. in Philosophy, senior lecturer of the Faculty of Philosophy of the M. V. Lomonosov Moscow State University

NEWTON'S CHILIASTIC THEORY: A BRIEF ANALYSIS

In this paper, the chiliaistic theory of English scientist, philosopher and theologian Sir Isaac Newton is studied. It is shown that Newton adhered to premillennialist views and built a systematic criticism of St. Augustine's philosophical and theological historicism.

Key words: Newton, Newtonianism, chiliasm, the end of history, premillennialism, historical premillennialism, historicism, eschatology, Apocalypse, Anglicanism, millennial Kingdom.

Шаров К. С.

*Плодовые деревья, семена и травы будут производить все в изобилии, и все животные, пользуясь пищею, полученной от земли, будут мирны и согласны между собою, и будут находиться в совершенной покорности людям.
Свт. Ириней Лионский.*

Хилиазм (или милленаризм) – богословско-философское учение, согласно которому в апокалиптическое время на земле установится некое государство праведников во главе с Самим Иисусом Христом. Оно будет существовать на определенном участке Земного шара, который, возможно, будет включать в себя Палестину и Иерусалим, около 1000 лет (от этого и само название «хилиазм»), а после его существования произойдет окончательная битва Армагеддон с силами зла, всеобщее воскресение, Страшный Суд и конец света¹.

В данной статье я рассмотрю идеи английского ученого и теолога сэра Исаака Ньютона в контексте спора о тысячелетнем Царстве Христа. Ньютон как участник дискуссии о хилиазме в России до сих пор неизвестен. На основе проведенного мной анализа ряда неопубликованных архивных рукописей Ньютона я суммирую основные положения ньютонианства как богословской, философской и историографической традиции в апокалиптике.

Чтобы правильно понять взгляды Ньютона, не следует забывать о том, что Ньютон в силу ряда причин, о которых в настоящей работе я не могу распространяться, люто ненавидел католицизм и с холодной осторожностью относился к европейскому протестантизму. Что касается отношения к континентальному протестантизму, возможно, в этом сказывалось его негласная приверженность англиканизму, а возможно, он просто проявлял себя как представитель британской богословской школы XVII века, которая находилась в оппозиции к протестантским богословским течениям на континенте. К православию же Ньютон всегда относился с большим пиететом, даже в те периоды своей жизни, когда исповедовал еретические взгляды и критиковал догматическое богословие Афанасия Великого.

Ньютон в нескольких местах в своих неопубликованных рукописях пытается доказать, что ряд религиозных лидеров шестнадцатого века, которые принимали ту или иную сторону в споре о тысячелетнем Царстве, парадоксальным образом сделали больше не для распространения учения милленаризма, а для его дискредитации. (Действительно, так нередко происходил сегодня!). Лютер, по Ньютону, мог бы задействовать милленаристские идеи для более успешной борьбы с католицизмом, но вместо этого повел себя аморфно. Радикальные

реформаторы, такие как Кальвин или Цвингли, яростно реагировали на любую идею о будущем Царстве Божьем на земле².

Наиболее сильно Ньютон критикует Кальвина. Действительно, Кальвин, фактически, отбросил идею хилиазма как детскую фантазию и заявил, что Писание нигде ее не поддерживает³.

Сам Ньютон – горячий адепт хилиазма. Он отстаивает концепцию премилленаризма, согласно которой вначале произойдут великие бедствия, описанные в Апокалипсисе, затем свершится второе пришествие Христа, а после этого начнется тысячелетнее Царство Божье на Земле (В рамках амилленаризма отрицается факт наступления тысячелетнего Царства на земле. По постмилленаристам, человечество со временем усвершенствуется до такой степени, что исчезнут грехи и пороки, и Царство Божье наступит логичным путем.) В этом смысле у Ньютона Царство Божье и Царство Небесное становятся разными вещами: Царство Небесное – это рай, место жительства праведников на небесах, а Царство Божье – некоторое государство праведников на земле, которое будет существовать в рамках земной истории человечества.

Согласно взглядам Ньютона, хилиазм первых веков христианства органично развился из уникальной христианской интерпретации иудейской апокалиптики, которая укоренилась в еврейской апокрифической литературе непростого для Израиля межзаветного периода (200 г. до н. э. – 100 г. н. э.). Ньютон анализирует не только канонические книги Ветхого Завета, но и множество апокрифов, таких как Книги Еноха, Юбилеев, Ездры и дополнения к пророчеству Даниила. Некоторые пассажи в этих текстах, в том числе 1 Енох 6-36, 91-104, 2 Енох 33: 1, Юбил. 23:27, прямо относятся к установлению Царства Божьего Мессией, причем частую предпологается, что продолжительность этого Царства будет 1000 лет⁴. Иногда, правда, называется и другая продолжительность. Например, в Книге Ездры 4 Езд. 7: 28-9 сказано, что Царство Божье на земле продлится всего 400 лет.

Как полагает Ньютон, такое понимание иудеями тысячелетнего Царства, несомненно, помогло многим из них справиться с религиозными и социально-политическими конфликтами эпохи Маккавеев, когда из-за греческого геноцида на грани уничтожения оказалась и истинная вера в Бога, и сам еврейский народ. Ньютон аргументирует, что буквальная концепция Царства Божьего помогла еврейскому народу забыть предшествующий период зла, страдания и гонений со стороны греков, ведь добродетельные в тысячелетнем земном Царстве будут вознаграждены за их мужество, а злодеи не получают доступа в Царство Божье, причем будет четкое разделение людей на тех, кто «достоин награды», и тех, кто

2 Treatise on Church history. С. 20.

3 Theological notes. Ч. 2. С. 22

4 Newton I. Untitled treatise on Revelation. Yahuda Ms. 1. 1670. Ч. 1. С. 41.

1 Деяния Вселенских Соборов в 4-х томах. Казань, 1908.

«будет изгнан из Царства праведников»⁵. С точки зрения Ньютона, видение тысячелетнего периода блаженства для верующих, когда всеми благами можно будет наслаждаться не когда-то в отдаленном будущем, не где-то вне физического мира, а именно здесь, в физическом мире нашего пространства и времени, в некоем подобии «Небес на земле», оказало великое действие на воображение не только евреев в межзаветный период, но также и ранних христиан⁶. Именно в приходе Мессии Ньютон усматривает воплощение той неразрывной связи древнего и нового хилиазма, о которой он столько пишет и которую хочет восстановить в своих трудах. Милленаризм, который, по сути, уже сформировался в иудейской богословской мысли, получил новую интерпретацию и новый импульс с приходом Христа на землю, и таким образом логично и органично из иудейского развился новозаветный, христианский милленаризм⁷.

Ньютон не только анализирует ветхозаветные пророчества о будущем Царстве Божию, он пытается также проследить, как иудейские хилиастические идеи вошли в христианскую культуру. По его мнению, концепция утопического тысячелетия и большая часть изображений, используемых ранними христианами для символического описания тысячелетнего Царства, скорее всего, были взяты не напрямую из иудейской культуры, которая после захвата Иерусалима римлянами стала культурой изгоев, а из персидской культуры⁸.

Традиционно считается, что христианский хилиазм основан, прежде всего, на строках из Откровения Откр. 20: 1-6, в котором описывается видение ангела, который спустился с небес с большой цепью и ключом к бездне, и схватил сатану, сковав его на тысячу лет⁹. Но Ньютон показывает, что на самом деле эти строки – лишь вершина айсберга. Он ссылается на ряд евангельских мест и строф из Деяний апостолов, из которых, с его точки зрения, явственно следует прямое указание на материальное воплощение тысячелетнего Царства. Например, именно Ньютон возобновил давно забытую традицию, восходящую к Папию Иерапольскому трактовать знаменитую фразу Христа на Тайной Вечере в материальном смысле: «Сказываю же вам, что отныне не буду пить от плода сего виноградного до того дня, когда буду пить с вами новое вино в Царстве Отца Моего» (Мф. 26: 29)¹⁰. На протяжении более чем тысячи лет церковной истории после отцов Церкви до Ньютона эта фраза не трактовалась хилиастическим образом, ни в средние века, ни в эпоху Ренессанса. В Евангелии намеки на Царство Божье на земле Ньютон усматривает также в Мф. 19: 29, Лк. 14: 12-14, Лк. 18: 29-30¹¹.

В Апокалипсисе Ньютон как хилиаст усматривает смысл, согласно которому Христос и Отец будут править 1000 лет прямо здесь, на земле, в материальном и временном пространстве нашей Вселенной, в некоей теократии праведников¹².

Ньютон, стараясь увидеть исторический контекст в развитии христианского хилиазма, допускает, что при написании Откровения апостол Иоанн Богослов, возможно, до определенной степени выразил сопротивление нездоровому социальному климату в Риме в первом веке. Христианство было тогда одной из многочисленных религиозных традиций, которые отклонялись от римской государственной религии. Христианский хилиазм, как утверждает Ньютон, мог быть одним из способов реагирования древних христиан на ситуацию в Римской империи. Возможность избавления от владычества римского государства могло воплотиться в мысль о тысячелетнем государстве под благословенным правлением Иисуса Христа. Хилиазм, как полагает Ньютон, был крайне привлекательным для ряда первых христиан по той же самой причине, по которой он стал популярен у иудеев периода Маккавеев¹³.

Ньютон в письме к Бентли утверждает, что преследовал двойную цель при формировании своей картины милленаризма; во-первых, милленаризм, по Ньютону, должен предоста-

вить новую методологию изучения Библии, а во-вторых, раскрыть предысторию пришествия Царства Божьего на земле, расшифровать код пророчеств¹⁴.

В методологии своего хилиазма Ньютон широко использует исторический символизм. Он исходит из того, что пророчества были написаны с помощью определенного кода пророческого языка. Ключ можно подобрать после контекстуального анализа исторической литературы и памятников древнего богословия, а потом использовать для расшифровки пророчеств, как любое закодированное сообщение. Ньютон пишет, что цель Бога в указании на будущее состоит не в том, чтобы позволить всем людям быть пророками, но в том, что после исполнения пророчества люди смогли бы познать провидение Божье и уверовать в Него¹⁵. С этим взглядом на пророчества Ньютон и развил свое хилиастическое учение.

Пристатейный библиографический список

1. Деяния Вселенских Соборов в 4-х томах. – Казань, 1908.
2. Calvin J. Joannis Calvinii opera quae supersunt omnia. – Brunswick, 1889. – 853 p.
3. Case S. J. The Millennial Hope. – Chicago, 1918. – 220 p.
4. Cohen A. The Kingdom of God in Puritan Thought: A Study of the English Puritan Quest for the Fifth Monarchy. – Unpublished Ph.D. thesis, Indiana University, 1961. – 349 p.
5. Cohn N. The Pursuit of the Millennium. – London, 1962. – 416 p.
6. Elliott E. B. Horae Apocalypticae; or, A Commentary on the Apocalypse, Critical and Historical, in 4 vols. – London, 1847.
7. Fromm L. E. The Prophetic Faith of Our Fathers, in 4 vols. – Washington, 1946-1954.
8. Löwitz K. Meaning in History. – Chicago, 1949. – 223 p.
9. Muzzey D. S. The Spiritual Franciscans. – New York, 1907. – 531 p.
10. Newton I. Fragments on the kingdoms of the European tribes, the Temple and the history of Jewish and Christian Churches. – Yahuda Ms. 28. – 1677.
11. Newton I. Four Letters from Sir Isaac Newton to Doctor Bentley, Containing Some Arguments in Proof of Deity. – London, 1756. – 35 p.
12. Newton I. The Chronology of Ancient Kingdoms Amended. – London, 2017. – 96 p.
13. Newton I. Prophecies concerning Christs 2d coming. – ASC Ms. N47 HER, James White Library, Andrews University, Berrien Springs, Michigan, USA. – 1681.
14. Newton I. Procemium. – Yahuda Ms. 11. National Library of Israel, Jerusalem, Israel. – 1682.
15. Newton I. Theological notes. – Yahuda Ms. 5. – 1703.
16. Newton I. Treatise on Church history. – Yahuda Ms. 12. – 1684.
17. Newton I. Tuba Quarta. – Keynes Ms. 1, King's College, Cambridge, UK. – 1677.
18. Newton I. Untitled treatise on Revelation. – Yahuda Ms. 1. – 1670.
19. Newton I. Various texts on Revelation, Solomon's Temple and Church history. – Yahuda Ms. 2. – 1688.
20. Peters G. N. H. The Theocratic Kingdom of Our Lord Jesus, the Christ. – Grand Rapids, 1957. – 736 p.
21. Quistorp H. Calvin's Doctrine of the Last Things, trans. by H. Knight. – Richmond, 1955. – 282 p.
22. Seiss J. A. The Last Times, or Thoughts on Momentous Themes. – Philadelphia, 1878. – 428 p.
23. Silver A. H. Messianic Speculation in Israel. – New York, 1927. – 501 p.
24. Shimeall R.C. The Second Coming of Christ. – New York, 1873. – 384 p.
25. Taylor D. T. The Voice of the Church on the Coming and Kingdom of the Redeemer. A History of the Doctrine of the Reign of Christ on Earth. – Philadelphia, 1856. – 911 p.
26. Tuveson E. L. Millennium and Utopia. – Berkeley, 1949. – 249 p.
27. West N. History of the Pre-Millennial Doctrine // Second Coming of Christ, Premillennial Essays. – Chicago, 1879. – 214 p.
- 14 Newton I. Four Letters from Sir Isaac Newton to Doctor Bentley, Containing Some Arguments in Proof of Deity. London, 1756. 35 p, 25 Feb 1693. C. 14.
- 15 Tuba Quarta. C. 2.

5 См.: Там же. Ч. 1а. С. 15.

6 См.: Там же. Ч. 1а. С. 21.

7 См.: Там же. Ч. 1а. С. 34.

8 См.: Там же. Ч. 1. С. 27.

9 Taylor D. T. The Voice of the Church on the Coming and Kingdom of the Redeemer. A History of the Doctrine of the Reign of Christ on Earth. Philadelphia, 1856. 911 p. C. 307

10 Untitled treatise on Revelation. Ч. 1.2. С. 24.

11 См.: Там же. С. 26.

12 Newton I. Prophecies concerning Christs 2d coming. ASC Ms. N47 HER, James White Library, Andrews University, Berrien Springs, Michigan, USA. 1681.

13 Peters G. N. H. The Theocratic Kingdom of Our Lord Jesus, the Christ. Grand Rapids, 1957. 736 p. C. 517.

ШУРАЛЁВ Алексей Васильевич

кандидат философских наук, доцент Первого Московского государственного медицинского университета им. И. М. Сеченова (Сеченовский Университет)

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ ХАРАКТЕРА ВНУТРИ- И МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В СТРАНАХ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Автор в данной статье ставит цель показать, как происходило возрождение внутри- и межконфессиональных отношений в современном западноевропейском обществе, какие изначально цели и задачи ставили его главные действующие силы: государство, общество, церковные лидеры. Проводится анализ, что возрождение религиозных институтов в Западной Европе и новый виток развития внутри- и межконфессиональных отношений в западноевропейском обществе связаны с продолжением противостояния капитализма и социализма во время холодной войны, в результате которого, используя институт христианской церкви в качестве психологического оружия, буржуазия временно сумела поменять вектор развития человеческого общества в пользу капитализма. После известных событий 1991 года, наша страна изменила свой геополитический статус и вектор дальнейшего исторического развития, а в обществе стала господствовать чуждая ему идеология и насаждаться клерикализм. Это вызвало волну национальных и религиозных конфликтов, которые стали ответной реакцией общества на коренную ломку сложившихся отношений в прежней общественно-экономической формации. До сих пор современное российское государство не может справиться с внутренними этноконфессиональными конфликтами, которые переросли в международный терроризм. Современные идеологи буржуазного строя заявляют, что разрушение СССР есть закономерный процесс его развития. Но факты истории доказывают, что социалистический строй в нашей стране имел шансы на дальнейшее существование, если бы они не были пресечены компрадорской буржуазией, появившейся в период перестройки в 1985-1991 годы.

Ключевые слова: идеология, капитализм, коммунизм, светское образование, наука и религия, политическая элита, клерикализация, дифференциация общества, учёные и богословы.

SHURALEV Aleksey Vasiljevich

Ph.D. in Philosophy, associate professor of the I. M. Sechenov First Moscow State Medical University (Sechenov University)

SOCIO-ECONOMIC CONDITIONALITY OF THE NATURE OF INTRA- AND INTERCONFESSIONAL RELATIONS IN WESTERN EUROPE IN THE MODERN WORLD

The author of this article aims to show how the revival of intra- and interconfessional relations in modern Western society took place, what were the initial aims and goals of its main actors: the state, society, and Church leaders. The analysis is made that the revival of the religious institutes in Western Europe and a new round of development within and interconfessional relations in Western society, associated with the continuation of the confrontation between capitalism and socialism during the cold war, in which, using the institution of the Christian Church as psychological weapons, the bourgeoisie has temporarily managed to change the vector of development of human society in favor of capitalism. After the events of 1991, our country has changed its geopolitical status and a vector of further historical development, and in society began to dominate an alien ideology and to spread clericalism. This caused a wave of ethnic and religious conflicts, which have become the response of society to a radical break with existing relations in the former socio-economic formation. Still the modern Russian state cannot cope with internal ethnic and religious conflicts, which escalated into international terrorism. Modern ideologists of the bourgeois system claim that the destruction of the Soviet Union is a natural process of its development. But the facts of history prove that the socialist system in our country had chances for further existence if they were not suppressed by comprador bourgeoisie that emerged in the period of perestroika in 1985-1991.

Keywords: ideology, capitalism, communism, secular education, science and religion, the political elite, clericalization, the differentiation of society, scientists and theologians.

Шуралёв А. В.

Ещё Иммануил Кант говорил в своей книге «Критика чистого разума», что если философы занимаются метафизикой, то главным понятием для них должен быть всегда «Бог». А занимаются они метафизикой в двух случаях: во-первых, когда они настроены на создание новой философии и, во-вторых, когда хотят избавиться от старой философии. На этом пути И. Кант предостерегал их, чтобы они всячески отходили от философского метода Демокрита, который очень портит молодёжь, и всегда учили её только этикотеологии¹.

В современной западной буржуазной философии существуют следующие тенденции:

- идея индивидуализма;
- метафизика;
- идея мистицизма;
- идея преодоления противоположностей между материализмом и идеализмом².

1 Философия: учебник / под общ. ред. В. В. Миронова. - М.: Норма, 2009. - 928 с.

2 Спиркин А. Г. Основы философии. Учебное пособие для вузов. - М.: Политиздат, 1998. - 592 с.

Основными направлениями современной западной буржуазной философии являются: марксизм, гуманистическая философия, неопрейдизм.

Российскому учёному-философу надо признавать западную философию, особенно, что в ней есть научного и истинного, но нисколько не сдавать позиции диалектического материализма перед тем идеализмом, который присущ всем направлениям философии мысли – от неотомизма до экзистенциализма и неопрейдизма, стремящегося соединить прейдизм с марксизмом³.

Философы Запада защищают классовую сущность неотомизма. Бог всегда существует для него и этим он вызывает логическую паузу, отрывающий критическую пытлившую мысль и служит только причиной тормоза прогресса.

«Вульгарный эволюционизм», как одно из буржуазных философских направлений, совсем убрал диалектику из философии и является философской основой реформизма и оппортунизма, представляя также методологическую базу буржуазных теорий «трансформации» капитализма в социализм.

Другое направление - гештальтпсихология (буквально форма, целостность)⁴. Его философская основа - гуссерлианство и махизм. Она является антиподом ассоциативной психологии. Гештальтпсихология первичными и основными элементами психики считает не ощущения, а некие психологические структуры, ценностные образования, которые она называет «гештальтами». Данная теория отрывает индивида от природы и практической деятельности.

Социал-демократический социализм – это философская идеология реформизма теории Маркса. Его теоретические корни уходят к неокантианству с его проповедью этического социализма. По этой идеологии социализм не закономерный продукт естественного исторического развития: он всего лишь нравственный идеал, равнодоступный всем слоям общества, он всего лишь нравственная проблема, которая разрешается воспитанием. Социализм по этой идеологии существует как «демократия», как гармоническое единство всех социальных групп и слоёв, включая капиталистов и пролетариат⁵.

Мелиоризм - «теория прогресса» по идеалистическому учению Д. Дьюи воскрешает старый оппортунистический лозунг главного ревизиониста учения Карла Маркса - Эдуарда Бернштейна: «движение всё, конечная цель ничто». Этот лозунг отрицает классовую борьбу пролетариата против буржуазии и закрепляет положение о вечности капитализма.

Теория интереса - направление в современной буржуазной аксиологии, возникло в 20-е годы XX века в рамках натурализма, близко другому философскому направлению - прагматизму. Историческая цель по теории интереса сводится к космополитизму, который под маской нейтральности скрывает отношения национального и политического неравноправия, империалистического господства и угнетения.

В рамках идеалистической этики марксизм фальсифицируется последователями «истинного социализма», представ-

лявшего оппортунистическую теорию, с помощью которой буржуазия осуществляла контроль над рабочим движением в Германии ещё в начале 19 века.

Сторонники направления «либерального христианства» в Европе – Эрнст Трельч, Адольф Харнак - выступали с идеей превращения христианского вероучения в конкретную программу решения социальных и моральных проблем. Это движение его основатели так и назвали: «движение социального Евангелия». Его последователи веруют в социально-экономический прогресс человечества, но считают, что лучшей жизни, они могут добиться не путём революции, а путём пропаганды позитивной философии (какими по-прежнему является позитивизм и неопозитивизм), с помощью которой можно добиться разумной организации жизни людей в обществе.

В эксплуататорском обществе не создаются необходимые условия для формирования творческих способностей у трудящихся масс. Поэтому признание трудящимися массами несправедливости капитализма служит для науки признанием того, что этот строй изжил себя исторически полностью.

Вся оппортунистическая буржуазная философия базируется на механицизме. И она по-прежнему безжалостно спекулирует на всех трудных, пока ещё неразрешимых проблемах в естествознании, обуславливая свои позиции в современном мире.

Современная теология смыкается напрямую как с религиозной философией, так и с субъективным и объективным идеализмом, и, таким образом, пытается оправдать союз науки и религии.

На теории равновесия строят свои контраргументы социал-демократы и их коллеги ревизионисты-оппортунисты, которые исповедуют догмы о «мирном вращении капитализма в социализм», и о «гармонии классовых интересов».

Один из идеологов современного буржуазного общества, английский историк Арнольд Тойнби, упорно доказывал в своих книгах, что для того, чтобы выжить европейской цивилизации в современном мире, буржуазным культурным операторам надо насильственно насаждать в обществе клерикализацию⁶.

А философское направление фидеизм, как одно из реакционных учений, полностью подчинил в Западной Европе науку религии и призывает к союзу буржуазии и богословия. Такими фидеистическими направлениями в философии являются: персонализм, неотомизм, экзистенциализм.

Буржуазия сегодня уже полностью ликвидировала философию как науку, заменив её всевозможными наукообразными формами наподобие семиотики, лингвистической философии и другими, и не даёт, таким образом, развиваться философии самым правильным путем - в русле диалектического материализма.

Русская философия всегда развивалась в религиозном плане. Ей вторила и русская классическая литература. Именно поэтому философия славянофилов была всего лишь реакционно-утопической программой перехода русских дворян на путь буржуазного развития с сохранением ими всех привилегий. Эта программа была сформулирована в период, когда необходимость отхода от старых форм эксплуатации и приспособления правящего класса к новым историческим условиям стала явной даже для такого реакционера, каким был император Александр II.

6 Шуралёв А. В. Религиозные общины и межрелигиозные отношения в современной Западной Европе. - М.: «Книга по Требованию», 2017. - 272 с. ISBN 978-5-519-60499-4

3 Шуралёв А. В. Религия и церковь, как новые основы государственной идеологии современной России // Международный Научно-Исследовательский журнал. - Выпуск № 9-5 (40) / Часть 5 Октябрь. - Екатеринбург, 2015. - С. 64-68.

4 Булюбаш И. Д. Руководство по гештальт-терапии. / Сер.: «Золотой фонд психотерапии». - 2-е изд. - М.: Психотерапия, 2008. - 768.

5 Материалистическая диалектика в 6 томах. Т. 1. Объективная диалектика / Под общ. ред. Ф. В. Константинова и В. Г. Марахова.; Отв. ред. Ф. Ф. Вякирев. - М.: «Мысль», 1981. - 374 с.; и Материалистическая диалектика в 6 томах. Т. 2. Субъективная диалектика / Под общ. ред. Ф. В. Константинова и В. Г. Марахова.; Отв. ред. В. Г. Иванов. - М.: «Мысль», 1982. - 285 с.

Самый известный русский философ, с которого и начинается в буквальном смысле теоретическая философия в России, В. С. Соловьёв создал по примеру философов Западной Европы лишь Теодицею, по которой должно произойти воцерковление всего человечества под эгидой католицизма. Вот поэтому его так любят на Западе больше, чем в родном отечестве⁷.

Таким образом, до 1917 года лишь революционное направление в философии дало достойных представителей и идеи. Это, прежде всего: А. И. Герцен, В. Г. Белинский, Н. Г. Чернышевский, М. А. Бакунин, П. Л. Лавров, П. А. Кропоткин, Г. В. Плеханов, В. И. Ленин. Они уделили огромное значение не только западноевропейскому философскому дискурсу, но и самобытному русскому философскому началу. И вся их философия была философией революционной борьбы, которая выражалась в практике революционной деятельности в России.

Чернышевский любил Гегеля как философа, открывшего миру формы развития бытия, и Фейербаха как родоначальника новой мировой антропологии. Благодаря этим философам Чернышевский смог подняться до руководителя думающего прогрессивного поколения в России. Но в этих немецких философах Чернышевский не принял никакого идеализма, который был только вреден развитию русской истории. Ибо вся идеалистическая философия не создала никакой революционной теории, ведущей к рождению нового лучшего общества на земле, а всегда только наводила туман и вела к коллективному сумасшествию, как говорил М. А. Бакунин.

Вся немецкая классическая философия носила революционный характер. Но лишь Карл Маркс спас диалектику Гегеля, потому что трусость этого философа перед немецким юнкерством не позволила ему правильно её применить к общественно-экономическому развитию. Именно Карл Маркс и Фридрих Энгельс сделали из идеализма настоящую целостную философскую систему о развитии природы, общества и сознания, которую назвали диалектическим и историческим материализмом.

Огромная заслуга Г. В. Плеханова для России заключается в том, что он осуществил из материализма философию действия. Коллизии между капиталистом и пролетариатом в период империализма обострились до предела накануне XX века. И поэтому задача В. И. Ленина в философии состояла в осуществлении диалектического материализма в жизнь как нового мировоззрения общества.

Все философы Западной Европы после Канта, Гегеля не являлись для В. И. Ленина истиной в последней инстанции. Поэтому он отталкивался для решения философских коллизий в современном обществе только от Канта, Гегеля и Фейербаха.

По-новому осмыслив учения Гераклита, Аристотеля, Гегеля, Ленин в своей теории познания, которую он изложил в книгах: «Империализм и эмпириокритицизм» и «Философские тетради», выдвинул следующие идеи:

- о победе социализма в одной стране;
- о новой форме власти народа - Советах;
- борьбы против ревизионизма учения Маркса;
- верховенства марксизма над всеми другими философиями.

Поэтому философию Ленина считают философией ленинизма. Кроме того, В. И. Ленин рекомендовал всегда использовать труды известных французских материалистов 18 века,

которые критиковали религию в современной борьбе против религиозного клерикализма и обскурантизма⁸.

Всё вышесказанное особенно актуально, когда современные внутри- и межконфессиональные отношения в западноевропейском обществе, сильно повлияли на мировые социально-экономические и политические процессы в целом. Доктрина религиозной свободы, которую провозгласил Второй Ватиканский собор (1962-1965 гг.), предоставила христианской церкви новые перспективы развития, а государство в Западной Европе получило возможность построить общество на новых структурных и идеологических основах. Государственная политика толерантности в отношении церкви, теперь подразумевает под собой свободное развитие любой религии и церкви, что не всегда укладывается в рамки прежних религиозных догм и систем католицизма, православия и мусульманства. Никто не подозревал, что церковь вновь станет реальной силой в обществе, а тем более достигнет одного из первых мест в нём. Все эти исторические для института церкви события, из которых, правда не все церкви могли выйти победителями, многие общественные силы не могут до сих пор признать и правильно оценить.

В современной Западной Европе позиции христианской церкви, которая всегда представляла главный рычаг влияния государства на общественное сознание, настолько сильны, что она превратилась в одного из главного культурного оператора не только в западноевропейском обществе, но и в мире. Этому сильно способствовала роль, которую она играла в борьбе двух общественно-политических систем во время холодной войны, что подтверждают как отечественные, так и зарубежные научные источники.

Политика «мультикультурализма» и «глобализма», с помощью которых капитализм выжил после Второй мировой войны, привела его в настоящее время к новой модернизации нацистских и фашистских идеологий в Европе и США. Современный национал-социализм подменяет марксистско-ленинское понимание прогресса в истории, и умышленно маскирует стремление капитализма вновь продолжить своё бытие.

Не последнее место в своей борьбе с другими странами мира, идеологи капитализма отводят церковному институту, модернизированному под постиндустриальное общество. Религиозные войны и конфликты стали реальной повседневною в мире. А современные социальные сети, создаваемые религиозными сообществами, стали более эффективными, чем, например, сообщества, организованные по национальному принципу.

В период буржуазной перестройки в нашей стране (1985-1991 годы) многие учёные стали печатать свои научные труды на средства, выделяемые Фондом Сороса. А в настоящее время эти учёные уже сами являются создателями разных фондов, с помощью которых контролируют всю научную деятельность в стране. Они сделали из науки настоящий для себя бизнес и помогают, таким образом, капиталистическому режиму насаждать религиозную идеологию⁹.

Примером рьяного служения делу церкви в нашей стране может служить учёный Касатиков Алексей Анатольевич, кандидат педагогических наук, доцент кафедры информационных образовательных технологий факультета математики и

8 Спиркин А. Г. Основы философии. Учебное пособие для вузов. - М.: Политиздат, 1998. - 592 с.

9 Шуралёв А. В. Христианская церковь и новый мировой порядок // Международный научно-исследовательский журнал «Современный ученый». Том 2. № 1. Июль. Белгород. 2017 год. - С. 162-176.

7 Розанов В. В. Люди лунного света. - Санкт-Петербург. Азбука-Классика, 2008. - 272 с.

компьютерных наук Кубанского Государственного университета, и одновременно преподаватель Екатеринодарской духовной семинарии.

Касатиков А. А. все свои усилия направляет на то, чтобы полностью извергнуть из философии материалистическое учение Демокрита, считая его компиляцией индуизма и буддизма.

Ученый Касатиков А. А. явно не желает говорить в своей статье, что VI век до нашей эры в истории человечества является веком интеллектуального бума. Именно в это время, независимо друг от друга, у разных народов мира появляются великие цивилизационные достижения, которые воплотились на Востоке в даосизме, буддизме, зороастризме, иудаизме. Но только в греческой Ионии этот процесс осуществился рождением науки философии.

Древнегреческую ионийскую философскую школу, к которой также принадлежал и Демокрит, так как родился в городе Абдеры, основанном ионийцами на севере Греции, несправедливо относят к досократикам. По своим взглядам и методам изучения в философии, Фалес, Анаксимандр и другие ионийцы принадлежат к эмпирикам и экспериментаторам, полностью отрицающим вмешательство в жизнь людей богов и веривших в здравый смысл человека.

Несмотря на то, что высший этап развития греческой философии связывают с Пифагором, Сократом, Платоном и Аристотелем, этот этап характеризуется отрицанием эксперимента в философском познании, и все его представители всё сводят к «миру идей». А пифагорейство в итоге встало на путь дальнейшего развития мистицизма, который предвосхитил в будущем появление христианства¹⁰.

И на этом этапе развития философии было не только отрицание атеизма, но и общественного прогресса на основе практики. Именно Платон лично уничтожил не только все 75 книг Демокрита, но и научные труды других великих философов ионийской школы. В этих трудах излагались как основы их философии с принципами различных технических изобретений, так и многие великие открытия, каковыми были гелиоцентрическая система и теория относительности, к которым разумное человечество придёт вновь лишь через два тысячелетия.

Это было более двух тысяч лет назад, а что будет в 21 веке?

Пристатейный библиографический список

1. Булюбаш И. Д. Руководство по гештальт-терапии // Сер.: «Золотой фонд психотерапии». - 2-е изд. - М.: Психотерапия, 2008. - 768 с.
2. Касатиков А. А. Сравнительный анализ учения Демокрита и буддизма (К вопросу о возможности заимствования учения Демокрита из Индии) // Религиоведение. 2016. - № 3. Научно-теоретический журнал Из-во АмГУ. - С. 70-76.
3. Материалистическая диалектика в 6 томах. Т. 1. Субъективная диалектика / Под общ. ред. Ф. В. Константинова и В. Г. Марахова; Отв. ред. Ф. Ф. Вякирев. - М.: «Мысль», 1981. - 374 с.

4. Материалистическая диалектика в 6 томах. Т. 2. Субъективная диалектика / Под общ. ред. Ф. В. Константинова и В. Г. Марахова; Отв. ред. В. Г. Иванов. - М.: «Мысль», 1982. - 285 с.
5. Розанов В. В. Люди лунного света. - Санкт-Петербург. Азбука-Классика, 2008. - 272 с.
6. Саган К. Космос: Эволюция Вселенной, жизни и цивилизации / Карл Саган; {пер. с англ. А. Сергеева}. - СПб.: ООО «Торгово-издательский дом «Амфора», 2015. - 447 с. - (Серия «Популярная наука»).
7. Спиркин А. Г. Основы философии. Учебное пособие для вузов. М.: Политиздат, 1998. - 592 с.
8. Философия: учебник / под общ. ред. В. В. Миронова. - М.: Норма, 2009. - 928 с.
9. Шуралёв А. В. Религиозные общины и межрелигиозные отношения в современной Западной Европе. - М.: «Книга по Требованию», 2017. - 272 с. ISBN 978-5-519-60499-4
10. Шуралёв А. В. Религия и церковь, как новые основы государственной идеологии современной России // Международный Научно-Исследовательский журнал Выпуск № 9-5 (40) / Часть 5. Октябрь. - Екатеринбург, 2015. - С. 64-68.
11. Шуралёв А. В. Христианская церковь и новый мировой порядок // Международный научно-исследовательский журнал «Современный ученый». Том 2. № 1. Июль. Белгород. 2017 г. - С. 162-176.

Институт законодательства и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации

КИБЕРПРОСТРАНСТВО БРИКС: правовое измерение

В преддверии саммита БРИКС
3-5 сентября 2017 г.

Монография

Ответственные редакторы
Дэн Руйпин, Т.Я. Хабриева

Москва
2017

¹⁰ Касатиков А. А. Сравнительный анализ учения Демокрита и буддизма (К вопросу о возможности заимствования учения Демокрита из Индии) // Религиоведение. - 2016. - № 3. Научно-теоретический журнал Из-во АмГУ. - С. 70-76.

ФУСУ Лариса Ивановна

кандидат медицинских наук, доцент Национального исследовательского университета "Высшая школа экономики"

ГРАЖДАНСКИЙ БРАК КАК ЛИМИНАЛЬНОЕ СОСТОЯНИЕ

В статье рассмотрен с позиций лиминальности гражданский брак как совместное проживание мужчины и женщины без заключения ими официального брака. Выявлено, что гражданский брак обладает различными свойствами лиминальности. В нём присутствуют черты двух состояний (вне брака и в браке); создаётся ситуация самостановления, экстремально быстрого развития личности; изменяется статус личности, в то же время провоцируется неопределённость и противоречивость её существования.

Ключевые слова: лиминальность, лиминальное состояние, гражданский брак, кризис, личность.

FUSU Larisa Ivanovna

Ph.D. in medical sciences, associate professor of the National Research University "Higher School of Economics"

Фусу Л. И.

CIVIL MARRIAGE AS A LIMINAL STATE

In the article civil marriage (joint residence of a man and a woman without concluding a formal marriage) is considered from the standpoint of liminality. It was revealed that civil marriage has different properties of liminal state. In it there are features of two states (outside marriage and in marriage); creates a situation of self-establishment, an extremely rapid development of the individual; the status of a person changes at the same time provokes the uncertainty and contradictoriness of its existence.

Keywords: liminality, a liminal state, a civil marriage, a crisis, a person.

В современном обществе и современной культуре всё большую значимость приобретают лиминальные состояния, в которых личность находится в ситуации перехода от одной стадии развития к другой, от одного, ставшего уже привычным и стабильным состоянием к новому, пока непривычному и ещё внутренне непринятому. Лиминальность представляет собой междисциплинарное понятие, которое осмысливается в философии, культурологии, социологии, психологии, психиатрии, педагогике, медицине и трактуется как «промежуточная, в определенном смысле переходная социальная ситуация развития личности в системе общественных отношений, характеризующаяся потерей прежнего социального положения и сопряженной с ним статусно-ролевой позиции в условиях невступления в новую социальную роль»¹. В современной гуманитарной науке предпринимаются попытки оценить и описать с позиций лиминальности различные состояния и действия личности, различные социальные практики: участие молодежи в субкультурных объединениях², даже участие студентов в первых научных конференциях как переход от статуса студента к статусу учёного³. Как лиминальные проявления оцениваются фено-

мен политического лидерства⁴, существование малых народов⁵ и т. п. Мы также неоднократно обращались к таким лиминальным состояниям индивида и социума, как «болезнь, кризисные тенденции переходного возраста, квази-инициация», понимая как важнейшее свойство лиминальности кризисность. Для личности, попавшей в ситуацию лиминальности (перехода, «порога»), очень важно преодолеть внутренний кризис и продолжить личностное развитие в новом статусе⁶.

Цель статьи – рассмотреть с позиций лиминальности гражданский брак, широко распространившийся в современном обществе. Социологический словарь определяет гражданский брак как «сожитительство» и описывает его следующим образом: «Мужчина и женщина имеют сексуальные отношения без бракосочетания»⁷. Тем не менее, понятие «гражданский брак» всё шире распространяется и закрепляется в научной литературе. Это явление оценивается исследователями и как негативное, и как позитивное. А. В. Ковалева называет гражданский брак «альтернативной формой семьи и брака», которая нередко выступает как «попытка вывести личную жизнь индивидов из-под контроля государства», а с позиций развития государства «влечёт за собой реальную угрозу обществу,

1 Энциклопедический словарь по психологии и педагогике. 2013. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://translate.academic.ru/Энциклопедический%20словарь%20по%20психологии%20и%20педагогике%202013/ru/> (дата обращения: 08.04.2018 г.).

2 Лагутина А. В. Молодежная субкультура как игровая мифоритуальная система: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 24.00.01. – Тюмень, 2013. – 24 с.

3 Петрова О. С. Студенческая научно-практическая конференция как лиминальный период в самостановлении «Я» // Актуальные проблемы социальной коммуникации: Мат. 2-й Междунар. науч.-практ. конф. – Нижний Новгород: Иид-во НГТУ, 2011. – С. 641-644.

4 Щербинина Н. Г. Лиминальность как феномен современной российской политики // Тоталитаризм и тоталитарное сознание: Мат. 18-й регион. ежегод. науч.-практ. конф. / Отв. ред. В. С. Шутов. – Томск: Кит, 2016. – С. 146-150.

5 Бобков А. А. Малые народы Восточной Сибири в терапевтическом социологическом дискурсе / А. А. Бобков, А. И. Бобков // Культура и взрыв: социальные смыслы в эпоху перемен: Мат. IX Всерос. научн. интернет-конф. – Иркутск: Иркутский гос. ун-т, 2017. – С. 74-78.

6 Фусу Л. И. Переходные состояния личности и общества: пограничность, кризис и его преодоление // Фундаментальные аспекты психического здоровья. – 2017. – № 2. – С. 153-155.

7 Большой толковый социологический словарь: В 2 т. Т. 1: А-О / Д. Джери, Дж. Джери; пер. с англ. – М.: АСТ, Вече, 1999. – С. 62.

поскольку сужает социальные функции семьи, значительно уменьшая её репродуктивные возможности»⁸. При этом отношение молодёжи к гражданскому браку чаще всего положительное⁹, и всё больше молодых людей начинают приобретать свой матримониальный опыт именно в гражданском браке.

По нашему мнению, гражданский брак обладает всеми признаками лиминального состояния. Во-первых, в поведении людей, вступающих в гражданский брак, сочетаются поведенческие черты, характерные для двух состояний – состояния вне брака и состояния в браке. С одной стороны, практикуется совместное проживание, распределение обязанностей по ведению домашнего хозяйства («общий холодильник»), участие обоих субъектов брака в зарабатывании и трате денег («общий кошелёк»), совместное времяпрепровождение, досуг, развлечения, путешествия и другие признаки, характерные для классического понимания семьи. С другой стороны, отношения официально не зарегистрированы, документально не подтверждены, у пары нет совместного имущества, как правило, нет детей и, самое главное, присутствует внешнее и чаще всего внутреннее ощущение свободы, представление о возможности в любой момент без особого труда прекратить брачные отношения.

Во-вторых, субъекты гражданского брака переживают важнейший период самостановления, формирования личности, а именно: критически осмысливают мир социальных отношений, связанных с браком; соотносят имевшийся у них ранее опыт (основанный на наблюдении за родителями и другими людьми старшего возраста и ровесниками) с собственными ощущениями. Лиминальность сопряжена с появлением у личности новых представлений; кризисный характер лиминальности является фактором, провоцирующим динамику личности, её ускоренное, даже экстремально быстрое развитие. Те внутренние изменения, которые были бы достигнуты личностью, ведущей одинокое существование, в течение десяти лет, в гражданском браке осуществляются за полгода.

В-третьих, меняется статус личности. В собственном представлении и в восприятии окружающих субъекты гражданского брака начинают приобретать черты, характерные для семейного человека: стремление к стабильности, желание существовать в одном пространстве с другим человеком, обретение совместной перспективы.

В-четвёртых, важным признаком гражданского брака как лиминального состояния является неопределённость и противоречивость существования личности. Она ещё не готова принять брак как общественную и личную ценность, как норму и в то же время живёт в пространстве брака. Такое противоречие не может не обосновывать внутренних и внешних конфликтов. Противоречие продуцирует у личности стремление к выходу из кризиса, переходу на новый этап социального развития, в то время как собственно гражданский брак, сознательно заключённый личностью, смену статуса не предполагает. Нестабильность отношений, существующих в гражданском браке, приводит к внутреннему разладу личности, нередко переходящему на внешний уровень и находящему своё выражение в актах агрессии, протеста.

Итак, гражданский брак имеет огромное влияние на личность. Как бы он ни завершился (официальным браком или

разрывом отношений), он обязательно отразится на личности, на формировании её социальных представлений, ментального и аксиологического фона. Нельзя не согласиться с М. А. Шукиной в том, что «лиминальность способствует принятию личностью решения об изменении жизненной ситуации через самоизменение»¹⁰. Лиминальность – важный фактор развития личности, переживание лиминального состояния подталкивает личность к размышлениям и осмыслению собственной жизни, к прогнозированию своего дальнейшего пути. Такое лиминальное состояние, как гражданский брак, помогает мужчине и женщине осознать необходимость или ненужность быть вместе и определить направление дальнейшего развития не только данных отношений, но и всей жизни.

Пристатейный библиографический список

1. Бобков А. А. Малые народы Восточной Сибири в терапевтическом социологическом дискурсе // Культура и взрыв: социальные смыслы в эпоху перемен: Мат. IX Всерос. научн. интернет-конф. – Иркутск: Иркутский гос. ун-т, 2017. – С. 74-78.
2. Большой толковый социологический словарь: В 2 т. Т. 1: А-О / Д. Джери, Дж. Джери; пер. с англ. – М.: АСТ, Вече, 1999. – 544 с.
3. Ковалева А. В. Трансформация понятия «гражданский брак» как проявление кризиса семейно-брачных отношений: автореф. дис. ... канд. социол. наук: 22.00.04. – Хабаровск, 2009. – 22 с.
4. Лагутина А. В. Молодежная субкультура как игровая мифоритуальная система: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 24.00.01. – Тюмень, 2013. – 24 с.
5. Петрова О. С. Студенческая научно-практическая конференция как лиминальный период в самостановлении «Я» // Актуальные проблемы социальной коммуникации: Мат. 2-й Междунар. науч.-практ. конф. – Нижний Новгород: Иид-во НГТУ, 2011. – С. 641-644.
6. Смирнова Т. Е. Исследование отношения молодежи к гражданскому браку // Молодой ученый. – 2014. – № 3. – С. 1021-1024.
7. Фусу Л. И. Переходные состояния личности и общества: пограничность, кризис и его преодоление // Фундаментальные аспекты психического здоровья. – 2017. – № 2. – С. 153-155.
8. Щербинина Н. Г. Лиминальность как феномен современной российской политики // Тоталитаризм и тоталитарное сознание: Мат. 18-й регион. ежегод. науч.-практ. конф. / Отв. ред. В. С. Шутов. – Томск: Кит, 2016. – С. 146-150.
9. Шукина М. А. Стадия лиминальности в саморазвитии личности // Ученые записки Санкт-Петербургского государственного института психологии и социальной работы. – 2017. – № 1 (27). – С. 45-51.
10. Энциклопедический словарь по психологии и педагогике. 2013. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://translate.academic.ru/Энциклопедический%20словарь%20по%20психологии%20и%20педагогике%202013/ru/> (дата обращения: 08.04.2018 г.).

8 Ковалева А. В. Трансформация понятия «гражданский брак» как проявление кризиса семейно-брачных отношений: автореф. дис. ... канд. социол. наук: 22.00.04. – Хабаровск, 2009. – С. 9.

9 Смирнова Т. Е. Исследование отношения молодежи к гражданскому браку // Молодой ученый. – 2014. – № 3. – С. 1021-1024.

10 Шукина М. А. Стадия лиминальности в саморазвитии личности // Ученые записки Санкт-Петербургского государственного института психологии и социальной работы. – 2017. – № 1 (27). – С. 45.

ЧАЙКА Александр Викторович

кандидат философских наук, доцент кафедры гуманитарного образования Новосибирского института повышения квалификации и переподготовки работников образования

«ЭФФЕКТ НЕОЖИДАННОСТИ» ИСЛАМСКОГО ГОСУДАРСТВА: МИФ И РЕАЛЬНОСТЬ

В статье рассмотрена проблема Исламского государства в контексте исследований терроризма с точки зрения осмысления конкретно-политической и культурной обстановки в государствах, так называемого, Арабского мира. Автором описана проблема «неожиданности» появления Исламского государства посредством философско-культурной оценки глобальности данного явления. В статье автор рассматривает проблему образования Исламского государства для мирового сообщества как «парадокс государствообразования».

«Эффект неожиданности» образования Исламского государства выражен посредством мифа и реальности.

Ключевые слова: терроризм, «эффект неожиданности», «парадокс государствообразования», миф, политика, идеология, симбиоз.

Чайка А. В.

CHAYKA Aleksandr Viktorovich

Ph.D. in Philosophy, associate professor of the Novosibirsk Institute of Advanced Studies and Retraining of Education Workers

"EFFECT OF UNEXPECTED" OF THE ISLAMIC STATE: MYTH AND REALITY

The article deals with the problem of the Islamic State in the context of terrorism research from the point of view of understanding the specific political and cultural situation in the so-called Arab world. The author describes the problem of the "surprise" of the emergence of the Islamic State through a philosophical and cultural assessment of the global nature of this phenomenon. In the article the author considers the problem of the formation of the Islamic State for the world community as a "paradox of state formation".

The "surprise effect" of the formation of an Islamic State is expressed through myth and reality.

Keywords: terrorism, the "surprise effect," the "paradox of state formation," myth, politics, ideology, symbiosis.

В последнее время проблема Исламского государства стала одной из наиболее актуальных как в контексте как исследований терроризма, возможных векторов его развития, так и с точки зрения осмысления конкретно-политической и культурной обстановки в государствах, так называемого, Арабского мира. Тема Исламского государства актуальна, важна, но во многом до сих пор не адаптирована к устоявшемуся научному аппарату. С одной стороны, Исламское государство воспринимается как разветвленная массовая транснациональная террористическая организация, могущественная, но все-таки, одна из многих, ныне действующих. С другой – некая территория, контролируемая единой военно-политической структурой, провозгласившая себя новым Мировым халифатом, территория, где формируются институты, свойственные государству, господствует мощная идеология. Это квазигосударство не имеет союзников, оно ведет постоянную войну, владеет некоторыми ресурсами, а его жесткий тоталитаризм складывается не только благодаря радикальным исламистским учениям и ересям, но и под влиянием военного положения, в котором оно пребывает.

Думается, что термин «Исламское государство» будет более точным, если его понимать как результат определенного генезиса радикального исламизма, движения от национальных радикальных террористических групп и организаций (Талибан и др.) – к мировой террористической сети (Аль-Каеда), и далее – к контролю определенных территорий конкретной террористической организацией и провозглашению Мирового халифата.

Влияние Исламского государства определяется, на наш взгляд, тремя основными факторами: во-первых, тем, что оно выступает одним из главных факторов деструкции на Ближнем Востоке, реальной силой, ведущей боевые действия, как по месту основной локализации, так и совершающей террористические акты по всему миру. Во-вторых, мощным потоком пропаганды и контрпропаганды, поскольку помимо регулярного освещения аспектов борьбы с Исламским государством, разоблачением его зверств и преступлений, ведется интенсивная пропаганда самих идеологов Исламского государства, его «прогрессивной культурной» сущности силами исламистов. И, в-третьих, вновь, как и в эпоху, так называемой «холодной войны» терроризм становится не только «яблоком раздора» между крупнейшими мировыми политическими силами, но и действенным инструментом всевозможных манипуляций и управления некоторыми политическими процессами.

Проблема «неожиданности» появления Исламского государства отчасти повторяет алгоритм появления Аль-Каеды. Казалось бы, нет ничего угрожающего, достойного внимания высокой политики, и вдруг в одночасье весь мир заговорил о таинственной и грозной силе, организованной по сетевому принципу, имеющей свои представительства во многих странах мира. Этот факт не улучшал настроения граждан ведущих стран, оказавшихся мишенями Аль-Каеды, но плодил многочисленные спекуляции на эту тему. Так миф об Аль-Каеде, как о новой угрозе всему прогрессивному человечеству, возник одновременно с самой Аль-Каедой. Он, этот миф высветил одну весьма важную проблему. А именно – ни одно государство в отдельности не в состоянии гарантировать безопасность, когда

речь идет о террористической угрозе и, порой сам миф о том или ином террористическом движении уже свидетельствует о пусть частной, локальной, но все-таки победе террористов. Достаточно вспомнить, что миф об Аль-Каеде, стал причиной отдельных мер и целых программ в различных государствах, которые способствовали переосмыслению принципов самих гражданских свобод граждан. По крайней мере, популярный тезис о том, что ведущие страны «променяли демократию и гражданские свободы на безопасность» имел под собой некоторые основания. Здесь следует согласиться с тезисом современного исследователя В. Х. Сахибгоряева о том, что: «В условиях глобализации террор устанавливает своеобразные критерии управления обществом, влияния не только на стратегические планы правящих элит, но и на естественные процессы социокультурного развития, на поведение простого человека».¹

Исламское государство, первоначально возникшее на обломках растерзанного интервенцией США Ирака, так же появилось одновременно с мифом о самом себе. Уже первые попытки рассказать что-либо об этом государстве имели колоссальный эффект массового устрашения. Успешное на первом этапе вторжение Исламского государства на территорию Сирии, трансляция публичных, ошеломляющих своей жестокостью массовых казней, полная беспомощность коалиции, возглавляемой США в борьбе с новым террористическим явлением, массовая контрабанда нефти, артефактов древней культуры, работоторговля, контроль за обширной территорией... Все это представляло собой своеобразный террористический «блиц криг», к которому мир оказался не готов. Явление Исламского государства продемонстрировало не только потенциал современной транснациональной террористической угрозы, но и разобщенность, неповоротливость, политическую ущербность глобализирующегося мира, который, как показало время, не совсем един в своем стремлении к прогрессу, да и в самом понимании сути прогресса. Сирия стала не тем местом, где ведущие мировые державы сообща, быстро и эффективно, применяя весь свой военный и технологический потенциал, ликвидировали угрозу в ее зародыше. Напротив, она стала современным примером «войны всех против всех», где каждая из многочисленных сторон конфликта стремится к извлечению собственной выгоды. Так попытки США выделить из общего числа террористических групп, так называемых, «умеренных», «своих» террористов, стала серьезным препятствием для России, действующей на территории Сирии по приглашению и в кооперации с правительством этого государства. «Вырастая из глобального противостояния конкурирующих политических систем времен «холодной войны», современный терроризм вновь обретает благодатную почву, поскольку в последнее время намечается некий новый виток противостояния и обострения внешнеполитической конкуренции. Обострение данной конкуренции мгновенно отразилось на уровне террористической угрозы».²

«Неожиданность» появления Исламского государства во многом объясняется тем типом противодействия, которое оно получает со стороны мирового сообщества. Вялая мало энергичная, а порой – лицемерная борьба с Исламским государством со стороны западных государств, по-видимому, объясняется попыткой причинить ущерб своим политическим оппонентам, обрести какое-то дополнительное влияние. Этот

тип политики, основанный на ошибках «холодной войны», не вписывается в представления о коллективной безопасности. «Давно пора определить такую политику отношения к терроризму, как к внешнеполитическому ресурсу, как стратегию борьбы с конкурентом, стратегию союзничества с наиболее реакционными и агрессивными силами планеты. Иначе говоря, современный терроризм, порой, обзаводится влиятельными союзниками и весьма часто используется как особый тип оружия, оружия массового устрашения, оружия, способного свергать политические режимы и дезорганизовывать целые государства».³

Влияние Исламского государства значительно возросло после того, как оно совершило попытку распространить свою юрисдикцию и на территорию Сирии. Поначалу это многими воспринималось как вторжение со стороны сопредельного государства, однако это утверждение оказалось ничтожным в силу того, что Ирак не имел территориальных претензий к Сирии и не только не участвовал в интервенции, но и вел самостоятельную борьбу с террористами. Политическая элита Запада видела в распространении Исламского государства на территорию Сирии дополнительную возможность ослабить режим Башара Асада, в перспективе «распыления» его сил и ресурсов в борьбе с многочисленными оппозиционными группировками. К тому же, такие военные группировки как Джебхад-ан-Нусра и Исламское государство позволяли сформировать некие общие представления широкой общественности о первоначальной классификации и иерархизации сирийской оппозиции. Так появилась возможность говорить о ее неоднородности, выделять, так называемую, «умеренную» оппозицию и на ее фоне – «радикальную» или «собственно террористическую». Однако, по-видимому, наиболее актуальной проблемой в связи с образованием Исламского государства для мирового сообщества стал «парадокс государствообразования».

Мы употребляем термин «парадокс государствообразования» намеренно, поскольку провозглашение Исламского государства было действительно крайне неожиданным и противостоительным мероприятием. Образование нового государства всегда есть процесс крайне сложный и противоречивый, требующий массы согласований и учета гигантского числа взаимных претензий и противоречий. Порой образование новых государств есть результат длительных предварительных конфликтов. Но это при том, что образование новых государств происходит в силу сложившихся культурно-исторических и политических процессов. Так слияние единого народа в самостоятельное государство, или выделение нового государственного образования их состава какой-либо федерации или конфедерации, обретение политического суверенитета бывшей колонией, есть всегда процессы ожидаемые и потенциально возможные, но влекущие за собой все новые и новые международные осложнения, разрешение которых требует длительного времени. Вполне понятными и часто обоснованными являются требования автономии или суверенитета со стороны какой-либо этнической группы. Но образование нового государства из практически полной политической сингулярности, так сказать «из ничего», само по себе способно разрушить сложившийся политический миропорядок. Это почти всегда имеет постполитическое измерение и часто воспринимается как нашествие ранее неизвестной силы, какой в свое время были, предположим, гунны для Рима и народов Западной Европы, монголо-татары для Киевской Руси и некоторых го-

1 Сахибгоряев В. Х. Радикальный исламизм в глобальном мире // Евразийский юридический журнал. 2018. № 2 (117). С. 363.

2 Сахибгоряев В. Х. Радикальный исламизм в глобальном мире // Евразийский юридический журнал. 2018. № 2 (117). С. 364.

3 Там же. С. 364.

сударств Средней Азии, Кавказа, Европы и т.д. В этой связи мы не можем согласиться с мнением современных отечественных исследователей В. В. Желтова и М. В. Желтова, которые утверждают следующее: «Появление Исламского государства не является ни стихийным, ни непонятым. Это появление является следствием воздействия ряда факторов, которые исторически были, что называется загнанными внутрь. И они, эти факторы, дали о себе знать только после взрывных событий в Сирии и Ираке. Именно в итоге разрушения этих двух государств были созданы условия для возникновения Исламского государства»⁴.

Едва ли интервенцию США и их союзников в Ираке и попытку совершить в Сирии «майданную революцию», а также разрушение Ливии можно назвать «фактором... загнанным внутрь», то есть проблемой, которая длительное время вызревала в недрах сирийского и иракского обществ, равно как в недрах ливийского общества. Это, на наш взгляд, типичный «экспорт революции», или форма интервенции с целью свержения неудобных политиков и политических режимов и дальнейшего формирования режимов марионеточных. Но то, что именно эта интервенция способствовала нарастанию социального хаоса, разрушению социальных институтов, почти тотальному вакууму власти представляется неоспоримым. Интервенция высвободила ранее сдерживаемый протестный потенциал религиозных ересей, подпольных политико-криминальных группировок, контрлиберальных идеологий и лидеров исламского мира, актуализировала бредовые идеи «сотворение нового Великого Халифата», активно распространяемые еще на рубеже 20-21 веков. Она, эта интервенция, стала логическим результатом презрения западного мира к политикам, режимам, или диктаторам «восточного мира», сумевшим в свое время найти баланс в своих обществах с весьма развитыми племенными, родовыми, религиозными, социальными комплексами суверенитетов, найти идеологемы, сплачивающие народы и конфессии. И Асад, и Каддафи, и Хусейн руководят, либо руководили государствами, стабильность режимов которых не вызвала сомнений. Порой им приходилось прибегать к жестким мерам, но гарантированно сохранять при этом стабильность и порядок на собственных подконтрольных территориях, обеспечивать экономический рост и культурную самобытность. Именно ликвидация режимов Каддафи и Хусейна стала настоящей катастрофой начала 21 столетия, катастрофой, имеющей пока лишь предварительные результаты.

«Неожиданность» возникновения Исламского государства кроется и в глобальности данного явления. Само появление Исламского государства есть явление глобальное, сродни массовому распространению принципов международной торговли или интервенции масскультула. Его нынешняя локализация есть результат попытки увязать конкретную террористическую структуру с ареалом ее распространения. Существует идея Исламского государства, как идея создания иной цивилизации, у которой есть свои последователи. На этом базируется принцип транснационального Исламского государства. Эта идея пока популярна и нуждается в противодействии на идейном фронте. Эту идею часто поддерживают исламисты из других организаций и террористических структур, распространенных в различных странах. Она, эта идея, воспринимается как «своя» многими мусульманами, получившими образование и воспитание на Западе, то есть, принявшими

часть западных ценностей.⁵ Как показывает практика, сторонниками Исламского государства становятся и некоторые представители традиционной западной культуры, современной западной цивилизации, люди, которые относятся критически к развитию современной либеральной идеи. Они принимают ислам и перебираются на территорию, контролируруемую Исламским государством, вступая тем самым в преступную сделку с террористами.

Являясь симбиозом националистических, религиозных, культурно-исторических, политических, нравственно-этических концепций, идея транснационального Исламского государства замешана на принципе противостояния, систематической борьбы с остальным миром. В основу его деятельности заложен терроризм, устрашение. Эффект «неожиданности» появления Исламского государства во многом заключается в его идейной целостности, системе посылов, рационально обосновывающих вызов либеральному миру, процессам глобализации. Позволим себе предположить, что Исламское государство представляет собой некую форму террора, фактически действующую альтернативу современному миру, одновременно разрушающую цивилизационное единство мирового сообщества и ставящее террор во главу угла управления экономическими, политическими и социокультурными процессами современности. В этой связи объединение усилий в борьбе с Исламским государством становится наиболее эффективным способом, позволяющим полностью изолировать как военнокриминальный, так и идейный потенциал этого деструктивного террористического сообщества.

Пристатейный библиографический список

1. Желтов В. В., Желтов М. В. Исламское государство: опыт политологического исследования. Кемерово: Кемеровский государственный университет, 2016.
2. Орлов В. И. Современный терроризм. Роль политических и идеологических факторов в причинах его возникновения и сохранения // Материалы IV междунар. науч. конф. по проблемам безопасности и противодействия терроризму. М., 2009.
3. Сахитгоряев В. Х. Радикальный исламизм в глобальном мире // Евразийский юридический журнал. 2018. № 2 (117).
4. Уткин А. И. Глобализация: процесс и осмысление. М., 2001.
5. Юшина С. В. Процессы глобализации и терроризм // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2008. № 3.

4 Желтов В. В., Желтов М. В. Исламское государство: опыт политологического исследования. Кемерово: Кемеровский государственный университет, 2016. С. 8.

5 Юшина С. В. Процессы глобализации и терроризм // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2008. № 3. С. 65.

ЗЕЙТУНЯН Артём Завенович

аспирант кафедры философии и общественных дисциплин Информационно-библиотечного факультета Краснодарского государственного института культуры

МАНИПУЛЯТИВНЫЕ ПРИЕМЫ В ИНФОРМАЦИОННЫХ ПРОГРАММАХ НА РОССИЙСКОМ ТЕЛЕВИДЕНИИ

В статье раскрывается понятие манипуляции в СМИ, выводится собственное определение. Анализируются выпуски новостей на федеральных каналах на предмет функционирования манипулятивных приемов. Все приемы используются для манипуляции вниманием, выстраивания ассоциаций и акцентов, формирования восприятия текста в целом. Помимо этого, синграфемика позволяет управлять интенсивностью и темпом текста, а значит – направлять читателя на нужную эмоциональную волну. В заключении производится сравнение принципов подачи информации на различных российских федеральных каналах.

Ключевые слова: манипуляции в СМИ, воздействие СМИ на аудиторию, манипулятивные приемы в СМИ.

ZEYTUNYAN Artem Zavenovich

postgraduate student of Philosophy and social sciences sub-faculty of the Faculty of the Information and Library of the Krasnodar State Institute of Culture

MANIPULATIVE DEVICES IN THE INFORMATION PROGRAMS ON RUSSIAN TELEVISION

In the article the concept of manipulation of media is revealed, own definition is derived. News on the federal channels regarding functioning of manipulative devices is analyzed. All devices are used for manipulation of attention, forming of associations and accents, formation of perception of the text in general. In addition, singrafemika allows to operate the intensity and rate of the text, which means – to direct the reader to the necessary emotional wave. In the conclusion comparison of the principles of submission of information on various Russian federal channels is made.

Keywords: manipulations in media, impact of media on audience, manipulative devices in media.

Само слово «манипуляция», отмечает С. Кара-Мурза, имеет корнем латинское слово manus – рука (manipulus – пригоршня, горсть, от manus и ple – наполнять). Имеется в виду, что для таких действий требуется ловкость и сноровка. Отсюда произошло и современное переносное значение слова – ловкое обращение с людьми как с объектами, вещами. Оксфордский словарь английского языка трактует манипуляцию как «акт влияния на людей или управления ими с ловкостью, особенно с пренебрежительным подтекстом, как скрытое управление или обработка»¹. Таким образом, термин «манипуляция» – это своеобразная метафора.

На основании анализа происхождения слова, С. Кара-Мурза дает следующее определение: манипуляция – способ господства путем духовного воздействия на людей через программирование их поведения. Это воздействие направляется на психику человека, проводится скрытно и имеет задачу изменить мнения, побуждения и цели людей в нужном для манипулятора (воздействующего) направлении В. П. Шейнов близок к этой трактовке, определяя манипуляцию как скрытое управление объектом против его воли, при котором манипулятор получает одностороннее преимущество или выгоду за счет жертвы². Такое определение он считает удобным с точки зрения практического его применения. Однако, в отличие от рассмотренного выше подхода С. Кара-Мурзы, В. П. Шейнов выделяет несколько иные критерии. Он считает основополагающим понятием – понятие скрытого управления. Скрытое управление может носить не только манипулятивный, эгоистический, но и вполне моральный характер. Такое скрытое управление, в котором выигрыш получает адресат (или вы-

игрыш является взаимным для адресата и инициатора управления), он предлагает называть альтруистическим.

С. А. Гнедых уверен, что в процессе манипуляции происходят следующие процессы:

- внедрение в общественное сознание информации, желательной для определенной группы манипуляторов, под видом объективной действительности;
- воздействие на болевые точки общественного сознания, возбуждающие страх, тревогу, ненависть и т.д.;
- реализация замыслов, для достижения которых манипулятору необходима поддержка общественного мнения³.

Психологическое понимание манипуляций в основе концепции Е. Л. Доценко. Автор рассматривает манипуляцию как «вид психологического воздействия, искусное исполнение которого ведет к скрытому возбуждению у другого человека намерений, не совпадающих с его актуально существующими желаниями». Г. Франк тоже уверен, что манипуляция – психологическое воздействие, производимое «тайно, а, следовательно, и в ущерб тем лицам, на которых оно направлено»⁴.

Анализ значительного количества определений манипуляции позволяет выявить основные черты этого понятия.

Таким образом, манипуляция это:

- 1) психологическое или духовное воздействие (психологическое понимание);
- 2) речевое или языковое воздействие (лингвистическое понимание);
- 3) некоторое воздействие (нейтрально – абстрактное понимание);

3 Гнедых С. А. Манипулирование массовым сознанием как один из способов формирования иллюзий в обществе // «Вестник Московского университета». Серия «Гуманитарные науки». 2011. № 1. С. 36.

4 Доценко Е. Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы, защита. М., 2007. С. 64.

1 Кара-Мурза С. Манипуляция сознанием. М., 2011. С. 31.

2 Шейнов В. П. Универсальная схема скрытого управления и манипулирования // Психология власти. В. П. Шейнов. М., 2003. С. 15.

Таблица 1. Сравнительная характеристика выпусков новостей на федеральных каналах 02.04.2017

Критерий сравнения	Первый канал	Россия	НТВ
1 сюжет	Смерть поэта Евгения Евтушенко	Посещение Владимиром Путиным самой северной территории России	Путин в Арктике
2 сюжет	Владимир Путин принял участие в работе международного Арктического форума	Митинги	Смерть поэта Евгения Евтушенко
3 сюжет	Владимир Путин обвинил Запад в попытках оказать давление на внутривнутриполитическую жизнь в России	смерть Вороненкова	Митинги

4) способ господства (политическое понимание);

5) управление (социологическое понимание).⁵

Обзор основных подходов и определений рассматриваемого понятия позволяет сформулировать общие черты, помогающие отличать манипуляции от других видов воздействия:

1) скрытый и ненасильственный характер;

2) противоречие или несовпадение мнений адресатов и адресанта;

3) неблагоприятный характер действий манипуляторов;

4) производятся против воли «объекта»;

5) манипуляторы доминируют над манипулируемыми.

Подчеркнем, что суть манипуляции – это не введение в заблуждение относительно определенного факта. Суть манипуляции заключена во внедрении необходимой манипуляторам информации и ее дальнейшее закрепление в сознании манипулируемых, при этом у последних должны сохраняться ощущения, что они сделали самостоятельный выбор.

В структуре манипуляции вычлениют четыре элемента: 1) субъект; 2) объект;

3) предмет; 4) результат. Субъект – это манипулятор, т.е. лицо которое производит манипулятивные воздействия, имея цель достичь положительный для себя результат. Объект – это манипулируемый, т.е. лицо, которое подвергается манипулятивным воздействиям. Предметами манипуляций могут являться мнения, воззрения, установки, желания, цели, которые в результате воздействия манипуляций изменяются и могут даже полностью преобразовываться. Результат – это манипулятивный эффект, достигающийся после завершения действий манипуляторов. Он может стать либо успешным, либо наоборот.⁶

Для выявления особенностей манипулятивного воздействия на аудиторию в информационных выпусках федеральных каналов нами были проанализированы выпуски итоговых новостей за неделю на каналах НТВ, Первый канала и Россия на примере эфира от 02.04.2017. Результаты исследования представлены в таблице 1.

Как мы видим, на федеральных каналах верстка новостей практически совпадает. В подводках к ним журналисты используют методы психологического воздействия на аудиторию.

В новости, посвященной завоеванию Арктики, на всех каналах отмечается, что это исконно русские территории, которыми необходимо гордиться. В частности, Валерий Фадеев говорит следующее: «Арктика огромна и пока мало освоена. Движение русских на Север началось давно. Новгородская республика – это ведь не только Великий Новгород с окрестностями. Это огромное пространство. И нынешняя Архангельская область, и республика Коми и Ненецкий Автономный округ. Это уже к Уралу. Соловецкий монастырь, который располагается на островах в Белом море основан в 1436 году. Монахи умудрялись выращивать арбузы и дыни, в парниках, конечно. Север – это наш. Россия северная страна. В Арктике гигантские запасы природных ресурсов. Рано или поздно Арктика будет освоена. Освоена Россией».

Как мы видим из представленного материала, ведущий отмечает исторические корни северных земель, подчеркивает уникальность русского народа, его самоотверженность и преданность делу (выращивание арбузов и дынь). Аналогичный посыл мы наблюдаем и в выпуске новостей на канале «Россия 1». «Этот визит – еще одно подтверждение России в защиту своих национальных интересов в Арктике. Когда-то Иосиф Сталин просто написал на глобусе «Арктические владения СССР», – говорится в сообщении. Тем самым происходит пропаганда идеологических ценностей, основанных на исторической гордости людей за свою страну.

В новости, посвященной митингам, журналисты говорят о том, что задержания со стороны силовых структур были согласно действующему российскому законодательству, поскольку часть митингов не была согласована. Кроме того, на канале «Россия» отмечается, что большинство протестов связано с провокациями со стороны западных стран. Например, Евгений Киселев говорит о том, что большинство участников на митинге были детьми, которых призвали через социальные сети, поэтому родителям следует быть более осторожными и контролировать пользование детьми сетей Интернет.

Рассмотрим использование приемов манипуляции на примере выпусков новостей с Дмитрием Киселевым на канале «Россия 1». В качестве эмпирической базы послужил выпуск от 16 апреля 2017 года.

В передаче использовались такие приемы манипулятивного воздействия как:

1. Использование механизмов социального контроля – ссылка на авторитеты, «дополнительное свидетельство», «такой же, как мы».

2. Мифологическое манипулирование – создание «псевдомифов», цель которых – задать реакцию: «Президент – отец отечества».

5 Дашкова А. Ю. Манипулятивные методы воздействия на массовое сознание // «Вестник Поволжской Академии государственной службы». Издательство: Поволжская академия государственной службы им. П. А. Столыпина (Саратов). 2010. № 1. С. 75.

6 Сур Е. И. Манипуляция: понятие, основные признаки и структура // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. Издательство: Научно-информационный издательский центр и редакция журнала «Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук». (Москва). 2012. № 3. С. 101.

3. Ценностно-эмоциональное манипулирование – особый подбор слов, апеллирующих к ценностям общества, наклеивание ярлыков (предрассудки, стереотипы), «забрасывание грязью», проекция положительного образа, исторические аналогии: «Мигранты придут и убьют», «Путин всех спасет».

4. Управление информационной средой – фильтрация, негативный/позитивный вентиль, открытый вентиль (провокация синдрома толпы), селектор, «копченая селедка», информационный шум.

5. Использование психотехнологий – воздействие на подсознание (запутывание, контраст, юмор, осмеивание, концентрация на конкретных местах, необычное оформление текста): «А если мигранты придут в ваш город?», «Успеете ли Вы спастись от количества мигрантов?»

6. Логические уловки – псевдологические выводы, утвердительные заявления, подбор аргументов, сравнение, экспертные комментарии, опрос общественного мнения, прогнозирование: «Очередная неудача», «Закономерный результат».

7. Психологические уловки – использование непонятных терминов, недосказанность с намеком, лесть и комплименты, обвинения в утопичности идей, принижение иронией, откровенность или авторитетность заявления: «макрорегиональный уровень», «апелляция к действию силовых структур».

8. Макроструктурная организация текста – способы формального (списки, диалоги) или содержательного построения текста. Они не только помогают сделать манипуляцию более эффективной, но и задействуют легко узнаваемые шаблоны построения сообщения: очередная неудача, закономерный результат: «как и следовало ожидать», «а вы чего хотели».

9. Риторический вопрос: «Этого ли мы все хотим?», «А будет ли лучше в таком случае?»

10. Особые способы подачи информации – заглушение темы за счет отрывочного или избыточного информирования, которое затрудняет понимание сути, накал интереса к тому, что не вызывает интерес у аудитории и изначально не является информационным поводом.

Посредством подобных приемов манипулятивного воздействия на аудиторию можно сделать вывод, что автор данной программы использует различные технологии пропаганды с целью подавления публики под выгодную для телеканала и правительства в целом точку зрения.

Журналисты употребляют лексику, обозначающую негативную, с точки зрения интересов общества, деятельность (бандит, вор, мошенник, проститутка, шпион и др.); слова и словосочетания, в значении которых содержится негативная оценка деятельности, занятий, поведения кого-либо, сопровождаемая экспрессивной окраской публицистического характера (антисемит, изменник, предатель и др.); слова, употребляемые в переносном значении, которые приобретают при этом негативную оценку (мясник – жестокий, склонный к убийству человек; бюрократ – равнодушный, плохо работающий чиновник); лексика, описывающая чьи-либо действия или качества, например: лицемерить, прикарманить, вранье; словосочетания, имеющие устойчивый негативный оттенок (женщина легкого поведения, падшее создание, стоять на панели, политическая проститутка и др.); термины в их неправильном употреблении.

Таким образом, закладываются конкретные морально-нравственные установки. Для усиления эффекта активно используются технологии манипуляции общественным сознанием. Что, в принципе, логично, так как любое воздействие на систему ценностей человека с целью сместить её в определённом направлении и есть, по сути, манипуляция. Различается лишь степень этого воздействия.

ном направлении и есть, по сути, манипуляция. Различается лишь степень этого воздействия.

Пристатейный библиографический список

1. Гнедых С. А. Манипулирование массовым сознанием как один из способов формирования иллюзий в обществе // «Вестник Московского университета». Серия «Гуманитарные науки». 2011. № 1.
2. Дашкова А. Ю. Манипулятивные методы воздействия на массовое сознание // «Вестник Поволжской Академии государственной службы». Издательство: Поволжская академия государственной службы им. П. А. Столыпина (Саратов). 2010. № 1.
3. Доценко Е. Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы, защита. М., 2007.
4. Кара-Мурза С. Манипуляция сознанием. М., 2011.
5. Сур Е. И. Манипуляция: понятие, основные признаки и структура // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. Издательство: Научно-информационный издательский центр и редакция журнала «Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук» (Москва). 2012. № 3. С. 146.
6. Шейнов В. П. Универсальная схема скрытого управления и манипулирования // Психология власти. В. П. Шейнов. М., 2003.

НИГМАТЗЯНОВА Айгуль Анисовна

аспирант Башкирского государственного университета

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КОНФЛИКТОГЕННОСТИ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

В статье рассматриваются понятия конфликтоген, конфликтогенность в российском обществе через призму концептуального анализа. Выделяются общие и частные причины нарастания конфликтогенности в обществе. Раскрыты стадии развития конфликтогенности в российском обществе.

Ключевые слова: конфликтоген, конфликтогенность, российское общество, социальная напряженность.

NIGMATZYANOV Aigul Anisova

postgraduate student of the Bashkir State University

CONCEPTUAL ANALYSIS OF CONFLICT IN RUSSIAN SOCIETY

The article deals with the concepts of conflict, conflict in Russian society through the prism of conceptual analysis. There are general and specific reasons for the increase of conflict in society. The stages of the development of conflict in Russian society are revealed.

Keywords: conflict, Russian society, social tension.

Сегодня в России напряженность в обществе может возникать и при отсутствии прямого провоцирующего конфликта. Негативные эмоции могут быть обусловлены социальными условиями и положением личности в обществе, например, при криминализации экономической деятельности, снижении уровня жизни большая часть населения испытывает напряжение, страх, неуверенность в завтрашнем дне. Усиление социальной напряженности российского общества способствует дестабилизации обстановки в стране, правовая незащищенность, высокая дифференциация доходов и пр.

Конфликтогены являются признаками напряженности в обществе. Совокупности многих конфликтогенов вызывают разные виды напряженности в обществе. Обстановка неудовлетворенности и социально-психологического напряжения в обществе возрастает при напластовании провоцирующих конфликтогенов в различных социальных областях например, общая преступность и террористическая активность при некомпетентности властных структур и недоверии президенту и пр. Накопление конфликтогенов способствует нарастанию социальной напряженности, формирует конфликтогенность общества.

Общество представляет собой динамическую общественно-политическую, экономическую систему, в которой постоянно появляются новые виды общественных отношений и видоизменяются старые, особенно в период трансформации общества.

Конфликтоген дословно означает «рождающий конфликт». Это понятие ввел А. П. Егидес¹. На сегодняшний день данное понятие достаточно часто используется в научной практике. В словарях даются следующие определения конфликтогена:

– это слова (знаки), действия (или бездействие), порождающие или способные привести к конфликту²;

– коммуникативный (реже – поведенческий) элемент (слово, оборот, жест, интонация), способный вызвать напряженность и спровоцировать конфликт в отношениях³;

– любой предмет, идея, взгляд, элемент поведения, выявляющий разность оценок конфликтующих субъектов⁴;

– действие, порождающее деструктивный конфликт⁵.

Таким образом, конфликтоген – это то, что вызывает неприятие, раздражение, агрессию. Болезненно реагируя на обиды, индивидуум проявляет ответную агрессию, как правило, более высокой интенсивности (эскалация конфликтогенов), т.е. любой провоцирующий конфликтоген вызывает ответный конфликтоген в виде напряженности, агрессии, негативной реакции. Возможно, это объясняется стремлением чувствовать себя в безопасности⁶.

Понятие конфликтогенности имеет различные определения в зависимости от области исследования.

Рассмотрим некоторые определения конфликтогенности общества: «Конфликтогенность социума – деструктивный потенциал общества, связанный с нарушением сложившихся связей и отношений, ростом социальной напряженности, нарастающих противоречий в экономической и политической сферах, деградацией социальных отношений. Конфликтогенность социума проявляется в социальной агрессии, направленной вовне и вовнутрь»⁷.

Ю. Г. Грязнова определяет конфликтогенность в обществе, как «процесс нарастания противоречий во взглядах, интересах и ценностях под влиянием эндогенных и экзогенных факторов, приводящий к столкновению сторон и обостряющий способы взаимодействия между ними»⁸.

3 Психологос. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.psychologos.ru/>

4 Анцупов А. Я., Шипилов А. И. Словарь конфликтолога. – М.: ЭКСМО, 2010. – С. 321.

5 Кашапов М. М. Теория и практика решения конфликтных ситуаций: краткий словарь. – М.-Ярославль: Ремдер, 2003. – С. 99.

6 Петров Е. В., Петрова М. Б. Концепция конфликтогенности общества // Управление экономическими системами: электронный научный журнал. – 2014. – № 12. – С. 43.

7 Анцупов А. Я., Шипилов А. И. Указ. соч. – С. 322.

8 Грязнова Ю. Г. Конфликтогенность межпоколенного взаимодействия в культуре современного российского общества. [Элек-

1 Егидес А. П. Психотехника синтонного общения. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://psychologi.net.ru/book3_isk_ob/egides_sinton.html.

2 Википедия. Свободная энциклопедия. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org/>

Петров Е. В., Петрова М. Б. под конфликтогенностью общества понимают совокупность провоцирующих и ответных конфликтогенов, т.е. совокупность напряженностей социального, экономического, политического, этнического и пр. характера, которые при определенных условиях ведут к развитию конфликта. Конфликтогенность общества характеризует состояние всей общественной жизни с разногласиями объективного и субъективного характера⁹.

Здесь нужно выделить общие и частные причины (факторы) нарастания конфликтогенности. Общие причины затрагивают интересы большинства населения, общества в целом. Частные причины носят локальный характер и могут проявляться в отдельных регионах, в отдельных социальных или этнических группах. Они могут не охватывать большинство населения, но быть очень важными с позиции воздействия на общество.

Конфликтогенность общества представляет собой социальное явление, систему объективных обстоятельств и субъективных образов, формирующих напряженность, как результат социального взаимодействия больших социальных групп, включающих свою систему отношений и групповые интересы. Большие социальные группы охватывают социальные классы, политические партии, социальные слои, этнические общности, национальные образования, которые создаются на основе общих признаков (экономических, политических, этнических и пр.). Конфликтогенность общества отражает наличие угрозы обществу. В конфликтогенности переплетаются объективные и субъективные¹⁰. Конфликтогенность – промежуточное звено от устойчивого состояния социальной структуры к разрываемым социальным конфликтам.

В отличие от конфликта, который представляет собой предельный случай обострения противоречий, конфликтогенность – это совокупность напряженностей в различных сферах жизнедеятельности, которые при определенных условиях могут привести к конфликту. Конфликтогенность – это не противоречия, а рассогласования, неудовлетворенные ожидания, напряженности, вызываемые действиями различных социальных общностей или политических лидеров. В отличие от конфликта, который представляет собой совокупность противоречий и процесс, конфликтогенность – это совокупность напряженностей и состояние общества.

Конфликтогенность общества не находится в неизменном состоянии. Она проходит следующие стадии развития:

1) скрытое, без явных признаков нарастание недовольства, смутные ощущения в массовом сознании при формировании конфликтогенной среды;

2) нарастание напряженности, разрастание конфликтогенной ситуации, когда значительная часть населения начинает осознавать, что удовлетворение их социальных, экономических, политических, национальных, культурных и других потребностей, интересов и прав находится под угрозой;

3) увеличение уровня конфликтогенности до порогового значения, появление очагов обострения напряженности в отдельных регионах;

4) спад напряженности либо путем реализации эффективных управленческих решений, либо через конфликт. Пер-

вый путь является менее разрушительным и потому однозначно более предпочтительным¹¹.

Можно выделить конфликтогенность всего общества или отдельных социальных групп (например, этническая конфликтогенность). В любом случае конфликтогенность включает следующие элементы:

конфликтогенная среда (условия),
субъекты формирования напряженности,
признаки (конфликтогены),
уровень конфликтогенности,
причины (факторы)¹².

Таким образом, концептуальный анализ конфликтогенность в российском обществе является отражением совокупности напряженностей, существующих в обществе, и опасности для общества, в целом, протекающих негативных социально-экономических процессов. Конфликтогенность не представляет собой простую сумму отдельных конфликтогенов. Это социально явление, которое определяется господствующими в обществе экономическими, политическими, идеологическими и другими условиями. Она формируется в связи с противоречивостью объективных законов функционирования общества, несбалансированностью общественных отношений, с нарушением ценностных ориентаций и мотивации позитивного поведения населения.

Пристатейный библиографический список

1. Анцупов А. Я., Шипилов А. И. Словарь конфликтолога. – М.: ЭКСМО, 2010. – 656 с.
2. Википедия. Свободная энциклопедия. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org/>
3. Грязнова Ю. Г. Конфликтогенность межпоколенного взаимодействия в культуре современного российского общества. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://psibook.com/sociology/konfliktogennost-mezhpokolennogo-vzaimodeystviya-v-kulture-sovremennogo-rossiyskogo-obschestva.html>
4. Егидес А. П. Психотехника синтонного общения. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://psychologi.net.ru/book3_isk_ob/egides_sinton.html
5. Кашапов М. М. Теория и практика решения конфликтных ситуаций: краткий словарь. – М.-Ярославль: Ремдер, 2003. – 183 с.
6. Петров Е. В. Теория и анализ социальной конфликтогенности общества. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://e-notabene.ru/nb/article_2308.html
7. Петров Е. В., Петрова М. Б. Концепция конфликтогенности общества // Управление экономическими системами. – 2014. – № 12. – С. 43.
8. Психологос. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.psychologos.ru/>

ронный ресурс]. – Режим доступа: <http://psibook.com/sociology/konfliktogennost-mezhpokolennogo-vzaimodeystviya-v-kulture-sovremennogo-rossiyskogo-obschestva.html>

9 Петров Е. В., Петрова М. Б. Указ. соч. – С. 43.

10 Там же. – С. 43.

11 Петров Е. В. Теория и анализ социальной конфликтогенности общества. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://e-notabene.ru/nb/article_2308.html

12 Петров Е. В. Петрова М. Б. Указ. соч. – С. 43.

ПАНОВА Юлия Владимировна

преподаватель, аспирант кафедры философии и истории Сибирского государственного университета телекоммуникаций и информатики

РЕЛИГИОЗНЫЙ ФАКТОР В СТАНОВЛЕНИИ АМЕРИКАНСКОГО ЭТОСА И ЕГО ОТРАЖЕНИЕ ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ США

В статье рассматривается протестантизм в качестве религиозной основы этоса американского общества. Идея предопределения, которая является основополагающей в кальвинистской версии протестантизма, находит свое отражение не только в межличностных отношениях, но и во внешнеполитической деятельности США, избирательно относящихся к другим странам и народам. Для того чтобы дать объяснение многим действиям США на международной арене, необходимо исходить из этой детерминации ее национального и политического этоса.

Ключевые слова: американский этос, протестантизм, кальвинизм, избранность, идея предопределения, идея американской исключительности, свобода.

PANOVA Yuliya Vladimirovna

lecturer, postgraduate student of Philosophy and history sub-faculty of the Siberian State University of Telecommunications and Informatics

Панова Ю. В.

RELIGIOUS FACTOR IN AMERICAN ETHOS FORMATION AND ITS REFLECTION IN EXTERNAL POLICY OF THE USA

The article covers Protestantism as a religious basis of American society ethos. The idea of predestination, being the leading one in Calvinist version of Protestantism, is represented not only in the interpersonal relationships, but also in external-policy activities of the USA, which have respect to other countries and nations in a differentiated way. In order to explain many activities of the USA at the international stage, it is necessary to take into account the determination of its national and political ethos.

Keywords: American ethos, Protestantism, Calvinism, chosenness, the idea of predestination, the idea of American exceptionalism, freedom.

Многие поколения американцев, по-видимому, верили, что американское общество – лучшее из всех возможных и остальной мир сделался бы намного лучше, если бы стал больше походить на нас.

У. Р. Мид

Нет сомнения в том, что Соединенные Штаты Америки ведут достаточно агрессивную внешнюю политику, что, в частности, выразилось в том, что за период в 300 лет они свыше 130 раз затевали военные конфликты и вмешивались во внутренние дела других стран. Эта агрессивность приобрела особенно бесцеремонные формы после развала СССР, а в последние два десятилетия США вообще многие свои международные акции, связанные с применением военной силы, осуществляли без санкций ООН и даже вопреки ее принципам. Закономерно возникают вопросы: с чем связана такая агрессивность одной из ведущих стран мира, ныне еще не утратившей претензию на глобальное лидерство.

С нашей точки зрения, было бы ошибочно сводить отмеченную выше агрессивность внешней политики США исключительно к экономическим, политическим и геополитическим факторам: получения сверхприбылей американскими корпорациями и расширения рынка сбыта ее продукции; пресловутого американского империализма, стремящегося к тотальному политическому господству в мире и рассматривать особенности ее международной политики без учета религиозного фактора, сформировавшего в значительной степени ее национальный этос. Проблеме этоса посвящено достаточно много работ¹. Нам больше импонирует трактовка этоса, дан-

ная В. Ш. Сабировым, согласно которой этос есть мотивированное поведение людей, и включает в себя не только собственно морально-этические ценности, как полагают большинство перечисленных авторов, но и другие: религиозные, эстетические, политические и др. Поскольку в обычном человеческом сознании все эти мотивы тесно переплетены, воздействуя на поведение людей, нельзя их рассматривать изолированно друг от друга².

Так как большая часть переселенцев из Европы в Америку была протестантами, логично предположить, что именно это обстоятельство сыграло одну из решающих ролей в формировании этоса американского народа.

Началом зарождения протестантизма считается выступление Мартина Лютера, немецкого богослова, выдвинувшего в начале XVI века новый постулат христианского учения, который заключается в спасении силою «одной только веры». М. Вебер конкретизирует эту мысль: «Если ты веруешь, то Богу угодно и физическое и духовное, то, что делается по долгу службы, ешь ты или пьешь, бодрствуешь или спишь, все,

регионального этоса. Тюмень: НИИ прикладной этики, 1996; Гачев Г. Д. Ментальности народов мира. М.: Алгоритм, Эксмо, 2008; Гусейнов А. А. Возможно ли глобальное общество без глобального этоса? / Гуманитарная культура как фактор преобразования. СПб., 1998. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://guseinov.ru/publ/glob_ethos.html; Ефимов В. Т. Этология как учение о нравах и нравственности. Вопросы методологии. М.: Б. и., 1992; Оссовская М. Рыцарь и буржуа. Исследования по истории морали. М.: Прогресс, 1987 и др.

1 Анчел Е. Этос и история. М.: Мысль, 1988; Бакштановский В. И. Этос среднего класса: Нормат. модель и отеч. реалии: науч.-публицист. монография. Тюмень, 2000; Ганапольский М. Г. Проблемы

2 Сабиров В. Ш. Изучение этоса как социокультурная и этико-правовая проблема эпохи информационных войн // Евразийский юридический журнал. 2016. № 6 (97). С. 232-233.

что связано с плотью или духом»³. Непременным условием спасения стала считаться внутренняя свобода христианина, его сознательное и неподневольное стремление к добру. Лютер говорил о том, что нельзя добиться спасения, если жить по «назначенному», исполняя заранее предписанные «добрые дела». Его новая теология начинается с издания 95 тезисов, где он осуждает торговлю индульгенциями, которая была распространена по всей Европе. Лютер, несмотря на страх быть сожженным на костре как еретик, выступает против старого церковного уклада и дает новое толкование Священного писания, которое «не требует от грешника ничего, кроме сердечного раскаяния и решимости нести свой крест»⁴, утверждает, что провинившийся не должен платить церкви и, таким образом, откупаться от своих грехов, даже если это и грозит грешнику церковным ostrакизмом, поскольку, по Лютеру, «отлучение означает лишь исключение из внешней церковной общности, но не означает отторжения от Христа, а потому не предполагает, чтобы люди относились к отлученному как к отверженному, отказывая ему в своем расположении и любви»⁵. В своих работах Лютер представляет веру как непреложную любовь к ближнему, которая заменяется в его более поздних работах «службой к ближнему». «Тот, кто упорно трудится, вырастает в глазах Бога, хотя бы сословие его было презираемо, а должность еле приметная»⁶. В данных словах прослеживается новое представление о Боге, Который ценит в человеке, прежде всего, прилежного и предприимчивого работника и вводится понятие «призвание», которое ранее применялось только к деятельности священников⁷.

В данных положениях уже можно заметить некоторую тенденцию к выводу о предопределенности жизни человека на земле, данной ему Богом. Тот, кто добросовестно трудится на любом поприще, нашел свое «призвание» и, следовательно, является богоизбранным человеком.

Одним из самых ярких последователей протестантизма выступил Жан Кальвин, осуществивший реформацию в Швейцарии. Главной отличительной чертой кальвинизма явилась тема «избрания». По словам Сун-Чжон Кима, если для лютеранства «избрание» осталось человеческим решением возлюбить Бога, то для кальвинистов данный термин означает не человеческое, а Божественное решение избрать определенных людей⁸.

Принцип «предопределения» является «вечным повелением Божиим», которым Он определяет то, что Он желает для каждого отдельного человека. Он не создает всем равных условий, но готовит вечную жизнь одним и вечное проклятие другим⁹.

В. А. Бачинин делает большой акцент на том, что, по Кальвину, Бог является «величайшем режиссером на мировой арене», ибо все его богословско-теоретические размышления наполнены теоцентризмом, подтверждение чему мы находим в его «Наставлении в христианской вере»: «Познав таким образом Бога и чувствуя, что он правит всем, душа доверяется его защите и покровительству и всецело ему предается. Сознвая его творцом всяческих благ, она обращается к Нему с мольбой и ожидает от Него помощи в беде и нужде... Считаю Бога Господом и Отцом, душа с полным основанием склоняется перед его превосходством, почитает Божье величие, способствует возрастанию его славы и повинуется его заповедям...

Однако ее не ужасает Божий суд, и она не желает избежать его, даже если бы имела такую возможность»¹⁰.

Безусловно, такая теоцентричность и ведет к основному постулату кальвиновского учения – к абсолютному предопределению, согласному которому «люди изначально разделены Божественной волей на избранных и осужденных; есть те, кому не дано ни уверовать, ни изменить свою посмертную участь, остающуюся непостижимой и составляющую тайну Бога»¹¹. Именно эта интенция является одной из ключевых в этосе американского народа, где положение о «предопределенности» было экстраполировано на целую нацию: каждый американец считает себя «богоизбранным» из-за того, что он родился американцем, что уже этим Бог даровал ему путь к спасению. Безусловно, этим тезисом не ограничивается его путь к спасению, ибо составляет только его начальную ступень. Чтобы быть полностью спасенным, необходимы определенные доказательства такого рода избранности. Главным критерием для определения «богоизбранности» стал считаться успех и наличие денег. Если человек добился какого-либо успеха и достиг хорошего материального положения, то он, по мнению американцев, отмечен Богом. Несмотря на декларацию о равных возможностях людей при рождении, тем не менее, они полагают, что одних Бог все же предопределяет к спасению, а других к гибели.

Имея принцип «предопределения» как основополагающий в своем этосе, американцы делят как людей, так и целые народы и страны по данному принципу. По их мнению, также есть страны, которые изначально отмечены Богом как «спасенные», то есть которые преуспевают в своем экономическом и социальном развитии. Существуют также страны, которые якобы определены к гибели, т.е. не процветающие экономически, и в которых происходили войны или иные катаклизмы. К этим странам у США имеется соответствующее отношение. Здесь принцип «предопределения» тесно переплетается с прагматическими моментами. Опять же сами американцы не считают, что плохо поступают в отношении тех или иных народов, поскольку не они, а Всевышний поставил на них ту или иную метку.

Считая себя «богоизбранным» народом, американцы убеждены, что они во многих аспектах стоят выше других наций. Таким образом, американцы уверены в том, что они несут на себе определенную миссию и должны «спасать» другие народы, распространяя свои идеи и принципы жизни по всему миру. У. Р. Мид в своей книге «Власть, террор, мир и война. Большая стратегия Америки в обществе риска» провозглашает идею о том, что у Америки есть определенная «большая стратегия», которая обладает таким качеством как «мессианство»¹². Более того, речь здесь идет не просто о распространении во всем мире принципов свободы и справедливости, но представляется самим американцам как особый национальный «долг» перед другими народами. «Перед Соединенными Штатами стояла задача сделать нечто большее, чем перенять эстафету в исторической смене великих империй. Нам предстояло построить систему, которая могла бы, по меньшей мере, потенциально, положить конец тысячелетним конфликтам между великими державами. Мы должны были строить систему сил, которая принесла бы длительный мир всему миру...»¹³.

А. Галстян в своей статье «Американская исключительность: Мессианство и реальная политика» поэтапно раскрывает формирование идеи «исключительности американского

3 Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. М.: Директ-Медиа, 2011. С. 36.

4 Соловьев Э. Ю. Непобежденный еретик. Мартин Лютер и его время. М.: Молодая гвардия, 1984. С. 152.

5 Там же. С. 174.

6 Там же. С. 358.

7 Там же.

8 Ким Сун-чжон, Г. Г. Пиков. Жан Кальвин и некоторые проблемы Швейцарской реформации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.royallib.com>.

9 Там же.

10 Кальвин Ж. Наставления в христианской вере. Том 1, 2. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.royallib.com>. С. 148.

11 Бачинин В. А. Жан Кальвин и его социальная антропология // Вопросы истории. 2010. № 6. Июнь. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://hpsy.ru/public/x5042>.

12 Мид У. Р. Власть, террор, мир и война. Большая стратегия Америки в обществе риска / Пер. с англ. А. Георгиева, М. Назаровой. М.: Прогресс-Традиция, 2006. С. 16-17.

13 Мид У. Р. Власть, террор, мир и война. С. 24.

народа»¹⁴. Америка представляет собой яркий пример того, как религиозная вера проложила свой определенный вектор ведения как внутренней, так и внешнеполитической деятельности. Миссия Америки заключается в том, что она как бы является посредником для передачи человечеству некоего «божественного плана». Многие политические деятели, включая президентов, упоминали идею «исключительности», при определении политического курса своего государства и оправдании тех или иных политических действий. В свое время президент Р. Никсон «официально заявил об американской исключительности, как об объективной необходимости для всего свободного мира»¹⁵.

Особая миссия США, по убеждению ее идеологов и политиков, заключается в распространении демократических принципов, идеалов и принципов свободы, справедливости и равенства по всему миру, где ключевым, бесспорно, является понятие «свободы». Вообще вся американская история, по словам историка Дж. Бэнкрофта, представляет собой постоянное движение к свободе. Описывая исторический путь развития США, как особый путь развития, он называет его «крестовым походом за демократические свободы»¹⁶.

Итак, американцы уверовали в то, что они осуществляют некий «божественный план» и просто обязаны донести до остального мира свои идеологические принципы и установки, поскольку сам Господь Бог сделал их своими посредниками. Идея мессианства стала одной из основных во внешнеполитической деятельности США. Поскольку, по убеждению американцев, только американские принципы являются верными, а самый главный из них – принцип свободы, который они пытаются донести до остальных, то они совершенно не приемлют иные, альтернативные идеологические установки, считая их априорно ложными. Они не могут быть истинными, потому что исходят от народов, которых не коснулось «божье провидение». Следовательно, такие народы являются неправильными, их нужно исправить или совсем искоренить. Однако далеко не все народы соглашаются принять «демократические принципы свободы», навязанные американским государством, и за это им приходится расплачиваться войнами и другими социальными катаклизмами. Самым трагичным моментом здесь является, пожалуй, то, что американцы свято верят, что они воюют за правое дело. Слова Л. Велвела, ректора Массачусетской юридической школы, лишь подтверждают это: «Мы верим, что всегда воюем лишь ради дела Божьего, и что поэтому мы должны воевать, иначе демократия, свобода и экономическое благосостояние будут потеряны»¹⁷.

Идея богоизбранности и исключительности тесно переплетена у американцев с маниакальной фобией перед внешней агрессией, их стремлением к защите от «внешнего врага», который якобы постоянно угрожает их национальной безопасности. «Наши глобальные мировые интересы стали причиной нашей уязвимости перед лицом остального мира и необходимости обеспечивать безопасность»¹⁸.

Таким образом, устойчивое навязывание своего внешнеполитического курса Америка оправдывает тем, что она попросту защищается от своих внешних врагов, самым главным из которых в настоящее время предстает Россия. На Западе всегда существовал страх по отношению к России, который

уходит корнями еще в книгу пророка Иезекиля, предрекавшего угрозу народу Израилеву, исходящей от страны Рос (Рощ)¹⁹. Этот страх по отношению к России углубляется еще и тем, что душа и этос русского народа никогда не будет до конца понятен американцам. Впрочем, взаимоотношения США и России и национальных этосов, по сути дела, двух разных мессианских народов есть особая тема, которая требует специального анализа.

Таким образом, протестантизм, привнесенный европейскими поселенцами, глубоко укоренился в национальном сознании и стал основополагающим в этосе американского народа. Руководствуясь принципом «предопределения», американцы строят свою жизнь, как внутри своей страны, в отношениях друг с другом, так поступают и по отношению к иным странам и народам. Данный принцип, как видно, имеет не всегда только положительные, но очень часто и негативные последствия. Однако, эти негативные последствия не останавливают американцев в их мессианской деятельности, поскольку среди них господствует четкая убежденность в том, что они являются «богоизбранной» нацией, и, соответственно, Сам Бог велит им поступить тем или иным образом в отношении других людей и народов.

Пристатейный библиографический список

1. Балахтин В. Теория «американской исключительности в исторической мысли США». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://vbulahtin.livejournal.com/544752.html> (дата обращения: 17.02.2018 г.).
2. Бачинин В. А. Жан Кальвин и его социальная антропология // Вопросы истории. 2010. № 6. Июнь. С. 107-116. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://hpsy.ru/public/x5042> (дата обращения: 31.03.2018 г.).
3. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового завета.
4. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. М.: Директ-Медиа, 2011. 179 с.
5. Галстян А. Американская исключительность: Мессианство и реальная политика // International Affairs. Международная жизнь. Журнал для думающих людей. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://interaffairs.ru/news/show/13003> (дата обращения: 10.08.2017 г.).
6. Кальвин Ж. Наставления в христианской вере. Том 1, 2. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.royallib.com> (дата обращения: 20.01.2018 г.).
7. Ким Сун-чжон, Г. Г. Пиков Жан Кальвин и некоторые проблемы Швейцарской реформации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.royallib.com> (дата обращения: 15.01.2018 г.).
8. Мид У. Р. Власть, террор, мир и война. Большая стратегия Америки в обществе риска / Пер. с англ. А. Георгиева, М. Назаровой. М.: Прогресс-Традиция, 2006. 208 с.
9. Росс Ш. Почему Америка ведет так много войн? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://inosmi.ru/usa/20100207/158015201.html> (дата обращения: 22.02.2018 г.).
10. Сабиров В. Ш. Изучение этоса как социокультурная и этико-правовая проблема эпохи информационных войн // Евразийский юридический журнал. 2016. № 6 (97). С. 232-234.
11. Соловьев Э. Ю. Непобежденный еретик. Мартин Лютер и его время. М.: Молодая гвардия, 1984. 288 с.

14 Галстян А. Американская исключительность: Мессианство и реальная политика // International Affairs. Международная жизнь. Журнал для думающих людей. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://interaffairs.ru/news/show/13003>.

15 Цит. по: Там же.

16 Цит. по: Балахтин В. Теория «американской исключительности в исторической мысли США». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://vbulahtin.livejournal.com/544752.html>.

17 Росс Ш. Почему Америка ведет так много войн? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://inosmi.ru/usa/20100207/158015201.html>.

18 Мид У. Р. Власть, террор, мир и война. С. 21.

19 Иез. (38; 1-23).

ТАЙГУНОВА Татьяна Викторовна

аспирант Красноярского государственного педагогического университета имени В. П. Астафьева

ЖИЗНЬ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ СМЕРТИ

Данная статья посвящена соотношению феноменов жизни и смерти в человеческом понимании. Эти категории неразделимы, люди неизбежно постигают и воспринимают одно через другое. Призма смерти – то, что даёт искажённый образ жизни, очищая его от слепых надежд и иллюзий. Именно о взгляде на жизнь через призму смерти в различные исторические эпохи и ведёт речь автор данной статьи, проблема которой являлась и является актуальной как одна из самых фундаментальных философских проблем.

Ключевые слова: жизнь, смерть, призма смерти, мировой терроризм, общество потребления, медицина, Инквизиция, аутодафе, экзистенциальная психотерапия.

TAYGUNOVA Tatyana Viktorovna

postgraduate student of the V. P. Astafjev Krasnoyarsk State Pedagogical University

LIFE THROUGH THE PRISM OF DEATH

This article is devoted to the correlation of life and death phenomena in human understanding.

These categories are inseparable, people inevitably comprehend and perceive one through the other. Prism of death – that gives a distorted image of life, cleansing it from the blind hopes and illusions. The author of this article is talking about the view of life through the prism of death in various historical periods, the problem of which was and is relevant as one of the most fundamental philosophical problems.

Keywords: life, death, existential psychotherapy, Inquisition, prism of death, world terrorism, society of consumption, medicine.

Тайгунова Т. В.

Жизнь и смерть – это настолько тесно переплетённые понятия, что в наше время мы одно определяем через другое (например, смерть – как невозможность продолжать жить). Подобные определения возникли в сознании человечества вовсе не случайно: человек действительно склонен смотреть на жизнь через призму смерти, и наоборот. Кажется страшным тот факт, что жизнь – это лишь короткий отрезок, неизбежно заканчивающийся для всех людей одинаково, и это завершение (и его осознание) парадоксальным и одновременно логичным образом является мощным стимулом жить как можно более насыщенно. Проследим, таким образом происходит взгляд на жизнь через призму смерти, доминируя в человеческом сознании.

У Мишеля Фуко в «Рождении клиники» чётко сказано, как именно человечество пришло ко взгляду на жизнь через призму смерти. До появления медицины в том виде, в котором мы её знаем сегодня, люди жили с осознанием того, что раз наступила болезнь, значит таков логический исход жизни больного, и если минимальные усилия по спасению его жизни не приносят результата, значит, возможности бороться со смертью нет. «Неясная жизнь, ясная смерть. Самые старые воображаемые ценности западного мира перекрещиваются здесь в странной бессмысленности»¹. Считалось, что человек умирает потому, что он болен. Новое время в корне повернуло сознание человечества и заставило его поставить перед собой вопрос – а почему, собственно, человек заболевает? Ответ пришёл незамедлительно и явился переломным для истории медицины: человек заболевает потому, что он может умереть. Таким образом, живя, человек содержит в себе потенцию смерти, и проявляется она не иначе, как в виде той или иной болезни. Поэтому теперь целью лечения стало не просто продление жизни через купирование болезни, а борьба за жизнь посредством победы над самой смертью, которая потенциально находится в каждом человеке. Эта новая трактовка болезни будто бы усилила осознание своей смертности у цивилизованного человечества, благодаря чему жизнь словно стала больше цениться, теперь прилагались усилия по лече-

нию даже тех болезней, которые ранее считались смертельными. Когда в Средние века чума уносила жизни населения целых городов, это воспринималось как естественный, хоть и печальный, ход вещей. Любую эпидемию в наше время стараются предотвращать, а от тех болезней, которые неизбежно ведут к смерти, всеми силами пытаются изобрести вакцины.

Известный современный психолог Ирвин Ялом неспроста создал целый ряд произведений, в которых делается упор на восприятие жизни через смерть. Именно он является родоначальником такого направления лечения как экзистенциальная психотерапия. Большинство людей свойственно со страхом смотреть в будущее, потому что там их ожидает неизбежный финал. Ялом предлагает смотреть на этот финал без лишнего страха, постулируя, что именно осознание конечности ведёт человека к мысли о том, что нужно прожить наиболее полную жизнь здесь и сейчас. По сути, всё, что есть у нас, – это настоящий момент, тот, в котором мы пребываем именно в эту секунду. Сама психотерапия Ялома построена не на акцентировании на детских переживаниях, как психоанализ Фрейда, но на исследовании настоящего момента и страхов в настоящем. Как правило, все страхи человека представляют собой глубоко завуалированный страх смерти, и именно с ним борется Ялом. Создание экзистенциальной психотерапии стало настоящим прорывом в истории психологии, несмотря на то, что это направление подвергается серьёзной критике. Работа Ялома «Вглядываясь в солнце: жизнь без страха смерти» посвящена именно обновлению восприятия жизни через осознание собственной смертности и избавлению от страха перед смертью. В другой своей работе, «Шопенгауэр как лекарство», Ялом делает главным героем смертельно больного психолога. Своему герою Ялом приписывает следующие мысли: «Теперь его переполняло сострадание – и к ней, и к остальным собратям, ставшим, как и он, жертвами легкомысленной эволюции, из собственной прихоти, наделяющей несчастных сознанием и не заботящейся о том, чтобы снабдить их психологическим механизмом защиты от страданий бренного бытия. А потому мы год за годом, веками, тысячелетиями с редким упорством продолжаем воздвигать одно доморощенное доказательство собственного бессмертия за другим. Когда же мы, каждый из нас, перестанем искать ту неведомую высшую силу, слившись

1 Фуко М. Рождение клиники. – М.: Академический проект, 2014. – С. 252.

с которой можно было бы, наконец, обеспечить себе вечность? Когда перестанем вымалывать у небес подробные наставления на путь истинный, цепляться за краешек чей-то большой одежды, плодить все новые церемонии и обряды?»². Его герой вёл группу пациентов. Один из них «заражает» его любовью к философии великого А. Шопенгауэра и, посредством постижения этой философии, смертельно больной герой начинает смотреть на жизнь по-новому. Поскольку болезнь его неизлечима, в финале книги он всё же умирает, но эта смерть уже не воспринимается читателем как что-то устрашающее. Наполнив свою жизнь, ограниченную сроком, который установили врачи, новым смыслом, герой действительно начинает жить. «Появление смерти приблизило его к настоящему знанию. Не то чтобы он вдруг, в единый миг, стал мудрее; просто теперь, когда многое из того, что раньше мешало ему видеть главное – карьера, любовь, деньги, признание, слава, – исчезло, его взгляд приобрел ясность»³.

Обратимся ко временам, когда смерть использовалась людьми для манипуляций и устрашения. Речь идёт о тысячелетнем периоде европейского Средневековья. Античный период, в сравнении со Средними веками, утверждал безусловную любовь к жизни и бесстрашие перед смертью физической (как пример – спокойствие Сократа перед принятием яда). В Средние же века благодаря церковному догмату, умело манипулировавшему умами людей, возникло двойное отношение к смерти. С одной стороны, она мыслилась как переход в лучший мир, где возможна встреча с Создателем, и вся жизнь была посвящена тому, чтобы эта встреча состоялась. С другой же стороны, человеческое тело подвергалось зверствам и надругательствам, и смерть человека как физически наличествовавшего существа имела своё символическое значение. Возник феномен аутодафе – практически театрализованного представления того, насколько человек грешен и как его можно спасти от греха. Очистительный огонь чистилища стал символом, определившим ритуал костра инквизиции. Аутодафе представляло собой «репетицию Ада» и являлось мотивирующим предостережением для тех, кто наблюдал акт сожжения. Уже возведённого на костёр грешника призывали в последний раз раскаяться. И в такие моменты находились люди, не признававшие себя виновными. Впрочем, большой разницы в исходе не было, и ритуал заканчивался неминуемой смертью как того, кто ещё раз раскаялся, так и того, кто остался при своём мнении. Инквизиторам был важен акт сожжения тела – того греховного «сосуда», в который облечена душа человека. Посредством уничтожения тела душа должна была очиститься. Символика огня чистилища – вот что являлось определяющим для этого ритуала. Страшно то, что людей привлекала зрелищность процесса казни, да и сам процесс от начала до конца напоминал драматический спектакль. «Удовольствие, которое люди испытывали при виде казни, по крайней мере, понятно и в немалой степени даже оправдано их стремлением к удовлетворению чувства справедливости»⁴. Таким образом, чтобы утвердить необходимость праведной жизни, требовалось показать, как умирают неправедные. Жизнь утверждалась через смерть: если не хочешь умереть так же – живи по-другому. На протяжении нескольких столетий это было более чем действенным орудием манипуляции в руках служителей Церкви.

Мартин Хайдеггер приводит также обоснование жизни через призму смерти. В своем фундаментальном труде «Бытие и время» он утверждает, что бытие есть «бытие-к-смерти», т.е. жизнь как феномен – это движение к концу. По логике Хайдеггера, смерть стоит как бы над бытием, благодаря чему именно она кладёт конец его неполноте и незавершённости. Смерть открывает бытию его «самую подлинную возможность», и именно эта возможность так пугает человека, поскольку именно смерть снимает с человеческого «бытия здесь» все возможные ограничения. Этот экзистенциальный страх – не трусость.

По Хайдеггеру, нужно обладать огромным мужеством для того, чтобы позволить себе пережить этот страх, а тот, кто безразличен к смерти, находится будто в состоянии усыпления.

Безусловно, нельзя обойти вниманием и такого великого философа как О. Шпенглер. В своём «Закате Европы» он говорит о смерти подробно, и именно её называет началом высшего мышления в человеке. Он смотрит на жизнь через призму смерти как нельзя более ясно: он утверждает, что все живые существа на планете, кроме человека, живут в «бесконечном настоящем», лишённом смысла и задачи. Осознание же своей конечности одновременно как угнетает человека, так и освобождает его, делает его не ограниченным окружающей действительностью. Шпенглер очень интересно описывает следующую возможность первого переживания, связанного со смертью: «С глубокой и полной значения идентичностью пробуждение внутренней жизни в ребенке нередко вызывается смертью родственника. Он внезапно понимает безжизненное тело, ставшее вполне материей, вполне пространством, и одновременно ощущает себя отдельным существом в бесконечном, пространном мире»⁵. Именно такого рода переживание Шпенглер справедливо называет источником любой религии и любой философии, потому что без него они никогда не могли бы возникнуть – для этого просто не было бы основания.

Не менее интересным образом рассуждает о взаимосвязи жизни и смерти Ж. Батай. У него есть работа, которая так и называется – «Радость перед лицом смерти», где описывается подробно подтекст таких феноменов, как участие человека в военных действиях и в обрядах жертвоприношения, кажущиеся странным хитросплетением жадности жизни и жадности смерти одновременно. На них подробно останавливаться не имеет смысла, поскольку в этой же работе Батай приводит теоретическое обоснование того, почему некоторые люди не боятся смерти, а, зная о своей смертности, наоборот, готовы её встретить. «Радость перед лицом смерти предполагает в первую очередь чувство величия, свойственного человеческой жизни: она была бы бессмысленной, если бы ее движущей силой не было желания великого. Поэтому те, кто испытывает это чувство, не полагаются на удачу в поисках причины, которая позволила бы им помериться силами со смертью. Дело, в которое они посвящены, требует от них величия и обеспечивает его»⁶. Батай говорит, что это не есть ожидание смерти как долгожданного избавления от жизненных тягот, которое скорее проявление слабости, чем силы человека, но есть совершенно обратное – утверждение смысла жизни через осознание собственной конечности и ограниченности, утверждение стремления к новому состоянию, на пути к которому нужно успеть осуществить задуманное.

Отдельного рассмотрения достойны рассуждения философа Мигеля Унамуно, создавшего потрясающий труд «О трагическом чувстве жизни». Человеку, говорит он, с древних времён свойственно обращать внимание на смерть и мёртвых, доводя его практически до культа. Чем иначе можно объяснить поклонение духам предков, создание кладбищ, из-за которых скоро не останется свободного места для живых? Ведь человек – единственное существо на Земле, которое не только хоронит своих мертвецов, но и продолжает общение с ними (с их духами). «Если со смертью тела, которое содержит в себе меня и которое я называю своим, чтобы отличить от самого себя, от того, что емь я, мое сознание возвратится в абсолютную бессознательность, из которой оно когда-то вышло, и если то же самое произойдет со всеми моими собратьями в человечестве, то тогда весь наш род людской не что иное, как утомительная процессия призраков, бредущих из небытия в небытие, а гуманность – это самое бесчеловечное, что мы только знаем»⁷. Он же приводит пример своего знакомого, который продемонстрировал наиболее яркую жажду деятельности, почувствовав недомогание, которое, по его мнению, могло

2 Ялом И. Шопенгауэр как лекарство. – М.: Эксмо, 2016. – С. 10.

3 См. Там же. – С. 23.

4 Хайдеггер М. Бытие и время. – М.: Академический проект, 2015. – С. 35.

5 Шпенглер О. Закат Европы. – М.: Феникс, 1998. – С. 238.

6 Батай Ж. Радость перед лицом смерти // Коллеж социологии. – СПб.: Наука, 2004. – С. 481.

7 Унамуно М. де. О трагическом чувстве жизни. – М.: Символ, 1997. – С. 31.

бы привести к смерти. «Злые чары» смерти, по словам Унамуну, можно разрушить только путем прямого взора на неё, т.е. путём познания, что она такое, и путём размышлений о ней при жизни. Унамуну в своём труде рассматривает концепции философов различных эпох, которые пытались объяснить жизнь через смерть, и особенно критикует Ф. Ницше, сформулировавшего идею о вечном возвращении. Унамуну назвал его теорию отчаянной попыткой рационализировать то, что по сути своей рационализации не поддаётся. В самом деле, Ницше предположил, что число атомов, из которых состоит всё во Вселенной, ограничено, и поэтому их комбинация рано или поздно повторится, а это значит, что повторится то, что происходит в данный момент жизни. Поскольку комбинация может совпасть бесчисленное число раз, такого рода «возвращение» также может повторяться бесконечно. Вечность, таким образом, одновременно уходит и в прошлое, и в будущее, что, несомненно, должно являться утешением для человека: смерть, как таковая, не значит, что не будет возможности пережить всё то же самое ещё раз. Именно поэтому, критикуя Ницше, Унамуну говорит, что это – весьма слабое утешение, ведь память о прошлых прохождениях этого жизненного пути полностью стирается и есть лишь данный конкретный момент её проживания. Теорию вечного возвращения Унамуну справедливо назвал «голодом по бессмертию».

На сегодняшний день нельзя сказать, что человечество жизнерадостно. Безусловно, в сравнении с предыдущими эпохами человек сегодня гораздо ближе к возможному бессмертию. Медицина развивается, продолжительность жизни, ее уровень в развитых странах растет. Однако две мировые войны, открывшие XX столетие, не прошли бесследно. За период этих войн погибли миллионы человек – таких колоссальных потерь человечество не знало никогда. Именно это «подкосило» уверенность современного человека в завтрашнем дне и заставило обратить внимание на то, как он живёт здесь и сейчас, изменив общественное сознание в корне. Закончились две мировые войны, но человек, как и раньше, не чувствует себя защищенным от смерти и по-прежнему задумываться о ней. И, прежде всего, потому, что в современном мире бушует новая «чума» неинфекционного происхождения, и имя ей – мировой терроризм. Это – новейшее и уникальное явление, которое день ото дня напоминает человеку о возможности смерти в любой момент, в любую секунду. Никогда прежде близость смерти не осознавалась человеком настолько сильно. Безусловно, здесь играет свою роль распространение СМИ: если вдуматься, каждый день с экранов на современного человека льётся поток негативной информации и не бывает ни дня, чтобы не сообщалось о каких-либо жертвах или смертях. Только в наше время возможен такой феномен: человек, сидящий дома на тёплом уютном диване одновременно посредством телеэкрана, находится в самом сердце трагических событий (например, военных действий, терактов, крупных катастроф). Без СМИ такой «эффект присутствия» никак не был бы возможен: ранее люди узнавали о подобных событиях многим позже того, как они произошли, и в весьма искаженном виде. Сейчас же вся эта информация преподносится в режиме реального времени. Бодрийяр в своей книге «Общество потребления» говорит о том, что те же картины войны по телевизору нужны для того, чтобы телезритель расслабился (парадокс!) и почувствовал себя в безопасности. «На этом «живом» уровне потребление превращает максимальное исключение из мира (реального, социального, исторического) в максимальный знак безопасности. Оно достигает при этом счастья через недостаток, счастья, состоящего в рассасывании напряжений»⁸. На самом деле, он не хочет находиться в эпицентре трагических событий, он хочет безопасности и комфорта. Человеку неловко знать, что умирают другие люди. Возможно, какое-то время он даже чувствует себя виноватым. Но затем это чувство сменяется другим – спокойствием и даже удовлетворенностью тем, что его данное страшное событие не затронуло. Именно таким образом современный человек смотрит на жизнь через призму смерти.

Он настолько часто наблюдает её и слышит о ней, что смерть как феномен, по сути, становится безразличной ему, пока близость ее не затрагивает его или его близких. Известия о смерти в наше время стали настолько обыденным делом, что ценность жизни от этих известий не изменяется: все идет своим чередом, и человек рад, что не стал жертвой губительных обстоятельств и продолжает существовать. По большому счету, о жертвах несчастных случаев, терактов и катастроф забывают сравнительно быстро – уже через несколько дней обыватель не вспомнит и половины имён, которые беспрерывно звучали на экранах «по горячим следам». Это наталкивает на печальный, но закономерный вывод: современному миру, по большому счёту, всё равно, выживет данный конкретный человек или умрёт. Учитывая тот факт, что современный мир длительное время находится под угрозой ядерной войны, люди вынуждены жить с осознанием, что каждый миг не лично данного конкретного человека, а всего человечества, всей цивилизации со всеми её достижениями, может быть последним. С таким тяжелейшим осознанием не сталкивались люди ни одной из предыдущих исторических эпох. Поэтому в настоящее время можно говорить о том, что как бы человек ни гнал от себя мысли о смерти, он вынужден смотреть на жизнь через её призму. Максимум, что человек может, – это радоваться тому, что на сегодняшний день он жив и что смерть его не коснулась. О том, что будет завтра, ни один из нас знать не может.

Таким образом, на протяжении своей истории человечество относилось к смерти по-разному. В разных культурах и религиях её воспринимают как советчика, как врага или же, как просто состояние небытия. Тем не менее именно через призму смерти, на контрасте, отчётливее понимается жизнь в ту или иную эпоху. «Конечно, изучение смерти самой по себе не имело бы какой-либо ценности. Но смерть нужно изучать для того, чтобы жить. Ответить на вопрос, что такое жизнь, о том, как сделать ее более долгой, более полноценной, можно, лишь ответив на вопрос о том, что такое смерть, какова ее сущность, что нужно сделать, чтобы она не наступала, как можно дольше, оставалась «не у дел»⁹. Возможно, люди так никогда и не смогли бы определить, что для них значит жить, если бы не знали и не видели, что такое смерть.

Пристатейный библиографический список

1. Батай Ж. Радость перед лицом смерти // Коллеж социологии. - Спб.: Наука, 2004. – С. 474 – 484.
 2. Бодрийяр Ж. Общество потребления. – М.: Республика, Культурная революция, 2006. – 272 с.
 3. Минеев В. В., Нефедов В. П. Человек и его смерть. – Красноярск: Изд-во института физики, 1990. - 50 с.
 4. Унамуну М. де. О трагическом чувстве жизни. – М.: Символ, 1997. – 416 с.
 5. Фуко М. Рождение клиники. – М.: Академический проект, 2014. – 264 с.
 6. Хайдеггер М. Бытие и время. – М.: Академический проект, 2015. – 452 с.
 7. Хёйзинга Й. Осень Средневековья. – М.: Наука (букинистическое издание), 1988. – 544 с.
 8. Шпенглер О. Закат Европы. – М.: Феникс, 1998. – 640 с.
 9. Ялом И. Вглядываясь в солнце: жизнь без страха смерти. – М.: Эксмо, 2016. – 384 с.
 10. Ялом И. Шопенгауэр как лекарство. – М.: Эксмо, 2016. – 544 с.
- 8 Бодрийяр Ж. Общество потребления. – М.: Республика, Культурная революция, 2006. – С. 9.
- 9 Минеев В. В., Нефедов В. П. Человек и его смерть. – Красноярск: Изд-во института физики, 1990. – С. 28.

ХАРИТОНОВ Евгений Владимирович

аспирант факультета философии и социологии, Башкирский государственный университет

АБРАРОВ Ильнар Ильдарович

магистрант кафедры философии и политологии Башкирского государственного университета

ОБЩЕСТВО КАК ОРГАНИЗАЦИОННАЯ ФОРМА СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЛЮДЕЙ

В статье исследовано общество как организационная форма социокультурной деятельности людей. Человек, захваченный структурными точками роста творческих социальных проектов, устремлен сегодня к перспективе реализации своих сущностных сил как «ядерных» сил социальности. И человек, и общество лишь в том случае выступают как организационная социокультурная деятельность, когда оказываются охваченными процессом позиционирования в пространстве и во времени. При этом сами организационные формы общественной жизнедеятельности предполагают согласованность взаимодействий, причем как культурных, так и духовных. Общество как организационная форма в настоящее время выступает в контексте синергетических программ, которые активизируют сущностные силы общественного объекта, что, разумеется, выступает сущностной методологией исследования самого человека.

Ключевые слова: общество как организационная форма социокультурной деятельности людей, структурные точки роста творческих проектов, перспектива реализации сущностных сил, синергетика, методология исследования человека.

KHARITONOV Evgeniy Vladimirovich

postgraduate student of the Faculty of Philosophy and Sociology of the Bashkir State University

ABRAROV Ilnar Ildarovich

magister student of Philosophy and political science sub-faculty of the Bashkir State University

SOCIETY AS ORGANIZATIONAL FORM OF SOCIAL AND CULTURAL ACTIVITIES OF PEOPLE

The article studies society as an organizational form of socio-cultural activity of people. Man, captured by the structural points of growth of creative social projects, today is focused on the prospect of realization of his essential forces as "nuclear" forces of sociality. Both man and society only act as an organizational socio-cultural activity, when they are covered by the process of positioning in space and in time. At the same time, the organizational forms of social activity themselves assume consistency of interactions, both cultural and spiritual. Society, as an organizational form, currently acts in the context of synergetic programs that activate the essential forces of the public object, which, of course, is the essential methodology of human research.

Keywords: society as an organizational form of socio-cultural activity of people, structural points of growth of creative projects, the prospect of realization of essential forces, synergetics, methodology of human research.

Харитонов Е. В.

Аббаров И. И.

Современное общество как продукт взаимодействия людей, необходимо помыслить в плане реализации социальных проектов самой деятельности человека.

В этом плане важнейшей доминантой развития самой социальной философии выступает установление норм общественной жизни. Следует, прежде всего, анализировать социальные проблемы не только в контексте категориальных рядов социальной философии, имеющей своим предметом взаимодействие человека и общества, но и само общество как организационную форму социокультурной деятельности людей и, в этом плане, сопряженность дисциплин (антропологии, культурологии, теоретической социологии).

Общество, как организационная форма деятельности людей, связано с реализацией творческих проектов социальной и образовательной коммуникации. Но теоретическое исследование современного общества связано с духом критики метафизического мышления и с разложением западного рационализма. Организационные формы общества связаны, на наш взгляд, с преодолением темпериализированной философии,

которая всегда стремилась выйти на уровень мировоззренческих генерализаций первоистоков социального бытия. В этом же контексте можно провести и саму мысль об устранении различия между философией и литературой. Философия должна, на наш взгляд, оставаться любовью к мудрости, отличаться высоким уровнем теоретической рефлексии, исследовать апории духа и власти, выявлять источники борьбы коммуникативного разума «против разума субъект – центрированного»¹.

Трудно достать, а тем более осмыслить эти истоки бытия, изначальные культурные смыслы. Слишком эластичной подвижной является сама структура социального времени. Само восприятие социального времени не совпадает с представлениями о времени. Люди думают, что попадают в то или иное время, но на самом деле описывают лишь свои представления о нем. В результате организационная форма общества посте-

1 Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. Двенадцать лекций / Юрген Хабермас., Пер. с нем. – 2-е изд. испр. – М.: «Весь Мир», 2003. – С. 305, 415.

ленно разрушается, и мы имеем лишь пустое и наполненное событиями время.

Общество как организационная форма деятельности людей, зачастую выступает как система творческих проектов, лишенных этико-гуманитарного сопровождения. Творческий проект предполагает разработку исследовательских программ и реализации принципа самоорганизации и изучения организационных форм социокультурной деятельности людей в социальном контексте.

Речь, видимо, идет о согласованности духовных и культурных взаимодействий, о принципах открытости к сотрудничеству, о построении перспективы, о позиционировании в пространстве-времени, о согласованности взаимодействия между людьми.

Творческие проекты вовсе не связаны с тем, что участники социокультурной деятельности могут продвигаться в одном, каком-то одном направлении. Ни один из социальных субъектов не ограничивается в своем самопроявлении. «Подобная «разносильность» является допустимой, - пишет Е. И. Ярославцева, а в некоторых случаях и оптимальной для создания активно развивающейся среды»².

Общество, как организационная форма социокультурной деятельности людей, отличается сетевым «встречным» взаимодействием. Чем активнее поведение человека, тем выше сама интерактивность. Любые отношения вполне могут преобразоваться в творчески активные отношения или, напротив, угасать, выпадать из интерактивной сети.

Человек сегодня представляет собой самовозрастающий ресурс, причем, ресурс творческий. Он выстраивает свои отношения и с социумом в контекстах существующего социокультурного опыта. Повышение интенсивности работы восстанавливает личный творческий ресурс человека и нередко заставляет многих людей вести себя осторожно. Общество блокирует свое развитие, если оно требует очень больших ресурсов. Стремительность социального развития, зачастую, оборачивается рисками развития и снижением духовной составляющей организации, когда данная организация понижает барьер трудностей в освоении новых технологий.

Общество, как организационная форма повышения информационно-компьютерной интенсивности, нуждается в сбалансированной креативности восстановительных взаимодействий при работе с информационно-компьютерными связями.

Нам думается, что позиционирование в пространстве и во времени стремительным образом расширяет новую социокультурную среду. В данном отношении актуальным является повышение коммуникативных возможностей интерактивных технологий.

Усиление интерактивной компоненты созидает, практически, новое социальное пространство-время новыми творческими возможностями. Но сам процесс исследования философско-методологических аспектов процесса формирования самоорганизующихся систем, выставляет все новые и новые требования к пониманию самого общества как организационной формы социокультурной деятельности людей.

При этом, сами организационные формы общественной деятельности предполагают согласованность взаимодействий, причем, как культурных, так и духовных. Сам М. Хайдеггер стремительно бежит от этого парадокса; он поднимается на «светлые» вершины эзотерического дискурса, дискурса, который отказывается от ограничений. Хайдеггеру защитой служит «неопределенность». Он использует метафизические по-

нятия как «некую» лестницу, которую он отбросил, как только поднялся по ступенькам духа.

Общество, как организационная форма социокультурной деятельности людей, часто сопряжено с молчаливым содержанием «мистика». Но мистическое зачастую пытается выскокить за границы «самокритики» разума и стать организационной формой непрямого общения.

Конечно, мы блуждаем в сфере дискурсивности и все же только настойчивая направленная против себя «мощь», а также сама сила бездонной рефлексии, постепенно устанавливает связь свободного от принуждения интуитивного знания, которое зачастую оказывается связанным с утопией давно позабытого знания, принадлежность к весьма отдаленному прошлому³.

Общество, которое выступает как организационная форма социокультурной деятельности, оказывается связанной с дискурсивным мышлением, которое невозможно идентифицировать как форму распада социума. Отсюда, мы можем заключить, что философия разума как бы «всасывает» последние остатки парадоксального доверия к разуму.

Общество, как организационная форма социокультурной деятельности людей, оказывается связанным с критикой первоисточников существования людей. Этот поиск есть всегда нечто оригинальное и первичное, в чем-то схожее с духом фанатизма, с которым оказывается связанным сам поиск всего производного, поиск подражаний, всего «вторичного».

Но общество никогда не связано с нарушением каких-то застывших иерархий основных понятий, с ниспровержением взаимосвязей и отношений господства и главенства. Общество, как организационная форма социокультурной деятельности людей, связано с тем вопросом, а насколько вообще, «содержательны понятия свободы выбора, свободы и ответственности для современного человека, императивность которых вступает в противоречие с требованием обоснованности каждого из них?»⁴.

Итак, общество, как организационная форма социокультурной деятельности, в настоящее время выступает в контексте синергетических программ развития, которые активизируют существенные силы социального субъекта, что выступает существенной методологической предпосылкой исследования самого человека, его существенных сил.

Пристатейный библиографический список

1. Иванова Е. В., Фархитдинова О. М. Человек подмененный. Монография. – Екатеринбург, 2016
2. Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. Двенадцать лекций / Юрген Хабермас., Пер. с нем. – 2-е изд. испр. – М.: Издательство «Весь Мир», 2003. – С. 305, 415.
3. Ярославцева, Елена Ивановна. Человек в современной сетевой парадигме [Текст]: [опыт синергетического подхода : монография] / Елена Ярославцева; Российская акад. наук, Ин-т философии. - Москва : Канон +, 2011. - 351 с.
4. Schnädelbach H. Dialektik als Vernunftkritik // Friedeburg L.V., Habermas J. (Hg.)/ Adorno-Konferenz. 1983. Ftm., 1983. S.66ff.

3 Schnädelbach H. Dialektik als Vernunftkritik // Friedeburg L.V., Habermas J. (Hg.)/ Adorno-Konferenz. 1983. Ftm., 1983. S. 66ff.

4 Иванова Е. В., Фархитдинова О. М. Человек подмененный. Монография. – Екатеринбург, 2016. – С. 8.

2 Ярославцева Е. Человек в современной сетевой парадигме: монография. – М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2011. – С. 223.

ГАЗИЗОВ Раиль Робертович

кандидат технических наук, доцент кафедры криминалистики Института права Башкирского государственного университета

ПРАВОВЫЕ И ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ ДОМИНАНТЫ СОЦИАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА-ВРЕМЕНИ

Правовые и интеллектуальные доминанты социального пространства-времени проявляются в творческом бытии. Право всегда отличается возможностью ограничить свободу человека, а тем самым иное бытие, как бытие отчуждённого от человека социума. Сегодня сам социальный мир оказался бы закрытым для человека, как если бы творческие состояния постоянно бы вынуждались к статике «вечно-вчерашнего» события, к неизменному повторению мира, который не готов к воспроизводству самой социальной материи мира.

Автор исследует в данном отношении дух коммуникации как форму предпонимания событий и людей. В связи с этим встает и вопрос о холистическом понимании современного динамичного мира, причем, в тесном контексте философско-методологических потенциалов, возможностей синергетики. Сам интерактивный «топос» самореализации человека имеет отношение к социальному балансу сил. В данном отношении интерактивное целое, в котором человек пребывает «здесь» и «теперь», приобретает исключительное значение в сложном современном социуме.

Социальное пространство и время, рассмотренные с точки зрения коммуникативного действия человека, воспроизводят почти целиком весь жизненный мир; при этом, хотя и требуется теоретически конституированная перспектива, тем не менее, социальное пространство и время затрагивают структуры жизненной сферы человека вообще, а не отнюдь определенные жизненные сферы в их конкретно-культурном и историческом выражении.

Автор обосновывает ту мысль, согласно которой правовой субъект способен путем анализа отойти от гипостазирования и иллюзорных представлений о самом себе, причем только благодаря рефлексивному опыту. Освобождающая сила социального пространства и времени направлена в конечном счете против отдельных иллюзий, связанных с умалением роли права в жизни людей.

Ключевые слова: социальное бытие, синергетика, интерактивный «топос», социальное пространство и время, коммуникативное действие.

GAZIZOV Rail Robertovich

Ph.D. in technical sciences, associate professor of Criminalistics sub-faculty of the Law Institute of the Bashkir State University

LEGAL AND INTELLECTUAL DOMINANTS OF SOCIAL SPACE-TIME

The legal and intellectual dominants of social space-time are manifested in creative existence. The right is always distinguished by the possibility to limit the freedom of a person, and thus other being, as being alienated from human society. Today, the social world itself would be closed to the individual, as if creative States were constantly forced to the statics of the "eternal-yesterday" event, to the constant repetition of the world, which is not ready to reproduce the very social matter of the world.

The author explores in this respect the spirit of communication as a form of preconceptions of events and people. In this regard, the question arises of a holistic understanding of the modern dynamic world, and, in the close context of philosophical and methodological potentials, the possibilities of synergetics. Himself interactive "topos" of human self-realization is related to the social balance of forces. In this respect, the interactive whole, in which a person resides "here" and "now", acquire exceptional importance in the complex modern society.

Social space and time, considered from the point of view of communicative human actions, reproduce almost entirely the life-world; at the same time, though, and requires a theoretically constituted perspective, however, social space and time affect the structure of the life of man in General, not necessarily specific spheres of life in their particular cultural and historical terms.

The author substantiates the idea that a legal entity is able to move away from hypostasis and illusory ideas about itself through analysis, and only through reflexive experience. The liberating power of social space and time is ultimately directed against certain illusions related to the diminution of the role of law in people's lives.

Keywords: social being, synergetics, interactive topos, social space and time, communicative action.

Газизов Р. Р.

Правовые и интеллектуальные доминанты социального пространства-времени, строго говоря, связаны со сферой «возможного» в его столкновении с творческим бытием. Человек, находясь в информационном пространстве-времени, зависит от прошлого и его тенденций, которые не исключают для себя будущего, причем, находящегося в прошлом. Эти тенденции постоянно имеют перед собой нечто открытое, т.е. ещё не ставшее бытием. В силу этого, то, что детерминировано, оказывалось подчинённым судьбе. Эта подчинённость, как известно,

не наблюдается в длительной перспективе, а требует фактической самореализации.

Целью настоящей работы выступает исследование правовых и интеллектуальных доминант социального пространства-времени.

Новизна развиваемого здесь подхода определяется поиском правовых доминант становления социального пространства-времени. В данном отношении автором получены следующие результаты, подлежащие обоснованию. Во-первых,

право, как субстанциальная форма духовной жизни, приоткрывает возможность более детального исследования социального пространства-времени. Во-вторых, право создает форму предпонимания событий и людей, а тем самым обеспечивает сам интерактивный «топос» самореализации человека.

Право, правовой информационный капитал отличается возможностью быть иначе; ведь, сам социальный информационный мир как бы закрыт впереди, его тотальное доминирование вынуждает нас к исследованию статике «вечно-вчерашнего», к неизменному повторению¹.

Мир правовых реалий зачастую выступает как бытие отчужденного от человека социума. Социальный мир оказался как бы закрытым для человека. Творческие состояния постоянно вынуждают сегодня к статике «вечно-вчерашнего» события. Они вынуждают к неизменному повторению мира, который готов к воспроизводству социальной картины и материи мира.

Правовая и интеллектуальная доминанта социального пространства-времени связаны с идеей вероятного понимания современного динамического и сложного мира. Такое мышление сочетается с креативной деятельностью, в которой познавательные способности выполняют коммуникативную функцию и которая кристаллизуется в феноменах предпонимания, понимания и взаимопонимания людей.

Правовая и интеллектуальная доминанты социального пространства-времени связаны с формированием самого инструмента «миропонимания»².

Мировоззрение есть не только мирозерцание; речь идет еще и о вмешательстве в сам мир. Философия должна, видимо с помощью информации воздействовать на мир и на человека. Это основа практики человека. Сама же практическая жизнь выражается как в физической, так и в ментальной деятельности, где как раз выстраивается взаимоотношение человека с миром. При этом ключевым всё же выступает такое понимание, где сама коммуникация выступает в качестве инструмента не только освоения, но и понимания мировых соотношений.

Инструменты коммуникации возникали и существовали в самом социуме постоянно. Но их освоение всё же происходило на фоне информационно-рационалистических отношений человека с миром. Человек, обладая информационным капиталом, всегда отличался своим устойчивым желанием определить свой будущий и справедливый мир.

При этом человек в информационном мире размышлял о своей динамической целостности. Но необходимо ещё заметить, что непосредственное практическое действие человека порождается посредством системы обратной связи во всём богатстве пространственно-временных отношений и многомерности системы кооперативных соотношений³.

Заметим, что в настоящее время мы вступаем в сложную нелинейную реальность. Перед человеком встаёт вопрос о понимании сложного и динамично развивающегося мира. Этот мир оказывается связанным с потенциалами, силами, возможностями синергетики. При этом сам интерактивный «топос» самореализации человека, его сущностных сил имеет непосредственное отношение к балансу творческих сил человека и общества. В данном отношении интерактивное целое, в котором обитает, существует человек, есть практически «здесь» и «сейчас». Последние приобретают исключительное значение особенно в эпоху, когда сущность самого человека оторвалась от его существования, а сами коммуникативные отношения предстали как бедные в содержательном плане.

Человек уже перестает выступать как некий механизм самообнаружения самореализации. Сама пластика межчело-

веческих отношений, сама эластичная структура социального пространства-времени оказались сегодня нарушенными. Человека уже не устраивает само социальное время; ему необходимо нечто большее, чем изменение ритма и темпа самой исторической и социальной, культурной жизни.

Современный динамично развивающийся мир требует новой, более высокой пластики исследований, которые не нарушали бы естественность наблюдаемых состояний. Синергетические методы, в этом плане обладают более пластичными возможностями. Они позволяют выделить разные события в жизни социальной системы. Речь, конечно же, идет о «точках» бифуркации, пересечении событий, о точках опоры и роста. Это, видимо, относится и к пониманию новых ходов мысли, к способности их воспринимать, делать интересными для человека и социума.

Мир права, взятый сам по себе, еще не отвывается на мысль, на само творческое намерение человека. Человек своей духовной активностью обладает способностью выталкивать себя из мира, несмотря на то, что он, зачастую, полагает себя творцом, способным этот мир понять и изменить.

Но информационное, социальное пространство-время обладает пластичными возможностями, позволяя выделить правовые и интеллектуальные «срезы» социальной системы. Надо сказать, что, конечно, не существует никаких временных «форм в себе»⁴. Трудно вести речь о достойной дискуссии пространственно-временной метрики вне социальной жизни.

Когда социальное время становится чистым беспокойством, духовным беспокойством жизни, то оно и перестает выступать в отношении «инвариантной формальности» к своему постоянно изменяющемуся содержанию. Пространство-время становится эластичным и становится способом бытия материального движения социальных процессов в различных областях культуры.

Правовые и интеллектуальные доминанты социального пространства-времени могут, видимо, варьироваться в зависимости от особенностей самого предмета понимания правового времени и пространства. Правовой «срез» социального времени сопоставим с реальностью, отличающейся текучестью времени. Человек, обладающий информацией, часто говорит сегодня «наудачу»; вне его слова, при этом, не имеют логической формы, правовых правил и меры. Само право, видимо, означающее социально-метафизическую глубину явлений, существует в современном мире, порой, часто символически. Право, испытывая воздействие хаотических сил, изливаются в земной, социальной мир, так что интеллектуальная глубина вещей и процессов начинает искривляться в самом чувственном опыте людей.

Правовые и интеллектуальные доминанты социального пространства-времени, конечно, на наш взгляд, варьируется в живом социокультурном процессе, который, в конечном счете, направлен на преодоление социального хаоса. Да и само информационное, социальное время достигает развития, когда восприятие человеком собственных проблем и собственных уровней самоорганизации осуществляется посредством понимания «себя как динамической и целостной системы соотношений»⁵. Восприятие человеком информации постоянно заставляет повышать уровень сложности социального восприятия. При этом, сама фиксация внимания на самом себе продуктивна в тот именно момент, когда человек приостанавливает хаос постоянно расширяющегося развития, начинает озадачиваться перспективой своего творческого самосовершенствования.

Интеллектуальные доминанты социального пространства и времени должны учитывать ситуацию, когда человек, находящийся, в принципе, в правовом пространстве и времени, призван отыскать необходимые для духовного развития методы поддержки, причем, как в сфере образования, так и в сфере здоровья и здорового образа жизни. Это здоровье связано не только с физическим моментом, но

1 Блох Э. Тюбингенское введение в философию / Пер. с нем Т. Ю. Быстровой, С. Е. Вершинина, Д. И. Кришова. – Екатеринбург: Изд-во Урал. Ун-та, 1997. – 400 с.

2 Аршинов В. И. Синергетика как феномен постнеклассической науки. – М.: ИФ РАН, 1999.

3 Аршинов В. И. Указ. соч.

4 Блох Э. Указ. соч.

5 Ярославцева Е. Человек в современной сетевой парадигме: монография. – М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2011. – 352 с.

и с умением ограничить свою свободу, чтобы создать принципиально новые социальные отношения, где ни один человек, получающий информацию, не мог бы использовать ее во зло.

В этом плане, видимо, можно вести речь о гуманизации не только информации, о гуманизации самого права и способности человека мыслить, но и о гуманизации современной, социальной жизни. Гуманитарная культура, в этом плане, выступает предпосылкой формирования духовности. Эта культура, направленная против техницизма и технократизма, становится сегодня просто необходимой. Общечеловеческая культура гуманизирует при этом всю систему общественных отношений, способствует превращению самого человека в высшую ценность и цель социального, духовного развития.

Необходимо также заметить, что анализ интеллектуальной доминанты информационного, социального пространства-времени направляет нас на рассмотрение процесса гуманизации естественных и технических наук. Мы должны всегда помнить о том, что гуманизация образовательного процесса есть важнейшее средство становления самой гуманитарной культуры, способ преодоления у специалистов чисто технических, сциентистских установок.

Сегодня социальное пространство-время замыкается исключительно на техносфере. Но само техническое образование должно превращаться в образование, которое соотносилось бы с общечеловеческими ценностями. Само техническое знание должно быть призвано по своему существу оказывать культурно нагруженным, т.е. носить чисто инструментальный, логически-упорядоченный характер⁶.

Гуманистические идеи, в принципе, призваны охватить все общество в целом, материализоваться в общественной практике. Только тогда сама идея гуманного общества может стать реальностью.

Правовая доминанта социального пространства-времени (а в информации мы действительно наблюдаем некий пространственно-временной континуум, где время и пространство, взятые сами по себе, превращаются лишь в фикции, иллюзии), направлена на сохранение, постоянное воспроизводство диалога человека с человеком и человека с обществом, а также человека с природой. Это обстоятельство помогает осуществить нам постоянное углубление в социокультурное целое и обнаруживать инварианты ему присущие.

Когда человек оказывается в информационном пространстве-времени, то он, в основном, действует в границах мысленного эксперимента, который, видимо, и выступает неким инвариантом, соответствующим требованиям воспроизводства социального диалога.

Диалог увеличивает ценность малых свершений человека, чтобы большие деяния не обесчленили саму истину больших дел. Ведь, духовный недуг общества состоит в самом желании ограничить смысл и значение слов человека, позабыть символическую глубину самого общения, из которой как раз рождается правовая культура.

Правовая доминанта социального пространства-времени, в этом плане, направлена на раскрытие того обстоятельства, каким образом сама правовая реальность скрывается. Но, зачастую, эта реальность все же выражается в потоках информации, которые сегодня затопили современность.

Передача информации, например, в системе образования, порождает пространство новых проблем: проблема запоминания информации, проблема трансляции знания и т. д. Поэтому необходимо рассматривать информацию, в том числе и в информационно-капитальном измерении, как некое инвариантное расширение, построение соотношений, во время которого совершается воспроизводство индивидуального, культурного опыта, развитие новых функциональных органов в социальном онтогенезе индивидуальной, но, в то же время, общечеловеческой си-

стеме. Сам интерактивный «топос» самоопределения, самоорганизации человека имеет отношение к расширению креативного, творческого потенциала человека. Отсюда, сам человек должен понимать и предпринимать себя как творческого человека, как некое самоорганизующееся целое, а вовсе не как статичный предмет с весьма устойчивыми характеристиками.

Интеллектуальная сфера социального пространства-времени связана с выстраиванием как внешнего, так и внутреннего мира человека, который мыслится как область духовного бытия. Исследование правовой и интеллектуальной доминанты социального времени совершается в рамках синергетики, которая видимо, связана, в свою очередь, с формированием новой предметности. Эта «предметность», в свою очередь, продуктивна в ситуации изменения социально-онтологической перспективы мира, выхода человека на новые этапы формирования всечеловеческих ценностей, реализующихся в социальном пространстве-времени.

Строго говоря, правовой мир имеет сознание единого описания мира⁷. При этом необходимо созидать дружественную связь со стороны человека, коммуникацию. Вселенная будет раскрываться человеку со стороны оптимальных форм взаимодействия. Но в натурфилософии эта проблема связана с отсутствием человека. Правовая доминанта всегда мыслилась как проблема «отсутствующего человека». Дом человека устремлен в этом плане к правовому социальному пространству и времени. Дом необходимо приспособить для человека, а уже потом его туда заселить.

Правовая и интеллектуальная доминанты социального пространства-времени зависят от самой способности познания внешнего мира. Сам вопрос о возможности создания «единой картины мира» оказывается связанным с доктриной, с каким инструментом сам человек принимается за исследование.

Мы должны заметить, что человек и природа соприкасаются и реагируют друг на друга. Но при этом, рождается идея статуса «живости» объекта, который делает неудобными, непластичными многие мировоззренческие позиции.

«На мой взгляд, - пишет Е. Ярославцева, - на протяжении всего времени, пока возникал этот вопрос, исследователи всегда боролись с боязнью обвинения в необъективности, в придании человеку слишком высокого статуса»⁸. Сам человек, в принципе, в состоянии преодолевать традицию манипулирования социальным миром и, постепенно, перейти к иной коммуникативной модели, которая связана, в свою очередь с процессом выстраивания отношений через самого себя. Следует помнить, при этом, что взаимоотношения человека с миром могут найти свою оптимизацию через самого человека, которая выражается в практике управления социальными и природными процессами. Этическая наука, в этом плане, изначально стремилась к гуманитарной экспертизе всех социальных ситуаций, обращая к самому человеку проблемную сторону социальной жизни, связанную с ослаблением гуманитарной культуры.

Сегодня информационное пространство и время оказались ослабленными наступающим духом техницизма и технократического мышления. Однако единство времени и пространства делает саму информационную культуру чем-то особенным. Лишь социальное пространство-время есть подлинная предпосылка формирования антитехницистской и антитехнократической культуры.

Представители техницизма, как замечает И. М. Орешников, полагают, что «техника сама по себе чуть ли не автоматически изменяет общество, его социальную структуру, экологию, политику, общественные отношения, культуру, весь образ жизни»⁹. Отсюда задача людей состоит в том, чтобы не

7 Аршинов В. И. Указ. соч.

8 Ярославцева Е. Указ. соч.

9 Орешников И. М. Что такое гуманитарная культура? – Саранск: Изд-во Мордовского университета, 1992. – 150 с.

6 Долженков О. В., Шатуновский В. Л. Современные методы и технология обучения в техническом вузе. – М., 1990.

мешать самореализации разума, лежащего в основе процесса рационализации и духовного, интеллектуального обновления.

Правовая и интеллектуальная доминанты социального пространства-времени находят свое отражение в духе антитехнизма. Последний есть мировоззренческая позиция, отражающая негативное отношение к технике. Пространство и время в техницизме разорваны. В технизированном мире над самим человеком властвует рациональный дух, который время существования человека машинизирует, делает однополярным и строго детерминированным процессом, что означает дегуманизацию самого человека. Антитехнизм связан с антициентизмом, который оценивает науку как бездушное явление. В пространственно-временном плане антициентизм разрыхляет как социальное пространство, так и время существования человека. Анализ времени всегда интеллектуален, научен. Техника сопряжена с индустриальным, техноотронным и информационным обществом. Сегодня в связи с кризисом «формационной теории» формирования общества начали появляться работы, в которых идет обоснование прихода «информационного общества»¹⁰.

Технократическое мышление – особый вид метафизического, утилитарного и дегуманизованного мышления, который абсолютизирует образ машины, формально-логические схемы и их роль в социальной жизни. Технократ анализирует самого человека лишь как средство, фактор участника социального процесса; этот «участник» оказывается ориентированным на методы технической рациональности. Технократический дух явно преувеличивает значение технического разума для культурной и общественной жизни, игнорирует пространственно-временное своеобразие общественных явлений. Технократ крайне прогматичен, свободен от аксиологических, эстетических оценок.

Социальное пространство-время, если его продолжать рассматривать в правовом аспекте, оппозиционно всем формам чисто технической жизни. Это пространство оппозиционно технократическому духу, который реализует себя в абсолютизации самой роли материальных элементов производительных сил. Технократ связывает свою деятельность с «остаточным» принципом формирования гуманитарной сферы; он недооценивает творческий, нравственный потенциал человека, он, в конечном счете, преувеличивает роль командно-административных методов в самом социальном управлении.

Технократ «сжимает» социальное пространство и время поточно-конвейерной системы подготовки кадров, недооценивая роль и значение гуманитарной культуры. Деятельность технократа в информационном пространстве-времени сопровождается, в конечном счете, стандартизацией сознания, оборачивается гуманитарно-культурным дефицитом. «Технократическое, дегуманизованное мышление, – пишет И. М. Орешников, – которому чужды разум, мудрость, добро, красота, общечеловеческие ценности, представляет серьезную опасность для человечества»¹¹.

Рассмотрение социально-правовой и интеллектуальной доминанты социального пространства-времени актуализирует грядущие опасности противостояния культуры и цивилизации. Интеллектуальный «срез» при этом повышает значимость духовно-нравственной жизни. Ведь духовно-нравственное начало связано и с началом глубоко интеллектуальным. Пространство и время разрушаются, когда гуманитарная культура человека и общества погибают. В это же время техническая цивилизация шаг за шагом кристаллизует свой мир. Цивилизация в наши дни резко противостоит культуре, так что сам гуманизм оказывается весьма хрупкой вещью. Ведь он уже не поддерживается общим потоком жизни и «требует очень глубоких корней для своего существования»¹².

Современные люди, несмотря на расширяющийся комфорт жизни, утрачивают мотивацию, которая выступает ос-

новным экзистенциальным началом человека. Эта опасность постепенно приобретает экспоненциальный характер. В этом плане информационное пространство-время должны, на наш взгляд насыщаться культурными, гуманитарными смыслами. Сам по себе технический прогресс – «далеко не благо»¹³.

В современную нам эпоху актуализировались смысловые и ценностные проблемы. Мы можем в этом плане предложить лишь отказ от нескончаемой технизации общественных отношений, от бюрократизации социальной жизни. В настоящее время, в связи с этим, мы можем наблюдать поиск гармонизации человека с природой, процесс очеловечивания самого общения, общественных отношений.

Вместе с тем, сам отказ от существования предпосылок человека в объективном мире, приводит к объективной однобокости. Человека не ожидали, но он все же пришел. Современное знание, конечно, связано с принятием «этического норматива», человеческого отношения к другому. При этом мировоззренческий принцип, именуемый «золотым правилом нравственности», гласит, что мы должны относиться к другим людям так, как хотим, чтобы относились к нам¹⁴. Необходимо помнить о том, что если человек хочет «стать вровень с миром, прежде всего это надо сделать на ценностном уровне»¹⁵.

Однако правовые и интеллектуальные «срезы» информационного пространства и времени часто не воспринимаются как солидные. «И поэтому, пишет Ярославцева Е. И., – когда получается неблагоприятный результат, никто особенно не видит в этом феномен «обратной связи», межконтинуальную коммуникацию человека и мира»¹⁶. Люди стремятся, сообразуясь с миром правовых и интеллектуальных реалий, все же управлять, придерживаясь неких правил. Эти правила сопряжены с развитием гуманитарной культуры личности и общества.

Пристатейный библиографический список

1. Аршинов В. И. Синергетика как феномен постнеклассической науки. – М.: ИФ РАН, 1999.
2. Блох Э. Тюбингенское введение в философию / Пер. с нем Т. Ю. Быстровой, С. Е. Вершинина, Д. И. Криушова. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1997. – 400 с.
3. Гусейнов А. А. Золотое правило нравственности. – М.: Молодая Гвардия, 1979.
4. Гусейнов А. А. Социальная природа нравственности. – М.: МГУ, 1974.
5. Долженков О. В., Шатуновский В. Л. Современные методы и технология обучения в техническом вузе. – М., 1990.
6. Налимов В. В. Требования к измерению образа науки // Вестник Мордовского университета. Сер. 7. Философия. – 1991. – №5.
7. Орешников И. М. Что такое гуманитарная культура? Саранск: Изд-во Мордовского университета, 1992. – 150 с.
8. Урсул А. Д. На пути к информационно-экологическому обществу // Философские науки. – 1991. – № 5.
9. Федотов Г. П. О судьбе русской интеллигенции. – М., 1991.
10. Ярославцева Е. Человек в современной сетевой парадигме: монография. – М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2011. – 352 с.

13 Налимов В. В. Требования к измерению образа науки // Вестник Мордовского университета. Сер. 7. Философия. – 1991. – № 5.

14 Гусейнов А. А. Социальная природа нравственности. – М.: МГУ, 1974; Гусейнов А. А. Золотое правило нравственности. – М.: Молодая Гвардия, 1979.

15 Ярославцева Е. Указ. соч.

16 Ярославцева Е. Указ. соч.

10 Урсул А. Д. На пути к информационно-экологическому обществу // Философские науки. – 1991. – № 5.

11 Орешников И. М. Указ. соч.

12 Федотов Г. П. О судьбе русской интеллигенции. – М., 1991.

Уважаемые авторы! Редакция журнала готова принять к публикации ваши произведения (статьи, информационные сообщения, обзоры научных конференций, круглых столов, интервью, рецензии и т. п.) при соблюдении следующих требований:

ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ АВТОРАМИ

(разработаны в соответствии с Информационным сообщением Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки РФ от 14.10.2008 г. No 45.1-132)

1. К публикации принимаются только материалы, соответствующие профилю научного периодического издания, т. е. только материалы юридической тематики. Они должны быть актуальными, новыми, иметь научную и практическую значимость.
2. Статьи представляются в электронном виде (по электронной почте на адреса eurasianlaw@mail.ru, eurasianoffice@yandex.ru) либо в письменной форме в адрес редакции с приложением электронного варианта работы на дискете или компакт-диске.
3. Объем публикации — до 1 а. л. (40 000 знаков с пробелами). В случае представления материала, большего по объему, чем предусмотрено настоящим Порядком, редакция оставляет за собой право сократить его или вернуть автору для сокращения.
4. Шрифт основного текста работы — 11 pt шрифт Georgia через 1 интервал. Курсив, выделение, подчеркивания в основном тексте не допускаются. Формат документа: MS WORD 1997–2010 (.doc). Файлы, представляемые в редакцию, должны быть поименованы по фамилии автора (например: Иванов В. В.doc). Поля документа: верхнее — 2, нижнее — 2, левое — 2, правое — 1. Переносы проставляются автоматически. Все материалы представляются в одном файле.
5. На первой странице (над названием статьи) в левом верхнем углу указывается фамилия и инициалы автора (11 pt) полужирным шрифтом Georgia через 1 интервал. Название статьи печатается после ФИО автора 10 pt полужирным курсивным шрифтом Georgia через 1 интервал в левом верхнем углу. Страницы не нумеруются. Основной текст, текст сносок, текст аннотаций и ключевые слова выравниваются по ширине страницы.
6. После фамилии автора и названия статьи через один интервал необходимо поместить текст аннотации статьи на русском языке (не более 0,5 страницы текста, набранного через 1 интервал) и ключевые слова (3–10 слов) — шрифт Georgia 11 pt курсив. Затем через один интервал в левом верхнем углу следует указать фамилию и инициалы автора и название работы на английском языке (полужирный шрифт Georgia 11 pt через 1 интервал), далее — резюме и ключевые слова на английском языке (шрифт Georgia 11 pt, курсив).
7. Кавычки в тексте и в сносках проставляются в едином формате в следующем виде: « ».
8. Сноски и примечания помещаются постранично, со сквозной нумерацией и оформляются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5–2008, а в необходимых случаях согласно ГОСТ 7.1–2003 и практике ЕврАзЮж по оформлению сносок в неучтенных ими случаях. Шрифт сносок — 8 pt Georgia через 1 интервал. При оформлении сносок следует указывать фамилию и инициалы автора работы, ее название, год издания, номер страницы, иные сведения. Все библиографические элементы иностранных источников следует указывать на языке оригинала, по возможности избегая аббревиатур. При использовании электронных ресурсов сети Интернет следует указывать заголовок титульной страницы ресурса (<в угловых скобках>), полный адрес местонахождения ресурса и (в круглых скобках) дату последнего посещения веб-страницы.
9. После завершения статьи необходимо привести Пристатейный библиографический список, то есть список работ, цитировавшихся автором в представленном к публикации материале, шрифтом Georgia 10 pt.
10. Диаграммы, таблицы, рисунки должны прилагаться к статье в формате JPG (JPEG).
11. Все аббревиатуры и сокращения, за исключением заведомо общеизвестных, должны быть расшифрованы при первом употреблении в тексте.
12. В конце следует привести справку об авторе с указанием фамилии, имени, отчества, должности и места работы (учебы), ученой степени и (или) звания, а также контактную информацию, которую автор желает сообщить о себе. Эти сведения публикуются в журнале. В справке отдельно от вышеуказанных сведений также следует указать почтовый индекс, адрес, номер контактного телефона, адрес электронной почты. Эти сведения в журнале не публикуются и необходимы для связи сотрудников редакции с Вами.
13. Представляя текст работы для публикации в журнале, автор гарантирует правильность всех сведений о себе, от сутствие плагиата и других форм неправомерного заимствования в рукописи произведения, надлежащее оформление всех заимствований текста, таблиц, схем, иллюстраций.
14. В случае если статья (материал) одновременно направляется в другое издание либо была опубликована ранее, автор должен сообщить об этом в редакцию при представлении материала.
15. Убедительно рекомендуем авторам тщательно проверять перед отправкой в журнал общую орфографию материалов, правильность написания соответствующих юридических терминов и оформления текста работы и ссылок. Редакция настоятельно просит авторов проверять соответствие представленного материала настоящим Правилам, а также электронные файлы — на отсутствие вирусов.
16. Статьи в обязательном порядке рецензируются членами редакционного совета журнала в соответствии с профилем представленной работы и (или) привлеченными редакцией учеными или специалистами в соответствии с порядком рецензирования рукописей.
17. Редакция по электронной почте сообщает автору результаты рецензирования, по его просьбе отправляет текст рецензии, а в случае отрицательной рецензии на представленную работу возвращает ее текст автору. Отрицательная рецензия является основанием для отказа в публикации текста представленной работы.
18. Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается. Публикация аспирантов осуществляется в порядке очереди.
19. Гонорар за публикации не выплачивается (кроме случаев опубликования статьи, подготовленной по заказу редакции и в соответствии с заключенным договором). Автор получает один бесплатный экземпляр журнала при условии указания им своего адреса и просьбы о высылке экземпляра. В этом случае экземпляр будет направлен почтой.
20. Авторы передают редакции исключительное право на использование произведения следующими способами: воспроизведение статьи (право на воспроизведение); распространение экземпляров статьи любым способом (право на распространение); перевод статьи (право на перевод). Представление материала, поступившего в адрес редакции, является конклюдентным действием, направленным на возникновение соответствующих прав и обязанностей. Согласие автора на опубликование материала на указанных условиях, а также на размещение его в электронной версии журнала предполагается. Редакция оставляет за собой право размещать материалы и статьи журнала в электронных правовых системах и иных электронных базах данных. Автор может известить редакцию о своем несогласии с подобным использованием его материалов при представлении материала или не позднее даты подписания соответствующего номера в печать. Редакция оставляет за собой право вносить в текст незначительные изменения без согласования с автором.
21. В случае нарушения предъявляемых к оформлению требований материал может быть возвращен автору на доработку. Рукописи, направленные авторам на доработку, подлежат возврату в редакцию в рекомендованный срок. О внесенных изменениях автор должен сообщить в прилагаемом к рукописи письме. В случае несоблюдения автором предъявляемых требований редакция имеет право отклонить представленный автором материал с мотивированным объяснением причин такого отказа.